

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

11929

МОСКВИТАНИНЪ,

11929

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1852.

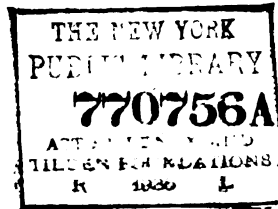
ТОМЪ ПЕРВЫЙ

МОСКВА.

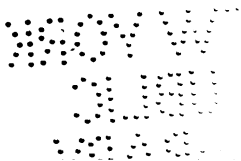
ВЪ ТИПОГРАФИИ СТЕПАНОВОЙ И В. ГОТЪЕ.

17

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 1 дня
1852 года.

Цензоръ *Д. Рожевскій.*

ИПОХОНДРИКЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

А. Писемскаго.

PERL, JAN 21 1935

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛИЧЪ ДУРНОПЕЧИНЪ, (инкогнито), 58 лѣтъ.

СОЛОМАНДА ПЛАТОНОВНА, тетка, 60 лѣтъ.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ ДУРНОПЕЧИНЪ, братъ Н. М. Дурнопечина въ 4-мъ колѣнѣ, 48 лѣтъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА БЕЛОГРИЗОВА, дана лѣтъ 80, дальняя родственница Н. М. Дурнопечина.

ВАНЮШКА, сынъ ея, 21 года.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА КОКОРЧИЦЪ, дѣвица 36 лѣтъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ КОКОРЧИЦЪ, братъ ея, 55 лѣтъ.

НИКИТА, слуга Дурнопечина, 40 лѣтъ.

СЕРГѢЙ, цирюльникъ, слуга Соломанды Платоновны.

ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ УѢЗДНОМЪ ГОРОДѢ.

УЧЕБНИКЪ
ДЛЯ
ВЪЗРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛѢНІЯ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I.

(Театръ представляет комнату въ родѣ кабинета, столъ съ различными вещами; мебель хорошая, на диванѣ разложено платье, на стулѣ виситъ большое вермяло и проч.)

ЯВЛЕНИЕ I.

ДУРНОПЕЧИНЪ (сидитъ одинъ передъ столомъ, въ ваточномъ капотѣ).

За чѣмъ это тетка меня выписывала сюда?... понять не могу. И какъ обманула жестоко: воздухъ здѣсь, писала, очень хорошъ. Нечего сказать—славный, что вотъ ни прѣхалъ сюда, все хуже и хуже. — Удивительное дѣло, какъ идетъ моя жизнь! Страхъ какой-то.... тоска.... скука.... (вздыхаетъ) а какъ другіе, посмотришь, прекрасно живутъ, веселые такіе.... смѣлые.... жизнью какъ-то умнѣють пользоваться, а ты вотъ сиди себѣ да думай; но это бы еще ничего, жилъ бы себѣ просто, такъ нѣтъ: безпрестанно насканиваешь на затруднительныя положенія, изъ которыхъ не знаешь какъ и выгнаться. Вотъ хоть бы взять съ моихъ отношеній къ Надеждѣ Ивановнѣ, чѣмъ я тутъ виноватъ, что я такое сдѣлалъ? мальчишкой бывши покуртизанилъ, а теперь вотъ и раздѣльвайся:— Руки, пишетъ, на себя наложу, если не женишься.... ну какой я женихъ? отдавая ей полную справедливость, все таки не могу.... Куда я годенъ? А съ другой стороны дѣвъ самомъ дѣлѣ подумаешь: что, если въ правду, руки на себя наложить? что тогда ляжетъ на совѣсть? пожалуй, и самъ не перенесешь,—особенно при моемъ здоровьѣ.... вонъ, опять начало давить подъ ложкою.... такъ.... пора.... конечно пора.... Охъ уже это мнѣ

утро! ужасное это время утро.... Вчера даже мало и ужиналъ, желудокъ бы долженъ быть хорошъ; — (*береть зеркало со стола и смотритъ языкъ*). Ну, такъ и есть, желтовать; съ красвъ-то ничего—красень, а въ срединѣ желтовать.

(*Входитъ Никита.*)

НИКИТА (*про себя*).

Опять ротъ пялить передъ зеркаломъ. (*Вслухъ*). Что на сегодня прикажете готовить?

ДУРНОПЕЧИНЬ (*обертывался*).

Что?

НИКИТА.

Что прикажете готовить обѣдать-то?

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Ну, братецъ, что-нибудь, какъ будто не знаешь....

НИКИТА.

Да я.... почему знаю. Теперь вотъ не говорите, а уже станете спрашивать: отъ чего того, да другаго нѣтъ?

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Что пустяки говоришь: ничего не стану спрашивать.

НИКИТА.

Ну, какъ хотите, я вамъ говорить. (*Хочетъ уйти*).

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Никита! а Никита! поди сюда, встань поближе, встань вотъ тутъ противъ меня!

НИКИТА (*подходя*).

Ну-съ?

ДУРНОПЕЧИНЬ (*глядя ему въ глаза*).

Скажи мнѣ, братецъ, — только, смотри, говори правду, не лги: чувствуешь ты чего-нибудь по утрам?

НИКИТА.

Какъ не чувствовать: на то живой человекъ, чтобъ чувствовать.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Что же ты чувствуешь?

НИКИТА.

Да что чувствовать-то?—все чувствую-сь.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

А, братецъ, какой ты безтолковой... я не про то тебя говорю.

НИКИТА.

Про что же вы говорите?

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Я тебя спрашиваю: не чувствуешь ли ты, по утрамъ, или послѣ обѣда—вечеромъ, такого непріятнаго ощущенія.... тяжести?

НИКИТА.

Нѣтъ-съ: этого, кажись, нечувствую.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Припомни-ко хорошенько.

НИКИТА.

Чего припоминать-то, право не чувствую-сь. Вонъ, грѣшнымъ дѣломъ, иногда съ похмѣлья, такъ болитъ голова по утрамъ.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Покрайней мѣрѣ не хочется-ли тебѣ, этакъ, вставши по утру, поскорѣе бы на воздухъ? или вотъ, напримѣръ, скажи мнѣ, братецъ: можешь ли ты сей-часъ поутру заниматься чѣмъ-нибудь, не чувствуешь ли ты этакой лѣни, тоски....

НИКИТА (*съ улыбкою махнувъ рукою*).

Не знаю, что вы такое говорите. — Наше известное дѣло: нехочешь, да дѣлаешь. — Вонъ за водой сходишь, сапоги вычистишь, самоваръ тоже велишь поставить поваренку, — не такая жизнь-то, какъ ваша: валяться некогда.

ДУРНОПЕЧИНЬ (*разсердясь*).

Что ты за околесную говоришь. Чортъ тебя знаетъ: о сапогахъ, да о самоварѣ мелешь. — Все не то говоришь, о чемъ тебя спрашиваютъ.

НИКИТА.

Что же мнѣ говорить-то? — вѣдь я не баринъ какой-нибудь ученой.

ДУРНОПЕЧИТЬ.

Ну ладно, ступай! (Никита ~~сбоится~~ уходит. Дурнопечиня, проведя по лбу рукою, поблѣднѣе и сконфуженнымъ голосомъ): Никита, постой... поди сюда.... у меня, братецъ, опять изнурительная испарина показалась.

НИКИТА.

Ничего нѣтъ, никакой совсѣмъ денарины не бывало.

ДУРНОПЕЧИТЬ (еще болѣе блѣднѣя).

Какъ нѣтъ? дай-ка сюда руку (береть у Никиты руку и водить по своему лбу). На лбу-то не чувствуешь? что, есть?... а? нѣтъ, спорщикъ этакой?

НИКИТА.

Ну, чтоже такое?—есть:—показалась маленькая...

ДУРНОПЕЧИТЬ.

То-то маленькая показалась; а у тебя такъ вотъ нѣтъ: ни тоски, ничего нѣтъ — видно, что здоровой человекъ.

НИКИТА.

Я почему знаю: можетъ быть и у меня есть.

ДУРНОПЕЧИТЬ.

Да, есть у тебя, только не то: лошадиное здоровье у тебя есть. Вотъ теперь у меня испарина, такъ слабость, а тутъ, смотришь, сухотка, да и карачунъ....

НИКИТА.

Вы, вѣдь, ужъ известно, давнишній трусъ: еще молоденькимъ были—прыщикъ, бывало, какой-нибудь вскочитъ: ой, Никита, умираю, боюсь погибъ, ой, ступай за докторомъ,—а что докторъ,—придетъ только, да разскажетъ: трусъ, говоритъ, Никита, твой баринъ.—вотъ что...

ДУРНОПЕЧИТЬ.

Ну, да, трусъ, хороше теперь прыщикъ:—весь позвонокъ стокъ поразитъ — хороше прыщикъ! Въ лечебникѣ именно сказано: начинается тоскою, апатією, потомъ изнурительный потъ, разслабленіе, худоба, и конецъ дѣлу. Господи, Боже мой, что мнѣ дѣлать? кто мнѣ поможетъ? (Вздыхаетъ.

схватываетъ себя за голову и начинаетъ ходить по комнатѣ). Доктора!... знаю я, какъ они лечатъ: или припадки замазываютъ, или гнутъ человека подъ систему свою. — Вотъ якъ правлю! знаю я, очень хорошо знаю.... я самъ всѣ лечебники выучилъ наизусть, такъ ужъ очень хорошо понимаю, какъ все это надежно. (Ложится на диванъ, закрываетъ лицо руками и начинаетъ дышать).

НИКИТА (подходя къ нему).

Николай Михайлычъ! а Николай Михайлычъ! что вы это такое, сударь, дѣлаете не стыдно ли вамъ?

ДУРНОПЕЧИНЪ (необращая на него вниманія).

Преступники, даже самый преступникъ — и тому остается надежда, Царь милостивъ! — Онъ, видя его раскаяніе, можетъ простить его; а у меня даже этого нѣтъ! Ой, тошно, тошно!...

НИКИТА (съ сердцемъ).

Ахъ ты Царь небесный! что это за баринъ такой, словно маленькой ребенокъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Дай воды! дай... только не холодной!

НИКИТА (подавая ему воды).

Хоть бы вы себя-то, Николай Михайлычъ, пожалели. — Отъ этого, сударь, безъ болѣзни болѣзнь приключится — ей Богу! накликаете на себя, Богъ знаетъ что, да и только.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Жадкой, братъ, я человекъ: не долго, кажется, осталось мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ!

НИКИТА.

Васъ вѣдь не урезонишь, а, какъ Богъ святъ, у васъ ничего нѣтъ, такъ только одна сумнительность, и больше ничего. Вотъ, провадился мнѣ на этомъ мѣстѣ, у меня у самого это бывало.

ДУРНОПЕЧИНЪ (немного успокоившись).

Бывало, я думаю, у тебя въ Іюль мѣсяцѣ, въ тридцать градусовъ тепла.

НИКИТА.

Нѣтъ, право, зимой бывало.... въ дорогѣ — вотъ когда бывало.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Что же послѣ?

НИКИТА.

Да что послѣ — ничего: квасу только ковша два выпьешь.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Долго ли у тебя это было?

НИКИТА.

Лѣтъ семь было, да и теперь еще есть.... а какъ я вотъ что вамъ скажу: какъ я въ Москвѣ, въ мальчикахъ въ горячкѣ лежалъ, такъ вотъ ужъ лежалъ: оглохъ совсѣмъ, ни руки, ни ноги не владали. Доктора говорили, что безпрѣмѣнно умру; а послѣ — черезъ недѣлю такъ началъ кашницу уписывать, только давай. Харчей-то исправныхъ не было, а то все, кажись, по моему бы съѣлъ.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Горячка! что такое горячка? — въ горячкѣ человекъ или выздоровѣетъ, или умретъ, — а у меня другое дѣло.

НИКИТА.

А у васъ и совсѣмъ ничего нѣтъ, — вотъ что у васъ! — такъ вы только, больно ужъ робки. — Лучше бы погулять, сударь, сходили: на базаръ народу видимо не видимо.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Мнѣ-бы самому хотѣлось; да не холодно ли?

НИКИТА.

Никакого совсѣмъ нѣтъ холода: лучше провѣтритесь.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Ну, хорошо! что же я надѣну?

НИКИТА.

Такъ ступайте! — пальто ваточное.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Нѣтъ, нельзя такъ: простудишься. — Дай хоть кашемиръ.

НИКИТА.

За чѣмъ кашемиръ: лучше простынете.

ДУРНОПЕЧИНА.

Какія ты глупости говоришь, — давай, когда велѣтъ, — весь въ испаринѣ, а ступай въ одномъ пальто. (*Никита даетъ кашемиръ, которымъ Дурнопечина стирательно обматываетъ шею, закладываетъ уши пенкою, и, надѣвъ теплую шапку и калоши, уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

НИКИТА (*одинъ, качая барину въ слѣдъ головою*).

Этакіе, подумаешь, господа-то прокураты, право! чего бы, кажись, имъ не житье: ѣшь, спи, да въ гости ѣзди — только и дѣла, такъ нѣтъ.... Вотъ, мое-то золото умирать собирается, да самъ и плачетъ; а, спроси, о чѣмъ, самъ вѣдь не знаетъ: словно какой-нибудь деревенскій, глупой мальчишко вый-детъ на улицу зимой босикомъ, да и реветъ, что ноженики озябли, а въ избу нейдетъ. — Еще грамотные, а право нашего брата—простаго человека глупѣе. — Каждое утро этакіе штуки откальваетъ. — Поди ты: чтѣ съ нимъ сдѣлаешь? (*Не-редразнивая Дурнопечина*): «Ой не могу ничего ѣсть, ой ничего не надо, и слышать, говорить, о пищѣ не могу»; а какъ проголодается, такъ всего давай: уписываетъ такъ, что за ушами трещить; а наѣстся, опять за тѣ же манеры. Удивительная вещь, — право! Болеень, говорили вонъ въ Москвѣ, въ какой-то апохондріи, — экая болѣзнь славная? — все на ногахъ, да ничто и не худѣетъ. Съ жиру бѣсится—вотъ что—да! кабы посадить на постныя щи, да заставить бы, какъ мужика, воза два дровъ перерубить, такъ бы все прошло. Разныкался, за чѣмъ вотъ потъ въ ваточномъ сюртукѣ прошибаетъ — экая беда случилась! Добро бы бѣдной какой-нибудь былъ, или этаконъ несостоятельной.... а то пять-сотъ душъ; деньги, не бойсь, болеень—болеень, а все въ шкатулку прятеть.

ЯВЛЕНИЕ III.

ТОТЪ ЖЕ, НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА И ВАНИЧКА.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (*растопыривая руки*).

Никитушка! другъ мой.... тебя ли я вижу? Еще Господь

Богъ привелъ съ вами встрѣтиться.... Поцѣлуемся, другъ мой! (хочетъ поцѣловать Никиту).

НИКИТА. (цѣлуя у нея руки).

Какъ возможно-съ, — пожимайте ручку.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ничего, ничего, мой другъ, лучше бы поцѣловались.... охъ, задохнулась, бѣжавши. Сейчасъ только узнала, что вы здѣсь: но гдѣ же дядюшка-то? — Дай мнѣ его, ненагляднаго, поскорѣе увидѣть.

НИКИТА.

Они гуляютъ ушли.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Какъ, гулять ушли!... разве онъ ходитъ еще? А вѣдь, мени напутали: сказали, что онъ ужасно боленъ.

НИКИТА.

Здоровье наше известно: каждый день все хвораемъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Слышала, слышала.... И ты-то, Никитушка, что-то похудѣлъ: точно лицо-то ободраное. — И ты-то ужъ не боленъ ли?

НИКИТА.

Нѣтъ-съ: я ничего, мы не господа, хворать не любимъ. (Ваничка, смотрящій первоначально на потолокъ, на стѣны, подошелъ потомъ къ боковому зеркалу и началъ оглядывать себя во всевозможныя положенія).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Что говорить — конечно: человекъ простой всегда бываетъ здоровѣе, но дядюшка-то.... Ахъ, Творецъ небесный! все это время я такъ будто бы предчувствовала: въ городѣ вхатъ не надобно, а хочется.... Ваничка тоже подымается; но у Алексея Яковлевича обыкновенный его проклятый темерой; онъ у меня въ это время пресердитой, прекапризной, а на лошадей такъ всегда ужасно скупъ, какъ вхатъ куда-нибудь, такъ и исторія, хоть до драки дѣлю. Ну, думаю: впрочемъ, ничего! встала сегодня еще въ четыре часа утра, дѣлала потихоньку задожикъ бричку; разбудила Ваничку, — поѣдемъ, — говорю, другъ.

мой, покуда папаша спитъ, — такъ въ пять часовъ и ука-
тись, онъ еще и не просыпался. Да ты узналъ-ли, Никитушка,
моего Ваничку-то? Посмотри, батъко, какой молодецъ выросъ!
Ваничка! Поди, другъ мой, познакомься! — это камердинеръ-
дяденьки. Что, Никитушка, вѣрно не узналъ?

НИКИТА.

Никакъ нѣтъ-съ: узналъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ну и хорошо... Славный ты, Никитушка, человекъ,
право! Вотъ я и своей прислугѣ все говорю: вотъ, говорю,
берите примѣръ съ дяденькинаго человека, вотъ служить,
такъ служить: съ малолѣтства никуда не отлучался отъ него. Ты,
кажется, еще молоденькимъ поступилъ къ нему?

НИКИТА.

Въ мальчижахъ только, въ Москвѣ, три года жилъ, а тутъ
все при немъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Знаю, знаю, Никитушка; радостный, можно сказать, ты
камердинеръ. — Вотъ хоть бы съ этого взять: до сихъ поръ
ты не женатъ, словно бобыль какой.

НИКИТА.

Нашему брату не приходится жениться.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Такъ, конечно такъ, да другіе-то, другъ мой, изъ нашей
братни такъ не разсуждаютъ. Вотъ хоть-бы у насъ — какъ
двадцать одинъ годъ минулъ, такъ и является — давай баринъ
невесту, хоть роди, да давай. Ой, что это я все не про то
говорю! Скажи-ко лучше мнѣ про дяденьку: что, трудно онъ
болѣлъ? я думаю, такъ только, черезъ силу таскалъ погнѣ Ва-
ничка! тебѣ, можетъ быть, трубки покурить хочется? Угости
его, Никитушка, трубочкой! у насъ богачей вѣрно ужъ есть
табакъ. — Онъ у меня презастѣнчивой: никогда самъ ничего
не попросить.

НИКИТА.

Ну этого добра у насъ нѣтъ и въ заводѣ нѣтъ: баринъ
ужъ съ полгода, какъ пересталъ курить — лекаря запретили.

ВАНИЧКА (съ важностью).

Что это, маменька, вы все просите? у меня свои кѣпирсы есть. (*Вынимаетъ изъ кармана дѣтъ самодѣльные папирсы*). Человѣкъ, дай мнѣ огня!

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ну, когда есть, такъ и прекрасно. Дай ему, Никитушка, огня, да Расскажи мнѣ что-нибудь про дядюшку!

НИКИТА (*подавая Ваничкѣ спички, который, закуривъ папиросу, разваливается на диванѣ*).

Что дяденька?.... слава Богу-ничего!

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Очень онъ слабъ?

НИКИТА.

Ничего-съ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

А блѣденъ этакъ и худъ?

НИКИТА.

И этаго ничего нѣтъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ударовъ съ нимъ не бывало ли? нынче все больше удары поражаютъ.

НИКИТА.

Какіе удары? такъ вотъ только робки они очень и сумнительны.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ты этого не говори, Никитушка! Эти параличи прескверная болѣзнь: въ началѣ ихъ и замѣтить трудно, а тутъ вдругъ однимъ разомъ и покончить. Сдѣлалъ ли онъ какое-нибудь по имѣнію-то своему распоряженіе? Вѣдь бездѣтной, Никитушка, самъ согласись. Вотъ хоть бы взять съ тебя: далъ ли онъ тебѣ вольную-то; обезпечилъ ли тебя?

НИКИТА.

А мнѣ за чѣмъ вольная? я и при господахъ живу.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Стало быть онъ ничего этакого, объ духовной, не думаль, завѣщанія еще никакого не писалъ.

НИКИТА.

А Богъ ихъ знаетъ: мое дѣло лакейское, со мной не ставь говорить.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Конечно, конечно, Никитушка; я только такъ спросила, потому что неравень часъ.... Эти вещи всегда надо дѣлать заблаговременно, а особливо при слабомъ здоровьи. Ваничка, не хочешь ли, другъ мой, чаю? Тридцать верстъ вѣдь проѣхали.—Угости, Никитушка, чайкомъ! у васъ, я думаю, не занимать стать этаго добра, да и хлѣбца бѣлаго вели подать: есть что-то хочется.

НИКИТА.

Извините-съ: я думаль, что вы кушали...

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Пить-то мы пили; ну да съ дороги обыкновенно горячаго хочется.

НИКИТА (*уходитъ*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА И ВАНИЧКА.

ВАНИЧКА.

Мы здѣсь долго, маменька, просидимъ? — Мнѣ къ Надеждѣ Ивановнѣ хочется.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ахъ, ты дурачекъ, дурачекъ этакой! балую я тебя очень: — не то бы мнѣ съ тобой надобно было дѣлать. Какой еще ты женихъ.

ВАНИЧКА.

Вотъ вы, маменька, и на попятный дворъ — это ужъ подло.... У ней сто дунѣ-съ. Я вамъ денегъ за это дамъ; мнѣ жениться на ней очень хочется. Она такая добрая, все со мной заговариваетъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Не пойдешь она, мнѣ кажется, за тебя, Ваничка! Конечно бы недурно, да молодъ ты еще очень.

ВАНИЧКА.

Нѣтъ, маменька, ничего, пойдешь! Я ей одну штучку скажу, такъ пойдешь.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ахъ, Боже мой, Боже мой! молодо, зелено, но все таки погодишь, другъ мой! теперь нельзя; надобно здѣсь побыть: здѣсь-то, душа моя, намъ большая польза можетъ быть. — Посмотри-ко, комната-та какая отличная... Вещи-то все какія богатые... поди-ка сюда взгляди: какое пальто безподобное. — Вотъ бы тебѣ такое, я думаю, чай въ пору будетъ.

ВАНИЧКА *(подходит и разсматривает пальто)*.

Да-съ, маменька, пальто важное; пуговицы, должно быть, московскія: здѣсь этикетъ совсѣмъ нѣтъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

У него все Московское: страшный вѣдь богачъ, больше имѣетъ капиталы. Надень-ка, примѣрай, другъ мой!

(Ваничка надеваетъ и охорашивается).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ахъ, какъ прелестно на тебѣ сидитъ, безподобно! Ну погоди, другъ мой, мы у него какъ-нибудь его выхажимъ.

ВАНИЧКА *(улыбается)*.

Не дасть, маменька, жалко будетъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ай, нѣтъ, не говори: онъ предобрѣйшій и преродственный всегда былъ, а теперь и подавно; куда ему бѣжать, говорить, не сегодня, а завтра ляжетъ въ могилу. *(Таинственнымъ голосомъ:)* Я даже думаю о духовной попросить: не сдѣлаетъ ли онъ духовной на наше семейство.

ВАНИЧКА *(слезами)*.

Ой маменька, какія, я вижу, вы ласкія! мадамъ папенька говоритъ, что вы бы на бѣдность ходить собираетесь: вы бы у мертвого выпросили.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Что же такое? это не воровство какое нибудь: женщина, не мужчина, чѣмъ ей промышлять для семейства? а папосъкъ твоему ужъ обыкновенно: чѣмъ бы нибудь только, да обидѣть меня (*подходя къ столу*). Ахъ, здѣсь-то, здѣсь-то, Ваничка, посмотри какія прелести (*беретъ папиросницу*). Это что еще такое? бумажникъ что ли?...

ВАНИЧКА.

Нѣтъ, маменька, это папиросница. Вотъ бы это мнѣ нужная штука.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Возьми.

ВАНИЧКА (*осмиплеваясь*).

Ай, нѣтъ, стыдно.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ничего, возьми, право возьми, я ему сама послѣ скажу. — Изъ кармана-то у тебя совѣстно ужъ будетъ взять (*суетъ ему въ карманъ*)

ВАНИЧКА.

Ну, маменька, смотрите, какъ онъ разсердился, да браниться начнетъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Вотъ пустяки: этакой благородной человекъ разсердится! — еще очень будетъ радъ, что, по родственному, безъ церемоніи, позастыжовались.

ВАНИЧКА.

Ну ладно, маменька, я все на васъ сворочу: прямо скажу, что это вы подтибрили.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ну, хорошо, говори на меня, что съ меня старухи взять (*осматривая комнату*). Чего бы у него еще попросить? право ужъ и не знаю, — развѣ вотъ шапку тебѣ бобровую. Помнишь, ты у меня еще все просилъ.

ВАНИЧКА.

Ну ужъ это дудки-съ — это вещь дорогая — рубль

пятьдесятъ стоитъ. (*Надвѣваетъ шапку, сворачиваетъ ее набекрень, и смотрится въ зеркало*) А вѣдь славно, маменька! точно какой Турка.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ И ДУРНОПЕЧИНЬ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (*всплеснувъ руками*).

Ахъ, дядюшка! (*бросается обнимать его*). Ваничка, обними дѣдушку! (*Ваничка, быстро снимая шапку, тоже обнимаетъ*).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Батюшка!... милой вы мой! красавецъ вы мой безцѣнный! Васъ ли я вижу, ненаглядный мой? Ваничка, поди, поцѣлуй у дѣдиньки ручку. (*Ваничка хочетъ поцѣловать, но Дурнопечинъ не даетъ, и едва приходитъ въ себя отъ объятій.*)

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Полноте.... ненадобно, мой милый! я васъ сначала и не узналъ. (*Выходитъ на авансцену и задумывается*).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (*слѣдуя за нимъ*).

Мудрено ли, кровный мой! Десять лѣтъ, вѣдь, не видались! Да вы садьте, голубчикъ мой! посмотрите, какъ вы слабы — на себя непохожи! .....

ДУРНОПЕЧИНЬ (*съ безпокойствомъ*).

А что?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ужасно перемѣнились.....дядюшка! позвольте мнѣ Ваничку моего представить — старшій сынъ мой, дядюшка!

ВАНИЧКА.

Я васъ, дѣдушка, вовсе не такимъ воображалъ.

ДУРНОПЕЧИНЬ (*погруженный самъ въ себя*).

А какимъ-же?

ВАНИЧКА.

Да я думалъ, что вы съ усами-съ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (*перебивая*).

Онъ, по нашимъ-то словамъ, дядюшка, воображалъ васъ такимъ молодцомъ, какъ прежде вы были.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Стало быть я очень перебылся?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ахъ, дядюшка, узнать нельзя. — Вотъ какъ бы, кажется, на дорогъ встрѣтились, да наплевали въ глаза, такъ и тутъ бы не признала.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*грустнымъ голосомъ*).

Все боленъ, Настасья Кириловна!

ВАНИЧКА.

Вы бы, дѣдушка, верхомъ катались. Вонъ у папеньки только отъ этого и проходить.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (*перебивая*).

Что это, Ванчикъ, ты про папеньку говоришь. У него ужъ болѣзнь известная, отъ которой моціономъ лечатся. А дядюшка вотъ, какъ я вижу, такъ весь разстроенъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*начая съ грустью говорить*).

Именно весь разстроилъ. Не объ леченьѣ надобно думать, а о другомъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (*тоже грустно*).

Что это, дядюшка.... Конечно болѣзнь, видно, большая, однако, мой безцѣнный, почему же и не попользоваться: вотъ бы вы попробовали каждое утро огуречной разсолъ пить или мозжушный квасъ: одна моя знакомая такъ отъ водяной этимъ вылечилась, да и водяная-то съ ней отъ пьянства приключилась; доктора сказали, что просто неизлечима.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Пить, мой другъ, что огуречный разсолъ, что мозжушной квасъ — все это пустяки!..

ВАНИЧКА.

Вы, должно быть, дѣдушка, въ самомъ дѣлѣ этой болѣзней. — Вы только про болѣзнь и говорите.

ДУРНОПЕЧИНЪ,

Что дѣлать, братецъ, не удивляйся! можетъ быть и самъ

будешь такой же хилой, какъ я..... Здорова ли семья твоя, Настасья Кириловна?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ой, что это вы, дяденька, беспокоитесь ли вспоминаете объ этакихъ пустякахъ! Лучше про себя-то, отецъ мой, расскажите: что такое съ вами?

ДУРНОПЕЧИНЬ (съ горькой улыбкой).

Что такое со мной?... видишь, ничего.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Да вы ужъ очень, дяденька, въ отчаяніе-то приходите. Ну что же дѣлать, если болѣзнь, можетъ быть, даже и опасна, покрайней мѣрѣ добрыя дѣла старайтесь дѣлать: это, дяденька, лучше всякихъ лекарей помогаетъ. Вотъ, на примѣръ: изволили вы прѣхать сюда, — не забудьте-ко вашихъ родныхъ, которые насъ любятъ и уважаютъ, такъ поверьте, что сей-часъ все пройдетъ. (*переминаясь*) Вотъ бы я, дяденька, жъ вамъ съ пребольшой моей прозбицей: знаете, я думаю, отецъ мой, наше состояніе: семейство большое, а воспитывать не чѣмъ. Ваничку теперь, по несчастію, выключили изъ гимназін, за непонятіе въ наукахъ; надобно бы въ службу опредѣлится, а одѣтъ не на что. — Вотъ нынче пальты всѣ носятъ, а у него ничего нѣтъ! не пожалуете ли ему, отецъ мой, вонъ это сѣрое пальтичко? увасъ оно, я думаю, валяется, а онъ бы въ немъ по праздникамъ нащеголялся. Ваничка, другъ мой, попроси дѣдушку, что это какой ты застынчивой!

ВАНИЧКА (*сконфузившись и улыбался*).

Дѣдушка!.....

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Развѣ оно тебѣ нравится?

ВАНИЧКА.

Нравится дѣдушка!

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Возми!... (*Настасья Кириловна и Ваничка лезутъ у Дурнопечина руки, чтобы поцѣловать*).

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ну полноте, полноте.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Вы, дядюшка... .. вотъ бы..... Господи Боже мой, и говорить-то не смѣю!... Презентуйте ему, отецъ мой, еще шапочку. Стыдно сказать, а головы прикрыть не чѣмъ....

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Какую это?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Да вонъ бобровую-то, дяденька! — она у васъ ужъ и поистерта....

ДУРНОПЕЧИНЪ (съ улыбкой).

Возмите, пожалуй!

(Настасья Кириловна и Ванюшка бросаются обнимать Дурнопечина).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (своими слезъ).

Одинъ только Богъ васъ можетъ наградить, что не оставяете сиротъ. Ванюшка! надѣнь же всѣ подарки и покажись дѣдушкѣ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, послѣ.... я носѣ на него посмотрю. Мнѣ есть что-то хочется.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Покушайте, благодѣтель мой! чтó это, я вижу, вы и аппетита ничего не имѣете.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Все худо, Настасья Кириловна.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Вижу, — дядюшка, — все очень хорошо вижу, но что же, родной мой, дѣлать. Ну, когда Богъ послалъ на васъ такое испытаніе, думайте, по крайнѣй мѣрѣ, о добрыхъ дѣлахъ.

(Дурнопечинъ ничего не отвѣчаетъ, но склоняетъ голову на руки, и задумывается).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Господи 'Боже мой! легче бы кажется.... глаза мои не видели этого человека. Вы, дяденька, по крайней мере, вспомните, что есть старики, которые, что называется, доживаютъ послѣднія минуты, и тѣ.... ну, обыкновенно, думаютъ, какъ бы заблаговременно, распорядиться, чтобы память ихъ могли помянуть настоящимъ образомъ.... я вотъ только говорить вамъ не смѣю.... ну да впрочемъ кого любишь, такъ говорить можно прямо: человекъ вы холостой — одинокой, подумали ли вы, отецъ мой, о духовной-то? этого дѣла всякому человеку никогда откладывать не слѣдуетъ.

ДУРНОПЕЧНИГЪ (*съ горькою улыбкой*).

Такъ ты думаешь, что мнѣ пора думать о духовной?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Я, дяденька, не къ этому говорю. Конечно вамъ еще не послѣдній пришелъ конецъ, но, вѣдь, отецъ мой, такое важное дѣло надобно дѣлать, ахъ, въ какомъ здоровомъ разсудкѣ!

ДУРНОПЕЧНИГЪ.

Въ здоровомъ разсудкѣ!... да, конечно.... а у меня ужъ его скоро совсѣмъ не будетъ. (*Вздыхая*) Спасибо хоть правду говоришь.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Всегда говорю, дяденька, правду, такой ужъ глупой характеръ! сколько я за эту правду страдала: только что не били меня за мою справедливость. Вотъ хоть бы и про себя — не могу предъ вами скрыть: бѣдность, дяденька, со всѣмъ меня погубила. — Алексѣй Яковлевичъ ничего не даетъ мнѣ на семейство: чайку, дяденька, по три мѣсяца въ глаза не видимъ, только въ гостяхъ гдѣ-нибудь и полакомимся, а дома, не повѣрите, все сидимъ на простыхъ щахъ. — Не осчастливите ли, благодѣтель мой, — не пожалуете ли чего-нибудь по дарственной или хоть по духовной! человекъ вы холостой!... у васъ все прахомъ пройдетъ. Ваничка, что это ты сидишь! умоляя дѣдушку облагодѣтельствовать тебя!

(*Ваничка встаетъ*).

ДУРНОПЕЧИНЪ (*сидѣвши въ задумчивости, встаетъ*).

Ну, хорошо, ладно.... ступайте туда въ гостиную. — Я усталъ. — Поди, Настасья Кириловна, возьми и сына.... ступайте.... я сдѣлаю, только подите отсюда.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Дядюшка! да вы' не осердились ли?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ. Подите.... послѣ.... (*Отходитъ и ложится на диванъ. Молчаніе. Настасья Кириловна смотритъ съ испугомъ и удивленіемъ на Дурнопечина*).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Пойдемъ, Ваничка!

ВАНИЧКА.

Пойдемте, маменька! Дѣдушка, вѣрно, соснуть хочетъ?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ну да, ступайте!

(*Настасья Кириловна и Ваничка уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*всплеснувъ руками*).

Господи, Боже мой, все ужъ теперь кончено! Всѣ это знаютъ! всѣ это видятъ, а я — глупецъ: думалъ еще жить, думалъ жениться, послужилъ бы даже, а вотъ теперь, женись и служи....ничего, ничего.....я спокоенъ, я вотъ теперь пообѣдаю, а тутъ спать лягу, а тутъ и умру.... (*Уходитъ въ отчаяніи*).

СЦЕНА II.

ЗАЛА ВЪ ДОМѢ КОНОРИЧЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(*Надежда Ивановна выходитъ задумавшись, Михайло Ивановичъ идетъ за ней молодцомъ и куритъ. Садятся*).

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Ну такъ какъ же? — у васъ съ нимъ и того....

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*въ раздумьи*).

Да

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Экая ракалія, скажите пожалуйста! Нѣтъ баринъ, шалишь.... не на того попалъ. Михайло Ивановъ самъ изъ обоженныхъ кирпичей.... ухъ, какъ я этакихъ господъ умью учить; какъ, напиримръ, ихъ мошенническія фізіономіи умью встрахивать, чудо! безъ бани жарко у меня будетъ....

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Не кляни его, Мишель: онъ не виноватъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Прахъ его побери: виноватъ ли онъ тутъ или нѣтъ.—Я не приказная строка вины разбирать; а по нашему, если онъ благородный человекъ, такъ фокусы выкидывать нечего, а поступай на чистоту.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*вздыхая*).

Онъ любилъ меня. Ахъ, если бы ты только зналъ, какъ онъ любилъ меня, если бы ты видѣлъ, сколько прекрасной души въ этомъ человекѣ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Ну а теперь — что же? — теперь-то куда душа у него дѣвалась: на Нижегородскую что ли его прекрасная душа — уехала?

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Теперь онъ совсемъ переменялся: его узнать нельзя.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Эге—любезнѣйшая, въ томъ-то и штука! Какъ онъ смѣлъ перемяниться? Знаемъ мы эти дѣла: — шамшурку гдѣ-нибудь завелъ, такъ и тянетъ въ другую сторону. Врешь, мой милый, отобъемъ! Слава Богу, у Михайла Иванова никто еще отъ рукъ не отбивался; такъ пугну, что портретъ мой сплещетъ, да каждый день и будетъ ему кланяться, чтобы помиловалъ. Охъ, какой вѣдь я на этихъ господъ крутой человекъ: трудно, больно-трудно, со мной справляться. У Михайлы Иванова вотъ какой характеръ: какъ гдѣ увидить онъ этакое щелкопера, такъ руки и чешутся, чтобъ дать барину урокъ,

да такой урокъ, чтобы до новыхъ вѣнниковъ помнить. Эхъ, сестренка, не знаешь ты своего братишку.... огневой я человекъ!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (съ чувствомъ).

Мишель! у меня къ тебѣ одна просьба: не брани его такъ, не црокинай и прости.... Ты посмотри на него, какъ онъ грустенъ и печаленъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Ахъ, вы бабы! вамъ бы все сентиментальничать, а дѣла настоящаго вы не понимаете. Ты въ него влюбилась, да и замужъ тебѣ хочется; ну такъ и женись, каналья, когда случай есть.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Но если онъ, братецъ, любить другую, если онъ измѣнилъ мнѣ въ своихъ чувствахъ?...

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Тю-тю-тю! измѣнилъ въ чувствахъ, любить другую! скажите, пожалуйста, какія Вертеръ и Шарлота! мало чего нѣтъ, да на дѣтъ выходить, чтобъ женился, такъ и женись.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Не будь такъ жестокъ, Мишель! но только сходи къ нему, и расскажи ему, будто такъ исторію, что одного человека любила одна дѣвушка, и, въ продолженіи десяти лѣтъ, только объ немъ думала.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

То есть это ты объ немъ десять лѣтъ думала? а курчавой-то капитанъ—это какого сорта птица —а?...

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (непрасильно).

Это была, братецъ, ошибка, заблужденіе.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Скажите пожалуйста — этотъ господинъ вотъ — ошибка, курчавый капитанъ — заблужденіе. Ну, а исправительской учитель — тоже заблужденіе?

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Ахъ, нѣтъ, братецъ, тутъ была совершенная клевета! Мы были только дружны и больше ничего. Но оставимъ это....

Ты скажи ему, что эта дѣвушка, можетъ быть, во гробъ сой-
детъ отъ любви къ нему, и замѣчай, что въ это время съ
нимъ будетъ: поблѣднѣетъ ли онъ, встревожится ли?... а послѣ
все мнѣ и расскажешь.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Нѣтъ, я совсѣмъ буду не такъ съ нимъ говорить, и стану
наблюдать его совершенно другимъ манеромъ. — Я приду, по-
клонюсь, конечно, и слѣдующую къ нему рѣчь поведу: не
угодно ли вамъ, скажу, милостивый государь, видѣть этотъ
кулакъ, т. е. мой кулакъ! Въ немъ, я вамъ доложу, ровно
десять фунтовъ; теперь, изволите видѣть, онъ для васъ со-
вершенно безвреденъ, и таковымъ же останется и на будущее
время въ такомъ только случаѣ, когда вы женитесь на такой-
то дѣвицѣ — и наименую, конечно, тебя; но если же нѣтъ-съ,
если не такъ, то извините меня: эти десять фунтовъ принуж-
дены будутъ пересчитать ваши ребра, и доберутся, можетъ
быть, еще кой до чего.... и до физіономіи. Тутъ ужъ я и буду
наблюдать: поблѣднѣетъ онъ или нѣтъ. Струсить, — наша
взяла, заартачится, — десять фунтовъ въ ходъ пустимъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*взявши стремительно бра-
та за руку*).

О, Бога ради, братъ, что ты говоришь.... заклинаю тебя
нашей любовью: не дѣлай этого, не убивай его, не обагрѣй
своихъ рукъ въ его крови!

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (*съ улыбкой*).

Охъ, вы, женщины: слабый вы сосудъ!... но впрочемъ
изволь.... Для тебя на первый разъ колотить его не стану, а
покуда словесно объясню ему дѣло, но только, знаешь, по-
понятнѣе, повразумительнѣе.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

И грубо не говори съ нимъ, братецъ, а скажи ему, какъ
я тебя говорила. Если же онъ будетъ показывать, что не по-
нялъ, такъ отдай ему вотъ это письмо, и тутъ ужъ смотри —
глазъ съ него не спускай. — Онъ долженъ очень сконфу-
зиться: тутъ я ему наминаю ужасную вещь.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Какую же это ужасную вещь: поцѣлуй что-ли во мракъ ночи?....

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Нѣтъ: что поцѣлуй.... мы разставались тогда съ нимъ: онъ ѣхать надолго служить въ Петербургъ, конечно оба плакали, я заставила его поклясться мнѣ.... и подарила ему локонъ моихъ волосъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Вотъ какая у васъ ужасная вещь.... Ну а онъ что?...

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

И онъ мнѣ своихъ отрезалъ (со вздохомъ). Они тутъ въ письмѣ. Я ихъ возвращаю ему, и прошу, чтобы и онъ мнѣ мои прислалъ, если не любить меня....

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Фу, ты, канальство, какія конфетности! волосы дарили другъ другу на память! Ахъ вы, простофили деревенскіе.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Не смѣйся Мишель, это ужасно!... поди, поговори съ нимъ, какъ я тебя просила. (*Хочетъ идти, но останавливается*). Братъ, ты не убьешь его? Не заставь меня, мой другъ, раскаиваться въ моей откровенности!

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (*съ улыбкой*).

А развѣ тебѣ жалко будетъ, какъ я убью его—а?

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Да, мой другъ, я до сихъ поръ еще люблю его!

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Хорошо.... тамъ видно будетъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Прощай, мой другъ! не проклинай его и прости меня! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (*одинъ*).

Ну, Михайло Ивановъ, опять, братъ, тебѣ работа! только, смотри, не сръжься, не оконфузь себя. — Припомни-ко, ка-

кова была съ кирасиромъ за жидовку перепалка, — скверная, вѣдь, братъ, шутка вышла; здоровъ ужъ очень былъ, обломъ этакой: съ перваго раза ужъ очень костоломную сдачу далъ, ну—и сробѣлъ, а этотъ ничего—михрютка, — справимся. Съ другой стороны смѣшонъ и ты Михайло Ивановичъ: все бы тебѣ, забубенная голова, практика была; но впрочемъ въ этомъ дѣлѣ и нельзя: главное надобно сестрѣ себя показать, а то, пожалуй, и держать не станетъ, а уваженіе-то ужъ всякое потеряетъ. (*Встаетъ, закуриваетъ трубку и опять садится.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тотъ же и ваничка.

ВАНИЧКА (*сходя*).

Надежда Ивановна гдѣ-съ?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (*обертывался*).

Что-съ?

ВАНИЧКА.

Надежда Ивановна гдѣ-съ?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

А за чѣмъ она вамъ?

ВАНИЧКА.

Маменька велѣла имъ сказать, что она уже придетъ къ нимъ чай пить.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

А кто ваша маменька?

ВАНИЧКА.

Настасья Кириловна.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Хорошо, скажу...;

ВАНИЧКА.

Надежда Ивановна гдѣ-съ теперь?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Она тамъ, у себя.... Развѣ вамъ нужно ее видѣть?

ВАНИЧКА.

Да-съ, нужно.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Посидите тутъ... она придетъ.

(Ваничка садится, Михайло Ивановичъ осматриваетъ его).

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Вы служите что ли гдѣ-нибудь?

ВАНИЧКА.

Нѣтъ еще. Маменька сначала хотѣла отпустить меня въ военную, а теперь въ штатскую отдаетъ-сь.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Въ штатскую.... А что. вы боитесь вашей маменьки? съ-четъ она васъ?

ВАНИЧКА (улыбался).

Нѣтъ-сь.... какъ можно-сь... Я не дамся; да меня никто и не повалитъ: у насъ папенька только строгъ, а маменька ничего: добрая-сь.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (осматривая Ваничку).

Что это какія узенькія на васъ брюки, точно дудочки? Кто это вамъ шилъ?

ВАНИЧКА.

Дяденьки Никандра Семеныча портной—онъ хорошій: въ Петербургъ учился.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Скверно же въ Петербургъ учать.... Который вамъ годъ?

ВАНИЧКА.

Двадцать второй.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Только еще.... А давно вы брѣтаете?

ВАНИЧКА.

Ужъ года два-сь, усы такъ у меня еще на пятнадцатомъ году выросли; я ихъ все шпалить, да перочиннымъ ножичкомъ подбрасывать.... Какія вы славныя кольца пускаете.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

А что?

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Я буду дома.... Ты скоро пойдешь, Мишель?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Скоро: только трубку докурю и водки выпью.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Ты помнишь, что я тебѣ говорила?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Помню. Прощай! оставляю тебя въ пріятномъ, но опасномъ обществѣ! Этотъ молодой человѣкъ мнѣ самъ признался, что онъ величайшій стрѣлокъ на женщинъ, и потому я тебѣ, какъ братъ, советую опасаться.

ВАНИЧКА (сконфузясь).

Нѣтъ-съ.... А вы развѣ братецъ ихъ?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Есть не много.... съ ~~этого~~ ^{этого} бока.... Прощайте!... Прощай, Надя! поцѣлуй покрывало!... Какъ ~~жить~~ ^{жить}, чѣмъ наша исторія кончится!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (обнимая брата).

Мишель! не рискуй на что-нибудь ужасное!..

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Нѣтъ, ничего.... Прощай. (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ВАНИЧКА и НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

(Нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіи которыхъ Надежда Ивановна сидитъ задумавшись, а Ваня очень хочетъ съ ней говорить, но онъ не находитъся).

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Давно вы здѣсь, Ваня?

ВАНИЧКА.

Сегодня утромъ пріѣхали-съ; я все просилъ маменьку, чтобы она сюда въшла-съ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (смотря на Ваню, съ грустной улыбкой).

За чѣмъ же тебѣ хотѣлось сюда?

ВАНИЧКА.

Мнѣ къ вамъ хотѣлось.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

За чѣмъ же мнѣ?

ВАНИЧКА.

Такъ-съ; очень хотѣлось.... Я было вамъ, Надежда Ивановна, утокъ настрѣлялъ, да проклятыя собаки и съѣли: у насъ вѣдь никогда ихъ не кормить, все, чтобы сами себя промышляли—вотъ онъ этакъ и промышляютъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Мерси, мой другъ! не только я утокъ не ѣмъ: онъ мнѣ какъ-то противны.

ВАНИЧКА.

Нѣтъ ничего-съ.—Этѣ были хорошія. Онъ противны, какъ травы хватать, а этѣ еще не хватили.. Я вотъ вамъ скоро селезня подарю-съ; маленькаго еще поймалъ,—все овсомъ теперь кормить.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Ну, хорошо, подари.

ВАНИЧКА.

А вы мнѣ сами что подарите?

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Я тебѣ кисетъ вышью шерстями.

ВАНИЧКА.

Нѣтъ-съ, я не хочу кисета.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Отъ чего же?

ВАНИЧКА.

Да такъ-съ, за чѣмъ мнѣ кисетъ-то, что онъ мнѣ такос: я и безъ него могу жить. Мнѣ бы лучше, какъ лѣтомъ, тогда, ручку вашу давали, такъ это лучше-съ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Развѣ ты любишь мою ручку?

ВАНИЧКА.

Очень люблю-сь!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Ну на тебѣ ручку! садись около меня! *(подаетъ ему руку)*. Ну, что ты теперь станешь съ нею дѣлать?

ВАНИЧКА *(сначала цѣлуетъ руку, потомъ кладетъ ее на свою ладонь и другой начинаетъ гладить; нѣсколько минутъ молчанія)*.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Послушай, Ваничка! ты любишь кого-нибудь, кромѣ меня?

ВАНИЧКА.

Нѣтъ-сь, право нѣтъ--вы первыя-сь.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

А что же ты Мишелю говорилъ.

ВАНИЧКА.

Да я смѣялся такъ.... Они спрашиваютъ: хожу ли я за охотой—за женщинами? я и сказалъ-сь....

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Что жъ ты сказалъ?

ВАНИЧКА.

Я говорю, что женщины не утки, и больше ничего, право ничего, такъ только посмѣялись.

НАСТАСЬЯ ИВАНОВНА.

А про меня чего-нибудь ты не сказалъ-ли ему?

ВАНИЧКА.

Ай, нѣтъ, какъ возможно-сь! я про васъ никому въ свѣтъ не скажу-сь. Мы говорили такъ о другихъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

А развѣ ты любилъ другихъ?

ВАНИЧКА.

Да что?... какъ же?... я не знаю-сь!...

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Какъ же не знаешь?... стало быть ты меня обманываешь, и былъ влюбленъ въ другую?

ВАНИЧКА.

Ни въ кого-съ, умереть на этомъ мѣстѣ, ни въ кого-съ... мы такъ только смѣялись.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Надъ чѣмъ же вы смѣялись? ты, вѣрно, что-нибудь ему рассказывалъ?

ВАНИЧКА.

Я ничего не рассказывалъ, право-съ! они сами все выдумывали!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*подумавши и вздохнувъ*).

Знаешь что, Ваничка! — мы съ тобой скоро должны будемъ разстаться!...

ВАНИЧКА.

За чѣмъ? петь-съ.... я здѣсь на службу опредѣлюсь (*цѣлуетъ ея руку*). Вы прежде, Надежда Ивановна, добрые были-съ... Помните въ саду.... а теперь вотъ не хотите....

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Что это?—поцѣловать тебя! не могу.... ни за что въ свѣтъ не могу!... Если ты объ этомъ заговорилъ, такъ я и руку возьму (*выдерживаетъ руку*).

ВАНИЧКА.

Вотъ вы какія! жалко что-ли вамъ руки-то?

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Не могу, Ваничка! я теперь совсѣмъ въ другомъ положеніи; я со стыда сгорю, если позволю себѣ поцѣловать тебя.

ВАНИЧКА.

Да что же тутъ со стыда-то сгорѣть? экая важность!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Клянусь тебѣ честью—не могу! повѣрь ты мнѣ! мы должны разстаться: я не должна даже видѣть тебя.... и записку мою отдай мнѣ, пожалуйста!

ВАНИЧКА.

Нѣтъ, вѣдь ужъ это что-же такое.... это ужъ выходитъ....

НАДЕЖДА ИВАНОВНА *(перебивая)*.

Послушай, другъ мой! ты не сердись.... не возможно.... Ты самъ послѣ согласишься, что не возможно.... Я поклялась не принадлежать никому.... Я даже стыжусь моихъ прощедшихъ поступковъ съ тобою.... Побѣждай съ маменькой въ дсревню, и забудь меня.

ВАНИЧКА *(надулся)*.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Ну, чѣмъ же ты огорчился?

ВАНИЧКА.

Еще бы! за мужъ, говорили, пойдете за меня, а тутъ и отпираетесь.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Послушай, Ваничка! я, ей Богу, не знаю, что мнѣ съ тобой дѣлать! мнѣ очень жаль тебя... ну, постой! изволь, я поцѣлую тебя, встань вонъ тутъ на колѣни противъ меня, только не дотрогивайся до меня, вотъ такъ.... я сама тебя поцѣлую. *(Ваничка встаетъ; Надежда Ивановна беретъ его за руку и ставитъ его противъ себя на колѣни; потомъ обѣими руками беретъ его за голову и целуетъ. Занавѣсъ опускается.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ прежній кабинетъ Дурнопечина; онъ сидитъ задумавшись на своемъ креслѣ съ головою, повязанною бѣлымъ платкомъ, намоченнымъ въ уксусъ. Никита стоитъ съ сложенными руками, и флегматически смотритъ въ окно. Настасья Кириловна сидитъ на отдаленномъ стулѣ, влаетъ чулокъ, и съ подобестрастіемъ глядитъ на Дурнопечина.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Дядюшка, можно поговорить?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Поговорить, спрашиваю, можно ли?... Не обезнокою ли я васъ?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ничего, говори.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Я вотъ хочу, дядюнѣ, вамъ разсказать, какъ прошлой зимой я ѣздила въ Петербургъ: Ваничку въ корпусъ отвозила, такъ вотъ ужъ страху-то навидалась; умру, кажется, а не забуду.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Какого же страху?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ъхала я, дяденька, на одной лошади въ кибиточкѣ. Извозчикъ былъ отъ насъ—знакомый. Все ѣхали хорошо. Подъ самымъ Петербургомъ съѣхались на станціи съ купцомъ; извознику моему онъ былъ знакомый человекъ, и напились они, отецъ мой, пьяны. Ахъ, Царь небесный, и вспомнить-то страшно! Стала я извознику говорить: не стыдно ли, говорю, Нарѣнъ, такъ поступать.... ѣдешь ты съ благородною дамой, а напиваешься; закладывай, говорю, скорѣе лошадь, да поѣдемъ; а сама себѣ думаю, какъ бы поскорѣе его съ этимъ разбойникомъ-то разлучить, да охмѣлить бы поскорѣе на морозѣ. Ну-съ.... извозчикъ мой ноболталъ такъ немного, однако послушался—заложилъ.... усѣлись.... Вдругъ этотъ разбойникъ-то купецъ увидалъ, да пьяный-то, этакой безобразной, въ кибитку ко мнѣ и влѣзъ.... Я, говорить, тоже поѣду, да такъ всей валевой-то на меня и навалился. Чтѣ мнѣ дѣлать! смерть, вижу, моя приходитъ. Ребенка прижала къ себѣ, и начала ему говорить: чтѣ, я говорю, вы, господинъ купецъ, дѣлаете, неужели на васъ и начальства нѣтъ: я, говорю, окольныхъ сейчасъ склѣчу.... Не тугъ-то было.... лежитъ безбожникъ этакой, да еще и ругается. Мой-то подлецъ началъ тоже его руку тянуть: ничего, говорить, барыня, онъ мнѣ, говорить, человекъ знакомый, мнѣ сталѣ васъ на дорогѣ выкинуть, чтѣмъ ему не услужить. Залилась я, дяденька, послѣ этакой грубости, горькими слезами, вышла, съ ребенкомъ, изъ повозки: выпросилась у священника.... тутъ и ночевала....

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Никита! намочи платокъ еще уксусомъ. (*Хочетъ подать Никитѣ платокъ; но Настасья Кириловна вскакиваетъ и беретъ у него платокъ*).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Дядюшка! позвольте, я вамъ это сдѣлаю.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, душа моя! Никита ужъ знаетъ.... Ты лучше рассказывай.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Да не беспокою ли я васъ, отецъ мой?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, ничего.... (*Никитѣ*) Намочи!

НИКИТА.

Перестали бы, сударь, лучше.... А то, посмотрите, лобъ-то и безъ того красенъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Пожалуй. Теперь я гораздо поосвѣжился: такъ легко стало.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Прикажете рассказывать, дядюшка! Стыдно бы и говорить, что со мной глупой старухой ваши Питерскіе франты сдѣлали. Ну, да пусть васъ посмѣшитъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что же такое съ тобою сдѣлали?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Жила я тамъ, дяденька, ровно два мѣсяца. Деньги мои и сначала маленькія были, а тутъ такъ подошли, хоть на дорогу нечего.... Иду я по бульвару, вдругъ нагоняетъ меня молодой человекъ, нарядной такой, въ бикешъ, и началъ меня съ ногъ до головы осматривать. Я подумала, да и говорю: милостивый, говорю, государь! лице ваше такое доброе.... я бѣдная, забывая, говорю, здѣсь помѣщица, не можете ли какую-нибудь помощь оказать матери семейства? Онъ на меня этакъ посмотрѣлъ.... Хорошо, говоритъ, но только теперь не

могу, а не угодно ли, говоритъ, вамъ ужь, вечеромъ придти, въ такой-то домъ.... Теперь ужь и позабыла куда.... Позвоните, говоритъ, но въ крыльцо не входите, потому что тутъ живеѣтъ моя тетка богомолка, и она никого не принимаетъ. Отошелъ онъ отъ меня, и начала я сама съ собою думать: что, думаю, не убьютъ же меня, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ помогутъ.... Пошла я вечеромъ, отыскала домъ, позвонила-съ.... Выходитъ какой-то человекъ,—подождите, говоритъ, на тротуаръ,—и ушелъ. Я встала. Вдругъ окно отворилось: здѣсь?—кто-то спрашиваетъ—здѣсь, говорю. Только я проговорила это слово, вдругъ, отецъ мой, меня съ ногъ до головы и окатили какой-то дрянью,—кажется, помоями. Господи Боже мой! и на ногахъ-то устоять не имѣла силы; чуть не захлебнулась.

ДУРНОПЕЧИНЪ (разсмѣясь).

Что это, Настасья Кириловна, какія ты глупости рассказываешь: разсмѣшила ты меня, проказница этакая!

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Что дѣлать-то, дядюшка, какъ хотите, такъ и судите.... Я впрочемъ рада, что вы хоть немного поразвеселились.

ДУРНОПЕЧИНЪ (смѣясь).

Помоями облили.... Славную штуку сыграли!...

НИКИТА (тоже смѣется).

Что же, вы тутъ дождались, чтобъ васъ другой разъ окатили?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ну гдѣ же ужь, Никитушка, дожидаться.... только что привстала, да давай Богъ ноги.... Пожалуй, еще убьютъ, разбойники этикіе.

НИКИТА.

Убить-то бы не убили, а другой-то бы разъ, навѣрнякъ, обдали.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Дяденька! вы позволите мнѣ у васъ ночки двѣ ночевать? Дѣлашки у меня здѣсь есть, а квартиры дорогія, безпокойныя

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Хорошо—почуй!

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА *(встает и целует Дурнопечина въ плечо).*

Видитъ Богъ, дядюшка, какъ я васъ всегда въ душѣ любила; только вы, можете быть, по бѣдности моей заключае-
 чаете что-нибудь другое, а я предана вамъ просто отъ сердца.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ну полно нѣжности выкидывать, лучше расскажи еще что-нибудь про себя.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Сей-часъ, отецъ мой, сію секунду: мало-ли со мной дурой, приключеньевъ было. Была я еще молода, и прѣхали мы съ моимъ благовернымъ въ губерскій городъ; щеки тогда у меня были розовыя, малиновыя.... сама я была развеселая, вотъ и повадился къ намъ одинъ офицеръ ходить, онъ у Алексѣя Яковлевича еще юнкеромъ въ ротѣ служилъ, и ходить онъ къ намъ почти каждый день, и все со мною заговариваегъ....

ЛЫЖЕНЕ Ж.

ТѢЖЕ И ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Здѣсь господинъ Дурнопечинъ живетъ?

НИКИТА.

Здѣсь. Вы кто такіе?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Это ужъ, любезный, не твое дѣло.... Могу я ихъ видѣть?

НИКИТА.

Вотъ они сами сидятъ!

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

А!... *(подходитъ къ хозяйкѣ и кланяется; тотъ прѣ-
 встаетъ).*

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Я, кажется, имѣю честь видѣть Николая Михайловича Дурнопечина?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Точно такъ!

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Я самъ тоже Дурнопечинъ: Прохоръ Прохорычъ Дурнопечинъ, и прихожусь вамъ братъ въ четвертомъ колѣнѣ.... Настасья Кирилловна—мое вамъ почтеніе! Вы вѣдь тоже наша общая родственница, я это знаю очень хорошо.... Давно, братецъ, изволили пожаловать въ наши мѣста?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да ужъ я и не помню, кажется, съ мѣсяцъ.... Садитесь!

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Всепокорнѣйше благодарю за ваше родственное вниманіе, и воспользуюсь приглашеніемъ, потому что я сегодняшнее утро верстъ пять прошелъ пышкомъ; самъ за припасами на базаръ всегда хожу; съ малолѣтства эту привычку имѣю. Прислуга у меня маленькая, да и не вѣряи никогда по вкусу не купить.... *(садится)*. Такъ вы изволите говорить, что уже съ мѣсяцъ, какъ прибыли въ наши городъ?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Кажется....

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ *(съ ласковою улыбкою)*.

Настасья Кирилловна раньше всѣхъ успѣла засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. *(къ Настасьѣ Кирилловнѣ)*. Я всегда полагалъ, что вы дема очень тонкая.

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА.

Гдѣ ужъ нашъ, Прохоръ Прохоровичъ!... Мы люди бѣдные—это въ пору вамъ богачамъ.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Кто богатъ, и кто бѣденъ — это знаетъ одинъ только Богъ.—На это не хватитъ даже и вашей тонкости.... Не обезпокоилъ ли я васъ, братецъ, своимъ посѣщеніемъ? Я слышалъ, вы не такъ здоровы!

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да, я все хвораю.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

На лице, впрочемъ, вы довольно свежи. Не отъ бездѣйствія ли это происходитъ? Вы, кажется, изволили весьма мало на службѣ состоять.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Года три въ военной служилъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Что дядинькѣ-то на службу состоятъ, у нихъ и безъ этого есть состояніе.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Состояніе и служба двѣ вещи разныя, это ужъ дѣю не вашей тонкости, Настасья Кириловна. (*Обращаясь къ Дурнопечину*). Я самъ, къ несчастію, потерялъ службу, которой, можно сказать, душой и тѣломъ посвящалъ все время.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Вы не служите?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Никакъ нѣтъ-съ: не служу. Семь лѣтъ, братецъ, былъ секретаремъ узднаго суда, потомъ три года состоялъ въ должности становаго пристава, но вотъ ужъ другой годъ, по ревизіи начальника губерніи, удаленъ съ преданіемъ суду.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

За что же это?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

По однимъ наездамъ, или, откровенно сказать, и самъ не знаю, за что. Объ усердіи моемъ можете спросить всякаго мальчишку, такъ и тотъ скажетъ вамъ. Погибели моей захотѣлось злымъ людямъ, но, по милости Творца, живу еще, не потерялся совершенно. Теперь я занимаюсь частными дѣлами, и благодареніе Богу, имѣю кусокъ чернаго хлѣба.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Найдется, Прохоръ Прохоровичъ, я думаю, у васъ и бѣлый.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Бѣлый хлѣбъ, предоставляю вамъ, Настасья Кириловна, ѣсть по гостямъ, а я ѣмъ свой черный. Я имѣю къ вамъ, братецъ, маленькое дѣльцо, и желалъ бы съ вами поговорить наединѣ.

ДУРНОПЕЧИНЬ (*съ неудовольствіемъ*).

Что такое вамъ надобно отъ меня?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Дѣло, братецъ, безотлагательное дѣло имѣю вамъ сообщать, позвольте мнѣ имѣть секретную аудіенцію.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Выйди, Настасья Кириловна.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА *(оставая и съ сердцемъ подбирая вязанье)*.

Знаемъ мы, Прохоръ Прохоровичъ, ваши секреты, не мало вы, я думаю, простыхъ-то людей обманули, у одной Поддержкиной сотнями тысячъ попользовались.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Вамъ все хочется сосчитать мои деньги. Не сочтете, ошибетесь, лучше рассмотрите ниватужу вашего супруга, а до моихъ денегъ вамъ далеко.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА *(уходя)*.

Убереги Богъ; нищему руку прожжетъ ваша копейка, Прохоръ Прохоровичъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

ДУРНОПЕЧИНЪ И ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Не любить меня наша общая родственница, что дѣлать, не говори правды не теряй дружбы. Совершенно потерянная женщина! Я, конечно, никакъ не смѣю вамъ совѣтовать, а напрасно вы изволите ее принимать, отъ нее каждую минуту надо ожидать какой-нибудь непріятности.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(перебивая)*.

Какое вы дѣло имѣете до меня?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Исковое, братецъ, исковое дѣло должно, по несчастію, между нами затѣяться.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(измѣнившись нѣсколько въ лицѣ)*.

Это къ какой еще стати?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

По наследственному имѣнію нашей бабки, Ольги Дурно-

печиной, которое совершенно незаконно поступило большею частью во владѣніе вашего покойнаго батюшки, а моего дяди.

ДУХНОПЕЧИТЬ.

Господи Боже мой, это еще съ чего пришло вамъ въ голову? владѣли, владѣли, а тутъ вдругъ и не законно стало.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Десятилѣтней давности, братецъ, еще не прошло. Духовная совершенно не законна-съ: покойная бабка никакъ не имѣла права дробить родовыя достоянія, но оно, какъ можетъ быть вамъ не безызвѣстно, раздѣлено: большая часть,—ужъ я не говорю, какія для этого были употреблены мѣры, самыя не родотвенныя мѣры... но только большая часть поступила во владѣніе вашего родителя, а другая часть—общей нашей теткѣ Соломаpidѣ Платоновнѣ, дай ей Богъ доброе здоровье, или, лучше сказать, вѣчную память, по милости которой теперь вся и каша заваривается. Духовное завѣщаніе должно быть нарушено, да еще послѣдуетъ взыскъ за неправильное владѣніе.

ДУХНОПЕЧИТЬ.

Я рѣшительно не понимаю, что такое вы говорите.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Гражданскими дѣлами, вѣроятно, мало занимались! но я говорю сущую справедливость.... я пользовался еще расположеніемъ покойнаго вашего родителя, прекраснѣйшій былъ человекъ, какъ теперь на него гляжу: собой этакой полной, глаза на выкатѣ, весельчакъ былъ такой, что и свѣтъ другаго не производилъ; я ему часто говаривалъ: не правильно, говорю, дядюшка, Рамешками владѣете, подѣлитесь;—а вотъ погоди, говорить, какъ умру, такъ тебѣ поросатую свинью оставлю, да самъ и захохочетъ, покойный свѣтъ.

ДУХНОПЕЧИТЬ (*хмуря*).

Почему же онъ Рамешками несправедливо владѣтъ?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

По незаконности духовной-съ; мало ли, братецъ, какъ судьба человѣческая измѣняется: иной, смотришь, все живетъ въ богатствѣ, а тутъ вдругъ оборвется—на это никакъ нельзя дѣлаться.

ДУРНОПЕЧИГЪ.

У меня на Рамешки должны быть всѣ документы.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Нѣтъ-съ, у васъ не можетъ быть никакихъ документовъ: 27-й годъ, Николай Михайлычъ, купаюсь въ чернилахъ, слава Богу, пора привыкнуть, капли простаго вина отъ роду въ ротъ не бираль: незаконность дѣла по запаху слышу.

ДУРНОПЕЧИГЪ.

Чего жъ вы отъ меня хотите?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Красницу, братецъ, хочется получить. Желаніе наше небольшое, поверьте! другіе бы на это не согласились. Ну, впрочемъ, Богъ съ вами, пусть я лучше обижу своихъ сиротъ, по крайней мѣрѣ буду помнить, что мы родные, и что намъ заводить дѣла грѣшно!

ДУРНОПЕЧИГЪ (*растерявшись*).

За что же я отдамъ вамъ Красницу, скажите Бога ради, чтó вы меня—за дурака что ли считаете?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ (*усмыхнувшись*).

Дураковъ, братецъ, нынче совсѣмъ и на свѣтъ нѣтъ, это, можетъ быть, бывало въ старину, но я вамъ докладываю, что по иску вы отдадите гораздо больше, потому что заплатите за неправильное владѣніе, и кромѣ того, я заставлю васъ заплатить протори и убытки.

ДУРНОПЕЧИГЪ (*вставая*).

Сдѣлайте милость, избавьте меня отъ этихъ дѣлъ, я человѣкъ больной, нуждаюсь въ спокойствіи, и теперь рѣшительно ничего не знаю.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Какъ угодно вамъ, братецъ, конечно по родству, я хотѣлъ дать вамъ полезной совѣтъ, но чтожъ дѣлать: волюному волл, спасенному рай. Духовная не законна-съ, во 1-хъ потому, что родовое имѣніе не дробится, во 2-хъ—дослѣдственной давности еще не прошло, и въ 3-хъ—имѣніе семь лѣтъ состояло въ единственномъ нашемъ владѣніи, следовательно: завыщаніе

нарушится, принадлежащая намъ часть должна быть выдѣлена, за неправильное владѣніе послѣдуетъ взыскъ, да сверхъ того, вы обяжетесь пополнить протори и убытки; братецъ, мнѣ васъ жалъ, вы лишитесь всего состоянія.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Еще прошу васъ, избавьте меня отъ вашихъ дѣлъ.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Извольте, я повинуюсь, но все таки повторяю, образумьтесь, вы на краю бездны.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Сдѣлайте милость, прошу васъ.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Повинуюсь, только позвольте мнѣ покрайней мѣрѣ еще разъ прибѣгнуть къ вамъ и рассмотреть ваши документы, можетъ быть, я по документамъ вамъ разъясню.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Извольте, но только Бога ради, не теперь, я боленъ, я еще не обѣдалъ, пощадите меня, я человѣкъ больной.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ *(пожимаетъ плечами, и, отошедши къ дверямъ, приспавываетъ и снова возвращается).*

Николай Михайлычъ! угодно вамъ дать намъ пятнадцать тысячъ отступнаго. Богъ съ вами, хоть мы и обижены будемъ, но покрайней мѣрѣ дѣло не затѣется.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(ничего не отвѣчаетъ и продолжаетъ смотреть въ окно).*

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ *(кланяясь ему въ тылъ).*

До пріятнаго свиданія-съ *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(въ сильномъ безпокойствѣ начинаетъ ходить по комнатѣ, потомъ садится).*

Вотъ тебѣ на! еще сюрпризъ, еще радость, и имѣніе хотятъ оттягать, и полечиться будетъ не на что. Батюшки мои, гдѣ у меня акты-то, въ шкатулкѣ ихъ нѣтъ, да... я ихъ Никитѣ отдалъ *(торопливо звонитъ и кричитъ.)* Никита, поди сюда, поди сюда скорѣе, тюлень этакой. *(Никита выходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ V.

ДУРНОПЕЧИНЪ И НИКИТА.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Дай мнѣ, братецъ, бумаги, которыя я тебѣ отдалъ въ Москвѣ убрать.

НИКИТА (*не много смѣшавшись*).

Какія бумаги?

ДУРНОПЕЧИНЪ (*поблѣднѣвъ*).

Какъ какія бумаги? ахъ ты, чортъ проклятый, бумаги на тѣнѣ, акты всѣ.

НИКИТА (*еще болѣе смѣшавшись*).

Никакихъ, кажись, мнѣ не отдавали.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*вскакивая*).

Какъ я тебѣ не отдавалъ, что ты хочешь, злодѣй, со мной сдѣлать? погубить что ли меня совсѣмъ вздумалъ? Гдѣ бумаги-то, ну давай же, разбойникъ этакой; что же ты стоишь, гдѣ онъ?

НИКИТА.

Да иду же, я знаю, Николай Михайлычъ, я не грамотный, мало ли вы отдавали мнѣ бумагъ, всего и не припомнишь.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*выходя изъ себя*).

А! не припомнишь, не припомнишь, душегубъ этакой, врешь, врешь, злодѣй, ты укралъ ихъ у меня, да и продалъ моимъ врагамъ. Вонъ оно откуда пошло, вонъ отъ чего этотъ господинъ приходитъ ко мнѣ.

НИКИТА (*обидѣвшись*).

Благодарю покорно-съ, хорошее слово отъ васъ выслушалъ, двадцать лѣтъ служу, сина пороку не пропадало, а тутъ и воромъ сталъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

А! тебѣ обидно, горько, а мнѣ не обидно, что ты меня погубилъ; ну, гдѣ же бумаги мои? давай? они мнѣ нужны, съ бумагами связано все мое состояніе, гдѣ же онъ? я тебѣ, въ Москвѣ, самъ, своими руками ихъ отдалъ.

НИКИТА.

Да развѣ они гдѣ-нибудь въ чемоданъ завалились, вы вѣдь всегда отдаете такъ просто, иной разъ, и слова не про-

молвите, пихнете да и только, убирай тамъ, какъ знаешь. Я грамотъ не умью, пожалуй, во что-нибудь нужное и ваксу обернешь.

ДУРНОПЕЧИНЬ (*почти со слезами*).

Такъ ты это ваксу обернулъ моими документами. Разбойникъ ты этакой, что ты теперь надѣлалъ? Мало тебѣ, что я каждый день страдаю, да умираю, тебѣ этаго мало: безъ куска хлѣба еще оставилъ. Варваръ ты этакой, все вѣдь у меня отнять, и тебя-то, разбойника, возмутъ. Выслужиться, что ли, передъ новыми господами захотѣлъ? Черезъ недѣлю сошлютъ на поселенье за твою мошенническую штуку.

НИКИТА (*сначала нахмуривается, потомъ начинаетъ утирать глаза*).

Что мнѣ другіе господа, во снѣ о другихъ-то господахъ не снилось; кажется, кромѣ усердія моего, никогда ничего не было, а тутъ ужъ и воромъ сдѣлался. Безпокойство такое и вору бы не пожелалъ доставить, не то что барину. (*Плачетъ*.) И безъ того ужъ замаялся, какъ вы и по болѣзни-то себя мучите, да терзаете, а тутъ, ну-ко такое дѣло затѣять, барскія бумаги продать,—скорѣе бы, кажись, руку по локоть отрубилъ, чѣмъ на такое дѣло порѣшился.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Плачь, плачь, нечего снѣвши голову, по волосамъ плакать. (*Кидается въ кресло*.) Прекрасно, безподобно, доказывай теперь право на владѣніе, когда клочка документовъ нѣтъ. Все ужъ теперь обдѣлано да исправлено. Господи Боже мой, хоть бы онъ Красницей-то удовлетворился. Онъ ужъ теперь и Красницей не удовлетворится.

НИКИТА (*подходя съ робостью къ барину*).

Батюшка, Николай Михайловичъ, не терзайте вы себя такъ. Я виноватъ-съ, вы, справедливо, отдавали мнѣ такіа бумаги съ кружками.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Поди ты лучше съ глазъ моихъ, злодѣй. Состряпалъ дѣло, спасибо, хорошо заплатилъ мнѣ за любовь мою; (*смыс-*

ну въ руками) Царь небесный, подкрепи меня въ моихъ несчастіяхъ! Не дай мнѣ упасть духомъ! окружили меня злые люди кознями, въ собственномъ домѣ ни на кого надежды не имѣю.

НИКИТА (со слезами на глазахъ).

Николай Михайлычъ, отецъ мой, сдѣлайте милость, прикажите меня наказать, никогда щелчкомъ вашей милости не былъ тронутъ, дьяволъ видно меня попуталъ за мои грѣхи. Я очень вѣдь виноватъ. По глупости своей тогда же хотѣлъ васъ спросить, да не успѣлъ, дѣло было спѣшное: индюшку, батюшка, обернулъ въ ваши бумаги, а какъ, по пріѣздѣ сюда, вы изволили кушать, такъ въ сѣняхъ и было поставлено, а тутъ вороны ли, крысы ли, все и съ костями-то утащили, проклятыя.

ДУРНОПЕЧИНЪ (въ совершенномъ отчаяніи).

Хорошо, братецъ, я это зналъ прежде, ступай, благодарю покорно.

НИКИТА (вставая на колѣни).

Прикажите, батюшка, меня наказать.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

(Не отвѣчаетъ и отвертывается отъ Никиты).

НИКИТА (на колѣняхъ).

Николай Михайловичъ, отецъ мой, можетъ быть это дѣло и поправится, можетъ оно и ничего, вы такъ только по сумнительности вашей беспокоитесь.

ДУРНОПЕЧИНЪ (съ сердцемъ обертываясь).

Пошелъ, дуралей, вонъ.

НИКИТА (вздохнувъ встаетъ, и махнувъ рукой, уходитъ).

(Дурнопечинъ погружается въ глубокую задумчивость).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тотъ же и Ваничка.

ДУРНОПЕЧИНЪ (не глядя).

Кто тамъ?

ВАНИЧКА.

Это, дѣдушка, я-съ....маменька гдѣ?

4

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Не знаю.

ВАНИЧКА (*садясь*).

Что у васъ, дѣдушка, головка, что ли, болитъ?

ДУРНОПЕЧИНЪ (*не отвѣчаетъ*).

ВАНИЧКА.

Мнѣ, дѣдушка, у папеньки жить не хочется.—Что́ дома-то дѣлать? Нечего-съ. Не маленькой, на собакахъ-то шерсть бить. Я ужъ хочу особливо жить....Я вамъ, дѣдушка, хочу секретъ сказать.—Вы не расскажете никому?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что?

ВАНИЧКА.

Секретъ вамъ скажу-съ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Какой секретъ?

ВАНИЧКА.

Про себя, дѣдушка: я жениться хочу-съ.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*улыбаясь*).

Часть отъ часу не легче. Женись, когда охота есть.

ВАНИЧКА.

У меня невѣста, хорошенькая, такая тоненькая. Я бы къ вамъ, дѣдушка, съ просьбой, да не смѣю-съ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Еще что такое?

ВАНИЧКА.

Да вотъ, дѣдушка. Маменька у насъ вѣдь ничего не смѣетъ-съ, все папенька, а онъ на деньги такой жила, что не приведи Господи. Соберетъ оброкъ съ мужиковъ, принесетъ къ маменькѣ, на, говорить, понохай, чѣмъ пахнетъ, да самъ и запретъ ихъ въ шкатулку. Дайте мнѣ, дѣдушка, займы рублей двѣсти на свадьбу, я вамъ отдамъ. У невѣсты сто душъ, я съ нее сей-часъ выверну.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*пожимаетъ плечами*).

ВАНИЧКА.

Дадите, дѣдушка? Я васъ въ посаженные отцы позову,

свадьбу важную задамъ. У дяденьки Пикандра Семеныча пѣвчихъ выпрошу-съ. Дадите, дѣдушка?

ДУРНОПЕЧИГЪ.

Нѣтъ у меня денегъ.

ВАНИЧКА.

Вотъ ужъ и нѣтъ, жалко вѣрно; я вѣдь вамъ непременно отдамъ. Сдѣлайте милость, дѣдушка, пожалуйста, я вамъ въ ножки поклонюсь.

ДУРНОПЕЧИГЪ (*съ сердцемъ*).

Отвяжитесь вы отъ меня, мучители такіе. Ну что ты присталь, оболтусъ? какія у меня деньги? Жениться еще, молодкосось, выдумаль; въ службу бы лучше шель, а не о женитьбѣ думаль.

ВАНИЧКА.

Ну вотъ вы, ужъ, дѣдушка, и разсердились, а маменька говорила, что вы добрые. У папеньки, вѣдь, въ службу не выпросишься, ему что ни толкуй, онъ только бранится. Коли, говоритъ, не хотѣлъ учиться, такъ коровъ паси; я какъ женюсь, такъ всѣмъ имъ шипшъ покажу, безпрѣмьно въ юнкера пойду.

ДУРНОПЕЧИГЪ.

Пу полно тутъ болтать, ступай куда-нибудь. Какъ будутъ лишніе деньги, такъ дамъ.

ВАНИЧКА.

Дадите? Благодарю васъ покорно, дѣдушка; я пойду теперь маменьку искать, ее вѣрно ужъ здѣсь нѣтъ, она такая у насъ непосѣда, все шляется. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ДУРНОПЕЧИГЪ (*одинъ*).

Чтобы чортъ васъ всѣхъ побралъ, проклятые! Только что послѣ примочки немного получше стало — сутяга ~~вызвался~~ на шю: половину имѣнія оттягать хочетъ. Какъ бы онъ плуть не узналъ, что у меня деньги есть. Пожалуй подлецъ Никита скажетъ, да еще украдетъ для него; хорошій, надежный былъ чловѣкъ—никогда ни въ чемъ не замѣчалъ, а тутъ вотъ какую штуку сдѣлалъ... Хорошо, что

оберегъ да скопилъ пятьдесятъ тысячъ: покрайней мѣрѣ двѣ тысячи процентовъ буду получать. Куда бы ихъ спрятать по-дальше: въ шкатулку—всѣ знаютъ, развѣ въ карманъ въ халатъ этотъ зашить, да и снимать ужъ не стану, такъ въ немъ и спать буду; какъ бы вынуть ихъ осторожно, а то подсмотреть еще кто-нибудь.... (*встаетъ, приставляетъ къ дверямъ стулъ, осторожно отпираетъ шкатулку, вынимаетъ деньги, и кладетъ ихъ въ карманъ*). Теперь покуда такъ полежать, а тамъ по тихоньку съшу гдѣ-нибудь иголочку съ ниткой, да и зашью. Иголки-то спросить боюсь; догадаются....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дверь съ шумомъ растворяется; стулъ летитъ; Дурнопечинъ вздрагиваетъ, проворно запираетъ шкатулку и запакиваетъ халатъ. Является Михайло Ивановичъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Фу ты, канальство, какая барикада построена! (*подходя*) честь имѣю явиться.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*смѣшавшись*).

Ахъ, Михайло Ивановичъ, извините вы меня, дуракъ мой лакей дверь заставилъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Ничего-съ; мы ее сломали, такая ужъ у Михайла Иванова рука; на что ляжетъ, то и ломить—железо не всякое терпитъ!... (*сидя*) чѣмъ это вы занимаетесь?... вѣроятно цыдулки къ дамамъ писали: этимъ, знаете, обыкновенно молодые люди занимаются въ уединеніи.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, какія цыдулки....(*вздохнувъ*) съ дѣлами своими все возился.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (*недоуменно*).

Конечно-съ, такъ вотъ мы и повѣримъ сей-часъ: вы, батюшка, какъ я спиналъ, охъ, какой тонкой человекъ; какъ говорится: лисій хвостъ, да волчій ротъ.... Сестра моя поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, и выстъ съ тѣмъ она оченъ огорчается, что вы такъ не добры—совершенно насъ забыли.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Очень благодаренъ Надеждѣ Ивановнѣ; но право я боленъ: дѣла....нездоровье....ей Богу, не знаю, какъ я еще живъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Да что жъ такое нездоровье! это совершенно пустое: здоровье и нездоровье отъ насъ зависить.—На меня, скажу вамъ, въ полку напала крымская лихорадка; въ одинъ день свернула, какъ сидорову козу; но, къ ея несчастію, Михайла Ивана никто еще не сламливаль: шалишь, говорю я ей, сударушка, не на того напала; она меня, знаете, гнетъ, а я купаться, потомъ къ товарищамъ—пью пуншъ, водку, въ картишки, конечно, схватимся, да и валяй такъ цѣлый день. Отстала-съ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

По комплекціи, можетъ быть, вы здоровы — организмъ, вѣроятно, имѣете сильной.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Не могу пожаловаться — здоровъ-съ! Но главное: характеръ имѣю кремневый. Подлости рѣшительно не могу терпѣть.... въ жизнь мою двухъ жидовъ, одну гречанку — торговку и трехъ помѣщиковъ, такъ за подлость отдѣлалъ, что и дни покончили.... не могу видѣть подлости, такъ все и перевернется въ душѣ, точно съумашедшій. На десяткѣ дуелей, которыя имѣлъ въ полку, я изъ троихъ моихъ противниковъ сдѣлалъ рысето: по мертвымъ стрѣлялъ нѣсколько разъ.... Что это вы такимъ нахмуреннымъ сидите, какъ будто бы сердиты на что, или чѣмъ-нибудь недовольны?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Я всегда такой.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Будто? (усмѣхаясь) а мнѣ говорили, что вы большой волокита, этакъ, съ бапу бьете: одна дѣвушка мнѣ сказывала... извините меня, что я говорю прямо, что вы, не помню когда это было, славно къ ней подѣхали.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Мало ли что было, Михайло Ивановичъ, время мое прошло: теперь я совершенно больной и разстроенный человекъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Да-ну.... Конечно вамъ, какъ мужчигъ, можетъ быть, прошло, намъ даже похвастаться этимъ можно, потому что на насъ сукно: съ насъ все, какъ съ гуся вода. Но дѣвушка, вы, конечно, понимаете сами, не могла этаго забыть: на ея совѣсти осталось пятно.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*потупляется*).

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Вы, вѣроятно, догадываетесь, о комъ я говорю, и надѣюсь, что мы останемся друзьями. Какъ благородный человекъ, вы сами понимаете, что дворянка.... дѣвица, у которой есть брать.... за чѣмъ же забывать совершенно. Сестра мнѣ чисто-сердечно во всемъ раскаялась.... Я ее не могъ укорять, потому что всѣ женщины имѣютъ слабости.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*смышавшись*).

Мнѣ, право, очень совѣстно, Михайло Ивановичъ, предъ вами и вашею сестрицею.... Я ихъ очень люблю и уважаю, но что могу сдѣлать? Каждый день у меня или болѣзнь или непріятности. Вонъ лакей мой, и тотъ, глядя на меня, замучился. Войдите вы въ мое положеніе: я совершенно потрясанный человекъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Благодарю за откровенность. Но сестра сама желаетъ разделить съ вами бремя жизни.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Не возможно, Михайло Ивановичъ, для меня это счастье; какъ благородный человекъ, говорю вамъ: невозможно.... Я очень бѣденъ, совсѣмъ нищій сдѣлался; у меня теперь никакого нѣтъ и состоянія.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Вотъ тебѣ разъ!... Да куда же оно у васъ дѣвалось—въ омутъ что ли провалилось?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

НѢТЬ-СЬ: по процессу отходить,—я тяжбу проигралъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ *(смотритъ нѣсколько минутъ на Дурнопечина)*.

Вы въ штатской служили?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

НѢТЬ-СЬ. А что же?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Ничего-съ; а у васъ, какъ я вижу, такъ этакъ штатскія наклонности: крючки вилать вы мастеръ.... вамъ бы въ актеры идти, вы славно бы разыгрывали роли.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(усмѣхнувшись)*.

Почему же бы я роли разыгрывалъ?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Такъ-съ — ничего; понимаемъ тоже немного: сами на этихъ дѣлахъ зубы прѣли; но оно, скажу вамъ, не всегда удастся,—на кого наскочишь; другой, пожалуй, и самъ разыгралъ роль, да такую, что и затылокъ затрещитъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что жъ мнѣ дѣлать, Михайло Ивановичъ, сами вы разсудите.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Ну ужъ это, сдѣлайте милость, извините меня, учит. мнѣ васъ не приходится, потому что я учитель медвѣжій. *(Нѣсколько минутъ молчаніе, Дурнопечинъ сидитъ отвернувшись, Михайло Ивановичъ нахмурился; потомъ засучиваетъ рукавъ, и начинаетъ гладить свою руку)*.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ *(смотря на руку)*.

Отличнѣйшая вещь! люблю я тебя, милушка моя. *(Обращаясь къ Дурнопечину)*. Видали вы этакіе мускулы? Дайте-ка я вамъ пожму руку.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ну за чѣмъ же?—я слабъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Да давайте! чего жъ вы боитесь?

ДУРНОПЕЧИНЬ *(убирая руку)*.

Нѣтъ, пожалуйста.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЬ *(презрительно улыбаясь)*.

Испугались!.... Дѣлать нечего: попробую ужъ надъ чѣмъ-нибудь другимъ. *(Беретъ палку)*. Позвольте!...

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Что такое?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЬ.

Потыпиться немножко. *(Переламываетъ палку)*. Хрупка, канальство!.. *(Переламываетъ еще разъ)*. Фу, какая гниль! *(переламываетъ еще)*. И тутъ, голубушка, не стерпѣла?... Плохо бы было, еслибы на ея мѣстѣ были кости человѣческія! *(смотритъ нѣсколько времени на Дурнопечина, который тоже глядитъ ему въ глаза)*. А вы какъ это?—я думаю, тоже соломинку подымаете? По фигурѣ должно быть ужасный самсонъ, этакъ, напимѣръ, какъ взять вамъ меня на ладошку, да прихлопнуть, такъ только, я думаю, мокренько останется, прощай Михайло Ивановъ—поминай какъ звали.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Нѣтъ ужъ гдѣ намъ.... Это ужъ я вамъ рыцарямъ предоставляю.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЬ.

Да-съ, конечно, мы стоимъ за себя.... Во всякомъ случаѣ я обращаюсь къ прежнему моему разговору. Вы извините мня, и позвольте вамъ вручить письмо отъ сестры, которая совершенно въ отчаяніи. *(Подаетъ Дурнопечину письмо, которое тотъ торопливо развертываетъ и читаетъ)*.

ДУРНОПЕЧИНЬ *(разводя руками)*.

Ей Богу, я не знаю, что мнѣ дѣлать? За чѣмъ же Надежда Ивановна такъ огорчается?—время еще не ушло; можетъ быть я поправлюсь и въ здоровьѣ, и въ дѣлахъ моихъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЬ.

Да-съ, если вы говорите на счетъ времени, такъ время конечно ничего: мѣсяцъ, два, что такое!—подождать можно, но вы возьмите и мое положеніе: пріѣхалъ ~~чѣмъ~~ пять лѣтъ

воспользоваться деревенскими удовольствиями, и вдруг вижу, что сестра умираетъ,—и отъ чего же умираетъ?—отъ неблагодарности.—Это, какъ хотите, могло взорвать всякаго благороднаго человѣка, и особенно съ моимъ огненнымъ характеромъ. Я долженъ вамъ прямо сказать: я шелъ къ вамъ на смерть.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Что же это такое? Помилюте, изъ-за чего же это?...

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Вполнѣ согласенъ и очень радъ, если вы открываете мнѣ вашу душу: я самъ человѣкъ благородный, и умѣю понимать благородство другихъ. Если вамъ угодно свадьбу отложить на мѣсяцъ или на два—это весьма извинительно.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Да ужъ, сдѣлайте милость, не лѣзя ли повременить?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Извольте-съ. Между знакомыми людьми дѣлаются и не такого рода одолженія; но во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ поцѣловать васъ, какъ будущаго родственника.

ДУРНОПЕЧИНЬ (*привставъ*).

О.... благодарю васъ покорно! (*цѣлуются*).

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Вы, должно быть, очень трусливаго и скромнаго характера.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Да-съ, чтó ужъ у меня взять,—больной, разстроенной.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Вотъ какъ иногда, знаете, судьба человѣческая играть! Ну за что бы вы были моей жертвой? чтó вы такое для меня? муха; а я бы долженъ быть васъ уничтожить, какъ какого-нибудь таракана бездушнаго! Ну какъ, на примѣръ, рукой прикажете убить?—отъ щелчка не пикнете. Сгнрѣяться угодно?... Давайте: въ бубноваго туза на сто сажень попадаю. На сабляхъ хотите?... Какъ бы вы тамъ себя ни лавировали, принесу мою пашку, перехвачу вашу шпагу по-поламъ, и разможжу вамъ голову! Вамъ и слушать страшно, а еще въ военной службѣ.

ДУРНОПЕЧИНЪ

Что дѣлать! прежде не то было, какой ужъ я теперь военной.... На долго ли вы прѣехали сюда?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ,

Этого я самъ не знаю-сь. Утомился на бивацкой жизни, вы, можете быть, не поверите, но къ погодѣ даже иногда кости ноютъ; я вѣдь ужъ два года въ отставку, хочется отдохнуть, и побыть съ сестрою. (*Вставал*). Чѣсть имѣю кланяться.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*тоже вставал*).

Засвидѣтельствуйте мое глубочайшее уваженіе Надеждѣ Ивановнѣ, и попросите ее неогорчаться; Богъ дастъ—все поправится.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Не беспокойтесь, теперь ничего ужъ не можетъ быть, я беру все на себя! Она, между нами сказать, немного сентиментальна, стиховъ читалась, комплекции тоже слабой; но я не балую ее—выправку дѣлаю порядочную: распеканье каждое утро идетъ. Надѣюсь, что мы будемъ видаться.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Я непременно буду.... И вы меня не забывайте; я иногда разхворюсь, такъ и не хотя дома сажу.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (*ударивъ себя по лбу, и какъ бы вспомнивъ что-то*).

Да.... У васъ въ домѣ никого этакой нѣтъ?...

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Чего-сь?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Ну то-есть.... Понимаете?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ай, нѣтъ, полноте, гдѣ?... до того-ли?....

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

То-то: я васъ хотѣлъ предуведомить,—если есть, такъ надо пораньше выпроводить; это я знаю по себѣ.—На меня въ царствѣ Польскомъ навязалась одна этакая штука, такъ всю дорогу гналась за мной; на пяти станціяхъ все колотить

мѣднѣмъ горячимъ чайшкомъ—этакъ, знаете, бьешь и кипяткомъ поливаешь,—только этимъ и отбилъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*одинъ*).

Скажите на милость—убить меня приходилъ! этакую штуку сказалъ! Хорошо, что я славировалъ, да схитрилъ. Ну, вотъ, говорятъ: ни чѣмъ не занимаешься, о болѣзни все думаешь,—вотъ сегодня цѣлой день не думаю о болѣзни, такъ другія радости являються! Болень.... процессъ затѣвается.... дуракъ этотъ индюшку документами обернулъ.... и наконецъ въ добавокъ—убить еще хотять, —такъ, все одно къ одному и идти! Вотъ бы всѣхъ этихъ господъ лекарей, которые совѣтуютъ развѣсаться, да не думать, я и поставилъ бы теперь въ мое положеніе, да и заставилъ бы ихъ не думать! Досаднѣе всего: кто же молоденькимъ не влюблялся въ барышень, и не цѣловался съ ними по закоулкамъ! Не ужели же всѣхъ на арканъ послѣ тянули жениться на нихъ! Это, право, только со мной можетъ случиться. Рышительно не могу сообразить, что теперь мнѣ предпринять?—Бхать куда-нибудь, такъ на станціи нагонять: что захотятъ тамъ, то и сдѣлаютъ. Лучше ужъ женюсь, если очень станутъ наступать на горло, а тамъ что будетъ, то будетъ; здоровья ужъ не буду беречь: ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ чемъ не стану остерегаться; нарочно въ одномъ сюртукѣ буду выходить, авось простужусь, да и концы въ воду.

ЯВЛЕНИЕ X.

ТОТЪ ЖЕ И НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА ВЪЗГЛАЕТЪ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Батюшка, дядюшка, благодарю покорно! Нуте-ка-дурачекъ, то мой что затѣялъ, а вы, благодѣтель мой, еще и денежокъ общали, благодарю покорно. Молодъ бы онъ немного, да можетъ быть, счастье въ этомъ найдеть. Дѣвушка безподобная, съ состояніемъ.... и годами-то постарше: лучше въ рукахъ его будетъ держать. Охъ, Господи, захопоталась и забыла вамъ доложить: бабушка Соломанида Платоновна прѣхала.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Но вотъ наконецъ.... гдѣ же она теперь?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Въ Соборъ проѣхала. Я ее изъ окошка увидала и выбѣжала къ ней; объ васъ спрашивала. Вы, дядюшка, не сказывайте ей, о чемъ я васъ просила, да и про Ваничку-то тоже: вѣдь она у насъ, не приведи Господи, какая строптивая. Я нарочно бѣжала васъ предупредить, дурака-то своего на улицѣ встрѣтила. Въ горницѣ, дяденька, велите все поприбрать: она сей-часъ пріѣдетъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ

Знаю, что пріѣдетъ. У меня безпорядица страшная, браниться еще, пожалуй, начнетъ. (*Звонитъ; входитъ печальный Никита*). Прибери тамъ все хорошенько въ гостиной, да чтобы обѣдъ сегодня получше былъ.

НИКИТА (*про себя*).

Вотъ стряпай теперь, а когда?...

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что ты тутъ, фалелей, подъ носъ-то себѣ бормочешь?

НИКИТА.

Ничего-съ: въ гостиной все прибрано.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Нѣтъ, Никитушка, прибери, батюшка, еще почище: бабushка Соломанида Платоновна будетъ сей-часъ, она ни на что не посмотритъ, и тебя, пожалуй, по щекамъ отдѣластъ. (*Никита уходитъ*).

ДУРНОПЕЧИНЪ (*подумавъ*).

Развѣ съ ней о документахъ-то потолковать, нѣтъ ли у ней какихъ-нибудь актовъ-то? Что это, Настасья Кириловна, ко мнѣ за братецъ приходилъ?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Прохоръ Прохоровичъ, дядюшка! охъ, ужъ, какой это человѣчикъ: и говорить страшно про него! Дьявола, кажется, и того съумѣетъ обмануть. Все теперь по дѣламъ хлопочегъ: такъ такъ, говорятъ, ограбить, что по міру послѣ и пойдутъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Каналья долженъ быть страшный.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Несбыкновенный, дядюшка, каналья; только вотъ бабушки Соломаниды Платоновны и боится.—Онъ, говорятъ, разъ прѣхалъ къ ней этакъ пьяненькой, да что-то грубо и сказалъ, а она его по просту, велѣла лакеямъ на конюшню стащить, да и посыкла-съ тамъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Хорошо и сдѣлала.—Тетка умная женщина. Я ее еще маленькимъ очень боялся.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ахъ, какая умница, дядюшка! По дѣламъ-то какая она: мужчину всякаго за поясъ заткнетъ; только вотъ для насъ бѣдныхъ родственниковъ очень строга: ни съ того, ни съ сего такъ оборветъ, что легче бы сквозь землю провалиться.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*въ раздумь*).

Я хочу съ нею по одному дѣлу посоветоваться. Я теперь очень въ непріятномъ положеніи.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Лучше и не надобно, дядюшка, если у васъ тамъ что-нибудь такое есть. Она и лечитъ, вѣдь, неподобно: у ней на счетъ этого и книги всякія есть, и сама для себя никогда лекарей не зоветъ, выпьетъ тамъ,—у ней какой-то особенный травникъ есть,—все, какъ рукою, и сниметъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Развѣ она пьетъ?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Не знаю, дядюшка, какъ сказать.... вы только, отецъ мой, непроговоритесь какъ-нибудь, не выдайте и не погубите меня на вѣки: занимается этимъ отчасти.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Неужели же и пьяна бываетъ?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ну—нѣтъ-съ, до безобразія, конечно, не доходитъ, а такъ этакъ на-веселѣ бываетъ;—крыпка чрезвычайно-съ: иное утро

въ шкафчикъ раза четыре сходить, ничего не заметишь, только немного пораскраснѣется, да въ языкъ поослабнѣтъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Странная какая женщина! чтобы она у меня тутъ не стала куролесить!

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ой, нѣтъ, не беспокойтесь; только выговоры, можетъ, будетъ вамъ дѣлать;—она дама, надобно сказать, столичнаго ума. Если бы вы, дядюшка, видѣли, какой въ домъ у нее порядокъ.....люди всѣ въ перчаткахъ ходятъ, точно по стрункѣ, ни пылинки, ни соринки нигдѣ нѣтъ; столъ отличнѣйшій, вина безподобныя, послѣ объѣда все фрукты или варенье. Кажется бы гостить у ней, лучше требовать не лзя, если бы сама не была такъ строга.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Мнѣ ее и накормить будетъ нечѣмъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Объ этомъ не беспокойтесь: она съ собой всегда все возить; да вамъ что?... Конечно богата, да не очень таровата; вотъ хоть бы взять съ насъ бѣдныхъ родственниковъ: никогда никакой помощи не окажетъ, только наставленія дѣлаетъ. Настеньку она брала у меня погостить, такъ не повѣрите, дяденька, каждый день дѣвочку съѣла, все будто бы за неопрятство, что за столомъ неопратно сидитъ. Какъ можно сравнить съ вами! ужъ именно можно сказать: благодѣтель вы всѣхъ вашихъ родныхъ.... Отецъ мой! осмѣлось я къ вамъ еще съ одной моей просьбой: не возьмете ли, дяденька, младшаго моего сынишку — Пашенку, не пристроите ли гдѣ-нибудь его въ Москвѣ? (*Слышится колокольный звонъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же и вбѣгаетъ Ваничка.

ВАНИЧКА.

Дѣдушка!... Маменька!... Пожаръ у васъ!

ДУРНОПЕЧИНЪ (*вскакивая*).

Какъ пожаръ?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (*тоже вскакивая*).

Батюшка!... согрѣшили!...

ДУРНОПЕЧИНЪ (*растопыривая руки*).

Господи! что такое? (*оглядываетъ всю комнату*), Никита злодѣй!... гдѣ ты, разбойникъ этакой!... Настасья Кириловна, выбирай, что тутъ есть!

(*На улицѣ слышенъ шумъ. Настасья Кириловна бѣгаетъ отъ одного окна къ другому и смотритъ*).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Да не подождать ли—батюшка, полѣмъ-то нигдѣ не видать. Къ Ванчикъ). Гдѣ пожаръ-то? дурачекъ этакой, пожаръ-то гдѣ?

ВАНИЧКА.

Надо полагать здѣсь на дворѣ! Пожарная команда ужъ наѣхала; меня чуть не задавила.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*подойдя къ столу, и перекладывая вещи съ одного мѣста на другое*).

Вотъ еще! ну что это такое?... какъ будто нарочно весь домъ привезъ. Ванчикъ! что ты здѣсь стоишь, братецъ? Въ гостиной у меня часы стоятъ.... Никита! гдѣ этотъ варваръ—мой Никита?

ВАНИЧКА.

Ничего, дѣдушка, не беспокойтесь! Я пожалуй сдѣлаю-съ: все перешвыряю въ окошко (*убѣгаетъ*).

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Собирай, матушка, Настасья Кириловна!... Нѣтъ моего злодѣя!... Шкатулку.... куда шкатулку-то дѣвать, тутъ есть бумаги.... Платье—чортъ съ нимъ! Вещи-то на столъ; трубка-то.... Настасья Кириловна, сними, матушка, ее со стѣны—полтора рубля заплачена. (*Настасья Кириловна собираетъ; шумъ на дворѣ усиливается; слышны голоса: «давай воды, крышу ломай; нѣтъ ли кого внутри,—выходите вонъ»*)

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Отцы мои, крыша ужъ видно занялась.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Господи, Боже! сгоришь пожалуй; я лучше уйду.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Полноте, батюшко, вѣдь не домъ горить.

ДУРНОПЕЧКИНЬ.

Какъ не домъ, почему ты знаешь... уйду! ой, въ халатъ-то не лѣзя—простудиться! О, дьяволъ тебя драь! *(Проворно сбрасываетъ съ себя халатъ, надѣваетъ шубу, и убѣгаетъ).*

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА *(продолжая собирать).*

Дядюшка! дядюшка!... ну—никого нѣтъ.

ЯВЛЕНЕ ХП.

НИКИТА *(вбѣгая).*

Согрѣшиди окаянные! гдѣ баринъ-то?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Никитушка! Чтѣ такое надѣлалось?

НИКИТА.

Баня горить: проклятые хозяева нажарили, ну и не стерпѣла—вспыхнула.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Давай выбираться, Никитушка!

НИКИТА.

Это для какого рожна?—Команда исправная—по бревнамъ все раскатаютъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Чтѣ это, Никитушка, ты говоришь! Дядюшка приказалъ.... испугался онъ очень; я думала, что умереть сей-часъ же.

НИКИТА.

Дядюшкѣ вашему какъ не испугаться.... вишь, какъ платье-то все раскидалъ, а тамъ я виноватъ, что пропадегъ.... Убираться что-ли? *(Вытаскиваетъ чемоданъ, и кладетъ въ него сначала халатъ, а потомъ и прочее платье).*

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Убирайся, батюшка, поскорѣе убирайся.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ВАНИЧКА *(входя)*.

Я тамъ все выкидалъ.... теперь важно: пускай горитъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ступай, дурачекъ этаконъ, за дялюшкой, куда это онъ, голубчикъ мой, скрылся.

ВАНИЧКА.

Догонишь его, какъ бы не такъ, онъ, я видѣлъ, высуня языкъ, улепетываетъ, во всю Ивановскую деретъ.

НИКИТА.

Собирайте на всякой случай прочія-то вещи, а я все въ коляску положу, да и выкачу ее на улицу. *(Уноситъ чемоданъ на плечъ)*.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА *(собираетъ со стола вещи и укладываетъ въ своемъ платкѣ)*.

Ваничка! подбирай что-нибудь.

ВАНИЧКА.

Вы, маменька, мелочь подбирайте, а я стулья перекидаю въ окно. *(Отворяетъ окно и начинаетъ въ него кидать стулья)*.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ваничка! что это ты дѣлаешь;—помилуй, все переломашь.

ВАНИЧКА.

Ничего, маменька, важно откалываю, только о землю бухъ, да и встанетъ; вотъ одному по ногъ съездить, не вертись—больше горячь.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Подсоби, безтолковой, поднять матери-то! что въ окно-то глаза палишь?

ВАНИЧКА.

А одинъ, небось, не сможете? Давайте сюда—повесимте! *(Настасья Кириловна и Ваничка уходятъ)*.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ДУРНОЙВИЧИНЪ *(объявляя)*.

Батюшки! гдѣ мой халатъ? тутъ у меня шатъдесять тысячъ. *(Осматриваетъ конна ту)* Ну, ничего ужъ нѣтъ—все

прибрали....и последнее украли! все теперь потеряно! Что теперь будетъ со мной.... О.... о.... о.... (въ отчаяніи упадаетъ на диванъ, занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА 1.

СПАЛЬНЯ НАДЕЖДЫ ИВАНОВНЫ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Надежда Ивановна сидитъ въ блузѣ, Михайло Ивановичъ полужимтъ на диванѣ).

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (потупившись).

Что это ты, Мишель, говоришь. Какъ это тебѣ не совѣстно!

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Ничего—лихо поидетъ: сговоры, сватьба, родины, крестины—а тамъ! вдругъ этакая маленькая штучка закричитъ: ува, ува!—а я ему соску въ ротъ.... Кормилицу, главное, выбирай смазливую: я до этихъ милитрасъ кирбительевскъ большой охотникъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Перестань, Мишель, мнѣ стыдно.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Будто ужъ и стыдно? А сама, я думаю, только объ этомъ и помпшляешь.... Впрочемъ, дрянъ вы оба ужасная—хилые какіе-то, мозглые, не то что, напримѣръ, Михайло Ивановъ! офицеры, бывало, все надо мной смѣялись, что мнѣ на улицу не лзя показаться:—всѣ мальчишки кричатъ: тятенька, тятенька, дай пряниковъ.... Охъ, эти мнѣ пряники, много я на нихъ денегъ просадила! Разъ, на одной ярмаркѣ, сорокъ перстенковъ купилъ—на недѣлю не стало! Я вѣдь очень добръ и великодушень: подарки люблю дѣлать.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Не ужели, братецъ, онъ меня любить? Не ужели онъ не забылъ своей Нади?

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Вотъ насъ что больше всего беспокоитъ, чувствительность, главное дѣло, насъ одолеваетъ! Утѣшься: любить! Кулаковъ, такъ я замѣтилъ, онъ очень не жалуется.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Зачѣмъ это ты, братецъ, такъ говоришь? Чтѣ это ты все смѣешься? Расскажи, пожалуйста, хорошенько: какъ онъ меня любить.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

А чортъ его знаетъ, какъ онъ любить!—Я думаю, какъ собака палку. Только что я сказалъ, какія у Михайла Иванова медвежьи привычки, такъ и извиняться началъ, только что въ ноги не кланяется.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Поди, чтѣ это такое?... точно съ крестьянской дѣвкой нутыпъ! Я, кажется, не горничная. .. Ты бы то вспомнилъ, что тутъ моя участь рѣшается.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Ну виноватъ, право виноватъ—не стану! Онъ любитъ тебя, малый отличнѣйшій, добрякъ большой руки, у меня былъ этакой знакомой Селифантьевъ, точъ въ точъ такой же дрожжовникъ: мы, бывало, ему рога наклеиваемъ, а онъ благодаритъ всѣхъ, да еще подарки дѣлаетъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Чтѣ же онъ обо мнѣ, братецъ, говорилъ? Не сказалъ ли онъ тебѣ чего-нибудь о прошедшемъ?

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Нѣтъ, онъ говорилъ больше объ настоящемъ: я на настоящее больше напиралъ. Съ Михайломъ Ивановымъ, обыкновенно, говорить о томъ, о чемъ онъ самъ захочетъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Что жъ онъ объ настоящемъ говорилъ?

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Ну—чтѣ объ настоящемъ?—Говорить: уважаетъ, обожаетъ тебя, и различные тамъ этакие фокусы-покусы. — Бѣдѣнь, говорить, только я, состоянія не имѣю никакого.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Братецъ! онъ обманывалъ тебя, онъ очень богатъ.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Знаемъ, понимаемъ эфти дѣла, поэтому — я его немного и продернулъ, ну и збрэндилъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Что же онъ потомъ?

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Ну, что онъ?—Ничего! виновать-сь, говорить, обожаю.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА *(стремительно)*.

Мишель! мнѣ хочется его видѣть.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Не ужели? охъ, вы горлицы сезокрымыя.... Какъ посмотрю и на васъ, такъ вы точно вата съ порохомъ; немножко этакъ огонька, сей-часъ и вспыхнете.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Какъ бы мнѣ его видѣть, другъ мой! Если къ намъ пригласить, онъ не пойдетъ; я уже нѣсколько разъ его звала; онъ неидетъ.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Что дань? покажу.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Что хочешь, братецъ, отдамъ!— Жизни, кажется, не жалю, чтобъ только его видѣть.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Нѣтъ, зачѣмъ жизни? Мы великодушны: жизнь человеческую шадимъ, а лучше пятьдесятъ цѣлковенькихъ намъ пожалуйте.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Какой ты, Мишель, корыстолюбивый—это не хорошо! Зачѣмъ тебѣ деньги?—опять въ карты играть? Ты и то ужъ у меня папенькину шубу проигралъ.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

А вамъ, небось, жаль для брата этакихъ пустяковъ! Это ужъ, моя милая, не тово.... я изъ-за тебя лобъ подставлялъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Не сердись, Мишель! у меня право теперь нѣтъ денегъ.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ (*кусая усы*).

Да-съ, конечно, у насъ только чувствительности много, а деньги только есть для однихъ адораторовъ. — Исправническому учителю спортуки дарить, такъ есть на что, а брату вытертой шубой, каждый день, тычемъ въ глаза. Знаешь, милушка, все знаемъ!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Мишель! не говори этого: страшно слушать! за что ты меня терзаешь? Я готова тебѣ отдать все.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Всего мнѣ не нужно; у васъ просить только пятьдесятъ цѣлковыхъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Ей-Богу у меня нѣтъ пятидесяти! Я и то ужъ въ послѣднее время заложила нѣсколько вещей.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Не ужели же, чортъ возьми, у васъ ничего нѣтъ денегъ?

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Право нѣтъ! Всего двадцать рублей серебромъ.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Ну, Богъ съ вами!—давайте, покрайней мѣрѣ, двадцать; что жъ такое? не разбойникъ же я какой-нибудь.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

А когда я его увижу?

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Да сего-дня же вечеромъ поѣдемъ къ нему.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Ахъ нѣтъ, братецъ, я боюсь: здѣсь ужасные сплетники! Скажутъ Богъ знаетъ что такое. Не лзя ли какъ-нибудь устроить это свиданіе иначе.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Чего жъ тебѣ бояться со мной! У меня, моя милая, на этихъ сплетниковъ отпичнѣйшая метода есть—этакая, знаете,

небольшая—въ шиворотокъ затрещина, язычекъ-то немного и поприкусится, говорить-то и неловко,—отличнѣйшій способъ! Я одну лекаршу этимъ отъ болтовни полечить—сразу все прошло.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Полно, Мишель, шутить! Право мнѣ не до шутокъ: тошню и грустно; я какъ будто бы что-то предчувствую; мнѣ кажется, я очень сконфужусь, когда увижу его.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Скажите, какая неопытная кошечка! Не прикажете ли съ вами нянюшку отпустить!... Однако двадцать цѣлковскихъ пожалуйте, мнѣ пора. (*Встаетъ*).

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*вынимая изъ кармана деньги и подавая*).

На, возьми, куда же ты?

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ (*потягиваясь*).

Такъ, кой куда зайду, поразсѣяться надобно, а то чортъ знаетъ: сидишь, сидишь... въ голову кака-то дрянь дѣзетъ. Прощай! въ шесть часовъ мы отправимся.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Что же я безъ тебя буду дѣлать? мнѣ скучно.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Любить, мечтать и изнывать... это у насъ въ полку одинъ офицеръ пѣсно сочинилъ,—самъ на скрипкѣ разыгралъ. (*Поетъ*) «Любить, мечтать и изнывать». Адѣ-съ! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*одна*).

Какъ все мужчины нечувствительны и холодны! они совершенно безъ души! и какія мы дѣвушки жалкія существа. Ну, напримѣръ, мужа, друга себѣ на всю жизнь, и того мы не можемъ сами выбрать, потому что, какъ какія-нибудь невольницы, не смѣемъ и подумать предложить руку тому, кого любимъ, а должны дожидаться, должны терпѣть, страдать, и за чтоже?—За то только, что ходимъ въ платьяхъ, а не въ сюртукахъ! Даже въ танцахъ,—ну что такое танцы—пустяки! но и въ нихъ мы должны сидѣть, какъ истуканы, и дожи-

даться, какъ милости, чтобы насъ пригласили. (*Задумывается на нѣсколько времени*). Однако я не думала, чтобъ такъ его любила. Сама не понимаю, что меня влечетъ къ нему. Конечно онъ богатъ.... Я его непременно уговорю вѣхать на воды; тамъ, говорятъ, въ большой модѣ молодыя дамы. Однако это странно,—какъ только я услышала, что онъ пріѣхалъ,— у меня вдругъ сердце замерло, мнѣ вдругъ сдѣлалось и стыдно и весело. Какъ мы были прежде глупы и неопытны, мы оба еще ничего не понимали! Отъ чего онъ тогда же не женился на мнѣ! какъ бы мы были счастливы теперь! но мнѣ суждено другое.... (*задумывается*). Зачѣмъ я позволяла себѣ полюбить ужаснаго капитана. Охъ эта совесть! ужасная совесть!... Вотъ она когда просыпается! И стоили ли всѣ они любви? Я рѣшительно себя презираю. (*Опять задумывается*). Николая долженъ узнать о моемъ прошедшемъ; я сама ему расскажу мои ошибки! Онъ великодушень! Онъ проститъ меня.

ЯВЛЕНІЕ III.

Такъ, и Настасья Кириловна съ Ваничкой.

ВАНИЧКА.

Надежда Ивановна! я маменьку къ вамъ приторанилъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*вставая*).

Ахъ, Настасья Кириловна, какъ мы съ вами давно не видались! (*цѣлуются*).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Такъ ужъ виновата, что и говорить не смѣю. И видѣться съ вами хотѣлось, и съ пріѣздомъ брата поздравить желала, и за Ваничку поблагодарить была должна, что въ его, можно сказать, не по лѣтамъ ласкаете, да принимаете,—ничего не успѣла, просто совсѣмъ сбилась съ панталыку старая баба. Сами, я думаю, слышали, что у насъ надѣялось: дядюшка пріѣхалъ, бабушка Соломанида Платоновна наѣхала, пожаръ у дядюшки случился. Онъ, голубчикъ, перепугался ужасно, и такіа, можно сказать, несчастія, хоть самой сойти съ ума.

ВАНИЧКА.

Маменька съ дѣдушкой, чортъ знаетъ, какъ перепугались! дѣдушка, какъ заяцъ, на-утекъ пошелъ,—драю даль-съ! а

я такъ ничего: на крышу влѣзъ, важно работаль, всего водой облили.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Братъ мнѣ сказываль. Отъ чего же Николай Михайлычъ такъ перепугался—сторъла только одна баня.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ну--да вѣдь мы съ нимъ путаться-то всякихъ пустяковъ охотники.

ВАНИЧКА.

Мнѣ, Надежда Ивановна, поваренко ихной сказываль, что дѣдушка всего боится. Разъ черезъ рѣку перѣзжали, такъ онъ все кричалъ, точно слыная старуха у насъ: та вонъ, лошади дышло въ избу толкнули, а она думаетъ, что громъ, такая дура, что ужасъ!

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Что дѣлать, за то предобрѣйшій человекъ, неимовѣрный можно сказать, характеръ имѣеть: что ему скажи, никогда не разсердится, только не много нахмурится, а тутъ и ничего. Благодѣтель, можно сказать, въ нашемъ свѣтѣ для своихъ родныхъ.

ВАНИЧКА.

И деньги-то-съ потерялъ всѣ, лакей ужъ убраль. Мы прибѣжали, а онъ валяется на полу, да реветъ объ деньгахъ, денегъ-то жалко. Маменька, да вы поговорите съ Надеждой Ивановной, объ чемъ я васъ просиль.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Онъ все свое-то мелеть. Матушка, Надежда Ивановна, разрешите дѣло, какъ оно у васъ тамъ есть.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Что такое?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Насчетъ Ванички-то?... съ моей стороны отсѣвету нѣтъ; самъ свой разумъ имѣеть. Я конечно желала бы, потому что все таки, какъ мать, пользу его вижу.... Онъ добрый у меня и шалостей за нимъ особенныхъ никогда не бывало. — Молодь только.

ВАНИЧКА.

Да что, маменька, вы все пустяки говорите. Надежда Ивановна, я думаю, поймѣе васъ, что вы все глупости говорите.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Что такое?—Я право ничего не понимаю.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Да что, Надежда Ивановна—говорить ужъ конечно лучше прямо! вы товаръ, а у меня купецъ есть. Какъ хотите, такъ и судите, я съ него воли не снимаю.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Теперь это невозможно, Настасья Кириловна! вы сами знаете, какія бываютъ обстоятельства.... Я очень благодарна вамъ за честь, но я не свободна.

ВАНИЧКА.

Нѣтъ ужъ вы, Надежда Ивановна, пожалуйста, скажите. Вы вотъ все говорили: маменька.... маменька, вотъ видите, ничего-съ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, Ваничка, теперь я ничего не могу сказать, я сама не знаю, что со мной будетъ. У меня есть братъ, родственники, кромѣ того есть другія еще препятствія. Въ настоящее время я никакъ не могу сказать ничего рѣшительнаго.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Я съ своей стороны и не тороплю васъ, Надежда Ивановна, конечно этакое дѣло нельзя скоро рѣшить.... Онъ-то ко мнѣ все пристаеъ. Если правду сказать, такъ и Алексѣй Яковлевичъ у меня еще ничего объ этомъ не знаетъ. Конечно онъ не обратитъ большаго вниманія, потому что къ этому ребенку никогда расположенъ не былъ, а мое большое желаніе: умерла бы, кажется, спокойно, кабы этакое дѣло сдѣлалось.

ВАНИЧКА.

Да что, Надежда Ивановна, ничего, да ничего, что вы такое говорите, надуваете вы видно! воиъ, какъ папеньку цыганъ дсньгами обманывалъ, завтра да завтра, а завтра и удеретъ куды нибудь!

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ну что же дѣлать, Ваничка, погодимъ, батюшка, какъ такое дѣло вдругъ сдѣлать! ты-то, можетъ быть, по глупости и молодости, не понимаешь, а это дѣло вѣковое.

ВАНИЧКА.

Что вы все говорите, маменька, годить да годить! Надежда Ивановна, можетъ быть, такъ сомнѣваются; а годить нечего: меня ужъ не прибудеть.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*подумавъ*).

Я теперь въ очень странномъ положеніи, и сама не знаю, что со мной будетъ.... Вы, Настасья Кириловна, не принимайте этого за совершенный отказъ, но...

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Понимаю, матушка, сама все понимаю, и говорю только, покрайней мѣрѣ на будущее время знать будемъ! время еще не ушло. Богъ дастъ, наживетесь, натѣшитесь.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Вы гдѣ остановились?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

У дядюшки, у Николая Михайлыча.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

У Николая Михайлыча?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

У него-съ,—у кого же больше, дядя намъ троюродной...

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Я къ вамъ сегодня заѣду.—Будете вы дома?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Сдѣлайте милость: мнѣ очень пріятно: и дядюшка посмотреть, онъ большое участіе въ этомъ принимаетъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*вспыхнувъ*).

Развѣ онъ знаетъ?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Нѣтъ, этаго нѣтъ еще, но все таки посмотреть. Развѣ ты, Ваничка, не говоришь ли ему?

ВАНИЧКА.

Нѣтъ, маменька, я ему такъ только сказа.тъ-съ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Вы, пожалуйста, не говорите! Ваничка! ты, сдѣлай милость, не болтай, иначе я разсержусь, и принимать тебя не стану. Настасья Кириловна, пожалуйста, помолчите, вы сами женщина и понимаете щекотливость этого положенія.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Не безпокойтесь; да намъ теперь и нельзя—теперь бабушка Саломанида Платоновна здѣсь, съ ней, вѣдь не столкуешь, я даже желала бы, чтобы и при вашемъ посѣщеніи ее не было. Ну да, можетъ быть, провалится куда-нибудь, не цѣлый же день станетъ сидѣть.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Выходить къ вамъ Николай Михайлычъ?—Увижу я его! Онъ прежде былъ нашъ хорошей знакомой, а теперь сдѣлался какимъ-то домосѣдомъ. Я бы очень желала его видѣть.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Какъ не увидѣть, онъ все съ нами сидитъ. На вездоромье все теперь жалуются; но я какъ разсмотрѣла, такъ у него никакой болѣзни нѣтъ, а такъ только затмѣніе въ разумѣ: иногда бываетъ—робость большая. *(Вставая)*. Пойдемъ, Ваничка, что больно насупился. Встань, поцѣлуй у Надежды Ивановны ручку! Она позволить.

ВАНИЧКА *(тоже вставая)*.

Что цѣловать-то! Увасъ съ Надеждой Ивановной все, пожалуйста, дождайся—все молодъ!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА *(вставая и улыбаясь)*.

Разсердился; отъ чего жъ вы не хотите поцѣловать руки у вашей невесты?

ВАНИЧКА.

Чорта съ два невеста! дождешься.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Поцѣлуй, матушка, его въ губы, дай мигъ старухъ по.побоваться!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Пожалуй. Поди сюда, Ваничка, я поцелую тебя! Мнѣ его ничего не совѣстно.

ВАНИЧКА.

Видно, что не совѣстно, все обманываете. (*Надежда Ивановна подходитъ и цѣлуетъ его*).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ну—слава Богу! Благословивася Господь! Пойдемъ, Ваничка. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*одна*).

Онъ совершенный еще мальчикъ! Ему, я думаю, только жениться хочется; а онъ ничего не понимаетъ; по въ то же время какъ смѣль и дерзокъ: какъ его можно сравнить съ Николя! Чудной тотъ человекъ! Въ какое я теперь поставлена ужасное положеніе.—Если Николя не женится на мнѣ, то я должна буду выйти за этаго дурачка; потому что чего же ждать; на что еще надѣяться? быть старой дѣвкой—беззубой и нюхать табакъ!—Я отъ одной мысли въ состояніи умереть! Замужняя женщина, за кѣмъ бы она ни была, въ тысячу разъ счастливѣе дѣвушки. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

ТЕАТРЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ ГОСТИНИЦУ ВЪ КВАРТИРѢ ДУРНОПЕЧИНА.

(*Соломанида Платоновна стоитъ, и топаетъ надъ Никитой, который въ дверяхъ. Дурнопечинъ сидитъ передъ зеркаломъ, цирюльникъ его стрижетъ*).

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Какъ ты смѣль держать барина въ такой грязи? Да я съ тобой жива не разстанусь, криворойкѣ! чтобъ въ кабинетъ у меня сейчасъ же было все прибрано, чтобъ сегодня же крыльцо было какъ стеклышко! Осель этакой!... Пошелъ (*выходитъ на авансцену и садится*). Даже устала, бранившись!... Стриги его, Сережка, глаже стриги.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*усмѣхнувшись*).

Тетушка! какъ это право вы беспокоитесь.... Мнѣ даже

совѣстно (*смотрясь въ зеркало*). Теперь дѣйствительно стало какъ-то легче.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Еще бы! И выбрѣй его, Сережка, сейчасъ, какъ можно чище, чтобы ничего подъ подбородкомъ—этой дряни не было.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ ужъ, тетушка, повольте: я самъ брвюсъ, я другимъ боюсь даваться.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Какъ тебѣ не бояться—всего, батюшка, бойся.... Брѣй его, нечего слушать! Безстыдникъ этакой, какъ маленькой пожару испугался, да и одѣться еще не хочетъ, точно арестантъ какой: не бритый, не стриженный! (*Сергѣй начинаетъ брить*).

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Сдѣлай милость, Сережа—братъ, поосторожнѣе! Нѣтъ ужъ подъ горломъ, пожалуйста, не брѣй, оставь, Бога ради.

СЕРЕЖКА.

Ничего, сударь, не въ первой разъ; слава Богу, господъ бривали.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Вѣдь гадко видѣть тебя, Николай Михайлычъ, право! ты жъ на мушину совсѣмъ не похожъ, а точно мокрая курица.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*выбритый*).

Ну, слава Богу, благополучно! По неволѣ, тетушка, будешь мокрой курицей, какъ все непріятность на непріятности.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*съ усмѣшкой*).

Какія же, батюшка, съ вами особыя несчастія случались?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да хоть бы болѣзнь, тетушка, постоянная, неизлечимая болѣзнь....

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ахъ,—какой бѣдный!—не умирать ли ужъ собираешься? перестань, сударь! отвратительно слушать: что такое у тебя болитъ?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да, что, тетушка, конечно, по пословицѣ: сытый голоднаго не разумеетъ.... а у меня все болитъ, но и кромѣ того, вонъ документы на имѣніе потерялъ, гдѣ ихъ возмешь! а тутъ тяжба предстоитъ.... Человека порядочнаго нѣтъ около меня; одинъ Никита, да и тотъ, — что съ него взять! — набитый дуракъ. Я ему бумаги нужны отдалъ, а онъ ими индюшку обернулъ, да и совсѣмъ потерялъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Прекрасно, отлично сдѣлалъ! Да съ твоимъ веряществомъ у тебя все перетеряютъ. Спросилъ ли ты съ него? наказалъ ли его какъ слѣдуетъ?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Чего тутъ спрашивать? ужъ не воротишь.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (плюетъ).

Тьфу ты дрянъ этакая! Сережка! поди, позови Никиту.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ ужъ, тетушка, оставьте, я его и такъ бранилъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Какъ же? по головѣ ихъ надобно за это гладить! (входитъ Никита). Куда это ты, голубчикъ мой, барскія бумаги спровадилъ? а!...

НИКИТА.

Чего-съ?

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Чего-съ! дуракъ! точно не слышишь, что его спрашиваютъ. — Тебя спрашиваютъ, куды ты бумаги дѣвалъ? (Никита молчитъ). Что жъ ты молчишь, свинопасъ?

НИКИТА.

Барину известно-съ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Барину известно! Ахъ ты ротозей, а ты-то на что!.... Посмотрите, пожалуста, съ какой онъ рожей явился! почему ты пришелъ неумытый? Какъ ты смѣлъ явиться предъ господами въ такомъ костюмѣ? пошелъ вонъ, неумо! Сейчасъ приведи себя въ порядокъ! (Никита уходитъ, Соломанида Платоновна въ

слѣдъ ему.) Погоди ты, милый мой, я до тебя доберусь еще не такъ.... Что это, Николай Михайлычъ, до чего ты довелъ свою прислугу! Мнѣ видѣть все это отвратительно. Какія же это бумаги онъ у тебя затерялъ?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Акты на имѣніе бабушки Ольги.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

У тебя никакихъ не могло быть актовъ, развѣ какія-нибудь копии; подлинныя акты всѣ у меня. И для чего они тебѣ понадобились?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ужъ лучше не говорите, тетушка, я съ вами хотѣлъ посоветоваться объ этомъ серьезно. Вчера ко мнѣ явился какой то братецъ Прохоръ Прохоровичъ; процессъ, говоритъ, подамъ, потому что бабкина духовная будто бы незаконна, а у меня и документовъ никакихъ нѣтъ, такъ напугалъ, что ужасъ!

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА *(разсмѣнувшись)*.

Такъ это тебѣ для Прохора нужны документы: Прохоръ-то тебя напугалъ! Ты, Никоменька, совсѣмъ жалкій человекъ, Ей-Богу! ни дать ни взять, какъ покойная мать твоя, видно у васъ въ крови этакая глупая трусливость!—Та, бывало, седьмымъ ребенкомъ брюхата, ну что такое женщины родить, а она вѣчно въ отчаяніи. Умру, да не перенесу, и тому подобныя глупости.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что дѣлать! Въ дѣлахъ-то я очень неопытенъ. Вы ужъ, тетушка, сдѣлайте милость, не оставьте меня. Сами вы видите: человекъ я больной, слабой, чего добраго, все отнимутъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Это еще какъ? У насъ,—слава Богу, не во французскомъ царствѣ живемъ, за отниманье—въ Сибирь ссылаютъ. Какимъ же образомъ и кто можетъ у тебя отнять?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да я ужъ и самъ не знаю.... мало ли, что онъ тутъ говорилъ: имѣніе, говоритъ, наследственное раздроблено: за неправильное владѣніе, говоритъ, заплатите, да тамъ какіе-то

протѣри и убытки. Красницу свачала требоваль, а потомъ сталъ просить пятнадцать тысячъ серебромъ. Я ужъ и не знаю, чтѣ такое!

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*качал головой*).

Ай да Прохоръ, молодецъ! какія шутки началъ шутить! Постой, погоди, я теперь сама съ нимъ пошучу, подлецъ этакой! Онъ, я думаю, тоже и на мое имѣнье виды имѣеть?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Онъ и про васъ говорилъ.—Вся, говорить, по милости Соломаниды Платоновны и каша-то заварилась.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ну да, я знаю, что я ему поперегъ горла стою. Дай-ка я съ нимъ потолкую.—Пошли-ка къ нему, батюшка, сейчасъ отъ себя записку и позови къ себѣ.—Я поговорю съ нимъ.... Эй, кто тамъ? Своего человека мнѣ нельзя послать; узнаетъ и не пойдетъ. Никита! Эй, болванъ! Никитка! (*Никита выходитъ проворно*). Чтѣ ты глухъ, что ли?

НИКИТА.

Я умывался.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Скажите, пожалуйста, двѣнадцатый часъ, а онъ умывается. Да чтѣ ты баринъ что ли какой? Пошелъ сейчасъ узнай, гдѣ живетъ Прохоръ Дурнопечинъ, и зови его сюда, а обо мнѣ не говори!... Слышишь!... Пошелъ! чтѣ еще почесываешься, невѣжа этакая. (*Никита уходитъ*).

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да, тетушка, какъ бы его больше не разсердить, какъ бы онъ больше не надѣлалъ непріятностей.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Сдѣлай милость молчи, если ужъ такимъ дряннымъ родился: безъ тебя дѣло сдѣлается. Сережка! (*Сережка входитъ*). Попли сей-часъ кучера, чтобы привезъ мой погребчикъ и всю закуску. (*Къ Дурнопечину.*) У тебя, я думаю, и ѣсть-то нечего?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ-съ, тетушка, у меня должно быть приготовлено.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Хорошо, я думаю, съ твоимъ порядкомъ приготовлено. Какую ты водку пьешь?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ай, тетушка, какая водка, я ничего не пью, кофеи даже запрещень.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ничего не пью—гнилое создание! Кофе даже ему запрещень! Для слабаго человека пить необходимо: ты себя не узнаешь, какъ подкрѣпишься.

ЯВЛЕНИЕ II.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА съ Ваничкой.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (*подходя къ рукъ Соломаниды Платоновны.*)

Вотъ, бабушка, и я пришла.... Ваничка, представься бабушкѣ. (*Ваничка подходитъ къ рукъ Соломаниды Платоновны.*)

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Здравствуй. Видишь какъ вытянуло. Поумнѣлъ ли хоть немного; а ростешь, глядя на осину.

ВАНИЧКА.

Я ужъ, бабенка, давно такой, не все маленькимъ быть.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Молодое, бабушка, растетъ. (*Къ Дурнопечину.*) Что, ба-
тюшка, голубчикъ мой, успокоились ли вы?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да, теперь ничего; садитесь!

(*Настасья Кириловна и Ваничка садятся.*)

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*къ Настась Кириловнѣ.*)

Ты это зачѣмъ сюда прибыла? Дома, видно, не сидится?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ай нѣтъ, бабушка, какъ это возможно-съ: дѣла здѣсь
мнѣю....

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Большія, я думаю, твои дѣла. Лучше бы хозяйство-то правила, бездомовица этакая!

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Я, бабушка, правлю—ей-Богу — правлю. Да и кому у меня,—сами вы знаете, дѣти малыя, вездѣ все сама.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Полно, голубушка моя, казанской нищей прикладываться, знаю я тебя, пустоголовая! Всего четыре лошаденки въ усадьбѣ, и тѣхъ измучила, таскаясь по гостямъ; красавица какая, вездѣ ей нужно показывать себя!

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Какая ужъ, бабушка, красота! не красота, а бѣдность.... Наговоровъ вамъ на меня много, мнѣ вы не изволите вѣрить, такъ и погибаю.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Нѣтъ, милая моя, тебѣ этого еще мало — ей-Богу, — мало! Какъ бы воля была, такъ бы я тебя выпорола. Алексѣй Яковлевичъ со слезами прѣзжалъ ко мнѣ. — Вонъ пострѣлять-то своихъ на что похоже перебаловала: куда они теперь годны! Ты у меня молчи лучше—знаю я, соколена, всѣ твои шутики! гдѣ это видано, у мужа съ людинками хлѣбъ воровать да утаивать, голодна что-ли ты?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (*плачетъ*).

Весь въкъ отъ васъ, бабушка, обижена была, видно и передъ дяденькой меня хотите оконфузить! Не знаю, что вамъ сдѣлала, у васъ, кажется, ничего не прощу, своимъ живу.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ахъ Боже мой, какъ разчувствовалась, такъ вотъ мы всѣ и расплачемся съ тобой. Зачѣмъ сюда прѣехала, для какой надобности?

ВАНИЧКА.

Да что, бабушка, вы все на маменьку нападаете! она со мной прѣехала, — да-съ! — мнѣ нужно!

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Дуракъ этакой! Ему нужно! Драть бы тебя нужно—вотъ что тебѣ, болвану, нужно!

ВАНИЧКА.

Да что вы все ругаетесь! Мы вамъ не подчиненные! Что вы въ самомъ дѣлѣ куражитесь.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА *(вспыхнувъ)*.

Ахъ, ты пашенокъ этакой, а! Скажите пожалуйста! Встань сейчасъ на колѣни! пошелъ въ уголъ и встань! Пикнуть у меня не смѣй, дурья порода!

ВАНИЧКА.

Больно ловки, такъ вотъ сейчасъ и послушаюсь....Я не къ вамъ пришелъ, а къ дяденькѣ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА *(выходя изъ себя.)*

Молчать, постреленокъ! говорить тебѣ на колѣни! Ты, розиня матушка, поставь его на колѣни.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Бабушка, успокойтесь, вѣдь онъ еще глупъ, родная моя. Ваничка, встань! что это ты не хочешь потыпить бабушку, встань, другъ мой.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Вставать сейчасъ, оселъ!—Николай Михалычъ, онъ въ нашемъ домѣ дѣлаетъ мнѣ этакія грубости, извольте его наказать.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(изъ сторону)*.

Ахъ ты Господи твоя воля. Что мнѣ съ ними будетъ дѣлать. *(Къ Ваничкѣ)*. Встань, братецъ, какъ же это ты можешь старшимъ себя грубить, да еще и не слушаешься.

ВАНИЧКА *(осердась)*.

Какъ бы вотъ не такъ, что я вамъ, дуракъ что ли дался. Что вы ко мнѣ пристааете? Маменька у насъ ужъ известно.... ее всякой приколотить, а меня—тибо! Дудки мной-то командовать! Повдѣмте, маменька, куда-нибудь, какого здѣсь чорта не видать!

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ваничка, перестань, что это ты, безмозглый, говоришь! Ну, что дѣлать, сама признаюсь, слабая мать! Слышите, и меня-то онъ какъ костить. Молчи, душегубъ, погубилъ ты меня! Встань, злодѣй этакой, угоди хоть этимъ роднымъ-то!

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА *(въ азартъ)*.

Вонъ, дурачье! чтобы духу вашего не было здѣсь! — Никакой Михайлычъ, вели ихъ прогнать.

ВАНИЧКА.

Пойдемте, въ самое дѣло, маменька, что такое! бабушка точно рехнулась.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА *(всплеснувъ руками)*.

Ахъ Господи, согрѣшила я окаянная, лучше бы мнѣ въ утробѣ своей не носить злодѣя! прокляну тебя варвара!

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Настасья Кириловна! уведи своего дурака, онъ вѣрю пьянъ.

ВАНИЧКА.

Сами вы видно съ бабушкой пьяны.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА *(вскликая и давая Ваничку пощечину)*.

Вотъ тебѣ, бабушка, разъ. *(Ваничка попятился, Соломанида Платоновна бьетъ его по другой щекѣ.)* Вотъ тебѣ, бабушка, два.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА *(хватая Ваничку за руку)*.

Царь небесный! Ваничка! что это мы съ тобой надѣлали.

ВАНИЧКА *(вырываясь изъ рукъ)*.

Да что, маменька, иное дѣло, я самъ сдачи дамъ: такую здоровку поднесу, что и съ ногъ полстигъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Пойдемъ, розбойникъ! *(Вытаскиваетъ его почти насильно со сцены.)*

ЯВЛЕНИЕ III.

ДУРНОПЕЧИНЪ и СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(вставая съ беспокойствомъ)*.

Господи, Боже мой! Какъ это неспрiятно: ну что это такое. Дерутся, шумятъ....

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*дуетъ на руку*).

Всю руку разбила, рожа-то какая сухая! Уходили вы меня, Николай Михайлычъ, съ вашей роденькой, благодарю покорно. Сережка! (*Сережка входитъ.*) Пошелъ сейчасъ и выпроводи этихъ скотовъ за городъ, ни минуты чтобы не были здѣсь. А если не поѣдутъ; такъ попроси городничаго отъ моего имени; скажи, что сама послѣ буду благодарить. Охъ, Творецъ небесный, такъ все и перевернулось.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Вы напрасно, тетушка, беспокоитесь. Ну что на дурака сердиться, и дѣлать такія сцены; вонъ онъ жениться хочетъ, и денегъ у меня безпрестанно просить.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Я ему дамъ жениться! А эта матушка-то дурища....

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что дѣлать: бѣдные люди; она сначала меня очень раз-жаловала, а тутъ ужъ я послѣ сообразилъ, что она ханжа, всего просить, всего ей дай. Я, признаться, радъ, что вы ихъ выпроводили; но дѣло въ томъ, что теперь начнутъ на меня жаловаться, бранить, непріятность, пожалуй, какую-нибудь сдѣлаютъ. Не послать ли за ними воротить, они еще и не обѣдали сегодня.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Какъ же, съ голоду умрутъ.... Такъ разстроилась, что возможности нѣтъ. (*Дышетъ тяжело.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И НИКИТА.

НИКИТА.

Пришелъ баринъ-то.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*про себя*).

Ну, опять сцена, опять объясненія, измучать они меня сегодня; ничему не радъ.

НИКИТА.

Баринъ-то пришелъ-съ.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*къ Соломанидѣ Платоновнѣ*).

Тетушка, Прохоръ Прохоровичъ пришелъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Что?

НИКИТА.

Баринъ, за которымъ изволили посылать, — здѣсь.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Зови! Устала я очень, а то бы я и съ этимъ молодцомъ также справилась....

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Прохоръ Прохоровичъ.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Вамъ, братецъ, угодно было меня пригласить? (*Увидя Соломаниду Платоновну, нѣсколько конфузившись и кланяется ей низко.*) Тетущкѣ Соломанидѣ Платоновнѣ честь имѣю свидѣтельствовать мое глубокое почтеніе, — и поздравить съ пріѣздомъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Благодарю васъ покорно, и васъ съ тѣмъ же, мой милый, поздравляю.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ (*къ Дурнопечину*).

Я, кажется, братецъ, явился нѣсколько не своевременно. Вероятно, вы, послѣ такой долгой разлуки, желаете съ тетущкой воспользоваться родственнымъ свиданіемъ, и потому позвольте мнѣ удалиться, тѣмъ болѣе, что я и свои имѣю очень экстренныя дѣла.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Помилуйте-съ, нѣтъ, ничего; вамъ очень пріятно; тетущка сама желала васъ видѣть.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Всепокорнѣйше васъ благодарю; но я имѣю, какъ докладывалъ вамъ, свои дѣлишки, и хотѣлъ только исполнить ваше желаніе.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Нѣтъ, ужъ вы собственные дѣлишки отложите на этотъ разъ въ сторону и побесѣдуйте съ нами. Я хочу съ вами потолковать, знаете, какъ обыкновенно я съ вами толкую.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Какъ вамъ угодно-сь, но впрочемъ, если я только справедливо понимаю, то, кажется, не зачѣмъ и не для чего.... Наши свиданія не могутъ быть пріятны ни для васъ, ни для меня. Насъ Богъ будетъ судить, тетушка,— конечно, я все забыть, все простить, сколько не былъ вами обиженъ....

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Да-сь, вы прекрасный человекъ, вы безподобный человекъ! Только какой это вы съ Николенкой процессъ думаете заводить? У васъ ихъ и безъ того очень много.— Впору и по чужимъ плутовать, зачѣмъ ужъ заводить свои....

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Я не понимаю, къ чему вы изволите все это говорить.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Я говорю къ тому: за что вы Красницу-то съ него просите, за что вы съ него пятнадцать-то тысячъ требуете? вотъ я къ чему говорю.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

По духовной бабки Ольги.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Что же это: такъ такъ и написано?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Нѣтъ, не написано, а такъ слѣдуетъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

А! это такъ слѣдуетъ, а мнѣ не слѣдуетъ получить съ васъ тридцать тысячъ серебромъ, которыя отецъ твой у меня и у матери моей перехватать на свое мотовство-то; мнѣ этого не слѣдуетъ съ васъ получить?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Если ужъ вамъ, тетушка, угодно вызвать меня на откровенный разговоръ, то я долженъ прямо вамъ, при Николаѣ Михайлычѣ, объяснить, что на вашу часть я и не имѣю видовъ-сь. Я не звѣрь безчувственный, и очень хорошо помню благодеянія, оказанныя вами нашему семейству; но я говорю только про часть брата.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Какъ это вы только про меня говорите! что жъ вы за-
пираетесь! Вы говорили и про тетушкину часть, вы мнѣ прямо
сказали, что отъ нихъ вся каша заварилась.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Никакъ нѣтъ-съ, я никогда этого не говорилъ,—тетушка
благодѣтельствовала нашему семейству, да и моихъ щенцовъ,
можетъ быть, не забудеть,—я не могъ этого говорить.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что́ это такое вы говорите! Какъ это вамъ-нестыдно! Вы
еще сказали, что —дай Богъ тетушкѣ вѣчную память,—вотъ
что вы говорили!

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Никогда ничего и въ помыслахъ этого не бывало.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*качая головой*).

Ахъ ты лукавый человѣкъ! Ахъ ты чернильная пѣвица!
Какъ тебя не повѣсятъ до сихъ поръ!—вотъ ты мнѣ что ска-
жи, — а давно бы пора! Да это и будетъ. У насъ ваша
братья всегда на каторгъ околѣваютъ (*стучаетъ по столу
пальцемъ*). Слушай ты, приказная строка! Если ты только
осмѣлишься приходить беспокоить его съ твоими подлыми
процессами, — онъ человѣкъ слабый и больной, онъ мой наслед-
никъ,—слышишь ли?— я завтра же подамъ вексель ко взы-
сканію и уморю тебя со всѣмъ твоимъ потрохомъ въ тюрьмѣ,
на свой счетъ буду содержать, а не выпущу.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ (*зрустно*).

Обидѣть маленькихъ людей, тетушка, легко; но надобно
вспомнить и послѣдній конецъ: несправедливость вопіеть на небо.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Особенно за тебя, голубчикъ мой, за тебя особенно, я
думаю, дадимъ мы отвѣтъ Богу. Давай-ка посчитаемся: твой
распутный родитель захваталъ тридцать тысячъ. Сестрица твоя
выханжила еще при жизни у тетки пятьдесятъ душъ, и
наконецъ я тебѣ самому—неблагодарному подарила на свадьбу
десять тысячъ р. сер. Ну-ка сложи!—сложеніе-то, полагаю,

знаешь: тридцать да десять—сорокъ, да за души хоть по сту—
нять.... миленькой, сорокъ пять сер., а мы съ нимъ всего по-
лучили двѣсти душъ; что—чѣмъ пахнетъ! Какъ у тебя у без-
стыдника языкъ повертывается говорить! Хорошо, что я на
тебя пугало имѣю—вексель-то сохранила, а то бы совсѣмъ
обобралъ. Чтѣ корчишся, не нравится?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Вашъ вексель, тетушка, меня денно и ночью беспокоитъ.
Я дѣтьми моими пожертвовалъ бы, чтобъ только его не было;
подъ клятвой бы, кажется, никогда не затѣялъ процессу, если
бы вы только его уничтожили.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Слынишь, Николенька, какое онъ намъ благодаряиіе ока-
зываетъ. Кинемся ему, батюшка, въ ноги; процессу ужъ не
хочетъ съ нами затѣвать. Ахъ ты Іуда предатель!... о процессъ
ты не смѣешь и думать. Ты къ нему приходилъ такъ, нельзя
ли что-нибудь сорвать. А вексель я, милушка, поберегу, да
и ему передамъ;—что? не вкусно?

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

По векселю вы ничего не возьмете. У меня состояніе
все женнино.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Полно такъ ли? А если я знаю, что у тебя ничего жен-
нинова нѣтъ, да ты скорѣй удавишься, чѣмъ грошъ женъ
повѣришь; картофель на вѣсъ выдаешь—что ты мнѣ говоришь,
безобразный чловѣкъ! а передашь ты женъ состояніе. Я да-
же теперь вижу, что въ плутовской головѣ твоей дѣлается—
продать думаешь что-ли? врешь—завтра же наложу запрещеніе.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Я ужъ ничего не могу говорить и долженъ только бла-
годарить Николая Михайловича, что они такъ возстановили
васъ противъ меня.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что жъ вы претендуете на меня. Вы сами начали. Мнѣ
ничего вашего не нужно.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Поди, убирайся домой, и не трогай насъ, а не то худо будетъ.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ (*подходя къ ея рукѣ*).

Я никогда ничего, тетушка, видитъ Богъ, никогда ничего не замѣшлялъ. Конечно, какъ отецъ семейства, желалъ бы что-нибудь приобрести, и мои дѣти, тетушка, тоже ваши внуки, если не для меня, такъ для Царя небеснаго вамъ бы следовало пощадить сиротъ. (*Опять подходитъ къ рукѣ*).

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Нечего тутъ лизаться, ступай, дѣлай тамъ, какъ знаешь, а мы будемъ дѣлать свое. (*Вносятъ полной завтракъ, состоящій изъ калбасы, ветчины, загибѣнекъ, шпигованнаго поросенка, сыру, бальика и проч. Никита и Сергѣй, оба въ бѣлыхъ перчаткахъ, становятся у дверей*).

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

На счетъ запрещенія, бабушка, я осмѣлюсь васъ беспокоить: пощадите,— и братецъ вѣрно не пожелаютъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ладно, убирайся.

ПРОХОРЪ ПРОХОРОВИЧЪ (*со вздохомъ*).

Не равное людямъ дано счастье: одни и семействомъ обременены и стараются, и тутъ ничего не приобретаютъ, а другимъ все предоставляется, тутъ ужъ говорить нечего, а на Бога надобно возложить попеченіе.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ка-бы на Бога ты больше надвѣлся, такъ бы было лучше, а то ты только плутовствомъ, да разными штуками думаешь жить; отправляйся, намъ нора есть. (*Прохоръ Прохоровичъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Завтра же наложу запрещеніе на этого плута.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ну Богъ съ нимъ, тетушка, оставьте его, дѣти, вѣдь, у него есть.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Какое, сударь, дети, человекъ непомѣрной жадности: триста душъ, а вонъ какимъ оборванцемъ ходить, да нюхаешь, нѣльзя ли гдѣ-нибудь что-нибудь сплутовать.... Что жъ мы не завтракаемъ? (къ лакеямъ) Подавайте водку, что вы стоите! (къ Дурнопечину) Вышей!— это желудочная.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, тетушка, увольте, мнѣ ужъ года три запрещено.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Полно глупости: запрещено; ужели я хуже твоего знаю. (Дурнопечинъ отхлебываетъ полрюмки) Пей все, что очень церемонилъ, какъ купчиха.

ДУРНОПЕЧИНЪ (допиваетъ).

Право много.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Налей и мнѣ (Дурнопечинъ наливаетъ, она пьетъ.) Это не та,—у меня ихъ много сортовъ. Сергѣй! поди принеси зеленую, что тrefолью настоена. (Дурнопечину) Та для тебя будетъ полезнѣе. (Сергѣй уходитъ.)

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Какая у васъ, тетушка, славная водка—такъ въ желудкѣ и загло, какъ будто бы что-нибудь тамъ ходить.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Бѣшь загибеньки, да вонъ и сосисекъ возьми.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ай нѣтъ-съ, вредно будетъ, развѣ не много попробовать (беретъ не много на тарелку и пьетъ). Какія отличныя загибеньки! Удивительно, какъ водка возбуждаетъ аппетитъ (беретъ сосисокъ; Сергѣй приноситъ графинъ съ водкой).

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Подай Николаю Михайловичу. Вышей! эта лучше.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Право много, я, пожалуй, пьянъ буду.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Велика важность, лучше уснешь.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(выпиваетъ залпомъ и дѣ-
ляетъ гримасу)*.

Хо, хо, хо, батюшки, духъ захватило; Фу, какая омега, что́ это такое, точно спиртъ стогоградусной!

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА *(псть)*.

Водка чѣмъ крыиче, тѣмъ лучше устроиваетъ желудокъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Чего тутъ лучше—отдышаться не могу: точно коломъ въ горло треснуло.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Очень нѣженъ не кстати.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(съ жадностію начи-
наетъ псть)*.

Фу, канальство, какъ аппетитъ возбуждился! Эй, чортъ возми, начну катать все: что́ будетъ, то будетъ, двухъ смертей не бывать, а одной не миновать! Гдѣ вы это, тетушка, такую прекрасную ветчину берете? Покупаете что-ли?

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА,

Нѣтъ, дома коптятъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Соблаговолите мнѣ, голубушка моя, окорочекъ!

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Хорошо; Сергѣй! хересу....

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да что́, тетушка, все вы меня угощаете, что́ же я за дуракъ хозяинъ!... Никита! Поди возьми мaderas и хересу самаго лучшаго—въ пять руб. сер. бутылку.—Слыпишь?

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ну что́ ты пустяки городишь! Какой здѣсь хересъ, брандахлыстъ какой-нибудь въ тридцать коп. сер. У меня вина все Петербургскія.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да что́, тетушка, нѣтъ ужъ, сдѣлайте милость, я хочу, чтобы было и мое; хоть шампанскаго, по крайней мѣрѣ, позвольте. Поди, купи самаго лучшаго шампанскаго двѣ бутылки!

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Куда двѣ! Очень ужъ раскутился, пей-ко хересь!

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Хересу выпью. А ты ступай. (*Никита уходитъ.*)

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Будешь еще вѣсть?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да ужъ позвольте.—Вонъ мнѣ хочется этаго поросенка; должно быть, поросенокъ напшигованный; вишь, каналья, какъ смотритъ, какая у него дурацкая рожа.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ну что—теперь лучше?—Прошли болѣзни?—Вымечился отъ сухотки?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

А чортъ ихъ знаетъ, прошли онѣ или нѣтъ! Съ сегодняшнаго же дня не стану ничего думать. Вы для меня, тетушка, просто, благодѣяніе оказали: вотъ, хоть взять съ процесса, я, чортъ знаетъ, какъ его боялся, думалъ, что непременно все возьмутъ. А тутъ дура Кириловна ханжитъ, духовной проситъ, слабы вы, говорить, дяденька; такъ разстроился, что думалъ—черезъ часъ же умру.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Глупость и бездѣйствіе... Служить и жениться тебѣ надобно—вотъ что! Я тебя женю. Ты у меня не отвертисься. Я тебя молодца за этимъ и выписала.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Не ужели? Хорошо бы, тетушка, очень хорошо; но съ другой стороны... Позвольте мнѣ еще хересу выпить.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Погоди, шампанское будетъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Хорошо-съ. Ахъ, тетушка, вѣдь я прежде кутилъ, ужасно кутилъ; отъ этаго, кажется, теперь все и происходитъ; ну да, впрочемъ, и характеръ у меня скверный, особенно иногда по утрамъ.— Уму невообразимо, какъ все кажется въ этакое

черномъ свѣтъ; иной разъ, такъ безъ всякой причины, раздумашься, да и зарыдаешь, точно женщина какая; всего какъ будто бы боишься; вонъ все кажется, что позвоночной столбъ болить: особенно въ поясницѣ. — Ну и думаешь, что сухотка. Что ни услышишь, что съ другими случится — непріятность какая-нибудь или болѣзнь, сей-часъ въ голову и придетъ, что и со мной то же самое будетъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Все пустяки, мой милый: у тебя истерика и геморой, больше ничего. Отъ истерическихъ припадковъ пей по рюмкѣ водки съ гофманскими каплями, а отъ гемороеу раза два въ годъ пиявки ставь, да моціону больше имей, а главное: женись. — У меня для тебя прекрасная есть невеста.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, тетушка, въ здѣшнемъ мѣстѣ мнѣ не лзя жениться.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Это отъ чего?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Какъ вамъ сказать, — старая любовишка есть?

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Вотъ тебѣ на, какой хватъ! Что жъ такое любовишка? Мало ли, я думаю, у васъ этихъ любовишекъ? Этакъ нигдѣ не лзя жениться. — Влюбленъ что ли ты въ кого?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, какое влюбленъ..., (*входитъ Никита съ шампанскимъ*). Шампанское однако принесли. Разливай! (*Никита наликаетъ и подаетъ*).

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*беретъ бокалъ*).

Разсказывай!

ДУРНОПЕЧИНЪ (*выпивая бокалъ*).

Да вы, я думаю, знаете. Помните, еще покойной батюшка все свѣлся: Наденька Каноричъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Вотъ кто! Хорошу птицу убилъ. Что же у тебя, связь что-ли съ ней?

ДУРНОПЕЧИТЬ.

Ай нѣтъ-съ, какая связь! Влюблена въ меня была, да и теперь еще влюблена, ну мнѣ и жаль ее.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*разсмѣявшись*).

Что это, Николенька, и смѣшишь ты меня и печалишь. Не ужели же ты не знаешь, что эта дура помѣшана на любви? — Она въ встрѣчнаго—поперечнаго влюбляется, ей-то только несоотвѣтствуютъ, а она хоть въ твоего Никиту влюбится—не хочешь ли!

ДУРНОПЕЧИТЬ.

Богъ ее знаетъ! Я ее лѣтъ пять не видалъ. Записки теперь все пишетъ ко мнѣ: умру, говоритъ, если вы меня оставите и презрите.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Какая нѣжная. Отъ чего же она не умирала, когда другіе ее презирали? Она, я думаю, въ человѣкъ двадцать была влюблена, и всѣ ее презирали.

ДУРНОПЕЧИТЬ.

Я этаго ничего не знаю. (*Пьетъ шампанское*). Какъ однако шампанское прохлаждаетъ. По чувствамъ своимъ, тетушка, я человѣкъ благородный и совѣстливый, лакея иногда побранишь, такъ и тутъ жалко, въ отношеніи же ея и подавно, думаешь: дѣвушка не глупая... чувствительная, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ влюблена; я тоже съ ней прежде нѣжничалъ и любезничалъ, въ любви даже клялся.... Вы не повѣрите, съ самаго пріѣзда сюда ~~этимъ~~ мучусь; требуетъ, чтобы я на ней женился, а я рѣшительно не могу, да и не хочу, потому что, между нами сказать, она мнѣ и не нравится.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Есть чему и нравиться,—кошка ободраная. Тебѣ даже, сударь, неприлично объ ней и говорить, вотъ что! Еслибъ у тебя даже и было съ ней что-нибудь серьезное, такъ и тогда надобно плюнуть. Мало ли у васъ—мушницъ этого бываетъ, не думать же обо всѣхъ. По слабости характера, да по своей добротѣ вы и гибнете. Выкинь сей-часъ все это изъ головы, и не говори мнѣ объ этомъ! Я терпѣть не могу этаго слушать.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Знаю, тетушка, видить Богъ, понимаю, что вы говорите справедливо. Чортъ бы ее дралъ въ самомъ дѣлѣ, пусть умираетъ; не умереть, я думаю, потому что все это одинъ только обманъ, да притворство, я это ужъ давно подозреваю. Двадцать человѣкъ ее не любили, такъ ничего, а я одинъ виновать.... Матушка, тетушка, голубушка моя, выпьемте еще! (*пьетъ*). Жените меня на комъ хотите, я надѣюсь на васъ какъ на каменную стѣну. Я знаю, что вы мнѣ зла не пожелаете, одно только тутъ.... Чортъ знаетъ, какъ все это непріятно располагается: брата ко мнѣ вчера присылала, мушкетера вершковъ десяти ростомъ, палку сломалъ, точно соломенку, убить, говоритъ, я васъ приходилъ. — Экую штуку сказалъ!—Убить, говоритъ, приходилъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*улыбалась*).

Какова мерзавка, на какія штуки поднимается? А ты, батюшка, я думаю, сей-часъ и струсилъ?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, тетушка, ей-Богу, нѣтъ, я схитрилъ немного, обманулъ его, т. е. этакъ ничего рѣшительнаго не сказалъ, а онъ, должно быть, страшный дуракъ, и по лицу даже видно.... я ничего не испугался, мнѣ ужъ нечего терять въ жизни, пускай себѣ убиваютъ, дешево не дамся, (*ударяя кулакомъ по ручкѣ кресла*) по крайней мѣрѣ хоть стуломъ голову проломаю, а дешево не дамся! (*встаетъ*). Выпьемте, тетушка, еще!

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Нѣтъ, не хочу (*зѣваетъ*), и такъ много пили. Прощай!— Я поѣду соснуть.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*проводжалъ*).

Я, тетушка, васъ крѣпче, я больше вашего могу выпить.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Еще бы.... мушкетеръ въ тридцать лѣтъ. Прощай!

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Прощайте, тетушка! У меня бы вамъ отдохнуть, да только безпокойно будетъ. Хозяйство у меня никуда негодно идетъ....

Жените меня, голубушка! Холостому очень неприятно жить. Чортъ знаетъ, въ какую исторію и неприятность иногда можно попастьъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ну полно, разоврался ужъ очень, отдохни и ты. (*Уходитъ*).
(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ прежній кабинетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДУРНОПЕЧИНЪ ХОДИТЬ ВЗАДЪ И ВПЕРЕДЪ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Жениться! не дурно, очень бы не дурно..... Отъ чего это у меня волненіе во всемъ?—кровь такъ и ходитъ кругомъ. Ахъ, какая я дрянъ!—Царь небесный!—ни съѣсть, ни выпить ничего не могу. Я вотъ теперь все разсуждаю, каковы женщины?... какія онѣ плутовки! а мы-дураки — о нихъ страдаемъ, да ночи не спимъ, все думаемъ, что онѣ влюблены въ насъ, а онѣ просто способны влюбиться въ каждого. И какъ тонко, какъ хитро поступаютъ въ этомъ случаѣ! Вотъ, напримеръ, въ двадцать человѣкъ она была влюблена — все ничего а отъ меня умираетъ. Еще говорятъ: не остерегайся, да не опасайся ничего, тогда какъ въ жизни надобно всего бояться: и женщинъ, и сутягъ, и нездоровья, и климату, да ужъ и не знаю чего еще, просто всего....

ЯВЛЕНІЕ II.

НИКИТА (*входя*).

Каноричи прѣехали-съ—баринъ съ барышней.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Какъ съ барышней?

НИКИТА.

Съ барышней-съ; васъ спрашиваютъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ну, скажите, что это за безстыдство! дѣвушка ѣдетъ къ

холостому мушину. Что я теперь буду дѣлать! Да ты бы ска-
зала, братецъ, что я не одѣтъ.

НИКИТА.

Въ залу вошли—не гнать же ихъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Пу ступай, дуракъ этакой, зови, если ужъ ничего порядочнаго не умѣешь сдѣлать. Приму же я ихъ, дорогихъ гостей: слова не стану говорить, а если сами что начнутъ, такъ такъ ихъ отдѣлаю.... тетка-то у меня подъ руками, она не выдастъ, да и Никитъ вело у косяка стоять, что не много.... такъ и выгонимъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тъ же и Михайло Ивановичъ съ Надеждой Ивановной.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Здравствуйте, Николай Михайловичъ! (*подаетъ Дурнопечину руку, которую тотъ, сконфузясь, беретъ*).

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Честъ имѣю вамъ представить мою сестрицу, изъ дворянъ дѣвицу. (*Въ сторону*) Фу, какъ сконфузились.... Ахъ старые черти!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Я хотѣла быть у вашей родственницы—Настасьи Кириловны, но она куда-то уѣхала. — (*Нѣжно*). Впрочемъ я жала и васъ видѣть.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*холодно*).

Она уѣхала-съ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*немного сконфузившись*).

Можетъ быть, они скоро пріѣдутъ (*къ брату*). Я ужъ и не знаю: че подождать ли ее намъ здѣсь, Мишель?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Конечно, душа моя, надобно подождать, а то, какъ хочешь, неприлично; она сдѣлала тебѣ столько визитовъ, а ты еще ни разу не была у ней. Николай Михайловичъ, вѣроятно, не потяготится присутствіемъ дамы.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*звонитъ, входитъ Никита*).

Куда ты, братецъ, все уходишь, постой тамъ—за дверями, а то спросишь,—и никого нѣтъ.

НИКИТА.

Я и то все въ лаксейской.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Тебѣ говорить не про лакейскую, — а чтобъ ты стоялъ тутъ — за дверьми (*Никита уходитъ*).

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (*къ Дурнопечину*).

Что это, Николай Михайловичъ, у васъ лице какое пере-
срашенное, кутили что-ли вы? Да вонъ тутъ и бутылки
стоятъ. Пошлыми, видно, этакъ, въ одиночку.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ-съ.... мнѣ все нездоровится (*садится*).

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*тоже садясь*).

Отъ чего это? что такое съ вами? Помните, какіе вы прежде
были веселые, живые.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Огъ сердцемъ боленъ, внутри страдаетъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*съ насмѣшкою*).

Ошибаетесь. Сердцемъ ужъ пускай страдаютъ другіе, а я
не очень чувствителенъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Вы не чувствительны? И это вы говорите, что вы не чув-
ствительны?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да-съ, я говорю. Что жъ вамъ тутъ удивительнаго? Пре-
жде, можетъ быть, когда быть молодъ и глупъ.... но пора же
и поумнѣть.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Стало быть вы совершенно забыли прошедшее?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да и помнить изъ него нечего, потому что все шалости
и глупости.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Я не думала, чтобы для васъ въ прошедшемъ все было
шалости и глупости. — Для меня такъ напротивъ: я живу
только прошедшимъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

То вы, а то я.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Да, конечно, вы мущина, и потому можете позволять себѣ все, а я бѣдная женщина, и могу жить только сердцемъ — и то въ прошедшемъ.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (*взглянувъ въ окно*).

Николай Михайловичъ! чтó это у васъ подь окошкомъ? — садъ что-ли?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Сами видите!

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Могу я прогуляться?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Если хотите.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Но можетъ быть, Мишель, намъ пора домой.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Но что жъ такое пора? — Отъ чего жъ ты не хочешь подождать, чтó за нетерпѣніе? (*въ сторону*). Они безъ меня лучше столкнутся. (*Къ нимъ*). Я ухожу-сь. (*Уходить*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДУРНОПЕЧИНЪ и НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

И такъ, Николай Михайловичъ, вы говорите, что совершенно забыли прошедшее?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да почему же я долженъ непременно помнить прошедшее? Не романы же мнѣ изъ него сочинять, не исторію про себя писать, я, кажется, еще не великій человѣкъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Я говорю не про романы и не про исторію. — Смыться въ этомъ случаѣ не надъ чѣмъ, да и не совсѣмъ благородно. — Я васъ прошу сказать мнѣ, по вашей старой дружбѣ, откровенно: отъ чего вы забыли прошедшее? — Тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Я и не смѣюсь, а говорю только, что время намъ откры-
вать глаза.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Въ отношеніи кого же вамъ время открыло глаза?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Въ отношеніи всѣхъ—и всего.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Въ отношеніи всѣхъ?—и вы это сказали равнодушно?
Стало быть, и въ отношеніи меня, потому что и я тоже ваша
старая знакомая?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Незнаю-съ. Ахъ, Боже мой, какъ у меня голова начи-
наетъ разбалчиваться!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Оъ что же у васъ вдругъ начала голова разбалчиваться.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Такъ-съ; впрочемъ я сегодня много пилъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Зачѣмъ же вы пьете?—Это, я полагаю, при вашемъ сла-
бомъ здоровьи, вамъ вредно (*въ сторону*). Нѣтъ, это не выно-
симо, онъ какъ будто бы ненавидитъ мня! (*Обращается къ*
Дурнопечину съ большимъ чувствомъ) Никола! неужели ты,
совсѣмъ забылъ меня, неужели ты вовсе разлюбилъ свою Надю?
Но если ты притворяешься, такъ за чѣмъ это, другъ мой! Для
чего ты мучишь себя и меня! Погляди на меня, какъ ты
прежде когда-то смотрѣлъ! Неужели ты не понимаешь, что
я пришла только видѣть тебя!

ДУРНОПЕЧИНЪ.

И напрасно это дѣлаете, это не совсѣмъ прилично.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Но я люблю тебя, другъ мой, я не могу жить безъ тебя!

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Отъ чего же вы безъ другихъ можете жить?

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Безъ кого безъ другихъ я могу жить?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да безъ двадцати человекъ, въ которыхъ были влюблены

НАДЕЖДА ИВАНОВНА

Николя! тебѣ, вѣрно, кто-нибудь оклеветалъ меня, но я невинна предъ тобой, я всегда тебя любила.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*отворачивается въ сторону съ усмѣшкою*).

Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Николя! не смѣйся надо мной, оскорбленная женщина ужасна въ гнѣвъ, она способна на все.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что жъ вы меня пугаете что ли? Вашимъ братцемъ вѣроятно хотите утратить? Напрасно безпокойтесь. Я ничего не боюсь, мнѣ терять нечего.... вонъ у меня голова болитъ, лихорадка во всемъ тѣлѣ, такъ я съ радостію бы умеръ.... Мнѣ въ жизни терять нечего; такая тоска начинается дѣлаться, хоть въ петлю лѣзть.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Напрасно вы такъ думаете. Я первая заклинала брата не давать воли своему ужасному характеру; на коленяхъ со слезами умоляла его пощадить васъ. Когда онъ узналъ, то проклялъ даже меня. (*Закрываетъ глаза платкомъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Фу, какая жара! какая у васъ, батенька, тамъ хозяика хорошенькая—прелесть!—Сидитъ этакъ, каналья, да шерсть мотаешь, а глаза такъ и бѣгаютъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Мишель, поѣдемъ домой.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Что?... домой?... зачѣмъ домой? Отъ чего у тебя слезы на глазахъ, ты вѣрно плакала?

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Такъ, ничего.... Поведемъ (съ горькою усмѣшкой). Мы, кажется, здѣсь лишніе.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Какъ лишніе? Я не полагаю, чтобы, послѣ давишняго разговора, мы могли быть лишніе.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Не знаю. Покрайней мѣрѣ, Николай Михайловичъ мнѣ прямо сказалъ, что я была влюблена въ двадцать человѣкъ, что надъ прошедшимъ онъ смѣется, и что, будто бы, я тебя нарочно посылала къ нему.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ (къ Дурнопечину).

Вы это сказали!

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Сказалъ-съ. Что жъ вамъ угодно отъ меня?

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Какъ, что угодно! Позвольте вамъ сказать, что мнѣ даже странно слышать съ вашей стороны этотъ вопросъ: что мнѣ угодно!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА.

Перестань, братъ, оставь; теперь ужъ все кончено.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Какъ кончено? для меня, душа моя, не можетъ быть кончено! Не могу же я подобныя выходки сносить равнодушно. Ты сама знаешь, что мнѣ еще никто не наступалъ на ногу, кто хоть немного берегъ свою голову.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

До головы моей вамъ далеко, а если вы думаете, какъ простой мужикъ, драться, такъ для этого у меня лакей есть. Никита! Никита! (Никита входитъ). Стой вотъ, братецъ, тутъ, я твой баринъ, а здѣсь хотятъ буяннить.... Съ вами, видно, нечего деремониться, потому что вы сами съ бурлацкими прищипками.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Хо, хо, хо, милостивый государь, какъ вы прытки стали, пьяны что ли вы? Печего за стулъ браться.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*къ брату*).

Братъ! смирн себя, Бога ради смирн.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Что жъ, душа моя, я готовъ для тебя сдѣлать все; но тебѣ извѣстенъ мой огневой характеръ: здѣсь оскорбляютъ честь твою, говорятъ, что я бурлакъ, и наконецъ призываютъ лакея въ защиту себя. Подобныя вещи могутъ дѣлать только такіе подлецы, какъ этотъ господинъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Подлецы вы, а не я. Когда начали такъ поступать, такъ убирайтесь вонъ!

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (*вскрикиваетъ*).

Молчать!

(*Дурнопечинъ поднимаетъ стулъ, Никита къ нему приближается*).

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*упадая на стулъ*).

Ахъ, дурно!

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ (*поднимая кулакъ, отступаетъ назадъ*).

Твоя бабка остается на плечахъ только по милости этой слабой женщины. (*Къ сестрѣ*) Ну полно, перестань, что за ребячество, я не буду горячиться. На человѣка,—которому говорить въ глаза, что онъ подлецъ, а онъ отвѣчаетъ только, что онъ не подлецъ,—на такого человѣка не стоитъ сердиться, а надо плевать. Я бы вамъ сейчасъ же размозжилъ голову пулей, но къ счастью вашему, вы свинцовой не стоите, а я вамъ вѣзлю деревянную. Ну полно, Надя, нечего тутъ дурачиться, вставай, ты видишь, я спокоенъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*приподнимается*).

Да.... Охъ.... Я едва не умерла. Прощайте, Николай Михайловичъ; въ душѣ моей къ вамъ осталось одно только презрѣніе. Ненавидѣть васъ я не могу, но вы не порадуетесь моей гибели: я буду доброй и хорошей женой, но только не вашей. На раскаяніе съ вашей стороны не надѣйтесь, я—

вась не прощу. Пойдемъ, братъ, Бога ради успокой себя, ты видишь: я больше твоего теряю, но я спокойна.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

И я ничего;... кажется, ужъ, изъ сожалѣнія къ тебѣ, ничего не рѣшаюсь предпринять. Поступайте, какъ хотите, если такъ влюблены. Я покрайней мѣрѣ не принимаю ничего на свой счетъ, и ухожу (*уходитъ*).

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*уходя, къ Дурнопечину*).

Вы погубили женщину, — это останется на вашей совѣсти, и вы будете наказаны. (*Уходитъ съ достоинствомъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ДУРНОПЕЧИНЪ И НИКИТА.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ну, да, проваливайте. Тронуть, небось, не смѣль (*къ Никитѣ*). Каковъ народецъ, а?

НИКИТА.

Да-съ, нечего сказать, и на господъ-то не похожи. Только бы онъ тронулъ вась, я бы ему задалъ фехтеру.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ты бы его больно приколотилъ?

НИКИТА.

Не даль бы спуска. Мы попросту, по-мужицки: бей по шеѣ, пятенъ невидать.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ты бы, знаешь, его съ ногъ сшибъ, а я бы его стуломъ.

НИКИТА.

Какъ бы пришлось, озарникъ этакой.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Теперь, пожалуйста, братецъ, никогда ихъ не пускай ко мнѣ; какъ придуть, такъ и гони безъ всякой церемоніи. Не бойся, ничего не будетъ. — Поступай смѣлѣе.

НИКИТА.

Я-то, сударь, ничего, вы-то ужъ очень сумнительны. Вонъ не то, что какая-нибудь важность, а только бумаги пропали, такъ и тутъ какъ вы себя обезпечили....

ДУРНОПЕЧИНЪ.

На меня это, Никита, временемъ находить. Сегодня видѣлъ, какая штука была, какъ бы, кажется, не испугаться, а ничего, рѣшительно ничего...

НИКИТА.

Струхнули маненько.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, ей-Богу! нѣтъ.

НИКИТА.

Было, Николай Михайловичъ, право было, и въ лицѣ немного поперемѣнились.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Клянусь тебѣ честию, ничего не испугался, такъ какъ будто ничего не бывало.

НИКИТА.

Сегодня вы, осмѣлюсь вамъ доложить, хмѣльненьки немного.—Ну такъ оно куражу-то и прибавляетъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Это вотъ можетъ быть.... Если бы ты, Никита, видѣлъ, какъ я эту барышню рвзалъ да распекаль.... ничего: все скупшала. Навязывается, братецъ, теперь на меня, чтобы я женился на ней.

НИКИТА.

Ну нѣтъ-съ, я съ своей стороны не совѣтую. Онѣ мнѣ, признаться сказать, и на лице не нравятся—худы очень.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Чего ужъ взять, ровесница мнѣ; но главное очень любить въ мушницѣ влюбляться.

НИКИТА.

А это ужъ и совсѣмъ никуда негодится.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

То-то и есть. Ты впрочемъ Никита тоже, должно быть, сегодня выпилъ: краснорѣчивъ очень.

НИКИТА.

Выпилъ, батюшка, грѣшнымъ дѣломъ выпилъ, въ пог-

ребѣ, какъ за шампанскимъ ходилъ, такъ хозяинъ поднесъ три стаканчика. Сначала тоже на счетъ документовъ огорчился, а тутъ тетенька пообидѣла маленько, такъ и выпилъ-сь. Купецъ отличнѣйшій, сколько, говорить, барину угодно, въ долгъ до Нижегородской можемъ вѣрить.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ну вичего.... ты мнѣ служишь хорошо, я тобой доволенъ. Ступай. (*Никита уходитъ. Дурнопечинъ ходитъ нѣкоторое время въ раздумьѣ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*одинъ*).

Однако исторія эта еще не кончилась: красавица эта опять напустить на меня своего братца, а ему мѣднолобому того, я думаю, и надобно: онъ хотъ на стѣну ползеть. Положимъ: къ себѣ ихъ не буду пускать, такъ, пожалуй, по ночамъ подъ окошками стануть бродить, да камнемъ въ голову и свиснуть. Теперь вотъ я припомнилъ: гдѣ-то съ однимъ бариномъ именно такая исторія была: тамъ онъ любилъ одну женщину, ну а потомъ какъ разлюбилъ, такъ она и подкупила мошенниковъ, они въ окошко камнемъ и хватили.... Какъ у чело­вѣка хмель пройдетъ, такъ онъ лучше все начинаетъ понимать. Господи, Боже мой, что это такое за жизнь чело­вѣческая—страданье да мученье, и больше ничего! (*садится*). Царь небесный, хотъ бы одинъ день прожить не думавши, больше этого ничего бы я не желалъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

НИКИТА (*входя*).

Тетенька захали за вами, кататься просятъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Кого? куда просятъ?

НИКИТА.

Тетенька зоветъ за городъ ѣхать: всѣ господа туда идутъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, я не поѣду.

НИКИТА.

Сергѣя прислали-сь.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ну что жъ такое Сергѣй! Поди скажи, что я боленъ. Опять, дуракъ, началъ глупости врать, только бы ему ба-рина беспокоить.

НИКИТА.

Да мнѣ что-съ, я такъ только доложилъ, а тутъ какъ угодно.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Поди, скажи, что я очень боленъ, что не могу, что при-казаль-де теперь извиниться, а завтра повидаюсь.

НИКИТА.

Слушаю-съ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*одинъ*).

Идетъ же людямъ въ голову удовольствіе и веселіе! со-ображаютъ ли они, что на каждомъ шагу съ человекомъ мо-жетъ случиться такое несчастье, отъ котораго и ноги протя-нешь. По моему, такъ и на умъ не придетъ никакое удоволь-ствіе, все бы сидѣлъ одинъ да грустилъ; хоть бы пропла-каться—сегодня и плакать-то не могу. (*Садится*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Тотъ же и Соломанида Платоновна въ шляпѣ, въ салопѣ и съ зонтикомъ, за нею Никита.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Отъ чего это ты не ѣдешь кататься?

ДУРНОПЕЧИНЪ (*приподнимаясь и дѣлая
кислую мину*).

Боленъ, тетушка, расхворался вдругъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Чѣмъ же ты расхворался вдругъ? — Если голова отъ вина болить, такъ не велика важность, лучше разгуляешься.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Нѣтъ, тетушка, сдѣлайте милость, избавьте меня—побѣ-жайте одинъ, я весь боленъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*къ Никитѣ*).

Что такое съ нимъ случилось?

НИКИТА.

Прихворнули должно быть.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ну такъ посылай за докторомъ, если боленъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ой нѣтъ, ненадобно, я не хочу доктора, я ужъ года два у нихъ не лечусь: такъ пройдетъ. Это не отъ болѣзни:—все непріятности и опасности.—Легче бы мнѣ не жить на бѣломъ свѣтѣ. Позжайте, матушка, тетушка, я очень несносенъ, какъ расхандрюсь.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*снимая шляпу и садясь*).

Ты лжешь, что боленъ; тебя опять что-нибудь разстроило. (*Къ Никитѣ.*) Не былъ ли у него кто-нибудь?

НИКИТА.

Были господа.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Какіе господа?

НИКИТА.

Знакомые ихніе.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*Никитѣ*).

Да что ты секретничаешь, не скрывай, расскажи, какая была штурма.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Да что такое у васъ? (*къ Никитѣ*). Что же ты, болванъ, не говоришь, я такихъ подзатыльниковъ надаю, что развяжу языкъ....

НИКИТА.

Каноричи приходили: баринъ съ барышней.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ну?

НИКИТА.

Приходили, сидѣли съ бариномъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

За чѣмъ же вы ихъ пустили? Отъ чего ты ихъ не прогналъ?

НИКИТА.

Баринъ сами ихъ прогнали.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ну и прекрасно: что жъ изъ того?

НИКИТА.

Ничего-съ, баринъ-то тотъ ужъ очень горячился — приколотить нашего барина хотѣлъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (къ Дурнопечину)

Какъ приколотить?—что́ такос!

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да вы знаете, тетушка, все старая исторія.... пришла вдругъ ни съ того, ни съ сего, и почти прямо говорить, чтобы я женился на ней. Я конечно ее срѣзалъ, такъ братецъ кинулся на меня. Я впрочемъ не струсилъ и выпроводилъ ихъ, а теперь, я думаю, они Богъ знаетъ на что рѣшатся.... Мнѣ непременно надобно куда-нибудь уѣхать, а то и головы не сносить.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Вотъ что! Ахъ какія страсти да ужасы! Отъ чего же ты думаешь, что головы-то не сносишь?—вотъ этаго, я признаюсь, никакъ не понимаю.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Не знаю, отъ чего вы не понимаете, а понять очень легко. Она ужъ конечно будетъ мстить: прямо мнѣ сказала, что оскорбленная женщина способна на все рѣшиться....

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ну да: если ужъ это она сказала, такъ конечно опасно. Какъ ты еще по сію пору живъ, вотъ чему я удивляюсь. Впрочемъ мнѣ на мысль приходитъ, что врядъ-ли она будетъ тебя мстить, потому что ужъ утѣшилась.... Ахъ вы дурачье, дурачье! всѣ-то вы, какъ я посмотрю, дуракъ на дуракъ сидитъ и дуракомъ погоняетъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Вамъ, тетушка, хорошо сбѣяться. Знаемъ мы, что чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Не смѣшно мнѣ, другъ мой, тебя видѣть, а грустно и больно, потому что я тебя сердечно люблю за твою простоту и доброту, а все таки должна сказать, что ты изъ ума выжился. (*Никитѣ.*) Поди, позови сюда эту дуру Кириловну, она тутъ рядомъ у попадьи сидитъ. (*Никина уходитъ.*) Я тебя сей-часъ успокою на счетъ твоей мстительницы. Этакое молодого человека труса и простофили, 60-й годъ живу на свѣтѣ, а не видала.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Я ничего и не говорю про себя. Я и самъ сознаюсь, какой я человекъ.

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТѢЖЕ И НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Что угодно, бабушка!

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Поди сюда.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Сей-часъ. У дяденьки-то, позвольте попросить извиненія. Батюшка, положили ли вы гнѣвъ на милость, на счетъ моего дурака-то! (*цѣлуетъ Дурнопечина въ плечо.*)

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ничего: я вовсе и сердить не былъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Перестань ханжить! Рассказывай, что ты мнѣ давеча говорила.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

На счетъ Ванички, бабушка?

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ну да. Рассказывай вотъ ему.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Да я, вѣдь, ужъ не знаю-съ, не говорилъ ли имъ Ваничка. Женится, батюшка, на Надеждѣ Ивановнѣ Каноричъ женится. Вы, кажется, изволите ее знать?

ДУРНОПЕЧИНЪ (*выпучивъ глаза*).

Что это ты за пустяки говоришь,—на Надеждѣ Ивановнѣ Придутъ же людямъ въ голову этакія глупости.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Нѣтъ, ей-Богу, дядюшка, какъ это возможно-съ: сѣла ли бы я передъ вами и передъ бабушкой лгать. Слово ужъ дано. СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Что гримасу скорчилъ! Вотъ видишь ли, какъ она тебя отомстила?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Этого быть не можетъ! Она сейчасъ была здѣсь. — Когда же она успѣла дать вамъ слово?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Еще вѣдь, дядюшка, давича-утромъ насчетъ этаго пере-говоры были; ну да онъ сказали, что порывиться не могутъ; надежды, говорить, мы не снимаемъ, а повремените. А вотъ теперь, какъ бабушка приказала мнѣ изъ города уѣхать, такъ я и осмѣлилась придти къ нимъ попросить прощенія за да-вишнюю непріятность, тутъ у нихъ и получила записку. — Пишетъ, что совершенно согласна, брату, говорить, сказала, и онъ не отсовѣтываетъ. Не знаю, что будетъ изъ этаго; главное на свадьбу ничего не имью. — Просила было у протопопицы ста рублей, нѣтъ, говорить, теперича, всѣ на постройку из-держала, заборы они нынче новые дѣлають-съ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Что, батюшка, успокоился ли? Въ отцы посаженные еще тебя позовутъ. Ты только не ѣди, а то отравятъ, или этакъ какъ въ романахъ, въ подземелья какія-нибудь спустятъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Я ужъ ничего не понимаю; впрочемъ очень радъ, что если это такъ кончится. Для меня, конечно, ничего не можетъ быть лучше.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Слава Богу! обрадовался. Ты, впрочемъ, Настасья Ки-риловна, за будущей-то невесткой изволь-ко присматривать, а то, вѣдь, она не подь лѣта влюблива.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Не мое ужъ, бабушка, будетъ дѣло, а мужнино, гдѣ мнѣ слѣпой старухѣ усмотрѣть.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Дядюшки-то опасайся, онъ самъ имѣлъ на нее виды.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что это, тетушка, какіе вы пустяки говорите.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ой бабушка матушка, все изволите шутить. Займется ли дядюшка такими дѣлами. (*Входитъ Сергій*).

СЕРГІЙ.

Почту принесли.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА (*встала*).

Сей-часъ приду. (*Къ Дурнопечину*). Приготовляйся кататься. Несчастья ужъ всѣ кончились. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ СОЛОМАНИДЫ ПЛАТОНОВНЫ.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*къ Настасьѣ Кириловнѣ*).

Неужели ты, Настасья Кириловна, говорила правду?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Батюшка, какже не правду, отчего же вы изволите сомнѣваться?

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ты, пожалуйста, ничего не подумай по словамъ тетушки, она это шутила, мое дѣло тутъ сторона, я только интересуюсь больше о васъ, потому что вы мнѣ родня.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ахъ, батюшка, что это такое, смѣю ли я что-нибудь подумать: глупа, глупа, а все таки понимаю вашу доброту и расположение.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Вы сегодня поутру дѣлали ей предложеніе?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Сегодня.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что жъ она?

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Я, вѣдь, отецъ мой, докладывала вамъ, что отказу она не сдѣлала, но только не могла рѣшительно сказать, а теперь запиской и согласіе дала-сь.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что же она теперь весела этакъ, спокойна?

НАСТАСЯ КИРИЛОВНА.

Теперь я, отецъ мой, ее не видала, а должно быть спокойна. Не молоденькая: привыкла ужъ къ этой мысли.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что братъ-то? мнѣ бы хотѣлось знать, что онъ-то говорить?

НАСТАСЯ КИРИЛОВНА.

Брату что-съ?... Она впрочемъ писала, что и братъ желаетъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Да что писала, это все пустяки. Ты его не видала лично?

НАСТАСЯ КИРИЛОВНА.

Лично не видала, дядюшка, обоихъ не видала, не хочу лгать. Ваничка такъ былъ у нихъ, а я не успѣла: у попадьи была.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Какъ бы мнѣ Ваничку-то повидать. Гдѣ онъ теперь?

НАСТАСЯ КИРИЛОВНА.

У воротъ стоитъ дожидается меня.—Онъ тоже о деньгахъ все беспокоится. Сюда впрочемъ я не посмѣла его привести: бабушка побоялась. Батюшка, дядюшка, отецъ мой, не поддерживайте ли насъ въ этакоемъ случаѣ, не сыграете ли свадьбу на свой счетъ, вы ужъ и общали.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Хорошо, я помогу; только ты позови ко мнѣ Ваничку, а съ нимъ поговорю.

НАСТАСЯ КИРИЛОВНА.

Бабушка-то чтобы не разгнѣвалась: меня давеча изволила простить, а объ немъ и говорить не приказала; вѣдь онъ глупъ, пожалуй, и теперь что-нибудь скажетъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что такое бабушка, не начальница же она надъ всѣми. Позови его съ задняго крыльца, я ему подарю что-нибудь.

НАСТАСЯ КИРИЛОВНА.

Батюшка мой, голубчикъ Богъ васъ наградитъ за мно-

сердіе. Въ руки-то ему, отецъ мой, впрочемъ, не давайте, молодъ еще очень, пожалуй, издержить на пустяки.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Хорошо. Поди позови. (*Настасья Кириловна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*одинъ*).

Это чудесно, если такъ устроилось и обдѣлалось. Тетка права. Барышня эта видно въ самомъ дѣлѣ полу-сумасшедшая, во всѣхъ готова влюбиться. Къмъ утѣшилась? скажите пожалуйста! А какъ я прежде дуракъ былъ въ нее влюбленъ! Не вранье ли это все, не клеветаютъ ли на не? Разспрошу этого дурака, онъ, по глупости, все расскажетъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА и Ваничка.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Ваничка пришелъ, дядюшка, а я пойду да постерегу бабушку, чтобы она вдругъ не вошла, и не увидѣла бы его....

ВАНИЧКА.

Да чтѣ вы, маменька, боитесь ужъ очень?—что она мнѣ сдѣлаетъ? Теперь не поддамся.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Тише говори, горлопанъ этакой! мало тебѣ давеча было.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, говори, братецъ, потише, поди сюда сядь около меня, подвинься поближе. (*Ваничка садится и подвигается*).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА (*уходя*).

Такъ я пойду-съ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Слушай.

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢЖЕ, КРОМѢ НАСТАСЬИ КИРИЛОВНЫ.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*помолчавъ*).

Ну такъ какъ же, ты женишься, а?

ВАНИЧКА.

Да-съ.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Влюбленъ ты въ невесту свою?

ВАНИЧКА.

Влюбленъ-съ! Она хорошенькая, этакая модница, ученая-съ, не то что, вонъ, около насъ есть барышни-сосѣдки, тѣ дуры, изъ себя толстыя, неуклюжія, и говорить-то ничего не умѣютъ—все гнусятъ въ носъ.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Ну а Надежда Ивановна въ тебя тоже влюблена?

ВАНИЧКА.

Я не знаю-съ. Надо полагать, что влюблена.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Да вѣдь ты объяснялся съ ней? когда, т. е. давно ли ты объяснялся съ ней?

ВАНИЧКА.

Да чтó вы ужъ очень любопытны: вамъ все рассказывай; вы, пожалуй, послѣ смѣяться станете.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Ну вотъ еще что пришло въ голову. Надъ чѣмъ же я стану смѣяться? Я не Богъ знаетъ что тебя спрашиваю: когда ты въ любви съ ней объяснялся?

ВАНИЧКА.

Когда?—Весной нынче, — у дяденьки Никонора Семеновича на праздникъ.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Ну!...

ВАНИЧКА.

Мы въ гумнѣ въ горѣлки играли, она мнѣ все руку жала.

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Руку жала?

ВАНИЧКА.

Да-съ. Я и забѣжалъ въ сарай съ соломой-съ, а она за мной-съ, ловила да и толкнула меня на солому-съ, а я всталъ да ее толкнулъ, а она, будто сама встать-то не можетъ, и схватила меня за шею, тутъ мы и поцѣловались.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Неужели поцѣловались?

ВАНИЧКА.

Право поцѣловались. — Она добрая-сь.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что же послѣ?

ВАНИЧКА.

Ничего. Послѣ вечеромъ все потихоньку разговаривали, она меня все стихи учила-сь, теперь ужъ забылъ какіе, а на другой день записочку мнѣ написала, чтобы я къ нимъ пріѣзжалъ. Да вы перескажите кому-нибудь, дѣдушка, — вѣдь не хорошо, пожалуй разсердится.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Не бойся, что мнѣ за дѣло рассказывать.

ВАНИЧКА.

То-то-сь.... я вотъ, дѣдушка, хочу у васъ попросить денежѣкъ, — вы вѣдь ужъ и общались. Платья-то у меня хорошаго нѣтъ, и вѣнчаться-то не въ чемъ. Вы, сдѣлайте милость, одолжите. Вонъ маменька, что по попадьямъ бѣгаетъ, да просить, что у нихъ взять — шишъ!

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Хорошо, если ужъ я общался, такъ помогу; только ты вотъ Расскажи мнѣ поакуратнѣе.

ВАНИЧКА.

Да я и то рассказываю, что знаю.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Конечно. Вотъ что ты мнѣ скажи: сегодня невѣста, когда слово тебѣ дала, весела и счастлива?

ВАНИЧКА.

Весела-сь. О чемъ ей плакать? — Замужъ-то ей ужъ давно хочется.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что же, она шутить съ тобой?

ВАНИЧКА.

Шутить. Я впрочемъ у нихъ не долго былъ-сь. Мнѣ теперь деньги безпримѣнно нужны: конфектъ бы теперь надобно купить, а не на что; въ долгъ ужъ у купцовъ хотѣлъ попросить, да они здѣсь на это такой народъ: на копейку въ долгъ не повѣрятъ. Пожалуйте-сь мнѣ, дѣдушка, теперь вамъ все равно.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Хорошо. Скажи мнѣ еще, что Михайло Ивановичъ говорить? Весель онъ тоже?

ВАНИЧКА.

Весель-съ. Сидить да трубку курить. Шаферомъ у меня будетъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Если ты мнѣ еще скажешь одну штучку, я тебѣ сейчасъ же дамъ денегъ; только, смотри, не ври.

ВАНИЧКА.

Хорошо-съ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Скажи ты мнѣ, что они про меня говорили?

ВАНИЧКА.

Что про васъ говорила-съ, я вамъ скажу всю правду: смѣялась надъ вами. Я сказалъ про васъ, а Надежда Ивановна мнѣ и говоритъ: дѣдушка вашъ разслабленный, ему бы, говорить, калеской ходить, да собирать.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ну, а Михайло Ивановичъ что?

ВАНИЧКА.

А онъ говоритъ: напередъ, говорить, ему руки и ноги надо выломать, да уродомъ и возить въ тельжкѣ.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Что же это онъ съ сердцемъ сказалъ?

ВАНИЧКА.

Нѣтъ, такъ смѣялся. Одолжите, дѣдушко, что обещали; я вамъ все сказалъ; мнѣ пора.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*вынимая красненьку и давая*).

Ну, на покуда десять цѣлковыхъ, нравься невестъ; смотри не упускай: эта партія для тебя выгодная.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢЖЕ И НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

Бабушка, я думаю, сей часъ придетъ-съ. Ступай, Ваничка. Освободите его, отецъ мой!

ВАНИЧКА.

Уйду. Что вытутъ хлопочете. Прощайте, дѣдушка! (*уходитъ*).

НАСТАСЬЯ КИРИЛОВНА.

На счетъ просьбы моеѣ, дядюшка, всю надежду теперь на васъ полагаю.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Хорошо. Завтра объ этомъ поговоримъ. (*Настасья Кириловна, поцѣловавши Дурнопечина въ плечо, уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XVII.

ДУРНОПЕЧИНЪ (*одинъ*).

Ну, кажется, теперь ужъ все устроилось: можно быть спокойну.... однако какіе эти Канориичи хитрые и безчувственные люди: шутятъ и смѣются, а давеча что изъ себя представляли? Достались же мнѣ эти три денька, нечего сказать. Вотъ теперь, какъ ничего нѣтъ, такъ не выдумаешь.... Сколько я себя понимаю, такъ я даже человекъ веселый, еслибы не болѣзнь и не обстоятельства. Повѣду къ теткѣ въ деревню, женюсь тамъ на какой-нибудь хорошенькой, и буду веселиться и пѣть.... Встарину я недурно пѣвалъ: бывало этакъ въ пріятельской пирушкѣ, немножко тово.... (*щелкаетъ себя по галстуку*). Всего лучше я пѣлъ старинную пѣсню. (*Запѣваетъ сначала по-тихоньку, потомъ громче и громче*).

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань, предстань предъ насъ скорѣй,
Большая серебряная кружка!

(*Встаетъ и притопывая ногой*)

И намъ въ тебя
Давно пора
Налить пивца
И пѣть: ура, ура, ура!

Тамъ опять куплетъ, не помню ужъ словъ, а тутъ опять припѣвъ.

И намъ въ тебя
Давно пора
Налить пивца
И пѣть: ура, ура, ура!

(*Соломанида Платоновна, вошедшая въ половникъ арин, захлопала*).

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Славно! мастеръ! Какой пѣвецъ выискался.

ДУРНОПЕЧИНЪ.

Ой, тетушка, подслушали вы меня. Я, слава Богу, успокоился. Въ прежніе годы я весельчакъ бывалъ-съ.—Бывало по цѣлымъ ночамъ танцевалъ.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Что уж про тебя и говорить. Сбирайся!

ДУРНОПЕЧИНЬ *(поетъ на тотъ же голо съ)*.

Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ.... *(Вдругъ останавливается и задумывается)*. Вотъ тебѣ и разъ, какъ кольнуло въ грудь.... Это чтѣ значить.... Дышать совсѣмъ не могу, и испарина опять показалась. *(Обертывается къ Соломанидѣ Платоновнѣ)*. Я, тетушка, не могу съ вами ѣхать-съ. *(Садится)*.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Это что такое?

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Опять-съ....

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Что такое опять?

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Тошно-съ: дыханье захватило и испарина.... Охъ, грустно.... Не могу ѣхать.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА.

Ахъ ты полуумный человѣкъ.... Да чтѣ ты шутишь что-ли надо мной, или ужъ совсѣмъ съ ума сошелъ? Сейчасъ козломъ прыгаль, а тутъ вдругъ... Сию секунду одвайся—и ѡдемъ!

ДУРНОПЕЧИНЬ.

Нѣтъ-съ, не могу, извините меня. Можетъ быть двѣствительно я странный и капризный человѣкъ, но рѣшительно не могу: у меня все вдругъ заболѣло, я ужъ и сидѣть не въ состояннѣ, позвольте мнѣ прилечь. *(Ложится на диванъ)*.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА *(вышедши изъ себя, и всплеснувъ руками)*.

Батюшки мои, чтѣ это за человѣкъ! Тфу!... *(пошла и оборачиваясь)* Этакого дряни.... Этакого мозгляка.... Тфу! *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

ДУРНОПЕЧИНЬ *(одинъ)*.

Нѣтъ мнѣ, видно, радостей, нѣтъ для меня счастья.... Все было хорошо, только не надолго. Грустный всего, что никто въ мнѣ не вѣритъ, никто даже и не пожалѣетъ меня.... А я, право, боленъ, ужасно боленъ! Вотъ теперь совсѣмъ дыханье захватило; ослабъ совершенно.... а испарина-то, испарина-то кака!... *(Замавъсь опускается)*.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 2.

Январь.

Кн. 2.

СЧАСТЛИВАЯ ЖЕНЩИНА.

СОВРЕМЕННАЯ БИОГРАФІЯ.

V.

БОРЬБА.

Между этими пріятельницами тающей и гаснувшей Марины была одна, годами пятью ея старше, женщина слыущая вообще въ свѣтъ умною и разсудительною. Графиня Войновская, бывши до семнадцати лѣтъ первостатейною красавицею, вдругъ имѣла несчастье, самое убійственное для женщины въ эту пору ея полного разцвѣтанья: натуральная оспа вдругъ ее обезобразила, такъ что вмѣсто очаровательной дѣвушки, она встала съ смертнаго одра чуть-что не уродомъ. — Это обстоятельство имѣло величайшее разрушительное вліяніе на всю ея участь, и измѣнило не только ея положеніе въ свѣтъ, но и самый характеръ ея и умственное ея направленіе. — До этой зари женскаго разсвѣта, — до этой эры весны своей, видѣть себя окруженной и пріивѣтствуемой не только похвалами, но и восторгомъ, — расти въ отцовскомъ домѣ предметомъ надеждъ, гордости, ожиданій и честолюбія роди-

телей, предвидѣть уже предъ собою цѣлую будущность торжества, — и вдругъ лишиться всего этого вмѣстѣ, по одному несчастному случаю, — какое молодое дѣвическое сердце перенесло бы покорно и смиренно такой переворотъ?... Текла, знатнаго происхожденія избалованная, гордая, высокомерная, была однако *безприданница*, и только на рѣдкой красотѣ ея основывались блестящіе расчѣты ея семейства на выгодную для нея партію. — Съ красотой ея гибла великая надежда. Возрастъ дѣвушки давалъ ей довольно сознанія, чтобы понять весь ужасъ такого крушенія всѣхъ ея желаній и ожиданій. Врожденная смѣтливость ея соотечественницъ открыла заранѣе много печальныхъ истинъ, которыя другой дѣвушкѣ стали бы доступны послѣ тяжелаго опыта. Она сокрушалась, и оплакивала свою красоту съ такимъ отчаяніемъ, что родные, видя для нея возможность утѣшиться въ свѣтской жизни, вздумали было уговаривать ее поступить въ монастырь, гдѣ ея перемѣна была бы ей нечувствительна, и гдѣ званіе ея и имя могли доставить и упрочить ей сначала почетъ, потомъ со временемъ, власть и санъ абатиссы. — Но ни мѣсто, ни власть, не могли замѣнить красоту плачущей Теклы, а къ монашеской жизни она не чувствовала никакого призванія. — Разсужденіе и сила собственной воли вразумили несчастную дѣвушку. Она сказала себѣ: «Если я не могу быть прекрасной и любимой, — не могу привлекать къ себѣ взоры и сердца, — то буду блистать умомъ, — и заставлю себя замѣтить и уважать вездѣ, за мои нравственные превосходства!» — И вотъ, она сама занялась своимъ воспитаніемъ, слишкомъ слегка оконченнымъ суетными родителями. — Въ замкѣ, гдѣ она проживала почти весь годъ, находилась старинная библіотека, составленная какимъ-то предкомъ, а въ ней накоплено было всё, что наука, исторія и литература тогдашняго времени производили замѣчательнаго и дѣльнаго на разныхъ языкахъ. — Текла начала учиться, — не съ стараніемъ и прилежаніемъ любознательной дѣвушки, но съ отчаянною энергіею труженика, знавшаго, что жизнь его зависитъ отъ пріобрѣтенныхъ имъ познаній. — Честолюбіе и

слава-любие находились наставниками при гордой, уродливой Теклѣ: она твердила ей свое магическое *впередъ!* и при помощи ихъ поощреній, Текла стала сначала образованною, потомъ ученою дѣвушкой. Языки, теорія искусствъ, геральдика, исторія, все, что составляетъ предметы разговоръ въ избранныйшемъ обществѣ людей образованныхъ и серьезныхъ, всё, чѣмъ можно было блеснуть, похвастать, и поставить себя на почетнѣйшемъ мѣстѣ въ обществѣ мнѣньи, всё стало знакомо Теклѣ, во всемъ она успѣла сверхъ всякаго чаянiя. Ученiе, которое сначала было ей цѣлю, стало для ней мало-по-малу прiятнымъ развлеченiемъ, средствомъ занимать напрасную жизнь и забывать немилечное горе. — Двадцати двухъ лѣтъ, она была и слыла такою превосходною и замѣчательною дѣвушкою, что одинъ очень старый и богатый вельможа, не имѣющій ни дѣтей, ни наследниковъ, и желающій отдать свое имѣнiе въ хорошія руки, отличилъ Теклу, и предложилъ ей сдѣлаться скорѣе его дочерью, чѣмъ женою, и призрѣвать его послѣдніе дни, въ благодарность за всѣ преимущества, которыя онъ хотѣлъ ей предоставить. — Текла ни минуты не колебалась; она ни когда не смѣла и подумать о какомъ-нибудь замужствѣ, смотря въ зеркало, и сознавая все свое безобразіе; неожиданное предложенiе семидесяти-лѣтняго жениха показалось ей особеннымъ счастиемъ, Божиимъ благословенiемъ. Оставаться старою дѣвушкою было для нея страшнѣе всего на свѣтѣ; она вышла за стараго вельможу, была съ нимъ довольно счастлива, потому что онъ исполнялъ свое слово и баловалъ ее сколько могъ, и года чрезъ три она похоронила его, оставшись владѣтельницаю огромнаго состоянiя. — Тогда уже слѣды ужасной оспы были не такъ замѣтны на лицѣ ея; ей оставался прекрасный, стройный станъ, которымъ она умѣла пользоваться и красоваться, облекая его въ самые дорогіе и самые изящные наряды. — Не прошло и полугода, какъ благородная и богатая вдова, притомъ любезная, умная, ученая, увидѣла у ногъ своихъ многихъ жениховъ, и могла выбирать.

Выбрало за нее сердце. — И какъ слишкомъ часто слу-

чается, — оно ошиблось! Графъ Войновскій, тридцатилѣтній *красавецъ-молодецъ*, съ черными, мастерски закрученными усами, и съ безпокойнымъ вѣчно бродящимъ взглядомъ, легкой наѣздникъ, мѣткій стрѣлокъ, извѣстный дуелистъ, и банкфилъ, усердно посылавшій *рулетен-брунъ* въ Бадень-Бадень и Гомбургъ, — срывавшій даже раза два банкъ на этихъ водахъ, отъ которыхъ такъ много воды утекаетъ изъ кошельковъ нашихъ русскихъ путешественниковъ, — графъ Войновскій, настоящій типъ *рыцарей изобрѣтательности* — соблазнилъ строгій умъ и отуманилъ свѣтлый разумъ Теклы, потому что онъ первый, онъ единственный, имѣлъ догадливость видѣть въ ней *женщину*, когда всѣ прочіе искатели обращались къ ея уму, къ ея значенію въ свѣтъ, ко всѣмъ преимуществамъ, которыя въ ней не происходили *отъ нея самой*. Текла забыла строго-спасительные уроки зеркала, забыла убѣжденія и выводы многолѣтнихъ размышленій, — поверила любви искусптельнаго и ловкаго Войновскаго, — и отдала ему съ своей рукою и управленіе всѣхъ своихъ помѣстьевъ. — Обобравши, проигравши и прокутивши ея деньги, — онъ бросилъ ее, развелся съ нею для одной италіанской пѣвицы: — бѣдная Текла оставалась во второй разъ въ жизни на развалинахъ всѣхъ надеждъ и всѣхъ радостей своихъ. — Это горе, это не заслуженное несчастье изсушили, уничтожили въ ней сердце; она поняла, что *теперь въ самомъ дѣлѣ* все для нея кончено на поприщѣ любви и взаимности, — она рѣшилась жить однимъ умомъ.

Остатки богатства и личныя ея качества позволили ей избрать общество, гдѣ, и какое она хотѣла; дѣла ея привели въ Петербургъ, — и она почувствовала себя на своемъ мѣстѣ въ этой столицѣ, гдѣ каждый можетъ найти и составить себѣ родъ жизни и кругъ знакомства согласно своему званію, вкусу и характеру.

Молодая старушка по отсутствію всего того, что живить и грѣть молодость женщины, графиня Текла не сохранила ни притязаній, ни заблужденій. — Прозрѣвши такъ грустно въ собственной судьбѣ своей, она обрѣла способность прозрѣ-

вать ясно и въ чужой. Зоркость и дальновидность ума ея стали известны и безпрекословны въ ея кругу. — *Такъ*, — эта принадлежность женщинъ, вышколенныхъ свѣтскою наукою, это тонкое чувство, которое неумовно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, положительно, — которое внушаетъ и то, что должно говорить, и то, о чемъ должно умолчать, которое научаетъ всѣмъ едва замѣтнымъ, но многозначительнымъ отбѣнкамъ свѣтской жизни и общественныхъ условій, — *такъ* былъ въ высшей степени развитъ у ней; — съ первой встрѣчи, съ первого слова, она умѣла опредѣлять человека, и поставить его на приличномъ ему мѣстѣ, какъ въ собственномъ своемъ мнѣнн, такъ въ обхожденн съ нимъ. Не употребляя на себя собственно ничего изъ своей зоркости, понятливости, ловкости, не пмѣя тѣхъ многосложныхъ и поглощающихъ хлопотъ и заботъ, которыя обыкновенно нужны женскому кокетству и женской суетности, для ихъ маленькихъ воинственныхъ соображеній и дипломатическихъ оборотовъ, — графиня Текла могла располагать всеми силами и всеми свойствами своего блестящаго ума, чтобы заниматься другими, чтобы всѣхъ распознавать, все понимать, все предугадывать, и потому она была необходима всемъ тѣмъ, которые живутъ чужими мыслями и чужими мнѣннми за непмѣннемъ своихъ собственныхъ, и которымъ нужно заимствовать гдѣ-нибудь готовые сужденн на тѣ частые случаи, гдѣ у нихъ оказывается умственный неурожай.

Люди, особенно женщины, поставленные обстоятельствами въ положеніе графини Теклы, могутъ легко имъ воспользоваться, чтобы вредить, и страхомъ заставить себя выплатить все то, что отказываетъ имъ любви. Иронія и насмѣшка становятся въ ихъ рукахъ орудіями, которыя лучше всякихъ приманокъ красоты и любезности покоряютъ имъ чужіе умы. Слишкомъ часто они употребляютъ во зло и для зла эту власть: но Текла отъ природы получила скорѣй добрую наклонности; она не хотѣла вредить, и не любила смотреть на чужое горе. — Но иногда, когда внутреннй, вѣчный, отъ всѣхъ тщательно скрываемый страданн озлоблялъ ея душу и

растраивали ея первы, когда слабость женщины несчастной по сердцу брала верхъ надъ прекрасными качествами ея благороднаго характера, — она впадала въ припадки нерасположенія и хандры, — и въ это время *духъ отрицанья, духъ сомнѣнья*, этотъ злобный демонъ, такъ выразительно и такъ вѣрно описанный Пушкинымъ, затѣявалъ своимъ враждебнымъ навожденьемъ ея свѣтлый разумъ, и она извѣстнаго стѣсилась надъ всѣмъ и надъ всѣми, — всего же болѣе, надъ собой. — Тогда Текла безжалостно разрушала заблужденія другихъ менѣе опытныхъ, обнажала мелкія немочи челоуѣчества, прикрытыя подъ пышными уловками самолюбія, срывала личину съ лицемѣрія и притворства, и прямо въ глаза смотрѣла предубѣжденію, вызывая его на бой. — Но къ счастью, такія минуты рѣдко на нее находили. Укрощенная, умиротворенная какимъ-нибудь благотворнымъ размышленіемъ, она опять ублаживалась въ своемъ покорномъ покоѣ, какъ море на собственномъ лонѣ послѣ бури, — и тотъ самый умъ, который пытался быть ея возмутителемъ, становился ея успокоителемъ.

Легко понять, что графиня Войновская была принята и усвоена петербургскимъ обществомъ, жаднымъ ко всему новому, и готовымъ поддаться всякому обладающему умѣньемъ и способностью его подчинить. — Домъ графини Войновской сдѣлался любимымъ съѣздомъ бесцѣлюбивыхъ дипломатовъ и женщинъ среднихъ лѣтъ, ищущихъ пріюта отъ шума вѣчныхъ баловъ, и убѣжища отъ конетства двадцатилѣтнихъ красавицъ. Всѣ, что въ тайнѣ носило въ умъ или въ груди какую-нибудь рану самолюбія, или боль сердечную, должно было чувствовать себя сродственнымъ въ домъ умной и безобразной Теклы. — Всѣ, что искало развлеченія, или надѣялось блеснуть умомъ, скоро сосредоточивалось около женщины, которая хотя и первенствовала, — но не могла никому внушить ни зависти, ни ревности. О ней жалеть было другимъ такъ сладко, что онѣ забывали при томъ съ ней состязаться.

Время появленія Теклы въ столпномъ свѣтѣ русскомъ было то самое, въ которое Марина начинала такъ скучать и

такъ пресыщаться обыденностью своего существованья, до возвращенья Бориса изъ-за границы. Марина, не знавшая куда дѣваться, и гдѣ пріютиться, искала тоже знакомства и короткости умной чужестранки, и, хотя межъ ними не было ничего общаго кромѣ первостепеннаго ума обѣихъ, — хотя рѣзкая противоположность во всемъ прочемъ, должна была по видимому на всегда положить преграду межъ ними, — онѣ скоро сошлись, и полюбили другъ друга. — Быть можетъ это совершенное различіе ихъ участей и ихъ призваній, столько же, сколько ихъ наружностей и наклонностей, — укрѣпило союзъ ихъ дружбы, сочетая двѣ крайности въ одну средину, и сливая два диссонанса въ одну гармонію.

Быть можетъ даже, что дружба должна была сдѣлаться прочною и откровенною между двумя женщинами, столь розно думающими и чувствующими, что никогда никакое столкновение не могло произойти межъ ними, и что никакое соперничество не угрожало ихъ короткости. — Остывшее и по неволѣ нѣсколько холодное сердце отжившей графини Теклы могло понимать кипящее жизнью и пламенное сердце молодой, еще не жившей Марины, — межъ тѣмъ какъ опытность первой, и ея взглядъ на міръ, не отуманенный заблужденіями, могли руководить другую, обо всемъ передумавшую, но ничего еще не испытавшую. — Что Текла поняла вполнѣ и скучающую Марину и причину ея страстнаго томленья, — въ томъ нѣтъ сомнѣнья: но она пощадила благое невѣденіе дѣвственной души, — она не открыла, не разгадала ей ея собственную тайну. «Зачѣмъ ее заранѣе тревожить?...» такъ подумала графиня; — «ея пора и безъ того придетъ, сама собою, а не придетъ, — такъ не лучше ли и безъ нел?»

Когда Марина познакомилась съ Борисомъ, графиня прежде ихъ поняла, что такое сближеніе не пройдетъ имъ даромъ. — Сродство этихъ двухъ существъ было для нея слишкомъ очевидно и слишкомъ несомнѣнно, чтобъ она не предугадала послѣдствій. — Но она и тутъ не измѣнила своему премудрому правилу молчанія. Она выжидала, и, фаталистка, какъ

всѣ люди много пострадавшіе на своемъ вѣку, она говорила самой себѣ: — «чему быть, того не миновать!»

Въ настоящую минуту нашего разсказа,—когда между Мариною и Борисомъ происходила эта драма несдающейся любви, которая, какъ перемежающаяся лихорадка, состояла изъ взаимнаго увлеченья и отпора, безвыходно перемежающихся, графиня Текла зоркимъ окомъ слѣдовала за обоими, и начинала себя спрашивать:—не пора ли ей вступиться, открыть вполне глаза молодой женщинѣ, оставить на пути къ рѣшительному шагу. Она боялась будущности за свою любимицу, тѣмъ болѣе что чувствовала, какъ эта будущность заманива и богата обѣщаньями. Графиня не помогла роману Марины, какъ то дѣлаютъ инныя услужливыя пріятельницы, готовыя увлечь молодую женщину, чтобъ имѣть одною болѣе въ числѣ своемъ. Графиня не мѣшала этому роману, — какъ другія завидующія всему, что даетъ какую-нибудь, хотя-бы и соблазнительную, занимательность другой женщинѣ,—но графиня часто иносказательно и косвенно объясняла Маринѣ все, что происходило въ ней самой и около ней.—Смѣлый и свѣтлый умъ графини былъ какъ зеркало, въ которомъ Марина могла смотрѣть на себя и на окружающихъ. — Какъ хиромантія гадаетъ о будущемъ, и разоблачаетъ его любопытному взору вопросителя, такъ опытность и дальновидность умной Теклы разгадывали настоящее, и опредѣляли его значеніе!—Марина не могла оставаться при заблужденіи и слѣпотѣ дѣтскаго увлеченья: ее руковели къ самопознанью. Благодаря Теклѣ, Марина поняла, что женщина должна не быть игрушкою чужой воли, или собственной минутной слабости. Но положеніе ея не облегчалось и не мѣнялось: шагнуть впередъ она не смѣла и не хотѣла; назадъ идти ей казалось не возможно.... И такъ Марина всё худѣла и таяла, а Борисъ сдѣлался съ нею капризнее и страннее, а свѣтъ всё недоумѣвалъ, отъ чего бы худѣть и чахнуть самой счастливой изъ счастливыхъ женщинъ?

Борисъ принялся ухаживать за тремя кокетками вдругъ, чтобъ развлечь себя, и разсердить Марину. Всякой день новыя

толки и новые слухи о немъ доходили до бѣдной женщины ; то она вѣрила всѣмъ вдругъ, то ничему не вѣрила , и старалась удержать своего мучителя, не отчаявая его совѣтъ, и не подавая надежды. Но и это ей не удавалось. Согласные безъ объясненій въ затаенной любви своей, они переставали соглашаться, какъ скоро дѣло касалось до ея предѣловъ: нетерпѣливый , онъ хотѣлъ или впередъ къ воображаемому блаженству, — или назадъ, къ совершенному отчужденно. — Она только плакала: сдѣлать больше она не могла!

Однажды, къ веснѣ, Пенскій, сведя въ сотый разъ всѣ счеты своихъ денежныхъ оборотовъ, остался ими много доволенъ, и рѣшилъ самъ съ собою, что ему пора объѣхать свои вотчины, и предпринять другія , значительнѣйшія дѣла. — Онъ послалъ просить Марину въ свой кабинетъ, что случилось очень рѣдко, на важнѣйшія совѣщанья, — и объявилъ ей, что онъ долженъ уѣхать на долго изъ Петербурга. Марина обмерла: она думала, что онъ увезетъ ее съ собою. — Но онъ объяснилъ ей, зачѣмъ и почему она была бы ему помѣхою въ его разъѣздахъ, — просилъ ее остаться поддерживать его общественныя отношенія и кредитъ , увѣдомилъ, что онъ будетъ искать ей другой домъ, мѣсте, но если можно , еще богаче ихъ собственнаго, — и назначилъ ей огромное содержанье, съ полною свободою располагать своею жизнію, какъ ей угодно.

Изумленье Марины граничило съ испугомъ. Свобода ей !!! въ ту самую минуту, какъ она чувствовала себя слишкомъ мало зависимою , боясь своей собственной воли какъ несчастья , и готова была сама сковать цѣпи , чтобъ опутать ими крылья души своей, летящей такъ стремительно къ запретному!!!!. Остаться одной! Эта мысль приводила ее въ головокружный страхъ. Она забывала , что давно уже шла къ сердечному одиночеству, непроизвольно, безсознательно, но неизбежно. А между тѣмъ, открой ей кто-нибудь глаза, освѣти пламеннымъ разума этотъ одинокій , потемный путь ея души, и Марина въ священномъ ужасѣ отреклась бы отъ собственнаго сердца...

Скоро всё устроилось, какъ было рѣшено. Пенскій уѣхалъ,

поручая Марину ея отцу; — она перевъехала на дачу, и ради приличія, чтобъ не оставаться совсѣмъ одной, взяла къ себѣ свою прежнюю гувернантку, — мадамъ Боваль, почти ослѣпшую, но всё-таки веселую и говорливую достаточно, чтобы быть на своемъ мѣстѣ въ гостинной Марини и въ разговорахъ ея гостей. — Мадамъ Боваль было сказано, чтобъ она не отлучалась, когда пріѣзжаютъ *вседневные посылители*. Наименовать того именно, кого она боялась, и съ кѣмъ не хотѣла оставаться наединѣ, Марина не рѣшилась; ей казалось, что при этомъ имени она слишкомъ покраснѣетъ, такъ что даже полуслѣпые глаза старушки должны будутъ то замѣтить. — Ухманскіе проводили лѣто въ сосѣдствѣ, слѣдственно, встрѣча съ Борисомъ должна была повторяться еще чаще, чѣмъ въ городѣ. — Это новое сближеніе показалось неопытной Маринѣ неотразимою волею судьбы. Какъ люди, которые съ крутизны смотрятъ въ глубину бездны, мало по малу поддаваясь ея собственному притяженію, неизбежно должны въ нее упасть, — такъ она, вникая въ странное положеніе, сдѣланное ей неожиданнымъ отъѣздомъ мужа, переставала противиться, — и очертя голову, скользила почти безсознательно по скату, влекущему ее вопреки всѣмъ ея стараньямъ.... И въ этомъ полуснѣ, посреди этихъ нескончаемыхъ грезъ затемненнаго разсудка, образъ покойной матери не всталъ передъ бѣдной Мариной, не осянулъ могильнымъ крестомъ больную грудь своего ребенка...

Графиня Войновская любила Марину, на сколько могла, но въ этомъ случаѣ заблуждалась сама и успѣла уже во многомъ поколебать ея прежнія дѣвическія убѣжденія. — Преподавая ей науку жизни въ примѣрахъ, взятыхъ изъ біографій слишкомъ извѣстныхъ женщинъ, разсѣянныхъ по гостиннымъ и замкамъ европейскаго общества, графиня пересоздала жесткія мнѣнія неопытной ригористки, — графиня пріучила ее быть снисходительнѣе къ собственному сердцу, и въ искушеніяхъ его видѣть неизбѣжное требованіе необходимости. — Графиня дѣйствовала на умъ Марини, пока любовь убѣждала и смягчала ея сердце....

И какъ часто возобновляется это перевоспитаніе молодыхъ

женщинъ, чрезъ другихъ, болѣе опытныхъ, и болѣе самостоятельныхъ, какъ часто вліяніе пріятельницы сильнѣе могущества перволюбимаго человека!—Какъ не доверять женщинъ, подружъ иногда по участи и горю?... Какъ сомнѣваться, когда краснорѣчивыя уста проповѣдуютъ вамъ объ обзаванномъ краѣ всѣхъ радостей жизни,—куда они заманиваютъ васъ не ради своего, а нашего только блаженства?...

А сосѣдство Бориса?... а эта загородная жизнь, столь коварно способная къ ежеминутному сближенію?... а употребляемое обаяніе весны, природы, незаходящихъ вечернихъ зорь, превращающихъ окрестности Петербурга въ какое-то магическое царство, гдѣ исчезаютъ границы дня и ночи, понятія о часахъ и обыкновенномъ раздѣленіи времени,—а сила собственныхъ двадцати лѣтъ и страсти, всплывшей наконецъ въ груди, долго къ тому приготовляемой мечтами юности и пылкаго воображенія!...

Борисъ угадывалъ наконецъ любовь Маринны. — Ей ни въ чемъ не оставалось ему прижаться. Всѣ недомолвки, всѣ недоразумѣнія были теперь объяснены, поняты; онъ зналъ, какъ много онъ любимъ,—и чувствовалъ всѣ права, которыя давала ему эта любовь Маринны!...

Онъ уже былъ исполнъ счастливъ и блаженъ, когда она еще продолжала болѣть и треметать предъ новой судьбой, отрывшейся ей въ будущности. Для него миновала пора томленья и борьбы, и настала чудная пора взаимности, наслажденія, полного довѣрія. — Для нея прежнія слѣзы, прежнія колебанія, замѣнились новыми опасностями, новыми страхомъ молвы, свѣта, толковъ, однимъ словомъ, всего и всѣхъ. — Сѣвѣсть ея, голубица, трепещущая уже въ когтяхъ орлиныхъ, еще торговалась и защищалась, переживая свою непорочность. Всегдашнее принужденіе, неизмѣнная осторожность были въ тягость простодушной и прямодушной Мариннѣ, и стоили невозможныхъ успій ея откровенному характеру, которому ложь и обманъ были такъ противны и противу естественны, что, еслибъ вдругъ образъ Ненскаго могъ предстать предъ ней, и рѣшительно вопросить

ее о тайныхъ ея чувствахъ,—то она бы, не защищаясь и не защищаясь, готова была во всёму ему признаться.—Малѣйшій шорохъ, появленіе каждаго новаго лица, приводили неловкую женщину въ страхъ и трепетъ, даже когда она одна сидѣла въ своей комнатѣ, съ своими думами и новыми ощущеньями своими. — Отецъ, тетки, мадамъ Боваль, даже горничная и слуги ея,—кто бы ни вошелъ, кто бы ни заговорилъ неожиданно вблизи ея,—она вскакивала вся дрожащая и взволнованная; и первыя слова ея всегда странно и несвязно путались, не отвѣчая на вопросы ей предлагаемые. — Вѣсто умной шутки, прежде отъ нея всегда слышанной,—теперь отъ нея получались только робкія и всегда разсѣяныя выраженія.—Разстѣланіе блуждало въ потерянномъ взорѣ и въ притворной улыбкѣ ея.—Лихорадочный огонь зажигался бѣглыми искрами въ ея опущенныхъ глазахъ, и вспыхивалъ яркимъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ ея. Рука ея дрожала въ рукѣ каждаго родственника, или друга, къ которому она простиралась.—Марина жила въ смятеніи и трепетѣ, какъ на горячихъ угольяхъ.—Покой и безпечность стали для нея недоступны и невозможны.—Борисъ шутилъ надъ ней, и старался ее успокоить, — но тайнѣ еще болѣе дорожилъ ею, видя всю нѣжность и всю женственность ея души и ея нрава, понимая, какъ много ей стоила ихъ взаимная любовь.—Не многіе поймутъ всю стѣснительную напряженность, всё неизбежно мучительныя трудности такого ложнаго положенія, какъ то, въ которомъ находилась теперь блѣдная счастливица. Видя въ свѣтѣ женщину молодую, прекрасную, богатую, — какъ легко сказать и подумать, что она точно вполне счастлива, вполне довольна и спокойна. Да, на видѣ только,—и для бѣлаго взора тѣхъ, которые не умѣютъ проникать ни въ какую духовную глубину!—А эта вѣчная необходимость принужденія, а эта скучная обязанность присматривать за каждымъ движеніемъ своего непокорнаго сердца, за каждымъ слишкомъ выразительнымъ измѣненіемъ своего лица, голоса, даже своей позы.... а безпрестанный, и часто слишкомъ напрасный трудъ, размѣривать и умѣрять въ себѣ и взгляды, и рѣчи, и радость

и волнение?... а притворство холодное, тошное, пошлое притворство, столь ненавистное всѣмъ высокимъ, легко увлекаемымъ, нерво-порывнымъ натурамъ,—развѣ оно не составляетъ тяжкаго ярма, утомительной пытки?... *«Ничего!»* скажутъ свѣтскіе, поверхностные философы-физиологи,—*«вѣдь женщины не привыкаютъ стать притворяться и финтить; на то она и родилась!»* Мы же спросимъ: какаѣ женщины?... Если обыкновенная, изъ мелкихъ тщедушныхъ выкормленницъ свѣтскаго воспитанья,—если одна изъ тѣхъ, которыя въ малолѣтствѣ надували нянекъ, потомъ гувернантокъ непрерывными маленькими непослушаньями и проказами, покуда, подростши, онѣ продолжали проводить маменокъ и папенокъ и даже весь свѣтъ притворнымъ смиренничаньемъ, комедіей невинности и благаго незнанья, и наконецъ, дошедши до высочайшей степени своего искусства, обманывать на каждомъ шагѣ властелина и мужа, ослѣпленнаго коварными ласками, убаюкавнаго сладкою вѣрою въ примѣрно-строгія, несокрушимыя правила его добродѣтельной и непогрѣшимой супруги, если женщина изъ числа тѣхъ, которыхъ Дмитріевъ описалъ въ своей *модной женѣ*, и которыхъ племя и родъ не перевелся до нашего времени, да и врядъ-ли когда переведется,—то, конечно, *такой* легко и удобно продолжать разыгрывать роль, начатую съ самой колыбели!—Но искренняя, правдолюбивая женщина должна потеряться и видѣть себя въ безвыходной борьбѣ, происходящей межъ нею и всѣмъ ея окружающимъ, межъ тѣмъ, что она чувствуетъ, и тѣмъ, что ей надо дѣлать и говорить. —*Ложь*,—это изобрѣтеніе духа тьмы, *ложь* ненавистна благородному и гордому созданью. Она жжетъ уста и чело, она возмущаетъ душу любящей, глубоко-страстной женщины... Но, проникая скальпелемъ въ сокровенные изгибы пораженной души, невольно приходится употреблять патологическіе термины, невольно приходится говорить о больномъ сердцѣ его языкомъ, языкомъ горячешной страсти... Для нея, для этой слѣпотствующей души, единственнымъ прибежищемъ, единственною защитою межъ неисчислимыми трудностями фальшиваго положенья, становится

тайна, — увлекательная, очаровательная *тайна*, которая придасть больше прелести ея блаженству, больше восторженности самой любви.

Но женское сердце, какъ люди, одержимые изнурительною болезнью, и осужденные на раннюю смерть, предугадывало непрочность своего теперешняго существованья, — и чуло недоброе впереди. Какъ ни страстна была любовь къ ней Бориса, — всё-таки она не смѣла повѣрить въ ея вѣстѣйство, въ ея неизмѣнность, въ ея вѣковѣчность. — «Вѣчности»!!! вотъ первый крикъ всякой истинной, глубокой любви, когда она видитъ себя раздѣленною, находитъ предметъ себя достойный!... — Когда намъ здѣсь бываетъ хорошо, то мы вдругъ чувствуемъ потребность перенести наше благо туда, — гдѣ не боимся за него ни конца, ни перемѣны.... Потому-то истинная любовь, хотя бы даже истинная не по праву, а по существу, всегда бываетъ склонна къ мистицизму. Потому-то любовь нѣкоторыхъ избранныхъ граничитъ всегда съ какою-то томительною тоскою; это ихъ мучить высокая надежда безпредѣльнаго! — И потому, не рѣдко такія существа помышляютъ о смерти, когда они чувствуютъ себя на вершинѣ человѣческаго блаженства. — Одна смерть, какъ порогъ безсмертія, кажется имъ возможною послѣ такого достиженія всего лучшаго, что только доступно человѣку на землѣ.

Всё это пережито было Мариною почти въ первые дни ея такъ называемаго *счастья*. — Лишь только борьба утихла, и короткость взаимности заступила мѣсто всѣхъ столкновѣній между двумя любящимися, — Марина, какъ будто, переродилась. — Она почувствовала въ себѣ новую жизнь, новую душу, новыя способности и новыя желанья. — Всё житейское, всё прежде знакомое, и безъ того мало ею цѣнимое, теперь представало ей въ такой ничтожности, въ такомъ видѣ суетности и бѣдности, что она съ ужасомъ и презрѣніемъ отвратила свой взоръ и свою мысль. Тогда, измѣряя вдругъ, какъ далеко любовь перенесла ее за границы ея существованія, она спросила себя, чѣмъ же ей должно будетъ жить, если когда-нибудь эта любовь отъ нея отнимется?...

Ей стало страшно, какъ будто предсмертная мука отозвалась ей отвѣтомъ на вопросъ ея....

Къ счастью Марины, Борисъ не только понималъ ее, но и исполнѣ ей сочувствовалъ. И въ немъ любовь была не прихотью глазъ, не вспышною чувственности, но глубокая потребность, молодого сердца. — Онъ, какъ мущина, терзалъ и мучилъ обожаемую женщину, покуда не былъ увѣренъ въ ея страсти, покуда она не предалась ему совершенно, и не признала его полнымъ владыкою своимъ. Но лишь только союзъ двухъ сердецъ былъ заключенъ, и запечатлѣлся первымъ поцѣлуемъ, Борисъ тоже сталъ другимъ человекомъ, увлекся давно желаннымъ и трудно достигнутымъ своимъ счастьемъ, — и любилъ Марину столь же страстно, столь же нѣжно, столь же беззастѣно и всепрестанно, какъ она сама его любила.

Въ это первое и сладчайшее время ихъ любви, имъ удалось скрыть ее отъ всѣхъ любопытныхъ и лишнѣхъ взоровъ, благодаря осторожности ихъ обоихъ. — Марина старалась ничего видимо не измѣнять въ своихъ привычкахъ и въ своемъ родѣ жизни, принимала какъ прежде, выѣзжала, и была одинаково доступна даже скучнѣйшимъ изъ скучныхъ и вѣчно праздныхъ сосѣдей посѣтителей, которые такъ портятъ дачную жизнь всѣмъ тѣмъ, кому судьба пошлетъ ихъ въ кару. По обращенію ея съ Борисомъ можно скорѣе было подумать, что они хуже чѣмъ въ ссорѣ, — въ совершенномъ равнодушіи, — такъ мало занималась она имъ при свидѣтеляхъ. — Лишь графиню Теклу не могли обмануть эти уловки: по незамѣтнымъ для другихъ отгвѣткамъ, она поняла и прочитала, что происходитъ въ сердцахъ двухъ любовниковъ. Борисъ часто казался растроганнымъ и вмѣстѣ довольнымъ; Марина была въ замѣшательствѣ и разсвѣніи; графинѣ болѣе ничего не нужно было, чтобы она не сохраняла ни малѣйшаго сомнѣнія. — Она тоже молчала.

Но если Борисъ и Марина не измѣняли себѣ, то имъ измѣняли, и тѣмъ легче, что они не подозрѣвали такихъ враждебныхъ нападеній. Горская, — эта тетка Марины, которая такъ хлопотала о заключеніи брака племянницы съ двойною

цѣлю — во-первыхъ, сбыть ее съ рукъ, а во-вторыхъ, — устроить у нея для самой себя и своихъ знакомыхъ пріятный домъ, гдѣ ей легко будетъ затѣвать на чужой счетъ и богатые праздники и блестящія удовольствія, Горская, постарѣвши и подурнѣвши съ прибавленіемъ трехъ-четырехъ лишнихъ годовъ, въ послѣднее время не могла жить безъ Марины, и преслѣдовала ее своимъ расположеніемъ и своею короткостью. Для многихъ, родство есть только прекрасный и неоспоренный предлогъ тиранить людей, навязывая имъ свое присутствіе, свои мнѣнія, свои совѣты, свое покровительство. Въдѣ не даромъ же такъ давно и такъ часто говорится на всевозможныхъ лзыкахъ: «Боже мой, спаси насъ отъ друзей нашихъ, отъ враговъ ужъ мы сами убережемся!» Это знакъ, что вездѣ люди равно терпятъ отъ такъ называемыхъ своихъ, и что эти свои, первые ихъ недоброжелатели, всегда подъ рукою, когда дѣло идетъ къ разрушенію ихъ желанья, или къ нарушенію ихъ тайны. Гдѣ чужаго легко удалить и оставить въ невѣдѣніи, — тамъ свой непременно вкрадется и узнаетъ все то, что хотять скрыть, или о чемъ нужно умолчать; чужіе видятъ васъ въ нарядѣ, и такъ сказать, на готовѣ; они судятъ о вашихъ годахъ по лицу вашему, по благопріятной наружности: свой непременно откроетъ пмъ, въ которомъ году вы родились, — пересчитаетъ ваши лѣта, и буде только возможно, прибавитъ вамъ хоть нѣсколько мѣсяцевъ изъ участія! — чужіе говорятъ вамъ, что у васъ хороши волосы, или зубы, или цвѣтъ лица; свои объявятъ, что у васъ парикъ, не то наклад-ка, или что вы красите волосы, носите фальшивую челюсть, румянитесь и даже бѣлитесь; чужіе поздравляютъ васъ съ нашимъ богатствомъ, съ благоустройствомъ вашего дома и пмѣнья, съ красотой вашей дочери; свои начнутъ жалѣть о разстройствѣ вашихъ дѣлъ, о безсовѣстности вашего управителя, который васъ обкрадываетъ, и еще болѣе о томъ, что за вашею дочерью нѣтъ приданаго, и что, слѣдственно, для нея нельзя ожидать хорошаго жениха. Для женщинъ своимъ еще опаснѣе, особенно когда они бываютъ онъ; къ ихъ антагонизму, естественно внушаемому имъ родствомъ, — присоеди-

няется еще чувство зависти, никогда не дремлющее между женщинами.

Если Горская перестала думать о всякомъ состязаніи съ прекрасною племянницею, пятнадцатю годами ея моложе, — то все-таки не могла она перестать ей завидовать, и каждое качество Марины было ей, какъ говорится, острый ножъ въ сердце. Къ тому же, съ тѣхъ поръ, какъ исключительное чувство завладѣло всѣмъ существованьемъ, всѣми помыслами молодой женщины, она по немногу отставала отъ шумныхъ удовольствій, и, не переставая еще исполнять то, что такъ повелительно называется *свѣтскими обязанностями*, и состоитъ въ частыхъ визитахъ и посѣщеніяхъ, успѣла уже отговориться отъ лишняго выѣзда въ театръ или концертъ, отъ устройства пикника или катанья, чтобъ оставаться дома свободной, и одной, то есть, съ Борисомъ.

Это самое очень не нравилось Горской, привыкшей рассчитывать на общество блестящей Марины, чтобъ ѣздить съ нею въ ея ложи, чтобъ распоряжаться и угощаться на ея праздникахъ, и еще болѣе, чтобъ, являясь съ нею, пользоваться спутниками, ее окружающими, и за неимѣніемъ собственныхъ поклонниковъ и обожателей, казаться не совсѣмъ оставленною, между мужчинами, которые искали чести и удовольствія разговаривать съ Мариною. Этотъ расчетъ, общій многимъ женщинамъ на *возвратъ*, объясняетъ отчасти многія связи дружбы и короткости между дамами различныхъ лѣтъ, и по видимому во всемъ совершенно разными и противоположными.

Чѣмъ меньше Марина являлась въ свѣтъ, тѣмъ ничтожнѣе, тѣмъ незамѣтнѣе безъ нея казалась тамъ Горская; — вотъ почему послѣдняя не могла согласиться на ея отсутствіе, и всячески старалась увозить и вывозить ее противъ ея воли. — Раздраженная сопротивленіемъ, тетка стала раздумывать, а потомъ разыскивать, почему-бы племянницѣ вдругъ полюбить домашнюю жизнь безъ гостей и шума. — Раза два, когда Марина сказывалась больною, и опущенныя сторы служили предлогомъ къ непринятію постороннихъ у ея подъѣзда, Горская забѣгала навѣстить больную, и всегда заставляла ее мнѣе и

одушевленнѣе обыкновеннаго, либо ходящую по комнатамъ съ видомъ нетерпѣнья, изобличавшимъ тревожное ожиданье, и этого было достаточно! Горская догадалась, что Ухманскій влюбленъ въ Марину, за нею ухаживаетъ, принять благосклонно; она ужасно разсердилась, испугалась, оскорбилась,—и изломала три кареты, и измучила двѣ упряжки лошадей, разъѣзжая по Островамъ, по Охтѣ, Черной-Рѣчкѣ, и петергофской дорогѣ, чтобъ *всѣмъ и вездѣ* разказать о неимовѣрномъ провѣствіи.

Что за дѣло было ей до Марины, до Ухманскаго, до ихъ романической любви?...

Развѣ Марина была, сама того не зная, ея соперница, и этотъ цѣломудренный гнѣвъ служилъ только маскою мучительному, но понятному чувству ревности?

Развѣ Горская имѣла несчастье сама влюбиться въ Бориса, безъ всякаго отъ него къ тому повода и поощренія?...

Наконецъ, развѣ Горская была такихъ строгихъ правилъ и мнѣній, что всякая любовь, не выходящая даже изъ тѣсныхъ границъ приличія, должна была казаться ей непростительнымъ и неслыханнымъ преступленіемъ?...

На всѣ эти вопросы можно отвѣчать однимъ общимъ и положительнымъ отрицаніемъ. Нѣтъ! ни одна изъ вышесказанныхъ причинъ не руководила разъяренною дамою и теткою большого свѣта. Нѣтъ! она не была влюблена въ Бориса; нѣтъ! она не почитала за грѣхъ, и не осуждала обыкновенно сердечныхъ отношеній, но въ этомъ особенномъ случаѣ, ей досадно было, что ее не приняли въ повѣренныя наперсницы,—что отъ нея таились и скрывались, что обошлись безъ нея,—а главное, что ея любопытная догадливость и страсть мѣшались въ чужіе дѣла и хлопотать о чужихъ заботахъ,—были приведены въ такой уронъ, и, какъ ей казалось, такъ нагло одурачены родною племянницею.

Кромѣ того, большая часть женщинъ почитаютъ себя обокраденными, и готовы кричать *караулъ*, когда онѣ видятъ, что любятъ другую больше, чѣмъ онѣ сами когда-либо могли быть любимы.

А въ добавку,—страсть болтать, удовольствіе *первой* распу-

стить по городу новость, долженствующую надѣлать шуму,—желаніе представить себя въ отличнѣйшемъ видѣ, возставая на легкомысліе и безразличность другой,—развѣ мало этого, чтобъ подвигнуть всѣхъ Горскихъ въ міръ (а мало ли ихъ?!..) на такую разгласку и такіа нападенія?

Чѣмъ болѣе женщина кричитъ про другую, подозрѣваемую, или уличенную въ запрещенномъ чувствѣ, или преступной связи,—тѣмъ болѣе въ ней самой предполагается, или должно предполагаться добродѣтели, строгости, чистоты и безгрѣшности.

Какъ пріятно прославлять себя на счетъ чужихъ недостатковъ!—Развѣ это не одно почти утѣшеніе тѣхъ строгихъ добродѣтелей, которыя никогда не бывали искушаемы, потому что ни въ комъ не пробуждали искушенія?...

И Горская крочала и шумѣла такъ усердно про недостойную свою племянницу, что скоро весь Петербургъ заговорилъ о Маринѣ и объ Ухманскомъ. Разумѣется не всѣхъ вдохновлялъ благородный гнѣвъ возмущенной добродѣтели Горской,—но все-таки первый шагъ къ предубѣжденію и возстанію противъ нея былъ сдѣланъ, и съ тѣхъ поръ праздное вниманіе всѣхъ было устремлено на предметъ такихъ нападеній и слуховъ.

А для женщины, несчастіе начинается съ той самой минуты, какъ имя ея произносится въ свѣтъ вмѣстѣ съ именемъ посторонняго ей мушны!

Безопасность ея уничтожена, и первая ложь, первая клевета, первая глупость, которую вздумается про нее распустить бессмысленному, а иногда и вредному болтуну, будетъ принята и повторена вездѣ за истину; какъ возобновленіе стараго случая, и доказательство, скрѣпляющее справедливость перваго обвиненія!

Все, что прежде заставляло Маринѣ втихомолку, теперь можно громко преслѣдовать ее насмѣшками и анекдотами, и доказать никто ничего не могъ противъ нея: такъ чинно и дѣловитенно держала она себя и въ свѣтъ и дома, но сплетничать могли всѣ, повторяя какъ водится: «говорятъ!»

«Говорятъ!»—адское изобрѣтеніе,—слово, которымъ даже вѣнзыйшій и чистѣйшій существъ можно представить въ

самомъ гнусномъ видѣ!... «Говорятъ!» выраженіе употребляемое безымянною клеветою, фальшивый интеллектъ, которымъ запечатлѣвается всякая ложь, несмѣющая возвышать собственного голоса, нейтральное знамя, которымъ прикрывается контрабанда всевозможныхъ выдумокъ, клеветаній и навѣстовъ....

«Говорятъ!...» Спросите ихъ, кто же, кто говорить? и никого не назовутъ они, — потому что *говорятъ* они сами. А иногда говорятъ и злоязычные завистники и преслѣдователи всего того, что оскорбляетъ ихъ, выходя изъ-подъ уровня, которымъ глупость, бездарность, и всѣ нищеты человѣческаго рода хотѣли бы подавить все, что надъ ними чѣмъ-нибудь да возвышается!...

Марина замѣтила, что нѣкоторыя пріятельницы менѣе прежняго искали ея короткости, что нѣкоторые люди, требующіе исключительнаго вниманія къ ихъ особѣ, менѣе прежняго льнули къ ней: но она даже не успѣла разобрать почему: такъ мало это все ее теперь занимало.

Приглашенія и посѣщенія сыпались къ ней по прежнему, даже больше прежняго: такъ всеобщее любопытство готово всегда пробудиться при малѣйшемъ, не только событіи, но даже отбѣнкѣ новизны въ жизни или характеръ кого-нибудь изъ членовъ этого вооруженнаго междоусобія, которое мы привыкли называть большимъ свѣтомъ.

Но важнѣе для нея было то, что вскорѣ семья Борисова узнала о городскихъ слухахъ, и взволновалась до крайности. Эта семья состояла, какъ сказано, изъ отца его, матери, и четырехъ сестеръ. Отецъ, преклонныхъ лѣтъ и слабого нрава, безличность въ лицѣ богатаго хлѣбосола и гостепріимца, давно уже не управлялъ ни домомъ своимъ, ни дѣтьми, предоставляя все женѣ своей. Старуха Ухманская была одно изъ тѣхъ неопредѣленныхъ существъ, которыя сами не знаютъ, зачѣмъ они на свѣтѣ, и чего они хотятъ, но за то, крѣпко хотятъ, и упорствуютъ въ своей волѣ, когда имъ вздумается чего-нибудь захотѣть. Изъ сестеръ Бориса, двѣ старшія, гораздо старѣе его, но не вышедшія замужъ, потому что онѣ

были слишком пехороши собою, а не довольно богаты, ли-бо умны, чтобъ искупить этотъ недостатокъ,—объ находились въ этомъ странно-враждебномъ положеніи старыхъ дѣвъ, гдѣ все кажется имъ въ заговоръ противъ нихъ, и слишкомъ прекрасныя женщины, и несправедливыя, слишкомъ *красотолубивыя* мужчины, и жизнь, не исполнившая ихъ ожиданій, и не угодовавшая имъ мѣста между своими избранными гостями; и земля, не умѣвшая ихъ цѣнить, и самое небо, забывшее вид-но назначить на ихъ долю *кого-нибудь*, или *что-нибудь*. Онѣ страстно полюбили брата, съ тѣхъ поръ какъ Борисъ, прежде ими ревнуемый за пристрастіе къ нему родныхъ, сталъ на ноги, и получивъ въ обществѣ и личное значеніе и това-рищей, могъ иногда доставлять имъ кавалеровъ для танцевъ, или собесѣдниковъ для ихъ семейныхъ вечеровъ. Но сестрина любовь выражалась у нихъ страшною, эгоистическою при-вычкою, присвоивать себѣ брата, какъ вещь, и располагать имъ произвольно. Для нихъ пріятнѣе было, чтобъ братъ ску-чалъ дома, чѣмъ знать его веселящимся въ другомъ мѣстѣ. Онѣ рады были поссорить его со всеми въ мірѣ, лишь бы не пришлось имъ предполагать, что онъ кого-нибудь любитъ, кто не принадлежитъ ихъ семейству.

Двѣ меньшія сестры были какія-то безотвѣтныя блондинки, свѣженькія, бѣленькія, розовенькія, называемыя дома *дѣвками* и *маленькими барышнями*, хотя младшая изъ нихъ ужъ пе-решла за срокъ годовъ, подлежащихъ не только опеку, но даже попечительству.

Потерявъ давно надежду отдать за мужъ двухъ старшихъ дочерей своихъ (хотя она ни имъ, ни кому другому, въ этомъ не признавалась!), мать сосредоточила на тѣхъ двухъ меньшихъ всѣ тревожныя ожиданія материнской заботливости. Онѣ каза-лись ей красавицами въ сравненіи съ старшими, и она надѣ-ялась, что онѣ, рано или поздно, должны быть оцѣнены въ свѣтѣ, и найти блестящихъ и богатыхъ жениховъ. Странно и любопытно замѣчать, и вмѣстѣ объяснять, почему въ свѣтѣ *иные* выходятъ, а другія не выходятъ замужъ? по какому со-изволенію, или препятствію рока, то, что такъ удается однимъ

дѣвушкамъ", остается всегда недоступнымъ для другихъ? Разумѣется, тутъ нейдутъ къ примѣру ни признанныя красавицы, хотя и безприданницы, ни слишкомъ богатые наследники, которымъ всегда готовъ сбытъ, какъ бы уродливы, глупы и злонаправны они ни были. Но мы говоримъ только объ этомъ подраздѣленіи дѣвушекъ-невѣстъ, которыя всего лучше опредѣляются неопредѣленнымъ выраженіемъ ни то, ни сѣ, которыя не дурны, не глупы, не бѣдны,—и въ отрицательномъ своемъ достоинствѣ подлежатъ такой противоположности жребія. Часто онѣ только что появляются на сцену общества,—и тотчасъ найдутъ жениха, *составятъ партію*. Почему,—остается неизвѣстно! Когда же, за то, иныя засидятся на бархатныхъ скамьяхъ вдоль балъныхъ залъ, горе, если свѣтъ успѣетъ разглядѣть ихъ, оцѣнить ихъ незначительность! Тогда, онѣ осуждены безъ возврата,—минетъ имъ 20 лѣтъ, минетъ 25, а искателей все нѣтъ, а женихи не являются, и танцоры начинаютъ забывать ихъ: маменьки хмурятся, бѣдливши дочки желтѣютъ, молоденькія подружки посмѣиваются;—но супостаты женихи не трогаются ихъ жалкимъ сиротствомъ, а если еще двѣ зимы пройдутъ для нихъ даромъ, то конечно на вѣкъ,—и онѣ остаются старыми дѣвами безъ выслуги.—Почему — только такъ же необъяснимо, сколь причина замужества многихъ имъ подобныхъ и равныхъ. Не судьба! вотъ все, что можно сказать объ этой немилости къ нимъ Амура и Гименея, разборчивыхъ и прихотливыхъ, какъ въ мифологическія времена своей славы и своего величія!

Еслибъ сравненіе могло воплотить нравственное положеніе Бориса въ его семьѣ, то мы сказали бы, что, какъ въ игрѣ, называемой дѣтьми и няньками въ *коршуны*, гдѣ всѣ играющіе, сколько бы ихъ ни было числомъ, ухватятся и держатся за одного, представляющаго насадку, и защищающаго ихъ отъ нападеній коршуна, такъ въ семьѣ Ухманскихъ всѣ придерживались за Бориса, чувствуя его превосходство, и желая имъ украсить собственную ничтожность. Онъ былъ ихъ солнце, отъ котораго падалъ на нихъ отблескъ. Не даромъ старые друзья дома, всѣ сваты и кумовья, состав-

ляющие ареопагъ внутри семейства, предъ которымъ предстаютъ и обсуживаются молодые люди, до тѣхъ поръ, пока свѣтъ не произведетъ надъ ними окончательнаго своего приговора, не даромъ этотъ ареопагъ важно провозгласилъ сына Ухманскихъ жемчужиною ихъ семейства. Дѣйствительно, онъ взялъ себѣ весь умъ, весь блескъ, все дарованья, и чѣмъ ярче выдавалась его личность, еще облагороженная прекрасной наружностью, тѣмъ безцвѣтнѣе, тѣмъ обыкновеннѣе отступали и терялись сестры его въ тѣнь и глубину домашней картины. Участь ихъ въ обществѣ подтвердила рѣшеніе старыхъ друзей и родныхъ: онѣ не выходили изъ числа жалкихъ труженицъ свѣтской жизни, осужденныхъ и въ гостинной и на балѣ служить обоями и занимать вдоль стѣнъ тѣ мѣста, куда никто не заглядываетъ, и откуда не вызываются никогда на сцену свѣтскихъ успѣховъ и удовольствій, обреченныя на вѣчное созерцаніе и безмолвное присутствіе. За то, чѣмъ болѣе страдало личное самолюбіе барышень Ухманскихъ, тѣмъ болѣе онѣ и родители ихъ искали себѣ возмездія и удовлетворенія въ успѣхахъ Бориса, тѣмъ сильнѣе хотѣлось всемъ имъ поставить и выставить свой кумиръ на самомъ выгодномъ мѣстѣ въ глазахъ и мнѣніи свѣта.

Когда Борисъ вернулся въ родительскій домъ и столичное общество послѣ долгаго отсутствія, семейство его ожило и одушевилось, видя, какъ его вездѣ принимаютъ. И покуда Борисъ, увлеченный своимъ упорнымъ преслѣдованьемъ Марины, оставался непремѣннымъ участникомъ и неизбежнымъ лицомъ всѣхъ баловъ и праздниковъ,—Ухманскіе вращались всюду около него, какъ спутники около своей планеты, и почитали себя обязанными восхищаться тою женщиною, которая болѣе всѣхъ прочихъ его привлекала. Во весь періодъ романа этихъ враговъ-любовниковъ, вѣчно ссорящихся и страстно-влюбленныхъ, не было конца и мѣръ похваламъ и панегирикамъ неслыханной Маринѣ въ домѣ Ухманскихъ. Любимый ихъ разговоръ былъ о ея вчерашнемъ нарядѣ, о послѣдней остроумной фразѣ, ею сказанной, о цвѣтѣ ея глазъ, о формѣ ея рукъ и ногъ, о роскоши шелковыхъ длинныхъ кудрей, рассыпан-

ныхъ по плечамъ и груди ея. Если можно было возвысить Марину въ глазахъ Бориса, и еще болѣе воспламенить къ ней молодаго человѣка, то Ухманскіе конечно въ томъ успѣли: такъ усердно, хотя безсознательно, хлопотали они о томъ. Не разъ пытались они сблизиться и познакомиться съ предметомъ ихъ общей, эпидемической прихоти. Но Марина, какъ бы охраняемая тайнымъ предчувствіемъ, всегда отклоняла такое сближеніе. Избѣгая Бориса, она очень естественно должна была избѣгать и семейства его, а положеніе ея въ свѣтъ, какъ молодой дамы, отдавало ее равно отъ сношеній съ старыми матушками и съ молодыми дѣвушками. И такъ, безъ всякой неучливости, она могла не преступать, въ отношеніи къ Ухманскимъ, за черту самыхъ обыкновенныхъ поклоновъ и обѣта двухъ-трехъ словъ въ зиму.

Но когда до Ухманскихъ дошло, что онъ, Борисъ, не шутя влюбился въ Ненскую, и проводилъ у ней большую часть дней своихъ—они, разумѣется, пришли въ негодованье, — и досада ихъ на Марину разразилась громомъ обвиненій и проклятій. Они были справедливы по своему.

Она отнимала у нихъ сына и брата; она удаляла его отъ исполненія всѣхъ свѣтскихъ и семейныхъ обязанностей; она занимала у него слишкомъ много времени; она могла повредить его карьеру, помѣшать его ходу, (неизвѣстно впрочемъ, куда онъ шелъ, и чего хотѣло для него ихъ честолюбіе!), она должна была погубить, да! она «губила его!» Съ той минуты,— всѣ усилія были употреблены Ухманскими, чтобъ исторгнуть Бориса изъ цѣпей его чародѣйки. Не было дня, чтобъ не возобновлялись къ тому неисчислимыя попытки. — То откровенно упрекали его въ холодности его къ семейству, и въ пожертвованіи всѣхъ прежнихъ, Богомъ и природою врожденныхъ привязанностей, одной новой и притомъ, непозволенной? — То косвенно, и съ хитросплетенными уловками, нападали на женщинъ, забывающихъ свои обязанности, и смѣющихъ любить посторонняго, чужаго имъ человѣка.... То прямо обращались къ его сыновней и братней любви, къ его

благодарности, къ его сердцу, и ради всѣхъ этихъ причинъ просили забыть, бросить коварную кокетку.

Мать съ искренними слезами, и съ настойчивостію женщины, привыкшей повелѣвать всѣми своими, и не выдавшей дотолѣ себя сопротивленія, мать бросалась на колѣна передъ Борисомъ, заклинала его не огорчать, не убивать ее. А когда удивленный сынъ хотѣлъ знать, чѣмъ и какъ убиваетъ онъ свою мать, всегда свято имъ уважаемую и любимую, — то начинались нескончаемыя проповѣди, и наставленія къ одному заключенію: необходимость разлуки его съ Мариною!... Эти терзанія томилъ Бориса несказанно, и отравляли ему все счастье его, которое было столь ново и столь полно.

— Онъ хотѣлъ все согласовать, всѣхъ примирить, какъ въ своемъ сердцѣ, такъ и въ раздѣленіи жизни; онъ надѣялся, не ожесточая своихъ, и всего болѣе матери, усыпить всѣ требованія, успокоить всѣ опасенія своего семейства, — и сохранить притомъ любовь Марины. — Онъ ошибся!

Но за эту ошибку долженъ былъ платить не онъ одинъ, — Марина болѣе его страдала и терпѣла отъ нея.

Когда Борисъ былъ у нея, и съ нею, — и жизнь ему представлялась легкою, сердце его было полно и довольно, счастье улыбалось ему глазами милой, любимой, и многолюбящей женщины, и онъ забывалъ все, что было не Марина, — и не постигая ничего въ мірѣ выше ея любви, — ничего не желалъ, ничего не хотѣлъ кромѣ ея.. и не менѣе того наслаждался онъ другою, высшею отрадою, раздѣлять свои мысли, свои думы, всю душу свою, съ существомъ столь ему сроднымъ, что оно казалось ему вторымъ и лучшимъ его я. — Это духовное соединеніе, умножающее существованіе каждаго изъ двухъ, сливая ихъ обонхъ вмѣстѣ, еще болѣе сближало двухъ несчастныхъ счастливицевъ, и, разставаясь каждый вечеръ, послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ неумолкаемомъ общеніи всѣхъ ихъ мыслей и ощущеній, имъ казалось невозможно разрознить свои души и сердца, взять назадъ каждый свою собственную жизнь, и существовать отдѣльно и одиноко,

до слѣдующаго дня.—Ихъ души спаялись въ огнь вѣчно пылающей страсти, самая короткая разлука была имъ мучительна. Марина, какъ женщина, сплѣнье и живѣе Бориса ощущала это впечатлѣніе,—странное конечно для хладнокровныхъ разбирателей психическихъ явленій,—но навѣрно понятное каждому, кому разъ въ жизни привелось такъ любить!—Однако и Борису минута разставанья каждый вечеръ была тяжелой необходимостью.—Нѣсколько разъ прощался онъ съ нею, нѣсколько разъ возвращался, опять садился у ногъ ея, опять прижималъ ее страстно къ своему сердцу, какъ будто вѣкъ не хотѣлъ и не могъ съ нею разлучиться, доходилъ до дверей,—и вновь вспоминалъ, что оставалось что-то ей досказать, жадно ловилъ еще взоръ, еще слово, еще ласку, и наконецъ, рѣшившись уйдти,—отрывался отъ нея какъ безумный, въ чаду благополучія, превышающаго силы человѣческія, со слезою на глазахъ, и съ сердцемъ, равно томимымъ воспоминаніемъ и надеждою!...

Но дома ожидали его, иная жизнь, другой міръ. Борисъ также грезилъ, какъ Марина, также былъ въ забытьѣ, во временномъ опьяненіи, и безумная страсть, самовольно и святотатственно, изгоняла изъ его души другія обязывающія чувства. Входя въ чинную гостинную своей матери, гдѣ зеленый штофъ мрачно и рѣзко оттенялъ золоченныя рамы дѣдовскихъ портретовъ, и не менѣе строгія, не менѣе сухія лица раздосадованныхъ по справедливости родителей, Борисъ чувствовалъ себя обданнымъ скукою и скованнымъ оцѣпенѣніемъ. Онъ перерождался, онъ отталкивалъ отъ себя откровенность и простодушіе, чтобъ принимать видъ холодно-спокойный, чтобъ войти въ роль строгаго безстрастія. Въмѣсто улыбки, вмѣсто привѣта, его ожидали ѣдкіе вопросы, колкіе намеки.—Борисъ былъ бы готовъ броситься на шею кому-нибудь изъ своихъ близкихъ, цѣловать руки матери, дѣлиться съ ними избыткомъ своего сердца, рассказывать имъ свою душу, полную жизни и страсти, плакать, рыдать, кричать, какъ ребенокъ въ порывѣ своей первой радости,—а ему должно было заковать себя и сердце свое въ тройную броню молчанья и

принужденія, — ему надлежало быть на сторожѣ, какъ между врагами, — и ежеминутно быть готовымъ защищаться отъ нападеній.

Въ первой любви своей, и особенно при своемъ первомъ счастьѣ, мужчина доверчивъ и болтливъ, какъ послѣ всякаго опьяненія. — Ему надо вылить въ сердце друга все чувства, столь новыя, и столь спальныя, что они его обуреваютъ. — Другъ, который выслушиваетъ этѣ безумно-сладостныя исповѣди, который понимаетъ ихъ и сочувствуетъ имъ, почти столь же дорогъ и необходимъ, какъ та, о которой все это говорится и воспоминается. Въ семействахъ, (говоря вообще, безъ приложенія къ настоящему случаю), первая любовь молодого человѣка вмѣняется ему въ какое-то преступленіе: та, которую онъ любитъ, если она не оченъ блистательная и богатая невеста, становится общимъ врагомъ, страшилищемъ, о которомъ и слышать никто не хочетъ, предметомъ ежечасныхъ раздоровъ и камнемъ преткновенія домашняго міра, какъ бы возвышенна и трогательна ни была любовь, ею чувствуемая, и любовь, ею внушаемая...

Большею частію, молодые люди, испытавшіе такое нерасположеніе и такое преслѣдованіе отъ своихъ, — удалятся, выучиваются впредъ скрывать отъ семьи главную сторону своей жизни, и мать, оттолкнувшая ихъ доверенность, на всегда теряетъ право давать имъ совѣты, и руководствовать ихъ поведеніемъ. — Молодые и столь же неопытные товарищи получаютъ ихъ доверіе, и помогаютъ имъ своимъ умъемъ. Отъ того видимъ мы такъ много дурачествъ и глупостей, совершаемыхъ мужчинами въ первые, безумные годы ихъ юношеской свободы; — отъ того иногда портятся цѣлыя будущности, цѣлыя жизни, могущія бы направиться на прекрасныя дороги, еслибъ было кому во-время ихъ направить и вразумить! Гдѣ друзья вредятъ и губятъ, тамъ бы мать спасала немстительнымъ совѣтомъ, дружескимъ увѣщаніемъ.... Но кто изъ людей, находящихся въ безопасной пристани, помнитъ о бурѣ, и умѣетъ понять, что терпятъ погибающіе среди моря?...

Борисъ, обожаемый и балованный до той поры, — не могъ забыть прежней ласки и прежняго пристрастія своего семейства. Его кроткая и любящая натура прощала оскорбленія, и помнила только добро. — Онъ говорилъ себѣ, что его родные заблуждаются, и довольствовался тѣмъ, что избѣгалъ всѣхъ поводовъ и случаевъ къ возобновленію споровъ, но не уступая имъ ни на шагъ въ глубинѣ и тайнѣ своего сердца, и думая, что того довольно для неувѣдимости его любви. — «И овцы цѣлы и волки сыты» — была обыкновенная его поговорка самому себѣ, когда онъ вырывался изъ среды домашняго круга, успѣвъ отвратить разспросы и догадки объ его отсутствіи, и употребленіи дня. — Выигранный вечеръ, промежутокъ спокойствія, казались ему значительною побѣдою, — и онъ радостно и восторженно предавался мечтамъ о своей Маринѣ, и своемъ благополучіи, пока въ гостинной противъ нихъ и противъ него составлялись новые заговоры.

Къ Ухманскимъ ѣзжало много короткихъ знакомыхъ. У старшихъ барышень были свои ровесницы, — зрѣлыя и перезрѣлыя дѣвицы, подобно имъ не вышедшія замужъ за непмѣннѣе жениховъ, — или дамы, уже отцвѣтавшія, и потому готовыя гнать и ненавидѣть всѣхъ дамъ цвѣтущихъ и завидуемыхъ, въ числѣ и главъ конхъ была всюду превозносимая Марина Ненская.

Въ свѣтъ, на каждомъ шагу, и между самыми безвредными благонамѣренными существами, безпрестанно возобновляется исторія того аѳинскаго мужика, который, не зная *Аристиды*, хотѣлъ его изгнать, — потому что, говорилъ онъ, «скучно слушать, какъ хвалятъ всѣ этого Аристиду!» Похвалы и вниманье, расточаемыя кому-нибудь, доставляютъ ему тысячи враговъ, которые и въ глаза его не видали. Отъ того-то у бѣдной Ненской было такъ много враговъ, и отъ того всѣ пріятельницы старшихъ Ухманскихъ съ такою радостію принимали, и повторяли разумѣется, преувеличивая, ихъ жалобы на Марину, издаваемые сестрами Бориса. — Скоро въ этомъ кругу, и во всѣхъ прочихъ къ нему примыкавшихъ, не было другого разговора, какъ про безстыдную связь и гнусныя

продѣлки Марины съ Ухманскимъ, и счастливая женщина, хранившая свою тайну какъ заветный кладъ, не дававшая ни малѣйшаго повода къ подозрѣніямъ и пересудамъ, была оглашена, растерзана, и посрамлена злоязычіемъ, прежде нежели она успѣла спросить себя, откуда падало на ея голову такое раздраженіе всѣхъ злословіи и клеветъ.

• Когда шумъ былъ произведенъ, — и всеобщее возстаніе празднаго злорѣчія, ядовитой зависти и притворнаго смиренномудрія, успѣло уже помрачить славу и имя Марины, — Ухманскіе стали упрекать Бориса въ безнравственности Пенской, допустившей про себя такую молву, — и добродѣтельное отчаяніе ихъ вышло изъ мѣры. Имъ было и стыдно и страшно за Бориса.

А между тѣмъ, ни мать, ни сестры Бориса, не были злыми или вовсе безчувственными созданьями. Нѣтъ, напротивъ, онѣ были изъ числа такъ называемыхъ *bonnes personnes*, добрыхъ особъ, но эти-то именно *bonnes personnes* и дѣлають и причиняють всякое зло и всякій безпорядокъ въ свѣтъ, то языкомъ своимъ, то своею страстью и привычкою мѣшались въ чужія дѣла, заниматься всегда чужими тайнами. Мелочность, щепетильность, ограниченность, сосредоточивають ихъ въ пеленахъ собственныхъ тѣсныхъ понятій; скудная сердцею, недостаточная умомъ, онѣ все судятъ на свой ладъ, всё примѣряють на свой аршинъ.

Борису становилось день ото дня труднѣе согласовать свою любовь съ домашнимъ спокойствіемъ и родственными отношеніями. — Каждая минута его счастья продавалась ему теперь цѣною безсчетныхъ непріятностей и препятствій. — Чаша радостей его была упительна и сладка по прежнему, — но горечь оставалась на днѣ ея, и отравляла жадно-пиющія уста... Взоръ его сталъ омрачаться, и прежняя задумчивость одинокой поры его жизни показывалась по временамъ на его отуманенномъ челѣ. — Марина замѣчала, и страданье все болѣе и болѣе вкрадывалось въ душу, которая только просила покоя и забвенья отъ людей, чтобъ наслаждаться жизнью,

а для этой жизни столько было дано любви, страсти, силы и молодости....

Въ такомъ положеніи находились другъ передъ другомъ, и оба вѣсть передъ свѣтомъ, Борисъ Ухманскій и Марина Ненская, когда канунъ новаго года доставилъ новый случай требовательности семейству Борисову, и принесть еще обманутую надежду и грустный недочетъ той, которую свѣтъ не переставалъ еще такъ ошибочно называть *счастливой женщиной*.

VI.

Радости счастливой любви.

Марина, переставши писать свой дневникъ, — (привычка большей части нынѣшнихъ и восторженныхъ женщинъ, которыя не хотятъ, или не находятъ себѣ повѣренныхъ по душѣ, а между тѣмъ чувствуютъ потребность и необходимость высказаться, излить въ слова чувства и мысли, всегда сильно ими овладѣвающія), — Марина исполнила свое намѣреніе, помолилась, не безъ слезъ, — легла, — но не могла найти ни сна, ни покоя, подъ голубыми штофными занавѣсками своей богато-убранной постели, — и встала, чтобъ написать записку Борису. — Не такъ давно они разстались, ибо Борисъ пилъ чай съ нею, и повхалъ домой лишь только къ сроку, назначенному матерью, почти въ одиннадцать часовъ, но никогда еще не было ей такъ мучительно-грустно безъ него. Такъ называемые *праздничные дни* имѣютъ всегда это вліяніе на людей, слишкомъ щедро одаренныхъ способностью и пониманьемъ счастья, когда это счастье бѣжитъ отъ нихъ, и не дается ихъ упорному преслѣдованью. — Будни проходятъ, какъ могутъ, такъ себѣ, — и если неудачи ихъ для насъ знаменуютъ, то онѣ кажутся намъ въ порядкѣ вещей, и подходящими подъ общее правило *человѣческихъ предположеній, измѣняемыхъ и разстроиваемыхъ расположеніями судьбы*.

Но когда все около насъ радуется, или почитается радующимся, торжествуя день какого-нибудь общаго праздника, особенно изъ тѣхъ, которые и въ церкви и внутри семейства

искони выбираются наисполненіе обрядовъ, полныхъ какого-то таинственнаго и религіознаго влеченія, впечатлѣніе котораго неизгладимо врѣзывается въ память и воображеніе наше съ самаго дѣтства, каковы: Рождество, Новый Годъ, Святки, Свѣтлая Пасха,—когда мы собирались, мы готовились участвовать въ соборной радости всего православія,—и вдругъ непредвидѣнная печаль омрачить наше сердце, разрушить наши надежды и желанія,—тогда вдвое, во сто разъ больше намъ наше горе, и оно увеличивается тѣмъ весельемъ, которому другіе предаются въ глазахъ нашихъ.—Какъ ни ослабли преданія, и какъ ни изглаживаются обычаи семейныхъ праздниковъ въ обществѣ высшаго разряда, однако наружность ихъ еще уцѣлѣла, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ двумъ главнымъ торжествамъ христіанскаго года, и къ возобновленію самаго года: большинство обмѣниваетъ поздравленія и желанія по принятому обычаю,—безъ искренности и убѣжденія,—но для нѣкоторыхъ, иначе устроенныхъ и настроенныхъ исключеній,—эти взаимныя поздравленія,—эти обѣты, эти желанія полны еще таинственнаго смысла, умилительнаго значенія.—Они любятъ видѣть себя окруженными всѣмъ тѣмъ, что имъ дорого; они желаютъ слышать любимый или родной голосъ, говорящій имъ условное привѣтствіе, подъ которымъ ихъ собственная мысль доискивается чего-нибудь лучшаго, и полнѣйшаго.—Имъ особенно нужно, имъ сладко, при таинственномъ трепетѣ, возникающемъ въ нихъ въ заветную минуту возобновленія какого-нибудь ежегоднаго торжества, благодарить Провидѣніе за прошедшее и настоящее, и вмѣстѣ увѣриться въ будущемъ, покоя свой взоръ на предметахъ ихъ любви или дружбы. Безъ того сиротство и одиночество чувствительнѣе отзываются въ пустынѣ около нихъ,—и боязнь невѣдомаго выражается въ ихъ душѣ, грозя всѣмъ тѣмъ, что можетъ случиться горестнаго и несчастнаго въ ихъ судьбѣ.—Марина была совершенно такого расположенія и такихъ свойствъ: быть можетъ воображеніе, быть можетъ суетніе преувеличивало въ вечеръ 31-го Декабря ея чувствительность и раздражительность. Остаться одной,

когда она надѣялась, что Борисъ проведетъ цѣлый вечеръ съ нею, и вмѣстѣ съ нею встрѣтитъ новый рождающійся годъ, казалось ей такъ невѣроятно, не естественно и странно, — что она была взволнована и разстроена какъ настоящею продолжительною разлукою. Но въ запискѣ къ нему, она умѣрила выраженіе грустныхъ чувствъ своихъ, она не хотѣла, чтобы слова ея подразумѣвали и тѣнь упрека, — она только посылала ему благословеніе и ласки, — и кончила свѣтлымъ упованіемъ на радостное свиданіе въ слѣдующій день.

Записка должна была быть подана Борису утромъ въ ту самую минуту, какъ онъ проснется: Марина хотѣла, чтобы *ея* *привѣтъ* былъ первымъ, который встрѣтитъ *ея* возлюбленнаго въ тотъ день.

Была ли нѣжна эта записка?...

Какъ думаютъ тѣ, которые когда-нибудь любили, были любимы, и считали годы жизни своей двумя десятками съ небольшимъ?...

На слѣдующій день, лишь только зимнее морозное утро слегка подернуло небосклонъ свѣтло-розовымъ сіяньемъ, Марина проснулась, и мысль ея вмигъ возвратилась къ тому предмету, къ той думѣ, которые послѣдніе занимали ее наканунѣ, и на которыхъ она остановилась, когда она задремала. — Но слѣды грусти ея изгладились вмѣстѣ съ мракомъ полуночи и неразлучнымъ съ нимъ страхомъ и томленьемъ. — Надежда свѣтилась въ ея взорахъ, когда молодая женщина, небрежно набросивъ на плеча розовый кашемировый пеньуаръ, подошла къ зеркалу своему, и увидѣла, въ немъ свое милое лицо, свою блистательную красоту. — Надежда еще громче заговорила въ ея груди, когда ей подали записку отъ Бориса.

«— Другъ мой, — писалъ онъ, — прости мнѣ огорченіе, которое я такъ невольнo причинилъ тебѣ вчера, и которое я самъ раздѣлилъ съ тобою. — Еслибъ ты могла прочесть въ моемъ сердцѣ, и видѣть, какъ грустно, какъ скучно было мнѣ безъ тебя! Перваѣ мысль моя, когда пробило двѣнадцать часовъ, и первый бокалъ шампанскаго, были тебѣ посвящены! — Да развѣ ты этого не знаешь, моя Марина? развѣ ты не убѣж-

«дана въ томъ, что ты, и только ты одна все для меня, и жизнь, и счастье, и любовь, и вѣчна, не покидающая меня мечта?... Вчера надо забыть, и для того сего-дня видѣться какъ можно долѣе, и быть какъ можно счастливѣе!—Такъ какъ ни ты, ни я, не можемъ располагать собою во время обѣда, и оба должны быть каждый съ своими,—я дома,—ты у твоего батюшки,—то проведемъ вмѣстѣ цѣлое утро. Кажется, ты собиралась ѣхать съ поздравительными визитами. Пожертвуй мнѣ ими,—останься дома, я постараюсь пріѣхать какъ можно раньше,—лишь только позавтракаю съ родными. До свиданья, мой свѣтлый ангелъ! Жди меня, я послѣдую этой запискѣ! P. S. А куда ты слыху разъ цѣлую розовые кончики твоихъ крошечныхъ пальчиковъ, и носокъ твоего башмачка, если ты позволишь!»

Улыбка пробѣжала по лицу Марины,—и она начала торопиться своимъ туалетомъ: — Она собиралась къ обѣднѣ и велѣла уже было заложить себѣ карету. Но отдумала, боясь, что она опоздаетъ возвратиться, и что Борисъ пріѣдетъ безъ нея;—карету велѣно отложить, и Марина, жалуясь на головную боль, объявила горничнымъ, что она боится простуды, и не поѣдетъ утромъ съ визитами.

«Лучше отдохнуть,—говорила она,—я соберусь съ силами, чтобъ ѣхать кушать къ папенькѣ!»—И за тѣмъ, встѣмъ дѣвушкамъ позволено идти со двора, а швейцару посланъ приказъ никого не принимать, кто бъ ни пріѣхалъ поздравлять съ Новымъ Годомъ.

«А если будутъ кто-нибудь изъ своихъ?..»

—Кому же быть?—Папенька при Дворѣ, потомъ принимаетъ своихъ подчиненныхъ; тетюшка тоже.... Кромѣ ихъ, я никого не хочу видѣть!

«А если.... зайдутъ.... кто-нибудь изъ всѣхъ?..»

—Отказывать рѣшительно всѣмъ,—я нездорова!... Однако.... да!... Если нечаянно будетъ.... Борисъ Михайловичъ.... Ухманскій.... и привезетъ мнѣ.... книгу или газеты....то ихъ просить.... на минуту!... Я буду въ своемъ кабинетѣ.

И Марина, отдавая эти противоположныя приказанья робкимъ

и нетвердымъ голосомъ, -- покраснѣла до того, что еще болѣе растерялась, и отвернувшись, притворясь, что ищетъ чего-то въ картонѣ лентъ, ея перерытомъ вверхъ дномъ.

Знаетъ ли хоть одинъ изъ мужчинъ, всегда готовыхъ утверждать, что женщины не умѣютъ любить, — знаетъ ли, чего стоитъ и какихъ усилій требуетъ отъ нихъ, — отъ бѣдныхъ этихъ женщинъ, — малѣйшая подробность, самое малозначительное обстоятельство ихъ жизни, когда онѣ хотятъ устроить ее для безпрепятственного служенія своей любви, и должны ежеминутно хитрить, лгать, притворяться, обманывать горничныхъ, (что рѣдко однако удастся!), усыплять подозрѣнья слугъ, и притомъ сохранять всегда и достоинство женщины и гордость госпожи?... Понимаютъ ли они, независимые и свободные, какъ неловко, какъ трудно, при теперешнихъ условіяхъ домашней жизни въ извѣстномъ слое общества, ограждать себя и отъ докучливыхъ и отъ любопытныхъ, словомъ, отъ друга и недруга?... Измѣненная привычка, перепланированный приказъ, полученное или отправленное письмо, — все это подаетъ поводъ людямъ къ неисчислимымъ и почти всегда вѣрнымъ догадкамъ, все это служитъ имъ истолкованіемъ, комментариемъ барскихъ дѣйствій и даже дѣлъ. И легкое потрясеніе голоса, — и вспыхнувшій румянецъ на лицѣ, — и улыбка, и досада, и малѣйшее движеніе и всякое мановеніе барыни, — развѣ они не ловятся на лету, не толкуются и не переводятся любопытною и часто враждебно-расположенною челядью?... Развѣ все это не составляетъ хотя слабой, но ежеминутно выплачиваемой пошлины, которою окупается всякая любовь и всякая радость свѣтской женщины?... Горе ей попасть въ такое положеніе!

Марина обновила изящный и нарядный *négligé*, который былъ придуманъ какъ не лѣзъ лучше, чтобъ возвысить восточный и вмѣстѣ южный типъ ея красоты, — и пошла съ радостнымъ сердцемъ и легкою поступью, ожидать пріѣзда Бориса.

Въ первый часъ ея ожиданья, она сидѣла у камина, то игралъ потухающимъ пламенемъ сожженного угля, то подбавляя топлива, потому что онъ любилъ, пріѣзжая съ мороза, находить

у нея яркій огонь и отрадно живительную теплоту. Безпрестанно раздававшійся звонокъ въ сѣняхъ, и шагъ, поднимающіеся по мраморной лѣстницѣ, заставляли ее вздрагивать и вставать съ мѣста. — Она подбѣгала къ дверямъ, думая встрѣтить его, но узнавала походку слуги, и не хотя, чтобъ кто-нибудь видѣлъ ее нетерпѣнье, она возвращалась суетливо къ своему мѣсту, чтобъ получить каждый разъ незанимательныя визитныя карточки и докладъ о пріѣзжавшихъ и непріятыхъ поздравителяхъ.

На слѣдующій часъ, Марина неумѣренно растопила каминъ, и сѣла къ окну, чтобъ видѣть издали на улицѣ знакомыя сани. — Но время шло, улица все болѣе оживлялась, — а онъ все не ѣхалъ!... Сердце ожидающей женщины блось ужъ не однимъ радостнымъ, нетерпѣливымъ волненіемъ: беспокойство и болѣзненное чувство сожалѣнія начинало примѣшиваться къ ея свѣтлымъ надеждамъ. — Праздникъ и веселое вліяніе прекрасной погоды, не смотря на легкій морозъ, вызвали на улицу многочисленную толпу всѣхъ сословій и состояній, и довольныя лица безпрестанно мелькали мимо безмолвныхъ оконъ и блуждающихъ взоровъ одинокой затворницы. — Кареты неслись стремглавъ, наполненыя нарядными шляпками, по виду новыми и только что съ иголочки, и подъ этими шляпками улыбались беззаботно щеголихи, перебирая крошечныя записныя книжечки, полныя визитныхъ блетовъ. — Сани скользили, мча военныхъ въ полной парадной формѣ, съ блестящими киверами и развѣвающимися султанами. — Но если издали слышался по снѣгу мѣрный топотъ гордаго рысака, и показывалась высокая круглая шляпа, съ темносинимъ пальто и мѣховымъ воротникомъ, — Марина приподымалась и вглядывалась, будто старалась поскорѣй уловить ожидаемое сходство, желанныя черты.... Но мимо, мимо пролетали сани, — и это опять былъ не онъ,.... а его все не было и не бывало!... Тутъ стали*ее тревожить и мучить разныя догадки, довольно правдоподобныя, чтобъ взволновать душу и не столь готовую для такихъ впечатлѣній: что, если случилось съ Борисомъ какое-нибудь несчастье, слишкомъ обыкновенное въ такіе дни, когда всѣ улицы кипятъ пародомъ и экипажами, и легко зацѣпить, сломать, повалить

легкія санн вмѣстѣ съ ѣздокомъ: лошади его горячи и молоды, — что, если онѣ повесели, сломали санн, опрокинули Бориса?... онѣ, можетъ быть, ушибены.... убить.... Вѣдь всякое несчастье возможно, особенно когда его не ожидаешь!! .. Вѣдь такъ часто случается слышать о подобныхъ приключеньяхъ.... И замирая боязливо, она вскакивала, чтобъ позвать, спросить, послать къ нему, — но разсужденья ея удерживали, и она останавливалась, боясь возбудить неумѣстный шутки и догадки своей прислуги.... Между тѣмъ испытанье продолжалось, и каждая минута его усугубляла. На Маринѣ ужъ лица не было: она дрожала, кровь приливала ей то къ неровно-бьющемуся сердцу, то къ горлечей головѣ.... Часы пробили сперва два,... потомъ половину, скоро три,... и наконецъ половину четвертаго.... Начало смеркаться, потемнѣло, улица пуста, и пѣшеходы и экипажи рѣдки ... Ужъ горничная Марины пришла сказать, что она вернулась, и успѣла все приготовить для одѣванья.... ужъ внизу начинали суетиться, освѣщали подъѣздъ и лестницу, хлопотали о каретѣ для барыни,... ужъ она сама, утомленная и недвижная, поклона окно съ горькою безнадежностью, — какъ вдругъ, — улица снова ожилилась скачущими санями, — и вотъ они остановились у дома, — и вотъ дверь въ сѣняхъ съ шумомъ растворилась, поспѣшные шаги раздались.... приблизились, и Борисъ раскрылъ дверь, и приподнялъ ковровую портьеру кабинета; Марина, себя не помня отъ волненія, бросилась къ нему на встрѣчу. Онѣ сжали ея крѣпко въ своихъ объятіяхъ, — разцѣловавъ у ней руки, онѣ казались веселы, довольны.... «Наконецъ, вскричалъ онѣ, наконецъ я тебя вижу, безцѣнная моя!... Представь себѣ — я только что освободился, цѣлое утро спѣшилъ къ тебѣ, — и все не могъ! Я думаю, ужъ слишкомъ два часа....» «Два, — проговорила Марина слабымъ голосомъ! — два!!.. сей-часъ будетъ бить четыре!...» «Четыре?!.. возможно-ли, мой другъ?... Нѣтъ, ты ошибаешься, или часы не вѣрны! — (Онѣ взглянулъ на северскую фарфоровую группу, вѣнчающую надъ каминномъ бронзовый соклъ, въ которомъ былъ вѣдланъ циферблатъ, и сличилъ съ своими тѣ часы). Ахъ, нѣтъ! .. они идутъ ровно съ моими, какъ мы ихъ вчера поставили, это я опоздалъ!...

а ты меня давно ждешь?...» «Давно, съ утра! Я нарочно къ обѣднѣ не ѣздила, никого не принимала, не завтракала....» «Не завтракала! за чѣмъ же такъ разстраивать всѣ свои привычки: это совсѣмъ лишнее, my love!» «Вѣдь ты писалъ, что *сей-часъ* будешь, вслѣдъ за своей запискою. Я все ожидала!... Но ты хочешь курить, ищешь огня?»... И снова оживленная и приткая какъ газель, (сравненіе, прискаанное для нея Борисомъ, по томной красотѣ и блестящей влажности черныхъ глазъ у обѣихъ), она мигомъ достала спичекъ, зажгла свѣчи въ двойномъ подсвѣчникѣ, и подошла къ нему съ огнемъ въ одной рукѣ и китайскимъ ящичкомъ, полнымъ душистыхъ сигаретокъ, въ другой рукѣ. — Онъ поспѣшилъ освободить ее отъ двойной ноши, — и только въ эту минуту при яркомъ сіяньѣ, бросаемомъ на нее двойнымъ подсвѣчникомъ, замѣтилъ, какъ она блѣдна и разстроена.

«Марина — другъ мой, моя возлюбленная, что съ тобою?... «что сдѣлалось, — ради Бога, не скрывай отъ меня, скажи скорѣе!...»

— Что сдѣлалось, Борисъ? — ничего особеннаго, — но я такъ измучилась ожидала тебя!

«Дитя!... Когда перестанешь ребячиться, и отравлять наше счастье твоимъ всегдашнимъ безпокойствомъ; что тебѣ было такъ волноваться: вѣдь ты знала, что я буду?...

— Ты писалъ, что *сей-часъ*, — я повѣрила, обрадовалась, — потомъ мнѣ стало такъ больно, такъ грустно!... ты тоже знаешь, какъ для меня несносно ожиданье!...

«Другъ мой, прости меня! это не моя вина, и ты сама въ томъ увѣрена! Меня задержали; надобно было завтракать съ моими; потомъ прѣѣхала вся родня, слѣдовало принимать гостей и поздравленья; потомъ матушка увезла меня съ собою къ ея старому дядѣ, моему троюродному дѣдушкѣ, ... нельзя было никакъ отговориться!... я оставилъ ее тамъ, — и прискакалъ къ тебѣ какъ съумасшедшій. Вотъ и все!... чѣмъ же тутъ огорчаться и мучиться.»

И онъ сталъ на колѣни передъ нею, и успокоивалъ и ласкалъ ее, какъ мать убаюкиваетъ неутомимое дитя, не замѣчая, что докуренный кончикъ его сигаретки упалъ на край ея новаго платья, и зажегъ его. — Но запахъ чада охватилъ

обонхъ, и они принялись тушить вспыхнувшую искру. Однако платье было слегка прожжено. «Ахъ, Борисъ, какой ты неловкій!... вѣчно зажечь меня! И новое платье!... Стоплю мнѣ такъ объ немъ хлопотать!...» — «Новое?—въ самомъ дѣлѣ,—и прелестное къ тому же!... да какъ оно вамъ пристало, моя кокетливая красавица! какъ вы въ немъ хороши!... Этотъ малиновый бархатъ, на темномъ малиновымъ атласѣ, такъ прелестнически отбѣляеть бѣлизну вашей гордой шейки, вашей маленькой ручки!... О!... я вижу,—у васъ сего-дня были намѣренія,—вы хотѣли кого-то покорить!... кого же?...»

И онъ осматривалъ ее съ ногъ до головы съ страстнымъ удивленіемъ и вниманіемъ, онъ любовался противоположностью богатыхъ узоровъ стариннаго кружева, изъ котораго былъ сдѣланъ маленький чепчикъ, слегка набросанный на ея голову,—и черно-спиневатаго отлива ея густыхъ волосъ, спускающихся двумя косами вдоль ея продолговатаго и нѣжнаго лица. — Онъ былъ въ восторгѣ отъ своей богини, онъ былъ блаженъ, онъ улыбался, торжествовалъ....

А она?...

Она провела пять мучительно длинныхъ часовъ напраснаго ожиданія,... она выстрадала все, что можно было выстрадать отъ обманутой надежды, отъ потерянной радости, отъ безпокойной неизвѣстности.... Ея душа и сердце были разстроены на весь день.... Она не могла себя пересилить, и принимая его ласки со всею благодарностью безумной любви,—она все таки оставалась томна и грустна, какъ молодая пальма, смятая бурей, и не вдругъ оживающая подъ дыханіемъ благотворнаго просіявшаго дня.

Онъ замѣтилъ. — Онъ сталъ спрашивать. Ему больно и досадно было, что его присутствіе и ласки не прогоняютъ тучи, омрачившей многолюбимую.

«Борисъ,—отвѣчала она кротко, но твердо,—не допрашивай меня, не утѣшай, и не смѣйся надо мною!... Это не поможетъ!... Вы, мужчины, не можете насъ понимать, и еще менѣе съ нами равняться. Конечно мы глупы, мы слабы, мы дѣти, что такъ томимся и мучимся тѣмъ, что для васъ кажется и остается

бездѣльцами.—Но развѣ мы рады, что насъ Богъ такихъ создалъ? развѣ мы добровольно поддаемся слишкомъ страшнымъ движеніямъ нашего ненасытнаго сердца?... Развѣ отъ насъ зависить не чувствовать, когда намъ чувствуется, не плакать и не терзаться, когда намъ больно?... Вотъ ты упрекаешь меня теперь, что я задумчива и тосклива: но если бы ты видѣлъ меня давеча утромъ,—если бы ты прѣхалъ, когда общалъ, ты бы скорѣй дивился моему веселью, моей безумной радости!—Ты оправдываешься, что такъ опоздалъ, говоришь, что тебя увезла твоя мать,—что тебѣ также было досадно и грустно: это можетъ быть правда, но тѣмъ не менѣе, мой день, мой новый годъ, котораго такъ ждала я, пропалъ даромъ, и покуда ты по крайней мѣрѣ не замѣчалъ хода времени, занимался посѣщеніями и роднею, — я просидѣла тутъ одна, — прождала напрасно минуту избавленья, и обманывалась въ своей надеждѣ, пересчитывала каждый часъ, каждые полчаса, каждую четверть, — истощила всѣ силы въ этой попыткѣ: чѣмъ же она мнѣ замѣняется? Вотъ и вчера я безъ тебя протосковала цѣлый вечеръ; отъ этого я провела дурную ночь,... отъ этого я жаждала сегоднѣшняго утра, чтобъ замѣнить нашъ вчера разстроенный вечеръ, чтобъ наглядѣться на тебя, наговориться съ тобою,— и что вышло?... Ахъ! правду сказалъ тотъ поэтъ, который довольно понималъ женщинъ, чтобъ вложить въ уста одной изъ нихъ, тоже обманутой въ долготѣнной надеждѣ, этотъ стихъ, полный для насъ значенія и уроковъ:

«On prévoit un plaisir—c'est un chagrin qu'on a!»

Борисъ опускалъ голову,—и молчалъ!—Чѣмъ могъ онъ отвѣчать, чѣмъ опровергнуть логику Марины и любви?... Да,—и канувъ праздника, и самый праздникъ, все было у нихъ истрачено, отнято,—всѣмъ пожертвовалъ онъ различнымъ отношеніямъ,—а любилъ женщина,—а то сердце, которое было ему всѣхъ ближе и всѣхъ дороже,—онъ осудилъ ихъ страдать и томиться, почему?...

Маринѣ доложили, что карета подвезена; она отправила Бориса, чтобъ сбѣжаться къ церемонно-семейному обѣду у

отца,—и они разстались, оба грустные, оба опечаленные, сожалея о двухъ прекрасныхъ дняхъ, безжалостно украденныхъ у счастья, и не зная, когда удастся имъ наверстать такъ глупо употребленное время.

Черезъ нѣсколько дней Борисъ пріѣхалъ сказать Маринѣ, что на французскомъ театрѣ дають скоро бенефисъ, замѣчательный по выбору новой и очень трогательной пьесы, надѣлавшей много шуму въ Парижѣ, и появляющейся въ Петербургѣ съ громкою молвою о ея успѣхѣхъ и несчетныхъ слезахъ, пожатыхъ ею вмѣстѣ съ лаврами. Борисъ просилъ Марину взять ложу для этого представленія. — Оба рѣдко показывались въ этой маленькой, но предательской замѣ Михайловскаго театра, гдѣ всѣ лица такъ знакомы другъ другу, всѣ мѣста такъ на виду и на перечеѣ, что не мѣзя въ ней скрыть отъ общаго неумолимаго вниманія, ни взора, ни улыбки, ни поклона, еще менѣе разговора, или встрѣчи слишкомъ замѣательной. Марина боялась выставить на показъ волненіе, которое она не умѣла превозмочь въ присутствіи Бориса, — а ѣздить куда-либо безъ него, жертвовать столькими часами, которые она могла провести съ нимъ, казалось ей верхомъ безумія и ненужнаго самопожертвованія. — Но только она услышала о желаніи Бориса, — она послала за ложею, и съ реблическимъ удовольствіемъ ожидала случая, раздѣлить съ нимъ даже таатральное впечатлѣніе. Онъ долженъ былъ ѣхать съ нею, или, по крайней мѣрѣ, находиться въ ея ложѣ; чтобы придать болѣе незначительности его присутствію, она намѣревалась пригласить одну изъ тетокъ своихъ и двухъ другихъ кавалеровъ: подѣ такимъ прикрытіемъ, она не опасалась злобныхъ замѣчаній. — Ложи не достали, — всѣ были разобраны. Марина предлагала двойную, тройную цѣну, разсылала по городу десятки записокъ, употребляла во зло своихъ друзей, хлопотала, какъ будто бы дѣло шло о какомъ-нибудь важномъ случаѣ, или зрѣлищѣ, не долженствовавшемъ болѣе повторяться.

Два дня продолжались ея старанія, на третій достали ложу, уступленную какимъ-то спекулянтѣмъ за безумныя деньги. Марина прыгала отъ радости, разослала свои приглашенія,

поѣхала къ Андріѣ, выбрала новую наколку для головы. — Наконецъ насталь желанный день бенефиса. Она не обѣдала отъ нетерпѣнья, и провела болѣе часа за туалетомъ, тогда какъ обыкновенно ей нужно было гораздо менѣе времени даже для приготовления къ балу. Но за то, этотъ туалетъ былъ обдуманъ и придуманъ съ удивительнымъ искусствомъ, чтобъ поразить Бориса при первомъ взглядѣ. Иная поэма стоить менѣе соображеній и вдохновеній удачно наметанному стихотворцу, чѣмъ стоила женщинѣ эта геніальная обстановка ея красоты. Высокій и стройный станъ ея терлся въ легкихъ и прозрачныхъ оборкахъ бѣлаго тарлатана; кружевные волны огибали ея плечи, ея руки; газъ обвиваль ея тонкую и нѣжную длинную шею; каскады черныхъ, шелковыхъ, длинныхъ буклей падали ей до плечъ, а маковка крошечной ея головки была чуть-чуть прикрыта наколкою изъ серебряной дымки, къ боку которой прикалывалась бѣлая лилія, окруженная длинными, изумрудноблестящими листьями; эти цвѣты, вмѣстѣ съ серебряною бахрамою дивной наколки, мастерскаго каприза Андріѣ, слѣдовали за изгибами длинныхъ буклей, и съ ними сбѣгали живописно вдоль шен Марины, вплетаясь въ кольца волосъ при малѣйшемъ ея движеніи. Бѣлая атласная мантилья набрасывалась сверхъ ея наряда, и бирюзовые браслеты окаймляли конецъ ея перчатокъ, и отгнѣняли нѣжную бѣлоснѣжность ея рукъ. Въ общемъ видѣ, — вся эта смѣсь газа, дымки, серебра, атласа, тарлатана, окружали Марину такими неумовимыми отливками разнообразной бѣлизны, что она казалась то воздушной сифидой, одѣтой въ облако, то ундиной, проявляющейся сквозь струи и брызги недосягаемаго водопада. — Довольная собой, и заранѣе наслаждаясь впечатлѣніемъ, которое она должна была произвести на него, она спорхнула съ лѣстницы, сѣла въ карету, и приказала ѣхать скорѣе: такъ сильно горѣло въ ней одно изъ сладчайшихъ нетерпѣвій жизни, — нетерпѣнье женщины, ожидающей страстнаго взора любимаго человека!... Театръ былъ почти полонъ, когда она вошла въ свою ложу, и встрѣтила выразительно-восторженные взгляды и тѣмные, но лестные, при-

вѣты изумленья и любопытства отъ сотни головъ, обращенныхъ къ ней и рассматривающихъ ее съ видимымъ наслажденіемъ.— Какъ ни привыкла женщина къ подобнымъ торжествамъ,— но все-таки они приносятъ ей невыразимое, но понятное упоенье. И какъ весело быть предметомъ всеобщаго удивленья, когда близокъ тотъ, кому жертвуется въ приношеніе весь этотъ финіамъ!...

Въ ложъ уже красовалась Горская въ греческой фескѣ надъ фальшивыми косами, и за нею, надъ цитаделью накрахмаленныхъ концевъ воротничка, могущаго спорить съ желѣзомъ въ жесткости и стойкости, высывалась свѣтлорусая, завитчал, бакенбардамп окойменнал, но, увы! незначительная голова одного изъ непобѣдимыхъ львовъ, раздѣляющихъ между собою первенство моды въ гостинныхъ высшего круга.— Въ другомъ углу ложы находился кавалергардъ, родственникъ Марины,—но Бориса тутъ не было. «Онъ сей-часъ будетъ!» подумала она,—и усѣлась прямо лицомъ къ партеру, предоставивъ старшей въ родѣ и по годамъ, пользоваться лучшимъ кресломъ ложы, и привилегіей облокачиваться на бархатный край ея.—Спектакль начинался знаменитою драмою, которую уже играли. По этому не было много разговоровъ между Мариною и ея приглашенными, всѣ слушали,—то есть всѣ, кромѣ ея!—Она притворилась слѣдующей за ходомъ пьесы, но была занята только своимъ тайнымъ ожиданіемъ. И вотъ она считаетъ секунду за секундой, минуту за минутой.... вотъ она поглядываетъ безпрестанно, но все украдкой, то на стѣнные часы надъ аркою, вѣнчающей завѣсь театра, то на едва зримые часы въ готическомъ кольцѣ на своей рукѣ.... вотъ она ждетъ, недоумѣваетъ, и волнуется разными мучительными догадками и опасеніями.... А его все нѣтъ!... а надо скрывать свое безпокойство, свою тоску,—эту безмолвно-томительную тоску первой любви при ея первыхъ испытаніяхъ!... А надо оставаться спокойной, даже веселой, разговаривать, отвѣчать на вопросы, которыхъ лихорадка души не даетъ ни разсмыслить, ни понять; а надо обмѣниваться пустыми привѣтами, или замѣчаніями о пьесѣ, которой ни одного слова отсутствующая

мысль не схватила! Вотъ оно, счастье свѣтской женщины!... Вотъ онъ,— ея радости, ея заранѣе, и такъ заботливо, промышленная встреча!... Вотъ оно, спокойное наслаждение любви, которой никто не мыслить и не преслѣдуетъ!...

Первое дѣйствіе драмы кончилось,—Борисъ не явился; началось второе,—тоже кончилось, его все не было!— Настало третье дѣйствіе и десятый часъ,—у Марины зашевелило въ глазахъ, она перестала дышать, и готова была упасть въ обморокъ отъ грозы, въ сердцѣ и груди ея свирѣпствовавшей такъ незаметно для ея спутниковъ!—Когда вдругъ, одинъ изъ нихъ, взглянувъ на античную ложу противъ нихъ, узналъ тамъ все семейство Ухманскихъ, и Бориса между ними, держащаго въ рукъ огромную зрительную трубку своей матери.... Марина вздрогнула при этомъ имени и извѣстїи, какъ будто молнія угала и разразилась у ногъ ея.—Да, это точно былъ онъ,—онъ, Борисъ,... котораго она ожидала, которому такъ радовалась, для котораго единственно потѣхала, для котораго нарядилась и была прелестна!... Онъ ее обманулъ?? О! нѣтъ! нѣтъ!... Вѣрно онъ невиноватъ, вѣрно онъ не добровольно пожертвовалъ этимъ свиданьемъ, его— нѣтъ, ихъ взаимною— радостью.... Но развѣ онъ не могъ, не долженъ былъ устоять противъ всѣхъ стараній удалить его отъ нея?... Развѣ она сама согласилась бы для кого, или чего-нибудь въ мірѣ, измѣнить ихъ распоряденья, не сдержатъ даннаго ему слова?... Развѣ вся сила, вся воля, вся энергія и пылкая страстность любви должны быть утѣломъ одной женщины?... Развѣ онъ за тѣмъ и полюбилъ, чтобъ всегда и вездѣ жертвовать ею прочимъ привязанностямъ своего сердца?... Ахъ кинжалъ въ душѣ бѣдной женщины; она играла вѣеромъ, и продолжала бесѣдовать съ своими кавалерами!... Борисъ издали глядѣлъ на нее такъ грустно, такъ нѣжно! Дома она нашла записку, въ которой онъ умолялъ ее о прощеньи; мать нечаянно объявила послѣ объѣда, что у нея ложа, но нѣтъ кавалера;—и онъ долженъ былъ ее проводить.

(Продолженіе впереди). (*)

(*) Новые подписчики получаютъ начало этой повѣсти въ особомъ прибавленіи.

РУСНАЦКАЯ ПѢСНЯ.

Зичинимъ утромъ, на разсвѣтъ,
Изъ далекаго села,
На конѣ несется всадникъ
Будто изъ лука стрѣла.

Вотъ съ горы онъ по равнинѣ
Яснымъ соколомъ летитъ,
Царь стодбѣмъ за нимъ клубится,
Вьется снѣгъ изъ-подъ копытъ.

У наѣзника лихова,
Русскихъ ючошей красы,
Постѣдѣли отъ мороза
Кудри, брови и усы.

Вотъ къ воротамъ онъ примчался,
И въ калитку застучалъ.
Воранъ конь, почуя стойло,
Громко весело заржалъ.

А изъ терема дѣвица
Посмотрѣла изъ окна,
Не признала въ раннемъ гостѣ
Друга милаго она.

И сказала: «кто бы это?
Что за дѣдушка съдой
Къ намъ стучится спозаранку
Торопливою рукой?»

Вдругъ знакомый слышитъ голосъ:
«Отопри, душа моя!
Аль меня ты не признала?
Дай взглянуть мнѣ на тебя!»

И спѣшитъ она скорѣе
Душегрѣйку надѣвать,
И бѣжитъ она къ воротамъ
Гостя милаго встрѣчать.

Къ другу кинулась на шею,
Крѣпко, крѣпко обняла,
И горячимъ поцѣлуемъ
Съедину съ него свела:

Вмигъ отъ жаркаго дыханья
Милой дѣвицы красы
Почернѣли у милова
Кудри, брови и усы.

ИЗЪ КНИГИ «ШИ-КИНГЪ.»

(копфуція).

Что разъ устроено Творцомъ,
То можетъ Имъ лишь измѣниться;
Передъ святымъ Его судомъ
И царь, и царство покорится.

Онъ видитъ всѣ твои мечты,
Твои пути Онъ направляетъ;
Куда бъ ни удалился ты,
Тебя Онъ всюду повстрѣчаетъ.

Такъ не плѣняйся блескомъ зла
Въ своемъ сердечномъ заблужденьи,
И знай, что всѣ твои дѣла
Въ Его творятся лицедрвнѣи.

СЪ АРАБСКАГО.

Жизнь — заемное имѣнье,
Мы должны его отдать;
Имъ владѣть безъ возвращенья
Было бъ дерзко пожелать.

Что прошло — то не вернется,
Что придетъ — темно для насъ:
Намъ на долю остается
Настоящій только часъ.

О МИЛАЯ.

Нѣтъ, полно, брось перо! Смотри, какъ тяжело
Вздыхаетъ грудь безплодная тоска;
Горитъ лице нерадостнымъ румянцемъ,
Блестятъ глаза, чуть скрытыми, слезами....
Нѣтъ, брось перо!... Напрасное усиле!
Ты ничего не выразишь теперь.
Сквозь этотъ мракъ душевнаго волненья
Нельзя блеснуть разумной, свѣтлой мысли, —
Нельзя сіять небесной красотъ
Въ сѣдыхъ волнахъ разсерженнаго моря....
Но подожди: уляжется печать,
Смягчится грусть и сердце отдохнетъ, —
Тогда въ душѣ, страданьемъ просвѣтленной,
Засвѣтитъ мысль прекрасна и стройна,
Какъ въ зеркалѣ утихнувшего моря
Горитъ красой невозмутимой небо.

Ю. ЖАДОВСКАЯ.

СОСНАНКА МОЯ!

(Съ польскаго).

Красавица моя! зачѣмъ намъ разговоры?
Зачѣмъ, когда хотимъ мы чувствомъ подѣлиться,
Зачѣмъ не можемъ мы душами прямо слиться?

Зачѣмъ намъ ихъ дробить на этотъ звукъ, который
 До слуха и сердецъ достигнуть не успѣтъ,
 Ужъ гаснетъ на устахъ, и въ воздухъ хладѣтъ?

* . *

— «Люблю тебя, люблю!» твержу я повсечасно,
 А ты... ты смущенна и сердилъся на друга
 За то, что своего любовнаго недуга
 Не можетъ высказать и выразить онъ ясно,
 За то, что обмеръ онъ, и не имѣтъ силы
 Жизнь знакомъ проявить и избѣжать могилы.

* . *

Съ измлада утрудилъ я праздными рѣчами
 Мои уста: теперь хочу ихъ слить съ твоими,
 И говорить съ тобой хочу я не словами,
 А сердцемъ, вздохами, лобзаньями живыми,
 И такъ проговорить часы, и дни, и лѣта,
 . . . . .

д. мей.

ПРИМАДОННА.

О пой примадонна!
 Твой голосъ, въ которомъ
 Дрожать-слышны слезы...
 Съ торжественнымъ хоромъ
 Сливался, уносить
 Меня въ отдаленный
 Тотъ міръ, гдѣ все выше
 Заботы вседневной.
 Гдѣ дышать свободно
 Свободныя страсти,
 Не зная предѣловъ,
 Ни разума власти.

О пой, примадонна!
 Авось вдохновенье
 Твое освѣжитъ насъ
 Хотя на мгновенье!
 Въ тяжелое время
 Всеобщаго торга,
 Такъ рѣдки, такъ сладки,
 Минуты восторга!

Съ невольною жаждой,
 Все тайное въ мукахъ
 Житейскихъ подслушать
 Въ рыдающихъ звукахъ;
 Я вспомнилъ минуты
 Отрады случайной—
 Минуты, для свѣта
 Покрытыя тайной.

О, пой примадонна!
 Толпа рукоплещетъ—
 Дрожащее сердце
 Пугливо трепещетъ—
 И минется, близъ рая,
 У замкнутой двери,
 Поетъ безнадежно
 Заблудшая Перн;
 А демонъ изъ бездны;
 Напѣву внимая,
 Гремя рукоплещетъ
 Изгнанницъ рая...

Я. ПОЛОНСКИЙ.

1851.

ГАРРИКЪ ВО ФРАНЦІИ.
КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,
ПЕРЕДЪЛАННАЯ ИЗЪ ОЛЕПШЛЕГЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лордъ Сандстонъ, богатый англичанинъ.

Гаррикъ, англійскій актеръ.

Превиль, } французскіе актеры.
Флери, }

Жюли, французская актриса.

Годаръ, содержатель гостиницы.

Мадамъ Годаръ, его жена.

Пьеръ Марто, лакей Превилья.

Джонъ, лакей Гаррика.

Полтцейскій.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Садъ, принадлежащій къ гостиницѣ, въ сторонѣ бесѣдка. — Лордъ Сандстонъ, Гаррикъ, Джонъ.

ГАРРИКЪ.

Позвольте мнѣ, милордъ, здѣсь, во Франціи, на большой дорогѣ, поклониться вамъ, какъ землякъ земляку. На чужой сторонѣ, дѣти Англій чувствуютъ еще болѣе, чѣмъ дома, что они всѣ братья.

ЛОРДЪ.

А, землякъ, братья? Конечно, (*въ полголоса*). Адамъ нашъ общій отецъ. (*Къ Гаррику*.) Позвольте, спросить, сирѣ, кто вы?

ГАРРИКЪ.

Я вамъ сказалъ, милордъ, что я англичанинъ.

ЛОРДЪ.

Очень хорошо. Конечно и джентельманъ.

ГАРРИКЪ.

Вы меня не знаете, милордъ?

ЛОРДЪ.

Не имѣю удовольствія.

ГАРРИКЪ.

Вы никогда не бываете въ театрѣ?

ЛОРДЪ.

Не бываю.

ГАРРИКЪ.

Вы стало быть не любите комедій?

ЛОРДЪ.

Нѣтъ!

ГАРРИКЪ.

И трагедій не любите?

ЛОРДЪ.

Еще меньше. Жизнь и безъ того тяжка, я напрасно употреблялъ всѣ возможныя средства, чтобъ избавиться отъ сплина, теперь хочу попробовать, не развлечетъ ли меня путешествіе.

ГАРРИКЪ.

Оно васъ непременно развлечетъ, милордъ, если вы постараетесь нѣсколько передѣлаться на чужой ладъ. Человѣкъ каменбѣтъ, когда онъ всегда—только онъ, и ничто иное: надо порой измѣнять свою натуру.

ЛОРДЪ.

Вы путешествуете, чтобъ измѣниться?

ГАРРИКЪ.

Нѣтъ, милордъ, я, напротивъ, путешествую, чтобъ нѣсколько времени остаться самимъ собою. Вы меня спросили, кто я; я все, что вамъ угодно: герой, злодѣй, мужикъ, король, богачъ, нищій—я актёръ.

ЛОРДЪ.

Актёръ?

ГАРРИКЪ.

Вы не посѣщаете театра, милордъ, но вы, вѣроятно, слышали имя Гаррика.

ЛОРДЪ (*холодно*).

А, мистеръ Гаррикъ! знаменитый артистъ. Очень радъ васъ видѣть, сирѣ.

ГАРРИКЪ.

Очень радъ, милордъ, что доставилъ вамъ эту радость.

ЛОРДЪ.

Мистеръ Гаррикъ, я сужу о людяхъ по ихъ прѣвиламъ и дѣйствіямъ, и уважаю каждаго челоуѣка, достойнаго уваженія, — кто бы онъ ни былъ, — но общество имѣетъ свои предразсудки, отъ которыхъ отдѣлаться намъ не ловко и не удобно; я увѣренъ, что, не смотря на ваше званіе, вы челоуѣкъ честный и достойный. Я знаю, что у молодыхъ людей высшаго круга теперь мода знакомиться съ комедіантами, но извините меня, я держусь старинныхъ привычекъ; впрочемъ, я не говорю этого, чтобъ васъ обидѣть, нѣтъ правиль безъ исключенія. Прощайте, мистеръ Гаррикъ!

(*Кланяется гордо и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ГАРРИКЪ.

Вотъ какъ съ тобою обходятся, Макбетъ, вотъ признательность людей, бѣдный король Лиръ, — Гамлетъ! Гамлетъ! ты опять на кладбищѣ игралъ пустымъ черепомъ.

ДЖОНЪ (*подходитъ*).

Какой грубиянъ этотъ лордъ! И вы это ему такъ спустили? Ну я бы на вашемъ мѣстѣ не смолчалъ. Я бы ему сказалъ, что французскій посланникъ короткой пріятель Гаррика, что важнѣйшія особы въ Лондонѣ, графы и адмиралы зовутъ насъ къ себѣ и ѣздить къ намъ.

ГАРРИКЪ.

Вотъ еще, это бы значило играть комедію: много шуму изъ ничего. Бѣдный челоуѣкъ страдаетъ отъ спина и не виноватъ въ томъ, что онъ несносный аристократъ, есть вѣдь и несносные демократы. — Богъ съ нимъ. — Поѣдемъ. — Мы въ ближней гостинницѣ отобѣдаемъ, здѣсь, кажется, ничего съестнаго не найдешь. — Вели закладывать. — А я между тѣмъ по обыкновенію, усну съ полчаса передъ обѣдомъ. —

Въ этой бесѣдкѣ лучше чѣмъ въ комнатѣ. Разбуди меня, когда будетъ готово. (*Джонъ уходитъ. Гарриксъ идетъ въ бесѣдку*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ГОДАРЬ, *хозяинъ гостиницы*, и ПЬЕРЬ МАРТО *входятъ въпѣсть*.

ГОДАРЬ.

Такъ это ты, Пьеръ Марто, старый мой товарищъ?

ПЬЕРЬ.

Да, теперь это я. Мало ли кѣмъ я былъ прежде, чѣмъ сдѣлался опять Пьеромъ.

ГОДАРЬ.

Какъ такъ? что за загадка?

ПЬЕРЬ.

Разтолкую тебѣ. Ну, а ты что подѣливаешь? Какъ справляешься съ своей гостинницей и съ своею женой? Женка у тебя прехорошенькая.

ГОДАРЬ.

То-то и беда, братъ, что хороша. Все бережетъ личико свое и руки. Въ кухню не ходитъ. Затопленной печи боятся какъ огня. Оставимъ это, Расскажи мнѣ про себя. Ты все мѣтилъ выше.

ПЬЕРЬ.

Да, былъ съ амбиціей.

ГОДАРЬ.

Ну чтожъ, высоко ли взобрался?

ПЬЕРЬ.

Взобрался, да опять спустился. Я хотѣлъ быть актѣромъ. На разныхъ театрахъ разыгрывалъ разные роли, и былъ освистанъ во всѣхъ. — Наконецъ попалъ на ту, къ которой имѣю способности и исполняю ее теперь къ общему удовольствію.

ГОДАРЬ.

Какая же это роль?

ПЬЕРЬ.

Роль лакея. И я принадлежу къ первой труппѣ Парижа.

ГОДАРЬ.

Будто?

ПЬЕРЪ.

То-есть, какъ настоящій лакей господина Превилья, нашего великаго артиста.

ГОДАРЪ.

Вотъ оно что!

ПЬЕРЪ.

Да, и здѣсь будетъ сыграна отличная комедія.

ГОДАРЪ.

Здѣсь, въ моей гостинницѣ? да у меня нѣтъ никакихъ театральныхъ принадлежностей.

ПЬЕРЪ.

Намъ ничего и не нужно. Видишь что.... Великій англійскій актёръ Гаррикъ ѣдетъ изъ Лондона въ Парижъ. Онъ кому-то сказалъ, что какъ бы не были хороши французскіе актёры, они не счумьютъ ему показаться естественны. Ты понимаешь, что это обида, за которую надо требовать сатисфакціи. Три, четыре, изъ нашихъ артистовъ отправились тотчасъ, чтобы здѣсь встрѣтиться съ Гаррикомъ.

ГОДАРЪ.

Они его хотятъ вызвать на дуэль?

ПЬЕРЪ.

На дуэль талантовъ. Они хотятъ сыграть съ нимъ комедію, провести его, и когда онъ будетъ убежденъ, что сидитъ за обѣдомъ съ разными путешественниками, Превиль и прочіе встанутъ и выпьютъ за его здоровье. Чтожъ ты повѣсилъ носъ?

ГОДАРЪ.

Обѣдъ! пить здоровье! да у меня нѣтъ никакихъ състныхъ припасовъ, — чѣмъ я ихъ накормлю?

ПЬЕРЪ.

Мы это предвидѣли — и приехали съ собою все нужное, даже и повара; ты намъ только опростай кухню. У тебя есть дрова, чтобы затопить печь?

ГОДАРЪ.

Дровъ довольно, лѣсъ подъ бокомъ.

ПЬЕРЪ.

Да лѣсъ-то вѣдь не тебѣ принадлежитъ, а графу.

ГОДАРЪ.

Графъ мнѣ позволилъ пользоваться хворостомъ.

ПЬЕРЪ.

А когда хворосту мало?

ГОДАРЪ.

Экой ты, развѣ ты не знаешь, что такое хворостъ?

ПЬЕРЪ.

Какъ не знать, — отпадшіе сучья.

ГОДАРЪ.

Ну, такъ сучьямъ можно помочь отпасть.

ПЬЕРЪ.

Конечно. Кажется твои дѣла плохо идутъ?

ГОДАРЪ.

Плохо, я, вѣроятно, скоро обанкрутюсь. Чортъ возьми, что впередъ печалиться! Позабавимся нынче вашей комедіей, а завтра чему быть, тому не миновать.

ПЬЕРЪ.

И дѣло. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

(*Гаррикъ выходитъ изъ бесѣдки, потомъ Джонъ*).

ГАРРИКЪ.

Это важное для меня открытіе, заговоръ противъ меня, имъ можно тотчасъ воспользоваться, надо скорѣй отыскать Джона. — Да вотъ и онъ.

ДЖОНЪ (*входитъ*).

Вы не почиваете?

ГАРРИКЪ.

Нѣтъ, я нашелъ себѣ отличную забаву. Слушай, ты малый ловкій, исполни хорошо мое приказаніе. Ступай тотчасъ къ хозяевамъ гостинницы и расскажи имъ, за великую тайну, что лордъ Сандстонъ и актеръ Гаррикъ оба пріѣхали сюда; но что они изъ шутки на нѣсколько времени обмѣнялись именами, — тогда всѣ объ этомъ скоро узнаютъ, кромѣ лорда. Этого-то я и хочу.

ДЖОНЪ.

Прекрасно, сирѣ, вы подурачите спѣсиваго лорда и заплатите за его грубость.

ГАРРИКЪ.

И проведу французскихъ актеровъ, которые вздумали меня провести. Постой, вотъ идутъ два молодца, вѣрно ужъ мои противники. Комедія начинается. Пойдемъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

ФЛЕРИ, ПРЕВИЛЬ (*входятъ разговаривая*).

ФЛЕРИ.

Я говорю тебѣ, Превиль, что намъ не удастся, это будетъ грубой фарсъ,—на такую удочку Гаррика не поймаешь.

ПРЕВИЛЬ.

А я тебѣ говорю, другъ Флери, что удастся превосходно. Англичане любятъ ростбифъ, пуддингъ и портеръ, ихъ не надо подбивать пирожками и тонкимъ виномъ.

ФЛЕРИ.

Но Гаррикъ—знаменитый актёръ, человекъ тонкій.

ПРЕВИЛЬ.

Онъ привыкъ къ своему Шекспиру, къ ролямъ Бардольфа и Фальстафа. Какой вкусъ можетъ развиться у народа, котораго величайшій поэтъ, въ лучшей своей трагедіи, выводитъ на сцену короля хромаго и горбатаго!—Не бойсь, мы не дадимъ промаху, и Жюли тоже сыграетъ хорошо свою роль, тѣмъ болѣе, что ей кокетничать не трудно. Стало быть, мы готовы. Я бѣдный дворянинъ, она моя сестра, и влюбляется въ знаменитаго артиста. Ты....

ФЛЕРИ.

Хорошо, я ужъ знаю. Ну, смотри только, чтобы не вышло на оборотъ, и мы сами не остались въ дуракахъ. Я боюсь этого Гаррика, онъ, пожалуй, также выдумаетъ какую-нибудь штуку.

ПРЕВИЛЬ.

Почему же?—вѣдь онъ не можетъ знать о нашемъ планѣ, а ожидать Гаррика надо съ часу на часъ. Ужъ пріѣхалъ ка-

кой-то лордъ, можетъ быть, онъ съ нимъ вмѣстѣ ѣдетъ. Гляди, кто тамъ идетъ.

ФЛЕРИ (*глядитъ въ кулисы*).

Это англійская фигура.

ПРЕВИЛЬ.

Должно быть лордъ. Смотри, какой нахмуренный.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢЖЕ И ГАРРИКЪ.

ГАРРИКЪ (*входя, про-себя*).

Теперь я ихъ самъ буду увѣрять, что я Гаррикъ, и они мнѣ не повѣрятъ. (*Въ полголоса*). Идешь изъ своей земли, ду-машь отдѣлаться отъ досады и непріятностей, и встрѣчаешь ихъ вездѣ на дорогѣ. Чтò за проклятая гостинница, стоитъ имѣть деньги, чтобы попасть въ такой хлѣвъ.

ПРЕВИЛЬ.

Это лордъ.

ГАРРИКЪ (*садится и зѣваетъ*).

ПРЕВИЛЬ (*подходитъ къ нему*).

Я, вѣроятно, имѣю удовольствіе видѣть иностранца, путешественника,—въ случаѣ, если вамъ понадобятся мои услуги, позвольте ихъ предложить.

ГАРРИКЪ.

Мое почтеніе! Благодарю!

ПРЕВИЛЬ.

Мы также проѣзжающіе.

ГАРРИКЪ.

Тогда мой совѣтъ—проѣхать здѣсь какъ можно скорѣй.

ФЛЕРИ.

Вамъ мѣстность не нравится?

ГАРРИКЪ.

Нѣтъ.

ПРЕВИЛЬ.

Вы, вѣрно, ѣдете въ Парижъ?

ГАРРИКЪ.

Надо же ѣхать куда-нибудь, коли ужъ ѣдешь.

ФЛЕРИ (*въ сторону*).

Забавный чудакъ.

ПРЕВИЛЬ.

Было бы не скромно спросить васъ о цѣли, съ которой вы путешествуете.

ГАРРИКЪ.

Разумѣется, было бы не скромно.

ПРЕВИЛЬ (*въ сторону*).

Какіе грубіяны эти лорды! (*вслухъ*). Позвольте, по крайней мѣрѣ, узнать ваше имя.

ГАРРИКЪ.

Мое имя? Пожалуй. Мое имя—Гаррикъ.

ПРЕВИЛЬ.

Гаррикъ (*вспоминаетъ свою роль*)!... Гаррикъ—извините—я слыхалъ—англійскій актеръ?

ГАРРИКЪ.

Да.

ФЛЕРИ.

Вы, господинъ Гаррикъ?—Такъ позвольте воспользоваться случаемъ съ вами познакомиться. Я хоть не артистъ, и не занимаюсь никакимъ искусствомъ, но все-таки знаю, что васъ многіе хвалятъ.

ПРЕВИЛЬ.

Точно, я помню,—мнѣ рассказывалъ о васъ сосѣдъ, который былъ въ Англіи, и видѣлъ васъ,—онъ говорить, что вы очень смѣшны.

ГАРРИКЪ (*очень спокойно*).

Да, говорить, что я смѣшонъ.

ПРЕВИЛЬ.

Извините меня, если я на васъ такъ смотрю. Вы первый актеръ, который мнѣ попадается. Я житель деревенскій, никогда не былъ въ столицѣ,—не видалъ и французскихъ комедіантовъ.

ГАРРИКЪ.

Французскихъ комедіантовъ!—и хорошо сдѣлали. Что въ нихъ!

ФЛЕРИ.

Однако, позвольте, есть у насъ отличные актеры: это общее мнѣніе!

ГАРРИКЪ.

Да что значить общее мнѣніе!

ПРЕВИЛЬ.

Я тоже говорю, что значить общее мнѣніе, да и какое тутъ мнѣніе! извините меня, я занимаюсь скотоводствомъ, я не понимаю, какъ можно цѣнить актёра.

ГАРРИКЪ.

Вы совершенно правы, я всегда это говорилъ, — что такое актёръ, такъ называемый драматическій артистъ? Родъ шута, стоящій рядомъ съ фигляромъ и фокусникомъ. Фарсеръ, на котораго пойдешь посмотреть отъ нечего дѣлать.

ФЛЕРИ (*забываясь, съ досадой*).

Фарсеръ! — Не вамъ такъ говорить.

ГАРРИКЪ.

Почему же нѣтъ? — я безпристрастенъ.

ФЛЕРИ.

Позвольте мнѣ, однако, вамъ дать добрый совѣтъ, не высказывайте этого мнѣнія при парижскихъ актерахъ, оно было бы неосторожно.

ГАРРИКЪ.

Да, я слышалъ, что они невыносимо самолюбивы, особенно нѣкоторые изъ нихъ. Говорятъ, что Флери вызывалъ на дуэль всякаго, кто его не признавалъ гениемъ.

ПРЕВИЛЬ.

Ха, ха, ха, ха!

ФЛЕРИ (*съ сердцемъ*).

Это вздоръ.

ГАРРИКЪ.

Можетъ быть. Вотъ о Превиль я слышалъ, напротивъ, что онъ пріятный и предобродушный. Мнѣ рассказывали многія прекрасныя черты его характера.

ПРЕВИЛЬ.

Вамъ говорили о его талантъ?

ГАРРИКЪ.

Нѣтъ, мнѣ Превилья особенно хвалили, какъ семьянина, какъ благороднаго, хорошаго человѣка. Онъ, говорятъ, преимущественно отличается своими сердечными качествами.

ПРЕВИЛЬ (*съ тайной досадой*).

Это прекрасно, но его должно судить и какъ актера.

ГАРРИКЪ.

О, что значить талантъ въ сравненіи съ нравственнымъ достоинствомъ? Лучше быть благороднымъ человѣкомъ, чѣмъ хорошимъ комикомъ. Не правда ли? вы сами сказали, что не понимаете, какъ можно ставить высоко актера.

ПРЕВИЛЬ (*впадаетъ опять въ свою роль*).

Разумѣется, я совершенно согласенъ; извините меня, я человѣкъ простой, но со мною сестра, которая имѣетъ способности, она ужасная охотница до художниковъ, позвольте мнѣ ее представить.

ГАРРИКЪ.

Съ удовольствіемъ, послѣ. Теперь мнѣ нѣкогда. Я, обыкновенно, объ эту пору отдыхаю. Мое почтеніе, господа! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕВИЛЬ, ФЛЕРИ (*потомъ Пьеръ Марто*).ПРЕВИЛЬ (*помолчавъ*).

Ну что? представлялъ ли ты себя Гаррика такимъ медвѣдемъ?

ФЛЕРИ.

Гмъ! это странно—очень странно.

ПЬЕРЪ (*вбѣгаетъ*).

Господинъ Превиль!...

ПРЕВИЛЬ.

Что такое!

ПЬЕРЪ (*поспѣшно*).

Важное открытіе! Гаррикъ пріѣхалъ въ одно время съ лордомъ.

ПРЕВИЛЬ.

Знаю, онъ сейчасъ былъ здѣсь; мы уже съ нимъ говорили.

ПЬЕРЪ.

Съ кѣмъ это!...

ПРЕВИЛЬ.

Съ Гаррикомъ.

ПЬЕРЪ.

То-то что нѣтъ. Это былъ не онъ.

ПРЕВИЛЬ И ФЛЕРИ.

Какъ не онъ?

ПЬЕРЪ.

Нѣтъ, они обмѣнялись именами.

ПРЕВИЛЬ.

Кто?

ПЬЕРЪ.

Лордъ Сандстонъ и Гаррикъ; мнѣ это сказала хозяйка; ей проболтался челоувѣкъ лорда.

ПРЕВИЛЬ.

Какъ?

ФЛЕРИ.

Понимаю.

ПЬЕРЪ.

Да Лордъ-то видно скупъ, ему показалось экономнѣе быть принятымъ на дорогѣ за челоувѣка не знатнаго, и онъ попросилъ Гаррика назваться его именемъ до прїѣзда въ Парижъ.

ПРЕВИЛЬ (къ Флеру).

Стало быть мы говорили съ лордомъ.

ФЛЕРИ.

Разумѣется, я уже что-то подозрѣвалъ. Онъ дурно игралъ свою роль; развѣ Гаррикъ сталъ бы такъ унижать свое искусство? и въ прїемахъ его проглядывалъ аристократъ, какъ онъ ни наблюдалъ за собой.

ПРЕВИЛЬ.

Да, признаться, и мнѣ такъ показалось.

ФЛЕРИ.

Это можно было замѣтить съ перваго взгляда. Я и не поддался.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

тѣ же, Жюли.

Превиль.

Жюли, ты не знаешь, Гаррикъ здѣсь?

Жюли.

Подъ именемъ лорда Сандстона—знаю, мнѣ сейчасъ рассказала хозяйка.

Превиль.

И тебѣ уже успѣла выболтать; прими же къ свѣдѣнію.

Жюли.

Какъ же теперь прикажете мнѣ дѣйствовать?

Превиль.

Точно такъ, какъ мы условились сперва, только съ тою разницей, что вмѣсто страсти къ искусству и къ знаменитымъ артистамъ, ты будешь имѣть наклонности болѣе естественныя и основательныя.

Флери.

Однимъ словомъ, ты будешь умнѣе и болѣе похожа на себя.

Жюли.

Тебѣ нельзя ни какъ отдѣлаться отъ несчастной страсти къ остроумъ.

Превиль.

Не возобновляйте междоусобной войны; надо теперь Франціи быть за одно противъ Англіи.

Жюли.

Стало быть, мы будемъ принимать Гаррика за лорда, и я должна дать ему замѣтить, что онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.—А что же дѣлать съ настоящимъ лордомъ?

Флери.

Ты можешь заняться и имъ, какъ интереснымъ артистомъ. Какая женщина будетъ недовольна тѣмъ, что вмѣсто одного мужчины, ей позволятся дурачить двухъ!

Превиль.

Хорошо, хорошо; пойдемъ, и приготовимъ сцену.

жюли (*выходя съ Превилье*).

А богатъ этотъ лордъ Сандстонъ.

ПРЕВИЛЬ.

Когда же лорды не богаты?

жюли.

Хорошъ собой?

ФЛЕРИ (*слѣдя за ней*).

Когда же богатые лорды не хороши.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ГОДАРЬ, ПОЛИЦЕЙСКІЙ, Г-ЖА ГОДАРЬ.

ГОДАРЬ (*выходитъ изъ гостиницы
съ полицейскимъ; г-жа Го-
дарь слѣдуетъ за ними*).

Здѣсь, почтеннѣйшій, мы можемъ говорить на единѣ. Въ домѣ намъ помѣшаютъ. (*Къ женѣ*): Другъ мой, что тебѣ надобно?

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Я хочу быть здѣсь, развѣ не долгъ жены оставаться съ мужемъ?

ГОДАРЬ.

Какъ строги твои понятія о долгѣ! Но мнѣ теперь недосугъ. Тебѣ ничего не нужно?

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Мнѣ нужно знать, о чемъ вы хотите вмѣстѣ говорить.

ГОДАРЬ.

Да вѣдь я ушелъ затѣмъ, чтобъ ты этого не слыхала.

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Потому-то мнѣ и захотѣлось слышать.

ГОДАРЬ.

Пожалуй. Намъ надо повѣрить нѣсколько счетовъ. Если ты хочешь мнѣ пособить.

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Повѣрить счета, — развѣ я умѣю считать? Это самое скучное занятіе. Коли дѣло идетъ объ этомъ, такъ прощайте.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

Нѣтъ, сударыня, дѣло идетъ не объ этомъ, для васъ лучше узнать всю правду; я принужденъ посадить вашего мужа въ тюрьму, если онъ не заплатитъ тотчасъ своихъ долговъ.

ГОДАРЪ.

Этого сдѣлать, почтеннѣйшій, я не вижу никакой возможности.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

Такъ отправляйтесь со мной.

ГОДАРЪ.

Чему быть, тому не миновать; прощай, моя милая! не печалься черезъ чуръ.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Не буду, мой другъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЕ И ЛОРДЪ САНДСТОНЪ.

ЛОРДЪ (*входитъ*).

Что же мой завтракъ, хозяинъ? я заказалъ пару куропатокъ, велите ихъ мнѣ подать.

ГОДАРЪ.

Вы совершенно правы, милордъ, что требуете то, что заказали, но однако жъ и я не виновать, что не исполняю вашего законнаго желанія. Куропатки были уже напшигованы и я только что хотѣлъ ихъ жарить, какъ вотъ этотъ честный человѣкъ пришелъ вести меня въ тюрьму.

ЛОРДЪ.

За что?

ГОДАРЪ.

За то, что я составилъ себѣ отличную репутацію, приобрѣлъ огромный кредитъ, и пользовался имъ.

ЛОРДЪ.

Мнѣ рѣшительно ничто не удастся, въ первый разъ въ жизни я голоденъ, и мнѣ нечего ѣсть.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

Господинъ Годаръ, мнѣ некогда ждать, пойдемте.

ЛОРДЪ (*къ полицейскому*):

Сколько онъ долженъ?

ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

Тысяча четыреста франковъ.

ЛОРДЪ (*вынимаетъ бумажникъ*).

Жаль, со мной только билеты въ двѣсти фунтовъ.

ГОДАРЪ.

О, помилуйте, это не памѣха, я вамъ ихъ развѣялю, и возвращу лишнее.

ЛОРДЪ (*окидываетъ его взглядомъ и даетъ ему билетъ*).

Возьмите все—я съ вами не хочу имѣть счетовъ.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

Поздравляю, господинъ Годаръ, если такъ, то мы можемъ дѣло кончить и послѣ (*кланяется и уходитъ*).

Г-ЖА ГОДАРЪ.

О, какое великодушіе! какъ мы вамъ благодарны за вашу помощь!

ГОДАРЪ.

Благодѣтель, вы меня спасли! располагайте мной.

ЛОРДЪ.

Принесите мнѣ моихъ куропатокъ.

ГОДАРЪ.

Охъ, не прогнѣвайтесь!

ЛОРДЪ.

Что такое! еще затрудненіе.

ГОДАРЪ.

Вы заслуживаете полного довѣрія, простите великодушно мой усердный обманъ. У меня нѣтъ куропатокъ.

ЛОРДЪ.

Съ этимъ нечего дѣлать; такъ зажарьте мнѣ хоть простую курицу.

ГОДАРЪ.

У меня и курицы не оказывается.

ЛОРДЪ.

Въ такомъ случаѣ сварите мнѣ хоть нѣсколько яицъ.

ГОДАРЪ.

Съ какой бы радостью я это сдѣлалъ! Но курицы, которыхъ у меня нѣтъ, не снесли яицъ.

ЛОРДЪ.

Дорого я заплачу за завтракъ, котораго не видалъ.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Не взыщите, благородный человѣкъ, мы вамъ другимъ образомъ изъяснимъ свою благодарность, мы вамъ можемъ оказать услугу.

ЛОРДЪ (*съ презрѣніемъ*).

Вы? мнѣ? не думаю: какъ это?

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Вы намъ не даромъ сдѣлали добро, мы вамъ заплатимъ откровенностью: мы васъ знаемъ, знаемъ что вы насъ хотите провести, что вы играете роль.

ЛОРДЪ.

Какъ роль!

МАДАМЪ ГОДАРЪ.

Не притворяйтесь больше: вамъ съ нами не нужно прикидываться глупымъ лордомъ.

ЛОРДЪ (*къ Годару*).

Ваша жена съ ума сошла.

ГОДАРЪ.

Не гнѣвайтесь, мы знаемъ все и откроемъ вамъ тайну. Вы здѣсь встрѣтите путешественниковъ, но это люди вашего званія. Вы понимаете.... Хотя я бы и не долженъ выдавать своихъ земляковъ, но теперь моя обязанность сдѣлаться измѣнникомъ.

ЛОРДЪ.

Какъ измѣнникомъ? Вы совсѣмъ заврались.

ГОДАРЪ.

Нѣтъ! я вамъ докажу свою преданность. Послѣ вашего благодѣянія я ничего отъ васъ не могу скрывать. Признаюсь, я не ожидалъ этого великодушнаго поступка отъ такого человѣка, какъ вы; но я умѣю быть благодарнымъ.

ЛОРДЪ (*перерываетъ его съ сердцемъ*).

Чортъ васъ возьми съ вашей благодарностью! что это за проклятая дичь! Ваше счастье, что я уже за васъ заплатилъ; ни одной копейки теперь бы не далъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ X.

ГОДАРЬ, Г-ЖА ГОДАРЬ.

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Каковъ? какъ разсердился!

ГОДАРЬ.

Оставь его, это такъ, сплинъ, англійское расположеніе.

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Скажи, что это такое?

ГОДАРЬ.

Это по-латыни значить гипохондрія, одинъ изъ человеческихъ темпераментовъ.

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Сколько же ихъ?

ГОДАРЬ.

Какъ же ты этого не знаешь! Четыре: гипохондрія, агрономія, астрологія и мисологія.

ЯВЛЕНИЕ X.

ВХОДИТЪ ДЖОНЪ.

ГОДАРЬ.

Что замъ угодно, г. Джонъ?

ДЖОНЪ.

Я ищу своего барина, вы его не видали?

ГОДАРЬ.

Не видалъ, г. Джонъ.

ДЖОНЪ.

Такъ онъ долженъ быть еще въ своей комнатѣ.

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Куда же вы?

ДЖОНЪ.

Мнѣ надо къ барину.

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Подождите, онъ вѣрно еще почиваетъ. Поболтайте хоть минутку.

ДЖОНЪ.

О чемъ?

Г-ЖА ГОДАРЪ.

О чемъ хотите.

ДЖОНЪ.

А неравно понадобится барину?

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Развѣ онъ такъ строгъ?

ДЖОНЪ.

Не то что строгъ, а съ нимъ не плошай.

ГОДАРЪ.

Вашъ баринъ, кажется, не любитъ сорить деньгами? а?

ДЖОНЪ.

Какъ придется, иногда и сорить; сору-то у него достаточно.

ГОДАРЪ.

А онъ хорошо живетъ?

ДЖОНЪ.

Хорошо.

ГОДАРЪ.

Много принимаетъ гостей? часто даетъ вечера?

ДЖОНЪ.

Почти что черезъ день, да еще какіе! на его вечера съезжаются тысячами.

ГОДАРЪ.

Вотъ какъ!

ДЖОНЪ.

Да какой щеголь; не повѣрите, каждый разъ является въ другомъ платьѣ.

ГОДАРЪ.

Какой же у него долженъ быть гардеробъ?

ДЖОНЪ.

Огромный.

ГОДАРЪ.

Чѣмъ же онъ болѣе занимается?

ДЖОНЪ.

Признаться, играетъ, ужъ это его страсть.

ГОДАРЪ.

Такъ онъ, стало быть, легко можетъ и проигратъся.

ДЖОНЪ.

То-то что никогда не проигрываетъ, а все остается въ выигрышъ. Такое счастье.... да и мастерски играетъ — нечего сказать.

ГОДАРЪ.

А! такъ это для него выгодно.

ДЖОНЪ.

Очень выгодно, но мнѣ пора: вѣрно милордъ проснулся.

ЖЮЛИ (*входитъ*).

Годаръ, васъ тамъ зовутъ.

ГОДАРЪ.

Иду, иду.

ЯВЛЕНИЕ XII.

ЖЮЛИ, Г-ЖА ГОДАРЪ.

ЖЮЛИ.

Кто это съ вами здѣсь говорилъ?

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Это человекъ лорда. Онъ рассказывалъ намъ про своего барина. Вотъ такъ богачъ!

ЖЮЛИ.

Очень богатъ?

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Что и говорить! Да какъ живетъ-то, какіе даетъ праздники!

ЖЮЛИ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ГОДАРЪ (*за сценой*).

Жена!

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Что тамъ?

ГОДАРЪ (*за сценой*).

Иди сюда, тебя надобно.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

За чѣмъ?

ГОДАРЪ.

Да иди, говорю.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Ну, иду, какой тамъ спѣхъ?

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ЖЮЛИ (одна).

Да, этимъ случаемъ можно воспользоваться. Мнѣ давно хотѣлось побывать въ Англіи, надо постараться. Увидимъ. Если онъ такъ богатъ.... Дѣло-то превыгодное.—Чтожъ, съ лордомъ не труднѣе сладить, чѣмъ съ другими людьми. А какъ знать, мало ли что еще быть можетъ.... (*Ходить по сценѣ*). Нѣтъ, господа, мнѣ теперь некогда заниматься пустяками, и дурачиться въ вашей шуточной комедіи. Я буду играть для своего бенефиса. Не надо терять времени.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

ГОДАРЪ, РАБОТНИКЪ (*несетъ арфу*).

ГОДАРЪ.

Тише, ты, — вѣдь это не бревно. Постой, ставь вотъ сюда, за кустъ. Осторожно, тебѣ говорить. Вотъ такъ, по-дальше, чтобъ не видать было. Ну, хорошо. Отправляйся. (*Работникъ уходитъ*). Это я славно придумалъ; да и счастье что тутъ же нашлось гдѣ купить. Что-то скажетъ жена! Авось угожу. Она все жалуетъ о томъ, что у ней нѣтъ арфы, говорить, что отлично на ней играетъ. Будетъ же ей сюрпризъ. Такъ и быть, не поскупился. Играй себѣ,—а вотъ кстати и онъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ГОДАРЪ И Г-ЖА ГОДАРЪ.

ГОДАРЪ.

Гдѣ ты была, мой другъ?

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Заходила на минутку къ женѣ управителя.

ГОДАРЪ.

А я между тѣмъ приготовилъ тебѣ подарочекъ; ойъ тамъ стоять за кустомъ. Отгадай-ка, что такое?

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Золотая цѣпь?

ГОДАРЪ.

Какъ же ей стоять за кустомъ.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Серьга?

ГОДАРЪ.

И имъ вѣдь тамъ стоять не натурально; нѣтъ, оно по-лучше серегъ.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Шелковое платье?

ГОДАРЪ.

Ты все думаешь о тѣлесныхъ нарядахъ, а я забочусь о твоей душѣ, о твоихъ внутреннихъ, такъ сказать, украшеніяхъ. Помнишь, какъ ты мнѣ всегда хвалила свое искусство играть на арфѣ.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Къ чему же искусство, когда нѣтъ арфы?

ГОДАРЪ.

Такъ вотъ же она какъ разъ тутъ очутится. Взгляни-ка за кустъ.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Ахъ, Боже мой! Тутъ и въ самомъ дѣлѣ стоитъ арфа.

ГОДАРЪ.

А? Каково? Садись же теперь на скамейку, и съиграй мнѣ что-нибудь.

Г-ЖА ГОДАРЪ (*садится, беретъ арфу и глядитъ на нее*).

Мой другъ....

ГОДАРЪ.

Полно, не жеманься; что за ложный стыдъ?

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Я такъ давно не играла, что нѣнти все забыла.

ГОДАРЪ.

Я это понимаю; но ты все-таки можешь сыграть хоть пѣсенку, помнишь, мою любимую, которую я тебя пѣвалъ, когда былъ женихомъ! попробуемъ-ка ее теперь пѣсть; я буду пѣть,—играй.

Пастушокъ гулялъ съ пастушкой!

Что же ты?

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Я этого напѣва не знаю.

ГОДАРЪ.

Ну, такъ сыиграй—какъ ты бишь это называла—фантазированье.

Г-ЖА ГОДАРЪ (*хватается за струны*).

ГОДАРЪ.

Да этакъ-то и я умѣю фантазировать.

Г-ЖА ГОДАРЪ (*встаетъ*).

Мой другъ, я должна тебе признаться въ одномъ обстоятельстве.... Я невинна;—ты слыхалъ, что такое благородная ложь?

ГОДАРЪ.

Благородная ложь?—нѣтъ, не слыхалъ.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Это то, когда говорятъ неправду не для того, чтобы вредить другимъ, а чтобъ имъ сдѣлать удовольствіе.

ГОДАРЪ.

Такъ что жъ?

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Вотъ видишь, такъ какъ я знаю, что ты меня чрезвычайно любишь, и мнѣ желаетъ всѣ возможныя и невозможныя совершенства, то, чтобъ тебя сдѣлать удовольствіе, я, въ минуту слабости, и сказала, что играло на арфѣ. Оно и сдѣлало тебя удовольствіе: тебѣ было гораздо пріятнѣе это знать, чѣмъ другимъ мужьямъ слушать, какъ ихъ жены въ самомъ дѣлѣ играютъ на арфѣ.

ГОДАРЪ.

Покорно благодарю за благородную ложь, сударыня, она мнѣ стоитъ двѣсти франковъ.

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Экая беда какая! Ведь у тебя теперь денегъ много. Да это и скверная, грязная арфа, я объ нее и руки марать не хочу; дамская арфа должна быть вся позолочена. Какъ ты смѣешь мнѣ дарить такую дрянь?—и подойти гадко. Зачѣмъ не советуешься со мною, когда хочешь сдѣлать мнѣ пріятный сюрпризъ.

ГОДАРЬ.

Что жъ мнѣ теперь дѣлать съ арфой?

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Брось ее въ печь, я и знать не хочу. (*Уходитъ*).

ГОДАРЬ (*идетъ за нею*).

Вотъ тебѣ и спасибо.

Я В Л Е Н І Е III.

ПРЕВИЛЬ И ФЛЕРИ (*входятъ*).

ПРЕВИЛЬ.

Ну, признаюсь, онъ меня изумилъ. Каковъ!—Не пожадѣлъ двухсотъ фунтовъ стерлинговъ, чтобъ сыграть роль лорда. Вотъ страстный актеръ,—скажу....

ФЛЕРИ.

То-то и есть, что пересолилъ. Какое тутъ искусство? такимъ образомъ не трудно играть лордовъ, — стоитъ только бросать деньги.

ПРЕВИЛЬ.

А жаль, что мы не видали этой сцены съ хозяиномъ.

ФЛЕРИ.

Да мнѣ все думается, ужъ не подозреваетъ ли онъ чего-нибудь?

ПРЕВИЛЬ.

Э! помилуй, какъ это можетъ быть! — Постой, кто тамъ идетъ?—это онъ.

ФЛЕРИ.

Онъ—идетъ сюда. Надо его подслушать. Спрячемся въ бесѣдку,—скорѣй. (*Оба входятъ въ бесѣдку*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ЛОРДЪ (*входитъ, скрестя руки, въ глубокой задумчивости*).

Сплинъ опять мною такъ овладѣлъ, что я едва ли съ нимъ справлюсь. Желаніе прекратить эту жалкую жизнь возвращается все сильнѣе. Сплинъ—такъ называютъ глупые врачи это чувство, но оно ничто иное, какъ сила духа, которая не выносить низости и пошлости человеческой. Вотъ я опять увлекся и сдѣлалъ глупость, выручилъ изъ бѣды такъ называемаго несчастнаго, и кого спасъ? легкомысленнаго дурака, негоднаго шута.

ФЛЕРИ (*въ бесѣдкѣ тихо къ Превилью*).

Онъ насъ замѣтилъ.

ПРЕВИЛЬ (*тихо*),

Постой, дай ему говорить,

ЛОРДЪ.

Да что мнѣ до него. Развѣ нелѣпость глупца можетъ быть окончательной причиной моей смерти. Нѣтъ, это не то. Ничтожный дуракъ олицетворилъ мнѣ опять собою всю ничтожность и глупость человеческую. Мнѣ жизнь омерзѣла, мнѣ несносно долѣе идти тою же колеей, вставать, одѣваться, завтракать, ѣздить верхомъ, гулять, обѣдать и вести все тѣ же плоскіе разговоры объ одномъ и томъ же.

ПРЕВИЛЬ.

Хорошо.

ФЛЕРИ.

Гмъ!...—Впадаетъ въ карриатуру.

ЛОРДЪ.

Я надѣялся на путешествіе. Оно вздоръ. На континентѣ тѣ же люди, тѣ же пошлости, та же скука.... Надо отправиться дальше—въ вѣчность. Древніе мудрецы носили съ собою ядъ, какъ способъ освободиться отъ жизненной неволи, и я всегда ношу съ собою подобный способъ. У меня ихъ въ карманѣ даже два. (*Вынимаетъ веревку и пистолетъ и разсматриваетъ*). Мнѣ бы хотѣлось умереть этой смертью. (*Смотритъ на веревку*). Эта смерть прилична англичанину,

смерть не эффектная, не шумная, — она могла бы называться благородною, еслибъ ее не унизили обычаемъ въпять воровъ. Увѣряютъ даже, что она не мучительна, а напротивъ производитъ очень пріятное ощущеніе.

ФЛЕРИ (*зажимаетъ ротъ рукой, чтобы не захохотать*).

ПРЕВИЛЬ (*тихо*).

Тсъ — не мѣшай.

ЛОРДЪ.

Хотѣлось бы попробовать, да здѣсь нельзя, слишкомъ людно, пожалуй, подоспѣютъ съ глупымъ своимъ человеколюбіемъ, и отрѣжутъ веревку прежде времени. Жаль. (*Кладетъ опять со вздохомъ веревку въ карманъ*). Надо прибѣгнуть къ пулю. (*Заряжаетъ медленно*). Оно будетъ вѣрнѣе. (*Оглядывается*). Нѣтъ никого. Минута благопріятна — авось удастся мнѣ хоть это. (*Взводитъ курокъ*). Готово — что жъ? у лорда Уильямъ Сандстонъ не дрогнетъ рука. (*Поднимаетъ пистолетъ*).

ПРЕВИЛЬ (*вскрикиваетъ*).

Браво! (*Выходитъ изъ бѣдѣдки, Флери за нимъ*).

ЛОРДЪ.

Еще неудача. (*Кладетъ проворно пистолетъ въ карманъ*).

ПРЕВИЛЬ (*подходитъ*).

Извините, мы не имѣемъ чести быть съ вами знакомы, но счастливый случай доставилъ намъ удовольствіе васъ здѣсь слышать. — Вы, вѣроятно, позволите узнать ваше имя.

ЛОРДЪ.

Лордъ Сандстонъ.

ПРЕВИЛЬ.

А! — вы вѣрно любитель театра. — Вы здѣсь твердили роль?

ЛОРДЪ (*съ затрудненіемъ*).

Роль — да — (*съ сгорону*) нечего дѣлать.

ПРЕВИЛЬ.

Позвольте вамъ представиться — Я Огюстъ Дарбо, живу въ своемъ имѣніи, занимаюсь скотоводствомъ, это господинъ Десятникъ, мой родственникъ.

ЛОРДЪ (*кланяется*).

ПРЕВИЛЬ.

Позвольте замѣтить: вы вѣрно упражнялись въ комедіяхъ, отлично прикидываетесь.

ЛОРДЪ.

Да, случалось. На домашнихъ театрахъ. (*Въ сторону*). Чортъ возьми, пришлось выдаваться за нагса. А нечего дѣлать, нельзя признаться.

ФЛЕРИ (*въ сторону*).

А! — ты лордъ, — постой-же. (*Въ слухъ*). Да, видѣнь навѣкъ, но извините, милордъ, если я вамъ сдѣлаю замѣчаніе, я хоть не знатокъ, но бывалъ въ Парижѣ, и видалъ французскихъ актѣровъ. Вы здѣсь твердили роль самоубійцы, тутъ нужно нѣсколько больше важности, серьёзности, и притомъ волненія; оно было бы естественнѣе. Вѣдь рѣчь идетъ не объ обыкновенномъ поступкѣ. Нельзя же застрѣлиться хладнокровно.

ЛОРДЪ (*съ презрѣніемъ*).

Выг думаете.

ФЛЕРИ (*на ухо Превиль*).

Обидѣлся — какое самолюбіе.

ПРЕВИЛЬ.

Я не знаю какъ должно застрѣлиться. У меня, признаться, этой привычки никогда не было и актеровъ я также не видывалъ, а мнѣ очень понравилось, какъ вы это сдѣлали, очень натурально представили Жолусумасшедшаго чудака, точѣ въ точѣ настоящій.

ЛОРДЪ (*клоуется принужденно*).

ФЛЕРИ.

Мы осмѣлимся попросить васъ отобѣдать съ нами, здѣсь ничего нѣтъ съѣстнаго, кромѣ того, что мы привезли съ собой; надѣюсь, что вы намъ не откажете.

ЛОРДЪ.

Не знаю — легко можетъ быть — а теперь позвольте мнѣ, господа; у меня есть дѣло — извините меня.

П Р Е В И Л Ь.

До свиданія, милордъ — (*Лордъ кланяется и уходитъ*).

Ф Л Е Р И.

Пойдемъ. Надо за нимъ смотреть, чтобъ онъ не увхалъ, а не то всѣ наши приготовления пропадутъ даромъ.

П Р Е В И Л Ь.

А что ни говори, хорошо сыгралъ.

Ф Л Е Р И.

Не скажу — не натурально. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ГАРРИКЪ, ЖЮЛИ (*входятъ, разговаривая*).

ЖЮЛИ.

Вы не справедливы себѣ.

ГАРРИКЪ.

Напротивъ, у меня часто проявляется глупое самолюбіе. Я не аристократъ, не богатый наследникъ, и желалъ бы иногда самъ собою, безъ помощи вѣншихъ обстоятельствъ, привлечь вниманіе.

ЖЮЛИ (*съ стороны*).

Ну, такъ, изношенная комедія. (*Въ слухъ, улыбаясь*). Кто же его не оказываетъ Гаррику!

ГАРРИКЪ.

Я говорю о другомъ вниманіи.

ЖЮЛИ.

Такъ развѣ это вниманіе, это уваженіе зависитъ отъ знатнаго рода, отъ богатства?

ГАРРИКЪ.

Очень часто.

ЖЮЛИ.

Да, къ несчастію, — но есть исключенія, есть благородныя натуры, особенно женскія натуры, которыхъ взглядъ проникаетъ глубже въ чужую душу, и отыскиваетъ истинное достоинство.

ГАРРИКЪ.

Гдѣ найдти эти натуры?

ЖЮЛИ.

Надо уметь ихъ понять. *(Садится съ нимъ на скамейку).* Иногда сочувствіе такъ близко, что стоить только протянуть руку. — Женщины вообще способнѣе къ безкорыстнымъ привязанностямъ.

ГАРРИКЪ.

О, я въ этомъ убѣжденъ.

ЖЮЛИ.

Видите, женщина странное существо. — Я добросовѣстна я сознаюсь въ недостаткахъ моего пола. Мы слабы, мы не имѣемъ ужасной мужской способности подавлять свои чувства; мы зависимъ отъ минутнаго впечатлѣнія, отъ непредвидѣннаго случая, отъ влеченія, загадочнаго для насъ самихъ. — Но это не капризъ — хотя вы, господа, такъ называете всѣ наши побужденія; нѣтъ, это не капризъ; это свойство женщины предаться вдругъ какой-нибудь симпатіи; безъ размышленія, безъ разсчета, отдать себя всю, и навсегда. — О чемъ вы задумались?

ГАРРИКЪ.

Продолжайте, я слушаю.

ЖЮЛИ.

Общество не справедливо къ женщинамъ, оно имъ вездѣ ставитъ преграды; имъ не позволено быть откровенными; имъ нѣтъ исхода, нѣтъ вознагражденія. Мужчины имѣютъ многое, чѣмъ наполнить жизнь: дѣятельность гражданскую, полезные и прекрасные труды, они имѣютъ славу; — мы ничего не имѣемъ, кромѣ одного.

ГАРРИКЪ.

Слава не составляетъ счастья; слава — мыльный пузырь.

ЖЮЛИ.

Вы не имѣете права такъ думать, вы болѣе другаго должны знать упоеніе славы.

ГАРРИКЪ.

О, помиуйте, не говорите со мной какъ съ актеромъ; не напоминайте мнѣ объ этомъ жалкомъ бытѣ. Я теперь съ вами хочу быть не Гаррикомъ, не комедіантомъ, а человекомъ, не ложью, а истиной.

жюли (подастъ ему руку).

Я вамъ благодарна — повѣрьте, вы во мнѣ найдете отголосокъ. (*Короткое молчаніе*). Мнѣ самой странно, что мнѣ хочется говорить съ вами какъ съ старымъ знакомцомъ. Но съ иными людьми сойдешься вдругъ, — а съ другими никогда.

ГАРРИКЪ.

Совершенная правда!

жюли.

Но вы увидите мил... мистеръ Гаррикъ, вы забудете, что вы здѣсь нашли сочувствіе. Путешественники забываютъ легко.

ГАРРИКЪ.

Не въсь.

жюли.

Вы увидите, — а я возвращусь въ свое сельское уединеніе, къ своей однообразной жизни — навсегда; — буду развлекаться болтовней старой ключницы, разговаривать съ хромымъ пастухомъ, и проводить дни въ милomъ обществѣ коровъ и телятъ. (*Смѣется*).

ГАРРИКЪ.

Вы смѣетесь, говоря о такой будущности.

жюли (*пожимая плечами*).

Не всегда вѣрны женскому смѣху. Женщина имѣетъ свою храбрость, которая бы вѣстъ выше мужской; — женщина иногда смѣется, когдабы, на ея мѣстѣ, мужчина, долженъ былъ заплакать. Поговоримъ о другомъ — поговоримъ о васъ.

ГАРРИКЪ.

Этотъ предметъ для меня всѣхъ менѣе занимателенъ; я охотнѣе стану говорить о погодѣ.

жюли (*въ сторону, съ досадой*).

Какъ безтолковы эти лорды! ничего не понимаютъ. (*Въ слухъ*). Вы предоставляете другимъ говорить о васъ.

ГАРРИКЪ (какъ забывшись).

Обо мнѣ не говорить.

ЖЮЛИ.

Какъ, не говорить?...

ГАРРИКЪ.

А, — я забылъ — я не то хотѣлъ сказать, — я думалъ о другомъ.

ЖЮЛИ (въ сторону).

Даль прмахъ! (въ слухъ, улыбаясь). Вы забывчивы; кому не известно ваше имя? кто не говорить о вашемъ несравненномъ талантѣ?

ГАРРИКЪ (горькимъ тономъ).

О, я знаю, что мой талантъ составляетъ мое единственное достоинство, что я ему обязанъ всемъ, что ваше вниманіе въ эту минуту обращено не на человека, а на артиста, что, я для васъ интересенъ какъ знаменитость, и не иначе, что не будь я Гаррикъ, вы, вѣроятно, не вступили бы такъ любезно со мной въ разговоръ, — о, я это знаю! я знаю, что женщины привлекаетъ прославленное имя, онѣ довольно ребячливы, чтобы пльняться этой гремушкой!

ЖЮЛИ.

Нѣтъ, повѣрьте, я не такова.

ГАРРИКЪ.

О, помилуйте! Вы любите искусство, вы восхищаетесь славой.

ЖЮЛИ.

Нѣтъ! я ищу другаго. Меня прельстить не слава, не блескъ таланта, не сила ума. Меня обольстить не красота вышняя, не дары фортуны, я не тронусь всеми этими пустыми приманками, мнѣ нужны внутреннія достоинства, я ищу душу благородную, высокую нравственность, теплое чувство, любящее сердце, и если я ихъ найду, если встрѣчу человека, какого воображаю, я ему отдамъ себя навсегда, я пожертвую ему всемъ, я для него оставлю семью, покину отечество, я для него, можетъ быть, забуду свой долгъ, свои правила (Моляніе. Гаррикъ сидитъ въ задумчивости).

ЖЮЛИ (*въ сторону*).

Да ну же, будетъ ли этому конецъ. Ай да лордъ!

ГАРРИКЪ (*взглядывая вѣдрузъ какъ
опомнившись*).

Извините, я былъ въ разсѣянности, я не совсѣмъ понялъ, что вы изволили говорить, я не разслышалъ.

ЖЮЛИ (*въ сторону*). ●

Господи! какое надо терпѣніе. (*Вслухъ*). Оставимъ это, — оно не стоило вниманья. Это были бредни сердца, я говорила о своей способности пожертвовать собой. (*Перемпная голосъ*) А знаете ли что? я бы очень желала увидѣть вашу Англію; она меня интересовала съ самаго дѣтства; я увѣрена, что я бы ея полюбила. Я, кажется, совсѣмъ бы сдѣлалась Англичанкой.

ГАРРИКЪ.

Это было бы не хорошо, — отказаться отъ своего отечество все равно, что отказаться отъ своей вѣры.

ЖЮЛИ.

О, конечно — отечество и вѣра — это высокія понятія — отечество прекрасно, но вѣра еще выше — вѣра, любовь....

ГАРРИКЪ.

И надежда.

ЖЮЛИ (*въ сторону*).

Что это такое? (*въ слухъ*) О какой надеждѣ говорите вы, мил.... мистеръ Гаррикъ?

ГАРРИКЪ.

Я говорю о надеждѣ вообще.

ЖЮЛИ (*въ сторону*).

Да онъ просто дуракъ! (*вслухъ*) Знаете что? въ вашемъ народѣ есть не хорошая черта.

ГАРРИКЪ.

Какая?

ЖЮЛИ.

Недовѣрчивость.

ГАРРИКЪ.

Можетъ быть.

ЖЮЛИИ.

Но недоверчивость грѣхъ, когда ея отвѣчаютъ на до-
вѣріе, на откровенность. Я вамъ высказала всѣ свои мысли,
всѣ свои наклонности. Я вамъ должна была показаться глупа.

ГАРРИКЪ.

Нѣтъ.

ЖЮЛИИ (*живо*)

Неправда ли? Вы меня понимаете! да, я хочу этому вѣ-
рить; неправда ли, вы не смѣтаете надъ моими убѣжденіями.

ГАРРИКЪ.

Я никогда не смѣюсь.

ЖЮЛИИ.

Да, вы понимаете, что можно жить сердцемъ,—предпо-
честъ домашнее счастье блистательному быту, мечтать объ
уютномъ уголкѣ, гдѣ бы находилось любимое существо.—О,
какъ часто эта мечта носится передо мною!

ГАРРИКЪ.

Такъ вы бы отказались отъ знатнаго сана, отъ шумной
жизни, отъ прихотей роскоши? Вы бы не согласились
принять огромнаго богатства?

ЖЮЛИИ.

Еслибъ нельзя было сдѣлать иначе, то я бы его приняла
какъ необходимое зло, какъ примѣсь истиннаго счастья. Въдѣ
на землѣ не должно требовать совершеннаго блаженства.

ГАРРИКЪ (*грустно*).

Такъ! такъ! не должно его требовать.

ЖЮЛИИ (*съ чувствомъ*).

Послушайте—я, увидавъ васъ въ первый разъ часъ тому
назадъ, поступила съ вами какъ съ пріятелемъ; я вамъ по-
вѣрила тайны своей души; такъ буду же вполнѣ чистосер-
дечна. Мнѣ остается вамъ признаться въ одномъ недостаткѣ,
въ одномъ грѣхѣ: я горда, очень горда. Еслибъ я встрѣтила
человѣка мнѣ вполнѣ симпатичнаго, такого человѣка, какъ вы,
но если бъ онъ былъ богатъ, я бы не рѣшилась протянуть
ему руку, мысль о возможномъ истолкованіи моего сердечнаго
влеченія ужаснула бы меня; я бы заставила замолчать свое

чувство, и онъ бы никогда не узналъ, что вы можете быть почти отгадали. (Съ нѣжною улыбкой). Неправда ли? я глупое существо?

ГАРРИКЪ (съ жаромъ).

Миссъ Жюли! я счастливъ что встрѣтилъ, такое благо-родство души, такую дѣтскую искренность; я васъ уважаю; вы не умѣете скрывать вашихъ прекрасныхъ чувствъ, вы не могли бы притворяться, еслибы хотѣли, я васъ уважаю. Въ васъ нѣтъ никакого искусства, вы хорошая женщина — и дурная актриса, это меня трогаетъ (уходитъ послышно).

ЖЮЛИ (одна).

Нѣтъ, ужъ это черезъ чуръ: ужъ это такая лордская глупость, что изъ рукъ вонъ. Надо же было напасть на такого чучелу!

ЯВЛЕНИЕ VI.

ЖЮЛИ ФЛЕРИ.

ФЛЕРИ.

Помилуй, что же ты? Мы ужъ цѣлый часъ тебя ищемъ, чтобы свести съ мнимымъ лордомъ; гдѣ ты пряталась?

ЖЮЛИ.

Я была здѣсь.

ФЛЕРИ.

Одна?

ЖЮЛИ.

Нѣтъ, съ этимъ Сандстономъ.

ФЛЕРИ.

Съ настоящимъ? а! — мадемуазель Жюли, вы, кажется занимаетесь своими дѣлами?

ЖЮЛИ.

Ахъ! онъ мнѣ надоелъ.

ФЛЕРИ (улыбаясь).

Который изъ нихъ?

ЖЮЛИ.

Оба.

ФЛЕРИ.

Да ты еще одного и не видала.

ЖЮЛИ.

Я уже знаю напередъ, что онъ долженъ быть прескучный; все эти англичане не люди.

ФЛЕРИ (*въ полголоса*).

Знать съ тѣмъ-то не удалось. (*Въ слухъ*). А вотъ увидишь, онъ тотчасъ будетъ здѣсь, онъ пошелъ этой аллеей. Вонъ идетъ.

ЖЮЛИ (*смотря въ кулисы*).

Такъ это Гаррикъ!—я себя иначе его представляла.

ФЛЕРИ.

Не забудь же звать его милордомъ.

ЖЮЛИ.

Не беспокойся.

ЛОРДЪ (*входитъ*).

ФЛЕРИ.

Позвольте мнѣ, милордъ, вамъ представить мою кузину, мадемуазель Жюли Дорбо.

ЛОРДЪ (*кланяется молча*).

ЖЮЛИ.

Вамъ понятно, милордъ, что я желала познакомиться съ вами лично, зная васъ уже по репутаціи.

ЛОРДЪ.

О! (*Кланяется*).

ФЛЕРИ.

Да, милордъ, о васъ намъ многіе говорили; я слышалъ, что герцогъ де Нивернуа отзывается о васъ съ большими похвалами. Вы его знаете коротко?

ЛОРДЪ.

Да, онъ мой добрый пріятель, мы съ нимъ часто бывали на лисей охотѣ.

ФЛЕРИ (*въ сторону*).

На лисей охотѣ, какъ же! (*Въ слухъ*). Герцогъ съ восторгомъ говорилъ о вашемъ искусствѣ.

ЛОРДЪ.

Ему нечего этому удивляться, онъ стрѣляетъ не хуже меня.

Жюли (*въ сторону*).

Мнѣ это становится скучно. (*Въ слухъ*). Я не слыхала, хорошо ли вы стрѣляете или нѣтъ, но знаю, что вы играете отлично.

Лордъ.

Въ шахматы? да, играю порядочно, а карточной играю не люблю.

Флери (*на ухо Жюли*).

Что? хорошо держится.

Жюли (*въ сторону*).

Собыю же я его съ толку. (*Въ слухъ*). Я, милордъ, говорю не о шахматахъ и не о картахъ, а объ игрѣ драматической. Вы играете на театрѣ, не правда ли?

Лордъ.

Да, иногда,—для шуток. (*Въ сторону*). Видно ужъ я прослылъ актеромъ, этого мнѣ только недоставало!

Жюли.

Если вы любите театральное искусство, то вы вѣрно часто видали игру Гаррика, милордъ?

Лордъ.

Нѣтъ, никогда не видалъ.

Жюли (*въ сторону*).

Какъ глупо!

Флери (*смѣясь*).

То есть не видали на сценѣ, но можетъ быть какимъ-нибудь другимъ образомъ, въ зеркалѣ волшебномъ.

Лордъ (*сухо*).

Я васъ не понимаю, сиръ.

Флери (*въ сторону*).

Не сбивается.

Жюли.

Такъ вы его никогда не видали, а кажется прѣхали съ нимъ сюда въ одно время?

Лордъ.

Да, я его здѣсь встрѣтилъ.

Флери.

Такъ вы съ нимъ познакомились? Какое же вы имѣете о немъ мнѣніе?

Л О Р Д Ъ.

Я о немъ никакого мнѣнія не имѣю.

Ф Л Е Р И (*въ сторону*).

А! Это не душно; да ты отъ насъ не отдымаешься! (*съ слухъ*). Я принужденъ, милордъ, заняться нѣкоторыми распоряженіями. Надѣюсь на удовольствіе видѣть васъ опять за обѣдомъ, и оставляю васъ покамѣсть съ моею кузиной. (*На ухо Жюли*). Займи его.

Ж Ю Л И (*въ сторону*).

Да, я очень расположена дурачиться.

Ф Л Е Р И (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Л О Р Д Ъ, Ж Ю Л И.

(*Жюли садится на скамейку. Лордъ смотритъ на нее издали; наконецъ рѣшается подойти*).

Л О Р Д Ъ.

Вамъ можетъ быть непріятно, миссъ, что я здѣсь остаюсь?

Ж Ю Л И (*сухо*).

Нѣтъ, мнѣ все равно. (*Молчаніе*).

Л О Р Д Ъ.

Вы мнѣ позволите съ вами поговорить, миссъ?

Ж Ю Л И.

Позволяю. (*Молчаніе*).

Лордъ (*прохаживается и подходитъ опять къ Жюли*).

Миссъ!—я не знаю—я не хотѣлъ бы вамъ сказать вещь обидную—вы мнѣ очень нравитесь.

Ж Ю Л И (*черезъ плечо*).

Это не обидно.

Л О Р Д Ъ.

Да, вы мнѣ очень, очень нравитесь, вы вовсе не похожи на другихъ женщинъ. — Я бы желалъ познакомиться съ вами поближе, миссъ. Жюли (*молчитъ*). Вы теперь ѣдете назадъ въ деревню?

Ж Ю Л И.

Да—да.

Л О Р Д Ъ (*ходитъ молча*).

Ж Ю Л И (*съ сторону*).

Ахъ, это скучно.

ЛОРДЪ (*подходитъ опять*).

Вы бы не желали побывать въ Англіи, миссъ?

ЖЮЛИ (*въ сторону*).

Съ тобой-то? — (*въ слухъ*) нѣтъ.

ЛОРДЪ.

Вамъ бы Англія полюбилась, еслибъ вы въ ней пожили.

ЖЮЛИ.

Я французенка, и не хочу сдѣлаться англичанкой.

ЛОРДЪ (*опять помолчавъ*).

Миссъ Дарбо, вы мнѣ очень нравитесь.

ЖЮЛИ.

Я ужъ это слышала! (*въ сторону*) неизобрѣтателенъ.

ЛОРДЪ.

Миссъ Дарбо! я бы желалъ вамъ доказать на дѣлѣ искренность моихъ словъ. — Располагайте мной, если лордъ Сандстонъ можетъ вамъ быть полезенъ, онъ предлагаетъ свои услуги.... я жду вашего ответа, миссъ.

ЖЮЛИ (*въ сторону*).

Да полно ли ему корчить вельможу! (*въ слухъ*). Мой отвѣтъ, что пора бы снять маску.

ЛОРДЪ.

Какъ снять маску?

ЖЮЛИ.

Да, перестать разыгрывать эту роль.

ЛОРДЪ.

Я не разыгрываю роли, я говорю искренно.

ЖЮЛИ (*въ сторону*).

Ахъ, какой скучный! — (*оборачивается къ нему, и глядитъ ему въ лице*). Такъ вы въ первый разъ здѣсь встрѣтились съ Гаррикомъ?

ЛОРДЪ (*въ сторону*).

Что имъ дался этотъ Гаррикъ? (*въ слухъ*). Въ первый разъ, миссъ.

ЖЮЛИ.

Въ случаѣ, если вы сго опять увидите, я вамъ дамъ къ нему порученіе; скажите ему, что онъ пренесносный.

ЛОРДЪ.

Очень хорошо, миссъ, скажу.

жюли *(отворачивается съ досадой)*.

ЛОРДЪ *(помолчавъ)*.

Миссъ Дарбо, позвольте мнѣ васъ навѣстить въ вашей деревнѣ!

жюли *(въ сторону)*.

Да отъ него не отдѣлаешься! *(обращается опять къ нему съ нетерпѣніемъ)*. Мнѣ нельзя будетъ васъ при-
нять, у меня нѣтъ деревни; вамъ сказали неправду; я не дворянка, — а дочь мѣщанина.

ЛОРДЪ.

Дочь мѣщанина?

жюли.

Да. — *(Съ насмѣшкой)*. Вы видите, милордъ, что вамъ не слѣдуетъ со мною разговаривать.

ЛОРДЪ *(ходитъ молча и останавливается опять передъ ней)*.

Миссъ!

жюли.

Что еще?

ЛОРДЪ.

Миссъ, я васъ благодарю за то, что вы мнѣ сказали правду. — Это меня еще больше располагаетъ къ вамъ. Я предложилъ вамъ свои услуги, Миссъ, я ихъ опять предлагаю; вы совсемъ по моему вкусу, если вы рѣшитесь ѣхать со мною въ Англію, я обязуюсь быть вашимъ покровителемъ и обезпечить вашу будущность.

жюли *(въ сторону)*.

Что это такое? Какая дерзость! *(Встаетъ съ скамейки и говоритъ сердитымъ тономъ)*. Милостивый государь! эта шутка становится не прилична.

ЛОРДЪ.

Я не шучу, я говорю серьезно. — Даю вамъ честное слово.

жюли *(глядитъ ему въ глаза)*.

Вы не шутите?

ЛОРДЪ.

Нѣтъ.

жюли.

Такъ позвольте васъ спросить, какъ вы смѣете меня обижать?

лордъ (*смѣшавшись*).

Миссъ—я не думалъ....

жюли (*въ сторону*).

Его покровительство! Очень завидно. (*Въ слухъ*). Милостивый государь, я не знатнаго рода, я не богата,—но я не позволяю съ собой такъ говорить, у меня есть строгія понятія о долгѣ; я не нуждаюсь въ вашемъ покровительствѣ.—Оставьте меня, подите.

лордъ (*удаляется, останавливается въ раздумьѣ, — и вдругъ подходитъ опять*).

Миссъ!—одно слово.

жюли.

Я васъ просила меня оставить.

лордъ.

Миссъ,—я виноватъ, я васъ оскорбилъ, простите меня; я вижу, что ошибся въ моемъ мнѣніи о васъ. Я никогда не встречалъ такой женщины, какъ вы, ни одна не говорила со мной такъ резко, такъ гордо.—Миссъ, я хочу загладить свою вину; — я вамъ дѣлаю другое предложеніе: я вамъ предлагаю свою руку.

жюли (*съ сердцемъ въ сторону*).

Что онъ меня дурачить — человекъ давно женатый! (*Въ слухъ*). Милостивый государь, вы смѣетесь надо мной!

лордъ.

Ни мало.

жюли.

Вы мнѣ предлагаете вашу руку!—вы?

лордъ.

Я—лордъ Уильямъ Сандстонъ.

жюли (*разсерженная*).

А! такъ атому конца не будетъ?... вамъ угодно продолжать эту сцену!

лордъ.

Дайте отвѣтъ, миссъ.

ЖЮЛИ.

Милостивый государь! я кажется вамъ довольно ясно показала, что вы мнѣ надѣли. Я васъ прошу оставить меня въ покоѣ.—Я не намѣрена съ вами больше говорить и ничего не хочу слушать. Вы меня вывели изъ терпѣнья. Ступайте своей дорогой.

ЛОРДЪ (*разсердясь*).

Такъ чортъ же фозьми! — Вездѣ неудача. — Какъ онъ за мной гонялись, знатныя дамы, дочери графовъ и герцоговъ, — а здѣсь — словно на смѣхъ! — Такова ужъ моя проклятая судьба!.... Прощайте, миссъ.

ЖЮЛИ.

Съ Богомъ.

ЛОРДЪ (*поспѣшно уходитъ*).ЖЮЛИ (*одна*).

Наконецъ! — да это ни на что непохоже.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Жюли, Превиль.

ПРЕВИЛЬ.

Жюли! ты одна? гдѣ же Гаррикъ?

ЖЮЛИ.

Ахъ! какой онъ несносный! какъ онъ мнѣ надѣлъ!

ПРЕВИЛЬ.

Чѣмъ же?

ЖЮЛИ.

Помилуй, да отъ него нѣтъ никакого средства отдѣлаться. Совсѣмъ съ толку собьѣть.

ПРЕВИЛЬ.

Зачѣмъ же ты его не подурачила?

ЖЮЛИ.

Онъ меня дурачилъ; сталъ разыгрывать роль влюбленнаго лорда, приставать ко мнѣ съ изъясненіемъ своихъ чувствъ, предложилъ мнѣ свою руку, да такъ корчилъ знатнаго англійскаго уродъ, что будь я въ духѣ, я бы разохоталась.

ПРЕВИЛЬ.

Отъ чего же ты не въ духъ?

ЖЮЛИ.

Все равно отъ чего, — да онъ меня наконецъ до того довелъ, что я въ самомъ дѣлѣ разсердилась, и прогнала его.

ПРЕВИЛЬ.

Что же? это лучшая похвала.

ЯВЛЕНИЕ X.

ПРЕЖНИЕ, ГАРРИКЪ и ФЛЕРИ *входятъ споря, потомъ годарь.*

ФЛЕРИ *(живѣ).*

Позвольте мнѣ имѣть свое мнѣніе.

ГАРРИКЪ *(очень спокойно).*

Позвольте мнѣ имѣть свое.

ФЛЕРИ *(горячась).*

Я думаю, что могу судить о драматическомъ искусствѣ.

ГАРРИКЪ.

Я думаю тоже о себѣ.

ФЛЕРИ

Однако тутъ есть разница, мнѣ отъ васъ не къ чему скрывать моего имени: я Флери, известный артистъ парижскаго театра.

ГАРРИКЪ *(кланяясь).*

Я ужъ это зналъ, — и вотъ господинъ Превиль *(улыбась).* Но позвольте же и мнѣ вамъ напомнить, что я Гаррикъ.

ГОДАРЬ *(за сценой).*

Прощайте, благодѣтель! желаю вамъ всякаго счастья. — *(Входитъ).*

ФЛЕРИ *(къ Гаррику).*

Милордъ, когда мы снимаемъ маски, следовало бы и вамъ это сдѣлать. Мы тоже знаемъ, что говоримъ съ лордомъ Сандстономъ.

ГАРРИКЪ.

Я васъ уверяю, что вы ошибаетесь.

ЯВЛЕНИЕ XI.

ПРЕЖНИЕ, Г-ЖА ГОДАРЬ.

Г-ЖА ГОДАРЬ.

Письмо "изъ Англіи къ господину Гаррику, привезено курьеромъ французскаго посланника.

ГАРРИКЪ *(хочетъ взять письмо).*

Дайте.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Нѣтъ, позвольте, это къ настоящему.

ГОДАРЪ.

Къ господину Гаррику; да онъ только что уѣхалъ.

ПРЕВИЛЬ И ФЛЕРИ.

Какъ уѣхалъ!

ГАРРИКЪ.

Дайте, онъ здѣсь.

Г-ЖА ГОДАРЪ.

Да это не къ вамъ.

ГАРРИКЪ (*беретъ у нее письмо изъ рукъ, и разпечатываетъ*).

Вы видите, что ко мнѣ.

ПРЕВИЛЬ (*глядитъ на него и вдругъ подходитъ живо*).

Вы Гаррикъ?

ГАРРИКЪ.

Какъ я имѣлъ честь вамъ сказать.

ФЛЕРИ.

Такъ вы въ самомъ дѣлѣ Гаррикъ?

ГАРРИКЪ.

Вольно же было вамъ не вѣрить.

ГОДАРЪ.

Какъ?... такъ кто же сей-часъ уѣхалъ?

ГАРРИКЪ.

Лордъ Сандстонъ.

(*Превиль и Флери смотрятъ другъ на друга*).ЖЮЛИ (*вскрикиваетъ*).

Боже мой! что я сдѣлала!

ФЛЕРИ (*къ Превилью*).

Что она сдѣлала?

ПРЕВИЛЬ (*въ полголоса*).

Лордъ предложилъ ей жениться на ней; она, принимая его за Гаррика, думала, что онъ ей хочетъ дать обрачикъ своего таланта....

ФЛЕРИ.

И отказала! ха! ха! ха! ха!

ЖЮЛИ (*къ Годару*).

И Лордъ уѣхалъ?

ГОДАРЪ.

Уѣхалъ.

Ф Л Е Р И (къ Жюли).

То-то, мой другъ, не надо браться не за свое дѣло; ты въ первый разъ вздумала разыграть роль женщины не приступной, — и дала промахъ.

Ж ю л и (съ досадой).

Отстань съ твоими глупыми шутками.

Ф Л Е Р И.

А жаль, такого лорда не скоро найдешь.

Ж ю л и.

Есть и получше. Я съ нимъ нажида бы еще больше скуки, чѣмъ денегъ.

Г А Р Р И К Ъ.

Господа, я долженъ просить прощенія!... Если, узнавъ о вашемъ намѣреніи мнѣ доказать, что вы владѣете своимъ искусствомъ, я послѣдовалъ вашему примѣру, вы меня извините, и поймете также, что я долженъ былъ по неволѣ отзываться невыгодно о французскихъ актерахъ, — иначе вы бы тотчасъ узнали, что я знатокъ.

П Р Е В И Л Ъ.

Мистеръ Гаррикъ, вы насъ убѣдили, что молва не увеличиваетъ вашего таланта. Мы васъ приветствуемъ на Французской землѣ — Шампанскаго!

Г-Ж А. Г О Д А Р Ъ (подходитъ къ нему).

Что-же теперь? Когда начнется комедія?

П Р Е В И Л Ъ.

Она кончена.

(Пьеръ Марто приноситъ на поднось бутылку и бокалы).

П Р Е В И Л Ъ (напиваетъ).

Здоровье Гаррика.

Г А Р Р И К Ъ.

Выпьемъ за наше общее здоровье! Нашъ талантъ не оставляетъ слѣдовъ по себѣ; наши труды умрутъ вмѣстѣ съ нами. Пожелаемъ же другъ другу жизни и дѣятельности.

В С Ъ.

Да здравствуетъ Гаррикъ!

Г А Р Р И К Ъ (беретъ бокаль).

Да здравствуетъ искусство, господа! — Да здравствуютъ всѣ его представители! — (обращаясь къ публикѣ) и всѣ его приверженцы!

(Занавѣсъ опускается).

К. Писловъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошло болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я впервые рѣшился испытать свои силы въ переводѣ Божественной Комедіи Данта Алигieri. Вначалѣ я не имѣлъ намѣренія переводить ее вполнѣ; но только въ видѣ опыта старался переложить на Русскій языкъ тѣ мѣста, которыя, при чтеніи безсмертной поэмы, наиболѣе поражали меня своимъ величіемъ. Мало-помалу, однако жъ, по мѣрѣ изученія Божественной Комедіи, и чувствуя, что былъ въ силахъ преодолѣть, по крайней мѣрѣ отчасти, одну изъ важнѣйшихъ преградъ въ трудномъ дѣлѣ — размѣръ подлинника, я успѣлъ въ теченіи двухъ лѣтъ постояннаго изученія и непрерывныхъ трудовъ окончить переводъ первой части Божественной Комедіи — Ада. Болѣе нежели кто-нибудь чувствуя всю слабость моего труда, я долго скрывалъ его подъ спудомъ, пока наконецъ ободрительныя сужденія друзей моихъ, которыми читалъ я отрывки изъ моего перевода, а еще болѣе необыкновенно-лестный отзывъ г. профессора С. П. Шевырева, не заставили меня въ 1844 г. въ первый разъ предстать на судъ публики съ V пѣснію Ада, помѣщенной въ томъ же

году въ Москвитянинѣ. Послѣ того я напечаталъ еще отрывокъ въ Современникѣ, издававшемся г. Плетневымъ, и наконецъ, въ прошедшемъ году, XXI и XXII пѣсни въ Москвитянинѣ.

Убѣдившись, что трудъ мой не совсѣмъ ничтоженъ, и если не имѣть въ себѣ никакихъ особыхъ достоинствъ, то по крайней мѣрѣ довольно близокъ къ подлиннику, я теперь рѣшаюсь вполне представить его на судъ любителей и знатоковъ такого колоссальнаго творенія, какова Божественная Комедія Данта Алигieri.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи моего перевода.

Такой поэтъ, какъ Данте, отразившій въ своемъ созданіи, какъ въ зеркалѣ, всѣ идеи и вѣрованія своего времени, исполненный столькихъ отношеній ко всѣмъ отраслямъ тогдашняго знанія, не можетъ быть понятенъ безъ объясненія всѣхъ намековъ, въ его поэмѣ встрѣчающихся: намековъ историческихъ, богословскихъ, философскихъ, астрономическихъ и т. д. Потому всѣ изданія Божественной Комедіи, даже въ Италіи, и особенно въ Германіи, гдѣ изученіе Данта сдѣлалось почти всеобщимъ, всегда сопровождаются комментариемъ болѣе или менѣе многостороннимъ. Но составленіе комментарія есть дѣло чрезвычайно трудное: кромѣ глубокаго изученія самого поэта, его языка, его воззрѣній на міръ и человѣчество, оно требуетъ основательнаго знанія исторіи вѣка, этого въ высшей степени замѣчательнаго времени, когда возникла страшная борьба идей, борьба между духовною и свѣтскою властію. Кромѣ того, Данте есть поэтъ мистическій; основную идею его поэмы различныя комментаторы и переводчики понимаютъ и объясняютъ различно.

Не имѣя столько обширныхъ свѣдѣній, не изучивъ поэта до такой глубины, я никакъ не беру на себя обязанности, передавая слабую копію съ безсмертнаго оригинала, быть въ то же время и его истолкователемъ. Я ограничусь присоединеніемъ только

тѣхъ объясненій, безъ которыхъ читатель-не знатокъ не въ силахъ уразумѣть созданіе въ высшей степени самобытное, и, следовательно, не въ состояніи наслаждаться его красотами. Объясненія эти будутъ состоять большею частію въ указаніяхъ историческихъ, географическихъ и нѣкоторыхъ другихъ, касающихся до науки того времени, особенно астрономіи, физики и натуральной исторіи. Главными руководителями въ этомъ дѣлѣ будутъ нѣмецкіе переводчики и толкователи: Карлъ Витте, Вагнеръ, Каннегиссеръ и въ особенности Копишъ и Филалетесъ (принцъ Іоаннъ Саксонскій). Гдѣ нужно, я буду дѣлать цитаты изъ Библіи, сличая ихъ съ Вульгатою — источникомъ, изъ котораго Данте черпалъ такъ обильно. Что касается до мистицизма Божественной Комедіи, я приведу по возможности кратко только тѣ объясненія, которыя наиболѣе приняты, не вдаваясь ни въ какія собственные предположенія.

Наконецъ, всѣмъ изданіямъ и переводамъ Данта обыкновенно предшествуетъ жизнь поэта и исторія его времени. Какъ ни важны эти пособія для яснаго уразумѣнія дивно-таинственного творенія, я не могу въ настоящее время присоединить ихъ къ изданію моего перевода; впрочемъ не отказываюсь и отъ этого труда, если интересъ, возбужденный моимъ переводомъ, потребовалъ бы его отъ меня.

Вполнѣ счастливымъ почту себя, если мой переводъ, какъ ни безцѣтенъ онъ передъ недостигаемыми красотами подлинника, хотя на столько удержитъ за собою отблескъ его величія, что въ читатель, не наслаждавшемся красотами Божественной Комедіи въ подлинникѣ, возбудитъ желаніе изучить ее въ оригиналѣ. Изученіе же Данта для людей, любящихъ и постигающихъ изящное и великое, доставляетъ такое же наслажденіе, какъ и чтеніе другихъ поэтовъ-геніевъ: Гомера, Эсхила, Шекспира и Гёте.

Предоставляю судить людямъ, болѣе меня свѣдущимъ, умѣлъ ли я удержать въ моемъ переводѣ хотя слабую искру

IV

того божественнаго огня, которымъ освѣщено гигантское зданіе,— та поэма, которую такъ удачно сравнилъ Филалетесъ съ готическимъ соборомъ, фантастически-причудливымъ въ подробностяхъ, дивно-прекраснымъ, величаво-торжественнымъ въ цѣломъ. Не страшусь строгаго приговора ученой критики, утѣшая себя мыслию, что я первый рѣшился переложить разнѣромъ подлинника часть Божественной Комедіи на Русскій языкъ, такъ способный къ воспроизведенію всего великаго. Но ужасаясь мысли, что дерзкимъ подвигомъ оскорбилъ тынь поэта, обращаюсь къ ней его же словами:

Vagliami 'l lungo studio e 'l grande amore ,
Che m' han fatto cercar lo tuo volume.

Inf. Cant. I . 83 — 84.

А Д Ъ.

П Ъ С Н Ъ I.

Содержаніе. Уклонившись въ глубокомъ снѣ съ прямой дороги, Данте пробуждается въ темномъ лѣсу, при слабомъ мерцаніи мѣсяца идетъ далѣе, и, передъ дневнымъ разсвѣтомъ, достигаетъ подошвы холма, котораго вершина освѣщена восходящимъ солнцемъ. Отдохнувъ отъ усталости, поэтъ восходитъ на холмъ; но три животныя: — Барсъ съ пестрою шкурою, голодный Левъ и тощая Волчица, преграждаютъ ему дорогу. Последняя до того устрашаетъ Данта, что онъ уже готовъ возвратиться въ лѣсъ, какъ внезапно является тѣнь Виргилія. Данте умоляетъ ее о помощи. Виргилій, въ утѣшеніе ему, пророчествуетъ, что Волчица, такъ его испугавшая, скоро погибнетъ отъ Пса, и, для выведенія его изъ темнаго лѣса, предлагаетъ ему себя въ вожатые въ странствіи его черезъ Адъ и Чистилище, прибавляя, что, если онъ пожелаетъ вознестись потомъ на Небо, то найдетъ себѣ вожатую, стократъ его достойнѣйшую. Данте принимаетъ его предложеніе и слѣдуетъ за нимъ.

-
1. Въ срединѣ нашей жизненной дороги,
Объятый сномъ, я въ темный лѣсъ вступилъ,
Путь истинный утративъ въ часъ тревоги.
-

1. По словамъ монаха Гиларія, Данте началъ писать свою поэму полатынъ. Первые три стиха были слѣдующіе:

Ultima regna canam, fluido contermina mundo,
Spiritus quae lata patent, quae praemia solvunt
Pro meritis cuicunque suis (data lege tonantis). —

„Азъ рекохъ въ высотѣ дней моихъ, пойду во врата ада.“ Исая, 38, 10. — „In dimidio dierum meorum vadam ad portas inferi.“ Vulgat. Biblia.

Въ срединѣ н. ж. дороги, т. е. на 35 году жизни, ибо, по словамъ Псалмопѣвца (Пс. LXXXIX, 10), „іііе лѣтъ нашихъ въ нихже семьдесятъ лѣтъ,“ — возрастъ, который Данте въ своемъ *Convito* называетъ вершиною человеческой жизни. По общему мнѣнію, Данте родился въ 1265; стало быть, 35 лѣтъ ему было въ 1300 г.; но, сверхъ того, изъ XXI пѣсни

4. Ахъ! тяжело сказать, какъ страшенъ былъ

Сей лѣсъ, столь дикій, столь густой и лютый,

Что въ мысляхъ онъ мой страхъ возобновилъ.

Для видно, что Данте предполагаетъ начало своего странствія въ 1300, во время юбилея, объявленнаго папою Бонифациемъ VIII, на страстной недѣлѣ въ великую пятницу, — въ годъ, когда ему сравнялось 35 лѣтъ, хотя его поэма написана гораздо позже; потому всѣ происшествія, случившіяся позже этого года, приводятся какъ пророчества.

2. *Темный лѣсъ*, по обыкновенному толкованію почти всѣхъ комментаторовъ, означаетъ человѣческую жизнь вообще, а въ отношеніи къ поэту — его собственную жизнь въ особенности, т. е. жизнь, исполненную заблужденій, обуреваемую страстями. Другіе подъ именемъ лѣса разумѣютъ политическое состояніе Флорентинскаго времени (которую Данте называетъ *trista terra*, Част. XIV, 64), и, соединяя всѣ символы этой мистической пѣсни въ одно, даютъ ей политическое значеніе. Вотъ напр. какъ графъ Пертичари (Apolog. di Dante. Vol. II, p. 2 fasc. 38: 386 della Proposta) объясняетъ эту пѣснь: въ 1300 г., на 35 году жизни, Данте, избранный въ пріоры Флоренціи, скоро убѣдился среди смутъ, интригъ и неистовствъ партій, что истинный путь къ общественному благу потерянъ, и что самъ онъ находится въ *темномъ лѣсу* бѣдствій и изгнанія. Когда же онъ пытался выйти изъ *холма*, вершину государственнаго счастья, ему представились непреодолимые препятствія со стороны роднаго его города (*Фарса съ пестрою шкурою*), гордости и честолюбія французскаго короля, Филиппа Прекраснаго, и брата его, Карла Валуа (*Лѣсъ*), и корысти и честолюбивыхъ замысловъ папы Бонифация VIII (*Волчицы*). Тогда, предавшись своему поэтическому влеченію и возложивъ всю надежду на воинскія дарованія Кая Ведикаго, сеньора Веронскаго (*Пса*), написалъ онъ свою поэму, гдѣ, при содѣйствіи божественной благодати, духовнаго созерцанія (*блаторъ дѣловъ*), небеснаго просвѣтленія (*Лучи*) и богословія (*Безмѣриче*), руководимый разумомъ, мудростію человѣческою, воплощенною въ поэзію (*Виртуліемъ*), проходитъ онъ мѣста наказанія, очищенія и награды; наказуя такимъ образомъ пороки, утѣшая и исправляя слабости, и награждая добродѣтель погруженіемъ въ созерцаніе высшаго блага. Изъ этого видно, что конечная цѣль поэмы — призвать націю порочную, раздираемую раздорами, къ единству политическому, нравственному и религіозному.

3. *Лютый* — опытный не свойственный лѣсу; но какъ лѣсъ имѣетъ здѣсь значеніе мистическое, и означаетъ, по однимъ, жизнь человѣческую, по другимъ — Флоренцію, волнуемую раздорами партій, то это выраженіе, думая, не совсѣмъ покажется неумѣстнымъ.

6. Данте избѣгалъ этой жизни, исполненной страстей и заблужденій, особенно раздоровъ партій; въ которые онъ долженъ былъ вдаться какъ

7. И смерть лишь малымъ горше этой смуты!
 Не чтобъ сказать о благе небесъ,
 Все расскажу, что видѣлъ въ тѣ минуты.
10. И самъ не знаю, какъ вошелъ я въ лѣсъ:
 Въ такой глубокой сонъ я погрузился
 Въ тотъ мигъ, когда путь истинный исчезъ.
13. Когда жъ вблизи холма я пробудился,
 Гдѣ той юдоли положенъ предѣлъ,
 Въ которой ужасъ въ сердце мнѣ вселился, —
16. Я, вверхъ взглянувъ, главу холма узрѣлъ
 Въ лучахъ планеты, что прямой дорогой
 Ведетъ людей къ свершенью добрыхъ дѣлъ.

правитель Флоренціи; но жизнь эта была такъ ужасна, что воспоминаніе объ ней снова рождаетъ въ немъ ужасъ.

7. Въ подлинникъ: „Такъ горекъ онъ (лѣсъ), что смерть немощнымъ болѣ.“ — Вѣчно горькій міръ (*lo mondo senza fine adagio*) есть адъ (Рая XVII. 112). — „Какъ вещественная смерть уничтожаетъ наше земное существованіе, такъ смерть нравственная лишаетъ насъ яснаго сознанія, свободного проявленія нашей воли, а потому нравственная смерть немного лучше самой смерти вещественной.“ Штрекфусъ.

9. О тѣхъ видѣніяхъ, о которыхъ говоритъ поэтъ отъ 31—64 стиха.

11. Сонъ означаетъ, съ одной стороны, человѣческую слабость, потемнѣніе внутренняго свѣта, недостатокъ самопознанія, однимъ словомъ — усыпленіе духа; съ другой стороны — сонъ есть переходъ къ духовному міру. (См. Ада III, 136).

13. Холмъ, по объясненію большей части комментаторовъ, означаетъ добродѣтель, по другимъ восхожденіе къ высшему благу. Въ подлинникъ, Данте пробуждается у подошвы холма: *podošwa холма* — начало спасенія, та минута, когда въ душѣ нашей возникаетъ спасительное сомнѣніе, роковая мысль, что путь, по которому мы шли до этой минуты, ложень.

14. Предѣлы юдоли. Юдоля есть временное поприще жизни, которое мы обыкновенно называемъ юдолю слезъ и бѣдствій. Изъ XX пѣсни Ада, ст. 127—130, видно, что въ этой юдоли путеводнымъ свѣтомъ поэтъ служило мерцаніе мѣсяца. Мѣсяць означаетъ слабый свѣтъ человѣческой мудрости. К о н е ц ъ.

17. Планета, ведущая людей прямой дорогой, есть солнце, которое, по системѣ Птолемеевой, принадлежало къ планетамъ. Солнце имѣетъ здѣсь не только значеніе матеріальнаго свѣтила, но, въ противоположность мѣсяцу (ж-

19. Тогда на время смолкъ мой страхъ, такъ много
Надъ моремъ сердца бушевавшій въ ночь,
Что протекла съ толшкою тревогой.
22. И какъ успѣвшій бурю перевозмочь,
Ступивъ чуть-дышущій на брегъ изъ моря,
Съ опасныхъ волнъ очей не сводить прочь:
25. Такъ я, въ душѣ еще со-страхомъ спора,
Взглянулъ назадъ и взоръ впередъ туда,
Гдѣ изъ живыхъ никто не шелъ безъ горя.
28. И отдохнувъ въ пустынь отъ труда,
Я вновь пошелъ, и мой оплотъ опорный
Въ ногѣ, стоящей ниже, былъ всегда.
31. И вотъ, почти въ началѣ крути горной,
Покрытый пестрой шкурою, кружась,
Несется Барсъ и легкій и проворный.

лософин), есть полное, непосредственное познание, божественное вдохновение. Копишь.

19—21. Даже отблескъ божественнаго познания уже въ состояніи уменьшить въ насъ отчасти ложный страхъ земной юдоли; но вполне онъ исчезаетъ только тогда, какъ мы совершенно исполнимся страхомъ Господнимъ, какъ Беатриче (Ада II, 82—93). Копишь.

26. Т. е. взглянулъ въ темный лѣсъ и эту юдоль бѣдствій, въ которой оставаться значить умереть нравственно.

29—30. При восхожденіи, нога, на которую мы опираемся, всегда стоитъ ниже. „Восходя отъ низшаго къ высшему, мы подаемся впередъ только медленно, только шагъ за шагомъ, только тогда, какъ твердо и вѣрно встанемъ на нѣзшее: восхожденіе духовное подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и тѣлесное.“ Штрекфусъ.

33. „Сего ради порази ихъ левъ отъ дубравы, и волкъ даже до домовъ погуби ихъ, и рысь (Vulgat.: pardus) бѣдаше надъ градами ихъ: вси исходящія отъ нихъ будутъ яты, яко умножиша нечестія своя, укрѣпшася во отвращеніяхъ своихъ.“ Иерем. 5, 6. — Барсъ (uncia, leuncia, lynx, catus pardus Окена), по толкованію старинныхъ комментаторовъ, означаетъ сладоустрастіе, Левъ—гордость или властолюбіе, Волчица—корысть и скупость; другіе, особенно новѣйшіе, видятъ въ Барсѣ Флоренцію и Гвельфовъ, во Левѣ—Францію и въ особенности Карла Валуа, въ Волчицѣ—папу или римскую курію, и, согласно съ этимъ, даютъ всей первой пѣсни смыслъ чисто-политическій. По объясненію Каннегиссера, Барсъ, Левъ и Волчица означаютъ три стѣпени чувственности, нравственной порчи людей: Барсъ

34. Животное не убѣгало съ глазъ;
 Но до того мнѣ путь мой преграждало,
 Что внизъ сбѣжать я помышлялъ не разъ.
37. Ужъ день свѣталъ и солнце въ путь вступало
 Съ толпою звѣздъ, какъ въ мигъ, когда оно
 Вдругъ отъ любви божественной пріяло
40. Свой первый ходъ, красой озарено;
 И все надеждою тогда мнѣ льстило:
 Животнаго роскошное руно,
43. Чась утренній и юное свѣтило.
 Но снова страхъ мнѣ въ сердцѣ пробудилъ
 Свирѣпный Левъ, представшій съ гордой силой.

есть пробуждающаяся чувственность, на что указываетъ его быстрота и проворство, пестрая шкура и неотвязчивость; Левъ есть чувственность уже пробудившаяся, преобладающая и не скрываемая, требующая удовлетворенія: потому онъ изображенъ съ величавою (въ подлинникѣ: поднятой) головою, голодный, злой до того, что воздухъ вокругъ него содрогается; наконецъ, Волчица образъ тѣхъ, которые вполне предались грѣху, почему и сказано, что она многимъ уже была отравой жизни, потому и Данта она совершенно лишаетъ спокойствія и всесчасно болѣе и болѣе вгоняетъ въ юдоль нравственной смерти.

37—40. Въ этой терцинѣ опредѣляется время странствія поэта. Оно, какъ сказано выше, началось въ великую пятницу на страстной недѣлѣ, или 25 марта: стало быть, около весенняго равноденствія; день этотъ, по мнѣнію современниковъ Данта, былъ днемъ, въ который Богъ сотворилъ міръ, архангелъ Гавріилъ благовѣствовалъ Дѣвѣ Маріи и Христосъ умеръ на крестѣ. Впрочемъ, Филалетесъ, основываясь на XXI пѣсни Ада, полагаетъ, что странствіе свое Данте началъ 4 апрѣля. — *Божественная Любовь*, по представленію Данта, есть причина движенія тѣлъ небесныхъ. — *Толпою звѣздъ* обозначается созвѣздіе Овна, въ которое въ это время вступаетъ солнце.

41—43. Поэтъ, оживленный сіяніемъ солнца и временемъ года (весною), надѣется умертвить Барса и похитить его пеструю шкуру. Если Барсъ означаетъ Флоренцію, то спокойное состояніе этого города весною 1300 г., когда партіи Бѣлыхъ и Черныхъ находились между собою въ совершенномъ, по видимому, согласіи, дѣйствительно могло родить въ поверхностномъ наблюдателѣ событій нѣкоторую надежду на продолжительность мира. Но это спокойствіе было только кажущееся.

45. Какъ символъ Франціи, которая „потемняетъ весь христіанскій міръ“ (Чист. XX, 44), Левъ представляетъ здѣсь насилие, ужасающую вещьественную силу.

46. Онъ на меня, казалось, выходилъ,
Голодный, злой; съ главою величавой,
И, нилось, воздухъ въ трепеть приводилъ.
49. Онъ шелъ съ Волчицей, тощей и лукавой,
Что, въ худобѣ полна желаній воишь,
Для многихъ въ жизни сей была отравой.
52. Она являла столько мнѣ помѣхъ,
Что, устрешенъ наружностью суровой,
Терялъ надежду я взойти на верхъ.
55. И какъ скупецъ, копять всегда готовый,
Когда придетъ утраты страшный часъ,
Груститъ и плачетъ съ каждой мыслью новой:
58. Такъ звѣрь во мнѣ спокойствіе потрясъ,
И, идя мнѣ на встрѣчу, гналъ всечасно
Меня въ тотъ край, гдѣ солнца лучъ угасъ.
61. Пока стрелглавъ я падалъ въ мракъ ужасный,
Глазая мнѣ предсталъ нежданный другъ,
Отъ долгаго молчанія безгласный.
64. „Помилуй ты меня!“ вскричалъ я вдругъ,
Когда уарѣлъ его въ пустынномъ полѣ,
„О кто бъ ты ни былъ: человекъ, нль духъ!“
67. И онъ: „Я духъ, не человекъ я болѣ;
Родителей Ломбардцевъ я нѣлъ,
Но въ Мантуѣ рожденныхъ въ бѣдной долѣ.

---

49. Волна Пророковъ Данте превратилъ въ волчицу (*lupa*) и тѣмъ еще жестче очертилъ алчность римской куріи (если ее должно разумѣть подъ именемъ Волчицы), ибо *lupa* въ латинскомъ языкѣ имѣетъ еще другое значеніе. Вся поэма Данте направлена противъ римской куріи (Ада VII, 23 и слѣд., XIX, 1—6 и 90—117, XXVII, 70 и слѣд.; Чист. XVI, 100 и дал., XIX, 97 и д., XXXII, 103—160; Рая IX, 125 и д., XII, 88 и д., XV, 142, XVII, 50 и д., XVIII, 118—136, XXI, 125—142. XXII, 76 и д., XXVII, 19—126).

63. *Безгласный*; въ подлинникѣ: *fisco*, охрипый. Это искусный намекъ на равнодушіе современниковъ Данте къ изученію твореній Виргилія.

64. Въ подлинникѣ: *Miserere de te*, начало 50 псалма, и есть воззваніе не къ одному Виргилію, но и къ божественной благодати. У подошвы горы Чистилища душа насильственно убитыхъ поютъ ототъ же псаломъ (Чист. V, 24.).

68. Виргилій родился въ мѣстечкѣ Андесъ, нынѣшней деревушкѣ Банде,

71. *Sub Iulio* я поздно свѣтъ узрѣлъ.
И въ Римѣ жилъ въ вѣкъ Августовъ счастливый;
Во дни боговъ въ жевѣрѣхъ я косилъ.
73. Я былъ поэтъ, и мной воспѣтъ правдивый
Анхизовъ сынъ, воздвигшій новый градъ,
Когда сожженъ былъ Иліонъ кичливый.
76. Но ты за чѣмъ бѣжишь въ сей мракъ назадъ?
Что не спѣшишь на радостныя горы,
Къ началу и причинѣ всѣхъ отрадъ?“
79. — „О, ты ль *Виргилій*, тотъ потокъ, который
Рѣкой широкой катитъ воды словъ?“
Я отвѣчалъ, склонивъ стыдливо взоръ.

иначе Пьетоле, близъ Мантуи, изъ Минціо. Отецъ его, по однимъ извѣстіямъ, былъ земледѣлецъ, по другимъ, горшечникъ.

70—72. Онъ родился въ 684 г. отъ постр. Рима, за 70 лѣтъ до Р. X., при консулахъ М. Лициніѣ Крассѣ и Кн. Помпейѣ Великомъ, въ октябрьскіе дни, что по нынѣшнему календарю соответствуетъ 15 октября. — *Виргилій*, поэтъ Римской имперіи (*princeps poetarum*), говоря, что онъ родился при Юліѣ цезарѣ, хочетъ этимъ прославить имя его: на Цезаря Данте смотритъ какъ на представителя Римской имперіи; зачѣмъ-то Цезарю, Брутъ и Кассій, наказуются у него жестокою казнью (Ада XXXIV, 55—67). — *Sub Iulio* есть одно изъ тѣхъ латинскихъ выраженій, которыхъ такъ много встрѣчается въ поэмѣ Данте, по общему обыкновению не только поэтовъ, но и прозаиковъ того времени.

72. Этими словами *Виргилій*, кажется, хочетъ оправдаться въ своемъ язычествѣ.

76—78. *Виргилій* спрашиваетъ, почему Данте, будучи христіаниномъ, не спѣшатъ на путь истинный, ведущій на счастливую гору или холмъ? — Данте, не отвѣчая ему на это, наливается одушевленною похвалою поэту. Этимъ, кажется, выражено желаніе поэта, испытавшаго скорби жизни, найти утѣшеніе въ поэзіи.

79—81. *Виргилій* въ средніе вѣка былъ въ большомъ уваженіи: простой народъ смотрѣлъ на него какъ на чародѣя и прорицателя, энтузіасты какъ на полу-христіанина, чему поводомъ служила, кромѣ славы его, перешедшей отъ древности, его знаменитая четвертая экалога. Онъ былъ любимымъ поэтомъ Данте, долго изучавшаго и цѣнившаго его необыкновенно высоко, какъ видно изъ многихъ мѣстъ Божественной Комедіи. Впрочемъ, Дантовъ *Виргилій* есть не только любимый его поэтъ, но и символъ человѣческой мудрости, знанія, вообще философіи, въ противоположность Беатриче, которая, какъ мы увидѣ-

82. „О дивный свѣтъ , о честь другихъ пѣвцевъ!
Будь благъ ко мнѣ за долгое ученье
И за любовь къ красѣ твоихъ стиховъ.“
85. Ты авторъ мой, наставникъ въ пѣснопѣнѣ;
Ты былъ одинъ , у коего я взялъ
Прекрасный стиль , списавшій мнѣ хваленъе.
88. Взгляни: вотъ звѣрь , предъ нимъ же я бѣжалъ....
Спаси меня , о мудрый , въ сей долину....
Онъ въ жилахъ , въ сердцахъ кровь мнѣ взволновалъ.“
91. — „Держать ты долженъ путь другой отнынь ,“
Онъ отвѣчалъ , увидѣвъ скорбь мою ,
„Коль умереть не хочешь здѣсь въ пустынь.
94. Сей лютый звѣрь , смутившій грудь твою ,
Въ пути своемъ другихъ не пропускаетъ ,
Но , путь пресѣкши , губить всѣхъ въ бою.
97. И свойствомъ онъ столь вреднымъ обладаетъ ,
Что, въ алчности ничѣмъ не утоленъ ,
Вслѣдъ за ѣдой еще сильный алкаетъ.
100. Онъ съ множествомъ животныхъ сопряженъ ,
И съ многими еще совокупится;
Но близокъ Песъ , предъ кѣмъ издохнетъ онъ.
103. Не мѣдь съ землею Псу въ пищу обратится ,
Но добродѣтель , мудрость и любовь;
Межъ Фельтро и межъ Фельтро Песъ родится.

димъ въ своемъ мѣстѣ , олицетворяетъ собою мудрость божественную — Богословіе.

87. Т. е. стиль италіанскій. Данте уже прославился своею *Vita Nuova* и стихотвореніями (*Rime*).

102. Подъ именемъ Пса (въ подлинникѣ: борзого — *veltro*) большая часть комментаторовъ разумѣютъ Канъ Гранде (Великаго) дела Скала, вѣстителя Ероны, благороднаго юношу, оплотъ Гибелиновъ и въ послѣдствіи представителя Императора въ Италіи, на котораго Данте него партія возлагали большія надежды, но который въ то время, какъ надежды Данта на-чали осуществляться , скончался въ 1329 на 40 г. жизни. Но такъ какъ Канъ родился въ 1290, а въ 1300, въ годъ странствія Данта въ замогильномъ

106. Италію рабу спасеть онъ вновь,
Въ честь кося дѣва умерла Камилла,
Турнъ, Эвріаль и Нязъ пролили кровь.
109. Изъ града въ градъ помчатъ Волчицу сила,
Доколь ее не заключить въ аду,
Откуда зависть въ міръ ее пустила.
112. Такъ вѣрь же мнѣ не къ своему вреду:
Иди за мною; въ область роковую,
Твой вождь, отсель тебя я поведу.
115. Услышишь скорбь отчаянную, злую;
Сонмъ древнихъ душъ увидишь въ той странѣ,
Вотще зовущихъ смерть себя вторую.

міръ, былъ 10 лѣтъ, то должно думать, что Данте это пророчество объ немъ вставилъ въ послѣдствіи, или совершенно передѣлалъ начало поэмы. *Troja* (*Veltro allegorico di Dante. Fir. 1826*) въ этомъ Песѣ видятъ Угуччione дела Фаджіола, предводителя войскъ Кановыхъ, того симаго, которому онъ посвятилъ свой Ада (Каму посвященъ Рай), и который еще ранѣе 1300 и до 1308, когда Канъ былъ еще малолѣтень, возсталъ за Гибеллиновъ въ Римнѣ и Тосканѣ противъ Гвельфовъ и свѣтской власти папъ. Какъ бы то ни было, Данте скрылъ имя того, кого должно разумѣть подъ символомъ Пса: можетъ быть, состояніе политическихъ дѣлъ того времени требовало этого.

103. Мѣдъ здѣсь употреблено вмѣсто металла вообще, какъ въ подлинникѣ: *peltro* (по Лат. *peltum*), смѣсь олова съ серебромъ, вмѣсто серебра или золота. Смыслъ тотъ: онъ не прельстится приобрѣтеніемъ владѣній (земли) или богатствъ, но добродѣтелию, мудростию и любовью.

105. *Межъ Фельтро и межъ Фельтро*. Если разумѣть подъ именемъ Пса Кана Великаго, то этимъ стихомъ опредѣляются его владѣнія: вся Марка Тривиджіана, гдѣ находится городъ Фельтре, и вся Романья, гдѣ гора Фельтре: стало быть, вся Ломбардія.

106. Въ подлинникѣ: *umile Italia*. Кажется, Данте подражалъ здѣсь Виргилію, который въ 3 пѣсни Энеиды сказалъ: *humilemque videmus Italiam*.

111. „Завистию же діаволою смерть вниде въ міръ.“ Кн. Премур. Солом. II, 24. — „*Invidia autem diaboli mors introivit in orbem terrarum*.“ Vulg.

115. Души великихъ мужей древности, содержащіяся, по понятіямъ Католической Церкви, въ преддверіи Ада или Лимбъ и не спасенныя крещеніемъ. Они умерли тѣломъ, но желаютъ второй смерти, т. е. уничтоженія души.

118. Узришь и тѣхъ , которыя въ огнѣ
Живутъ надеждою , что къ эмпирею
Когда-нибудь взнесутся и онѣ.
121. Но въ эмпирей я ввести тебя не смѣю:
Тамъ есть душа достойнѣе стократъ;
Я, разлучась , тебя оставлю съ нею.
124. Зане Монархъ , чью власть какъ супостатъ
Я не позналъ , мнѣ нынѣ воспрещаетъ
Ввести тебя въ Его священный градъ.
127. Онъ Царь вездѣ , но тамъ Онъ управляетъ:
Тамъ градъ Его и неприступный свѣтъ;
О счастливы тотъ , кто въ градъ Его вступаетъ!“
130. И я: „Молю я самъ тебя , повѣтъ ,
Тѣмъ Господомъ , Его жъ ты не прославилъ , —
Да избѣгу и сихъ и горшихъ бѣдъ , —
133. Веди въ тотъ край , куда ты путь направлялъ:
И вознесусь къ вратамъ Петра святымъ ,
И тѣхъ урю , чью скорбь ты мнѣ предоставилъ.“
136. Здѣсь онъ пошелъ , и я во слѣдъ за нимъ.

---

118. Души въ чистилищѣ.

122. Намекъ на Беатриче , являющуюся Данту въ земномъ раю (Чист. XXX) и возносящую его на небо.

124. Въ подлинникѣ: Impregadore. Императоръ , какъ высшій судія на землѣ (по понятіямъ среднихъ вѣковъ) , поэту кажется достойнѣйшимъ подобіемъ Высшаго Судіи на небѣ.

125—126. Богъ не хочетъ , чтобы разумомъ человѣческимъ (Виргиліемъ) достигали высшаго небеснаго блаженства , которое есть даръ свыше. Копишь.

127. По представленію Данта , могущество Божіе господствуетъ всюду , но престолъ Его въ высшемъ небѣ (эмпирей) , въ которомъ другіе девять круговъ неба вращаются около земли , составляющей , согласно съ системой Птолемея , средоточіе вселенной.

132. Горшихъ бѣдъ , т. е. ада , черезъ который я пойду.

134. Святые врата Петровы — врата , описанные въ Чист. IX , 76. Скорбящіе — обитатели ада.

ВОСПОМИНАНИЕ

О

русского пейзажиста С. О. Щедрина.

Кто дышалъ воздухомъ Неаполя и его окрестностей, тотъ найдетъ вѣрное и поэтическое воссозданіе этихъ очаровательныхъ мѣстъ въ картинахъ нашего славнаго пейзажиста и перваго русскаго морскаго живописца С. О. Щедрина, умершаго и похороненнаго въ Сорренто. Онъ былъ любовникомъ исключительно этихъ мѣстъ, и врядъ ли кто изъ новѣйшихъ художниковъ переносилъ ихъ красоты на холстъ съ большею страстію и бережностью. Картины его полны жизни, плеска волны и говора рыбаковъ и прибрежныхъ жителей; онъ вѣетъ на зрителя то зноемъ, то прохладой; кисть его одинаково ласкала серебристую волну, сливающуюся съ горизонтомъ, и ярко-лазуревую влагу, омывающую огромный мшистый камень. Туманное ли утро, яркій ли и жгучій полдень, тихій ли вечеръ съ заснувшими волнами, всѣ эти моменты жизни природы были глубоко прочувствованы художникомъ, который горячо сочувствовалъ дивнымъ красотамъ Божіимъ, и потому, глядя на картины Щедрина, воображенію либо теряться въ безграничной дали моря, кунаться въ прихотливомъ раздольѣ блестящихъ облаковъ, или убаюкиваться вѣстою съ рыбакомъ въ ладью, колышущейся на легкой зыби. Здѣсь всѣ жизни и дыханіе, чего иногда недостаетъ въ его Римскія виды. Последние, часто мрачныя сами по себѣ, грустныя по своему

какому-то гробовому содержанию, каковы виды Колизея, Римскаго форума и проч., не въ силахъ были растрогать и совершенно расшевелить всего глубокаго жизненнаго чувства художника; но чудесные виды Неаполя и его окрестностей пробудили и сосредоточили всю энергію его любящей души. Щедринъ именно тамъ вполне развился; тамъ, въ роскошномъ мірѣ всего блеска и радужности красокъ, онъ слился всѣмъ своимъ существомъ съ окружающими красотою; тамъ, подъ благодатнымъ небомъ, взглядъ его просвѣтлѣлъ до высокаго и тонкаго созерцанія прекраснаго; тамъ именно раскрылся его чарующій талантъ.

Въ прошломъ номерѣ Москвитянина я позволилъ себѣ сказать, что тѣнь этого художника до сихъ поръ носится по берегамъ Неаполитанскаго залива,—и это было сказано не безъ основанія. Щедрина знаютъ и помнятъ и въ Каstellамаре и Сорренто, на Искіи, на Капри, и на всѣхъ островахъ, лежащихъ близъ Неаполя; по какъ именно знаютъ и помнятъ, это-то и составляетъ настоящій предметъ моей статьи.

Весною 1844 года, вмѣстѣ съ русскимъ архитекторомъ Р., примчались мы, въ легкой каретѣ, въ Сорренто. Дивная мѣстность при зигзагахъ, которые пришлось намъ дѣлать, огибая берегомъ утесы и висящіе на нихъ домики и виноградники, измѣнялась едва ли не на каждомъ шагѣ лошади, и дарила безпрестанно новыми, болѣе и болѣе восхитительными видами. Спозаранокъ утомившись обзоромъ Помпей, совершенно открытой пеклу солнца, за дороговизною плохо позавтракавъ въ Каstellамаре, мы намѣревались отобѣдать въ Сорренто въ гостинницѣ Тасса, куда тотчасъ по пріѣздѣ и направили шаги.

Завидя издали на высотѣ террасу гостинницы, выдающуюся на море, мы сулили себѣ не малое наслажденіе какъ въ обрѣтении вкуснаго обѣда, такъ и въ созерцаніи превосходной картины залива и окрестностей, которая должна была открыться съ террасы; но увы! при вопросѣ нашемъ о цѣнѣ за обѣдъ, щегольски одѣтый слуга, увидѣвъ насъ пѣшими, едва удостоилъ отвѣтомъ, и отвѣтомъ такимъ, отъ котораго серебряныя неаполитанскія колоннады издали въ

нашихъ карманахъ какой-то жалобный звукъ, — и это было отнюдь не воображеніе, разстроенное неудовлетвореннымъ апетитомъ, а мы невольно ухватились руками за монеты, дабы онѣ, такъ какъ были въ маломъ числѣ у меня и у моего товарища, не выкатились все вдругъ на уплату одного обѣда, доступнаго лишь какому-нибудь англійскому лорду или русскому баричу.

— Это распространеніе англійскаго комфорта, — замѣтилъ мой товарищъ, — со временемъ сдѣлаетъ въ этихъ изобильныхъ мѣстахъ то, что нашему брату художнику придется платить и за воздухъ, которымъ дынешь!

Мы вздохнули по террасѣ; потомъ отходя ахнули передъ мраморнымъ бюстомъ Торквато Тасса, помѣщеннымъ на углу зданія, примыкающаго къ гостиницѣ; но почему же ахнули? Не потому ли, подумаетъ иной читатель, что были поражены выраженіемъ лица несчастнаго поэта? Нѣтъ, ахнули, увидавъ бюстъ Торквато съ отбитымъ носомъ; а носъ былъ спшибенъ, но замѣчанію прохожаго, пулями французовъ, нѣкогда бывавшихъ здѣсь незваными гостями.

Едва мы прошли небольшое пространство, какъ очутились на небольшой площадкѣ, на которой во всей своей простотѣ и живописности бросилась намъ въ глаза простонародная остерія.

Если мы были лишены общества неразговорчивыхъ англичанъ, вѣчно болтливыхъ веселыхъ французовъ, и, можетъ быть, встрѣчи съ соотечественниками, изъ которыхъ нѣкоторые тщательно скрываютъ, какой націи они принадлежать, то съ лихвою были вознаграждены дешевымъ обѣдомъ и его обетовкою въ пріютъ простаго народа, откровеннаго и веселаго, какъ природа его окружающая. Здѣсь, въ преддверіи, все было перемѣшано въ живописномъ беспорядкѣ, котораго такъ жадно ищетъ глазъ художника, на полу рядомъ съ груднымъ ребенкомъ была навалена только что пойманная разныхъ видовъ рыба, принесенная на продажу въ остерію; откормленная мохнатая собака, не охотница ни до рыбы, ни до *frutti mare*, тревожила и очень благоразумно отгоняла отъ этой груды фыркающую на нее кошку, извѣстную лакомку какъ

до морскихъ, такъ и до рѣчныхъ обитателей. Здоровый парень, нахмурившій въ лицѣ своемъ вакхическій колоритъ Рубенса, сплелъ на коленяхъ сѣдой старухи, которая костлявыми и жилистыми руками ловила виноградныя листья пергометы, и сплела изъ нихъ защиту отъ жаркаго солнца для спячаго; молодая загорѣвшая красавица тащила на головѣ мѣдный кувшинъ съ студеною водою; и какъ чудно колебался, въ это мгновеніе, стройный станъ ея; тутъ же босой капуцинъ клался всеми святыми хозяину остеріи, что горло его отъ дороги переполнилось пылью, и тѣмъ раздобыла добряка на поднесеніе кувшина вина, за что и судилъ ему, глядя на насъ и признавая въ насъ иностранцевъ, продажу на ненчислимыя суммы. Однако здѣсь всѣхъ присутствующихъ, со всеми ихъ живописными положеньями, не перечесть.

Войдя въ самую остерію, мы воспользовались приносомъ живой рыбы, и спустя не много времени, хозяинъ уже подавалъ намъ простыя, но очень вкусныя блюда. Сытые, заживая жажду и жиръ рыбы холоднымъ янтарнымъ виномъ, только что принесеннымъ изъ подвала, мы закурили сигары, и отдались между собою горлчому разговору на своемъ родномъ языкѣ.

Еще въ самомъ началѣ нашего обѣда мы замѣтили, что одинъ сѣдой старикъ, красивый, стройный, одѣтый очень просто, вглядывался въ насъ очень пристально, и какъ бы вслушивался въ нашу прерывочный обыденный разговоръ, что намъ не совсѣмъ нравилось, тѣмъ болѣе, что мы еще не знали, гдѣ будемъ ночевать.

Наконецъ, когда все уже около насъ, послѣ обѣда, было прибрано, и остались на столѣ только фольеты вина, да десертъ изъ черныхъ плебейскихъ сигаръ, то старикъ, вставши съ своего мѣста и подошедши къ намъ, обратился съ торжественно-любопытнымъ вопросомъ, на своемъ языкѣ: вы русскіе?

Мы были не мало поражены этой неожиданностью, и въ свою очередь сдѣлали ему вопросъ: почему онъ призналъ въ насъ русскихъ?

— Я васъ узналъ по вашему языку! Сильвестръ Щедринъ говорилъ на этомъ же языкѣ съ своими товарищами

Капренскимъ, Брюмловымъ, Гальбергомъ и другими; теперь на старости лѣтъ всѣхъ именъ не припомню. Хозяинъ, вина!— вдругъ вскрикнулъ воодушевленный старикъ.—Лучшаго вина, слышишь, выпьемъ за здоровье русскихъ, за здоровье соотечественниковъ любезнаго Сильвестра!

При громкомъ возгласѣ имени Щедрина нѣсколько голосовъ шопотомъ и набожно повторили: *caro Silvestro!*, а потомъ самъ хозяинъ остеріи и болышая часть гостей безцеремонно составили около насъ кружокъ, разглядывая насъ самымъ пристальнымъ образомъ съ головы до ногъ.

Незнакомые съ подробностями жизни Щедрина, мы не могли объяснить себѣ этого вспыхнувшаго къ намъ вдругъ вниманія и радушія; но старикъ итальянецъ тотчасъ же вывелъ насъ изъ недоумѣнія слѣдующею рѣчью:

Истинно, Сильвестръ былъ отъ Бога благословенный человекъ! какая была простота во всѣхъ его дѣйствіяхъ; кому только изъ несчастныхъ онъ не былъ доступенъ? Я зналъ его коротко; я рыбакъ, я перевозилъ его изъ Сорейто на Капри, съ Капри на Искію, потомъ опять сюда, да и куда я не возилъ его! Я его крѣпко любилъ, я его любилъ болѣе моего сына. Добрыишій былъ человекъ; да и кто изъ насъ не помнитъ его благодарній?—И старикъ скрылъ слезу въ своихъ костлявыхъ пальцахъ.

Снова имя Щедрина было произнесено набожно окружающими. Въ эти минуты мы сами не понимали, что съ нами дѣлалось; слезы восторга канули изъ нашихъ глазъ въ стаканы, наполненные благодатнымъ виномъ, и предложенные старикомъ, который грянулъ въ то же время своимъ громкимъ голосомъ: *è viva la Russia!* Остерія дрогнула отъ криковъ, и поцли чоканья и новые тосты. Подобныя минуты въ жизни нельзя купить и всѣмъ золотомъ Калифорніи. Послѣ тостовъ и чоканья рыбакъ началъ намъ рассказывать о добрыхъ дѣлахъ Щедрина: какъ помогать онъ бѣднымъ, больнымъ, несчастнымъ; какъ содержать цѣлыя семейства, отдавать часто просящимъ все, что имѣлъ. Онъ получалъ всегда хорошую плату

за свои труды; но жить очень просто, и находилъ высокое наслажденіе дѣлать окружающихъ его довольными и счастливыми.

О, на сколько божественное искусство оплодотворяетъ сѣмя добра въ душѣ человѣка! Долго говорилъ старикъ. Уже вечерело, когда мы оставили остерію; старикъ вызвался быть нашимъ вожатаемъ до Сорренто; нѣсколько итальянцевъ и итальянокъ пошло съ нами. — Однако сего-дня уже поздно будетъ увидѣть что-нибудь! сказалъ рыбакъ: завтра я вамъ покажу любимыя мѣста, на которыхъ засиживался и работалъ вашъ соотечественникъ; а теперь пойдемъ поклонимся синьору Сильвестру; онъ похороненъ въ церкви Іезуитовъ, отсюда недалеко!

Посреди этой церкви, на полу, старикъ указалъ намъ на небольшую каменную плиту, на которой по-латынѣ начертано имя Сильвестра Щедрина. Мы и спутники наши невольно пали надъ его могилою и несдышимо сотворили молитву.

Родной братъ покойнаго Аполлонъ Федосѣевичъ Щедринъ (*), бывшій при Императорской Академіи художествъ профессоромъ строительнаго искусства, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, задумалъ приличный памятникъ умершему, и просилъ объ этомъ известнаго профессора скульптуры Гальберга.

Последній горячо любилъ покойнаго товарища, и началъ надгробный барельефъ, на которомъ изобразилъ портретъ Щедрина во весь ростъ. Онъ посаженъ передъ картиною; но лѣвая рука его, вмѣстѣ съ палитрою, опустилась на лѣвое колено; правая, которой пальцы готовы выронить живописную кисть, повисла въ омертвѣніи, и голова, съ опущенными въ-ками глазъ, склоненная на грудь, ясно выражаютъ минуту смерти художника. Но не успѣлъ Гальбергъ, этотъ благороднѣйшій и вмѣстѣ образованнѣйшій изъ русскихъ художниковъ, окончить надгробнаго барельефа, какъ самъ былъ отозванъ въ вѣчность. Послѣ смерти его, окончаніе памятника

(*) Года два тому, какъ то же окончался.

было поручено ученикамъ его. Ставассеру и Иванову (**), которые и исполнили это дѣло добросовѣстно и съ свойственною ими любовью къ своему искусству; а баронъ Клодтъ отлить барельефъ изъ бронзы, который и былъ отправленъ въ Сорренто.

Въ 1845 году, знаменитый нашъ маститый профессоръ гравированія Н. И. Уткинъ, въ сопровожденіи своего славнаго ученика-профессора Ѳ. И. Гюрдана, посѣщаль Неаполь и его окрестности, и вотъ что рассказывалъ намъ въ трактиръ Лепри, по возвращеніи своемъ въ Римъ.

Памятникъ Щедрину уже поставленъ въ церкви Іезуитовъ, влѣво отъ входа, но мы не могли довольно надивиться, съ какою любовью и уваженіемъ жители Сорренто, обоихъ половъ, подходили къ бронзовому изображенію нашего художника; они даже цѣловали его ногу и заставляли цѣловать ее своихъ дѣтей.

Память о нашемъ дорогомъ соотечественникѣ, повидимому, живетъ и сохранится и въ дѣтяхъ жителей Сорренто; — и напрасно болтливые разношники необыкновенныхъ вѣстей уверяютъ, что С. Щедринъ перекрестился въ католическую веру, и потому только похороненъ въ церкви Іезуитовъ. Наше мнѣніе таково: искусство и добро, нераздѣльныя въ жизни Щедрина, встрѣтили родъ обожанія со стороны католиковъ-простолюдиновъ, со стороны неиспорченныхъ въ этомъ мѣстѣ итальянцевъ, столь впечатлительныхъ ко всѣмъ проявленіямъ добраго и прекраснаго, и потому гораздо вѣроятнѣе, что глубокий смыслъ нашей пословицы: гласъ народа — гласъ

(**) И тотъ и другой также уже не существуютъ; первый похороненъ на Monte Testaccio, кладбищѣ иностранцевъ въ Римѣ; а другой на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ; но духъ ихъ живетъ въ ихъ прекрасныхъ произведеніяхъ, которыя сохраняются въ новомъ Петербургскомъ музѣй. Въ короткое время мы потеряли многихъ замѣчательныхъ художниковъ и дорогихъ собратьевъ, и не преминемъ почтить ихъ память воспоминаніемъ нѣхъ дѣлъ и жизни. Римъ.

Просимъ, убедительно просимъ нашего любезнаго и талантливаго сотрудника, который съ одинакимъ искусствомъ владѣетъ перомъ какъ и рѣзцемъ, исполнить свои обещанія, — для чести Русскаго имени, во славу искусства. Ред.

Божій, открытъ мирное пристанище умершему въ церкви нищеврной. Ужъ если двадцать лѣтъ спустя по смерти Щедрина, имя его не произносится въ Сорренто безъ чувства признательности и восторга, то какъ же жители этого городка, изъ которыхъ каждый, старъ и малъ, зналъ и любилъ Щедрина, могли, въ минуту потери такого человека, допустить похоронить его внѣ церкви? Лишь заблужденія шаткаго человѣческаго ума и людскіе интересы разрознили дѣтей одного общаго Высшаго Отца; но благо, которое отъ него исходитъ, мирить всѣхъ въ минуту смерти, въ минуту, когда духъ, Высшимъ Отцемъ дарованный, отрывается отъ всѣхъ земныхъ условій и ковъ и парить къ своему духовному началу.

Прекрасенъ памятникъ Щедрину, начатый Гальбергомъ, и оконченный Ставассеромъ и Ивановымъ; но не менѣе прекрасенъ также памятникъ, воздвигнутый въ сердцахъ благодарныхъ людей, которые изъ рода въ родъ сохраняютъ на чужбинѣ отрадное для всѣхъ насъ преданіе о русскомъ художникѣ Щедринѣ.

Каждый изъ читателей вѣроятно повторитъ вѣсть съ нами:

Миръ праху Сильвестра Щедрина, слава славному художнику, и вѣчная память добродѣтельному человеку!

Николай Рамазановъ.

МУЖЬ-ЭГОНСТЪ,

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ШУТКА

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПЕТЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ПУШИНЪ, молодой помѣщикъ.

ВѢРА, жена его.

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧЪ ЖУЛКОВЪ, молодой человекъ.

МАША, горничная.

Комната въ деревенскомъ домѣ Пушина. Направо трюмо, на лѣво роль, у задней стѣны диванъ. Подъ него, въ углубленіи, маленькій кабинетъ, внутренность котораго видна сквозь открытую дверь. Осенній вечеръ. Кабинетъ освѣщенъ матовой лампой; большая комната—свѣчею, на столѣ, передъ диваномъ, и свѣчами въ канделябрахъ трюмо.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВѢРА (сидитъ въ кабинетѣ и читаетъ); МАША (входитъ).

МАША.

Охотники наши ѣдутъ, сударыня.

ВѢРА (выходитъ изъ кабинета, одѣтая по домашнему, но щеголевато и даже кокетливо).

Поправь же мнѣ волосы и подай мантилью (садится передъ зеркаломъ); а потомъ поди, встрѣть барина, и скажи, чтобы онъ зашелъ прямо ко мнѣ.

МАША. *(поправляя ей волосы)*:

Пожалуй еще не пойдутъ; подумаютъ, что опять будете давать выговоры.

ВЪРА.

Нѣтъ. Если спросить обо мнѣ, скажи, что была весела и цѣлый день играла и пѣла. *(Встаетъ и надѣваетъ мантилью)*. Хорошо я одѣта?

МАША.

Чудесно!

ВЪРА.

Какъ ты думаешь, заметишь онъ?

МАША.

Богъ знаетъ. Когда они прѣдутъ съ поля, словно какъ, ничего не видятъ. А тамъ засядутъ въ карты играть.

ВЪРА.

Нѣтъ, я сдѣлаю, что замѣтить. Смотри же, Маша, исполни хорошенько все, что я тебѣ приказывала. Да непременно достань охотничье платье Жуликова.

МАША.

Ужъ достану. Скажу камердинеру, что хочу наряжаться.

ВЪРА.

А роль свою помнишь?

МАША.

Какъ нельзя лучше.

ВЪРА.

Ну поди же, зови его.

ЯВЛЕНИЕ II.

ВЪРА *(садится къ авансценѣ)*.

Эгоистъ, эгоистъ, эгоистъ. — и. Сольше ничего! Засадить молодую жену въ деревнѣ, въ ноябрь мѣсяцъ; заставить ее цѣлые дни просиживать одну одиныхоньку, въ четырехъ стѣнахъ, изъ того только, что ему весело травить зайцевъ! Нѣтъ, мой любезный Петръ Дмитритъ, если ты самъ не хочешь войти въ мое положеніе, такъ увезешь и по неволѣ изъ этой тюрьмы....

ЯВЛЕНИЕ III.

ВЪРА, НУЛИНЪ.

НУЛИНЪ (*цѣлуя ее*).

Здравствуй, Вѣрочка. Винавать, душа моя, мы опять опоздали. Чортъ знаетъ, эта охота вѣчно заведетъ дальше, чѣмъ думаешь. Ну, ты опять скучала, сердилась?

ВЪРА.

И не думала. Напротивъ я цѣлый день играла и пѣла.

НУЛИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Видишь ли, я всегда тебя говорилъ, что къ уединенной жизни стѣбитъ только привыкнуть — и тогда она покажется лучше всякой другой; особенно тому, кто умѣетъ самъ съ собой заниматься.

ВЪРА.

Привавай еще: и мечтать.

НУЛИНЪ.

О, мечтать, разумеется, о Москвѣ, объ ея удовольствіяхъ.... Это конечно очень пріятно и очень простительно въ твои лѣта. Впрочемъ, Вѣрочка, теперь мы въ самомъ дѣлѣ скоро отправимся въ Москву. Замоты почти всѣ кончены и черезъ нѣсколько дней весь урожай приведется въ извѣстность. А вѣдь ты знаешь, меня только это и задерживало.

ВЪРА.

Къ чему меня обманывать, Пьеръ; покѣрь мнѣ, я очень хорошо знаю, что замолотами ты занимаешься столько же, сколько и я, а просто тебя удерживаютъ здѣсь твои собаки. Но я разсудила наконецъ, что мы взаимно должны быть снисходительны другъ къ другу. Говорю тебѣ, что я совершенно перестала сердиться на тебя.... Даже съ нѣкоторыхъ поръ мнѣ здѣсь весело, и у меня нѣтъ ужъ такого желанія ѣхать въ Москву.

НУЛИНЪ.

И ты говоришь это не съ насмѣшкой?

ВЪРА.

Отъ чистаго сердца, мой другъ.

нулинъ (*глядя на нее недоверчиво*).

Давно ли по крайней мѣрѣ перемѣнились твои мысли?

вѣра.

Это делается какъ-то постепенно, такъ, что я и сама хорошенечко не замѣтила. Кажется однако жъ, что мнѣ стало здѣсь не такъ скучно съ тѣхъ поръ, какъ жъ тебѣ съдалась твои товарищи по охотѣ.

нулинъ.

Вотъ ужъ этого-то я никакъ не ожидалъ, чтобы мои товарищи могли избавить тебя отъ скуки. Помилуй, Вѣрочка, ты просто смѣшешься надо мной: они такъ же, какъ я, цѣлый день въ полѣ, вечеръ за картами.

вѣра.

А все какъ-то въ домѣ стало живѣе, хоть по вечерамъ. Шумятъ, играютъ. Особенно Жуликовъ очень оживляетъ наше общество. Что-нибудь съ нимъ споешь, что-нибудь считаешь.

нулинъ (*протяжно*).

Да, вотъ развѣ Жуликовъ.

вѣра.

Что жъ, развѣ тебѣ не пріятно, что я перестаю скучать?

нулинъ.

Боже мой, напротивъ.

вѣра.

Нынче я цѣлый день твердила романсъ, который мы вчера съ нимъ пѣли. Теперь споемъ еще лучше. Какой у него пріятный теноръ; не правда ли, Пьеръ?

нулинъ (*сухо*).

Да, не дуренъ. (*Стараясь перемѣнить разговоръ*). Ахъ, да, я и забыть совсѣмъ: ты приказала мнѣ прямо зайти къ тебѣ; вѣрно что-нибудь хотѣла сказать?

вѣра.

Я? тебѣ? никогда.

нулинъ.

Какъ никогда? Маша мнѣ сказала, что ты просишь меня зайти. Я только перемѣнить охотничье платье, и тотчасъ явился.

ВѢРА.

Эта вѣтреница вѣчно все перепутаетъ. Я ее послала къ Жуликову, а она подлетѣла къ тебѣ.

НУЛИНЪ.

Къ Жуликову! за чѣмъ?

ВѢРА.

Сказать ему, чтобъ онъ не садился играть въ карты, пока я не выйду въ гостиную.

НУЛИНЪ.

Что ты, Вѣра, помилуй! что же это значить?

ВѢРА.

Это значить, что я хочу съ нимъ пить.

НУЛИНЪ.

Но развѣ ты не успѣла бы этого сдѣлать безъ предварительнаго приглашенія?

ВѢРА.

Ужъ конечно пить. Когда вы придете съ моля, къ вамъ не лѣзя входить, потому что вы переодеваетесь; а потомъ не успѣешь оглянуться, ужъ вы всѣ сидите за картами; съ кѣмъ же тутъ пить?

НУЛИНЪ (*глядя на нее пристально*).

Ты полгода за мной за мужемъ, Вѣра, а до сихъ поръ я не замѣчалъ еще въ тебѣ такой страсти къ пѣнію.

ВѢРА.

Это отъ того, что не съ кѣмъ было. Съ товарищемъ, ты знаешь, все вдвое веселѣе.

НУЛИНЪ.

Ужъ не отъ этой ли страсти къ пѣнію отпало у тебя и твое нетерпѣливое желаніе знать въ Москву?

ВѢРА.

Можетъ быть, потому что это тоже занятіе, и занятіе очень пріятное. А главное то, что теперь здѣсь есть общество, съ которымъ можно сказать слово, для котораго можно, по крайней мѣрѣ, надѣть порядочное платье. (*Оправляетъ свой нарядъ*).

НУЛИНЪ (*не замѣчая этого*).

А со мной неслѣзя развѣ было сказать слова?

ВѢРА.

Рышительно нѣтъ, потому что дни ты также, какъ и теперь, проводишь на охотѣ, а повечерамъ, когда мы были одни, постоянно спать.

НУЛИНЪ.

По крайней мѣрѣ одѣваться жена преимущественно должна для мужа.

ВѢРА.

Только не для такого, который вовсе не замѣчаетъ женниного туалета.

НУЛИНЪ.

Какъ не замѣчаю, я всегда.... (взглядѣвшись въ ея нарядъ). Ахъ, Вѣра, какъ ты нынче авантажна!

ВѢРА.

Въ самомъ дѣлѣ?

НУЛИНЪ.

Мнѣ даже кажется, не слишкомъ ли изысканъ твой нарядъ.... онъ какъ будто отзывается претензіями.

ВѢРА.

На тебя, мой другъ.

НУЛИНЪ.

Полно такъ ли?

ВѢРА.

Вѣдь самъ же ты сейчасъ сказалъ, что жена должна одѣваться преимущественно для мужа. Я это и дѣлаю.

НУЛИНЪ.

Однако жъ, когда мы были вдвоемъ, ты не одѣвалась такъ.

ВѢРА.

Неужели же ты хочешь, чтобы я вышла въ гостинную не в порядкѣ?

НУЛИНЪ.

Совсѣмъ нѣтъ, зачѣмъ крайности?... можно быть не в порядкѣ, но одѣться немножко простѣе, солиднѣе.... а то, право, ужъ слишкомъ щеголеватое, Вѣра.

ВѢРА.

Боже мой, какой ты несносный эгоистъ, Пьеръ! Ты хочешь отнять у женщины последнее ея удовольствіе, блеснуть

своимъ нарядомъ; а когда жь я здѣсь найду случай блеснуть имъ, какъ не теперь? Мы будемъ пѣть съ М-г Жуликовымъ. Всѣ оставлять карты; всѣ подойдутъ къ роялю слушать, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумеется, и смотрѣть. Это именно такая минута, для которой надобно одѣться понаряднѣе.

нулинъ (*съ неудовольствиемъ*).

Тѣмъ болыне, что пристальнѣе всѣхъ, вѣроятно, будетъ смотрѣть на тебя Жуликовъ.

ВЪРА.

Можетъ быть. Однако жь мнѣ надобно пойдти въ гостиную и предупредить его, чтобъ онъ не садился играть. Мы будемъ то пѣть, то читать стихи.... какъ онъ славно читаетъ, Пьеръ. (*Идетъ къ дверямъ*).

нулинъ (*сидя за ней*).

Постой, Вѣра, постой, я самъ все это устрою.

ВЪРА.

Нѣтъ, нѣтъ. Тебѣ, я вижу, не хочется, чтобъ я пѣла съ нимъ, такъ ты, пожалуй, нарочно засадишь его за карты. (*Пророчески уходитъ и затворяетъ за собою дверь*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

нулинъ (*останавливается въ недоумѣнии*).

Что же это такое!... Да она просто помышлялась на этомъ Жуликовъ!... Даже не можетъ и не умѣетъ скрытъ!... Господи Боже мой, а я ничего этого не вижу!... Нѣтъ, г. Жуликовъ, слуга покорный, я вамъ тотчасъ же подамъ карету подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ.... всего лучше, я думаю, уѣхать въ отъѣздъ, а оттуда и разѣхаться.... Да, такъ и сдѣлаю, и не дальше какъ завтра. Вотъ и конецъ дутамъ. (*Хочетъ идти, но въ дверяхъ, встрѣтившись съ Машей, опять останавливается*).

ЯВЛЕНИЕ V.

нулинъ, маша.

нулинъ (*строго*).

Къ кому тебя, давеча, барыня посылала?

маша.

Когда-съ?

НУЛИНЪ.

Когда мы прѣехали съ поля.

МАША.

Къ вамъ-съ.

НУЛИНЪ.

Врешь!

МАША.

Право, ей Богу, къ вамъ-съ.

НУЛИНЪ.

Врешь же, говорю я тебя, мнѣ барыня сама все сказала.

МАША.

Что жъ она вамъ сказала?

НУЛИНЪ.

Что посылала тебя не ко мнѣ.

МАША.

Къ кому же-съ?

НУЛИНЪ.

Къ Жуликову, вотъ къ кому.... понимаетесь?

МАША.

Не можетъ быть.

НУЛИНЪ.

Какъ не можетъ быть, когда мнѣ это сказала сама барыня.... слышите?

МАША.

Слушаю-съ.

НУЛИНЪ.

Ну, говори же, зачемъ она тебя посылала? Да смотри же, говори правду.

МАША.

Онѣ-съ.... онѣ-съ....

НУЛИНЪ.

Ну, ну, безъ запинки!

МАША.

Онѣ приказали мнѣ сказать, чтобъ не садилась играть въ карты.

НУЛИНЪ.

Только?

МАША.

Только.

НУЛИНЪ.

Съ чего же ты выдумала сказать мнѣ, что меня зоветъ барыня? А?

МАША.

Это ... это.... вотъ видите, какъ случилось. Когда я вы-
бежала на крыльцо, чтобы передать Егору Михайлчу ба-
рынино приказанье, они и идутъ мнѣ навстрѣчу. Я только что
начала имъ говорить: «барыня, молъ, приказала».... смотрю, и
вы тутъ. Я испугалась, да эти же самыя слова поскорѣе къ
вамъ и обернула, и докладываю: «барыня, молъ, приказала
вамъ сказать, чтобы вы пожаловали къ ней поскорѣе»....

НУЛИНЪ.

Гм! и ты говоришь правду?

МАША

Ей Богу, баринъ, правду. Больше ничего и не было.

НУЛИНЪ.

А послѣ, Жуликова не видала?

МАША.

Не видала.

НУЛИНЪ.

И не говорила съ нимъ?

МАША.

Ня одного слова (*роняетъ изъ рукъ бумажку*). Ай!...

НУЛИНЪ.

Что это?

МАША (*проворно поднимъ бумажку*).

Бумажка.

НУЛИНЪ.

Какая бумажка?

МАША.

Такъ, папильотка.

НУЛИНЪ.

Отчего жъ ты закричала?

МАША.

Такъ, испугалась сама не знаю чего.

НУЛИНЪ.

Врешь, подай мнѣ бумажку!

МАША.

Ни за что на свѣтъ. (*Дѣлаетъ видъ, что хочетъ ее взять въ ротъ*).

нулинъ (*схвативъ ее за руку*).

Э, нѣтъ, шалишь.... подай сюда!

МАША (*сопротивляясь*).

Ни за что не отдамъ; хоть убейте до смерти, не отдамъ.

нулинъ.

Вздоръ, пустяки! теперь ужь отдашь непременно. (*Разжимаетъ ей пальцы*).

МАША.

Ой больно! Ой больно! (*протливаятъ ему ладонь съ бумажкой*).

нулинъ (*разсматривая бумажку*).

Записка... отъ кого это? (*Маша начинаетъ рыдать*). Отъ кого эта записка? спрашиваю я.

МАША (*рыдая*).

Отъ бары-ы-ы-ни....

нулинъ.

Къ кому?

МАША (*рыдая еще пуще*).

Къ Жуликову-у-у-у....

нулинъ.

Боже мой, до чего дошло!... и ты имъ помогала, мерзавка!

МАША (*продолжая плакать*).

Помогала-а-а-а.

нулинъ (*подходитъ съ запиской къ свѣчѣ и читаетъ*).

«Когда мужъ сядетъ играть въ карты, и, по своему обыкновенію, совершенно углубится въ игру, приходите ко мнѣ подъ окно и ждите условнаго знака. Только, ради Бога, одѣньтесь теплѣе. На дворъ холодно; не простудитесь». (*Обращаясь къ Машѣ*). А? и это ты переносишь эдакія записочки?

МАША (*упадала на колѣни*).

Виновата! Все скажу, только простите меня!

нулинъ.

Ну говори: въ который разъ тебя посылаютъ съ записками?

МАША.

Всего только въ третій.

НУЛИНЪ.

Гм! Ужъ въ третій! а мнѣ не приходило и въ голову!...
А отвѣты приносишь?

МАША.

Иногда я приношу, а иногда и сами Егоръ Михайлычъ
приносятъ въ нотахъ.

НУЛИНЪ.

Въ нотахъ! Ахъ онъ подлець!... Такъ вотъ что значать
эти дуэты!... Ну о чемъ же прежде была у нихъ переписка?

МАША.

Да все о томъ же. Приходи, дескать, да и только.

НУЛИНЪ.

И приходитъ?

МАША.

Всякой разъ.

НУЛИНЪ (*торопливо*).

Такъ у нихъ ужъ бывали свиданія-то, такъ это ужъ не
первое?

МАША.

Экъ вы хватились!

НУЛИНЪ.

Молчи, мерзавка!... О я несчастный, о я слѣпой человекъ!..
И долго они остаются здѣсь?

МАША.

Да до тѣхъ поръ, пока вы кончаете играть въ карты.

НУЛИНЪ.

Чортъ возьми, да вѣдь мы иногда играемъ по восемнад-
цати роберовъ!... То-то онъ и не тянется за нами; сыграетъ
робера три, четыре, да и говоритъ, что усталъ.... А какъ-же
узнаютъ они, когда мы кончаемъ игру? кто имъ сказываетъ? А?

МАША (*чуть слышно и протяжно*).

Я-съ.

НУЛИНЪ.

Ахъ ты змѣя подкодная! записки передаетъ она, кара-
улить она, сказываетъ она.... да тебя мало изжарить, бестно!

МАША.

Я вамъ заслужу-съ.

нулинъ.

Хороша заслуга, нечего сказать!

маша.

Можетъ статься.... вамъ.... угодно будетъ.... ихъ подкараулить?..

нулинъ (съ живостью).

Разумѣется угодно, даже очень угодно, и я приказываю тебѣ доставить мнѣ случай поймать ихъ, во чтобъ то ни стало. Слышишь?

маша.

Слушаю-съ.

нулинъ.

Можешь ты это сдѣлать?

маша.

Могу-съ.

нулинъ.

Говори, какъ?

маша.

Вы извольте спрятаться вотъ за это трюмо, а я пойду доложу барынѣ, что у васъ головка болить и что вы ушли прямо въ кабинетъ почивать. Много что подождете полчаса, и сами увидите все, своими глазами.

нулинъ

Не утѣшительно! Брр! при одной мысли морозъ подира-
етъ по кожѣ!

маша.

Ничего, пожалуйста; тутъ вамъ будетъ очень покойно.

нулинъ.

Не думаю. (Идетъ за трюмо).

маша.

Вотъ такъ, такъ. Видите, какъ хорошо; въ эту скважину, между зеркаломъ и рамой, вамъ все будетъ видно.

нулинъ.

Молчи, чортъ тебя возьми, со всеми этими удобствами! Приятно мнѣ очень смотреть на нихъ въ скважину....

маша.

Тсъ! кто то идетъ. (Задуетъ свѣчи въ канделябры.
Въ комнатѣ остается только одна свѣча на столѣ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Нулинъ (за зеркаломъ), Маша, Жуликовъ.

МАША.

Это вы, Егоръ Михайлычъ?

ЖУЛИКОВЪ.

Я.

МАША.

Что вамъ угодно?

ЖУЛИКОВЪ.

Въра Петровна прислала за нотами.

МАША.

Вотъ онъ; на рояль; извольте выбирать. (Подаетъ ему. сѣту).

нулинъ (тихо).

Маша, принеси мнѣ мой охотничій кинжалъ, я его зарѣжу!

МАША.

Погодите, еще успѣете.

жуликовъ (перебирая ноты).

А гдѣ же Петръ Дмитричъ?

МАША.

Ушли въ кабинетъ почивать; у нихъ голова разболѣлась.

нулинъ.

А, разбойникъ, освѣдомляется!... Маша, кинжалъ!

МАША.

Тише, вы все испортите. (Жуликову). Въра Петровна скоро придутъ?

жуликовъ.

Должно быть скоро. Коли Петръ Дмитричъ легъ, такъ и она долго сидѣть не станетъ.

нулинъ.

Безсовѣстные! рады, что мужъ ушелъ; ждутъ не дождутся.

жуликовъ (отбравъ ноты).

Прощай, Маша.

МАША.

Прощайте, Егоръ Михайлычъ. Не забудьте же сказать баринъ, что баринъ легъ почивать, и чтобъ его не дожидались въ гостинной.

жуликовъ (уходя).

Хорошо, хорошо.

ЯВЛЕНИЕ VII.

МАША, Нулинъ (выходитъ изъ за-зеркала).

НУЛИНЪ.

И я вытерпеть, и я не убилъ его! Странное это чувство ревности! страшно подумать мнѣ объ этомъ свиданьи, а между тѣмъ мнѣ хочется уличить преступниковъ, насладиться вполне моимъ мщеніемъ!... Смерть ему, негодяю!—и въ ея глазахъ, именно; пускай полюбуется!

МАША.

Такъ вы непременно хотите убить его?

НУЛИНЪ.

Вотъ странный вопросъ: что жъ, я его по головкѣ стану гладить что ли?

МАША (въ сторону).

Ай, ай! этакъ пожалуй мнѣ достанется!

НУЛИНЪ.

Что ты тамъ бормочешь?

МАША.

Не советую я вамъ проливать кровь человѣческую.

НУЛИНЪ.

Не твое дѣло рассуждать. Принеси мнѣ кинжалъ, говорить тебѣ.

МАША (въ сторону).

Нѣтъ, ужъ слуга покорная (съ слухъ). Да вы извольте же спрятаться, а то барыня того и гляди придетъ.

НУЛИНЪ (уходя за зеркало).

А придетъ ли онъ?

МАША.

Придетъ непременно.

НУЛИНЪ.

Однако, какъ же онъ придетъ, коли ты не успѣла отдать ему записку? Вѣдь я не сообразилъ этого.

МАША.

Какъ не успѣла? успѣла.

НУЛИНЪ.

Да за тѣмъ же она осталась у тебя? стало онъ не читалъ?

МАША.

Эва! давно прочиталъ. Только барыня никогда не приказываетъ оставлять у него записокъ, а всегда брать назадъ.

НУЛИНЪ.

Такъ вотъ какія предосторожности.

МАША.

А какъ бы вы думали?

НУЛИНЪ.

Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же и писать; лучше ужъ на словахъ сговориться!

МАША.

Гдѣ же прикажете?

НУЛИНЪ.

Какъ гдѣ; развѣ имъ мало времени въ гостиной?

МАША.

То-то и есть, что въ гостиной этихъ вещей вслухъ говорить нельзя, а говорить потихоньку, боясь подать подозрѣнiе. Вотъ и онъ теперь, вѣдь за тѣмъ только и приходилъ, чтобы принести отвѣтъ.

НУЛИНЪ.

Какой отвѣтъ?

МАША.

На записку.

НУЛИНЪ.

Гдѣ же онъ?

МАША.

Верно здѣсь, въ нотахъ.

НУЛИНЪ (*хочетъ выйти изъ-за зеркала*).

Покажи, покажи!

МАША.

Не выходите, что вы дѣлаете! Барыня сію минуту придетъ, и ужъ вамъ въ другой разъ не удастся ихъ подкараулить. Я сама съищу вамъ отвѣтъ и прочту его.

НУЛИНЪ.

Читай, читай.

МАША (*порывшись въ нотахъ, читаетъ*).

«Готовъ цѣлую ночь, милая Вѣра, стоять подъ вашимъ окномъ, и ждать, когда вы три раза стукнете по стеклу. Горю нетерпѣніемъ упасть къ ногамъ вашимъ и излить на свободу тѣ чувства, которыя таятся по цѣлымъ днямъ въ груди моей. Весь вашъ Е. Жуликовъ».

НУЛИНЪ.

Фу, чортъ возьми, какъ глупо и какъ сентиментально!.... чувства.... таятся въ груди.... по цѣлымъ днямъ.... И этотъ осель смѣетъ называть ее милой Вѣрой, и она стучитъ ему три раза въ стекло!... Боже мой, до чего я дожилъ! и когда же? не дальше какъ черезъ полгода послѣ женитьбы!.... Кинжалъ, Маша, кинжалъ сію же минуту!....

МАША.

Извините, ужъ некогда, барыня идетъ.

НУЛИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

МАША.

Да, вонъ; слышите шаги....

НУЛИНЪ (*горестно*).

Чѣмъ же я убью его?

МАША.

Чѣмъ вамъ угодно. (*Отворяетъ дверь, Вѣра выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

НУЛИНЪ, МАША, ВѢРА.

ВѢРА.

Петръ Дмитричъ ушелъ спать?

МАША.

Ушли-съ.

ВѢРА (*въ полголоса*).

Поди-же посмотри, Маша, тутъ ли онъ, и можно ли ему пройти.

НУЛИНЪ.

А, злодѣйка! (*Маша выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

НУЛИНЪ, ВѢРА:

ВѢРА (*сидя на диванѣ*).

О, какая тоска! цѣлые сутки ждать одного отраднаго часа, цѣлые дни сидѣть одной въ четырехъ стѣнахъ,—и это

будущность всей моей жизни!... Пьеръ, Пьеръ! за что ты погубилъ мою молодость, зачѣмъ ты довелъ меня до того, что мнѣ необходимо дѣлать чувства мои съ другимъ, а не съ тобой, что мнѣ надобно грѣть сердце не твоєю любовью! Ожидала ли я, что ты изъ пылкаго, страстнаго жениха, превратишься въ самаго холоднаго мужа, что ты промѣняешь меня на собакъ, на сонъ, на карты!...

НУЛИНЪ.

Ой, ой, ой, какая непріятная исповѣдь!

ВЪРА.

Я виновата, я знаю, но и ты, Пьеръ, участникъ въ моей винѣ! Ты самъ толкнулъ меня въ пропасть, въ которую безъ тебя я никогда бы не упала.... любви, любви хочу я, а ты не даешь мнѣ ее! ты не хочешь понимать меня, ты смеешься надъ каждой моей лаской.... Пусть же эти ласки принадлежатъ другому....

НУЛИНЪ.

Да, болвану Жуликову....

МАША (въ дверяхъ кашляетъ).

ВЪРА.

А, пора (подходитъ къ окну и три раза ударяетъ въ стекло. Потомъ задуваетъ свѣчу и опять садится на диванъ. Комната освѣщается только изъ маленькаго кабинета, въ которомъ горитъ лампа).

НУЛИНЪ.

И свѣчу погасила!... ну!

ЯВЛЕНІЕ X.

НУЛИНЪ, ВЪРА, МАША (въ охотничьемъ платьѣ и фуражкѣ, вбѣгаетъ въ комнату и бросается на колѣни передъ Вѣрой).

МАША (вполголоса).

Вѣра!...

ВЪРА.

Жоржъ, сбер ами! Еслибъ ты зналъ, съ какими нетерпѣніемъ ждала я тебя; сядь сюда, Жоржъ.

МАША (садится на диванъ, обнимаетъ Вѣру и громко целуетъ ее въ щеку).

НУЛИНЪ (дѣлаетъ движеніе за зеркаломъ).

ВЪРА (съ испугомъ).

Ахъ, что это?

МАША (вполголоса).

Ничего, тебѣ послѣшлось. Полно, милая Вѣра, тревожиться. Позволь мнѣ обнять, позволь разцаловать тебя. (Начинаетъ громко и часто цаловать Вѣру.)

НУЛИНЪ (опять дѣлаетъ движеніе за зеркаломъ).

ВѢРА.

Право, я что-то слышу, Жоржъ!.. я боюсь мужа!...

МАША.

Твой мужъ спитъ сномъ непробуднымъ, и ничто въ мірѣ не заставитъ его подняться съ постели въ этотъ часъ. Забудь о немъ, милая Вѣра, не возмущай минутъ любви такимъ воспоминаніемъ. (Поцалун раздаются все громче и чаще).

НУЛИНЪ (выскакивая изъ-за зеркала).

Я съ тобой раздѣляюсь, г. Жоржъ, я тебѣ дамъ почувствовать, что я не сплю!... (Объ женищину пронзительно вскрикиваютъ, проворно бросаются въ кабинетъ и запираютъ за собой дверь изнутри).

НУЛИНЪ (колотитъ въ дверь съ изступленіемъ).

Трусъ! подлецъ! негодяй! прятаться! запирается!...

ВѢРА (за дверью).

Другъ мой, не убивай его!

НУЛИНЪ.

И она еще за него проситъ!... отворите!

ВѢРА.

Дай слово, что ты его не убьешь.

НУЛИНЪ.

Отворите!

ВѢРА.

Не отворю.

НУЛИНЪ.

Я кликну людей и велю выломать дверь.

ВѢРА.

Прошу тебя, не убивай его и не дѣлай огласки.

НУЛИНЪ.

Говорю вамъ, я кликну людей.

ВѢРА.

Послушай, Пьеръ, за тѣмъ ты хочешь, чтобъ надъ нами смѣялся весь свѣтъ. Возми меня отсюда, увези куда тебѣ угодно, запри хоть въ монастырь, только не дѣлай огласки.

нулинъ.

Дайте мнѣ вашего Жоржа, сударыня, дайте мнѣ вашего Жуликова, или я велю выломать дверь.

вѣра.

Дай честное слово, что ты сію же минуту увезешь меня и скроешь эту несчастную исторію; тогда Жоржъ самъ къ тебѣ выйдетъ; согласенъ?

нулинъ.

Согласенъ на все, только дай мнѣ его сюда!

вѣра.

Такъ вели же сей-часъ укладываться.

нулинъ.

Куда жь мы поведемъ?

вѣра.

Куда тебѣ угодно, только чтобъ не быть здѣсь.

нулинъ.

Хорошо, хорошо, давай же мнѣ Жуликова, давай сюда своего Жоржа.

вѣра.

Прежде вели совсѣмъ уложиться.

нулинъ.

Да кому жь я велю? здѣсь нѣтъ ни души, а отъ дверей не отойду я, сударыня!

вѣра.

Позволь, я распоряжусь сама. Маша, поди скажи, чтобъ какъ можно скорѣй укладывали бариновы чемоданы, и готовили дорожную карету. Скажи, что я очень занемогла и что меня везутъ въ Москву. Слышишь?

маша.

Слышу-съ (*выбѣгаетъ изъ кабинета*)

нулинъ. (*схватываетъ ее*).

А, попался ты мнѣ!

маша.

Ай! Ай! это я, это я; Петръ Дмитричъ, не убивайте меня!

нулинъ (*отступая съ изумленіемъ*).

Что за дьявольщина, это Маша?

маша (*снѣвъ фуражку*).

Вѣдь я вамъ докладываю; что я.

нулинъ (*заглядывая въ кабинетъ и осматривая его пристально*).

И больше здѣсь нѣтъ никого? Вѣра, объясни мнѣ, ради Бога, что же это такое?

ВѢРА.

Изволь; только съ условіемъ.

НУЛИНЪ.

Съ какимъ?

ВѢРА.

Не отбивать приказанія собираться въ дорогу.

НУЛИНЪ.

Не отбиваю, не отбиваю, только говори скорѣй.

ВѢРА (*прыгая около него и хлопая въ ладоши*).

Мы ѣдемъ въ Москву! мы ѣдемъ въ Москву!... понимаешь?

НУЛИНЪ.

Ровно ничего не понимаю и не хочу понимать до тѣхъ поръ, пока вы не скажете мнѣ, гдѣ Жуликовъ, гдѣ этотъ проклятый Жоржъ?

МАША.

Одинъ здѣсь, на лицо (*надвѣваетъ фуражку и принимаетъ позу Жуликова*), что, похожа?

НУЛИНЪ.

Удивительно! такъ и хочется пырнуть ножомъ!... Да скажете ли вы наконецъ, гдѣ настоящій-то Жуликовъ?

МАША.

Въ гостинной.

НУЛИНЪ.

Какъ въ гостинной! что онъ тамъ дѣлаетъ?

МАША.

Играетъ въ ералашъ.

ВѢРА (*хохочетъ*).НУЛИНЪ (*одумываясь*).

Неужели!... стало быть онъ не виноватъ ни душой, ни тѣломъ?

ВѢРА.

Разумѣется; развѣ въ томъ только, что я, желая еще больше подстрекнуть твою ревность, нарочно посылая его за нотами!

НУЛИНЪ.

Ну, насилу отлегло!... Ахъ, ВѢра, какъ ты меня напугала.

ВѢРА.

Самъ виноватъ; тебя надобно было проучить за то, что ты не хотѣлъ понимать моей скуки и не хотѣлъ подумать о томъ, что женщины часто дѣлаютъ глупости отъ нечего дѣлать.

И. СУМАРКОВЪ.

МОСКВИТАНИНЪ,

1852.

№ 4.

Февраль.

Кн. 2.

БѢДНАЯ РЕВЪСТА,

КОМЕДИЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

Суженаго конемъ не объѣдешь.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АННА ПЕТРОВНА НЕЗАБУДКИНА, вдова не богатаго чиновника.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, ея дочь.

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ МЕРИЧЪ } молодые люди, знакомые Не-
ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МИЛАШИНЪ } забудкиной.

ПЛАТОНЪ МАРКОВИЧЪ ДОБРОТВОРСКІЙ, старый стряпчій.

МАКСИМЪ ДОРОФЕЕВИЧЪ БЕНЕВОЛЕНСКІЙ, чиновникъ.

АРИНА ЕГОРОВНА ХАРЬКОВА, вдова, мѣщанка.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ ХАРЬКОВЪ, сынъ ея бывшій студентъ.

КАРПОВНА, сваха (по купечеству) въ платочкѣ.

ПАНКРАТЬЕВНА, сваха (по дворянству) въ чепчикѣ.

ДАРЬЯ, горничная Незабудкиныхъ.

МАЛЬЧИКЪ, Добротворскаго.

Оффиціантъ и разные лица, являющіеся въ 5-мъ дѣйствіи смотреть
свадьбу.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Театръ представляетъ комнату; на задней стѣнѣ двѣ двери: одна въ комнаты, другая на улицу. Съ лѣвой стороны окно, у окна пльцы, далѣе фортепьяно; съ правой стороны диванъ и большой круглый столъ).

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (сидитъ за пльцами) и **АННА ПЕТРОВНА** (на диванѣ).

АННА ПЕТРОВНА.

Вотъ тутъ и живи, какъ знаешь. Какъ бы папенька-то твой не моталъ безъ памяти, такъ бы другое дѣло было; а то оставилъ насъ почти ни съ чѣмъ. Дѣла всѣ запутаны, тутъ тяжба еще; вотъ домъ-то отнять, что тогда дѣлать-то! Ты только подумай, какъ мы тогда жить-то будемъ!... А что я! Мое дѣло женское, да я и незнаю ни чего, я сама привыкла за людьми жить. (молчаніе) Хоть бы ты замужъ чтоль, Маша, шла поскорѣй. Я бы ужъ, кажется, не знала, какъ и Бога-то благодарить! А то, какъ это безъ мужчины въ домъ, это никакъ нельзя.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

У васъ вѣдь, маменька, ужъ одинъ разговоръ.

АННА ПЕТРОВНА.

Чтожъ такое не говорить-то! Отъ слова-то тебя убудеть чтоли. Нако-поди, ужъ и поговорить-то нельзя. Что такое въ самомъ дѣлѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Развѣ я виновата, маменька, что мнѣ никто не нравится.

АННА ПЕТРОВНА.

Какъ это не нравится, я не знаю; это такъ капризь просто, Маша.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы знаете, маменька, что у меня капризовъ нѣтъ, а просто не нравится никто, да и все тутъ. Да чтожь тутъ мудренаго, кто за меня сватался, вспомните хорошенько, что это за люди?

АННА ПЕТРОВНА.

Чтожь дѣлать-то, Машенька? чтожь дѣлать-то, другъ мой? Гдѣжь намъ тебѣ красавцевъ-то взять? Нынче хорошіе-то женихи все денегъ ищутъ, не хотятъ видѣть, что ты у меня красавица. Куды это я табакерку засунула, ужъ и не знаю! Посмотри-ко тамъ на столикъ! постой, здѣсь, въ карманѣ. Цѣть ужъ какъ бы, кажется, тебя не полюбить! Все вѣтеръ въ головѣ-то у молодыхъ людей. Да, признаться сказать, вѣдь и ты то очень разборчива. А ты подумай, вѣдь у насъ не горы золотыя—умничать-то не изъ чего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Хорошо, хорошо.

АННА ПЕТРОВНА.

Да что хорошо-то?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я подумаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Да о чемъ думать-то, скажи ты мнѣ—сдѣлай милость. Додумася до того, что просидишь въ дѣвкахъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А чтожь за бѣда такая?

АННА ПЕТРОВНА.

Глуна еще ты—вотъ что (*Сидитъ, надувшись. Молчаніе*). Что это, ей Богу, хотъ бы Платонъ Маркычъ пришелъ! Ужъ я и не знаю, что мнѣ дѣлать-то. Вотъ былъ чулокъ, вотъ гдѣ теперъ чулокъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вотъ маменька, чулокъ. (*Подаетъ*).

АННА ПЕТРОВНА *(вяжетъ чулокъ).*

Нейдетъ Платонъ Маркычъ да и только; что хочешь тутъ и дѣлай.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да зачѣмъ вамъ, маменька, Платонъ Маркычъ понадобился?

АННА ПЕТРОВНА.

Какъ, зачѣмъ? Что мы знаемъ, тутъ сидя-то; а онъ все таки мужчина. Буточникъ бумагу какую-то приносилъ, кто ее тамъ разберетъ? Вотъ поди-жъ ты женское-то дѣло какое! Такъ и ходишь, какъ дура. Вотъ цѣлое утро денегъ не сочту. Какъ это безъ мужчины, это я ужъ и не знаю, тутъ и безъ бѣды-бѣда. Возьми-ко, Маша, бумажку, да посчитай мнѣ деньги-то, сдѣлай милость.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Говорите, я и такъ сочту.

АННА ПЕТРОВНА.

Постой, Маша! Заторопишь ты меня—я опять собьюсь. Гдѣ это бумажка-то у меня? Дай Богъ памяти. Вотъ она! постой—нашла. Вотъ сочти возьми. Давеча считала, считала на счетахъ,—либо цѣжоваго не хватаетъ, либо два лишнихъ, а ужъ Дарью лучше не заставляй. Да ужъ и въ головѣ-то все не то. Дѣло-то меня беспокоить очень, объ домѣ-то нужно съ Платономъ Маркычемъ поговорить. Все таки мужчина.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТАЖЕ И ДАРЬЯ.

ДАРЬЯ.

Барыня, а барыня; отъ Платона Маркыча мальчикъ пришелъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Позови его сюда. *(Дарья уходитъ. Входитъ мальчикъ).*

МАЛЬЧИКЪ.

Платонъ Маркычъ кланяться приказали; прислали газеты вчерашнія и записочку-съ, да приказали о здоровьѣ спросить.

АННА ПЕТРОВНА.

Господи! куды это я очки дѣла? Пойщи, Маша, сдѣлай милость. *(Марья Андреевна ищетъ очки).*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да позвольте, маменька, я прочитаю. Я думаю, у васъ съ Платономъ Маркычемъ секретовъ нѣтъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Прочитай, Маша! Какіе секреты! Я его объ дѣлѣ просила. Вотъ женское-то дѣло. Вѣдь и жалѣ беспокоить Платона-то Маркыча — старый человѣкъ; а дѣлать нечего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(читаетъ)*.

«Ваше Высокоблагородіе, милостивая государыня, Анна Петровна! Честъ имѣю васъ увѣдомить, что всѣ порученія ваши я исполнилъ въ точности и съ удовольствіемъ, и впредь прошу васъ таковыя возлагать на меня. При семъ посылаю вамъ вѣдомости вчерашняго числа. На счетъ того пункта, о которомъ вы меня просили, я въ названномъ вами присутственномъ мѣстѣ былъ; холостыхъ чиновниковъ для Марьи Андреевны, достойныхъ нѣтъ; есть одинъ; но я сомнѣваюсь, чтобы онъ вамъ понравился, ибо очень великъ ростомъ, весьма много болѣе обыкновеннаго и рябой....» *(Смотритъ съ умоляющимъ видомъ)*. Маменька!

АННА ПЕТРОВНА.

Читай, читай.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(продолжаетъ)*.

«Но, по справкамъ моимъ отъ секретаря и прочихъ его сослуживцевъ, оказалась нравственности хорошей и непьющей, что, какъ мнѣ извѣстно, вамъ весьма желательно. Не прикажете ли посмотреть въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, что и будетъ мною исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ. Дѣло ваше, по случаю упущеній съ вашей стороны, приняло дурной оборотъ; но вы, сударыня, не извольте беспокоиться; ибо я нашелъ весьма знающаго человѣка, который можетъ онымъ дѣломъ руководствовать. О прочемъ буду имѣть честь объяснить вамъ при личномъ свиданіи. Остаюсь, всегда готовый къ услугамъ, Платонъ Добротворскій». Что это вы,

маменька, дѣлаете? Посылаете Платона Маркыча по присутственнымъ мѣстамъ жениховъ искать. Это ужъ Богъ знаетъ что такое; и ни слова мнѣ объ этомъ не скажете; это ужъ обидно даже. Ахъ, маменька, что вы со мной дѣлаете? (*Садится къ пальцамъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Ни какой тутъ обиды нѣтъ! Ты, Маша, этого не знаешь, это ужъ мое дѣло. Я, вѣдь, тебя не принуждаю; за кого хочешь, за того и пойдешь. А это ужъ мой долгъ тебѣ жениха найти (*Мальчику*). Кланяйся, милый, Платону Маркычу, скажи, что приказали благодарить; слава Богу, моль, здоровы.

МАЛЬЧИКЪ.

Слушаю-съ.

АННА ПЕТРОВНА.

Поди сюда, я тебѣ дамъ записочку Платону Маркычу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна*).

Вотъ всякой день этакой разговоръ! Какъ это не надо-сть маменькѣ, право. Такая тоска, такая тоска, что не-знаешь куда дѣться. (*ищетъ въ пальцахъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И ДАРЬЯ (*входитъ*).

ДАРЬЯ.

О чтобъ васъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что ты все сердишься?

ДАРЬЯ.

Да какъ же, барышня, не сердиться-то! Этакой народъ, не повѣрите. Бѣгу изъ лавочки, а тутъ какой-то дуракъ остано-вился на дорогѣ, да прямо въ глаза и смотреть. Что го-ворю, бѣлмы-то выпучилъ, чего не видалъ, на мнѣ ничего не написано. Да какъ, говорить, на тебя, на красавицу эта-кую не посмотреть. Плюнула да и пошла. (*ищетъ что-то*) Вотъ вѣчно растеряеть, а тутъ ищи. О! чтобъ....

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Что ты тамъ ищешь?

ДАВЬЯ.

Да табакерку барыня потеряла. Нашла.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Что, Даша, хороша я?

ДАВЬЯ.

Вы-то? красавица, раскрасавица.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Давай помѣняемся, вотъ и не будутъ смѣяться надъ тобой.

ДАВЬЯ.

И, матушка, начто мнѣ красота.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

А мнѣ на что?

ДАВЬЯ.

Что это вы, барышня, говорите! посмотрите-ко какой молодецъ въ васъ влюбится, любо-дорого глядѣть; полковникъ какой-нибудь возьметъ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Гдѣ ужъ, Даша, влюбится! Маменька говоритъ, что замужъ пора.

ДАВЬЯ.

Чтожъ, отъ чего жъ и замужъ нейти?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Такъ зачѣмъ же быть красавицей-то, лучше быть хозяйкой хорошей.

ДАВЬЯ.

Какъ это можно, лучше мужъ будетъ любить. Вотъ у сосѣдки двѣ дочери: старшая-то худая такая, какъ спичка; а младшая-то румяная да гладкая, еще шестнадцати лѣтъ нѣтъ, а какъ словно она троихъ ребятъ выкормила. Вотъ мать то и говорить: боюсь, говорить, старшую-то замужъ отдавать, мужъ любить не станетъ; вотъ эту, говорить, любить будетъ. Затолковалась я съ вами, барышня; старуха-то пожалуй разсердится (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (одна) и потомъ **ДАРЬЯ**.

Мужъ будетъ любить! Да я-то буду ли любить мужа! Вотъ въ чемъ дѣло. Маменькѣ легко говорить: выходи замужъ! Да за кого я пойду? Я безъ ужаса себя представить не могу, какъ выдти за человѣка, къ которому, кромѣ отвращенія, ничего не чувствуешь (*задумывается*). Всякій уродъ думаетъ, что онъ вправѣ посвататься и даже считаетъ это какимъ-то одолженіемъ, потому что она, говорить, бѣдная невѣста. Иной просто торгуется меня, какъ вещь какую-нибудь: я, говорить, имѣю состояніе, у васъ ничего нѣтъ, я вашу дочь за красоту возьму; другой прикинется влюбленнымъ, лезетъ съ нѣжностями, это еще хуже. Боже мой, сколько оскорбительнаго видѣла! я въ последнее время! (*смотритъ въ окно, задумавшись*). Меричъ! Вотъ прекрасно. Идетъ такой печальный, задумавшись. Желала бы я знать, о чемъ онъ думаетъ, ужъ вѣрно не обо мнѣ (*подходитъ къ зеркалу*). Ахъ, какая я глупая! Ну съ чего я такъ покраснѣла вся, и голосъ дрожить. Надобно не много успокоиться—онъ пожалуй замѣтитъ. А что жъ такое, мнѣ бы даже хотѣлось, чтобъ онъ замѣтилъ; чтобы онъ сталъ дѣлать? [Ахъ какія глупости! Что я вру? Дарья! Дарья! (*входитъ Дарья*). Поди, попроси Владиміра Васильевича въ садъ пройти.

ДАРЬЯ.

Хорошо, барышня (*уходитъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*поправляется передъ зеркаломъ*).

Тутъ поминутно разныя свахи являются, очень пріятно смотрѣть на нихъ. Я-то ужъ приглядѣлась, а ему, я думаю, очень дико покажется. Ахъ, какъ я рада ему, онъ такъ рѣдко у насъ бываетъ....

ДАРЬЯ (*входитъ*).

Пожалуйте, барышня, онъ въ саду (*Марья Андреевна уходитъ. Дарья, стирая пыль съ мебели*). Чтой-то у меня за барышня, право.... Дай ей Богъ жениха хорошаго! (*оставляется по срединѣ комнаты съ тряпкой въ рукѣ*).

Если это разсудить теперь, какъ это все на свѣтъ дѣлается. Богатъ ты, ну и всякій тебя уважаетъ, а бѣденъ такъ и рыло воротать. Ужъ это значить не человекъ нуженъ, а богатство. *(растопыриваетъ руки)*. Мудрено это все дѣлается! *(взглянувъ въ окно)*. О чтобъ вѣсь! Кого то принесю *(идетъ къ двери)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАРЬЯ И КАРПОВНА *(входитъ)*.

КАРПОВНА.

Даша, здравствуй!

ДАРЬЯ.

Здравствуй, Карповна. Чтой-то ты пропала?

КАРПОВНА.

Что, душа, все хлопоты; нѣтъ ли чего новинькаго у васъ?

ДАРЬЯ.

Какое новинькое! Откуда ему быть-то.

КАРПОВНА *(садясь)*.

Ужъ и какъ, дѣвушка, жарко.

ДАРЬЯ.

Ишь ты какъ разползлась, Богъ съ тобой.

КАРПОВНА.

А что, дѣвка, вѣдь и то никакъ я потолстѣла. Ты чтожъ не поправляешься.

ДАРЬЯ.

Ты говоришь: не поправляешься! Да съ чего мнѣ поправляться-то? Другое дѣло; кабы жила я покойно, а то.... ахъ.... *(подходитъ къ ней и говоритъ вполголоса)*. То есть ты, Карповна, не повѣришь, цѣлый-то она день деньской, какъ часы заведенія—и то не такъ и другое не по ней—и пошла ворчать и пошла.... Женщина я горячая, ничего на себя не могу перенести; ну и выговоришь; и пошелъ дымъ коромыслоу... брань да исторія. То есть, кажется, кабы только моя не привычка къ этому дому, какъ ужъ седьмой годъ живу, такъ я бы ни одного дня не осталась.

КАРПОВНА.

Ишь ты, дѣвка! а!... *(качаетъ головой)*.

ДАРЬЯ.

Женщина же я горячая: закипитъ это, закипитъ, и какъ вдругъ туманъ въ глазахъ, рада, кажется, горло перервать. Только у меня сердце отходчивое, сейчасъ какъ ничего и не бывало, а она все ворчитъ, все ворчитъ.... То есть, кажется, кабы моя не привычка! Какъ я седьмой годъ живу... Ужъ такъ думаю: ну (*махнувъ рукой*).

КАРПОВНА.

Въ людяхъ жить, душа, кому сладко.

ДАРЬЯ (*подходить къ ней ближе и говоритъ почти шопотомъ*):

Намедни говорить: такая ты и этакая! Что, говорить, долго въ лавочку ходила! Ты съ лавочниками якшаешься! Какъ, говорю, сударыня! Кто меня засталъ? Нѣтъ, говорю, не извольте.... я, говорю, дѣвушка, какъ есть.... ни въ чемъ.... Ахъ, кажется.... ужъ лучше не говорить.... (*помолчавши*). Барышню поведомъ съѣла, выходи, говорить замужъ.... «за кого я, говорить, маменька, пойду». Да вѣдь и вправду,—ну за кого она пойдетъ, за какого шута горохового? Ужъ хоть бы ты, Карповна, ей хорошаго жениха нашла.

КАРПОВНА.

Найтить-то я нашла, да не знаю, какъ понравится.

ДАРЬЯ.

Я такъ думаю: офицера бы ей найти. Смотри-ко, мимо насъ какіе хорошіе ѣздить. Никакъ кто-то идетъ (*идетъ къ двери, входитъ Панкратьевна*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ПАНКРАТЬЕВНА.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Что, милушка, дома барыня?

ДАРЬЯ.

Дома.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Скажи, что Степанида Панкратьевна пришла (*Дарья уходитъ. Взглянувъ на Карповку*). Ба, ба, ба.... Залетѣла ворона въ высокіе хоромы. Ты какъ сюда попала?

КАРПОВНА.

А вотъ (какъ попала, такъ и попала. Это что еще за спросъ такой проявляется!

ПАНКРАТЬЕВНА.

Ишь тебя вездѣ носить! Знала бы свое купечество.

КАРПОВНА.

А ты, не бось съ, дворянствомъ все знакома; то-то ты хвосты-то и отрепала, по переднимъ-то пляясь.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Невѣжа! Я съ тобой и говорить-то не хочу.

КАРПОВНА.

Ха, ха, ха, ха.... Ты чтоль больно въжлива! Ты вотъ съ дворянами водишься, а ходишь опципаная да обдерганая, страмъ смотреть-то; а я съ купечествомъ, да своимъ домогъ живу, не хуже кого другаго, и въ ламбаргъ есть. Напялила чепчикъ-то, такъ и на-поди, думаешь, что тебя и рукой не достанешь, да я коли захочу, такъ въ полъ-аршина взбодрю. (смѣется). Еще важнѣй тебя буду.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Что съ невѣжей и говорить. Обращенія ты никакого не знаешь,—какъ есть дура, невоспитанная.

КАРПОВНА.

Вотъ дура, да почище тебя, никто на ногу не наступить. (молчаніе)

ПАНКРАТЬЕВНА.

А вотъ, какъ узнаешь Мартынъ Мартьянычъ, за чѣмъ ты къ нимъ ходишь, такъ онъ тебѣ форсъ-то собьеть.

КАРПОВНА.

А зачѣмъ я хожу-то? Ну, скажи, зачѣмъ?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, известно, зачѣмъ.

КАРПОВНА.

Какъ тебѣ не знать! Врешь, врешь ты! Тринадцатый годъ вдовью, ни въ чѣмъ не замѣшана. Ты, видно, съ больной головы на здоровую.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА *(свахи встаютъ и кланяются)*.

АННА ПЕТРОВНА.

Здравствуйте! Ну что? Что? говорите скорѣй *(объ молчаніи)*. Что вы молчите?

КАРПОВНА.

Пусть она сначала говорить, у нее благородные.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну говори ты, Панкратьевна!

ПАНКРАТЬЕВНА,

Есть у меня два жениха Анна Петровна, такіе кавалеры, что чудо.

АННА ПЕТРОВНА.

Какіе-жъ они такіе?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Служащіе, матушка, благородные.

АННА ПЕТРОВНА.

Что жъ они съ состояніемъ?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Служать, матушка, жалованье получаютъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Да живутъ-то они каково?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Живутъ хорошо. Одинъ стихи пишетъ, другой все поетъ целый день. А ужъ какіе учтивые, да какіе влюбчивые. Какъ, говорить, увижу хорошенькую барышню, такъ бы и женился, ни на что не посмотрѣлъ.

АННА ПЕТРОВНА.

А чины у нихъ какіе?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Чины не большіе, изъ себя-то ужъ больно красавцы.

КАРПОВНА.

Голь все это, какъ я посмотрю.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну, а у тебя что, Карповна?

КАРПОВНА.

Есть-то у меня есть, такой тузъ—не ея женихамъ чета; да лишнее бревнышко у насъ въ горницы.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну хорошо. Поди, Панкратьевна! Навѣдайся какъ-нибудь на дняхъ.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Прощайте, Анна Петровна. *(уходитъ, свирѣло взглянувъ на Карповну).*

АННА ПЕТРОВНА.

Ахъ, Карповна, ужъ кабы ты намъ нашла жениха, я бы тебѣ такое спасибо сказала.... Сама ты знаешь, мое дѣло женское, ничего я не знаю, какъ это можно безъ мужины.

КАРПОВНА.

Такъ вотъ, матушка, не было ни гроша, да вдругъ алтынъ. Такой тузъ, что рукой не достанешь.

АННА ПЕТРОВНА.

Ктожь такой—говори, не мучай.

КАРПОВНА.

Сава Савичъ, Бѣлугинъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что ты, вѣдь миллионщикъ!

КАРПОВНА.

Миллионщикъ, миллионщикъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Какъ же это онъ вздумалъ?

КАРПОВНА.

Да что, матушка, дѣти одолѣли. Вѣдь у него дѣти-то поди-ко какіе. Самъ-отъ онъ въ большомъ домѣ не живетъ, знаешь, что съ балкономъ-то. Сыновья-то тамъ запрутся, да и пьютъ, и кранболъ у нихъ тамъ всякій идетъ. Да чтожь выдумали: выскочить это который нибудь на балконъ, глаза

вытаращить, руки подыметь, закричитъ страннымъ голосомъ, да назадъ; потомъ, погода неиного, другой, такъ и прокуратять. Что хорошаго!

АННА ПЕТРОВНА (*качая головою*).

А-я лй, а-я-лй!

КАРПОВНА.

Ну сама посуди, отецъ-то смотреть, смотреть....

АННА ПЕТРОВНА (*взглянувъ въ окно и увидавъ идущую Харьковку*).

Пу хорошо, Карповна, спасибо тебѣ. Сама ты знаешь, мое дѣло женское... зайди, какъ нибудь на дняхъ, потолкуемъ... теперь нѣкогда вонъ Харькова идетъ.

КАРПОВНА.

Зайду, зайду (*кланяется и уходитъ Харьковка*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

АННА ПЕТРОВНА И ХОРЬКОВА.

АННА ПЕТРОВНА.

Арина Егоровна! милости просимъ! Присядьте!

ХОРЬКОВА.

Я вѣдь, Анна Петровна, на минуточку, совершенно на минуточку. Вообразите, была въ городѣ, дай, думаю, зайду къ Аннѣ Петровнѣ; онѣ хоть и спѣсивы, никогда насъ не навѣстятъ, ну да ужъ, думаю: зайду.

АННА ПЕТРОВНА.

Извините, матушка, все дѣла, ей Богу нѣкогда, сами посудите, дѣло мое женское: вездѣ сама должна. Вотъ у насъ теперь тяжба объ домѣ, такъ вѣдь ночи не сплю. Ну какъ отннимуть, куда я дѣнусь: а у меня дочь невѣста. Какъ безъ мужчины въ домъ—никакъ нельзя.

ХОРЬКОВА.

Вотъ я, Анна Петровна, благодарю Бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мишъ, говорить, маменька, нужды нѣтъ, что вы женщина простая и необразованная, а я, говорить, образованный человекъ—я васъ

люблю и обожаю. Вы представьте, вѣдь онъ у меня теперь на линіи дворянина. Старостиха наша говоритъ мнѣ нагѣднѣ: «У васъ такой сынъ, Арина Егоровна, такой сынъ, что мы, говорить, всѣ завидуемъ; скромный, почтительный и ни какихъ, говорить, палостей за нимъ не слышать. Что, говорить, вы его, Арина Егоровна, не жените». А я думаю себѣ: понимаю, куда ты ийтишь. У нее, представьте, три дочери и она по многу денегъ дастъ за ними, только дѣвушки, я вамъ скажу, безъ всякаго образованія, хоть я и сама женщина не-образованная; но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю: Миша! не хочешь ли, другъ мой, жениться; мнѣ, говорю, отъ богатыхъ невѣстъ отбою нѣтъ, всѣ, говорю, другъ мой, въ тебя за твою кротость и образованіе влюбляются. Я, говорю, съ тебя, другъ мой, воли не снимаю—ты самъ умнѣ меня и образованнѣе; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мнѣ свои мысли, я тебѣ найду невѣсту. «Хоть я, говорить, маменька, и образованный человекъ; но я завсегда предпочитаю съ вами объ этомъ дѣлѣ разговаривать». Всякая, говорю, дѣвушка за тебя пойдетъ съ радостію, есть, говорю, у меня для тебя невѣста и съ богатствомъ и съ красотой. Миша меня, представте себѣ, обнялъ, и говоритъ мнѣ: «Милая маминька, не въ богатствѣ счастье, все, говорить, это тѣнь. Сходите, говорить, къ Аннѣ Петровнѣ, я ихъ уважаю, какое они обо мнѣ мнѣніе имѣютъ; душевное, говорить, мое есть желаніе поправиться Марьѣ Андревнѣ.

АННА ПЕТРОВНА.

Покорно васъ благодарю, Арина Егоровна! мнѣ самой вашъ сынъ очень нравится. Я все къ вамъ думала побывать; да памяти нѣтъ: совсѣмъ и забуду, какъ забуду. Вы знаете мое душевное желаніе видѣть Машеньку замужемъ поскорѣе; всѣ средства употребляю, что бы ей хорошаго человека найти. Я, признаться вамъ сказать, съ молоду была женщина избалованная; при мужѣ, при покойникѣ, какъ за каменной стѣной жила, ни во что не входила; а теперь, сами видите, маюсь, маюсь — разломить всю. Какъ это безъ мужчины въ домѣ, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабычивая. Кабы мнѣ ее съ рукъ сбить, я бы была гораздо покойнѣе.

ХОРЬКОВА.

Чего-жъ думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете съ хорошей стороны; въ обществѣ онъ, по своему званію, превозвышенъ Я, конечно, женщина простаго званія; но совсѣмъ не тѣхъ понятій; я довольно далека отъ этого круга, и довольно облагоустроена въ своихъ чувствахъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Я принуждать Машеньку не могу— это ея воля. Вы скажите Михайлу Ивановичу, чтобы онъ постарался понравиться Машенькѣ, я буду очень рада.

ХОРЬКОВА.

Онъ у меня такой застенчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человекъ образованный, а такой застенчивый; чего тебѣ, другъ мой, съ твоимъ умомъ и образованіемъ бояться: всякая дѣвушка съ радостію тебя полюбитъ. Такъ ужъ вы мнѣ позвольте его обнадежить, Анна Петровна.

АННА ПЕТРОВНА.

Скажите ему, что я съ своей стороны согласна, и переговорю объ этомъ съ Машенькой.

ХОРЬКОВА.

Покорно васъ благодаримъ, мы будемъ надѣяться (*молчаніе*). Какой миленькій чепчикъ на васъ; почему вы брали ленточки?

АННА ПЕТРОВНА.

Ужъ и не спрашивайте—память вѣдь у меня пюха, кажется по восьми, не то по семи гривенъ.

ХОРЬКОВА.

Миленькій, очень миленькій... Вы мнѣ одолжите выкроечку вашей визитки, хочется черный муаре сдѣлать; вотъ, представьте себѣ, такъ и сплю и вижу — непременно черный муаре.

АННА ПЕТРОВНА.

Куда это я ее засунула! спросить у Дарьи надобно. Вотъ кабы Машенька замужъ вышла, ужъ я къ свадьбѣ-то бы себѣ какую-нибудь на Кузнецкомъ Мосту заказала поварядный.

ХОРАКОВА.

Не советую, Анна Петровна, не советую. У меня есть знакомая портниха; она вамъ сдѣлаетъ просто и благородно. Я женщина простаго званія, а люблю одѣваться со вкусомъ, и что бы все было благородно. Мнѣ Миша всегда говорить: «Вамъ, говорить, маменька удивляться надобно, какой вы имѣете вкусъ и разсудокъ. Я, говорить, васъ люблю и уважаю; мнѣ, говорить, нужды нѣтъ, что вы не получили никакого образованія» Прощайте, Анна Петровна: поищите мнѣ выкроечку.

АННА ПЕТРОВНА (*встаетъ*).

Пойдемте, она, должно быть, у меня въ комнату; поищите выѣсть. (*Идутъ къ двери. Милашинъ входитъ*).

ЯВЛЕНИЕ X.**ТАЖЕ И МИЛАШИНЪ.****МИЛАШИНЪ.**

Здравствуйте, Анна Петровна!

АННА ПЕТРОВНА.

Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! Машенька, должно быть, въ саду гуляетъ. (*Милашинъ подходитъ къ окну*).

ХОРЬКОВА (*осматриваетъ Милашина*).

Кто это, Анна Петровна?

АННА ПЕТРОВНА.

Милашинъ, Иванъ Ивановичъ.

ХОРЬКОВА.

Ну, это вашей дочкѣ не женихъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Какой женихъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.**МИЛАШИНЪ** (*одинъ у окна*).

Что это! Меричъ опять адъсь! Ну такъ и есть. Я этого и ожидалъ. Чортъ возьми, это досадно. Нѣтъ, я этого не позволю. (*ходитъ по комнатѣ*) Сколько времени я всѣ силы употребляю,

чтобъ ей понравиться, боюсь, боюсь—и все ничего; а тутъ какой нибудь выскочка... я рѣшительно не могу видѣть, какъ она съ нимъ любезничаетъ. Какъ бы мнѣ его выжить отсюда! Жениться на ней? Такъ она за меня не пойдеть, потому-что мнѣ жить нечѣмъ, да и, кажется, она нелюбитъ меня. Да изъ чегожъ я боюсь? Просто уйти, бросить и не обращать вниманія. Но однакоже надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: «у васъ теперь, Марья Андреевна, есть новыя знакомые, съ которыми вамъ веселѣй, чѣмъ съ старыми; прощайте; но вы теряете друга, который былъ вамъ преданъ». Она, конечно, будетъ меня уговаривать, а я ей: «Нѣтъ, скажу, коли у васъ есть лучше, такъ ужъ чтоже мнѣ здѣсь дѣлать, можетъ быть я вамъ ужъ надоелъ: прощайте, скажу... навсегда».—Но зачѣмъ же навсегда, Иванъ Ивановичъ!—«Нѣтъ, скажу, если прощаться, такъ навсегда, у меня такой характеръ». Взять шляпу и уйти.... Ну чтожъ потомъ? А, чортъ возми! Она еще, пожалуй, будетъ рада, что я ушелъ, а Мерицъ и подавно. — Такъ нѣтъ же, останусь на зло имъ, буду ходить каждый день. Буду въ глаза смѣяться надъ Меричемъ, ужъ какъ-нибудь да я его выживу отсюда, я на всякое средство рѣшусь. (*Ходитъ по комнатѣ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

МИЛАШИНЪ, МЕРИЦЪ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*входятъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! Что ушли свахи?

МИЛАШИНЪ.

Кажется ушли; мнѣ навстрѣчу двѣ попались.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ это скучно (*стоитъ задумавшись*). Заходите къ намъ, Владимиръ Васильичъ, почаще. Общайтесь.

МЕРИЦЪ.

Скучно ли я ослушаться, когда вы приказываете. Только я вамъ повторяю, Марья Андреевна я васъ боюсь. Вы, въ самомъ дѣлѣ, способны возбудить въ чужомъ серьезную страсть.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Полноте шутить-то.

(Милашине дѣлаетъ гримасы довольно замѣтно).

МАРЬЯ АНДРЕВНА (Милашину).

Что съ вами, вы нынче какъ будто не в духѣ.

МИЛАШИНЪ.

Такъ-съ, у меня что-то голова болитъ.

МЕРИЧЪ.

Голова бо́леть! это не хорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андревна; засвидѣтельствуйте мое почтеніе изменкѣ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Когда же вы къ намъ?

МЕРИЧЪ.

Завтра, если можно.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Очень можно: такъ завтра. Я буду ждать.

МЕРИЧЪ.

Непрѣменно (*уходитъ, Марья Андревна подходитъ къ двери*).

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Смотрите же, не обманите.

МЕРИЧЪ (*за сценой*).

Честное слово.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МАРЬЯ АНДРЕВНА И МИЛАШИНЪ.

МИЛАШИНЪ.

Что это онъ съ вами говоритъ въ саду, Марья Андревна?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

А вамъ какое дѣло? Вы очень любопытны.

МИЛАШИНЪ.

Извините, Марья Андревна, я думалъ, что у васъ съ Меричемъ нѣтъ особенныхъ секретовъ. Я не зналъ... Можетъ быть, это что нибудь такое, чего и сказать не лзя.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Можетъ быть.

МИЛАШИНЪ (*послѣ непродолжительнаго молчанія*).

Скажите, Марья Андревна, за что вы меня не любите?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Пожалуйте, что вы! за что мнѣ васъ не любить?

МЕЛАШИНЪ.

Конечно, я не такъ хороша, какъ Меричъ; не бываю въ выпшемъ обществѣ; не говорю по французски. Нынче эти качества очень цѣнятся. Будь глупъ, какъ пробка, только умѣй любезничать, болтать.... Вотъ что нынче нравится. — Это смерть досадно.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Вы очень любезны.

МЕЛАШИНЪ.

Вы меня извините, Марья Андревна, а я говорю правду; я не виноватъ, если это вамъ не нравится.... Чѣмъ я хуже какого нибудь Мерича. Еслибъ я захотѣлъ, я бы могъ во сто разъ быть лучше его.... Да и съ чего онъ взялъ смѣяться надо мной! Какъ онъ смѣетъ! Нѣтъ, я это такъ не оставлю.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Чего же вамъ хочется, я все не понимаю.

МЕЛАШИНЪ.

Да это очень трудно понять! Человека унижаютъ, не считаютъ ни за что.... Для нихъ главное дѣло наружность! Вотъ что обидно, Марья Андревна! Вы не думайте, чтобъ я завидовалъ такимъ людямъ, какъ Меричъ. Я слишкомъ гордъ, чтобъ имъ завидовать. Много будетъ чести для нихъ. Хороши люди, которые восхищаются такими господами.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Я съ вами согласна. Значить и говорить не объ чемъ.

МЕЛАШИНЪ.

Конечно, Марья Андревна, но вы.... не принимайте Мерича, ради Бога, я васъ умоляю.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Что онъ вамъ мѣшаетъ?

МЕЛАШИНЪ.

Да помилуйте, самый пустой человекъ! (Молчаніе).

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Послушайте, Иванъ Ивановичъ, вы влюблены въ меня.
(*Милашину въ смущеніи*). Бѣдный, мнѣ васъ жаль! извините
вы меня....

МИЛАШИНЪ.

Пожалуйста не жалуйте! чтожь дѣлать, насильно милъ не
будешь. Но я имѣю довольно твердости, чтобы перенести это,
и довольно гордости, чтобы не унижаться и не вымаливать
вашу любовь.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

И слава Богу.

МИЛАШИНЪ.

Осчастливьте того, кто достоинъ меня? Есть много очень
хорошихъ молодыхъ людей, которые умѣютъ одѣваться къ
лицу, говорить комплименты (*принужденно смѣется*).

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Это скучно, наконецъ!

МИЛАШИНЪ.

Вамъ скучно? да! А каково мнѣ!

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Да мнѣ-то чтожь за дѣло; все таки вы должны быть
учтивы, по крайней мѣрѣ (*отворачивается; молчаніе*).

МИЛАШИНЪ.

Марья Андревна! Вы на меня сердитесь?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Да какъ же на васъ не сердиться, когда вы глупости
говорите.

МИЛАШИНЪ.

Ну простите меня, ради Бога, простите — дайте ручку.
(*Беретъ ея руку и цѣлуетъ; молчаніе*). Марья Андревна, у
насъ одинъ чиновникъ получилъ наследство—тысячь двѣсти.
Вотъ дураку счастье.... ужасно досадно.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Отъ чего же вамъ досадно?

МИЛАШИНЪ.

Да какъ же не досадно, теперь будетъ носъ подымать,

насъ и знать не захочеть. А какъ, я думаю, подличалъ, унижался передъ дядей-то, чтобы тотъ ему что нибудь оставилъ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

А можетъ быть и не подличалъ.

МЕЛАШИНЪ.

Какъ чай не подличать. Я говорилъ ему давеча: «я думаю, вамъ теперь низко будетъ служить съ нами.»

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

За чѣмъ же вы говорили это?

МЕЛАШИНЪ.

Да какъ же, вѣдь досадно до смерти. Еще дуракъ пригласежь обдѣвать; пускай другіе идуть, а я ужъ слуга покорный. Очень пріятно смотрѣть, какъ онъ будетъ важничать, что у него денегъ много.

ДАРЬЯ (аходитъ съ самоваромъ).

Матушка, барышня, Платонъ Маркычъ пришолъ.

МЕЛАШИНЪ.

Очень кстати.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Отъ чего жъ не кстати?

МЕЛАШИНЪ.

Да такъ, я его не люблю что-то.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Вы кажется никого не любите.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТАЖЕ И АННА ПЕТРОВНА СЪ ДОБРОТВОРСКИМЪ (входять).

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Такъ вотъ, сударыня, дѣло-то какого роду.

АННА ПЕТРОВНА.

Понимаю, понимаю, Платонъ Маркычъ. *(Сидится къ столу и наливаетъ чай).*

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Здравствуйте матушка барышня, что это вы не веселы?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да чему-же мнѣ радоваться-то, Платонъ Маркычъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Да, и то правда. Неурожай нынче, барышня, на жениховъ-то неурожай.

АННА ПЕТРОВНА.

Чаю не угодно-ли?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Выпью-съ. Не съ чего невѣстамъ весельемъ-то быть. Ну, да ужъ для васъ, матушка барышня, постараюсь отыскать хорошаго—будете благодарить. Я еще напеньку вашего зналъ покойнаго, благодѣтель для меня быть. Такъ ужъ не извольте беспокоиться, постараюсь. Пожалуйте ручку.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, зачѣмъ, Платонъ Маркычъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ничего-съ, пожалуйте. *(цѣлуетъ ручку).*

АННА ПЕТРОВНА.

Подвигайтесь, Платонъ Маркычъ, сюда поближе *(Анна Петровна и Добротворскій садятся съ одной стороны стола, а Марья Андреевна и Милашинъ съ другой).*

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Слушаю, сударыня! Народъ-то нынче, я говорю, сударыня, поизвѣтреничался, жениховъ-то трудно искать. Въ наше-то время, когда мы-то были молоды, бывало чуть мальчикъ поощерится, поступить на службу, глядишь и женится. Тогда, сударыня Анна Петровна, холостыхъ-то, что-то мало было и видно, а у насъ въ судѣ, такъ, повѣрите ли, ни одного холостаго чиновника не было. А нынче какъ живутъ молодые люди, таѣ только дивиться надо. А ужъ это не порядокъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Какой ужъ это порядокъ! Что хорошаго! Охъ, да никакъ я вамъ сахару-то положить забыла. Что, Маша, положила я сахару Платону Маркычу?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА

Положили маменька.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Что вы, сударыня, изволите говорить?

АННА ПЕТРОВНА.

Говорю, что хорошаго: не хорошо.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Нѣтъ, какъ можно, что хорошаго! Въ наше-то время совсемъ не такъ было. Вотъ оно и невѣстамъ-то веселый было. Долго-то не засиживались; развѣ ужъ которая съ какимъ-нибудь недостаткомъ тѣлеснымъ, горбатая тамъ какая. Да и теми не брезгали. Вотъ у моей у невѣстки, сударыня, шесть пальцевъ было на правой рукѣ, мать-то все ахала, что, говорить, не возьмутъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Скажите!

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Хорошій человекъ взялъ—и ничего. Такъ я и говорю, сударыня, что невѣстамъ-то веселый было, задумываться-то было не о чемъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да я совсемъ объ этомъ и не думаю.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Какъ чай не думать, барышня! не скажите только, а то какъ не думать! Конечно, дѣло дѣвичье: этаго не говорить, какъ будто отъ совѣсти; а то, какъ не думать, всѣ думаютъ. Такъ я, сударыня, говорю?

АННА ПЕТРОВНА.

Такъ, Платонъ Маркычъ, такъ; ужъ что толковать? Не хотите ли еще чашечку?

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Пожалуйте. Вотъ, матушка барышня, и ваша маменька тоже говоритъ *(говоритъ потихоньку съ Анной Петровной)*.

ЖИЛАШИНЪ.

Дуракъ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

За что вы его браните?

МИЛАШИНЪ.

Онъ васъ совсемъ не понимаетъ! Онъ думаетъ, что вы также о женихахъ хлопочете, какъ невестка его, у которой было шесть пальцевъ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

А пусть его думаетъ, что хочетъ; онъ очень добрый человекъ.

МИЛАШИНЪ.

Однако, что они тамъ шепчутъ?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Что нибудь о своихъ дѣлахъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ (*въ сторону*).

Прекрасный, сударыня, человекъ, и молодой еще, очень молодой. Онъ секретарь.

АННА ПЕТРОВНА.

Что?

ДОБРОТВОРСКІЙ (*громче*).

Секретарь, говорю. Чинъ не большой — да мѣсто хорошее. Всего у него въ домъ много, лошади свои.

АННА ПЕТРОВНА.

Что, не слышу?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Лошади свои.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Что такое онъ говорить?

МИЛАШИНЪ.

Это что-то интересно.

АННА ПЕТРОВНА.

Послушай-ко, Машенька, Платонъ Маркычъ-то какое намъ одолженіе дѣлаетъ: напелъ человека, который хочетъ взяться за наше дѣло. — Говорить, что очень хороший молодой человекъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Прекрасный, барышня, человекъ; а ужъ дѣлецъ какой! бѣда!

АННА ПЕТРОВНА.

Никакъ я про васъ-то и забыла, Иванъ Ивановичъ (*наливаетъ ему чай*). А не пить онъ, Платонъ Маркычъ?

ДОВРОТВОРСКИЙ.

Какъ, чай не пить, да должно быть не много: кабы много пилъ, такъ бы слышно было.

АННА ПЕТРОВНА.

Вотъ, Машенька, хорошо, кабы ты ему понравилась.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да вы, маменька, опять за свой разговоръ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ахъ, Боже мой! чтожъ такое за важность! Ты вѣдь его еще не видала,—посмотришь, можетъ быть, и самой понравится.

ДОВРОТВОРСКИЙ.

Мы, сударыня, съ нимъ къ вамъ завтра прѣдемъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ахъ, Платонъ Маркычъ, какъ я вамъ благодарна. Ужъ я право не знаю, какъ вамъ это и выразить. — Сами видите, наше дѣло женское, что мы знаемъ. Такъ только маешься. Какъ это безъ мущины!

ДОВРОТВОРСКИЙ.

И, сударыня, что это вы говорите! Я вашему супругу покойному много обязанъ былъ.... По гробъ не забуду.—Благодѣтель мнѣ былъ, дай ему Господи царство небесное, мѣсто покойное. Чѣмъ же мнѣ ему заплатить-то? Ну старъ сталъ, не на все ума хватаетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*встаетъ*).

Вы слышали, Иванъ Ивановичъ?

МИЛАШИНЪ (*встаетъ*).

Слышалъ. Это ужасно!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вотъ это у насъ вѣчно такой разговоръ.

МИЛАШИНЪ.

Я не знаю. Я не могу придти въ себя. Одна мысль, что вы когда-нибудь будете принадлежать другому, убиваетъ меня. Я, кажется, этого не перенесу.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы все о себѣ. Вы обо мнѣ-то подумайте хоть немножко.

МЕЛАШИНЪ.

Что-же объ васъ-то! Вы посмотрите, можетъ быть, онъ вамъ понравится. Вы будете счастливы. —Чтожь! я готовъ пожертвовать даже жизнью, чтобы вы были счастливы.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

На что мнѣ вѣща жизни! Мнѣ только тошно, что ко мнѣ пристають съ женихами.

МЕЛАШИНЪ.

Конечно, Марья Андревна, для меня бы легче было видѣть васъ въ несчастномъ супружествѣ, чѣмъ видѣть васъ счастливой съ другимъ; но я не эгоистъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Ахъ, Боже мой, да за чѣмъ мнѣ все это знать! Вы опять за свое.

МЕЛАШИНЪ.

Прощайте, Марья Андревна; быть можетъ, мы больше не увидимся.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Это что такое! Полноте, перестаньте. Пойдемте въ садъ. *(Уходитъ)*.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Такъ мы завтра прѣдемъ, сударыня. Объ дѣлѣ потолкуемъ, да онъ Марью Андревну посмотритъ. Можетъ, она ему и понравится. Вотъ два дѣла разомъ и сдѣлаемъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Хорошо-бы, Платонъ Маркычъ, очень хорошо. Тяжба-то эта у меня изъ головы нейдетъ, —ночи вѣдь не сплю. Ну какъ домъ-то отнять, куда я двнусь. Да и Машеньку-то ужъ пора выдавать, право пора.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Чего, матушка, ждать! Самое время. Покорно благодарствуйте, сударыня! *(перевортыкаетъ чашку)*. Прощенья прошить.

АННА ПЕТРОВНА.

Прощайте, Платонъ Маркычъ, такъ мы ждать будемъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо-съ. *(Уходитъ)*.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДВЪЮТВИ П.

Сцена представляет небольшой, тихий садъ; направо отъ зрителя скамейка, сзади которой большой кустъ. Хорьковъ сидитъ на скамейкѣ, поѣлся головою.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЬКОВЪ.

Ушелъ, струсилъ: какой я жалкій человекъ. — Однако что я дѣлаю наконецъ! за что же я гублю себя! Вотъ ужъ три года, какъ я кончилъ курсъ; и въ эти три года я не сдѣлалъ ровно ничего для себя. Меня обдастъ холодомъ, когда я вспомню, какъ я прожилъ эти три года. Лѣнь, праздность, грязная, холостая жизнь! И никакихъ стремленій выйти изъ этой жизни! Ни капли самолюбія! Я ужъ начинаю успокаиваться въ бездѣйствіи. *(Встаетъ)*. Нѣтъ, надобно кончить! Надобно сказать ей, что я ее люблю! Неужели она не жалится надо мной? Я слабый, жалкій человекъ; она увидитъ, что для меня въ ней одной только спасеніе. Для нее я бы сталъ работать, трудиться; она одна только способна привязать меня къ жизни. *(Садится)*. Боже мой, какъ я люблю эту дѣвушку! Какъ я люблю ее!

ЯВЛЕНІЕ II.

ХОРЬКОВЪ И ХОРЬКОВА *(входитъ)*.

ХОРЬКОВА *(садясь на скамейку)*.

Какъ это тебѣ, Миша, не стыдно! зачѣмъ ты ушелъ? Только что я стала выражать Марьѣ Андреевнѣ, какъ ты ихъ любишь, и какъ ты объ нихъ относишься, ты сейчасъ и бѣжать.... Я необразованная женщина, да никогда не конфужусь; а ты всего конфузишься.

ХОРЬКОВЪ.

Ахъ, маменька, не говорите, сдѣлайте милость, обо мнѣ съ Марьей Андреевной, я самъ поговорю. Вы и такъ про меня всегда Богъ знаетъ что рассказываете.

КОРЬКОВА.

Да, дожденешься тебя. Странно это, Миша, ты человек образованный....

КОРЬКОВЪ.

Да, маменька, я образованъ, у меня сердце доброе; кроме этого, я знаю, что со мной она будетъ счастлива, что только я одинъ могу оценить ее, что она погибнетъ въ этомъ кругу жертвой разсчета или невѣжества.... но я боюсь, что она мнѣ откажетъ.

КОРЬКОВА.

Ахъ, Боже мой, свѣтъ-то не клиномъ сошелся—найдемъ другую.

КОРЬКОВЪ.

Гдѣ я найду другую? хорошо, что случай свелъ меня съ Марьей Андревной, я ее узналъ, полюбилъ.... Да повѣрьте же вы мнѣ, что я такъ люблю Марью Андревну, что никого не могу видѣть кромѣ ея.... Я и не думалъ, что такъ могу полюбить.—Я измучился въ последнее время.... Вы видите, я плачу.... Я не могу жить безъ нея.

КОРЬКОВА.

А коли любишь, такъ откройся—это всегда такъ дѣлають.

КОРЬКОВЪ.

Я поговорю съ ней, непременно поговорю: надобно же чѣмъ нибудь кончить.... А что, если она мнѣ откажетъ! Теперь, по крайней мѣрѣ, есть надежда, есть мечты, а тогда что! я не перенесу.

КОРЬКОВА.

Странно это, Миша: ты человекъ образованный, а что ты дѣлаешь, какъ погляжу я на тебя. Никакого ты знакомства не имѣешь, дѣломъ не занимаешься, валяешься дома въ халатъ съ трубкой.—Вотъ теперь влюбился, а сказать боишься. Ты посмотри, какъ другіе-то образованные люди живутъ: барышни за ними сами ухаживаютъ.... Вотъ, кажется, Марья Андревна сюда идетъ.

КОРЬКОВЪ.

Маменька, ради Бога, не говорите ни слова.

КОРЯКОВА.

Сдѣлай милость, не учи! я хоть женщина и необразованная, а умью себя вести.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАКЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

КОРЯКОВА (*встаетъ*).

Погулять вышли?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Да, немножко освѣжиться. (*къ Хорькову*) Вы что здѣсь дѣлаете?

КОРЯКОВЪ.

Такъ-съ, мечтаю....

КОРЯКОВА.

Онъ у меня все тоскуетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Объ чемъ?

КОРЯКОВА.

Влюбленъ должно быть: я такъ замѣчаю по его словамъ.

КОРЯКОВЪ.

Маменька!

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Вы влюблены? Я считала васъ холоднымъ человекомъ.

КОРЯКОВЪ.

Я холодный человекъ?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Такъ неужели вы можете полюбить когонибудь? Полноте (*смыется*).

КОРЯКОВА.

Посмотрите, какъ страдаетъ: право, мнѣ на него даже тяжело смотреть.

КОРЯКОВЪ.

Маменька! ахъ Боже мой!

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Право, мнѣ не вѣрится. Въ кого же влюбленъ Михайло Иванычъ?

ХОРЬКОВА.

Ужъ это извольте спросить сами. Миша! *(дѣлаетъ ему знакъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХОРЬКОВЪ И МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА *(садясь подъ мѣ Хорькова).*

Что вы такіе скучные? Вы въ самомъ дѣлѣ влюблены?

ХОРЬКОВЪ.

Да, я не знаю, что со мной дѣлается.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

А я такъ плачу нынче цѣлое утро.

ХОРЬКОВЪ.

Объ чемъ-же вы плачете?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Маменька все съ женихами пристаеъ. Какой-то купецъ старикъ, да нынче еще чиновникъ прїѣдетъ. Какъ вамъ это покажется?

ХОРЬКОВЪ.

Это ужасно!

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Да и къ тому-же, Михайло Ивановичъ,—я съ вами буду говорить откровенно, потому что мы очень дружны съ вами. Не правда-ли? *(Протягиваетъ ему руку).*

ХОРЬКОВЪ *(беретъ ея руку).*

Говорите, говорите.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Я сама влюблена немножко.

ХОРЬКОВЪ *(остаеъ быстро).*

Вы?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Что вы такъ испугались? Не бойтесь, не въ васъ.

ХОРЬКОВЪ *(садится).*

Нѣтъ-съ. Я такъ, извините.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Какъ вы испугались! А вы думали, что въ васъ? Не бойтесь, не бойтесь; я не потревожу вашей солидности. *(Молчаніе)*. Вотъ какое мое положеніе, Михайло Ивановичъ. Что вы мнѣ посоветуете?

КОРЯКОВЪ.

Я-съ? Я рѣшительно ничего.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Я теперь не могу ни за кого идти....недѣлю прежде я бы пошла, еслибы нашолся хорошій человекъ.

КОРЯКОВЪ.

Не ужели ни за кого?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Рѣшительно ни за кого.

КОРЯКОВЪ.

А если-бъ я за васъ посватался? *(принужденно смѣется)*. Я шутя васъ спрашиваю.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

И за васъ бы не пошла. Я съ вами дружна, а любить васъ не могу.

КОРЯКОВЪ *(съ возрастающимъ волненіемъ)*.

А какъ бы я любилъ васъ! Какъ бы я старался утѣшать васъ! Съ какой бы готовностью исполнялъ малѣйшее ваше желаніе! Съ какой бы благодарностью я принималъ каждую вашу ласку.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА *(взглянувъ на него)*.

Вы шутите?.... Впрочемъ если-бъ вы посватались, мнѣ все таки было бы не такъ тяжело, я вамъ могу откровенно сказать, что васъ не люблю, и вы не обидитесь; а другіе еще обижаются.

КОРЯКОВЪ.

Да, да конечно. *(Молчаніе)*.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Что, каковъ человекъ—Меричъ?

КОРЯКОВЪ.

Меричъ?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Да, Владимиръ Васильичъ.

КОРЬКОВЪ.

Не знаю, Марья Андревна, что вамъ сказать; право не знаю.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

То есть вы не хотите. Однако прощайте: мнѣ пора къ маменькѣ (*уходитъ*).

КОРЬКОВЪ.

И я, дуракъ, мечталъ о счастіи. Боже мой, Боже мой!....
(*Сидитъ, закрывши лицо руками*).

ЯВЛЕНІЕ V.

КОРЬКОВЪ, МЕЛАШИНЪ И МЕРГЦЪ (*входятъ*).

МЕРГЦЪ.

Что нынче здѣсь за праздникъ? Дарья такая нарядная, такъ разрядилась, что смотреть не хочетъ. Бѣгаетъ взадъ и впередъ съ крахмальными юбками?

МЕЛАШИНЪ.

Гостей ждутъ.

МЕРГЦЪ.

Какихъ же это гостей?

МЕЛАШИНЪ.

Пріѣдетъ какой-то чиновникъ по дѣлу Анны Петровны. Да его же, кажется, прочать въ женихи Марья Андревна. Это ужасно досадно. Пріѣдетъ—станетъ важничать, ломаться.

МЕРГЦЪ.

Что же вы не женитесь на Марья Андревна?

МЕЛАШИНЪ.

Я-съ? По самой простой причинѣ,—намъ будетъ жить нечѣмъ: у меня нѣтъ состоянія, у нея также.

МЕРГЦЪ.

А любовь? съ милымъ рай и въ шалашъ. Мнѣ кажется что она васъ любитъ.

МИЛАШИНЪ.

Можетъ-быть, да-съ, можетъ-быть. Развѣ вы что-нибудь замѣтили?

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, я нарочно Иванъ Ивановичъ—она васъ не любитъ.

МИЛАШИНЪ.

Почему же вы такъ думаете?

МЕРИЧЪ.

Я не думаю, а навѣрное знаю. Она мнѣ сама сказывала.

МИЛАШИНЪ.

Это странно, что Марья Андревна такъ говоритъ. Это обидно даже. Мнѣ, конечно, все равно—любить ли она меня или нѣтъ, я на это никакого вниманія не обращаю. Я самъ къ ней совершенно равнодушенъ. Да зачѣмъ говорить. Этимъ она хочетъ показать, что я за ней ухаживаю. Нѣтъ ужъ я предоставляю это другимъ.

МЕРИЧЪ.

И прекрасно! И я бы на вашемъ мѣстѣ тоже сдѣлалъ. Однако, это жалко, если она выдетъ замужъ: она такая хорошенькая. Мнѣ всегда жаль, когда хорошенькія дѣвушки замужъ выходятъ. Вамъ не жаль?

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, не жаль.

МЕРИЧЪ.

Софя Барашкова тоже не давно вышла замужъ. Вы ее не знали?

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, не зналъ.

МЕРИЧЪ.

Мы были очень привязаны другъ къ другу. Вамъ я могу признаться, Иванъ Ивановичъ, вы, конечно, ни кому не скажете: она меня очень любила. Вотъ посмотрите, какое она мнѣ письмо написала передъ свадьбой (*вынимаетъ*). Хотите прочесть?

МИЛАШИНЪ.

За чѣмъ-же я буду читать чужія письма?

МЕРИЧЪ.

Какъ хотите! *(присѣсть опять)*. Я надѣюсь, что вы ни кому не скажете. Марья Андревна вѣроятно въ комнатахъ — я пойду къ ней. *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

МИЛАШИНЪ И ХОРЬКОВЪ.

ХОРЬКОВЪ.

Иванъ Ивановичъ!

МИЛАШИНЪ.

А, вы здѣсь! Я васъ и незамѣтилъ.

ХОРЬКОВЪ.

Что этотъ Мерицъ часто здѣсь бываетъ?

МИЛАШИНЪ.

Прежде рѣдко бывалъ; а теперь опять сталъ каждый день ходить.

ХОРЬКОВЪ.

Это дурно.

МИЛАШИНЪ.

Да вы представьте мос-то положеніе, каждый день ходить, чортъ знаетъ за чѣмъ.

ХОРЬКОВЪ.

Да вамъ-то чтожь?

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, какъ хотите, *Михаило* Ивановичъ, это мнѣ ужасно непріятно.

ХОРЬКОВЪ.

Тутъ не объ васъ толкъ. Онъ можетъ имѣть очень дурное вліяніе на Марью Андревну. Я его давно знаю. Онъ еще мальчишкой былъ, самъ къ себѣ письма писывалъ, да хвастался товарищамъ въ пансіонѣ, что отъ барышень получаетъ. Если вы имѣете вліяніе на Марью Андревну, такъ вы ее предостерегите; мнѣ будетъ очень жаль, если она повѣритъ этому пустому человеку.

МИЛАШИНЪ.

Хорошо, Михайло Ивановичъ. Покорно васъ благодарю, что вы мнѣ открыли глаза на счетъ этого челоуѣка; я ей непременно скажу.

КОРЬКОВЪ.

Да поверить ли она вамъ?

МИЛАШИНЪ.

Поверить, непременно поверить; она меня очень любитъ.

КОРЬКОВЪ.

Едва ли, Иванъ Ивановичъ! Мнѣ кажется, что она васъ совсѣмъ не любитъ.

МИЛАШИНЪ.

Отъ чего вы такъ думаете,—развѣ я хуже другихъ. Нѣтъ ужъ извините, вы меня не знаете, меня тоже женщины очень любятъ.

КОРЬКОВЪ.

Ну положимъ, что такъ. Только надо сдѣлать по умнѣ, чтобы Марья Андревна не подумала, что мы изъ ревности хлопочемъ. Надобно ей показать Мерича съ смѣшной стороны, тогда онъ ей будетъ не опасенъ. Эхъ, не хочется мнѣ съ нимъ связываться—то только, а то бы я его съ разу выгнать отсюда.

МИЛАШИНЪ.

Хотите, я это сдѣлаю; я буду въ глаза смѣяться надъ нимъ.

КОРЬКОВЪ.

Изъ этого ничего не выйдетъ; Марья Андревна на васъ разсердится и только. А впрочемъ, что намъ за дѣло, пусть ихъ какъ хотятъ! (молчаніе). Чудакъ этотъ Меричъ! Мнѣ случайно попалась тетрадка изъ его дневника, да нѣсколько писемъ, которыя онъ писалъ нашей сосѣдкѣ, а та отдавала мужу,—ужъ чего тамъ нѣтъ!

МИЛАШИНЪ.

Одолжите мнѣ этихъ писемъ на время.

КОРЬКОВЪ.

На что онъ вамъ? Пожалуй, возьмите.

МИЛАШИНЪ.

Покорно васъ благодарю! (*беретъ его за руку*). Вы меня очень обязали.

КОРЬКОВЪ.

Да за что вы меня благодарите, я стараюсь объ Марьѣ Андревнѣ, а не объ васъ; потому, что очень люблю ее и принимаю въ ней большое участіе.

МИЛАШИНЪ.

И я люблю....

КОРЬКОВЪ.

Я вѣрю. Меричъ можетъ очень много вреда сдѣлать Марьѣ Андревнѣ. Онъ человекъ совершенно безъ правилъ, безсовѣстный, и проповѣдуетъ двушкамъ безнравственныя начала.

МИЛАШИНЪ.

Да и мнѣ ужасно надоѣлъ: старается очернить меня въ глазахъ Марьи Андревны, мѣшаетъ мнѣ.

КОРЬКОВЪ.

Пойдемте домой, Иванъ Ивановичъ, намъ, кажется, нечего здѣсь дѣлать.

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, мнѣ нельзя уйти; мнѣ надобно здѣсь остаться. Марья Андревна пожалуй разсердится, что я ушелъ.

КОРЬКОВЪ.

Не беспокойтесь, не разсердится: ей теперь не до васъ; нынче Анна Петровна ждетъ какого то чиновника, котораго она хочетъ просить о своемъ дѣлѣ. Что вы будете здѣсь дѣлать.

МИЛАШИНЪ.

Пожалуй, пойдемте. (*Уходятъ. Съ другой стороны выходятъ Меричъ и Марья Андревна.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРЬЯ АНДРЕВНА И МЕРИЧЪ.**МЕРИЧЪ.**

Прощайте, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

„Куда вы? мне будетъ скучно одной; посидимте здѣсь помножко. *(садятся)*.“

МИРИЧЪ.

„Я слышала отъ Милашина, Марья Андревна, что вамъ сватаютъ какого-то жениха.“

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Да, Владимиръ Васильичъ, поминутно сватаютъ то одного, то другого.

МИРИЧЪ.

„И вы пойдете?“

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

„Не знаю; но что же мне дѣлать? вѣдь надо же выйти замужъ.“

МИРИЧЪ.

„Ну, я съ своей стороны не вижу ни какой необходимости; разве васъ что-нибудь заставляетъ?“

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

„Много причинъ. Вы не знаете нашихъ обстоятельствъ.“

МИРИЧЪ.

Но, Боже мой, неужели это такъ необходимо?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Маменька говоритъ, что необходимо.

МИРИЧЪ.

Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы дѣлаете, Марья Андревна! Вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой. Красотой должны любоваться все. Вы не имѣете даже права отнять у насъ это наслажденіе, и на всю жизнь отдать одному человеку.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Вы все шутите.

МИРИЧЪ.

Нѣтъ, не шучу. Вы разсудите, Марья Андревна, что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни.... Ну, въ дѣдъ сердца, я бы не послушался маменьки. Для ма-

меньки вы хотите губить свое счастье и счастье других. Какой еще вы ребенок!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, еслибъ это счастье было возможно для меня!.. А то мнѣ нечего жалеть, нечего ждать! Меня никто не любитъ; я тоже никого не люблю.

МЕРИЧЪ.

Вы ни кого не любите?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Никого.

МЕРИЧЪ.

И васъ никто не любитъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Мнѣ кажется.

МЕРИЧЪ.

Въ такомъ случаѣ, другое дѣло. — Но все-таки страшно пожертвовать собой ради другихъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Чтожъ дѣлать-то! Я буду выбирать такого человека, который, имѣя состояніе, удовлетворять бы нѣсколько и моимъ требованіямъ.

МЕРИЧЪ.

Откуда въ васъ такая положительность, такія практическія правила?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нужда научить.

МЕРИЧЪ.

Если вы рѣшились, я не хочу поколебать вашей рѣшимости; она дѣлаетъ вамъ честь. Но что, еслибъ вы полюбили когонибудь, еслибъ вамъ случилось встрѣтить человека, который васъ любитъ пламенно, со всѣмъ пыломъ юношеской страсти.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я не знаю, Владимиръ Васильичъ, но едва ли это случится когда-нибудь.

МЕРИЦЪ (*меланхолическимъ тономъ*).

Теперь, когда ужъ дѣло совсѣмъ кончилось, когда вы соглашаетесь пожертвовать собой для вашей маменьки, что, разумеется, очень похвально, я могу вамъ сказать, что я васъ любилъ, Марья Андревна; любилъ страстно; я васъ до сихъ поръ люблю такъ, какъ никто васъ любить не будетъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Вы меня не обманываете, Владимиръ Васильичъ?

МЕРИЦЪ.

О нѣтъ, нѣтъ....

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Вы меня не обманываете?

МЕРИЦЪ.

Всѣ клятвы, какія я знаю....

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Не нужно, не нужно... Ахъ, Владимиръ Васильичъ! Не обманывайте меня, ради Бога! Вамъ такъ легко меня обмануть, я сама васъ.... люблю....

МЕРИЦЪ.

Ангель мой! я не вѣрю своему счастью... Зачѣмъ же слезы! Марья Андревна! Машенька! Мерцъ! (*цѣлуетъ руку*). Ну, взгляни на меня. Ты хороша! Ахъ, какъ ты хороша въ эту минуту! Я бы желалъ, чтобы теперь весь свѣтъ тебя видѣлъ съ этими слезами не глазахъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Я, кажется, дурно сдѣлала, что призналась вамъ.

МЕРИЦЪ.

Отъ чего же дурно? Тебѣ совѣстно, что у тебя есть сердце, что ты выше всѣхъ этихъ безчувственныхъ куколъ, которыя хвастаются тѣмъ, что не любили никогда. Я могу оценить твою любовь.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Я надѣюсь (*припадаетъ къ нему*) Ахъ не смотри на меня, я право такая глупая; я думала, что у меня достанетъ твердости скрыть мою любовь.

МЕРЦЬ.

Да зачѣмъ же скрывать ее?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да теперь ужъ конечно не зачѣмъ. Напротивъ теперь я хотѣла бы тебѣ вдругъ открыть свою душу, чтобы ты зналъ, какъ много я люблю тебя.

МЕРЦЬ.

Зачѣмъ? ты и такъ для меня дороже всего на свѣтѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, Владимиръ, нѣтъ, ты такъ меня нелюбишь, какъ я тебя люблю. Ты для меня все теперь, все, все. Ты вѣришь моимъ словамъ?

МЕРЦЬ.

А ты моимъ вѣришь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не знаю, и хочется вѣрить, и боюсь.... Съ твоей стороны будетъ безжалостно обмануть меня.

МЕРЦЬ.

Къ чему эти черныя мысли! Посмотри, вся природа намъ улыбается. *(сидятъ нѣсколько времени молча)*.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой, я и забыла: нынче къ намъ хотѣлъ прихатъ чиновникъ какой-то. Маменька такъ хлопочетъ, вѣдь мнѣ одѣться хорошенъко.

МЕРЦЬ.

Ужъ не женихъ ли какойнибудь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Незнаю, ты впрочемъ не безпокойся. Я скажу маменькѣ, что не нравится.... Ужъ какънибудь сдѣлаю.

МЕРЦЬ.

И скоро будетъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я думаю скоро.

МЕРЦЬ.

Такъ я пойду, прощай. *(встаютъ со скамейки)*.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Прощай. Когда же ты придешь? Приходи завтра поутру, маменьки не будетъ дома.

МЕРЕТЬ (*цѣлуетъ ее*).

. Приду, приду. Прощай (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна, приклонившись къ дереву*).

Онъ ушелъ! Хорошо ли я сдѣлала? Мнѣ и стыдно и весело. Что если это только шалость съ его стороны? Боже мой, какъ мнѣ совѣстно за себя (*молчаніе*). А если онъ любить въ самомъ дѣлѣ? Онъ всегда такой скучный, печальный. Онъ говоритъ, что до сихъ поръ постоянно обманывался въ женщинахъ. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось знать, любить ли онъ меня.... а я его люблю, очень люблю. Чего я для него не сдѣлаю.... все, все, все.... (*стоитъ, закрывши лицо платкомъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И ДАРЬЯ (*входитъ*).

ДАРЬЯ.

О! чтобъ васъ! сбилась съ ногъ нынче день-то деньской... Барышня, а барышня! гдѣ вы тутъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА,

А! Что!

ДАРЬЯ.

Ищу, матушка, засовалась совсѣмъ, какъ угорьная кошка. Кто-то прѣхалъ, маменька васъ спрашиваетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА,

Прѣхалъ! Ахъ, Боже мой!

ДАРЬЯ.

Пойдемте, я вамъ головку причешу, да и платьице то бы другое надѣли.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пойдемъ, пойдемъ. (*уходятъ*).

С Ц Е Н А II.

(Комната первого дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ X.

ДОВРОТВОРСКІЙ и ВИНЬВОЛЕНСКІЙ (входятъ).**ДОВРОТВОРСКІЙ.**

Пожалуйте, Максимъ Доротиичъ, пожалуйста. Признаться сказать, васъ не ждали такъ рано. Поторопились, батюшко, рашенько пожаловали. Ну известно женское дѣло. Повремените миленичко.

ВИНЬВОЛЕНСКІЙ.

Ты говорилъ, что адесь есть барышня хорошенькая. — Ты смотри — я вѣдь разборчивъ.

ДОВРОТВОРСКІЙ.

Нѣтъ, какъ же можно, помилуйте Максимъ Доротиичъ. Такая барышня, что генералу взять не совѣстно. Я еще съ папенькой ихнимъ былъ знакомъ....

ВИНЬВОЛЕНСКІЙ.

А хорошо ли она образована?

ДОВРОТВОРСКІЙ.

Отлично образована.

ВИНЬВОЛЕНСКІЙ.

Тото же. Ты вѣдь знаешь меня, Платонъ Маркычъ, у меня и состояніе есть, и мѣсто, ну и знакомство. Мнѣ такую невесту нужно, что бы не стыдно было въ люди показать, ну чтобъ и хозяйка въ домъ была, знаешь, въ этакое чепчикъ, по нынѣшнему, чтобы принять кого нибудь. Ну что бы и тонъ этакой свѣтской. Понялъ ты меня?

ДОВРОТВОРСКІЙ.

Какъ не понять! Ужъ конечно, что вамъ за крайность на дурной жениться; сами-то вы ишь какой молодца. Ахъ, батюшко, голубчикъ (треплетъ его по спинѣ и потомъ кланяется).

ВИНЬВОЛЕНСКІЙ.

Ну, тото же. Что, манашка у меня тутъ вотъ сзади не выбилась?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Нѣтъ-съ, ничего,—въ исправности. Причесаться вамъ развѣ не угоднѣли—вотъ гребеночка.

ВЕНИВОВЕНСКІЙ (*беретъ и причесывается передъ зеркаломъ*).

Ну такъ какъ же, братецъ? ты говоришь, хороша баришня-то.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

А вотъ увидите, Максимъ Дорофѣичъ. Что прежде времени говорить, сами посмотрите.

ВЕНИВОВЕНСКІЙ.

Посмотримъ, братецъ, посмотримъ. А отдадутъ за меня, коли мнѣ понравится?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ чай не отдать. Да вѣдь чтожъ такое: попытка не шутка, а спросъ не бѣда.

ВЕНИВОВЕНСКІЙ.

Хорошо, братецъ, хорошо (*садится*). Платонъ Маркычъ! Ты не видалъ у меня дрожки?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Нѣтъ, не видалъ-съ.

ВЕНИВОВЕНСКІЙ.

А вороную, что напристяжкѣ ходить, не видалъ? Вотъ, посмотри! (*показываетъ въ окно*). Что, хороша?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ахъ, проказникъ, вы, проказникъ, Максимъ Дорофѣичъ. Да вѣдь чай некупленная?

ВЕНИВОВЕНСКІЙ.

Разумѣется.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ну, такъ даровому коню въ зубы не смотреть. (*молчаніе*).

ВЕНИВОВЕНСКІЙ.

Послушай, Платонъ Маркычъ, найди мнѣ гдѣ нибудь органичекъ небольшой.

ДОВГОТВОРСКИЙ.

Извольте батюшко! На что вамъ?

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Канареекъ учить.

ДОВГОТВОРСКИЙ.

Хорошо, поищу.

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Поищи. *(Вынимаетъ табакерку, нюхаетъ).* Хочешь?ДОВГОТВОРСКИЙ, *(нюхаетъ, потомъ беретъ табакерку и взвѣшиваетъ то на одной, то на другой рукѣ).*

Вещичка-то хорошая! Гдѣ изволили приобрести?

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Такъ, нечаянно хорошій человекъ набѣжалъ. Да не помнишь ли ты, было у насъ дѣло купца Пересемкина съ малолѣтними наследниками купеческой племянницы Акулины Незамайкиной, доходило до Правительствующаго Сената, и возвращаясь для справокъ....

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТАКЪЖЕ И АННА ПЕТРОВНА.

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Честъ мнѣю представиться. Коллежскій секретарь Беневоленскій.

АННА ПЕТРОВНА.

Очень пріятно познакомиться. Милости просимъ садиться. Служить изволите-съ?

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Какъ же, служу-съ съ 838 года. Я вамъ скажу, — я очень доволенъ своимъ мѣстомъ и своимъ начальствомъ. Къ службѣ я человекъ усердный, съ подчиненными строгъ.

АННА ПЕТРОВНА.

И родство имѣете здѣсь въ Москвѣ?

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Нѣтъ, совершенно никого-съ.

АННА ПЕТРОВНА.

Я думаю вамъ.... (къ Добротворскому). Какъ, бишь, Платонъ Маркычъ, я все забываю.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Максимъ Дорофѣичъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Памяти нѣтъ совсѣмъ, Максимъ Дорофѣичъ; вотъ что ты будешь дѣлать, право. Я думаю вамъ, Максимъ Дорофѣичъ, скучно. Я вотъ по себѣ сужу, дѣло женское, сами знаете.... Еще при покойникѣ-то было туда-сюда; ну знакомство, все отакое; а теперь просто не знаю, что дѣлать.

ВИННОВОЛЕНСКИЙ.

Я съ вами, сударыня, согласенъ.

101

АННА ПЕТРОВНА.

Вотъ процессъ теперь. Какъ это безъ мушины; пожалуй, прииграешь.

ВИННОВОЛЕНСКИЙ.

А позвольте узнать, въ чемъ состоитъ ваше дѣло?

АННА ПЕТРОВНА.

Я ужъ и не запомню всего-то; еще пожалуй проверю; а вотъ ужъ вамъ Платонъ Маркычъ расскажетъ.

102

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Вникните, батюшко, Максимъ Дорофѣичъ, вникните!

ВИННОВОЛЕНСКИЙ.

Хорошо, я посмотрю. Если можно что нибудь, сударыня, сдѣлать, такъ сдѣлаемъ: а если нельзя, такъ не взыщите—наше дѣло такое. Конечно, кто Богу негрѣшенъ, Царю невиновать, но я вамъ доложу, нынче на счетъ этого очень строго.

103

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Точно, матушка, строго. Это они правду говорятъ. Строгости пошли. Это такъ точно.

АННА ПЕТРОВНА.

Скажите, пожалуйста.

ВИННОВОЛЕНСКИЙ.

Нынче ужъ держи ухо востро. Я вамъ про себя скажу: въ постоянномъ страхѣ находишься. Нельзя, что бы грѣшковъ

не было; того гляди подъ судъ отдадутъ, выгонять изъ службы, куда дѣнешься. Ну, хорошо я холостой человекъ; а другой женатый.

АННА ПЕТРОВНА.

А вы не намѣрены обзавестись семействомъ?

ВЕНИВОЛЕНСКІЙ.

Это вопросъ, сударыня, очень важный въ жизни, особенно въ моей. Я имѣю состояніе, всего у меня много, своихъ лошадей держу. Кабы посмотрѣли, какую я квартиру занимаю; вонъ Платонъ Маркычъ видѣлъ. Ты видѣлъ, Платонъ Маркычъ квартиру?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ-же видѣлъ-съ. Квартира отличная.

ВЕНИВОЛЕНСКІЙ.

Слѣдовательно, чего-же я долженъ искать, я васъ спрашиваю?

АННА ПЕТРОВНА.

Подругу жизни, Максимъ Дорофѣичъ, я такъ думаю.

ВЕНИВОЛЕНСКІЙ.

Я съ вами согласенъ, сударыня. Но, сколько мнѣ известно, всякая жена есть подруга жизни. Я долженъ преимущественно искать хозяйку. Мое дѣло приобретать всеми силами, а ея дѣло хозяйничать. У меня порядку нѣтъ въ домѣ; вѣдь пожалуй и растащить у холостого человека. Все можетъ случиться.

АННА ПЕТРОВНА.

Что мудреного, Максимъ Дорофѣичъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Мудрено ли, долго ли до грѣха. Это точно.

ВЕНИВОЛЕНСКІЙ.

Я желалъ бы, чтобъ недурна была собой и образована, чтобы не стыдно было въ люди показаться, выѣхать куданибудь. Хотя у насъ знакомство и не важное, все больше мелкіе чиновники; но все таки, знаете ли, я вамъ скажу откровенно, пріятно имѣть красивую и образованную жену. А главное—мнѣ нужно хозяйку.

АННА ПЕТРОВНА.

Вы справедливо разсуждаете, Максимъ Дорофѣичъ; но, можетъ быть, вы захотите также большаго приданаго.

ВЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я! Итъ-съ, я не того ищу. Дѣвушку съ состояніемъ за меня не отдадутъ, но незначительности моего происхожденія и даже самаго положенія въ свѣтъ. А есть невесты благородныя и образованныя: но бѣдный, и для нихъ-то, я вамъ безъ гордости скажу, такой женихъ, какъ я — находна.

АННА ПЕТРОВНА.

Я съ вами согласна, Максимъ Дорофѣичъ.

ВЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Разумѣется, я красотой не могу похвалиться; образование я тоже получилъ, сказать вамъ по простонародному выраженію, на мѣдные деньги: но я видѣлъ людей, не конфужусь въ обществѣ, и, могу сказать, что очень развязенъ даже съ дамами. Тепѣрь я васъ спрошу, что такое красота въ мужчинѣ? — послѣднее дѣло.

АННА ПЕТРОВНА.

Это одна глупость, Максимъ Дорофѣичъ.... такъ, фантазія.

ВЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Умная дѣвушка не обратитъ вниманія на красоту; для нея довольно, чтобы мужчина былъ уменъ, ну тамъ....одѣтъ порядочно....

АННА ПЕТРОВНА.

Не пьющій.

ВЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Конечно....А знаете ли, сударыня, я вамъ осмѣлюсь сказать, что въ мужчинѣ даже и это ничего. Какъ ты думаешь, Платонъ Маркычъ, объ этомъ?

ДОВРОТВОРСКІЙ.

Ничего, сударыня, Анна Петровна; мужчинѣ это не мѣшаетъ. Былъ бы добрый человекъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну какъ же, Платонъ Маркычъ. Развѣ ужъ изрядка; а то какъ-же?

БЕНЕВОЛЕНСКИЙ.

Въ женщинѣ это порокъ, я съ вами согласенъ; а для мужчины даже составляетъ иногда необходимую потребность. Особенно, если дѣловой человекъ; долженъ же онъ имѣть какое нибудь развлеченіе. Разумѣется, я самъ первый осуждаю тѣхъ, которые имѣютъ къ этому большое пристрастіе. (*молчаніе*). Такъ вотъ, сударыня, я какое мнѣніе имѣю на счетъ женитьбы. Впрочемъ, мнѣ еще торопиться некуда, я могу выбрать невесту совершенно по моему желанію.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Куда вамъ торопиться, что вамъ за крайность?

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТАЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЙВНА (*сходитъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Дочь моя, Машенька! Максимъ Дорофѣичъ Беневоленской?...

БЕНЕВОЛЕНСКОЙ.

Очень пріятно познакомиться. (*Подходитъ къ рукѣ, потомъ садится рядомъ очень развязно*). Вы, я слышалъ, очень любите музыку?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Иногда отъ скуки играю.

АННА ПЕТРОВНА.

Неправда; неправда; все сидитъ за фортепьянами, никакъ не отговоришь. Что бишь ты, Маша, играешь-то такъ часто, я все позабываю?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Право не знаю—я много играю.

АННА ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, вотъ это, что ты еще нынче играла.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Изъ Роберта-Дьявола—Grace.

АННА ПЕТРОВНА.

Да, да. (*тихо*). Будь по развязнѣе.

ВЕНИВОЛЕНСКІЙ.

Вообразите, я никогда не видалъ этой оперы; говорятъ, очень хорошая музыка. Какъ-то разъ собрались компаніей, да и то не попали.

АННА ПЕТРОВНА.

Какъ же это?

ВЕНИВОЛЕНСКІЙ.

Очень просто. Мы прямо изъ присутствія зашли обѣдать въ трактиръ, чтобы оттуда отправиться въ театръ. Ну, люди молодые, про театръ-то и позабыли; такъ и просидѣли въ трактиръ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА (*тихо*).

Это ужасно!

ВЕНИВОЛЕНСКІЙ.

Я самъ тоже люблю музыку; но, къ несчастію, я не играю ни на одномъ инструментѣ, да дѣловому человѣку это и не нужно. Игралъ прежде на гитарѣ, да и то бросилъ—некогда, совершенно некогда.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА (*про себя*).

О Господи!

ВЕНИВОЛЕНСКІЙ.

Вы, можетъ быть, занимаетесь литературой? Барышни обыкновенно романы читаютъ; еще въ пансіонахъ начинаютъ читать потихоньку отъ надзирательницы.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Да, я читаю кой-что. А вы?

ВЕНИВОЛЕНСКІЙ.

Я совершенно отсталъ; прежде читалъ, а теперь, знаете ли, дѣла, такъ рѣшительно ничего не читаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Что это ты, Машенька! Когда читать Максиму Дорофѣичу; у него и безъ того дѣла много, безъ этихъ глупостей.

ИЗВИНЕНИЕ

Что же нынче пишуть, скажитем.

АННА ПЕТРОВНА.

Богъ знаетъ, что пишуть, чего никогда не бываетъ — одни фантази.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Именно, сударыня, фантази. Такъ — мечта.

ИННОВАЦИОНСКИЙ.

Вероятно, больше все про любовь пишуть.

АННА ПЕТРОВНА.

Какая любовь! Все глупости, никогда этого не бываетъ. Чайку, Максимъ Дорофѣичъ, не угодно ли?

ИННОВАЦИОНСКИЙ.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю — я идо негдѣ совсѣмъ не охотникъ.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Что, сударыня, за чай; не такіе мы гости, чтобъ чай пить. А вы велите-ко закусочку сделать, такъ мы, съ Максимомъ Дорофѣичемъ, по рюмочкѣ бы выпили.

АННА ПЕТРОВНА.

Сей-часъ, батюшко, сей-часъ. Извините меня, я васъ оставляю на минуточку. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ТАКЖЕ, НИЗЪ АННЫ ПЕТРОВНЫ.

ИННОВАЦИОНСКИЙ.

Это ты не дурно выдумалъ, Платонъ Маркычъ. (Вынимаетъ часы. Къ Марѣ Андреевнѣ.) Обыкновенно въ это время водку пью, такую ужъ привычку сидеть.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Хе, хе, хе! А то что за чай! Что вы дѣти что-ль маленькія!

НИКИВОЛЕНСКИЙ.

Ваша маменька объ любви разсуждаетъ, какъ старый человекъ; я имъ не хотѣлъ противорѣчить, потому что понимаю уваженіе къ старшимъ. А я совсѣмъ противнаго мнѣнія объ любви; я самъ имѣю сердце нѣжное, способное къ любви; только у насъ дѣлъ очень много, вы не повѣрите, намъ подумать объ этомъ некогда (*смотреть на нее нѣжно*). Какія вы конфескты любите?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Я никакихъ не люблю.

НИКИВОЛЕНСКИЙ.

Не можетъ быть, вы меня обманываете. Вы хотите, чтобы я угадалъ вашу вкусъ. Позвольте мнѣ привезти вамъ въ слѣдующій разъ. Платонъ Маркычъ! — какія Марья Андревна конфескты любятъ, онъ не сказываютъ?

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

Не знаю-съ; надо у маменьки спросить.

НИКИВОЛЕНСКИЙ.

А вотъ мы спросимъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Пожалуйста не беспокойтесь; я не хочу никакихъ конфескты.

НИКИВОЛЕНСКИЙ.

Ну ужъ какъ вамъ угодно, а я все таки привезу. — Позвольте насъ, попросить сыграть чтонибудь.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Я право ничего не играю.

НИКИВОЛЕНСКИЙ.

Сдѣлайте одолженіе, я стану на колѣняхъ просить, васъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Ахъ нѣтъ, за чѣмъ же? Извольте. (*Садится къ фортепьяно, беретъ несколько аккордовъ и начинаетъ играть*).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ТЪ ЖЕ, АННА ПЕТРОВНА И ДАРЯ (вноситъ закуску
и ставитъ ее на столъ).

АННА ПЕТРОВНА.

Не угодно ли, Максимъ Дорофѣичъ; пожалуйста безъ церемоніи.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Не беспокойтесь.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Съ васъ начинать. (Наливаетъ) Пожалуйста.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

(Пьетъ, потомъ закусываетъ, и, еще не прожевавши, подходитъ къ фортепьянамъ и начинаетъ подпѣвать. Марья Андреевна оборачивается и взгладываетъ на него вопросительно). Не въ тонъ взялъ.... Сдѣлайте милость, продолжайте.

АННА ПЕТРОВНА.

Играй, Машенька.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Марья Андреевна отменно играютъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Очень проворно. У меня былъ товарищъ, онъ былъ регентомъ въ пѣвчихъ, такъ онъ на фортепьянахъ все, что вамъ угодно, самоучкой игралъ по слуху; только проворства въ пальцахъ нѣтъ; ну вотъ, что вы хотите, нѣтъ проворства.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Не повторить ли, Максимъ Дорофѣичъ? Какъ это говорится-то: респетиція....

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Est mater studiorum. Да, это правда. Налей.

ДОБРОТВОРСКІЙ. (наливаетъ),

Пожалуйте—готово-съ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ (пьетъ и закусываетъ).

Прекрасный балыкъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ужъ не знаю, Максимъ Дорофѣичъ, коли не обманулъ купецъ, такъ хорошъ. Вездѣ все сама. Дѣло женское, сами знаете, долго ли обмануть? Безъ мужчины въ этомъ дѣлѣ никакъ нельзя. Какъ это безъ мужчины, посудите сами.

ДОБРОТВОРСКІЙ (*отводитъ къ сторонѣ Беневолена и говоритъ тихо*).

Ну, батюшко, Максимъ Дорофѣичъ, какъ вамъ наша барышня показалась?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Послушай ты, Платонъ Маркычъ, довольно съ тебя этого. я влюбленъ. Я дѣловой человѣкъ, ты меня знаешь, я пустяками заниматься не охотникъ; но я тебѣ говорю: я влюбленъ. Кажется, этаго довольно. (*Подходитъ къ Марьѣ Андреевнѣ и опять подпываетъ*).

АННА ПЕТРОВНА (*Добротворскому*).

Что онъ вамъ говорилъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Говорить: влюбленъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Влюбленъ, говоритъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну и слава Богу. Подчуйте его, отецъ мой, хорошенько.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо, сударыня, хорошо. Максимъ Дорофѣичъ, вина не угодно ли?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Налей?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*перестаетъ играть и остается на стулѣ*).

Я устала.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Чувствительно вамъ благодаренъ. Вы прекрасно играете, главное—нигдѣ не сбиваетесь; а то барышни обыкновенно сб-

ваются. (*Смотритъ на часы*).— Извините меня, Анна Петровна, мнѣ пора; у меня дѣла много; я вѣдь человѣкъ дѣловой. Позвольте мнѣ выйти рюмку вина и проститься съ вами. (*Подходитъ къ столу и пьетъ*). Ты со мной, что ли, Платонъ Маркычъ?

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Съ вами, Максимъ Дорофѣичъ.

ВЕНЕВОЛЬСКИЙ.

Ну поѣдемъ, я тебя довезу.

АННА ПЕТРОВНА.

Да вы бы, Максимъ Дорофѣичъ, закусилъ чего-нибудь.

ВЕНЕВОЛЬСКИЙ.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю. Я выпью еще рюмку вина, и имѣю честь откланяться (*пьетъ и раскланивается, подходитъ къ Марьѣ Андреевнѣ и цѣлуетъ руку*). До пріятнаго свиданія: вы мнѣ вѣроятно позволите еще разъ посѣтить васъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Сдѣлайте милость, мы очень будемъ рады.

ВЕНЕВОЛЬСКИЙ.

А ужъ конфетъ привезу, непременно привезу. (*Уходитъ съ Добротворскимъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Какой человѣкъ-то, Машенька, чудо просто!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Господи! Что это за мука! (*убѣгаетъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Машенька! Машенька! куда ты? постой! Ну вотъ теперь поди разговаривай съ ней. Эко наказаніе!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДЪЙОТЪНЪ III

(Комната 1-го дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ I.

АННА ПЕТРОВНА (входитъ, въ салопъ, съ большимъ ридикюлемъ;
за ней) **МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.**

АННА ПЕТРОВНА (садится на стулъ
подъ двери).

Не позабыть бы чего! Сначала въ городъ... ты все за-
писала, что купить-то надо?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Все, маменька.

АННА ПЕТРОВНА.

Гдѣ бишь записочка-то; постой! Да, въ ридикюль. Такъ
сначала въ городъ; потомъ въ судъ зйдти, объ дѣлѣ спра-
виться. Еще чего-нибудь надо ли?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, ничего. Ступайте, маменька, скорѣй; а то опоздаете.

АННА ПЕТРОВНА.

Прощай, Богъ съ тобой! (Идетъ, потомъ возвращается).
Скажи Дарьѣ, чтобы безъ меня никого не принимать, осо-
бенно изъ молодежи; ты теперь невеста, за тебя женихи сва-
туются. Что хорошаго, еще какой-нибудь разговоръ поидетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Хорошо, маменька, хорошо. Ступайте скорѣй.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну прощай! Я скоро буду. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (одна).

На силу-то ушла; а ужъ я боялась, что Владиміръ при-
детъ при ней.... Знаетъ ли Владиміръ, съ какимъ нетерпѣніемъ
я жду его?... (садится къ столу). Я только теперь узнала, какое бла-
женство любить и быть любимой!.... Что же это отъ нейдетъ?...
Я измучаюсь отъ нетерпѣнія... Однако хорошо ли я сдѣлала,
что велѣла ему сегодня придти—мы будемъ одни. (Молчаніе)
Еслибъ можно было знать будущее, какъ бы я желала узнать
чѣмъ кончится наша любовь. А впрочемъ, что мнѣ за дѣло,

чѣмъ это кончится—мнѣ теперь хорошо: я люблю его, онъ меня любить; а тамъ будь, что будетъ. Кто-то идетъ! Не онъ ли? (*Бѣжитъ къ двери*).

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И МИЛАШИНЪ (*входитъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы зачѣмъ?

МИЛАШИНЪ.

Какъ, зачѣмъ! Я къ вамъ пришелъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменьки нѣтъ дома, она не велѣла никого принимать безъ себя.

МИЛАШИНЪ.

Полноте шутить-то.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я совсѣмъ не шучу, право маменька не велѣла никого пускать.

МИЛАШИНЪ.

Ну, я вашей маменьки не послушаюсь; но, быть можетъ, вамъ самимъ не угодно, чтобы я здѣсь оставался.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, а если мнѣ не угодно.

МИЛАШИНЪ.

Въ такомъ случаѣ, я уйду.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну и прощайте.

МИЛАШИНЪ.

Прощайте. Однако, позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, узнать, отъ чего вы меня гоните.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой! Ну да такъ, изъ капризу. Неужели вы не хотите исполнить ни одной моей просьбы?

МИЛАШИНЪ.

Какъ же я смѣю не исполнить!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ ступайте.

МИЛАШИНЪ.

И пойду, что вы беспокоитесь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А сами ни съ мѣста.

МИЛАШИНЪ.

Да вѣдь это странно; вдругъ ни съ того, ни съ сего вы меня гоните, не хотите даже сказать причины. Это вѣдь досадно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну оставайтесь, пожалуй; я уйду въ свою комнату; а вы сидите здѣсь одни. *(молчаніе)*. Такъ вы и не уйдете?

МИЛАШИНЪ.

Уйду-съ.... я вѣдь къ вамъ нынче за дѣломъ пришелъ. *(Марья Андреевна сидитъ, отвернувшись къ окну)*. Вы меня не слушаете; а это дѣло касается васъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что еще такое?

МИЛАШИНЪ.

Я хотѣлъ вамъ открыть глаза на счетъ одного человека.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

То-есть вы сплетничать пришли. Такъ это можно сдѣлать въ другой разъ, когда-нибудь на досугъ.

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, не сплетничать, а я хотѣлъ только предостеречь васъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Въ другой разъ, Иванъ Ивановичъ, пожалуйста въ другой разъ; уже приходите.

МИЛАШИНЪ.

Да вѣдь только десять словъ, Марья Андреевна. Я узналъ про одного человека очень хорошія вещи.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(въ сторону)*.

Это наказаніе. *(Милашину)* Про кого же?

МИЛАШИНЪ.

Про Мерича....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не рассказывайте мнѣ, пожалуйста, я все знаю *(въ сторону)*. Мерзавецъ, выдумалъ что-нибудь про него.

МЛАДЕНЦЪ.

И прекрасно, что вы знаете, мнѣ только этого и хотѣлось. Каковы! Какимъ прикидывается!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, да; ужасный человекъ!

МЛАДЕНЦЪ.

Ничего нѣтъ ужаснаго. Просто смѣшонъ, мальчишка. Надъ всѣми его шутками смѣяться нужно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну да, смѣшонъ. Иванъ Ивановичъ, вы меня любите?

МЛАДЕНЦЪ.

Люблю, Марья Андреевна, ей-Богу, люблю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сдѣлайте для меня одно одолженье.

МЛАДЕНЦЪ.

Все, что вамъ угодно; я для васъ готовъ жизнью пожертвовать.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Должно быть на словахъ только? Я цѣлый часъ прошу васъ уйдти, а вы все ни съ мѣста.

МЛАДЕНЦЪ.

Сей-часъ, сей-часъ. *(Вѣдетъ шляпу)*. Прощайте! *(идетъ потомъ возвращается)*. Марья Андреевна! умоляю васъ, скажите, зачѣмъ вамъ хочется одной остаться,

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Иванъ Ивановичъ, мы поговоримъ.

МЛАДЕНЦЪ.

Виновать, виновать. *(Нѣсколько времени стоитъ)*. Позвольте вашу ручку поцѣловать на прощанье.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Съ удовольствіемъ.

МЛАДЕНЦЪ *(цѣлуетъ, потомъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ IV.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА (одна).

Наконецъ-то ушелъ. Бѣдный Владимиръ! Какой-нибудь Миллионъ-свѣтъ разсказывать про него, разсуждать объ его поступкахъ... Это ужасно! Онъ, бѣдный, нигдѣ не находитъ сочувствія. Отъ того, что онъ выше всѣхъ стоитъ, ему душно въ этомъ обществѣ—ему все завидуютъ. Я такъ его люблю въ эту минуту, что кажется всѣмъ бы для него пожертвовала. (задумывается). Однако что же онъ выйдетъ. (Садится у окна и смотритъ). Это, кажется онъ! Брошусь ему на шею прямо, ни объ чемъ не думая. (Отходитъ на середину комнаты. Входитъ Меричъ. Она робко подходитъ къ нему).

ЯВЛЕНИЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА И МЕРИЧЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Какъ я рада. Какъ я ждала, тебя, Владимиръ!

МЕРИЧЪ.

Мы одни?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Одни. (Меричъ целуетъ ее). Ахъ, сколько передумала я, перечувствовала со вчерашняго дня — ты не повѣришь. Мнѣ хочется пересказать тебѣ это поскорѣй, поскорѣй — я боюсь забыть.

МЕРИЧЪ.

Что же такое ты перечувствовала?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Ты, можетъ быть, будешь смеяться, — смѣйся пожалуй. Пойдемъ, сядемъ къ окну, отсюда видно будетъ, какъ мнѣ-мнѣ-мнѣ пойдеть.

МЕРИЧЪ.

А ты меня поцѣлуешь еще разикъ?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Хоть десять разъ, только поговоримъ немножко о моемъ, обоимъ.

МЕРИЧЪ.

Ну поговоримъ; что же ты мнѣ будешь рассказывать?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я тебѣ хотѣла много, много сказать. Вчерашнее наше свиданіе такъ было коротко, такъ много я думала о тебѣ вчера вечеромъ, ночью, нынче поутру. А теперь я такъ взволнована; мнѣ кажется, я ужъ все позабыла.

МЕРИЧЪ.

Ну и хорошо, что позабыла.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, вообрази, Владиміръ! Вчера вдругъ явился какой-то уродъ, говорилъ объ музыкѣ, объ литературѣ, хотѣлъ мнѣ конфетъ привезть. Каково было мое положеніе! Препротивный; маменька за нимъ ухаживаетъ... Да ты меня не слушаешь.

МЕРИЧЪ.

Я гляжу на твои глазки. Какіе они у тебя хорошенькіе. Такъ и хочется поцеловать. Я помню другіе такіе глазки... Она умерла, бѣдная женщина. Ну да что толковать о прошедшемъ: будемъ пользоваться настоящимъ. Ахъ, Мери, много я пережилъ.... я боюсь, хватитъ ли у меня силъ, чтобъ отвѣчать твоей дѣтской любви. Еслибъ я встрѣтилъ тебя, Мери, года два тому назадъ!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да ты выслушай, ради Бога.

МЕРИЧЪ.

Хорошо, хорошо—слушаю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не успѣла еще я опомниться отъ твоего поцѣлуя (*закрываетъ глаза руками, Мерицъ ее цѣлуетъ*).... пріѣхалъ этотъ Беневоленскій. Онъ грубъ, необразованъ—просто ужасъ.

МЕРИЧЪ.

Мери! вѣдь это скучная матерія. Зачѣмъ намъ на эти пустишки терять драгоценное время?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да какъ же мнѣ быть съ этимъ Беневоленскимъ, я просто его боюсь.

МЕРИЧЪ.

Слѣдить объ этомъ думать! Тебѣ что за дѣло до этого Беневоленскаго?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А маменька-то! Какъ же мнѣ быть съ маменькой-то? Ахъ, Владиміръ, ты многого не знаешь и не хочешь слушать.

МЕРИЧЪ.

Что мнѣ знать! Я знаю только одно, что ты меня любишь; а если ты меня любишь, то я не думаю, чтобъ ты, изъ угожденія маменькѣ, пошла за Беневоленскаго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Но все-таки я въ очень неловкомъ положеніи. Посоветуй, что мнѣ дѣлать. *(Меричъ цѣлуетъ ее въ плечо)*. Ахъ, Владиміръ, кабы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело, а ты все съ нежностями.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, Боже мой, Мери, я люблю тебя, я радъ случаю, что засталъ тебя одну; а ты мнѣ рассказываешь про маменьку, про жениховъ какихъ-то; да какое мнѣ дѣло до нихъ? *(цѣлуетъ опять въ плечо)*.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(уклоняется отъ него)*.

Тебѣ, кажется, и до меня нѣтъ никакого дѣла; потому что ты не хочешь войти въ мое положеніе. Богъ съ тобой!

МЕРИЧЪ.

Ты сердишься! и это любовь!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А это любовь, что ты меня слушать не хочешь? *(плачетъ)*.

МЕРИЧЪ.

Вотъ и слезы! Раненько! *(садится на стулъ)*. Впрочемъ, я такъ и думалъ! Это ужъ обыкновенная исторія! Вотъ любовь-то ваша. Сначала признанія, страстность; а потомъ либо папенька, либо маменька—или тамъ женихъ какой-нибудь. *(Молчаніе)*.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ! ты сердишься?

ЖЕНИТЬСЯ.

— Нетъ, я ужъ привыкъ къ этому. И тебѣ не жаль меня, Мери? Я ужъ и такъ измученъ жизнью, а ты мнѣ не хочешь доставить ни одной минуты неограниченнаго удовольствія.

МАМА АНДРЕЙВНА.

Не осуди, Владимиръ.... Попробуйся. *(цѣлуетъ его)*. Мало тебѣ этого?

ЖЕНИТЬСЯ.

Очень мало. *(Мари Андреевна цѣлуетъ его еще нѣсколько разъ)*. Сильный Мери, сильный! Вотъ теперь думаю, что ты умная дѣвушка. Ахъ, Мери, я влюбила одну женщину; — вотъ это была любовь!

МАМА АНДРЕЙВНА.

Зачѣмъ же ты мнѣ это говоришь? Ты думаешь, мнѣ это пріятно слышать?

ЖЕНИТЬСЯ.

Что жъ это? Ревность! Ты ревнивица? Я очень люблю иранить ревнивыхъ женщинъ.

МАМА АНДРЕЙВНА.

Нѣтъ, это не ревность; а мнѣ обидно, что ты говоришь о другихъ женщинахъ въ то время, когда я къ тебѣ лезаю. Ты и про меня также можешь рассказывать?

ЖЕНИТЬСЯ.

За кого же ты меня принимаешь? Нѣтъ, Мери, мнѣ ужъ некого больше любить. Поцѣлуй меня, Мери!

АТУТ ЭТА

МАМА АНДРЕЙВНА.

Довольно, Владимиръ, довольно. Лучше поговорить о чемъ-нибудь.

ЖЕНИТЬСЯ *(однажды ядущая чай и принимая ее)*.

О чемъ говорить? о чемъ говорить?

МАМА АНДРЕЙВНА *(прогорно взглядывая на него)*.

Ахъ! маленька...

ЖЕНИТЬСЯ *(отсавая со стула)*.

Ахъ! самый дѣлъ?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА (оказываясь).

Нельзя, не нарочно; только, чтобы ты съезди подальше. Въ самомъ дѣлѣ, Владиміръ, сюда подальше, да поговоримъ. Мнѣ такъ хочется поговорить съ тобой.

МИХАИЛЪ (развѣсившись).

Въ послѣдній разъ я тебя принесу сюда диванчикъ, мы его почитаемъ вмѣстѣ, а теперь, знаешь ли что? — Поидемъ въ садъ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА

Какъ можно, чтобы и глаза намъ съ тобой не открылись.

А скоро она придетъ?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА

Я думаю скоро.

МИХАИЛЪ

Такъ прощай.

доп.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА

Тебѣ ужъ скучно стало; не правда ли? Тебѣ скучно? Какъ-то ты, Владиміръ! Какъ ты знаешь, съ какими нетерпѣніемъ я ждала тебя! Какое мучительное ожидание тебѣ видѣть! А эти десять минутъ не хочешь посидѣть со мной. ...

МИХАИЛЪ

Я боюсь, что Анна Петровна меня здѣсь застанетъ; тебѣ же будутъ несправедливости.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА

Ну что жъ! она избранила меня, да и все тутъ.

МИХАИЛЪ

Видишь и мнѣ тоже достанется. А впрочемъ, чѣмъ меня есть дѣло необходимое; а, пожалуй, минутъ десять побуду, а больше нельзя. (Садится подлѣ нея). Я готовъ всю жизнь сидѣть съ тобой и любоваться на тебя.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА

Ты, кажется, опять ужъ очень близко ко мнѣ.

МИХАИЛЪ

Какія вы все странныя: уйди отъ рта, мы ссоритесь;

очень близко къ вамъ, вамъ тоже непріятно. Выбирай изъ двухъ: или уйдти, или сидѣть подлѣ тебя.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Останься, только съ уговоромъ: посиди подольше.

МЕРИЧЪ.

Изволь, изволь. (*Обнимаетъ ее. Сидятъ нѣсколько времени молча*). Погоди, мой другъ, Мери, придетъ время, когда я назову тебя своей торжественно, публично. Ты пойдешь за меня!

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Зачѣмъ же ты спрашиваешь?

МЕРИЧЪ.

А можетъ быть тебя не отдадутъ за меня?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Вотъ вздоръ какой!

МЕРИЧЪ.

Впрочемъ, мнѣ надобно устроить кой-какія дѣла свои — и тогда, Мери, тогда.... мы съ тобой заживемъ славно.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Да только сбудется ли это?

МЕРИЧЪ.

Сбудется, Мери, сбудется. Я не посмотрю ни на какія обстоятельства.... не отдадутъ тебя, я увезу.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Маменька идетъ!

МЕРИЧЪ.

Куда жъ мнѣ теперъ дѣться? вѣдь я ей навстрѣчу попадусь. Мнѣ бы этого не хотѣлось.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Слунай черезъ садъ.

МЕРИЧЪ.

Прощай. (*Цѣлуетъ ее*).

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Прощай! Когда же?

МЕРИЧЪ.

Скоро, скоро.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Приходи поскорѣй! (*Меричъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна, садится за работу*).

Боже мой, какъ я счастлива! Я не могу опомниться. Теперь для меня не страшна жизнь. Чтобъ не дѣлалось вокругъ меня,—у меня есть надежда.

ЯВЛЕНИЕ VII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*сидитъ задумавшись*), **ДОВОТВОРСКІЙ** и **АННА ПЕТРОВНА** (*входятъ*), **ДАВЬЯ** (*снимаетъ салопъ и уходитъ*).

АННА ПЕТРОВНА (*садится*).

Что же намъ теперь дѣлать-то, Платонъ Маркычъ?

ДОВОТВОРСКІЙ.

Что дѣлать-то, сударыня,—Божья воля! Въ отчаяніе только приходить не надо.

АННА ПЕТРОВНА.

Куда я теперь дѣнусь съ дочерью-то? Посудите, Платонъ Маркычъ, что я знаю, что я умѣю; ужъ и до этого-то горя я не знала, что дѣлать; а теперь вовсе дура сдѣлалась. Посоветуйте.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что такое, маменька, сдѣлалось?

АННА ПЕТРОВНА.

А то, что вотъ мы съ тобой ниція теперь. Дѣло-то наше проиграно, домъ-то отнимутъ, да еще взысканіе положено.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какое несчастье!

АННА ПЕТРОВНА.

Что дѣлать-то, Платонъ Маркычъ? Посоветуйте.

ДОВОТВОРСКІЙ.

Что я вамъ могу, сударыня, посоветовать?—ничего не могу. Вотъ хоть генерича прикажите меня казнить, ничего

не выдумаю. Состарьлся, поглупьль. Далець былъ, Анна Петровна!... Что жъ дѣлать-то? вотъ ужъ и оглохъ совсѣмъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Да вы все-таки мужчина; а я и ума не приложу: женщина я слабая, сырая,—да и памяти совсѣмъ нѣтъ.

ДОВГОТВОРСКІЙ.

Какой ужъ я мужчина. Эхъ, эхъ! Вотъ такъ-то и всегда бываетъ: не ждали, не чаяли, а тутъ вдругъ этакое несчастіе. Ахъ ты, Господи Боже мой! *(Качаетъ головой)*.

АННА ПЕТРОВНА.

Эко горе-то, Платонъ Маркычъ, мнѣ на старости лѣтъ-то! Одна-то-одинешенька, безъ мужчины.... Вонъ еще обуза-то; не знаю, какъ съ рукъ сбить.

ДОВГОТВОРСКІЙ.

Точно, сударыня, точно; ужъ что говорить.

АННА ПЕТРОВНА.

Да ужъ горюй не горюй—этимъ не поможешь.

ДОВГОТВОРСКІЙ.

Не поможешь.

АННА ПЕТРОВНА.

Хлопотать надо какъ-нибудь; говорить, въ Сенатъ надо жалобу подавать.

ДОВГОТВОРСКІЙ.

Надо, сударыня, непременно надо; какъ же можно не хлопотать.

АННА ПЕТРОВНА.

Знакомыхъ-то у меня нѣтъ, попросить-то некого.

ДОВГОТВОРСКІЙ.

Кого, сударыня, просить! Кто хлопотать станетъ! Попросить, такъ надо денегъ дать.

АННА ПЕТРОВНА.

Поищите, Платонъ Маркычъ, нѣтъ ли у васъ кого изъ знакомыхъ, чтобы дѣлами-то занимался.

ДОВГОТВОРСКІЙ.

Да ужъ кромѣ Максима Дорофѣича, некого просить.

АННА ПЕТРОВНА.

Вотъ и прекрасно! Онъ вчера съ вами говорилъ что-нибудь, какъ отъ насъ-то повхалъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ же, говорилъ-съ. Онъ говорить, коли отдадутъ Марью Андревну, такъ я хлопотать стану. Это дѣло еще можно исправить. Мнѣ, говорить, Марья Андревна очень нравится; мнѣ, говорить, лучше и не надо; узнай, какъ ихъ расположеніе; а я, говорить, хотъ сей-часъ готовъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что жъ вы до сихъ поръ молчали?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Извините, сударыня, совсѣмъ изъ ума вонъ, а теперъ вотъ къ слову пришлось, и сказалъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Слышишь, Машенька!

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Что такое?

АННА ПЕТРОВНА.

Ты Максиму Дорофѣичу очень понравилась.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Очень рада.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну и слава Богу, что рада—онъ предложеніе дѣлаетъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

• Ни за что на свѣтъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ты никакъ съ ума сошла, какъ я погляжу на тебя. Развѣ ты не видишь, что намъ теперъ больше дѣлать нечего; не по міру же намъ идти.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Лучше, маменька, и не говорите про Беневоленскаго, я про него и слышать не хочу.

АННА ПЕТРОВНА.

Что ты! что-ты! Ты опомнись—вѣдь не десятки жени-

ховъ-то у тебя, выбирать-то мѣ изъ кого; не сотни тысячъ за тобой, чтобъ такими жепиками брезгать: такого-то жепика намъ съ тобою и не дожидаться.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Ради Бога, маменька, не говорите мнѣ про Беневоленскаго.

АННА ПЕТРОВНА.

Ты дура совсѣмъ, я вижу. Да что съ ней толковать, у нее еще все вътеръ въ голову; она и сама не знаетъ, что говорить.... Неужто ея глупости слушать? Скажите, Платонъ Маркычъ, Максиму Дорофвичу, что мы очень рады; чтобы онъ формальное предложеніе сдѣлалъ.

ДОВГОТВОРСКИЙ.

Хорошо, сударыня, нынче же скажу.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА (*быстро встаетъ со стула*).

Что вы дѣлаете! Платонъ Маркычъ! не ходите къ Беневоленскому! Онъ мнѣ не нравится, онъ мнѣ противенъ. Я не пойду за него, ни за какія сокровища.

АННА ПЕТРОВНА.

Что вы ее слушаете, все вздоръ болтаетъ. Я ужъ и не знаю, какой дрянью у ней голова-то набита. Дѣлайте, какъ я вамъ говорю, что ее слушать; она еще одумается двадцать разъ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Я не стану ничего говорить; дѣлайте, что хотите, только я не пойду за Беневоленскаго.

АННА ПЕТРОВНА.

Ты не пойдешь?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Не пойду.

АННА ПЕТРОВНА.

А мнѣ кажется, что это только капризъ у тебя; только чтобъ матери напротивъ что-нибудь сдѣлать. Тебѣ меня только разстроить хочется. А ты пожалѣй меня на старости лѣтъ; ты видишь, я и такъ пасишу ноги таскаю. Я женщина сырал, а тутъ этакой ударъ — послѣднее состояніе отнимаютъ.

Вотъ, говорить, въ Сенатъ надо жалобу подать; а кто напишетъ-то! мы чтоли съ тобой? Такъ мы и аза въ глаза не знаемъ. Коли Максимъ Дорофѣичъ не возьмется, такъ кѣмъ мы нищѣ будемъ; понимаешь ли ты это? А что ему за радость братья за дѣло, коли ты отъ него свою физиономію-то отворачиваешь. Коли ты объ себѣ-то не хочешь подумать, такъ ты хоть мать-то пожалѣй. Куда я дѣнусь на старости лѣтъ—я женщина слабая, сырая, ужъ и теперь насилу ноги та-скаю. Въ кухарки мнѣ, чтоли, идти?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Господи! Что жъ мнѣ дѣлать!

АННА ПЕТРОВНА.

Матери послушайся.

ДОВРОТВОРСКІЙ.

Маменьки надо послушаться, матушка барышня.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ! что хотите со мною дѣлайте, я не могу.

ДОВРОТВОРСКІЙ.

Переломите себя какъ-нибудь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не могу, не могу, не могу....

АННА ПЕТРОВНА.

Оставьте ее, Платонъ Маркычъ! Богъ съ ней!... Каково мнѣ, Платонъ Маркычъ, это видѣть, матери-то, старухъ-то! (плачетъ). Батюшки! гдѣ платонъ-то! Такъ и есть—потеряла въ городѣ, еще и съ деньгами.... Одно къ одному. А! да гори все прахомъ — ничего мнѣ не нужно, коли ужъ дочь родная объ моемъ горѣ и подумать не хочетъ. Живи, какъ знаешь, Богъ съ тобой. Вотъ выпростила на свою голову.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька, что вы говорите! За что вы меня терзаете?

АННА ПЕТРОВНА.

А ты слушайся матери! Ты думаешь мнѣ легко съ тобой разговаривать... Иногда что и скажешь, у меня сердце сдается, женское.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька! онъ мнѣ очень не нравится. Я все для васъ готова, все, что вамъ угодно; только не принуждайте меня замужъ идти; я не хочу замужъ. Я не пойду ни за кого.

АННА ПЕТРОВНА.

Скажите, пожалуйста, Платонъ Маркычъ, она совсѣмъ сумасшедшая. Вѣдь ты не понимаешь, что говоришь! Ну можно ли этакую вещь сказать: не пойду замужъ! Это все только фантазія. Очень интересно быть старой дѣвкой! А мнѣ-то что жъ, въ богадѣльню что ль идти! Во первыхъ ты, коли любишь мать, должна выйти замужъ, а во вторыхъ, потому что такъ нужно. Что такое не замужняя женщина — ничего! что она значить! Ужъ и вдовье-то дѣло плохо, а дѣвичье-то ужъ и совсѣмъ не хорошо! Женщина должна жить съ мужемъ, хозяйничать, воспитывать дѣтей, а ты что жъ будешь дѣлать-то старой дѣвкой! чулокъ вязать! Подумала ли ты объ этомъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, маменька, я объ этомъ не думала.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну поди сюда, сядь подлѣ меня! Поговоримъ съ тобой хорошенько. Я сердиться не буду. (*Марья Андреевна садится подлѣ нея*). Выслушай ты меня хладнокровно. Я вѣдь знаю, у васъ одинъ разговоръ: по любви выйти замужъ. Влюбляются-то, Машенька, только тѣ, которымъ жениться нельзя, либо рано, потому что еще въ курточкахъ ходятъ, либо нечѣмъ жить съ женой: такъ вотъ, они и влюбляются. Порядочный человекъ не станетъ вамъ въ любви открываться, да влюбленія-то свои высказывать; а просто придетъ къ матери да скажетъ: «мнѣ ваша дочка нравится,» да и тебѣ-то тоже прямо, безъ разныхъ тамъ фарсовъ дурацкихъ: «сударыня, маменька ваша согласны, вы мнѣ нравитесь, угодно вамъ меня осчастливить?» И все это честно и благородно. — Вотъ какъ это бываетъ, Машенька. — Ты вотъ съ Беневоленскимъ и десяти словъ не сказала, а ужъ и слышать про него не хочешь. — А будетъ ѣздить, познакомишься, можетъ быть

и увидишь, что хорошій человекъ. Вѣдь вертопрахи-то ваши только мастера разговаривать; а что отъ нихъ толку, только слава дурная.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Это правда, сударыня. (*Молчаніе*).

АННА ПЕТРОВНА.

Машенька, потышь ты меня на старости лѣтъ, послушайся матери.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*встаетъ*).

Машенька! я не могу теперь идти ни за Беневоленскаго, ни за кого; сдѣлайте милость—не принуждайте меня. Я одного у васъ прошу—не говорите мнѣ про замужство, подождите немного. Ради Бога, дайте мнѣ пожить на свободѣ.

АННА ПЕТРОВНА.

Эка невидаль дѣвичье житье! жаль разстаться!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пусть Беневоленскій къ намъ ѣздитъ, я буду съ нимъ ласкова, все, что вамъ угодно; только пусть онъ подождетъ... ну мѣсяцъ, одинъ мѣсяцъ. Я посмотрю на него хорошенько, узнаю его.—Согласны?

АННА ПЕТРОВНА (*цѣлуетъ Марью Андреевну*).

Ну что съ тобой дѣлать, такъ и быть.—Что, утѣшилась теперь? Вотъ вѣдь ты какая глупая. (*Марья Андреевна уходитъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Что дѣлать-то, Платонъ Маркычъ! Скажите Максиму Дорофѣичу, что я очень рада; но чтобъ онъ мѣсяцъ погодилъ дѣлать предложеніе, да и объ дѣлѣ-то попросите.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Очень хорошо-съ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТЪ ЖЕ И ХОРЬКОВА (*входитъ*).

ХОРЬКОВА.

Покорно благодарю, матушка Анна Петровна, покорно благодарю; одолжили, нечего сказать.

АННА ПЕТРОВНА.

Что такое? Что я вамъ сдѣлала?

ХОРЬКОВА.

Я хоть необразованная женщина, а надъ собой смѣяться не позволю. Вы тогда меня обнадежили; я, разумеется, прихожу домой, говорю, «Миша, другъ мой, Анна Петровна согласна; открой, говорю, другъ мой, свои мысли Марья Андреевна», — а та ему напрямки отказала; приходитъ такой разстроенный. «Нѣтъ, говорить, мнѣ, маменька, счастья въ моей жизни; вы, говорить, меня обманули.» — «Я, говорю, мой другъ, никогда обманщицей не была; а если нами пренебрегаютъ, такъ нечего тебѣ, говорю, беспокоиться; ты съ твоимъ образованіемъ всегда найдешь себѣ невесту не хуже Марьи Андреевны.... А ужъ я не утерплю, пусть меня ругаютъ, я все таки пойду отчитаю Аннѣ Петровнѣ.»

АННА ПЕТРОВНА.

Что жъ дѣлать-то мнѣ! ея воля, я ее принуждать не могу.

ХОРЬКОВА.

Это, Анна Петровна, просто насмѣшка; я такъ это за насмѣшку и принимаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Да помилуйте, матушка, какая же это насмѣшка?

ХОРЬКОВА.

Насмѣшка, насмѣшка! Вамъ просто хотѣлось изъ меня передъ сыномъ дуру сдѣлать; я хоть и необразованная женщина, а понимаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Что вы тутъ понимаете! Нечего вамъ тутъ понимать-то.

ХОРЬКОВА.

Ну ужъ не говорите, пожалуйста; знаемъ мы кой-что. У васъ теперь какой-то богатый женихъ на примѣтъ, такъ вы дружки-то и брезгаете. Только вы поторопитесь, Анна Петровна, я вамъ советую; а то, чтобы разговору какого не было.

АННА ПЕТРОВНА.

Какого разговору? Что вы, ссориться что ли со мной пришли, Арина Егоровна?

КОРЬКОВА.

Ужъ тамъ, матушка, какъ хотите принимайте: я сама вами кругомъ обижена. Что я не знаю, про то говорить не стану; а что знаю, про то напрямки отпечатаю. Люди ложь, и мы тожъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Языкъ-то безъ костей, говорить все можно, только слушать-то нечего.

КОРЬКОВА.

Слушай не слушай, какъ кому угодно; а ужъ, коли говорить, такъ значить, что-нибудь есть.

АННА ПЕТРОВНА.

Кто говорить и что говорить? Кому нужно про меня говорить что-нибудь?

КОРЬКОВА.

Не про васъ и рѣчь, а про Марью Андревну; а то горда ужъ очень она у васъ, вотъ теперь гордости-то поубудетъ. Намъ-то отказали; а этотъ-то вашъ богатый женихъ, какъ бы самъ не отказался, коли прослышать что-нибудь.

АННА ПЕТРОВНА.

Да что вы, Арина Егоровна, рехнулись должно быть? Да кто же смѣетъ что-нибудь сказать про мою Машеньку?

КОРЬКОВА.

Ахъ, матушка, никому рта не зажмешь, всякій воленъ говорить, на то языкъ данъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что жъ это такое! Вотъ послушайте, Платонъ Маркычъ, еще тутъ сплстни какія-то распустили про Машеньку! На что это похоже!

ДОВГОВОРСКІЙ.

На всякое чиханіе, сударыня, не наздравствуешься; слушать-то не приходится.

АННА ПЕТРОВНА (*Добротворскому*).

Да что же можно сказать про мою Машеньку, ~~скажите~~
на милость.

ХОРЬКОВА.

Ужъ известно что! Зачѣмъ къ вамъ Мерить каждый день ходить? Вѣдь сосѣди видятъ — скрыть нельзя. И при васъ и безъ васъ бываетъ. Вы-то, можетъ быть, еще и сами всего не знаете. Я необразованная женщина, да не позволила бы этого своей дочери. Мишъ сынъ говорить, что его ни въ одинъ порядочный домъ не пускаютъ за его пощлости. Своими глазами видѣла, какъ онъ отъ васъ изъ саду крадется, точно воръ какой.

АННА ПЕТРОВНА.

Что же это, Господи! Вотъ что значить безъ мужчины, то въ домъ, всякій и сочиняетъ, что ему въ голову придетъ. Вотъ дѣло-то женское какое. Пожалуйте вы меня, Арина Егоровна! Я женщина слабая, сырая, что вы меня разстроиваете, какъ вамъ не грѣхъ.

ХОРЬКОВА.

Снявши-то голову, по волосамъ не плачутъ. Сами виноваты, что допустили до этого. Теперь вотъ ищите-ко жениховъ; не всякій-то полюбится. Хоть бы вы и согласны были, а ужъ я теперь своему Мишѣ не позволю. Нѣтъ, покорно васъ благодарю!

АННА ПЕТРОВНА.

Да мы ни въ Мишѣ, ни въ васъ не нуждаемся! Эка важная партія; невидаль какая! Вамъ бы только сплетничать.

ХОРЬКОВА (*встаетъ*).

Да ужъ, матушка, не взыщите, что слышала, того отъ другихъ не потаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Гдѣ утаить! Еще своего прибавите. Вы ужъ обрадовались, что вамъ случай есть. Отъ васъ только этого и ждать можно.

ХОРЬКОВА.

Я сама отъ васъ, кромѣ обиды да насмѣшки — ничего не

видала. Только вот не могла вытерпеть, чтобы не выговорить дню за Мишу; а то бы и нога моя въ вашемъ домѣ не была. А Мишѣ я и думать не позволю о вашей дочери; съ его умомъ и образованіемъ, мы и почище найдемъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, ВНЕЗЪ ХОРЬКОВОЙ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что жъ это такое, Платонъ Маркычъ, посудите вы сами. Опомнись-то вѣдь я не успѣла, а то бы ужъ я напѣла ей. Вѣдь теперь чего добраго, разславить вездѣ, погубить она мою голову. Вотъ какъ безъ мужчины-то, Платонъ Маркычъ! И туды и сюды все сама, да еще и за дочерью смотри; отлучиться изъ дому нельзя; а я женщина сырая. Мама! Мама! Дарья! Дарья! (*входитъ Дарья*). Что ты, оглохла, что ли? Не докличешься тебя!.. Позови барышню.

ДАРЯ.

У меня вѣдь не одно дѣло-то; сложа руки не сижу. (*Уходитъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Охъ, измаялась я нынче день-то; а тутъ еще напасть такая. И руки и ноги дрожать. Что жъ это Мама со мной дѣлаетъ! Чувствую, что слабая мать. Поддержите меня, Платонъ Маркычъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЙВНА. (*входитъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Вы меня кликали, маменька?

АННА ПЕТРОВНА.

Что ты, въ гробъ что ли хочешь меня вогнать прежде времени? Что ты еще затѣяла?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Что такое?

АННА ПЕТРОВНА.

Быль здѣсь Меричъ безъ меня? (Молчаніе). Что жъ ты молчишь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Быль не на долго. Я ему сказала, что васъ дома нѣтъ, онъ и ушелъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Не обманывай ты меня; что у тебя съ нимъ за шапни? Говори!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да какія шапни, кто вамъ сказалъ, маменька?

АННА ПЕТРОВНА.

Кто сказалъ? Всѣ говорятъ. Мнѣ теперь глаза показать никуда нельзя. Сейчасъ Хорькова приходила—ужъ и она знаетъ. Чтобъ его у насъ и духу не было, я его и пускать не велю. Слышишь, сударыня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, маменька, этого нельзя.

АННА ПЕТРОВНА.

Отъ чего это нельзя? Что съ нимъ церемониться что ли? Не великъ баринъ! Прогоню, да и все тутъ. Тебѣ надо замужъ идти, а съ этими-то разговорами не скоро жениха съищешь. Осрамила ты меня совсѣмъ. Или сейчасъ же Максиму Дорофѣичу надо слово дать, или завтра же скажу Меричу, чтобъ онъ и глазъ къ намъ не показывалъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не дѣлайте этого, ради Бога. Я васъ умоляю, маменька. Какъ это можно!

АННА ПЕТРОВНА.

Такъ ступай замужъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька, дайте мнѣ подумать. Я совершенно растерялась, у меня голова кругомъ идетъ. Дайте мнѣ подумать.

АННА ПЕТРОВНА.

Объ чемъ тутъ думать! Надо сейчасъ что-нибудь дѣлать; а то услышитъ Максимъ Доросѣвичъ эти сплетни, пожалуй, откажется. Что ты тогда съ моею головою сдѣлаешь? Какой тогда срамъ-то будетъ! Завтра надо сказать Максиму Доросѣвичу, что мы согласны.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, маменька, это выше силъ моихъ!

АННА ПЕТРОВНА.

Ну такъ живи, какъ знаешь! Мнѣ теперь до тебя и дѣла нѣтъ. Я тебя растила, я тебя воспитывала, хлопочу, ни дня, ни ночи покою себѣ не имѣю; а ты меня знать не хочешь! Для тебя мать-то дешевле всякаго, прости Господи! Я теперь слова тебѣ не скажу, повѣсничай съ кѣмъ хочешь! Ты мать позабыла, ты для матери ничего не хочешь сдѣлать; авось добрые люди найдутся; не оставлять старуху. Пойдемте, Платонъ Маркычъ, ко мнѣ въ комнату. *(Вспаетъ и идетъ)*. Видно ужъ мнѣ старухѣ вѣкъ горе мыкать.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(за ней)*.

Маменька!...

АННА ПЕТРОВНА.

Ты не ходи за мной! Я теперь тебя и видѣть не хочу. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ XI.**МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ДОБРОТВОРСКІЙ.**

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(садится на стулъ и закрываетъ лицо платкомъ. Добротворскій стоитъ противъ нея)*.

Это мученье!

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что, побранила васъ маменька-то! Ну ничего! не плачьте, барышня! Помиритесь какънибудь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Платонъ Маркычъ! быть можетъ маменька и права; но она требуетъ отъ меня невозможнаго.

ДОКРОТОВСКИИ.

Отъ чего жъ, матушка барышня, невозможно? Ей Богу возможно! утѣшите старуху.—Вѣдь ужъ лучше Максима Дорѣйча жениха не найдти вамъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Послушайте, Платонъ Маркычъ,—вы человекъ добрый, я съ вами буду говорить откровенно. Я люблю другаго, онъ хорошъ, уменъ, образованъ; посудите сами, какъ же мнѣ промѣнять его на Беневоленскаго.

ДОКРОТОВСКИИ.

Да онъ молодой человекъ, барышня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Очень молодой....

ДОКРОТОВСКИИ.

Смѣстуны вѣдь они, матушка, никакой основательности нѣтъ. Нѣ вѣрьте вы имъ. Нынче любить, а завтра разлюбить. Имъ потѣха, а бѣдныя дѣвушки плачутъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я не знаю, разлюбить онъ меня или нѣтъ, только я его люблю.

ДОКРОТОВСКИИ.

Матушка барышня, я васъ еще вотъ какую знать: ребенокъ были несмысленочекъ, на рукахъ носилъ. Вашъ папенька покойникъ мнѣ благодѣтель, въ люди меня вывелъ, я прежде очень маленькій человекъ былъ. Какъ умиралъ покойникъ, ты, говоришь, Платонъ, жену съ дочерью не оставилъ. Слушаю, говорю, батюшко Андрей Петровичъ, служить буду, пока силъ хватить. Я васъ, барышня, больше родной люблю, такъ горько мнѣ будетъ, какъ вертопрахъ какой-нибудь посмѣется надъ вами. Плюньте вы на нихъ. А вѣдь и то сказать, барышня, вы лучше насъ знаете, мы люди старые, изъ ума выжили! Совѣтовать не смѣю, разсудите сами. Вотъ на старости лѣтъ для васъ, сударыня, за сватовство принялся. Нашелъ человека, кажется хорошъ, а вѣдь Богъ его знаетъ, гдѣ мнѣ разобратъ, посмотрите сами; какъ бы грѣха на душу не взять

А все мой советъ лучше маменьки послушаться, меньше грѣха будетъ.

О!

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Платонъ Маркычъ, помирите меня съ маменькой; она васъ любить.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Не безпокойтесь, матушка, помирю, объ этомъ не безпокойтесь.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Подите скажите ей, что я черезъ три дня ей дамъ отвѣтъ. Мнѣ нужно подумать, поговорить съ нимъ, онъ обещалъ жениться на мнѣ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо, барышня. Сей-часъ прикажете къ маменькѣ слодить?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Да, пожалуйста сей-часъ. Мнѣ всегда тяжело, когда она сердится, за дѣло ли, не за дѣло ли.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ же, матушка, не тяжело,—вѣдь мать. Хорошо-съ *уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА (одна, и потомъ) ДАГЬЯ.

Что мнѣ дѣлать, я рѣшительно не знаю. Я чувствую, что дурно дѣлаю, что ссорюсь съ маменькой; но идти за Беневоленскаго я не могу,—я люблю Владиміра. Да еслибъ я и рѣшилась пожертвовать собой, я теперь не имѣю права. За что же я обману бѣднаго Владиміра: онъ такъ меня любитъ.

ДАГЬЯ (входитъ).

О! чтобъ васъ!.. Вѣчно все растеряеть! (*беретъ платокъ Анны Петровны*).

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Дага, что маменька дѣлаеть?

ДАТЬЕЯ.

Разговариваютъ съ Платономъ Маркычемъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сердита она?

ДАТЬЕЯ.

Приступу нѣтъ (*уходитъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Жаль мнѣ маменьку, ей Богу жаль! Еслибъ я не надѣлала глупостей, я бы теперь съ ней неговорила откровенно, что Беневоленскій мнѣ не нравится; а теперь не могу. — Теперь мнѣ одно средство: поговорить съ Владиміромъ, потомъ скажемъ маменькѣ — и не объ чемъ думать. Ахъ, дура, да объ чемъ же я плачу. Человѣкъ говоритъ мнѣ прямо, что онъ женится на мнѣ; а я плачу да выдумываю разные несчастія (*смѣетон, потомъ задумывается*). А если нѣтъ? Если нѣтъ? Что жъ тогда? Впрочемъ, какое же я имѣю право такъ дурно думать о немъ, я его еще не знаю. Да что это, Господи! Что я говорю! Я номѣшалась совсѣмъ. Другая бы на моемъ мѣстѣ прыгала отъ радости, а мнѣ всякій вздоръ въ голову лѣзетъ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу ни о чемъ думать. Владиміръ на мнѣ женится. О, кабы мнѣ это увидать скорѣй.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ДОБРОТВОРСКІЙ (*входитъ*).

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Пожалуйте къ маменькѣ, барышня. Я ее уговорилъ немножко. Не боится ничего, теперь браниться не станетъ, поговорить хочетъ. Пусть, говоритъ, она увидитъ, что матъ ей за не желаетъ. Вотъ сейчасъ и поговоримъ всѣ вѣстѣ, ахъ, барышня, какъ-нибудь и уладимъ. (*Уходятъ*).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

(Комната 4-го дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ I.**МАРЬЯ АНДРЕЕВНА** (одна).

Вотъ ужъ третій день его нѣтъ. Что это значить? третій день ужасныхъ мученій. Онъ должно быть нездоровъ! Что, если онъ и нынче не придетъ, — я, кажется, сойду съ ума. Я не могу, больше переносить моего положенія. Какъ незамѣтно подкралось ко мнѣ это горе. Недѣлю тому назадъ я была весела и ни объ чемъ не думала. Я такъ и жду, что пріѣдетъ Беневоленскій и сдѣлаетъ предложеніе. Что я буду дѣлать! Маменька такъ увѣрена во мнѣ, такъ меня любитъ.... Теперь, когда спокойствіе ея старости зависитъ отъ меня, неужели я найду въ себѣ силы противиться ей.

ЯВЛЕНІЕ II.**МАРЬЯ АНДРЕЕВНА** и **ДАША** (сходятъ).**ДАША.**

О! чтожь!... Вотъ вездѣ одна, поспѣвай тутъ... Что это вы, барышня, какія скучныя?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Съ чего же мнѣ веселой-то быть. Догадай-ко мнѣ, Даша, я ужъ теперь начала картамъ вѣрить.

ДАША.

Извольте, барышня, сей-часъ разложу (раскладываетъ карты).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, Даша, выходитъ что-нибудь. Чай все вздоръ.

ДАША.

Нѣтъ, матушка, не говорите этаго. Вотъ недавно кумъ Аксинья гадала: все виновный тузъ выходитъ. Смотри, говорю, будетъ тебѣ горе какое-нибудь. Что жъ, барышня, такъ и есть: шубку новинькую украли съ иглочки. (Разводитъ руками.) При своемъ антиресѣ отъ трепъ!.. въ собственномъ домѣ, исполненіе желанія. Бубновый король марьяжный.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Кто же это бубновый король?

ДАРЬЯ.

Ужъ известно Владиміръ, Васильичъ; кому жъ быть!

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА (входитъ).

АННА ПЕТРОВНА.

Что это вы, никакъ гадаете? Погадай-ко, Дарья, и мнѣ.

ДАРЬЯ.

Извольте, матушка, сей-часъ.

АННА ПЕТРОВНА.

На какую, бишь, я даму-то гадаю. Не помнишь ли, Машенька?

ДАРЬЯ.

Я васъ червонной, матушка, положу. Ахъ, барышня, почтальонъ идетъ (идетъ за письмомъ).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Отъ кого это? Боже мой, какъ у меня сердце забилося! (Дарья возвращается съ письмомъ).

АННА ПЕТРОВНА.

Пошли-ко, Дарья, очки. (Распечатываетъ письмо.)

ДАРЬЯ.

Вотъ онъ, матушка.

АННА ПЕТРОВНА (смотритъ на подпись).

Отъ Беневоленскаго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Отъ Беневоленскаго? Что же онъ шипеть?

АННА ПЕТРОВНА (читаетъ).

«Милостивая государыня, многоуважаемая Анна Петровна! Принимая въ уваженіе ваше расположеніе и радушный приемъ, оказанные мнѣ въ прошедшій четвертокъ, я беру на себя смѣлость предложить свою руку и сердце вашей безподобнѣйшей дочкѣ Марьѣ Андреевнѣ, коей достоинствами и красотою я очарованъ. При чемъ честь имѣю присовокупить, что я слышалъ отъ Платона Марковича о вашемъ дѣлѣ, въ которомъ,

какъ знающій человѣкъ, могу быть ходатаемъ, конечно, только въ томъ случаѣ, когда вы согласитесь принять мое предложеніе. Я человѣкъ дѣловой, и мнѣ терять время понапрасну на чужія хлопоты нельзя. Состояніе мое вы знаете, и я несусыпно стараюсь о приращеніи онаго, употребляя на это все свои способности; ибо, какъ вамъ извѣстно, состояніе даетъ весь въ обществѣ. Принимая въ воображеніе все оное, а равно и положеніе, въ которомъ вы находитесь, я не думаю, чтобы вы отказались породниться со мной. Ожидая вашего отвѣта сегодня же, или, въ крайнемъ случаѣ, завтра, чтобы не оставаться въ неизвѣстности. Засвидѣтельствуйте мое нижайшее почтеніе Марьѣ Андревнѣ, и передайте имъ, что я, какъ страстный ихъ обожатель, съ душевнымъ трепетомъ ожидаю ихъ отвѣта. Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію, честь имѣю пребыть Максимъ Бенѣволенскій.» Ну что же, Маменька, надобно писать.

МАРЬЯ АНДРЕВНА (въ волненіи).

Погодите, маменька, погодите....

АННА ПЕТРОВНА.

Чего же годить-то! Мама! Мама! послушай ты меня, — вѣдь ужъ этакой партіи намъ съ тобой не дождатся. Максимъ Дорофѣичъ человѣкъ деликатный, надо же ему что-нибудь написать, чтобъ несумнѣвался, по крайней мѣрѣ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Погодите, маменька, ради Бога, погодите, завтра... завтра...

АННА ПЕТРОВНА.

Да отъ чего жъ не теперь?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Теперь я не могу. Я не знаю, что отвѣчать; я такъ взволнована.... Мнѣ нездоровится что-то, у меня голова болитъ. Я рѣшительно не могу.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну какъ хочешь! Завтра, такъ завтра. А я все таки пойду подумаю, какъ написать покладный (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И ДАРЬЯ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Даша, ты знаешь, гдѣ Владиміръ Васильичъ живетъ?

ДАРЬЯ.

Знаю, матушка.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Бѣги къ нему, Даша, голубушка, бѣги поскорѣй.

ДАРЬЯ.

Что вы, матушка! Ну какъ маменька узнаетъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ступай, ничего, ступай. Я какъ-нибудь скажу маменькѣ. Только, ради Бога, поскорѣй. Скажи ему, чтобъ онъ сей-часъ же пришелъ сюда, сю минуту.

ДАРЬЯ.

Ну, видно нечего съ вами дѣлать. *(уходитъ).*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Проворный, Даша, проворный!

ЯВЛЕНИЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(одна)*.

Нѣтъ, этаго не будетъ! Владиміръ спасетъ меня. .. Ну какъ она его дома не застанетъ. Ну, а если.... нѣтъ этаго не можетъ быть, онъ меня любитъ. Ну ужъ я теперь и сама не разберу, что я думаю, что я чувствую.... мнѣ только страшно чего-то. Ахъ, кабы она поскорѣй воротилась. Эти минуты ожиданія покажутся мнѣ вѣчностью.. Кто-то идетъ, не онъ ли? Нѣтъ, это Милашинъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И МИЛАШИНЪ *(входитъ)*.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Скажите, Иванъ Ивановичъ, не видали ли вы Владиміра Васильича?

МИЛАШИНЪ.

На что онъ вамъ?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Ахъ, Боже мой, когда я спрашиваю, значить, что нужно.

МЕЛАШЕНЪ.

Кто жъ его знаетъ. Помилуйте, развѣ можно знать, гдѣ подобные люди бываютъ!

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Такъ вы и говорите, что не знаете. (отворачивается).

МЕЛАШЕНЪ.

Вы меня обманули, Марья Андревна, Богъ съ вами. Вы меня выпнали для того, чтобъ остаться съ Меричемъ наединѣ. Вы изъ меня дурака сдѣлали. Нѣтъ, я такъ играть собою не позволю. (Молчаніе). Я дивлюсь, какъ это ваша маменька не перестанетъ принимать Мерича. Съ такими людьми нечего церемониться. Ябъ на ея мѣстѣ его, близко къ дому не пустила.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Продолжайте, продолжайте!

МЕЛАШЕНЪ.

Вы думаете, я это говорю изъ ревности. Вы глубоко ошибаетесь. Мнѣ васъ жалъ, и болѣе ничего.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Сдѣлайте милость, не жалуйте. Да и какое право имѣете вы жалеть меня?

МЕЛАШЕНЪ.

Какъ вамъ угодно! Я изъ привязанности къ вамъ, къ вашей маменькѣ, говорю это. Я опять таки повторю, что такого человека, какъ Меричъ, я бы, на мѣстѣ Анны Петровны, къ воротамъ бы не подпустилъ. Если Аннѣ Петровнѣ угодно, чтобъ онъ разславлялъ вездѣ, хвастался, что вы влюблены въ него, такъ пускай принимаетъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Вы лжете.

МЕЛАШЕНЪ.

Я лгу? Нѣтъ, я никогда не лгу-съ. Лжетъ кто-нибудь другой, только не я.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

За чѣмъ вы мнѣ говорите про него; вы знаете, что я не

повѣрю вамъ. Я его люблю, слышите ли, люблю, люблю; не смѣйте при мнѣ говорить про него дурно.

МИЛАШИНЪ.

Вы его любите? А онъ васъ любитъ, вы думаете?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Послушайте, я начинаю терять терпѣніе. Или замолчите, или убирайтесь прочь отъ меня.

МИЛАШИНЪ (*садится на другой сторону комнаты. Молчаніе.*)

Вы меня обидѣли, Марья Андревна, жестоко обидѣли. Я желаю вамъ добра, я съ малолѣтства съ вами знакомъ, а вы меня отъ себя гоните. Скажите пожалуйста, чѣмъ я это заслужилъ? (*Молчаніе*). Я только по правамъ дружбы хотѣлъ предостеречь васъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Отъ кого предостеречь? Не нужно мнѣ вашихъ предостереженій.

МИЛАШИНЪ.

Теперь ужъ я вижу, что не нужно, — вы такъ ему слѣпо вѣрите, что никого слушать не хотите. Я и не стану васъ разубѣждать; а все таки это не выпадаетъ мнѣ знать про него кой-какія вещи, не очень хорошія.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Вы можете знать, и можете говорить кому угодно; а все таки вамъ никто не повѣритъ.

МИЛАШИНЪ.

Что я, подлецъ, что ли, по вашему? Вы меня, не только не любите, но еще считаете какимъ-то низкимъ человѣкомъ. Вотъ чего я дождался отъ васъ за мою привязанность.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Что же вы узнали, говорите!

МИЛАШИНЪ.

Много узналъ, всего не перескажешь.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

И есть у васъ доказательства?

МЕЛАШИНЪ.

Какія же доказательства? Его поведеніе и безъ доказательствъ ясно.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Ну а если у васъ нѣтъ доказательствъ, такъ я вамъ говорю: не вѣрю, не вѣрю, не вѣрю.

МЕЛАШИНЪ.

Можетъ быть, когда-нибудь я и докажу вамъ мои слова на самомъ дѣлѣ; только не будетъ ли поздно.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Это ужъ не ваше дѣло. Когда будете имѣть доказательства, тогда и говорите; а до тѣхъ поръ мечтите. *(меччаніе).*

МЕЛАШИНЪ.

Вотъ я всегда попадаюсь! А за что? За то, что люблю васъ. Вы сердитесь на меня, Марья Андревна?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Нѣтъ. Мнѣ не до васъ.

МЕЛАШИНЪ.

Значитъ миръ! Дайте ручку поцѣловать *(Марья Андревна протягиваетъ молча).*

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Что жъ это такъ долго? *(Смотритъ въ окно. Молчаніе).* Наконецъ-то.

МЕЛАШИНЪ.

Что такое?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Владиміръ Васильичъ. Ну ужъ доставется ему отъ меня.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТЪ ЖЕ И МЕРЦЪ *(входитъ).*

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Что это вы пропали? Какъ вамъ не совѣстно!

МЕРЦЪ *(цѣлуетъ руку).*

Виноватъ, Марья Андревна, виноватъ! И оправдываться не стану. Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Мнѣ нужно рассказать вамъ кой-какія новости, не всѣмъ пріятныя.

МЕРИТЪ.

Неприятныя! Это дурно. Вы меня пугаете.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Да, для меня—очень неприятныя.

МЕРИТЪ.

А если для васъ они неприятны, такъ ужъ и для меня также.

МЕЛАШЕНЪ.

Отъ чего же это такъ? Позвольте васъ спросить?

МЕРИТЪ.

Но очень простой причинъ, Иванъ Ивановичъ, я принимаю очень близко къ сердцу все, что касается до Марьи Андреевны. Теперь вы поняли?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Да, Иванъ Ивановичъ, это дѣло касается насъ обоихъ.

МЕЛАШЕНЪ.

Въ такомъ случаѣ извините.

МЕРИТЪ.

Что это вы похудѣли, поблѣднѣли, Марья Андреевна?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Я вамъ говорю, что у меня есть много неприятнаго; да ужъ и того довольно—я, три дни васъ не видала. Чего я не передумала въ это время?

МЕРИТЪ.

Если я былъ хоть сколько-нибудь причиной вашего горя, то я считаю себя такъ виноватымъ, что не смѣю и оправдываться. Сердце у васъ доброе. А я постараюсь загладить свой проступокъ. Дайте ручку, въ знакъ примиренія. (*Целуетъ у Марьи Андреевны руку*).

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Да ужъ конечно виноваты. Какъ это не заглянуть почти недѣлю! Богъ съ вами! Я ужъ къ вамъ посылала Дарью.

МЕРИТЪ.

Она, вѣроятно, меня не застала дома; мы съ ней разошлись.

МЕЛАШЕНЪ (*въ сторону*).

Это невыносимо!

ЖИРЯЧЪ.

За чѣмъ же вы присылали дармо ко мнѣ?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

За вами. Мнѣ очень нужно съ вами поговорить объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ.

МИЛАШИНЪ.

Прощайте, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Куда вы?

МИЛАШИНЪ.

За доказательствами.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Желаю вамъ успѣха. *(Милашинъ уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА И ЖИРЯЧЪ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Владимиръ! Владимиръ! Что ты со мной дѣлаешь. Я жду тебя, не дождусь!

ЖИРЯЧЪ.

Что такое! Что такое! Объ чѣмъ ты плачешь?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Владимиръ, у насъ страшное горе. Мы проиграли дѣло.... у насъ отнимаютъ все.

ЖИРЯЧЪ.

Ахъ, Боже мой!

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Что теперь дѣлать! Маменька говоритъ, что намъ будетъ жить нечѣмъ. Единственное средство мнѣ пожертвовать собой, выйти за Беневоленскаго. Я не могу опомниться, нынче я должна дать отвѣтъ.

ЖИРЯЧЪ.

Какъ это скверно!

МАРЬЯ АНДРЕВНА *(обнимаетъ его).*

Владимиръ, спаси меня!

ЖИРЯЧЪ *(освобождаясь).*

Погоди, погоди. Поговоримъ хладнокровно.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Какъ же я могу говорить объ этомъ хладнокровно! Владиміръ, что мнѣ дѣлать!.. жизнь и смерть моя отъ этого зависятъ. (Обнимаетъ его.)

МЕРИЧЪ.

Какъ ты, Мери, неосторожна! Ну какъ кто увидитъ, что скажутъ?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Мнѣ теперь ужъ все равно, что бы ни говорили.

МЕРИЧЪ.

А я-то чѣмъ же виновать! Вѣдь все на меня падеть; скажутъ, что я тутъ. Богъ знаетъ что. Ты знаешь, у меня и безъ того кака^{ют} репутація.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Ты боишься? Ты кажется прежде не боялся.

МЕРИЧЪ.

Ты не понимаешь, теперь совсѣмъ другое дѣло; тогда не было твоей маменьки.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Что же мнѣ дѣлать! Я, ей-Богу, не знаю.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, какъ это не хорошо, я совсѣмъ этаго не ожидаю.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Владиміръ! пока я не видала тебя, я бы пошла, за кого угодно маменькѣ. Я полюбила тебя; ты мнѣ говорилъ, что меня любишь. У меня теперь недостаетъ силъ рѣшиться разстаться съ тобой.

МЕРИЧЪ.

Скажи же мнѣ, Мери, сдѣлай милость, чего тебѣ отъ меня хочется?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Владиміръ, опомнись, что ты говоришь! Въ какое ты меня ставишь положеніе! Мнѣ стыдно за себя. Я тебѣ, какъ другу, рассказываю свое горе, а ты спрашиваешь, чего мнѣ хочется! Что же мнѣ сказать тебѣ: женись на мнѣ! Пощади меня.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, Мери! Мери! Ты незнаешь, въ какихъ я теперь странныхъ обстоятельствахъ. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Я рѣшительно теперь ничего не могу придумать.... Рѣшительно ничего.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Ничего?

МЕРИЧЪ.

Ничего.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

О Боже мой! (*закрываетъ лицо руками.*)

МЕРИЧЪ.

То-то вотъ все еще неопытность! — Мнѣ надобно было бѣжать отъ тебя. За чѣмъ я тебя встрѣтилъ! О судьба, судьба! Мнѣ легче бы было совсѣмъ не видать тебя, нежели смотреть, какъ ты страдаешь. Впрочемъ, я не думаю, что ты такъ привяжешься ко мнѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Что же ты думаешь?

МЕРИЧЪ.

Я думаю, что изъ нашихъ отношеній не выйдетъ ничего серьезнаго.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Ты хотѣлъ позабавиться отъ скуки, для развлеченія. Не правда ли? Не ты ли самъ говорилъ, что играть любовью тебѣ надвло.

МЕРИЧЪ.

Да развѣ я не люблю тебя! Развѣ я не страдаю теперь? О, кабы ты могла заглянуть въ мою душу! Но какъ же быть. Надобно покориться своей участи; надобно быть тверже, Мери!

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Я была тверда, пока ты не обманулъ меня такъ жестоко. И тебѣ не жаль меня? Скажи, ради Бога!

МЕРИЧЪ.

Мнѣ очень жаль тебя, Мери, и тѣмъ больше жаль, что я не могу никакъ помочь тебѣ. Жениться я не могу на тебѣ,

да и отец мой не позволит. Конечно, я бы не посмотрѣлъ на него; а обстоятельства, обстоятельства, которые гнетутъ меня всю жизнь.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Ахъ, Боже мой! Скажи ты мнѣ, для чего ты меня обмывалъ; за чѣмъ клялся, когда я отъ тебя этого не требовала?

МЕРКЪ.

Я люблю тебя, Мери; я увлекся, я не сообразилъ. Я чело^вкъ, очень страстной.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Ты любишь? Никогда ты не любишь меня. Я одна любила. Теперь мнѣ поведеніе твое стало ясно. Хотя ужъ и поздно, а я узнала тебя. Господи Боже мой! И ты смѣешь называть это любовью! Хороша любовь! не только безъ самопожертвованія, даже безъ увлеченія. На насъ весь судъ, намъ не прощаютъ ничего.... Я къ тебѣ бросаюсь на шею; а ты оглядываешься, не увидалъ бы кто. Ты вспомни хорошенько: бывало ждешь тебя не дождеши: всѣ глаза проглядишь; а ты придеши, какъ ни въ чемъ не бывало, только развѣ обдумаешь дома, что говорить да какъ бы сдѣлать шагъ впередъ.

МЕРКЪ.

Ты меня обижаешь. Что жъ, ты можешь говорить, что хочешь — ты въ правѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Не говори, ради Бога! Вспомни о совѣсти хоть теперь-то. Теперь ужъ тебѣ нѣтъ никакой нужды лгать. Теперь тебѣ остается только хвастаться своими успѣхами.

МЕРКЪ.

Послушай, однако, за кого жъ ты меня считаешь?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

За кого нужно.

МЕРКЪ.

Я наконецъ не могу переносить этого (беретъ шляпу).

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Ты уходишь? Прощай!

МЕРКЪ.

Не могу же я слушать этого! Ну я виноватъ, я сознаюсь

да все не такъ же, какъ ты говоришь. Все таки я честный человекъ. Въдѣ обстоятельства, Мери, много значать.... Гдѣ же вамъ это все знать; вы женщины.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Вѣрю, вѣрю.

МЕРИТЬ.

Нѣтъ, право. Ты не сердись на меня. Я не могъ и не могу иначе поступить, при всей любви къ тебѣ. Ты, что хочешь, говори; а я все таки буду утверждать, что люблю тебя. Ты этому не вѣришь! ты ошибаешься и обижаешь меня. Могу ли я не любить тебя! такое прекрасное невинное созданіе! Ахъ, какъ ты хороша съ твоимъ страдальческимъ лицомъ, съ слезами на глазахъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Перестань, ради Бога!

МЕРИТЬ.

При другихъ обстоятельствахъ, я бы отдала все на свѣтъ за счастье обладать тобой.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Перестань же наконецъ.

МЕРИТЬ.

Но мнѣ не суждено; что жъ дѣлать! Намъ нужно разстаться.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Прощайте, прощайте! *(Мерить цѣлуетъ руки, уходитъ медленно; потомъ возвращается.)*

МЕРИТЬ.

Нѣтъ, я рѣшительно не могу уйдти безъ того, чтобъ еще разъ не взглянуть на тебя. *(Стоитъ, сложивъ руки на груди.)* Прости меня, Мери, что я нарушилъ вѣръ невинной души твоей.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Я прощаю.—Богъ съ тобой.

МЕРИТЬ.

И не сердись?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

И не сержусь.

ЖИРИТЬ.

Вотъ и прекрасно. Прощай, Мери, прощай! желаю тебѣ всякаго счастья. (*Отходитъ немного*). Обо мнѣ забудь! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАРЬЯ АНДРЕВНА (*одна*).

И я повѣрила этому человеку. Какъ мнѣ стыдно за себя.... Онъ ушелъ, и ему ничего! Онъ даже радъ, я думаю, что развязался.... А я, я? За что же я страдаю, чѣмъ я виновата! о Господи! За чѣмъ въ людяхъ такъ мало правды! Могла ли я знать, что онъ меня обманываетъ! Какъ мнѣ было знать! По чѣмъ мнѣ было знать!.. За что онъ меня обманулъ! (*плачетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

МАРЬЯ АНДРЕВНА и МИЛАШИНЪ (*входитъ*).

МИЛАШИНЪ.

Вотъ доказательства, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Теперь ужъ не нужно.

МИЛАШИНЪ.

Значитъ правду я говорилъ. Помните, я его знаю очень хорошо. (*Читаетъ*) «Простите моей дерзости, но я не могу болѣе скрывать страсти, которая меня сожигаетъ!»—Скажите, какія нежности!

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Что вы тамъ еще читаете?

МИЛАШИНЪ.

Вотъ, извольте посмотрѣть (*подаетъ ей записки*. Марья Андреевна читаетъ про себя). Вы давеча говорили, что я лгу, я это помню, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕВНА (*рветъ записки и бросаетъ ихъ за окно*).

Только этаго не доставало! Это ужасно!

МИЛАШИНЪ.

Вотъ у меня еще есть. Не хотите ли?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Ахъ Боже мой! Да на что мнѣ онъ? Оставьте меня, ради Бога. Вы видите, въ какомъ я положеніи. (*Послѣ непродолжительнаго молчанія*). Я сей-часъ видѣла Владиміра Васильича.

МЫЛАШИНЪ.

Что же онъ?

МАРЬЯ АНДРЕВНА (*плачетъ*).

Ему нѣтъ, никакого дѣла до меня. Онъ говоритъ, что нужно покориться своей участи.

МЫЛАШИНЪ.

Мерзавецъ! Марья Андревна, перестаньте, не плачьте! Я готовъ жизнью пожертвовать для васъ. Скажите, Марья Андревна, чѣмъ я могу быть для васъ полезенъ—я на все готовъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Вы ничего не можете для меня сдѣлать. Дайте мнѣ немного успокоиться. Мое самолюбіе оскорблено, мнѣ стыдно за себя. Я не о томъ плачу, ~~но~~ мнѣ нужно пожертвовать собой,—я ужъ примирилась съ этой мыслью; а объ томъ, что я была игрушкой пустаго человѣка. Чѣмъ вы мнѣ можете помочь?

МЫЛАШИНЪ.

Хотите, я его вызову на дуэль? Вы думаете не вызову, непременно вызову.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Что вы выдумываете! За чѣмъ вы это сдѣлаете, какъ, по какому праву?

МЫЛАШИНЪ.

Да, въ самомъ дѣлѣ неловко! Я такъ только спросилъ у васъ; а то, какъ вамъ угодно. Мнѣ жизнь не дорога.... Я не могу видѣть, какъ вы страдаете! Неужели я рѣшительно ни чѣмъ не могу вамъ помочь?

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Однимъ только: оставьте меня въ покоѣ.

МЫЛАШИНЪ.

Вы меня гоните! Вы вотъ какъ со мной поступаете! Ну такъ я вамъ докажу, что я не заслуживаю этаго. Я, Марья

Андревна, не Меричь! Я очень хорошо понимаю ваше положеніе! Выдти за Беневоленскаго! Какому-нибудь скоту придется фантазія за васъ свататься; а вы должны идти за него! Нѣтъ, это невыносимо! Это ужасно досадно! Знаете ли что, Марья Андревна? Я человекъ бѣдный, я, можетъ быть, самъ незнаю, чѣмъ содержать себя одного, не только съ женой; но я не сдѣлалъ бы такъ, какъ Меричь; не уступилъ бы васъ на жертву Беневоленскому. Марья Андревна! я предлагаю вамъ свою руку; мнѣ хочется доказать вамъ, что я благородный человекъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Только этаго недоставало! *(послѣ молчанія)* Ахъ, Иванъ Ивановичъ, не хотѣлось бы мнѣ васъ обидѣть; да нечего дѣлать. Не нуждаюсь я ни въ вашей помощи, ни въ вашемъ благородствѣ; не пойду я за васъ ни за что на свѣтѣ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да, конечно, я не Беневоленскій; онъ завидный женихъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Беневоленскій человекъ съ состояніемъ, да и маменька хочетъ, чтобъ я за него вышла; вотъ почему я предпочту Беневоленскаго.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Неудобно? Какъ вамъ угодно! Мнѣ только одно обидно: за что вы меня унижаете, ставите хуже какого-нибудь Мерича. Я дѣлаю вамъ честное предложеніе, а вы на меня сердитесь; а Мерича не гнали прочь, когда онъ ухаживалъ за вами.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Послушайте; за кого вы меня принимаете? Вы даже не знаете уваженія ко мнѣ. Нѣтъ, надобно это покончить однимъ разомъ. Будетъ плакать. *(Утираетъ глаза)*. Еслибъ теперь Меричъ сдѣлалъ предложеніе, я бы не пошла за него. Я выхожу за Беневоленскаго—это рѣшено. Не замѣтно, что я плакала? Мнѣ хочется показать маменькѣ, что я безъ всякаго усилія рѣшилась выдти замужъ. Пусть она будетъ весела и покойна, я возьму все на себя. Полноте дуться и вы! Посмотрите въ зеркало дѣль, не замѣтно слезъ?

МИЛАШИНЪ.

Почти незаметно.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Ну и слава Богу. Станемте смѣяться, станемте разговаривать о чемъ-нибудь о постороннемъ. Не были ли вы въ театрѣ какъ нибудь на дняхъ?

МИЛАШИНЪ.

Вы думаете меня обмануть и себя также. Для чего это? Вѣдь я знаю, что у васъ на душѣ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА (топаетъ ногой).

Я совсемъ васъ не обманываю, мнѣ право что-то вдругъ весело сдѣлалось. Давайте играть во что нибудь. Ахъ вотъ карты! Давайте играть въ карты.

МИЛАШИНЪ.

Давайте, пожалуй, если вамъ угодно (садится къ столу).

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Во что же? Въ дураки давайте.

МИЛАШИНЪ (сдаетъ).

Пойграемте, пойграемте. Послушайте, Марья Андревна; вы притворяетесь. Вы нехотите, чтобъ я видѣлъ ваши слезы. Зачѣмъ же вы отъ меня-то скрываетесь, я вамъ не чужой. Это досадно.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Играйте, играйте, а то останетесь.

МИЛАШИНЪ.

Вы такъ горды, что не хотите мнѣ позволить принимать въ васъ участіе. Вѣдь это замѣтно, что вы притворяетесь.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Что, остались! (Смѣется.)

МИЛАШИНЪ.

Ну что жъ остался. (Мѣшаетъ карты, сдаетъ). Вѣдь это ужасно досадно! Это гордость! Вы меня этимъ унижаете, не считаете ни за что!....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы принимаете, еще принимаете. Ну такъ вы опять остались.
(*Хохочетъ.*)

МИЛАШИНЪ.

Вѣдь это невыносимо, просто!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сдавайте, сдавайте. Что же вы! (*Милашинъ сдаетъ. Марья Андреевна задумывается, закрываетъ глаза платкомъ и опирается руками на столъ; потомъ утираетъ глаза и беретъ карты.*)
Кому ходить? Мнѣ?

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТЪ ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА (*входитъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Что это у васъ за смѣхъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да вотъ Иванъ Ивановичъ все остается. Вы совсѣмъ не умѣете играть. Когда же мы, маменька, напишемъ отвѣтъ Максиму Дорофѣичу? (*Продолжаетъ играть въ карты*) Поблагодарите его за предложеніе, и напишите, что я согласна.

АННА ПЕТРОВНА

Ты, Маша, согласна. Ну спасибо тебѣ, утѣшила ты меня. Вотъ теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня.... Ужъ такъ обрадовала, что и сказать не лѣзя.... Вотъ, Иванъ Ивановичъ, у меня дочка: и красавица и умница. Гдѣ тутъ бумага была? Вотъ теперь вдругъ-то и не придумаешь, что написать. (*Беретъ бумагу и пишетъ. Марья Андреевна и Милашинъ играютъ въ карты*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*Милашину*)

Хоть бы поскорѣе это кончилось, моихъ силъ больше не стасть (*встаетъ*). Дайте, я вамъ помогу. Что вы пишете?

АННА ПЕТРОВНА.

А вотъ: «Милостивый Государь, Максимъ Дорофѣичъ! Благодарю васъ за лестное для насъ предложеніе. Машенька согласна и проситъ васъ сегодня вечеромъ на чашку чаю.» Хорошо ли такъ-то? Ужъ я не знаю. А? Аль другое написать.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, прекрасно, прекрасно! Вотъ и пошлите поскорѣй.

АННА ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ хорошо? Иванъ Ивановичъ, хорошо?

МИЛАШЕНЪ.

Очень хорошо.

АННА ПЕТРОВНА.

А не надо ли чего прибавить?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ не надо, ничего не надо... довольно и этаго. Пошли поскорѣй. Дарья, Дарья! (*Входитъ Дарья*) Пошли поскорѣй когонибудь съ этимъ письмомъ къ Максиму Дорофѣичу. Ступай, Дарья, поскорѣй! Я не выдержу больше, Иванъ Ивановичъ, мнѣ дурно. (*Милашинъ подбѣгаетъ, подаетъ ей стулъ; Марья Андреевна сидитъ нѣсколько времени въ изнеможеніи; потомъ заливается слезами.*)

АННА ПЕТРОВНА.

Машенька! Машенька! Что ты? Что съ тобой?

МИЛАШЕНЪ (*въ сторону*).

Что же это такое!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ничего, это пройдетъ. Мнѣ дурно что-то! Не беспокойтесь.

АННА ПЕТРОВНА.

Поцѣлуй меня, Машенька! Умница ты моя...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, маменька, хорошій онъ человекъ?

АННА ПЕТРОВНА.

Хорошій! Ужъ я не отдамъ тебя за дурнаго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*въ слезахъ*).

Онъ меня станетъ любить? Если онъ меня будетъ любить, и я его буду любить.

АННА ПЕТРОВНА.

Да о чемъ-же ты плачешь-то, глупенькая?

МИЛАШЕНЪ.

Неужели это васъ удивляетъ, что Марья Андреевна плачетъ. Это странно.

АННА ПЕТРОВНА.

А чтожь тутъ, батюшко, страннаго? Она сама объявила желаніе выйти за Беневоленскаго; а теперь плачетъ. Чѣмъ же не партія!

МИЛАШИНЪ.

А что жъ особенно завиднаго въ Беневоленскомъ?

АННА ПЕТРОВНА.

А то, что ты молодъ еще судить-то постарше себя. Онъ солидный человекъ, съ небольшимъ въ 30 лѣтъ ужъ состояніе имѣетъ; дѣломъ занимается, а у насъ все гулимоны да пошлости на умѣ.

МИЛАШИНЪ.

Состояніе! А гдѣ взять онъ это состояніе, спросить надобно. У насъ совѣсть есть, отъ того и состоянія нѣтъ. Состояніе нажить не мудрено.

АННА ПЕТРОВНА.

Да, поди вотъ, наживи, да тогда ужъ и разговаривай!

МИЛАШИНЪ.

Я и теперь могу разсуждать, кто честный человекъ, а кто нѣтъ. Счастіе не въ богатствѣ, а въ душевномъ спокойствіи. Соединить свою судьбу съ такимъ человекомъ, котораго того и гляди отдадутъ подъ судъ ...

АННА ПЕТРОВНА.

Да, очень нужны мнѣ всѣ эти резоны! Я, батюшко, мать! Такъ, зря, дѣла не сдѣлаю. Еще молодъ очень учить-то меня! Наживи-ко своихъ дѣтей, да тогда и выдавай, какъ знаешь. Учить-то всякій умѣетъ, а попробуй-ка за дѣло-то взяться, такъ и нѣтъ ничего. Все одни фантазіи дурацкія. Вотъ тутъ съ вами табатерку потеряла. О! чтобъ васъ! Дарья! Дарья!

ДАРЯ (входитъ).

Что угодно?

АННА ПЕТРОВНА.

Что глаза-то вытаращила! Същи табатерку! (*Дарья уходитъ*).

МИЛАШИНЪ.

Меня вы можете бранить, сколько вамъ угодно; а за что же должна гибнуть Марья Андревна?

АННА ПЕТРОВНА.

Поди ты, я тебя и слушать-то не хочу. А она должна понимать, кажется, что такое мать для нее. Чего мнѣ стоило ее вырастить-то. Надо мнѣ видѣть отъ нее какое нибудь утѣшеніе. Подно плакать-то!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Развѣ я вамъ, маменька, не угождала? Развѣ вы были недовольны мной когда нибудь?

АННА ПЕТРОВНА.

Что тамъ про старое толковать; я того и знать не хочу. Легко ли дѣло, нужно мнѣ очень помнить, когда ты мнѣ угодила, когда нѣтъ. Вотъ теперь-то я вижу твою благодарность. Мать на старости лѣтъ ни дня, ни ночи покою не знаетъ, женское дѣло, измаялась вся. Нашла ей жениха, что она и сама-то его нестойтъ; а она плачетъ да убивается, какъ будто я ей злодѣйка какая!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да вѣдь я, маменька, согласна.

• •

АННА ПЕТРОВНА.

Вижу я, какъ ты согласна-то. (*входитъ Дарья*) Что ты еще?

ДАРЬЯ.

Табатерку извольте.

АННА ПЕТРОВНА.

Ишь ты тебя принесло, нашла время!

ДАРЬЯ (*идетъ*).

Ну, раскудахталась.

АННА ПЕТРОВНА.

Другая бы радовалась, да не знала, какъ благодарить мать-то за такого жениха; а не то чтобъ разстроивать. Мое дѣло женское, я женщина сырая. А тебѣ все ничего, ты объ матери-то и не думаешь, какъ бы мать порадовать.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Мамсенька! Ради Бога! Что вы говорите! (*плачетъ*). Боже мой, что это такое!

АННА ПЕТРОВНА (*помолчавши и успокоившись*).

Чтожь, конечно, я на тебя не могу пожаловаться, ты меня всегда слушалась.... Да чтожь теперь-то ты, Машенька! Ну полно, перестань! Мнѣ вѣдь и самой тебя жаль. Я тебя обидѣла.... Чтожь дѣлать, прости. Я вѣдь женщина, у меня сердце слабое, горячее, разкипитъ, другой разъ и не уймешь; сами виноваты, что до этого доводите! Иногда, что и скажется съ горяча.... обижаться-то на меня за это грѣхъ, дѣло женское.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Я на васъ не обижаюсь....

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жь дѣлать, хороша ли, худа ли, все таки мать. Выдешь замужъ, и такой не будетъ. Ну полно же, другъ мой. Мнѣ развѣ весело смотрѣть на тебя, какъ ты плачешь. Богъ съ тобой, что ты это! (*Всѣ лица на лѣвой сторонѣ, входятъ. Хорьковъ и останавливается среди сцены*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

ТЪ ЖЕ И ХОРЬКОВЪ.

ХОРЬКОВЪ.

Марья Андревна! моя мать васъ обидѣла, я пришелъ просить прощенія за нее.

АННА ПЕТРОВНА.

Да, батюшко, нечего сказать, хорошая женщина ваша маменька.

МАРЬЯ АНДРЕВНА (*тихо*).

Маменька, онъ кажется пьянъ; молчите, пожалуйста.

МАША (*Марья Андревна*).

Онъ ужъ четвертый день пьетъ, какъ ушелъ тогда отъ васъ, я записъ. Ходить дома по комнатамъ, плачетъ и претъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Неужели? Ахъ бедный!

ХОРЬКОВЪ.

Что такое? слезы. Объ чемъ вы плачете? Я не хотѣлъ васъ обидѣть.... я бы умеръ для васъ, Марья Андревна. Это мать.... она простая женщина. Я не зналъ, что она была у васъ, не зналъ.... Я бѣ ее не пустилъ къ вамъ... Она простая женщина, не понимаетъ ничего.... Гдѣ же ей васъ понять! Что жъ дѣлать! мать! Любить! воспитала ... Марья Андревна, прѣстите! *(становится на колѣни)*.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Что вы! Что вы! Михайло Ивановичъ! встаньте. Я ни на васъ, ни на вашу маменьку не сержусь; напротивъ, я вамъ очень благодарна за ваше расположеніе.

ХОРЬКОВЪ *(встаетъ)*.

Объ чемъ же вы плачете? Скажите мнѣ, объ чемъ вы плачете? Кто васъ обидѣлъ?

АННА ПЕТРОВНА.

Ахъ молодой человекъ! молодой человекъ....

ХОРЬКОВЪ.

Что вы, Анна Петровна!.... Ахъ! вы не знаете!.... Ужъ молчите лучше *(къ Марьѣ Андревнѣ)*. Васъ, вѣроятно, маменька обидѣла? Не сердитесь на нее.... Богъ съ ними.... они не знаютъ.... не сердитесь на нее, вѣдь любятъ.... воспитывали... учили....

АННА ПЕТРОВНА.

Пойдемъ, Машенька, пора одѣваться, скоро Максимъ Дорофѣичъ прѣдетъ. *(Милашину тихо)*. Уведите его, Иванъ Ивановичъ.

МИЛАШИНЪ *(беретъ шляпу)*.

Пойдемте, Михайло Ивановичъ.

ХОРЬКОВЪ.

Что! Мальчишка!

МИЛАШИНЪ.

Что же вы бранитесь! Я васъ хочу увести отсюда, потому что вы пьяны *(Хорьковъ стоитъ задумавшись)*.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(встаетъ)*

Перестаньте, Иванъ Ивановичъ! Что вы говорите!

МИЛАШЕНЪ:

Что же онъ бранится! Это досадно.

ХОРЬКОВЪ.

Да, скверно, скверно! Извините.... Куда я годенъ! пьяный... въ чужомъ домѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ какъ мнѣ его жаль, какъ мнѣ его жаль.

ХОРЬКОВЪ.

Марья Андреевна! не презирайте меня. Я люблю васъ... Я не могъ перенести вашего отказа. Конечно, это гадко.... подло.... недостойно... Но что жъ дѣлать, я жалкій человекъ. Я вѣдь люблю васъ, очень люблю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я сама васъ люблю, Михайло Ивановичъ. Я очень жалю, что поздно васъ узнала. Я выхожу замужъ... за Беневоленскаго. *(плачетъ)*.

ХОРЬКОВЪ.

За Беневоленскаго!... Это жертва.... да, жертва. Что жъ, благородно.... благородно.... слезы....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(садится на стулъ)*.

Ахъ, Михайло Ивановичъ, мнѣ тяжело, очень тяжело.

АННА ПЕТРОВНА.

Она это для матери дѣлаетъ. Максимъ Дорофѣвичъ—человекъ хороший и съ состояніемъ.

ХОРЬКОВЪ.

Да, съ состояніемъ. Слезы, слезы... вѣчныя слезы... чухотка, не живши, не видавши радостей жизни.. Прощайте. *(Становится на колѣни, беретъ руку Марьи Андреевны и целуетъ)*. Я самъ не переживу. *(Марья Андреевна въ обморокъ, всѣ суетятся около нея, Хорьковъ плачетъ, прислонившись къ стѣнѣ)*.

. Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

(Сцена представляетъ небольшую комнату. На право отъ зрителей дверь въ залу, ближе къ зрителямъ тѣло, прямо дверь въ переднюю, на лѣво диванъ, передъ диваномъ круглый столъ, далье еще дверь. въ углу простой столъ на которомъ чашки и бутылки. Дарья устанавливаетъ бутылки на столъ, официантъ устанавливаетъ чашки на подносъ, потомъ беретъ подносъ и идетъ къ двери. Выходитъ Добротворскій.)

ЯВЛЕНІЕ I.

ДАРЬЯ, ОФФИЦАНТЪ И ДОБРОТВОРСКІЙ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ты что это, любезный, несешь?

ОФФИЦАНТЪ.

Чай-съ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

А рому-то что жъ не захватилъ?

ОФФИЦАНТЪ.

Сперва такъ обнесемъ-съ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Эхъ, братецъ! незнаешь ты кого чѣмъ подчивать. Ишь, все дѣловые люди собрались; со свѣтлыми пуговицами сидятъ.

ОФФИЦАНТЪ.

Дарья Семеновна, пожалуйста рому-съ.

ДАРЬЯ.

Что тамъ еще! О! чтобъ васъ! Рому, чтоль?

ОФФИЦАНТЪ.

Рому требуютъ-съ. (беретъ бутылку и ставитъ на подносъ).

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Дай ужъ и мнѣ, я тутъ къ сторонкѣ сяду, на просторѣ пуннику попию. (Беретъ чашку и садится на диванъ. Оффицантъ уходитъ въ дверь на право).

(Входитъ женщина въ капотъ и въ платокъ).

ЖЕНЩИНА ВЪ КАПОТѢ.

Танцы будутъ, матушка? Барышни прислали спросить. У насъ, матушка, семь барышень. Безпремѣнно, говорятъ, узнай; коли танцы будутъ, такъ и мы придемъ посмотреть.

ДАВЫДЪ.

Будутъ, будутъ. О! чтобъ васъ тутъ! *(женщина уходитъ)*

(Входятъ нѣсколько лицъ и проходятъ къ двери на право; въ дверяхъ показывается кучеръ).

ДАВЫДЪ.

Ты за чѣмъ?

КУЧЕРЪ.

Сватѣбу смотреть.

ДАВЫДЪ.

О! мужланъ, туда же лѣзетъ!

КУЧЕРЪ.

А ты что за барыня!

ДАВЫДЪ.

Да ты не хайли. Что горло-то распустишь?

КУЧЕРЪ.

А вы потише, а то неравно испугаюсь.

ДАВЫДЪ.

Говорятъ: пошелъ вонъ!

КУЧЕРЪ.

Пойду *(уходитъ)*.

ДАВЫДЪ.

О! чтобъ васъ, такъ бы кажется!... *(уходитъ)*.

(Входятъ разныя лица и смотрятъ въ дверь на право. Между ними двѣ женщины, довольно хорошо одѣтыя, дѣвушка, покрытая платочкомъ, и двое молодыхъ людей въ синихъ чуйкахъ).

1-Й МОЛОДОЙ ЧЛОВАКЪ *(дѣвушка, покрытой платкомъ).*

Позвольте узнать, — который женихъ-съ?

ДѢВУШКА.

Вотъ этотъ.

1-й молодой человѣкъ.

Такъ-съ, А гдѣ невѣста-съ?

ДѢВУШКА.

Вотъ она,

1-й молодой человѣкъ.

Такъ-съ. А вы далеко живете-съ?

ДѢВУШКА.

Нѣ доходя—прошедши.

1-й молодой человѣкъ.

Я самъ отсюда не далѣчко-съ. Позвольте васъ проводить.

ДѢВУШКА.

И безъ васъ дорогу знаемъ.

2-й молодой человѣкъ (1-му молодому-человѣку).

Что! налетѣлъ съ ковшомъ на брагу. (*Дѣвушка*). Что вы его слушаете, онъ у насъ ужъ известный по этимъ дѣламъ. (*къ 1-му*). Что ты пристаешь въ самомъ дѣлѣ. Тутъ, братъ, тебѣ нечего взять. Ишь разлѣтелся (*Дѣвушка*). Онъ намеренъ изъ городу одну въ Рубожскую провожалъ; а тамъ его метлой дворникъ и пугнулъ; такъ взадъ-впередъ даромъ пѣшкомъ и проходилъ.

1-й молодой человѣкъ.

Буде врать-то, любезный.

2-й молодой человѣкъ.

Что врать-то! не съ твоимъ, братъ, рыломъ! ты видишь, барышня какая! Что вы, сударыня, здѣшнія? (*продолжаютъ говорить шопотомъ*).

(Изъ толпы выходятъ на авансцену двѣ женщины *Дуня* и *Паша*).

ПАША.

Будто тебѣ его, Дуня, и не жалъ?

ДУНЯ.

Ничего-таки не жаль. Что я жила—маялась. Придетъ, бывало, пьяный да слаберный,—такъ какъ обьснующій какой. Я ужъ давно ему говорю: развяжи ты мою голову; хоть бы ты женился; авось остепенишься немножко. Взялъ бы, говорю, хорошенькую барышню, такъ и самъ бы, можетъ быть, сталъ порядочнымъ человѣкомъ; а то что такъ-то мотаешься!

ПАША.

Что ты говоришь?

ДУНЯ.

Да право такъ, Паша.

ПАША.

Такъ это другое дѣло. Пойдемъ посмотримъ приданое.

ДУНЯ.

Пойдемъ, Паша. *(Уходятъ въ дверь на лѣво).*

(Толпа мало по малу расходится, остаются нѣсколько старухъ. Добротворскій пьетъ пуншъ. Входятъ: Марья Андреевна и Биеволенскій).

ЯВЛЕНИЕ II.

ДОБРОТВОРСКІЙ, БИЕВОЛЕНСКІЙ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

БИЕВОЛЕНСКІЙ.

Вы, сударыня, только извольте приказывать, а ужъ я буду все исполнять въ точности.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы меня станете слушаться во всемъ, Максимъ Дорофѣичъ?

БИЕВОЛЕНСКІЙ.

Честное слово—благороднаго человѣка.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я вамъ откровенно скажу, мнѣ въ вашемъ характеръ кой-что не нравится; мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы оставили нѣкоторыя привычки. Съ тѣмъ я иду за васъ. Вы меня слушаетесь?

БИЕВОЛЕНСКІЙ.

Все, что вамъ угодно. Изъ любви къ вамъ, я на все готовъ. Вамъ не угодно было, чтобъ я водку пилъ, я ее бросилъ;

вы мнѣ не приказали табакъ нюхать, я и не нюхала. А, Платонъ Маркычъ, ты здѣсь! Приходи ко мнѣ какъ нибудь, я тебѣ подарю серебряную табакерку.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Покорно благодарю, Максимъ Дорофѣичъ, зайду какъ нибудь.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я вашъ покорнѣйшій слуга на всю жизнь. Позвольте ручку поцѣловать. Вамъ можетъ быть угодно здѣсь однимъ остаться?

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Да, мнѣ пужно поговоритъ съ Платономъ Маркычемъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ухожу-съ. Видите, какъ я послушенъ. (*Подходитъ къ Платону Маркычу*). Что, ловко я себя держу?

ДОБРОТВОРСКІЙ (*одобрительно кивая головой*).

Хорошо. (*Беневоленскій уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА и ДОБРОТВОРСКІЙ.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА

Глупа я, Платонъ Маркычъ, скажите мнѣ. Такъ вѣдь, неправда ли?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что вы! Кто смѣетъ сказать! Нѣтъ, вы у насъ умница.

МАРЬЯ АНДРЕЙВНА.

Послушайте, Платонъ Маркычъ, что мнѣ въ голову пришло. Можетъ быть вамъ это смѣшно покажется. Я думала, думала... да знаете ли, до чего додумалась? (*Добротворскій смотритъ на нее*). Только вы не смѣйтесь надо мной! Мнѣ показалось, что я затѣмъ иду за него замужъ, чтобы исправить его, сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка. Глупо вѣдь это, Платонъ Маркычъ? Вѣдь это пустяки, нельзя этого сдѣлать? А, Платонъ Маркычъ, не такъ ли? Все это дѣтскія мечты?

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Звѣріе лютые, и тѣ укрощаются....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Безъ этой мысли, Платонъ Маркычъ, я не перенесла бы своего положенія. Только этимъ я теперь и живу. Что если мечты мои не осуществятся. Это ужасно!

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Знаете ли, барышня, я вамъ русскую пословицу скажу: что будетъ, то будетъ; а что будетъ, то Богъ дастъ. А другая еще пословица говорится: суженаго конемъ не объѣдешь. *(Марья Андреевна садится на стулъ къ трюмо и задумывается).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ДАРЬЯ *(аходитъ и выгоняетъ со сцены зрителей, которые проходятъ въ заднюю дверь).*

ДАРЬЯ.

О, чтобъ васъ! куда зашли! Куда хотите смотреть, такъ стойте въ передней. Да чего и смотреть-то! Эка невидаль какая!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Поправь мнѣ прическу. *(Добротворскій уходитъ).*

ДАРЬЯ *(поправляетъ прическу).*

Барышня, Владиміръ Васильичъ, заѣхъ въ саду.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну такъ что жъ?

ДАРЬЯ.

Они просятъ позволенія войти, хотятъ поговорить съ вами.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Это что еще? Затвори эту дверь. Позови его. *(Дарья уходитъ).* Зачѣмъ онъ? Послушаемъ, что онъ скажетъ. Странно, какъ скоро я его разлюбила. Мнѣ теперь онъ представляется совершенно постороннимъ человѣкомъ. Я его жду безо всякаго волненія. А прежде? Да, прежде сердце билось у меня, очень билось.

ЯВЛЕНИЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕВНА И МЕРИЦЪ (входитъ).

МАРЬЯ АНДРЕВНА (не оборачиваясь къ нему).

Зачѣмъ вы?

МЕРИЦЪ.

Поглядѣть на васъ послѣдній разъ. Неужели вы мнѣ въ этомъ откажете!

МАРЬЯ АНДРЕВНА (поворачиваясь къ нему).

Хороша я?

МЕРИЦЪ.

Обворожительно.

МАРЬЯ АНДРЕВНА (присѣдаетъ).

Прощайте, мнѣ пора къ жениху.

МЕРИЦЪ.

Ахъ, погодите, Марья Андревна, ради Бога. Выслушайте меня. Позвольте мнѣ хоть полюбоваться на васъ еще нѣсколько минутъ.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Я слушаю. Что вамъ угодно?

МЕРИЦЪ.

Не сердитесь на меня, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Я на васъ не сержусь.

МЕРИЦЪ.

Вы хотите сказать, что я не стою того, чтобы вы на меня сердились. Извините, вы кажется меня не такъ поняли. Мнѣ хочется передъ вами оправдаться.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Въ чемъ вамъ оправдываться! Я во всемъ виню себя. Я думала, что вы человѣкъ способный любить, и ошиблась. Я искала любви, вы—интриги, побѣдъ. Мы съ вами не пара.

МЕРИЦЪ.

Васъ я любилъ истинно, Марья Андревна....

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Это неправда, Владимиръ Васильичъ. *(подумавши)*. Скажите пожалуйста, кого вы обманываете? Чемъ вы берете? Все ваши победы вѣроятно тоже, что было со мной. Дѣвушка сама бросается къ вамъ; а вы потомъ хвастаетесь побѣдой. Не такъ ли? Я бы васъ сама разлюбила скоро, какъ бы далеко не зашла наша любовь. Немного больше страданій, раскаяній, стыда; а все таки разлюбила бы васъ. Мнѣ нужно было, чтобы меня любили! Только этого я хотела.

МЕРИЧЪ.

Безцѣнная женщина.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Вы прежде не хотели меня слушать, теперь вы выслушаете меня. Какъ бы я была счастлива, еслибъ я родилась полегкомысленнѣе. Меня бы занимали наряды, маленькія интрижки, и все бы было такъ легко, весело; я бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь, я выхожу замужъ и хочу быть хорошей женой.

МЕРИЧЪ.

Боже мой, какъ я ошибался! Я не зналъ васъ, Марья Андревна. Я теперь вижу всю пошлость своего поведенія...

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Незнаю, отъ души вы сожалеете или нѣтъ; но я вамъ вѣрю, не хочу васъ обижать. За себя я на васъ не сержусь; я бы желала только, чтобы это послужило вамъ урокомъ. Разстанемся друзьями. *(Протягиваетъ ему руку)*.

МЕРИЧЪ *(цѣлуетъ ее руку)*.

Мери, я люблю тебя.

МАРЬЯ АНДРЕВНА.

Поздно, Владимиръ Васильичъ, поздно... Передо мной новый путь, и я его напередъ знаю. У меня еще много впереди для женскаго сердца! Говорятъ, онъ грубъ, необразованъ, взяточникъ; но это быть можетъ отъ того, что подлѣ него не было порядочнаго челоуѣка, не было женщины. — Говорятъ, женщина много можетъ сдѣлать, если захочетъ.

Вотъ моя обязанность. И я чувствую, что во мнѣ есть силы. Страстность души, которая чуть не погубила меня, теперь мнѣ нужна, для того будетъ благородное употребленіе. Я заставляю его любить меня, уважать и слушаться. Наконецъ—дѣти, я буду жить для дѣтей. Вы улыбаетесь! Какъ это честно съ вашей стороны! Даже еслибы все, что я вамъ говорю, были мечты—одни, которымъ никогда не осуществиться, вы все таки недолжны разочаровывать меня. Мнѣ они нужны, чтобы поддержать меня въ моемъ теперешнемъ положеніи... Ахъ, Владиміръ Васильичъ, Богъ съ вами.... Въдъ мнѣ тяжело.... мнѣ очень тяжело. —И никто не хочетъ знать этого.

МЕРИЧЪ.

Я вамъ желаю всякаго счастья. Но, мнѣ кажется, что съ такимъ человѣкомъ оно для васъ невозможно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, Владиміръ Васильичъ, вамъ не видать моихъ страданій. Я не доставлю вамъ удовольствія пожалѣть меня. Какія бы не были обстоятельства, я хочу быть счастливой, хочу,—чего бы мнѣ это не стоило. За что-же мнѣ страдать? Разсудите сами,—ну разсудите. За то, что я ошибалась, что меня безжалостно обманывали, что я наконецъ исполняю долгъ и спасаю мать. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.... Я буду счастлива, буду любима... Не правда-ли? Скажите... да, да.... Говорите же! Мнѣ такъ нужно, не противорѣчайте мнѣ...

МЕРИЧЪ (подумавъ).

Да!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Покорно васъ благодарю. Прощайте. *(Уходитъ).*

МЕРИЧЪ (одинъ).

Какая умная девушка! Желалъ бы я знать, что она обо мнѣ думаетъ. Не ужели она меня считаетъ пустымъ человѣкомъ!... А впрочемъ еще слава Богу, что такъ кончилось,—будь она поглупѣе, такъ не зналъ бы какъ и развязаться, однимъ упрекомъ не было бы конца; а еще, пожалуй, женили бы.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ИВАНЪ И МЕЛАНХИЯ (закрываетъ).

МЕЛАНХИЯ.

И вы здѣсь!

Да, приходилъ проститься съ Мери. Я ее любилъ, Иванъ Ивановичъ. Я отъ васъ не скрою: для меня очень чувствительно потерять такую женщину. Ахъ, какъ она меня любила; и вы посмотрите на нее теперь! сколько у ней воли, какъ она твердо переноситъ свои страдания! Только я знаю, какъ она страдаетъ. Я не говорю про себя, я мужчина. Вы здѣсь на вечеръ?

МЕЛАНХИЯ.

Да.

ИВАНЪ.

Сдѣлайте милость, если замѣтите, что она будитъ очень грустить, тутешайтеее, вы мнѣ этимъ своимъ обожаньемъ, пожалуйста, старайтесь сдѣлать такъ, чтобы ей не напоминало меня. Я на васъ надеюсь, Иванъ Ивановичъ. Прощайте.... (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

МЕЛАНХИЯ (одна).

Однако это ужасно. Въ цѣлый вечеръ она не сказала со мной ни одного слова, а приходилъ сюда прощаться съ Мери. Я хожу, тоскую три часа сряду, и хотѣла бы даже взглянуть. Это ужасно досадно. Имя лицо у меня не такъ выразительно, что ли. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы лицо мое выражало теперь самую глубокую скорбь. (Смотритъ въ зеркало). Фу, какое глупое выражение, смѣшное даже! Нѣтъ, пусть же она замѣтитъ злую иронию въ моихъ глазахъ. (Смотритъ въ зеркало). А если она не захочетъ замѣтить. Ахъ, да изъ чего же я хлопочу.... Уйти! Она пожалуй не замѣтитъ моего отсутствия. А! чортъ возьми... Нѣтъ, останусь. Буду хладнокровный зритель, буду смотреть холодно. Изъ чего я въ самомъ дѣлѣ горячусь. А какъ она нынче хороша-то! Какъ держитъ себя! Нѣтъ, чортъ возьми, это ужасно досадно. И какіе

скоты все кругомъ нея! У меня, кажется, нынче разольется жолчь. И этотъ женихъ, этотъ женихъ! И она еще къ нему ласкается. Никъ, она заманиваетъ какими-я глазами буду глядѣть на него. (Уходитъ).

(Разныя лица проходящяго сѣли къ двери на право).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Михайловичъ и докторъ (сидятъ подлѣ другъ).

Михайловичъ.

Благодаренъ тебѣ, Платонъ Маркычъ, весьма благодаренъ. Ты меня много, много обязалъ. Марья Андревна и умна и образована. Именно такую жену мнѣ и нужно.

докторъ.

Хе, хе, хе! любезный! Что ужъ теперь токовать. Подлинно молодецъ! Какова не есть, ужъ теперь нечего назадъ пятиться!.. Шушу, шушу!..

Михайловичъ.

Да-съ, я тебѣ скажу, съ этокой женой не стыдно показаться въ общество. (Осмаиваясь передъ зеркаломъ и глядя подбородокъ). Чужъ, насъ будетъ пара, какъ ты думаешь.

докторъ.

Ахъ, какъ проказникъ! (скачетъ). Ишь ты, маня дитучки выдумывать.

Михайловичъ.

Чѣму же ты смеешься?

докторъ.

Будетъ вамъ проказничать-то? Уморил со смѣху. Поцѣлуетесь. (Целуются).

Михайловичъ (въ сторону).

Чѣму онъ смеется? (Доктору). Послушай, Платонъ Маркычъ, у меня есть къ тебѣ серьезное дѣло.

докторъ.

Что прикажете?

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ (берет его под руку).

Всѣ мы были молоды. (Добротворскій киваетъ головой въ знакъ согласія). Молодость, какъ ты знаешь, имѣетъ свои слабости. Ты самъ это очень хорошо знаешь, иначе я бы тебѣ и не сталъ говорить.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Всѣ мы грѣшны и всѣ мы смертны....

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Это правда, да не объ томъ рѣчь! Ты выслушай. Ошибки также весьма свойственны молодости. Я любилъ одну дѣвушку.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Гм. Скажите! Хорошенькая была дѣвушка?

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Очень недурна. Ну конечно изъ низкаго сословія; но очень недурна. Только характеръ у нея совсѣмъ не соответствовалъ наружности. Ревнива...

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Вамъ это кажется удивительно. Эхъ молодость! Поживите-ко съ нами, такъ не то увидите. Вотъ я вамъ сей-часъ какую исторію расскажу, вотъ послушайте, не вашей чета, а то что вы мнѣ рассказываете! Это еще до француза было.

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Ахъ, какой ты безтолковый, Платонъ Маркычъ! Я боюсь, что она сюда придетъ.

ДОБРОТВОРСКИЙ.

Кто?

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Эта дѣвушка-то,

ДОБРОТВОРСКИЙ.

За чѣмъ? Нѣтъ, за чѣмъ она пойдетъ, что вы говорите.

ВИНЕВОЛЕНСКИЙ.

Пойми ты меня, Платонъ Маркычъ, я тебѣ говорю, что она ревнива, такъ я боюсь, чтобы она тутъ шуму какого не наделала.

ДОБРОТВОРСКІЙ

Вотъ что! а! Теперь я васъ понимаю.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Такъ ужъ ты распорядись, братецъ, такъ, чтобы не пускали никого постороннихъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Чтожъ вы, отецъ мой, у меня съ Марьей-то Андреевой дѣлаете. Вы, вѣдь, такъ у меня ее уморите, сердечную.... А ужъ вы, батюшко, эти глупости-то оставьте.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Что ты, что ты! Я давно оставилъ. Только все таки осторожность не мѣшаетъ. Понимаешь ты меня?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо-съ, теперь понимаю. *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ *(одинъ)*.

Въ жизни главное дѣло умъ и предусмотрительность. Что такое я былъ? и кто я теперь? Вотъ она исторія-то! Бывало всякому встречному кланяешься, чтобы тебя не прибилъ какъ нибуздъ; а теперь вѣдь и рукой не достанешь. И капиталъ есть, и жену красавицу нашелъ. Чортъ возьми! *(пожимаетъ руки потомъ деретъ себя за хохолъ)*. Ахъ, ты Максимко Беневоленскій! А думалъ ли ты объ этомъ счастьи, сидя въ школѣ въ затрапезномъ халатѣ! Ничего, братецъ. Вотъ, *(стучитъ себя пальцомъ по лбу)* вотъ чѣмъ пробьемъ себѣ дорогу. Нужда умъ родить; а умъ родитъ деньги. А съ умомъ да съ деньгами все можно сдѣлать! *(задумывается)*. Не поучиться ли мнѣ танцевать? поучусь. Или ненадо! нѣтъ, что! Дѣловому человеку неловко. А иногда такъ тебѣ и хочется плясать *(немного подпрыгиваетъ, проходитъ разныя лица изъ вѣтъ, онъ становится въ привычную позу и закладываетъ руку за оклеть. Изъ двери на лѣво выходятъ 1-я и 2-я женщины, Паша и Дуня)*.

ДУНЯ.

Ахъ, Максимъ Дорофѣвичъ, здравствуйте. Наше вамъ почтеніе! (Бензвоникой отворачивается въ сторону.) Чтожь ты меня не узналъ, чтоли?

БЕНЗВОНΙΚΟΙ.

Ахъ, это ты, Дуня! За чѣмъ же ты....

ДУНЯ.

Нѣвѣсту твою познакомиться.

БЕНЗВОНΙΚΟΙ.

Да какъ же это! вѣдь я не вѣдьль было...

ДУНЯ.

Что это не вѣдьль? ты меня пускать не вѣдьль! Ахъ, безсердечный ты человекъ! Безсердечіе твоё глаза.

БЕНЗВОНΙΚΟΙ.

Нѣтъ, я ничего. Я такъ! Чтожь, Дуня, посмотри поди. Тамъ вѣдь невеста, тамъ приданое.

ДУНЯ.

То-то посмотри! Не глядѣли-бъ мои глаза-то, кажется, на тебя. Вотъ, Паша, смотришь посылаетъ, видишь какой добрый! Самъ все покажетъ. Чтожь, матушка, вѣдь неужной. Ахъ, ты соколикъ!

БЕНЗВОНΙΚΟΙ.

Ты, Дуня, поосторожный—увидѣть кто нибудь, на коровню! (становится въ позицію).

ДУНЯ.

А хочешь, сей-часъ дебошъ сделаю!

БЕНЗВОНΙΚΟΙ.

Дура, дура! Что ты? Что ты?

ДУНЯ.

Не бойся, не бойся! Что ты испугался? я не въ тебя.

БЕНЗВОНΙΚΟΙ.

Нѣтъ, Дуня, полно въ самомъ дѣлѣ. Коли тебѣ что нужно, ты лучше ко мнѣ на домъ приходи.

ДУНЯ.

Не пойду я къ тебѣ, не беспокоюсь.

Видная невеста.

А здесь, Дуня, тебе не жаль? Посмотри невесту и ступай.

Дуня.

Уж я видела! Хороша, вѣдь, Паша, уж можно сказать, что хороша. (Къ Бенедиктову.) Только слышешь ли ты съ этой женой жить? Ты смотри, не забудь чужаго вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенишься, тогда жене хорошеняко! Это вѣдь не со мной; жили, жили, да и было, даковъ. (Утираетъ глаза).

Паша.

А ты говорила, что тебѣ не жаль.

Дуня.

Вѣдь я его любилъ, когда-то. Что же, надо же когда нибудь разставаться; не вѣкъ такъ жить. Ей же хорошо, что женится; авось будетъ жить порядочно! А все-таки, Паша, ты то видишь, лѣтъ пять жили.... вѣдь жалко. Конечно, не много я отъ него добраго видѣла.... больше слезъ, одного сраму что перенесла. Такъ, ни за что прошла молодость, и помнѣть нечего.

Паша.

Что дѣлать, Дуня.

Дуня.

А вѣдь бывало и ему рад-раденяко, какъ придетъ. Смотришь, жила хорошеняко.

Видная невеста.

Ну ужь конечно.

Дуня.

То-то же. Эта вѣдь тебѣ на вѣкъ, не то, что, Ну, прощай, не поминай лихомъ, добромъ нечего. Что это я, какъ дура расплыкалась въ самомъ дѣлѣ! О! Махнемъ рукой, Паша; завяжемъ горе веревочкой.

Видная невеста.

Прощай, Дуня!

Дуня.

Адѣ, мусѣ!—Поидежъ, Паша. (Уходитъ).

ЖЕНИХОВЫЙ.

Сумаспешная женщина! Еще хорошо, что такъ обошлось. Однако я было перетрухнулъ. (*Входитъ оффиціантъ*). Дай-ко мнѣ, братецъ, рюмочку хересу. Фу! какъ гора съ плечъ. (*Оффиціантъ подаетъ*). Благодарю, любезный. (*Уходитъ*).
(*Появляются на сценѣ разные лица*).

ДВѢ ЖЕНЩИНЫ.

1-Я.

Вотъ, говорятъ: не завидуй! Какъ-то тутъ не завидовать! Одна дочь, и той какого молодца подѣли; а у меня вотъ три, да нейдутъ съ рукъ. Что ты хочешь дѣлай! А вѣдь, чай, малаго-то опутали какъ-нибудь, а то гдѣ бъ ему жениться, вѣдь за ней ничего нѣтъ?

2-Я.

Ну ужъ, матушка, нашла кому позавидовать.

1-Я.

А что?

2-Я.

Да, говорятъ, такой соколъ, что беда.

СЕМЬ НАРЫШНИКЪ.

1-Я.

Чтожъ это! сказали, что танцы будутъ, а танцевъ совсѣмъ и нѣтъ.

2-Я.

Какъ тебѣ невеста понравилась?

1-Я.

Ничего нѣтъ особеннаго.

2-Я.

А мнѣ такъ вовсе не понравилась.

3-Я.

Сентиментальна очень.

4-Я.

Должно быть собой очень занята.

5-Я

Такой невинностью прикидывается; а сама, думаю, раде-хонька.... Да вѣдь ужь и года.

6-Я.

Ты бы ужь лучше не говорила о годахъ-то. Небось мы съ тобой моложе.

7-Я.

Пойдемте домой. (*Уходятъ*).

Музыканты проходятъ по сценѣ, барышни возвращаются и стоятъ около двери).

ДВѢ СТАРУХИ.

1-Я СТАРУХА.

Сундуки-то кованые, да должно быть пустые.

2-Я СТАРУХА.

Анъ нѣтъ, полные.

1-Я СТАРУХА.

Гдѣ ужь полные? У нихъ всего и добра-то кругомъ пальца обвести.

2-Я СТАРУХА.

Ты въ чужіе-то сундуки лазила чтоль?

1-Я СТАРУХА.

Я не лазю,—можетъ, кто другой лазить.

2-Я СТАРУХА.

Тебѣ только пересуживать; а самое-то съ чѣмъ отдавали.

1-Я СТАРУХА.

Да ужь почище тебя.

2-Я СТАРУХА.

А кто по чужимъ дворамъ дрова воруетъ?

1-Я СТАРУХА.

Врешь, я не ворую.

2-Я СТАРУХА.

Анъ воруетъ.

1-Я СТАРУХА.

Ахъ ты.... (*скрываются въ толпу*).

ЯВЛЕНИЕ X.

АННА ПЕТРОВНА, ДОВРОТВОРСКИЙ И ДАРЯ (выходятъ изъ двери направо).

АННА ПЕТРОВНА.

Охъ, захлопоталась я нынче совсѣмъ, моченьки моей нѣтъ. Отдохнуть присѣсть. (Садится на диванъ).

ДОВРОТВОРСКИЙ.

Что жъ! свои вѣдь, сударыня, хлопоты. Своя ноша не тянетъ, говорится пословица. Благо все устроили.

АННА ПЕТРОВНА.

Ужъ какъ я рада-то, Платонъ Маркычъ, вы себѣ и представить не можеге. Пора ужъ и мнѣ знать покой. Женщина я слабая, сырая. Во всемъ должна была себѣ отказывать. А я вѣдь, какъ при покойникѣ-то жила, вы знаете, всѣмъ была избалована.

ДОВРОТВОРСКИЙ.

Въ холѣ жили и въ нѣженъ, Анна Петровна.

АННА ПЕТРОВНА.

И я вамъ скажу, Платонъ Маркычъ, какъ я сватьбы всегда любила. Меня хлѣбомъ не корѣи, только гдѣ бы нибудь на сватьбѣ пировать. Вотъ теперь Богъ привелъ дочку выдавать. Ужъ не чаяла, какъ и дожидаться-то такой радости. Во снѣ сколько разъ снилось. То приснится мнѣ, что пляшу я, вотъ такъ и пляшу, такъ и пляшу. Вѣкъ я смолodu-то плясывала. А то вижу я разъ, будто пьяна, вотъ такъ таки совсѣмъ пьяна, и побранилась я съ вами на чемъ свѣтъ стоитъ.

ДОВРОТВОРСКИЙ.

Къ радости, сударыня.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну да, слава Богу, все теперь устроилось.

ДОВРОТВОРСКИЙ.

Слава Богу, слава Богу.

АННА ПЕТРОВНА.

Дай-ко намъ, Даша, винца какого нибудь. Мы съ Пла-

тономъ Маркычемъ выпьемъ на радости. (*Дарья подаетъ на поднось бутылку и рюмки и ставитъ на столъ*).

ДОВРОТВОРСКИЙ (*пьетъ*).

Честъ икъю поздравить, Анна Петровна. Дай Богъ вну-
чать и правнучать дождаться.

АННА ПЕТРОВНА.

Покорно благодарю, Платонъ Маркычъ. Вамъ, батюшко,
мы всемъ этимъ обязаны.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*входитъ*).¹

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы здѣсь, маменька? Я васъ ищю (*подходитъ къ матери*).

АННА ПЕТРОВНА.

Что тебѣ, душенька, что тебѣ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ, маменька, что-то мнѣ очень скучно ста.ю. (*Садится на диванъ и припадаетъ къ матери головой*).

ДОВРОТВОРСКИЙ (*беретъ бокалъ*).

Что дѣлать-то, барышня, надобно привыкать! За ваше
здоровье. Будете богаты, тогда и насъ не забудьте. Хе, хе,
хе. Пожалуйте ручку, барышня (*цѣлуетъ*).

АННА ПЕТРОВНА (*пьетъ*).

Ну, дочка, будь счастлива, не поминай лихомъ мать ста-
руху. Поживешь, сама узнаешь, что такое дѣтя-то (*цѣлуетъ*).
Нравится ли онъ тебѣ? Признаться сказать, скоренько дѣло-то
сдѣлали; кто его знаетъ, въ него не влезешь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*въ слезахъ*).

Ничего, маменька, онъ мнѣ нравится. Вы не глядите,
что я плачу; это такъ отъ волнснїя. (*Прислушивается*). По-
годите, послушаемте, что говорятъ.

ДВѢ СВАХИ ВЪ СТОРОНѢ.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Ты говоришь, Карповна, что богатый человекъ.

КАРПОВНА.

Богатый то богатый, такъ съ богатымъ-то надо жить
умючи. Другой нравный, любить, чтобы ему угождали.

Иногда и пьяный придетъ; другой любитъ, чтобъ жена за нимъ ухаживала, никого изъ людей не подпускаетъ. А гдѣ ей это знать.

ТАНКРАТЬЕВНА.

Гдѣ знать! Ты вотъ возьми, вѣдь онъ чиновникъ. Ну а чиновникъ уже все не такъ пышно живетъ. А жоны-то все, то платье изъ магазина, то шляпка изъ магазина; а нѣтъ, чтобы хозяйничать, да мужу помогать. Все наровять на мужа взвалить. Ну одному-то и тяжело. Гдѣ жъ ей то знать, какая она хозяйка!

КАРПОВНА.

Гдѣ знать!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, онъ ошибаются, я это знала и знаю, я только не надолго позабыла, что я бѣдная невеста. Право, мнѣ кажется, что я буду счастлива, а если нѣтъ... если нѣтъ, такъ ужъ это я буду виновата, а не вы. Никто не посмѣетъ упрекнуть васъ. Чѣмъ же вы виноваты. Вы все для меня сдѣлали, что могли. Теперь ужъ я сама попробую что нибудь для себя сдѣлать. (*Цѣлуетъ мать*). Я незнаю, какъ онъ меня, а я его ужъ теперь люблю.

Изъ другой комнаты слышна музыка; Беневоленскій выходитъ, Марья Андреевна идетъ къ нему навстрѣчу и подаетъ руку).

ДОВРОТВОРСКІЙ (*подаетъ руку Аннѣ Петровнѣ*).

А мы съ вами, сударыня, польскую пройдемся (*уходятъ*).

ОДНА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Это, чтоль, невеста-то?

СТАРУХА.

Эта, матушка, эта.

ЖЕНЩИНА.

Ишь ты какъ плачетъ, бѣдная.

СТАРУХА.

Да, матушка, бѣдная; за красоту беретъ.

Конецъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ МЕЙСТЕРЪ.

Сочиненіе Гёте.

ГОДЫ УЧЕНІЯ.

ПРЕДУВЪДОЖЕНІЕ

Мы рѣшились въ цѣлости передать нашимъ читателямъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній великаго нѣмецкаго поэта, надѣ которымъ, равно какъ и надѣ Фаустомъ, работалъ онъ въ разныя эпохи жизни, которое связалось, такъ сказать, съ его собственнымъ существомъ, — хотя и не можетъ назваться полнымъ откровеніемъ его личности. Самъ Гёте вездѣ и нигдѣ въ своихъ произведеніяхъ: не ищите уловить его ни въ Фауста, ни въ Мейстера, ни даже въ *Dichtung und Wahrheit*. Онъ безпрестанно мѣняетъ свою змѣиную кожу. Безпрестанно ускользаетъ отъ вашего наблюденія: художникъ по натурѣ, онъ все, даже личныя впечатлѣнія, возводитъ въ общіе образы.

Первая часть Вильгельма Мейстера явилась въ 1794 году, и въ какой степени сильно подѣйствовалъ тогда на массу читателей этотъ романъ, можно судить по тому, что многіе, между прочимъ даже Шиллеръ, въ восторгѣ отъ Мейстера, говорили, что здѣсь романъ возвысился до эпоса. Мы въ настоящую минуту имѣемъ право поставить его только въ главѣ всѣхъ практически-прагматическихъ романовъ, появлявшихся въ ту эпоху: на немъ лежитъ клеймо его времени, отъ вліянія котораго натура Гёте не могла освободиться по самой своей всесторонности. Романы той эпохи писались обыкновенно съ напередъ заданною практическою мыслію; такъ и здѣсь есть своя мысль, своя общая схема — артистическая жизнь: самъ Гёте въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Мерку признается въ этомъ.

Между тѣмъ, оконченъ былъ романъ вовсе не такъ уже, какъ началъ: «*Годы странствованій*» не похожи на «*Годы ученія*», — даже манера изложенія въ нихъ другая: на сколько эпическаго въ первой части романа, на столько дидактична и созерцательна другая. Шиллеръ съ своей обыкновенной критической про-

внимательностью обозначилъ эту разницу. И въ самомъ дѣлѣ, не трудно видѣть, что эта первая часть — свѣтлая, полная жизни, съ своей широкой задачей и многообразнымъ развитіемъ, — принадлежитъ къ юношеской порѣ дѣятельности Гете; вторая же часть своей темнотою, странныю таинственностью, говоритъ о старости. Самый характеръ героя совершенно измѣняется въ «Годахъ странствованій», — ясно, что великій поэтъ раскрываетъ нѣкоторымъ образомъ свой собственный психологическій процессъ, — но онъ пропустилъ переходные пункты отъ одного состоянія къ другому, высказалъ слишкомъ скупомъ — и это повредило его произведенію. Переходъ отъ того, чѣмъ былъ Гете самъ по себѣ, къ тому, чѣмъ сдѣлался онъ мало по малу, и подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, выходъ изъ натуры страстной въ натуру рефлектирующую и спокойную — герой его совершаетъ слишкомъ быстро, измѣняется слишкомъ радикально подъ вліяніемъ кружка людей, отъ которыхъ мы слышимъ прекрасныя вещи, но которыхъ дѣятельности мы не видимъ; для насъ не ясно, почему эти люди стали учителями Мейстера, почему Мейстеръ составляетъ для нихъ особенный предметъ интереса, — почему ихъ таинства такъ мгновенно преобразуютъ заблуждавшіеся. Конечная цѣль произведенія обозначена, впрочемъ, довольно ясно, и еще яснѣе опредѣлена Шиллеромъ: «Вильгельмъ изъ безсодержательнаго и неопредѣленнаго идеала переходитъ въ опредѣленную дѣятельную жизнь, но не уничтожая въ себѣ идеализирующей силы» — состояніе, которое Шиллеръ называетъ «золотой серединою» между фантастичностью и эллистерствомъ. Подъ *Годами же ученья* самъ Гете разумѣетъ такую полосу человеческой жизни, когда человекъ ищетъ во внѣ себя того, что долженъ искать внутри себя.

Но довольно о философской основѣ романа, тѣмъ болѣе, что анализъ ея завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Мы предлагаемъ публикѣ только первую, живую часть романа, т. е. «Годы ученья». О прелести ея подробностей, объ оригинальности лицъ, писано и говорено уже у насъ очень много, особенно въ тѣ времена, какъ о Гете говорилось съ какимъ-то таинственнымъ благоговѣніемъ, — и, разумеется, писано и говорено болѣею частью по наслышкѣ. Боямся даже, чтобы эти толки не повредили удовольствію, которое хотѣли бы мы доставить нашимъ читателямъ. Горе имъ, если они примутся за романъ Гете съ напередъ заданною мыслию, если въ его чудныхъ, жизненныхъ подробностяхъ будутъ отыскивать, по гоголевскому выраженію, «высокаго и таинственнаго значенія», — если въ *Миньонѣ* будутъ они видѣть нѣчто аллегорическое. Алле-

горя убиваетъ поэзію—и, кромѣ того, ничего не поясняетъ. Любуйтесь образомъ, наслаждайтесь чувствомъ. По слову самого Гёте:

Чувство—все,
Имя—звукъ и дымъ
Вокругъ огня небесъ!...

Разоблачите жизнь—что отъ нея останется?

Въ заключеніе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о переводѣ; хотя говорить въ наше время о переводѣ романа, едва ли не значитъ подвергнуться насмѣшливому обвиненію въ педантизмѣ или въ претензіи. Пусть такъ - а все-таки добросовѣстность требуетъ подобнаго объясненія. Мы лично убеждены, что переводъ художественнаго произведенія можетъ быть только бѣднымъ сколкомъ съ него,—хорошо, если сколокъ хоть немного передаетъ общія черты оригинала. А для этого—сколокъ долженъ быть вѣренъ и точенъ въ подробностяхъ. Да не сътуютъ на насъ читатели за то, что, желая познакомить ихъ съ замѣчательнымъ произведеніемъ Гёте, мы старались по возможности сохранить вездѣ тонъ и колоритъ оригинала; думаемъ впрочемъ, что мистъ, отмѣченныхъ нѣмецкой запутанностью постройки, найдется не очень много въ нашемъ переводѣ. Просимъ только читателей не забывать словъ Гёте:

Кто хочетъ понять поэта,—
Долженъ идти въ страну поэта,

идти, конечно, не въ буквальномъ смыслѣ, а помнить, что космополитъ Гёте—все-таки Немецъ по языку, по формѣ изложенія. И мы думаемъ, что, смотря съ этой точки зрѣнія, они найдутъ особенную прелесть въ его манерѣ. Ничего не могло быть легче, какъ передать на русскій ладъ многіе періоды и многія фразы романа, но такой переводъ былъ бы, по нашему мнѣнію, самою грубою эстетическою и въ высшей исторической ошибкою. Повторяемъ опять: и Гёте — Немецъ, и Мейстеръ его—Немецъ. Место и время положили свою печать на высокое произведеніе.

Переводчикъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Спектакль шелъ очень долго. Старая Барбара подходила нѣсколько разъ къ окну и прислушивалась, не загремитъ ли экипажъ. Она ждала Маріанну, свою прекрасную госпожу, обворожавшую сегодня публику въ роли молодаго офицера, въ дивертисманъ,—съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ обыкновенно, когда ей нечего было поставить на столъ, кромѣ утѣреннаго ужина. На этотъ разъ Маріанну долженъ былъ изумить неожиданно пакетъ, присланный молодымъ богатымъ купцомъ Норбергомъ по почтѣ, въ доказательство, что онъ и въ разлуку помнитъ о своей милой.

Барбара, какъ старая прислужница, наперстница, советница, агентка и домораспорядительница, имѣла право все распечатывать, а въ этотъ вечеръ, тѣмъ менѣе могла совладѣть съ своимъ любопытствомъ, что благосклонность щедраго пріятеля была къ ея сердцу даже ближе, чѣмъ къ сердцу Маріанны. Къ величайшей своей радости нашла она въ пакетъ кусокъ тонкой кисси и ленты послѣдняго фасона для Маріанны, да для себя лично кусокъ ситца, шейные платки и свертокъ денегъ. Съ какимъ сочувствіемъ, съ какой благодарностью помянула она отсутствующаго Норберга! какъ живо обещала она себѣ выставить его въ самомъ лучшемъ свѣтъ передъ Маріанной, напомнить ей, чѣмъ она ему обязана, и какой вѣрности въ правѣ онъ ожидать и надѣяться.

Кисей, отъѣненная цвѣтами полуразвернутыхъ лентъ, словно рождественскій подарокъ, лежала на столикѣ; разстановка свѣтъ возвышала блескъ подарка; все было въ порядкѣ, когда старуха слышала шаги Маріанны по лѣстницѣ и побѣжала къ ней навстрѣчу. Но какъ же осыпалась она, когда маленькій офицерикъ женскаго пола, не обращая вниманія на ласковыя рѣчи, опередивши ее, съ необычайнымъ шумомъ и

волнѣніемъ вбѣжала въ комнату, бросилъ на столъ шляпу съ перомъ и шпагу, заходилъ взадъ и впередъ, и ни однимъ взглядомъ не удостоилъ торжественнаго освѣщенія.

— Что это ты, милочка! вскричала старуха въ изумленіи. Господи Ты Боже мой! дочка, что съ тобою? Взгляни-ко ты на подарки. Отъ кого и быть имъ, какъ не отъ твоего нѣжнаго друга?... Норбергъ шлетъ тебѣ муслину на плафрокъ; скоро онъ самъ будетъ: чуть ли онъ сталъ не еще усерднѣй и щедрѣй!

Старуха оборотилась, и хотѣла было показать подарки, которыми онъ и ее вспомнилъ, но Маріанна, отворачиваясь отъ посылокъ, вскричала съ увлеченіемъ:

— Прочь, прочь! нынче не хочу я ни о чемъ объ этомъ знать; я тебя слушалась, ты того хотѣла — ну будь такъ! Вернется Норбергъ, я опять его, опять твоя, дѣлай со мной, что хочешь, — а до тѣхъ поръ, хочу жить для себя — и будь у тебя тысяча языковъ, не отговорить тебѣ меня отъ моего намѣренія. Все это свое — отдамъ я тому, кто меня любитъ и кого я люблю. Пожалуйста безъ гримасъ! Я хочу вся, вся отдаться этой страсти, отдаться такъ, какъ будто суждено продлиться ей вѣчно.

У старухи не оказалось недостатка въ возраженіяхъ и представленіяхъ; но когда, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, она сдѣлалась дерзка и груба, — Маріанна бросилась на нее и схватила за горло. Старуха громко захохотала.

Ну, вижу, вскричала она, что надобно поскорѣй надѣтъ на васъ опять длинное платье, а то мнѣ не одобровать! Раздѣвайтесь-ка. Авось дѣвушка извинится въ грубости маленькаго юнкера; долой мундиръ и поскорѣй! все долой — пренеудобное это платье и преопасное для васъ, какъ я замѣчаю. Эполеты придаютъ вамъ черезъ-чуръ ужъ много отваги!

Старуха принялась было за дѣло, — Маріанна вырвалась.

— Не торопись! сказала она: я жду еще нынче гостя.

— Не хорошо, возразила старуха. Авось хоть не молодого, сладкаго и голопераго купческаго сынка?...

— Его-то именно, отвѣчала Маріанна.

— Ну, кажется, великодушіе становится у васъ главною страстію, замѣтила старуха насмѣшливо; вы что-то очень ревностно принялись за несовершеннолѣтнихъ, за неимущихъ. Должно быть пріятно, когда обожаютъ, какъ безкорыстную расточительницу?

— Насмѣхайся, какъ хочешь. Я люблю его! Я люблю его. Съ какимъ восторгомъ говорю я впервые теперь эти слова! Вотъ она—страсть, которую я такъ часто представляла, о которой не имѣла никакого понятія. Да, броситься бы ему на шею, обнять бы его словно на вѣки... Всю свою любовь отдамъ я ему, упиюсь его любовью во всей ея полнотѣ.

— Умѣрьте восторги, сказала старуха спокойно, умѣрьте восторги, я перерву вашу радость однимъ словомъ. Норбертъ пріѣдетъ, черезъ двѣ недѣли пріѣдетъ! Вотъ его письмо, что прішлю вмѣстѣ съ подарками.

— Да хоть бы завтрашнее солнце отняло у меня моего друга,—я знать не хочу объ этомъ. Двѣ недѣли! Цѣлая вѣчность! чего не случится въ двѣ недѣли, чего не переживется!

Вильгельмъ вошелъ. Съ какимъ увлеченіемъ полетѣла она къ нему на встрѣчу! съ какимъ восторгомъ обвилъ онъ руками красный мундиръ! какъ прижалъ онъ къ груди своей бѣлый атласный жилетъ! Кто осмѣлится здѣсь описывать, кто сумѣетъ высказать блаженство двухъ Любящихъ! Старуха ушла съ ворчаньемъ; мы удаляемся вмѣстѣ съ нею и оставляемъ двухъ счастливицевъ однихъ.

ГЛАВА II.

Когда Вильгельмъ пришелъ на другой день утромъ здороваться съ матерью, она сообщила ему, что отецъ очень сердится, и намѣренъ непременно запретить ему ежедневное посѣщеніе театра. —Хоть я и сама, продолжала она, съ болѣею охотою бываю иногда въ театрѣ, но теперь я готова часто его проклинать, потому-что мой домашній миръ нару-

нается твоей неувырвенною страстію къ этому удовольствію. Отецъ все твердитъ: къ чему это поведетъ? Какъ можно такъ губить время?

— Я уже самъ слыхалъ это отъ него нѣсколько разъ, отвѣчалъ Вильгельмъ, и можетъ быть, отвѣчалъ ему немного рѣзко, — но вѣдь, ради неба, матушка, неужели все то ни къ чему не ведетъ, что намъ не прямо приноситъ деньги, что намъ не тотчасъ даетъ выгоду? Тѣсно что ли было намъ въ старомъ домѣ? и нужно что ли было строить новый? батюшка употребляетъ же ежегодно порядочную часть прибытка отъ торговли на украшеніе комнатъ! А шелковые обои, и англійская мебель — вѣдь это все — тоже не нужно? Развѣ мы не прожили бы съ чѣмъ-нибудь попроще? Я по крайней мѣрѣ признаюсь, что на меня эти испещренныя стѣны, эти тысячу разъ повторяющіеся цвѣты, гирлянды, корзины и фигуры, дѣлаютъ пренепріятное впечатлѣніе. Право, они точно масть театральныя занавѣсы. Только какая разница, когда сидишь передъ ними. Хоть и ждешь долго, да знаешь, что поднимется онъ вверхъ и увидишь за нимъ много такого, что займетъ тебя, просвѣтитъ и возвыситъ.

— Будь ты только поумвреннѣе, сказала мать: отецъ тоже хочетъ развлечься вечеромъ; ну и думаетъ онъ, что это тебя слишкомъ разсѣиваетъ: а вѣдь подъ конецъ, когда онъ въ дурномъ расположеніи духа, я же выхожу виновата. Сколько разъ должна я была выносить упреки за эту проклятую кукольную комедію, что лѣтъ за двѣнадцать тому показываю вамъ на рождество, отъ которой и завелась у тебя охота къ театру.

— Не браните кукольную комедію, не кайтесь въ своей любви и предупредительности. Это были первыя мои сладкія минуты въ новомъ, дурномъ домѣ; до сихъ поръ представляется еще мнѣ эта минута, помню, какъ странно было мнѣ, когда, послѣ раздачи обыкновенныхъ рождественскихъ подарковъ, вѣдали намъ съестъ противъ двери, которая вела въ другую комнату. Отворилась наконецъ дверь — только не для прежней былойни назадъ и впередъ; въ дверяхъ стояло что-то неожиданно-праздничное. Возвышался порталъ, закрытый таинст-

веннымъ запахѣсомъ. Сначала стояли мы всѣ поодаль—и между тѣмъ, какъ росло и росло въ насъ любопытство посмотреть, что такое свѣтитя и шумить за полупрозрачнымъ покровомъ, посадили насъ, каждаго на стульчикъ, и велѣли ждать терпѣливо.

Такъ и сидѣли всѣ и молчали; свистокъ подалъ сигналъ, занавѣсъ вздернулся къверху и открылась ярко-красно расписанная внутренность храма.

Самуилъ явился съ Юнаваномъ, и съ благоговѣніемъ внималъ я страннымъ и рѣзкимъ голосамъ ихъ. Скоро потомъ вошелъ Саулъ на сцену, въ величайшемъ гнѣвѣ на дерзость превысокаго воина, вызывавшаго на бой его и его воителей. Какъ радъ я былъ, когда выскочилъ вслѣдъ за тѣмъ малорослый сынъ Іессея съ пастушьимъ посохомъ, съ сумкою и съ пращею. Могучій царь и государь! пусть никто не приходитъ въ уныніе; когда ваше величество позволите, я пойду и сражусь съ сильнымъ великаномъ! Первое дѣйствіе кончилось, и зрители остались съ сильнымъ желаніемъ знать, что будетъ дальше; каждый желалъ, чтобы музыка поскорѣй замолчала. Снова наконецъ поднялся занавѣсъ. Давидъ обещалъ трупъ чудовища птицамъ небеснымъ и звѣрямъ лѣснымъ. Филистимлянинъ насмѣхался, топалъ ужасно ногами, свалился наконецъ какъ снопъ, и тѣмъ великолѣпно заключилъ все дѣло. Какъ славно пѣли потомъ дѣвы: Саулъ убилъ тысячи, Давидъ же тмы! Голову великана несъ маленькій побѣдитель, и получилъ въ замужество прекрасную царскую дочь, помню только,—огорчило меня при всей радости, что счастливцевъ былъ такой маленькій ростомъ. Ибо для того, чтобы дать понятіе о большомъ Голиаѣ и маленькомъ Давидѣ, позаботились того и другого представить въ рѣзкой противоположности. Сдѣлайте милость, скажите, куда дѣвались куклы? Я обещалъ показать ихъ одному пріятелю, которому недавно доставилъ много удовольствія рассказомъ объ этой дѣтской игрѣ.

— Не удивляюсь, что ты съ такою живостью вспоминаешь объ этихъ вещахъ; ты тогда же принялъ въ нихъ самое сильное участіе. Я знаю, какъ ты утащилъ у меня книжку, и отъ слова до слова выучилъ всю пьесу; я въ первый разъ

убѣдилась въ этомъ, когда ты разъ вечеромъ слѣпилъ себѣ изъ воска Голиаѳа и Давида, говорилъ за нихъ, далъ наконецъ великану ударъ, насадилъ его безобразную голову на большую булавку, и воткнулъ ее въ руку Давиду. Я такъ тогда отъ материнскаго сердца обрадовалась твоей хорошей памяти и твоей патетической рѣчи, что тотчасъ же отдала тебѣ сама всю деревянную трупку. И въ голову не приходило мнѣ, что это доставитъ мнѣ послѣ столько неприятныхъ часовъ.

— Не раскаявайтесь, возразилъ Вильгельмъ, — эта забава доставила намъ много славныхъ часовъ.

И затѣмъ выпросилъ онъ себѣ ключи, пошелъ, съискать куклы, и на минуту переселился въ тѣ времена, когда они еще казались ему оживленными, когда онъ мечталъ одушевить ихъ голосомъ и движеніями рукъ. Онъ взялъ ихъ съ собой въ свою комнату и тщательно спряталъ.

ГЛАВА III.

Если первая любовь, какъ случилось мнѣ слышать отъ всѣхъ, — самое лучшее изъ всего, что прежде или послѣ испытываетъ сердце: то мы должны считать нашего героя трижды счастливымъ, ибо ему дано было насладиться прелестью этихъ единственныхъ минутъ во всей ихъ полнотѣ. Только немногіе люди такъ особенно счастливы; по большей же части, самыя раннія ихъ впечатлѣнія проходятъ суровую школу, и послѣ немногихъ отрадъ, принуждены они отречься отъ лучшихъ своихъ желаній, научиться навсегда отрвѣться того, что сіяло имъ высокимъ блаженствомъ.

На крыльяхъ воображенія, желанія Вильгельма понеслись къ очаровательной дѣвушкѣ: въ короткое время приобрѣлъ онъ взаимность женщины, которую любилъ такъ много, ибо она явилась ему первоначально въ обаятельномъ свѣтѣ театральнаго представленія, и страсть его къ сценѣ слилась съ первою любовью къ женскому существу. Юность дала ему роскошныя радости, которыя возвышались и поддерживались живою поэзіею. Даже самое положеніе его милой сообщило ихъ связи что-то раз-

вивавшее чувство; страхъ, что любовникъ ея откроетъ преждевременно ея другія отношенія, набрасывалъ на нее чудную тень грусти и стыдливости, ея страсть была живая, и самая тревога удваивалась, казалось, ея нежность; она была самымъ милымъ созданиемъ въ его объятіяхъ.

Когда онъ очнулся отъ перваго упоенія радости, и бросилъ взглядъ на свою жизнь и на свои отношенія, все явилось ему новымъ — обязанности — святые, любовь — живая, свиденія ясныя, дарованія могущественныя, предположенія рѣшительныя. Ему легко было найти средство избѣжать упрековъ отца, успокоить мать и въ невозмутимой тишинѣ наслаждаться любовью Маріанны. Онъ съ точностію велъ всѣ свои дѣла въ продолженіе дня, отрекался обыкновенно отъ спектакля, бывалъ разговорчивъ по вечерамъ за столомъ, и ускользалъ, когда всѣ ложились; закутавшись въ плащъ, прокрадывался въ садъ, и спѣшилъ, закрывая въ груди всѣхъ. Линдоровъ и Леандровъ, къ своей милой.

— Что это вы несете? спросила Маріанна, когда онъ разъ вечеромъ притащилъ узелъ, на который старуха взглянула съ любопытствомъ и въ надеждѣ на хорошіе подарки.

— Не угадаете, отвѣчалъ Вильгельмъ.

Какъ удивилась Маріанна, какъ взбѣсилась Барбара, когда въ развязанной салфеткѣ оказалась куча большихъ деревянныхъ куколъ. Маріанна громко засмѣялась, когда Вильгельмъ сталъ разбирать безпорядочный хламъ, и вынимать и показывать каждую фигуру одна за другою. Старуха съ досадою отошла въ сторону.

Нужно было, чтобы занять двухъ любящихъ, и наши друзья превесело забавлялись цѣлый вечеръ. Маленькая трушка была вся пересмотрѣна.... Всѣхъ больше понравилась Маріаннѣ Ионасана. Она пренебрежительно заставляла его двигаться на проволоку, ханяться и говорить. Давидъ казался ей слишкомъ малъ, Геліасъ слишкомъ великъ: она оканчивала удерживая за лабою Ионасана. Она такъ искусно съ ними управлялась и наконецъ такъ сумела любовнице рвать отъ куклы обратитъ къ шлому, что и на этотъ разъ ребяческая забава была преддверіемъ счастливыхъ часовъ.

Отъ упоенія нѣжныхъ сновъ пробуждены они были шумомъ, слышаннымъ ими на улицѣ. Маріанна позвала старуху, которая по обычаю старательно занималась передѣлкою измѣчивыхъ матеріаловъ театральнаго гардероба къ слѣдующему представленію. Она пришла съ извѣстіемъ, что это шумить въ сосѣднемъ итальянскомъ погребѣ ватага веселыхъ ребятъ, которая нещадно запиваетъ шампанскимъ новоприбывшія устрицы.

— Жаль, сказала Маріанна, что мы прежде объ этомъ не знали, а то бы мы тоже о себѣ позаботились.

— Еще есть время, отвѣчалъ Вильгельмъ, и далъ лундоръ старухѣ; принесите-ка намъ, чего намъ нужно, да угощайтесь вмѣстѣ съ нами.

Старуха поворотилась мигомъ, и скоро чисто-накрытый столъ съ прекрасной закуской стоялъ передъ любовниками. Старуха должна была сѣсть съ ними же: начали ѣсть, пить, и всѣмъ стало славно.

Въ подобныхъ случаяхъ, немолчно льется беседа. Маріанна опять взяла своего Юнаеана, а старуха съумѣла обратить разговоръ на любимый предметъ Вильгельма.

— Вы разъ говорили намъ, сказала она, о первомъ представленіи кукольной комедіи въ святочный вечеръ; васъ было весело слушать. Перервали васъ, только что начинался балетъ. Ну теперь мы знакомы съ великолѣпной труппой, производившей такіа чудеса.

— Да, — сказала Маріанна, расскажи намъ дальше, что съ тобою было.

— Славное чувство испытываешь, милая Маріанна, отвѣчалъ Вильгельмъ, припоминалъ старое время и старыя безвредныя заблужденія, особенно если, это случится въ минуту, когда достигъ такой высоты, съ которой можно оглянуться и кругомъ и на пройденный путь. Такъ пріятно вспомнить самодовольно о многихъ трудныхъ обстоятельствахъ, которыя мы часто съ тягостнымъ чувствомъ считали неодолимыми, и свое теперешнее, развитое состояніе сравнить съ прежнимъ неразвитымъ. Но невыразимо счастливымъ чувствую я себя теперь, говоря съ тобою въ эту минуту о

прошедшемъ, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ гляжу впередъ, вижу чудный край, гдѣ мы будемъ странствовать съ тобой рука объ руку.

— Какъ же шелъ балетъ? прервала его старуха. Сдается мнѣ какъ-то, что не совсѣмъ удачно?

— О, нѣтъ! отвѣчалъ Вильгельмъ, — славно! Обо всѣхъ чудесныхъ прыжкахъ арабовъ и арабокъ, пастуховъ и пастушекъ, карликовъ и карлицъ, осталось у меня смутное воспоминаніе на цѣлую жизнь. Опустился наконецъ занавѣсъ, затворилась дверь, и все маленькое общество, качаясь какъ опьянѣлое, побрело къ постели; но я никакъ не могъ заснуть, все хотѣлъ бы слушать, все спрашивалъ и неохотно отпустить няню, которая насъ укладывала.

На другой день утромъ, волшебныя подмостки исчезли, таинственный занавѣсъ былъ снятъ, снова свободно ходили въ тѣ двери въ другую комнату, и все эти чудеса не оставили никакого слѣда. Сестры бѣжали взадъ и впередъ съ своими игрушками, — я одинъ только ходилъ то туда, то сюда, и казалось мнѣ невозможнымъ, чтобы одни только половинки дверей были тамъ, гдѣ вчера такъ много было волшебствъ. Ахъ, даже тотъ, кто ищетъ потерянную любовь, не можетъ быть несчастнѣе, чѣмъ я былъ въ это время.

Полный упоенія радости взглядъ, брошенный имъ на Маріанну, убѣдилъ ее, что онъ не боится испытать когда-либо что-нибудь подобное.

ГЛАВА IV.

— Единственнымъ желаніемъ моимъ стало съ тѣхъ поръ, продолжалъ Вильгельмъ, увидать вторичное представленіе пьесы. Я присталъ къ матери, и она принялась, въ благопріятный часъ, убѣждать отца, — но всѣ усилія ея были тщетны. Онъ полагалъ, что только рѣдкое удовольствіе можетъ имѣть для человека какую-нибудь цѣнность, что ни старой, ни малой, равно не умѣютъ цѣнить повседневнаго хорошаго.

Мы прождали бы долго, можетъ быть опять до святокъ, если бы устроителю и тайному директору театра, самому не захотѣлось повторить представленія, и потомъ въ дивертисманъ вывести новаго, только что сдѣланнаго Гансъ-Вурста.

Одинъ молодой артиллеристъ, одаренный многими талантами, мастеръ въ особенности на механическія работы, оказавшій отцу во время стройки много важныхъ услугъ, и богато награжденный за нихъ, хотѣлъ въ благодарность угодить на рождествъ маленькому семейству, и подарилъ дому своего покровителя совершенно устроенный маленькій театръ, сдѣланный, окрашенный и расписанный имъ самимъ въ часы досуга. Онъ-то, съ помощью слуги, управлялъ куклами и говорилъ за нихъ разными голосами. Ему не трудно было убедить отца, который изъ учтивости согласился для пріятеля на то, въ чемъ отказалъ бы изъ убѣжденія дѣтямъ. Ну вотъ, наконецъ, театръ опять былъ поставленъ, пригласили кое-кого изъ сосѣдскихъ дѣтей, и пьеса повторена.

Если въ первый разъ была велика у меня радость неожиданности и изумленія, то во второй такъ же велико было наслажденіе пытливаго наблюденія. *Какъ* это все дѣлается? стало теперь моимъ вопросомъ. Что куклы говорятъ не сами, объ этомъ я догадался и съ перваго раза; что онѣ не сами собою и двигаются—это тоже я предполагалъ; но отъ чего жъ это все такъ хорошо? и отъ чего все такъ выходитъ, какъ будто онѣ сами говорятъ и сами двигаются? Эти загадки безпокоили меня тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе желалъ я быть въ одно и тоже время и съ волшебникомъ и съ подчиненными волшебству, въ одно и тоже время управлять комедіей, и, какъ зритель, наслаждаться очарованіемъ обмана.

Пьеса кончилась, стали дѣлать приготовленія къ дивертисману, зрители встали съ мѣсть и болтали промежду себя. Я протѣснился ближе къ дверямъ, и услышалъ по стуку, что занимаются перестановкою. Я поднялъ нижній коверъ и просунулъ туда голову. Мать моя увидала это и отвела меня, но я все-таки имѣлъ время замѣтить, что и друзей и недруговъ, и Саула и Голиаза, всѣхъ, каковы ни-на-есть, валили въ одинъ ящикъ—и такимъ образомъ мое полу-удовлетворенное

любопытство получило новую пищу. При томъ же, къ величайшему моему удивленію, увидалъ я въ святилищѣ самого лейтенанта въ большихъ хлопотахъ. Отъ того и Ганс-Вурстъ, какъ онъ ни топалъ ножками, не могъ уже меня занять. Я погрузился въ глубокую думу и послѣ этого открытія сталъ какъ-то и спокойнѣе и безпokoйнѣе. Едва лишь я узналъ кое-что—мнѣ впервые представилось, что ничего не знаю—и я былъ правъ: я не понималъ связи, а вѣдь въ ней-то собственно и все дѣло!

ГЛАВА V.

У дѣтей, въ зажиточныхъ и хозяйственныхъ домахъ, продолжалъ Вильгельмъ, есть какое-то чутье, какъ у крысъ и мышей: у нихъ на примѣтъ всѣ дыры и щели, черезъ которыя можно добраться до запрещеннаго лакомаго куска,—и они наслаждаются имъ украдкою съ какимъ-то сладострастнымъ страхомъ, составляющимъ важнѣйшую сторону ребяческаго счастья.

Изъ всѣхъ братьевъ и сестеръ, я въ особенности замѣчалъ, когда гдѣ-нибудь забытъ былъ и торчалъ въ двери ключъ; тѣмъ сильнѣе было въ моемъ сердцѣ благоговѣніе къ запертымъ дверямъ, мимо которыхъ ходилъ я недѣли и мѣсяцы, и въ которыхъ, иной разъ, какъ мать, бывало, откроетъ святилище, чтобы что-нибудь оттуда достать—бросалъ взглядъ украдкою: тѣмъ скорѣе пользовался я каждою минутою забывчивости хозяйки.

Изъ всѣхъ дверей, какъ легко догадаться, на дверь буфета въ особенности направлено было мое вниманіе. Не много полныхъ значенія радостей жизни сравнятся съ тѣмъ чувствомъ, когда, бывало, мать позоветъ меня туда, чтобы помочь ей принести что-нибудь, и когда выйдешь оттуда, благодаря ея добротѣ или своей хитрости, съ провизіей сушеныхъ сливъ.

Груды наваленныхъ сокровищъ такъ наполняли мое воображеніе, и чудный запахъ отъ разныхъ сластей такъ со-
блзнительно на меня дѣйствовалъ, что я никакъ не могъ удер-

жаться, чтобы не подойти поближе хоть подышать атмосферой раствореннаго буфета. Этотъ достопамятный ключъ, разъ въ воскресенье утромъ, когда мать заторопилась, заслышавъ колокольный звонъ, и весь домъ погруженъ былъ въ субботній покой,—остался въ двери. Чуть только я это увидалъ,—какъ потихоньку пробрался по стѣнкѣ, тихо взялся за скобку, открылъ дверь, и съ первымъ же шагомъ почувалъ близость давно желаннаго счастья. Быстрымъ и нерышительнымъ взглядомъ оглянуль я ящики, мышки, коробки, связки, стаканы, высматривая, что выбрать и взять, схватился наконецъ за возлюбленныя сушенныя сливы, снабдилъ себя малою толстой мочевыхъ яблочъ, да скромно прибавилъ къ этому померанцевую корку въ сахаръ—и хотѣлъ уже наострить лыжи съ этою добычею, но вдругъ бросились мнѣ въ глаза два ящика, стоявшіе другъ подле друга—и въ скважину плохо закрытой крышки одного изъ нихъ выглядывала проволока, съ крючками на верху. Съ темнымъ предчувствіемъ бросился я къ нимъ—и съ какииъ неземнымъ чувствомъ открылъ я, что въ нихъ запрятанъ міръ моихъ героевъ и моихъ радостей. Я хотѣлъ приподнять верхнихъ, рассмотреть ихъ, вытащить нижнихъ; но скоро спуталъ я тонкую проволоку, пришелъ въ страхъ и тревогу, тѣмъ болѣе, что въ соседней съ буфетомъ кухнѣ слышались мнѣ шаги кухарки — и потому, какъ успѣлъ, свалилъ все вмѣстѣ, прикрылъ ящикъ, схватилъ только маленькую книжечку, содержащую въ себѣ комедію о Давидѣ и Голиаѣ, и лежавшую вверху всего,—и съ этою добычею, тихо взобравшись по лѣстницѣ, спасся на чердакъ.

Съ того времени всѣ часы одиночества проводилъ я за чтеніемъ комедіи, училъ ее наизусть и представлялъ себя, какъ было бы хорошо, еслибы мнѣ тоже довелось одушевлять своими руками фигуры. Самъ я въ воображеніи становился то Голиаомъ, то Давидомъ. Во всякомъ углу двора, сарая, сада, во всякое удобное время разучивалъ я пьесу, твердилъ всѣ роли,—однако болѣе ставилъ себя на мѣсто главныхъ героевъ, остальные же роли, какъ напримѣръ солдатъ, только пробѣгалъ въ памяти. Такъ въ особенности день и ночь преслѣдовали меня возвышенныя слова Давида, которыми вызывалъ

онъ на бой самонадѣяннаго великана Голіаѳа. Часто я громко говорилъ ихъ самъ себѣ: никто не обращалъ на это вниманія, кромѣ отца, который часто замѣчалъ подобныя восклицанія, и самъ про себя радовался хорошей памяти своего сына, удержавшаго такъ много изъ одного представленія.

Отъ этого становился я все рѣшительнѣе, и разъ вечеромъ, прочелъ наизусть большую часть пьесы въ присутствіи матери, приготовивши фигурки изъ воску. Она услышала, приступила ко мнѣ, и я признался.

Къ счастью, открытіе пришлось въ то время, какъ лейтенантъ самъ изъявилъ желаніе посвятить меня въ эти тайны. Мать сообщила ему тотчасъ же о неожиданномъ талантѣ своего сына, и онъ устроилъ дѣло такъ, что ему предоставили въ распоряженіе двѣ комнаты наверху, обыкновенно стоявшія пустыми, — изъ которыхъ одну назначилъ онъ для зрителей, другую для актеровъ — авансцену же расположилъ промежду дверей. Отецъ позволилъ своему другу устроиваться какъ угодно — самъ же смотрѣлъ только сквозь пальцы, держась того правила, чтобы не давать дѣтямъ замѣчать, какъ ихъ любятъ, а то очень избалуются; онъ думалъ, что при ихъ весельѣ надобно сохранять важный видъ, иной разъ даже и смутить ихъ радость, чтобы отъ удовольствія не стали они неумѣренны и заносчивы.

(Продолженіе впереди).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ МЕЙСТЕРЪ.

Сочиненіе Гете.

ГОДЫ УЧЕБНЫЯ.

(Продолженіе).

ГЛАВА VI.

Лейтенантъ расположилъ театръ и позаботился обо всемъ нужномъ. Я видалъ, что часто на недѣль заходилъ онъ къ намъ въ необыкновенное время, и подозрѣвалъ, для чего. Любопытство росло во мнѣ невѣроятно, ибо я чувствовалъ, что до субботы не приму никакого участія въ приготовленіяхъ. Насталъ наконецъ желанный день. Вечеромъ, часовъ въ пять, пришелъ мой вожатый и взялъ меня съ собою. Дрожа отъ радости, взошелъ я на верхъ, и увидалъ на обѣихъ сторонахъ сцены развѣшанныя куклы, въ томъ порядкѣ, въ какомъ имъ слѣдовало выходить: я заботливо осмотрѣлъ ихъ, взошелъ потомъ по лѣстницѣ на верхъ театра, какъ будто паря надъ этимъ маленькимъ міромъ. Не безъ благоговѣнія смотрѣлъ я внизъ сквозь доски: мной владѣло воспоминаніе о чудесномъ дѣйствіи, которое производитъ цѣлое съ наружи, и чувство уваженія къ таинствамъ, въ какія былъ я посвященъ. Мы сдѣлали пробу, и пошло хорошо.

На другой день, когда приглашено было дѣтское общество, держали мы себя отлично: только, въ жару дѣйствія, уронилъ я своего Іонаана и принужденъ былъ высунуть руку, чтобы его поправить: случай, который сильно повредилъ иллюзіи, произвелъ всеобщій смѣхъ и несказанно меня опечалилъ. Это несчастіе пришлось очень кстати для отца, который съ намѣреніемъ не выказалъ удовольствія отъ способ-

ностей своего сына, а только что кончилась пьеса, прива-
зался къ ошибкамъ, говоря, что все было бы хорошо, еслибы
не помѣшало то, да другое.

Меня это глубоко уязвило, я былъ печалень цѣлый ве-
черъ—за то ночью проспалъ свою досаду, и на утро былъ
счастливъ мыслію, что, не будь несчастія—я бы сыгралъ от-
лично. Къ этому присоединилось и одобреніе зрителей; они
всѣ рѣшили, что, хоть лейтенантъ и мастеръ говорить гру-
бымъ и тоненькимъ голосомъ, да только кричить онъ слиш-
комъ искусственно и рѣзко,—а напротивъ, новѣйшій дебютантъ
играетъ отлично Іонаана и Давида; особенно хвалили мать
свободно мужественное выраженіе, съ которымъ вызывалъ я
Голиаа, и съ какимъ скромный побѣдитель представлялся къ
царю.

Теперь, къ моеѣ величайшей радости, театръ остался
въ цѣлости, и когда наступила весна, и можно стало обхо-
диться безъ топки, я всѣ часы отдыха и забавъ проводилъ въ
этой комнатѣ и приводилъ куколъ въ движеніе. Часто зазы-
валъ я туда сестеръ и товарищей,—когда же они не хотѣли
идти, я оставался и одинъ. Воображеніе мое одушевляло ма-
ленькій міръ, который скоро получилъ новый видъ.

Только что представилъ я нѣсколько разъ первую пьесу,
для которой сдѣланы и предназначены были театръ и актеры,
какъ она уже перестала меня забавлять. Случилось тогда въ
дѣдушкиныхъ старыхъ книгахъ открыть мнѣ нѣмецкій театръ
и разныя итальянско-нѣмецкія оперы: я погрузился въ нихъ
всей душою и прежде всего считалъ число дѣйствующихъ
лицъ, а потомъ тотчасъ же, безъ дальнихъ околичностей при-
ступалъ къ исполненію пьесы. И долженъ быть тогда царь
Саулъ въ своемъ черномъ бархатномъ кафтанѣ быть за Шо-
мигрема, за Катона и за Дарія; надобно сказать такъ же, что
пьесы никогда не представлялись цѣлыя: оставались только
пятые акты, гдѣ доходило дѣло до смертоубійствъ.

Разумѣется опера съ своими разнообразными перемѣнами
и чудесами влекла меня всего болѣе. Я находилъ тамъ вол-
нующіяся моря, боговъ, спускающихся на облакахъ, и, что
было верховъ моего благополучія, молніи и громы. Я приби-

галъ къ картону, краскамъ и бумагѣ, умѣлъ отлично дѣлать ночь:—молнія была истинно страшна, только громъ не всегда удавался, да стоило ли объ этомъ много толковать? Въ операхъ было мнѣ притомъ удобнѣе выводить Давида съ Голіафомъ, которые ни какъ не клеились въ правильную драму. Съ каждымъ днемъ я чувствовалъ все болѣе и болѣе привязанности къ своему теплому мѣстечку, гдѣ наслаждался я столькими радостями, и долженъ признаться, что не мало содѣйствовалъ къ тому запахъ, который вынесли съ собою изъ буфета куклы.

Декорации моего театра находились въ довольно цвѣтущемъ состояніи,—ранній мой навѣкъ обращаться съ циркулемъ, рѣзать картонъ и раскрашивать картинки былъ здѣсь очень кстати. Тѣмъ горестнѣе было мнѣ, что часто ограниченное число труппы препятствовало выполнять большія вещи.

Видя нѣсколько разъ, что сестры одѣваютъ и раздѣваютъ своихъ куколъ, я набрелъ на мысль спать тоже перемѣнными платьями своимъ героямъ. Мы сняли съ нихъ прежнія, сшили кое-какъ, промыслили денегъ, купили матеріалу, набрали кое-гдѣ тафты и устроили мало по малу театральнѣйшій гардеробъ, не забывши въ особенности снабдить дамъ платьями на фижмахъ.

Труппа была такимъ образомъ снабжена костюмами для большой пьесы—и можно было полагать, что теперь-то и пойдетъ представленіе за представленіемъ—но со мною случилось, что часто случается съ дѣтьми: составить они огромные планы, надѣлаютъ большихъ приготовленій, сдѣлаютъ даже нѣсколько попытокъ, и все потомъ пойдетъ за даромъ. Въ этомъ недостатокъ долженъ я и себя обвинить. Величайшее наслажденіе было для меня въ изобрѣтеніи и въ работѣ воображенія: Та или другая пьеса увлекала меня какой-нибудь одной сценою, и я готовилъ къ ней новые костюмы. Прежнія платья моихъ героевъ валялись въ безпорядкѣ, портились, и стало совершенно невозможнымъ представленіе какой-либо большой пьесы. Я отдавался своей фантазіи, вѣчно пробовалъ и вѣчно только готовилъ, строилъ тысячу воздушныхъ замковъ; и не замечалъ, что подрываю основы маленькаго зданія».

Въ продолженіе этого разсказа, Маріанна призывала на помощь всю пріязнь свою къ Вильгельму, чтобы скрыть клонившій ее сонъ. Какъ ни шутливъ казался разсказъ съ одной стороны, — все же онъ былъ однообразенъ, а замѣчанія къ нему слишкомъ серьезны. Она нѣжно клала свою ногу на ногу милаго и подавала видимые знаки вниманія и одобренія. Она пила изъ его стакана, и Вильгельмъ былъ убѣжденъ, что ни одно слово изъ его разсказа не пропадетъ на вѣтеръ. Съ минуту помолчавши, онъ вскричалъ: — ну, теперь твоя очередь, Маріанна, разсказать мнѣ радости твоей молодости. До сихъ поръ, мы были слишкомъ заняты настоящимъ, чтобы взаимно вспомнить о прежнемъ образѣ жизни. Разскажи мнѣ, какъ ты воспитывалась? Какія первыя живыя впечатлѣнія тебѣ памятливы?

Эти вопросы чрезвычайно смутили Маріанну, но старуха тотчасъ же ее выручила. — Неужели вы думаете, сказала благо-разумная женщина, что мы такъ же помнимъ все случившееся съ молодю, что мы разскажемъ такія же чудесныя вещи — да хоть бы и разсказали, такъ не сумѣемъ дать такой оборотъ всякому происшествію.

— Какъ точно это нужно! вскричалъ Вильгельмъ. Я люблю такъ сильно это нѣжное, доброе, милое созданіе, что мнѣ тяжела каждая минута жизни, проведенная безъ нея. Дай же мнѣ по крайней мѣрѣ воображеніемъ участвовать въ ея прошлой жизни! Разсказывай мнѣ все — я самъ хочу все тебѣ разсказать. Постараемся какъ можно больше обмануть себя и возвратить это погибшее для любви время.

— Ну, если вы такъ сильно хотите, мы васъ пожалуй и удовлетворимъ, сказала старуха. Разскажите намъ только сперва, какъ разрослась у васъ страсть къ театру, какъ вы привыкли къ актерству, и дошли до того, что сами можете быть хорошими актеромъ. Вѣрно не было тутъ у васъ безъ забавныхъ похожденій. Теперь не стоить идти ложиться спать: у меня въ запасъ еще бутылка, — и кто знаетъ, скоро ли удастся намъ опять сидѣть вѣсть такъ спокойно и весело.

Маріанна бросила на нее печальный взглядъ: Вильгельмъ не замѣтилъ его и продолжалъ свой разсказъ.

ГЛАВА VII.

«Разсѣяніи юности, явившіяся съ распиреніемъ круга товарищей, заставили меня забыть уединенную, тихую забаву. Я былъ то охотникомъ, то солдатомъ, то рыцаремъ въ нашихъ общихъ играхъ—но всегда имѣлъ маленькое преимущество передъ другими, потому что былъ въ состояніи устраивать нужные снаряды. Такъ, мечи были большею частію моей фабрики,—я украшалъ и золотилъ салазки, и какой-то тайный инстинктъ не давалъ мнѣ покоя, пока я не снарядилъ нашего войска совершенно по античному. Шлемы дѣлались изъ картона, такъ же точно щиты и даже латы, работы, надъ которыми слуги дома, занимавшіеся портняжничествомъ, и швейки, ломали не мало иглокъ.

Часть моихъ товарищей была наконецъ вооружена: другіе снабжались оружіемъ постепенно и притомъ хуже,—все вмѣстѣ составляли порядочный корпусъ. Мы маршировали по дворамъ и садамъ, храбро колотили другъ друга по щитамъ и по головамъ, случались и ссоры, да скоро утихали.

Эта игра, занимавшая долго другихъ, отъ повторенія, скоро перестала меня удовлетворять. Видъ множества вооруженныхъ необходимо долженъ былъ возбудить во мнѣ рыцарскія мысли, которыя и такъ уже наполняли мою голову, съ тѣхъ поръ какъ я вдался въ чтеніе старыхъ романовъ.

Освобожденный Іерусалимъ, попавшійся мнѣ въ Коппеневскомъ переводѣ, далъ наконецъ опредѣленное направленіе моимъ смутнымъ мыслямъ. Хоть всей поэмы я и не могъ прочесть, но были мѣста, которыя я зналъ наизусть, образы, съ которыми я сжился. Особенно приковывала меня къ себѣ своими дѣлами и словами Клоринда. Мужеская женственность, спокойная полнота ея существа, произвели на душу, начинающуюся развиваться, болѣе сильное впечатлѣніе, нежели искусственныя прелести Армиды, хоть я и не пренебрегалъ ея садомъ.

Но сто и сто разъ, когда вечеромъ прохаживался я по террасѣ нашего дома, озирая окрестность, и на небосклонѣ мерцалъ дрожащій свѣтъ заходящаго солнца, выходили звѣзды:

и ночь выступала изъ всѣхъ угловъ и безднъ, и звенящій стукъ кузнечиковъ раздавался въ торжественной тишинѣ, — повторялъ я исторію печальнаго единоборства Танкреда и Клоринды.

Какъ ни былъ я, какъ и слѣдуетъ, на сторонѣ христіанъ, но всѣмъ сердцемъ сочувствовалъ языческой героинѣ, когда она предприняла зажечь большую башню осаждающихъ. И когда Танкредъ встрѣчаетъ женщину-воина ночью, и начинается битва подъ мрачной древесной сѣнью, и ожесточенно борются они оба, я не могъ никогда выговорить словъ:

Но игра дней Клоринды сочтена,
И часъ пришелъ — и пастъ она должна,

безъ того, чтобы слезы не хлынули у меня изъ глазъ и не лились обильнымъ потокомъ, когда несчастный любовникъ вонзаетъ ей мечъ въ грудь, развязываетъ шлемъ падшей, узнаетъ ее и въ глубокой скорби ищетъ воды для крещенія.

Но какъ переполнилось мое сердце, когда, въ очарованномъ лѣсу, мечъ Танкреда разсѣкаетъ дерево, и кровь струится изъ него, и голосъ звучитъ въ ушахъ его, что и здѣсь онъ уязвилъ Клоринду, что онъ предназначенъ судьбою вездѣ, съ тѣмъ не зная, поражать то, что онъ любитъ.

Вся исторія такъ овладѣла моимъ воображеніемъ, что прочтенное мною изъ поэмы смутно сложилось у меня въ какое-то цѣлое, и такъ я былъ объятъ гмъ, что непременно хотѣлъ олицетворить и представить его какимъ-нибудь образомъ. Я хотѣлъ играть Танкреда и Ринальда, и нашелъ для этого два, уже прежде изготовленныхъ мною, оружія. Одно изъ темно-сырой бумаги съ чешуею предназначено было для важнаго Танкреда, — другое изъ серебрянной и золотой бумаги для блестящаго Ринальда. Въ жару своихъ мечтаній, рассказалъ я все это моимъ товарищамъ, которые пришли въ восторгъ, только никакъ не могли понять, что все это можетъ быть представлено въ лицахъ, и притомъ, ими самими представлено.

Эти сомнѣнія разсѣялъ я чрезвычайно легко. Я тотчасъ же распорядился двумя комнатами въ домѣ одного изъ сосѣднихъ сотоварищей игръ, не подумавши, что этого не-

какъ не позволить его старая тетка; точно такъ же было и съ театромъ, о которомъ не имѣлъ я никакого опредѣленнаго понятія, кромѣ того, что надобно устроить его на деревянныхъ балкахъ, замѣнить кулисы подвижными шпалерами, да повѣсить большой коверъ. Откуда же взять матеріалы и снаряды, объ этомъ я и не подумалъ.

Для устройства декораціи лѣса наняли мы славное средство: мы уговорили старика, слугу одного сосѣдняго дома, сдѣлавшагося лѣсникомъ, притащить намъ березокъ и сосенъ, и все это дѣйствительно было доставлено, скорѣе даже, чѣмъ я думалъ. Тутъ-то и началась забота сыграть пьесу, пока не засохли деревья. Дорогъ былъ тогда добрый советъ! Не было ни мѣста, ни театра, ни занавѣсовъ: шпалеры — вотъ все, что у насъ было.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ прибѣгли мы опять къ лейтенанту, расписавши ему напередъ, какъ все это будетъ чудесно. Хотя и плохо онъ насъ понялъ, но помогъ въ горѣ, натаскалъ въ маленькую комнату столовъ изъ дому по сосѣдству, поставилъ на нихъ шпалеры, развѣсилъ зеленые занавѣсы и разставилъ какъ слѣдуетъ деревья.

Между тѣмъ насталъ вечеръ, зажгли свѣчи, горничныя и дѣти усѣлись по мѣстамъ, пьеса должна была начаться, вся ватага героевъ собралась: тогда только каждый догадался впервые, что не знаетъ, что ему говорить. Въ жару изобрѣтательности, проникнутый весь своимъ предметомъ, я и позабылъ совсѣмъ, что вѣдь нужно же знать каждому, что и когда сказать,—а при скорости выполнения, никому изъ другихъ такъ же не пришло этого въ голову: думали всѣ, что очень легко представлять героевъ, очень легко будутъ способны дѣйствовать и говорить какъ лица, въ міръ которыхъ я ихъ ввелъ. Всѣ стояли какъ ошеломленные,—спрашивали другъ друга: что будетъ съ начала?—и я, мечтавшій, какъ я сыграю Танкреда, вышелъ одинъ, началъ читать стихи изъ поэмы. Но скоро выбранное мѣсто перешло въ рассказъ, и я самъ, въ собственной рвчи, являлся третьимъ лицомъ, а Годфридъ, о которомъ шло дѣло, не являлся на сцену, и я при величайшемъ смѣхѣ зрителей долженъ былъ удалиться:

случай, который жестоко, до глубины души, оскорбил меня. Дѣло было худо: зрители сидѣли и хотѣли что-нибудь видѣть. Одѣты были мы всѣ: я собрался съ силами и рѣшился—была не была—сыграть Давида и Голиафа. Нѣкоторые изъ моего общества, бывало, производили со мной вѣсть кукольную комедію: раздѣлили тотчасъ же роли, каждый обещался приложить все стараніе, а одинъ маленькій и шаловливый изъ товарищей намалевалъ себѣ черную бороду, чтобы, въ случаѣ остановки представленія, пополнить его фарсами Гансвурста, на что я очень не охотно согласился, какъ на противное важности пьесы. И я поклялся себѣ, если только сойдемъ съ рукъ это затруднительное дѣло, никогда не рѣшиться ни на какое представленіе, безъ твердой увѣренности въ успѣхъ.

ГЛАВА VIII.

Маріанна, пересиленная сномъ, прижалась къ своему милому, который крѣпко обнялъ ее и продолжалъ свой рассказъ—между тѣмъ какъ старуха допивала съ наслажденіемъ послѣдніе остатки вина.

«Скоро,—говорилъ онъ—позабыто было затруднительное положеніе, въ которое попали мы съ друзьями, задумавши сыграть не существующую пьесу. Моей страсти представлять въ лицахъ каждый прочтенный романъ, каждую выученную исторію, не могъ воспрепятствовать никакой, самый несценический сюжетъ. Я былъ вполне убѣжденъ, что все, очаровательное въ рассказѣ, произведетъ еще большее дѣйствіе въ представленіи, все должно было происходить передъ моими глазами, на сценѣ. Когда въ школѣ проходили намъ исторію, я старательно отмѣчалъ, гдѣ и какъ кто-нибудь убитъ или отравленъ—мое воображеніе перепрыгивало изложеніе и завязку, спѣша къ интересному пятому акту. И такимъ образомъ началъ я точно писать пьесы съ конца,—но ни въ одной не дошелъ до начала.

Въ то же время перечелъ я, и по собственному побужденію и по настояніямъ друзей, получившихъ сильную охоту къ представленію пьесъ—цѣлый хламъ театральныхъ произведеній, какія

только попадались мнѣ случайно въ руки. То былъ счастливый возрастъ, когда намъ все еще нравится, когда мы наслаждаемся множествомъ и переменюю. Кромѣ того моему вкусу вредила и другая причина. Тѣ пьесы особенно мнѣ нравились, въ которыхъ самъ я надѣялся нравиться, — и большая часть пьесъ прочтены были мною въ этомъ самообольщеніи, и мое живое воображеніе, помогавшее мнѣ переноситься въ каждую роль, заставляло меня вѣрить, что я представляю каждую; при распределеніи бралъ я обыкновенно такую, которая нисколько ко мнѣ не шла — а если только было можно, то даже двѣ роли.

Дѣти умѣютъ въ играхъ изъ каждой вещи дѣлать все, что имъ угодно; палка становится ружьемъ, лучина шпагою, лоскутокъ куклою, и всякій уголъ домомъ. Въ этомъ же родѣ устроился и нашъ приватный театръ. При совершенномъ незнаніи собственныхъ силъ, принимались мы за все, не видали никакихъ *qui pro quo*, и были убеждены, что каждый долженъ принимать насъ за то, чѣмъ мы себя выдавали. Шло все вообще такъ обыкновенно, что не вспомнишь даже и замѣчательной глупости. Переиграли мы всѣ штуки, гдѣ являются только мужскія лица, потомъ стали, какъ могли, переодеваться, и, наконецъ, втянули въ наши игры сестеръ. Въ нѣкоторыхъ домахъ считали эти игры полезнымъ занятіемъ и приглашали на нихъ гостей. Нашъ артиллерійскій лейтенантъ не покидалъ насъ здѣсь. Онъ училъ насъ входить и выходить, декламации и жестамъ — только за свои труды получалъ онъ мало благодарности: всѣ мы были убеждены, что гораздо лучше его понимаемъ театральное дѣло.

Мы напали скоро на трагедію: ибо слыхали часто, да и сами думали, что легче и написать и представить трагедію, чѣмъ быть совершеннымъ въ комедіи. И точно, при первой трагической попыткѣ, почувствовали мы себя вполне въ своей стихіи: мы думали стать въ уровень съ своимъ положеніемъ и съ величіемъ характеровъ — рѣзкостью и дикимъ тономъ: но вполне довольны были тогда, когда приходили въ бышенство, топали ногами и падали на землю въ ярости и въ отчаяніи.

Разумѣется, мальчики и дѣвочки не долго оставались въ

этихъ играхъ равнодушными: заговорила патура, маленькое общество раздѣлилось на любящія пары, и началась комедія въ комедіи. Счастливыя четы пренебрежно занимались рукожатіями за кулисами,—купались въ блаженствѣ, видя себя костюмированными и украшенными совершенно идеальнымъ образомъ,—когда, напротивъ, несчастные соперники терзались завистью и строили всякаго рода ковы, съ величайшею злобностью и съ желаніемъ вредить.

Эти игры, хотя не разумно устроенныя и выполняемыя безъ всякаго руководства, были для насъ, однако, не безполезны. Мы развивали память и тѣло, пріобрѣли много развязности въ рывкахъ и манерахъ, что рѣдко дается въ такіе молодые лѣта. Для меня особенно это время было важною эпохою, — душа моя такъ и всклалась къ театру, и величайшимъ счастіемъ стало для меня читать, писать и играть пьесы.

Ученье мое продолжалось; меня предназначали къ торговымъ дѣламъ, и опредѣлили въ контору къ нашему сосѣду, но тѣмъ сильнѣе отстранилась въ это время душа моя отъ всего, что считалъ я за низкое занятіе. Сценѣ хотѣлъ я посвятить всю свою дѣятельность—на ней мечталъ найти счастье и удовлетвореніе.

Помню я одно стихотвореніе—еще и теперь валяется оно въ моихъ бумагахъ, — въ которомъ муза трагической поэзіи и другое женское лицо, олицетворявшее собою ремесло, спорять другъ съ другомъ за мою достойную особу. Изобрѣтеніе препошрое — и не знаю теперь, годятся ли куда-нибудь стихи, но стоить прочесть ради страха, отвращенія, любви и страсти, которыя тамъ господствуютъ. Какъ злобно выставилъ я тамъ старую домохозяйку съ вертемомъ за поясомъ, съ ключами въ рукахъ, съ очками на носу, вѣчно суетливую, вѣчно безпокойную, ворчунью и скопидомку, мелочную и скучную. Какъ печально представилъ я участь того, кто состоитъ подъ ея лозою, и въ потъ лица справляетъ свой поденный трудъ!

Совершенно иною являлась другая! Что за видѣніе было это для скорбнаго сердца! Великолѣпно украшенная, она, и существомъ, и каждымъ движеніемъ, была дочерью вдохновенія: сознаніе самой себя сообщало ей достоинство безъ гордости:

одежда шла къ ней и облекала каждый членъ безъ малѣйшаго принужденія — и богатыя складки платья повторяли, какъ тысячеобразное эхо, плавнительныя движенія богини. Ничто не забыто было, чтобы моя муза легко могла быть узнана. Вѣнцы и кинжалы, цѣпи и маски, были при-
давы ей мною, по примѣру всѣхъ моихъ предшественниковъ. Жарокъ былъ міровой споръ — рвчи двухъ враждующихъ сторонъ отличался приличествующимъ контрастомъ: въ четырнадцать лѣтъ любить челоуѣкъ ставить въ разительную противоположность черное и бѣлое. Старуха говорила, какъ слѣдуетъ женщинамъ, поднимающей съ полу всякую щепку, другая — точно дарила царства. Угрозы и предостереженія старухи предавались посмѣянью; я оборачивался спиною къ богатствамъ, которыхъ она сулила, — лишенный наследства и нагой отдавался я музѣ, и она бросала мнѣ золотой шарфъ для прикрытія моей наготы.

— Еслибъ могъ я угадать тогда, о моя милая! — вскричалъ Вильгельмъ, прижимая къ себѣ крѣпко Маріанну, — что явится совсемъ иное, болѣе любезное божество, подкрѣпить меня въ моемъ намѣреніи, сопровождать меня на моемъ пути; какой чудный оборотъ приняла бы моя поэма, какъ интересно сдѣлалось бы ея окончаніе! Но это не поэма, это истина и жизнь — ихъ нахожу я въ твоихъ объятіяхъ; давай же сознательно наслаждаться счастіемъ.

Отъ крѣпости объятій, отъ живости его громкихъ восклицаній, Маріанна пробудилась и любовнымъ лепетомъ старалась прикрыть свое запыталство; она не слыхала ни слова изъ послѣдней части его разсказа, и желательно, чтобы въ послѣдствіи нашъ герой находилъ для своихъ любимыхъ исторій болѣе внимательныхъ слушателей.

ГЛАВА IX.

Такъ проводилъ Вильгельмъ свои ночи въ наслажденіяхъ безмятежной любви, свои дни въ ожиданіи новыхъ блаженныхъ часовъ. Уже въ то время, какъ одни желанія и надежды влекли его къ Маріаннѣ, чувствовалъ онъ себя какъ

бы возрожденнымъ, чувствовалъ, что начинаетъ становиться инымъ человекомъ. Сердце его стремилось облагородить предметъ страсти, — духъ — поднять вмѣстѣ съ собою милую дѣвушку. Во время даже самаго короткаго отсутствія не покидало его воспоминаніе о ней. Если прежде она была ему нужна, теперь стала необходима, потому что онъ былъ связанъ къ ней всеми человѣческими связями. Чистая душа его чувствовала, что это — половина, больше чѣмъ половина его самаго. Онъ былъ признателенъ и преданъ безгранично.

И Маріанна смогла обмануть себя на время: она дѣлила съ нимъ чувство живаго блаженства. Ахъ! когда бы холодная рука укора не касалась часто ея сердца! Даже на груди Вильгельма не могла она укрыться отъ нея, даже подъ крыльями его любви. И когда снова оставалась она совершенно одна, и съ облаковъ, куда заносила ее страсть, упала въ сознаніе своего положенія, — тогда была она жалка. Но когда помогало ей легкомысліе, — и она живя посреди пошлаго распутства, обманывала себя на счетъ своихъ отношеній, или, лучше сказать, не видала ихъ; всѣ случайности, которымъ она подвергалась, представлялись ей тогда частностями: удовольствія перемѣшивались съ огорченіями, — униженіе облегчалось суетностью, нужды минутнымъ избыткомъ, крайность и привычку она представляла себѣ закономъ и оправданіемъ — и всѣ непріятныя ощущенія потрясали ее не болѣе какъ на часъ, на день. Теперь же, бѣдная дѣвушка почувствовала себя перенесенною на нѣсколько минутъ въ лучший міръ, взглянула какъ будто сверху, изъ мѣста свѣта и радости — на свою пустую, презрѣнную жизнь, — созвала, какое бѣдное твореніе женщина, не внушающая вмѣстѣ съ желаніемъ — любви и уваженія, и между тѣмъ ни внѣ, ни внутри себя не нашла улучшенія. Въ ней не было ничего, что бы могло ее поднять. Когда она заглядывала сама въ себя, въ душѣ ея было пусто, сердце не имѣло опоры. Чѣмъ горестнѣе было это состояніе, тѣмъ болѣе крѣпла ея страсть къ милому; да — эта страсть росла съ каждымъ днемъ, какъ съ каждымъ же днемъ все близилась опасность потерять его.

Напротивъ, блаженствуя парилъ Вильгельмъ въ высшихъ областяхъ, — ему тоже возшла зара новой жизни, но богатой

великолѣпными мечтами. Едва затихъ избытокъ первой радости, какъ передъ душею его ясно явилось то, что до сихъ поръ смутно бродило въ ней. Она твоя! Она отдалась тебѣ! Она, любимое, искомое, обожаемое созданіе, отдалась тебѣ на вѣру и честь — но не довѣрилась она неблагодарному. Ходя и оставаиваясь, онъ говорилъ самъ съ собою — сердце его постоянно переливалось черезъ край, и онъ повторялъ наединѣ съ собою возвышеннѣйшія чувства въ великолѣпныхъ выраженіяхъ. Онъ мечталъ слышать ясный призывъ судьбы въ лицѣ Маріанны, подавшей ему руку, мечталъ вырваться совсѣмъ изъ сухой, душной, мѣщанской жизни, изъ которой такъ давно хотѣлъ онъ бѣжать. Покинуть домъ отца, своихъ, казалось ему дѣломъ очень легкимъ. Онъ былъ молодъ и новъ въ божьемъ мірѣ, и рѣшимость искать въ его безмѣрныхъ пространствахъ счастья и примиренія съ собою была увеличена въ немъ любовью. Призваніе къ сценѣ было для него теперь ясно: высокая цѣль казалась ему ближе, если идти къ ней рука объ руку съ Маріанною, и въ самообольстительной увѣренности, видѣлъ онъ себя превосходнымъ актеромъ, творцемъ будущаго народнаго театра, чего такъ многіе желали со вздохомъ. Все въ немъ проснулось, что спало до сихъ поръ во внутреннѣйшихъ изгибахъ его души. Изъ разнообразнаго множества идей нарисовалъ онъ красками любви на туманномъ фонѣ картину, которой образы сливались другъ съ другомъ — и тѣмъ болѣе обаятельное дѣйствіе производило цѣлое.

ГЛАВА X.

Онъ сидѣлъ дома, рылся въ своихъ бумагахъ и собирався къ отъѣзду. Все, напоминавшее о его обычныхъ занятіяхъ, отложено было въ сторону; въ странствіяхъ своихъ по свѣту, хотѣлъ онъ быть свободенъ отъ всякаго непріятнаго воспоминанія. Только произведенія изящнаго, поэты и критики принадлежали къ избраннымъ: — до сихъ поръ онъ

мало занимался критиками искусства, и стремление къ изученію пробудилось въ немъ, когда онъ пересматривалъ свои книги, и нашелъ, что теоретическія сочиненія до сихъ поръ были еще большію частію неразрѣзаны. Вполнѣ убѣжденный въ необходимости подобныхъ сочиненій, онъ добылъ себѣ многія изъ нихъ — и между тѣмъ, при самомъ искреннемъ желаніи, не могъ прочесть ни одного больше половины.

Тѣмъ ревностнѣе держался онъ образцовъ, и во всѣхъ извѣстныхъ ему родахъ, самъ дѣлалъ попытки.

Ешело Вернеръ, и найдя своего друга за знакомыми тетрадями, вскричалъ:

— Опять ты возишься съ этими бумагами! Бьюсь объ закладъ, что ничего не докончишь. Ты только вертишь ихъ въ рукахъ такъ и сякъ — и вѣчно начнешь что-нибудь новое.

— Кончать не дѣло ученика — довольно для него, если онъ упражняется.

— Да — только пусть и довершаетъ, какъ ему по силамъ.

— А вѣдь все-таки вопросъ: не подаетъ ли хорошихъ надеждъ юноша, когда, предпринявши что-нибудь плохое, скоро разглядитъ, что оно плохо, не продолжаетъ работы, и не тратить ни трудовъ, ни времени на то, что не имѣетъ никакого достоинства?

— Знаю, знаю, ты никогда не былъ въ силахъ довести что-нибудь до конца, ты вѣчно утомлялся, едва-едва дойдя до половины. Когда ты былъ еще директоромъ нашей кукольной комедіи, какъ часто кроились новыя платья для карликовъ и вырѣзывались новыя декораціи! То та, то другая трагедія готовились, и много-много, что дашь ты пятый актъ, гдѣ все летитъ на почтовыхъ, и люди рѣжутся.

— О! коли ты заговорилъ о томъ времени, такъ чья же была вина, что мы скидали съ куколъ платья, прекрасно приходившіяся имъ по мѣркѣ, что мы кроили и шили огромный и ненужный гардеробъ? Не ты ли вѣчно продавалъ новыя лоскутья, и ушвъ поджигать и употреблять въ свою пользу мою страстишку?

Вернеръ засмѣялся и отвѣчалъ: — точно, до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ, что я извлекалъ выгоду изъ

вашихъ театральныхъ предпріятій, какъ маркитанты изъ войны. Когда вы вооружались на освобожденіе Іерусалима, я славно понагрѣлъ себѣ руки, какъ Венеціане когда-то въ подобномъ же случаѣ. Ничего вообще не нахожу я умнѣе на свѣтѣ, какъ выводить себѣ пользу изъ глупостей другихъ.

— Не знаю, не благородный ли исцѣлять людей отъ глупостей?

— Ну—я ихъ порядочно знаю, и это, кажется, напрасный трудъ. Много нужно трудовъ и одному человѣку поумнѣть и разбогатѣть — и большею частію, дѣлается это насчетъ другихъ.

— Смотри жь, вотъ мнѣ попался въ руки: Юноша на распутіи,—возрзилъ Вильгельмъ, вытаскивая тетрадь изъ множества бумагъ, — это, по крайней мѣрѣ, конечно, каково ни-на-есть.

— Брось ты его, кинь въ огонь! сказалъ Вернеръ. Мысль здѣсь ни мало не похвальная; довольно, бывало, бѣсило меня это сочиненіе и навлекло на тебя неудовольствіе отца. Можетъ быть и хорошіе это стихи—да только совершенно ложно содержаніе. Помню я еще твое олицетвореніе ремесла въ какой-то сморщенной и жалкой вѣдьмѣ. Это лицо взялъ ты видно на прокатъ изъ какой-нибудь лоскутной лавчонки. О торговлѣ не имѣлъ ты тогда ни малѣйшаго понятія; я не знаю, у кого духъ болѣе развитъ, у кого духъ долженъ быть болѣе развитъ, какъ не у истиннаго купца. Какой широкій взглядъ даетъ намъ порядокъ, въ которомъ ведемъ мы наши дѣла! Вѣчно должны мы имѣть въ виду цѣлое и не запутываться въ мелочахъ и частностяхъ. А какія выгоды даетъ купцу двойная бухгалтерія? Это одно изъ превосходнѣйшихъ изобрѣтеній человѣческаго духа, и каждый хорошій домохозяинъ долженъ бы ввести его въ свое хозяйство.

— Извини меня,—сказалъ Вильгельмъ, улыбаясь,—ты все начинаешь съ формы, какъ будто бы въ ней все дѣло; обыкновенно, при своихъ счетахъ и расчетахъ, забываете вы настоящую сумму жизни.

— Напротивъ, ты, другъ, не видишь, до какой степени предметъ и форма здѣсь одно и то же, какъ одно не можетъ су-

ществовать безъ другаго. Порядокъ и ясность увеличиваютъ удовольствіе сберегать и пріобрѣтать. Человѣку, который дурно ведетъ домъ — по сердцу темнота; ему куда-какъ не легко счесть свои долги. Ну, а хорошему хозяину нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ подводить ежедневно итогъ своего растущаго благосостоянія. Даже бѣда только непріятно поразить его, а не испугаетъ. Онъ вѣдь знаетъ, что стоитъ ему для поправки положить только на вѣсы пріобрѣтенныя имъ выгоды. И я убѣжденъ, любезный другъ, что получи ты разъ только вкусъ къ нашимъ занятіямъ, ты увѣришься, что многія способности духа могутъ свободно развиваться посреди ихъ.

— Можетъ быть, путешествіе, которое у меня теперь въ виду, наведетъ меня на такія мысли.

— О, непременно! Повѣрь ты мнѣ, что тебѣ недостаетъ только широкой дѣятельности для того, чтобы навсегда стать нашимъ, — и когда ты воротишься, ты охотно примкнешься къ тѣмъ, кто разнаго рода разсчетами и спекуляціями умѣютъ привлечь къ себѣ частицу денегъ и благосостоянія, обращающихся въ мірѣ. Брось взглядъ на естественныя и неестественныя произведенія всѣхъ частей свѣта, посмотри, какъ постепенно обращались они въ насущныя потребности. Что за пріятная, что за умная забота знать все, что особенно нужно въ извѣстную минуту — а между тѣмъ то этого нѣтъ, то это достать трудно, — каждому доставлять и легко и скоро, что ему нужно, предусмотрительно запастись и наслаждаться выгодами каждой минуты огромнаго круговаго оборота! Думаю я, что это большая радость для каждаго человѣка съ головою!

Вильгельмъ слушалъ, казалось, внимательно, и Вернеръ продолжалъ. — Побывай только сначала въ какихъ-нибудь двухъ большихъ торговыхъ городахъ, въ двухъ какихъ-нибудь гаваняхъ, и навѣрное ты этимъ увлечешься. Когда ты увидишь, сколько людей тутъ занято, когда ты увидишь, откуда многія вещи приходятъ и куда уходятъ, — то конечно поймешь удовольствіе, чтобы все это проходило черезъ твои руки. Самый незначительный товаръ представляется тебѣ въ связи съ цѣлою торговлею, и ты уже не будешь считать его незначительнымъ, потому что все умножаетъ торговый оборотъ, которымъ ты питаешься.

Вернеръ, развившій свой здравый умъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Вильгельмомъ, привыкъ приступать съ возвышенной мыслию даже къ своему ремеслу, даже къ своимъ занятіямъ, и всегда думалъ, что дѣлаетъ это съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ его, впрочемъ разумный и дорогой другъ, который, казаясь ему, отдавался всей душою и придавалъ весь самому недѣйствительному въ мірѣ. Несколько разъ думалъ онъ, что долженъ же быть пересиленъ этотъ ложный энтузіазмъ и долженъ же такой славный человѣкъ возвратиться на истинный путь. Съ этой надеждою, онъ продолжалъ:—Великіе міра владычествуютъ надъ землею, живутъ въ великолѣпшіи и изобиліи. Малѣйшій уголокъ земли состоитъ уже въ чьемъ-либо владѣніи, каждое владѣніе закрѣплено,—служба и другія гражданскія занятія приносятъ мало выгодъ: гдѣ же найдешь ты выгоду законнѣе, пріобрѣтеніе справедливѣе, какъ не въ торговлѣ? У владыкъ міра рѣки, дороги и пристани, и они собираютъ пошлину со всего, что по нимъ и мимо ихъ проходитъ: не должны ли мы тоже радоваться всякому удобному случаю, и такъ же, по средствомъ нашей собственной дѣятельности, брать дань со всѣхъ предметовъ потребленія, которые нужда или роскошь человѣческая сдѣлала необходимыми? И могу тебя заверить, обрати только на это свою поэтическую силу, — смѣло можешь поставить мою богиню противъ твоей, и она явится непреоборимой соперницей. Конечно, носить она охотнѣе оливку, нежели мечъ; кинжаловъ и цѣпей вовсе не хочетъ знать: но вѣнцами тоже награждаетъ она своихъ избранныхъ, и эти вѣнцы—будь сказано безъ оскорбленія твоей богини,—сіяютъ блескомъ настоящего изъ руды добытаго золота, блещутъ перлами, которые со дна моря похищены ея усердными слугами.

Вильгельма нѣсколько взбѣсила эта выходка,—но онъ скрылъ свое раздраженіе, вспомнивши, что и Вернеръ старался всегда равнодушно выслушивать его выходки. При томъ же онъ былъ довольно справедливъ, и любилъ, чтобы каждый высоко думалъ о своемъ занятіи, не затрогивали бы только его собственнаго, того, которому отдался онъ страстно.

И для тебя, вскричалъ Вернеръ, для тебя, принимающаго такое горячее участіе во всемъ человѣческомъ, что это замечудное будетъ зрѣлище, когда ты увидишь вполнѣ, какъ слѣдуетъ всегда за людьми счастье, сопутствующее смѣлымъ предпріятіямъ. Что увлекательнѣе, какъ видѣть корабль, когда онъ возвращается изъ счастливаго путешествія, пристасть къ берегу съ богатымъ грузомъ? Не родной только, не знакомый одинъ, не участникъ въ предпріятіи,—каждый посторонній зритель будетъ увлеченъ, видя радость, съ которой неустрашимый мореплаватель въскакиваетъ на сушу, прежде, еще, чѣмъ судно его пристало совсѣмъ къ берегу: онъ снова чувствуетъ себя свободнымъ и отдаетъ на сохраненіе вѣрной землѣ то, что вырвалъ у вѣроломнаго моря. Не въ цифрахъ только, другъ, является намъ прибыль: счастье—богиня живыхъ людей, и чтобы вполнѣ чувствовать ея благосклонность, надобно жить и видѣть людей, которые живо трудятся и живо наслаждаются.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ МЕЙСТЕРЪ.

Сочиненіе Гете.

ГОДЫ УЧЕНІЯ.

(Продолженіе).

ГЛАВА XI.

Пора намъ узнать покороче отцевъ двухъ нашихъ пріятелей—двухъ человекъ съ весьма различнымъ образомъ мыслей, сходявшихся однако въ томъ, что оба считали торговлю за благороднѣйшее занятіе, и оба въ высшей степени обращали вниманіе на малѣйшую прибыль, которую могла принести имъ какая-либо спекуляція. Старый Мейстеръ, тотчасъ же послѣ смерти своего отца, обратилъ въ деньги драгоценное собраніе картинъ, рисунковъ, гравюръ и древностей; перестроилъ и обмѣлировалъ весь свой домъ по новѣйшему вкусу, а остальное имущество пустилъ во всѣ возможные обороты. Порядочную часть его отдалъ онъ въ руки старому Вернеру, который былъ извѣстенъ за дѣятельнаго торговца, и котораго спекуляціи всегда увѣнчивались успѣхомъ. Ничего впрочемъ не желалъ такъ старый Мейстеръ, какъ развить въ сынѣ своемъ способности, недостававшія ему самому, и оставить дѣтямъ блага, въ обладаніи которыми полагалъ все человѣческое благополучіе. Онъ самъ чувствовалъ особенную склонность къ великолѣпному, къ тому, что кидается въ глаза, но чтобы въ немъ было тоже внутреннее достоинство и прочность. Въ домъ у него все было

прочно и массивно: закормы полны запасовъ, серебро тяжело, столовая посуда дорога; гости только были рѣдки, за тѣмъ, что всякая пирушка была празднествомъ, и, какъ по причинѣ издержекъ, такъ и по неудобству, это не могло часто повторяться. Домашняя жизнь его шла спокойно и однообразно; двигалось и обновлялось тамъ только то, что рѣшительно никому не могло доставить удовольствія.

Совершенно провинуположную жизнь велъ старый Вернеръ въ своемъ темномъ и мрачномъ домѣ. Окончивъ свои занятія въ тѣсной комнаткѣ за допотопной конторкой, — онъ желалъ всегда хорошенько поѣсть, а если можно только, то и хорошенько выпить; притомъ онъ не любилъ наслаждаться одинъ; за столомъ любилъ онъ видѣть не только семью; но всѣхъ пріятелей, даже всѣхъ постороннихъ, состоявшихъ въ какой-либо связи съ его домомъ; стулья у него были старинные, но всякій день сидѣли на нихъ гости. Хорошее кушанье обращало на себя исключительное вниманіе гостей, и никто не замечалъ, что оно подается въ самой обыкновенной посудѣ. Въ погребѣ его было не много вина, но вышитое замѣнялось обыкновенно лучшимъ.

Такъ жили двое отцевъ, которые частенько видались другъ съ другомъ, совѣтовались на счетъ общихъ дѣлъ — и вотъ теперь даже рѣшили послать Вильгельма по торговлѣ.

— Пусть его поглядитъ на свѣтъ, — сказала старый Мейстеръ, — да и дѣлами-то нашими займется на мѣстѣ: не лѣзя сдѣлать лучшаго добра молодому человѣку, какъ посвятивши его въ-время въ назначеніе его жизни. Вашъ сынъ такъ счастливо воротился изъ своей экспедиціи, такъ славно обдѣлалъ дѣла, что мнѣ любопытно посмотреть, какъ-то обдѣлаетъ мой: боюсь, его ученье обойдется накладнѣе, чѣмъ вашего.

Старый Мейстеръ, имѣвшій высокое понятіе о своемъ сынѣ и его способностяхъ, говорилъ это въ надеждѣ, что пріятель станетъ возражать ему, и расхвалитъ отличныя способности молодого человѣка. Но въ этомъ онъ обманулся: старый Вернеръ, который въ практическихъ вещахъ привыкъ доверять только тому, кого ужъ онъ самъ испыталъ, отвѣ-

чалъ преспокойно: — Надобно попробовать, можно послать его въ ту же дорогу, — дадимъ ему инструкцію, чтобъ онъ съ ней сообразовался: нужно разыскать кой-какіе долги, подновить старыя знакомства и связи, заключить новыя, — онъ пожалуй поможетъ въ той спекуляціи, о которой я вамъ недавно говорилъ; тутъ нельзя ни къ чему и приступить, не наведя вѣрныхъ справокъ на мѣсть.

— Такъ пусть его готовится въ дорогу, сказалъ старый Мейстеръ, и ѣдетъ какъ можно скорѣе. Гдѣ бы взять намъ ему лошадь для этой экспедиціи?

— Что тутъ далеко искать? Одинъ торговецъ въ Г**, мой должникъ, впрочемъ очень хорошій человекъ, недавно предлагалъ мнѣ лошадь въ счетъ долга, — сынъ мой видѣлъ ее, — лошадь, кажется, хорошая.

— Онъ самъ за ней поѣдетъ; — если сядетъ въ почтовую карету, то послѣ завтра воротится домой: покаместъ же набьемъ его чемоданъ и приготовимъ ему письма, такъ что въ началѣ будущей недели онъ можетъ пуститься въ путь.

Позвали Вильгельма и сообщили ему рѣшеніе. Кто могъ быть веселѣе его? Средства къ исполненію намѣренія были у него въ рукахъ — удобный случай представлялся безъ всякаго содѣйствія съ его стороны. Такъ сильна была его страсть, такъ отъ души былъ онъ убѣжденъ, что дѣйствуетъ совершенно справедливо, вырываясь изъ-подъ гнета своей теперешней жизни, и бросаясь въ новый благороднѣйшій путь, — что совѣсть не возмущалась въ немъ нисколько, забота его не тревожила, и скорѣе даже онъ считалъ этотъ обманъ за священный долгъ. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что со временемъ родители и родственники извинятъ и благословятъ его за этотъ шагъ; онъ видѣлъ мановеніе руководной судьбы въ этомъ столкновеніи обстоятельствъ.

Какъ долго тянулось для него время до ночи, до часа, когда онъ могъ увидеть снова свою милую! Онъ сидѣлъ въ комнатѣ, и обдумывалъ планъ своего путешествія, походя въ это время на искуснаго вора или фокусника въ тюрьмѣ, который нѣсколько разъ пробуетъ, точно ли цѣпи скидаются

съ ночь, и хотеть убедиться, что спасеніе для него возможно, и гораздо ближе, нежели думаютъ близорукіе сторожа.

Наконецъ пробилъ желанный часъ ночи: онъ вышелъ изъ дому, страхнулъ съ себя всю тяжесть, и пошелъ по безмолвнымъ улицамъ. На большой площади, поднявъ онъ руки къ небу, почувствовалъ все въ мірѣ позади и ниже себя; онъ отъшился отъ всего. И онъ вообразилъ себя въ объятіяхъ милой, потомъ опять съ нею на очаровательныхъ театраль-ныхъ подмосткахъ, — онъ плавалъ въ атмосферѣ надеждъ, и только окликъ ночного сторожа напоминалъ ему под-часъ, что онъ еще на землѣ.

Милая встрѣтила его на лѣстницѣ — и какъ хороша! какъ плѣнительна! Въ новомъ бѣломъ неглиже приняла она его — и казалось ему, что никогда не видалъ онъ ее такъ очаровательно. Подарокъ отсутствующаго любовника обновила она въ объятіяхъ присутствующаго, и искреннею страстью расточала она все богатство ласкъ, данное природою, приобретенное искусствомъ, передъ своимъ избраннымъ, — и нужно ль спрашивать, чувствовалъ ли онъ себя счастливымъ, чувствовалъ ли онъ себя блаженнымъ?

Онъ открылъ ей все происшедшее, и далъ общее понятіе о своемъ планѣ, о своихъ желаніяхъ. Онъ говорилъ, что скоро воротится, и возьметъ ее съ собою, что, какъ онъ надеется, она не откажетъ ему въ своей рукѣ. Но бѣдная девушка молчала, скрывала слезы и прижимала къ груди милаго, который, хотя и толковалъ молчаніе благопріятнымъ для себя образомъ, но желалъ бы добыться отвѣта, особенно на ласковый вопросъ свой: можетъ ли онъ надеяться быть отцемъ? Но она отвѣчала только вздохомъ, только поцѣлуемъ.

ГЛАВА XII.

На слѣдующее утро проснулась Маріанна только для новыхъ огорченій; она чувствовала себя совсемъ одинокою, хотѣла бы не видать дневнаго свѣта, осталась въ постели и плакала. Старуха явилась къ ней, старалась заговорить съ нею, утѣ-

шить ее: только не удалось ей такъ скоро исцѣлить уязвленное сердце. Близка была минута, на которую бѣднѣе дѣвушка смотрѣла какъ на послѣднюю минуту жизни. Можно ли въ самомъ дѣлѣ было представить положеніе безотрадное? Милый утѣжалъ, не милый любовникъ — того и гляди прѣдетъ, и грозила большая бѣда, если тотъ и другой встрѣтятся какъ-нибудь, что очень легко могло случиться.

— Успокойся, милочка, вскричала старуха; не заплачь ты мнѣ своихъ прекрасныхъ глазъ! Эка! бѣда имѣть двухъ любовниковъ! Ну, коли одному только можешь ты отдать свою нѣжность, будь же по крайней мѣрѣ благодарна другому; за то, что онъ такъ о тебѣ заботится, стоить назвать его другомъ.

— Чувствовалось моему милому, со слезами возразила на это Маріанна, что намъ предстоитъ разлука; сонъ открылъ ему то, что мы такъ тщательно скрываемъ. Онъ спалъ вчера такъ спокойно. Вдругъ слышу я непонятные и жалобные стоны. Мнѣ стало страшно, и я его разбудила. Ахъ! съ какой любовью, съ какой нѣжностью, съ какимъ огнемъ обнялъ онъ меня. О Маріанна! вскричалъ онъ, изъ какого ужаснаго состоянія ты меня вырвала! Какъ мнѣ благодарить тебя за то, что ты меня избавила отъ этого ада. Мнѣ снилось, продолжалъ онъ, что я нахожусь, вдалекѣ отъ тебя, въ незнакомой странѣ: но образъ твой парилъ передо мною. Я видѣлъ тебя на прекрасномъ холму, озаренную солнцемъ; какъ очаровательно казалась ты мнѣ! Но не долго такъ было, — вдругъ начала ты спускаться, все ниже спускаться; я простиралъ къ тебѣ руки, но они не достигали дагѣе. Все спускался твой образъ и близился къ огромному озеру, разстилавшемуся у подошвы холма, — то было скорый болото, тѣмъ озеро. Потомъ какой-то человекъ подаль тебѣ руку; онъ, казалось, хотѣлъ тебя поднять, но велъ тебя въ сторону, и увлекъ къ себѣ. Я закричалъ; я не могъ тебя схватить, но хотѣлъ по крайней мѣрѣ тебя предостеречь. Хочу идти — я прикованъ къ землѣ: могу идти — препятствуетъ вода; самый крикъ замираетъ въ сдавленной груди. Такъ рассказывалъ бѣднѣй, прижимался ко мнѣ отъ страха, и радулся, что страшный сонъ прогнанъ блаженной действительностью.

Старуха старалась, сколько могла, своею прозою свести въ предѣлы обыкновенной жизни поэзію своей госпожи, и употребила въ дѣло удачный способъ птицеводовъ, подражающихъ въ дудочку звукамъ птицъ, которыхъ желаютъ заманить въ свои сѣти. Она расхваливала Вильгельма, превозносила его наружность, его глаза, его любовь. Бѣдная девушка слушала съ охотою, встала, дала себѣ одѣть, и казалась покойною. — Дитя мое, милая моя, продолжала старуха лѣстиво, я вѣдь не хочу тебя печалить, не хочу сердить, не хочу отнимать у тебя твоего счастья. Какъ ты не хочешь понять моего намѣренія? и неужто ты забыла, что я всегда заботилась больше о тебѣ, чѣмъ о себѣ? Скажи мнѣ только, чего ты хочешь — мы ужъ тамъ посмотримъ, какъ это уладить.

— Чего могу я хотѣть? возразила Маріанна, я несчастна, на цѣлую жизнь несчастна — я люблю его, и онъ меня любить, вижу, что должна съ нимъ разстаться, и не знаю, какъ я это переживу. Норбергъ возвращается, Норбергъ, кому мы обязаны всемъ существованіемъ, безъ кого намъ нельзя обойтись. Вильгельмъ очень небогатъ, онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать.

— Да, онъ, къ несчастію, изъ такихъ любовниковъ, которые ничего не даютъ, кромѣ собственнаго сердца — и они-то въ особенности имѣютъ больше всѣхъ претензіи.

— Не насмѣхайся! онъ бѣдный думаетъ покинуть домъ, вступить на театръ, предложить мнѣ руку.

— Пустыхъ-то рукъ у насъ и своихъ четыре.

— Мнѣ нѣтъ выбора, продолжала Маріанна, рѣшай ты! Толкни меня туда или сюда, но знай одно: по всей вѣрности, у меня подъ сердцемъ залогъ, который еще крѣпче долженъ связать насъ другъ съ другомъ; размысли объ этомъ, и рѣши, кого мнѣ покинуть? за кѣмъ слѣдовать?

Помолчавши съ минутою, старуха вскричала: — то-то вотъ молодость: все попадаетъ въ крайности! Мнѣ такъ кажется, нѣтъ ничего естественнѣе соединять вмѣстѣ и выгоду и удовольствіе: люби одного — а платится пусть другой: съ нашей стороны будетъ благоразумное дѣло удержать обоихъ.

—Дѣлай какъ хочешь, я не въ силахъ думать; но за то буду слушаться.

—У насъ та выгода, что мы можемъ всегда опереться на самолюбіе нашего директора, который гордится нравственностью своей труппы. Оба нашихъ любовника привыкли уже дѣйствовать осмотрительно и тайно. Время и удобный случай—мое дѣло; ты только играй роль, какую я тебѣ назначу. Почему знать, какое еще обстоятельство намъ поможетъ? Пріѣзжай только Норбергъ теперь, какъ Вильгельмъ увхаль! Кто запрещаетъ тебѣ, будучи съ однимъ, думать о другомъ? Желаю тебѣ сына: у него будетъ богачъ батюшка.

Маріанну только на короткое время успокоили эти совѣты. Она не могла привести своего состоянія въ гармонію съ своимъ чувствомъ, съ своимъ убѣжденіемъ; ей хотѣлось позабыть эти печальныя отношенія, а о нихъ напоминали ей каждую минуту тысяча мелочныхъ обстоятельствъ.

ГЛАВА XIII.

Вильгельмъ совершилъ между тѣмъ маленькое путешествіе, и не заставши дома торговаго знакома, передалъ рекомендательное письмо жень отсутствующаго. Но она не дала ему никакого рѣшительнаго отвѣта на его вопросы: казалось, она была чѣмъ-то растревожена, и весь домъ находился въ смятеніи.

Впрочемъ такъ было не долго; она сама высказала ему, да и не лзя было этого скрыть, что ея падчерица ушла съ какимъ-то актеромъ, который недавно покинулъ небольшую труппу, поселился въ этомъ мѣстѣ, и давалъ уроки французскаго языка. Отецъ, видъ себя отъ горя и досады, побѣжалъ въ полицію, требовать, чтобы преслѣдовали бѣглецовъ. Она страшно ругала дочь, позорила любовника, такъ что не оставила ни въ той, ни въ другомъ живаго мѣста, много разъ жаловалась на стыдъ, который упадетъ на всю семью, и этимъ поставила Вильгельма въ самое непріятное положеніе: ему казалось, что она, какъ Сивилла, объятая пророческимъ

духомъ, напередъ проклинаятъ и паказываетъ его тайное намереніе. Еще болѣе сильное и искреннее участіе принималъ онъ въ горести отца, который, возвратясь изъ полиціи, съ глубокой печалью, и въ полусловахъ рассказывалъ женѣ, что онъ дѣлалъ; прочитавъ письмо, онъ велѣлъ привести лошадь Вильгельму, но все-таки не могъ скрыть разсѣянности и смущенія.

Вильгельмъ рѣшился было тотчасъ же сѣсть на лошадь, и уѣхать изъ дому, гдѣ ему никакъ не лѣзя было оставаться въ данномъ случаѣ; однако добрый человекъ не хотѣлъ и слышать, чтобы сынъ дома, которому онъ столько былъ обязанъ, уѣхалъ отъ него безъ угощенія, и не проведя ночи подъ его кровомъ.

Другъ нашъ всидѣлъ печальный у нихъ, провелъ безпокойную ночь, и утромъ, какъ можно раньше, спѣшилъ удалиться отъ людей, которые, сами того не зная, терзали его безжалостно своими рассказами и изліяніями.

Медленно и задумчиво ѣхалъ онъ по улицѣ, какъ вдругъ увидалъ передъ собою на полѣ толпу вооруженныхъ людей, въ которыхъ, по длиннымъ и широкимъ мундирамъ, огромнымъ обшлагамъ, безобразнымъ шляпамъ и плохимъ ружьямъ, по патріархальной походкѣ и свободѣ движеній тѣла, распозналъ тотчасъ же команду городской полиціи. Тихо стояли они подъ старымъ дубомъ, разложили ружья, и сами разлеглись преспокойно на дернъ, закурили трубки. Вильгельмъ остановился около нихъ, и вступилъ въ разговоръ съ однимъ молодымъ человекомъ, который пріѣхалъ верхомъ. Снова долженъ былъ онъ выслушать уже достаточно знакомую ему исторію двухъ былецовъ, и притомъ съ замѣчаніями, не благопріятными ни для молодой четы, ни для стариковъ. Еще узналъ онъ, что здѣсь собралась полиція принять отъ другой молодыхъ любовниковъ, захваченныхъ въ соседнемъ городкѣ. Черезъ нѣсколько времени показалась вдали телега, окруженная городовою стражею, внушавшею больше смѣхъ, чѣмъ ужасъ. Безобразный городской писарь ѣхалъ впередъ, и на границѣ двухъ мѣстечекъ салатовалъ актуаріуса, (это былъ молодой человекъ, съ которымъ говорилъ Вильгельмъ), съ величайшею нужностью и съ самыми смѣшными обра-

дами; это похоже было на то, какъ въ часъ ночной встрѣчаются духъ и заклинатель: одинъ внутри круга, другой въ его.

Все вниманіе зрителей обращено было на телгу—и не безъ состраданія смотрѣли они на бѣдныхъ заблудшихъ, которые сидѣли рядомъ на соломѣ, нѣжно смотрѣли другъ на друга, и казалось, не видали ничего окружающаго. Только случайность была причиною, что изъ послѣдней деревни везли ихъ въ такомъ неудобномъ экипажѣ—сломалась старая карета, въ которой посажена была красавица. Она между тѣмъ упростила, чтобы не разлучали ея съ другомъ, котораго прежде вели цѣпкомъ и въ цѣпяхъ подлѣ кареты, въ убѣжденіи, что онъ уголовный преступникъ. Эти цѣпи не мало придавали интереса нѣжной парѣ: молодой человекъ безпрестанно звучалъ ими, потому что безпрестанно цѣловалъ руки своей подруги.

Мы очень несчастны! обратилась она къ окружающимъ, но не такъ виновны, какъ это кажется. Злые люди всегда такъ награждаютъ любовь и вѣрность, а родители совершенно позабываютъ о счастіи дѣтей, и съ ожесточеніемъ отрываютъ ихъ отъ объятій радости, улыбнувшейся постѣ долгихъ печальныхъ дней.

Между тѣмъ какъ предстоящіе различнымъ образомъ выражали свое участіе, судъ кончилъ церемоніальные обряды, телга поѣхала дальше, а Вильгельмъ, принимавшій сильное участіе въ любовникахъ, доскакалъ впередъ, чтобы, до прибытія телги на мѣсто, успѣть познакомиться съ антманномъ. Но едва только добрался онъ до управы, гдѣ все суетилось, и готовилось къ приему бѣглецовъ, какъ имъ завладѣлъ актуаріусъ, и подробнымъ разсказомъ о томъ, какъ все произошло, да въ особенности краснорѣчивою хвалою лошади, вчера только купленной у жида на промѣнъ,—перебилъ всякій другой разговоръ.

Несчастную чету высадили въ саду, сообщавшемся съ управою посредствомъ калитки, и потихоньку привели въ камеру суда. Вильгельмъ съ жаромъ хвятилъ за это актуаріуса, хотя тотъ просто хотѣлъ только подразнить народъ, и не дать ему натѣшиться пріятнымъ зрѣлищемъ униженія горожанки.

Амтманнъ, который куда какъ не любилъ всѣхъ необыкновенныхъ случаевъ, потому что всегда попадался при нихъ въ просакъ, и при самомъ добромъ желаніи никакъ не могъ устроить всего такъ, чтобы не получить строгаго выговора отъ княжескихъ чиновниковъ, — медленною походкою вступилъ въ камеру, куда пошли за нимъ актуаріусъ, Вильгельмъ и нѣсколько значительныхъ мѣщанъ.

Напередъ привели красавицу; она вошла безъ дерзости, но спокойно и съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Костюмъ и манеры показывали дѣвушку, умѣющую себя цѣнить. Прежде еще, чѣмъ ее спросили, она начала было объясненіе довольно приличное.

Актуаріусъ велѣлъ ей замолчать, и поднялъ перо надъ развернутымъ листомъ бумаги. Амтманнъ усѣлся, посмотрѣлъ на него, откашлялся и спросилъ бѣдное дитя, какъ ее зовутъ, и какихъ она лѣтъ?

— Помилуйте, милостивый государь, отвѣчала она, мнѣ очень странно въ вашъ вопросъ о моемъ имени и лѣтахъ, когда вы очень хорошо знаете, какъ меня зовутъ, и что лѣтъ мнѣ столько же, сколько вашему старшему сыну. То, что вамъ хочется знать и что вамъ нужно знать, я расскажу безъ всякихъ предисловій.

— Когда отецъ мой женился во второй разъ, жить мнѣ въ домѣ стало не очень хорошо. Я бы могла найти очень выгодную партію, еслибъ моя мачиха не устраняла каждую, которая представлялась, боясь разориться на приданое. Наконецъ узнала я молодаго Мелиссу, полюбила его, и видя, что къ нашему союзу много препятствій, мы рѣшились рука объ руку идти искать счастья въ божьемъ мірѣ, потому что намъ не было его дома. Я ничего съ собой не взяла, кромѣ моего собственнаго, мы бѣжали не какъ воры и разбойники, и мой милый не заслуживаетъ оковъ. Князь справедливъ, онъ не оправдаетъ такой жестокости. Если мы и стоимъ наказанія, то не такого же!

Старый амтманнъ дважды или трижды желалъ уже провалиться сквозь землю. Милостивѣйшіе выговоры звенѣли

уже у него въ ушахъ, а скорая рѣчь дѣвушки совершенно выбила у него изъ головы обдуманнѣйшій заранее протоколъ. Еще горше стала бѣда, когда она, не отвѣчая на повторяемые обыкновенные вопросы, постоянно ссылаясь на то, что уже разъ сказала.

—Я не преступница, говорила она. Меня взяли позорнымъ образомъ на соломѣ; есть правосудіе повѣнше, и оно возстановитъ нашу честь.

Актуаріусъ между тѣмъ записывалъ слова, и шепталъ амтманну, чтобы тотъ продолжалъ, а ужъ форменный протоколъ самъ собою потомъ составится.

Старикъ собрался съ духомъ, и сталъ разспрашивать о сладкихъ тайнахъ любви въ жесткихъ словахъ и обычныхъ сухихъ формахъ.

Вильгельму бросилась краска въ лице, и щеки хорошенькой преступницы тоже оживились плѣнительнымъ цвѣтомъ стыдливости. Она молчала долго, пока наконецъ само затруднительное положеніе не придало ей бодрости.

—Не беспокойтесь, вскричала она, во мнѣ достанетъ силы признаться въ правдѣ, хотя бы противъ самой себя: что же мнѣ болѣе и колебаться, когда она дѣлаетъ честь. Дѣлайте со мною, что хотите. Если я колебалась нѣсколько, то потому только, что боялась дурныхъ слѣдствій для моего милаго.

Вильгельмъ, выслушавъ это признаніе, получилъ высокое понятіе о чувствахъ дѣвушки, когда напротивъ члены управы называли ее дерзкой дѣвчонкой, а присутствующіе мѣщане благодарили Бога, что подобнаго рода случаевъ и не слыхать и не видать въ ихъ семействахъ.

Вильгельмъ въ эту минуту мысленно перенесъ своего Маріанну передъ судилище, вложилъ въ ея уста еще лучшія слова, представляя себѣ ея признаніе еще искреннѣе, еще благороднѣе. Имъ овладѣло самое жаркое желаніе помочь двумъ любовникамъ. Онъ не скрылъ этого желанія и шепнулъ трепещущему амтманну, что пора закончить дѣло, что все уже ясно до послѣдней степени, что нечего больше розыскивать.

Это такъ сильно подѣйствовало, что тотчасъ же велѣно было вывести молодую дѣвушку, и ввести молодого человека, съ котораго сняли передъ дверями цѣпи. Онъ, казалось, былъ остороженъ. Отвѣты его были положительныя, и хотя онъ показывалъ менѣе героизма, но за то говорилъ съ точностью и въ порядкѣ.

Когда оконченъ былъ и этотъ допросъ, сходный во всемъ съ предшествовавшимъ, кромѣ того только, что молодой человекъ, щадя дѣвушку, упорно запирался въ томъ, въ чемъ она сама призналась, — привели ихъ опять обоихъ, и здѣсь произошла сцена, совершенно привязавшая къ нимъ нашего пріятеля.

То, что обыкновенно происходитъ только въ романахъ и въ комедіяхъ — онъ увидѣлъ здѣсь, въ грязной камерѣ управы: споръ взаимнаго благородства, силу любви въ несчастіи.

Такъ это правда, подумалъ онъ, что робкая нѣжность, таящаяся отъ свѣта и людей, наслаждающаяся только въ уединеніи, въ глубокой тайнѣ, — только что встрѣтится враждебный случай, станетъ вдругъ мужественнѣе, сильнѣе, неустрашимѣе всѣхъ сильныхъ и шумныхъ страстей.

Къ удовольствію его довольно скоро кончился судъ. Оба отвѣдены были въ приличное мѣсто, и, если бы было можно, онъ сегодня же вечеромъ отвезъ бы дѣвушку къ родителямъ. Онъ непременно хотѣлъ сдѣлаться посредникомъ счастливаго и законнаго союза двухъ любящихъ.

Онъ попросилъ у амтманна позволенія поговорить наединѣ съ Мелпссою, и получилъ его безъ всякой трудности.

**КОГДА РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ ИСПОЛНИТСЯ
ТЫСЯЧА ЛѢТЪ?**

Есть въ Исторіи священныя числа, священныя имена, священныя убѣжденія, къ коимъ прикасаться должно съ крайней осторожностью, и безъ достаточныхъ причинъ не колебать ихъ въ народныхъ вѣрованіяхъ.

Юрикомъ начинается Русская Исторія, въ 862 году положено основаніе Русскому государству,—такъ записано въ первой нашей лѣтописи; такъ учились мы; такъ думали наши отцы; такъ повторяетъ весь Русскій народъ....

Найдись новое непреложное свидѣтельство, напримѣръ, какое-нибудь древнее лѣтоисчисленіе, какая-нибудь надпись на камнѣ, какое-нибудь лѣтописное указаніе, свое или иностранное, но современное, со всеми признаками подлинности и достовѣрности, безъ малѣйшаго повода къ сомнѣнію, о—это другое дѣло! Тогда мы съ чистой исторической совѣстью должны будемъ перемѣнить свое мнѣніе, и отнесемъ начало нашего государства къ какому окажется году, 852, 3, 4, или 5.

А пока его нѣтъ, не должно, не позволительно мѣнять положеніе на гаданіе, и достовѣрному предпочитать сомнительное.

Первое недоумѣніе о 862 годѣ имѣлъ Миллеръ, потомъ поколебался Шлецеръ, и въ посвяtitельномъ письмѣ передъ своимъ Несторомъ намекнулъ, что начало государства, вѣроятно, было ранѣе, и что, по законамъ человѣческой жизни, покойный Императоръ Александръ могъ дожить до тысящелѣтія своей имперіи.

Наконецъ, въ бумагахъ Круга, по его смерти, нашлось изслѣдованіе о томъ, что годомъ основанія государства доужень считается 852, а не 862.

Это изслѣдованіе было имъ, кажется, тольк о что начато, не отдѣлано, не соображено почти ни съ какими обстоятельствами, ни предыдущими, ни послѣдующими. Всякій осторожный изслѣдователь долженъ принять замѣчаніе, какъ принадлежащее извѣстному ученому, къ свѣдѣнію, впредь до точнѣйшаго изслѣдованія,—и только! По одинъ новый авторъ, въ книгѣ, названной имъ Исторіею Россіи, безъ дальнихъ толкованій, ставитъ 852 годъ началомъ Исторіи Русской.

Какія же доказательства нашелъ онъ для этого положенія?—Никакихъ. Онъ требуетъ себѣ вѣры на слово.—«Таково было явленіе»,—говоритъ онъ,—«имѣвшее мѣсто въ сѣверо-восточной Европѣ (призваніе Рюрика), въ половинѣ IX вѣка, въ 862 году по счету лѣтописца, вѣрнѣе въ 852».

И потомъ начинаетъ онъ новую главу безъ всякихъ околѣностей: Рюрикъ, Олегъ, Игорь, 852—946.

Въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (1852 г., N 1), помѣщена также статья о тысячелѣтіи Россіи въ 1852 году, въ коей излагается только замѣчаніе Кругово.

Эта статья перепечатана теперь въ Московскихъ полицейскихъ вѣдомостяхъ, и вѣроятно повторится еще во многихъ изданіяхъ.

Читатели знаютъ, что я отлагалъ разборъ всего, писаннаго о первомъ періодѣ Русской Исторіи, послѣ изданія моихъ Изслѣдованій, до окончанія изслѣдованій объ удѣльномъ періодѣ, къ коему я хотѣлъ приложить его, но 1852 годъ наступилъ, мнѣніе о тысячелѣтіи распространяется: слѣдовательно медлить мнѣ поданіемъ своего мнѣнія невозможно.

Повторяютъ и ссылаются на Круга, и потому разберемъ доказательства Круговы:

На чемъ основываетъ Кругъ свое мнѣніе о 852 годѣ, вмѣсто 862 года?

Вотъ на чемъ:

Въ лѣтописи Несторовой есть слѣдующее извѣстіе: «при Михаилѣ», говоритъ онъ, «начавшемъ царствовать въ 852

году, стала известною (пошелъ слухъ) Русская земля. Мы узнали про то, ибо при этомъ царь Русь приходила на Царьградъ, какъ написано въ летописанъ греческомъ. Такъ мы и начнемъ отсюда и положимъ числа.... (*)».

«Миханлъ началъ царствовать», замѣчаетъ Кругъ, «не въ 852 году, а въ 842.—Несторъ опаздываетъ на 10 лѣтъ; эта ошибка имѣетъ вліяніе, слѣдовательно, на всѣ происшествія, кои отъ этой эпохи зависятъ и по ней определены. Важный-шій результатъ оттуда: всѣ эти происшествія должны быть отодвинуты на десять лѣтъ назадъ; имя Россіи встрѣчается; слѣдовательно, не въ 6362=854 году, а уже въ 844 году; Рюрикъ и его братья призваны не 6370=862, а 852; въ 852 году началось Русское государство».

Вотъ и все его доказательство, найденное въ бумагахъ.

Удовлетворительно, убѣдительно ли оно по законамъ исторической критики?

Нисколько.

Несторъ могъ ошибиться, почему бы то ни было, въ показаніи года Михайлова, но годъ прибытія Рюрика не имѣетъ никакого отношенія къ Михайлову. Михайловъ годъ заимствованъ изъ греческихъ извѣстій, а Рюриковъ—изъ сѣверныхъ, намъ неизвѣстныхъ, но не греческихъ, гдѣ нѣтъ ни слова о Рюрикѣ, или наконецъ Несторъ писалъ по преданію, еще свѣжему, по памяти.

Предполагать же, что Несторъ, соображаясь съ своей ошибочною греческою хронологіей, передвинулъ самъ происшествія, и, ошибшись въ Михайлѣ, распространилъ свою ошибку на другія древнія извѣстія, есть произволь, совершенно непозволительный, тѣмъ болѣе, что происшествія, повторяю, между собою различны и одно отъ другаго независимы.

Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, излагая, парафразируя, (но отнюдь не подкрѣпляя ничѣмъ), Круга, гово-

(*) Въ лѣто 6360, индикта 18, начинишу Миханлу царствовати, начаса прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ царѣ приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется въ лѣтописанъ Греческыи: тѣмъ же отселъ почнемъ и числа положить. Яко отъ Адама до Потоша, и пр.

рить: «первый годъ царствованія императора Византійскаго «Михаила III, сына императора Θεοφιλα, внука Михаила II «(Κοσμοβύττη), начавшаго собой особую царственную дина-
«стію, которая Михаиломъ III кончилась, принять имъ за ис-
«ходный пунктъ лѣтосчисленія. Отъ перваго года царствованія
«этого послѣдняго. Михаила начинается онъ полагать числа
«событіямъ Русской земли; отсель считаетъ, сколько лѣтъ
«прошло до перваго Олега, втораго Русскаго князя, сколько
«до Игоря, и такъ далѣе. Въ установленномъ, такимъ обра-
«зомъ, порядкѣ, подъ десятымъ годомъ царствованія Михаила
«III въ Византіи, занесено въ лѣтопись и событіе, даровавшее
«государственную жизнь Россіи: въ лѣто 6370. Рѣша сами въ
«себѣ! (Чудь, Словене, Меря, Весь и Кривичи), поимемъ себѣ
«князя», и проч.

Нѣтъ. Это несправедливо: Песторъ не подъ десятымъ
годомъ царствованія Михайлова заноситъ извѣстіе о при-
званіи Рюрика, а приводитъ оное прямо, неизвѣстно изъ
какого источника, не упоминая ни слова о Михаилѣ. Это из-
вѣстіе у него совершенно особое, находящееся въ связи только
съ другимъ, также не греческимъ извѣстіемъ, о наложеніи
Варягами дани на сѣверныя племена, и о изгнаніи ихъ.

«Такимъ образомъ», продолжаетъ статья, «лѣтосчисленіе пер-
«вой нашей лѣтописи, рассчитанное отъ неправильно-означеннаго
«пункта, должно быть исправлено сообразно съ настоящимъ его
«исходнымъ началомъ, то есть, съ настоящимъ первымъ годомъ
«царствованія Михаила. Другими словами: древнѣйшія событія
«Русской земли, исчисленные на первыхъ страницахъ нашей
«лѣтописи, должны быть подвинуты на десять лѣтъ впередъ».

Нѣтъ. Не надо, нельзя, подвигать впередъ на десять лѣтъ
событія (?) происшествій древней Русской Исторіи, а одно гре-
чское происшествіе, заимствованное изъ невѣрнаго греческаго
источника, отодвинуть назадъ, т. е. первый годъ Михайловъ
считать 842, а не 852. Нетолько въ русскихъ, даже въ греческихъ
произшествіяхъ ошибка эта не продолжается у Нестора, а есть ея
вліяніе только въ двухъ данныхъ, съ нею соприкосновенныхъ,

а именно: Великій кругъ (*), — (впрочемъ это сказано уже не Несторомъ, а позднѣйшими писателями, или сочинителями, а именно тѣми, кому мы обязаны Воскресенскимъ, такъ называемымъ, сборникомъ и Никоновскимъ) — совершился въ 24 годъ Михайлова царствованія, т. е. въ 876, а Михайлъ въ этомъ году уже и не существовалъ, убитый въ 867; въ 876 году исполнилось бы, по настоящему, 24, а не 34 года его царствованія.

Это одно неправильное вліяніе, а вотъ другое:

Походъ Аскольда и Дира относится Несторомъ къ 14 году Михайлова царствованія, $852 + 14 = 866$ году, между тѣмъ, какъ этотъ походъ должно относить къ 24 году, т. е. къ 866.

Повторяю: эти три ошибки между собою связаны, или, лучше, это одна ошибка, повторенная трижды, безъ связи съ прибытіемъ Рюрика.

Журналъ Министерста Внутреннихъ Дѣлъ говоритъ смѣло: «древнѣйшія событія Русской земли, исчисленныя на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи, должны быть подвинуты на десять лѣтъ впередъ». Какія же? — Никакихъ не должно, не только русскихъ, но и греческихъ, ибо всѣ онѣ записаны вѣрно, и самъ Кругъ это свидѣтельствуетъ: «а при преемникахъ Михаила», говоритъ онъ, «помѣщены въ нашей Русской лѣтописи годичныя показанія совершенно вѣрныя». *Krugs Forschungen*, т. I, с. 140.

Кругъ, отодвигая на 10 лѣтъ Рюриково призваніе, не подумалъ, а настоящіе его послѣдователи еще менѣе, что, полагая прибытіе Рюрика въ 842 году, они даютъ ему сына, Игоря, чрезъ 37 почти лѣтъ послѣ прибытія: ибо въ 882 г. Игорь выносимъ еще быть на рукахъ, подъ Кіевомъ, слѣдовательно, родился только что передъ смертію Рюрика. Это очень не естественно.

(*) Солнечный кругъ есть возвращающійся рядъ 28 солнечныхъ годовъ. Лунный кругъ есть возвращающійся рядъ 19 лунныхъ годовъ, а именно 12 обыкновенныхъ и 7 високосныхъ. Если умножить солнечный кругъ луннымъ кругомъ, то получится 832 года. По теченіи сего времени, по тогдашнему мнѣнію, приходились новолунія и полнолунія, и проч., точно въ тѣже дни, какъ было и при его началѣ. Этотъ кругъ 532-лѣтній называется въ лѣтописяхъ, византійскихъ и русскихъ, великимъ кругомъ. Помножимъ 532 на 12, и получимъ $6384 = 876$. См. Круга, I, 132.

Кругъ не подумаль, а настояще его послѣдователи еще менѣе, что, относя прибытіе Рюрика къ 852 году, они посылають Аскольда и Дира подъ Царьградъ въ 856 году, а походъ, несомнѣнно, или почти несомнѣнно, былъ въ 866 году, противъ чего *никто* не могъ представить никакого возраженія.

Заключаю: прибытіе Рюрика въ 852 году не только есть предположеніе произвольное, но и подтвержденное важнымъ возраженіемъ.

А откуда произошла Несторова ошибка?

Самъ Кругъ показываетъ намъ ея источникъ. Вотъ онъ— въ лѣтописцѣ Патріарха Никифора находится слѣдующее исчисленіе: «A Christi adventu usque ad Constantinum anni 318, a Constantino usque ad Theophilum... anni 530. Summa anni 848». Сюда слѣдуетъ причислить 12 лѣтъ царствованія Θεοφιλα до вступленія Михаила—860. Прежде же онъ сказалъ: «ab Adam ad Christi in carne adventum ex accuratiorе calculo, κατὰ πᾶσαν ἀκριβείαν, numerantur anni 5500. И такъ въ суммѣ 6360».

«Можно ли упрекать намъ Нестора за то», заключаетъ самъ Кругъ, «что онъ повѣрилъ на слово Константинопольскому Патріарху, который притомъ утверждаетъ, что исчисленіе его вѣрно. При томъ здѣсь Никифоръ и заключилъ свое счисленіе».

(И у другихъ лѣтописцевъ греческихъ есть ошибки о годѣ вступленія Михайлова, напр. у Симеона Логофета).

Спрашивается: Если ошибка Несторова въ одномъ данномъ, совершенно постороннемъ, безъ связи съ прочими русскими данными, такъ явна, и объясняется такъ легко, обчемъ же хлопочутъ новые наши историческіе воздухоплаватели? Изъ-за чего, и для чего, берутъ они на себя такой трудъ передвигать всѣ (ad libitum) происшествія? И наконецъ можно ли въ угоду такому слабому предположенію приносить легкомысленно въ жертву твердое литературное и народное вѣрованіе?

О мѣстѣ изъ Нестора, которое подало поводъ къ толкованію, кстати скажу, или, лучше, повторю изъ моихъ Исслѣдованій еще нѣсколько словъ,—повторю, потому что результатъ ихъ не принять въ соображеніе въ новыхъ разглагольствіяхъ:

На этомъ мѣстѣ («въ лѣто 6360, индикта 15 день начен-
лю Михаилу царствовати начася прозывати Руска земля»).
Нейманъ основывалъ свое мнѣніе, что имя Русь является въ
Исторіи гораздо прежде, нежели Рюрикъ въ землѣ Словенской
Объяснимъ оное.

Годъ здѣсь относится не къ началу имени Русскаго, какъ
того хочетъ г. Нейманъ, а къ началу царствованія Михаилава.

Перевести сіи слова Несторовы должно слѣдующимъ об-
разомъ: при Михаилѣ, начавшемъ царствовать въ лѣто 6360
(852) индикта въ 15 день, началось имя Русской земли.

Вѣрность такого перевода доказывается, кажется, даже и
однимъ грамматическимъ взглядомъ на подлинникъ (*), но можно
приложить къ сему и другія доказательства.

Несторъ говоритъ послѣ въ своей лѣтосчислительной таб-
лицѣ: *по мы на прежнее возвратимся, скажемъ, что ся оудя
лѣта си: яко же преже почали бяхомъ первое лѣто Михаи-
ломъ, а по ряду положимъ числа.* Очевидно по собственнымъ
его словамъ, что онъ, написавъ 852 годъ, думалъ о началѣ
царствованія Михаилава, а не о началѣ Руси: ибо онъ, при
семъ возвращеніи своемъ на прежнее, подъ годами 853, 854,
855, 856, 857, 858, говоритъ о Михаилѣ и его дѣяніяхъ, а
объ Руси ни слова.

Начала царствованія послѣдующихъ императоровъ онъ
обозначаетъ,—какъ же бы не обозначить ему Михаила.

Наконецъ—рѣшительное доказательство—самъ онъ, описы-
вая походъ Руссовъ съ Аскольдомъ и Диромъ въ 866 году
на Царьградъ, говоритъ, что сей походъ 866 года былъ въ
14 лѣто Михаила царя. Слѣдовательно, онъ почиталъ 852
годъ началомъ царствованія Михаила.

Къ сему походу и относятся слова, сказанныя имъ впередъ
о семъ бѣ утѣдахомъ, *яко при семъ цѣрцѣ приходиша Русь
на Царьградъ, яко же пишется въ лѣтописаннхъ гречѣстѣхъ.*
И Византійцы знаютъ и пишутъ только о походѣ 866 года.
Съ чего же намъ придумывать другой походъ, ранѣйшій, ни

(*) Шедеръ (I, 255) переводилъ неправильно: въ лѣто 852, индикта 15, при
началѣ царствованія Михаилава, началось имя Русской земли.

нами, ни Греками не описанный? Если бы къ сему другому походу относились слова Несторовы: «о семъ бо уведохомъ», и проч., то какимъ образомъ онъ, зная о семъ походе, не описалъ его? Следовательно, сии слова относятся, повторяю, къ Аскольдову походу, и следовательно, имени Руси не было у насъ до Рюрика, что хотеть этимъ мѣстомъ доказать Нейманъ.

Новые воздухоплаватели никакъ не хотять принять этого въ соображеніе, и продолжаютъ толковать, что имя Руси было у насъ извѣстно до Рюрика, между тѣмъ, какъ Несторъ именно говорить: отъ тѣхъ (Рюрика, съ братьями) прозваны Новгородцы Русскою землею; тѣ суть люди Новгородцы отъ рода Варяжскаго, прежде же были Словене.

М. Погодинъ.

Р. S. Въ 1826 году разбиралъ я Нейманово мнѣніе: Кругъ читалъ мой разборъ, одобрилъ его, и на поляхъ написалъ свои замѣчанія. Если не обманываетъ меня память, онъ не имѣлъ ничего возразить противъ моихъ возраженій Нейману. Объ этомъ можно справиться въ оставшейся библіотекѣ Круговой, и даже въ моей, потому что г. Куникъ переписалъ мнѣ отмытки Круговы, и перенесъ ихъ на мой экземпляръ. Это по-даетъ мнѣ поводъ думать, что отрывокъ, написанный Кругомъ въ 1812 году, гдѣ начало названія Руси отнесено также къ 852 году; не былъ имъ послѣ просматриваемъ, и лежалъ въ его бумагахъ, и что Кругъ чуть ли не готовъ былъ послѣ отказаться отъ своей старой мысли, а у насъ хотять ея поколебать историческое положеніе! Грустно видѣть такое легкомысліе при разсужденіи о важнѣйшихъ историческихъ вопросахъ.

ПАНЫ И ВОСТОКЪ

ВЪ XIII ВѢКѢ.

Сочиненіе М. А. Волкова.

I.

ГРОЗА МОНГОЛЬСКАЯ.

Вопреки единообразію климата и края, жители возвышенной части Азіатскаго материка раздѣлялись всегда на двѣ отличныя породы, на *Татарскую* и *Монгольскую*.

Первая, одаренная довольно правильными чертами лица, ведетъ свое начало отъ Турка, сына Яфетова, и занимаетъ пространныя области. О происхожденіи слова Татаринъ, служащаго нарицательнымъ именемъ цѣлой этой породы, господствуютъ два мнѣнія. Одни приписываютъ его какой-то рѣкѣ Татъ, орошающей некоторую часть сѣверной Азіи, и служившей прибыжищемъ одному изъ поколѣній турецкихъ, другіе производятъ это слово отъ Татара, родоначальника одного изъ означенныхъ поколѣній, передавшаго свое имя въ разныя колѣна Турецкаго племени. Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ замѣтна большая неопредѣленность, ибо какъ существованіе рѣки Татъ, такъ и появленіе родоначальника Татара, лишены всякихъ историческихъ доказательствъ. Ламартиниеръ приписываетъ миссіонаріямъ приимъленіе слова Татаринъ ко всемъ подраздѣленіямъ Турецкаго племени. Онъ утверждаетъ, что несторіанскіе проповѣдники, посѣщавшіе Азію въ IX и X столѣтіяхъ, любя выказывать свои заслуги, часто преувеличивали и силу и богатство тѣхъ владѣтелей, или народовъ, посреди коихъ они посылали ученіе христіанства. Миссіонеры отправлялись обыкновенно въ Тангутъ, и оттуда проникали въ страны, лежащія на востокъ отъ этого госу-

дарства. Посылаемые ими области были большею частью заселены народом Туркского племени, коихъ они называли вообще Татарами; что же касается до Монголовъ, то миссіонеръ выше означенныхъ столѣтій молчать объ этомъ поколѣніи, хотя въ ономъ находились и сильныя отрасли и могучіе владѣтели. Но проповѣдники не имѣли доступа къ этимъ жителямъ сѣверной Азіи. Какъ бы оно ни случилось, достоверно однако, что со времени Ченгисъ-Хана, какъ Монголы, такъ и народы поколѣній Туркского поступили подъ общее наименованіе Татаръ. Это проявленіе имѣетъ ту особенность, что монгольскій элементъ, бывшій при Ченгисъ-Ханѣ элементомъ сильнѣйшимъ, хотя и покорилъ власти своей элементъ туркскій, но не могъ поглотить его въ себя, а, какъ будто бы имъ поглощенный, принять отъ него свое названіе.

Раздѣленіе Татаръ на отдѣльныя группы подвержено также, какъ и общее ихъ нарицаніе, нѣкоторымъ неопредѣленностямъ. Вообще ихъ дѣлятъ на слѣдующія отродія или семейства. *Узбеки* называютъ тѣхъ, которые отъ предѣловъ *Ховарезміи* простираются до Индіи, и занимаютъ *Хивинское* ханство; *Каракалпаками* именуютъ Татаръ, прилегающихъ къ *Сиръ-Дарьѣ*, на востокъ отъ Каспія и на сѣверъ отъ *Хивы*; *Нагайцами* тѣхъ, которые разсѣяны между *Яиломъ* (Ураломъ), Волгою, степями *Крымскими* и *Кубанью*. Но въ этомъ отродіи замѣтна уже смѣсь съ породой монгольской; чистыя черты крови татарской въ ней утрачены. *Башкиры* (*Башъ-Куртъ*), смѣсь Татарскаго племени съ монгольскимъ, обитаютъ въ *Оренбургской* и *Пермской* губерніяхъ. *Киргизы*, племя *Татаро-Монгольское*, занимаютъ пространныя степи лежащія между *Оренбургомъ* и *Средней Азією*, и дѣлятся на три орды. *Бохарцы*, единоплеменники *Узбековъ*, живутъ въ *Бохаріи*, и подраздѣляются на *Акишайцевъ*, *Теркенцевъ* и *Кашигаровъ*. За ними слѣдуютъ *Ташкендцы*, *Аральцы*, *Тюркмены* и *Крымскіе* Татары.

Древнія преданія рассказываютъ чудеса о подвигахъ Татаръ и ихъ гражданскомъ устройствѣ, образованности и могуществѣ; но по дошедшимъ до насъ памятникамъ, мы не можемъ ничего опредѣлительнаго сказать о ихъ бывшей граж-

данственности. Въ Тавридѣ на Волгѣ и даже въ степяхъ азіатскихъ находятся памятники ихъ искусства; но эти образцы татарскаго художества вполне достойны ихъ создателей. Въ этихъ произведеніяхъ отражается лѣнь и умственная ограниченность того народа, между которыми эти памятники возникли. Впрочемъ, хотя и въ тѣсномъ кругѣ, Татары оказали себя довольно воспріимчивыми къ принятію просвѣщенія. Не таковою является въ исторіи человечества порода Монгольская.

Монголою въ тѣсномъ смыслѣ называли страну, лежащую на сѣверъ отъ Китая, между 40 и 50 градус. сѣверной широты, и 100 и 140 град. восточной долготы. Жители этой страны почитались остатками тѣхъ Монголовъ, которые, 150 лѣтъ спустя послѣ завоеванія Китая при Ченгисъ-Ханѣ, были снова изгнаны изъ этого государства. Собственные Монголы подраздѣлялись на два семейства. Западное отродіе, т. е. *Калка-Монголы*, жили отъ 100-го до 130-го градуса, восточные, т. е. *Ніеушеу-Монголы*, отъ 130-го градуса до береговъ восточнаго океана. Въ настоящее время, кромѣ Калка и Ніеушеу Монголовъ, причитаются къ этой же породѣ Буряты и Калмыки, зовущіе сами себя *Дörbönz-Ойратъ*, т. е. четыре союзныхъ народа. Эти четыре народа или колына называются *Хошотъ*, *Зюнгаръ*, *Торгоуъ* и *Дерботъ*. Калмыки ведутъ жизнь кочевую. Монгольская порода отличается малымъ ростомъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, желтымъ цвѣтомъ лица, черными и прямыми волосомъ, и широкимъ безбородымъ лицомъ. Лице этой породы столь же отвратительно, сколько ограниченныя умственныя способности. Въ Монголахъ не замѣтно расположенія и воспріимчивости къ просвѣщенію: они едва ли когда-нибудь достигнуть того развитія, котораго достигли другіе народы, погруженные прежде въ невежество, но выработавшіеся гениемъ своимъ изъ этого состоянія. Монголъ лишень всѣхъ условій, нужныхъ къ постепенному развитію ума. Его организмъ не соответствуетъ требованіямъ гражданскаго образованія. Окидывая взорами карту Азіи, стѣсняется сердце при мысли, что необъятныя страны, лежащія между 40-мъ и 50 градусами сѣверной широты, и 70-мъ и 140-мъ град.

восточной долготы, страны, бывшія съ начала историческихъ временъ достояніемъ племенъ Монгольскихъ, и впредь осуждены не быть воздѣланными трудами образованныхъ народовъ.

Завѣтное невѣжество и пастырская жизнь были причиною, по которой Монголы, жившіе столько вѣковъ на Алтайскомъ горномъ краѣ, не обращали на себя вниманія человечества. Алтайскій главный краѣ, съ прилегающими къ нему большими и малыми отрогами, соответствуетъ совершенно той пространной части Азіи, которая покрыта Монгольскими племенами. Многія столѣтія кочевали эти племена въ родныхъ степяхъ своихъ, не занимая міра собою, какъ вдругъ пробилъ роковой часъ, настало ужасное время, и Монголы привели въ трепетъ большую часть Азіи, и разсылали ужасъ по восточнымъ областямъ Европы. Этотъ часъ есть время появленія Ченгисъ-Хана.

Ченгисъ-Ханъ былъ сынъ *Десу-Кая*, предводителя одной орды, кочевавшей на берегахъ *Селенги*. При смерти отца, случившейся въ 1176-мъ году, Ченгису, называвшемуся еще Темушиномъ, было только 13 лѣтъ. Изгнанный изъ родной орды соперниками своими, Темушинъ удалился къ Унгу или Унадъ - Хану, татарскому корейскому владѣтелю, жившему близъ Енисея и исповѣдававшему ученіе Несторія. У путешественниковъ XIII столѣтія, и въ хроникѣ Захутта, помянутый Унадъ-Ханъ называется также пономъ Іоанномъ (*pretre Jean*). Блистательное мужество въ битвахъ и щедрость души привлекли Темушину любовь Корейтъ, и городъ, или, лучше сказать, ставка *Кара-норумъ*, мѣсто его пребыванія, сдѣлался предметомъ общаго уваженія. Обвиненный въ пагубныхъ замыслахъ на благодѣтеля своего Унадъ-Хана, Темушинъ былъ вынужденъ бѣжать изъ Кара-корума. Но собравъ дружину, ему приверженную, онъ свергъ Унада съ престола, и достигъ въ скоромъ времени такой силы, что въ 1206 году одинъ прорекатель объявилъ всенародно, что, по опредѣленію неба, Темушинъ будетъ властвовать надъ землею, и назвалъ его Ченгисъ-Ханомъ, т. е. величайшимъ изъ хановъ.

Всѣ степныя орды, кочевавшія въ сѣверной Азіи, покорились Темушину. Онъ напалъ на Китайскую имперію, пе-

решель чрезъ знаменитую стѣну, ограждавшую это государство отъ сѣверныхъ нападеній, завоевалъ столицу Китая Іен-кингъ, и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ пять китайскихъ областей. Въ 1218 году Ченгисъ-Ханъ предпринялъ походъ въ Ховарезмію, страну, лежащую вдоль береговъ Оксуса, и гдѣ предводительствовалъ султанъ Могамедъ. Семьсотъ тысячъ Монголовъ (?) сразились въ пустыняхъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Сигона (Яксарта) съ 400,000 ховарезмскихъ воиновъ, и побѣдили ихъ въ кровопролитной битвѣ. За этою страной пали въ руки побѣдителя *Нишабуръ*, *Гератъ*, *Балкъ*, *Кандагаръ*. Вся область, лежащая между Каспійскимъ моремъ и Синдомъ, и часть Персіи сдѣлались добычею Ченгиса. Но ему не долго уже оставалось предаваться его ненасытной любви къ завоеваніямъ. Въ 1227 году этотъ знаменитый монголъ, страшилище народовъ, окончилъ свое земное поприще.

Россія испытала вмѣстѣ съ востокомъ неустранимость и счастье Ченгисъ-Хана. Бѣглые Половцы взволновались вѣстію о нашествіи Монголовъ. Половцы говорили Русскимъ: «нынѣ они взяли нашу землю, завтра возьмутъ вашу». Россіяне, какъ говорить Карамзинъ, ужаснулись, и въ изумленіи спрашивали другъ друга, кто сіи пришельцы, до того времени неизвѣстные? Нѣкоторые называли ихъ Тауерменами, другіе Печенегами, но вообще Татарами. Краснорѣчивый нашъ исторіографъ замѣчаетъ очень справедливо, что Ченгисъ-Ханъ хотя и былъ самъ роду монгольскаго, но какъ большая часть его войска состояла изъ ордъ татарскихъ, имъ покоренныхъ, то имя Татаръ сдѣлалось общимъ. Битва на Калкѣ лишила на долго Русь самостоятельности, просвѣщенія и силы. Земля Русская, по словамъ летописцевъ, отъ начала своего не видала подобнаго бѣдствія. Самонадвѣянность русскихъ князей, и увѣренность въ ихъ превосходствѣ надъ Татарами, слѣпая довѣренность къ коварнымъ союзникамъ, каковы были Половцы, погубили Русь. Въ битвѣ русскіе князья покрылись неуважаемою славой. Храбрый Мстиславъ галицкій, Мстиславъ Романовичъ кіевскій, юный витязь Данилъ Романовичъ волынскій, оставили по себѣ память, которою Русь всегда будетъ гордиться. Но союзники ихъ Половцы среди сраженія убивали русскихъ, чтобы взять ихъ коней и оде-

жду. Вся южная Русь подверглась опустошенію. Номолитвы народа спасли на этотъ разъ отечество отъ дальнѣйшихъ бѣдъ. «Татары, пишетъ Карамзинъ, не находя ни малѣйшаго сопротивленія, вдругъ обрѣлись къ Востоку и спышили соединиться съ Ченгисъ-Ханомъ въ Великой Бохаріи, гдѣ сей дѣжкій герой, собравъ всѣхъ полководцевъ и князей, на общемъ сеймѣ давалъ законы странамъ завоеваннымъ. Онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ свое побѣдонесное войско, возвратившееся отъ Днѣпра. Съ любопытствомъ слушалъ донесенія вождей, хвалилъ ихъ, и щедро награждалъ за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественнымъ царемъ тангутскимъ, Ченгисъ-Ханъ пошелъ сокрушить его величіе.»

Тангутское ханство занимало значительное мѣсто между азіатскими государствами. Оно примыкало на востокъ къ Китаю, а на югъ простиралось до предѣловъ Тибета. Въ прошедшемъ столѣтіи это ханство составляло удѣлъ *Дилли-Ламы*, подъ верховнымъ надзоромъ Контанша, или главнаго хана Калмыковъ. Въ Азій есть еще городъ, носящій имя Тангутъ, а у арабскихъ географовъ Танги-Кунтъ. Онъ находится въ Туркестанѣ, на востокъ отъ Ховарезма или Хивы, не далеко отъ города Илакъ, за рѣками Гигонмъ и Сигонмъ (Оксусомъ и Яксартомъ).

Татары, не бывъ народомъ осѣдлымъ, не имѣвъ нигдѣ прочнаго основанія, переносились легко съ мѣста на мѣсто. Забравъ съ собою семейства свои, равномерно табуны и стада имъ принадлежавшіе, они готовы были слѣдовать во всѣ концы свѣта, не дороживъ ни временемъ, ни мѣстомъ. Но движенія ихъ совершались медленно, и Ченгисъ-Ханъ, вступившій въ предѣлы Китая въ 1210-мъ году, успѣлъ только 14 лѣтъ спустя достигнуть предѣловъ южной Россіи. Такъ ли движутся войска народовъ осѣдлыхъ и образованныхъ, подѣ начальствомъ вождей скорыхъ и отважныхъ? Эта медленность послужила ко спасенію нашего отечества. Отхлынувъ снова на востокъ, бѣдственный потокъ татарскій далъ на нѣсколько лѣтъ отдохнуть Россіи. Грозная туча какъ внезапно явилась надъ ея предѣлами, такъ внезапно и скрылась. Но въ 1237 г. Татары вступили въ Рязанскую область, и требуя дани отъ владѣтелей Рязани, Пронска и Муромъ, говорили имъ: «Если

желаєте мира, то десятая часть всего вашего достоянія да будетъ наша». Князья отвѣчали великодушно: «Когда изъ насъ въ живыхъ никого не останется, тогда все возьмете». Татарскіе послы съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію во Владимиръ. Князья Рязанскіе, давъ ему знать, что пришло время крѣпко стать за отечество и вѣру, просили отъ него помощи. Но великій князь, хотѣвъ одинъ управиться съ Татарами, предалъ имъ Рязань въ жертву. Карамзинъ прибавляетъ: «Провидѣніе, готовое наказатъ людей, ослабляетъ ихъ разумъ».

Батый двинулъ рать свою къ столицѣ Юрьевой, и на пути овладѣлъ Рязанью. Отъ береговъ Остра онъ направился къ Коломнѣ, близъ которой одержалъ побѣду надъ Всеволодомъ, сыномъ Георгія, и слѣдуя далѣе, овладѣлъ Москвою, гдѣ плѣнилъ Владимира, втораго Георгіева сына. Наконецъ 2-го февраля 1238-го года Татары явились подъ стѣнами Владимира, и чрезъ пять дней взяли сѣверную столицу Россіи.

Марта 4 послѣдовала битва на берегахъ Сити, гдѣ палъ самъ Георгій. Достойны замѣчанія слова, произнесенныя послѣ этой сѣчи витяземъ княземъ Василько, понавшимъ къ Татарамъ въ плѣнъ. Отвергая предложенія Татаръ, убѣждавшихъ его служить Батю, Василько прорекъ: «О темное царство! есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній». За Рязанью и другими городами, Татары овладѣли Тверью, Торжкомъ, и осадили Козельскъ. Доблестные жители этого города, не взирая на малолѣтство своего князя, рѣшились защищаться. Посовѣтовавшись съ дружиною, граждане произнесли сей знаменитый приговоръ, вполнѣ достойный тѣхъ славныхъ сыновъ отечества и гражданъ, коими такъ богата была старая Русь: «Положимъ животъ свой за нѣ, здѣ славу свѣта пріемше, и тамо небесные вѣнцы отъ Бога пріимемъ». Семь недѣль стояли Татары подъ крѣпостію, и жители Козельска рѣзались съ ними отчаянно. Наконецъ, изнуренные голодомъ, осажденные бросились на рать Батиеву и погибли. По взятіи Козельска Батый отошелъ въ землю Половецкую къ Дону.

Нападенія Монголовъ носили на себѣ отпечатокъ особой лютости. Герберольтъ, описывая походы Ченгисъ-Хана, утверж-

дасть, что число убитыхъ Татарами лицъ въ трехъ главныхъ городахъ Корассана, въ *Меру*, въ *Нишабуръ* и *Гератъ*, достигло неимоверной суммы 4 съ половиною миллионъ чело-вѣкъ. Столь же ужасная бѣда постигла и цвѣтущій корассанскій городъ *Балкъ*. Цари персидскіе изъ второй династіи избрали этотъ городъ мѣстомъ своего пребыванія, дабы сблизиться съ восточными предѣлами ихъ государства, всегда угрожаемыми со стороны Туркестана. Столица первой династіи находилась въ Мидіи; для пребыванія второй избранъ былъ городъ, лежавшій въ *Вактриснѣ*. Но въ послѣдствіи, при третьей и четвертой династіяхъ, столица Персидской монархіи перешла сначала въ *Персеполь*, а потомъ въ *Мадаинъ*, на берега Тигра, не далеко отъ *Селѣвки* и *Ктезифонта*. Однако Балкъ оставался всегда столицею Корассана, и этотъ городъ пользовался особыми милостями Аравитинъ, завоевавшихъ его при калифѣ Отманѣ. Калифы изъ рода Аббасидовъ, и султаны изъ поколѣній Саманидовъ и Селджукидовъ, переносили столицы свои въ Нишабуръ и Меру. Наконецъ татарскіе владетелины изъ рода Ченгисъ-Хана поселились въ *Гератъ*. Вотъ причина, по коей Балкъ, Меру, Нишабуръ и Гератъ называются 4-мя царскими городами и столицами Корассана. Но первенство принадлежало всегда Балку, и въ Исламъ сей городъ носить именованіе *Кубатъ-ель-исламъ*, т. е. мать городовъ мусульманскихъ. Въ тотъ день, какъ Ченгисъ-Ханъ предсталъ передъ стѣнами Балка, въ этомъ городѣ находилось 1200 мечетей, и 200 бань для странниковъ. Это бѣдственное появленіе случилось въ 1221 году. Ни одно изъ означенныхъ зданій не уцѣлѣло, и жители города, выведенные въ поле, были все побиты. Такой же участи подверглась и Бохара, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей Магометанской вѣры. Бохара обратилась въ груду пепла. Самаркандъ заплатилъ Ченгисъ-Хану 200,000 золотыхъ монетъ, и лишился 60,000 своихъ гражданъ.

По смерти Ченгисъ-Хана, главнымъ монгольскимъ ханомъ сдѣлался старшій сынъ его *Октай*. Между многими дѣтьми своими, Ченгисъ отличалъ особенно четырехъ сыновей. Три младшіе, уважая въ Октаѣ старшинство рода, ибо онъ былъ

первый изъ сыновей Ченгиса, признали его великимъ ханомъ. Октай, превосходившій любовью къ разрушенію даже самаго Ченгисъ-Хана, предложилъ своему совету: не полезно ли будетъ обратить Китайскую имперію въ голую степь, дабы увеличить монгольскія пастбища. Ежели бы не ходатайство *Иичу Сакиса*, краснорѣчиваго мандарина, вступившагося за свое отечество, населеннѣйшее государство въ міръ было бы предано опустошенію. Октай скончался въ 1246 году, и Россія два раза испытала его жестокость. По его повелѣнію Батый совершилъ два похода въ наше отечество. Въ первый разъ онъ зашелъ съ сѣвера, и разорилъ Рязань со Владиміромъ. Во второй разъ онъ вторгся съ юга, и сокрушилъ Кіевъ.

Покоривъ окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы, выходившія изъ Россіи, единственно для морабощенія земли Половцевъ, явились вторично на границахъ русскихъ. Взявъ Переяславль, Батый осадилъ Черниговъ. Жители этого города, славнаго мужествомъ гражданъ во время нашихъ междоусобій, не изгнѣли своей прежней славы, и дали сильный отпоръ. Но Татары, овладѣвъ наконецъ Черниговымъ, сожгли его, и черезъ Глуховъ отступили къ Дону. Воевавъ безъ цѣли, не имѣвъ намѣренія заводить прочнаго основанія въ странахъ западныхъ, приверженные къ своимъ безпредѣльнымъ степямъ, Татары не удалялись надолго отъ предѣловъ Азіи, истинной ихъ отчизны. При обратномъ движеніи къ Востоку, Татары освободили плененнаго ими епископа *Порфирія*. «Симъ знакомъ отличнаго милосердія», говоритъ Карамзинъ, «они хотѣли, кажется, обезоружить наше духовенство, рѣшительно возбуждавшее народъ къ сопротивленію». Но мы осмѣлимся прибавить къ словамъ нашего именитаго историографа, что духовенство русское, столь славное по христіанскому духу его подвиговъ, столь преданное отечеству, не перестало питать въ Русскомъ народѣ того живаго чувства народности, безъ котораго нѣтъ для государствъ самостоятельности. Заслуги нашего духовенства на поприщѣ политической исторіи Россіи не были еще оценены. Но кто изъ русскихъ, положивъ руку на сердце, не скажетъ, что въ междоусобицахъ ли нашихъ, или въ натискахъ со стороны наружныхъ враговъ,

Церковь являлась всегда преданною закону, всегда готовою жертвовать собою для спасенія отечества, всегда великою своею чистою любовію къ отчизнѣ.

За паденіемъ Чернигова насталь роковой день и для Кіева. Внукъ Ченгисъ-Хана *Мангу* былъ посланъ въ 1240 осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣваго берега Днѣпра, и, по словамъ лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ его. Но не отважившись идти за Днѣпръ, Мангу сталъ на Трубежѣ, и предложилъ Кіевлянамъ покориться. Но Кіевляне умертвили пословъ татарскихъ, и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать постыднаго мира. Князя, Михаилъ Всеволодовичъ и Данилъ галицкій, бѣжали въ Венгрію просить помощи. Въ Кіевѣ остались граждане доблестные, подъ предводительствомъ искуснаго и мужественнаго боярина Димитрія.

Батьева рать, стоявшая передъ Кіевомъ, была безсмытна, но Димитрій не зналъ страха. Защита Кіевлянъ была отчаянная, но сила Татаръ превозмогла ихъ храбрость. Мать городовъ русскихъ пала, и Батый, узнавъ, что князя южной Россіи находятъ въ Венгріи, пошелъ въ область Галицкую и Владимірскую. Взявъ Каменецъ, Владиміръ-Волынскій, Галичъ и много другихъ городовъ, Татары вступили въ Венгрію.

По сказанію лѣтописцевъ венгерскихъ, Батый вступилъ въ ихъ землю съ 500 т. воиновъ. Народы побужденные должны были обыкновенно давать Татарамъ людей, годныхъ для военной службы. Батый предводительствовалъ не однимъ войскомъ, а цѣлымъ вооруженнымъ народомъ. Монголы, не имѣя осѣлости, ни промышленности, любили войну для добычи; перевозили на волахъ и верблюдахъ свои кибитки и семейства, вездѣ находили отечество, гдѣ могли пастись ихъ стада. Они ужасали міръ не только числомъ и мужествомъ ратниковъ, но и ловкостію пользоваться всѣми обстоятельствами для нанесенія непріятелю вреда. Планъ Карпини, вздвигшій къ Татарамъ въ 1246 году, рассказываетъ, что Батый, идучи въ южную Русь, подошелъ къ *Орню*, городу большому, населенному *Хазарами*, *Аланами*, *Руссами* и даже *Сарацинами*. Этотъ городъ, предшественникъ *Таны*, занималъ очень выгодное для торговли мѣсто, расположен-

ніе, близъ устья *Танайса* или *Дона*. Торговля дѣятельность Орны славилась въ тогдашнемъ мірѣ, и сношенія ея съ востокомъ, а въ особенности съ Сарацинами, были самыя выгодныя. Орна служила торговымъ для обиха северныхъ произведеній на южныя. Планъ Карпини утверждаетъ, что, видя невозможность взять Орну силою, Татары запрудили Донъ, и затопили городъ съ его сокровищами и жителями. Истребивъ Орну, Батый направилъ путь свой въ южную Русь, и покоривъ ее, омадѣлъ и столицей русской, Кіевомъ. Изъ Руси Татары прошли въ Польшу и Венгрію, и, на обратномъ пути своемъ въ Азію, покорили Мордву и великую Болгарію.

Въ Венгріи всѣ города, за исключеніемъ трехъ, предались Татарамъ истребленію. Страна, лежащая на северномъ Дунаѣ, покрылась развалинами. Около Лигница Татары сразились съ германскими князьями, съ силезскими герцогами и съ гросмейстеромъ тевтонскихъ рыцарей. Монголы побѣдили Германцевъ въ этой битвѣ, и, опустошивъ северъ Европы, привели въ содроганіе и западъ и югъ этой части свѣта. Король венгерскій Бела IV (1235—1270), призванный во владѣніяхъ своихъ Половцевъ (Команъ), бѣжавшихъ отъ Татаръ, нашелся самъ въ необходимости сокрыться отъ Монголовъ бѣгствомъ. Наконецъ, вооруженія императора Фридриха II, дошедшія до свѣдѣнія Мангу-хана, побудили Татаръ обратиться снова къ востоку. По смерти Мангу, вступилъ на великое ханство, въ 1259 г., братъ его Кублай, завоеватель южной Китайской имперіи.

Кублай былъ послѣднимъ великимъ ханомъ Татаро-монгольской имперіи.

Верховное владычество великаго хана надъ странами столь пространными, каковы были области, покоренныя Татарамъ, пребываніе его на предѣлахъ Китая, далеко отъ повиновавшихся ему областей, непослушаніе и властолюбіе второстепенныхъ хановъ, почитавшихъ себя обладателями занятыхъ ими странъ, а не прямыми подданными верховнаго хана, всѣ эти причины содѣйствовали къ разрушенію единства Монголо-Татарской монархіи. Едва полстолѣтія протекло съ того времени, какъ основатель ея грозный Ченгисъ-Ханъ явился міру, и уже, раздѣленная на нѣсколько членовъ, она представилась не однимъ цѣлымъ государствомъ, но системою государствъ.

Историки полагаютъ, что покореніе Китайской имперіи было главною причиною разъединенія Монголо-Татарской монархіи,

Монголы, поселившіеся въ Китаѣ, странѣ богатой и гражданственной, сдѣлились и обычаями и нравами съ покоренныѣ народомъ, и исчезли въ неизчислимой массѣ природныхъ жителей этой имп. Отъ предѣловъ Китая, распаденіе монгольской державы распространилось до западныхъ границъ татарскаго владычества. Изъ одной державы образовались четыре: 1) *Джагатайское* ханство, устроилось въ странахъ, лежащихъ на востокъ отъ *Каспія* до горнаго кряжа, называемаго *Муз-Тагъ*. Ханъ пребывалъ въ *Бишбалыгъ*. 2) Иранское ханство, образовалось изъ древнихъ персидскихъ земель, нѣкоторой части *Сиріи*, и малой *Азіи*. *Таврисъ* сдѣлался столицей этого государства. 3) Туранское ханство составилъ въ Сибири *Шейбаны-ханъ*, братъ *Батыевъ*. Въ 1242 г. этотъ предприимчивый завоеватель бросился на сѣверъ *Азіи* съ ордой своею, и, пользуясь богатыми рѣками *сибирскими*, достигъ, по словамъ преданія, до береговъ *Ледовитаго моря*. Возвратясь снова въ предѣлы средней *Азіи*, *Шейбаны-ханъ* основалъ свою столицу въ *Тобольскѣ*. Туранское ханство или *Сибирское царство* существовало три столѣтія, и пало наконецъ подъ владычество Руси. 4) Четвертое ханство, то, которое болѣе прочихъ заслуживаетъ нашего вниманія, какъ по вліянію своему на судьбы нашего отечества, такъ и по сношеніямъ своимъ съ *Италией*, ханство *Кипчакское*, простираю свое владычество на степи, лежащія на сѣверъ отъ *Каспія* и *Чернаго моря*, почитая Русь своею областью. Столица кипчакскихъ хановъ находилась въ *Сараѣ*. Въ послѣдствіи времени, это опасное для Руси государство распалось на части, и изъ развалинъ его возникли *Казанское*, *Астраханское* и *Крымское* ханства.

Что же касается до державы великаго хана, то, утративъ непосредственное владычество свое надъ прочими членами *Монголо-Татарскаго* семейства, великіе ханы остались владѣтелями степей *Алтайскихъ*, лежащихъ на сѣверъ отъ Китая. *Кара-коруль*, степная ставка, похожая на дворъ *Аттылы*, сдѣлалась ихъ столицею. Нѣкоторое время, вслѣдствіе завоеваній *Кублая*, великіе ханы пребывали въ столицѣ китайской, но по изгнаніи *Монголовъ* изъ Китая, они поселились снова въ *Кара-коруль*.

АТТИЛА.

І. ГУННЫ И МІРЪ ВАРВАРОВЪ.

Аттила—вотъ имя, занимающее въ памяти рода человѣческаго мѣсто на ряду съ именами Александра и Цезаря: тѣ обязаны своей славой чувству удивленія, а этотъ—чувству страха. Но удивленіе или страхъ, что бы ни увѣковѣчивало память человѣка,—вѣрно только то, что безсмертіе—удѣлъ одного генія. Слишкомъ сильно надо потрясти струны сердца человѣческаго, чтобы ихъ дрожаніе продолжалось цѣлые вѣка. И однакожь Аттила сдѣлалъ зла менѣе, чѣмъ могъ бы сдѣлать; но его несчастная слава пересилила это зло, и ужаснула свѣтъ. Въ спискѣ опустошителей,—а этотъ списокъ, къ несчастію, слишкомъ великъ,—исторія считаетъ людей, надѣлавшихъ зла болѣе, чѣмъ Аттила, на которыхъ однакожь не тяготѣетъ, какъ на немъ, вѣчное проклятіе. Аларикъ нанесъ древней гражданственности смертельный ударъ, разрушивъ очарованіе неприкосновенности, покрывавшее Римъ въ продолженіе семи вѣковъ; Генсерикъ получилъ привилегію,—единственную изъ привилегій разоренія,—огрabitъ Римъ и Карфагенъ; Радагезъ, свирѣпѣйшее изъ созданій, причисленныхъ исторіею къ классу людей, далъ обѣтъ перерѣзать два милліона Римлянъ у подножія своихъ идоловъ; и между тѣмъ имена ихъ находятся только въ книгахъ. Аттила, проигравшій сраженіе подъ Орлеаномъ, разбитый нашими предками (Галлами) при Шалонѣ, пощадившій Римъ по просьбѣ папы и погибшій отъ руки женщины,—Аттила оставилъ по себѣ имя народное, синонимическое съ словомъ разрушенія. Это кажущееся противорѣчіе поражаетъ прежде всего, только что примешься за изученіе этой ужасной личности. Извѣстно, что историческій Аттила не совсѣмъ тоже, что Аттила извѣстный по

преданію, что ихъ нужно взаимно дополнять, или по крайней мѣрѣ объяснять одного другимъ, и еще надо различать два разные источника преданій: преданіе римское, которое относится до дѣйствій Аттилы на племена образованныя, и преданіе германское, касающееся дѣйствій его на племена варварскія.

Въ предполагаемомъ мною очеркѣ я разберу, сколько будетъ отъ меня зависѣть, свидѣтельства, основанныя на преданіяхъ, всюду однакожъ держась указаній исторіи, преимущественно же современныхъ повѣствованій. Жизнь Аттилы, пресѣченная непредвидѣннымъ ударомъ, быть можетъ въ ту минуту, какъ онъ думалъ объ исполненіи своихъ обширныхъ замысловъ, есть не что иное, какъ перерванная драма, въ которой герой исчезаетъ, предоставляя заботу о развязкѣ второстепеннымъ лицамъ. Эта развязка—конецъ Римской имперіи и раздробленіе половины Европы между сыновьями, полководцами, вассалами, секретарями Аттилы, которые подѣлались императорами или королями. Судя по этимъ лицамъ, можно измѣрять величіе героя: міръ точно такъ и судилъ объ Аттилѣ; но, чтобы понять его исторію, надобно напередъ объяснить, что такое были Гунны и Готы,—эти два враждебные народа, которыхъ борьба началась въ мірѣ варварскомъ, на берегахъ Дона и Днѣпра, чтобы продолжаться потомъ въ мірѣ римскомъ, на берегахъ Марны и Луары.

1. ПРИЗЫТІЕ ГУННОВЪ ВЪ ЕВРОПУ. — ВЪЗГЛѢДЪ ВИЗІГОВЪ.

Если бросимъ взглядъ на топографическую карту Европы, то увидимъ, что сѣверную половину ея материка занимаетъ равнина, разстилающаяся отъ Океана и Балтійскаго моря до моря Чернаго, и оттуда до полярныхъ пустынь. Съ востока цѣпь Уральскихъ горъ, съ юга Карпатскія и Герцинскія горы, ограничиваютъ эту пространную равнину, которая открыта для всякихъ вторженій, и по которой безпрепятственно ѣздить лѣтомъ телеги, зимой сани: это большая дорога для народовъ, обитавшихъ между Европой и Азіей. Рейнъ и Дунай, сосѣдственные по своимъ истокамъ, и противоположные по устьямъ, омываютъ подошвы двухъ послѣднихъ горныхъ цѣпей, и ограждаютъ югъ Европы чертою естественной защиты, которую рука человѣка легко могла вос-

полнить. Соединенныя вмѣстѣ посредствомъ вала, и по всему ихъ протяженію снабженныя военскими станами и укрѣпленіями, эти двѣ рѣки образовали въ IV вѣкѣ границу, раздѣлявшую два міра, во время ожесточенной ихъ борьбы другъ съ другомъ. По одну сторону находилась масса народовъ римскихъ, то есть, цивилизованныхъ,—такъ какъ Римъ имѣлъ отличительный почетъ соединять свое имя съ именемъ цивилизаціи; по ту сторону жила масса народовъ не римскихъ, разбросанная по безконечнымъ равнинамъ; другими словами, и по общепринятой формулѣ, югъ былъ—*Романія*, сѣверъ—*Варварія*.

Безчисленныя племена, составлявшія міръ варваровъ, можно отнести къ тремъ главнымъ поколѣніямъ или семействамъ народовъ, которые еще и доселѣ населяютъ тѣ же страны. Это были: во-первыхъ, начиная съ юга, народы германскіе или тевтонскіе, потомъ семейство народовъ славянскихъ, и наконецъ на самомъ сѣверѣ, особенно на сѣверо-востокѣ, еще семейство, которое, такъ сказать, видѣли рыскавшимъ верхомъ между Европой и Азіей,—семейство народовъ, которыхъ Германцы называли Феннами и Финнами, но которые называли себя, на туземномъ языкѣ, другимъ общимъ именемъ *Суоми*. Очерченныя довольно правильно поперечными поясами, въ направленіи отъ юго-востока на сѣверо-востокъ, владѣнія этихъ трехъ семействъ впоследствии стали смѣшиваться, и съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе переселеній и завоеваній, смѣшивались болѣе и болѣе. Въ IV вѣкѣ, Германецъ, кромѣ Скандинавскаго полуострова и части материка, сосѣдственнаго съ Океаномъ и Рейномъ, занималъ лѣвый берегъ Дуная во всю его длину, равнины Чернаго моря до Танаиса или Дона, включая въ себя, какъ въ оконечностяхъ тисковъ, Славянина, лишеннаго половины своего наслѣдія. Финскіе народы, разсѣянные въ очень незначительномъ числѣ на пространствахъ отъ запада къ сѣверу, но многочисленные и плотно населенные на востокѣ, по берегамъ Волги и около Уральскихъ горъ, давили Германца и Славянина, и тяжесть этого давленія уже была ощутительна и для Римской имперіи. Высокій ростъ, худощавость и гибкость талии, блѣдный цвѣтъ, русые или темнорусые волосы, правильныя черты лица показывали въ Славянинѣ и Германцѣ ихъ

природное сходство съ южными племенами Европы, и ихъ нарѣчія, хотя образовали въ послѣдствіи очень разнородные языки, принадлежали однакожъ къ общему корню индо-европейскихъ нарѣчій. Напротѣвъ коренастый Финнъ, съ его смуглымъ цвѣтомъ, съ плоскимъ носомъ, съ выдавшимися скулами, съ узкими глазами, носилъ типъ сѣверныхъ азіатскихъ племенъ; онъ былъ какъ будто послѣднею ихъ отраслю, и къ нимъ же принадлежалъ по своему нарѣчію. Чтò касается до общественнаго быта, Германецъ, въ продолженіе четырехъ вѣковъ принимавшій участіе въ событіяхъ Романіи, вступилъ въ періодъ полу-просвѣщенія, и казалось имѣлъ назначеніе играть позднѣе роль просвѣтителя по отношенію къ двумъ другимъ варварскимъ племенамъ. Славянинъ, чуждый внутренняго народнаго единства, велъ жизнь тихую, спокойную, и день, въ который онъ долженъ былъ показать себя Европѣ, былъ еще далекъ, — между тѣмъ какъ Финнъ, находившійся въ частыхъ столкновеніяхъ съ дикими азіатскими номадами, участвовавшій въ ихъ войнахъ, подчиненный ихъ вліянію, безпрестанно закаливался въ началахъ варварства, передъ которыми исчезало всякое европейское варварство.

Только немногія слова Тацита и даютъ намъ знать о существованіи на сѣверѣ Европы финскихъ народовъ ранѣе IV вѣка; они жили въ состояніи близкомъ къ жизни дикарей, и только изъ мифической поэзіи Кальвалы и Эдды мы знаемъ объ ихъ ожесточенной борьбѣ съ обитателями Скандинавіи. На востокъ ихъ имя исчезло въ переименованіяхъ союзовъ и общинъ, которыя образовались около Урала, и дѣйствовали оттуда то на Азію, то на Европу, но чаще на Азію. Знаменитѣйшій изъ этихъ союзовъ, казалось, былъ союзъ Кунновъ, или Гунновъ, котораго орды въ то время, о которомъ говоримъ, покрывали оба склона Уральскаго хребта и приволжскую равнину. Онъ обиталъ здѣсь со втораго вѣка нашей эры, потому что географъ этой эпохи, Птоломей, описываетъ появленіе племени Гунновъ между днѣпровскими Славянами, а другой географъ говоритъ, что Гунны полевали между Каспійскимъ моремъ и Кавказомъ, и что оттуда ихъ разбои простирались на Персію и даже на Малую Азію. Нѣкоторые

находить даже въ клинообразныхъ персидскихъ надписяхъ это ужасное имя, утверждая, что оно находится въ спискѣ народовъ, побѣжденныхъ царемъ царей. Для насъ достаточно и того, что въ IV вѣкѣ союзъ Гунновъ простирался во всю длину Урала и Каспійскаго моря, какъ живая застава между Азіей и Европой, упираясь одною изъ своихъ оконечностей въ средину горъ, межъ тѣмъ какъ другая терялась вдоль Сибири, въ пустынныхъ странахъ полюса.

Это владычество, обнимавшее собою такое огромное пространство, и, въ продолженіе трехъ вѣковъ, при своихъ вторженіяхъ наводнявшее Европу такимъ множествомъ грабителей и завоевателей до времени нашествія Монголовъ, слагалось не изъ племенъ ли финскаго поколѣнія? Завоеванія Чингизъ-Хана и Тимура, открывая тайну быстрыхъ и кратковременныхъ обладаній средней Азіи, въ случаѣ нужды могли бы отвѣчать на этотъ вопросъ; но исторія говоритъ болѣе: она передаетъ намъ, что Гунны раздѣлились на двѣ огромныя отрасли, и что восточная или каспійская отрасль носила имя *Гунновъ блыыхъ*, въ противоположность отрасли западной или Уральской, которой племена были смуглыя, или лучше, *черныя* (1). Эти двѣ вѣтви одного и того же союза, въ IV и V вѣкахъ, не имѣли твердой взаимной связи; даже связь эта почти вовсе была разорвана, какъ увидимъ изъ обзора самыхъ событій. Итакъ, не пускаясь относительно этого предмета въ лабиринтъ предположеній, гдѣ не разъ терялась новѣйшая ученость, скажемъ, что, по всей вѣроятности, господство Гунновъ заключало въ своихъ нѣдрахъ массу народовъ, занимающихъ и теперь ту страну, которою оно обладало тогда, именно: на востокъ Турковъ, на западъ Финновъ, и, по очень правдоподобному предположенію, господствующее племя Монгольскаго поколѣнія, въ которомъ природный азіатскій характеръ выражался болѣе, чѣмъ въ Финнахъ; и дѣйствительно исторія изображаетъ Аттилу и часть народа Гунновъ съ преобладающимъ калмыцкимъ типомъ (2).

(1) Pavenda nigredine.—Jornandes, de reb. get. 8.—Tetri colore, id. II.

(2) Портретъ Аттилы скорѣе есть портретъ Монгола, чѣмъ Уральского

При такомъ положеніи, Гунны жили охотой, воровствомъ и произведеніями своихъ странъ. Бѣлый Гуннъ разбивалъ купеческіе караваны, ведшіе торговлю съ Индією; черный Гуннъ охотился за кунницами, лисицами и медвѣдями въ лѣсахъ Сибири, и вель торговлю мѣхами по торжищамъ, около Яика и Волги, по берегамъ коихъ выстроены были деревянные ряды, и куда часто пріѣзжали купцы изъ Персіи и Римской имперіи, гдѣ мѣха имѣли огромную цѣнность. Однакожь не безъ страха отваживались эти чужеземцы проходить среди дикихъ племенъ, которыхъ безобразіе было отвратительно. Европа, не выдавшая ничего подобнаго между своими сынами, смотрѣла на ихъ нашествія съ такимъ же ужасомъ, какъ и удивленіемъ. Предоставимъ говорить объ этомъ очевидцу перваго ихъ появленія на берегахъ Дуная, историку Амміану Марцеллину; отважный и любознательный воинъ, онъ писалъ въ своей палаткѣ, и передалъ съ рѣдкой удачею зрѣлища, происходившія передъ его глазами. Замѣтимъ однакожь, что портретъ, въ которомъ онъ представляетъ Гунновъ, относится преимущественно къ западной отрасли, то есть, къ племенамъ финскимъ, или финно-монгольскимъ.

«Гунны, говоритъ онъ, превосходятъ все, что можно вообразить самаго варварскаго и дикаго. Они глубоко бороздятъ желѣзомъ щеки своихъ новорожденныхъ дѣтей, чтобы истребить въ

Финна. Кроме того, мы знаемъ изъ исторіи, что часть Гунновъ употребляла искусственныя средства, чтобы сообщить дѣтямъ монгольскую фizioномію; что они сплюскивали у дѣтей носы плотно стянутыми повязками и сдавливали головы, чтобы болѣе выдались наружу скуловые челюсти. Что могло быть причиною этого страннаго обычая, какъ не желаніе приблизиться, сколько возможно, къ тому человѣческому типу, который пользовался большимъ уваженіемъ между Гуннами, другими словами, приблизиться къ племени аристократическому? Причина, приводимая латинскими писателями, будто это дѣлалось съ тою цѣлю, чтобы впослѣдствіи тверже сидѣла на головѣ каска,—причина не убѣдительная. Болѣе вѣроятности, что, когда Монголы стали властителями Гунновъ, то ихъ фizioномія получила важность, которая обыкновенно усвоится аристократическому достоинству; отсель понятно стремленіе приблизиться къ типу Монголовъ; быть похожимъ на породу обладателей стало большою честью. Вотъ болѣе вѣроятная причина тѣхъ искаженій, о которыхъ подробно повѣствуютъ историки.

самомъ корнѣ волосы, которые могли бы вырости на подбородкѣ; отъ того, и во время старости, подбородокъ у нихъ гладокъ и голъ, какъ у евнуховъ. Низкій ростъ, при несоразмѣрной огромности верхнихъ частей тѣла, и необыкновенная огромность головы, сообщаютъ имъ чудовищный видъ: ихъ можно было бы называть двуногими звѣрями, или тѣмъ-то въ родѣ тѣхъ деревянныхъ дурно вырѣзанныхъ фигуръ, которыми обыкновенно украшаютъ парапеты мостовъ. Относительно домашняго быта, эти существа, имѣющія образъ человѣческій, живутъ совершенно въ животномъ состояніи. Въ дѣлѣ пищи они не знаютъ ни употребленія соли, ни употребленія огня: корни дикихъ растений, мясо копченое между колѣнами и спиною лошади,—вотъ что составляетъ ихъ пищу. Они никогда не брались за плугъ; у нихъ нѣтъ ни домовъ, ни лошадей, потому что всякое ограниченіе какой бы то ни было стѣной имъ показалось бы гробомъ, и находясь подъ кровлей, они не были бы увѣрены въ своей безопасности. Бродя постоянно по горамъ и лѣсамъ, мѣняя безпрестанно жилища, или лучше, не имѣя ихъ вовсе, они съ дѣтства привыкаютъ ко всѣмъ непріятностямъ, къ холоду, къ голоду, къ жадѣ. Ихъ стада слѣдуютъ за ними при ихъ переселеніяхъ, и везутъ повозки, въ которыхъ заключены ихъ семейства. Здѣсь жены ихъ прядутъ и шьютъ одежды для мужей; здѣсь же онѣ пользуются нѣжностями своихъ мужей, производятъ на свѣтъ дѣтей, и воспитываютъ ихъ до поры возмужалости. Спросите этихъ людей, откуда они идутъ, гдѣ были зачаты, гдѣ родились,—они вамъ не скажутъ этого; они сами этого не знаютъ. Ихъ одѣяніе состоитъ въ льняной туникѣ (въ родѣ халата) и казакинѣ, сшитыхъ изъ кожъ дикихъ мышей. Туника темнаго цвѣта, и носятъ они ее до тла, не перемѣняя до тѣхъ поръ, пока не бросать. Сплюснутая каска, и козлиная кожа, обернутая кругомъ косматыхъ ногъ, дополняютъ ихъ костюмъ. Ихъ обувь, составленная безъ всякой формы и мѣрки, до того мѣшаетъ имъ, что они не могутъ ходить, и совершенно не способны сражаться пѣшіе; за то они какъ будто пригвождены къ своимъ маленькимъ лошадямъ, которые также безобразны, какъ и ихъ всадники, за то неутомимы и быстры, какъ молнія. На своихъ лошадяхъ они и проводятъ всю жизнь

сидя на нихъ то просто верхомъ, то бокомъ, какъ женщины: на лошадахъ дѣлають свои собранія, покупають и продають, ѣдятъ и пьютъ, даже спать на нихъ, склонясь на шею животнаго. Во время сраженій, поощряемые своими вождями, они бросаются безъ порядка и безъ плана, и нападаютъ на врага, испуская неистовые крики. Если встрѣтятъ сопротивленіе, то разсѣиваются, но только для того, чтобы напасть снова съ тою же быстротою, истребляя и низвергая все на своемъ пути. Впрочемъ они не умѣютъ ни брать приступомъ укрѣпленныхъ мѣстъ, ни осаждаютъ защищенныхъ лагерей. Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ они, на великихъ разстояніяхъ, бросаютъ свои стрѣлы, вооруженныя заостренными костями, такъ же крѣпкими и убійственными, какъ желѣзо. На близкомъ разстояніи они сражаются съ мечомъ въ одной рукѣ, а въ другой съ арканомъ, который набрасываютъ на врага, межъ тѣмъ какъ онъ старается отражать ихъ удары. Гунны непостоянны, вѣроломны, склонны ко всѣмъ низостямъ, готовы на все въ минуту бѣшенства. Они такъ же мало знаютъ, какъ и животныя, что честно и что безчестно. Ихъ языкъ темень, уродливъ и наполненъ метафорами. Что касается до религіи, то у нихъ ея нѣтъ, или по крайней мѣрѣ они не совершаютъ никакихъ обрядовъ богопочтенія; господствующая ихъ страсть, это—страсть къ золоту....»

Это отсутствіе общественнаго богопочтенія, о которомъ говорить Аммианъ Марцелинъ, не мѣшало однакожъ Гуннамъ быть преданными грубымъ суевѣріямъ волшебства. По этому они знали и употребляли нѣкоторые способы гаданія, которые европейскіе путешественники XIII вѣка нашли въ чести при дворахъ татарскихъ повелителей, преемниковъ Чингизъ-Хана.

Волшебные обряды, безобразіе, жестокость, сдѣлала этотъ народъ или этотъ союзъ народовъ страшилищемъ для другихъ націй. Готы всегда съ тайнымъ ужасомъ узнавали о какомъ-нибудь движеніи гуннскихъ племенъ, и ихъ страхъ смѣшивался съ множествомъ суевѣрныхъ идей. Скандинавъ и Финнъ всегда стояли одинъ передъ другимъ, какъ природныя враги. На противоположномъ концѣ Европы, гдѣ сталкивались эти два поклѣнія, сынъ Финнъ-марла по отношенію къ сыну Скандинавіи былъ

то же, что безобразный и злой карликъ по отношенію къ адскимъ силамъ. Скандинавскій Готь, напитанный предразсудками ненависти, всегда чувствовалъ, какъ они возбуждались въ немъ при встрѣчѣ бокъ-о-бокъ на границѣ Азіи съ племенами того же поколѣнія, но еще болѣе отвратительными, чѣмъ тѣ, которыя онъ звалъ,—и онъ не прощалъ имъ ни обидъ, ни дьявольскихъ обмановъ. Скальды, историческіе поэты Готовъ, рассказываютъ, что въ царствованіе ихъ короля Филимера, женщины, которыхъ считали all-gunes, то есть, подозрѣвали въ ворожбѣ, были изгнаны изъ войска и прогнаны въ глубину Скиеи,—что тамъ эти проклятыя женщины встрѣтили нечистыхъ духовъ, блуждавшихъ, какъ и онѣ, по пустынямъ,—что онѣ смѣшались съ ними, и плодомъ этого смѣшенія было свирѣлое племя Гунновъ, «порода людей, воспитанныхъ на болотахъ, порода людей маленькихъ, худощавыхъ, ужасныхъ на видъ и принадлежащихъ къ роду человѣческому только по способности говорить.» Вотъ басни, которыя Готы находили удовольствіе распространять на счетъ своихъ ужасныхъ сосѣдей. А тѣ, какъ кажется, нисколько не сердились за это. Подобно Татарамъ XIII вѣка, своимъ близкимъ родственникамъ и преемникамъ, они охотно позволяли вѣрить въ свое сверхъестественное могущество, дьявольское оно или нѣтъ, потому что это вѣрованіе удвояло ихъ силу, предавая въ ихъ руки враговъ, уже полу-побѣжденныхъ внушаемымъ имъ ужасомъ.

Мы сказали, что Готы вышли изъ Скандинавіи, и дѣйствительно они стали населять востокъ Европы только съ конца II вѣка по Р. Х. Удалившись изъ отечества въ слѣдствіе внутреннихъ войнъ, которыя, по всей видимости, были въ связи съ религіозными войнами единизма, они оставили скандинавскій берегъ вмѣстѣ съ Гепидами, служившими для нихъ арьергардомъ. Отъ того пункта Балтійскаго моря, гдѣ вышли на берегъ, они пустились въ путь черезъ огромную равнину славянскую, въ направленіи къ восходу солнца, и послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ трудовъ и войнъ, достигли наконецъ того мѣста, гдѣ Борисенъ или Днѣпръ впадаетъ въ Черное море. Тогда они раздѣлились, и половина на половину расположились станомъ по обоимъ берегамъ, а Гепиды отпрадились далѣе на югъ. Часть

племені готскаго, занимавшаго восточный берегъ рѣки, въ послѣдствіи, получила отъ этого обстоятельства наименованіе Остроготовъ, то есть Готовъ восточныхъ, а другая—Визиготовъ, Готовъ западныхъ; таково было происхожденіе двухъ отдѣльныхъ государствъ, которые потомъ возрасли и возвысились подъ управленіемъ законовъ и своихъ вождей. Остроготы избирали своихъ царей изъ членовъ семейства Амаловъ; Визиготы изъ семейства Бальтовъ. Понятливые, дѣятельные, честолюбивые, Готы дѣлали нападенія, одни съ запада на Дакію, которую и покорили до Дуная, другіе съ востока на племена Славянскаго поколѣнія. Вмѣшиваясь въ дѣла Рима, то какъ страшные враги, то какъ дорогие помощники, Визиготы истощили въ этомъ свою энергію, межѣ тѣмъ какъ Остроготы приучились къ войнамъ въ безконечной и безпощадной борьбѣ съ варварскими племенами. Мало по малу, они покорили равнины Сарматіи и Скиѣи съ сѣвера до Танаиса, съ запада до Балтійскаго моря. Одинъ изъ ихъ царей, Германарикъ, посвятилъ все свое продолжительное царствованіе и свою долготѣную жизнь битвамъ и завоеваніямъ; получивъ господство надъ Славянскимъ племенемъ, онъ налегъ всею тяжестью своего могущества на народы Германскаго племени, и покорилъ ихъ вмѣстѣ съ Гепидами и Визиготами, своими соотечественниками и братьями.

Такова была знаменитая имперія Германарика, доставившая своему основателю славу сравненія съ Александромъ Великимъ, о которомъ Готы слыхали отъ Грековъ, ставши ихъ сосѣдями; но готскій Александръ не показывалъ ни человѣчности, ни мудрой политики царя македонскаго, щадившаго съ такимъ искусствомъ побѣжденныхъ. Дѣйствія Германарика и остроготскихъ завоевателей были совершенно иныя. Только вздумаетъ какой-нибудь изъ покоренныхъ возмутиться противъ побѣдителей, самая жестокая мѣра тотчасъ же возвращала его къ покорности. Готы то ставили огромные кресты въ числѣ равномъ числу царскаго племени, управлявшаго этимъ народомъ, и на нихъ распинали всѣхъ безъ милосердія, то сажали на бѣшеныхъ лошадей жертвъ своего мщенія, и самая даже женщины не были свободны отъ этихъ ужасныхъ казней. Въ то время, съ котораго

начинается нашъ разсказъ, одинъ вождь Роксолановъ, народа подчиненнаго Остроготамъ и обитавшаго близъ Таванса, вступилъ въ сношенія съ гуннскими царями; заговоръ былъ открытъ, но виновный успѣлъ спастись. Гнѣвъ Германарика палъ на жену этого человѣка. Саниель (такъ ее звали) была привязана къ четыремъ неукротимымъ конямъ и разорвана на части. У нея были братья, которые поклялись отмстить за нее; они вовлекли Германарика въ засаду, и поразили его своими ножами. Старый король (ему было тогда сто десять лѣтъ) былъ не смертельно раненъ, но его раны излечивались медленно, и онъ уже подживали, когда новый бунтъ Роксолановъ заставилъ Гунновъ предпринять походъ. Таковы историческіе факты; но позднѣе, когда потокъ, который они вызвали своими, чуждыми всякой политики, жестокостями, разлился на нихъ, Готы въ своихъ суевѣрныхъ предразсудкахъ нашли причины болѣе благовидныя для оправданія своей неудачи. Они разсказываютъ, что когда гуннскіе охотники, преслѣдовали въ одинъ день лань на охотѣ, то она увлекла ихъ къ самому Меотійскому болоту, и открыла имъ существованіе брода черезъ это болото, которое они считали такимъ же глубокимъ, какъ море. Какъ внимательный и умный проводникъ, лань бѣжала, останавливалась, ворочалась назадъ, чтобы снова пуститься впередъ, до той минуты, какъ, достигши противоположнаго берега, исчезла. Очень понятно, что по мнѣнію Готовъ тутъ не было ничего дѣйствительнаго, но чистый призракъ, фантастическій образъ, созданный демонами. «Такимъ-то образомъ,—прибавляетъ Юрнандъ, и самъ Готь, можетъ быть, не много черезъ чуръ въ-рившій въ свои отечественныя преданія,—такимъ-то образомъ духи, отъ которыхъ Гунны получили свое начало, привели и побудили ихъ къ разрушенію готскихъ народовъ.»

Въ 374 году масса западныхъ Гунновъ двинулась и перешла Волгу подъ предводительствомъ одного вождя, по имени Баламира. Сперва напала она на Алановъ, на пастушескій народъ, обладавшій степью, между этой рѣкой и Дономъ; они нѣсколько сопротивлялись, но потомъ видя свою слабость, соединились со своими врагами, слѣдуя всегдѣшнему обычаю кочующихъ народовъ. Тогда подъ тѣмъ же знаменемъ перешедши бродъ

Меотійскаго болота, Гунны и Аланы устремились на царство Германарика. Готскій царь, все еще не оправившійся отъ ранъ, пытался остановить этотъ вихрь народовъ, какъ говоритъ Иорнандъ; но былъ прогнанъ. Онъ напасть снова, и былъ разбитъ опять; его раны раскрылись, и не будучи въ силахъ вынести ни страданій, ни стыда, онъ пронзилъ себя мечомъ. Преемникъ Германарика, Витимиръ, мужественно погибъ въ битвѣ, оставя двухъ малолѣтнихъ сыновъ, которыхъ спасли руки вѣрнопопавшихъ, отправивъ къ Визиготамъ. Остроготамъ оставалось только покориться. Визиготы, ожидая въ свой чередъ нападенія, укрѣпились за Днѣстромъ подъ начальствомъ судьи или царя Атанарика, главнѣйшаго изъ своихъ вождей, но для Гунновъ, при быстротѣ ихъ лошадей, пространство и рѣки были игрушкой. Сильнѣйшій изъ ихъ всадниковъ, открывши бродъ въ сторонѣ отъ готскихъ линій, въ ясную ночь переправился черезъ рѣку, и вышедши на противоположный берегъ, захватилъ жилище короля, который и самъ едва могъ скрыться. Это была только тревога; при всемъ томъ эти быстрыя, непредвидѣнные движенія приводили въ безпорядокъ тяжелую пѣхоту Готовъ, и держали ее въ мучительномъ безпокойствѣ. Прутъ, который впадаетъ въ Дунай, и въ своихъ верховьяхъ тянется вдоль послѣднихъ отроговъ Карпатскихъ горъ, могъ повидимому доставить болѣе надежную оборонительную линію: Атанарикъ перенесъ туда свой станъ. Воспользовавшись уроками Римлянъ, онъ укрѣпилъ палисадомъ правый берегъ рѣки отъ самаго истока до горныхъ тѣсинъ; съ этимъ щитомъ впереди себя, какъ выражается одинъ изъ современниковъ, и съ убѣжищемъ въ Карпатскихъ горахъ позади, онъ надѣялся выиграть дѣло, или по крайней продержаться долгое время: но дѣла приняли совсѣмъ иной оборотъ, о какомъ онъ и не думалъ.

Общая опасность должна была бы соединить Визиготовъ, ихъ вождей и племена; но она ихъ раздѣлила. Все для этого народа служило поводомъ къ распрямъ: религія и война, нападеніе и оборона, и это раздѣленіе особенно имѣло вліяніе на тѣ важныя перемѣны, которыя произошли въ его нравахъ въ продолженіе четырехъ вѣковъ. Одна часть приняла христіанство, другая оста-

лась жаркою идолопоклонницею, и, тогда какъ Атанарикъ, во имя народной религіи, жестоко преслѣдовалъ христіанъ, два другіе принца царскаго рода, Фридигернъ и Алавивъ, объявили себя ихъ защитниками. Покровительство этихъ двухъ могущественныхъ людей успѣло остановить жестокости преслѣдованія; но между принцами и Атанарикомъ возникла въ слѣдствіе этого личная, непримиримая ненависть, обнаруживавшаяся при всякомъ случаѣ. Атанарикъ, разсчитывая всѣ вѣроятности происходившей войны, предлагалъ Визиготамъ удалиться въ Карпатскія горы на равнину, — которая, оканчиваясь обрывомъ, была почти неприступна, и называлась Кокаландъ, — если принудятъ ихъ къ тому обстоятельства: таковъ былъ его планъ; а Фридигернъ и Алавивъ составили совершенно иной. Они совѣтовали племенамъ Визиготовъ перейти на другую сторону Дуная, на римскую землю, которой императоръ, говорили они, не откажетъ имъ въ убѣжищѣ. Константинъ не открылъ ли Панноніи Вандаламъ Силингамъ, когда они бѣжали отъ ихъ оружія. Валентъ не сдѣлаетъ ли того же самаго для Готовъ, которые нашли бы въ какомъ-нибудь мѣстѣ Мизіи или Фракіи плодородную землю и просторныя пастбища для своихъ стадъ; ничто бы ихъ тамъ не возмущало болѣе, потому что между ними и демонами, которые ихъ преслѣдовали, была бы неприступная застава — Дунай и римскія линіи. Что до самыхъ Римлянъ, — они выиграли бы черезъ это службу Готовъ, которою конечно нельзя было пренебрегать. Вотъ что говорили противники Атанарика; послѣ этого вспыхнула распря. Атанарикъ, врагъ Рима съ самаго дѣтства, и сынъ отца, который заставилъ его обязаться страшною клятвою, что никогда его нога не будетъ на землѣ Римлянъ, — Атанарикъ, вѣрный своей клятвѣ, смотрѣлъ на предложеніе Фридигерна, какъ на личную обиду и униженіе для Готовъ. Фридигернъ могъ отвѣчать ему (потому что таково было мнѣніе и всей его партіи), что если гонители христіанъ, тѣ, которые еще недавно заставляли ихъ умирать подъ ударами бичей, задушали въ пламени, привязывали къ крестообразнымъ брусамъ, чтобы потомъ, внизъ головой, низвергнуть ихъ въ глубину рѣкъ, — что если они справедливо боятся ступить на римскую землю, то совсѣмъ иное дѣло для тѣхъ, которые были

преслѣдуемы. Христіанинъ былъ братомъ Римлянина; во времена мученичества былъ этому живой вѣритель, когда изгнанные Атанарікомъ находили по ту сторону Дуная не только всегда открытое убѣжище и пищу, но и утѣшенія, словомъ, братское гостепріимство. Старый и досточтимый Ульфилъ, апостолъ и оракулъ Готовъ, сильно содѣйствовалъ распространенію этихъ обманчивыхъ надеждъ, которыя слѣпо раздѣлялъ и самъ.

Ульфилъ, коего имя такъ славно въ исторіи Готовъ, былъ родомъ изъ Каппадокіи. Какъ бури переносятъ на своихъ крыльяхъ вдалѣ сѣмена лучшихъ плодовъ, такъ точно войны и опустошенія принесли къ Визиготамъ сѣмена христіанства: римскіи семейства, уведенныя въ плѣнъ, даровали имъ первыхъ апостоловъ. Отъ одной изъ этихъ фамилій происходилъ Ульфилъ. Рожденный въ Готіи, воспитанный между варварами, подъ надзоромъ отца христіанина, онъ соединялъ въ сердцѣ вѣрованія христіанскаго Рима съ пламенною любовію къ своему новому отечеству.

Кромѣ того Ульфилъ привязанъ былъ къ Римлянамъ узами личной признательности: онъ никогда не забывалъ, что когда, еще въ юныхъ лѣтахъ, онъ былъ въ Константинополѣ съ порученіемъ отъ готскихъ царей, Константинъ великій принялъ его съ участіемъ, и велѣлъ посвятить его во епископа готскаго, не смотря на его молодость, и что наконецъ рукополагалъ его знаметный мужъ того времени, довѣренное лице императора, Евсевій, архіепископъ никомидійскій. Воротившись въ готскую землю, Ульфилъ и душою и тѣломъ предался обращенію своихъ дикихъ соотечественниковъ. Чтобы облегчить свою проповѣдь, и въ тоже время оторвать Готовъ отъ поэтическихъ преданій, говорившихъ имъ только объ ихъ народныхъ богахъ, онъ вознамѣрился перевести на ихъ языкъ Библію; но такъ-какъ Готы не имѣли письменъ, то онъ составилъ для нихъ азбуку, съ греческими и нѣкоторыми другими буквами, можетъ быть руническими, приспособивъ ихъ къ извѣстнымъ, свойственнымъ ихъ языку, звукоизмѣненіямъ. Впрочемъ онъ удержался переводить изъ Ветхаго Завета книги Царствъ, гдѣ повѣствуется о войнахъ еврейскаго народа, боясь возбудить въ своемъ народѣ уже слишкомъ обнаружившіяся воинственныя наклонности. Онъ думалъ; говорить современникъ, у

котораго мы заимствуемъ эти подробности, что Готы въ дѣлѣ битвъ, скорѣе нуждались въ уздѣ, чѣмъ въ шпорахъ. Эта наивная мысль одною чертою обрисовываетъ добраго и святаго епископа, мучившагося такими опасеніями. Твореніе его принесло обильнѣйшіе плоды, чѣмъ онъ надѣялся: въ нравахъ Визиготовъ послѣдовало, совершенное преобразование; потому соотечественники и почтили его титуломъ новаго Моисея. Въ качествѣ епископа, Ульфила присутствовалъ на многихъ соборахъ римскихъ христіанъ, гдѣ за правоту души и искренность вѣры цѣнили его болѣе, чѣмъ за богословскую ученость. Когда гоненіе разразилось на берегахъ Днѣстра, Ульфила обязанъ былъ жизнію только гостепріимству мизійскихъ Римлянъ, которые съ усердіемъ приняли его, и съ нимъ всѣхъ исповѣдниковъ, сопровождавшихъ его въ бѣгствѣ. И такъ этотъ простой и исполненный вѣры человекъ не сомнѣвался, что по ту сторону Дуная была еще обитаемая земля для него и для его братьевъ. Такова была сила его слова, что оно безъ труда увлекло большинство Готовъ, не только христіанъ, но массу язычниковъ, не питавшихъ ненависти къ новой религіи. Атанарихъ, почти покинутый, укрѣпился съ остаткомъ племенъ въ Кокolandскихъ ущеліяхъ.

Отрядъ Фридигерна и Алавива тронулся въ походъ къ Дунаю въ такомъ порядкѣ, какой только позволяла подобная толпа, тащившая съ собою все свое движимое имущество. Вооруженные мужчины шли первые, за ними слѣдовали женщины, дѣти, старики, стада, вьючныя повозки. Ульфила во главѣ своего русаго лѣснаго клира, бодрствовалъ надъ походною церковью, состоявшею изъ большаго шатра, утвержденнаго на доскахъ съ колесами. Въ шатрѣ этомъ заключалась также ризница и богослужебныя книги. Перевѣздъ былъ не длиненъ, и Готы въ скоромъ времени достигли Дунайскаго берега, противъ постовъ мисійскихъ. Завидѣвъ ихъ, они невольно бросились на колѣна, испуская умоляющіе крики и простирая руки къ другому берегу. Бывшіе впереди вожди сдѣлали знакъ, что они желали говорить съ римскимъ начальникомъ; и имъ послали лодку, въ которую сѣли Ульфила и многіе изъ знатныхъ Готовъ. Приведенные передъ лице начальника, они изъяснили свою просьбу: «Прогнанные

изъ своего отечества народомъ отвратительнымъ и жестокимъ, которому, говорили они, ни что не могло противиться, они пришли со всѣмъ, что у нихъ есть самого дорогаго, униженно прося у Римлянъ дать имъ землю, и общая жить въ ней спокойно и вѣрно служить императору.» Дѣло было слишкомъ важное, и простой начальникъ пограничной стражи не могъ рѣшить его: итакъ онъ послалъ депутатовъ къ императору, который съ дворомъ своимъ жилъ тогда въ Антиохіи. Какъ обыкновенно, имъ дали лошадей, казенныя дорожныя повозки, и они отправились, а Алавивъ съ Фридигерномъ расположили толпы свои станомъ на лѣвомъ берегу рѣки въ возможно-лучшемъ порядкѣ.

Восточная имперія находилась тогда въ рукахъ Валента, брата Валентиніана I-го, который, послѣ славнаго управленія западомъ, умеръ къ несчастію Римлянъ. Валентъ былъ какая-то странная смѣсь добрыхъ качествъ съ дурными притязаніями. Въ различныхъ превратностяхъ его счастья, въ немъ особенно цѣнили духъ безкорыстія и справедливости: страшный для злыхъ, покровитель слабыхъ, онъ являлся строгимъ, но нелицепріятнымъ судьей, подобно своему брату, къ которому обнаруживалъ почтительное удивленіе. Это былъ единственный случай, гдѣ умолкало его тщеславіе. Суровый воинъ, но храбрый и расположенный къ сподвижникамъ, вождь, способный къ начальству второстепенному, онъ былъ ослѣпленъ блескомъ счастья, чѣмъ обязанъ былъ единственно достоинствамъ Валентиніана. Отъ самообольщенія къ самообольщенію, онъ дошелъ наконецъ до ослѣпленія чловѣка, родившагося на пурпурѣ: та же увѣренность въ личной своей непогрѣшимости, то же наивное довѣріе къ льстецамъ. Совершенно не имѣя никакого образованія, да и по природѣ своей до того не далекій, что въ пятьдесятъ лѣтъ, и послѣ двѣнадцатилѣтняго царствованія на востокъ, не достигъ бѣлаго пониманія греческаго языка, онъ тѣмъ не менѣе имѣлъ притязаніе править греческою Церковію, раздираемою въ то время аріанскимъ расколомъ. Эти утонченныя различія, эти научныя мудрованія, а особенно языкъ, которымъ полу-аріане закидывали какъ сѣтями, куда попадались самыя искусныя, для Валента казались забавою: онъ опредѣлялъ, рѣшалъ, дѣлалъ нововведенія, и придворные его епископы, люди

искусившіеся въ интригахъ, сдѣлавъ его напередъ непогрѣшимымъ богословомъ, безъ труда потомъ сдѣлали ожесточеннымъ гонителемъ. Какъ скоро дѣло касалось религіи, Валента какъ будто покидали вонедніи въ пословицу прямота и справедливость его характера. Никогда еще православіе не было столько тѣсно: епископы правовѣрныхъ были изгнаны, храмы ихъ заперты; повсюду на востокъ распространяемъ былъ расколъ и отступничество, гдѣ подкупомъ, гдѣ насиліемъ. Этотъ человѣкъ, долгое время находившій удовольствіе только въ опасностяхъ битвъ, побѣдитель Готовъ и Персовъ, теперь только и грезилъ богословіемъ; оставивъ дѣло, онъ, какъ говорили, охотно жертвовалъ титуломъ главы римскаго народа титулу главы аріанской церкви.

Итакъ Валентъ, въ обществѣ нѣкоторыхъ любимыхъ своихъ епископовъ, предавался въ Антиохіи одному изъ тѣхъ теологическихъ словопреній, когда достигъ до него неопредѣленный слухъ о задунайскихъ происшествіяхъ. Рассказывали, что какое-то племя неизвѣстныхъ людей, вышедшее изъ скиѣскихъ болотъ, устремилось на Европу съ неудержимою силою потока, опрокидывая Алановъ на Остроготовъ, а этихъ на Визиготовъ, бѣжавшихъ передъ нимъ подобно боязливому стаду. Сначала надъ извѣстіемъ смѣялись какъ надъ сказкою, и съ минуты на минуту ожидали изъ этихъ далекихъ странъ противорѣчащихъ слуховъ; но приходилось повѣрить этому, когда поспѣшно прибывшій гонецъ принесъ официальное извѣстіе о предложеніяхъ Визиготовъ и о скоромъ прибытіи ихъ депутатовъ въ Антиохію. Дворъ былъ въ большомъ волненіи. Что было отвѣчать посланнымъ? Какъ следовало поступить съ Готами? Люди недалъновидные и придворные кричали о счастіи во всѣхъ обстоятельствахъ сопутствовавшемъ императору: «Вотъ, говорили они, враги кесаря помогаютъ чести быть его воинами; страшный народъ готскій преобразуется въ римскую армію, предъ которою должны трепетать всѣ возможные варвары. Валентъ будетъ брать у нихъ всѣхъ рекрутовъ, которые ему понадобятся, оставляя римскаго поселенина его плугу; отъ этаго земли будутъ воздѣлываться гораздо лучше, а провинціи, платящія военныя повинности деньгами, прольютъ изобиліе въ казну кесаря». Люди серьезные и благоразумные говорили совсѣмъ

другое. «Поостережемся, повторяли они, впускать волков въ овчарню: пастуху можетъ придтись плохо. Наступитъ день, когда волки, уступая своей природной свирѣпости, перегрызутъ собакъ и сдѣлаются хозяевами стада.» Аргументы за и противъ съ живостію были разобраны въ императорскомъ совѣтѣ. Валентъ выслушалъ ихъ, и порѣшилъ дѣло такъ, какъ только ему одному могло придти въ голову. Онъ объявилъ, что допустить Готовъ, если они сдѣлаются аріанами.

Готы принимали христіанство изъ всѣхъ рукъ; между проповѣдниками своими они считали даже ересеначальниковъ. Месопотамецъ Авдей, учившій, что Богъ долженъ имѣть матеріальную форму и тѣло, такъ-какъ онъ сотворилъ челоуѣка по своему образу, Авдей, съ грубою своею ересью, пріобрѣлъ между ними многихъ послѣдователей и даже мучениковъ. Однакожъ они считали себя православными, и если могли ввести въ заблужденіе этихъ лѣсныхъ богослововъ утонченности полуаріанства, за то они питали глубокое отвращеніе къ чистому аріанству, которое уничтожало І. Христа. Поглощенные заботами многотруднаго своего проповѣдыванія, епископы во многомъ походили на своихъ пасомыхъ. Теофилъ, предшественникъ Ульфила, правда, подписалъ дѣянія православнаго Никейскаго собора; но этотъ послѣдній принялъ риминійскій полу-аріанскій символъ, который онъ сначала не почиталъ противнымъ православію; потомъ видя, что многіе изъ подписавшихся отреклись отъ него, и онъ отрекся подобно другимъ. Валентъ надѣялся, что Ульфила возвратится къ первому своему мнѣнію, и своимъ вліяніемъ, котораго всемогущество было извѣстно, заставить и братьевъ своихъ принять догматы искаженнаго аріанства: за такую цѣну Валентъ обѣщалъ успѣхъ его посольству. Лишь только стала извѣстна воля императора, по всей дорогѣ, которою варваръ долженъ былъ проѣзжать въ Малую Азію, разставлены были вкрадчивые ученые и довѣренные епископы; Ульфила находилъ ихъ на каждой станціи; они или принимались наставлять его, подъ предлогомъ привѣтствія, или садились рядомъ съ нимъ въ повозку съ намѣреніемъ дорогою обратитъ его. Во дворцѣ антиохійскомъ было еще хуже; когда онъ

хотѣлъ говорить о бѣдствіяхъ своего народа, ему отвѣчали диссертациями о единосущіи или подобосущіи. Чтобы лучше привлечь его на свою сторону, его изнуляли аргументами и преніями, тогда какъ въ продолженіе этого безчеловѣчнаго словеснаго ратованія, несчастному, можетъ быть, слышались въ отдаленіи крики злополучныхъ соотечественниковъ, умолявшихъ его о спасеніи. Кончилось тѣмъ, что онъ не сталъ приписывать большой важности всѣмъ этимъ тонкостямъ, казавшимся ему столь темными; онъ убѣдился, что все дѣло происходило отъ честолюбія нѣкоторыхъ епископовъ и отъ раздраженнаго духа партій. Вотъ какія побужденія заставили его уступить волѣ императора, если вѣрить историкамъ того времени, и старый визиготскій епископъ, согнувъ свою убѣленную годами и увѣчанную мученичествомъ голову, понесъ соотечественникамъ спасеніе, обошедшееся ему такъ дорого. Валентъ торжествовалъ и считалъ себя новымъ Константиномъ. Однакожъ, чтобы не упрекали его въ пожертвованіи политикой религіи, онъ опредѣлилъ, чтобы женщины и дѣти, по крайней мѣрѣ знатныхъ Готовъ, были перевезены первыя, и отосланы во внутренніе города въ видѣ заложниковъ, а мужчины допущены на римскій берегъ только тогда, когда положить оружія. Такими предосторожностями, которыхъ мудростью всѣ восторгались, по мнѣнію Валента, опасность была вполне отдалена. Римская флотилія получила приказаніе перевезти Готовъ, а гражданскимъ агентамъ подѣ начальствомъ особеннаго офицера, по имени Лупицина, поручено было избрать для поселенія колонистовъ округи, вымѣрить участки, снабдить ихъ жизненными припасами, дровами и земледѣльческими орудіями.

Печальныя неудобства, которымъ подвергся Ульфила и его спутники, удвоили продолжительность ихъ путешествія, и Готы, стоявшіе станомъ на равнинѣ Дуная, считали въ это время дни съ мрачнымъ безпокойствомъ. Припасы ихъ истощились; имъ угрожалъ голодъ. Смотря постоянно то на римскія линіи, то на сѣверную равнину, они то надѣялись видѣть судью, долженствовавшаго привести ихъ депутатовъ, то казалось имъ, будто виднѣется на противоположномъ горизонтѣ легкая конница Гунновъ, и переносится чрезъ пространство съ своей обыкновенной

быстротою. Такимъ образомъ разъ двадцать на день они переходили отъ обманутой надежды къ смертельнымъ ужасамъ. Наконецъ ими овладѣваетъ отчаяніе. Хотя вода на Дунаѣ значительно поднялась отъ дождей, однакожъ многіе рѣшаются переправиться, во что бы то ни стало. Одни кидаются просто вплавь, и несутся внизъ по теченію рѣки, другіе садятся въ выдолбленные деревянные пни или на плоты, которые переправляютъ посредствомъ шестовъ; но когда, послѣ неслыханныхъ усилій, они восторжествовали надъ потокомъ, римскіе стрѣлки направляютъ на нихъ тучу стрѣлъ, и рѣка мало по малу уноситъ остатки судовъ и труповъ. Возвращеніе депутатовъ наконецъ положило конецъ этимъ ужаснымъ сценамъ. Римская флотилія тотчасъ же принимается за свое дѣло, и безпрестанно плаваетъ отъ одного берега къ другому. Многіе не дождавшись своей очереди, расположились на древесные пни или на сучья, кой-какъ связанныя вмѣстѣ. Женщины и дѣти перелѣзали напередъ, сообразно съ повелѣніемъ императора; потомъ отправились мужчины. Чиновники, обязанные считать голыи прищеповъ, остановились, говорятъ, потому что утомились счетомъ, или испугались ихъ числа. «Увы! восклицаетъ Амміанъ Марцеллинъ съ жаромъ, полнымъ огорченія, вамъ легче было бы считать песокъ, который бороздитъ морскія воды, въ то время какъ вѣтеръ волнуется ихъ на берегахъ Ливіи.» Извѣстно однакожъ, что число людей, бывшихъ въ состояніи носить оружіе, простиралось до двухъ-сотъ тысячъ.

На другомъ берегу открылось печальное и постыдное зрѣлище, на которомъ римское правительство выставило на показъ, какъ будто для удовольствія, язвы своего развращенія. Когда женщины, молодыя дѣвушки, и дѣти были высажены на берегъ, то римскіе змотрители, трибуны, центуріоны, гражданскіе чиновники бросились на нихъ, какъ на предоставленную имъ добычу. Каждый, говоритъ одинъ современный писатель, взялъ на свою долю, что ему понравилось: тотъ овладѣлъ какой-нибудь высокой и сильной женщиной; другой—какой-нибудь молодой бѣлокурой дѣвушкой съ голубыми глазками. Агенты разврата были тутъ же, и покупали для безчестныхъ домовъ. Одни похищали молодыхъ мальчиковъ, и дѣлали ихъ рабами. А другіе, болѣе скупые, занимав-

ііеся земледіємъ, брали сильныхъ мужчинъ и отсылали ихъ въ свои владѣнія, какъ рабовъ или поселенцевъ. Имянный указъ — отобрать у пришлецовъ оружіе, не исполнялся вовсе; смотрители закрывали для денегъ глаза, а Готъ, въ своей дикой гордости, соглашался скорѣе отдать все, чѣмъ обладалъ, свое золото, жену, мѣха, коверъ съ двойной бахромой, который составлялъ его роскошь, лишь бы оставить при себѣ оружіе; поэтому многіе сохранили оружіе при себѣ. Что касается до жизненныхъ припасовъ, которые надлежало раздать эмигрантамъ, то они значительно были уменьшены по безсовѣстности начальниковъ; да впрочемъ и безъ того ихъ было въ недостаточномъ количествѣ. Тогда начали спекулировать на счетъ этихъ несчастныхъ, имъ продавали на вѣсъ золота мясо даже нечистыхъ животныхъ. На мертвую собаку вымѣнивали раба. Женщины, переселенныя во внутренніе города, ослѣпленныя роскошью, избѣженныя изобиліемъ, казалось, примирились таки съ своимъ жребіемъ. «Часто видали, говорить современникъ, какъ онѣ чванились въ своихъ богатыхъ одеждахъ, въ костюмахъ, вовсе неприличныхъ плѣнникамъ; но ихъ сыновья, благопріятствуемые хорошимъ климатомъ, росли какъ транныя и ядовитыя растенія, питая въ сердцѣ ненависть къ Риму. Что думалъ, что говорилъ тогда Готскій путеводитель Ульфила, который вмѣсто пріятностей обѣтованной земли, доставилъ своему народу эти несчастія и плѣнъ египетскій? Трудно угадать, какія мученія и какія сожалѣнія тяготили честную душу при видѣ такихъ обмановъ, но какъ ни справедливы были его сожалѣнія, онъ долженъ былъ исполнить свое обѣщаніе. Готы язычники были крещены, и всѣ обязались принять риминійскій символъ, или лучше исповѣданіе вѣры своего епископа, потому что оно составляло для нихъ православіе. Ульфила, для предупрежденія въ нихъ всякаго сомнѣнія совѣсти, изъяснилъ имъ, сообразно съ системою, которую составилъ для самаго себя, что эти частности не слишкомъ важны въ христіанской религіи. Это не помѣшало однакожъ Визиготамъ принадлежать послѣ этого къ православію, и позднѣе, въ слѣдствіе естественнаго усилія наукъ и упорства духа секты, сдѣлаться истинными аріанами—пропагандистами и гонителями.

Такія обиды, такія низости привели Готовъ въ отчаяніе: за-

падня, приготовленная графомъ Лупициномъ во время пиршества готскимъ вождямъ Фридигерну и Алавиву, довершила ихъ гнѣвъ: они открыли дорогу черезъ Дунай другимъ шайкамъ варваровъ, которые слѣдовали за ними; они добыли для себя или тайно на-дѣлали сами оружія, которыхъ имъ недоставало, и пустились на грабежъ. Римская армія пыталась было ихъ остановить; но она была разбита при Маркіанополѣ, столицѣ Малой Скиѣи. Фри-дигернъ не допускалъ своихъ спутниковъ терять время около укрѣпленныхъ мѣстъ, которыхъ они не умѣли брать приступомъ; онъ отдалъ приказъ: «миръ со стѣнами!» За то незащищенные мѣ-стечка, богатая вила и хижина бѣдняка, были жертвами самой безпощадной войны. Всѣ обиды, которыми Римляне обременяли Готовъ, всѣ грабежи, насилія, убійства, — все было возвращено сторицею. Вызванный изъ мечтаній о своей богословской славѣ, Валентъ прибѣгнулъ къ Константинополю, и едва не былъ по-битъ камнями: православные торжествовали. Когда онъ выѣз-жалъ изъ города, одинъ пустынникъ, оставивъ свою келью, вы-строенную недалеко отъ дороги, вышелъ къ нему на встрѣчу, и остановилъ его, чтобы произнести надъ нимъ проклетіе, и возвѣ-стить ему близкую смерть. Несчастье разсѣяло въ душѣ Валента всѣ призраки его могущества, и онъ, какъ во дни юности, явил-ся воиномъ сильнымъ и отважнымъ даже до безразсудства. Съ разбитой арміей, съ нѣсколькими свѣжими отрядами и съ ново-бранцами, онъ рѣшился мужественно разсѣять эти побѣдоносныя шайки, или погибнуть въ битвѣ. Нетерпѣливо желая сразиться, или опасаясь соперничества въ славѣ, въ случаѣ успѣха, онъ не захотѣлъ дожидаться своего племянника Граціана, западнаго импе-ратора, который отправился уже въ походъ и скоро долженъ былъ присоединиться къ нему: поспѣшность эта и погубила его. У Римлянъ было мало съѣстныхъ припасовъ, и Фридигернъ, знав-шій это, проводилъ ихъ безпрестанными отсрочками, чтобы до-вести ихъ до голода; то посылалъ онъ священника, который во имя неба увѣрялъ въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Готовъ; то за-нималъ императора притворными переговорами о примиреніи, меж-тѣмъ какъ хитрый варваръ присоединялъ къ себѣ отсутствовавшій изъ своихъ отрядовъ конницы.

Битва происходила на равнинѣ между Адрианополеми и небольшимъ городкомъ Никеею, 9 августа 378 г., во время дня жаркаго до удушливости. Чтобы увеличить страданія Римлянъ, Фридигернъ зажегъ кустарникъ, которымъ была покрыта на ихъ сторонѣ равнина, и когда пожаръ приблизился, то римскій лагерь очутился какъ будто запертымъ въ кругу пламени. Самая отвага Валента повредила его успѣху. Бросившись безъ всякихъ предосторожностей во главѣ своихъ тѣлохранителей, онъ увлекъ за собою легіоны, которые, отдѣлившись отъ конницы, тотчасъ же были окружены Готами. Столбы пыли затемняли небо, и мѣшали сражающимся различать своихъ враговъ: стрѣлы летѣли на удачу; другъ друга искали, и всѣ блуждали какъ будто въ темнотѣ. Когда встрѣтились передовые отряды, толпа варваровъ, стремясь все въ одномъ направленіи, привела въ безпорядокъ легіоны, и подавила ихъ своею тяжестью. Валентъ, котораго вожди тщетно уговаривали удалиться, все еще бился до тѣхъ поръ, пока упалъ пораженный стрѣлою. Воины его подняли и перенесли въ хижину поселянина, находившуюся вблизи отъ поля битвы. Стали перевязывать его рану, какъ вдругъ приблизилась шайка готскихъ грабителей, которые, нашедши двери запертыми, навалили кругомъ хижины соломой, хворосту, и подложили подъ нихъ огонь. Валентъ погибъ въ пожарѣ, двумя частями его войска была усѣяна равнина, и современники вправѣ были сравнивать этотъ несчастный день съ битвою при Каннахъ. Ставши обладателями Фракіи и Македоніи, Готы наводняли эти провинціи до слѣдующаго года, когда Феодосій сталъ императоромъ востока. Столько же миролюбивый, сколько искусный въ войнѣ, новый императоръ далъ почувствовать варварамъ силу своей руки еще прежде, чѣмъ даровалъ имъ миръ; потомъ, заставивъ ихъ просить мира, онъ заключилъ ихъ въ одну область, гдѣ употребилъ въ пользу для себя ихъ службу. Послѣ его смерти, измѣна Руфина, министра императора Аркадія, вызвала ихъ сдѣлать нападеніе на Грецію. Тогда-то подъ предподительствомъ Аларика, знаменитѣйшаго изъ готскихъ царей, началось это продолжительное и кровавое странствованіе Визиготовъ, во время котораго черезъ Грецію и Италію они проникли на югъ Галліи, гдѣ и остановились.

(До слѣд. книги).

ПАПЫ И ВОСТОКЪ

ВЪ XIII ВѢКѢ.

II.

ЕВРОПЕЙСКІЯ ПОСОЛЬСТВА КЪ МОНГОЛАМЪ.

Появленіе Татаръ за Карпатскими горами пробудило равнодушную Европу. Тогда узнали въ первый разъ владѣтели Запада, какая имъ предстояла опасность отъ нападений степныхъ жителей Азіи. Князья и рыцари Германіи, несчастный король венгерскій, обнажили мечи свои, но побѣда осталась на сторонѣ Монголовъ. Тогда императоръ Фридрихъ II-й задумалъ объ общемъ ополченіи на Татаръ. Врагъ же его, папа Иннокентій IV-й, отправилъ къ татарскимъ ханамъ посланныхъ. Въ одно время съ *Планъ-Карпиномъ*, поѣхавшимъ къ сѣвернымъ Татарамъ, другой монахъ, именемъ *Асселини*, направилъ путь свой въ Персію (*). Онъ посѣтилъ этотъ край въ 1247-мъ году, и былъ гордо принять тамошнимъ татарскимъ начальникомъ *Баитноемъ*. Наружное порученіе, данное Планъ-Карпину и *Асселини*, состояло въ убѣжденіи хановъ, отъ имени папы, не убивать людей, а въ особенности Христіанъ, коихъ папа признавалъ себя главою и отцемъ. Но они имѣли и другое, тайное дѣло. Иннокентій IV-й искалъ союзниковъ противъ Фридриха II-го и Ватакія, соперника Латинскаго императора Балдовина II-го. Распри Иннокентія IV-го съ Фридрихомъ принадлежатъ собственно Исторіи Италіи, но

(*) Путешествіе Плана-Карпина и Асселини переведено покойнымъ Языковымъ и напечатано.

усилія папы вооружить Татаръ противъ Грековъ входятъ въ предметъ, предначертанный нами. Узы близкаго родства связывали *Фридриха съ Ватакіемъ*. Глава народной Греческой партіи, возстановитель самостоятельности Греческой имперіи, врагъ латинства на Востокъ, знаменитый Ватакій былъ женатъ на дочери императора германскаго. Народность греческая, подавленная на нѣкоторое время общимъ напоромъ Запада, при слабомъ правленіи Балдовина II-го, стремилась къ возстановленію себя. Временное торжество латинизма въ Восточной имперіи приближалось къ концу. Ватакій былъ усердный защитникъ православія. Постигавъ всю шаткость своего вліянія на Востокъ, ибо оно зависѣло единственно отъ существованія Латинской имперіи въ Константинополѣ,—Иннокентій IV-й желалъ умножить средства поддержать эту имперію. Не находивъ союзниковъ и меченосцевъ на Западѣ, папа простеръ свои взоры на степи средней Азіи, и безъ укоризны совѣсти предложилъ тому дикому племени, отъ котораго стесняли лучшія и богатѣйшія государства Азіи, отъ коего Россія, Польша, Венгрія обращены были въ горы пепла, Иннокентій IV-й, безъ страха и укора, предложилъ главамъ этого гибельнаго племени, быть ему сподвижниками въ истребленіи Грековъ, и пригласилъ ихъ чрезъ своихъ странствующихъ монаховъ, идти на Ватакія, съ намѣреніемъ положить этимъ походомъ конецъ Греческой имперіи. Выписываемъ здѣсь слова Бержерона, писателя, жившаго въ 17-мъ вѣкѣ: «En 1248 «deux ambassadeurs Tatars vinrent vers le Pape pour convertir «une attaque contre Vatacius schismatique et gendre de l'Empereur Frédéric II, ennemi de l'Eglise Romaine, ou du Pape «plutôt. Ils furent fort bien reçus du Pape et renvoyés avec «présens.»

Но это посольство возвратилось къ хану, не заключивъ дѣла. Въ 1214 году, новый посланникъ папскій явился къ Мангу-Хану, со вторичными предложеніями о союзѣ противъ Грековъ. Сколько ни старался Рубрукъ успѣть въ порученномъ ему дѣлѣ, онъ не могъ однако преодолѣть встрѣтившихся препятствій (*). Мангу-

---

(*) Рубрукъ переведенъ также Языковымъ, но не изданъ.

Ханъ остался непреклоненъ въ рѣшеніи своемъ вести переговоры о союзѣ съ папою въ самомъ Римѣ, чрезъ собственныхъ полномочныхъ, а Рубруквису приказано было отговорить хана отъ назначенія посольства въ Римъ. Рубруквисъ прибѣгнулъ ко всѣмъ предлогамъ для отклоненія Татаръ отъ мысли назначить ханскихъ представителей къ папѣ, и между прочими средствами умѣлъ воспользоваться удачно орудіемъ страха, выказавъ всѣ затрудненія, съ коими сопряжено было путешествіе сквозь необозримыя степи Азіи, и сквозь разоренныя страны, простиравшіяся въ то время отъ Волги до предѣловъ Италіи. Татарскіе вельможи, услышавъ рассказы Рубруквиса, уstraшились до такой степени, что предназначенное ханомъ посольство не состоялось. Чистосердечный Бержеронъ, описывая въ сочиненіи своемъ, подъ заглавіемъ *Traité des Tartares*, посольство Рубруквиса къ Мангу-Хану, приписываетъ слѣдующимъ причинамъ настоятельность, съ которою повѣренный Иннокенія IV-го опровергалъ мысль хана отправить пословъ къ папѣ. Приводимъ здѣсь слова Бержерона: «Après Okoday qui mourut en 1240 régna son fils Guajuk-Khan. Un an après son élection il mourut. Mangou-Khan fut élu en sa place. Il vivait en 1254 lors de Rubruquis, qui y vint de la part d'Innocent IV, à la suite d'un décret du concile de Lyon de 1245. Les Tartares voulurent envoyer des ambassadeurs au Pape, mais les religieux les en dissuadèrent sous prétexte des difficultés du voyage à travers de si grands pays, mais en réalité pour que ces Tatares ne reconnussent les dissensions qui étaient entre les chrétiens Grecs et Latins, Gwelfes et Gibelins, et qu'ils n'y vissent tant de méchancetés et de mauvaise vie, etc.»

Откровенность Бержерона есть драгоцѣнный источникъ, изъ котораго льется истина; этотъ мужъ пишетъ безъ скрытыхъ замысловъ, между тѣмъ какъ донесенія Рубруквиса, Планъ-Карпини и другихъ монаховъ, бывшихъ въ Монголіи и у Татаръ, скрываютъ настоящую цѣль, для которой были совершены эти трудныя путешествія. Донесенія папскихъ посланныхъ составлены очень искусно. Читая ихъ, ужасаешься описаніемъ края, узнаешь жителей безконечныхъ Азіатскихъ степей, знакомишься съ устрой-

ствомъ Монголо-Татарскаго государства, но въ тайныя порученія, данныя имъ отъ папы и отъ французскаго короля Людовика IX-го, не проникаешь. Эти порученія сокрыты монахами въ тайнѣ, ибо разглашеніе ихъ могло повредить достиженію желанной цѣли.

Людовикъ IX-й съ такимъ же рвеніемъ, какъ и папа, желалъ поддержать латинскихъ императоровъ на Константинопольскомъ престолѣ. Онъ былъ врагъ и Фридриха II-го, и Ватакя, и Грековъ, но его опасные для восточной Церкви замыслы предполагалось удержать въ тайнѣ, до надлежащаго времени. Необходимо было усыпить подозрительность Грековъ, взиравшихъ съ недо-вѣрчивостію на малѣйшее движеніе латинскаго духовенства. Вотъ причина, по которой Рубруквисъ, забывъ святость мѣста, дозволилъ себѣ среди храма Св. Софіи произнести очевидную ложь, увѣривъ народъ, въ церкви стоявшій, что онъ ѣдетъ къ Татарамъ не какъ полномочный какого-нибудь государя, но для проповѣдыванія Евангелія. Этотъ моментъ въ лохожденіяхъ Рубруквиса заслуживаетъ вниманія. По прибытіи своемъ въ Солдаю, городъ, соответствующій современному мѣстечку Судакъ, Рубруквисъ узнаетъ, что по этому торговому городу разглашено уже давно извѣстіе о его будущемъ прибытіи въ Солдаю, съ цѣлію ѣхать оттуда къ хану Сартагу, для исполненія какого-то неизвѣстнаго порученія, даннаго ему отъ имени короля Людовика IX-го. Пораженный неожиданнымъ разглашеніемъ этой вѣсти, Рубруквисъ сознается предъ Солдайцами въ основательности разнесшихся слуховъ, но скрываетъ отъ нихъ однако истинную цѣль своей поѣздки. Въ донесеніи же своемъ къ королю французскому, Рубруквисъ доказываетъ съ прискорбіемъ его величеству, что міръ узналъ объ его отправленіи къ Татарамъ; но въ то же время увѣряетъ короля, что для прикрытія этого отправленія должной тайною ни одной предосторожности не было съ его стороны забыто, и что даже въ проповѣдяхъ, произнесенныхъ имъ среди храма Св. Софіи, онъ увѣрлялъ предстоявшій ему народъ, заклиная его святостію своего слова, что не для свѣтскаго дѣла, и не по приказанію какого-нибудь монарха, а по своему личному желанію онъ отправлялся къ невѣрнымъ Татарамъ. Тому, кто желалъ бы сомнѣваться въ истинѣ изложенныхъ нами событій, отвѣчаемъ вы-

нскою изъ путешествія помянутаго монаха: «Des marchands « avaient d'avance raconté à Saldaja que des ambassadeurs de « la Terre Sainte, arriveraient bientôt se rendant vers le Tartare « *Sartah*, et toutefois j'avais dit publiquement à Constantinople, « prêchant à Ste Sophie, que je n'étais envoyé ni par V. M. ni « par aucun autre prince, mais que je m'en allais de moi-même « prêcher la foi à ces infidèles.»

Читая сознаніе Рубруквиса, невольно спрашиваешь самого себя, какъ могъ членъ Церкви дозволить себѣ ложь среди храма, посвященнаго Богу, и какъ дерзнулъ онъ, безъ угроженія совѣсти, усыплять, коварными словами, бдительность добродушнаго народа, увѣряя стоявшихъ въ храмѣ Св. Софіи христіанъ, что онъ ѣдетъ къ Татарамъ съ добрымъ намѣреніемъ, между тѣмъ какъ истинная цѣль его замысловъ была предать разоренію и гибели государство христіанское, обитаемое въ то время самымъ просвѣщеннымъ народомъ міра?

Справедливы мысли Бержерона, утверждающаго, что Иннокентій IV-й для того только не хотѣлъ пустить татарскихъ пословъ въ Римъ, чтобы не выказать предъ ними всѣхъ мерзостей, пятнавшихъ въ то время западную Европу. Дѣйствительно, что подумать о нравственномъ положеніи Франціи, Германіи и Италіи въ XIII-мъ вѣкѣ, когда мужъ, подобный Иннокентію IV-му, глава Римской Церкви, непримиримый врагъ властолюбиваго императора Фридриха I-го, былъ самъ до такой степени зараженъ властолюбіемъ, что изъ мірскихъ видовъ готовъ былъ отдать Греческую имперію на опустошеніе бродящимъ варварамъ. И не во сто ли кратъ благочестивѣе являются намъ кроткіе и доблестные пастыри народной Церкви нашей? Между многими примѣрами той вражды, которую питали духовные владыки Рима къ Церкви Греческой, мы укажемъ на событія, случившіяся въ Константинополѣ вскорѣ по водвореніи Латинской имперіи на берегахъ Воспора. Эти событія оправдываютъ вполне плачевную картину, начертанную Бержерономъ въ его сочиненіи о Татарахъ, и заставляютъ сказать съ ея авторомъ, что Латинскій міръ въ XIII-мъ столѣтіи былъ дѣйствительно полонъ неистовствъ всякаго рода. Повторимъ здѣсь слова Бержерона. Объясняя причины, по которымъ Рубруквисъ

не согласился допустить татарскихъ пословъ до предѣловъ Италіи, Бержеронъ говоритъ, что сопротивленіе папскаго посланнаго происходило отъ убѣжденія въ худомъ впечатлѣніи, которое возродилось бы въ умѣ татарскихъ пословъ, при зрѣлищѣ тогдашней Европы. Рубруквисъ убѣдилъ Татаръ остаться въ ихъ дикихъ степяхъ: «Pour que les Tatars ne reconnussent les dissensions qui « étaient entre les chrétiens Grecs et Latins, Guelphes et Gibelins, et aussi qu'ils n'y vissent tant de méchancetés et de « mauvaise vie, bien contraire à ce qu'on leur prêchait. »

Эти послѣднія слова служатъ доказательствомъ, что въ то время, какъ властолюбіе и корысть были главными двигателями владыкъ Запада, лицемерство и ложь считались въ Римѣ орудіемъ законнымъ. Скрывать свои недостатки и пороки, для обмана людей добросовѣстныхъ, полагалось подвигомъ искуснымъ, и не только не заслуживало порицанія у владыкъ Рима, но поощрялось всѣми средствами.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ЖИЛАЯ ЗАПИСЬ 1692 года.

«Се азъ Алексѣевскія слободы Михайла Θεодоровъ, да и я той же Алексѣевской слободы Давидъ Семеновъ, да я Троицкаго острога Дороей Артемьевъ, въ нынѣшнемъ, въ двухсотомъ году, марта въ девятый на десятый день, въ семь поруки, а поручились есми стольнику Ивану Артемьевичу Лачинову по новокрещеномъ по Иванъ Артемьевичъ въ томъ, что жить ему Ивану постоемъ у него Ивана Васильевича на Московскомъ дворѣ, что у Тресвятскихъ воротъ на Кулишкахъ, а какъ по государскому указу пришихъ, гулящихъ и новокрещенныхъ людей на поруки брать велѣно, то и мы тому Ивану въ поруки стали. Живучи же ему Ивану Григорьеву у Ивана Артемьевича у Лачинова, никакимъ воровствомъ не воровать, вина не пить и не бражничать, табакомъ не торговать, и въ зернь проклятую не играть, съ дѣвками не водиться, игрищъ мерзкихъ не затѣвать, съ ворами не знаться, воровскими дѣлами не промыслять, воровскую рухлядь не принимать, да хозяйскаго добра не ломать и не портить, да отъ пожара оберегаться. Буде же онъ Иванъ Григорьевъ, живучи на Московскомъ дворѣ у Ивана Артемьевича Лачинова, воровствомъ промыслять будетъ, и вино пить, и бражничать, и табачное зелье продавать, или самъ курить, или той скверный табакъ въ носъ пихать, какъ нѣкіе еретики то творять, или въ зернь и карты играть будетъ, или съ воровскими людьми знаться будетъ, или въ хоромахъ Ивана Артемьевича обожжетъ и обломаетъ, и тѣмъ убытокъ ему причинить, а то тому стольнику Ивану Артемьевичу Лачинову на насъ уставную пеню Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ взыскивать, и что Великіе Государи укажутъ, взять. А стали мы за новокрещеннаго — за Ивана Григорьева на поруки оттого, что тотъ Иванъ Григорьевъ еще въ прошломъ году у насъ постоемъ жилъ, и съ еретиками не спознавался, съ ворами не водился, и воровскую рухлядь не принималъ, вина не пилъ, не бражничалъ, съ дѣвками и бабами обращался бережно, въ карты и зернь не игралъ; къ обѣднѣ, и

къ заутрени, и къ вечерни ходилъ по христіанскому обычаю всегда, посты сполнялъ честно, и русской обычай сполнялъ честно, и въ бани въ вѣдомое время ходилъ, и заказной животины не ѣлъ, чародѣйствомъ и зеленичествомъ не занимался, и самъ онъ Иванъ Григорьевъ во всемъ обычая честнаго. А тотъ Иванъ Григорьевъ табакомъ проклятымъ не торгуешь, и Царскіе Государевы указы поважаешь,—и самъ табакъ не курить, и въ носъ не пихаешь, и мы тому новокрещенному Ивану Григорьеву крѣпко на крѣпко о томъ заказывали Государевъ указъ сполнять честно, и нѣмечскій скверный обычай не сполнять и дьявола изъ себя не представлять; грѣхъ бо великій и сатанинское искушеніе тотъ табакъ, да и государевыми указами крѣпко на крѣпко заповѣданъ;—а новокрещенный Иванъ Григорьевъ табакъ не курить и курить его за грѣхъ почитаетъ. А мы тому нелихому челоуѣку Ивану Григорьеву поручники, и въ винахъ его Ивану Артемьевичу Лачинову уставную пеню платить повинны. А у сей записи послухами Иванъ Антоновъ да Маркъ Ѳоминъ были, а запись писалъ Троицкой площадной подьячій стольника и полковника Семенова полка Лаврентьева Капустина стрѣлецъ Васька Понизовьевъ—лѣта 7200 марта въ 9-ый день.»

Потомъ слѣдуютъ подписи лицъ, о которыхъ упоминается въ записи. Запись эта писана въ 1692 году, когда много людей неизвѣстныхъ, «пришлыхъ, гуляющихъ иноземцевъ», какъ сказано въ указахъ того времени, жило безъ всякаго вѣдома правительства въ Москвѣ, и часто «воровствомъ люди лихіе и пришлые промышляли», и иноземцы, многіе даже и изъ крещеныхъ въ православную вѣру, «рухлядь воровскую прятали, и табакъ, сатанинское зѣлье, людямъ московскимъ продавали». Правительство нерѣдко издавало указы, въ которыхъ говорилось, чтобы единственно тѣхъ допускать жить на Москвѣ изъ людей пришлыхъ и иноземцевъ новокрещеныхъ или неизвѣстныхъ по своему поведенію, которые «на себя представятъ поруку и поручниковъ людей честныхъ и незазорныхъ». Въ жилой записи, представленной здѣсь мною читателямъ, упоминается о государевомъ указѣ, которымъ людей пришлыхъ, гуляющихъ, и новокрещеныхъ иноземцевъ ве-

лѣно брать на поруки, но какъ видно, это правило исполнялось мало, потому что правительство постоянно въ 1692 году издавало подтвердительные указы о взятіи поручныхъ записей съ людей неизвѣстныхъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Такіе указы изда ны были 20 апрѣля, 30 іюня, 11 іюля, ноября 22, декабря 12 и 20; въ послѣднемъ указѣ объявилось, что «если у кого живущіе безъ поручныхъ записи явятся ворами, съ того имать пеня и истцовы иски». Въ жилой записи, сообщенной мною, есть та особенность отъ подобныхъ же нашихъ древнихъ актовъ, что поручники выставляютъ причину, почему они поручаются за новокрещенаго Ивана Григорьева, и распространяются особенно о томъ, что Иванъ Григорьевъ табаку не курить.

Т. ШЕШКИНЪ.

КАКЪ ЗВАЛИ МИНИНА.

КУПЧАЯ 1602 ГОДА.

«111 году ноября въ 24 день Юрью Ивановичу Нелединскому да государеву дьячку Василью Панову явить дворовую купчую Ондрей Офонасьевъ сынъ Поповъ; а въ купчей писать: се азъ Иванъ, Матвѣевъ сынъ, прозвище Жилинъ продать есми въ Нижнемъ Новѣгородѣ дворъ свой съ садомъ и съ огородомъ за городомъ (*) на Никольской сторонѣ надъ Почайною Ондрею Офонасьеву сыну Попову, а въ межахъ тотъ мой дворъ подлѣ Кузьмы Захарьева сына Минина Сухорука, а по другую сторону Почаинскій врагъ, а позади Офонасьевъ дворъ Большіе Бороды, а противъ черезъ улицу Ооминскій дворъ Кривово,—а на дворѣ хоромы, изба да баня, да погребъ, а дворъ въ городѣбѣ, а взять есми за тотъ дворъ свой съ садомъ и съ огородомъ и за хоромы у Ондreja 15 рублевъ денегъ, и впередъ мнѣ Ивану у Ондreja въ тотъ свой дворъ не вступатися и очищать отъ роду своего и отъ племени, отъ кабалъ и записей и отъ всякихъ крѣпостей, или учну самъ впередъ въ тотъ свой дворъ у Ондreja вступаться, и онъ Ондрей взяти на мнѣ на Иванъ по сей купчей деньги вдвое 30 рублевъ и убытки, что онъ Ондрею учинится отъ кого убытка въ моемъ неочищенѣ; а на той... Смирной Клементьевъ сынъ Малаина, да Василей Ефремовъ сынъ Неустроевъ, да Потѣха Тимофѣевъ сынъ Поповъ, а купчую писалъ Демидько Ивановъ сынъ Малаина, лѣта 7111 году.»

(Сообщено П. И. Мельниковымъ).

(*) Т. с. за Кремлемъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПУТЯХЪ СООБЩЕНІЯ
И ЯМСКОЙ ГОНЬБѢ ЖЛИ ПОЧТАХЪ.

Всматриваясь въ сказанія и свидетельства о бытѣ древнѣйшей Руси, и слѣдя за постепеннымъ возрастаніемъ и развитіемъ этого быта, въ послѣдующіе вѣки, нельзя не согласиться, что Русскому народу искони было присуще сознание и постоянное сочувствіе къ общественнымъ юридическимъ вопросамъ. Съ самыхъ древнихъ временъ, доступныхъ для историка, русское населеніе и правительство постоянно заботятся о такихъ установленіяхъ и началахъ, которыя, въ наше время, составляютъ высокій предметъ внутренней политики, или Государственнаго Благоустройства. Сюда должно отнести вопросы о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ, какъ средствахъ къ развитію народнаго благосостоянія; о промышленности народа, его населеніи, образованіи, съ цѣлю развитія этого благосостоянія; объ общественной благотворительности и мѣрахъ предупрежденія, какъ мѣрахъ обезпеченія благосостоянія народа. И замѣчательно, что, не говоря о способѣ рѣшенія этихъ вопросовъ, однимъ уже раннимъ возбужденіемъ ихъ въ Руси, наша исторія отличается отъ исторіи многихъ народовъ древности и средневѣковаго запада. Общественный юридическій бытъ составляетъ, кажется, главный характеръ нашей народной жизни, во всю вѣка прожитой исторіи. Тогда какъ, въ древнихъ государствахъ, правительственныя задачи и цѣли постоянно преобладаютъ надъ вопросами и пользами частныхъ лицъ и народа, — тогда какъ на западѣ, въ средніе вѣки, частныя интересы почти уничтожаютъ всякое развитіе общественныхъ учреждений, — въ Руси, общественное издревле господствуетъ во всѣхъ подобныхъ отношеніяхъ. На первый разъ, въ доказательство сказаннаго, мы обращаемъ вниманіе читателя на пути сообщенія и ямскую гоньбу въ древнемъ нашемъ отечествѣ. Не станемъ говорить

о важности, которую имѣютъ пути сообщенія и средства сношеній, для развитія общественнаго благосостоянія народа и государства. Кому не известно, въ наше время, что, безъ этихъ могущественныхъ средствъ соединенія, ни одинъ народъ не можетъ надолго и прочно выйти изъ естественнаго состоянія грубости и бѣдности? Кому еще нужно доказывать, что состояніе, въ которомъ находятся, въ данной странѣ, эти средства народнаго единенія, можетъ служить мѣркой самой цивилизации страны? Кто теперь не согласится съ положеніемъ, что исторія путей сообщенія и сношеній составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи общественнаго народнаго быта?

Но понятно также, что изслѣдованія по этому вопросу должны быть слишкомъ обширны, многосложны, и далеко не соразмѣрны съ предѣлами журнальной статьи, и съ требованіями, которыя можно ей дѣлать. Здѣсь мы постараемся разсмотрѣть предложенный вопросъ съ одной юридической стороны, обращая преимущественно вниманіе на тѣ юридическія условія, при которыхъ пролагались пути сообщенія, и раскидывалась сѣть сношеній, для сближенія между собою различныхъ частей населенія древней Россіи.

I. Начнемъ съ *путей сообщенія*. Было время, когда въ Руси впервые должно было пролагать и учреждать дороги, сквозь лѣса и дебри, и чрезъ рѣки и болота; когда впервые должно было *пути дѣлать и мосты строить*. Но не въ этомъ состоитъ главное препятствіе къ существованію, въ странѣ, путей сообщенія. Послѣ всего этого, или, правильнѣе, прежде всего этого, дорога сталкивается съ поземельнымъ правомъ, съ вопросомъ о правѣ владѣнія на той почвѣ, по которой хотѣть провести дорогу. Только послѣ рѣшенія или устраненія этого юридическаго вопроса, можно приступить къ непосредственной борьбѣ съ препятствіями къ проложенію пути со стороны лѣсовъ, болотъ и дебрей. Но тутъ рождается другой вопросъ юридическій: кому должно взяться за эту борьбу? На комъ можетъ лежать и должна лежать, въ обществѣ, обязанность по устройству дорогъ и сообщеній?

Относя производствъ дорогъ къ техническому отдѣлу свѣдѣній о дорогахъ, мы займемся исключительно рѣшеніемъ

указанныхъ юридическихъ вопросовъ, какъ самыхъ главныхъ и основныхъ, и представимъ это рѣшеніе по документамъ и актамъ древней Руси.

Но напередъ, для сравненія, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ аналогическихъ учрежденіяхъ въ древности и средніе вѣки, въ томъ же юридическомъ отношеніи.

Пути сообщенія имѣли различныя эпохи въ исторіи человѣческихъ обществъ, по различію тѣхъ юридическихъ и политическихъ началъ, которыя преобладали въ обществахъ. Такъ въ древнемъ мірѣ, при господствѣ государственнаго, исключительно правительственнаго элемента въ государствѣ, пути общественнаго сообщенія были учреждаемы только въ видахъ политическихъ, и потому назывались дорогами публичными, военными, консульскими и т. п. (*). Такого рода военная дорога была государственною, потому что самая почта, по которой она тянулась, была государственною собственностью (**); ея нельзя было ни запахать, ни застроить, ни употребить на частную пользу, даже послѣ того, какъ по ней ѣзда прекратилась, и дорогу бросили, по тому правилу, что государственная собственность не подлежитъ праву давности (***). Такая дорога строилась и содержалась собственно на счетъ государства, или во имя государства. И такая дорога, естественно, могла быть въ превосходномъ состояніи, и могла пережить столѣтія. За то всѣ другія, частныя дороги, были или вовсе непроходимы, какъ въ Греціи, или обезпечены только условіями частнаго права, въ видѣ повинности, какъ въ Римѣ (****). Частная дорога Рима состояла изъ одного провѣзда, установленнаго по началу крайней нужды, только въ пользу владѣльца сосѣдняго поля, съ разными ограниченіями.

Въ средніе вѣки, дорога переходитъ изъ области государственнаго права въ область народныхъ интересовъ, потребностей общежитія; но здѣсь особенно суждено было пути сообщенія бороться долго и бесплодно съ господствовавшимъ въ то время частнымъ правомъ. И вотъ въ чемъ мы видимъ

(*) *Via publica, militaris, consularis etc.* (**) *Via publica—quia solum publicum est.* (***) *Via publica, quam populus non utendo amittere non potest.* (****) *Viae privatae—solum privatum;—servitus viae, itineris, actus—in patiendi consistit.*

эту борьбу, и вотъ ея результаты. Какъ вездѣ, народы средне-вѣковые запада первоначально пользуются, для своихъ сношеній, такими путями, которые не требуютъ особенныхъ усилій въ устроеніи, поддержаніи или улучшеніи — прибрежными морями и рѣками. И потомъ уже, мало по малу, они пролагаютъ дороги по землямъ и полямъ. Но такъ какъ и эти воды и эти земли находились, въ то время, подъ вліяніемъ и господствомъ частнаго права и частнаго владѣнія, тѣснившаго отовсюду общественныя учрежденія: то проѣздъ по водамъ и суши подвергался, въ средне-вѣковыхъ обществахъ, разнообразнымъ, стѣснительнымъ ограниченіямъ. Хозяева воды и суши, каждый въ своемъ участкѣ, облагали всякаго проѣзжавшаго и проходившаго по дорогѣ произвольными поборами и пошлинами (*). И не могло быть ни жалобъ, ни суда противъ произвола, который, видимымъ образомъ, опирался на право; тѣмъ болѣе, что господство кулачнаго права, во всѣхъ спорахъ, всегда давало перевѣсъ силѣ.

Вотъ основаніе особаго раздѣленія дорогъ того времени на военныя (hohe Heerstrassen) и конвойныя или собственно общественныя дороги (Geleits-strassen), — раздѣленіе, существовавшее такъ долго и извѣстное до сихъ поръ въ Германіи (**).

Первыя изъ нихъ были дороги правительственныя, государственныя, военныя, какъ показываетъ самое названіе; вторыя — торговыя, подчиненныя праву побора и пошлинъ подъ условіемъ конвоя и защиты отъ грабительства, или лучше, подъ предлогомъ конвоя. Безъ конвоя или платежа за конвой ни одинъ торговецъ не рѣшался проѣзжать по землямъ барона или графа, изъ боязни заплатить всею своею собственностію. Хозяинъ земли считалъ себя въ правѣ формально ограбить проѣзжающаго по его участку, если тотъ

(*) Сами государи не могли, своими трактатами, отнимать или сокращать это произвольное право владѣльцевъ. См. Торгов. трактатъ Англіи съ Бургундіею, 1467, Янв. 8. Dum. Corps universel diplomat. t. III, p. 1, 892 p.; въ статьѣ, гдѣ говорится, что никто не можетъ отнимать собственности торгующаго, прибавлена оговорка: par ceo n'est point entendu préjudicier au prince ou au Seigneur d'une partie ou d'autre de mettre en cet pays tels tols et devoirs que bon lui semblera.

(**) Hüllmann, Staedtewesen des Mittelalters. во многихъ мѣстахъ. Meinert's Grundsätze des im Königreich Sachsen geltenden öffentlichen Strassen-aurechts. Leipz. 1844.

не платилъ ему за пользованіе его землею, не вознаграждалъ его за уступку земли въ общественное пользованіе.

Отсюда понятно, что съ одной стороны, пути сообщенія, на западѣ, рано могли допустить улучшенія въ техническомъ отношеніи, — военные или государственныя, какъ вездѣ, по причинѣ обширныхъ средствъ своихъ; торговыя, конвойныя, по причинѣ богатаго сбора. Такъ о каменныхъ мостахъ чрезъ рѣки встрѣчаются извѣстія почти отъ 1080, въ Нидерландахъ; искусственныя дороги, нѣчто въ родѣ шоссе или мостовыхъ, появляются, въ Брантъ, около 1140 г. Но съ другой стороны, понятно также, что по причинѣ господства, на западѣ, до произвола развитой частной собственности, улучшенія въ путяхъ сообщенія не тотъ-часъ могли содѣлаться благодеяніемъ для народа, его промысловъ и богатства. Впослѣдствіи, дробленіе владѣній и отсутствіе централизаціи, въ Нѣмецкой имперіи, мѣшали также устройству дорогъ, и жалобы на эти дороги встрѣчаются даже въ XVIII в. (*).

Говоря о путяхъ сообщенія въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ извѣстнаго Ходаковского (**), который полагаетъ, что долгое время, въ древней Руси, вода, озера, рѣки, съ волоками, перевозочными и т. п. служили единственнымъ путемъ сообщенія. Противъ этого мнѣнія мы должны замѣтить, что въ той же древней Руси, съ первыхъ годовъ ея историческаго существованія, уже находятся *извѣстія* и *законы* о мостахъ и перевозахъ, начиная, по крайней мѣрѣ, съ Русской Правды. Изъ этого необходимо выходить, что водныя сообщенія, и въ эти отдаленнѣйшія времена, уже не были въ Руси исключительными путями. Нельзя говорить о мостахъ или перевозахъ, если нѣтъ сообщеній сухопутныхъ, пересѣкающихъ ручьи и рѣки. Замѣтимъ также, что техническія выраженія, опредѣлявшія части моста въ то время, когда Русская Правда дѣлала о мостахъ свои распоряженія, повторяются впослѣдствіи въ Новгород. Лѣтописи, при всякомъ случаѣ, когда въ ней описываются судьбы Волховскаго

(*) Berg's Handbuch des deutschen Polizeyrechts, въ восьми томахъ 2. Hannov. 1802.

(**) Истор. Сборникъ Москов. Ист. Общ. 1837, II.

моста. Тамъ и здѣсь мосты раздѣляются на *городни*, о которыхъ Русская Правда говоритъ въ словахъ: *починитъ городень, городня*, а означенная летопись въ предложеніяхъ, подобныхъ слѣдующему: *вздре угъ вгтръ девять городень великаго моста* (*). Такимъ образомъ, историческій памятникъ позднѣйшаго времени доказываетъ практическое значеніе нашего древняго закона. Впрочемъ вообще должно сказать, что, чѣмъ древнѣе юридическій памятникъ, тѣмъ несомнѣннѣе его практическая примѣняемость, для его времени. Показавши, что сухопутныя сообщенія, наравнѣ въ водными, современны первымъ извѣстіямъ о русской землѣ, и что въ самой отдаленной древности русскій законъ обращалъ на нихъ свое вниманіе, мы должны предполагать уже въ эти времена известную степень развитія общественныхъ интересовъ въ Руси. Сообщенія нужны тамъ, гдѣ того требуетъ промышленность народа, его ремесла, торговля, и гдѣ безъ того нельзя обойтись управленію и администраціи. Оставимъ однакожъ эти вопросы до другаго времени, и, разсматривая здѣсь пути сообщенія только въ ихъ значеніи средства къ развитію общественныхъ интересовъ, обратимся исключительно къ нашему вопросу: какія были, въ то время, юридическія условія, содѣйствовавшія учрежденію путей сообщенія въ Руси?

Во первыхъ, сколько мы знаемъ о древнѣйшемъ правѣ Руси, не могло быть тамъ препятствій къ проложенію дорогъ со стороны государственнаго права и владѣнія княжескаго. Напротивъ, въ болѣе позднее время, мы постоянно встрѣчаемъ распоряженія о свободѣ всѣхъ и cadaго пользоваться *горою и содою*, или, выражаясь современными терминами, сухопутными и водными путями сообщенія. Во вторыхъ, на основаніи господства въ Руси идеи объ общинномъ владѣніи, естественно, каждый русскій считалъ себя въ правѣ, при нуждѣ, пролагать тамъ или здѣсь дорогу по частнымъ землямъ и полямъ, рѣкамъ и озерамъ. Частная собственность въ землѣ уступала общественному праву пользованія русскою землею. И дороги размножались безпрепятственно, по мѣрѣ нуждъ и общежитія, по мѣрѣ развитія общественныхъ интересовъ. — Наконецъ, на сторонѣ

(*) 1 Новгородская Летопись, 1228 года.

этого общественного вопроса и дѣла, на сторонѣ путей сообщенія стояли законъ и правительство, какъ видали мы изъ Новгородской лѣтописи и Русской Правды.

Отсюда понятно, что размноженіе дорогъ въ Россіи грозило содѣлаться безграничнымъ; эти дороги мало по малу стали тѣснить владѣніе землею; могло случиться, что это стѣсненіе не было оправдано общеою пользою и нуждою; можно было опасаться, что, въ Руси, произволъ вѣдущихъ уничтожитъ право владѣющихъ, какъ на западѣ произволъ владѣющихъ уничтожалъ право вѣдущихъ. Съ другой стороны, частію по той же причинѣ, безграничное размноженіе дорогъ и огромное количество путей сообщенія не могли замѣнить недостатка въ ихъ качествахъ и добротѣ, и пробѣгающіе ничего не выигрывали отъ стѣсненій, которымъ подвергали владѣльцевъ воды и земли. Снося и терпя принужденное ограниченіе своего права владѣнія, хозяева земли не предпринимали ничего, что могло бы содѣлать провѣзжею, удобною, дорогу, прелегавшую по ихъ полю, лугу, лѣсу.

Вотъ положеніе, въ которое взаимно ставили себя, въ Руси, владѣльцы земли и пробѣжіе, предоставленные собственному ихъ произволу. Для разрѣшенія этой борьбы интересовъ и построенія изъ нея права должно было закону вышиться въ это дѣло; являются, въ разныя времена, различные законы о путяхъ сообщенія, съ различными задачами и средствами. Изложеніе хода этихъ законовъ можемъ представить въ слѣдующемъ порядкѣ.

Сначала покажемъ мы законы, 1, изданные для огражденія частной поземельной собственности отъ безмѣрнаго умноженія дорогъ и путей; — 2, тѣ изъ нихъ, которые даны въ видахъ обезпеченія сообщеній на счетъ земледельцевъ, съ предоставленіемъ имъ права собирать пробѣжія пошлины; — 3, законы, имѣвшіе цѣлю разумно опредѣлить мѣру вознагражденія, получаемого земледельцами, когда эти послѣдніе умѣли изъ повинности устроить себѣ привиллегію; — 4, законы, искавшіе средства улучшить качество дорогъ; и 5, наконецъ, когда всѣ попытки защитить проѣздъ по дорогамъ отъ притязаній владѣльцевъ, и улучшить состояніе путей сообщенія,

по прежней системѣ, оказались тщетными, является законъ, который 1753 г. замѣняетъ старый порядокъ вещей новымъ, и потому составляетъ естественный предѣлъ нашего историческаго изложенья. Изъ этого вычисленія видно, что вниманіе наше обращено преимущественно на сухопутныя сообщенія. Распоряженія о водныхъ путяхъ не слишкомъ обширны и многосложны, и мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ въ концѣ статьи.

Итакъ 1, какія средства принималъ русскій законъ для огражденія поземельной собственности отъ чрезмѣрнаго умноженія путей сообщенія? —

Долго хлопоталъ законъ нашъ объ устройствѣ дорогъ и свободѣ проѣзда, не заботясь о частномъ владѣніи; и русскій народъ пролагалъ дороги такъ же свободно, какъ рѣка свое русло. Только въ XV в. встрѣчаемъ законы на пользу владѣнія, для его защиты. Главное средство къ тому нашелъ законъ въ различіи между дорогами *ямскими* и *проселочными* или *проселками*. Однимъ изъ нихъ онъ давалъ болѣе, другимъ менѣе права на частную поземельную собственность. Тогда какъ дороги ямскія, служа средствомъ сношеній общественныхъ, правительственныхъ, постоянно и неограниченно изымали извѣстное пространство земли изъ-подъ частнаго распоряженія, проселки имѣли это право на землю только подъ извѣстными условіями, съ извѣстными ограниченіями. Столь важное различеніе дорогъ ямскихъ и проселочныхъ встрѣчается въ актѣ 1539 (*). Что была ямская дорога въ то время, видно изъ актовъ 1599, Апр. 22 (**), и 1615, Янв. (***), по словамъ которыхъ ямская дорога должна быть *чищена*, очищаема отъ лѣсу, деревъ и кустарнику, съ *пеньемъ* до корня; должна быть *широка*; должна имѣть *мосты крѣпкіе*, для противодѣйствія *водѣ* и *всякой мокротѣ*; должна быть *исправляема каждую новую весну*. Работы по ямскимъ дорогамъ лежали повинностію сперва на посошныхъ людяхъ, какъ говоритъ актъ 1599, а потомъ отнесены къ обязанностямъ общинъ, прилегавшихъ къ дорогѣ, и производились *всѣми*

(*) Актъ о побѣдѣ Петра Фризиана, Истор. Акт. 1, N 142.

(**) Актъ Истор. II, N 36.

(***) Тамж. III, N 47,

людьми *всякихъ чиновъ, за одинъ*, по выраженію акта 1615. Такимъ образомъ, способъ разложенія мостовой повинности, принятый въ это время городскими общинами, напр. В. Новымъ-городомъ, перенесенъ на ямскія дороги (*). И нѣтъ въ актахъ ни слова о предѣлахъ или границахъ въ числѣ ямскихъ дорогъ, необходимыхъ для цѣлей внешней безопасности и внутреннего управленія.

Предоставляя чисто-историческимъ изысканіямъ показать число и направленіе ямскихъ дорогъ, въ разные вѣки древней Россіи, мы считаемъ свой вопросъ относительно ямскихъ дорогъ здѣсь уже порѣшеннымъ, и переходимъ къ установленію юридическаго понятія о дорогахъ проселочныхъ. Главное начало, что *не вѣсть проселки обязательны для землевладѣльцевъ*. Еще въ началѣ XV в. (**) дѣлается у насъ различіе между проселками, изъ которыхъ только нѣкоторые допускаются закономъ и утверждаются въ ихъ правѣ и значеніи общественныхъ путей сообщенія, потому что они существуютъ издавна, потому что ими пользуются *многіе*, пользуется народъ, во имя общественнаго интереса. Это такъ называемыя, въ актахъ, *пошлыя дороги* (***). Въ противоположность съ ними, другія называются *непошлыми*, потому что пролагаются *вновь, частными отдѣльными лицами*, для ихъ собственныхъ, случайныхъ нуждъ и выгодъ, помимо старыхъ, пошлыхъ. Въ актѣ 1472 — 1479, по случаю жалобы одного владѣльца — монастыря, на размноженіе дорогъ по его полямъ и лугамъ, повелѣно *заслѣхъ дорогу новую, непошлую, и заповѣдать ѣзду по ней, изъ двухъ рублевъ*, — подѣ штрафомъ въ два рубля, съ каждаго проезжающаго. И такъ, вообще можно сказать, что русскій законъ XV вѣка, признавая и утверждая преимущества сообщеній за дорогами ямскими, отстаиваетъ частную поземельную собственность отъ злоупотребленій со стороны частныхъ лицъ, предписывая имъ *держаться* дорогъ изстари существующихъ, и запрещаая, подѣ штра-

(*) Новгород. Лѣт. Годы 1558, 1572.

(**) Акт. Истор. I, N 28, г. 1118.

(***) Истор. Акт. I N 86, N 28, — г. 1472 — 1479, и 1418 Актъ Экспед. I, N. N. 61, 68, г. 1464, 1465. Кто будетъ ѣздить не пошлою дорогою, того велѣно и бить.

Фомъ и наказаніемъ, пролагать новыя дороги. Считаю достаточнымъ, для пользы народныхъ, сохраненіе дорогъ проселочныхъ въ количествѣ, въ которомъ находимся онѣ въ этомъ вѣкѣ.

Каковы же были эти проселки? Почему проезжіи народъ старался пролагать новыя дороги, помимо существующихъ? Что побуждало его идти противъ закона о пошлыхъ дорогахъ? Изъ отношенія дороги къ землѣ хозяина легко понять, что первоначально эти проселочныя дороги были только пустымъ пространствомъ, — полосой земли незапаханной, не застроенной, — отнятой у хозяина и его пользованія, но насколько не приспособленной къ пользованію провѣжающихъ. Онѣ были безъ мостовъ и гатей, которыхъ построеніе требовало отъ хозяина не одного отрѣченія отъ права собственности, но прямыхъ жертвъ, прямыхъ усилій, положительнаго труда, вѣрныхъ, новыхъ потерь. И дороги оставались въ ихъ естественномъ состояніи. Провѣжающіе не много выигрывали отъ безпрепятственнаго права ѣздить по топкимъ болотамъ, по высокимъ пнямъ и кочкамъ, по глубокимъ равамъ и рѣчкамъ, недоступнымъ для броду. И они рѣшались дѣлать объѣзды, искать броду, пролагать новыя, непошлыя дороги. Если уже князья, съ полками воиновъ, Михаилъ Георгіевичъ, идучи изъ Москвы во Владимиръ, а Ярополкъ изъ Владимира въ Москву, могли, въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, разминутися въ лѣсъ, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ (*), то купцы и гости и вообще частные люди того болѣе должны были встрѣчать препятствій къ проѣзду въ неизвѣданныхъ лѣсахъ и перепутанныхъ проселкахъ.

2. Изъ такого состоянія путей сообщенія выходила для закона необходимость найти средства для ихъ улучшенія, и онъ естественно прежде всего искалъ ихъ во взаимномъ отношеніи землевладѣльцевъ и провѣжающихъ. — На владѣльцевъ, по участкамъ которыхъ шла дорога, возложилъ законъ обязанность строить мосты, содержать перевозки, укрѣплять плотины и гати; на провѣжающихъ весьма справедливо обратилъ онъ обязанность вознаграждать землевладѣльцевъ за эти постройки. Дорога, какъ полоса и часть земли, — часть общаго

(*) Лавр. 489 лѣтъ, — годъ 1176.

достоянія русскаго народа,—была уступлена безвозмездно въ пользованіе всего народа, и каждый членъ народа могъ ѣздить по дорогамъ безъ всякаго вниманія къ отдѣльнымъ землевладельцамъ. Но издержки построенія мостовъ и гатей должны были лежать на тѣхъ, кто этими построеніями пользовался. Законъ не считалъ справедливымъ принуждать землевладельца къ этимъ издержкамъ, безъ вознагражденія, находилъ здѣсь отношеніе взаимности между частными лицами, и установилъ, чтобы каждый проѣзжающій чрезъ мостъ и перевозъ платилъ хозяину моста и перевоза. Замѣчательное всего въ этомъ законѣ его древность. Кажется, что еще во времена Св. Ольги мостовая повинность лежала на владѣльцахъ земли, которые съ того же времени пользуются правомъ собирать пошлыны съ проѣзжающихъ по ихъ мостамъ и гатямъ (*). Доказательствомъ какъ древности этого закона, такъ и его очевидной справедливости, признанной всеми въ древней Руси, служить форма общаго обычая, въ которой постоянно встречаемъ этотъ законъ до самого почти Уложенія. Кто подлежалъ побору, кто освобождался отъ него, въ какой степени поборъ имѣлъ мѣсто, все это опредѣлялось въ древнихъ актахъ, преимущественно выраженіемъ: *по старинѣ*.

Ясно однако жъ, что землевладельцы, рано или поздно, могли изъ этой вознаграждаемой повинности сдѣлать для себя право, обративъ свою обязанность въ привиллегію, въ источникъ доходовъ, окупавшихъ издержки построенія и даже самую землю, дорогу, уступленную для общаго блага. Отсюда новая борьба частнаго права съ общимъ и новый вопросъ законодательства, — особенно потому, что вопросъ о пошлинахъ за мосты и перевозки касался интереса казны и мѣръ административныхъ, проѣзда гонцевъ, отправленія пословъ и т. п. Присоедините къ тому важное событіе конца XVI в., когда можетъ быть, по мысли Грознаго, дѣлавшаго различіе между

(*) Лавр. 28 стр. Проф. Осокинъ, въ его разсужденіи о внутр. пошлинахъ въ Рос. стр. 34 и слѣд., напрасно хочетъ дать всей мостовщинѣ и всемъ пошлинамъ за перевозъ характеръ источника государств. доходовъ. Противъ этого говорить все и самъ Г. Осокинъ, стр. 36, дѣлая справедливое различіе между мостами и перевозами казенною ед-дствомъ и частными.

земщиной и опричиной, является въ Руси отдѣленіе всего *сельскаго, земскаго, отъ городскаго, государственнаго, царскаго* (*). И вотъ происхожденіе закона 1596, Декаб. 13, о новомъ порядкѣ сбора перевозной пошрины (**).

3. «Указали есмя, говорить Феодоръ Ивановичъ, во всемъ своемъ государствѣ и во всѣхъ городахъ и на посадахъ и въ уѣздахъ, которые были перевозки и мосты вѣдали на насъ, а для нашихъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ, по большимъ рѣкамъ и рѣчкамъ перевозки и мосты на насъ имали, а иные перевозки и мосты устроили на себя наши бояре и дворяне и т. д. и землю нашу пустошатъ безъ нашего указа, и тѣ всѣ перевозки и мосты, во всѣхъ городахъ и уѣздахъ, велѣли есмя вѣдати на себя, для того, слухъ насъ дошелъ, что—въ томъ мотчанье и убытки великіе чинятся.» Посему велѣно бирючамъ прокликать на посадахъ, въ уѣздахъ, по станамъ, волостямъ, и царское жалованье всей землѣ сказать, что на всѣхъ большихъ перевозахъ будутъ собирать пошрину по новому указу, половину на царя, половину на вотчинниковъ, помѣщиковъ, монастыри и т. д., съ пѣшаго по полуденьгъ, съ коннаго деньгу, съ телеги по двѣ деньги, освобождая отъ пошрины пословъ, посланниковъ и гонцовъ, и дозволяя всѣмъ, въ сухое время, гдѣ можно, ѣздить въ бродъ.

Законъ содержитъ главнымъ образомъ двоякое распоряженіе. Съ одной стороны, онъ объявляетъ мосты и перевозки въ городахъ и посадахъ, гдѣ естественно часто проходили *ямскія* дороги, дѣломъ казеннымъ, и сборъ за проѣздъ—доходомъ царскимъ. Съ другой стороны, устанавливаетъ новый способъ сбора на большихъ частныхъ перевозахъ, посредствомъ цѣловальниковъ, отъ казны, требуя за то половину сбора въ пользу казны, въ видѣ вознагражденія за ея управленіе. Этою послѣднею мѣрою царь Феодоръ Ивановичъ думалъ между прочимъ остановить злоупотребленіе землевладѣльцевъ. И казалось, что,

(*) Акт. Эксп., IV, N 52, челобитная, поданная Государю Алексѣю Михайловичу, 1648—1649. отъ стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ, и гостей и гостинныхъ, и суконныхъ ситенъ и другихъ торговыхъ людей о томъ, чтобы на *Москвѣ* и по *городамъ*, и *посадамъ*, какъ это было при царяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Феодорѣ Ивановичѣ, *все было его государство*, и что бы частнаго владѣнія не существовало тамъ. (**) Акт. Эксп. I, N 367.

установивъ количество пошлинъ, и предоставивъ казнѣ сборъ ихъ въ мѣстахъ наибольшаго проѣзда, законъ окончательно порѣшалъ вопросъ въ пользу справедливости и общаго блага. Но казенные сборщики были также люди, только съ характеромъ официальнымъ и вѣсомъ; частные владѣльцы могли искать болѣе полнаго вознагражденія на малыхъ мостахъ и перевозахъ; и, по мѣрѣ успѣха въ разработкѣ новаго источника доходовъ, могли умножать, по произволу, до безконечности свои малые мосты и гати.

Такое положеніе дѣла побудило Царя Алексѣя Михайловича посвятить IX главу Уложенія подробному пересмотру и новому рѣшенію вопроса о пошлинахъ за проѣздъ. Здѣсь прежде всего исчислены слѣдующія учрежденія, какъ необходимыя принадлежности дороги: *мосты, перевозки, гати*, съ древнимъ раздѣленіемъ ихъ на государевы, монастырскія, вотчинниковы и т. д., по принадлежности земли тому или другому владѣльцу. Всѣ эти учрежденія отнесены, по прежнему, къ повинностямъ хозяевъ земли, которымъ предписывается содержать въ исправности мосты, гати и перевозки, и дается право собирать извѣстную пошлину, со всѣхъ проѣзжающихъ, за исключеніемъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ, бояръ и боярскихъ дѣтей и вообще служилыхъ людей, *которые посланы будутъ для государевыхъ дѣлъ*. Пошлина, которой подлежали проѣзжіе, была установлена въ Уложеніи *по старинѣ*, по давнему обычаю и прежнимъ законамъ. Равнообразно *по старинѣ, какъ было изстари*, опредѣлялись и мѣста сбора. Могло случиться, что землевладѣлецъ, для своихъ прибытковъ, безъ нужды, *одиночино*, перекапывалъ дорогу, строилъ на ней мостикъ или плотину, и собиралъ пошлину съ проѣзжающихъ. Уложеніе узаконяетъ, чтобы, сверхъ существовавшихъ въ годъ его изданія, мостовъ, перевозовъ и гатей, ни одинъ владѣлецъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не учреждалъ новыхъ мостовъ и перевозовъ. А если окажется настоящая въ томъ нужда, то владѣлецъ долженъ испросить на то особый царскій указъ, и тогда лишь устанавливается и перевозъ, и мостъ, и пошлинны за проѣздъ, *по досмотру, и по сыску, противъ другихъ мостовъ и перевозовъ*.

Такимъ образомъ, утверждая только обычное и старинное, давно и законно существующее, и количество мостовъ и перевозовъ, и высоту собираемыхъ пошлинъ, и воспрещая всякую новизну въ этомъ дѣлѣ, Уложеніе справедливо рѣшало вопросъ объ отношеніи землевладѣльцевъ и проезжихъ. Также точно, какъ законъ XV вѣка справедливо порѣшилъ вопросъ о дорогахъ относительно частнаго владѣнія. Тамъ и здѣсь время принято за мѣру справедливости. Но оба эти рѣшенія были хороши только для ихъ данной эпохи. Дороги могли, со временемъ, измѣниться, умножаясь по необходимости; мосты и гати могли оказаться неудобными на старыхъ мѣстахъ; между тѣмъ, не вездѣ же можно было ожидать скорого рѣшенія отъ центральной власти и высшаго правительства, слишкомъ далеко находившагося отъ мѣста дѣйствія; не всегда же можно было и правительству строго наблюдать за точнымъ выполненіемъ указаго *statu quo*, какъ это дѣлалось въ XVII в. Въ 1684 г. (*) еще можно было предписать Царскою грамматою, вологодскому воеводѣ Голохвастову осмотрѣть, и переписать всѣ мосты и перевозки, существовавшіе въ его вѣдомствѣ, съ дознаніемъ, по какому указу и гдѣ они находятся, — какъ далеко отстоятъ одинъ отъ другаго, — сколько взимается на нихъ пошлинъ, — нѣтъ ли притѣсненій проезжающимъ. Но для послѣдующаго времени, эти дознанія воеводѣ содѣлались слишкомъ трудными, если не вовсе невозможными, по причинѣ постепеннаго разширенія вопросовъ и задачъ, подлежащихъ вѣдомству воеводъ, намѣстниковъ и т. п. — Вотъ почему жалобы на землехозяевъ со стороны проезжихъ, — жалобы, вызвавшія много законоположеній русскаго правительства, объ этомъ предметѣ, громко повторялись у насъ до половины XVIII в., до указа, уничтожившаго всѣ сборы за мосты и перевозки, слѣдовательно въ теченіе болѣе ста лѣтъ, по изданіи Уложенія (**).

(*) Акт. Эксп. IV, N 282.

(**) Напрасно думаютъ, что Новоторг. Уставъ что-нибудь взялъ изъ правъ мостовыхъ пошлинъ. Это дѣло, какъ слѣдствіе права собственности, не могло входить въ составъ вопросовъ Торгов. Устава. Проф. Осokinъ, въ названномъ разсужденіи, стр. 119, весьма хорошо это замѣтилъ, хотя во Введеніи, стр. 48, называлъ Новоторг. Уставъ эпохою для старыхъ пошлинъ.

Впрочемъ Уложенію можно сдѣлать упрекъ и въ другомъ отношеніи. Оно не обратило никакого вниманія на свойство, на качество дороги, по которой, въ послѣдствіи, можетъ быть, нельзя было добраться отъ одного моста до другаго, какъ встарину, безъ мостовъ и гатей, нельзя было соединить концовъ дороги, прерванной рѣкою или болотомъ. У самой Москвы того времени, по свидѣтельству Царя Алексѣя Михайловича, въ письмѣ его къ Матюшкину, 1657 г., съ Можайской дороги, (*) сообщенія были весьма въ дурномъ состояніи. Царь жалуется, что, на Можайскъ, онъ встрѣтилъ дорогу, которой *отродясь не видалъ,—просовы и выбои великіе, и т. п.*

Изъ всего, что мы видѣли до сихъ поръ въ русскихъ законахъ о путяхъ сообщенія, ясно, что у насъ хлопотали только о полосѣ для дороги и объ ея непрерывности. Полоса дороги—пространство для проѣзда, устанавливалась по закону общинности; непрерывность дороги, не смотря на рѣки и дебри, зависѣла отъ повинности, облегчаемой вознагражденіемъ. Но упущено изъ виду, какъ въ прежнихъ законахъ, такъ и въ Уложеніи, что такая полоса, по свойству своей поверхности, могла сама препятствовать проѣзду и мѣшать непрерывности. Не даромъ объѣзды были такъ часты, что вызывали распоряженія закона. Что же дѣлать?

4. Обращаясь этииъ вопросомъ къ качеству дороги, мы поймемъ, что законъ древній прежде всего могъ искать и ожидать улучшеній дороги въ самомъ пространствѣ или ширинѣ дороги. Объявить качество дороги законною повинностію хозяина, и съ тѣмъ вмѣстѣ дать ему право требовать новаго вознагражденія отъ проѣзжающихъ, было рѣшительно невозможно для правительства, которое столько уже испытало затрудненія порышнить разумно вопросъ о пошлинахъ за мосты и перевозки. Между тѣмъ начало общинности въ землѣ давало закону возможность установить дороги въ такомъ размѣрѣ, чтобы онѣ служили и для проѣзда и для объѣзда, и когда одна сторона полосы дѣлалась негодною, проѣзжіе могли бы пользоваться другою. Вотъ происхожденіе и значеніе законовъ о ширинѣ дороги, которые изъ Писцовыхъ Книгъ перешли

(*) Ант. Экспед. IV, N 100.

въ отдельные указы. По Писцовымъ книгамъ, ширина дорогъ определялась въ 3 саж. для *большихъ*, и въ 2 саж. для *полевыхъ* дорогъ. Это подтверждено указами 1683 и 1684 г. (*), которые именно ссылаются на Писцовыя книги, требуя отъ большой проѣзжей дороги ширины въ *три сажени*, и отъ *полевыхъ*, въ проселочныхъ мѣстахъ, къ рѣкамъ для водопою, и ко всякимъ угодыямъ—въ *два сажени*.

И въ этомъ состояніи засталъ наши сообщенія Петръ В. Посвятивъ столько трудовъ и издержекъ на устройство каналовъ и соединенія рѣкъ Россіи, Петръ В. не могъ оставить безъ вниманія сухопутныя сообщенія (**). Онъ думалъ о нихъ, и преимущественно объ ихъ качествахъ, и оставилъ известный указъ 1719 г., которымъ предписывается земскому комиссару, для *вспоможения торговыхъ промысловъ и ремеслъ* и т. п., и для того, *чтобъ проѣзжіе возможное безопасеніе и удобство имѣли*, стараться исправлять, по мѣрѣ нужды, мосты и дороги, *какъ зимнія, такъ и лѣтнія* (***). Особенность этого указа состоитъ въ учрежденіи мѣстнаго близкаго надзора за состояніемъ путей сообщенія. Но одинъ надзоръ не могъ помочь дѣлу; должно было дѣйствовать, а для того нужны были средства, которыхъ законъ не определялъ. Жалобы проѣзжихъ на притѣсненія со стороны землевладельцевъ продолжались и усиливались; собственный надзоръ правительства за дорогами убѣждалъ болѣе и болѣе въ ихъ несостоятельности. Отсюда рядъ новыхъ указовъ (****) съ 1730 годовъ,—указовъ, въ которыхъ, обыкновенно, рассказываются сначала случаи притѣсненій, въ разныхъ мѣстахъ имѣвшіе мѣсто; потомъ излагается исторія мѣръ, принятыхъ съ Уложенія для прекращенія притѣсненій; и наконецъ *строжайше подтверждается, чтобы нигдѣ притѣсненій не было*. Въ этихъ указахъ постоянно повторяется одно и то же, такъ что и статьи

(*) 1683, Мая 20, П. С. З. N 1015; 1684. Апр. ibd. N 1074.

(**) Впрочемъ у Посопкина нѣтъ о состояніи дорогъ ни слова. На стр. 101 онъ говоритъ, что дорога *проселочная, тележная* должна быть въ 3 саж., Московская, т. е. въ Москву и изъ нея, — въ 12 и болѣе саж. Онъ же прибавляетъ, что «на чьей землѣ дорога ни бываетъ, славить она Государева, а не помѣщичья».

(***) 1719, Января. П. С. З. N 5298, п. 19.

(****) Указ. 1574 Июля 8. N 6600, 1741, окт. 7, N 8487, и другіе.

одного соотвѣствуютъ статьямъ другаго, исключая развъ случаевъ притѣсненія, которые разнообразятся со временемъ по мѣсту и по своей значительности. Но есть въ нихъ сторона, которою они отличаются отъ указовъ XVII и начала XVIII столѣт. Въ нихъ дѣлается различіе между тремя родами дорогъ: однѣ изъ нихъ называются *большими проѣзжими дорогами*, — это древнія ямскія, для которыхъ указы требуютъ полосы въ 10 сажень; другія суть дороги *большія* вообще, съ полосой въ 3 сажени, а третьи — *проселки*, въ 2 сажени ширины. Обинимая мыслію одновременно всѣ роды дорогъ въ Россіи, — представляя все различіе въ ихъ состояніи по различію въ ихъ содержаніи, — нельзя было не увидать рано или поздно, что большія и проселочныя дороги, предоставленныя слабымъ усиліямъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, не могли быть приведены въ надлежащее состояніе, а проѣзжіе, принужденные уважить право хозяина, не могли избавиться отъ притѣсненій. Ширина дорогъ сама по себѣ не могла навсегда обезпечить сообщенія, которыя, дѣлаясь все чаще и развитѣе, грозили со временемъ такъ же стѣснить поземельное право, какъ встарину объѣзды и непошлыя дороги. Законъ о широкихъ дорогахъ былъ бы прямымъ противодѣйствіемъ закону о непошлыхъ дорогахъ, или, другими словами, законъ XVIII стол. отказывалъ бы въ защитѣ частной собственности, которую бралъ подъ свое покровительство законъ XV в., какъ будто поземельная собственность въ XVIII в. дѣлалась въ Россіи менѣе цѣнна, чѣмъ какъ она была въ XV. Однимъ словомъ, все въ этихъ указахъ наводило на новый порядокъ, на новыя мысли, на новую систему законовъ о сообщеніяхъ.

5. До сихъ поръ, какъ видно изъ нашего изложенія, главнымъ основнымъ началомъ въ правѣ сообщеній служилъ древній законъ общиннаго владѣнія; дополненный впоследствии закономъ повинности съ вознагражденіемъ. Общинность владѣнія дѣлала возможнымъ для каждаго пролагать дорогу, гдѣ того требовали нужды сношеній, безъ всякаго вниманія къ праву землевладѣльцевъ. Но результатъ этого одного начала не былъ вполне выгоденъ для проѣзжающихъ; земледельцы оставляли для проѣзда полосу земли, по которой иногда ни-

куда нельзя было довать. Посему, въ дополненіе къ этому началу общинности присоединенъ законъ вознаграждаемой повинности. Оказалось однакожъ, что проѣздъ, дѣлавшійся при этомъ возможнымъ, нисколько не становился отъ того удобнымъ и легкимъ. Можно было, конечно, искать средства къ улучшенію дороги въ ся безмѣрной ширинѣ; но такимъ образомъ пути сообщенія слишкомъ стѣснили бы право собственности и соединенные съ нимъ общіе интересы. Оставалось по этому, для улучшенія путей, объявить самое качество дорогъ повинностью и возложить эту новую дорожную повинность на особое лицо, на лицо болѣе могущественное, чѣмъ частные люди, — болѣе чувствующее важность для себя самаго этихъ сообщеній, — менѣе рассчитывающее на вознагражденіе въ настоящій моментъ и могущее долго ожидать плода отъ своего сѣянія. Такимъ лицомъ была община. И обращеніе къ общинѣ легко было сдѣлать: примѣръ былъ данъ въ ямскихъ дорогахъ; приложеніе примѣра, въ данномъ случаѣ, необходимо вытекало изъ самаго понятія объ общинномъ владѣніи.

Такъ какъ, по закону общинности, интересъ сообщеній господствовалъ изстари надъ частнымъ правомъ и частною собственностію, то оставалось всю массу этой частной собственности, отчисленную подъ дороги, объявить общественнымъ достояніемъ, — вполне изъятымъ изъ-подъ вліянія частныхъ владѣльцевъ, — принадлежащимъ всему народу, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, составляющимъ предметъ дѣятельности, повинности и обязанности всего народа. — Частные хозяева, устранившиеся отъ владѣнія и вліянія на дороги, освобождались отъ дорожной повинности и лишались черезъ то своего права мостовицны и перевозовъ. Выигрывали отъ того хозяева земли; выигрывали проѣзжающіе, выигрывалъ весь народъ, потому что, съ этого времени, все обшало дорогамъ болѣе и болѣе улучшеній.

Вотъ главная мысль реформы, произведенной указомъ Имп. Елисаветы, 1753, Декабря 20. Въ это время, графъ Шуваловъ представилъ Сенату проектъ новаго закона о пошлинахъ дорожныхъ. Сенатъ, разсмотрѣвъ его и одобрявъ, возшелъ съ докладомъ о томъ къ Государынь, которая пове-

тѣла уничтожить всѣ сборы съ мостовъ и перевозовъ, для блага народа и его процвѣтанія, особливо платящихъ подать. На этомъ именно классъ Шуваловъ доказалъ всю несообразность мостовщины и старой системы дорогъ. Онъ приводилъ, между прочимъ, въ примѣръ, въ 5 п. доклада, дорогу между Москвою и Сергіев. Посадамъ (Троицк. Лавр.), на которой, въ то время, было 5 мостовъ. По праву того времени, платили пошлину за мосты круглый годъ, платили и тѣ, кто вѣхалъ мимо моста, въ межень. Такимъ образомъ вышло, говорить Шуваловъ, что крестьянинъ, притащившій въ Москву возъ дровъ отъ Посады, и продавшій свои дрова за 10 или 15 коп., возвращался домой едва ли и съ половиной полученной суммы.

Уничтожить пошлины за мосты и перевозки значило объявить дороги общественнымъ достояніемъ, и узаконить, что, какъ пользованіе путями сообщенія есть даровое право всего народа, такъ устройство и содержаніе дорогъ есть его общественная повинность. Никто теперь не обязанъ платить за провѣздъ по мостамъ и гатямъ, потому что всякій самъ участвуетъ въ ихъ построеніи, и платить за провѣздъ и перевозъ значило бы платить себѣ самому. Но какъ должно было устроить эту дорожную повинность для того, чтобы она касалась всѣхъ и каждого? Всего естественнѣе было обратиться къ общинамъ, которыя прилегали къ дорогамъ. Покрывая собою всю поверхность населенной Россіи, дороги касались всѣхъ общинъ, и въ каждой общинѣ находили средства къ своему поддержанію. Такъ провѣзжія дороги уравниваются съ ямскими, или лучше, такъ уничтожается различіе между ямскими дорогами и провѣзжими; всѣ провѣзжія дороги тоже, что ямскія, всѣ провѣзжія дороги идутъ къ улучшенію, котораго достигли ямскія.

Какія однакожъ дороги вошли въ составъ общинной или общественной повинности? Ужели всѣ дороги и дорожки, по которымъ была ѣзда или ходьба? Конечно, нѣтъ. Не всѣ онѣ подавали поводъ къ жалобамъ общинамъ; противу мѣстныхъ неудобствъ могли быть мѣстныя мѣры; не всѣ онѣ служили общественному интересу. Дороги, по которымъ крестьяне вѣхали къ своему полю и сѣнокосу, къ своей рѣкѣ или погосту,

изъ своего села въ сосѣдню деревню, естественно, не могли носить названія общественныхъ, большихъ, проѣзжихъ, и должны были остаться на отвѣтственности и во власти владѣльцевъ поля, луга, земли. Напротивъ дороги, соединявшія городъ съ городомъ, узъдъ съ узъдомъ, провинцію съ провинціей, безъ сомнѣнія, служили общественному дѣлу и были общественнымъ дѣломъ. Такъ является различіе, болѣе упрощенное, между общественными, большими, проѣзжими дорогами, и частными, полевыми, проселочными. Такъ является и два дѣятеля на русскихъ дорогахъ: общины въ однихъ, и частные владѣльцы въ другихъ, дѣятели, которыхъ силы вполне соразимы съ задачею дѣятельности. Впрочемъ въ это время существовалъ уже и третій дѣтель — казна, государство. Съ Петра В. законы о водныхъ путяхъ сообщенія вызвали чисто правительственную дѣятельность. — Здѣсь у мѣста сказать нѣсколько словъ о путяхъ сообщенія водныхъ въ Россіи.

Болѣе, нежели самая зѣмля и суша, вода была общественнымъ достояніемъ, по понятіямъ русскаго народа, и русскіе законы изстари постоянно требуютъ, чтобы вездѣ, во всей землѣ, *путь водою былъ чистъ, безъ пакости*. И до Уложенія законы грозятъ наказаніемъ тому, кто застроить или засорить рѣчку, какъ Уложеніе въ IX гл. Оберегая такимъ образомъ безпрепятственный проѣздъ и проходъ судовъ по рѣкамъ и рѣчкамъ русскимъ, законъ о путяхъ водныхъ дѣлалъ свое дѣло, и болѣе нечего отъ него требовать. Но этихъ рѣкъ и рѣчекъ оказалось мало для Россіи Петра В. Является потребность каналовъ для сближенія самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Руси, — для сближенія ея морей. Устраиваются каналы, шлюзы; предпринимаются искусственныя работы; учреждаются неслыханныя управленія *водныхъ архитекторовъ*, — канцелярій отъ построенія, — и все это, при нуждѣ, *по шведскому обычаю*. Такое сложное, неясное и несподручное русскому народу дѣло взяла на себя казна. — Тутъ устанавливается весьма важное, существенно практическое различіе путей сообщенія искусственныхъ и безыскусственныхъ, изъ которыхъ первые находятся въ вѣдомствѣ прави-

тельства, вторые лежатъ на отчетъ народа. Это различіе, соединенное съ вышеупомянутымъ различіемъ между собственно-общественными дорогами и проселками, составляетъ и въ наше время основу для законодательства о путяхъ сообщенія. Какой же результатъ этихъ раздѣленій и этой системы? Объ этомъ въ заключеніе два слова. Понятно изъ прежняго, что существованіе дорогъ и ихъ поддержаніе составляютъ двойную тягость народа, который теряетъ чрезъ нихъ значительную часть своего поземельнаго владѣнія, и потому издерживаетъ на нихъ большую массу силъ и средствъ своихъ. Понятно отсюда, почему главное правило, котораго держится современный законъ о путяхъ сообщенія, есть сохраненіе наибольшей, наивозможной экономіи.

Искусственныя дороги существуютъ только силою и словомъ закона, для цѣлей государственныхъ. Остальныя проѣзжія дороги большія, губернскія и уѣздныя, поддерживаются одною натуральною повинностію, безъ права собирать на ихъ устройство деньги, даже подъ предлогомъ добровольной складчины. Сельскія дороги учреждаются только по крайней необходимости. Качество дорогъ, по этому началу, во всѣхъ дорогахъ, кромѣ искусственныхъ, составляетъ вѣгостепенное свойство, котораго однакожъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе достигаетъ законъ указаніемъ трехъ дѣятелей, — частныхъ владѣльцевъ, на проселкахъ, — общинъ, на общественномъ пути, — и казны, на искусственной дорогѣ.

II. *О ямской гоньбѣ и почтахъ.*

Дороги или пути сообщенія можно сравнить съ русломъ рѣки и ложемъ канала, куда впускаютъ движущуюся массу прохожихъ и проѣзжихъ, обозовъ и судовъ послѣ того, какъ будутъ окончены пути и каналы. Посему, естественно, что о проѣздѣ по дорогамъ можно говорить только послѣ того, какъ уже сказано объ дорогахъ. Впрочемъ такая послѣдовательность между дорогами и ѣздою наблюдается въ однихъ искусственныхъ сообщеніяхъ; напротивъ дороги натуральныя, безъискусственныя, какъ русла рѣкъ, образуются самымъ движеніемъ или теченіемъ. Натуральныя дороги пролагались у насъ каждымъ новымъ походомъ, при которомъ

требили путь (*), каждымъ первымъ обозомъ, который по нимъ двигался, и улучшались эти дороги тѣми же средствами. Но есть поѣздъ особаго рода,—поѣздъ часто одной телеги, съ однимъ сѣдокомъ, безъ средствъ пролагать новую дорогу, безъ права замедлять свой ходъ объѣздами, съ одною обязанностию, возможно скоро-прибыть на мѣсто назначенія, возможно-вѣрно и надежно передать вѣсть или посылку съ мѣста въ другое. Это римская гоньба или почты. Онѣ предполагаютъ существованіе дорогъ и сообщенія, и потому законы о нихъ ставимъ мы въ нашей статьѣ на второмъ планѣ.

Законы о почтахъ такъ же различны, по разности эпохъ, какъ различны законы о путяхъ сообщенія, въ различныхъ времена исторіи.

Въ Римѣ, гдѣ при Августѣ (**) почты впервые появились, онѣ были чисто правительственнымъ учрежденіемъ; никто изъ частныхъ лицъ не имѣлъ права ими пользоваться. Пять-сотъ лѣтъ спустя послѣ своего установленія, почты Рима были такъ же недоступны для народа, какъ въ правленіе Августа (***). Таково значеніе политическаго элемента, господствовавшего въ Римѣ.

Въ средніе вѣки, на западѣ, почты получили характеръ общинныхъ, корпоративныхъ учрежденій. Различныя сословія и общины завели почтовые сношенія, но только для своихъ членовъ. Такъ Парижскій университетъ, съ первыхъ годовъ существованія, имѣлъ, говорятъ, гонцовъ, для облегченія сношеній между слушателями, преподавателями и родными ихъ. Ганзейскій Союзъ учредилъ постоянныя гонимыя сношенія, для обсылки городовъ, входившихъ въ составъ Союза отъ Риги до Амстердама, черезъ Кенигсбергъ, Штетинъ и Гамбургъ. Рыцари Нѣмецкаго Ордена, въ Пруссіи, также знали это учрежденіе. Но вся остальная масса народа вездѣ была исключается изъ права пользованія почтами. Въ послѣдствіи,

(*) Какъ понимаютъ выраженіе Св. Владимира: *меребили путь*. Лаврент. 86.

(**) De la Mare, Traité de la Police, IV, 882.

(***) Cod. Justin. lib. XII, tit. 50. — Evectionis copia (подорожная) выдавалась отъ императора, a praefecto praetorio, a magistro Officior. — Nullus evectioe utatur privatus. На станціяхъ, почтовыхъ и кучманте — *diplomata tractatoria*, De la Mare, l. c.

къ концу Средней и началу Новой исторіи, Людовикъ XI воспользовался мыслию университетскаго почтового учрежденія, установилъ свои правительственныя почты, въ королевствѣ; но онѣ были учреждены на основаніи почты Рима, время Августъ и Юстиніана. Почты Людовика XI были открыты исключительно для цѣлей и дѣлъ государственныхъ, и частнымъ лицамъ воспрещалось вздѣть съ почтою, *подъ смертною казнію*. Даже иностранные послы, прибывавшіе во Францію, не имѣли права брать почтовыхъ лошадей, если не заплатятъ за нихъ *raisonablement* (*). Этими исключительнымъ своимъ характеромъ отличаются французскія почты Людовика XI отъ нѣмецкихъ Максимилиана I, установленныхъ съ 1516 г. и открытыхъ тогда же пользованію всѣхъ и cadaго. На этомъ отличіи почтъ французскихъ отъ нѣмецкихъ можно бы основать и рѣшеніе вопроса о первенствѣ почтовыхъ учреждений на западѣ, сказавъ, что, какъ общепользное учрежденіе, почты нѣмецкія раньше французскихъ. Это-то установленіе Максимилиана и Карла V, переданное въ содержаніе графовъ Турнь и Таксисъ, до сихъ поръ составляетъ, въ Германіи, вопросъ реформы.

Обратимся къ Россіи. Въ Исторіи нашего отечества, почта является въ двоякомъ видѣ,—ямской гоньбы и собственно почты. Уравнивая, въ нѣкоторомъ отношеніи, эти два вида того же учрежденія, мы можемъ сказать, что почта русская не уступить въ древности ни французскимъ, ни нѣмецкимъ почтамъ. И, какъ особая повинность и государственная служба, гоньба современна всему древнему въ Россіи. Въ этомъ можно бы видѣть и новое доказательство древности нашихъ дорогъ и путей сообщенія. Какъ однакожь далеко восходятъ положительныя свидетельства существованія ямской гоньбы въ древней Руси?

Въ прибавленіяхъ къ общимъ циркулярамъ, по Главному Управленію Почт. Депар., съ 1843 — 45 годовъ, помѣщена была замѣчательная статья о происхожденіи почтъ въ Россіи (**),—статья, авторъ которой находитъ первые

(*) De la Mare, *ibid.*

(**) Уже покойный Д. П. Голохвастовъ выразилъ справедливое сожалѣніе, что эти монографіи мало извѣстны и мало доступны. Акты о родѣ Голохвастовыхъ, Москва, 1848, стр. 153.

слѣды извѣстій объ *ямахъ, ямщикахъ, и ямской гоньбѣ* въ Грамотѣ В. К. Олега Рязанскаго, около 1402 г. (*). Но, не говоря уже о необходимости предполагать установленіе ямской гоньбы раньше въ Московскомъ, нежели Рязанскомъ княжествѣ, вообще не дѣлая никакихъ предположеній, и судя только по документамъ и актамъ изданнымъ, мы имѣемъ полное право не согласиться съ мнѣніемъ автора. Мы встречаемъ уже въ XIV в., именно въ актѣ отъ 1361 или 65 г. (**), распоряженія о *ямѣ, ямщикахъ и гоньбѣ ямской*. Ямская гоньба, судя по этимъ даннымъ, такъ же древня у насъ, какъ и повинность давать подводы, изъ которой, естественно, гоньба произошла, и съ которою первоначально и долго потомъ имѣла она одинаковое свойство. Какъ повинность давать подводы, въ военное время, гонимая повинность первоначально была *общюю, личною, натуральною*. При нуждѣ, по волѣ князя, въ его княжествѣ, каждый обязанъ былъ, по дѣламъ князя и управленія, на своихъ лошадахъ, доставлять, куда прикажутъ, все, что ему поручалось, — тяжесть и кладъ, грамоты и гонцовъ. Это была государственная служба, которую отправляли всѣ жители, въ каждомъ княжествѣ, по дѣламъ князя, въ *мирное время*. Иначе, кажется, нельзя представить себѣ происхожденіе нашей древнѣйшей ямской гоньбы.

Впослѣдствіи, въ актахъ XIV вѣка, мы видимъ уже дальнѣйшее развитіе этой повинности, когда, въ отдѣльных княжествахъ, указаны особенные пункты, ямы, вдоль правительственныхъ путей сообщенія, для усиленія и ускоренія гоньбы первоначальной. Далѣе, со времени уничтоженія удѣловъ и собранія Руси во едино, отдѣльные ямы отдѣльных княжествъ сливаются въ одно общее учрежденіе Московскаго княжества, и даютъ возможность установить непрерывное движеніе по всей сѣти ямскихъ дорогъ въ Россіи.

Въ этомъ видѣ, ямская гоньба XIV и слѣдующаго вѣка существенно отличается отъ гоньбы, имѣвшей мѣсто до того времени. Слѣдуя по направленію ямскихъ дорогъ, естест-

(*) Акт. Ист. I, № 15.

(**) Акт. Экспеди. I, № 8.

менно, гоньба ямская резко отдѣляется отъ подводной, обнимающей собою всѣхъ и каждого, вообще отдѣляется отъ повинности общей личной, и становится повинностію общинною. Только члены общины, прилегавшей къ ямской дорогѣ, могли подвергаться повинности возить гонцовъ и грамоты отъ яма до яма; другіе жители, члены другихъ общинъ, удаленныхъ отъ линіи ямскаго движенія, могли долго оставаться свободными отъ этой обязанности, до тѣхъ поръ, пока не придумали средства уравнивать эту тягость и содѣлать ее общею, какъ было въ старину. — Такимъ образомъ, мы предполагаемъ, что, покрайней мѣрѣ, съ XIV в., ямская гоньба уже лежала обязанностию на отдѣльныхъ общинахъ, жившихъ у ямскихъ дорогъ, хотя исправлялась все еще личнымъ извозомъ, по очереди, каждымъ членомъ общины. Такъ было и въ началѣ XVI в. (*), на что намекаетъ разсказъ Герберштейна: «В. князь московскій имѣеть, говорить Герберштейнъ, по разнымъ мѣстамъ своего княжества, ямщиковъ, съ достаточнымъ количествомъ лошадей, такъ что, куда бы ни послалъ князь своего гонца, вездѣ для него найдутся лошади. Гонецъ имѣеть право выбирать коня, который ему покажется лучшимъ. На каждомъ яму лошадей много; въ свѣжихъ лошадяхъ не было недостатка; кто требовалъ ихъ 10 или 12, тому приложили 40 и 50. Усталыхъ кидали на дорогъ, и замѣняли ихъ другими, которыхъ брали въ первомъ селѣ или у проезжающихъ». Такого огромнаго числа лошадей не могъ выставить ни одинъ ямъ, если не разумѣть подъ нимъ цѣлой общины, цѣлаго поселенія. Прибавить должно, что, предполагая по этому

(*) Къ концу XV в., къ году 1489, относится первая, дошедшая до насъ, подорожная, см. Памят. диплом. снош., I, 25. Тамъ же помѣщена другая отъ 1490 г., стр. 48. Потомъ встрѣчается подорожная въ 1495 г., выданную на шия пристава Зезевидова, сопровождавшаго Ничкина Спунса. См. Карамзина VI, примѣч. 362: «отъ Москвы, по дорогѣ, по нашимъ землямъ, говорить Іоаннъ III, до Новгорода, послалъ есмь Сенку Зезевидова — и вы бы давали подводы и съестное — двѣ подводы, а здѣ ему лучше всего стати, куря, да двѣ части говядины, да двѣ части свинины, да соли и засла, и сметаны, и масла, да двѣ калячи полуденныя по сей моей грамотѣ. Такого рода подорожные въ Римѣ назывались: diplomata tractatoria. De la Mare, l.c.

количеству лошадей столь же большое количество проводниковъ, готовыхъ съѣсть на лошадей, опять должно предполагать, что здѣсь словомъ—ямъ обозначается цѣлая община, городская или сельская, а не отдѣльный пунктъ ямскаго жилища. Особенно важно въ этомъ случаѣ выраженіе Герберштейна: *лошадей усталыхъ мѣняли, въ первомъ селѣ* (*).

Ясно, что въ это время ямская повинность была уже не общая личная, а общинная личная натуральная повинность, которую несли всѣ члены известныхъ селъ и городовъ, *за одинъ*, но не всѣ члены Московскаго государства. Отсюда понятно, что ямская гоньба частію теряла чрезъ это свое первоначальное значеніе государственной службы, которая не могла же падать только на нѣкоторые общины, привлекая къ ямскимъ дорогамъ. Отсюда возможность рѣшить вопросъ о томъ, кто могъ пользоваться ямами и гоньбою? Герберштейнъ говоритъ, правда, только о *siges regius*, говецъ и пословъ; но изъ его словъ такъ же точно нельзя вывести, чтобы частными лицами воспрещалось пользованіе этимъ учрежденіемъ, какъ нельзя этого доказать и актами, относящимися къ описываемому у него времени. Мы знаемъ только, что въ слѣдующемъ вѣкѣ именно дозволялось ямщикамъ возить посылки частныхъ лицъ, по свободному найму, и заключаемъ, что и въ это время такого рода доступность ямской гоньбы для частнаго пользованія могла бытъ въ обычаѣ, тѣмъ болѣе, что самое неравенство ямской повинности могло оправдывать сдѣлки общинъ, подлежащихъ повинности,—сдѣлки, ведшія ихъ къ какому-нибудь вознагражденію за исключительную службу.

Но не могла гоньба ямская навсегда оставаться въ положеніи нами описанномъ. Навѣрно, были частыя и многократныя жалобы на неравенство ямской повинности; навѣрное, мало по малу убѣждались, что это неравенство не было необходимо, и что его можно было уничтожить, безъ

(*) Рѣскавъ о ямахъ, по Герберштейну, см. Starzewsky I, -89, въ его *Scriptor. hist. ruthen.*, гдѣ можно видѣть и успешное состояніе ямской гоньбы, при помощи которой Герберштейнъ совершаетъ весь путь отъ Новгорода до Москвы въ 72 часа. Скорость, изумлявшая, кажется, носла Нѣмецкой Имперіи.

ущерба дѣлу, и даже съ пользою для народа и правительства. Стоило только личную общинную повинность замѣнить безличною, которая, лежа на всякомъ городѣ и селеніи, выполнялась бы отдѣльными, опредѣленными лицами, замѣняющими общину, охотниками, выбранными отъ общины. Въ исполненіи такой повинности могли участвовать все общины, самыя отдаленныя отъ ямскихъ дорогъ и ямовъ, посылая въ эти мѣста своихъ выборныхъ, ямскихъ охотниковъ. Что произошло, по крайней мѣрѣ, со второй половины XVI столѣтія, какъ видно изъ одного мѣста Новгород. лѣтописи (*) и актовъ, изданныхъ въ первые годы XVII вѣка (**). Изъ лѣтописи видно, что въ это время общины доставляли на ямы и ямскія дороги натурою только кормы и содержаніе, напр. куръ, свинину, говядину,—то, чего иначе доставить было невозможно; и только эта доставка, безъ сомнѣнія, лежала еще на общинахъ, близкихъ къ дорогамъ, вѣроятно, по закону вознагражденія. Напротивъ, какъ свидѣтельству ютъ акты начала XVII в., гоньба производилась, въ это время, особыми лицами, ямщиками, въ собственномъ техническомъ значеніи имени,—ямскими охотниками, выбранными отъ общины, въ замѣнъ ихъ натуральной, личной ямской повинности.

Для разкладки такой общей повинности являются особые чиновники, подъ названіемъ ямскихъ стройщиковъ, которые должны были расписывать селы по ямамъ, т. е. приписывать общины къ тому или другому яму, на ту или другую дорогу, съ тѣмъ, чтобы каждая изъ общинъ имѣла на своемъ яму своихъ ямскихъ выборныхъ и охотниковъ. Расписаніе производилось по всемъ общинамъ, по всему пространству государства, безъ различія положенія болѣе или менѣе близкаго къ ямской дорогѣ, на одномъ основаніи поземельнаго владѣнія, взявъ съ каждой сохи по два ямщика. Въ случаѣ, если известная община не представитъ своихъ выборныхъ охотниковъ, наряжалась экзекуція; въ общину

(*) Новгород. лѣтоп. 1572, годъ.

(**) Акт. Экспед. II, N 42, годъ 1606. Акт. Юридич. N 343, г. 1615, и другіе.

посылались многие приставы, на многихъ подводяхъ съ стрѣльцами изъ прогоровъ, для того, чтобы прѣнять охотниковъ нещадно; и, въ видѣ наказанія, эти приставы брали съ виновныхъ нѣсколько десятковъ подводъ, съ телѣгами и проводниками, т. е. возстановляли, на время наказанія, древнюю, натуральную ямскую повинность (*). Выборы въ ямскіе охотники производились за руками всѣхъ крестьянъ, съ ихъ обезпеченіемъ и отвѣтственностію; слѣд. государство ничего не теряло; напротивъ все выигрывало какъ отъ исполненія его нуждъ людьми, которые къ тому имѣли охоту, получали навыкъ и необходимыя качества, такъ и отъ болѣе равномернаго и болѣе обслѣдительнаго разложенія повинности на всѣхъ членовъ народа.

Остановимъ нѣсколько наше вниманіе на этой эпохѣ русской ямской гонимости, и рассмотримъ, для уясненія себѣ этого дѣла, слѣдующіе вопросы: какъ производились выборы въ ямскіе охотники; откуда брались охотники? Какія права получали они, какія обязанности принимали? Въ какое положеніе ставили себя, выборомъ, общины къ правительству? Что выигрывалъ народъ отъ такой формы ямской повинности? Эти вопросы находятъ свое достовѣрное рѣшеніе въ текстѣ актовъ, и мы постараемся, для большаго наглядности, воспроизвести здѣсь текстъ замѣчательнѣйшихъ актовъ, сюда относящихся. Вотъ одинъ изъ нихъ, отъ 1601 г., Д.к. 25 (**):

«По государеву цареву и В. К. Бориса Феодоровича всея Руси наказу, Вологодскаго уѣзда, Прилуцкаго монастыря вотчины крестьяне NN, во всѣхъ крестьянъ мѣсто, выбрали ссмя и излюбили Ярофія, Иванова сына, Собинина въ умершаго охотника мѣсто, въ ямскую слободу, по Кириловской дорогѣ, въ охотники: тотъ, Государь, нашъ охотникъ доброй, семейнистой и статочный и прожиточный, и гонемыхъ у него три мерена есть; и государева ему гонба гоняти, и государевыхъ, царевыхъ и В. К. пословъ и посланниковъ и

(*) Все это можно видѣть въ актахъ, выше названныхъ, равно какъ въ слѣдующихъ указахъ.

(**) Юрид. акт. № 278.

гонцовъ встрѣчаги и провожати, зимнимъ и лѣтнимъ путемъ на подводахъ, и водянымъ путемъ въ судахъ; и государевыхъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ отпущати, и суды и кормицки и гребцы держати, и яская стряпня стряпати можно; въ томъ есми вологодскія ямскія слободы прикащику за Ярофея и выборъ дали». — Такъ община обеспечивала государство въ исправномъ выполненіи своей ямской повинности. Но кто же обеспечить самую общину въ исполненіи обязанностей, принятыхъ охотникомъ? Поруча ямскихъ охотниковъ, въ слободу которыхъ вступаетъ новоизбранный охотникъ. Вотъ актъ такого рода поручки, отъ 1609 (*): «Се язь Онанья, Юрьевъ сынъ, да язь Ома, Володимеровъ сынъ, и пр. (**), всѣ мы, охотники московекія дороги, броницкаго яму, поручилися есмя волоснымъ людямъ Николо-Вежискаго монастыря крестьянамъ, и т. д., по охотникъ—по Матвѣю, Еремеевъ сынъ Влжискомъ, въ томъ: жити тому охотнику на московской дорогѣ на броницкомъ яму въ охотникѣхъ; и живучи, государева царева и В. К. Василія Ивановича всея Руси гоньба гоняти съ своею братьею ровню, и государевыхъ пословъ и т. д. по своей чередѣ—отпущати; а держати ему, по государеву указу, на выти по три мерина добрыхъ гонныхъ (***), со всѣмъ гоннымъ запасомъ съ лѣтнимъ и съ зимнимъ; и никакимъ доровствомъ не воровати, и зерню не играти, и т. д., и убытка и волокиты волоснымъ людямъ — не учинити. А подмоги ему охотнику дано, на нынѣшней сто седмой надесять годъ со Сборнаго Воскресенья по сто восьмой надесять годъ по Сборное же Воскресенье, къ старой годовой подмогѣ, 10 рублевъ да десять чстыи хлѣба ржи и овса пополамъ, для государевы гонбы и двороваго поставленья и для гонныхъ лошадей и гоннаго запаса; а впередъ давати ему охотнику, на всякой годъ, по пяти рублевъ денегъ, да по пяти коробей хлѣба, ржи и овса пополамъ. И за эту ему подмогу охотнику на броницкомъ яму дворъ поставити, изба,

(*) Акт. юрид. N 294 Акт. II.

(**) На этомъ яму, по вычисленію акта, было 16 дмичиковъ.

(***) Вотъ происхожденіе тротекъ русскихъ.

да клѣтъ, да конюшню, да около двора тынъ, — и папня пахати, — и въ нынѣшнемъ году о подмогъ не бити челомъ, и убытка и волокиты не учинити крестьяномъ. — А не учить тотъ охотникъ Матѣей на яму жити, и государевы гоньбы гоняти, и т. д. и т. д. (*), и что въ томъ волоснымъ людямъ учинится убытка и волокиты, и то все взяти на насъ на поручникѣхъ, — которой (изъ) насъ поручниковъ въ лицахъ, — по сей записи.

Въ ямскіе охотники могли поступать люди всякаго чина, и служилые и торговые (**), и, вѣроятно, число ихъ не было маловажно. Мы не знаемъ акта, гдѣ бы выразилась жалоба на недостатокъ въ охотникахъ, не смотря на то, что выборы въ охотники дѣлались *погодно*, каждый годъ возобновлялись (***); не смотря на то, что на охотникахъ лежали такіа трудныя обязанности, предполагавшія притомъ порядочное хозяйство и зажиточность охотника (***); не смотря наконецъ на небольшое, по видимому, вознагражденіе со стороны общины (****). Въ самомъ положеніи ямскаго охотника, очевидно, было что-то выгодное и достойное, послужившее основаніемъ къ образованію цѣлаго класса населенія ямниковъ, до сихъ поръ существующаго.

Вчитываясь въ акты XVII в., говорящіе объ ямскихъ охотникахъ, нельзя не видѣть, что ямщики были свободные люди, жившіе въ своихъ отдѣльныхъ общинахъ, — слободахъ, — жившіе частію хлѣбопашествомъ, частію извозомъ, гоньбою. Это классъ, средній между крестьянами, земледѣльцами, и служилыми людьми, и потому пользовавшійся выгодами того и другаго положенія (****). Отсюда ясно, что всякая община легко находила, за умеренное вознагражденіе, охотниковъ отправлять за нее гоньбу и повинности ямскую, и что государство скорѣе выигрывало отъ

(*) Повторяются всѣ вышеизложенныя обязанности охотника, какъ ямщика и какъ гражданина. (**) Акт. Ист. II, N 56, г. 1601, Янв. 17. (***) Акт. Юрид. N 294, 1603, акт. I. (****) См. приведенные акты. (*****) Десять рублей на первые годы для вознагражденія, и по 8 руб. впоследствии и т. п.

(*****) Мы видели изъ приведенныхъ актовъ, что ямщики жили благоустроенными слободами, въ собственныхъ домахъ и дворахъ, занимаясь между прочимъ хлѣбопашествомъ кромѣ того, по акту 1615, Февр. 17 Ист. Акт. III, N 57, ямщики могли заниматься у госудей и у всякихъ людей роду *мещарей*. Этотъ документъ важенъ и потому, что служитъ доказательствомъ, до какой степени наша ямская гоньба была доступна искони народу.

этой перемены, чѣмъ теряло, обращая мало по малу ямщи-
ковъ-охотниковъ въ своихъ служилыхъ людей, въ отдель-
ное постоянное сословіе. При такомъ устройствѣ, ямская
гоньба дѣлалась болѣе и болѣе надежнымъ и правильнымъ
учрежденіемъ. Еще шагъ, и въ Россіи должна явиться почта,
въ смыслѣ западнаго установленія. Отъ выборовъ въ ямскіе
охотники до уничтоженія всей натуральной ямской повин-
ности и замѣны ея денежною былъ одинъ только этотъ
шагъ. Вмѣсто того, чтобы сами общины избирали охотни-
ковъ и платили имъ лично, что все обходилось имъ не безъ
ущерба ихъ матеріальнымъ средствамъ, по возможности
убытковъ и волокитъ отъ несостоятельности охотниковъ,
а съ тѣмъ вмѣстѣ не безъ ущерба и для государственныхъ
выгодъ,—вмѣсто всего этого казна скоро махнула и болѣе
справедливымъ и болѣе выгоднымъ обложить все общины
сборомъ ямскихъ денегъ и приискивать отъ себя охотниковъ,
подъ собственнымъ своимъ надзоромъ. Тѣмъ болѣе, что въ
такомъ случаѣ, съ одной стороны, казна могла удовлетво-
рять ямщиковъ своею землею, лежавшею часто пустошорож-
нею; а съ другой и потому, что и, при прежней системѣ,
казна не всегда разсматривала охотниковъ, какъ насиниковъ
общины, и должна была помогать имъ льготами (*).

Кажется, что такой переходъ ямской повинности изъ
натуральной въ денежную постепенно совершался, съ начала
XVII в., и окончательно состоялся къ половинѣ этого сто-
лѣтія. Въ это время, народъ уже обложенъ ямскими день-
гами (**); ямщики дѣлаются нѣкотораго рода служилыми
людьми, и получаютъ жалованье и земли (**); ямская гоньба
есть та же почта, только подъ стариннымъ именемъ.

(*) Акт. Ист. II, N 55, г. 1690, Нояб. 50: Велѣно дать ямскимъ охот-
никамъ три года льготы отъ всехъ исковъ, по долгамъ кабалынымъ и
безкабалынымъ,—вообще отъ суда.

(**) Копилка, стр. 87, полагаетъ въ Россіи того времени сборъ ямскихъ
денегъ въ 80,000.

(***) Акт. Истор. III, N 78, акт. 1619, Іюль повелѣвается произвести до-
знание, справедлива ли жалоба ямщиковъ о томъ, что они получаютъ
вмѣсто 18 руб., какъ прежде, только семь руб., а гоняютъ по 6 и 7 доро-
гамъ, что лошади ихъ, стоящія по 8 р., падаютъ, отъ перегону и
дальнихъ разстояній, въ 500, 400 и 700 верстъ, что они долгами задел-
жались,—женъ и дѣтей позакладали,—много разбирается. Актомъ 1621,
Дек. 26, ibid., N 106, дано имъ жалованья по 15 р.

Почта, подъ этимъ новымъ именемъ, существуетъ у насъ съ 1668, и обязана своимъ происхожденіемъ слѣдующимъ обстоятельствамъ. По московскому трактату о союзѣ съ Польшею (*), положено, вмѣсто прежнихъ гонцовъ, установить *почту*, для «вѣдомости чрезъ грамоты, въ скорыхъ приключившихся дѣлахъ государства, а наипаче для приуноженія торговыхъ обомъ тѣмъ государствамъ прибытковъ». Эта почта должна была еженедѣльно ходить между Москвою и резиденціею короля, возя съ собою, какъ дѣла государственныя, такъ и письма торговыхъ и частныхъ людей, которымъ въ трактатѣ, воспрещается пересылать свои письма другимъ путемъ, помимо почты.

Далѣе дѣлается распоряженіе на счетъ записыванія всѣхъ такихъ грамотъ (государст.) и грамотокъ (частныхъ писемъ) у почтаря, и на счетъ платежа за частную пересылку. Впрочемъ количество этого платежа должно было установить каждое государство особо, по своему благоусмотрѣнію.—Замѣчательно, что въ этомъ трактатѣ постоянно дѣлается упрекъ съ *мѣшкотности* русской ямской гоньбы.

Въ исполненіе этихъ распоряженій трактата, при содѣйствіи знаменитаго Ордына-Нащокина, русское правительство приступило къ дѣлу, заключивъ, въ слѣдующемъ году, Авгус. 21 (**), договоръ съ индземцемъ Леонгіемъ Марселіусомъ, договоръ, по которому Л. Марселіусъ принималъ на себя устройство почты, на означенномъ трактѣ, при посредствѣ русскихъ ямщиковъ, съ установленіемъ платы за перевозку частныхъ писемъ, по вѣсу ихъ, съ золотника, и за страхъ, при пересылкѣ денегъ, — съ обозначеніемъ, какъ должно надписывать на конвертахъ, и т. п. Тутъ же положено, класть письма въ мѣшки, которые гонецъ долженъ

(*) П. С. З. N 420 ст. 6. — Вироч. изъ акта 1691 г. Апр. 21, N 240; стр. 628; IV, Соб. Рум. Грам., что почта началась у насъ еще раньше съ 1668, по договору съ Фанъ-Свенденонъ. Но объ этой почтѣ мало извѣстій положительныхъ, хотя, вѣроятно, изъ Фанъ-Свендеиной почты должно отнестись подробности о зеленыхъ кафтанахъ почтарей, съ нашитыми на нихъ красными сукошными орлами, — подробности, помѣщенныя въ Листкѣ Москов., 1847, N 8. См. Бантингъ-Камей, Дѣянія Эдм. Полковод. и Министровъ II, 258, 256.

(**) Собр. Госуд. Грам. IV, N 64.

везти до границы и складывать ихъ въ особыя сумки, хотя бы безъ грамотокъ. Въ томъ состояло дѣло новыхъ почтарей. — Далѣе, по указу 1672, Нояб. 6 (*), Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ всю государственную переписку отправлять съ почтой, изъ Москвы въ Ригу, чрезъ Новгородъ и Псковъ, и въ Вильно, чрезъ Смоленскъ, по два раза въ недѣлю, по вторникамъ въ Ригу, и по четвергамъ въ Вильно. «И изъ тѣхъ бы городовъ о государевыхъ и о всякихъ иныхъ дѣлахъ, кромѣ самыхъ нужныхъ дѣлъ, воеводы и приказные люди писали и всякія дѣла присылали чрезъ тѣ жъ почты, чтобъ въ прогонахъ—казнѣ многихъ расходовъ, тако жъ ямщикамъ убытковъ не было.» Эти почты находились уже въ рукахъ и подъ управленіемъ *Петра Марселиуса*, къ которому онъ перешли отъ Леонтія, потому что Леонтьева почта опаздывала день и два (**).

Ясно, что до сихъ поръ почты были только *внѣшнія* или иностранныя, для сношенія съ иноземными государствами; и русское правительство пользовалось ими для внутренняго управленія, только относительно немногихъ городовъ, лежавшихъ на тракѣ внѣшней почты. Первый актъ, въ которомъ упоминается о внутренней почтѣ, есть наказъ стольнику Волконскому, намѣстнику Переславскому, 1676, Марта 8 (***), о томъ, чтобъ извѣщать Государя, *чрезъ почту*, всякій разъ, какъ скоро бы гдѣ открылась моровая язва. Съ этого времени, мало по малу, пункты почтового соединенія и почтовые тракты умножаются внутри Россіи, разширя-

(*) П. С. З. N 854.

(**) Упомянутый выше актъ, 1691, весьма важенъ потому, что содержитъ родъ исторіи почтового учрежденія, изложенной Посольскимъ Приказомъ въ отвѣтъ на запросъ Царей Петра и Іоанна о состояніи почтъ въ ихъ время: По указу Алексѣя Михайловича, со 173 года держалъ почты Иванъ Фонтъ-Сведенъ, своими людьми, шлалъ по договору 1200 р. Со 176 велѣно держать Леонтію Марселиусу, между Москвою и Курляндією, Москвою и Вильной, на яскихъ подводахъ, ежедневно; потомъ между Москвою и Новымъ-городомъ. Во 181 велѣно рижскую и виленскую почты держать Петру Марселиусу, потому что Леонтьева почта опаздывала день и два. За казенныя посылки не берутъ ничего; а за частныя беретса ли что, Посольскій Приказъ не знаетъ. —

(***) Акт. Экспед. IV, N 244.

ются до Сибири. 1693 Июня 8 (*), упоминается почта между Москвою и Архангельскомъ; далѣе между Москвою и Сибирскими городами. Но *первая мысль объ учрежденіи почтъ*, которыя бы соединяли всѣ города Россіи, или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе города, съ новымъ центромъ управленія и между собою, принадлежитъ указу Петра В. 1718, Июня 11. (**). Актъ носитъ названіе Меморіала иноземца Фика, состоитъ изъ двѣнадцати статей, утвержденныхъ, по пунктамъ, Петромъ В. Шестой пунктъ Меморіала говоритъ, что «Коллегіямъ дѣла своего управлять не можно, если порядочная верховая почта чрезъ всѣ главные города и губерніи государства единожды или дважды въ недѣлю не пойдетъ» — Резолюція: «Сію почту устроить перво отъ Петербурга до всѣхъ главныхъ городовъ, гдѣ губернаторы обрѣтаются нынѣ, а потомъ управителю почты, говоря съ губернаторы, опредѣлить отъ тѣхъ городовъ въ дальные города.»

Этимъ указомъ 1718, положено основаніе и назначено направленіе всей правительственной дѣятельности послѣдующаго времени. Оставалось постепенно выполнять резолюцію 6-го пункта, чтобы довести почтовое учрежденіе до счастливаго, полного развитія. Съ такою широкою задачею, почты не могли уже быть въ арендѣ частныхъ лицъ, и должны были перейти всецѣло въ вѣдомство правительства. Въ рукахъ Иностранной Коллегіи, располагавшей значительными денежными средствами, почта мало по малу изъ верховой переходила въ тележную, — изъ гонимой, когда одинъ гонецъ дѣлалъ путешествіе изъ конца Россіи въ другой, въ почтарскую, передававшую мѣшки съ письмами отъ станціи до станціи, и т. д. И этимъ указомъ мы закончимъ нашъ историческій очеркъ, имѣвшій цѣлю преимущественно показать значеніе ямской гонимы и происхожденіе почты въ Россіи. Любопытствующіе знать постепенное развитіе самой почты могутъ найти все, что до того касается, въ упомянутой статьѣ Прибавленій къ циркулярамъ. Но для своей же цѣли уясненія вопроса о ямской гонимѣ, мы не можемъ оставить

(*) П. С. З. N 470.

(**) П. С. З. N 3208. п. 6.

дѣла безъ разсмотрѣнія того, какія переменны должны были произойти съ замѣною ямской гоньбы посредствомъ почты.

Какъ скоро ямская повинность изъ натуральной перешла въ денежную, дѣло сношеній въ Россіи поступило къ правительству, которое располагало важными денежными средствами, съ одной стороны, для своихъ финансовыхъ цѣлей, съ другой для улучшенія этихъ сношеній. Эти улучшения, состоявшія въ скорости, безопасности, удобствахъ и дешевизнѣ, и съ трудомъ удававшіяся правительственнымъ усиліямъ, были почти невозможны для системы ямской гоньбы. Такъ, напр., скорость очевидно не давалась ямской гоньбѣ, которую акты постоянно упрекаютъ въ мышкотности; о скорости существуютъ законы только съ учрежденія почты, а именно, съ Ук. 1684, Іюн. 3 (*), гдѣ предписано ямщикамъ дѣлать въ часъ 7 верстъ лѣтомъ, и 5 верстъ осенью и зимою, а въ случаѣ опаздыванія, безъ причинъ, налагалось наказаніе: *бить батоги*. Но скорость почты не заключается въ одной быстрой ѣздѣ; мышкотность происходитъ преимущественно отъ объездовъ или заѣздовъ, когда письмо, назначенное въ ближайшее мѣсто, напримѣръ, уѣздъ, должно идти сначала въ дальнѣйшее — губернскій городъ, и оттуда уже на другой, третій день въ мѣсто своего назначенія. Другими словами, скорость зависитъ отъ быстроты ѣзды и прямолинейности почтовой руты. Ни то, ни другое не возможно было для ямской гоньбы, условленной извѣстными дорогами съ ямскими слободами.—

Безопасность дѣлается предметомъ заботливости также со введенія почты. По указу 1693, Іюля 8 (**), вѣлно возить *грамоты* (казенныя) и *грамотки* (частныя письма) въ сумѣ, за пазухою, чтобъ не замочить, а на ямахъ записывать въ тетради, когда почтарь прибылъ, и все ли въ цѣлости привезъ. И долго безопасность посылки была не вполне

(*) Собр. Госуд. Грам. Румянц. N 166, стр. 487. Черезъ два года постановлено мѣрять разстояніе верстами, полагая въ верстѣ 1000 саж. слѣд. вдвое противъ нынѣшняго счету, Ак. Истор. V, N 148, ук. 1698 декаб. 30. Тутъ же положено брать съ проезжающихъ съ ямскими лошадьми по 5 денегъ за версту, безъ означенія числа лошадей.

Собр. Госуд. Грам. Рум., N 216, стр. 639. IV.

обезпечена, и потери случались даже въ концѣ XVIII в., когда пастухи находили въ поляхъ почтовые сумки съ письмами (*). Съ другой стороны безопасность имѣетъ весьма различное значеніе. Безопасность денежной посылки существенно отличается отъ безопасности передачи простаго письма, и требуетъ обезпеченія со стороны правительства. Могло ли управленіе ямской гоньбы дать подобное обезпеченіе? А безопасность печати, и ея неприкосновенность?

Наконецъ то же должно сказать о дешевизнѣ и простотѣ платежа и удобствѣ или доступности почтоваго учрежденія для всѣхъ и каждаго, въ какомъ бы кто мѣстѣ ни находился. Правда, и въ концѣ прошлаго столѣтія возникалъ въ почтовомъ управленіи вопросъ: могутъ ли купцы и недворяне отправлять свои письма съ почтою, платя такую же таксу, какъ и дворяне, или должно за купеческія письма брать вдвое. Но почтовое управленіе рѣшало подобные вопросы разумно (**), имѣло средства вести свое дѣло къ усовершенію, и дѣйствительно успѣло сдѣлать все возможное, для времени.

ЛЕНКОВЪ.

(*) Ук. 1768, Апр. 10, N 12, 617. Донесено Севату, что, хотя по почтовому реестру, значится два секретныхъ указа, посланныхъ въ Низовую Солнную Контору, но ихъ уже въ Пензѣ не оказалось; что лица, возятъ указы недолительно, а иногда, по лѣности, не везутъ сами, а передаютъ протажающимъ, которые, часто, забавляясь проѣхавъ мимо стану, и опасаясь ответственности, бросаютъ пакеты по дорогѣ, какъ напр: въ 1764, когда пастухъ нашелъ въ степи пакеты, отправленные изъ Москвы въ Контору.

(**) Ук. 1768, Июл. 7. N 12, 691. Для всѣхъ корреспондентовъ только одна такса, безъ разбору, кто дворянинъ или кто купецъ; и самый послѣдній человѣкъ имѣетъ то же право, когда въ сошилъ деньги заплаченны.

РѢЧЬ ВЪ ПАМЯТЬ ОБЪ ОКЕНѢ,

ПРОИЗВЕСЕННАЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕМЪ СОБРАНІИ ЕСТЕСТВОЗНА-
ТЕЛЕЙ ВЪ ГОТѢ 18 СЕНТ. 1851.

.....Прежде нежели взглянемъ впередъ на непрерывно движу-
щийся потокъ науки, бросимъ взоръ нашъ назадъ—на начало
нашихъ собраний, на основателя ихъ, и пошлемъ ему, нашему
вѣрному другу, послѣднее прощаніе въ царство вѣчной жизни,
куда онъ предупредилъ насъ. Многимъ изъ насъ Окенъ (*) извѣ-
стенъ лично, другимъ, въ особенности же младшимъ сочле-
намъ этого общества, извѣстенъ онъ своею славою и сочине-
ніями. Протекло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ
разстался съ нами и съ Германією; частію физическія стра-
данія, которыя и прекратили наконецъ его жизнь, частію
негодованіе его противъ господствующихъ направленій, такъ
привязали его къ убожищу, найденному имъ въ Швейцаріи, что
никакія просьбы не могли убѣдить его возвратиться въ отечество.
По этому теперь, свѣжая рана возобновила, оживила въ нашей
памяти давно-минувшія событія; намъ представляется самый
приличный случай въ кругу нашемъ посвятить его жизни
и дѣятельности краткое слово воспоминанія и признательности.

Смотрѣть ли на него, какъ на ученаго и наставника, или
какъ на германца и челоуѣка, во всякомъ случаѣ съ одинако-
вой охотою принимаю на себя обязанность говорить о немъ съ
уваженіемъ и любовію.

Имя Окена принадлежитъ лѣтописямъ естествознанія, и
будетъ произноситься съ почтеніемъ, до тѣхъ поръ, пока не исчез-

(*) Окенъ родился 2 августа 1779 года, въ Баденскихъ владѣніяхъ, (въ
Оффенбургѣ), а умеръ 11 августа 1851 г.

неть любовь къ научному естествосозерцанію, и на философію не стануть смотрѣть, какъ на умственную роскошь.

Развитіе его дѣятельности совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ времени, когда изученіе природы сдѣлалось главнымъ предметомъ философіи, — періодомъ Іены, когда философія проходила разныя ступени въ лицѣ Рейнгольда, Фихте и Шеллинга. Онъ былъ еще очень молодъ, и едва пользовался извѣстностью, когда въ 1807 г. веймарское правительство, надѣясь найти въ немъ дѣятельнаго преемника Шеллинга и Гегеля, не задолго предъ тѣмъ оставившихъ іенскій университетъ, пригласило его заступить ихъ мѣсто. Здѣсь, къ сожалѣнію, въ теченіе только двѣнадцати-лѣтняго періода профессорской дѣятельности, издалъ онъ всѣ главнѣйшія сочиненія свои по части естественныхъ наукъ, такъ что время пребыванія его въ этомъ городѣ можно принять за эпоху его развитія и славы. *Окенъ* и іенскій университетъ представляютъ такое сродство между собою, что взаимное ихъ вліяніе другъ на друга было столько плодотворно, сколько сродство это было естественно: одинъ возвышалъ другаго, и *Окенъ* счастливо слѣдовалъ по философскому направленію, на которомъ Іена давно видѣла свою цѣль. Такъ какъ вообще никто не можетъ отрѣшиться отъ духа своего времени, то и ученая дѣятельность *Окена* носитъ на себѣ отпечатокъ направленія, принятаго науками въ его молодости. Дебютъ его въ естественныхъ наукахъ опредѣлилъ все дальнѣйшее его поприще. Воодушевленный своими идеями, онъ неутомимо, до конца жизни, трудился надъ развитіемъ и усовершенствованіемъ выбранной имъ науки, не ожидая ни отъ кого одобренія, единственно подкрѣпляемый своею внутреннею силою, сознаніемъ справедливости своего дѣла и своей честной воли: «Я, говоритъ онъ, принесъ въ жертву «наукъ свою волю и свою молодость. Если она приняла сію «жертву, то я стою уже подъ высшей десницею, и не предаю «болѣе собственному слабому произволу».

Его направленіе въ естественныхъ наукахъ было генетико-философское. Его философія природы есть космогонія, классификація его естественной исторіи основывается на генетическомъ распредѣленіи органовъ, его фізіологія есть исторія

развитія органической жизни, основанная на философскомъ началѣ. На природу онъ смотрѣлъ какъ на безпрерывную творческую дѣятельность. Подъ сердцемъ онъ разумѣлъ только потенцированный сосудъ; въ головномъ мозгѣ видѣлъ продолженіе спиннаго, въ черепѣ повтореніе всего остального скелета, въ ногтѣ усовершенствованную кожицу; процессы живаго тѣла находятся, по его мнѣнію, въ генетическомъ отношеніи къ процессамъ генетическихъ элементовъ; ибо въ первыхъ онъ видѣлъ только повтореніе послѣднихъ. До него не было и рѣчи о всѣхъ этихъ, столько же естественныхъ, сколько и остроумныхъ позрѣніяхъ, и генетическій методъ менѣе всего былъ признаваемъ за высшій методъ въ естественныхъ наукахъ. Взгляните на состояніе фیزیологіи до того времени, и вы увидите, что въ ней почти исключительно господствовали эмпирическій и критическій методы. Генетическою же она стала со временъ Окена, и никто не приложилъ къ ней этого метода такъ послѣдовательно и естественно, какъ Окенъ. До тѣхъ поръ зоологію всегда начинали съ человѣка, вѣнца творенія, и оканчивали инфузоріями. Естественная исторія не изображала тамъ исторіи природы. Этотъ путь конечно объяснилъ, какъ послѣдствіе эмпирическаго начала науки; онъ даже необходимъ, ибо вытекаетъ изъ эгоистической потребности, вслѣдствіе которой человѣкъ и въ самой наукѣ прежде всего обращаетъ вниманіе на самого себя; но онъ не только не имѣетъ строгой научности, но даже въ послѣдствіи замедляетъ развитіе науки. Онъ оправдывается только нуждою и ходомъ науки вообще. Всякая жизнь, какъ физическая, такъ и духовная, исходитъ изъ одной точки, потому она описываетъ круги, все болѣе и болѣе обширные. Линней проложилъ односторонній, но вѣрный путь естественнымъ наукамъ, принявши за основаніе своей классификаціи отдѣльные признаки, какъ-то: волосы и зубы, пестики и тычинки, изломъ и цвѣтъ минераловъ. Онъ бы не достигъ желаннаго результата, если бы началъ съ болѣе совершенныхъ, а слѣдовательно и болѣе трудныхъ методъ. Жюсье, Батшъ, Кювье, Вернеръ и др. вмѣсто частныхъ признаковъ приняли за основаніе своей классификаціи общее внѣшнее образованіе животныхъ, рас-

тений и минераловъ. Такимъ образомъ искусственная система Линнея расширилась въ естественную, которая раздѣляла собранные матеріалы на однородныя группы, такъ называемыя семейства. Наконецъ и это основаніе классификаціи оказалось недостаточнымъ; и потому обратились къ внутреннему образованію тѣлъ, которое можно изучить только чрезъ изслѣдованіе развитія тѣлъ природы. Такимъ образомъ возникла третья система, генетическая, или философская.

Ни одинъ изъ этихъ методовъ не исключаетъ другаго; они все необходимы и хороши для извѣстныхъ эпохъ науки и различныхъ цѣлей. По этому ни одинъ не долженъ быть отвергаемъ на томъ основаніи, что все они односторонни. Вообще всякій методъ выходитъ изъ своей сферы, и заслуживаетъ порицаніе только тогда, когда онъ думаетъ сдѣлать другой методъ не нужнымъ, или когда состояніе науки требуетъ совсѣмъ другой системы. Такъ напр. вследствие эмпирическаго обработыванія естественныхъ наукъ было много собрано матеріала, но естествознаніе стало наконецъ представлять только грубую и невоздѣланную массу наблюденій (*rudis et indigesta moles*), часто не полныхъ и неправильныхъ, ибо онъ, не будучи просвѣтленъ идеею, стояли какими-то побочными дѣтьми въ великомъ твореніи науки. Сердце принималось за мускулъ, который, такъ сказать, вставленъ былъ въ систему кровообращенія; мозгъ былъ разлагаемъ на атомическія части безъ той идеи Окена, по которой спинной мозгъ составляетъ научное основаніе. Въ такомъ положеніи тогда находилась вообще анатомія; въ особенности же органическая химія долго не могла пробудиться отъ сна и возвыситься до генетическаго метода, который принесъ такіе счастливые результаты въ послѣдніе двадцать лѣтъ. Изъ этихъ пріобрѣтеній того времени конечно многое превратилось въ наше, такъ сказать, тѣло и безъ нашего о томъ сознанія, точно такъ, какъ мы не ощущаемъ своихъ собственныхъ членовъ; мы забываемъ, какими муками оно пріобрѣло себя въ наукъ прочное положеніе. Мы носимъ его съ собою, и часто не знаемъ, изъ какого источника оно произошло. Одна изъ богатѣйшихъ этихъ жилъ изсякла съ Океномъ. Если онъ

и не быть родоначальникомъ философской дѣлнстѣи, то по крайней мѣрѣ натуральная философія достигла въ немъ своего *полнаго* объема и значенія, чего нельзя сказать объ основателѣ ея Шеллингѣ. Въ этомъ смыслѣ Окена можно назвать ея главою, тѣмъ болѣе, что Шеллингъ, по отъѣздѣ своемъ изъ Іены, уклонился отъ прежняго своего направленія. Никто изъ основателей этой школы не обладалъ такимъ множествомъ реальныхъ свѣдѣній по части естествознанія, какъ Окенъ; никто не выразилъ такъ рѣзко генетическаго начала, и не провелъ его съ такимъ систематическимъ и творческимъ духомъ. Отсюда-то и происстекаетъ строгое единство всѣхъ его сочиненій. Всѣ они какъ бы вылиты изъ одного куска, и представляютъ стройный организмъ, а не безсвязную массу. При томъ же, хотя никакая философія не можетъ вполне избѣжать неясности и темноты, что должно приписать частью новости и глубины ея предмета, частью несовершенству языка, но тѣмъ не менѣе онъ въ высшей степени обладалъ даромъ яснаго изложенія, и самымъ общедоступнымъ образомъ могъ разрѣшать наитруднѣйшія задачи. Не смотря на нѣкоторыя невѣрности, заключающіяся въ «Океновой естественной философіи», книга эта есть, можетъ быть, единственное произведеніе, которое съ такою совершенною систематичностью объемлетъ и проникаетъ природу. Всякое новое философское ученіе всегда неопредѣленно; въ немъ всегда есть кое-что ложное, фантастическое и напыщенное, ибо все начинающееся уже по этому не можетъ быть совершеннымъ. Таково изложеніе и Окена. Но тѣмъ не менѣе оно выходило изъ головы своего творца прямо въ полномъ облаченіи, какъ вооруженная Минерва; оно всегда было ново, остроумно, твердо и всеобъемлюще, настоящій Космосъ! Нетрудно объяснить жестокую вражду, возбужденную этою книгою тотчасъ же по ея появленіи. Если вспомнить разговоръ Гёте и Шиллера о превращеніяхъ растений, то для насъ будетъ понятнѣе то великое противорѣчіе, съ какимъ была принята теорія превращенія міра: молнія среди ночнаго мрака ослѣпляетъ и причиняетъ боль. Утверждали, что онъ сводитъ съ ума юныя головы, и сообщаетъ имъ превратныя по-

нiя о самыхъ обыкновенныхъ истинахъ, что его ученiе неприложимо ни къ медицинѣ, ни къ естественной исторiи, и ни къ какой вообще опытной наукѣ, что его изложенiе постоянно движется въ сферѣ неясныхъ идей и т. д. Но отъ такихъ упрековъ не избавилась ни одна философская система, начиная отъ Канта до новѣйшаго времени: ибо въ каждой системѣ есть свое затрудненiе, когда мы не имѣемъ къ ней ключа.

Фихте, одинъ изъ острѣйшихъ мыслителей, сказалъ о Кантовыхъ сочиненiяхъ: «онъ рѣшительно не прежде понятны для того, кто уже не знаетъ, что въ нихъ заключается». Между тѣмъ это не служить нареканiемъ Канту, какъ мыслителю.

Научная система Окена представляла замкнутое цѣлое; ибо гений его не могъ терпѣть не систематическаго, безсвязнаго знанiя. Лозунгомъ его было *единство*, которое должно быть цѣлю всякаго истиннаго знанiя. Рядомъ умозаключенiй связывалъ онъ прiобрѣтенные факты при посредствѣ своего духа, и составлялъ изъ нихъ систему, иногда, правда, слишкомъ поспѣшную, но всегда остроумную, и часто паразитически вѣрную; ибо онъ всегда былъ полонъ идей, которыя, хотя и не всегда были вѣрны, но всегда оригинальны. Начало, подъ которое подводилъ всѣ явленiя природы, выразилъ онъ въ слѣдующемъ положенiи: всякое дѣйствiе должно быть опредѣляемо своими причинами, и ни въ какомъ дѣйствiи ничего не можетъ быть такого, чего нѣтъ въ причинѣ. Коротко: дитя по родителямъ.

Вооруженный этимъ началомъ, онъ сталъ историческимъ путемъ доискиваться познанiя природы. Путь этотъ былъ въ то же время и философскiй, ибо избранное Океномъ начало не произвольное правило, но аксиома, на которую онъ, при благоразумномъ обхожденiи съ нею, могъ смѣло опираться. Кто знаетъ, какъ, откуда и при какихъ условiяхъ произошелъ данный предметъ, тотъ легко узнаетъ его значенiе и сущность. Только причина объясняетъ дѣйствiе, начало—конецъ, и созданiе—бытiе.

Первоначально Окенъ посвятилъ себя медицинѣ: по этому первыя занятiя его были устремлены на органическую

природу. Мысль о превращеніи (*metamorphose*), которую по преимуществу возбудилъ Гёте, могла возникнуть только или въ такомъ поэтическомъ духѣ; или могла быть внушена созерцаніемъ растительной и животной жизни вообще; но физики и химики, въ особенности же послѣдніе, которыхъ изслѣдованія ограничивались въ то время почти только одними минералами, не такъ легко могли попасть на эту идею. Неорганическая природа уже болѣе не происходитъ, ея развитіе совершается гораздо медленнѣе, ея члены, періоды ея жизни слишкомъ огромны, и на изслѣдованіе ихъ недостаточна человеческая жизнь. Растенія же и животныя создаются передъ нашими глазами и переживаютъ тысячи превращеній. По этому изъ физиологіи мысль о превращеніи была перенесена на остальную природу, и то высшее положеніе, по которому дѣйствіе обуславливается причиною, дало ей твердую опору.

Такимъ образомъ необходимо должно было возникнуть ученіе о тождествѣ и параллелизмѣ естественныхъ тѣлъ, и вообще ученіе о тѣсной связи всего творенія, которое прежде всѣхъ было развито Океномъ. Въ предыдущемъ періодѣ науки говорили о живой и смертной природѣ, какъ о двухъ совершенно разнородныхъ явленіяхъ, но философія природы положила конецъ этому противоестественному раздѣленію: она соединила обѣ природы одною духовною и физическою жизнью, и съ этихъ поръ на растенія и животныя стали смотрѣть, какъ на продолженіе дѣйствій первоначальныхъ силъ, ихъ высшее развитіе. Впослѣдствіи къ этому естественному воззрѣнію прикинули общіе законы раздѣленія (*Differenzierung*), и полярности, которыхъ существованіе было указано этою школою какъ въ цѣлыхъ царствахъ природы, такъ и въ недѣлимыхъ, даѣе какъ въ недѣлимыхъ, такъ и въ ихъ органахъ и частицахъ, притомъ въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи ихъ.

Естественная исторія Окена и всѣ его мелкія сочиненія написаны подъ вліяніемъ верховнаго начала, принятаго имъ за аксіому генетическаго метода (связь дѣйствія и причины). Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ этого сочиненія, ибо я говорю не какъ критикъ, и притомъ говорю предъ ученою публикою, но вообще восхваляя Окена, я дол-

жень сказать, что послѣ Линнея никто не написалъ еще столь обширнаго и столь многостороннаго сочиненія о трехъ царствахъ природы, сочиненія, которое бы было составлено съ такою изумительною тщательностію по источникамъ, и котораго бы каждое новое изданіе все болѣе и болѣе улучшалось въ отношеніи къ критикѣ и системѣ. Сочиненіе это, безъ сомнѣнія, составляетъ главное основаніе всей естественной исторіи. При своемъ сжатомъ слоgъ Окенъ сумѣлъ обширное содержаніе изложить въ тѣсныхъ предѣлахъ. Онъ изчислилъ всѣ роды животныхъ, и описалъ не только ихъ характеристику, но и образъ жизни, мѣсто рожденія, пользу и т. п.: короче, онъ представилъ намъ полный образъ созданія. Что же касается до построенія системы этого сочиненія, то въ остроуміи по крайней мѣрѣ не откажутъ ей даже и тѣ, которые не раздѣляютъ его точки зрѣнія, или отвергаютъ всякое начало въ наукѣ. Онъ основалъ свою классификацію на исторіи развитія тварей и преобладанія разныхъ анатомическихъ системъ и главныхъ органовъ. Вслѣдствіе этого онъ получилъ законное число подраздѣленій царствъ природы. Какъ въ химіи принято законное число матеріальныхъ соединеній, такъ въ анатоміи принято законное число органовъ, въ физиологій — отправления, въ естественной исторіи классы, разряды и роды твореній. Этимъ онъ положилъ предѣлъ безконечнымъ раздѣленіямъ на роды и виды, и указалъ на параллелизмъ твореній. Многіе изъ французскихъ и англійскихъ ученыхъ приняли этотъ параллелизмъ, но отвергли начало, лежащее въ его основѣ. А между тѣмъ всякое ученіе переходитъ въ науку только тогда, когда оно проникается систематическимъ единствомъ. Поэтому Окенъ въ наукѣ ничѣмъ такъ не гордился, какъ своимъ началомъ. «Въ продолженіе многихъ лѣтъ», говоритъ онъ, «я преслѣдовалъ одно и то же начало и стремился развить его во всѣхъ повтореніяхъ. Несмотря на мои старанія собрать всѣ необходимыя для этого свѣдѣнія, я не могъ пріобрѣсти всего въ томъ объемѣ, въ какомъ нужно для системы, входящей во всѣ подробности. Надѣюсь, читатель пойметъ это, и будетъ снисходителенъ къ недостаткамъ, которыхъ нельзя избѣжать, если всю жизнь за-

ниматься только одною отраслью естествознанія. Очень хорошо знаю, что у меня многое не на своемъ мѣстѣ, но какая же система не страдаетъ этимъ недостаткомъ? Здѣсь идетъ дѣло только о возобновленіи зданія; принадлежности же его можно, безъ всякаго ущерба зданію, размѣстить гораздо послѣ. Естествознаніе не есть совершенно отдѣльная часть; она предполагается многія другія науки, какъ-то: анатомію и физиологію, химію, физику и даже медицину, исторію и географію. Следовательно, изъ этихъ наукъ довольно знать только главное, подробности же мы можемъ предоставить каждой особой наукѣ. Поэтому пробѣлы и ошибки въ естественной исторіи могутъ быть сглажены и исправлены только въ продолженіе значительнаго періода времени и совокупною дѣятельностію многихъ ученыхъ».

Не смотря на эту скромность, всякій согласится, что въ его естественной исторіи мѣсто многихъ тварей обозначено вѣрнѣе, нежели въ великихъ произведеніяхъ иностранныхъ естествоиспытателей. Такъ напр. Кювье въ своей зоологій слѣдуетъ старому, отступительному методу, (т. е. начинать съ человека), который, можетъ быть, удобенъ для преподаванія, но не идетъ къ системѣ; онъ несправедливо ставитъ насѣкомыя ниже слизняковъ, и дѣлаетъ многія другія ошибки, которыхъ избѣгнулъ Окенъ.

Вообще онъ съ вѣрнымъ тактомъ сдѣлалъ не одно драгоценное открытіе въ опытныхъ наукахъ; сверхъ того онъ многое исправилъ и систематически разработалъ. Такъ напр. ученіе о первоначальныхъ составныхъ частяхъ органическаго вещества, т. е. что всѣ органическія тѣла происходятъ изъ кѣлочекъ или пузырьковъ, получило начало свое отъ Окена въ его книгѣ «о рожденіи». «Первый переходъ неорганическаго вещества въ органическое, говоритъ онъ въ программѣ курса на 1808 годъ, *состоитъ въ превращеніи въ пузырьки*, который я называлъ въ своей теоріи о происхожденіи *инфузоріямъ*. Животныя и растенія суть ничто иное, какъ многообразно развитый или повторенный пузырекъ, что въ свое время я докажу вамъ анатомически. Эта мысль, такъ опредѣленно выраженная, тридцать лѣтъ оставалась забытою; и не прежде,

какъ чрезъ такое продолжительное время, столь плодovitая мысль (*) была наконецъ оценена надлежащимъ образомъ, и заняла достойное ея мѣсто въ наукѣ.

Другую важную заслугу оказалъ наукъ Окенъ открытіемъ образованія пищеварительнаго канала изъ *viscula umbilicalis* (пупочнаго пузырька) у млекопитающихъ, послѣ того, какъ К. Фер. Вольфъ первый открылъ его у птицъ; Окенъ же не только далъ правильное значеніе пупочному пузырьку, но и утвердиль тотъ способъ происхожденія пищеварительнаго канала общимъ основнымъ закономъ. Въ то же время открылъ онъ въ млекопитающихъ животныхъ первоначальныя почки, которыя по этому и называются *Океновыми тѣлами* (**).

Въ особенности замѣчательно ученіе его о значеніи костей, которое послужило основаніемъ другой важной теоріи.

Теорія его въ началѣ была осмѣяна, когда онъ въ первый разъ развилъ ее въ своей вступительной программѣ на кафедре профессора въ 1807 году; впоследствии, когда онъ возбудилъ къ ней большое вниманіе, и не смотря на все сопротивленіе, встрѣченное ею, съ помощію другихъ глубоко-мысленныхъ естественныхъ испытателей завоевалъ и упрочилъ для нея надлежащее мѣсто въ области науки, тогда старались отнять у него первенство основанія этого ученія. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ достаточно было говорено въ нашемъ собраніи въ 1830 году, и я считаю его вполне исчерпаннымъ.

Въ заключеніе позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ объ общемъ законѣ *симпатіи*, который въ первый разъ былъ объясненъ имъ въ вышеупомянутой программѣ. По этому закону специально сочувствовать могутъ только части тѣла, другъ другу соответствующія, такъ что нервы не есть причина, но скорѣе—слѣдствіе взаимнаго сочувственнаго соотношенія между органами, и что причина соотношенія чувствъ съ опредѣленными вліяніями неорганической природы заключается въ томъ же тождествѣ, въ томъ же параллелизмѣ, который соединяетъ сочувствіемъ различныя группы органовъ между собою.

(*) Преобразованная физиологическое ученіе. Пер.

(**) Въ физиологіи, впрочемъ, первоначальныя почки известны, обыкновенно, подъ названіемъ *Вольфовыхъ тѣлъ*. Пер.

Нѣкоторыя идеи генія Окена проникли и въ медицину. Кромѣ его сочиненія, увѣнчаннаго академическою наградою, о пупочныхъ грыжахъ, онъ имѣлъ мысль создать ученіе о порокахъ образованія и именно недообразованія (*fehlende bildungen*), такъ прекрасно развитое Мекелемъ, и старался подвести ученіе о специфическихъ дѣйствіяхъ лекарствъ подъ тотъ же параллелизмъ, который онъ признавалъ во всей остальной природѣ, и который въ послѣднее время онъ приложилъ къ общей терапіи.

Что установилось въ области физиологіи, то необходимо должно перейти въ патологию и другія сродныя медицинскія науки. Сѣмя, посѣянное тамъ, должно созрѣть здѣсь въ плодъ. Такъ какъ теперь болѣе, нежели когда-либо, патолого-анатомическимъ путемъ слѣдять за происхожденіемъ болѣзней и за постепеннымъ измѣненіемъ нормальныхъ тканей, такъ какъ теперь начали наблюдать за метаморфозомъ пищи въ нашемъ тѣлѣ и химическими превращеніями, которымъ подвергаются въ немъ также и лекарства, — коротко, такъ какъ теперь стараются основать біографію болѣзни, то кажется, что патологія тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ по проложенной стезѣ, чѣмъ менѣе она допуститъ, къ яснымъ и отчетливымъ положеніямъ философіи, примѣсь эмпирическихъ безсознательныхъ и бездоказательныхъ бредней, которыя только затемняютъ и задерживаютъ медицину въ ея развитіи.

Мнѣ не достало бы времени, если бы я вздумалъ исчислять всѣ геніальныя идеи, содержащіяся въ сочиненіяхъ Окена и въ особенности въ журналѣ «Изида», который онъ издавалъ до 1848 года. Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей, какъ опередившія современное состояніе науки, конечно, еще не оцѣнены по достоинству. Ибо геній видитъ обыкновенно дальше своего времени. Онъ дѣйствуетъ на современниковъ только тѣмъ, что соображается съ степенью ихъ развитія, и они могутъ понять только тѣ истины, для усвоенія которыхъ у нихъ есть надлежащій органъ. Мужами времени могутъ быть только счастливицы, которыхъ высокой геній совпадаетъ съ геніемъ современности. Кто же его опередилъ, тотъ тѣмъ менѣе можетъ возвыситься до себя современниковъ, чѣмъ болѣе онъ ихъ

превосходить, и есть уже современникъ будущихъ поколѣній: можетъ быть, ему въ его время будутъ удивляться, но чаще всего о немъ будутъ сожалѣть, какъ о заблудшемъ, или даже преслѣдовать, и только уже потомство воздастъ ему должную справедливость. Это подтверждается на каждой страницѣ исторіи. Около двухъ столѣтій должно было пройти, прежде нежели мысль Коперника была признана аксіомою; открытія Ньютонъ только спустя пол-вѣка были приняты наукою, и пневматическая теорія Мейовса (Mayow's) воскресла не прежде, какъ по истеченіи ста лѣтъ, когда Лавуазье точно такъ же не могъ не открыть ее, какъ его современники не могли вторично отринуть ее. Скоро пройдетъ уже пятьдесятъ лѣтъ, а между тѣмъ ученіе о развитіи черепа изъ позвонковъ (Winkelbildung) возбуждаетъ тамъ и сямъ сомнѣніе, которое можно принять либо за признакъ упадка науки, либо за послѣднія конвульсіи оканчивающагося научнаго періода.

Если я изобразилъ Окена, какъ естествоиспытателя, то позвольте теперь сказать о немъ нѣсколько словъ, какъ объ учителѣ и человѣкѣ. Окенъ принадлежалъ къ числу такихъ ученыхъ, которые изустнымъ преподаваніемъ дѣлали ученіе свое еще болѣе доступнымъ. Уже наружность его поражала оригинальностью, и изобличала необыкновенный характеръ.

Худощавое лицо его было рѣзко очерчено и оживлено умнымъ выраженіемъ; большіе каріе глаза, пронизательный взоръ, кудрявые темные волосы и южный цвѣтъ лица возвѣщали пламя, горѣвшее въ его душѣ; большой носъ и прямой, вытянутый станъ, обнаруживали въ немъ предпріимчивость, прямоту и рѣшительность характера; губы, которыя во время разговора обыкновенно выдавались впередъ, свидетельствовали объ его краснорѣчьи.

Надѣленный тонкою наблюдательностію и живою фантазіею—этими свойствами, необходимыми для великаго естествоиспытателя, онъ въ то же время обладалъ даромъ живаго и яснаго изложенія, которое онъ всегда умѣлъ укрѣпить множествомъ доводовъ. Какъ ни страненъ иногда его слогъ, но изустное преподаваніе его всегда было искусно и сильно, такъ что ученики его охотно готовы были клясться за слова

учителя. Избѣгая всякаго многословія, онъ всегда дѣйствовалъ увлекательно на своихъ слушателей, ибо онъ не только обращалъ ихъ вниманіе на извѣстные предметы, но и заставлялъ задумываться. Если онъ, какъ неутомимый ученый, всегда спѣшилъ въ назначенное время отъ своего отдохновенія, шахматной игры или прогулки, къ своему письменному столу, то онъ, какъ не менѣе прилежный профессоръ, почти никогда не пропускалъ лекціи, и до глубокой старости, даже за нѣсколько недѣль до своей смерти, съжею и юношескою любовью преданъ былъ своему призванію.

Окенъ, какъ человекъ, былъ столько же великъ, какъ ученый и профессоръ. Дружба, благонамѣренность и человеколюбіе, рѣдкая твердость и прямота характера, благодарность и великодушіе, и вообще живое сочувствіе ко всему высокому — составляли отличительнѣйшія его свойства, во всю его жизнь. Какъ непоколебимъ былъ онъ въ томъ, что принималъ за научную истину, такъ вѣренъ и привязанъ былъ всегда къ друзьямъ своимъ. Сдѣлавшись рано сиротою, и будучи воспитанъ ученымъ ректоромъ баденскаго лицея — Мейеромъ, вотъ какъ выразился онъ нѣкогда о своей родинѣ: «Неужели я долженъ разстаться и съ Баденомъ, Баденомъ, который вызвалъ во мнѣ первое сознаніе о моемъ назначеніи, и далъ мужество для его выполненія. Нѣтъ, я никогда не перестану о немъ думать, и лично выражу благодарность тѣмъ людямъ, безъ которыхъ никогда не былъ бы я пробужденъ изъ усыпленія». Такую же неизмѣнную привязанность питалъ онъ и къ Іенѣ, гдѣ довершилъ свое развитіе и приобрѣлъ себѣ вѣрную подругу жизни и многихъ друзей. Не смотря на многія огорченія, претерпѣнные имъ въ этомъ городѣ во время его профессорскаго поприща, онъ былъ такъ благороденъ, что по выходѣ изъ тамошняго университета при всякомъ удобномъ случаѣ отзывался о немъ съ величайшею похвалою. Позвольте мнѣ пропустить эти несчастныя событія, которыя въ 1833 году побудили нашего Окена оставить Германію (*) и принять приглашеніе въ новооснованный

(*) Ораторъ и панегиристъ не хотѣлъ вложить тѣни на своего героя, а Окенъ въ то время увлекался слишкомъ, и подаль справедливый поводъ обвинить себя. Ред.

цюрхскій университетъ, куда манило его желаніе сдѣлаться участникомъ въ основаніи новаго святилища науки. Но между тѣмъ, какъ эти печальныя событія, бросившія сильную тѣнь на Германію, нисколько не могли ослабить его непоколебимое мужество, — онъ въ тоже время во многихъ другихъ отношеніяхъ нерѣдко забывалъ свою личность. Исполненный чело-вѣколюбія и щедрости, воодушевленный стремленіемъ помогать всѣмъ словомъ и дѣломъ, онъ нерѣдко былъ обманываемъ, такъ что послѣ пятидесятилѣтней неутомимой дѣятельности и долголѣтней жизни онъ оставилъ по себѣ только огромную библіотеку, для которой онъ во многомъ себѣ отказывалъ.

Какъ нѣмецъ, онъ принималъ живѣйшее участіе въ великомъ движеніи Германіи во время войны 1813 года. Но при всемъ своемъ патріотизмѣ онъ былъ достаточно самостоятеленъ, чтобы удержатъ себя вдали отъ всѣхъ политическихъ партій. Онъ даже публично предостерегалъ своихъ учениковъ отъ всякаго сумасброднаго вмѣшательства въ дѣло государства. Такъ между прочимъ онъ произнесъ нѣкогда слѣдующія памятныя мнѣ слова: «Берегитесь ниспускаться до партій; это доказало бы, что вы не знаете, что сословіе ученыхъ повторяетъ въ себѣ государство, и что существо его разрушается раздробленіемъ на партіи. Остерегайтесь также мысли, что будто бы на васъ поκειται благосостояніе, существованіе и честь Германіи. Германія поκειται только на самой себѣ, на цѣломъ. Каждое сословіе есть членъ въ тѣлѣ государства, который содѣйствуетъ сохраненію государства лишь на столько, на сколько позволяетъ ему это его положеніе въ обществѣ. Конечно, вамъ суждено дѣйствовать нѣкогда, какъ частямъ головы; но голова безсильна, ежели члены и внутренности отказываются служить ей. Вы теперь еще молоды, а молодости прилично только думать о своемъ нравственномъ развитіи; обо всемъ же другомъ ей не слѣдуетъ заботиться. Государство вамъ теперь чуждо, оно касается вамъ лишь на столько, насколько вы общаете сдѣлаться впоследствии его дѣйствующими членами. Вамъ нечего разсуждать, что въ государствѣ хорошо, или худо: вамъ слѣдуетъ только думать о томъ, какъ вы нѣкогда должны будете дѣйствовать въ госу-

дарствъ, и что нужно для того, чтобы вы могли приготовить себя къ этой дѣйствительности. Словомъ, все, что вы ни дѣлаете, вы должны дѣлать только по отношенію къ самимъ себѣ, отношенію къ наукѣ; отъ всего же другаго, какъ чуждаго вашимъ занятіямъ, вы должны удаляться, если не хотите сдѣлаться смѣшными!

Окенъ довольствовался малымъ и не имѣлъ притязаній на фортуны. Но онъ любилъ общество и былъ веселымъ собесѣдникомъ при своемъ умѣ и остроуміи; онъ даже и въ послѣдніе годы жизни умѣлъ оживлять его, и тѣмъ пріобрѣталъ любовь всѣхъ знакомыхъ. Въ Цюрихѣ, гдѣ онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ политики, и думалъ только объ усовершенствованіи новаго университета, жилъ онъ, наслаждаясь природою и наукою, и пользуясь уваженіемъ и любовію товарищей и согражданъ, что ясно обнаружилось при его погребеніи, когда люди всѣхъ мнѣній и всѣхъ сословій проводили его до могилы. Его разнообразныя свѣденія въ филологіи, археологіи и исторіи дѣлали бесѣду его очень интересною. Его многосторонняя любознательность побудила его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ отправляться осенью въ Ульмъ, и оттуда внизъ по Дунаю, для изслѣдованія проходящей тамъ Римской дороги. Онъ пожертвовалъ даже нѣсколько сотъ гульденовъ для производства въ томъ мѣстѣ разрытій, которыхъ результатъ, какъ я слышалъ, изложилъ онъ въ одномъ неизданномъ сочиненіи. Многія новыя имена, употребленныя имъ въ его естественной исторіи, и заимствованныя изъ древне-нѣмецкаго языка, свидѣтельствуютъ какъ объ его познаніяхъ, такъ и патріотическомъ стремленіи ввести нѣмецкій языкъ въ естественныя науки. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то: Kerfe—насъкомыя, Quallen—морскія крапивы или медузы, Lurchen—земноводныя, амфибіи, вошли въ общее употребленіе, но въ сочиненіяхъ его есть множество и другихъ, которыя также вполне могутъ замѣнить латинскія и греческія названія.

Но главнѣйшая заслуга его для общества—это основаніе собраній, которыя нынѣ привели насъ въ гостепріимную столицу князя, исполненнаго ума и патріотизма, собственными трудами содѣйствующаго искусству и наукѣ.

Это последнее дѣло Окена. Какъ его литературная дѣятельность посредствомъ обширной естественной исторіи имѣла вліяніе на народъ, такъ точно этимъ популярнымъ учрежденіемъ старался онъ установить живое сообщеніе между естествоиспытателями и врачами. Этими собраніями хотѣлъ онъ достигнуть единства и согласія въ ученой дѣятельности, что во Франціи и Англіи производилось въ дѣйствіе большими метрополіями этихъ странъ Парижемъ и Лондономъ, гдѣ соединены, гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ у насъ, естествоиспытатели и знаменитые врачи этихъ странъ, которые вступая, другъ съ другомъ въ научныя связи, приобрѣтаютъ возможность совершить великое въ наукѣ, чего имъцы сдѣлать не въ состояніи; но всего больше думалъ онъ чрезъ это ввести въ критику учтивый и достойный тонъ, а для достиженія этого, безъ сомнѣнія, нѣтъ лучшаго средства, какъ личное знакомство ученыхъ. Въ первыхъ десяти или двѣнадцати собраніяхъ онъ постоянно самъ принималъ участіе, но потомъ онъ лично пересталъ участвовать въ нихъ. Теперь онъ навсегда оставилъ этотъ театръ своей публичной дѣятельности, и намъ осталось только заплатить усопшему другу дань благодарности, въ которой Германія отказывала ему часто при его жизни. Это-то чувство и внушило намъ открыть подписку на сооруженіе памятника великому естествоиспытателю, превосходному учителю и основателю нашего общества, который не дожилъ одного только года до своего литературнаго юбилея. Слава его есть и наша слава, и мы собраны здѣсь его мыслію; образъ его живетъ въ нашемъ воспоминаніи, но нужно увѣковѣчить и для потомства то уваженіе и любовь, съ которыми мы его поминаемъ.

Итакъ, мужественный поборникъ истины, успокойся отъ своей неутомимой дѣятельности! Заслуженный тобою лавръ не украсилъ твоего лица, но неувыдаемый вѣнецъ науки цвѣтетъ и для тебя!

(Въ одномъ изъ моихъ путешествій я встрѣтился съ Океномъ, и имѣлъ честь съ нимъ познакомиться, проѣхавъ вѣзду отъ Милана до Париза. Встрѣчу свою я записалъ въ своемъ дневникѣ: читатели найдутъ въ смѣси выписку оттуда, можетъ быть нелишнюю для нихъ и послѣ прочтенной торжественной рѣчи.)

Говоря объ Окенѣ, нельзя не вспомнить о русскомъ ученомъ, который принесъ къ намъ его ученіе, искренно ему сочувствовалъ, и обладалъ отъ природы въ высшей степени тою методою, которою прославился Окенъ. Я говорю о М. Г. Павловѣ, вѣвшемъ силлогизмъ могущественный, живой, врожденный. Общій упрекъ ему былъ—недостатокъ положительныхъ свѣдѣній, упрекъ справедливый, но сочиненія его все таки требуютъ новой оцѣнки, и для чести русскаго имени надо объ ней позаботиться. М. Ш.)

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

СВАДЕННЫЯ ПРИГOTOВЛЕНІЯ ВЪ СТАРИНУ.

(Сообщено В. А. Борисовымъ).

Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу
всѣя Руси бѣть челомъ и являеть сирота твой Государевъ,
Миханловъ человекъ Ивановича Корамышева, Гаврилко Офо-
насьевъ, на Иванова человека Каленниковича Зюзина, на Юрья
Ортемьева, сына Сечугова. Дѣлося, Государь, въ 142 (1634)
году, сговорилъ есьми за себя жениться у того Иванова чело-
вѣка у Юрья, Ортемьева сына, за ево дочь, за вдову Оринѣ
Юрьеву; а жениться было мнѣ Гаврилку на той вдовѣ Оринѣ
въ нонешнемъ же въ 142 году на срокъ на Михайловъ день,
и, Государь, на тотъ срокъ къ свадьбѣ готовился, пиво варилъ,
и вино сидѣлъ, и всякой хирчъ готовилъ, и на срокъ жениться
готовъ былъ, и погызъ весь собралъ, и память стынчальную
сыпрасилъ села Назарьева на покровскова попа Микиту, что
было ему по той памяти вѣнчать. И тотъ попъ Микита про-
силъ у меня отъ вѣнчанья дву рублевъ, и я, Государь, тому
попу денегъ не далъ, и тотъ, Государь, попъ Микита, по сердцу
оговорилъ меня Селиверсту Дашкову, не похотя меня вѣнчать.
Селиверстъ Оксентьевичъ на тотъ мой срокъ кануть Михайлова
дни, по ево Микитину ложному оговору, велѣлъ меня сковать
и послать въ Шую въ тюрьму; и я, Государь, на тотъ срокъ
по неволѣ не женился, и сидѣлъ въ тюрьмѣ недѣль съ пят-
нацать, и государь мой, Михайло Ивановичъ, изъ тюрьмы меня
вынялъ, и въ нонѣшнемъ, Государь, въ 144 году, въ великой
мясоѣдъ, за двѣ недѣли до масляницы, прислалъ государь
мой меня въ Шую жениться по зарядной записи къ тому
Юрию Сечугову, на ево дочери, вдовѣ Оринѣ; и я, Государь,
вѣривавъ къ тому Юрию, людей послалъ, чтобы готовился ко
свадьбѣ къ послѣдному воскресенью; и тотъ, Государь, Юрья
мнѣ отказалъ дочь свою за меня не давать, и мнѣ, Государь,
стало нонеча проѣсти и волокиты, и что было куплено, то я
невѣсть всякіе покупки—ларецъ и зеркало и бѣлмла, перстни

и кресты и мыла и всякіе рухляди рублевъ на десять съ полтиною. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи, вели мое челобитье и явку записать, Царь Государь—смилуйся пожалуй.

ПРИКАЗЪ СТОЛЬНИКА КОДОНТАЕВА СЛАЗЪ ЕГО ВЪ МОСКВУ.

(Сообщено Т. Н. Шишкинымъ).

Отъ Елисѣя Васильевича челоуѣку нашему Артемію.— А какъ получишь ты сію грамотку,—и сходить бы тебѣ къ Петру Ильичу, а буде тебѣ Петръ Ильичъ скажетъ идти тебѣ къ дьяку Василию Сычину, и сходить бы тебѣ къ нему, а пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи, а прежде разуведай, весель ли дьякъ, и тогда бы тебѣ войти къ нему и побить челомъ крѣпко, и грамотку, буде Петръ Ильичъ дастъ тебѣ, дьяку отдать, а приметъ дьякъ грамотку прилежно, и тебѣ бы ему три рубля дать, да обыщать еще, а курей, и пива, и ветчины самому дьяку не отдавай, а страпухъ. Буде дьякъ не весель, не ходи, а жди Петра Ильича совѣта. А отдать бы тебѣ однорядку мурано-зелену Петру Ильичу, да тѣлогрѣю камчатую Ѳедосѣя Васильевнѣ, а кунью шубу у Петра Ильича возьми, да съ Гришкою пришли, а соболей на Москвѣ приторгуй и о томъ ко мнѣ отпиши. А о Прошкиномъ дѣлѣ сходить бы тебѣ къ подъячему Степкѣ Ремезову, и попросить бы его тебѣ, чтобы сдѣлать, а къ Кириллѣ Семенычу не ходи: тотъ проклятый Степка все себѣ въ лапы забрать; а отъ моего имени Степки тебѣ не просить: я его подлаго вора чествовать не хочу; а понести бы тебѣ ему три алтына денегъ, да рыбы сушеной, да вина, и онъ тебѣ Прошкино дѣло сдѣлаетъ;—а онъ Степка—жадущая рожка и пьяная. А сходить бы тебѣ Артемію къ Нѣмцу Грейнзю, да напомнить бы ему, да побить челомъ о винѣ заморскомъ, и о томъ мнѣ отпиши съ Гришкою. А отцу Дороею поклонись и благословенія попроси, и чтобы молебень отслужилъ, а рыбу ему отдай, а Гришкѣ накажи, чтобы у Петра Ильича боярской медъ сыгнать и медъ съ зельемъ сыгнать выучился, а зелья того для меда пришли. А я твою работу помню и не забуду. 1642 г. Апрѣля 5.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

О ПРИВАТНОЙ ЖИЗНИ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА, О НѢКОТОРЫХЪ ЧЕРТАХЪ ЕГО ХАРАКТЕРА И АНЕКДОТАХЪ (*).

(Въ последнее время).

... Въ повѣствованіяхъ 1790 года видѣли мы Потемкина въ публичныхъ его дѣйствіяхъ. Теперь надобно поговорить о его приватной жизни, нѣкоторыхъ открывшихся его предпріятіяхъ, анекдотахъ, изображающихъ нѣкоторымъ образомъ его характеръ, и вообще о вещахъ, лично до него касающихся. — Время свое проводилъ онъ большею частью въ Яссахъ. Только для перемены мѣста отъѣзжалъ онъ иногда въ Бендеры и другія мѣста, больше для прогулки, нежели по надобностямъ. Яссы всегда оставались его столицею. Тутъ пребывалъ онъ съ пышностію и великолѣпіемъ, приличными великому государю, и удовлетворялъ съ невѣроятнымъ легкомысліемъ расточительности собственной и прихотямъ окружавшихъ его женщинъ. Онъ имѣлъ у себя полную капелю музыки, выписывалъ танцовщиковъ изъ Франціи, имѣлъ собственный театръ, который переезжалъ за нимъ во всѣ мѣста; содержалъ за дорожную цѣну виртуозовъ разнаго рода, пѣвицъ, плясунювъ, шутовъ, забавныхъ дураковъ, и даже хоръ раскольниковъ, кои распѣвали старинное столповое пѣніе, когда ему было угодно. Онъ посылалъ въ Варшаву за картами, въ разные города русскіе за кислую капустою, солеными огурцами, или за стерляжьего ухаю; содержалъ множество служителей, и выписывалъ для оныхъ богатые ливреи изъ Петербурга. Курьеру, котораго посылалъ онъ въ Парижъ за танцовщиками и теа-

(*) Изъ современной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ редактора.

тральными приборами, далъ онъ на расходы вексель въ 11000 червонныхъ. Прочія галантерейныя вещи, кои выписывалъ онъ чрезъ купцовъ изъ Франціи, привозили водою въ С.-Петербургъ. Нѣкогда пришлось съ нихъ одной пошлны 12000 руб.... Съ обывателями Яссы, особливо же съ знаменитыми Молдавцами и ихъ женами, обходился онъ съ крайнею вѣжливостію, что для бывшихъ тамъ Россіянъ казалось странностію, ибо они такого снисхожденія въ немъ не выдывали....

Мы отступимъ здѣсь отъ теченія настоящей повѣсти, чтобы помѣстить нѣсколько анекдотовъ изъ его жизни. Сн хаосическія черты смѣси его свойствъ послужать къ опредѣленію страннаго совокупленія въ его характеръ добродѣтелей и пороковъ, величія и низости.

Нѣкоторый, въ деревнѣ жительствовавшій, дворянинъ чрезъ пожаръ лишенъ былъ всего малаго своего имуществва, и со всѣмъ семействомъ своимъ подвергся крайней нищетѣ. Печальнымъ случаемъ встрѣтился онъ съ княземъ Потемкинымъ, и, совсѣмъ не зная его, разсказалъ ему о своемъ несчастіи. Потемкинъ, тронутый бѣдностію его семейства, подаль ему рубль; но какъ далѣе не хотѣлъ онъ расточать своихъ благодѣлній на удачу, то приказалъ о состояніи дворянина сего развѣдать, и узнать, что онъ сказывалъ истину, опредѣлилъ ему ежегодный пенсіонъ по 600 руб., которые сей дворянинъ и получалъ нѣсколько лѣтъ, не вѣдая, отъ кого милость сія происходитъ.

Подобнымъ образомъ поступилъ онъ съ отставленнымъ за тяжкую рану изъ военной службы безъ всякаго пенсіона офицеромъ, имѣвшимъ жену и осмерыхъ дѣтей, и который велъ самую бѣдную жизнь. Князь Потемкинъ, подвигнутый состраданіемъ къ сему впрочемъ вѣрному слугѣ своего отечества, назначилъ оному пожизненное жалованье, 600 рублей на годъ, которое офицеръ сей, также не вѣдая отъ кого, получалъ по самую кончину князя Потемкина.—Подобныхъ благородныхъ подвиговъ, изъ состраданія къ бѣднымъ, безъ различія состояній, оказалъ онъ несчетно; можно бы вписать здѣсь имена осчастливленныхъ имъ, и самыя произшествія, если бы то было нужно.

Ходъ правосудія, которое князь Потемкинъ имѣлъ преимущественнымъ предметомъ своего вниманія, старался онъ, какъ въ военномъ, такъ и гражданскомъ состояніи, поддерживать по точнымъ словамъ закона, и преступающихъ оный строго наказывать. Нѣкоторый полщейскій чиновникъ въ Ригѣ, на коего донесено было въ притѣсненіяхъ и взяткахъ, послѣ изобличенія сосланъ вѣчно въ ссылку. Въ подобныхъ случаяхъ отъ Потемкина можно было ожидать строжайшаго удовлетворенія. Напротивъ никто не смѣлъ предстать къ нему съ жалобою на кого-нибудь, или съ доносомъ о преступленіи, ежели не имѣлъ при себѣ по крайней мѣрѣ половины ясныхъ доказательствъ; никогда не рѣшалъ онъ никакого дѣла, не изслѣдовавъ онаго обстоятельно, и не собравъ съ точностію всѣхъ относящихся до него подробностей. Извѣстны случаи, что нѣкоторыя тяжбы, зависѣвшія отъ рѣшенія князя Потемкина, по причинѣ изслѣдованій продолжались по нѣскольку лѣтъ: тогда уже, когда не оставалось ни въ чемъ сомнѣнія, произносилъ онъ приговоръ свой, и при томъ никакія убѣжденія не могли подѣйствовать столько, чтобъ отступилъ онъ отъ закона.

Въ наказаніяхъ, особливо же когда надлежало оныя производить для обузданія другихъ отъ преступленія, или явить временное наказаніе преступленію впѣрвые совершенному, былъ онъ неумолимъ. Не рѣдко онъ говаривалъ: *Строгое наказаніе перваго преступленія есть дѣйствительнѣйшее средство уничтожить охоту ко второму.*

Во время пребыванія князя Потемкина въ Яссахъ, нѣкоторый купецъ, въ домъ коего произведена была великая покража, произносилъ жалобы, что случай къ тому подали имѣвшіе въ домъ его квартиру служители княжескіе, частою ходьбою со двора въ ночное время, въ разсужденіи чего нельзя было заперать ни воротъ, ни дверей. Потемкинъ, узнавъ о семъ, приказалъ изслѣдовать истину и на сколько у купца сего похищено, и когда обстоятельство было изыскано, купецъ получилъ удовлетвореніе наличными деньгами на счетъ Потемкина.

Каковымъ образомъ соблюдалъ онъ правосудіе въ областяхъ, отъ Монархини ему порученныхъ, съ равною строгостію поступать и съ тѣми, кои безъ его повелѣнія производили вымогательства и насилія, даже въ земляхъ непріятельскихъ. Нѣкто изъ служителей, надлежащихъ къ конюшнѣ Потемкина, по взятіи Очакова, когда уже все приведено было въ устройство, ворвался въ нѣкоторый домъ вооруженною рукою, и вымогалъ денегъ. Когда дошла о семъ жалоба къ князю, служитель въ тотъ же день наказанъ былъ по законамъ.

Князь Потемкинъ, хотя не былъ ни жестокъ, ни мстителямъ, но не оставлялъ безъ наказанія поступающихъ противъ его приказаній, нарушающихъ должное къ нему почтеніе, также и находившихъ осужденія достойное въ его характеръ. Примѣромъ сего можетъ служить слѣдующее происшествіе.

Нѣкто Т***, чрезъ покровительство достигшій достоинства генералъ-порутческаго, и, кромѣ сего счастливаго случая, не имѣвшій ни особливыхъ дарованій, ни заслугъ, на чемъ бы могъ основывать свою опору, замѣтилъ, что князь Потемкинъ не оказываетъ къ нему ни малаго уваженія. Раздраженъ бывъ равнодушіемъ, съ каковымъ Потемкинъ всегда съ нимъ обходился, воспользовался онъ удобностію отмстить ему, когда приглашенъ былъ къ его столу. Заведя разговоръ, издумавъ онъ позабавиться на счетъ князя, и склонилъ слово къ тому, сколько гордость унижаетъ cadaго человека. Князь, замѣтивъ, къ чему относятся слова его, спросилъ у него съ полнымъ равнодушіемъ, какого онъ мнѣнія о томъ: «чья гордость обществу и государству болѣе вредна: человека ли, основывающаго оную на своихъ достоинствахъ и заслугахъ, или того, кто, достоинствъ не имѣя, возвысился случайнымъ образомъ, и не меньше гордъ, какъ и первый?» — Конечно послѣдняго, отвѣчалъ сей генералъ, отвѣчали и многіе изъ участвовавшихъ въ разговоръ. «Хорошо! продолжалъ князь; я съ моей стороны не замѣчаю, кто изъ подчиненныхъ мнѣ генераловъ больше или меньше неспособенъ къ употребленію по его званію: но государству, и тѣмъ, кои вышли своими достоинствами и заслугами, не можетъ быть равнодушенъ тотъ человекъ, который безъ всякихъ заслугъ старается съ ними равняться, или

еще впередъ забывать. Ваше собственное рѣшеніе, продолжалъ онъ къ сему генералу, приводитъ меня къ вознамѣренію вывѣшивать награжденія по мѣрѣ заслугъ. И такъ, по окончаніи стола, ваше превосходительство, вслѣдствіе моего приказанія, должны будете немедленно оставить армію; а мѣсто «ваше постараюсь я замѣнить человѣкомъ, который столько «же имѣетъ причинъ гордиться своими способностями, какъ «и вы пріобрѣтеннымъ титуломъ безъ заслугъ». — Сей Т. дѣйствительно былъ отставленъ, и Императрица, всегда ревностно защищавшая знаменитость своего любимца, столько прогнѣвалась на дерзостнаго Т., что немедленно его отставила, и только по усиленной просьбѣ князя Потемкина, съ пенсіономъ.

Князь Потемкинъ во всю жизнь свою никого несчастливымъ не сдѣлалъ: онъ только отдалялъ отъ себя людей для него непріятныхъ, или тѣхъ, о которыхъ заключалъ, что они ему на пути его мышають; успокоивъ же себя, сколько ни былъ въ состояніи гнать подвергающихся его негодованію, номщеніе его далеко не простиралось. Напротивъ, приверженныхъ къ нему при всякомъ случаѣ старался возвысить, обогатить и сдѣлать счастливыми.

Умѣлъ легкія противъ него вины наказывать также легкими, иногда шуточными отплатами. Примѣровъ такихъ довольно; я приведу изъ оныхъ нѣсколько.

Князь Потемкинъ, имѣвъ мысли непрестанно занятія великими предпріятіями, и видя, что исполненіе оныхъ либо затрудняется, или должно быть отложено на долгое время, впадалъ отъ того въ мрачность, недѣятельность и нѣкую лѣнность, такъ что скучалъ дѣлами, и ни за что не принимался. Въ такомъ припадкѣ недѣятельности, когда онъ управлялъ военною коллегіею, яко президентъ, нѣкогда дѣла въ теченіи своемъ остановились; хотя къ подписанію его заготовлено было оныхъ много, но онъ приходящихъ къ нему съ сими бумагами, иногда не допускалъ, а временемъ и выгонялъ тѣхъ, кои были посмѣлье. Нѣкто изъ чиновниковъ коллегіи, человѣкъ ревностный къ службѣ, и состоявшій уже въ чинѣ именитомъ, негодуя на таковую остановку въ теченіи и исполненіи дѣлъ, упрекалъ ходившихъ къ князю Потемкину съ бу-

магами, въ назначеніи или недостаткѣ въ смѣлости, чтобы представить князю, сколько отъ того многіе терпятъ, и что порядокъ теченія дѣлъ пришелъ въ совершенную разстройку. Онъ взялся самъ идти къ князю съ бумагами, и похвасталъ, что съ неподписанными конечно не возвратится. Забравъ цѣлую пачку приготовленныхъ дѣлъ, вошелъ онъ въ обыкновенную пріемную комнату, и по счастью, какъ онъ думалъ, нашелъ въ ней князя. Донесены ли были князю рубли сего почтеннаго человека (*), или онъ, увидя кину бумажъ, понялъ, къ чему дѣло клонится, того за вѣрное сказать не могу, но князь, увидѣвъ его, съ особливою ласковостію ему сказалъ: «Ахъ!... ты очень къ статѣ пришесть! Самое свободное время. Пойдемъ въ кабинетъ и займемся дѣлами.» Обрадованный докладчикъ слѣдовалъ за княземъ, который сѣлъ за столъ, и спрашивая при каждой бумагѣ, о чемъ дѣло, проворно подписывалъ. Докладчикъ потѣлъ отъ радости и торопливости въ засыпаніи пескомъ и складываніи бумагъ подписанныхъ. Въ полчаса времени бумаги всѣ были подписаны. Князь, подавая ему послѣднюю бумагу, сказалъ: «съ Богомъ, братецъ! я радъ, что съ тобою расквитался.» Съ торжествомъ и важнымъ видомъ возвратился сей добрый мужъ въ коллегію, и клалъ бумаги на столъ. Служащіе окружили его, и нѣсколько голосовъ вдругъ вопрошали у него о успѣхѣ — «Вы думаете по вашему! я напередъ сказать, что князь у меня подпишетъ.» Но сколько велики были его изумленіе и досада, когда онъ и другіе, разбирая сіи бумаги, увидѣли, что на каждой вмѣсто обыкновеннаго подписанія: князь Потемкинъ, поочередно написаны были только слѣдующія слова: *пѣтухъ, пѣтушокъ, пѣтушочикъ, пѣтушишко, пѣтушоночекъ*. Сія игрушка относилась къ сходству прозванія сего человека, и составляла насмѣшку за ту смѣлость, что онъ вошелъ съ дѣлами безъ доклада.

Нѣкто изъ генералитета, состоявшаго подъ начальствомъ князя Потемкина, пріѣхалъ въ Яссы, чтобы показаться его

(*) Князь Потемкинъ, во все время случая своего, имѣлъ лазутчиковъ, кои не только о всякомъ происшествіи, особливо же до него относящемся, но даже о мелочахъ ему доносили. Не дѣлалъ онъ великаго шума, не дѣлалъ слѣдствій и мщенія, но только предотвращалъ ему противное, и удалялъ людей ему вредныхъ.

свѣтлости; но не былъ счастливѣе другихъ въ разсужденіи свиданія. Прошло нѣсколько недѣль, въ которыя онъ неоднократно о себѣ доложить просилъ, и каждый день посещалъ пріемный залъ, безъ всякаго успѣха. Наскучивъ своею неудачею, сказалъ онъ въ одной бесѣдѣ: «истинно странно! нравъ нашего начальника! Пріѣхавъ нарочно, живучи нѣсколько времени, не удается и въ глаза его увидѣть. Можно бы кажется и чинъ мой уважить! вѣдь я не капралъ!» Слова сія пересказаны были Потемкину. По прошествіи нѣсколькихъ дней, пріѣзжаетъ онъ опять въ квартиру княжескую, и просить, чтобъ объ немъ доложили; ему отворяютъ двери. «Я прошу доложить обо мнѣ князю». Ему отвѣчаютъ: «есть особое объ васъ приказаніе, и вы можете всегда идти прямо въ кабинетъ». Онъ шествуетъ въ великой радости, и наконецъ отворяютъ предъ нимъ двери кабинета. Едва онъ былъ въ дверяхъ, князь началъ медленно подниматься съ своихъ креселъ. «Помилюте, ваша свѣтлость!» сказалъ восхищенный генералъ, принявъ то за особенную вѣжливость и уваженіе къ себѣ, не беспокоится. — «Охъ, отяжись братецъ, отвѣчалъ князь по обыкновенію своему скобенился и сморщивъ лице, меня на сторону понуждаетъ.» — Тѣмъ свиданіе сіе кончилось, и они болѣе уже не видались.

Въ числѣ короткихъ и близкихъ людей въ домѣ княжонъ, полагалъ себя и В*, потому что князь иногда входилъ съ нимъ въ разговоры, и любилъ, чтобъ онъ былъ во время ночныхъ его бесѣдъ. Самолюбіе чловѣку сему внушало, что онъ дѣйствительно принадлежитъ къ числу любимцевъ княжескихъ. Обращаясь съ нимъ отчасу фамиліарнѣе, вздумалъ онъ наконецъ подавать князю и совѣты. «Ваша свѣтлость, сказалъ онъ, не хорошо дѣлаете, что не ограничите число имѣющихъ счастье препровождать съ вами время; потому что между оными есть много и пустыхъ людей». «Твоя правда, отвѣчалъ ему князь: я совѣтомъ твоимъ воспользуюсь». Послѣ сего князь разстался съ нимъ съ обыкновенною ласковостію. На другой день В* пріѣзжаетъ, и хочетъ, какъ и прежде бывало, войти къ князю. Офиціантъ затворяетъ передъ нимъ дверь, сказавъ: «васъ не вѣльно допускать». — «Какъ! произ-

нестъ изумленнѣй В*, ты ошибся во мнѣ, или имени моемъ». «Пѣтъ, сударь, сказалъ тотъ: я довольно васъ знаю, и ваше имя первое въ ресстрѣ, въ слѣдствіе вашего совѣта». Въ самомъ дѣлѣ, съ того времени не былъ уже онъ никогда допущаемъ къ князю.

Между незваными гостями, нѣкто В* почти каждый день посѣщалъ князя, садился за столъ прежде другихъ, и первый бралъ карту, когда князю угодно было играть. Князь довольно вѣдая, что не онъ выдумалъ порохъ, терпѣлъ его, и даже забавлялся иногда его разговорами и сужденіями. В* по глупости своей счелъ то за особенное дружество со стороны князя, гордился тѣмъ, хвасталъ, и началъ нѣкоторымъ обѣщать свое покровительство. Князю сіе наскучило: онъ вздумалъ сдѣлать съ нимъ шутку, и показать всѣмъ, на какихъ условіяхъ В* терпимъ въ числѣ его посѣщающихъ. Нѣкогда князь назначилъ у себя пріятельскую вечеринку: В* явился еще къ обѣду; тогда не было еще никого, кромѣ двухъ любимцевъ княжихъ. «Какъ жарко! сказалъ князь, поѣдемъ купаться». В* обрадовался сему приглашенію. Поѣхали въ лѣтній садъ. В* не имѣлъ на передней части головы волосъ, и для того носилъ накладку. «Гдѣ жъ мы станемъ раздѣваться?» сказалъ онъ князю. «Зачѣмъ раздѣваться, сказалъ князь, и вошелъ въ бассейнъ въ халатъ. В* позаупрявился было; но его шутя втащили въ воду, въ мундиръ, и купали до тѣхъ поръ, пока смыли съ головы накладку. Послѣ купанья В* просился домой, чтобъ переодѣться: его не пустили; онъ привезенъ былъ къ князю въ домъ, посаженъ съ княземъ играть въ карты, принужденъ мокрый и съ блестящею головою танцовать, и пробить весь вечеръ посмѣшищемъ.

Два нижеслѣдующихъ анекдота доказываютъ, что князь старался испытывать характеръ тѣхъ людей, кои обращали на себя его вниманіе. — Заслуженный мужъ Ч., человекъ отменно высокаго роста, былъ нѣкогда благодѣтелемъ князя Потемкина; поелику, сказано еще сначала, что онъ былъ дворянинъ очень не богатый, и нерѣдко пуждался. Съ тѣхъ поръ, какъ счастье Потемкина возвысило, прошло не мало

времени, но Ч. къ нему не отозвался, и ни о чемъ его не просилъ. Наконецъ Потемкинъ писалъ къ нему своеручно, весьма дружеское письмо, и между прочимъ просилъ пріѣхать къ нему для особливаго и нетерпящаго отсрочки дѣла. Ч., негодовавшій до того на молчаніе и пренебреженіе своего друга, успокоился и пріѣхалъ въ столицу. Изумился однако, когда при свиданіи съ нимъ, нашелъ его пріемъ весьма холоднымъ. Онъ ждалъ нѣсколько мѣсяцевъ, но ни слова не было упоминаемо о томъ дѣлѣ, подѣ предлогомъ котораго былъ онъ вызванъ. Наскучивъ праздностію, а болѣе холодностію князя, рѣшился онъ наконецъ напомнить о семъ, и просить дозволенія объ обратномъ отъѣздѣ. Князь отвѣчалъ ему: «а! я виноватъ! вотъ, братецъ, въ чемъ дѣло состоитъ: есть у меня рѣдкой прыгунъ; я спорилъ съ нимъ, что онъ чрезъ тебя не перескочитъ; теперь споръ рѣшится». — Онъ далъ знакъ прыгуну, который чрезъ сего друга княжескаго перескочилъ, какъ бы птица. «Ну! я проигралъ, сказалъ Потемкинъ; теперь прощай!» Онъ обнялъ Ч. и ушелъ въ свой кабинетъ. Огорченный сей мужъ, не показавъ ни малаго неудовольствія, уѣхалъ въ свою деревню. Однакожъ въ послѣдствіи князь старался всячески доказать ему дружбу свою, безъ просьбъ его, и загладить тѣмъ дерзостную игру своего своенравія, или, можетъ быть, испытанія.

Мужей твердыхъ содержалъ онъ въ особливомъ уваженіи, и употреблялъ дѣятельныя средства къ испытанію оныхъ. Нѣкоторый полковникъ, прославившійся своею храбростію, получа многія раны въ сраженіяхъ, принужденъ былъ отъ военной полевой службы отстать, но не имѣя никакого состоянія, просилъ объ опредѣленіи въ коменданты. Пріѣхалъ онъ въ Яссы, гдѣ князь Потемкинъ имѣлъ тогда свое пребываніе, и подалъ представленіе о себѣ отъ дивизіоннаго начальника, со множествомъ похвальныхъ свидѣтельствъ. Почти каждый день ходилъ онъ въ пріемный залъ княжей квартиры, выдавъ его иногда; но прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, въ которые полковникъ сей тщетно ожидалъ рѣшенія своей участи, прожилъ небольшія деньги, кои имѣлъ, и дошелъ до того, что почти не на что было купить хлѣба. О представствѣ у

князя нельзя было и помышлять, ибо никто не смѣлъ начинать какого-либо ходатайства. Между тѣмъ полковникъ сей ознакомился со многими, въ штатѣ Потемкина состоявшими; онъ требовалъ у нихъ совѣта, чтѣ должно сдѣлать ему въ такой своей крайности. Нѣкто сказалъ ему за тайну, чтобъ онъ пришелъ въ 6-ть часовъ пополудни въ залъ, въ которомъ тогда князь бываетъ почти одинъ, и занимается слушаніемъ разныхъ хоровъ своей музыки; но должно быть смѣлѣе, примолвилъ онъ, если можно, не жалѣть грубостей, и высказать самую рѣзкую правду. Полковникъ послѣдовалъ въ точности его наставленію: онъ вошелъ смѣло въ залъ, и еще смѣлѣе пересказалъ о своемъ требованіи и своихъ обстоятельствахъ. «Гони его вонъ!» закричалъ князь бывшему тутъ молодому человѣку, состоявшему въ его штатѣ, и который пользовался княжею милостію. Сей ни мало не медля бросился съ наглостію къ сему заслуженному мужу, и еще не дошедъ до него, показывалъ всѣ приемы, съ каковыми гоняють людей въ шею. Заслуженный воинъ остановился, и ожидалъ нападающаго, который отнюдь не воображалъ себѣ, послѣ княжескаго повелѣнія, въ его квартирѣ и присутствіи, какой-либо непріятной встрѣчи. Однако нервистая рука храбраго мужа повергла его на полъ одною пощечиною. Раздраженный воинъ тѣмъ не удовольствовался: онъ продолжалъ и на полу колотить его въ бока кулаками. Чего бы ожидать при семъ отъ высококомѣрнаго и столько полномасштабнаго Потемкина? Конечно—приказанія, схватить дерзкаго, отвезти подъ караулъ и наказать за оскорбленіе его самого. Отнюдь и не бывало. Потемкинъ подбѣжалъ къ сражающимся, нагнулся, и, подпершись руками, кричалъ своему страдалцу: «Парень! поправься!.. поправься!» — Сердитый полковникъ, поколота сего молодчика, ушелъ въ свою квартиру. Одумавшись, вопрошалъ онъ самъ себя: дурно ли, хорошо ли онъ сдѣлалъ? и хотя сердце и честь его оправдывали, но все онъ ожидалъ слѣдствій для себя непріятныхъ. Каждый, зная высококомѣріе Потемкина, сказалъ бы то же. — Однакожь, шобутру получаетъ онъ отъ князя ордеръ, опредѣленіе въ коменданты въ то самое мѣсто, котораго онъ желалъ, приказаніе о выдачѣ прогонцовъ, и еще не малаго

числа денегъ изъ экстраординарной суммы. Потемкинъ остался всегда къ нему благосклоннымъ, доставилъ ему чинъ, и о происшедшемъ никогда не поминалъ.

Князь Потемкинъ всегда держался порядка въ жизни, къ которому сдѣлать привычку еще въ молодости, если только не мѣшало оному ничто чрезвычайное. Онъ имѣлъ назначенные часы, когда ложиться спать, и когда вставать. Не рѣдко, однако, особливо когда надлежало произвести какое-либо важное предпріятіе, или угрожала опасность ввѣренныхъ ему войскъ, тогда онъ проводилъ цѣлыя ночи, хотя въ постель, но не засыпая. При семъ однако жъ не столько сносилъ самъ князь (хотя дѣятельный духъ его распространіе его славы избралъ въ любимѣйшее свое упражненіе), который имѣлъ возможность пользоваться всеми выгодами, сколько находившійся при немъ г. П., (*) которому всеобще удивлялись въ разсужденіи его неслыханной неустойчивости. Потемкинъ, какъ уже сказано, не рѣдко мучился безсонницею, часто призывалъ къ себѣ П., для приведенія въ порядокъ его распоряженій, или того, что ночью вновь придумывалъ, а иногда и для произведенія въ дѣйствіе. Сей по первому приказанію въ мгновеніе являлся къ нему во всей формѣ, какъ бы и днемъ, для написанія всего, что князь прикажетъ, а иногда и для исполненія. Такимъ образомъ П. часто провождалъ всю ночь безъ сна, и со всѣмъ тѣмъ, когда князь вставалъ съ постели, былъ изъ первыхъ входящихъ къ нему съ доносеніемъ о случившемся ночью, и разсылалъ всѣ полученныя отъ князя повелѣнія въ то время, когда князь садился на часъ времени въ холодную ванну, что онъ дѣлалъ ежедневно. Толикая неустойчивость П-ва, которую наблюдалъ онъ и днемъ, какъ то видѣть можно будетъ изъ послѣдующаго раздѣленія дневныхъ часовъ, очень часто приводила и самого князя въ удивленіе, какъ могъ П-въ, еще менѣе спящій, нежели самъ онъ, при исправленіи толикихъ трудныхъ дѣлъ, всегда быть здоровымъ, бодрымъ и веселымъ.

Послѣ ванны Потемкинъ одѣвался, и какъ скоро былъ готовъ, отправлялъ всегда краткое утреннее моленіе; послѣ

(*) Поповъ, Василій Степановичъ.

чего употреблять свой завтракъ, состоявшій большею частью въ шоколадъ и рюмкѣ ликера. Если былъ онъ веселъ—приказывалъ собственнымъ своимъ музыкантамъ (*) играть какую-нибудь духовную кантату, которую и назначенныя пѣвицы сопровождали своими голосами, для освѣженія отъ многого размышленія утомленнаго его духа своими очаровательными голосами. Не рѣдко призывалъ онъ къ завтраку своему и красавицъ своихъ, кои отличнымъ образомъ прелестнаго своего обхожденія, и отличною красотою, могли затмить самихъ грацій. Напротивъ, когда онъ былъ не веселъ, что также не рѣдко случалось, не смѣлъ никто, кромѣ приходящихъ по должности, къ нему появляться, чтобъ не доходилъ до него никакой шумъ.

Послѣ завтрака входилъ къ нему обыкновенно П., вручалъ всѣ полученные письма, и оставался, пока князь давалъ ему знакъ къ удаленію. Потомъ входилъ къ нему статсъ-секретарь, которому также надлежало у него быть два раза, послѣ онаго его медикъ, и наконецъ всѣ присылаемые отъ чужестранныхъ дворовъ съ дѣлами.

По отпускѣ послѣднихъ, комнату княжескую затворяли, и онъ оставался болѣе часа наединѣ. Въ сей комнатѣ всегда находился столъ, на которомъ лежали бумаги и карандашъ, прутокъ серебра, при немъ маленькая пила и коробочка съ драгоценными каменьями разнаго рода и цвѣта. Когда князь Потемкинъ о чемъ-либо размышлялъ, или дѣлалъ какое-либо распоряженіе: въ такомъ случаѣ, чтобъ мысли его не разсѣялись, но удержаны были бы при избранномъ предметѣ, бралъ онъ между перстовъ два дорогихъ камня, и теръ одинъ объ другой; или обтиралъ пилочкою серебро, или раскладывалъ разными фигурами драгоценные камни, и увеселялся игрою

(*) Сказано уже, что князь Потемкинъ имѣлъ домовую музыку, состоящую изъ 80-ти отличнѣйшихъ музыкантовъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько прекрасныхъ и искуснѣйшихъ пѣвицъ. Упомянуто также, что имѣлъ онъ труппу хорошую комедіантовъ, особливо же хорошихъ оперистовъ. Когда въ походѣ останавливались на долго лагеремъ, былъ у него почти ежедневно театръ. Дале, лучшіе русскіе писанники, рожечники, молдавцы, играющіе на свирѣхъ, и плясуны, сѣдовали въ обозѣ не отступно. Въ 6-ть часовъ съ полудней всѣ хоры и сіи виртуозы обязаны были ожидать выхода Потемкина въ залъ, каждый въ своемъ мѣстѣ, и его повелѣнія.

ихъ блеска. Что онъ между тѣмъ изобрѣталъ въ своихъ мысляхъ, самъ записывалъ на приготовленной бумагѣ, и отдавалъ послѣ того, когда приказывалъ растворить двери, входящему П., для исполненія.

Рѣдко П., которому обыкновеніе Потемкина было очень знакомо, начиналъ говорить, если самъ онъ не подавалъ ему къ тому случая; столько же мало осмѣливался онъ, подобно какъ и прочіе генералы, и домовые служители, напоминать Потемкину о какомъ-либо дѣлѣ, (поселику онъ самъ ни о чемъ и никогда не забывалъ), которое онъ исполнить замедлилъ. Нѣкоторый изъ камердинеровъ его, позабывши сію осторожность, служить доказательствомъ того, сколько князь Потемкинъ раздражался напоминаніемъ ему чего-либо, сколько бы искусно то представлено ни было. Сей камердинеръ слышалъ нѣкогда, что князь желалъ осмотрѣть замокъ, близъ главной квартиры находившійся, и вѣхать туда на другой день. Можетъ быть удержанный другими важнѣйшими дѣлами, Потемкинъ оставилъ на другой день поѣздку въ замокъ; а камердинеръ, забывшись, сколько не любилъ князь напоминаній, отважился ему о семъ сказать. Въ тотъ же часъ долженъ онъ былъ домъ княжій оставить, и только во уваженіе долговременной и вѣрной его службы, дозволено ему было жить съ пенсіономъ въ одной изъ деревень Потемкина.

Изъ вышеписаннаго легко заключить, сколько трудно было имѣть дѣло съ княземъ; ибо не однимъ только зависящимъ отъ него, но и самымъ высшимъ чиновникамъ, надлежало приноравливаться къ его нраву, равномерно и чужестранцамъ безъ изыятія, если себѣ не хотѣли навлечь неудовольствія съ его стороны. Нѣкоторый прусскій майоръ, присланный въ тогдашнюю войну къ князю курьеромъ, задержанъ былъ четыре недѣли безъ отправленія. Наскучивъ долговременнымъ ожиданіемъ, пошелъ онъ самъ къ князю, и просилъ объ отправленіи. Князь, разсерженный докучливостію майора, приказалъ его въ тоже время безъ отвѣта выслать изъ главной квартиры. Подобное случилось въ Яссахъ съ грузинскимъ посланникомъ, который больше года ожидалъ своего отправленія; и когда началъ уже чувствовать недостатокъ въ деньгахъ, имѣя свободный къ

князю доступъ, просилъ его какъ о своемъ отправленіи, такъ и о судѣ деньгами. Князь отвѣчалъ ему: «нечего отвѣчать ни тебѣ, ни твоему государю, ты можешь сей-часъ отсюда убраться, и взять на дорогу денегъ, сколько тебѣ надобно». И такъ онъ, не получивъ никакого отвѣта, принужденъ былъ въ тотъ же день выѣхать.

Предъ обѣдомъ князь Потемкинъ обыкновенно выѣзжалъ, но тогда только, когда не имѣлъ надобности собственноручно писать къ Императрицѣ, или не удерживали его инныя важныя обстоятельства. При выѣздѣ его обыкновенно бывалъ съ нимъ его собесѣдникъ К*, богатый дворянинъ, генераль-маіорскаго чина, который во всю войну былъ отъ князя не отлученъ. По возвращеніи княжескомъ, всѣ изготовленныя бумаги были подаваемы къ его подписанію, отдаванъ былъ пароль, и въ два часа въ полдень обыкновенно садились за столъ.

Сколько многочисленъ былъ дворъ Потемкина прислуживающими, и чрезвычайно блистателенъ великолѣпьемъ и расходами, такъ что равнялся королевскому, столько огроменъ былъ и столъ его, не только по числу ежедневно бывающихъ гостей, множества сосѣдей, изящнѣйшаго вкуса и разныхъ родовъ драгоценныхъ винъ. Во время стола играла Потемкина домовая музыка, съ перемѣною прекраснѣйшихъ пѣвицъ, конхъ голоса не рѣдко упояли радости сердца суровѣйшихъ ратниковъ, и настроивали къ нѣжнымъ ощущеніямъ. При семъ бывалъ единственный случай видѣть князя въ беззаботливости и въ его величайшемъ снисхожденіи; и хотя Потемкинъ своею величавостію умѣлъ отъ каждаго пріобрѣсть къ себѣ подобострастіе, но всѣ согласны въ томъ, что князь при семъ никогда не забывалъ о ласковости и снисхожденіи къ своимъ гостямъ, не наблюдая при томъ никакого различія между особами. Конечно, перемѣнчивость его нрава, особливо же при важныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, и при семъ случаѣ имѣла на него вліяніе; но по крайней мѣрѣ гости его за столомъ оставляемы были въ полномъ удовольствіи. Князь строго слѣдовалъ своей, съ молодости воспріятой, трезвости: поелику, для сбереженія своего здоровья, и чтобы не ослабить силъ своего мыслящаго духа, князь умѣлъ себя воздерживать какъ отъ горячихъ напитковъ, такъ и снѣдей, однако жъ въ нѣкоторые только времена.

Послѣ ѣвда, который не продолжался болѣе двухъ, иногда трехъ часовъ, князь еще занимался полчаса съ своими гостями. По прошествіи же сего времени, когда всѣ разѣзжались, оставался онъ наединѣ, предоставленный самому себѣ, тоже, какъ и предъ ѣвдомъ.

Когда не препятствовали князю дѣла, занимался онъ въ сіе время съ своимъ собесѣдникомъ карточною игрою, однако жъ не на деньги, но на дорогіе камни равной цѣны. Игра сія происходила въ глубочайшей тишинѣ, равно какъ бы никого не было въ комнатѣ: ибо собесѣдникъ, видя его нравъ, не говорилъ ни слова, кромѣ того, что слѣдовало по праву игры, или когда князь подавалъ ему случай къ тому. На игральномъ столѣ, близъ князя, всегда лежали бумаги и карандашъ; поелику онъ и въ семь занятіи не оставался беззаботнымъ, но что и во время игры входило ему въ мыслъ, тотчасъ же записывалъ. П*, которому безъизвѣстно было сіе Потемкина обыкновеніе, не рѣдко входилъ, и становился у него за стуломъ, и какъ скоро усматривалъ бумагу отдвинутую, бралъ оную ни слова не говоря, и производить въ исполненіе. — При семь случаевъ нельзя умолчать, чтобы не привести довода страннымъ впаденіямъ княжяго нрава, который случился нѣкогда отъ карточной игры. Скудность и сребролюбіе отнюдь не были порокомъ Потемкина: онъ никогда не замѣчалъ цѣны выигрыша или проигрыша. Нѣкогда играть онъ съ отѣннымъ счастіемъ, и выигралъ у своего собесѣдника много прекраснѣйшихъ каменьевъ. Собесѣдникъ при своемъ несчастіи издумалъ оное уменьшить, и отдалъ князю въ суммѣ проигрыша камни, нестоющіе той цѣны. Князь не прежде какъ на другой день узналъ о цѣнѣ своего выигрыша, когда велѣлъ камни оцѣнить ювелиру. Не сказавъ ни слова, ниже давъ замѣтить что-либо собесѣднику своему, котораго чрезмѣрно любилъ, предложилъ ему въ тотъ же самый день, очень холодный, прогулку въ болотистое мѣсто; кучеру же, коему надлежало сего собесѣдника везть въ княжей коляскѣ, тайно далъ повелѣніе: коляску поддѣлать такъ, чтобы она на возвратномъ пути, на половинѣ дороги, съ передка сорвалась и упала, а онъ бы съ передкомъ, сидѣвъ верхомъ на коренной

лошади, ѣхать не оглядываясь и не слушавъ крика и словъ его. — Время настало, и все было распорядено по княжей волѣ. Князь Потемкинъ, большею частью ѣздившій въ коляскѣ, въ сіе время поѣхалъ верхомъ, и послѣку дождь поубавился, то всѣ, сопровождавшіе князя, по желанію его принуждены были ѣхать въ открытыхъ коляскахъ. При томъ же прогулка была назначена на разстояніе не малое и въ открытую степь, на которой не было ни малаго селенія, ни мѣста для укрытія отъ дождя; а небо наволоклось густыми облаками, и угрожало лихвымъ дождемъ. Когда достигли они назначеннаго мѣста, поворотились назадъ ни мало не медля, и собесѣдникъ княжой, ѣхавшій близъ него въ коляскѣ, остался позади всѣхъ. На половинѣ дороги, когда надлежало проѣзжать весьма грязную лужу, кликнувъ князь кучеру: пошолъ! Сей поскакалъ, и дернулъ коляску съ такимъ усиленіемъ, что коляска, сорвавшись съ передка, съѣла посрединѣ лужи. Къ тому же не прошло четверти часа, какъ полилъ пресильной дождь, которымъ на любимца княжомъ не оставило нитки сухой. Нечего ему было сдѣлать инаго, кромѣ, что выѣзть изъ коляски, идти по колено чрезъ лужу, и далѣе домой подъ дождемъ, побольше часа пѣшему. Князь, сидѣвшій у окна, встрѣлъ его съ громкимъ смѣхомъ, и по наказаніи семъ за обманъ, обходился съ нимъ по прежнему съ дружествомъ и ласкою.

Надвечеръ производилъ князь Потемкинъ оныя движенія, занимаясь иногда полевою охотою, или какимъ ни есть рыцарскимъ упражненіемъ. Послѣ того шли въ театръ, или въ концертъ, но большею частью бывали у него вечеринки, карточная игра, и наконецъ ужинъ.

Кромѣ сего введеннаго въ домъ Потемкина распоряденія, которое соблюдалось и во время пребыванія его въ столицѣ, или въ его деревняхъ, не рѣдко давалъ онъ балы и огромныя, великихъ издержекъ стоившіе праздники, на которые приглашаемы были, кромѣ его генераловъ и офицеровъ, всѣ присутствующіе чужестранцы и сосѣдственные дворяне. Поселку князь, хотя большею частью и охотнѣе занимался своими дѣлами, но при томъ, особливо же, когда не выѣзживался

его скучливость, помышлялъ и о разсѣяннн своемъ собственномъ и своихъ подчиненныхъ. Нѣкогда сказалъ онъ: «Чтобы человекъ былъ совершенно способенъ къ своему назначенію, необходимо оному столько же веселія, сколько и пищи; и что въ разсужденіи сего наипаче надлежитъ помышлять о солдатахъ, кои безъ того, бывъ часто подвергаемы великимъ трудамъ и отягощеніямъ, тратятъ бодрость и силы сердца. Унылое войско, продолжалъ онъ, не токмо бываетъ неспособно къ труднымъ предпріятіямъ, но и легко подвергается разнымъ болѣзнямъ». Сдѣлавъ привычку къ сему мудрому правилу, князь Потемкинъ никогда не упускалъ наблюдать оное въ разсужденіи ввѣренныхъ ему войскъ, дѣлалъ для сего не малыя издержки, чтобы войскамъ доставлять разныя выгоды. Чрезъ то пріобрѣлъ онъ себѣ не токмо сердца своихъ подчиненныхъ, но и получалъ съ немалыми затрудненіями совокупленныя побѣды, какихъ съ унылымъ войскомъ безъ великаго урона въ людяхъ имѣть не можно, а и того меньше пріобрѣтать съ выгодною.

При такихъ случаяхъ, когда все около князя веселилось и было въ удовольствіи, бывалъ онъ и самъ чрезмѣрно веселъ. Однако же рѣдко проходило таковое веселіе, чтобы онъ и посреди сего не подвергался нашествію своей скучливости. Женщины кои обыкновенно при томъ находились, бывали того главною причиною; ибо сообразно желанію княжому, слѣдовало бы онимъ быть ни печальными, ни слишкомъ веселыми. Состоявъ дѣйствительно прекраснѣйшими созданіями, пріятность обхожденія ихъ была отменно прелестна, и возбуждала къ нимъ отменно почтеніе. Иногда въ числѣ почитателей ихъ случались и такіе, къ которымъ сами онъ не были равнодушными; а князю стоило сіе хотя мало замѣтить, то выходилъ онъ изъ себя до того, что не токмо срывалъ у нихъ съ головы уборъ, но и тотчасъ выгонялъ вонъ изъ зала, и большею частью совсѣмъ отъ себя высылалъ. Сего рода бездѣлицы не рѣдко доводили его къ тому, что онъ вдругъ прерывалъ веселости, и гостей отсылалъ домой. Конечно, сіи досады продолжались только на малое время: онъ раскаявался о сдѣланномъ въ гнѣвъ, не рѣдко посылалъ съ

поспѣшностію догонять, и просить огорченныхъ гостей о возвращеніи; но что еще больше, онъ въ состояніи быть на колѣняхъ испрашивать прощенья, и почти со слезами раскаявался въ своей вспыльчивости.—Великій мужъ сей имѣлъ слабости, конечно, странныя, о которыхъ не могъ я не упомянуть здѣсь, яко относящихся до переменчивыхъ свойствъ его характера, и кои объясняютъ появлявшіяся въ немъ прихоти.

При великихъ его свойствахъ нельзя не дивиться и противоположностямъ, кои имѣлъ Потемкинъ въ нравственномъ своемъ поведеніи. Характеръ его съ сей стороны быть изъ самыхъ странныхъ, и таковыхъ, каковъ едва ли можно въ сравненіе приискать въ великомъ мужѣ: поелику не можно почти вѣрить, чтобъ человекъ въ состояніи былъ предаваться столькимъ непостояннымъ страстямъ, какъ Потемкинъ. Люди, возроставшіе съ нимъ съ молодости, обнадеживали, что онъ прихоти сіи присвоилъ себѣ уже въ совершенныхъ лѣтахъ, съ приумноженіемъ его необычайнаго счастья, и что въ молодости своей не оказывалъ онъ и слѣдовъ такого нрава. Великое богатство, дозволившее ему издерживать ежегодно свыше трехъ милліоновъ рублей, не въ состояніи было доставить ему радость, чтобы онъ хотя одинъ день въ покоѣ, онимъ наслаждался. Онъ не щадилъ великихъ суммъ для удовлетворенія страстямъ своимъ: и прежде, нежели что-либо доходило къ его употребленію, онъ терялъ уже желаніе, побудившее его въ первыя мгновенія употребить на то издержки. Слѣдующій анекдотъ послужитъ въ нѣкоторый доводъ тому. Нѣкогда дошелъ разговоръ о нѣкоемъ гусарскомъ подполковникѣ, которому отдавали похвалу, что онъ съ отмыннымъ искусствомъ играетъ на скрипкѣ. Сіе возбудило въ Потемкинѣ такое любопытство, что онъ въ тотъ же часъ отправилъ курьера за симъ подполковникомъ, чтобъ пригласить его, и привезти на курьерскихъ лошадахъ какъ возможно скорѣе. По прошествіи недѣли предсталъ виртуозъ, для удовлетворенія прихоти Потемкина, въ главной квартирѣ въ Яссахъ; но не прежде восьми дней получилъ дозволеніе на вечеринкѣ оказать свое искусство. На другой день приказалъ князь вручить ему подарокъ великой цѣны, и пожелать счастливаго пути къ возвратному отъ-

ѣзду, болѣе нежели въ 700 верстахъ состоявшему. Исчисливъ издержки, коихъ князь не пожалѣлъ для того, чтобъ только одинъ разъ послушать виртуоза, легко можно будетъ заключить о его расточительности и сильной перемѣнѣ его страстей.

Сколько странна была сія его перемѣна страстей, столько же быстро дѣйствовала и перемѣнчивость его душевнаго состоянія: нѣсколько разъ въ день можно было его видѣть въ полномъ веселіи и удовольствіи, и столько же разъ въ совершенномъ уныніи. Не рѣдко случалось, что во время увеселеній, князь ясностію духа и радованіемъ превосходилъ всѣхъ участвующихъ; но прежде нежели кто-либо могъ вообразить, содѣлывался онъ столько унывень, какъ бы произошли съ нимъ всѣ несчастія на свѣтѣ. Подобное чаще всего случалось съ нимъ, когда онъ ощущалъ себя хотя немного нездоровымъ, ибо ничего столько не боялся онъ, какъ болѣзни; сіе происходило, можетъ быть, отъ того, что онъ весьма не любилъ принимать лекарствъ. Въ такихъ случаяхъ врачи принуждены были поступать съ нимъ какъ съ дитятею: надлежало давать ему лекарства обманомъ, вмѣшивая въ пищу или напитокъ; инако ни коимъ образомъ нельзя было къ принятію оныхъ князя убѣдить. При томъ же потребно было терпѣніе свѣпше чловѣческаго, чтобъ вынести причуды, кои оказывалъ онъ въ болѣзняхъ, особливо же съ болью соединенныхъ или продолжительныхъ. Онъ никогда не могъ спокойно болѣзнь свою выдержать, и лежать въ постель, когда требовали того обстоятельства, припадки, или воздержаться отъ запрещенныхъ снѣдей; но, какъ скоро силы его позволяли, вѣгзжалъ, и ѣлъ все то, чего ему хотѣлось. Радость, оказываемая имъ при скоромъ выздоровленіи, была чрезмѣрная.—Нѣкогда предпріавъ вечернюю прогулку, онъ простудился, и сдѣлался вънемъ жаръ. Врачи его были призваны, и состояніе болѣзни требовало, чтобъ принялъ онъ лекарствъ; но по обыкновенію, къ сему убѣдить его было никакимъ образомъ невозможно. Онъ легъ въ постель, и въ 3 часа пополуночи захотѣлъ пунша; кликнувъ онъ своего камердинера, приказалъ, и чрезъ четверть часа пуншъ былъ поданъ. Какъ скоро князь выпилъ, пуншъ подѣйствовалъ, припадокъ прошелъ, и Потемкинъ ощутилъ

себя въ совершенномъ здоровьѣ. Отъ великой радости о семъ счастливомъ происшествіи, немедленно сдѣланы были распоряженія къ великолѣпному балу, обыкновенные гости княжескіе разбужены, и на онѣй приглашены. Не разсвѣло еще, какъ все уже танцовало; князь самъ открылъ балъ, и предварялъ гостей своихъ во всѣхъ родахъ веселостей, кои продолжались до самаго обѣда.

Самое непріятнѣйшее въ Потемкинѣ находилось то, что радость и огорченіе съ равномѣрною быстротою въ немъ дѣйствовать могли: и потому нельзя было воспріимать дальней осторожности, чтобъ заблаговременно избѣгать его гнѣва; поелику нравъ его былъ вспыльчивый, и дѣйствія онаго слѣдовали скорѣе, нежели можно себя представить. Малость въ состояніи была доставить ему несказанное удовольствіе, и опять малость, на цѣлый день повергнуть въ несносную скуку. Онъ имѣлъ нѣкоторые часы, въ которыхъ сердце его таяло, иногда отъ радости, иногда же отъ состраданія; еще нѣвые, въ которыхъ ему ничто на свѣтѣ не нравилось, ни могло возстановить поупреннаго его духа.

Онъ имѣлъ привычку непрестанно окусывать ногти, отъ чего всегда говорилъ сквозь пальцы, и большею частію наморщивъ лице; а сіе представляло въ немъ видъ недовольный. — Чтобы не видѣть унынія на лицѣ у другихъ, Потемкинъ, особливо же въ веселомъ духѣ, расточалъ свои сокровища, въ другое же время слезы невинности и бѣдности служили орудіемъ къ вящему раздраженію его гнѣва; но чрезъ нѣсколько мгновеній послѣ того, приходилъ онъ въ состояніе, въ которомъ о поступкѣ своемъ раскаивался. Вообще, кромѣ занятій по своей обязанности, къ которымъ онъ, (правду сказать, удовлетворяя честолюбивымъ своимъ намѣреніямъ), прилежалъ съ удовольствіемъ, ни къ чему на свѣтѣ постоянно прильпиться не могъ.

Каульбахи копируютъ съ тканыхъ механическихъ копій великія произведенія Рафаэля! У насъ же были живыя, превосходныя копіи, если не оригиналы, тѣхъ же произведеній! Достоинства ихъ никто не отниметъ — и ужъ конечно менѣе всего г. Авдѣевъ, до того еще не далекій въ азбукѣ искусства, что судить по такой копіи объ живописной и не отличаетъ искусства отъ ремесла.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАМѢЧАНІЕ. Родство играетъ и играло всегда значительную роль. У насъ мало обращалось вниманія на него въ повѣствованіяхъ о происшествіяхъ новой исторіи. Свѣдѣнія даже собирать бываетъ трудно: читатели Москвитянина помнятъ, можетъ быть, сколько хлопоталъ я, чтобъ узнать имя матери Карамзина. Въ послѣднее время принялись за нашу дворянскую генеалогію, и имена Бороздина, князя Долгорукаго, Головинъ, князя Оболенскаго, должно назвать съ благодарностію. На дняхъ мнѣ случилось узнать, среди различныхъ историческихъ разысканій, объ одномъ родствѣ, которое вѣрно значительно будетъ и для читателей Москвитянина, потому что въ этомъ родствѣ услышать онъ имена Потемкина, Ломоносова, Раевского, Ермолова, Давыдова, Орлова, а именно:

У *Потемкина* было двѣ сестры, одна была въ замужествѣ за *Николаемъ Борисовичемъ Самойловымъ* (умеръ сенаторомъ).

У нихъ остались — сынъ и дочь.

Сынъ Александръ Николаевичъ (слѣд. родной племянникъ Потемкина), въ послѣдствіи графъ и генералъ-прокуроръ.

Дочь Катерина Николаевна была въ первомъ бракѣ за *Раевскимъ*, и имѣла отъ сего брака сына Николая — знаменитаго героя войны 1812 года, слѣд. Расвскій былъ двоюроднымъ внукомъ Потемкина.

Раевскій былъ женатъ на Константиновѣ, внукъ *Ломоносова*, и имѣлъ двухъ сыновъ, съ которыми бросился впередъ въ одномъ изъ сраженій между Смоленскомъ и Можайскомъ, и дочь, въ замужествѣ за *Михаиломъ Федоровичемъ Орловымъ*.

Во второмъ бракѣ Катерина Николаевна Раевская была за генералъ-маіоромъ Львомъ Денисовичемъ *Давыдовымъ*, отъ котораго былъ сынъ Петръ Львовичъ, женатый на одной изъ графинь *Орловыхъ*

Левъ Денисовичъ имѣлъ сестру Марью Денисовну, мать славнаго Ермолова, Алексѣя Петровича, и брата Василя Денисовича, у котораго былъ сынъ Денисъ, поэтъ-партизанъ, слѣд. двоюродный братъ Ермолову.

Мать Раевского была за роднымъ дядею Ермолова. По ней Ермоловъ находился въ свойствѣ и съ ея братомъ, т. е. генераль-прокуроромъ Самойловымъ, въ домъ котораго и жилъ въ Петербургъ при началѣ своей службы, въ царствованіе Им. Екатерины II.

Вторая сестра Потемкина была за Енгельгартомъ. Ея дочери, т. е. родныя племянницы Потемкина, были: 1 за графомъ Браницкимъ, 2 за княземъ Серг. Фед. Голицынымъ; 3 за Шепелевымъ; 4 за гр. Скавронскимъ; 5 за Мих. Серг. Потемкинымъ, и во второмъ бракѣ за княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ, — скончалась недавно въ глубокой старости.

Потемкинъ имѣлъ еще дальнихъ родственниковъ Потемкиныхъ же: Михаила Сергѣевича, женатаго на его племянницѣ, Павла Сергѣевича, возведеннаго въ графское достоинство, и Петра Сергѣевича. Приглашаю любителей генеалогіи сообщать подобныя извѣстія. **М. П.**

С Н Ъ С Ъ.

ПИМЕНЪ НИКИТИЧЪ ОРЛОВЪ ВЪ РИМѢ.

Уже не первое имя русскаго художника съ уваженіемъ и любовію произносится въ Италіи, въ странѣ искусствъ по преимуществу. Тамъ соперничалъ съ Каммучини знаменитый Егоровъ; первенствовалъ Шебуревъ; прославился строгостью стиля и необычайною лѣткою скульпторъ Гальбергъ; удивлялъ своими портретами Кипренскій; тамъ до сихъ поръ по берегамъ Неаполитанскаго залива носится тѣнь Сильвестра Щедрина (*); тамъ создадась статуя Ницій Пименова; погибъ въ общей могилѣ, во время холеры, пейзажистъ Лебедевъ; тамъ прогремѣло имя Карла Брюдова, приобрѣлъ извѣстность Александръ Ивановъ, который неоконченной картиной заставилъ поблѣднѣть предъ своимъ именемъ имя Овербека съ его послѣдователями; тамъ Іорданъ имѣлъ на свою гравюру подписчиковъ всѣхъ націй; тамъ въ цвѣтѣ лѣтъ скончался дивный скульпторъ Ставассеръ, достойный ученикъ Гальберга; тамъ, въ послѣднее время, безпрестанно повторяется имя Пимена Орлова.

Вотъ выписка изъ письма его изъ Рима въ Москву, къ одному любителю искусствъ.

«Извините меня за долгое молчаніе; все это время я былъ такъ занятъ, что не имѣлъ свободной минуты написать вамъ. Теперь нашелъ «времячко»; спѣшу извѣстить васъ, какъ друга, о моей неожиданной «радости».

«Картину мою *Октябрь въ Римѣ*, которую вы видѣли еще неоконченною, я выставилъ. Римская публика и всѣхъ націй художники въ

(*) Умеръ и похороненъ въ Соренто.

«такомъ восторгѣ отъ нея, что я не въ состояніи передать вамъ этого; скажу только, что всякій день биткомъ набита моя студія народомъ. Я хотя тамъ и не бываю (*); но за то по улицѣ не сдѣлаю пяти шаговъ, чтобы не остановили меня съ комплиментами и похвалами; нѣкоторые, отъ восторга, глядя на картину, по итальянскому обычаю, «хлопали въ ладоши, приговаривая: браво, Орловъ!»

«Вся публика здѣшная, также и наши русскіе, которые видѣли мою картину, желаютъ имѣть съ нея астампъ.

«Для любопытства вашего я вырѣзаю изъ журнала листокъ статьи о «моей картинѣ, написанной итальянцами; найдите кого-нибудь, чтобы перевелъ вамъ.»

Кто же не сочтетъ за пріятный долгъ и удовольствіе сдѣлать это, когда имя Пимена Никитича Орлова (**) дастъ намъ новый поводъ сказать съ справедливою гордостью Европѣ: знай нашихъ!

Вотъ и переводъ изъ *Album, giornale letterario e di belle arti*, издаваемого въ Римѣ.

«Сцена изъ октябрьскаго народнаго праздника въ Римѣ, картина, написанная масляными красками русскимъ живописцемъ, г. Пименомъ Орловымъ.

Сняты грозды винограда, полные сладчайшаго сока; широкіе изумрудные листья, которые съ такою любовью бросали тѣнь на плоды лозъ, и умирая остаются прекрасными, измѣняя свой цвѣтъ на золотистый. Трудолюбивые винодѣлы заботливо переносятъ свои дорогія вина въ подвалы, съ надеждою на прибыльный сбытъ богатства, посланнаго Богомъ и собраннаго въ виноградникахъ; — и эта лестная надежда порождаетъ въ сердцахъ ихъ радость; она отражается на многихъ семействахъ, и выражается въ танцахъ, въ любовныхъ играхъ и въ веселыхъ восклицаніяхъ, которыя какъ эхо повторяются въ сосѣднихъ городахъ, особенно въ народѣ низшаго класса, работающаго круглый годъ (***).

Въ Римѣ эти осенніе праздники такъ живописны и разнообразны,

(*) Это ужъ не по-Овербековски. Р.

(**) Сынъ мѣшника, родился въ Малороссіи. Въ высшей степени любопытная его біографія была помѣщена мною въ Пет. Художеств. газетѣ. Р.

(***) Было время, какъ я слышалъ отъ старожилъ Рима, когда и высшій классъ этого классическаго города, принимая большое участіе въ народныхъ увеселеніяхъ, разсыпалъ кругомъ себя большое количество денегъ, и тѣмъ какъ бы сочувствовать успѣхамъ и общей радости народа. Это было, по словамъ стариковъ, до Наполеона. Р.

что имъ отдають предпочтеніе передъ всѣми городами Италіи. Многие предполагають, что октябрьскія увеселенія имѣють нѣчто общее съ древними праздниествами въ честь Вакха. Дѣвушки низшаго класса въ Римѣ такъ страстно любятъ праздновать эти желанныя дни осени, что каждая изъ нихъ, въ теченіе года, поставляетъ за правило откладывать еженедѣльно баюкко (*) отъ трудовыхъ своихъ заработковъ, особенно зимою, проводя иногда цѣлыя ночи у обширныхъ холодныхъ бассейновъ и стирая полѣтна.

Едва вспыхнетъ заря въ день, назначенный для увлекательныхъ забавъ, дѣвушка, просвѣтленная предстоящимъ праздникомъ, убранныя въ цвѣтахъ, съ кудрями, выщипанными по бѣлому челу, присоединяется къ подругамъ своимъ, садится на козлы коляски (**), въ которой еще другія восемь дѣвушекъ, одинаковыхъ съ ней и красотой, и желаньями, при пѣсняхъ и ударахъ въ тамбурины, отправляются торжествовать октябрь.

На козлахъ садится также красивый молодецъ, который, чтобы придать болѣе пышности и щегольства своему потѣзду, украшаетъ головы своихъ лошадей цвѣтами, бубенчиками и пучками разноцвѣтныхъ перьевъ, и видя подлѣ себя дѣвушку прелестнѣйшую изъ везомаго имъ общества, такъ гордится своимъ помѣщеніемъ, что не промѣнялъ бы своихъ шаткихъ козелъ на троны владѣтеля востока. И вотъ несутся они по окрестностямъ Рима; коляска, при необыкновенно-ловкомъ управленіи ветурино, поворачиваетъ то вправо, то влѣво; то мчится въ гору, то, какъ одно пущенное колесо, несется по спуску съ возвышенности.

Только тогда бѣгъ лошадей сдерживается, когда усталость бойкихъ животныхъ не позволяетъ ѣхать далѣе. Тутъ дѣлается поворотъ къ остеріи, и взмыленные лошади останавливаются какъ вкопанныя; а объ остеріи этой идетъ молва, что въ ней вино заклѣтый врагъ тревской воды (***).

Подаются очень вкусныя блюда; болѣе всего достается курамъ. После обѣда начинаются пляски, и въ веселыхъ променадахъ животрепещущей салтареллы, много и много разъ стаканы, полные вина, обхо-

(*) Мелкая римская монета.

(**) Читателямъ, не видавшимъ этихъ новѣйшихъ вакханокъ, покажется, можетъ быть, нѣсколько дикимъ и не граціознымъ такое помѣщеніе молодой дѣвушки; но неоднократно очевидно можно сказать, положи руку на сердце, что красавицы-эмиентки Рима, и сидя на козлахъ, прекрасны и граціозны. Р.

(***) Превосходная прозрачная вода римскаго фонтана Треви.

дятъ кругъ танцующихъ. Снова прїѣзжіе гости, снова заливаются въ пѣсняхъ, снова неугомонные плясуньи кружатся, разстѣкаютъ воздухъ, подъ простые и однообразные, но вѣчно поэтическіе звуки тамбурина.

Одну изъ подобныхъ сценъ встрѣтилъ русскій живописецъ г. Орловъ, которую и взялъ сюжетомъ своей картины, въ 4 пальмы ширины и въ 5 вышины.

Художникъ изъ трехъ фигуръ составилъ прїятнѣйшую группу, какую только можно себя вообразить, и, конечно, никто лучше его не могъ бы выразить въ такой прекрасной композиціи, болѣе точно и ясно, идею октябрьскаго праздника въ Римѣ. О, какъ волшебное искусство живописи! она властна сдѣлать интереснымъ часто даже самые недостатки человѣческой природы; будучи изображены волшебною кистью искуснаго художника, они являются менѣе безотрадными; каково же ея торжество тамъ, гдѣ она изображаетъ веселье и молодость?

Въ воздухъ картины г. Орлова господствуетъ тотъ золотистый тонъ, который обыкновенно виднѣтъ осенью въ тѣ минуты, когда солнце бросаетъ прощальные лучи землѣ. Гигантскій соперникъ древнихъ памятниковъ, воздвигнутый М. А. Буонарроти для охраненія священныхъ мощей первопрестольныхъ Апостоловъ, красуется на горизонтѣ и какъ бы говоритъ каждому смотрящему на картину: «ты во гралъ семи холмовъ.» На противоположной сторонѣ картины видна мраморная маска древняго Силена съ раскрытымъ ртомъ, изъ котораго бьетъ тонкая струя воды; фонтанъ увѣчанъ листьями и гроздами винограда различныхъ цвѣтовъ. Въ прохладной тѣни фонтана поставленъ столъ остеріи съ обильной *мирой* (*misura*) доморощеннаго вина (*vino postale*). Но кто же въ такой торжественный и чудный день дотронется до простаго, обыкновеннаго вина? Вотъ почему *мира*, заткнутая свернутымъ винограднымъ листомъ, остается нетронутою, полною до знака, наложеннаго правительствомъ. Римская дѣвушка, въ костюмѣ эминентки, украшенная всѣмъ, что только нравится молодой транстеверникъ, сидитъ на скамьѣ, облокотясь на столъ, на которомъ романское вино оставлено безъ вниманія. Руки красавицы украшены множествомъ колецъ, особенно дѣвая, на которую она облокотилась; въ правой рукѣ она держитъ блестяще-прозрачный стаканъ и смотритъ на молодого карретьера, прекраснѣйшаго изъ всѣхъ, какіе только встрѣчаются въ звенящихъ поѣздахъ (*), когда эти молодцы перевозятъ вино изъ Марино и Веллетри. Она смо-

---

(*) Карретьерами называются вообще люди, занимающіеся перевозомъ товаровъ, какъ-то вина, масла, и проч. Щеголи исключительно *carretieri da vino*, кото-

МАТЕРІАЛЫ.

ПОТЕМКИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ (*).

... Вообще дѣлами онъ занимался мало, и казалось, что въ Петербургъ пріѣхалъ онъ для снисканія перемѣны въ своихъ увеселеніяхъ. Вельможи старались его угощать, и на пиршествахъ и балахъ, въ почестъ ему даваемыхъ, старались сами ему прислуживать. Самъ же далъ всему двору и городу, на счетъ Императрицы, такой праздникъ, что роскошное онаго изобрѣтеніе, его перемѣчливая разнообразность и великолѣпная расточительность, содѣлали вѣроятностію повѣствуемое въ сказкахъ о волшебникахъ. Многіе изъ подобныхъ праздниковъ, стоившіе рублей по 20 т., были только образчики того великаго праздника, которое онъ далъ 9-го мая. Говоря о семъ празднествѣ, косяго находится столько невѣрныхъ описаній надлежитъ читателя ознакомить съ мѣстомъ, гдѣ оно происходило, и которое кромѣ сего праздника достойно примѣчанія.

Императрица построила дворецъ въ отдаленной части города, но въ прекраснѣйшемъ мѣстѣ, на берегъ Невы, по предложенію Потемкина, который въ честь его прозванъ Таврическимъ. Состоялъ онъ изъ главнаго зданія, и двухъ флигелей, кои обширный дворъ образовали. Когда дворецъ сей поспѣлъ, подарила она его Князю Потемкину, который его послѣ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ самомъ зданіи и примыкающемъ къ нему прекрасномъ садѣ, обратно продалъ Монархинѣ за 460 т. рублей. Нынѣ, когда произошла рѣчь о построеніи дома, въ вознагражденіе его за взятіе Имаила, избралъ онъ опять сей Таврическій дворецъ, и оный получилъ. Слѣдственно получилъ онъ домъ сей двоекратно, и сверхъ того 460 т. руб. Зданіе сіе есть великолѣпнѣйшее и обширнѣйшее въ С.-Пе-

---

(*) Еще отрывокъ изъ той важной современной рукописи, недавно мнѣ доставшейся, съ которой читатели познакомились въ прошедшемъ номерѣ. М. П.

тербургъ. На колоннахъ опирающійся фронтонъ надъ главнымъ входомъ имѣлъ тогда надпись, металлическими буквами, изображавшую благодарность Потемкина великодушію его благодѣтельницы. Сей входъ приводитъ въ преддверіе, для огромнаго зданіе не слишкомъ обширное, въ которомъ находится трое дверей, изъ коихъ состоящія на правой и лѣвой сторонѣ ведутъ въ разныя залы и комнаты. Средними дверьми, находящимися противу входа, вступаютъ въ залъ съ куполомъ, освѣщаемый свѣрха. Въ вышинѣ къ куполу окружаетъ сей залъ галлерей, на которой стояли часы съ органами, кои попеременно играли музыку славнѣйшихъ сочинителей, и бывъ непримѣтны, въ каждомъ входящемъ возбуждали пріятное ощущение. Въ вечеру, когда Князь Потемкинъ давалъ празднество, на сей галлерей посажено было 300 человекъ, составлявшихъ роговую музыку, коя, во время прибытія и отъѣзда Императрицы, играла, попеременно съ голосами пѣвчихъ, хвалу обладательницъ седмой части земнаго шара. Разпещренное освѣщеніе сего единственнаго въ своемъ родѣ зала въ праздникъ Потемкина, сдѣлано было съ отличнымъ вкусомъ. Исправное согласіе вышины съ шириною сего зала, и его чрезмѣрною длиною, составляетъ мастерское произведеніе зодчаго искусства. Карнизъ онаго опирается на четверномъ рядѣ столбовъ изъ бѣлаго вылощеннаго гипса, идущихъ по обѣимъ длиннымъ сторонамъ зала, отъ чего въ немъ происходятъ двѣ узкихъ галлерей, по концамъ которыхъ поставлены другъ противъ друга зеркала чрезмѣрной величины, кои умножаютъ предметы и дальновидность до безконечности. Окна въ семь залъ находятся въ двухъ узкихъ сторонахъ, кои оканчиваются окруженіемъ. Отъ сего ожидаемаго недостатка надлежало бы полагать, что середина залы должна бѣ быть темновата; однако жъ сія часть получаетъ свое освѣщеніе не токмо отъ купола весьма свѣтлаго, но и отъ состоящаго напротивъ зимняго сада, изъ котораго свѣтъ между столбовъ достаточно въ залъ падаетъ. Обѣ стороны, въ которыхъ находятся окны, отдѣлены отъ пола нѣсколькими ступенями. Одно изъ сихъ возвышеній, съ котораго Императрица во время празднества смотрѣла балетъ, было покрыто драгоцѣннѣйшими Персидскими шелко-

выми коврами. Подъ окнами стояла Турецкая софа, во всю стѣну длиною. На возвышеніи противоположенномъ находились музыканты. На каждой изъ сихъ эстрадъ стояло тогда по вазѣ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, съ отмынною резьбою; подножіе оныхъ сдѣлано было изъ сѣраго мрамора. По велику вазы сіи имѣли совершенный размѣръ къ пространству мѣста, въ которомъ находились, то можно заключить о величинѣ оныхъ и драгоцѣнности. Князь Потемкинъ купилъ ихъ изъ оставшаго имѣнія герцогини *Кингстонской* (*). Изъ онаго же были и два паникадила изъ чернаго хрустала, висѣвшія надъ вазами. Въ нихъ находились часы съ весьма искусною музыкою; они куплены за 42 т. рублей. Кромѣ сихъ паникадилъ находились въ залѣ еще 56, повѣшенныхъ отчасти посреди залы, частью же между столпами. На каждомъ паникадилѣ въ сей вечеръ горѣло не меньше 16 свѣчъ. Вообще весь залъ казался въ огнѣ, и отъ того духота была несносная. Кромѣ восковыхъ свѣчъ горѣло въ немъ 5000 лампадъ. Лампады были отчасти бѣлыя, и находились въ определенномъ отстояніи отъ карниза, частью же пестрыя, въ подобіе лилій, розъ, тюльпановъ и другихъ крупныхъ цвѣтковъ, кои висѣли между столповъ гирляндами. Дѣйствіе отъ сего освѣщенія превосходило все, что только въ семъ родѣ вообразить можно. По обѣимъ сторонамъ при входѣ въ залъ, изъ ротонды подвѣшаны были логи, драпированныя драгоцѣннѣйшими матеріями, и внутри украшенныя великолѣпно. Подъ сими ложами находились входы въ четыре ряда комнатъ и залъ, которыхъ окна были отчасти на дворъ, частью же въ садъ, а отчасти видимы изъ оныхъ были отдаленности и берега Невы. Сии комнаты украшены были драгоцѣнными обоями и картинами, купленными изъ оставшаго имѣнія послѣ герцогини *Кингстонъ*; комнаты и приборы соответствовали богатству и могуществу хозяина. Особ-

(*) Сія герцогиня *Кингстонская*, урожденная мисъ *Гуденгъ*, есть самалѣта, которая извѣстна по странной своей тяжбѣ съ супругомъ, по которой едва не лишилась головы. Она жила долгое время въ С. Петербургѣ у Императрицы, и въ Дрезденѣ у вдовствующей Курфюрстинны. Обождене ея съ сими двумя Монархинями доказываетъ объ отличныхъ ея дарованіяхъ. Она прибыла вторично въ Россію, гдѣ близъ С. Петербурга купила имѣніе: въ ономъ жила и скончалась.

ливо же тѣ изъ сихъ комнатъ, въ которыхъ въ сей вечеръ Императрица и Великая Княгиня играли въ карты, великолѣпнѣе превосходили всѣ другія. Обиты оныя были обоями Гобелинскими; софы и стулья въ нихъ стоили 46 т. рублѣй. Въ одномъ изъ сихъ покоевъ находился славной золотой слонъ (*): были то средней величины часы, стоявшіе передъ зеркаломъ на мраморномъ столѣ. Часы самыя служатъ подножіемъ маленькому слону, обвѣшанному малозначущими дорогими каменьями, на которомъ сидитъ Арапъ.

Ничто однако великолѣпнѣе не превосходило зимній садъ, примыкавшій къ большей галлерей, и въ который входъ былъ изъ круглаго зала, между столповъ. Величина онаго была въ шестеро больше, нежели славнаго зимняго сада въ эрмитажъ Императорскомъ; расположенъ былъ оной также въ англійскомъ вкусѣ, но несравненно лучше. Зеленѣющійся, дерновыи скать велъ дорогою, обсаженною цвѣтущими померанцовыми деревьями. Тамъ видимы были лѣсочки, по окружающимъ которые рѣшоткамъ обвивались розы и жасмины, наполняющіе воздухъ благовоніемъ. Въ кустарникахъ видимы были гнѣзда соловьевъ и другихъ поющихъ птицъ. Разногласное ихъ щебетаніе было несравненно пріятнѣе скучнаго единогласія. Въ сей вечеръ освѣщеніе и музыка бала возбуждали ихъ къ пѣнію. Въ разныхъ мѣстахъ въ землѣ, и въ драгоценныхъ горшкахъ, на мраморныхъ и гранитныхъ подножіяхъ, видимы были въ семь садъ рѣдчайшіе кустарники и растенія. Прохожи, иностранскими деревьями обсаженные, срослись между собою столько плотно, что и днемъ въ нихъ было темно. Печи, которыхъ для зимняго сего сада потребно было не мало, скрыты были за множествомъ зеркалъ, одинакой величины и цѣны чрезвычайной. На дорожкахъ сего сада и на малыхъ

(*) О семъ словѣ сочинитель (*) и его ижеименный авторъ, помнитъ, г. Шторхъ, дѣлаютъ совершенно слоновое описаніе. Примѣчанія достойныя сихъ часовъ были тѣ часы, кои видѣлъ я по смерти Потемкина въ Таврическомъ дворцѣ. Состояли оныя изъ бронзоваго довольно высокаго дерева, на которомъ находились искуснѣйшей работы изъ металла, павлинъ, вѣтухъ, сова, и разныя малыя животныя въ естественной величинѣ. Каждое изъ сихъ животныхъ, когда часы производили бой, дѣлали движенія, отъ части же кричали природнымъ своимъ голосомъ.

(*) (Заглавіе сочиненія пропущено въ подлинной рукописи). II.

дерновыѣхъ холмочкахъ, видимы были на мраморныхъ подножіяхъ вазы изъ того же камня, но другаго цвѣта, либо искутканы изъ бѣлаго мрамора, представлявшіе геніевъ отчасти вѣнчающихъ, частью же отправляющихъ жертвоприношеніе передъ бюстомъ Императрицы, очень сходно изображеннымъ. Въ травѣ стояли великіе изъ лучшаго стекла шары, наполненные водою, въ которыхъ плавали золотыя и серебряныя рыбки. Посрединѣ сада возвышался храмъ простаго, но разгнѣннѣшаго устроенія. Его куполь, возвышавшійся до самаго потолка сего сада, искуснѣйшею рукою и обманчиво росписаннаго подъ видъ неба, и способствовавшій къ поддержанію потолка, опирался на 8 столпахъ изъ бѣлаго мрамора. Въ ономъ по ступенямъ изъ сѣраго мрамора былъ входъ къ жертвеннику, служившему подножіемъ изображенію Императрицыну, изсѣченному изъ бѣлаго мрамора. Императрица представлена была въ царской мантии, держащая рогъ изобилія, изъ котораго сыпались орденскіе кресты и деньги. На жертвенникѣ было подписано: «Матери отечества и моея благодѣтельницѣ». Здѣсь равномерно разставлены были лампады, имѣющія подобіе цвѣтовъ, фестолами около столповъ, какъ бы обвитыя. Позади храма находилась великолѣпная листовая бесѣдка; внутреннія стѣны оной состояли изъ зеркалъ; въ день же праздника наружныя рѣшетки были украшены пестрыми лампадами, въ подобіи яблочъ, грушъ и виноградныхъ гроздовъ. Далѣе въ день праздника садъ весь былъ еще неравненно болѣе обыкновеннаго украшенъ. Всѣ окна онаго прикрыты были искусственными пальмовыми и померанцовыми деревьями, конхъ листья и плоды представлены были изъ разноцвѣтныхъ лампадъ. Другіе искусственные плоды въ подобіе дынь, ананасовъ, винограда и арбузовъ, въ примѣчныхъ мѣстахъ сада, были представлены также изъ разноцвѣтныхъ лампадъ. Для услажденія чувствъ, скрытыя курильницы издыхали благовонія, кои смѣшивались съ запахомъ цвѣтовъ померанцовыхъ и жасминовыхъ деревьевъ, и испареніями малаго водомета, бьющаго лавандною водою. Между храмомъ и листовою бесѣдкою находилась зеркальная пирамида, украшенная хрусталами, на верху которой блистало имя Императрицыно, поддѣланное подъ брилліанты, и отъ котораго исходило на всѣ стороны сіяніе. Близъ оной стояли другія меньшіе огромныя пирамиды, на которыхъ горѣли трофеи, и вензельовыя имена Последника престола, Его Супруги и обѣихъ Великихъ Князей, составленныя изъ фіолетовыхъ и зеленыхъ огней. Въ сей только вечеръ окна зимняго сада были скрыты; въ прочее время были то двери, вводящія въ воздушной садъ

таврическаго дворца. Потемкинъ хотя расположилъ сей садъ съ самаго начала, но въ послѣдствіи, съ невѣроятными издержками, довелъ до чрезвычайнаго степени совершенства. Выгодное мѣстоположеніе онаго придавало ему много цѣны, а пособіе искусства и еще оную возвысило. Сравнивали мѣсто, сняли пригорки, гдѣ онымъ по плану быть не надлежало, насыпали новыя холмы, для услажденія зрѣнія дальновидностями. Прямымъ путемъ протекавшей рѣчкѣ дали теченіе извилистое, и вынудили изъ ней низвергающійся водопадъ, который упалъ въ мраморный водоемъ. Построены великолѣпные мосты изъ желѣза и мрамора; множество истукановъ и памятниковъ находилось еще въ работѣ. Въ намѣреніи томъ, чтобы изъ дома и сада можно было оглядывать прелестныя дальновидности, приказалъ Князь Потемкинъ наскоро и внѣ окружности двора своего построить павильоны и подобное; все сіе какъ волшебствомъ изъ земли возникло. Словомъ сказать, онъ употребилъ все къ содѣланію мѣста сего пріятнѣйшимъ жилищемъ. Во время послѣдняго праздника въ вечеру весь садъ освѣщенъ былъ великолѣпнѣйшимъ образомъ, а воды украшены гондолами.

Тысячи художниковъ и работниковъ занимались нѣсколько недѣль приготовленіями и распоряженіями къ сему празднеству, которое назначено было въ 9-е число Маія. Три тысячи особъ придворныхъ и прочихъ въ городѣ, приглашены были чрезъ билеты, разосланные съ офицерами; безъ сихъ билетовъ трудно было пройти только сначала. Потемкинъ прибылъ въ Таврическую дворецъ заблаговременно. Онъ имѣлъ на себѣ въ сей день алый фракъ, и епанчу изъ черныхъ кружевъ, стоящую нѣсколькихъ тысячъ рублей. Всюду, гдѣ только на мужскомъ одѣяніи можно было употребить брилліанты, оныя блистали. Шляпа его была оными столько обременена, что трудно стало ему держать оную въ рукѣ. Одинъ изъ адъютантовъ его долженъ былъ сію шляпу за нимъ носить.

Въ 6 часовъ съ полудней ожидали Императрицу. Но до прибытія еще ея, по неосторожности произошелъ безпорядокъ, который продолжился и въ самое прибытіе Монархини. Въ сей день назначенъ былъ отъ Потемкина праздникъ и для народа, на площади предъ Таврическимъ дворцомъ. Построены тутъ были не только качели и разнаго рода, но и торговыя лавки, изъ которыхъ назначено было раздавать народу безденежно платья, чулки, шляпы и тому подобное, также вареную и не вареную пищу и разныя напитки. По распоряженію надлежало сему начаться въ то время, когда Императрица будетъ проѣзжать. Однако жъ, по ошибкѣ сочли экипажъ

нѣкоего вельможи, сходный къ придворному, за карету самой Императрицы, и подали знакъ къ началу народнаго праздника. Началось замѣшательство, подарки и прочее разхватили, толпясь столько, что экипажи Императрицынѣ и прочіе принуждены остановиться, и простоять болѣе четверти часа. Напослѣдокъ прибыла Императрица съ Великими Княжнами Александрою Павловною и Еленою Павловною; Великій Князь, Наслѣдникъ и Супруга Его вышли къ Ней на встрѣчу, а Потемкинъ принималъ Монархиню изъ кареты. Дворъ промедилъ нѣсколько времени въ ротондѣ; послѣ сего Императрица съ Высочайшею фамиліею перешла на эстраду галлерей. Вскорѣ послѣ сего предстали 24 пары танцовщиковъ, изъ благородныхъ знаменитѣйшихъ фамилій, на отборъ прекраснѣйшихъ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, украшенномъ брилліантами. Полы отличены были голубыми и розовыми перевязями. Предводительствовали оними молодые Великіе Князи Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, и Принцъ Виртембергскій, братъ Великой Княгини, ихъ родительницы. Они танцовали съ отличныиъ искусствомъ очень трудной балетъ, сочиненія г. *Пика*; при окончаніи онаго, отличилъ себя сей славный танцовщикъ соломъ. Между тѣмъ начало смеркаться; Потемкинъ поспѣшилъ ввести Императорскую фамилію въ театръ, устроенный въ одномъ пространномъ залѣ театра, куды послѣдовала и часть гостей, сколько дозволяло пространство мѣста. Здѣсь представлены были двѣ французскихъ комедіи и два балета. Театральное представленіе было съ намѣреніемъ протянуто, чтобъ выиграть время къ довершенію освѣщенія. Все готово было, когда Императрица выходила изъ театра. Считаютъ, что въ сей вечеръ горѣло 140 тысячъ лампадъ и 20 тысячъ свѣчъ восковыхъ. Императрица, сопровождаемая Высочайшею фамиліею, препровождена была въ зимній садъ. Когда достигли храма, Князь бросился на ступеняхъ предъ олтаремъ и изображеніемъ своей покровительницы, на колѣна, и благодарилъ Монархиню за ея благодѣянія; Она подняла его мило- стиво и поцѣловала въ лобъ. Когда начался балъ, Императрица и Великая Княгиня съли играть въ карты: что продолжалось до половины двѣнадцатаго часа. Послѣ того начался ужинъ. Столъ, за которымъ кушала Императрица съ Наслѣдникомъ престола и Его Супругою, находился тамъ, гдѣ былъ театръ, и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ оркестръ. Потемкинъ прислуживалъ за креслами Императрицы, пока она приказала ему сѣсть. На семъ столѣ сервизъ былъ золотой. На самомъ театрѣ позади Императрицы находился столъ на 48 особъ.

за которыми кушали благородныя особы, танцовавшія балетъ въ ротондѣ. Сверхъ того въ семь театральномъ залѣ находилось 14 столовъ, установленныхъ амфитеатромъ, по семи на каждой сторонѣ. Гости проходили по срединѣ, и садились въ одинъ рядъ за столы, лицомъ къ Императрицѣ. Всѣ столы освѣщены были шарами изъ бѣлаго и цвѣтнаго стекла, что производило отменно пріятный видъ. Въ комнатѣ предъ театральнымъ заломъ находился столъ, примѣчанія достойный въ разсужденіи своего буфета. На ономъ стояла суповая серебряная чаша необъятной величины, а по сторонамъ ея два соразмѣрной огромности вазы, доставшіяся изъ имѣнія герцогини Кингстонской. Въ прочихъ комнатахъ было по крайней мѣрѣ 20 столовъ. Сверхъ сего въ одномъ залѣ накрыто было 8 столовъ, каждый на 20 приборовъ. По срединѣ каждого стола стояло по цвѣтущему помаранцовому дереву. Для каждого стола употреблена была драгоценнѣйшая посуда, серебряная или изъ лучшаго фарфора, съ отличнѣйшими вѣствами. Изобиліе и вкусъ царствовали повсюду, и плоды, кои видѣли въ зимнемъ садѣ стеклянными, на столахъ явились естественные и въ великомъ множествѣ. Услуга производима была въ сей вечеръ офиціантами, одѣтыми въ ливрею придворную, и князя Потемкина (которая была палевая съ голубымъ и серебромъ); они разносили до конца праздника прохладенія, плоды и напитки. Послѣ ужина продолжался балъ до самаго утра; но Императрица съ Высочайшею фамиліею изволила отбыть въ исходѣ втораго часа по полуночи. Никогда не бывало, чтобъ Монархиня у кого-либо такъ долго гостить соизволила. Потемкинъ, провождая Монархиню, въ залѣ купольной еще повергся къ ногамъ ея, и казалось, что болѣе прежняго былъ тронутъ. Многіе чувствительность сію сочли за предчувствованіе близкой смерти. Онъ видѣлъ Монархиню въ послѣдній разъ, въ своемъ домѣ. Сама Императрица была тронута до слезъ при семъ прощаніи.

Издержки для сего праздника считали въ 200,000 руб., но кажется, что сумма сія простиралась несравненно больше.

Родъ жизни князя Потемкина, въ послѣднее его пребываніе въ С. Петербургѣ, превосходилъ все, что только можно себѣ представить безмѣрнаго въ расточеніи, не обдуманнаго въ излишествѣ, недѣятельности, легкомысліи въ разсужденіи обрядовъ и гордости къ своей отчизнѣ....

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

въ 1851 году.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

О значеніи исторической критики, и о различныхъ злоупотребленіяхъ, къ которымъ она, бывши совершенно невинною, подала въ русской литературѣ поводъ.

Нашъ вѣкъ называютъ по справедливости вѣкомъ исторической критики, и Боже насъ избави отрезаться отъ критики этого рода—но нельзя не замѣтить, что ничто не злоупотребляется такъ въ настоящую минуту, какъ слово: —историческая критика: ни одинъ досужій фельетонистъ, пописывающій въ журналъ или въ газету дюжину статейки о погодѣ и о прочемъ, включая въ кругъ этого прочаго и литературу, не обойдется безъ того, чтобы не скрываться какъ за ширмы за это слово, при произнесеніи своихъ, безъ основанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ безъ аппеляціи, приговоровъ.... Случится ему прочесть гдѣ-либо строгій судъ на цѣ какую-нибудь посредственностью, или, что еще хуже, претензіею, выдающею себя и выдаваемою другими за дарованіе, произнесенный на основаніи, хотя старыхъ, но тѣмъ не менѣе истинныхъ законовъ искусства, онъ вооружится своимъ любимымъ словомъ, и думаетъ, что все уже сказано—и въ высшей степени доволенъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно должно быть пріятно замѣтить другому наставительнымъ тономъ, что вы де, милостивый государь, отстали отъ вѣка, что вы, можетъ-быть, и правы съ точки зрѣнія эстетической, но вѣдь эстетическая критика свое дѣло сдѣлала, и уступила мѣсто критикѣ исторической. Такъ, или почти такъ, выражается каждый изъ борзописцевъ; другой вопросъ — что онъ самъ разумеетъ подъ критикой эстетической и подъ критикой исторической—но на этотъ вопросъ вы его никакъ не наведете. У каждого такого господина существуютъ всегда заготовленные отвѣты, и всякая попытка вывести его, какъ гово-

*

рится, на свѣжую воду, останется совершенно тщетною. Начните вы говорить о законахъ искусства, и въ особенности, употребите вы нѣкоторыя, понятныя всякому образованному человѣку, термины, какъ-то: художественность, объективность, творчество, психологическая задача: фельетонныя насѣкомыя зажужжать пронзительно: все это старо, все это извѣстно, все это *tritum pertritum* (насѣкомое запомнило нѣкоторые термины еще съ школьной скамьи). Чтѣ такое-дискать творчество? Все это вздоръ: произведеніе нравится публикѣ, удовлетворяетъ *интересамъ минуты, потребностямъ массы*, и потому хорошо. Чтѣ такое талант?... умъ, вкусъ, наблюдательность— вотъ и все. Что такое основныя начала?... общія мѣста, которыя повторялись, повторялись, и сдѣлались наконецъ пошлыми; нуженъ новый взглядъ, и мой, почтеннѣйшая публика, самоновѣйшій, самой лучшей доброты. Вы не беспокойтесь на счетъ того, что я на вашихъ глазахъ учусь по-англійски; я вамъ такъ запросто обойдусь съ Шекспиромъ, какъ не пригрезится Гервинусу—да чтѣ Гервинусъ? все вздоръ, повѣрьте, все нѣмецкія теоріи. Я вотъ вамъ анекдотъ разскажу на ихъ счетъ, анекдотъ съ именемъ знаменитаго Тика. Вы также не соблазняйте, господа, и тѣмъ, что плохо понимаю значеніе художественности, что я считаю это мѣрило приложимымъ только къ Байрону, Шекспиру, Гёте... чтѣ вамъ за дѣло до этого—художественность сама по себѣ, а я самъ по себѣ. Мой взглядъ новѣйшій, самоновѣйшій— я смотрю съ точки зрѣнія «критики исторической». И вотъ, съ точки зрѣнія исторической критики проповѣдываются удивительнѣйшія въ мірѣ вещи, объявляется, что въ настоящую минуту намъ нужнѣе всего беллетристика, что количество литературныхъ произведеній важнѣе ихъ качества, что говорить о литературѣ серьезно не въ духъ времени, даже неприлично, не *commodum*, что журналы существуютъ и должны существовать для сваренія желудка иногородныхъ подписчиковъ и т. п. Не перечисливъ всего, чтѣ проповѣдуется во имя исторической критики.

Съ другой стороны, люди дѣльные, трудолюбивые, много читающіе и когда-то много-думавшіе, когда-то бывшіе даже

людьми передовыми, (по крайней мѣрѣ на снисходительный взглядъ подобострастной молодежи), но состарѣвшіеся преждевременно въ слѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ — также злоупотребляютъ словомъ: историческая критика. Къ крайнему прискорбію всѣхъ, которые привыкли уважать ихъ мнѣнія, не подчиняясь однако же этимъ мнѣніямъ рабѣнно — эти сколько-нибудь дѣльные и ученые люди, въ борьбѣ, завязавшейся въ недавнее время между фельетонистами, и людьми, вѣрующими въ тоже значеніе искусства, приняли сторону, не этихъ послѣднихъ, какъ слѣдовало бы ожидать, а фельетонистовъ — и точно такъ же разягъ своихъ яко бы противниковъ — исторической критикой. Нужды нѣтъ, что въ статьяхъ своихъ, хотя нѣсколько и сухихъ, но достойныхъ уваженія по относительному обилію собранныхъ данныхъ, по добросовѣстному изученію источниковъ, они сами путаются въ понятіяхъ объ исторической критикѣ, и даже литературныя произведенія далекаго прошедшаго мѣряютъ общимъ эстетическимъ масштабомъ.... Самимъ себѣ они это дозволяютъ, сами они считаютъ себя въ правѣ говорить о художественности, творчествѣ, объективности и психологической задачѣ, но въ другихъ всѣ подобные приемы они зовутъ устарѣлымъ педантизмомъ, и подають руку фельетонистамъ во имя исторической критики! Подразумѣвается, что жрецами этой исторической критики считаютъ они только себя, что на покровительствуемыхъ ими фельетонистовъ они смотрятъ съ недосягаемыхъ олимпійскихъ вершинъ какъ на ignobile pecus, — а на своихъ quasi-противниковъ, какъ на profanum vulgus. Однимъ словомъ, если они и представляютъ собою исторію, то исторію въ застоѣ. Дальше тѣхъ пунктовъ, до которыхъ они дошли, они ходить не позволяютъ: No admittance! Продолжать даже начатое ими дѣло они не считаютъ никого достойнымъ. Все сказано, все рѣшено ими — другимъ остается только пользоваться трудомъ учителей.

А было иное время — то время, когда эти дѣльные и ученые люди дѣйствительно думали, когда они, закутавшіеся теперь въ хламиду Олимпійцевъ и оградившіе себя неприступнымъ авторитетомъ, шли, или хотъ двигались, думали идти дѣйствительно впередъ вмѣстѣ съ исторіей, шли, не боясь никакихъ

рѣзкостей и крайностей, лишь бы эти крайности были историческимъ слѣдствіемъ разъ уясненной мысли. Было время, когда самые фельетонисты, нынѣ съ такимъ дендиизмомъ разсуждающіе о литературѣ, враждовали со всѣмъ не серьезнымъ, не честнымъ въ критикѣ. Во многомъ ошибались тогда дѣльные и ученые люди, многое пересаливали ихъ послушавые фельетонисты — но *errare humanum est*. Но пришла минута, когда они притупили данное имъ судьбою оружіе, пришла минута, когда ихъ острое и проницательное зрѣніе одѣлось туманомъ. Отъ взгляда ихъ, чисто отрицательнаго, утаились какъ-то положительная сторона — и они увидали ее только тогда, когда она выросла и окрѣпла безъ ихъ вѣдома, спроса и согласія. Еще нѣсколько прежде сказалась ихъ несостоятельность, сказалась тогда, когда болѣзненный, но все таки родной и близкій сердцу cadaго голосъ, перваго изъ представителей литературной эпохи — встрѣченъ былъ одними изъ нихъ съ ожесточенной враждой, другими съ недостойнымъ изумленіемъ. Во враждѣ, конечно, какъ происходившей изъ источника любви, только худо понятой, было гораздо болѣе благородства — чѣмъ въ этихъ пошлыхъ издѣваніяхъ, которыя были отголосками уязвленнаго себялюбца или крайней пустоты душевной, или, наконецъ, той и другой вмѣстѣ. И какъ будто бы съ этой минуты Немезида отяготѣла надъ русской критикой. Все болѣе и болѣе впадала она въ мелочность, и дошла наконецъ до крайней точки обмелѣнія, до дендиизма. Дошедши до этого пункта, она провозгласила себя историческою критикою. Жрецы облекли себя таинственнымъ нимбомъ, а фельетонная чернь, успокоившись на счетъ того, что ни откуда не будетъ отпора, что учителя не подымутъ на нее лозы, лишь бы только признавала она ихъ авторитетъ, пустилась *творить неподобное*. Когда же раздалось нѣсколько голосовъ, смѣло и прямо обличившихъ такую *Walrgisnacht* критики, когда злая и грустная иронія, долгое время затаенная, рѣшилась сказать, что многія изъ признанныхъ мнѣній значительно устарѣли, что многое хорошее старое позабыто, рѣшилась употребить орудіе шутовства и пародіи противъ тѣхъ господъ, которые надъ всѣмъ шутили и все

пародировали, фельетонная чернь прибѣгла подъ защиту и съѣвъ своихъ олимпійскихъ авторитетовъ. Расчетъ ея былъ вѣренъ: авторитеты приняли ея сторону во имя исторической критики.

Но что же такое въ самомъ дѣлѣ эта историческая критика, во имя и подъ знаменемъ которой выступаютъ подобныя мнѣнія? Есть ли она только фантомъ, только ширмы, которыми прикрито раболопное и безосновное служеніе прихотямъ вкуса и личностей, или въ самомъ дѣлѣ, это — названіе, подъ которымъ сокрыто разумное положеніе?

Нашъ вѣкъ есть вѣкъ по преимуществу историческій, и, повторимъ опять, мы менѣе всего отрицаемся отъ признанія такого его значенія. Историческій взглядъ есть пріобрѣтеніе, завоеваніе, купленное многими тяжкими опытами, многими трудами. Странно бы было, если бы эта общая схема не приложена была и къ искусству, странно было бы, если бы не было исторической критики. Мы сами — поборники исторической критики, скажемъ еще болѣе, мы сами думаемъ, что едва ли въ наше время можетъ и существовать иная критика, кромѣ исторической.

1) Историческая критика разсматриваетъ литературу, какъ органическій продуктъ вѣка и народа въ связи съ развитіемъ государственныхъ, общественныхъ и моральныхъ понятій. Такимъ образомъ, всякое произведеніе литературы является на судъ ея живымъ отголоскомъ времени, его понятій, вѣрованій и убѣжденій, и по столько замѣчательнымъ, по скольку отразило оно жизнь вѣка и народа. Но, такъ какъ во всемъ временномъ есть частица вѣчнаго, неизмѣннаго, и такъ какъ это вѣчное, неизмѣнное, остается постояннымъ масштабомъ для оцѣнки различныхъ видимыхъ явленій, то и слѣдуетъ отсюда прямо, что общіе эстетическіе законы подразумеваются исторической критикой художественныхъ произведеній. Иначе, нѣтъ ничего легче и поверхностнѣе исторической критики, и органомъ ея можетъ быть дѣйствительно всякій иногородный подписчикъ, всякій помѣщикъ, читающій послѣ обѣда, всякій Петрушка, котораго въ чтеніи интересуется процессъ чтенія. Съ точки зрѣнія такой исто-

рической критики, которая будет брать мѣриломъ прихоти моды, грубыя потребности невѣжества, — романы Дюма и К°, Три страны свѣта и Мертвое озеро, Битва русскихъ съ Кабардинцами, и Прекрасная Астраханка, какъ произведенія *удовлетворяющія потребностямъ*, станутъ гораздо выше настоящихъ, но меньше читаемыхъ произведеній искусства. Съ точки зрѣнія такого рода исторической критики, весьма не трудно помириться съ жалкимъ состояніемъ театра, изводеннаго площадными передѣлками французскихъ водевилей, не трудно, сочувствуя Репетилову, воскликнуть:

«Лишь водевилъ есть вещь, а прочее — все гниль!»

да еще и посмѣиваться *dan*! за *bagbe* надъ *педантами*, съ-
тующими на такое состояніе драматургіи, читающими Рѣ-
чера и другихъ эстетиковъ, требующими дѣла, — тѣмъ боль-
ше, что посмѣяться тутъ весьма легко, упрекнувши въ томъ,
что ходять на муху съ обухомъ. Съ точки зрѣнія такого ро-
да исторической критики, весьма удобно восхищаться велико-
свѣтскими повѣстями и таковыми же комедіями, и писать
пародіи, — тѣмъ болѣе это легко, что большой свѣтъ
русскихъ книгъ не читаетъ, и совершенно равнодушенъ на
счетъ того, какъ его изображаютъ, и кѣмъ его изображаетъ.
Съ точки зрѣнія такого рода исторической критики, легко
писать пародіи на лирическія мѣста поэмы Гоголя, посмѣи-
ваться надъ лиризмомъ вообще, и грязные стишонки, изо-
бражающіе впечатлѣнія въ кабакахъ и другихъ подобныхъ
мѣстахъ, ставить выше, положимъ, хоть стихотвореній
гг. Майкова, Фета, Щербины, какъ болѣе отражающіе дѣй-
ствительность, — тѣмъ болѣе это легко, что найдется весьма
много *розошарованныхъ* господъ, гораздо болѣе сочувствую-
щихъ означеннымъ стишонкамъ, нежели поэтическимъ произ-
веденіямъ.

Все это очень легко, но если *такъ* понимается исто-
рическая критика, то мы поздравляемъ ее съ такими орга-
нами, а органовъ съ такимъ пониманіемъ.

2) Историческая критика разсматриваетъ литературныя
произведенія въ ихъ преемственной и послѣдовательной связи,
выводя ихъ, такъ сказать, одно изъ другаго, сопоставляя ихъ,

сличая между собою, но не уничтожая одно въ пользу другаго, не возвышая послѣдне-написаннаго насчетъ предшествовавшихъ. Показать относительное значеніе всѣхъ литературныхъ произведеній въ массѣ, опредѣлить каждому подобающее мѣсто, какъ органическому, живому продукту жизни—и повѣрить каждое безотносительными законами изящнаго, непременно повѣрить каждое—вотъ дѣло исторической критики. Такъ, напримѣръ, Гервинусъ, опредѣливъ историческое значеніе различной литературной дѣятельности Гёте и Шиллера, не возвышая одного насчетъ другаго, изобразивъ картину ихъ совокупной плодотворной дѣятельности, не скрываетъ однако же того простаго вывода, что оба они неполны, что полнота содержанія и эстетической красоты, въ нихъ, такъ сказать, раздвоенная—заключается въ натурѣ Шекспира.... У насъ на Руси—гораздо проще поняли значеніе исторической критики. У насъ, о Пушкинѣ нѣтъ теперь и помину, да и объ Гоголѣ говорить перестали. Мы, съ дѣтскимъ восторгомъ, говорили когда-то: Шекспиръ, Гёте, Пушкинъ, Гоголь, присоединяя къ нимъ въ послѣдствіи и ранопогибшее, дѣйствительно значительное, но еще ничего не сдѣлавшее, дарованіе Лермонтова, —и съ таковымъ же дѣтскимъ восторгомъ, во имя исторической критики, приветствовали дальнѣйшій шагъ въ разныхъ натуральныхъ произведеніяхъ. И до того мы еще дѣти, что, когда въ извѣстномъ всѣмъ, хотя никто не желаетъ признать этой извѣстности, «Снѣ по поводу одной комедіи», иронія коснулась этого пункта, и въ лицѣ юноши, который ставитъ комедію выше Гоголя и Шекспира, и въ авторѣ ея видитъ давно-ожидаемаго міромъ спокойнаго художника, изобразила подобное дѣтское направленіе, мы, во-первыхъ, разсердились, а во-вторыхъ, приняли слова юноши за чистую монету, а взгляды его, за взглядъ новой школы. Разубѣдимтесь, милостивые государи! Нѣтъ ни новой школы, ни новаго творчества, кромѣ извѣстнаго и Гоголю и автору новой комедіи, какъ настоящимъ, хотя, конечно, еще не равнымъ художникамъ. Разубѣдимтесь, пока сама исторія не разубѣдила насъ, какъ это уже не разъ, даже на нашей памяти, случалось ей дѣлать. Бросьте несчаст-

ную слабость къ новымъ геніямъ насчетъ прежнихъ, и бросимте же вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе къ такъ называемой беллетристикѣ: «на безрыбь—ракъ рыба», говоримъ мы часто, но не ограничиваемся этою мудрою пословицею, а создаемъ изъ рака левіаѳана, съ торжествомъ объявляемъ, что «надѣмся познакомить публику съ новымъ дарованіемъ г. N. N. и т. д.». Прежде же всего, перестанемъ же всѣмъ этимъ милымъ выходкамъ придавать названіе исторической критики. Историческая критика вовсе не виновата въ томъ, что журналу понадобился новый геній, а равно и въ томъ, что сочиненій геніевъ старыхъ нельзя перепечатывать.

3) Историческая критика, рассматривая литературное произведеніе, какъ живой продуктъ общественной и моральной жизни, опредѣляетъ, что произведеніе принесло, или лучше, отразило въ себѣ живаго, т. е. неперемѣннаго, какихъ новыхъ струнъ коснулось оно въ душѣ человеческой, или на какихъ старыхъ струнахъ играетъ оно искусно — что, однимъ словомъ, внесло оно содержаніемъ своимъ въ массу познаній о *человѣкѣ*. Ясно, что съ этой точки зрѣнія теряютъ въ литературѣ значеніе такіа произведенія, которыя повторяютъ или расплюскаютъ мысль другихъ произведеній, или, если и могутъ имѣть какое-либо значеніе, то не иначе, какъ пояснительное, толковательное, группируясь около своихъ *points culminants* и заимствуя свѣтъ свой отъ нихъ. Въ историческомъ процессѣ, онъ, конечно, необходимы, ибо доводятъ до крайнихъ граней извѣстные идеалы, пересаливаютъ извѣстную манеру, но сами по себѣ онъ ничто. Такъ, около Печорина, группируются Тамирины и другіе герои; такъ одну сторону Гоголевскаго юмора довела до крайности смѣшного Петербургская натуральная школа, но за всѣмъ этимъ хламомъ видны только *points culminants*. Наша же критика, называя себя историческою, никакъ этого понять не хочетъ, и до сихъ поръ еще, уступивши поневолѣ въ жертву врагамъ Тамарина, не смѣется еще надъ героями повѣстей гг. Дружинина, Чернышева, комедій г. Жемчужникова, и т. д. Вообще, не трудно сказать настоящее слово исторической критики:

Спящій въ гробѣ, мирно спя,
Жизнью пользуйся, живущій!

Она не видитъ слѣдовъ смерти и разложенія—и такъ же мало чувствуетъ признаки жизни и здоровья.

Ясно, что историческая критика въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ ее наши борзописцы, далеко не та историческая критика, которой требованія мы выставили. Обозначить эти требованія мы считали необходимымъ, потому что сами посмотримъ и будемъ смотреть съ точки зрѣнія критики исторической.

ОПИСАНІЕ НОВАГО ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРЦА ВЪ КРЕМЛѢ МОСКОВСКОМЪ. Составлено А. Вельтманомъ. М. въ тип. А. Л. Семена. 1851 г. in folio, стр. VI и 41; съ 14-ю въ листъ рисунками. (Печатано по Высочайшему соизволенію).

Библиографической лѣтописи Москвитянина посчастливилось въ первый день новаго (1852) года. Сейчасъ мы получили и внесли въ литературную лѣтопись важное, изящное и въ высокой степени любопытное «Описаніе Новаго Императорскаго Дворца въ Кремль Московскій». — Кроме краткаго очерка въ «Достопамятностяхъ Московскаго Кремля» (составл. г. Вельтманомъ въ 1843 году), и статьи, довольно отчетливой и подробной, напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1849 года, въ NN^о 41 и 42-мъ, мы почти ничего не знаемъ о знаменитомъ памятникѣ русскаго зодчества, воздвигнутаго Собственною мыслію Государя Императора и предназначеніями Самого Державнаго Зодчаго. — Составленіе текста къ этому художественному «Описанію Дворца» принадлежитъ А. Θ. Вельтману, извѣстному литератору. Рисунки къ «Описанію Дворца» — совершенство хромо-литографіи г. Дрегера. Всѣхъ рисунковъ 14-ть; они принадлежатъ художественному исполненію Гг. Черкасова (8 рисунковъ), Сахарова и Шадурскаго (по два рисунка). Поименуемъ ихъ, съ поясненіями изъ текста: 1) *Новый Императорскій*

Дворецъ (въ 23 двухъ-ярусныхъ окна верхняго этажа, и въ 56 саж. длины по набережной или лицевой сторонѣ) съ аппаратами Ихъ Императорскихъ Высочествъ и съ примыкающимъ къ нимъ новымъ зданіемъ Оружейной Палаты. 2) *Святыхъ съни*. 3) *Владимірская зала* (25 арш. въ поперечникъ, и 27 арш. высоты, съ бронзовою золоченою люстрой въ 240 пудъ). 4) *Древняя большая золотая или Грановитая Палата* (30-ти арш. въ квадратъ, съ 19-ю окнами въ два яруса). 5) *Георгиевская зала* — зала исполиновъ (въ 85½ арш. длины, 29 арш. ширины и 25 арш. вышины, съ 6-ю массивными бронзовыми люстрами, а по стѣнамъ 32-мя свѣщниками, въ 25 рожковъ каждый, съ 18-ю статуями, художника-ваятели г. Витали, на 18-ти витыхъ колоннахъ, или столпахъ, изображающими победы—эпохи покоренія Россіею царствъ и областей. 6) *Александровская зала* (въ 45 аршинъ длины, 29 аршинъ ширины и 29 арш. вышины). 7) *Андреевская зала—Тронная* Его Императорскаго Величества (она имѣетъ 68 аршинъ длины, 29 арш. ширины и 25 арш. вышины, и 12 громадныхъ бронзовыхъ люстръ). 8) *Екатерининская зала—Тронная* Ея Императорскаго Величества. Зала эта въ 30 арш. длины, 20 арш. шир. и 12½ арш. вышины). 9) *Зимній садъ*. 10) *Картинная галерея* (въ 90 арш. длины и 5 арш. ширины, вмѣщающая въ себя картины Рубенса, Рембрандта, Корреджіо, Тиціана, Гвидо-Рени, Маратта, Грѣза и проч. и проч.). 11) *Теремный покой*. 12) *Теремъ со стороны Дворца*. 13 и 14) *Чертежи верхняго и нижняго этажей Дворца*.—При этомъ поименованіи рисунковъ, мы указали громадные размѣры залъ; прибавимъ къ нимъ еще нѣкоторыя: *Столовая* — на половинѣ Императрицы—въ 24 арш. длины и 18 арш. ширины; *парадная диванная*—въ 18 арш. длины и 12½ арш. ширины, и *парадная опочивальня*—въ 14 арш. въ квадратъ; противъ этой залы зеркало въ 4 арш. вышины и въ 2 арш. ширины; этотъ блистательный покой раздѣляется двумя дорожницами единственными въ Россіи колонами изъ цѣльныхъ (monolites) кусковъ зеленаго мрамора (marmor Augustum) на двѣ части.

Обозрѣніе Новаго Императорскаго Дворца въ Кремль московскомъ началось отъ большаго подъѣзда и заключилось

полнымъ круговымъ обходомъ всего зданія; такъ, что вступивъ на Красную, или Царскую лѣстницу и крыльцо, или съ большаго подъѣзда и съней со стороны набережной,—вы проходите посреди торжественнаго великолѣпія и сокровищъ отъ настоящаго вѣка къ вѣкамъ прошедшимъ, и видите новую и древнюю обитель Царей Русскихъ—покои Ихъ Императорскихъ Величествъ, зимній садъ, апартаменты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Оружейную Палату, и вступасте въ Древній Теремный Дворецъ, въ 1636 году надстроенный Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для сыновей своихъ—Царевичей Алексія и Іоанна,—и въ четырехъ-вѣковыя золотыя Царицыны палаты...

Изъ описанія кабинета Его Величества, мы узнаемъ, что во время маскарада, даннаго Державнымъ Хозяиномъ жителямъ Москвы, на новосельи Дворца, 7-го Апрѣля 1849 года,—юный Монархъ Австріи въ этотъ же день прислалъ къ Бѣлому Русскому Царю письмо, въ которомъ онъ просилъ у великодушнаго Союзника своего помощи для усмиренія Венгерцевъ. Государь Императоръ, сойдя въ свой кабинетъ, изволилъ послать повелѣніе Генераль-Фельдмаршалу Грѣфу Паскевичу подвинуть армию къ Венгерскимъ границамъ—для мира всему міру.... Такія драгоценныя воспоминанія уже и теперь составляютъ собственность Всемирной Исторіи....

По письму Барона Л. К. Боде (напечатанному во «Введеніи» стр. II—VI), мы узнали, между прочимъ, Исторію сооруженія Новаго Дворца. Въ археологическомъ отношеніи весьма любопытны извѣстія, что при рытіи фундаментовъ для Дворца и апартаментовъ, оказалось до трехъ слоевъ древней обгорѣлой деревянной мостовой, которые доказываютъ постепенный, такъ сказать, наростъ кремлевской высоты отъ частыхъ пожаровъ, и открыто основаніе прежней деревянной кремлевской стѣны, показывающее, что Кремль, до постройки каменной стѣны Великимъ Княземъ Дмитріемъ Донскимъ, былъ гораздо менѣе въ объемъ. Нынѣ еще хранятся нѣсколько дубовыхъ деревьевъ, лежащихъ одно на другомъ стѣною, до 22 арш. въ землѣ. Кромѣ того открыты, ниже горизонта земли, фундаменты съ доколами нѣсколькихъ древ-

нихъ зданій, свинцовыя водопроводныя трубы, мѣдная кружка съ разными грамотами XIV и XV столѣтій, и относящіяся къ языческимъ временамъ серебряныя обручи, поручни, серьги, и проч., и проч. При исправленіи, или, вѣрнѣе сказать, при восстановленіи Теремнаго зданія отъ разрушенія, въ 1837 г. обрѣтенъ, неизвѣстно когда упраздненный, оставленный въ запустѣніи подъ спудомъ зданія, наконецъ заваленный и застроенный—церковный храмъ Воскресенія Св. Лазаря, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1339 годомъ — нынѣ восстановленный Державною волею Государя Императора.

Въ заключеніе этого краткаго извѣстія объ «Описаніи Новаго Дворца въ Москвѣ», повторимъ, что, какъ текстъ А. О. Вельмана, такъ и рисунки хромофотографіи г. Дрегера — въ высшей степени любопытны и изящны во всѣхъ отношеніяхъ. Типографія А. А. Семена (сына) также отличилась въ тщательномъ напечатаніи текста; жаль только, что допустила весьма немногія, впрочемъ, опечатки или неясности; такъ, напр.: «бронзовые золотые часы» (стр. 21), «Соборъ — съ предѣломъ Св. Николая» (стр. 26), «подъ аксамитнымъ оплогомъ» (стр. 28), — «подъ стѣнъ залы и отдѣльно пирамиды древнихъ доспѣховъ», и пр. (стр. 32), — «ликъ Св. Іосифа, Индійскаго Царевича» (стр. 36), и н. др., что, конечно, скоро — при второмъ изданіи — исправится.

изв. дм.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

въ 1854 году.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Общій взглядъ на современную изящную словесность, и ея исходная историческая точка.

Каждая литературная эпоха имѣетъ своего главнаго представителя, отъ котораго, какъ отъ исходнаго пункта, ведетъ она свое начало. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, совмѣщаются ея художественныя и моральныя задачи, она живетъ подъ его могущественнымъ вліяніемъ, она вся представляетъ собою, такъ сказать, периферію его личности. Новое слово сказано имъ, и это новое слово толкуется, поясняется болѣе или менѣе даровитыми послѣдователями. Новая стезя пробивается гениемъ, и только расширяется, очищается талантами.

Такимъ гениемъ литературной эпохи, которую переживаемъ мы до сихъ поръ, по всей справедливости можетъ быть названъ Гоголь. Все, что есть дѣйствительно живаго въ явленіяхъ современной изящной словесности, идетъ отъ него, поясняетъ его, или даже, поясняется имъ. Цѣльная, полная художественная натура Гоголя, такъ сказать, развѣтвляется въ различныхъ сторонахъ современной словесности.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, конечно, что мы признаемъ Гоголя, и одного только Гоголя, исходною историческою точкою. Что же оставите вы Лермонтову? спросать насъ безъ сомнѣнія, — Лермонтову, котораго вліяніе отяготѣло такъ видимо надъ многими изъ нашихъ современныхъ писателей? Ужели вы вычеркнете его вовсе изъ историческаго прогресса, ужели вы

такъ слѣпы, чтобы не видѣть, что и онъ также съ своей стороны отразилъ въ немъ весьма значительную часть васъ самихъ, вашихъ вѣрованій или вашего скептицизма, вашихъ убѣжденій или вашего разубѣжденія? — ужели глухи вы на звуки тѣхъ струнъ, которымъ коснулся великій, рано похищенный судьбою поэтъ, ужели чужды вамъ тѣ стоны, болѣзненные и раздирающіе стоны, которые такъ могущественно отозвались на этой желѣзно-струнной лирѣ? Нѣтъ, скажемъ мы въ отвѣтъ, не глухи мы на эти струны, не чужды намъ эти стоны безвыходной скорби и страданія. Мы такъ же въ свою очередь поддавались ихъ обаянію, обаянію того демона, который, какъ «царь нѣмой и гордый, сіялъ»

Такой волшебю-чудной красотою,
Что было страшно—и душа тоскою
Сжималась....

Но, вѣдь этотъ демонъ былъ, по признанію самаго поэта, «странный бредъ», отъ котораго самъ онъ отдѣлался стихами, отъ котораго мы отдѣлались стихами поэта, но вѣдь этотъ Печоринъ, который развился подъ вліяніемъ обстоятельствъ, чуждыхъ настоящему русскому быту, этотъ Печоринъ, прямое послѣдствіе Рено, Оберманна и т. д., — онъ уже для насъ, въ настоящую минуту, миражъ, призракъ, потерявшій даже свою грандіозность въ особѣ Тамарина, — но вѣдь вся эта исторія любви безъ радостей и разлукъ безъ печалей въ короткое время стала неимоверно смѣшна, потеряла всякій кредитъ, перестала дѣйствовать обаятельно даже на женщинъ, — но вѣдь этотъ фатализмъ, дешево купленный, обличилъ самъ себя, но наконецъ самое это направленіе истоцилось окончательно въ романъ «Кто виноватъ», переніло въ леденящій сердце и довольно ограниченный прозаизмъ въ «Обыкновенной исторіи», и послѣднія проявленія его въ повѣстяхъ гг. Авдѣева, Дружинина и иныхъ, суть только предсмертныя судороги.

Мы говоримъ здѣсь о дарованіи Лермонтова не какъ о великой возможности (потенціи), говоримъ не о лирическомъ поэтѣ, влидѣвшемъ, въ особенности въ послѣднихъ стихотвореніяхъ, мѣднымъ литымъ стихомъ, не о писателѣ, лучше и проще котораго не писалъ по-русски никто послѣ Пушкина, мы смотримъ

съ исторической точки зрѣнія, посмотримъ на дѣло Лермонтова, взвѣсиваемъ то слово, которое завѣщалъ онъ міру, и, къ сожалѣнію, должны сознаться, что слово это далеко не такъ вѣско, какимъ оно казалось лѣтъ за нѣсколько назадъ, что дѣло это, если станешь судить его, какъ всякое человѣческое дѣло, по послѣдствіямъ, далеко не такъ значительно. По крайней мѣрѣ, нельзя не видать, что значеніе этого дѣла есть чисто отрицательное. Для того, чтобы быть подъ вліяніемъ поэта, надобно вѣрить въ его моральныя убѣжденія, надобно дѣлать съ нимъ его восторги и страданія, а позвольте спросить, кто въ настоящее время вѣритъ въ искренность Печорина, кто вѣритъ, что *хорошо*, къ высшему моральному смыслу, «высосать апельсинъ и бросить его»,—кто вѣритъ въ величіе улыбки Печорина при смерти Бѣлы, въ законность его обхожденія съ Максимомъ Мысиминымъ,—кто способенъ сознаться въ раздѣлѣ этихъ мелочныхъ страданій весьма мелочнаго эгоизма? Надобно быть послѣдовательными, милостивые государи, надобно, вмѣстѣ съ исторіей, сознаться, что «герой того времени» умеръ и не въ воскреснетъ болѣе,—что демонъ, который мучилъ поэта, не тотъ, который мучитъ насъ, что то поколѣніе, которое поразилъ Лермонтовъ проклятіемъ, поколѣніе, котораго

Грядущее нѣ пусто нѣ темно,

которое безвременно состарѣлось подъ бременемъ страданія и сомнѣнія, не то, которое живетъ теперь.... Оно не то, за это ручаются его свѣжія силы, и къ нему скорѣе относится лебединый привѣтъ великаго по истинѣ представителя русской натуры, такъ же рано погибшаго, но рано не для безсмертной славы своей, а для будущаго литературы:

Здравствуй, племя,
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій, поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслоняшь
Отъ глазъ прохожаго....

Трогательный, величавый, вполне человѣческій привѣтъ любви, вѣры и надежды!

2*

Повторимъ опять, на судѣ исторической критики всякое дѣло получаетъ значеніе по плодамъ его—и каковъ бы ни былъ талантъ поэта, одного только таланта, какъ потенціи, еще недостаточно. Важное дѣло въ поэтѣ то, для чего у нѣмцевъ существуетъ общепонятный и общеупотребительный терминъ, *die Weltanschauung*, и что у насъ, *tant bien que mal*, переводится міросозерцаніемъ.

Міросозерцаніе, или, проще, взглядъ поэта на жизнь не есть что-либо совершенно личное, совершенно принадлежащее самому поэту. Ширина или узкость міросозерцанія обуславливается эпохой, страной, однимъ словомъ, временными и мѣстными историческими обстоятельствами. Геніальная натура, при всей своей крѣпкой и несомнѣнной самости или личности, является, такъ сказать, фокусомъ, отражающимъ крайніе, истинные предѣлы современнаго ей мышленія, послѣднюю, истинную степень развитія общественныхъ понятій и убѣжденій. Это мышленіе, эти общественныя понятія и убѣжденія возводятся въ ней, по слову Гоголя, «въ черлъ созданія», очищаясь отъ грубой примѣси различныхъ уклоненій и односторонностей. Геніальная натура носить въ себѣ, такъ сказать, кладъ всего неперемѣннаго, что есть въ стремленіяхъ ея эпохи. Но, отражая въ себѣ эти стремленія, не служить имъ рабски, а владычествуетъ надъ ними, глядя яснѣе многихъ впередъ. Противорѣчія примиряются въ ней высшими началами разума, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и безконечная любовь.

Отношеніе такой геніальной природы къ окружающей ее, и отражающейся въ ея созданіяхъ, дѣйствительности, только на первый взглядъ представляется враждебнымъ. Вглядитесь глубже, и во враждѣ, въ жолчномъ негодованіи увидите вы любовь, только разумную, а не слѣпую, за мрачнымъ колоритомъ картины ясно будетъ сквозить для васъ сіяніе вѣчнаго идеала, и, къ изумленію вашему, нравственно выше, благороднѣе, чище, выйдете вы изъ адскихъ терзаній Отелло, изъ безвыходныхъ мукъ моральнаго безсилія Гамлета,—изъ грязной тины мелкихъ гражданскихъ преступленій, раскрывающейся передъ вами въ Ревизорѣ, и пусть холодъ сжималъ ваше сердце при чтеніи Шиннели,—вы почувствуете, что этотъ холодъ освѣжилъ и отрезвилъ васъ, и нѣтъ въ вашемъ

наслажденіи ничего судорожнаго, и на душѣ у васъ какъ-то торжественно. Міросозерцаніе поэта, невидимо присутствующее въ созданіи, примирило васъ, уяснивши вамъ смыслъ жизни. Поэтому-то, созданіе истиннаго художника въ высокой степени нравственно, не въ томъ конечно пошломъ и условномъ смыслѣ, надъ которымъ по-дѣломъ смѣется нашъ вѣкъ: избави насъ небо отъ той нравственности, которая до сихъ поръ еще готова видѣть въ Пушкинѣ безнравственнаго поэта и въ герояхъ его уголовныхъ преступниковъ, которая до сихъ поръ еще не прощаетъ Мольеру его Тартюфа и доискивается атеизма въ Шекспирѣ. Нѣтъ, созданіе истиннаго художника нравственно въ томъ смыслѣ, что оно—живое созданіе. Оживите передъ вами лица Шекспировыхъ драмъ, обойдитесь съ ними, какъ съ живыми личностями, призовите ихъ вторично на судъ, и вы убѣдитесь, что Немезида, покаравшая или помиловавшая ихъ, полна любви и разума. Даже не нужно и убѣждаться въ томъ, что совершенно непосредственно сознается, осязательно чувствуется.

Въ сердцѣ у человѣка лежатъ простыя вѣчныя истины, и по преимуществу ясны онѣ истинно гениальной натурѣ. Отъ этого и сущность міросозерцанія одинакова у всѣхъ истинныхъ представителей литературныхъ эпохъ, различенъ только цвѣтъ. Одну и ту же глубокую, живую вѣру и правду,—одно и то же тонкое чувство красоты и благоговѣнія къ ней встрѣтите вы въ Шекспирѣ, въ Гоголѣ, въ Гёте и въ Пушкинѣ, различіе можетъ быть только въ степени и въ цвѣтѣ чувствованія, но та же самая нота звучитъ и въ напряженномъ пафосѣ Гоголя, и въ иѣрно-ровномъ, блестящемъ теченіи творчества Гёте, и въ благоуханной простотѣ Пушкина, и въ строго-безукоризненномъ величіи Шекспира. Мы вѣримъ Гёте, когда слышимъ изъ устъ его слово его жизни, спокойное и твердое слово юноши-старца:

Das Wahre war schon längst gefunden
 Hat edle Geisterschaft verbunden
 Das alte Wahre Fasz es an,

и понимаемъ, что эта великая натура, вопреки воплямъ Менцелей и писку разныхъ наѣкомыхъ, отъ сердца сказала: «О высокихъ

мысляхъ и чистомъ сердцѣ должны мы просить Бога». — Мы вѣримъ Пушкину, когда говоритъ онъ намъ:

Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И знаю, будутъ мнѣ минуты наслажденья
Средь горестей, заботъ и тревоженья....

Мы повсюду за живыми лицами Шекспировыхъ драмъ сочувствуемъ великой мужеской личности самаго творца, и внимаемъ разумно-любовному слову жизни, мы слышимъ тоску по идеалѣ въ созданіяхъ Гоголя, все равно, съ кѣмъ ни знакомить онъ насъ, съ Тарасомъ ли Бульбой, или съ Маниловымъ, съ Акакіемъ ли Акакіевичемъ, или съ ослѣпляющей какъ молнія красотой Аннунціаты. И какое таинственное чутье указываетъ гениальной натурѣ предѣлы въ созданіи, что охраняетъ ее отъ двухъ золъ, отъ рабской копировки явленій жизни и отъ ходульной идеализаціи, что заставляетъ ее остановиться во время, что наконецъ хранить въ ней самой такъ свято, такъ неприкосновенно, завіщающее ей ея слово жизни?... Одна бы кажется недомолвка,—и Акакій Акакіевичъ поразилъ бы васъ не трагическимъ, а сентиментально плаксивымъ впечатлѣніемъ; еще бы одна черта,—и Миньона стала бы фальшивой, хотя блестящей Эсмеральдой; лишняя минута въ жизни Татьяны или лишній порывъ въ простомъ разсказѣ о Капитанской дочкѣ,—и эти созданія потеряли бы свою недосыгаемую простоту; немного гуще краски въ изображеніи Офеліи или Дездемоны,—и гармонія, цѣлость, полнота Отелло и Гамлета, были бы нарушены.

Истинный художникъ самъ вѣруетъ въ разумность создаваемой имъ жизни, свято дорожитъ правдою, и оттого мы въ него вѣруемъ, и отъ того въ прозрачномъ его произведеніи сквозитъ очевидно созерцаемый имъ идеалъ: фигуры его рельефны, но не до такой степени, чтобы прыгали изъ рамъ, за ними есть еще что-то, что зоветъ насъ къ безконечному, что ихъ самихъ связываетъ незримую связію съ безконечнымъ. Однимъ словомъ, какъ говоритъ Гоголь въ своемъ глубокомъ по смыслу *Портретѣ*, «предметы видимаго міра отразились сперва въ душѣ самаго художника» — и оттуда уже вышли не мертвыми сколками съ видимыхъ явленій, а живыми,

самостоятельными созданіями, въ которыхъ, какъ Гоголь же говорить, «просвѣчиваетъ душа создавшаго».

Гоголь, одна изъ такихъ предъизбранныхъ геніальныхъ натуръ, пояснилъ намъ отчасти процессъ такого изнутри выходящаго творчества. Вотъ это многозначенательное, хотя болѣзненное признаніе, подавшее поводъ къ различнымъ кривымъ и дѣтскимъ толкамъ, и даже, къ вѣчному стыду русской критики, къ насмѣшкамъ. Великій художникъ, яспѣе и враговъ своихъ и поклонковъ опредѣляетъ здѣсь и свойство и значеніе своего таланта и пружины своего творчества, и наконецъ даже свою историческую задачу. (Переп. съ друзьями, стр. 141).

«Герои мои», говоритъ Гоголь, «потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія—исторія моей собственной души. А чтобы лучше все это объяснить, опредѣлю тебѣ себя самаго какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирали, какое какия мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣляли. Его слышатъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара *выставлять такъ ярко пошлость жизни*, уметь очертить *въ такой силѣ пошлость* пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы *крупно* въ глаза *всѣмъ*. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго нѣтъ у другихъ писателей.

Останавливаемся нѣсколько здѣсь, и замѣтимъ, что поэтъ напрасно боялся открыть это душевное обстоятельство. Оно, по нашему мнѣнію, относится не къ человеку-Гоголю, а къ художнику, въ широкой натурѣ котораго заключены и «добрая и злая». Много чести дѣлаетъ человѣку подобный испугъ отъ самаго себя, но Гоголь, какъ художникъ, долженъ былъ быть таковымъ, чтобы могъ сказать міру свое слово, и все, что говорить объ себѣ какъ о человѣкѣ, должно относить къ художнику.

«И такъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство» — продолжаетъ онъ, — «но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная

«душевная история. Никто изъ читателей моихъ не зналъ, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.

«Во мнѣ не было какого нибудь-одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было такъ же никакой картинной «добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую нибудь картинную наружность, но за то, вмѣсто того, во мнѣ заключалось «собрание всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой по немного, и «притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ «доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. *Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу.* Онъ поселилъ мнѣ такъ же въ душу, уже отъ «рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ, но лучшее изъ «нихъ было *желаніе быть лучшимъ.* Я сталъ,—говорить далѣе поэтъ, надѣлать своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ «гадостей, моей собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: «*связавши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ дру-* «*гомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изоб-* «*разить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ* «*самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его зло-* «*бою, насмѣшкою и вѣсѣмъ, чѣмъ ни попало.* Если бы кто «видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего «въ началѣ для меня самаго, онъ бы точно содрогнулся.»

Поздравляемъ тѣхъ близорукихъ или ослѣпленныхъ критиковъ, которые видѣли въ этомъ признаніи какое-то ложное смиреніе. Повторяемъ опять, что здѣсь мы оставляемъ нравственную, лично человеческую сторону, забываемъ странное смѣшеніе признаній нравственныхъ съ эстетическими: беремъ эти мѣста, какъ матеріалъ, бросающій ясный свѣтъ на процессъ художническаго творчества, о чемъ Гоголь разумѣется не думалъ. Для насъ—это ключъ къ гениальной натурѣ и къ ея творчеству. Двѣ черты ярко обозначаются въ этомъ саморазложеніи—съ одной стороны природа многосторонняя, въ которой Божій міръ отражается со всѣмъ разнообразіемъ дурнаго и хорошаго, съ другой стороны природа сосредоточенно-страстная, тонко чувствующая, болѣзненно раздражительная. Эта сосредоточенная страстность, эта способность болѣзненно, т. е. слишкомъ чутко

отзываться на все, и составляетъ, вмѣстѣ съ постояннымъ стремленіемъ къ идеалу, особенный цвѣтъ Гоголевской геніальности. Гёте спокойно, ясно отражалъ въ себѣ дѣйствительность — и, столько же многообразная, но сангвиническая натура — отбрасывалъ ее отъ себя какъ шелуху, высвобождаясь безпрестанно изъ-подъ ея вліянія, устанавливая въ себѣ одномъ центръ. Пушкинъ былъ чистымъ, возвышеннымъ и гармоническимъ эхомъ всего, все претворяя въ красоту и гармонію; — Шекспиръ постоянно носилъ въ себѣ свѣтлый характеръ Генриха V, и какъ тотъ изъ отношеній съ Фальстафомъ, выходилъ цѣль и съ яснымъ челомъ, съ вѣчнымъ сознаніемъ собственныхъ силъ, изъ мукъ Макбета, Отелло и Гамлета. Гоголю дано было всё язвы износить на себѣ, и слѣды этихъ язвъ вѣчно въ себѣ оставить. Натура холерически-меланхолическая, склонная къ безконечной вдумчивости, подверженная борьбѣ со всѣми темными началами, и между тѣмъ сама въ себѣ носящая залогъ спасенія, желаніе быть лучшимъ, стремленіе къ идеалу, стремленіе, обусловленное въ своей возможности той же страстностью и раздражительностью. Какъ до непомѣрно-громадныхъ размѣровъ разрастаются въ этой душѣ различныя противорѣчія дѣйствительности, такъ отзывается же она и на красоту, истину и добро. Творецъ Акакія Акакіевича есть вмѣстѣ и творецъ Аннунціаты. Въ одну изъ страшныхъ минутъ своей моральной жизни, эта великая натура высказала стонами и воплями свое отношеніе къ идеалу. «Замирастъ отъ ужаса душа,» говоритъ поэтъ, какъ бы пожираемый огнемъ той таинственной любви, которая и свѣтитъ тихимъ свѣтомъ, и жжетъ пламенемъ неугасимымъ, и поражаетъ какъ мечъ обоюду острый, «при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ вышшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стопеть весь «умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, «которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшлища отъ нихъ подымутся.»

Отношеніе подобной натуры къ дѣйствительности, ее окружающей и ею отражаемой, выразилось, опять таки по ея же свойству, въ юморъ, и притомъ въ юморъ страстномъ, гиперболи-

ческомъ. Историческая задача ея — была: сказать, что дрянъ и тряпка сталъ всякъ человекъ, выставить пошлость пошлаго человека, свести съ ходуль такъ называемаго добродѣтельнаго человека, уничтожить все фальшивое самооболеніе, привести, однимъ словомъ, къ полному, христіанскому сознанію, но спокойно, безстрастно она сдѣлать этого не могла. Двойкій путь предстоялъ художнику въ обращеніи съ этою дѣйствительностью: или дать волю собственному болѣзненному раздраженію и негодованію, или просто списывать. Ни того, ни другаго Гоголь по натурѣ своей сдѣлать не могъ. Не могъ онъ холодно списывать, потому, что самъ на себѣ носилъ язвы имъ изображаемыя, не увлекся онъ и личною раздражительностью, потому что весь проникнутъ былъ желаніемъ усовершенствованія. Тѣ чудовища, которыя выливались по его признанію изъ-подъ пера его, для него были чудовищами, и явились на свѣтъ Божій въ произведеніяхъ другихъ, которые пошли по его пути, но не руководились его свѣтомъ, явились въ господинѣ Голядкинѣ, господинѣ Прохарчинѣ и другихъ исчадіяхъ, пропитанныхъ зловоніемъ внутренней болѣзни. Съ другой стороны, и голая копировка дѣйствительности выступала ярко во многихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, какъ другая крайняя сторона того же Гоголя. Въ произведеніяхъ этихъ двухъ натуральныхъ школъ, безспорно, явилось много таланта, въ особенности въ послѣдней, но, какъ въ болѣзненномъ до чудовищности юморѣ, подъ вліяніемъ котораго явились различныя чудовища безъ формы и вида, съ одной громадной и вмѣстѣ мелочной претензіей, такъ и въ нелюбезномъ изображеніи различныхъ повседневныхъ явленій раздвоился полный и цѣльный Гоголь.

Гоголь впервые выступилъ на литературное поприще съ своими *Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки*. Это были еще юношескія, свѣжія вдохновенія поэта, свѣтлыя какъ украинское небо: все въ нихъ ясно и весело, самый юморъ простодушенъ, какъ юморъ народа, еще не слыхать того грустнаго смѣха, который послѣ является единственнымъ честнымъ лицомъ въ произведеніяхъ Гоголя, и самое особенное свойство таланта поэта, *свойство очертить всю пошлость пошлаго человека*, выступаетъ здѣсь еще наивно и добродушно, и легко и свѣтло отъ того на душѣ

читателя, какъ свѣтло и легко на душѣ самаго поэта: надъ нимъ какъ будто еще развернулось синимъ шатромъ его родное небо, онъ еще вдыхаетъ благоуханіе черемухъ своей Украйны. Здѣсь проявляется въ особенности необычайная тонкость его поэтического чувства. Можетъ быть ни одинъ писатель не одаренъ такимъ полнымъ, гармоническимъ сочувствіемъ съ природою, ни одинъ писатель не постигаетъ такъ пластической красоты, красоты полной, существующей для всѣхъ и каждаго, какъ его Аннунціата, никто наконецъ такъ не полонъ сознанія о прекрасномъ физически и нравственно человѣкѣ, какъ этотъ писатель, призванный очертить пошлость пошлаго человѣка, и по тому самому ни одинъ писатель не обдаетъ души вашей такой тяжелой грустью, какъ Гоголь, когда онъ, какъ безпощадный анатомикъ, по частямъ разбираетъ человѣка.... *Въ вечерахъ на Хуторѣ* еще не видать этого безпощаднаго анализа, юморъ еще только причудливо граціозенъ, въ гомерическомъ ли изображеніи пьянаго Каленика, отплясывающаго гопака на улицѣ въ майскую ночь, въ простодушномъ ли очеркѣ характера Ивана Федоровича Шпоньки, въ которомъ таится уже зерно глубокаго созданія характера Подколесина: въ этомъ бытѣ, простомъ и непосредственномъ бытѣ Украйны, поэтъ еще видитъ свою красавицу Оксану, свою Галю—чуждое существо, которое спитъ въ «божественную ночь, очаровательную ночь», спитъ распустивъ черныя косы, подъ украинскимъ небомъ, на которомъ серпомъ стоитъ мѣсяцъ; тутъ все еще полно таинственнаго обаянія, и прозрачность озера, и фантастическія пляски вѣдьмъ, и ликъ утопленницы—панночки, запечатлѣнный какой-то свѣтлой грустью. А Сорочинская ярмарка съ ея шумомъ и толкотнею, а кузнецъ Вакула, а исполинскіе образы двухъ братьевъ Карпатскихъ горъ, осужденныхъ на страшную казнь за гробомъ, эти Дантовскіе образы народныхъ преданій, все это еще то свѣтло, то таинственно и обаятельно-чуждо, какъ лепетъ ребенка, какъ сказки старухи нани.

Но не долго любовался поэтъ этимъ бытомъ, радовался безпечной радостью художника, воссоздавая этотъ бытъ. Онъ кончилъ его апотеозу великой эпопеею о Тарасѣ Бульбѣ и дивной легендой о Віѣ, гдѣ вся природа его страны говоритъ съ нимъ

шелестомъ травъ и листьевъ въ прозрачную лѣтнюю ночь, и гдѣ между тѣмъ въ тоскѣ безъисходной, въ замираніи сердца мчащагося съ вѣдомою по безконечной степи философа Хомя Брута, слышится тоска самаго поэта и невольно переходитъ на читателя. Раздѣлявшись на всегда съ обаяніемъ своего роднаго края въ этой части своего Миргорода, Гоголь уже взглянулъ окомъ аналитика на дѣйствительность: простодушно, какъ прежде, принялся было онъ чертить истинно-человѣческія фигуры Аѳанасія Ивановича и Пулхеріи Ивановны, и остановился въ тяжеломъ раздумьѣ надъ страшнымъ трагическимъ *Fatum*, лежащимъ въ самой крѣпости, въ самой непосредственности ихъ отношенія: съ гиперболически-веселымъ юморомъ изобразилъ безплодныя существованія Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, и кончая свою картину, вынужденъ былъ воскликнуть: «скушно на этомъ свѣтѣ, господа», и имѣлъ право сказать это, какъ имѣлъ право въ концѣ своей послѣдней книги сказать: «пусто и страшно становится въ твоемъ мірѣ, мой Боже.» Съ этой минуты онъ уже взялъ въ руки анатомическій ножъ, съ этой минуты обильно потекли уже «сквозь зримый міру смѣхъ незримыя слезы.» Но страшно ошиблись бы тѣ, которые въ этихъ слезахъ увидѣли бы только слезы негодованія. Паѳосъ Гоголя, не ювеналовскій паѳосъ, не паѳосъ отчаянія, производимаго противорѣчіями дѣйствительности: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только сравнить самыя патетическія повѣсти, каковы напримѣръ: «Записки съумасшедшаго», «Невскій проспектъ,» съ прекрасными въ своемъ родѣ, лирически-дидактическими произведеніями князя Одоевскаго. Вездѣ у Гоголя выручаетъ юморъ, и этотъ юморъ полонъ любви къ жизни и стремленія къ идеалу, вездѣ, однимъ словомъ, видѣнъ поэтъ, чуждый всякой задней мысли. Этотъ юморъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ своихъ въ «Носѣ,» оригинальнѣйшемъ и причудливѣйшемъ произведеніи, гдѣ все фантастично и вмѣстѣ съ тѣмъ все въ высшей степени поэтическая правда, гдѣ все понятно безъ толкованія, и гдѣ всякое толкованіе убило бы поэзію....

Все глубже и глубже опускался скальпель анатомика, и наконецъ, въ Ревизорѣ, одинъ уже смѣхъ только выступилъ честнымъ и карающимъ лицомъ, а между тѣмъ, тому, кто понимаетъ вели-

кое общественное значеніе комедіи (а кто же не понимаетъ его теперь, и для кого оно не уяснилось?), очевидны сквозь этотъ смѣхъ слезы. Вся эта бездна мелочныхъ и тяжкихъ въ массѣ грѣховъ и преступленій, разверзающаяся съ ужасающею постепенностью передъ глазами зрителей, прежде спокойная, невозмутимая, какъ болотная тина, и такъ сказать развороченная однимъ прикосновеніемъ пустаго проѣзжаго чиновника, этотъ страхъ передъ призракомъ, принятымъ за дѣйствительную грозу закона, глубокій смыслъ того факта, что тревожная совѣсть городскихъ властей ловится на такую брѣнную удочку,—все это ясно и понятно уже каждому въ наше время; что же касается до господъ, до сихъ поръ еще удивляющихся тому, какъ могъ городничій, обманувшій трехъ губернаторовъ, принять за ревизора проѣзжаго свища, то остается только подивиться чистотѣ ихъ совѣсти, которой никогда не тревожили призраки, вызванные ея собственнымъ тревожнымъ состояніемъ, или педобросовѣстности, озлобленной на русскую литературу вообще и на одного изъ великихъ ея представителей въ особенности. Разсуждающіе о несообразности этого *происшествія* вовсе не понимаютъ ни поэтической гиперболы, ни смысла комедіи Гоголя, не понимаютъ, что чѣмъ пустѣе, такъ сказать, глаже, безцвѣтнѣе Хлестаковъ, тѣмъ очевиднѣе комическая Немезида надъ беззаконіями города.

Мы сказали, что особенное свойство гоголевскаго юмора обусловлено отношеніемъ натуры поэта къ дѣйствительности. Съ одной стороны, эта натура, по признанію самого Гоголя—много-сторонняя и, стало быть, способна отражать въ себѣ дѣйствительность со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ ея явленій, и притомъ, отражать ярко и цѣльно,—съ другой стороны, это натура въ высшей степени страстная, на которую всѣ противорѣчія идеалу дѣйствуютъ болѣзненно. Руководи Гоголя только личное раздраженіе, будь онъ, однимъ словомъ, не въ такой степени исполненъ чутія жизни, онъ былъ бы только великимъ лирикомъ-дидактикомъ; будь въ немъ меньше настоящаго стремленія къ идеалу, раздраженіе его противорѣчіями дѣйствительности отзывалось бы пафосомъ, нѣсколько натянутымъ. Вещи познаются по сравненію, и чтобъ оцѣнить Гоголя, стѣбать только срав-

нить, напริมѣръ, его произведенія съ другими, тоже талантливыми произведеніями. Есть, напрімѣръ, на первый взглядъ нѣчто общес между павосомъ «Насмѣшки мертвеца», «Города безъ имени», «Квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ» и другихъ произведеній талантливаго и мыслящаго Одоевскаго, и павосомъ «Невскаго проспекта», «Записокъ съумасшедшаго», «Шинели», «Рима», но взгляните пристальнѣе,—и вы увидите безконечную разницу, вслушайтесь внимательнѣе — и въ прекрасныхъ дидактическихъ разсказахъ Одоевскаго вы услышите только отрицательный павосъ, павосъ негодованія, пополамъ съ горькою ироніею Гамлета, съ улыбкою скорби скептика, съ неопредѣленными стремленіями мистика. Вы чувствуете, что вражда не осилила здѣсь дѣйствительности, не обладаетъ ею мужески, а только плачетъ надъ нею, только общается что-то лучшее въ туманной, безграничной дали. Въ павосъ Гоголя и въ самыхъ капризныхъ причудахъ его юмора вы чувствуете всегда живое чутье жизни, любовь къ жизни; его идеалы красоты и правды существуютъ для него въ крѣпкихъ осязаемыхъ формахъ. Съ другой стороны, сравните, напрімѣръ, «Шинель» съ однородной почти съ нею по основнымъ мыслямъ повѣсти даровитаго же, хотя замолкнувшаго уже писателя, Н. Ф. Павлова: «Демонъ». Сравните хоть сцену съ начальникомъ у того и другаго писателя! А между тѣмъ вы не можете не сознаться, читая «Демона», что талантъ тутъ явно присутствуетъ, что анализъ тутъ чрезвычайно глубокъ; можетъ быть даже отъ того это не дѣйствуетъ, что анализъ черезъ чуръ уже старается быть глубокимъ, что талантъ принимаетъ чудовища своего фантастически напряженнаго воображенія за дѣйствительныя, живыя созданія, и страданія бѣднаго Ивана Петровича, помѣшавшагося на мысли, что бѣдная жизнь заѣстъ вѣкъ его хорошенькой половины, растутъ до невѣроятно-колоссальныхъ размѣровъ, и странно то, что, чѣмъ больше они стараются расти, тѣмъ меньше вы становитесь способны имъ сочувствовать, и весь павосъ автора пропадаетъ задаромъ. Напротивъ, какъ просто разсказано обхожденіе чиновниковъ съ Акакіемъ Акакиевичемъ и его горе при потерѣ шинели, а сердце ваше сжимается, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ какомъ-то упоеніи восторга наслаждаетесь вы

этимъ вѣрнымъ, художественнымъ анализомъ. Мы не хотимъ сравнивать Гоголя съ позднѣйшими произведеніями петербургской школы, которая была представительницею крайности его болѣзненного юмора, мы не напоминаемъ этихъ странныхъ, чудовищныхъ сновъ г. Буткова и иныхъ, у которыхъ наконецъ сапоги получаютъ фizioномію и являются фантастическими существами, которыхъ юморъ вдается въ описаніе зловонныхъ угловъ, и главное, что всего хуже, которые всякую микроскопическую претензію микроскопической личности возводятъ на степень *права*. Это уже просто безобразіе, которое оставлено красотой и правдой.

Сравнивая юморъ Гоголя съ юморомъ другихъ великихъ юмористовъ, каковы напримѣръ Стернь, Ж. Поль Рихтеръ, Диккенсъ, Гофманъ, мы также убѣждаемся въ совершенной его особенности. Въ Ж. Полѣ, напримѣръ, при всей его геніальности, нельзя не видать нѣмецкаго *kleinstädtisches Wesen*; юморъ Гофманна только въ эксцентричностяхъ находитъ спасеніе отъ удушливой тюрьмы филистерства; Диккенсъ такъ же полонъ любви, какъ Гоголь, но его идеалы правды, красоты и добра чрезвычайно узки, и его примиреніе, по крайней мѣрѣ для насъ русскихъ, довольно неудовлетворительно, чтобы не сказать, пошло; юморъ Стерна весь вышелъ изъ скептицизма XVIII вѣка, и разлагается на двѣ составныя части, на слезливую сантиментальность и на скептическую иронію Гамлета надъ черепомъ Йорика. Юморъ Гоголя полонъ, цѣленъ, неразложимъ, ибо Гоголь не только юмористъ, а великій поэтъ, или юмористъ по столько, по сколько юмористъ творецъ Фальстафа, Фоконбриджа и Бенедикта (*Much ado about Nothing*).

Мы привели уже мѣсто, гдѣ самъ поэтъ высказалъ съ величайшею искренностью и простотою побудительныя причины своего юмора. «Не думай однако же, послѣ моей исповѣди», оканчиваетъ онъ свое третье письмо по поводу Мертвыхъ душъ (Переп. съ друзьями, стран. 149), «чтобы я самъ былъ такой же «уродъ, каковы мои герои: нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю «добро, я *вижу* его и *сгораю* имъ, но я не люблю моихъ мерзостей, и не держу ихъ руку, какъ мои герои, я не люблю «тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я

«воюю съ ними и буду воевать и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ
 «поможетъ Богъ, и это вздоръ, что выпустили глупые свѣтскіе
 «умники, будто чловѣку только и возможно воснитать себя,
 «покуда онъ въ школѣ, а послѣ ужъ и черты нельзя измѣнить
 «въ себѣ: только въ глупой свѣтской башкѣ могла образоваться
 «такая глупая мысль. Я уже отъ многихъ своихъ недостатковъ
 «избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ
 «въ нихъ, и заставилъ другихъ такъ же надъ ними посмѣяться.
 «Я оторвался уже отъ многого тѣмъ, что, *лишивши картиннаго*
 «*вида и рыцарской маски, подъ которою выплываетъ козы-*
 «*ремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ тою*
 «*гадостью, которая въсѣмъ видна.* Тебѣ объяснится также
 «и то, почему не выставялъ я до сихъ поръ читателю явле-
 «ній утѣшительныхъ, и не избиралъ въ мои герои добродѣ-
 «тельныхъ людей. *Ихъ въ головѣ не выдумаешь.* Пока не ста-
 «нешь самъ хотя сколько-нибудь на нихъ походить, пока не
 «добудешь постоянствомъ и не завоеешь силою въ душу нѣсколько
 «добрыхъ качествъ, — мертвечина будетъ все, что ни напишетъ
 «перо твое, и какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды. Вы-
 «думывать кошмаровъ, я также не выдумывалъ: кошмары эти
 «давили мою собственную душу: что было въ душѣ, то изъ
 «меня и вышло».

Такова цѣльная и гармоническая художественная натура, ко-
 торую мы, по нашему крайнему разумѣнію, приняли за исход-
 ную точку современнаго состоянія словесности. До сихъ поръ,
 мы видѣли еще только крайности ея, проявившіяся въ послѣду-
 ющихъ литературныхъ явленіяхъ, въ двухъ натуральныхъ шко-
 лахъ. Разумное историческое и самостоятельное послѣдствіе еще
 впереди, какъ въ творествѣ самого Гоголя, такъ въ могуще-
 ственныхъ силахъ какого-нибудь новаго яркаго таланта. Каково
 будетъ отношеніе этого таланта къ дѣйствительности, — тайна
 будущаго: только по существующимъ даннымъ можно гадать,
 что это будетъ иная болѣе спокойная творческая натура.

Г.

Мѣсяцословъ на высокосный 1852 годъ, С.-П., въ типографіи Императорской Ак. Наукъ. Въ 8 д. л., стр. 284.

Кавказскій календаръ на 1852 годъ, изданный при Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Тифлисъ. 1851, стр. 718 въ 12 д. л.

Памятная книжка на 1852 годъ. С.-П., въ вольной типографіи. Въ 24 д. л., стр. 511, кромѣ оглава и приложеній.

Передъ нами цѣлая коллекція календарей, потому что и **Памятная книжка** тоже календарикъ, только микроскопическій. Начнемъ съ **Кавказскаго календаря**, которому право первенства, между этими тремя книгами, принадлежитъ безспорно, передъ **мѣсяцословомъ** по полнотѣ его, по тщательности, съ какой онъ составленъ, и наконецъ по красотѣ изданія, передъ **Памятной книжкой**—по самому своему книжному значенію.

Нельзя не порадоваться тому вниманію, съ какимъ **Князь Намѣстникъ Кавказскаго края** заботится обо всемъ касающемся его устройства и просвѣщенія, и нельзя не согласиться, что **Кавказскій календаръ** на 1852 годъ, изданный при его канцеляріи, составляетъ книгу чрезвычайно полезную для жителей того края и чрезвычайно любопытную для всѣхъ вообще.

Кромѣ православнаго **мѣсяцослова** и всѣхъ его принадлежностей, въ составъ **Кавказскаго календаря** входятъ: **мѣсяцословы** армяно-григоріанскій и армяно-католическій, **магометанскій календаръ**, сравнительная таблица лѣтосчисленій христіанскаго съ магометанскимъ отъ начала хиджры (602 по Р. X.) до 1900 нашей эры; свѣденія о кавказскомъ обществѣ **Сельскаго Хозяйства**, о кавказскомъ отдѣлѣ **Императорскаго русскаго Географическаго общества** и о конторахъ агентства двухъ нашихъ страховыхъ отъ огня обществъ, 1-го и 2-го; указатель ярмарокъ, базаровъ и мѣновыхъ дворовъ всего закавказскаго края, торговыхъ депо и коммерческихъ домовъ Тифлиса; росписаніе пароходныхъ сообщеній по Черному и Каспійскому морямъ; извѣстія о періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Тифлисъ; таблицы о числѣ учебныхъ заведеній на Кавказѣ и за Кавказомъ и о внѣшней торговлѣ закавказскаго края; статистическія свѣдѣнія о церквахъ и монастыряхъ всѣхъ тамошнихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и наконецъ довольно пространныя статистическія и историческія очерки нѣкоторыхъ городовъ, областей и мѣстъ Закавказскаго края. Въ концѣ книги приложенъ

адресъ-календарь, до того полный, что въ него включены даже всѣ мастеровые и ремесленники, живущіе въ Тифлисѣ.

Мы указали только на главные отдѣлы Кавказскаго календаря; не исчисляя подробно его содержанія, которое занимаетъ 5 страницъ, и изъ котораго тотчасъ видно, что книга эта можетъ дать много очень удовлетворительныхъ, дѣловыхъ и часто нужныхъ свѣдѣній о Кавказѣ. Въ историческихъ и статистическихъ очеркахъ городовъ и областей есть много любопытнаго. Такъ напримѣръ, въ очеркѣ исторіи Тифлиса намъ попался чрезвычайно любопытный историческій фактъ, которымъ мы не можемъ не подѣлиться съ нашими читателями.

Императоръ Александръ, желая достоверно знать положеніе страны, поручилъ первому главнокомандующему въ Грузіи, генералъ-лейтенанту Кноррингу 2-му, отправиться въ Тифлисъ. Вотъ любопытный отрывокъ Высочайшаго рескрипта на имя генерала Кнорринга.

«При возшествіи Нашемъ на престолъ, нашли Мы, что Царство сіе, по всѣмъ государственнымъ актамъ, присоединено уже къ Имперіи, и въ семъ качествѣ объемлемо всею святостію учиненной Намъ отъ всѣхъ Нашихъ вѣрно-подданныхъ присяги.»

«Въ такомъ положеніи дѣлъ и при облагающей страпу сію Нашей воинской силѣ, могли бы Мы считать власть Нашу въ ней непоколебимо утвержденною, тѣмъ болѣе, что, по дошедшимъ до насъ предварительнымъ свѣдѣніямъ, удостовѣрены Мы, что желаніе и полномочія возвратившихся посланниковъ, съ принятыми мѣрами совершенно сообразны. Не скроемъ Мы также отъ насъ, что достоинство Имперіи, безопасность Нашихъ границъ, виды Порты Оттоманской, покушенія и порывы горскихъ народовъ, всѣ уваженія собственныхъ Россіи пользы, отъ давнихъ временъ заставляли правительство помышлять о семъ происшествіи и желать сего событія. Измѣряя существо его единственными вашими выгодами, мы не можемъ не признать всей ихъ силы; но пользуясь царствъ земныхъ, въ правилахъ вѣчныхъ, предустановлена другая мѣра, единая, истинная и непреложная: справедливость и неприкосновенность къ общенародному праву. Во всѣхъ внутреннихъ и вѣншихъ дѣлахъ Нашихъ положивъ себѣ сію истину въ неподвижное основаніе, въ слѣдствіе того, и при настоящихъ распоряженіяхъ о Грузіи, желаемъ мы прежде всего удостовѣриться: *Первое.* Дѣйствительно ли внутреннее положеніе сей страны таково, что съ едиными силами своими, не можетъ она ни противустоять властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отразить набѣги облагающихъ ее горскихъ народовъ, ни потушить внутреннія вражды междоусобной войной ей

грозящія; что оставить ее царствомъ отдѣльнымъ и самобытнымъ на произволъ судьбы, было бы несвойственно величеству Имперіи, издравле ей покровительствующей, ни Нашему великодушію. *Второе.* На собственномъ ли убѣжденіи необходимости и отечественной пользы основано было преклоненіе царства сего подъ Россійскую Державу и единодушно ли всѣ высшія состоянія и народъ признали поступокъ сей себя во спасеніе....

«Вы будете имѣть въ виду, что не для Россіи присоединяется сей народъ къ Имперіи, но собственно для него; что не Нашихъ пользъ Мы въ немъ ищемъ, но единственно его покоя и безопасности.»

Главнокомандующій, прибывъ изъ Георгіевска въ Тифлисъ, 23 мая, и обозрѣвъ царство, донесъ Государю объ оказавшемся. Вотъ нѣкоторыя слова его донесенія: «Внутреннее и внѣшнее положеніе страны сей дѣйствительно таково, что, съ одними силами своими, не можетъ ни противудѣйствовать властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отражать набѣги облегающихъ ее горскихъ народовъ. Всѣ освободительно размышляющіе, совокупно со всѣми прочими состояніями Грузинскаго народа искренно желаютъ быть въ подданствѣ Россіи....»

Судьба Грузіи этимъ отвѣтомъ генерала Кнорринга была рѣшена. 12 сентября 1804 года послѣдовалъ манифестъ о присоединеніи царства къ имперіи и о преобразованіи Грузіи въ губернію.

Вотъ число учебныхъ заведеній на Кавказѣ и за Кавказомъ въ 1854 году и состояніе внѣшней торговли за послѣдніе 6 лѣтъ, т. е. съ 1845 по 1851:

І. По министерству Народнаго Просвѣщенія.

Въ Дирекціяхъ:	Гимназій.	Пансіоновъ при гимназіяхъ.	Учѣбныхъ училищъ.	Приходскихъ школъ.	Частныхъ пансіоновъ и школъ.	Всего.	Училищъ и должностныхъ лицъ.	Ученика.
Тифлисской.	1	1	4	3	4	14	69	905
Шемахино-Дербентской.	—	—	8	1	2	11	52	905
Кутаисской.	1	—	2	—	1	4	20	499
Ставропольской. . . .	1	1	4	1	1	8	59	612
Земли Войска Черноморскаго.	1	1	—	6	—	8	37	381
Итого по Кавказскому учебному округу.	5	3	18	11	8	45	237	3,302

II. По Духовному ведомству.

А. ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ:	Семинарій.	Уѣздныхъ училищъ.	Преходскихъ училищъ.	Учащихъ.	Учащихся.
1) По Грузинскому экзархату. . .	1	5	7	46	804
2) По Кавказской епархіи. . . .	1	2	3	26	457
Итого. . . .	2	7	10	72	1,285
Б. Армяно-Григоріанскаго исповѣданія:					
Въ епархіяхъ:					
Грузино-Имеретинской.	1	—	7	24	508
Астраханской (въ городахъ Моздокъ и Кизляръ).	—	—	2	2	12
Карабагской.	1	—	2	15	178
Въ Эчмиадзинскомъ монастырѣ. . .	1	—	—	4	30
Итого. . . .	3	—	11	45	729
В. Лютеранскаго.	—	—	8	8	668
					об. п.

Г. Въ мусульманскихъ училищахъ, заведенныхъ по распоряженію Намѣстника Кавказскаго, въ городахъ и мѣстечкахъ, число учащихся:

Въ Тифлисѣ Шитовъ 35, Суннитовъ 46, Елисаветполь Шитовъ 30, Шушъ Шитовъ 58, Нухъ Суннитовъ 59, Шамахъ Шитовъ 78, Суннитовъ 84, Бакъ Шитовъ 54, Сальянахъ Шитовъ 33, Ленкоранъ Шитотъ 72, Дербентъ Суннитовъ 67. Итого во всѣхъ 44 училищахъ 586.

Примѣч. Всѣ эти училища, кромѣ Тифлисскихъ и Дербентскаго, содержатся со времени основанія своего, въ Апрель 1849 г., по настоящее время, добровольными пожертвованіями почетнѣйшихъ членовъ мусульманскаго дворянства края, съ небольшимъ вспомошествованіемъ отъ казны, для найма учителей русскаго языка.

Состояніе вышней торговли Закавказскаго края за послѣдніе 6 лѣтъ, т. е. съ 1845 по 1851, было слѣдующее.

Привезено.	Товары.	Монеты.	Вывезено.	Товары.	Монеты.	Общая слож. ность привоза и вывоза.	Таможенный доходъ.
1845г.	3,902,307р. 44к.	17,132р. 35 $\frac{1}{2}$ к.	781,758р. 91к.	3,186,128р. 50к.	7,887,317р. $\frac{1}{2}$ к.	310,332р. 1к.	
1846—	3,892,768—24—	32,835—15—	755,456—	3,150,230—50—	7,831,989—89—	329,833—88—	
1847—	3,966,116—57—	103,452—50 $\frac{1}{2}$ —	832,500—	2,600,318—	7,601,477—7 $\frac{1}{2}$ —	358,462—10—	
1848—	4,174,941—73—	139,363—51—	780,786—98—	3,557,858—75—	8,652,953—97—	345,350—46—	
1849—	4,468,363—71—	44,308—90—	700,164—98—	3,477,681—30—	8,710,418—89—	421,744—56—	
1850—	3,741,211—39—	68,782—10—	1,005,996—5—	2,822,354—75—	7,645,344—19—	411,618—34—	
Итого	въ 6 л. 24,165,608р. 98к.	405,864р. 51 $\frac{1}{2}$ к.	4,856,755р. 92к.	18,900,571р. 60к.	48,328,801р. 1 $\frac{1}{2}$ к.	2,177,331р. 55к.	

Главнѣе предметы ввоза: а) изъ европейскихъ и колоніальныхъ товаровъ: сахаръ въ головкахъ, краски (копее-виль и инаго), напитки, въ особенности шампанское вино, разныя шерстяныя ткани и пр.; б) изъ азіатскихъ товаровъ: бумаги издѣлія, бѣлыя, бурмы, шелковыя и шерстяныя издѣлія и пр.

Главнѣе предметы вывоза: хлопчатая бумага, сараянское плено, невываженные кожи, шерсть, рогатый скотъ, желѣзо не въ дѣлѣ, сталь, мѣдъ, напѣвныя металлическія, дѣльныя, пеньковыя и шерстяныя, нѣтъ золотыя, серебряныя позументы, сукна, парца, тѣтъ, дерево, аубовое и пальмовое, краски, кукумѣтъ, руза, пшени.

ПРИХОДЪ И ОТХОДЪ СУДОВЪ И КАРАВАНОВЪ, ВЪ 1850 ГОДУ.

Судовъ.

Каравановъ.

Приходъ.	Отходъ.	Приходъ.	Отходъ.
Съ груза — 357	— 469	545,508 штукъ	18,307 штукъ
Безъ груза — 187	— 96	наго скота.	внучнаго скота.
544	565		

всего 11,896 ласт. 12,165 ластовъ.

СВѣдѣніе о транзитѣ, за послѣдніе три года.

Перевезено товаровъ транзитомъ, изъ Европейскихъ портовъ чрезъ Закавказскій край, въ Персію:
 въ 1848 на сумму 10,320 р. с.
 — 1849 — — 53,000 " "
 — 1850 — — 86,869 " "

Любопытны также статьи: о древнемъ храмѣ въ Маглисѣ, о рыбныхъ, соляныхъ и нефтяныхъ промыслахъ, сальянскихъ, кизиль-агатскихъ, шемахинскихъ и дербентскихъ, и статья о вѣсахъ и мѣрахъ закавказскаго края, которые различны въ каждой почти тамошней провинціи какъ по сущности своей, такъ и по названіямъ, и которые сравнены потомъ съ нашими вѣсами и мѣрами. Къ календарю приложено нѣсколько виньетокъ, дорожная карта всего Закавказскаго края и таблица взаимнаго разстоянія между губернскими и уѣздными городами и главными крѣпостями по Кавказскому и Закавказскому краю, С.-Петербургомъ, Московою, Варшавою, и главными городами Новороссійскаго края. Всѣхъ виньетокъ пять. Онѣ изображаютъ;

1, домъ главнокомандующаго въ Тифлисѣ; 2, фронтисписъ, представляющій, вѣроятно, тоже какую-нибудь часть Тифлиса; 3, видъ главнаго входа Караванъ-Сарая Арцруни, въ Тифлисѣ, во время посѣщенія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, вечеромъ 27 сентября 1850 года; 4, церковь въ Маглисѣ, и наконецъ 5, общій видъ Тифлиса. Нѣкоторыя изъ нихъ превосходно выгравированы на стали; другія литографированы. Дорожная карта, составленная и выгравированная при штабѣ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, прекрасна. Вообще изданіе Кавказскаго календаря очень красиво; приложенія къ нему роскошны.

Однако жъ и въ солницѣ есть пятна, какъ же не быть имъ въ календарѣ. Слогъ нѣкоторыхъ статей его немного тяжеловатъ, именно отъ того, что глаголы постоянно употребляются, вмѣсто прошедшаго времени, въ настоящемъ. Этотъ оборотъ иногда, и на своемъ мѣстѣ, очень хорошъ, но продолжаясь непрерывно, въ цѣлой статьѣ, онъ непріятенъ и отзывается старинной риторикой.

Мѣсяцословъ на 1852 годъ украшенъ портретомъ Его Императорскаго Высочества, Государа Наслѣдника Цесаревича. Портретъ очень хорошо выгравированъ академикомъ Аванасьевымъ. За тѣмъ въ главныхъ отдѣлахъ вышшняго мѣсяцослова, противъ прошлагодняго никакихъ измѣненій и дополненій нѣтъ, кромѣ одного лишняго дня по поводу высокоснаго года. Даже нѣтъ ничего о правилахъ отправленія пассажировъ и тяжестей по вновь открывшейся С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ, хотя, кажется, очень бы не мѣшало приложить ихъ къ свѣденію. Сдѣланъ только нѣкоторые измѣненія частныя какъ въ отношеніи общихъ свѣденій, такъ и въ отношеніи нѣсколькихъ астрономическихъ таблицъ. Въ первомъ случаѣ мы скажемъ, что лучше бы всегда прибавлять, чѣмъ убавлять, во второмъ

не можетъ сказать ничего, потому, что это дѣло астрономовъ. Замѣтимъ только, что въ таблицахъ *явленія планетъ* перемѣшаны страны свѣта, такъ, что *Западъ* вездѣ поставленъ вмѣсто *Востока* и обратно. Эта ошибка оговорена въ концѣ книги, но и мы съ своей стороны считаемъ не лишнимъ оговорить ее; иначе тотъ, кто станетъ разсматривать таблицы, не осмотрѣвъ еще оговорки, можетъ подумать, что вся наша солнечная система перевернулась; а робкой человекъ пожалуй еще вообразить, что приближается конецъ міра, когда ужъ и въ календарѣ напечатано, что въ 1852 году всѣ планеты будутъ *всходить на Западъ*.

Памятная книжка — книжка премиленная. Гравюры въ ней съ каждымъ годомъ улучшаются. Въ особенности нынче хороши двѣ гравюры съ картинъ нашихъ академиковъ. Одна представляетъ подвигъ унтеръ-офицера Старичкова, въ 1805 году; другая — подвигъ grenадера Кореннаго, въ 1813. Мы видѣли въ академіи художествъ обѣ эти картины, которыя смѣло можно назвать мастерскими произведеніями, и помнимъ, какое впечатлѣніе онѣ на насъ сдѣлали. Содержаніе ихъ изложено въ Памятной книжкѣ. Оно составляетъ два прекрасные эпизода въ русской Военной Исторіи, и по этому мы считаемъ не лишнимъ выписать его для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ, можетъ быть, не удастся заглянуть въ П. книжку.

Въ числѣ войскъ, участвовавшихъ въ кровавой битвѣ съ Французами, 20-го ноября 1805 года, подъ Аустерлицемъ, находился Азовскій мушкетерскій полкъ. Онъ стоялъ въ сильно-посрадавшей колоннѣ генералъ-лейтенанта Пржибышевскаго, и вступивъ въ дѣло въ числѣ 990, вышелъ изъ боя въ числѣ 400 человекъ, съ потерей четырехъ знаменъ. Одно изъ нихъ было спасено примѣрнымъ усердіемъ унтеръ-офицера этого полка Старичкова, который, получивъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ и видя неизбежную потерю носимаго имъ знамени, сорвалъ его съ древка и спряталъ подъ свою одежду. Взятый вскоре потомъ въ плѣнъ и отведенный, вмѣстѣ съ товарищами своей участи, въ Бременъ, онъ умѣлъ сохранить спасенное имъ знамя, и чувствуя приближеніе своей смерти, передалъ его, также находившемуся въ плѣну, рядовому Бутырскаго мушкетерскаго полка Чайкѣ, взявъ съ него клятвенное обѣщаніе — сберечь этотъ священный знакъ чести и при первой возможности возвратитъ его по принадлежности. Свято исполняя послѣднюю, предсмертную, просьбу Старичкова, Чайко нѣсколько времени хранилъ знамя при себѣ и потомъ вручилъ его отъѣзжавшему изъ Бремена въ Россію Бутырскаго же полка подполковнику Трескину,

который представилъ его по начальству. Узнавъ о томъ изъ довереннаго главнокомандовавшаго въ Аустерлицкомъ походѣ, генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова, Императоръ Александръ повелѣлъ: сдѣлать поступокъ сихъ нижнихъ чиновъ извѣстнымъ, оставшееся послѣ Старичкова семейство обезпечить въ существованіи, а Чайку произвести въ унтеръ-офицеры. — Приложенная здѣсь копія съ картины, написанной художникомъ Бабаевымъ, изображаетъ минуту, когда умирающій Старичковъ передаетъ знамя Чайкѣ. Любители словесности помнятъ еще драму г. Иванова: Семейство Старичковыхъ, которая извлекала столько слезъ въ старое время.

Вотъ сюжетъ второй картины: въ сраженіи потѣ Лейпцигомъ, при деревнѣ Гроссе, 4 сентября 1813 годѣ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка гренадеръ (по вышнему устройству полковъ карабинеръ) Коренной, защищая съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, противъ многочисленнаго непріятеля, баталіоннаго своего командира, полковника Жерве, спасаетъ его; получивъ 18 ранъ и совершенно обезсилѣвъ, Коренной отдался непріятелю. Наполеонъ, увидѣвъ Кореннаго и узнавъ о его подвигѣ, поставилъ его въ примѣръ всей арміи своей, и приказавъ медикамъ перевязать ему раны, отпустилъ изъ плѣна.

Памятная книжка не забыла записать для насъ и правила, касающіяся шоссейной дороги.

БЫТЬ РУССКАГО ДВОРЯНИНА ВЪ РАЗНЫХЪ ЭПОХАХЪ И СЪСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ ЕГО ЖИЗНИ. Изданный авторомъ Семейства Холмскихъ. Выпуски первый и второй. М. Въ Унив. типогр., 1851. 2 ч., въ 12 д. л. Стр. IV, 196, и IV, 237.

«Семейство Холмскихъ» было первымъ литературнымъ произведеніемъ Д. Н. Бѣгичева, или по крайней мѣрѣ первымъ, которое сдѣлало извѣстнымъ его имя. Романъ этотъ, сначала помѣщавшійся отрывками въ Московскомъ Телеграфѣ 1830 года, и потомъ изданный отдѣльно, въ 4-хъ частяхъ, имѣлъ, въ свое время, большой успѣхъ. Съ тѣхъ поръ титулъ «автора Семейства Холмскихъ» остался за сочинителемъ, какъ титулъ почетный.

Послѣ того г. Бѣгичевъ издалъ еще нѣсколько романовъ, и по временамъ печаталъ литературныя статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ. Въ III томѣ «Ста Русскихъ литераторовъ» помѣщенъ портретъ его и разсказъ: «Записки губернскаго чиновника».

Книга, изданная теперь авторомъ Семейства Холмскихъ, довольно

любопытна. Онъ беретъ русскаго дворянина, опредѣляетъ его въ кадетскій корпусъ, выпускаетъ въ армію офицеромъ и посылаетъ въ походъ, сперва во Францію, потомъ на Кавказъ. Но у дворянина вдругъ умираютъ два брата, отецъ разбитъ параличемъ, мать старуха; онъ долженъ выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ, состоящей въ череполосности съ однодворцами. Бѣдный дворянинъ! Каково ему потерять разомъ двухъ братьевъ, видѣть больнаго отца, и, что всего хуже, жить въ череполосности съ однодворцами, съ которыми нѣтъ никакихъ средствъ размежеваться полюбовно къ однимъ мѣстамъ! Это ужъ я знаю по опыту.... Однако жъ, любезный читатель, какъ бы вы ни были сострадательны, не сожальйте о дворянинѣ прежде времени; онъ самъ нисколько не увываетъ, а напротивъ непремѣнно надѣется размежевать свои череполосныя владѣнія безобидно для обѣихъ сторонъ, и даже составляетъ проектъ размежеванья, только какой именно, — неизвестно, потому что на самомъ этомъ мѣстѣ *первый выпускъ* оканчивается.

Во *второмъ выпускѣ* является другой дворянинъ, товарищъ по службѣ и по службѣ же крестовый братъ перваго. Этотъ дворянинъ, *N 2*, отправляется въ необитаемыя степи, для полученія въ нихъ Высочайше пожалованной земли отцу его. Тамъ онъ, какъ гласитъ самое содержаніе втораго выпуска, *принимаетъ мѣры къ отвращенію и преодоленію неизбѣжныхъ затрудненій, встрѣчающихся при обозрѣніи степей*, — для чего, очень благоразумно, запасается компасомъ; — *отыскиваетъ землю, соединяющую въ себѣ всѣ удобства для переселенія крестьянъ изъ внутренней, малоземельной губерніи, и для устройства хозяйства въ обширномъ объемѣ*; — *измѣряетъ границы и обозрѣваетъ внутреннюю ситуацію открытой имъ, удобной земли*; — *дѣлаетъ предположенія, какія должны быть употреблены мѣры предосторожности къ сохраненію здоровья переселяемыхъ крестьянъ, какъ во время ихъ пути, такъ и во время водворенія на новыхъ мѣстахъ*; — и наконецъ, *замышляетъ приобрести въ необитаемыхъ степяхъ значительное количество земли, для разпространенія своего хозяйства еще въ болѣешии размѣръ*.

Этими планами дворянинъ *N 2*, оканчивается и *второй выпускъ* книги.

Ни дворянинъ *N 1*, ни дворянинъ *N 2* не составляютъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ разсказа, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ должны быть выведены главные дѣйствующія лица въ романѣ, въ повѣсти, въ исторіи — однимъ словомъ, во всемъ, въ чемъ только

есть дѣйствующія лица. Они даже просто не составляютъ выходящихъ лицъ. Это только мнѣе, это бывшія нитки, которыми шитье рассказъ. Около Жилблаза на примѣръ, — извините, что вытаскиваемъ такую старину, книга г. Бѣгичева невольно напомнила намъ этотъ романъ, — около Жилблаза, говоримъ мы, вся современная жизнь Испаніи сгруппирована еще гуще и ярче, чѣмъ авторъ Семейства Холмскихъ сгруппировалъ нашу современную, дворянскую жизнь около своихъ дворянъ; но изъ всѣхъ прекрасныхъ картинъ Лесажа личность Жилблаза всегда выдается такъ рельефно, что онъ постоянно остается на первомъ планѣ, а событія, его окружающія, составляютъ только обстановку. Здѣсь, напротивъ, обстановка составляетъ главное; оба дворянина тонуть въ ней, тонуть по уши, — но вѣдь они мнѣе, такъ чего жъ ихъ жалѣть....

Просимъ однако жъ замѣтить, что все нами сказанное относится только къ плану сочиненія, за который мы никакъ не смѣемъ и вовсе не думаемъ обвинять многоуважаемаго нами автора. Напротивъ, мы хотимъ только показать, съ какой точки надобно смотрѣть на его сочиненіе. Это не романъ, не повѣсть, а просто рядъ рассказовъ умныхъ, любопытныхъ и даже очень назидательныхъ. Слѣдовательно художественную сторону прочь; а рассказать свои мысли и замѣчанія авторъ всегда имѣетъ полное право въ такой формѣ, въ какой ему вздумается.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи книга г. Бѣгичева имѣетъ достоинство неоспоримое. Авторъ показываетъ намъ, какимъ долженъ быть настоящій русскій дворянинъ въ учебномъ заведеніи, въ арміи, подъ непріятельскими пулями, и наконецъ въ мирномъ быту помѣщичьемъ. Военную жизнь дворянина на Кавказѣ онъ обставляиваетъ любопытными рассказами о подвигахъ Карягина и Котляревскаго, о жизни князя Циціанова, и вообще многими историческими лицами и событіями. Нѣкоторыя черты изъ помѣщичьего быта схвачены довольно вѣрно. Только жизнь дворянина въ открытой имъ, среди необитаемыхъ степей, terra incognita, и вся обстановка этой жизни немножко сбиваются на утопію.

Въ слѣдующихъ выпускахъ, какъ видно изъ самаго предисловія, напечатаннаго при выпускѣ первомъ, вѣроятно будетъ описана служба дворянина по выборамъ; а это такое поле, на которомъ есть гдѣ разгуляться перу автора.

Изданіе книги порядочно.

Живописный Сборникъ замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, промышленности и обществѣ. Изданіе А. А. Плюшара. 1852 С. П. Въ тип. Академіи Наукъ. Томъ 11. Въ 4 д. л., стр. 353.

Что содержаніе подобнаго рода сборниковъ должно соединять въ себѣ полезное съ пріятнымъ, что оно должно имѣть сообщать свѣденія новыя, другимъ напоминать забытыя, въ формѣ легкаго, занимательнаго разсказа, объ этомъ, кажется, нечего говорить; этотъ вопросъ рѣшенъ съ тѣхъ поръ, какъ только начали выходить живописные сборники, известные подъ именемъ нѣмецкихъ и англійскихъ *копечныхъ* и разныхъ другихъ магазиновъ, французскихъ и русскихъ иллюстрацій и живописныхъ обзорѣй. Остается только смотрѣть, до какой степени сборникъ достигаетъ своей цѣли, т. е. что сообщаетъ онъ новаго своимъ читателямъ, что напоминаетъ имъ, и, наконецъ, угождаетъ ли ихъ эстетическому вкусу своимъ текстомъ и рисунками.

По изяществу изданія и по красотѣ рисунковъ, «Сборникъ» г. Плюшара далеко оставляетъ за собой и покойную нашу «Иллюстрацію», — которая, говоря мимоходомъ, была больно плоха, — и покойное «Живописное Обзорѣіе». По содержанію онъ тоже занимателенъ и разнообразенъ; тутъ есть все, что только должно быть въ такомъ сборникѣ: исторія, географія, натуральная исторія, промышленность, памятники искусствъ, черты изъ жизни великихъ людей и великихъ художниковъ, статьи литературныя и проч. и проч. и проч. Рисунки и портреты прекрасны; нѣкоторыя статьи очень живы и занимательны, какъ на прим. «Лафонтенъ и Фуке» и нѣкоторыя другія. Нельзя не поблагодарить за такое изданіе г. Плюшара, оказавшаго уже много заслугъ русской литературѣ и другими своими изданіями; но съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя не вспомнить здѣсь и покойнаго Н. А. Полеваго. Онъ положилъ основаніе «Живописному Сборнику» своимъ «Живописнымъ Обзорѣіемъ», и если сравнить оба эти изданія, то «Живописное Обзорѣіе», уступая «Сборнику», какъ ужъ мы сказали, въ наружномъ изяществѣ, никакъ не уступитъ ему въ выборѣ и занимательности статей, а напротивъ еще превзойдетъ его, — превзойдетъ именно тѣмъ, что въ «Живописномъ Обзорѣіи» было много хорошихъ оригинальныхъ, русскихъ статей, касающихся русскихъ предметовъ. Въ 11 томѣ «Сборника» нѣтъ ни одной такой статьи, и мы ~~позволяемъ себѣ~~ указать на это, какъ на недостатокъ.

Одесское порто-франко въ тарифномъ отношеніи. Карманная книжка, сост. изъ тарифовъ 1819—1850 годовъ и существующихъ о порто-франко правилъ. Одесса. 1851. Въ типогр. Брауна. 1 ч. въ 16 д. л. Стр. XLI, 191.

Вотъ содержаніе этой книжки, которое мы выписываемъ слово въ слово:

«Настоящая книжка, составленная изъ постановленій, исключительно объ Одесскомъ порто-франкѣ, заключаетъ въ себѣ оба тарифа 1819 и 1850 годовъ.

1. По всѣмъ предметамъ, къ привозу изъ-за границы въ Россію дѣйствующимъ тарифомъ запрещеннымъ, а для потребленія въ чертѣ порто-франко по тарифу 1819 года дозволеннымъ,—исчислено и указано опредѣлительно то самое количество пошлины, какое по расчету двухъ или трехъ пятыхъ частей со всѣми карантинными и добавочными окладами слѣдуетъ заплатить съ пуда, фунта, или другой опредѣленной мѣры.—Выставленная противу таковыхъ статей звѣздочка, означаетъ, что этихъ предметовъ изъ Одессы ввозить нельзя.

2. По всѣмъ товарамъ, дѣйствующимъ тарифомъ къ привозу изъ-за границы въ Россію дозволеннымъ, исчислены и показаны отдѣльно $\frac{2}{8}$ и $\frac{5}{8}$ части значущейся по тарифу пошлины.

3. Въ особомъ отдѣлѣ (пятомъ), независимо отъ четырехъ тарифныхъ, поименованы всѣ предметы, кои можно привозить въ Одессу и изъ Одессы въ Имперію беспошлинно.

4. Для ясности и удовлетворительнаго въ потребномъ случаѣ руководства, составленъ еще особый отдѣлъ (шестой), въ коемъ исчислены всѣ предметы, къ привозу въ Одессу изъ-за границы вовсе запрещенные.

5. Въ отдѣлѣ о предметахъ фабричныхъ, ремесленныхъ и заводскихъ въ издѣліяхъ, составлено 18 разрядовъ, согласно заглавіямъ книгъ, можно найти въ каждомъ все, что изъ того рода матеріаловъ содержится въ тарифѣ во всѣхъ видахъ, безъ малѣйшаго въ сущности нарушенія содержанія тарифныхъ отдѣловъ.»

Мы съ своей стороны можемъ только сказать, что все нами выписанное слѣдовало бы изложить нѣсколько яснѣе.

Въ сборникахъ подобнаго рода, кромѣ полноты ихъ, ясность изложенія о томъ, съ какой цѣлью изданъ сборникъ и какъ имъ пользоваться, составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ книги.

ОТВѢТЪ АНТИКРИТИКУ МОСК. ВѢДОМОСТЕЙ.

Въ двадцать-четвертой книжкѣ Москвитянина за 1851 годъ, мы показали значеніе тѣхъ отписокъ на нашу рецензію о книгѣ г. Соловьева, которыя были помѣщены въ 146 номеръ Московскихъ вѣдомостей; въ 152 номеръ тѣхъ же вѣдомостей явилось продолженіе этихъ отписокъ; характеръ и значеніе ихъ нимало не измѣнились: защитникъ по прежнему во что бы то ни стало старается поддержать всѣ положенія г. Соловьева, и прибѣгаетъ къ разнымъ уловкамъ, толкованіямъ и измѣненіямъ, подъ часть навязываетъ рецензенту то, о чемъ онъ не говорилъ, подъ часть то же дѣлаетъ и съ самой книгой. Принимая все сіе въ соображеніе, мы въ правѣ бы были не продолжать разбора такихъ отписокъ, и не занимать ими вниманія читателей Москвитянина; но нѣкоторые справедливыя замѣчанія составителя 2-й статьи обязываютъ насъ показать, что въ ней въ самомъ дѣлѣ вѣрно, и отдѣлить вѣрное отъ натяжекъ и уловокъ.

Рецензентъ Москвитянина сказалъ: «по свидѣтельству Исландскихъ сагъ, Норманы или Варяги, еще въ первой половинѣ IX вѣка, пріѣзжали торговать съ Голмгардцами на берегахъ Балтійскаго моря, а случалось, что и производили тамъ грабежи иногда удачныя, иногда не удачныя.» Въ подтвержденіе сихъ показаній въ книжкѣ Москвитянина, въ выноскахъ выставлены цитаты: «*Antiquités Russes*, T. I. стр. 88, 146, 23 — 34.» Составитель статьи потрудился раскрыть цитуемую книгу, «и отъ стр. 23 до 34 не нашелъ ни одного слова о берегахъ Балтійскаго моря, о томъ, чтобы Норманы пріѣзжали на нихъ торговать съ Новгородцами или производили грабежи.» Совершенная правда, г. составитель статьи, на показанныхъ страницахъ дѣйствительно нѣтъ ни слова о томъ, что вы искали; и рецензентъ вамъ вполне благодаренъ,

что вы потрудились указать корректурную ошибку, — это съ вашей стороны истинная заслуга, — а чтобы не остаться передъ вами въ долгу, рецензентъ указываетъ теперь на тѣ страницы, которыя онъ цитовалъ въ рукописи; страницы сии суть: 231 — 234, изъ которыхъ у наборщиковъ составились 23—34. На страницахъ же, указанныхъ рецензентомъ, вотъ что говоритъ сага Гаунгу Грольфа: «Гримъ большой управлялъ странюю Эрміоновъ, которая была одною изъ царскихъ провинцій въ царствѣ Гардовъ (т. е. Новгородскомъ государствѣ); подданные его были недовольны своимъ жребіемъ; онъ и Тордъ плѣшивый изъ Лессейи были въ безпрестанной враждѣ съ жителями средиземья, по дорогѣ изъ Алуборга въ Ютунгеймъ» (стр. 231). Здѣсь довольно ясно говорится, что страна Эрміоновъ принадлежала Новгороду, Гардамъ, а странюю Эрміоновъ назывался сѣверовосточный берегъ Ботническаго залива, и изъ самой саги видно, что страна эта была приморская вмѣстѣ съ Ютунгеймомъ, ибо Гримъ, правитель этой страны, былъ въ безпрестанной враждѣ съ жителями средиземья. Слѣдовательно по Скандинавскимъ сагамъ новгородскія владѣнія простирались по восточному берегу Ботническаго залива. Далѣе въ этой же сагѣ на стр. 233 прямо сказано: «Мѣстопробываніе гардскихъ государей находится въ городѣ Голмгардовъ, который нынѣ называется Ногардъ (т. е. Новгородъ).» На стр. 232 въ отрывкахъ изъ саги Гальфодана Эстейнида говорится: «Царь Эйстейнъ, владѣвшій Алдейгіобургомъ (Ладогою), жилъ дома, наслаждаясь миромъ; такъ прошло три года; случилось однажды, что большой купеческій корабль, прибывшій бурей съ востока, погибъ у Балагардскаго берега; а потомъ тою же осенью пришли на царскій дворъ два неизвѣстныхъ мужа, съ покрытыми лицами и въ бѣдномъ одѣяніи, и на вопросъ царя, кто они таковы? отвѣчали: мы родомъ изъ Руссіи, каждого изъ насъ зовутъ Гримомъ, корабль нашъ разбился, и мы потеряли свои богатства». Здѣсь очевидно, что изъ Скандинавіи приходили купеческіе корабли къ тому берегу Финскаго залива, который принадлежалъ Ладогѣ или Алдейгіобургу, и назывался у Скандинавовъ Балагардскимъ. На стр. 234-й въ разсказѣ о Сорліѣ, сынѣ скандинавскаго государя Эрлинга, сказано: «погибъ отъ пиратовъ въ восточной странѣ», а восточной странюю у Скандинавовъ преимущественно назывались гардскія или новгородскія владѣнія. Такъ въ Сагѣ Гаунгу Грольфа сказано: «Рольфъ изъ Даніи сѣдлавался на десяти корабляхъ на востокъ къ Голмгардамъ»

Потомъ составитель статьи говоритъ: «посмотримъ стр. 88: здѣсь говорится, что одинъ витязь умеръ на востокѣ, что было сраженіе въ

землѣ Болгарской; и это доказательство, что Новгородцы владѣли прибалтійскими берегами!» Составитель статьи соединяетъ два разныхъ извѣстiя; на 88 страницѣ, сперва помѣщена пѣсня Рандалины, матеря Гвитсерка, начинающаяся такъ: «Одинъ изъ сыновей моихъ погибъ на востокъ, его звали Гвитсеркъ; онъ никогда не былъ бѣглецомъ.» А впереди этой пѣсни помѣщено извѣстiе, что Гвитсеркъ здѣлалъ набѣгъ на восточныя страны, и окруженный множествомъ непріятелей, былъ взятъ живой и сожженъ на кострѣ изъ человѣческихъ головъ. Конечно, это одно изъ доказательствъ, что Новгородъ владѣлъ восточнымъ Балтійскимъ берегомъ; ибо у Скандинавовъ восточную страну называлось по преимуществу царство Гардовъ, Новгородъ. А далѣе на той же 88 стр. помѣщенъ отрывокъ изъ другой пѣсни, гдѣ говорится о битвѣ Біорна и Рагнара въ землѣ Болгарской. Кажется ясно, что здѣсь дѣло идетъ о двухъ различныхъ событіяхъ и о разныхъ лицахъ; слѣдовательно сихъ двухъ извѣстiй соединять и смѣшивать нельзя.

Далѣе составитель статьи продолжаетъ: «посмотримъ страницу 116: здѣсь говорится, что какой-то Аригримъ разбойничалъ по Біарміи въ странахъ восточныхъ.» Позвольте вамъ замѣтить, что вы вѣрно въ первый разъ читаете Скандинавскія саги, и только на тѣхъ страницахъ, которыя указаны въ нашей рецензiи: въ противномъ случаѣ вы не писали бы такъ наивно, какъ теперь пишете. На страницѣ 116 сказано, что Аригримъ, съ острова Больша, производа грабежи въ Біарміи, въ странахъ восточныхъ, напалъ на владѣнія Свавурламія, внука Одинова, убилъ его въ одномъ сраженіи, завладѣлъ знаменитымъ мечемъ Тирвингомъ, и женился на Свавурламіевой дочери Ейфурѣ. А Свавурламіи-то былъ государемъ Гардскимъ или Новгородскимъ, какъ свидѣтельствуеть Герваръ-сага. По ея свидѣтельству Одинъ поручилъ царство Гардовъ сыну своему Сигурламію, который палъ въ битвѣ съ великаномъ Тiассиемъ; ему наследовалъ сынъ его Свавурламіи, который досталъ себѣ знаменитый мечъ Тирвингъ. Слѣдовательно набѣгъ Ангрима прямо относится къ нападеніямъ Скандинавовъ на новгородскія владѣнія; и только плохое знакомство ваше съ Скандинавскими сагами заставляетъ васъ не видать этого отношенія. То же плохое знакомство съ сагами заставляетъ васъ восклицать: «что же это такое вакопецъ», когда вы сдѣлали выписку изъ саги Гаунгу-Грольфа, гдѣ сказано, что третья часть царства Гардскаго называется Кеногарды, лежитъ она вдоль горнаго хребта, который служитъ границею между Ютунгеймами и царствомъ Голмгардскимъ. И потомъ вы продолжаете:

«мы привели подстрочный переводъ изъ саги Гаунгу-Грольфа: гдѣ же въ этомъ мѣстѣ есть что-нибудь похожее на то, чтобы новгородскія владѣнія были прибрежныя?» Простите насъ великодушно, господи́нь составитель статьи, мы право не смѣли предполагать, чтобы ученый, занимающійся Русскою исторіею во второй половинѣ XIX столѣтія, не могъ видѣть въ приведенномъ мѣстѣ саги свидѣтельства, что новгородскія владѣнія были прибрежныя; но ежели вы уже печатно указываете свое незнаніе, то мы теперь считаемъ обязанностію объяснить вамъ это свидѣтельство. Сага говоритъ, что третья часть царства Гардскаго (Новгородскаго) называется Кеногарди, лежитъ она вдоль горнаго хребта, который служитъ границею между Іотунгеймами и царствомъ Голмгардскимъ. Въ этомъ извѣстіи дѣйствительно заключается прямое свидѣтельство, что новгородскія владѣнія простирались по всему восточному берегу Ботническаго залива; ибо сага о заселеніи Норвегіи говоритъ: «Норъ (сынъ Тора) занялъ всю твердую землю, которая отъ Іотунгеймовъ на сѣверѣ простирается на югъ до Аалвгеймовъ, и называется теперь Норвегіею.» Слѣдовательно Іотунгеймы лежали въ самомъ сѣверномъ углу отъ Ботническаго залива; главное мѣстопробываніе іотунгеймскихъ владѣтелей называлось Гласисваллы, какъ свидѣтельствуесть сага Герравда и Боза, подлѣ Іотунгеймовъ лежала приморская страна Эрміоновъ, принадлежавшая Новгороду, здѣсь былъ городъ Алуборга (Улеаборгъ), гдѣ жили правители Эрміоновской земли, посылаемые изъ Новгорода, какъ сказано въ сагѣ Гаунгу-Грольфа. По свидѣтельству той же саги, какъ мы уже видѣли, третья часть Гардскаго царства, Кеногарди, лежала тамъ же вдоль горнаго хребта, отдѣляющаго Іотунгеймъ отъ голмгардскихъ владѣній; въ другихъ сагахъ эта страна называется Квеніею, Финніею, по нашимъ лѣтописямъ тутъ жила каянская Чудь, тѣ же скандинавскіе Квевы, Кены, Финны; теперь этотъ край называется Финляндіею, тамошніе горы Финляндскими; Финляндія приморская страна, слѣдовательно и Кеногарди приморская страна. Кеногарди, по свидѣтельству саги, составляла третью часть Новгородскихъ владѣній до девятого вѣка; слѣдовательно Новгородъ, по приведенному свидѣтельству саги, за долго до Рюрика, владѣлъ восточнымъ берегомъ Ботническаго залива до Улеаборга. И слѣдовательно восклицаніе ваше: «гдѣ же въ этомъ мѣстѣ есть что-нибудь похожее на то, чтобы Новгородскія владѣнія были прибрежныя?», вовсе неумѣстно, и уличаетъ только васъ въ недостаточномъ знакомствѣ съ Скандинавскими сагами.

Вы, г. составитель статьи, говорите, что Скандинавскими сагами нельзя

пользоваться. Вотъ ваши слова: «Не говоримъ уже о томъ, что Скандинавскими сагами нѣтъ никакой возможности пользоваться для той цѣли, для какой хочетъ ихъ употреблять рецензентъ, потому что характеристическая черта ихъ — это смѣшеніе названій народныхъ и областныхъ древнихъ съ новыми.» Мы съ вами въ этомъ совершенно согласны, вы говорите сухую правду: Скандинавскими сагами дѣйствительно нѣтъ никакой возможности пользоваться такъ, какъ вы ими пользуетесь, т. е. читать только тѣ страницы, которыя вамъ укажутъ; да такъ не лѣзя пользоваться ни однимъ историческимъ источникомъ: источники историческіе требуютъ внимательнаго изученія, сличенія, строгой критики; отрывочное чтеніе здѣсь рѣшительно ни къ чему не поведетъ. Ваша нынѣшняя статья очень удачна, вы въ ней высказали двѣ правды: одна состоитъ въ томъ, что указали на корректурную ошибку въ нашей рецензій, а другая въ томъ, что сами засвидѣтельствовали, что Скандинавскими сагами не лѣзя пользоваться такъ, какъ вы ими думали пользоваться. Но дальше сихъ двухъ правдъ вы нейдете; все остальное въ вашей статьѣ состоитъ въ обвиненіяхъ рецензента, ничѣмъ не доказанныхъ.

Вы начинаете статью тѣмъ, что «рецензентъ Москвитянина не излагаетъ содержанія главы, не выписываетъ положеній автора въ полнотѣ и въ связи съ другими.» Обвинить можно всякаго въ чемъ угодно; но должно доказывать обвиненія, а доказательства-то вы и не представляете, или, скорѣе, выставляете доказательства противнаго, т. е. сами выписываете положенія автора не въ полнотѣ и не въ связи, а не рецензентъ. Вотъ для образца ваша выписка на первыхъ же строкахъ статьи; по вашимъ словамъ авторъ книги говорить: «Славянское племя, при движеніи своемъ съ юга на сѣверъ, не утвердилось, въ половинѣ IX вѣка, нигдѣ на берегахъ моря; на встрѣчу медленному движенію Славянъ видимъ быстрое движеніе Варяговъ.... Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея былъ свидѣтелемъ упорной борьбы между двумя народами, Русскими и Шведами... Наконецъ Петръ Великій успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы.» Рецензентъ же выписываетъ: «Славянское племя, при движеніи своемъ съ юга на сѣверъ, не утвердилось въ половинѣ IX вѣка нигдѣ не берегахъ моря; на встрѣчу медленному движенію Славянъ видимъ быстрое движеніе Варяговъ. Славянамъ удалось утвердиться на важномъ пунктѣ, при истогахъ Волхова изъ Ильменя, гдѣ является Новгородъ; но на второмъ важномъ пунктѣ великаго пути, при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, они утвердиться не могли... Что касается рѣки Невы, то начальный лѣтописецъ

считаетъ ее не рѣкою, а устьемъ озера въ море; Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея долго былъ свидѣтелемъ упорной борьбы между двумя народами, Русскими и Шведами.... наконецъ Петръ успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы, и укрѣпился на послѣднемъ важномъ пунктѣ озерной системы.» Теперь предоставляемъ судить русскимъ людямъ: чья выписка полнѣе, ваша или наша, и на комъ лежитъ обвиненіе въ сокращеніяхъ, на васъ, или на рецензентѣ Москвитянина.

Потомъ вы пишете: «Далѣе рецензентъ говоритъ: «Новгородцамъ принадлежало же все теченіе Луги вплоть до моря, ибо Вотъ и Ижера, жившіе тутъ издавна, были данниками Новгорода; стѣдуетъ только припомнить разсказъ лѣтописца о битвѣ Александра Невскаго съ Шведами.... а въ писцовыхъ книгахъ XV-го вѣка...» Это опять что такое? Извѣстія XIII и XV вѣка служатъ доказательствомъ, что приморскіе берега принадлежали Новгородцамъ до половины IX вѣка? Или, быть можетъ, рецензентъ Москвитянина, найдя новый необыкновенный способъ толковать саги и лѣтописи, нашелъ также способъ толковать и новѣйшія историческія сочиненія? Быть можетъ, по его мнѣнію, въ словахъ автора заключается мысль, что Новгородскія владѣнія никогда не достигали морскихъ береговъ послѣ IX вѣка? Можетъ быть, все можетъ быть! мы ни чему не удивимся. Авторъ книги дѣлаетъ общій очеркъ судьбы приморской страны, прилежащей Финскому заливу и берегамъ Невы; сперва Нева текла въ независимости, потомъ была свидѣтельницею борьбы между двумя народами, наконецъ берега ея подпали окончательно подъ власть одного изъ нихъ. Есть ли здѣсь мѣсто возраженію? Можно ли изъ этихъ словъ заключить, будто авторъ утверждаетъ, что во второй періодъ, послѣ половины IX вѣка, Невскіе берега никогда не были во владѣніи Русскихъ, когда смѣна владѣній ясно показана имъ въ судьбѣ города Орѣшка.» Г. составитель статьи, вы подлинно мастерски адвокатствуете! сколько у васъ восклицаній, сколько знаковъ вопроса, и при томъ все не умѣстныхъ; въ добавокъ, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ вы сокращаете и измѣняете изложеніе и рецензента и автора книги. Не шутя, вы чудесный адвокатъ. Но дѣло въ дѣлѣ, а не въ адвокатствѣ. II во 4-мъ, позвольте спросить васъ, на какомъ основаніи вы не представили доказательствъ, высказанныхъ рецензентомъ? Если онъ не правъ, то вы должны ихъ опровергнуть; выпуская же ихъ безъ опроверженій, вы доказываете твердость доказательствъ рецензента, и несправедливость тѣхъ мыслей книги, которыя вы поддерживаете. Рецензентъ, пред-

ставивши свидѣтельства изъ лѣтописей и официальныхъ памятниковъ, что все теченіе Невы задолго до Петра принадлежало Новгородцамъ, и было утрачено только на время въ началѣ XVII столѣтія, когда Шведы захватили Новгородъ, продолжаетъ: «Конечно въ устьяхъ Невы и Луги, и по берегу Балтійскаго моря, въ этомъ краю мы не встречаемъ Новгородскихъ городовъ; но это еще вовсе не доказываетъ, что этотъ край до моря не принадлежалъ Новгороду; владѣя всѣмъ теченіемъ Луги и Невы, Новгородцы вовсе не имѣли нужды строить городовъ при устьяхъ сихъ рѣкъ; ибо по объему тогдашнихъ судовъ русскихъ и иностранныхъ, нужнѣе были пристанища внутри на рѣкахъ, а не при устьяхъ; при томъ же для Новгородцевъ нужнѣе было, чтобы торговля и богатства сосредоточивались въ самомъ Новгородѣ, а не въ какомъ-либо приморскомъ пригородѣ. Совсѣмъ иное дѣло, ежели бы при устьяхъ Невы и Луги или по морскому берегу въ этомъ краю были какіе-нибудь нѣмецкіе или шведскіе города; тогда это значило бы ясно, что здѣшній морской берегъ не принадлежалъ Новгородцамъ; говорить же, что этотъ берегъ и устья рѣкъ были ничьи, значитъ не понимать исторіи; ибо на такомъ бойкомъ торговомъ пути ничьей земли быть не могло; ежели бы не догадались захватить его Новгородцы, то не замедлили бы здѣсь утвердиться Нѣмцы или Скандинавы, утвердились же они въ Ригѣ, Ревелѣ и Нарвѣ.» А сихъ-то доказательствъ рецензента мы и не выставили. Во 2-мъ, вы говорите: «Быть можетъ, по мнѣнію рецензента, въ словахъ автора заключается мысль, что Новгородскія владѣнія никогда не достигали морскихъ береговъ послѣ IX вѣка?» И потомъ восклицаете: «Можетъ быть, все можетъ быть! мы ни чему не дивимся.» Да тутъ, милостивый государь, и не чему дивиться, въ словахъ автора дѣйствительно заключается мысль, что новгородскія владѣнія до Петра никогда не достигали морскихъ береговъ послѣ IX вѣка. Вотъ слова г. Соловьева: «Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея долго былъ свидѣтельствомъ упорной борьбы между двумя народами, Русскими и Шведами. Русскимъ удалось во время этой борьбы утвердиться на третьемъ важномъ пунктѣ великаго пути, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, гдѣ былъ построенъ Орѣшекъ; но потомъ эта крѣпость была уступлена Шведамъ; Петръ Великій взявъ ее снова и назвалъ ключемъ городомъ; наконецъ Петръ успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы, и укрѣпился на последнемъ, самомъ важномъ пунктѣ озерной системы, въ началѣ великаго воднаго пути—именно при устьѣ Невы въ море, гдѣ основалъ Петербургъ.» Изъ словъ г. Соловьева, каждый ясно видитъ, что авторъ не признаетъ

владѣній новгородскихъ въ устьяхъ Невы и по морскому берегу до основанія Петербурга Петромъ Великимъ. Вы сами, г. составитель статьи, ясно доказываете справедливость такого пониманія словъ г. Соловьева; ибо не выписываете словъ автора подлинникомъ, а сочиняете свой обзоръ, о которомъ г. Соловьевъ и не думалъ. Вотъ ваши слова: «Авторъ книги дѣлаетъ общій очеркъ судьбы приморской страны, прилежащей Финскому заливу и берегамъ Невы; сперва Нева текла въ независимости, потомъ была свидѣтельницею борьбы между двумя народами, наконецъ берега ее подпали окончательно подъ власть одного изъ нихъ.» Но у автора нѣтъ ни *сперва*, ни *потомъ*; у него Нева долго текла въ дикой независимости, и была свидѣтельницею (не принадлежа никому, т. е. будучи въ независимости) упорной борьбы между двумя народами; по его мнѣнью Новгородцы утвердились только при ея истокѣ изъ Ладожскаго озера, въ Орѣшкѣ, да и то на время. Слѣдовательно вашъ обзоръ рѣшительно не согласенъ съ обзоромъ автора; вы даже обижаете г. Соловьева, навязывая ему вашъ обзоръ, ибо тѣмъ самымъ ясно свидѣствуете ложность взгляда, который г. Соловьевъ выказалъ объ этомъ предметѣ. Мало этого, далѣе вы сами сознаете, что высказали не то, что говорилъ г. Соловьевъ; ибо говорите: «Нева долго текла въ дикой независимости, говоритъ авторъ, и имѣетъ полное право сказать это, даже относительно времени послѣ половины IX вѣка, потому что, если Ижора и давно признавала свою зависимость отъ Новгорода, то долго на берегахъ Невы видѣлись не болѣе какъ маленькiя деревушки, населенныя дикимъ бѣднымъ племенемъ, не было ни одного города: еще въ XIII вѣкѣ Ижорцы управлялись своими старшинами, которые около этого времени только начинаютъ принимать христіанство.» Ясно для всякаго, что вы здѣсь опять стараетесь защитить то самое мнѣніе автора, которое только что сами же опровергли, замѣнивъ его вашимъ мнѣніемъ. Но и эта новая попытка поддержать мнѣніе г. Соловьева рѣшительно неудачна; ибо, ежели вы уже сами признаете, что Ижора давно признавала свою зависимость отъ Новгорода, то значитъ, что морской берегъ, гдѣ жила Ижора, уже завистъ отъ Новгорода, составляя новгородское владѣніе, и былъ не ничѣмъ; а почему здѣсь не было городовъ, мы уже сказали выше и въ рецензiи, и въ настоящемъ разборѣ вашей статьи. Вы еще говорите какъ бы въ доказательство, что «еще въ XIII вѣкѣ Ижорцы управлялись своими старшинами.» Но это не доказательство того, что Ижорская земля не принадлежала Новгороду; ибо сибирскіе инородцы и теперь еще управляются своими старшинами и князьями, но по этому не лзя сказать,

что въ настоящее время Сибирь не принадлежитъ Россіи, не составляетъ ея владѣнія.

Далѣе рецензентъ, доказавъ, что Двинская система никогда не составляла одной области, говорить: «для какихъ цѣлей устроена г. Соловьевымъ эта небывалая область (т. е. Двинская), не извѣстно.» И вы на это отвѣчаете: «это извѣстно всякому, кто только взглянетъ на карту; всякій увидитъ здѣсь, что область Западной Двины есть область Полоцкаго княжества: псвѣрить дѣло легко, стѣдуетъ только спросить: область какой рѣки составляетъ Полоцкое княжество? Необходимый отвѣтъ: Западной Двины.» Милостивый государь, да это не доказательство, это только вопросъ, и при томъ такой вопросъ, который не имѣетъ никакого значенія. Мы престо дивимся, гдѣ вы выучились такъ доказывать. Вы отвѣчаете на свой вопросъ: «Западной Двины» А мы на вашъ вопросъ отвѣчаемъ: Полоцкое княжество составляетъ область, частію Днѣпра, частію Западной Двины, и частію Немана; и свой отвѣтъ подтверждаемъ свидетельствами историческими и географическими. Такъ на Днѣпровской системѣ лежатъ полоцкіе города: Орша, Друцкъ, Логожскъ, Минскъ, Изяславъ; на Неманской системѣ Новгородскъ, Турійскъ, Городенъ; на Западно-Двинской: Полоцкъ, Витебскъ, Псковь, Брацлавъ. Справьтесь объ этомъ съ любой географическою картою, и вы найдете, что города сіи лежатъ именно на тѣхъ рѣчныхъ системахъ, на которыя мы указали; прочтите также лѣтописи: тамъ увидите, что города сіи принадлежали Полоцкому княжеству. При томъ замѣтите, что полоцкихъ владѣній было не меньше по Днѣпровской и по Неманской системамъ, какъ и по Западно-Двинской; следовательно нѣтъ никакого основанія область полоцкихъ владѣній называть областью Западной Двины.

Послѣдуемъ за вами, г. составитель статьи, далѣе. Вы пишете: «когда говорится, что такая-то государственная область есть область такой-то рѣки, то никто не предполагаетъ, чтобъ историческія границы этой государственной области непременно точь-въ-точь совпадали съ физическими границами означенной рѣчной системы; достаточно, когда онѣ приближаются другъ къ другу болѣе или менѣе. Обязанность историка состоитъ въ томъ, чтобы, обозначивъ естественныя границы области, показать вмѣстѣ съ этимъ и всѣ другія условія, содѣйствовавшія или препятствовавшія историческимъ границамъ приближаться къ естественнымъ. Такъ поступалъ вездѣ и авторъ книги, и вездѣ, говоря о границахъ областей, употребляетъ онъ выраженіе: физическія и приближительныя историческія границы области такіи-то; но любопытно, что

рецензентъ не привелъ ни одного мѣста съ такимъ выраженіемъ; предоставляемъ читателямъ произнести свой приговоръ надъ подобными средствами.» Вотъ вамъ на это отвѣтъ. Во 1-хъ, по Русской исторіи не существовало четырехъ государственныхъ областей, о которыхъ говоритъ г. Соловьевъ, что мы уже доказали въ своей рецензіи; слѣдовательно говорить о физическихъ, историческихъ и приблизительныхъ, границахъ небывалыхъ областей, значить уклоняться отъ существеннаго вопроса въ сторону, и тѣмъ доказывать невозможность возстановить опровергнутое нами положеніе г. Соловьева о четырехъ государственныхъ областяхъ, будто бы составившихъ древнюю Русь. Во 2-хъ, вы обвиняете насъ, что будто бы въ нашей рецензіи мы не привели ни одного мѣста изъ книги г. Соловьева, гдѣ авторъ употребляетъ выраженія: физическія и приблизительныя историческія границы области такіа-то; и притомъ прибавляете: «предоставляемъ читателямъ произнести свой приговоръ надъ подобными средствами.» Но мы на страницѣ 345-й нашей рецензіи прямо назвали такое соединеніе естественныхъ границъ съ историческими насильственнымъ, и теперь не отступаемся отъ этого, и прибавляемъ, что выраженія автора, которыми вы такъ дорожите, у самаго г. Соловьева не имѣютъ никакого значенія; такъ онъ говоритъ: «На востокъ, югъ и западъ границами Полоцкой области служили приблизительно водораздѣлы между системами Двины, Днѣпра и Нѣмана. Но на югъ къ Полоцкому княжеству примыкало также княжество Минское, находящееся преимущественно на системѣ Днѣпровской, по правому берегу Днѣпра и рѣкамъ, впадающимъ въ него съ этой стороны.» Не ясно ли, что здѣсь самъ г. Соловьевъ отказывается отъ своего «приблизительно», и вмѣсто водораздѣловъ Двины и Днѣпра примыкаетъ полоцкія владѣнія прямо къ Днѣпру; а мы кромѣ того выше доказали, что Полоцкое княжество составляетъ частію область Днѣпра, частію Западной Двины и частію Нѣмана; слѣдовательно здѣсь уже вовсе нѣтъ приблизительности естественныхъ границъ рѣчной системы Западной Двины къ историческимъ границамъ Полоцкаго княжества, или Полоцкой государственной области. Мы не повторяли выраженій Соловьева «приблизительныя историческія границы области такіа-то» — потому единственно, что въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы открывать новыя противорѣчія въ книгѣ г. Соловьева, чего мы старались избѣгать въ продолженіе всей рецензіи, дабы не казаться придирчивыми.

Далѣе составитель статьи говоритъ: «Рецензентъ продолжаетъ: «При описаніи Верхневолжской области, самъ же г. Соловьевъ говоритъ, что

этой области первоначально не существовало, ибо древній представитель ея, Ростовъ, былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Новгородомъ.» И потомъ прибавляетъ: «Дѣйствительно, авторъ говоритъ, что Ростовъ и его область находились въ тѣсной связи съ Новгородомъ, но никогда не говорилъ, чтобъ въ слѣдствіе этого Верхне-Волжской или Ростовской области не существовало.» Мы не споримъ, что авторъ не говоритъ этого ясно, но такъ должно заключать какъ изъ словъ автора о связи Ростова съ Новгородомъ, такъ и по связи событій, что мы и объяснили въ нашей рецензій, и чего не выставилъ составитель статьи. Въ рецензій сказано: «Ростовская или Верхне-Волжская область была въ тѣсной связи съ Новгородскою областію, т. е. по смыслу событій составляла одну область, что и справедливо и ясно свидѣтельствуется сагою Орваръ-Одда, которая называетъ Ростовъ, Суздаль и Муромъ новгородскими областями.» Мы спросимъ теперь: зачѣмъ составитель статьи придрался къ одному нашему слову, и не представилъ всего объясненія, помѣщенного въ рецензій, когда объясненіе необходимо для надлежащаго уразумѣнія фразы? Если бы дѣло, защищаемое составителемъ статьи, имѣло на своей сторонѣ справедливость; то къ подобнымъ уловкамъ прибѣгать не было бы нужды. А составитель статьи для поддержанія защищаемаго дѣла пускается и не на такіе уловки, даже выпускаетъ цѣлыя доказательства рецензента, измѣняетъ его мысли, увѣрять, что лѣтописи говорятъ то, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ свидѣлствуютъ другое.

Такъ составитель статьи пишетъ: «Авторъ книги говоритъ: чѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, и естественно примыкать меньшимъ частямъ къ большимъ; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Бѣлая, и Малая Русь, примкнули къ Московскому государству. Рецензентъ говоритъ, что каждая должна поразить неправильность этой мысли. Но прежде всего здѣсь дѣло идетъ не о мысли, но о фактѣ неоспоримомъ.» Позвольте, милостивый государь, — вы говорите совсѣмъ не то, что написано рецензентомъ; вотъ слова рецензін: «каждая должна поразить неправильность слѣдующей мысли, въ отношеніи къ исторіи. Г. Соловьевъ говоритъ: «естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей.» Здѣсь каждый видитъ ясно, что рѣчь идетъ не о фактѣ присоединенія Новгородской области къ Московскому государству, а о мысли г. Соловьева, что будто бы естественно примыкать меньшимъ частямъ къ большимъ; рецензентъ сказалъ, что эта мысль неправильна

въ отношеніи къ исторіи, и доказалъ ея неправильность; вотъ слова рецензента: «Въ отношеніи къ природѣ физической эта мысль при извѣстныхъ условіяхъ правильна, она даже выражаетъ физическій законъ притяженія; но въ отношеніи къ нравственной природѣ челоѣка и къ жизни цѣлыхъ народовъ, она никакъ не приложима, и рѣшительно противорѣчитъ исторіи; здѣсь дѣйствуетъ не количество, не пространство, а нравственная сила духа, характеръ народа, руководимый мудрыми кормчими при благословеніи Провидѣнія.» А вы, милостивый государь, скрыли и доказательство рецензента, и измѣнили смыслъ рецензіи; навязываете рецензенту то, о чемъ онъ не говорилъ.

Послѣ такой замѣнительной выходки составитель статьи приступаетъ къ передѣлкѣ исторіи: онъ говоритъ, что во время завоеванія Новгорода Іоанномъ III-мъ, область Московскаго государства была обширнѣе области государства Новгородскаго; онъ сомнѣвается, что передславскія владѣнія были обширнѣе и богаче московскихъ, при жизни Ивана Дмитриевича, послѣдняго князя переяславскаго, тогда какъ въ Переяславской области были уже города Переяславъ и Дмитровъ, а въ области Московской былъ только одинъ городъ Москва; онъ утверждаетъ, что Вятка завоевана московскимъ государемъ прежде завоеванія Новгорода, а по лѣтописямъ Новгородъ завоеванъ въ 1478 году, а Вятка покорена въ 1490 году; много и иныхъ невѣрностей рассказываетъ онъ въ своей статьѣ, но выставить всѣ ихъ было бы утомительно для читателей. Притомъ всякій видитъ уже ясно несостоятельность отписокъ составителя газетной статьи, всякій видитъ, что статья сія не только не уничтожаетъ замѣчаній, высказанныхъ въ нашей рецензіи на исторію г. Соловьева, но еще болѣе обнаруживаетъ ихъ неопровержимость и основательность, и мы съ своей стороны считаемъ обязанностію благодарить г. составителя статьи.

Рецензентъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

въ 1851 году.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Современная словесность въ отношеніи къ своей исходной исторической точкѣ.

Въ прошедшей статьѣ мы опредѣляли ближайшую исходную историческую точку современнаго состоянія словесности, — ближайшую, говоримъ мы, ибо, чтобы опредѣлить первоначальную, надобно было бы вести рѣчь отъ яиць Леды. Кто не чувствуетъ, что зерно тѣхъ близкихъ отношеній поэта къ дѣйствительности, повседневной, какія явились въ созданіяхъ Гоголя, заложено и въ повѣстяхъ Бѣлкина, и въ Капитанской дочкѣ, и въ Лѣтописи села Горохова; что грубые, такъ сказать, сырые матеріалы, положимъ, хоть бурсаковъ въ Вѣвѣ, найдете вы въ произведеніяхъ Нарѣжнаго, что Нарѣжный съ своей стороны тоже обусловленъ извѣстными историческими обстоятельствами и т. д. Кто не чувствуетъ всего этого, и между тѣмъ, кто же въ наше время требуетъ отъ критика поверхностныхъ обзоровъ, ради восхожденія къ началу началъ. *Hic locus—hic saltus* — скажемъ мы, и остановимся на ближайшей исходной точкѣ. Отъ Гоголя ведетъ свое начало весь тотъ многообразный, болѣе или менѣе удачный и разносторонній анализъ явленій повседневной, окружающей насъ дѣйствительности, — стремленіе, къ которому составляетъ собою законъ настоящаго литературнаго процесса; все, что есть живаго въ произведеніяхъ современной словесности, отсюда ведетъ свое начало: стало быть, мы и правы были, начавши съ Гоголя обзоръ ея.

Но прежде чѣмъ будемъ мы говорить о литературныхъ явленіяхъ

нiяхъ прошлаго 1851 года, мы должны, не вдаваясь конечно въ подробности, взглянуть по отношенiю къ исходной точкѣ, т. е. къ Гоголю, на всю литературу, взявши ея за нѣсколько лѣтъ. Въ это обозрѣнiе должны войти, конечно, не одни только тѣ факты, которые ведутъ начало отъ Гоголя: должно быть упомянуто, отчасти прослѣжено, и развитiе лермонтовскаго слова, все болѣе и болѣе теперь замирающаго. Тѣмъ яснѣе обозначится вѣрность того положенiя, что все живое въ явленiяхъ современной словесности происходитъ отъ толчка, сообщеннаго дѣятельностью Гоголя,—положенiя, которое мы повторяемъ уже не разъ, и не устанемъ повторять, твердо убѣжденные въ его истинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, слово лермонтовской дѣятельности, слово весьма звучное, даже поражающее,—по самой патурѣ своей, было неспособно къ дальнѣйшему развитiю. Это слово было—протестъ личности противъ дѣйствительности, протестъ, вышедшiй не изъ яснаго сознанiя идеала, а изъ условiй, заключавшихся въ болѣзненномъ развитiи самой личности. Слово борьбы безъ основъ, страданiй безъ исхода, жажды безъ удовлетворенiя,—слово, котораго значенiе «темно иль ничтожно»,—но которому дѣйствительно невозможно было «внимать безъ волненiя»—слово, которое въ самомъ поэтѣ должно было и къ сожалѣнiю не успѣю выгорѣть и очиститься,—слово вражды, которая, конечно, не можетъ же быть состоянiемъ нормальнымъ, особенно если пружины ея заключены въ безмѣрно-выдавшейся личности; оно оставило въ памяти писателѣ слѣдъ какого-то смутнаго, тревожнаго сновидѣнiя. Не глубокое содержанiемъ, оно сказалось за разъ, само себѣ положило Геркулесовы столбы, идти за которые значило идти къ абсурду. Писались дѣйствительно люди, по видимому довольно смѣлые, но въ сущности только увлеченные, которые шагнули за эти столбы, но упали или въ смѣшное, какъ авторы Тамириныхъ, Левинныхъ, и другихъ героевъ грошоваго безочарованiя, или въ безобразный фатализмъ, какъ авторы разныхъ произведенiй, имѣвшихъ большой успѣхъ, благодаря напряженности мысли, и теперь совершенно уже забытыхъ. Все, что Лермонтовъ успѣлъ сказать, онъ сказалъ какъ поэтъ—поэтъ истинный и новый, какимъ былъ онъ въ возможности; не его вина, что онъ не успѣлъ сказать болѣе.

паго, и что сказанное имъ повторялось на тысячу разныхъ ладовъ. Не его вина, что, когда появлялись какіе-нибудь напряженные стишонки, написанные въ подражаніе ему, наши критики приветствовали ихъ чуть что не восторженными похвалами; не его вина, что его *дѣйствительныя* страданія, въ немъ самомъ еще не перегорѣвшія, взяты были на прокатъ другими, доведены до смѣшного, истасканы и опошлены какъ прихоть моды; не его вина, что слышался повсюду нескладный вой про *гордое* страданье, что каждый японна, не въ мѣру попользовавшійся жизнію, толковать о *правѣ проклятій*, или воображать себя пророкомъ, въ котораго ближніе кидаютъ бѣшено каменя. Вѣроятно самому поэту, если бѣ онъ дожилъ до этого,

Все это *стало бы смѣшно*

Когда бы не было такъ грустно....

Въ самомъ дѣлѣ, что ни возьмете вы изъ произведеній его послѣдователей-лириковъ или повѣствователей, вы вездѣ увидите только повтореніе, расчлененіе, или, лучше сказать, разжиженіе лермонтовскихъ мыслей. Къ какимъ мальчишески-запосчивымъ упражненіямъ подали поводъ многія изъ его стихотвореній! Нѣтъ возможности перечислить повѣстей (о стихотвореніяхъ ужъ и говорить нечего), написанныхъ на тему «*любви безъ радостей и безъ печали*», на тему «*дубоваго листка и молодой чинары*», на тему *спараго утеса*, *глубоко задумавшагося о ночевавшей на вершинѣ его золотой пучки* и т. д., нѣтъ возможности перечислить также всѣхъ женскихъ прихотей, въ которыя развились у послѣдователей поэта причуды Печорина, и нѣтъ никакого желанія напоминать тѣ произведенія, которыя доводили до нелѣпости фатализмъ Печорина, подъ видомъ глубокаго анализа души человѣческой, произведенія, уродливыя даже въ художественномъ отношеніи и гнилыя въ отношеніи психологическомъ. Анализъ работать тутъ не надъ живою дѣйствительностію, а надъ миражемъ, надъ призракомъ собственнаго насильственно-напряженнаго воображенія. Съ художественной стороны, эти произведенія были безобразны потому, что въ нихъ все приносилось въ жертву напередъ-заданной темѣ, что они писались для потѣхи празднаго остроумія, выдаваемого за глубоко-

мыслие, что въ нихъ все окружающее какихъ-нибудь Владимира Петровича, Дмитрія Яковлевича и Любовь Александровну, мале-валось каррикатурно; сами же Владимиръ Петровичъ, Дмитрій Яковлевичъ или Любовь Александровна чуть что не носили ярлыковъ на лбу; безобразны они были наконецъ и потому, что въ нихъ психологическій вопросъ поставлялся не такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а какимъ угодно было видѣть его автору.

Въ настоящую минуту, это направленіе явно и видимо отжи-ваетъ и замираетъ: послѣдніе его представители: гг. Авдѣевъ, Дружининъ, Жемчужниковъ, Чернышевъ, и нѣкоторые дру-гіе. О всѣхъ этихъ господахъ говорено было нами до-вольно часто, при разборѣ произведеній ихъ, появившихся въ разныхъ журналахъ и изданіяхъ, но одинъ, не разобранный нами и оставшійся отъ прошлаго года рассказъ, помѣщенный въ XII N° Современника, мы считаемъ не излишнимъ разобрать здѣсь, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ собою довольно наглядно крайности и недостатки произведеній, являющихся еще и доселѣ, какъ отпрыски упомянутаго нами направленія. Это рассказъ: «Пѣвица», подписанный именемъ иногороднаго подписчика, но такъ явно обличающій и манеру и взглядъ автора Полинки Саксъ, Жюли, Фрейлейнъ Вильгельмины, что мы беремъ на себя право смотрѣть на него, какъ на произведеніе г. Дружинина.

Не соглашаясь весьма во многомъ со взглядомъ г. Дружинина какъ повѣствователя, и расходясь почти радикально съ иногород-нымъ подписчикомъ, мы не отрицали никогда известной степени дарованія въ авторѣ *Полинки Саксъ*, находя только въ этомъ дарованіи одинъ, и притомъ весьма важный существенный порокъ, напряженность, чтобы не сказать аффектацію. Почти то же самое можно сказать и о рассказѣ «Пѣвица» — не смотря на то, что онъ далеко ниже и *Полинки Саксъ* и даже *Жюли* — рассказъ блестя-щемъ, но блестящемъ мишурою, читающемся съ интересомъ, но съ такимъ интесомъ, который ни мало не принадлежитъ къ впечат-лѣніямъ художественнымъ. Все тутъ дышетъ претензіей, хотя конечно нельзя отрицать, что это — претензія человѣка умнаго и даровитаго: чувства постоянно натянуты, мысли постоянно стара-ются быть оригинальными, въ самомъ остроуміи видно усиліе.

Въ почтовой конторѣ одного маленькаго городка на Кавказѣ, собралось нѣсколько человекъ, чающихъ движенія воды, т. е. писемъ. Въ числѣ ихъ находится безъ сомнѣнія и рассказчикъ. Онъ получаетъ большой пакетъ съ крошечнымъ лоскуткомъ газетной бумаги; на этомъ лоскуткѣ, тщательно обрѣзанномъ, пять или шесть строкъ было подчеркнуто карандашемъ.

«Я началъ читать,—говоритъ онъ — «то было одно изъ стереотипно-избитыхъ описаній петербургской погоды и лѣтнихъ увеселеній. Солнце улыбалось послѣ непогоды, и столичные жители, пригрѣтые его животворными лучами, поспѣвали отправляться на «дачи, въ театръ, въ конкордію и т. д. Наше сѣверное лѣто «было такъ же хорошо, какъ будто въ Италіи. Одно только событіе огорчало весь порядочный людъ сѣверной Пальмиры: известная пѣвица, столько лѣтъ бывшая любимицею просвѣщеннѣйшей «публики, стяжавшая столько лавровъ на нашей родинѣ, блестящая, чудная и обворожительная, ни съ кѣмъ несравненная синьора NN, покинула своихъ сѣверныхъ поклонниковъ, и поѣхала въ «дальнія губерніи Россіи за новыми лаврами, за новыми успѣхами! «Пожелаемъ же ей....»

Это газетное извѣстіе привело въ бѣшенство рассказчика, потому что пѣвица NN—предметъ его антипатіи, антипатіи страстной, болѣзненной, фантастической по его собственному признанію. О причинахъ происхожденія этой антипатіи повѣствуетъ онъ очень остроумно. Начало этой болѣзни почувствовалъ онъ еще за границей, въ представленіе Ломбардцевъ Верди, истерзавшихъ его нѣжные нервы; вы знаете, что всѣ герои рассказовъ г. Дружинина одарены необыкновенно раздражительными нервами, и даже преимущественно заботятся о томъ, чтобы имѣть раздраженные нервы. Въ это несчастное представленіе Ломбардцевъ, когда авторъ уже думалъ бѣжать, стряхнувъ прахъ съ своихъ сандаліевъ,—«явилась пѣвица NN, разметавъ по плечамъ какое-то «рыжеватое отребіе, говоритъ онъ, и голосъ ея зазвучалъ, напося страданіе моему сердцу.» Въ Петербургъ онъ опять встрѣтилъ пѣвицу NN, и здѣсь претерпѣлъ еще злѣйшія, по словамъ его, бѣдствія:

«У меня—повѣствуетъ онъ—былъ пріятель, литераторъ, очень

«редко говорившій о литературѣ (NB. Забудьте, какое дилетантское презрѣніе къ литературѣ); онъ писалъ милыя, статеечки, очень веселенькія и простенькія статеечки, въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Онъ умѣлъ говорить съ читателями о «погодѣ, о томъ, что фельетонисту иногда писать не о чемъ. Я всегда любилъ статеечки этого рода и перечитывалъ ихъ «послѣ втораго стакана чаю.... (NB. Настоящее, джентльменское разочарованіе въ литературѣ и въ прочемъ). И вдругъ, «о ужасъ!—въ пріятель моемъ я забылъ странную переписку, «признакъ зловѣщій и убійственный.»

Пріятель, изволите видѣть, сталъ писать о пѣвицѣ NN, писать по поводу всего на свѣтѣ, по поводу новаго магазина, лампъ съ коловратнымъ уваженіемъ, и вовсе не потому, чтобы влюбился въ пѣвицу, а подѣ влияніемъ такого же фантастическаго недуга, который произвелъ въ рассказчикѣ его болѣзненную антипатію. Литераторъ, пописывавшій газетныя статеечки, правившійся необыкновенно герою рассказа, былъ, должно быть, какъ этотъ послѣдній, слабо-нервенъ....

Помните ли вы, читатели, одну статью въ Библіотекѣ для Чтенія, по поводу стихотвореній покойнаго Губера, статью исполненную парадоксовъ, когда-то считавшихся остроумными, зѣлкой прони и самыхъ удивительныхъ экстравагантностей. Статья доказывала, что жить нервы разстроенные—величайшее блаженство, что разстроенные нервы даются не всякому, что по большей части человечество имѣетъ только претензію на разстроенные нервы. Почему-то эта статья припомнилась намъ, когда мы читали рассказъ г. Дружинина, и тоже по чему-то, фантастическій недугъ героя показался намъ огромною претензію на разстроенные нервы.

И такъ другъ рассказчика, литераторъ, по словамъ перваго, «былъ увлекаемъ своею судьбою, надъ нимъ тяготѣла убійственная звѣзда; демонъ, облекшись въ образъ тощей артистки, вписался въ его существованіе. Нѣсколько разъ онъ давалъ мнѣ клятвенное обѣщаніе не говорить ни одного слова о г-жѣ NN, изгнать ея имя изъ своихъ статей, —и что же! не прошло «двухъ дней, а это ужасное имя опять красовалось передъ моими глазами. Не говори ничего о музыкѣ, упрашивалъ я бѣд-

«наго страдальца, переходя къ предметамъ болѣе повымъ. Хоть-
«рошо, отвѣчалъ: я стану толковать о модѣхъ. Дѣйствительно
«на другой день рѣчь уже шла о пальто: я успокоился, похвалилъ
«силу воли въ писателяхъ. Но, ахъ, это была одна мечта! Мой
«другъ совѣтовалъ своимъ читателямъ заводить пальто потеплѣе,
«потому, писалъ онъ, что скоро возобновятся концерты, и мы
«копаты услышимъ обширный голосъ синьоры NN, будемъ разго-
«ряться ей аплодируя, а кто не знаетъ, какъ вредно разго-
«ряченному человѣку стоять на сквозномъ вѣтрѣ и дожидаться
«своего легонькаго пальто.»

Не можемъ не замѣтить, что авторъ чрезвычайно ловко потѣ-
щается надъ фельетонными статейками, и глубоко изучилъ так-
тику фельетонистовъ, и можно предположить съ нѣкоторою до-
стоверностью, что не мало времени употребилъ онъ на изученіе
этого важнаго предмета.

Кромѣ дѣвицы NN, у рассказчика есть еще непріятельница,
жена Льва Кириллыча ***скаго, Madame Sophie, иностранка по
происхожденію. О причинахъ своей вражды съ нею повѣствуетъ
онъ съ *граціозною* и весьма *назидательною* откровенностью,
хотя, къ сожалѣнію, мы не можемъ назвать эту милую откровен-
ность оригинальною, потому что блаженной памяти Печоринъ
высказывался съ гораздо болѣею энергіею и простотою:

«Но отъ чего же госпожа ***ская была вашимъ врагомъ? спро-
«сятъ меня *младыя* (NB. Мы не даромъ подчеркнули это при-
«лагательное, тутъ все не просто, все имѣетъ сильную претен-
«зію на разочарованіе и еще болѣе сильную на остроуміе, даже
«и «*младыя*» вмѣсто «*молодыя*») дѣвицы, *желающія знать сю-
«жетъ всякой оперы и причины всякаго человеческого по-
«ступка* (NB. Какъ же не разочарованіе и не остроуміе, ка-
кихъ вамъ еще надобно, читатели?... Вѣдь смѣшно въ самомъ
дѣлѣ желать знать причины всякаго человеческого поступка, и это
желаніе равно желанію знать сюжетъ всякой оперы?... вѣдь
смѣшно это, не правда ли? Вы навѣрно согласитесь съ рассказ-
чикомъ, если вы, какъ онъ же, *настоящіе джентльмены*?) «Э,
«люже мой, этого я и самъ хорошенько не знаю. Мы были не
«довольны другъ другомъ, особенно я имѣлъ полное право.

«быть недовольнымъ (NB. Жаль только, что свои права рассказчикъ заимствовалъ, или, лучше сказать, раздѣлилъ по маслѣдству, доставшемуся отъ Печорина, съ известнымъ вамъ Тамаринымъ). «Зачѣмъ Софья Осиповна была вѣчно окружена мужчинами и не бросила ихъ, и не изъявляла желанія со мной познакомиться? для чего она смотрѣла на меня очень холодно, когда я оглядывалъ ее съ ногъ до головы на гуляньяхъ и т. д.

Признаемся откровенно, мы не понимаемъ даже, какъ въ наше время самимъ повѣствователямъ не совѣстно высказывать подобныя вещи? Никто уже болѣе не вѣритъ ни въ эти гигантскія самолюбія, ни въ это разочарованіе, всѣ видятъ въ этомъ только одну прстензію, всѣ знаютъ, какъ мелочны въ основахъ эти самолюбія, какъ дешево пріобрѣтается это разочарованіе, и между тѣмъ, въ любой изъ обыкновенныхъ повѣстей вы ихъ встрѣтите.

Но у автора есть еще особенныя, ему исключительно принадлежащія, совершенно джентльменскія прихоти, любовь къ лапризнымъ женщинамъ и тому подобныя.

«Въ самомъ дѣлѣ—говорить рассказчикъ — «какая непріятная вещь капризы и избалованность въ женщинѣ» (NB. Подразумѣвается, что это говорится съ ироніей, что именно избалованность и капризность особенно нравятся рассказчику). «Если бъ у Софьи «***ской былъ мужъ получше, еслибъ за ней вѣчно не бродило «пол-сотни стариковъ и юношества, съ ней можно было бы иногда съ удовольствіемъ поговорить о предметахъ, вызывающихъ «на размышленіе. *Мнѣ даже можно сознаться....*» (NB. Все слѣдующее за этимъ явно впадаетъ въ тонъ дневника Печорина), «что ея глаза и ножки выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ «женскихъ глазъ и ножекъ (NB. Недостаетъ только, чтобы эти ножки были обуты въ ботинки couleur rose, какъ ножки княжны Мери, впрочемъ, утѣштесь, эти ножки точно такъ же узки). «У ней есть еще необычайно милая манера, краснѣть при всякомъ противорѣчій, и какъ еще краснѣть! На ея лицѣ обыкновенно блѣдномъ, разливается, какъ отблескъ угасающей зари по «снѣгу.... такой легкій румянецъ, что....»

Ясно, что вражда автора къ М-ше Софи—любовь, или, говоря по старой памяти языкомъ гегелистовъ, лѣвая сторона любви.

Поводъ высказаться подаетъ этой любви случайное обстоятельство. У рассказчика есть спутникъ, мосье Антоновичъ, промотавшійся юноша, который вынужденъ провожать М-ме Софи въ экипажъ своего друга, и распорядился такимъ образомъ его особою, въ надеждѣ на его джентльменскую деликатность. Дѣйствительно, надежда не обманула юношу. Рассказчикъ посердился сначала и сказалъ было: «ты потъжай, а я еще буду ждать писемъ,» но промотавшійся юноша отвѣчалъ ему жалобно: «любезный другъ, мнѣ придется вѣхать верхомъ на палкѣ.»

«Этотъ послѣдній аргументъ,»—говорить рассказчикъ, который,—отнимите у него высказывающуюся повсюду претензію на джентльменство,—оказывается въ этомъ случаѣ чрезвычайно милымъ и добродушнымъ челоѣкомъ—«былъ слишкомъ силенъ, полусутильный, полувещальный тонъ промотавшагося юноши трогаетъ меня «сильнѣе всѣхъ философскихъ доводовъ. Кто изъ насъ не промотывался, и не сидѣлъ на чужбинѣ съ цѣловымъ въ карманѣ, но «непретѣнно съ глубокою любовью въ сердцѣ? Гнѣвъ мой пропалъ, мнѣ стало стыдно моихъ рѣзкихъ словъ; я готовъ былъ «извиняться передъ влюбившимъ пріелемъ, но онъ не нуждался «въ извиненіяхъ; замѣтивъ, что я пересталъ хмуриться, вѣтреникъ «перешелъ къ живѣйшимъ изъясненіямъ восторга, и даже, не заботясь о томъ, чтобы разогнать послѣднія облака досады, сидѣвшій «на моемъ челѣ, сталъ исполнять по комнатѣ какой-то кабардинскій танецъ, размахивая обнаженною пашкою и вывертывая свои «ноги съ быстротой, достойной лестнаго одобренія гораздо многочисленнѣйшихъ зрителей. Дѣло было устроено къ моему полному огорченію.»

На дорогѣ разумеется рассказчикъ сближается съ своей непріятельницей: сблизило ихъ въ особенности одно въ самомъ дѣлѣ поэтическое впечатлѣніе, которое и передано въ рассказѣ прекрасно. Вообще тутъ начинается живая сторона разсказа. Столько молодости, столько настоящихъ страстныхъ порывовъ высказывается тутъ искренно, что еще болѣе становится досадно на претензію, проглядывающую всюду, вредящую всему....

Разъ, они, т. е. рассказчикъ и его спутникъ отстали отъ М-ме Софи и ея мужа, потому что тарантасъ ихъ сломался. Рассказ-

чикъ только что проснулся, только что разстается съ самымъ очаровательнымъ сномъ, я вдругъ говорить ему о случившемся:

«Я выпрыгнулъ на землю, но не ухватился за голову» (NB. Вотъ это такъ! вотъ это искренно! вотъ это понятно—въ снѣдѣ, кому не хотѣлось иногда удержать въ памяти свѣтлое сповиданіе?—а извѣстно всѣмъ, что стоить только проснувшись ухватиться за голову, чтобы сонъ исчезъ на вѣки изъ воспоминанія). «Мнѣ повѣдали все бѣдствіе, оно было не малымъ. Ни-гдѣ не было жилья, ночь грозила покрыть насъ въ степи, и хотя опасности не было никакой, но мы должны были неминуемо потерять Madame Sophie. Мужъ ея обѣщать ждалъ насъ только «до вѣчера, и уже два часа, въ теченіе моего сна, стояли мы съ изломанными колѣсами, одни одиноконки. Сердце мое сжалось и потомъ вдругъ какъ будто расширилось: я чувствовалъ въ себѣ странную энергію; я былъ готовъ отдать полжизни за вѣчеръ въ О..., за взглядъ моей молодой спутницы. Я желалъ «увидѣть ее еще разъ, желалъ этого всѣми силами моей жизни, и вѣрилъ, что мое желаніе исполнится.» (Слова эти подчеркнуты въ самомъ подлинникѣ).

«Называйте меня суперъ-натуралистомъ» (NB. Къ чему эти оговорки, г. разказчикъ? Или боитесь вы быть искреннимъ—напрасно! Не одни суперъ-натуралисты, но весьма много людей съ страстною организаціею раздѣлять съ вами вашу вѣру), «существовать избалованнымъ черезъ посредство стеченія счастливыхъ случайностей, но я знаю, что говорю. Я увѣренъ, что я въ жизни «въ великихъ событіяхъ жизни, иногда стоить только пожелать всѣми силами тѣла и духа, пожелать чего-нибудь, не «выходящаго изъ предѣловъ возможности, для того, чтобы со-бытіе будто покорилося вамъ. Десять разъ въ своей жизни я имѣлъ подобныя желанія: иногда они были пустыми, а иногда «важными желаніями, десять разъ въ моей душѣ происходило «какой-то неслыханный феноменъ сосредоточенной воли, и девять «разъ изъ десяти я достигалъ того, къ чему стремился.»

Авторъ этихъ выписанныхъ нами строкъ долженъ быть очень молодъ, но признаемся откровенно, мы желали бы побольше такихъ искреннихъ строкъ, и притомъ безъ оговорокъ, безъ

претензіи, ни деспотизмъ и разочарованность, — желимъ би, чтобы авторъ Жули и Пьвицы отдавался болѣе своей непосредственной, страстной натурѣ, отдавался ей такъ же безъ заднихъ мыслей, какъ отдается напримѣръ А. де Мюссе. Но увы! претензія губить его дарованіе — и сколько разъ, читая рассказы Дружинина, мы были готовы сказать автору то, что Гамлетъ говорить матери, относя конечно это восклицаніе не къ операну, а къ таланту.

О Throw away the worse part of it

And live the purer with the other half!

На рассказъ «Пьвица» и остановились мы по двумъ причинамъ, во-первыхъ, потому, что не успѣли разобрать его въ прошедшемъ году, — а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, потому, что онъ принадлежитъ къ категоріи произведеній, представляющихъ собою развитіе лермонтовской мысли. Въ г. Дружининѣ, безусловно, больше таланта, чѣмъ во всѣхъ другихъ великосвѣтскихъ и не великосвѣтскихъ подражателяхъ покойнаго поэта, — но по этому самому, сѣмъимъ сторонамъ направленія выдаются въ немъ рѣзче. Въ самомъ дѣлѣ — все трагическое, что было въ протестѣ личности, у него исчезаетъ и замѣняется уже мелочнымъ или причудливымъ, — самая дѣйствительность явно представляется изображенъ, въ настоящее бытіе котораго никто уже не можетъ вѣрить. Въ этомъ отношеніи г. Дружининъ, какъ человѣкъ съ дарованіемъ, пошелъ и самостоятельно и дальше г. Авдѣева и другихъ подражателей — онъ довелъ безобразное развитіе личности до каприза, приуды, мелочности, въ немъ, однимъ словомъ, окончательно истощается направленіе.

Переходимъ теперь къ тѣмъ явленіямъ въ нашей литературѣ, которыя представляютъ собою послѣдствія гоголевскаго сюва. Ихъ можно раздѣлить на слѣдующія группы:

1) Такія произведенія, въ которыхъ взята только форма гоголевскаго творчества, а сущность міросозерцанія — лермонтовская.

2) Такія, въ которыхъ гоголевскій юморъ отдѣленъ отъ стремленія къ идеалу и господствуетъ одинъ — дошедши до самыхъ страшныхъ причудъ и крайностей.

3) Наконецъ такія — которыя, слѣдуя пути, предложенному Гого-

лемъ, носить на себѣ однако признаки таланта, самобытности, жизни, хотя не представляютъ собою разрѣшенія никакихъ новыхъ задачъ.

Историческое происхожденіе всѣхъ этихъ трехъ категорій весьма понятно для всякаго, кто слѣдилъ постоянно за ходомъ нашей литературы и критики. Разсмотримъ каждую изъ этихъ категорій въ отдѣльности.

1) Отношеніе Гоголя къ дѣйствительности, выразившееся по преимуществу въ юморѣ, мы вывели изъ двухъ сторонъ его полной художественной натуры. Мы указали на этотъ смѣхъ, карающій какъ Немезида потому, что въ немъ слышатся слезы по идеалу, — смѣхъ, полный любви и симпатій, смѣхъ, возвышающій моральное существо человека. Но такое отношеніе къ дѣйствительности могло явиться трезвымъ и цѣломудреннымъ только къ великой цѣльной натурѣ истиннаго художника, — не всѣ даже поняли его вполне, это отношеніе любви, дѣйствующей посредствомъ смѣха, — не всѣ уразумѣли отношеніе къ идеалу, хотя и много толковали о немъ, по поводу произведеній Гоголя. Для многихъ, даже для большей части, стремленіе художника къ идеалу представлялось въ видѣ того же самаго протеста личности, который слышали они въ стихахъ Лермонтова, облитыхъ горечью и злобостью. Понятна была только форма произведеній Гоголя, понятно было, что новая руда открыта поэтомъ, руда анализа повседневной, обычной дѣйствительности, — и на то самое, на что Гоголь смотрѣлъ съ любовью къ правдѣ неперемѣнной, къ идеалу, другіе, и даже даровитые люди, взглянули только съ личнымъ убѣжденіемъ или съ предубѣжденіемъ. Отсюда ведутъ свое начало разные сатирическіе очерки, отсюда безконечное множество повѣстей, кончавшихся призывомъ: «и вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человека», повѣстей, въ которыхъ по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, съ героями и героинями, задохнувшимися по ихъ мнѣнію въ грязной дѣйствительности, совершались самыя удивительныя превращенія, въ которыхъ все, окружавшее героя или героиню, нарочно, намѣренно, изображалось карикатурно. Была своя хорошая сторона, своя заслуга въ этой манерѣ, но односторонность ея скоро обнаружилась весьма явно.

Забавнѣ всего было то, что никогда такъ сильно не брали романтизма, какъ въ этомъ періодѣ самыхъ романтическихъ отношеній авторовъ къ дѣйствительности: фактовъ мы не приводимъ, потому что они, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны и у всѣхъ еще въ памяти.

Но подобное отношеніе къ дѣйствительности не могло быть продолжительно—по самымъ основнымъ своимъ началамъ. Примиреніе, т. е. ясное уразумѣніе дѣйствительности *sine ira et studio*, необходимо человѣческой душѣ, и искать его надобно по неволѣ въ той же самой дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что нашлось много людей, которыя съ сомнѣніемъ качали головою, читая разныя каррикатурныя изображенія, и дерзали думать, что слишкомъ густыя черныя краски употреблены на картины, потому, что живописцы находятся въ припадкѣ *меланхоліи*, что родственники разныхъ барышень вовсе не такіе звѣри, какими они кажутся писателямъ, что даже грязны они потому только, что автору хотѣлось въ видѣ особенной добродѣтели выставить *чистоплотность* какой-нибудь Наташи.... Усомнились, однимъ словомъ, въ томъ, чтобы дѣйствительность была такъ грязна и черна, а романтическая личность такъ права въ своихъ требованіяхъ, какими угодно было ту и другую показывать повѣствователямъ. Русскій человѣкъ отличается, какъ извѣстно, особенною смѣтливостью: онъ готовъ признать всѣ свои недостатки, но не впадетъ отъ нихъ въ мрачное мистическое отчаяніе, не станетъ ихъ преувеличивать. Потребность примиренія, однимъ словомъ, обозначилась очевидно.

Явилось дарованіе примѣчательное яркое, но, да позволено будетъ сказать прямо, дарованіе чисто внѣшнее, безъ глубокой мысли въ задаткѣ, безъ истиннаго стремленія къ идеалу, дарованіе г. Гончарова, которое такъ или иначе отвѣтило на эту потребность, какъ могло и какъ умѣло—и вотъ объясненіе необыкновеннаго успѣха «Обыкновенной исторіи», произведенія отдѣланнаго въ частности и подробностяхъ, сухаго до безжизненнаго догматизма, по основной идѣ, построеннаго въ видѣ самой искусственной аллегоріи. Дарованіе г. Гончарова не пошло по новой дорогѣ—оно вышло цѣликомъ изъ той же категоріи

и было только ее цвѣтомъ. Примиреніе выразилось въ немъ протиску какого-то отчаянія, смѣхомъ надъ протестомъ личности съ одной стороны и скорбнымъ сознаніемъ торжества сухой, безжизненной, безосновной практичности. Все было тутъ принесено въ жертву этой ироніи. Авторъ вывелъ двѣ фигуры—одну жиденькую, худенькую, слабенькую, съ ярыкомъ на лбу: романтизмъ quasi молодого поколѣнія;—и другую цвѣтущую здоровьемъ, спокойную какъ математика, съ ярыкомъ: практический умъ. Последний, разумеется, торжествовалъ въ своихъ расчетахъ, какъ добродѣтельная любовь въ старинныхъ романахъ и комедіяхъ... но.... (и въ этомъ *но*—заключается быть можетъ будущее таланта г. Гончарова)—въ концѣ романа приходило ко всему весьма странное обстоятельство: практический умъ начиналъ безпокоиться на счетъ сердца.... Такова была мысль произведенія г. Гончарова, мысль ни мало не скрытая, а напротивъ просившаяся наружу, кричавшая въ каждой фигурѣ романа. Много нужно было таланта для того, чтобы читатели забывали въ романѣ явно-искусственную постройку,—но кромѣ таланта, самая мысль произведенія г. Гончарова поразила большинство новизною, понравилась всѣмъ такъ называемымъ практическимъ людямъ, которые всегда любятъ, когда бравада могучаго поколѣнія за разными стремленія, понравилась даже тѣмъ, которые кое-когда поглядывали на «Мертвую дунию» или издѣвались надъ нею,—но признаются откровенно, мы не думаемъ, чтобы самъ дивовитый авторъ «Обыкновенной исторіи» былъ доволенъ такимъ успѣхомъ своего произведенія. Стремленіе къ идеалу не признаетъ своего питомца въ Александрѣ Адуевѣ, и иронія пропала здѣсь за даромъ. Иного слова въ нравѣ мы ожидать отъ автора «Сна Обломова»—произведенія, которое, не смотря на односторонность взгляда, написано яркими, поэтическими красками:

2) Почти въ то же самое время, какъ протестъ личности, принявшись за гоголевскій анализъ дѣйствительности, истощился окончательно и посмѣялся самъ надъ собою—выступило на арену литературы другое направленіе, которое гораздо ближе относится къ исходной исторической точкѣ, хотя въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ и дошло до того же протеста личности. Отдѣлите бо-

лѣзненный юморъ раздражительной природы отъ стремленія къ идеалу въ произведеніяхъ Гоголя—и действительно чудовищъ является на свѣтъ божій въслѣдствіе причудъ этого болѣзненнаго юмора. Взгляните на Акакія Акакіевича съ сентиментальной точки зрѣнія, проникнитесь въ отношеніи къ нему не общечеловѣческимъ, правдивымъ сочувствіемъ—а исключительною, болѣзненною симпатіею, —пойдите, однимъ словомъ, противъ вѣчной мудрости природы, плящите о томъ, что безобразіе—безобразіе, смѣшное—смѣшнѣе, жалкое—только жалко;—возведите на степень права требованія героевъ *Записокъ сумашедшаго*, и вотъ явились Макаръ Алексѣичъ Двухкинъ, господинъ Голядкинъ, господинъ Прохарчинъ, всѣ эти герои зловонныхъ, темныхъ угловъ, герои, которые и действительно существуютъ, но во-первыхъ не одни же въ цѣломъ божьемъ мірѣ, а во-вторыхъ существуютъ не такими, какими создаютъ ихъ себѣ авторы... Даже даровитый авторъ *Записокъ охотника* заплатилъ дань этому несчастному направленію, и онъ въ лицѣ Мошкіна, испортившимъ его комедію «Холостякъ», выражалъ неудовольствіе противъ разумнаго порядка природы, и не одинъ онъ, многіе увлеклись этою одностороннею, болѣзненною точкой зрѣнія. Чудища, порожденныя ею, слишкомъ безобразны, и на нихъ долго останавливаться неужно.

3) Переходимъ теперь къ третьей категоріи литературныхъ произведеній, обязанныхъ бытіемъ своимъ творчеству Гоголя. Эти произведенія представляютъ собою простое изученіе и изображеніе дѣйствительности; нельзя сказать, чтобы всѣ онѣ одинаково чужды были заднихъ мыслей, да и трудно требовать этого въ наше время,—нельзя съ другой стороны сказать также, чтобы во всѣхъ ихъ, какъ въ произведеніяхъ первой и второй, группы проглядывала одна и та же задняя мысль, что уже весьма утѣшительно. Нельзя наконецъ, что еще болѣе утѣшительно, не замѣчать, что, чѣмъ болѣе даровитые люди, какъ гг. Тургеневъ, Григоровичъ, П. А—въ, сближаются, знакомятся съ избранною ими для изученія сферою жизни,—тѣмъ менѣе начинаютъ давить ихъ гнетъ задней мысли, тѣмъ свободнѣе становится ихъ творчество, а другой, истинный и сильный талантъ, каковъ г. Писемскій, начинаетъ высказывать свое прямое сочувствіе къ лицамъ

хотя сохраняет при этомъ всю непосредственность въ изображеніи явленій дѣйствительности. Нельзя не видать, однимъ словомъ, что дѣйствительность стоитъ на первомъ планѣ въ современной литературѣ, и что къ ней приступаютъ съ чистыми руками и съ желаніемъ правды. Различныя сферы жизни подвергаются художественной разработкѣ, и сфера большаго свѣта, и сфера низшаго быта.... Являются наконецъ произведенія уже вполне самобытныя, хотя выѣстъ съ тѣмъ представляющія собою разумное послѣдствіе точки отправления.

Такова настоящая минута. Остается намъ взглянуть теперь только на ея послѣднія произведенія, что и сдѣлаемъ мы въ нашей четвертой, заключительной статьѣ.

Новороссійскій календарь на 1852, изданный отъ Ришельевского Лицея. Одесса, въ Городской типографіи 1851.

Недалеко какъ въ прошломъ N нашего журнала мы говорили о Мѣсяцесловѣ и Кавказскомъ календарѣ; теперь передъ нами еще календарь Новороссійскій. Жаль, что этотъ календарь опоздалъ и не пріѣхалъ къ намъ выѣстъ съ другими. Говорятъ дорога не хороша, за Серпуховымъ вовсе нѣтъ снѣгу. Календарь не виноватъ, что такъ долго ѣхалъ; но невиноваты и мы, что мода на календари бываетъ только въ первыхъ числахъ Января, и потомъ очень скоро проходитъ, такъ что теперь не смотря на выгодное впечатлѣніе, которое сдѣлалъ на насъ Новороссійскій календарь, мы не можемъ поговорить о немъ подробно, боясь наскучить нашимъ читателямъ вѣчнымъ разговоромъ о календаряхъ. Скажемъ только, что и наружность и содержаніе этого новопріѣзжаго календаря тотчасъ показываютъ, что онъ пріѣхалъ изъ края образованнаго, гдѣ и самъ получилъ образованіе европейское, *que c'est un livre comme il faut*. Бумзга чистая, бѣлая, шрифтъ четкій и красивый; содержаніе говоритъ именно то, что нужно сказать въ календарѣ о Новороссійскомъ краѣ: оно не скупо и не болтливо, какъ разговоръ челоѣка хорошаго тона. Неправится намъ только обертка съ украшеніями не много аляповатыми. Если ужъ знаки Зодіака должны составлять необходимую принадлежность календаря, такъ ихъ бы лучше выставить на заглавной виньеткѣ; а на оберткѣ они составляютъ что-то въ родѣ тисненыхъ пуговицъ на фракѣ.

Къ календарю приложена карта Новороссійскаго края, очень хорошо выгравированная.

**ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ДРЕВНОСТЯХЪ ВОЖНОЙ РОССИИ И ВЪР-
ГОРЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.** Графа Алексѣя Уварова. Спб. 1851,
въ листъ. Съ аниграфомъ изъ слова о полку Игоревъ: «Были
вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были пѣлци Ольговы,
Ольга Святъславича».

Друзья просвѣщенія съ искреннимъ удовольствіемъ встрѣтятъ на
этомъ изданіи имя, для нихъ дорогое. Сынъ пошелъ блистательно по
слѣдамъ отца. Пожелаемъ ему подобнаго успѣха. Отецъ началъ свои
ученыя занятія, въ такихъ же молодыхъ годахъ, съ греческихъ древно-
стей. Въ объявляемомъ изданіи мы находимъ изслѣдованія также о гре-
ческихъ древностяхъ, но находящихся въ Россіи. Онѣ относятся къ
1850 году, а въ 1851 году молодой археологъ обратился уже къ
русскимъ древностямъ, — и мы радуемся отъ души такому направле-
нію, ибо любезны намъ Греки, любезны намъ Римляне, но любезнѣе намъ
всего наша Святая Русь! Жатвы въ ней много — собирайтесь дѣлатели!

Въ инструкціи, данной графу Уварову отъ общества, работы есть
лѣтъ на двадцать, — что онъ исполнилъ, Москвитянинъ постарается
показать послѣ подробнѣе, а теперь въ удовлетвореніе любопытства
читателей сообщимъ краткое оглавленіе.

Глава I, Днѣпровскіе пороги. Значеніе кургановъ въ древнія вре-
мена. — Извѣстность кургановъ въ древней Руси. — Особая насыпи, при-
нимаемая иногда за курганы. — Гдѣ въ Россіи курганы не встрѣ-
чаются? — Курганы сѣверные и южные. — Муравскій шляхъ. — Екатерино-
славъ. — Днѣпровскіе пороги. — Древности, находимыя въ порогахъ. —
1-й порогъ: Кайдацкій. — Курганы на берегу Днѣпра и Суры. — Погребеніе
скифскихъ царей. — 2-й порогъ: Пепасынецкій. — Фалеевскій каналъ. —
Находка византійскихъ монетъ. — Островъ Товалшанскій. — Переправа у
Кичкаса, извѣстная въ древности подъ именемъ Крарійской. — Верфь. —
Колонія Эмлаге и Кронсвейдъ. — Островъ Хортица. — Находка у коло-
ніи Розенталя. — Никополь. — Описаніе Кучугуръ; находимыя въ нихъ
памятники (золотыя украшенія, амфоры, монеты). Свѣденія 1831 и
1772 годовъ. — Свѣденія объ этомъ мѣстѣ у Птолемея.

Глава II, Бугскій лиманъ, Ольвія и ольвійскія поселенія. Херсонъ и
Днѣпровскій лиманъ. — Золотой мысъ. — Мысъ Гипполай или Стани-
славскій. — Храмъ Деметры. — Николаевъ. — Ильинское или Порутинно. —
Основаніе села Ильинскаго. — Ильинское при турецкомъ владычествѣ. —
Сто могилъ и городокъ. — Первое открытіе Ольвіи. — Общій видъ мѣст-
ности. — Первое поселеніе Милетянъ или Акрополь. — Городскія стѣны. —

Курганы, служившіе основаніями башенъ. — Башни, упомянутыя въ ольвійскихъ надписяхъ. — Народная площадь. — Пристань. — Водопроводы. — Какимъ образомъ отыскиваютъ въ Ольвіи древности и монеты. — Улицы. — Курганы. — Различные роды кургановъ. — Открытія. — Каменные постройки въ курганахъ. — Обзоръ разрытыхъ доселѣ въ Ольвіи кургановъ. — Скиескія стрѣлы. — Окрестности Ольвіи: на сѣверѣ: балки Чертова, Кроткова, Козырская, Малая Дереклея, Долгая Кошка; на югѣ: Аджигольскій городокъ. На лѣвомъ берегу бугскаго лимана: село Александровка, Кисляковка (*Кіультоє*). — Памятники греческіе. — Станъ Карла XII и Мазепы. — I) Ольвія, возстановленная по памятникамъ: А. храмы боговъ (поклоненіе Аполлону, Ахиллему, Астарть и проч.). Памятники необъясненные и относящіеся вѣроятно до религіи ольвійцевъ. — Б. Зданія общественныя (театръ, гимназія, мѣсто для выставки товаровъ, хлѣбный амбаръ. — Памятники. — В. Зданія частныя (дворецъ Скиеса, домъ Созія, загородный домъ Оропта). — II) Историческій взглядъ на Ольвію и на гражданскія ея учрежденія — III) Торговля и монеты ольвійскія. — IV) Художества и ремесла въ Ольвіи.

Изданія великолѣпнѣе въ Россіи не бывало. Атласъ состоитъ изъ множества видовъ, картъ, рисунковъ, изображеній монетъ и проч.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. ЖУКОВСКАГО. Изданіе 5. Томы I, II, III, IV, V, VI, VII.

Привѣтствуемъ новое изданіе нашего маститаго пѣвца, старшаго между живущими русскими литераторами, родоначальника новой русской поэзіи, которой первенцемъ былъ Пушкинъ. Мы посвятимъ Жуковскому особую статью, (тѣмъ болѣе, что на него, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, Державиннымъ, Ломоносовымъ, Богдановичемъ, и прочими вашими старыми славами, вознесено было много напраслины, пущено въ оборотъ много недѣлностей петербургскими журналами), — а теперь извѣстимъ нашихъ читателей, что это изданіе есть лучшее, ибо расположено въ хронологическомъ порядкѣ, котораго мы желаемъ изданіямъ и прочихъ нашихъ корифеевъ: Филарета, Инокентія, Державина, Пушкина....

Читатели старшихъ поколѣній найдутъ здѣсь много драгоценныхъ воспоминаній, напр. въ первомъ томѣ (1802—12) *Сельское кладбище Грея*, которое Жуковский, еще юноша, принесъ Карамзину, издателю Вѣстника Европы, и удостоился его благосклонности; *Лодкилу*, нѣкогда столь знаменитую, которая наслѣдовала славу бѣдной Лизы; *Двѣнадцатъ спланихъ дѣвъ и Свѣтлану*, отъ которыхъ повѣяло въ первый

разъ русскимъ духомъ, и наконецъ *Пьвца въ станъ русскихъ воиновъ*, котораго многіе стихи въ честь героевъ 1812 года знали наизусть наши отцы.

Хвала сподвижникамъ вождямъ!

Ермоловъ, витязь юный, (*)

Ты ратнымъ братъ, ты жизньъ полкомъ,

И страхъ твой перуны.

Раевскій, слава нашихъ дней,

Хвала! передъ рядами

Онъ первый грудь противъ мечей

Съ отважными сынами. (**)

Нашъ Милорадовичъ, хвала!

Гдѣ онъ промчался съ бранью,

Тамъ мнится смерть сама пропала

Съ губительною дланью. (***) и проч.

Во второмъ томѣ (1813 — 1817) читатели встрѣтятъ *послания*, столько знакомыя, къ Вяземскому, Воейкову, Батюшкову, Вас. Льв. Пушкину, *Долгову арфу*, Славянку, — и наконецъ *Красной карбункулы* съ *овсянымъ киселемъ*, которые возмутили столько въ свое время высокаго жреца поэзіи, Мерзлякова, викакъ не могшаго помириться съ мыслию, чтобъ кисель могъ быть описанъ языкомъ боговъ.

Въ третьемъ томѣ помѣщено *послание* Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, гдѣ Жуковскій воспѣлъ рожденіе ея первенца, Государя Цесаревича, которому судьба назначила быть наслѣдникомъ имперіи, воспѣлъ пророчески, какъ Державинъ воспѣвалъ рожденіе на стѣверѣ порфиророднаго отрока, Александра I. Здѣсь *Орлеанская дѣва*, съ новымъ языкомъ для Русской трагедіи, здѣсь *Пери и ангелъ*, и проч. (1818—1821).

Чтоже въ четвертомъ томѣ? Есть что перечесть съ услажденіемъ и въ четвертомъ томѣ: *Шильонскій узникъ*, *замокъ Смальгольмъ*, *Подробный отчетъ о лунѣ*, и проч. (1821—1831).

А въ пятомъ? *Ундина*, *Наль и Дамаянти*, и проч. (1832—1842).

Шестой, прежде вышедшій, заключаетъ стихотворенія послѣдняго періода.

Въ седьмомъ прозаическія статьи.

(*) Ему уже 75 лѣтъ теперь!

(**) Давно отошелъ къ отцамъ.

(***) Погибъ и этотъ воспитанникъ Суворова!

Осьмой и девятый томы заключаютъ *Одиссею*.

Сколько трудовъ, сколько подвиговъ, сколько наслаждений, сколько правъ на признательность соотечественниковъ (*).

ЧЕРНИГОВСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ, съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ *Малыя Россіи*, — *Шафонскаго*, 1787 года. Кіевъ. 1851. Въ 4 ку, с. XXII и 697, съ 4 грав. картами.

Важный историко-статистическій матеріалъ, изданіемъ коего наука обязана любознательности М. В. Судіенка, достойнаго председателя временной комиссіи, Высочайше утвержденной при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ. — *Шафонскій* и *Ригельманъ* — два важныхъ лица, два полезнѣйшихъ автора, которые оставили намъ описаніе Малороссіи своего времени, и собрали множество матеріаловъ для познанія древней.

Ригельмана знаютъ читатели *Москвитянина*. *Шафонскій* былъ сынъ сотника, воспитанъ нѣмцемъ, управителемъ гетмана *Разумовскаго*, и послѣ отправленъ отцемъ въ Германію, получилъ дипломъ доктора въ университетѣ *Лейпцигскомъ*. По возвращеніи въ отечество, онъ поступилъ на службу, въ 1763 г., подъ начальствомъ *Петра Ивановича Панина*, (который, кажется, тогда не былъ еще графомъ, въ чемъ издатель ошибся). *Шафонскій* во время моровой язвы находился въ Москвѣ, имѣлъ случай оказать многія услуги, издалъ послѣ нея описаніе. Остальное время своей жизни провелъ онъ на службѣ въ Малороссіи (**).

Издаваемое теперь описаніе Черниговскаго намѣстничества составлено въ 1786 году, а свѣдѣнія, необходимыя для этого, собираемы были сочинителемъ въ 1783 и 1784 годахъ, въ теченіе которыхъ онъ съ намѣреніемъ объѣзжалъ Черниговское намѣстничество. «Это сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей, не равныхъ по своему объему; одна часть составляетъ родъ введенія и заключаетъ въ себѣ краткое географическое и историческое описаніе *Малой Россіи* вообще. При всей краткости этой части, ученый авторъ превосходно и отчетливо представилъ

(*) *Жуковскій* издавалъ еще *Вѣстникъ Европы* въ 1809, 1810 и 1811 годахъ, перевелъ въ молодости *Донъ-Кишота* съ *Флоріанова* перевода. Пять частей переводовъ его въ прозѣ напечатано *Каченовскимъ*, съ портретомъ. Еще прежде *Французовъ* издалъ онъ *Избранныя Русскія сочиненія* въ стихахъ и прозѣ, по 5 или 6 томовъ, кажется, съ *Воейковимъ*.

(**) Напомяни читателямъ, что сынъ этого *Шафонскаго* былъ нѣсколько лѣтъ правителемъ канцеляріи у моск. генералъ-губернатора, князя *Д. В. Голицына*.

постепенное преобразование внутренней организаціи Малороссійскаго края, начиная со времени литовскаго и польскаго владычества въ Малой Россіи, до раздѣленія ея на три намѣстничества. Тутъ же помѣщены весьма занимательныя извѣстія о правахъ и свойствахъ народа, объ образѣ его жизни и обычаяхъ, относящихся къ глубокой древности, ко временамъ язычества. Вторую часть составляетъ собственно топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества, въ которой подробно описаны каждый уѣздъ и городъ. Множество статистическихъ свѣдѣній придаютъ этой части особенную цѣну и занимательность.»

Приложенныя карты отличны.

Изданіе вообще прекрасно, но еслибъ соблюсти въ печати побольше бережливости, то вся книга заняла бы вдвое менѣе мѣста, и слѣдов. могла бъ продаваться вдвое дешевле. Теперь на всякой страницѣ видишь большіе пробѣлы, особенно между параграфами: такія книги лучше всего печатать въ два столбца. Важнѣйшій недостатокъ изданія, — это отсутствіе азбучнаго указателя, котораго никакъ не замѣлеть пространное оглавленіе. Мы просимъ достопочтеннаго издателя пополнить этотъ существенный недостатокъ своего полезнаго труда.

Исторія о казакахъ Запорожскихъ, какъ оныя издревле зачалися, и откуда свое происхожденіе имѣють, и въ какомъ состояніи нынѣ находятца, сочиненная отъ инженерной команды. Издана со списка, хранящагося въ библіотекѣ кн. М. С. Воронцова, Одесскимъ обществомъ Исторія и Древностей. Одесса, 1851 г. Ст. V и 92.

Къ изданію этой исторіи, (соч. кн. Мышецкимъ) сказано въ предисловіи, Общество побуждалось тѣмъ: «а) что въ ней вѣрно и обстоятельно описываются управленіе, должностныя лица и нѣкоторые общественныя обычаи Запорожскаго войска, нѣкогда жительствовавшаго въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Херсонской и Екатеринославской; б) опредѣлительно показано время обнесенія Днѣпровскихъ береговъ Русскими укрѣпленіями; в) отчетливо обозначены рѣки и рѣчки, втекающія въ Днѣпръ, изъ которыхъ въ настоящее время нѣкоторыя уже не существуютъ; г) объяснены причины насыпанія нѣкоторыхъ кургановъ, въ значительномъ числѣ разбросанныхъ въ степяхъ Новороссійскихъ; и наконецъ тѣмъ, «д) что эта исторія, какъ офиціальныя документъ, дополняетъ собою «кругъ свѣдѣній подобнаго рода.»

Это сочиненіе было уже напечатано въ нашихъ Чтеніяхъ; въ новомъ

изданіи оно снабжено «пояснительными примѣчаніями, которыя имѣли «благосклонность сообщить: С. В. Сафоновъ, секретарь общества Н. «Н. Мурзакевичъ и дѣйствительный членъ Н. П. Вертилякъ. Обще- «ство, чтобы еще придать занимательности издаваемый имъ Исторіи, при- «ложило къ ней три рисунка, которые составляютъ теперь весьма рѣдкую «Запорожскую старину, это — портреты: полковника Аѳанасія Колпака, «казака Ивана Шыля и Гайдамака, со всѣми его походными принад- «лежностями. Независимо отъ исторіи князя Мышецкаго, общество «полезнымъ призвало присовокупить къ ней еще одинъ документъ Мо- «сковскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, сообщенный ему дѣй- «ствительнымъ членомъ княземъ М. А. Оболенскимъ; это: Описаніе «Запорожской сѣчи, состоящее въ четырехъ раздѣленіяхъ, показующихъ «положеніе Сѣчи, всѣхъ оной земель съ выгодами и лѣсными дачами, «также соединеніе Татаръ и происходящее отъ онаго Запорожцамъ «разрушеніе, которое составилъ въ 1766 году секретарь Иностранной «Коллегіи Василій Чернявскій, посланный туда для разбора взаимныхъ «жалобъ Запорожцевъ и Татаръ Едичкульскихъ, Джамбулукскихъ и «Едисанскихъ. Въ этомъ драгоценномъ документѣ обстоятельно обозна- «чены границы земель Запорожскихъ, показаны съ точностью: число «казачковъ, ихъ домовъ и зимовниковъ, а также хозяйственный бытъ. «Все это Чернявскій, какъ онъ выражается: по долговременному его въ «Кошѣ пребыванію, откровенному съ Запорожскими казаками обращенію «и многократному по всей ихъ степи разѣзду, примѣтилъ; и что, до «сего времени, положительнымъ образомъ, было неизвѣстно.»

Картинки въ самомъ дѣлѣ очень любопытны.

ОПИСАНІЕ Оранскоѣ Богородицкоѣ пустыни, состав-
ленное профессоромъ Іеромонахомъ Макаріемъ, въ пользу бѣд-
ныхъ духовнаго званія. Москва. 1851 г. Въ тип. Готье. Стр.
108, въ 8 д. л.

Оранская Богородицкая пустынь, находящаяся въ Нижегородскомъ
уѣздѣ, разстояніемъ отъ Нижняго въ 50, а отъ большой дороги,
ведущей изъ Нижняго къ Арзамасу, въ 15 верстахъ, и извѣстная
своею чудотворною иконою, составляетъ замѣчательную святыню Ни-
жегородской губерніи. Изъ пустыни каждый годъ, въ субботу на
Пасхѣ, приносятъ Оранскую Божию мать въ Нижний-Новгородъ,
гдѣ каждый житель спѣшитъ принять ее въ своемъ домѣ. Не-
достатокъ исторіи Богородицкой пустыни, а вмѣстѣ съ нею и

исторіи чудотворнаго ея образа, пополненъ трудами профессора Макарія. Изъ книги его мы узнаемъ, что, когда на теперешнемъ мѣстѣ пустыни былъ *разчищенъ мѣсъ; а земля распатана, то и мѣсто было названо: «Орано поле»*, откуда произошло и названіе пустыни. Основателемъ Оранской пустыни былъ дворянинъ Петръ Андреевичъ Глятковъ. Жаль, что авторъ слишкомъ кратко рассказываетъ біографію основателя, отъ которой книга могла бы получить болѣе интереса. Оранская Божія Матерь есть списокъ Владимірской, находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Книга профессора Макарія вполне удовлетворяетъ требованіямъ историческаго описанія. Въ числѣ прочихъ историческихъ актовъ, авторъ приводитъ грамоту, жалованную пустыни царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, котораго милостими пустынь поддерживаема была во времена бѣдствій, претерпѣваемыхъ ею отъ Мордвы. Разсказавши о бѣдствіяхъ пустыни, авторъ приводитъ чудеса Оранской Божіей Матери, постепенно прославлявшія и обогащавшія пустынь, находящуюся теперь въ цвѣтущемъ состояніи. Трудъ профессора Макарія заслуживаетъ полнаго уваженія тѣмъ болѣе, что книга издана съ цѣлью христіанскаго милосердія.

Два брата или Москва въ 1812 году. Романъ въ двухъ частяхъ, Р. М. Зотова. С. Петербургъ. Въ тип. Эдуарда Веймара. 1851. Въ 12 д. стр. 269 и 385.

Мы не читали романовъ Р. М. Зотова со временъ его *Леонида и Таинственнаго Монаха*; говоримъ не читали не въ томъ смыслѣ, чтобы г. Р. Зотовъ съ тѣхъ поръ ничего не писалъ, а такъ просто не читали. И вотъ наконецъ, говоря стихомъ поэта, «послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ» судьба привела насъ прочесть новое произведение автора *Таинственнаго Монаха*. Грустное впечатлѣніе сдѣлалъ на насъ этотъ новый романъ, не потому, что содержаніе его грустно, а совсѣмъ по другой причинѣ.... Съ тѣхъ поръ, какъ *Леонидъ* и *Таинственный Монахъ* вышли въ свѣтъ, свѣтъ много переѣмнился: онъ далеко ускорилъ по желѣзной дорогѣ, онъ ѣздитъ изъ Москвы въ Петербургъ въ 22 часа, а авторъ не сдѣлалъ ни одного шага впередъ.... Сдерите годъ изданія и съ старыхъ и съ новыхъ его романовъ, дайте ихъ прочесть человѣку, которому романы автора совершенно неизвѣстны, и вы увидите, что онъ никакъ не угадаетъ: какой романъ написанъ прежде: *Леонидъ* или *Два брата*. Содержаніе *Двухъ братьевъ* такъ многосложно,

что страшно подумать о немъ. Мы постараемся однако жъ разсказать его со всевозможными зависящими отъ насъ сокращеніями.

Между Москвой и Владиміромъ живетъ богатый помѣщикъ Сельминъ, страшный хлѣбосоль, который до того закармливаетъ и запиваетъ своихъ гостей, что гости наконецъ отъ него бѣгаютъ. Къ счастью Сельмина деревня его недалеко отъ большой дороги и даже отъ станціи. Сельминъ, по страсти своей къ гостепріимству, отдаетъ приказаніе и станціонному смотрителю и ямщикамъ, не давать лошадей ни одному проѣзжающему безъ того, чтобы проѣзжающій не захалъ къ нему въ гости. Приказаніе это исполняется въ точности, во-первыхъ потому, что и ямщики и станціонный смотритель уважаютъ и боятся Сельмина; во-вторыхъ потому, что дѣйствіе происходитъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія, а самое главное потому, что въ романѣ чего не дѣлается.... На станцію пріѣзжаетъ какой-то таинственный путешественникъ. Ему объявляютъ волю Сельмина; онъ и слышать не хочетъ. Но сила солону ломить, говоритъ пословица; незнакомцу не даютъ лошадей, и онъ, разсудивъ, что ужъ лучше ѣхать куда-нибудь, чѣмъ сидѣть на станціи, рѣшается ѣхать къ Сельмину, у котораго въ это самое время идетъ пиръ горой, по случаю проводовъ сына, гвардейскаго офицера, бывшаго у отца въ отпуску. Незнакомецъ находитъ въ хозяинѣ очень умнаго и любезнаго человѣка; въ сынѣ его и подавно. На другое утро онъ хочетъ однако жъ ѣхать. Сельминъ не противится, но только спрашиваетъ, куда онъ ѣдетъ. Незнакомецъ отвѣчаетъ, что и самъ не знаетъ куда. «Такъ останьтесь у меня погостить» говоритъ Сельминъ. Незнакомецъ соглашается, и наконецъ остается у Сельмина на всегда, только поселившись не въ домъ его, а въ уединенномъ павильонѣ, который Сельминъ выстроилъ за нѣсколько лѣтъ назадъ, на чудесномъ мѣстоположеніи, собственно для своей потѣхи, и никакъ не предполагая, что онъ пригодится для добраго человѣка.

Живетъ незнакомецъ въ павильонѣ и годъ и два, и пять лѣтъ. Лечитъ больныхъ крестьянъ, учитъ агрономіи самаго Сельмина, и вся окрестность знаетъ его только подъ именемъ пустытника, а самъ Сельминъ знаетъ о немъ только то, что его зовутъ Григорьемъ Григорьевичемъ, и что онъ очень несчастливъ.

Въ одно прекрасное утро (въ романѣ именно сказано, что въ прекрасное) у воротъ господскаго двора Сельмина нашли подкинутаго ребенка. Сельминъ и пустыжникъ, который на этотъ разъ ночевалъ у него, пошли смотрѣть находку. Ребенокъ былъ мальчикъ лѣтъ пяти,

очень хорошенкій и очень хорошо одѣтый. Въ корзинѣ, гдѣ онъ лежалъ сонный, нашли письмо. Оно отпослано именно къ пустыннику, и когда пустынникъ прочелъ его, для читателя объяснилось, что у пустынника есть братъ, который подозреваетъ его въ грѣхъ, подобномъ грѣху г. Антуана (*); что ребенокъ сынъ брата, который однако жъ не считаетъ его своимъ сыномъ, а сыномъ пустынника, а потому и передаетъ ему ребенка съ рукъ на руки. Изъ нѣкоторыхъ восклицаній пустынника видно, что это обвиненіе несправедливо; но онъ беретъ мальчика на свое попеченіе и воспитываетъ его какъ Руссо своего Эмиля.

Все это еще только прісказка, т. е. все это еще только *Два брата, а Москва въ 1812 году* впереди.

Но вотъ Саша (такъ зовутъ мальчика) вырастаетъ. Его пора отдать въ учебное заведеніе, и пустынникъ ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Только какъ опредѣлить его? подѣ настоящимъ именемъ нельзя, потому, что отецъ уничтожилъ его метрическое свидѣтельство (вѣроятно тоже на основаніи какого-нибудь романческаго узаконенія); надобно отдать подѣ именемъ вымышленнымъ. Въ этомъ помогаетъ пустыннику одна значительная духовная особа. Саша поступилъ въ университетскій пансіонъ, а пустынникъ поселяется въ одномъ изъ загородныхъ монастырей Москвы, у той самой духовной особы, которая ему покровительствуетъ. Въ Москвѣ Саша видится съ своей матерью и съ своимъ отцомъ. Мать встрѣчается съ нимъ въ церкви, узнаетъ сына и падаетъ въ обморокъ; отецъ узнаетъ о свиданіи матери съ сыномъ и страшно сердится.... Къ счастью наступать наконецъ 1812 годъ; говоримъ къ счастью — потому, что этотъ годъ, бѣдственный для цѣлой Россіи, чрезвычайно какъ отраденъ для читателей г. Зотова: онъ перерываетъ всю эту мелодраматическую путаницу, половину которой мы еще пропустили, и выдвигаетъ на сцену эпизоды своей незабвенной исторіи. Г. Зотовъ описываетъ нѣкоторыя событія Бородинской битвы, пожаръ Москвы; выводитъ на сцену Тучкова, Баграціона, Кутузова, и наконецъ самаго Наполеона. Худо ли, хорошо ли все это описано, ново ли, старо ли все это для насъ, но событія 1812 года таковы, что всегда возбуждаютъ интересъ. Разумѣется, что во всѣхъ этихъ событіяхъ участвуютъ и герои романа, хотя въ нихъ тутъ нѣтъ ровно никакой надобности. Саша, который сначала до того страдалъ болѣзненною трусости, что, бывъ опредѣленъ пустынникомъ въ

(*) Романъ Жоржъ-Сандъ.

Московское ополченіе, хотѣлъ даже бѣжать отъ войны, нарядившись въ женское платье, и уѣхавъ въ деревню съ своей матерью, вдругъ воспламенился храбростію въ ту минуту, когда на ихъ карету напала толпа французовъ. Запасшись на всякой случай оружіемъ, онъ убиваетъ одного француза изъ пистолета; вскакиваетъ, въ своемъ женскомъ нарядѣ, на лошадь убитаго, и кладетъ на мѣстѣ еще трехъ враговъ, кого саблей, кого пистолетомъ, однимъ словомъ, дерется какъ паладинъ рыцарскихъ романовъ временъ Донъ-Кихота. Наконецъ однако жъ ему приходится плохо, потому что въ самомъ дѣлѣ не Амадисъ же онъ какой-нибудь. Но въ самую критическую минуту къ нему поспѣваетъ на помощь полковникъ Сельминъ, съ своимъ отрядомъ, сынъ того самаго Сельмина, у котораго жилъ пустынникъ. Послѣ этой первой битвы, Саша снова надѣваетъ свой ополченный мундиръ и спѣшитъ на битву Бородинскую. Тамъ онъ раненъ. Его отправляютъ въ Москву, гдѣ онъ и помѣщается въ монастырь у своего дяди, т. е. у пустынника, который, вмѣстѣ съ настоятелемъ и со всею монастырскою братією, не хотѣлъ бѣжать изъ Москвы отъ французовъ. Въ монастырь, во время обѣдни, для слушанія которой ежедневно стекался народъ изъ Москвы, французскіе солдаты начали дѣлать оскорбленія архимандриту. Народъ вступился, началась битва. Въ этой свалкѣ архимандритъ и пустынникъ погибли, но озлобившійся народъ, заперевъ изнутри двери церкви, перебилъ и всѣхъ бывшихъ въ ней французскихъ солдатъ. Между тѣмъ въ церковь ломится цѣлый отрядъ французовъ на помощь своимъ товарищамъ. Дверь должна уступить: къ ней подвозятъ орудіе. Но изъ церкви есть подземный выходъ въ поле, который пустынникъ показалъ Сашѣ заблаговременно. Тамъ же положилъ онъ рукопись, которую Саша долженъ былъ прочесть послѣ его смерти. Саша ушелъ черезъ подземелье вмѣстѣ съ монахами, разумеется не забывъ и рукописи. Изъ монастыря онъ опять попадаетъ во Владимирскую губернію, только ужъ не къ Сельмину, а къ какому-то Ивану Васильевичу; и сыскавъ у него въ домѣ пріютъ, читаетъ тамъ, на досугъ, рукопись. Это дневникъ пустынника, чрезвычайно скучный и растянутый. Самъ авторъ романа говоритъ, что каждый разъ, какъ только Саша принимался за этотъ дневникъ, его тотчасъ одолевала совесть. Намъ кажется, что это самое въроятное мѣсто въ романѣ, потому что дневникъ производитъ точно такое же дѣйствіе и на читателя. Изъ дневника видно, что пустынникъ ни въ чемъ не виноватъ передъ своимъ братомъ, а братъ во всемъ виноватъ передъ нимъ; потому видно, что пустынникъ былъ въ плѣну въ Константинополѣ, и тамъ работалъ въ саду у какаго-то аги, гдѣ влюбился въ него двѣ

гаремныя невольницы, сперва грузинка, а потомъ гречанка, которыя выдались съ нимъ по ночамъ въ кіоскъ. Грузинку за эту шалость завязали въ мѣшокъ и бросили въ море; гречанка была счастливейше, — ее не утопили, и она еще помогла пустынноику убѣжать. Только, когда онъ возвратился въ Россію, оказалось, что по спискамъ его зачислили убитымъ; а потомъ и самъ онъ не захотѣлъ воскреснуть для семейнаго спокойствія своего брата. Въ эту-то эпоху жизни своей поѣхалъ онъ куда глаза глядятъ, и попалъ къ Сельмину....

Саша пробылъ въ деревнѣ у Ивана Васильевича именно столько времени, сколько было нужно ему для прочтенія скучнаго дневника; какъ только кончилъ онъ послѣднюю страницу, тотчасъ же уѣхалъ въ армію, а Иванъ Васильевичъ и съ супругой своей Софьей Ивановной, которыхъ авторъ вывелъ для того только, чтобы Саша у нихъ прочиталъ дневникъ, совершенно скрылись со сцены. Стоило ли автору беспокоить добрыхъ людей изъ-за такой бездѣлицы!..

Въ арміи Саша снова встрѣтился съ отцомъ, который послѣ смерти пустынноика сталъ смотрѣть на него гораздо благосклоннѣе; а увидѣвъ наконецъ изъ дневника, оставшагося у Саши, всю истину, призналъ его наконецъ своимъ сыномъ. Тутъ дѣйствіе романа двигается вмѣстѣ съ русской арміей: переходитъ черезъ Березину, останавливается подъ Бауцею, подъ Лейпцигомъ, и оканчивается тамъ, гдѣ кончилась и огромная драма, начавшаяся въ 1812 году, т. е. подъ Парижемъ. Саша вмѣстѣ съ отцомъ, который былъ ужъ тогда дивизіоннымъ генераломъ, берутъ приступомъ Монмартръ. Они оба смертельно ранены и оба въ ту же ночь умираютъ въ одной и той же хижинѣ. . . Миръ праху ихъ! Пора отдохнуть и намъ и читателямъ.

Виповать, я еще забылъ сказать, что Сашина отца звали Иванъ Григорьевичъ Зембинъ, и что Саша въ продолженіи своей краткой жизни успѣлъ быть влюбленъ въ Машеньку Леонову, которая ему измѣнила и вышла за полковника Сельмина.

Всѣ дѣйствующія лица этого романа совершенно безцвѣтны, или, лучше сказать, это «образы безъ лицъ»; всѣ событія натянуты. Тутъ нѣтъ ни жизни, ни теплоты, ни естественности. Этотъ романъ чисто принадлежитъ къ старинной школѣ, не Вальтерскотовской, — Боже насъ сохрани употребить это выраженіе, — но къ школѣ несчастныхъ его подражателей, изъ которыхъ многіе, кромѣ указанныхъ нами недостатковъ, страдаютъ еще тѣмъ, что въ ихъ романахъ историческая часть никакъ не соединяется съ романтической. Такъ точно и здѣсь, *Два брата* служатъ только очень неловкими мелодраматическими подмостками для картины *Москвы въ 1812 году*.

СВАДЬБА. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Н—ев. Тифлисъ. 1851. Въ тип. Восточныхъ языковъ г. Гуляницъ; въ 8 д. л. стр. 50.

Кавказскій водевиль гораздо хуже Кавказскаго календаря, о которомъ мы недавно говорили.... совершенно согласны, что сравнивать водевиль съ календаремъ довольно странно; просимъ въ этомъ извиненія у читателей, а еще больше у автора, но что же намъ дѣлать, если самъ водевиль навелъ насъ на такое сравненіе....

Вотъ имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ водевиля: Агамаль Ростомычъ Лапчинъ, Устабашъ, Шушана, Кекело, Дарико, Гиго Алавердовъ, Татело, Лало. — Всѣ эти имена, вѣроятно, имѣютъ свой интересъ и свой мѣстный колоритъ для Кавказа, но на нашъ слухъ они дѣйствуютъ точно такъ же — опять просимъ извинить за сравненіе, — какъ названія китайскихъ чаевъ. Впрочемъ въ водевилѣ есть дѣйствующія лица и съ русскими именами, какъ на прим. Наталья, Капитонъ Демьянычъ, Антонъ Ивановичъ и еще нѣкоторыя другія. Содержаніе водевиля коротко, даже гораздо короче списка его дѣйствующихъ лицъ. Наталья хочетъ выдти за мужъ за Гиго Алавердова, не смотря на его мудреное имя; матери Натальиной, Шушанъ, хочется ее выдать за Капитона Демьяныча, потому именно, что онъ Капитонъ Демьянычъ, т. е. не армянинъ и не грузинъ, а русскій чиновникъ. Къ счастью Натальи открывается, что у Капитона Демьяныча есть ужъ жена въ Россіи. Капитонъ Демьянычъ посрамленъ, а Гиго Алавердовъ торжествуетъ. Содержаніе въ водевилѣ, разумѣется, ничего не значить, и изъ всякаго содержанія можно сдѣлать, съ умнѣемъ, умный и забавный водевиль; но о кавказскомъ водевилѣ и въ этомъ отношеніи можно сказать то, что говорить самъ авторъ въ послѣднемъ его куплетѣ:

Но если проскуцавши съ нами,
Не скажете спасибо намъ,
Такъ авторъ здѣсь же, передъ вами,
За все пускай отвѣтитъ самъ!

Для чего этотъ водевиль напечатанъ и для чего онъ прокатился изъ Тифлиса въ Москву, на это пускай отвѣтитъ тоже самъ авторъ.

Современникъ. Ливаръ, 1852.

«Львы провинціи», повѣсть г. Панаева, не можетъ нравиться, мы думаемъ, даже самому автору. Содержаніе ея взято частію изъ провинціальнаго помѣщикаго, частію изъ великосвѣтскаго быта; составлена она рѣшительно по рецепту: съ одной стороны изображена провинціальная дѣвушка, способная перешагнуть за черту своей среды, которая слѣдовательно не находитъ удовлетворенія въ окружающемъ ее мірѣ; съ другой стороны выведенъ князь, человекъ молодой, но уже развратный, которому успѣло все надобѣ и т. д. Онъ пріѣзжаетъ въ свою деревню, въ сосѣдство съ данной барышней, и привозитъ съ собой двухъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ негодай, другой дуракъ. На этомъ пока остановилась повѣсть; читатель, естественно, долженъ ожидать (если только г. Панаевъ не введетъ въ свою повѣсть *чудеснаго*), что князя и барышню ожидаетъ столкновеніе, которое дурно кончится для молодой дѣвушки. Такимъ образомъ читатель не найдетъ здѣсь ничего не только новаго, но даже такого, чего бѣ онъ не зналъ давнымъ давно панзустъ. Въ изображеніяхъ подробностей такъ много ложнаго и грубаго, что намъ совѣстно даже останавливать на нихъ вниманіе нашихъ читателей. Непріятнѣе всего то обстоятельство, что отношенія автора къ его львамъ мягче, чѣмъ бы слѣдовало; чтобы изображать достойнымъ литературы образомъ такіа явленія жизни, писателю должно уйдти отъ нихъ на такое разстояніе, чтобы каждая ихъ черта, каждая подробность являлась читателю пораженной и осмѣянной. Въ противномъ случаѣ впечатлѣніе отъ повѣсти будетъ такое же, какое испытывается въ обществѣ льва; каково же это?

За второй повѣстью слѣдуетъ разсказъ г. Григоровича, «Смедовская долина».—Г. Григоровичъ давно уже пріобрѣлъ въ нашей литературѣ значительную извѣстность изображеніемъ крестьянскаго быта. Никакъ не думая унижать его достоинства, какъ писателя, мы все-таки скажемъ, что извѣстностью своей онъ обязанъ первоначально занимательности изображаемой имъ жизни. Въ наше время, когда исключительное вліяніе западной цивилизаціи на нашу жизнь прошло, а вмѣстѣ съ тѣмъ миновалось и слѣпое поклоненіе ей, когда съ другой стороны главной задачей русской мысли сдѣлался вопросъ о существѣ нашей народности, всеобщее напряженное вниманіе обратилось на тѣ сословія нашего народа, которыя не испытали на себѣ чуждаго вліянія, и сохранили, на

сколько было можно, первоначальныя народныя черты. Отсюда объясняется то участіе, съ которымъ принимаетъ наше общество произведенія г. Тургенева, изображающія крестьянскій бытъ, оставаясь равнодушнымъ къ «Холостяку»; отсюда объясняется и успѣхъ г. Григоровича. — Его первыя произведенія, хотя обличили въ немъ талантъ, были однако созданы не свободно, подъ вліяніемъ постороннихъ искусствъ стихій; и если бы онъ остался при своемъ прежнемъ взглядѣ на изображаемую имъ дѣйствительность, его дарованіе пропало бы даромъ для нашей словесности. — Къ счастью, ближайшее ли знакомство съ деревней, или возмужалость дарованія, сняла съ глазъ его повязку и указала ему новыя стороны въ бытѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность новыхъ къ нему отношеній. Вслѣдствіе чего появился рядъ изображеній сельскаго быта, съ характеромъ идиллическимъ, единственно приличнымъ этому роду въ настоящее время. И не смотря на недостатки г. Григоровича, какъ бытописателя и художника, о которыхъ мы скажемъ ниже, прежде всего мы считаемъ своей обязанностью выразить свое сочувствіе къ его направленію, и сказать ему, что одна любовь и вниманіе къ той дѣйствительности, которую онъ изображаетъ, уже свидѣтельствуетъ о писателѣ, какъ о человѣкѣ живомъ и здоровомъ. Стоитъ только вспомнить при этомъ всю непривлекательность мрачныхъ и больныхъ фигуръ, сожалѣвшихъ о перемѣнѣ его направленія. «Смедовская долина» г. Григоровича даетъ намъ удобный случай сказать объ недостаткахъ этого писателя, въ исполненіе даннаго выше общаго, а еще болѣе для пользы того дѣла, которому г. Григоровичъ служить, а общество вполне сочувствуетъ. Главный недостатокъ г. Григоровича состоитъ въ томъ, что онъ не успѣлъ еще настоящимъ образомъ усвоить себѣ характеръ простонароднаго быта; въ его пріемахъ много еще искусственнаго и ложнаго, онъ смотритъ на простолюдина не свободными глазами, т. е., беретъ отъ него не то, что тотъ можетъ дать, а ищетъ часто того, чего бы мы и не пожелали въ немъ найти. Изъ этихъ непрямыхъ отношеній къ быту выходитъ дѣло такого рода: встрѣчается г. Григоровичу въ крестьянской жизни событіе, не только полное, но, можно сказать, обремененное драматизмомъ; художнику оставалось бы только уловить пружины этой лишенной эффектовъ драмы и выразить ихъ съ приличной дѣлу выпуклостію. Тутъ нѣтъ нужды прибѣгать къ помощи постороннихъ обстоятельствъ и драматизировать событіе извнѣ, французскими средствами. А г. Григоровичъ не удовлетворяется дѣйствительною драмою событія, онъ какъ будто опасается за его важность и часто насильственно вводитъ

въ него неприличныя ему стихіи, принадлежащія совершенно другой области. Можно подумать иногда, что г. Григоровичъ изыскиваетъ въ крестьянской жизни такія черты, которыя напоминали бы собою жизнь цивилизованную, и, такъ сказать, возвышали бы простолюдина до образованнаго чловѣка; тогда какъ занимательность дѣла не въ томъ, чтобы наши черты ловить въ быту крестьянскомъ, а наоборотъ: чтобы правильнымъ изображеніемъ чертъ, свойственныхъ исключительно простолюдину, будить въ насъ представленіе о нашемъ первообразѣ и способствовать окончательному освобожденію отъ вредныхъ крайностей чуждаго вліянія, осмысленныхъ Кантемиромъ, Фон-Визинымъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ. Такъ на пр. событіе, разсказанное въ «Смодовской долині», само по себѣ есть событіе чисто драматическое. Въ одной приокской деревнѣ жилъ рыбакъ Савелій съ сыномъ Мишуткой; въ этой деревнѣ народъ испоконъ вѣка занимался рыбной ловлей, только въ послѣдніе года стали брать работу на фабрикахъ. Учили сосѣди Савелью говорить: отпусти, молъ, Мишутку на фабрику; малъ, малъ, а въ годъ все таки рублей десятокъ тебѣ принесетъ. Савелью-то не хотѣлось было отпустить сына, фабричная жизнь ему не больно правилась; до тутъ время подошло тѣсное, ловъ годъ отъ году сталъ плоше, думалъ думалъ дядя Савелій, отдалъ сына къ сосѣду богатому, къ Карпу. Сталъ Мишутка подростать, да сталъ пошаливать (народъ-то кругомъ набалованный), сталъ трубку курить, съ дѣвками забавляться. А у Карпа дочь на возростъ; дѣло молодое, — и случись грѣхъ. Сначала Карпъ покричалъ было, а тамъ видить, взять нечего, и отдалъ дочь за Михайла. Дядѣ Савелью и не думалось, чтобы Параша хозяйка была для дому хорошая, а ничего: выпла такая смиренная, да покорная, значить, мужа любила. Родилась у нихъ дочь; и взяли они въ батрачки къ себѣ старую дѣвку, Лукерью. Съ той поры все вверхъ дномъ пошло: завладѣла Лукерья Михайлой, отъ жены совсѣмъ отбила. Дяди Савелій видить, дѣло плохо, кое-какъ Лукерью изъ дому выжилъ, еще того хуже пошло: Михайло изъ дому пропадать сталъ, что ни заработаетъ все съ Лукерьей пропьетъ да прогуляетъ, жену больно ужъ обижать сталъ. Параша терпѣла, терпѣла, наконецъ того ночью взяла ребенка и убѣжала изъ дому. Прошелъ годъ; о Парашѣ ни слуху, ни духу, а Михайло связался съ Лукерьей, про жену и думать забылъ. Вотъ и прѣзжаетъ разъ къ Карпу Ивановичу купецъ съ краснымъ товаромъ (еще какъ-то съ родни ему приходился), да и говоритъ, что видѣлъ, молъ, вашу Парашу въ этакое-то на примѣръ мѣстѣ. Услыхалъ Михайло; сначала-то ничего, а какъ сталъ

ему отецъ говорить, что не хорошо, молъ, ты сдѣлалъ, за что ты жену погубилъ, сталъ Михайло задумываться, шъ пьетъ, шъ ѣстъ; сталъ онъ вспоминать прежнее житье, какъ ему Параша полюбилась, какъ ее за себя взялъ. Пойду, говорить, приведу ее домой. А Параша пристала къ какому-то богатому мужичку, сказалась вдовой, и живетъ въ батрачкахъ. И полюбилась она хозяйскому сыну; долго онъ ее уговаривалъ, да заманивалъ, подъ конецъ таки уговорилъ, и стали они жить, какъ мужъ съ женой. На ту пору и пришелъ за ней Михайло; пришелъ онъ въ эту деревню, выждалъ, какъ она одна на рѣчку пошла, онъ къ ней, и сталъ ее упрашивать, да умаливать, чтобы она домой шла съ нимъ. Она наотрѣзъ отказала, не пошла.—Вернулся Михайло домой, сталъ пуще прежняго пить, да гулять, да пьяный-то и расскажи фабричнымъ про жену. Фабричные научили его бумагу подать. Парашу привезли по пересылкѣ, посадили въ острогъ, а тамъ переслали въ Москву, а тамъ и на поселенье. Михайло съ горя ушелъ въ бурлаки. И остался дядя Савелій одинъ-одинехонекъ; и долженъ быть на старости лѣтъ идти въ чужіе люди, скотину пасти. Таково содержаніе разсказа г. Григоровича; неужели, оставаясь въ своей первоначальной простотѣ, при собственныхъ своихъ средствахъ, оно показалось бы кому-нибудь не достаточно драматичнымъ? И неужели была автору нужда, при такомъ обильномъ содержаніи событія, сообщать ему излишнюю трогательность изображеніемъ пересыльной сцены? Если судебное наказаніе и должно было взойти въ разсказъ, по смыслу происшествія, то объ немъ слѣдовало упомянуть глаго, а на главный плавъ вылавинуть игру страстей и отношеній, которая составляетъ истинную принадлежность художественныхъ произведеній.—А эта сторона дѣла у г. Григоровича осталась въ тѣни; изъ пр. отношенія Михайла къ Лукерѣ только что выведены, а нисколько не объяснены; тоже должно сказать и о до-свадебныхъ отношеніяхъ Михайла къ Парашѣ, которыя представлены только въ намекахъ; однимъ словомъ, вся внутренняя сторона этого событія не обратила на себя должнаго вниманія автора; это обстоятельство намъ непріятно особенно въ томъ отношеніи, что въ нѣкоторой части общества до сихъ поръ еще существуетъ ложное мнѣніе, неосторожно высказанное въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, будто бы наша народная жизнь не представляетъ художнику никакихъ матеріаловъ для драмы.—Обращаемся къ г. Григоровичу еще съ вопросомъ. Для чего на пр. онъ стремится опоэтизировать дядю Савелья и его положеніе? Къ чему на пр. онъ говоритъ про него въ

слѣдующихъ выраженій: «онъ видимо радовался встрѣчѣ съ собесѣдникомъ: *быть можетъ, бѣднякъ по цѣлымъ днямъ ничего не видалъ, кромѣ Сизго* (собаки)», или: «онъ самъ былъ очень радъ высказать то, что въ продолженіе многихъ лѣтъ не находило случая высвободиться изъ его груди?» Слово «бѣднякъ» рѣшительно переведено съ французскаго. И какъ бы могло это случиться, чтобы въ продолженіе многихъ лѣтъ дядя Савелій не нашелъ, кому передать свое горе? Помилуйте, возможно ли это, при такой разговорчивости нашего народа, при такой любви передавать свое и выслушивать съ участіемъ чужое горе? И за чѣмъ въ такой сладкой формѣ представлять любовь Савелія къ рыбацкому ремеслу? Это все замашки французскаго творчества, которое такъ любитъ изображать трогательное и ужасное въ преувеличенномъ видѣ. — Во Франціи это недостатокъ народный; тамъ неизбеженъ онъ для самыхъ лучшихъ художниковъ страны. — Какъ ни привлекательны идилліи «*Maître au Diable*» и «*François le Champri*»; все таки въ нихъ есть эта преувеличенность. Такъ пусть же это и остается за Франціей: наше искусство должно противо-дѣйствовать этой ложной манерѣ; стыдно было бы намъ, съ нашими художественными дарованіями, идти по слѣдамъ французской школы. Не можемъ также не поставить на видъ г. Григоровичу недостатокъ въ языкѣ его произведеній. — Это, признаемся, въ нашихъ глазахъ дѣло чрезвычайно важное, и не только важное, но даже насущное: какъ только писатель взялъ на себя изображеніе извѣстнаго быта, первое условіе — языкъ. Если хорошъ, т. е., вѣренъ изображаемому обществу языкъ, то, не смотря на недостатки другаго рода, произведеніе можетъ имѣть цѣну, по крайней мѣрѣ, какъ сборникъ любопытныхъ выраженій. — Если же въ уста дѣйствующихъ лицъ вложена несоотвѣтствующая имъ рѣчь, тогда дѣло кончено: значить, писатель нисколько не знакомъ съ бытомъ; ужъ если онъ не знаетъ внѣшняго образа, языка, такъ что ужъ и говорить про внутреннее, про душу? Г. Григоровичъ не успѣлъ еще надлежащимъ образомъ усвоить себѣ народную рѣчь, онъ, такъ сказать, до сихъ поръ остается ея ученикомъ, никакъ не мастеромъ; до сихъ поръ какъ будто замѣтно, что онъ имѣетъ нужду вслушиваться постоянно въ разговоръ народа и даже запоминать цѣликомъ его выраженія; не видать, чтобы онъ свободно распоряжался рѣчью, былъ бы самъ ея неизсякаемымъ источникомъ. Это выражается, на пр., въ томъ, что, когда онъ заставляетъ говорить простолюдина, то влагаетъ ему въ уста безъ расчета характерныя выписки фразы, отъ чего рѣчь дѣлается гро-

моздкой, натянутой, ложной; иное дѣло мастеръ: онъ не будетъ ставить сплошь эпическихъ выраженій, не побойтся, что его языкъ сочтутъ безъ этого безцвѣтнымъ; онъ знаетъ, что и народъ говорить не все эпически, а какъ ему придется: рядомъ съ эпическимъ выраженіемъ употребляетъ самое обыкновенное, и рѣчь выходитъ свободна и изящна. На пр. г. Григоровичъ не скажетъ: «я бывалъ тамъ-то,» а непременно скажетъ: «мнѣ приводилось бывать.» Не то, чтобы это послѣднее выраженіе было не въ духъ народнаго языка, но дѣло въ томъ, что оно владѣетъ г. Григоровичемъ. Напрасно также г. Григоровичъ вноситъ въ свой языкъ мѣстные особенности; на пр. частица «то», при словахъ *такой* и *такъ*, составляя особенность тульского и рязанскаго говоровъ, непріятно дѣйствуетъ на непривыкшее къ нимъ ухо. — Этими замѣчаніями мы ограничимся на этотъ разъ. — Грустно подумать, что г. Григоровичъ, нашъ сотрудникъ, можетъ посѣтовать на насъ за наше откровенное, нелестное мнѣніе объ его трудахъ; при современномъ состояніи литературнаго благоприличія, очень не мудро смѣшать честный совѣтъ, сдѣланный по средствамъ разумія, съ бранью и пристрастіемъ. У насъ остается впрочемъ надежда на то, что г. Григоровичъ, если только захочетъ, прочтетъ въ нашихъ замѣчаніяхъ много любви къ тому дѣлу, которому онъ посвящаетъ свою дѣятельность; кромѣ того онъ прочтетъ въ нашихъ замѣчаніяхъ справедливое уваженіе къ его таланту, ибо не лѣзя не уважать того, съ кѣмъ связана любовью къ одному и тому же предмету.

За «Смедовской долиной» помѣщены VII и VIII главы повѣсти г. Писемскаго, «Богатый Женихъ», которыми заключается первая ея часть. Чтобы сказать объ ней свое полное сужденіе, мы будемъ ждать конца; на нынѣшній разъ удовлетворимся замѣчаніемъ, что эта повѣсть несравненно слабѣе прежнихъ повѣстей того же автора, т. е. Тюфяка и Брака по страсти. — Не хотимъ распространяться о г. Писемскомъ, потому что теперь не время упрекать его за «Богатаго Жениха», слѣдуетъ сначала снять съ него тѣ обвиненія, которыя несправедливо возведены на его дарованіе От. Записками.

Въ отдѣлѣ критики мы прочли рецензію на романъ Евгеніи Туръ, «Племянницу». Москвитянинъ всегда относился къ таланту г-жи Туръ съ должнымъ уваженіемъ, и выражалъ свое сочувствіе къ ея лучшимъ произведеніямъ. Мы надѣемся представить вскорѣ свое мнѣніе о новомъ ея романѣ; теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о рецензій Современника. Въ наше время справедливый,

недиперіятный отзывъ о писателяхъ сдѣлался рѣшительной рѣдкостью; судять о произведеніи, по большей части сообразуясь съ посторонними отношеніями автора. — Такъ на пр. Отечественныя Записки хотѣтъ, во что бы то ни стало, отстоять «Провинціалку» г. Тургенева, «Первое Апрѣля» г-жи Туръ. Къ чему же это? Кажется, не трудно понять, что такіа насильственные похвалы и заступленія вредятъ доброй славы писателей; какъ будто человекъ, написавшій «Записки Охотника», не могъ бы перенести справедливаго приговора надъ его неудавшейся пьесой, или какъ будто Евгенію Туръ можно увѣрить въ чемъ угодно. — Мы говоримъ это къ тому, что насъ весьма пріятно изумила выше-означенная рецензія явнымъ желаніемъ рецензента сказать правду, какъ онъ ее разумѣетъ. — Самое простое обстоятельство, что онъ отзывается о «Первомъ Апрѣля» и о «Двухъ Сестрахъ», какъ о вещахъ не удавшихся, намъ очень пріятно, тѣмъ болѣе, что другія достойнѣйшія произведенія г-жи Туръ пользуются полнымъ уваженіемъ рецензента. Не смотря на сказанное, мы считаемъ себя обязанными предложить рецензенту нѣсколько замѣчаній: во-1-хъ, чрезвычайно неясно изложено раздѣленіе талантовъ на субъективныя и объективныя. Далѣе: почему онъ такъ дурпо думаетъ о читателяхъ? Онъ говоритъ: «такъ называемые объективныя таланты предпочитаютъ и самими писателями, которые жаждутъ этого имецкаго эпитета, и критиками; про читателей этого не лзя сказать: они любятъ, что ихъ занимаетъ.» Что это за дѣленіе публики на критиковъ и читателей? Если и бываетъ разногласіе между критикой и читающей публикой, то оно очень скоро проходитъ: ошибки критики поправляются общественнымъ мнѣніемъ, неправильности общественнаго суда критикой. Не совсѣмъ равнодушно прочли мы мнѣніе рецензента, будто Евгенія Туръ — русская женщина. — Евгенія Туръ женщина умная, талантливая, замѣчательная въ литературѣ, но гдѣ же русскія черты? По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ объ русской женщинѣ такое представленіе, которое съ образомъ Евгенія Туръ — никакъ не вяжется. Замѣчанія касательно слога Евгенія Туръ справедливы; не лзя не повторить съ рецензентомъ, что «у ней иногда, по поводу истинъ всѣмъ извѣстныхъ, является тонъ полу-восторженный, полу-поучительный», что «непріятно встрѣтить на иныхъ страницахъ «Плѣмянницы» слѣды риторикѣ». — Мы съ намѣреніемъ выписали эти замѣчанія, и прибавимъ отъ себя, что на риторическія украшенія опять возобновляется у насъ мода, проникающая даже въ статьи дѣльнаго содержанія, въ ученые изслѣдованія. Этому надобно противоdѣйствовать изъ всѣхъ силъ.

Въ заключеніе замѣтимъ , что эта рецензія, обрадовавшая насъ своею искренностію, отличается нѣкоторою безцеремонностію въ тонѣ, которой можно бы было избѣжать безъ вреда истинѣ.

«Лондонскіе воры и Лондонская полиція», — статья Диккенса, известна уже давно читателямъ нашего журнала. Они прочли ее въ Москвитинѣ, мѣсяцевъ шесть назадъ, переданную опытнымъ перомъ.

«Почныя видѣнія въ деревняхъ», статья Ж. Санда, отличается умнѣемъ автора относиться къ сельскому быту.

«Литературный маскарадъ на канунѣ новаго (1852) года». Новый Поэтъ въ своихъ замѣткахъ подъ выписаннымъ заглавіемъ написалъ довольно веселую карикатуру. Читать ее безъ смѣха не лзя, хотя нѣкоторыя выходки не извиняются никакимъ дендиизмомъ и переступаютъ предѣлы шутки.

Библиотечка для чтенія. Январь. 1852.

На первомъ планѣ является первая часть романа г. Пожарскаго: «Самоучки.» Хотя вообще и не основательно произносить судъ о какомъ-либо произведеніи по одной только первой его части, но въ данномъ случаѣ подобная скромность была бы совершенно излишнею. Первая часть «Самоучекъ» заняла собою почти четыре листа печатныхъ, въ ней выведено на сцену шесть или восемь фигуръ, которыя автору благоугодно выдавать за лица; въ ней встрѣтите вы и описанія, и разсужденія, и разговоры или діалоги, и всякія другія риторическія, весьма полезныя въ учебныхъ классахъ, упражненія. — Въ ней есть, напримѣръ, двое юношей-самоучекъ, пылающихъ любовію къ *высокому и прекрасному*, сочиняющихъ драматическія фантазіи и угощающихъ пирогомъ и мадерой цѣнителей и судей означенныхъ фантазій, — въ ней есть одинъ цѣнитель-поэтъ, который разсуждаетъ весьма здраво объ искусствѣ, повторяя мнѣніе журналовъ, и другой цѣнитель-семинаристъ, любящій репетиціи въ отношеніи къ мадерѣ и хересу, и называющій драматическія фантазіи фантастиками, — есть идеальная дама, изображенная нанѣжнѣйшими красками, — дама, которую одинъ изъ юношей самоучекъ застаётъ спящею на чердакѣ, и.... но мы чувствуемъ неодолимое пожеланіе познакомить нашихъ читателей съ этимъ, особенно *прелестнымъ* мѣстомъ.

«Клавдинъ (одинъ изъ героев) машинально полѣзъ на чердакъ, который не имѣлъ внутренней перегородки; когда голова его поравнялась съ площадью чердака, онъ остановился, дыханіе его стѣснилось,

«по жиламъ пробѣжали искры. Не мудрено. Въ разстояніи не болѣе «двухъ аршинъ отъ него, на сѣнѣ, покрытомъ простыней, сидѣла прекрасная женщина. Грудь и руки обнажены, на одной *покоилось* ее *личико*, а другая была откинута въ *сторону*. Сонъ ея былъ тяжелъ, но пріятенъ, щеки горѣли и на губахъ мелькала полуулыбка. По тонкому «бѣлью, бѣлизнѣ тѣла и нѣжнымъ чертамъ лица, Клавдинъ заключилъ, «что это не здѣшняя жительница. Долго онъ стоялъ, не имѣя силъ «отвести глазъ отъ этого *обантельнаго* зрѣлища. Какъ бы съ ней «заговорить, подумалъ онъ наконецъ, и началъ осматриваться на всѣ «стороны, стараясь найти предметъ разговора.

«— *Сударыня*,—сказалъ онъ вполголоса, *вы простудитесь!* Незнакомка открыла глаза и снова закрыла ихъ: — отойдите отъ меня,—сказала она въ просоньи, слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ: отойдите, «что вамъ угодно? Я первый разъ васъ въ жизни вижу.

«— Взгляните же на меня еще,—сказалъ Клавдинъ умоляющимъ голосомъ.

«Незнакомка приподнялась, посмотрѣла на него и отвернулась.

«— Уйдите, уйдите, молодой человекъ,—уроговорила она скоро: уйдите, сердце *замираетъ* во мнѣ. И она снова *вздохнула*.»

На бѣду, у чувствительной и вздыхающей дамы есть мужъ, человекъ ужасныхъ свойствъ, нисколько не болѣе мельника, который побилъ нашего пріятеля Адама Адамыча, провикнутый *гуманностью*,—капиганъ Цкевичъ, и бѣдная, чувствительная дама подверглась большимъ опасностямъ за свои *прелестныя* сновидѣнія. Она даже предалась отчаянію и впала въ раскаяніе, хотя, вслѣдъ же за симъ, прекрасно обманула своего медвѣдя, и т. д.

Кромѣ этихъ лицъ есть лица *возвышенныя*, докторъ Рельскій, нѣсколько склонный къ мрачному байронизму, и юная дѣва, идеаль чистоты...

Увы! все это мы прочли,

Чтобы сказать,

Что вамъ не надобно читать,

сказать, что тутъ нѣтъ признаковъ и даже тѣни дарованія, что тутъ нѣтъ и того даже, о чемъ такъ хлопотала Библиотека для Чтенія въ старые годы, нѣтъ *слога*,—что тутъ, говоря по чистой совѣсти, равно нѣтъ ничего, что все безцвѣтно или пошло!

Регистраторъ, эпизодъ изъ романа Н. В. Кукольника. Вотъ этотъ отрывокъ понравится многимъ читателямъ, въ особенности тѣмъ, которыхъ интересуетъ *процессъ* чтенія. Мы съ своей стороны тоже

прочли рассказъ, и свидѣтельствуемъ, что онъ написанъ старымъ и опытнымъ знатокомъ дѣла. Это впрочемъ мы только и можемъ сказать. Фигуры здѣсь пожалуй и похожи на лица, но взгляните въ нихъ попристальнѣе, они — складныя, составныя, движущіяся только механически, хотя механизмъ показываетъ большое искусство. Въ самомъ дѣлѣ не *хитрому* уму трудно было бы придумать такую ловкую механику, чтобы вывести на сцену разныя стороны вѣка Императрицы Екатерины II, и сдѣлать рычагомъ всего сенатскаго регистратора Курточкина. Но, повторяемъ еще, только мы и вправѣ сказать, мало сочувствуя складной, составной или сшивной (*ad libitum*) работѣ въ искусствѣ.

Гувернантка, романъ Е. Сю. *Часть первая*. Эту пьесу мы также прочли, и убѣдились, что авторъ «Парижскихъ тайнъ», «Вѣчнаго жиды», «Коаты Вена», «Саламандры», и другихъ многочисленныхъ произведеній, страшно натянута, но мѣстами блиставшихъ искрами сильнаго таланта, окончательно исписался. Въ настоящую минуту онъ прибѣгаетъ къ такимъ натяжкамъ, которыя потеряли даже интересъ новизны и отличаются только пошлостію. Дѣйствительно пошлы здѣсь и мадамъ де-Морвилъ, нѣжная маменька, ревнующая дочь къ гувернанткамъ, и дядюшка Ботардьеръ, и ключница Пиволе, представляющая собою гиперболу (весьма не повую) лжи.

О *Пенденнишѣ*, романъ Теккерея, котораго седьмая часть уже является въ этой книжкѣ, какъ о произведеніи выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ штукъ, мы надѣемся поговорить подробно по окончаніи его.

За тѣмъ, въ отдѣлѣ наукъ и художествъ, напечатана третья статья г. Дружинина о «Джонсонѣ и Босвеллѣ.» Вообще объ этой картицѣ британскихъ литературныхъ нравовъ во второй половинѣ XVIII-го столѣтія мы скажемъ, что она читается не безъ интереса и составлена весьма легко и живо.

Первую статью г. *Старчевскаго* о Русской исторической литературѣ въ первой половинѣ XIX вѣка, (предметъ ея — литературно-историческая дѣятельность М. Н. Муравьева) мы отложимъ до другаго времени, также какъ и статью г. *Братчикова*: о разведеніи хмѣля въ средней Россіи.

Замѣчательная статья г. *Михайлова*, въ отдѣленіи критики: о классическомъ сочиненіи г. Пеголина, по нашему разумѣнію, отличается

яснымъ и здравымъ взглядомъ на дѣло, непритворнымъ уваженіемъ къ разсматриваемому критикомъ труду и дѣльностью частныхъ замѣчаній. Такихъ критикъ мы желаемъ литературѣ.

Въ *Литературной лѣтописи* перваго № журнала мы нашли ту же самую безцвѣтность, которая давно уже замѣнида ея прежнее quasi-остроуміе. Не можемъ рѣшить, чтѣ предпочитаемъ мы, это ли прежнее, изощрявшееся надъ *сими* и *оними* остроуміе, или теперешнюю гладкость и ровность. Съ такою напимѣръ гладкостью написана статья объ осьмомъ изданіи романа М. Н. Загоскина — *Юрій Милославскій*: написано о немъ нѣсколько страницъ, но не сказано собственно ничего, и даже довольно благородный, или, лучше сказать, приличный, тонъ статьи не выкупаетъ ея безосновности.

Чтѣ касается до отдѣла *Смьси*, то онъ очень разнообразенъ, но каково это разнообразіе, читатели могутъ видѣть изъ нашего краткаго обзора.

1) *Женищина съ бархатной кокеткой, рассказъ Александра Дюма*. Александръ Дюма, какъ извѣстно, пользуется огромною славой беллетриста, — но для людей, имѣющихъ дерзость отрицать значеніе беллетристики вообще, и *педантически* требующихъ отъ литературныхъ произведеній художественности и жизненной правды, произведенія автора Монтекристо — не существуютъ. Мы не споримъ, что Дюма большой мастеръ болтать, что онъ въ состояніи написать листъ печатный и даже больше изъ такого мизернаго содержанія, котораго другому не станетъ на двѣ страницы, но чтѣ оставитъ такая праздная, хоть пожалуй не совсѣмъ скучная болтовня въ душѣ читателя? Разумѣется ничего.... Такъ точно и въ этомъ рассказѣ Дюма болтаетъ обо всемъ, о своемъ путешествіи, ѳ своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ дочери Нодье, наконецъ о самомъ Карлѣ Нодье, котораго называетъ между прочимъ — *великимъ* поэтомъ.... Зачѣмъ, спрашиваемъ мы, переводя такіе рассказы слово въ слово (если ужъ нельзя ихъ не переводить), вводить въ заблужденіе иногородныхъ потребителей, для удовольствія которыхъ они переводятся? Нѣтъ сомнѣнія, что Нодье былъ человекъ даровитый, даже съ поэтичкою организаціей, хотя вовсе не поэтъ, — что онъ былъ человекъ очень добрый и хорошій, хоть любилъ паче всего парадоксы, и только. Вся эта болтовня Дюма служитъ только предисловіемъ къ рассказу, слышанному имъ отъ Нодье, а самаго рассказа нѣтъ.

2) *Уличные музыканты, — Горецъ, — Два Индйца, — Концертъ и балъ на китайской жонклъ*, — статья г. Берліоза, принадлежит къ блестящимъ сравнительно позволительной.

3) Но за то совершенно не позволительна слѣдующая за нею статейка о Гаррикѣ, — не позволительна въ наше время, когда два-три старыхъ, истертыхъ анекдота о Гаррикѣ *нельзя* никому выдавать за статьи о знаменитомъ артистѣ, тѣмъ болѣе, что о Гаррикѣ по разнымъ мемуарамъ, ему современнымъ, по сочиненіямъ о немъ, по письмамъ Лихтенберга весьма не трудно составить статью занимательную и полезную.

4) Къ статьямъ совершенно бесполезнымъ и даже скучнымъ принадлежитъ и «*Исторія дамы объ одной перчаткѣ*». Рассказывается въ этой исторіи, какъ нѣкто г. Альбертъ, найдя въ гостинницѣ двадцать пять паръ оставленныхъ перчатокъ на одну руку, пустился отыскивать даму объ одной рукѣ, влюбился въ нее заочно и т. д. Даму онъ точно нашелъ, и оказалось въ концѣ, что у нея дѣйствительно одна рука повреждена, потому что ся покойный мужъ въ бѣшенствѣ пьянства отрубилъ ей ножомъ палець.

Два другое слѣдующія за симъ статьи: 5) *Майнасскій Индѣецъ*, и 6) *Новѣйшія изысканія о путешествіяхъ Марко Поло*, которымъ всякій прочтетъ съ интересомъ. Даже и 7) статья о *Бюффонѣ*, не смотря на свою краткость, имѣетъ достоинство; 8) о статьѣ г. Субботича: «*Историческій очеркъ сербской литературы*», какъ спеціальной, мы не говоримъ. Чтò касается до насъ лично, то, благодарные за всякое извѣстіе о какой-либо изъ славянскихъ литературъ, мы рады были душевно ее встрѣтить, тѣмъ болѣе, что авторъ ея по видимому знаетъ предметъ, о которомъ говорить. Въ наше время, даже и это — достоинство!

Наконецъ — въ отдѣлѣ же *Смѣси* красуются *Письма Иногороднаго подписчика*, страдавшія прежде, страдающія даже и теперь, именно отсутствіемъ вышеозначеннаго достоинства. О нихъ мы скажемъ нѣсколько подробнѣе.

Что г. *Иногородный подписчикъ* перешелъ изъ *Современника* въ *Библіотеку для чтенія*, это нисколько не удивительно, какъ не удивительно и то, что въ этомъ послѣднемъ журналѣ онъ остался все тѣмъ же, какимъ былъ онъ въ первомъ: разницы во взглядѣ на литературу и искусство почти нѣтъ между двумя журналами. Правда, что *Современникъ* отрекался иногда отъ слишкомъ остроумныхъ и фешенебельныхъ выходокъ своего иногороднаго подписчика, но такое отреченіе было только уловкой, или паче жертвой, принесенной олимпійскимъ

авторитетамъ. Въмѣсто Иногороднаго подписчика выступилъ Новый поэтъ, съ такимъ же остроуміемъ и съ такими же взглядами на жизнь, но владѣвшій въ болѣе степени труднымъ искусствомъ угождать олимпійцамъ.... Теперь, Новый поэтъ и Иногородный подписчикъ могутъ подать другъ другу руки изъ-за двухъ различныхъ журналовъ.

XXV письмо иногороднаго подписчика не блещетъ впрочемъ тѣми необычайными красотою, которыми блистали XXIV первыхъ. Начать съ того, что къ самому *остроумію* ихъ автора приглядѣлись, да и самое остроуміе это попритупилось. Иногородный подписчикъ предлагаетъ здѣсь враждующимъ журналамъ леченіе посредствомъ путешествій, и передаетъ при этомъ случаѣ нѣкоторые воспоминанія изъ своего собственнаго путешествія, — потомъ хвалитъ г. Кукольника за рассказъ его «Третій понедѣльникъ», но хвалитъ такъ, что эта похвала похожа скорѣе на насмѣшку. «Господинъ Кукольникъ — говоритъ онъ между прочимъ — «едва ли не больше, чѣмъ кто-либо изъ нашихъ, да и изъ европейскихъ писателей, обладаетъ *искусствомъ утопить преле-стную подробность въ сотни страницъ, далеко не такъ прелестныхъ.*» Г. Иногородный подписчикъ, какъ видите, нашелъ новаго рода *искусство*! За симъ, поговоря о рассказѣ г. Григоровича: «Мать и дочь», — онъ вооружается за беззащитныхъ, т. е. за плохихъ поэтовъ, съ которыми воюютъ журналы, пишетъ критическую статью съ глубокомысленными разсужденіями по поводу басни-пародіи г. Поваго поэта «Кондукторъ и тарантасъ,» статью, которая имѣетъ тоже претензію что-то пародировать, — потомъ г. Иногородный подписчикъ защищаетъ пародіи и даже отзывается съ *великодушною благосклонностью* о пародіяхъ г. Эраста Благоднаго, намѣренно не понимая ихъ весьма грустной основы. Переходя опять къ произведеніямъ словесности, г. Иногородный подписчикъ остается *недоволенъ* содержаніемъ *Комика* г. Писемскаго, признавая впрочемъ его автора за *беллетриста* какихъ мало. Выписываемъ одно, особенно выдающееся по своей безосновности мѣсто:

Въ «Женигбѣ» Гоголя, достоинства которой никто не думалъ отвергать, г. Писемскій сдѣлалъ какое-то *лекало* (?) для *промырки* своихъ героевъ, еврейскій сибболетъ и тибболетъ, условіе *sine quâ* поп, центральный пунктъ всего сочиненія, предлогъ для критическихъ поученій. Какая изъ нашихъ критическихъ теорій можетъ назваться прочною и долговѣчною?... *Теоріи эти составляютъ на скорую руку, для журнальнаго обихода, мѣняются черезъ пять или шесть лѣтъ; «и не выгодно такому рассказчику, какъ господинъ Писемскій,*

«связывать участь своихъ оживленныхъ статей съ участіемъ этаго недо-
«зрѣлаго пустозвонства.»

Покончивъ такимъ образомъ за разъ со всею критикой, г. Иногородный подписчикъ не оставляетъ въ покоѣ и писателей. «У кого въ «памяти, говоритъ онъ, остались пышные диѳирамбы въ честь Жоржа-«Занда или мадамъ Дюдеванъ, женщины, погубившей великую часть «своей славы въ последнее время?»

Въ заключеніе г. иногородный подписчикъ благосклонно отзывается объ улучшеніяхъ внѣшней части во всѣхъ журналахъ.

Музыкальныя извѣстія, слѣдующія за письмами иногороднаго подписчика, не отличаясь особыми претензіями на глубину и ученость, довольно живо написаны, довольно полны и довольно разнообразны. г.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

въ 1854 году.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Литературныя явленія прошедшаго года.

Мы очертили путь, которымъ шла литература въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, подвели, какъ мы думаемъ, безъ натяжки ея различныя явленія подъ исходныя начала, и видѣли, что ея послѣднее историческое слово было—прямое отношеніе художника къ дѣйствительности. Въ этого прямаго отношенія, нѣтъ для таланта ничего въ настоящую минуту. Протестъ личности, какъ вышедшій изъ весьма неглубокихъ источниковъ, и въ послѣднее время окончательно разбѣнявшійся на мелочь, наскучилъ всѣмъ смертельно и сталъ смѣненъ; отрицательная манера въ изображеніи дѣйствительности, въ свое время относительно-полезная, также потеряла въ настоящую минуту всякую цѣнность; никто не вѣритъ уже ни въ дѣйствительность страданій разныхъ героевъ, сложившихся по прототипу Печорина, и съ другой стороны, никто уже не допускаетъ возможности тѣхъ *превращеній*, кои *грустная* дѣйствительность производила въ разныхъ повѣстяхъ съ героями и героинями по волѣ авторовъ; то и другое явнымъ образомъ принадлежитъ къ области романтизма, довольно широкой, чтобы вмѣстить въ себя всякій протестъ личности, вытекающій изъ однихъ только личныхъ основаній. Но да не подумаютъ, чтобы грубое служеніе дѣйствительности и не разумное оправданіе всѣхъ явленій, потому только, что они—явленія, считали мы послѣднимъ словомъ художества въ настоящую минуту. Въ такую крайность впасть пожалуй и легко изъ противоположной крайности,—но, ни мертвая копіровка явленій

не может удовлетворить талант, ни равнодушное оправдание их не может удовлетворить души человеческой: первый носить въ себѣ формы идеала, послѣдняя — стремленіе къ оному. И потому самому, вслѣдствіе прямаго отношенія къ дѣйствительности, она поясняется, такъ сказать, оразумливается для таланта, и ясно выступаютъ для души человеческой изъ-за преходящихъ явленій неперемѣнные и вѣчные законы правды, и снова крѣпко срастаются и сплавиваются въ души ея распавшіяся основы,—и многія простые старыя истины возникаютъ обновленныя изъ хаотически-романтическаго броженія, грозившаго поглотить ихъ. Таковъ процессъ, совершающійся въ каждой благоустроенной душѣ человеческой, такой же процессъ совершается и въ литературѣ. За моментомъ разложенія, которое необходимо было потому, что къ основамъ, къ простымъ веществамъ, примышалось много чуждаго, внѣшняго, наноснаго, наступаетъ моментъ крѣпкаго и органическаго срастанія, обусловленнаго конечно яснымъ сознаніемъ простыхъ началъ....

Счастливы, трижды счастливы тѣ, которые вѣрують въ исторію, еще счастливѣе тѣ, которые чувствуютъ ея дыханіе. Многіе говорятъ въ наше время объ исторіи—но многіе ли способны дѣйствительно въ нее вѣровать, и еще не менѣе ли количество тѣхъ, которые чувствуютъ ее по непосредственному наитію? Неужели *толь* въ нее вѣрують, которые понимаютъ послѣдовательность историческаго развитія литературы *только* въ проведеніи своихъ мыслей, неужели *толь* ее чувствуютъ, которые способны закидать камнями все ново-возникающее въ литературѣ, потому только, что оно возникло безъ ихъ вѣдома и согласія?... Нѣтъ! не вѣрують они въ исторію, ибо неспособны сознать исторической необходимости, иной литературной задачи, кромѣ ихъ собственной; не чувствуютъ они исторіи, ибо не въ силахъ встать выше преходящихъ явленій, выше самихъ себя, въ уровень съ вѣчными началами правды—и во всѣхъ новыхъ литературныхъ явленіяхъ они видятъ только враждебныя имъ лично явленія, и неспособны они, какъ старый баронъ Аттингхаузенъ, умирающій на рукахъ инаго и крѣпкаго поколѣнія, въ эпической драмѣ Шиллера, сказать съ полнымъ, религіознымъ самоотреченіемъ:

Durch andre Hände will
 Das Herrliche der Menschheit sich erhalten...
 Es ändert sich die Zeit,
 Und neues Leben blüht aus den Ruinen!

Къ чести человѣческой души, мы думаемъ, что подобная неспособность отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ узкихъ идеаловъ, не есть постоянный законъ ея процесса, что она скорѣе обусловлена не нормально образовавшимися и болѣзненно-наросшими въ ней заложениями; изъ нихъ-то собственно и слагается та уродливо развившаяся, недопускающая къ себѣ никакого прикосновения личность, которая высовывается еще до сихъ поръ изъ-за разныхъ угловъ нашей литературы. Она знаетъ и видитъ только себя, помнитъ только то, что она по своему убѣжденію дѣлала хорошаго и благороднаго, и всякія скромныя возраженія зоветъ ограниченностью, а прямое противодѣйствіе ея противуестественнымъ прихотямъ—дѣломъ неблагороднымъ. Конечно, она и не понимаетъ, что своими безмѣрно-выпятившимися претензіями, ставитъ себя въ весьма комическое положеніе, и самую раздражительность ясно даетъ знать, что, куда ни прикоснешь къ ней, вездѣ найденъ болѣзненный мѣста. Конечно также, современная литература не обязана обходить этихъ больныхъ мѣстъ, не обязана для ихъ же собственной пользы. Любовь, разумно воспитанная, состоитъ не въ томъ, чтобы беречь въ личностяхъ ихъ слабыя стороны, а въ томъ, чтобы уважать въ нихъ неперемѣнное; равномѣрно, и уваженіе къ дѣлу, до насъ совершенному, къ слову, до насъ сказанному, заключается не въ томъ, чтобы принимать это дѣло со всѣми его неорганическими наростами, псѣвотрять это слово какъ мертвую букву, на основаніи *αὐτὸς ἔφη*, но въ томъ, чтобы дѣло это оцѣнить по заслугамъ, ни выше, ни ниже того, чего оно дѣйствительно стѣдитъ, чтобы слово это очистить отъ шелухи, и взять изъ него ядро. Однимъ словомъ, превыше всего должно уважать исторію, и ради ея, откидывать отъ себя постоянно какъ чужую, такъ и собственную шелуху, повѣрять въ себѣ и въ другихъ, посредствомъ самосознанія, накопившіяся заложения, и даже прибѣгать, въ случаѣ нужды, къ импутациямъ, хотя конечно съ величайшею осторожностью: это—единственное средство хранить себя отъ

застоя, гибельнѣе котораго ничего не можетъ быть для души человеческой.

Между тѣмъ, именно такой-то застой встрѣчаемъ мы въ настоящую минуту, застой не въ литературныхъ явленіяхъ, которыя дѣлаютъ свое дѣло, дѣло исторіи, а, такъ сказать, въ приѣмѣ этихъ литературныхъ явленій критикою, во взглядѣ на нихъ, въ эстетическихъ понятіяхъ. Литература видимо растетъ, а эстетическія понятія такъ же видимо старѣются и суживаются. Съ одной стороны старая критика требуетъ отъ юныхъ произведеній соблюденія тѣхъ же условій, какихъ она требовала лѣтъ за десять назадъ, съ другой стороны, она же, одѣвшись въ новый костюмъ, смотритъ на все съ фешенебельной точки зрѣнія, и хочетъ, чтобы литература забавляла ее послѣ сытнаго... или нѣтъ! ошибаемся по недостатку тонкаго вкуса въ этомъ дѣлѣ... послѣ гастрономически-прихотливаго обѣда. *Какъ* мирятся между собою два такихъ, равномѣрно чудовищныхъ требованія, это извѣстно только самой старой критикѣ...

Наша статья является послѣ многихъ критическихъ статей, написанныхъ какъ о различныхъ явленіяхъ прошлаго года, такъ и о всѣхъ ихъ въ совокупности: понятно читателямъ, почему не могли мы избѣжать въ этомъ случаѣ столкновенія съ старой критикой, — понятно вѣроятно будетъ такъ же и то, что обозрѣвая литературныя явленія въ отдѣльности, мы будемъ говорить не столько о нихъ самихъ, сколько о взглядахъ на нихъ, тѣмъ болѣе, что анализировали довольно подробно въ свое время и въ своемъ мѣстѣ все замѣчательное, являвшееся въ журналахъ по части словесности.

Изъ литературныхъ произведеній прошедшаго года, всѣхъ ярче выдались — произведенія г. Писемскаго, и романъ г-жи Евгеніи Туръ: *Племянница*. Да позволено будетъ намъ начать съ послѣдней.

Давно уже, ни одинъ романъ не возбуждалъ такого сильнаго интереса въ минуту своего появленія, какъ романъ г-жи Туръ, и давно уже литературное произведеніе не подавало повода къ толкамъ болѣе противорѣчащимъ. Любопытнымъ становится конечно вопросъ о причинахъ, какъ интереса, такъ равно и разнорѣчивыхъ сужденій.... Что касается до интереса, то мы думаемъ, что онъ

возбужденъ былъ не первою частію романа, напечатанною въ прошлогоднемъ *Современникѣ*, и весьма слабою въ художественномъ отношеніи, до того слабою, что перечестъ ее вторично недостало вѣроятно смѣлости ни у кого, кромѣ присяжныхъ цѣновщиковъ литературы и той части публики, которая читаетъ все сіюшъ, что ни попадется. Нѣтъ—симпатію къ роману возбудилъ отрывокъ изъ его третьей части, подъ именемъ «Антонины» помѣщенный въ *Кометѣ*, и еще болѣе, ожиданіе, что мыслящая и живо чувствующая женская натура скажетъ свое слово въ отношеніи къ такой сферѣ жизни, которой до сихъ поръ касались на перечетъ два, три писателя, къ сферѣ, которая дѣйствительно представляетъ собою богатую руду для художественнаго анализа, какъ и всякая другая, мало тронутая сфера. Антонина служила ручательствомъ за то, что горячее сердце бьется въ груди автора *Племянницы*, и любопытно было въ самомъ дѣлѣ посмотреть, подъ какимъ угломъ зрѣнія авторъ «Антонины» и «Ошибки» взглянетъ на запутанныя въ блестящихъ и холодныхъ формахъ большаго свѣта человѣческія отношенія.

Два, три писателя, сказали мы—относились какимъ-либо образомъ къ этому слою общественной жизни: наименовать ихъ трудно: это князь Одоевскій, г. Павловъ и графъ Сологубъ, всѣ прочіе, какъ-то г. Дружининъ и многіе другіе, имѣли только претензію на изображеніе такъ называемаго большаго свѣта. Необходимо сказать нѣсколько словъ о трехъ наименованныхъ нами повѣствователяхъ и о различіи ихъ точекъ зрѣнія.

Предполагаемъ, что читатели наши знакомы съ *Княжной Зими* и съ *Княжной Мими*, какъ знакомы вѣроятно со всѣми, еще не ясно опредѣленными нашей критикой произведеніями мыслящаго авторами «*Русскихъ ночей*». Можно не во всемъ соглашаться съ кн. Одоевскимъ, даже совершенно расходиться съ нимъ во всемъ, что составляетъ его личное, ему одному вполне понятное убѣжденіе, но нельзя не признать въ немъ писателя весьма замѣчательнаго, нельзя не уважать его серьезнаго мышленія, даже и въ мистическихъ уклоненіяхъ, нельзя не сочувствовать тому благородному негодованію за человѣка, которое такъ горячо выражается и въ «*Насмѣшкѣ Мертвеца*» и въ «*Бригадирѣ*» и въ «*Хвар-*

тиръ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.» — Князь Одоевскій любитъ чловѣка, и потому-то онъ негодуетъ за чловѣка. Но любовь бываетъ различная, и одно негодованіе, какъ чисто отрицательная сторона, не составляетъ высшей степени любви. Есть нѣчто сухое и жесткое въ одномъ негодованіи: оно обусловлено конечно стремленіемъ къ идеалу, но къ идеалу неопредѣленному, не принявшему для поэта крѣпкихъ, живыхъ формъ, стремленіемъ, которое, не находя себѣ питанія, само себя пожираетъ. Поэтъ не подошелъ къ жизни, не померилъ въ борьбѣ съ нею внутреннихъ силъ, а взглянулъ на жизнь издали, многое увидалъ рѣзко выдавшимся, еще большее усмотрѣлъ только въ безразличной слитности, и требованія своего *Я* поставилъ такимъ образомъ въ разрѣзъ съ дѣйствительными явленіями; естественно, что, на такой степени, его стремленія должны были, какъ отдѣленные, оторванные отъ общихъ, пойти, такъ сказать, въ облака, и голосъ его зазвучалъ сурово съ неприступныхъ высотъ. Естественно такъ же, что истинное художество, истинное творчество, было не мыслимо при подобномъ настроеніи духа. Художество требуетъ отъ чловѣка всей его личности, безъ оглядокъ, безъ заднихъ мыслей, требуетъ непосредственности душевной въ отношеніяхъ съ дѣйствительностью. Этого-то именно и недостаетъ произведеніямъ князя Одоевскаго, недостаетъ даже въ изображеніяхъ той сферы жизни, которая внѣшнимъ образомъ ему знакома. Талантъ поэта остался чуждъ ей, какъ и всякой другой сферѣ. Не отнесся онъ къ ней съ желчью сатирика, какъ гениальное дарованіе Грибоѣдова, воспитавшееся въ столкновеніяхъ съ ея противорѣчіями, и отмѣтившее ихъ клеймомъ смѣшнаго, во имя настоящей правды, живущей въ душѣ каждаго чловѣка. Негодованіе князя Одоевскаго приняло характеръ дидактическій. Не простой, ищущій правды чловѣкъ, а мыслитель, самъ путающійся въ противорѣчіяхъ, недоволенъ въ немъ противорѣчіями дѣйствительности, требованія его расходятся можетъ быть радикально со всякою дѣйствительностію, стремленія его безграничны, и часто обличаютъ бессиліе отчаянія, раздраженіе мысли. Вѣрнѣе себѣ остался поэтъ и въ изображеніяхъ большаго свѣта: онъ рисуетъ очень хорошо формы свѣтскихъ отношеній, глубоко оскорбляется *общей*

неправдой или порчей человѣческой, лежащей въ ихъ основаніяхъ, но не вглядывается въ ближайшія, самой сферѣ свойственныя особенности, и останавливается на одномъ грустномъ, скептическомъ сомнѣніи. Княжна Мими — самый зрѣлый плодъ этого сомнѣнія, ибо въ княжнѣ Зизи видимъ мы натуру, которая только случайно поставлена авторомъ въ отношенія большого свѣта, — княжна Мими — не живое существо, а мысль, и притомъ мысль чудовищная, выведенная, какъ математическая выкладка, изъ наблюдений, исключительно грустныхъ и мрачныхъ, діалектически вѣрно развитая страсть, а не типъ.

Иное отношеніе къ сферѣ высшихъ слоевъ выразилось въ повѣсти Н. Ф. Павлова «Милліонъ». Тутъ живой человѣкъ съ страстями и тѣломъ вторгается въ этотъ блестящій міръ, и не ослабляется его внѣшними формами, а напротивъ съ какою-то горькою радостью всматривается въ шаткія основы спокойныхъ снаружи отношеній, какъ герой лермонтовской «сказки для дѣтей» во внутренность великолѣпнаго спящаго города. Тутъ является уже не сухое негодованіе идеалиста, а страстное раздраженіе живаго человѣка, и недавно еще, перечитывая «Милліонъ», и останавливаясь на страницахъ, гдѣ герой повѣсти любитъ своимъ богатствомъ и могуществомъ, мы чувствовали то волненіе, которое производятъ всегда въ душѣ страстные произведенія. Но взгляду Н. Ф. Павлова, хотя и высшему сравнительно съ другими повѣствователями одного съ нимъ рода, недостаетъ спокойствія, необходимаго для художника. Это — слишкомъ явный результатъ раздраженія, очевидная крайность, которая, того и гляди, перейдетъ въ другую ей противоположную. Писатель не обладаетъ здѣсь предметомъ, и находится въ отношеніи къ нему въ худо-скрываеваемой зависимости.

Наконецъ, отношеніе графа Сологуба къ этой сферѣ далеко ниже отношенія къ ней двухъ поименованныхъ нами повѣствователей: оно, въ сущности, основано на равнодушномъ безстрастіи. Дарованіе блестящее, но лишенное совершенно внутренняго содержанія, видимъ мы въ этихъ повѣстяхъ, полныхъ знанія свѣта и жизни, но представляющихъ свѣтъ и жизнь подъ угломъ зрѣнія довольно личнаго и дешево пріобрѣтеннаго скептицизма. Повиди-

тому, такое воззрѣніе на жизнь пресытило самаго, безспорно талантливаго, автора, но когда въ своемъ *Тарантасѣ* пустился онъ въ различныхъ сновидѣніяхъ создавать идеалы, эти идеалы обличили слишкомъ явно бѣдность внутреннихъ заложеній. Сказанное нами относится конечно не къ таланту графа Сологуба, а къ его міросозерцанію, и авторъ книги: «На сонъ грядущій» все-таки остается единственнымъ въ своемъ родѣ беллетристомъ, котораго блестящіе, остроумные, живые рассказы читались, читаются и будутъ читаться съ величайшимъ удовольствіемъ всѣми, со включеніемъ и его критиковъ.

У всѣхъ трехъ, именованныхъ нами, повѣствователей, не смотря на всю разницу ихъ міросозерцанія (это слово, какъ слишкомъ тяжеловѣсное въ приложеніи къ сочиненіямъ графа Сологуба, да отнесутъ читатели только къ кн. Одоевскому и къ г. Павлову)—представленіе о сферѣ большаго свѣта почти одинаково, а именно: эта сфера является какою-то всепоглощающею и виѣсть обаятельно-влекущею бездною, съ которой коллизія не обходится безъ трагическихъ послѣдствій. Припомните князю Мими, страшный результатъ свѣтскихъ отношеній, припомните «Большой свѣтъ», повѣсть въ двухъ танцахъ, совершенно поглотившихъ неглубокую, правда, натуру Леонина, припомните заключительную сцену «Маскерада». Есть конечно различіе въ основныхъ убѣжденіяхъ авторовъ этихъ трехъ повѣстей, различіе весьма очевидное: по взгляду на жизнь автора «Большаго свѣта» выходитъ, что такъ и быть должно, чтобы натура Леонина не устояла въ коллизіи, и прекрасно, что она не устояла;—по взгляду кн. Одоевскаго, *Мими должна была* вслѣдствіе трагической необходимости сдѣлаться такою, какою она сдѣлалась. По взгляду г. Павлова, несравненно высшему, можно устоять въ коллизіи, вынести цѣлою и невредимою свою человѣческую самостоятельность, но за то уже—*lasciate ogni speranza*, ни вѣрованій въ человѣка, ни вѣрованій въ любовь и въ чувство не уцѣлѣетъ въ вашей душѣ, когда разобьются они окончательно, какъ разбились въ душѣ героя «Миліона», съ какимъ-то дикимъ сладострастіемъ добывающагося этой правды безъ покрова, этого горькаго, безотраднaго результата.

Таково отношеніе къ сферѣ большаго свѣта трехъ различныхъ замѣчательныхъ дарованій. Спрашивается теперь, какъ отнесся къ ней авторъ «Племянницы»...

Прежде всего, авторъ «Племянницы — мыслящая и живо-чувствующая женская натура: это мы предпослали самому взгляду на произведеніе. Лучшее качество этого таланта—способность мыслить и чувствовать, притомъ мыслить и чувствовать по-женски. Въ женской натурѣ воплотилась тутъ и коллизія съ вышеозначенною сферою: значить, чтобы понять цвѣтъ, особенность этой коллизіи, надобно всмотрѣться въ натуру Маши или Марьи Александровны, героини романа.

Мы знакомимся съ нею въ деревнѣ, у тетки ея Варвары Петровны, которая въ бѣльшей части сценъ первой части романа является злая-презлая, а подъ конецъ выходитъ добрая-предобрая. Натура Маши вслѣдствіе вліяній современныхъ понятій, воплощенныхъ въ лицѣ Ильменева, не выносить *неправды* вообще, такъ сказать, отвлеченной неправды; вслѣдствіе этихъ вліяній, она становится въ разрѣзъ съ узкими понятіями Варвары Петровны. Положимъ, что она имѣла право встать въ такое отношеніе, хотя иногда слишкомъ трагически принимаетъ то, что слѣдовало бы принимать полегче, ну да Богъ съ ней,—такого ужъ *деликатнаго* свойства эта натура. Но удивительно то, что въ натурѣ Маши существуютъ уже заложенія изъ сферы большаго свѣта; въ деревнѣ, въ простыхъ и нѣсколько грубоватыхъ формахъ жизни, она какое-то экзотическое растеніе, которому нуженъ воздухъ. Стремленія, воплощенные въ лицѣ Ильменева, ее не удовлетворяютъ; къ Ильменеву она чувствуетъ всегда только дружбу. Вы скажете, что Ильменевъ *такъ* выставленъ, *такъ* описанъ авторомъ, что не можетъ возбудить въ женщинѣ иного чувства: мы спросимъ васъ, *во-первыхъ*, почему онъ *такимъ* выставленъ, *во-вторыхъ*, почему это воплощеніе благородныхъ стремленій такъ мало удалось автору романа, вышло такъ безцвѣтно и вмѣстѣ ходульно? въ *третьихъ*, почему оно обречено цѣлыхъ четыре части быть какимъ-то очистительнымъ козлящемъ? Иронія ли въ отношеніи къ стремленіямъ кроется тутъ, или неясное ихъ сознанье? Предполагаемъ скорѣе послѣднее, чѣмъ первую, но выводимъ одно за-

ключеніе, что натура героини принимаетъ правду не въ тѣхъ формахъ, въ какія правдѣ угодно будетъ облечься, а въ тѣхъ, которыя мыслимы для нея самой вслѣдствіе заложений. Доказательствомъ этому, кромѣ отношеній къ Ильменеву, служить еще то, что она съ большимъ терпѣніемъ выноситъ различныя угнетенія въ блестящемъ домѣ Бѣловодской, чѣмъ въ деревнѣ у Варвары Петровны.

Судьба для этой натуры является въ видѣ князя Чельскаго. Предполагаемъ романъ прочитаннымъ всѣми нашими читателями, и потому не распространяемся объ отношеніяхъ Машы къ Чельскому. Ясно только то, что блестящій лоскъ увлекъ преимущественно Машу въ князѣ Чельскомъ. Такихъ внутреннихъ качествъ, которыя бы неотразимо дѣйствовали на свѣжую женскую природу, мы признаемся, въ немъ не видимъ:—формы, формы и однѣ только формы, за которыми скрывается весьма скудное содержаніе. Кто-то сравнивалъ Чельскаго съ Печоринымъ, и видѣлъ въ немъ слѣды этого типа. Не весьма любя Печорина, и еще меньше того уважая его, мы однако находимъ большое разстояніе между лермонтовскимъ героемъ, и холоднымъ, суетнымъ, пустымъ княземъ Чельскимъ. Князь Чельскій, полагаемъ мы, подъ старость, если бы не убили его на дуэли, обратился бы въ г. Кивакеля, эту смѣлую гиперболу, придуманную Одоевскимъ для олицетворенія обыкновеннаго свѣтскаго героя, въ которомъ бѣдная женщина мечтаетъ встрѣтить и умъ и чувство. Печоринъ расходится со всякими формами, Печоринъ ѣдетъ умирать въ Персію, (положимъ, что и не глубоки причины его разочарованія), Чельскому привольно и любо въ формахъ. Чельскій—натура весьма ограниченная, хотя и довольно крѣпкая: между тѣмъ, никого съ такимъ лирическимъ одушевленіемъ не изображаетъ авторъ *Племянницы*, никого не поэтизируетъ онъ такъ, какъ этого самаго, весьма ограниченаго Чельскаго. Значитъ, изъ-подъ вліянія этого характера, или, лучше сказать, этой сухой формы, повѣствовательница не высвободилась.

Отсюда, какъ мы думаемъ, произошло и то, что и къ сферѣ свѣта г-жа Евгенія Туръ стала въ отношеніе конечно высшее, нежели графъ Сологубъ, но несравненно низшее, нежели кн. Одоевскій и г. Павловъ. Эта сфера тяготеетъ надъ нею, какъ тяго-

твѣтъ образъ Чельскаго: къ этой сферѣ, повѣствовательница относится, пожалуй, и съ сравнительно высшими требованіями, но съ обаяніемъ ся она не разстанется. Это, если хотите, и дорого въ романѣ г-жи Туръ, если смотрѣть на него, какъ на безпритязательныя записки свѣтской женщины, но это вредитъ его художественному достоинству.... Отъ этого и въ характерѣ героини романа есть нѣчто недосказанное, неопредѣленное, отъ этого она стоитъ то въ разрѣзѣ съ сферою, для которой рождена, то въ уровень съ нею.

А между тѣмъ, нельзя не сказать, что блестящая сторона романа г-жи Евгеніи Туръ—анализъ свѣтскихъ отношеній, изображеніе этой обаятельной для нея самой сферы. Есть одна только ошибка въ манерѣ изображенія: авторъ постоянно смотритъ на свѣтскія отношенія трагически; можетъ быть онъ и убѣжденъ даже, что только съ этой точки зрѣнія они и могутъ быть воспроизведены художествомъ, тогда какъ мы, профаны, судя по авторскимъ же изображеніямъ, думаемъ, что напримѣръ сухой догматизмъ княгини Бѣловодской и окружающихъ ея лицъ, былъ бы яснѣе для читателей, если бы изображенъ былъ съ комической точки зрѣнія.... Въ трагической манерѣ проглядываетъ слишкомъ много увлеченія, и притомъ увлеченія не вѣчнымъ, неперемѣннымъ идеаломъ, а тѣми же формами.

Таково отношеніе автора къ анализируемой сферѣ, отношеніе не свободное и потому не художественное. Имѣло оно вліяніе и на общечеловѣческую сторону романа, на анализъ сердца, на исторію сердца.

Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, разбирая Антонину, мы остановились на грустномъ вопросѣ, почему для глубокочувствующихъ натуръ Антонины и героини Ошибки—Ольги, такіе господа, какъ Мишель и Славянъ, были въ любви Геркулесовыми столпами; въ свое время также подверглись мы отъ поборниковъ великосвѣтскости нареканію, какъ за неучитивое прозвище, приданное нами подобнымъ героямъ, такъ и за самый вопросъ. Въ Племянницѣ мы встрѣтили повтореніе такихъ же отношеній, и принуждены были сдѣлать другой, болѣе грустный вопросъ: спо-

СВѢДѢНІЯ

собенъ ли авторъ Племянницы подняться до сознанія идеаловъ, болѣе широкихъ и живыхъ, нежели характеры Мишеля, Славина, Чельскаго, Ивина и т. д.

Отвѣчать на этотъ вопросъ чрезвычайно трудно, особенно при настоящихъ данныхъ, которыя мы имѣемъ въ самомъ романѣ. Представитель идеальныхъ стремленій въ романѣ и въ сердцѣ героини—Ильменевъ, но въ Ильменевѣ нѣтъ ничего живаго, типическаго, Ильменевъ ходячая абстракція, часто смѣшная, и какъ будто умышленно поставленная въ положеніе жертвы. Какъ хотите, но во все продолженіе довольно объемистыхъ четырехъ частей заставить человѣка жертвовать собою, и только жертвовать, едва ли не значить выводить опять на сцену того добродѣтельнаго человѣка, котораго Гоголь прогналъ со сцены. Ильменевъ конечно добродѣтельный человѣкъ, (если только онъ человѣкъ, а не абстракція), пожалуй даже прекрасный человѣкъ, но въ немъ крови нѣтъ, жизни нѣтъ, онъ слишкомъ апатиченъ, чтобы можно было ставить во что-нибудь его жертвы. Такихъ людей не бываетъ.... Однимъ словомъ, вопросъ въ отношеніи къ Ильменеву, какъ представителю высшихъ требованій, поставляется такъ: или авторъ *точно* вѣрить въ эти высшія требованія, и въ такомъ случаѣ Ильменевъ вышелъ бы не таковъ, и вліяніе его на Машу было бы не таково,—или эти требованія въ душѣ героини романа только роскошь, только прихоть изящной свѣтской натуры, и Ильменевъ поставленъ чѣмъ-то въ родѣ телеграфа для передачи ея ощущеній.

Вотъ почему, заключая наши замѣчанія о повѣствователяхъ, избравшихъ предметомъ художественной разработки сферу большаго свѣта, и о «Племянницѣ» г-жи Туръ, какъ послѣднемъ произведеніи, отражающемъ эту сферу,—мы въ правѣ отдать здѣсь пальму первенства страстной манерѣ автора «Милліона». Все трагическое и грандіозное воплотилъ онъ въ смѣлой и безпощадно-послѣдовательной личности героя повѣсти, и поставилъ ее въ такое отношеніе къ избранной имъ сферѣ жизни, которое уже менѣе всего можетъ быть названо отношеніемъ, ограничивающимъ сознаніе.

Совершенно иного рода литературное явленіе составляютъ про-

изведенія г. Писемскаго. Мы не станемъ анализировать ихъ со стороны чисто художественной, тѣмъ болѣе, что въ этомъ же N нашего журнала читатели могутъ найти подробный разборъ «Брака по страсти», по поводу критической статьи, напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ. Мы съ своей стороны должны взглянуть на дѣло съ своей, исторической точки зрѣнія, т. е. опредѣлить отношеніе произведеній г. Писемскаго къ принятому нами исходному историческому пункту. Вопросъ о томъ, художникъ ли г. Писемскій по натурѣ, или только беллетристъ, какимъ хотятъ его представить нѣкоторые критики, мы предполагаемъ такъ же рѣшеннымъ.... Этотъ вопросъ разрѣшается притомъ чрезвычайно просто: г. Писемскій художникъ, но художникъ съ совершенно особенной манерой, и господа, требующіе отъ него какого-то движенія въ развитіи дѣйствія и характеровъ, упрекающіе его въ недостаткѣ *психологическаго анализа* (!!), не хотятъ понять, что приступаютъ къ его произведеніямъ съ заранѣе составленными теоріями, и сердятся на то, что ихъ теоріи не оправдываются на произведеніяхъ новаго дарованія.

И такъ, во-первыхъ, г. Писемскаго считаемъ мы истиннымъ художникомъ по натурѣ, и притомъ художникомъ съ особенной манерой. Нигдѣ такъ ярко не проявляется для насъ эта особенность, какъ въ Ипохондрикѣ. Мы готовы впрочемъ найти въ этой манерѣ нѣкоторое сходство съ молюеровскою манерою. Но съ другой стороны, нашего глубокаго сочувствія къ таланту автора «Тюфяка», «Брака по страсти», «Комика» и «Ипохондрика», мы не будемъ доводить до крайностей. Г. Писемскому дана новая манера въ изображеніи дѣйствительности, но не дано сказать о ней никакого новаго слова. Тамъ, гдѣ взглядъ его на искусство выразился съ особенною ясностью, въ «Комикѣ», онъ является прямымъ послѣдователемъ Гоголя, и какъ въ «Комикѣ», такъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, такъ сказать, только *половиною* великаго учителя. Въ такихъ же точно прямыхъ и непосредственныхъ отношеніяхъ съ дѣйствительностію стоитъ онъ, какъ и Гоголь,—но внутри его, эта дѣйствительность переработалась не такъ, какъ у автора «Носа» и «Ревизора»; его отношеніе къ дѣйствительности мы назовемъ подчиненнымъ, зависимымъ, но только сравнительно

съ совершенно свободнымъ, гениально-творческимъ отношеніемъ къ оной Гоголю. Назвать его чисто, безотносительно зависчмымъ, было бы несправедливо въ высшей степени, и несправедливость обличилась бы весьма рѣзко при сравненіи, положимъ, хоть съ г. Михайловымъ, котораго дарованіе ударило, можетъ быть, пока-мѣстъ: въ настоящую минуту, въ крайность, въ копировку всѣхъ безъ разбора явленій дѣйствительности, или съ г. Меншиковымъ, писателемъ умнымъ, и тоже не безъ дарованія, но схватывающимъ въ явленіяхъ жизни только внѣшнія стороны. Г. Писемскій не таковъ, и даже сравнили мы его съ двумя означенными нами дарованіями только для того, чтобы ярче выставить его особенность. Авторъ Тюфяка глубоко всматривался въ дѣйствительность, но отдаваясь ей вполне, изображая ее съ поразительною непосредственностью, онъ, можетъ быть, самъ не видитъ того, что находится подъ ея гнетомъ, а этотъ гнетъ ясно выражается даже въ выборѣ такихъ главныхъ героевъ, каковы герой «Тюфяка» и «Дурнопечинъ»: одинъ, страдающій неисцѣлимимъ моральнымъ недостаткомъ, другой—столько же безысходнымъ недугомъ физическимъ;—выражается и въ трагической участи Рымова, и даже въ «Бракѣ по страсти», этой, повидимому, только легкой и блестящей красками картинѣ.

Вотъ все, что мы съ своей стороны, и съ своей точки зрѣнія, желали сказать о талантѣ г. Писемскаго, не считая нужнымъ повторять мнѣнія, которое вполне мы раздѣляемъ, и которое встрѣтатъ читатели въ этой же книжкѣ журнала. Въ г. Писемскомъ дорожимъ мы его непосредственнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, и это отношеніе, въ соединеніи конечно съ его яркою манерою, ставитъ его въ глазахъ нашихъ выше всѣхъ другихъ современныхъ дѣятелей литературныхъ, но не отъ него ждемъ мы новаго, сильнаго слова.... Отъ кого именно ждемъ мы этого новаго слова, мы имѣемъ право сказать уже прямо въ настоящую минуту: «Бѣдная невѣста» предстоить суду публики, и смѣшно было бы намъ, изъ какого-то особеннаго рода журнальнаго рыцарства, отрицаться отъ того, что въ этомъ новомъ произведеніи автора комедіи «Свои люди—сочтемся», мы видимъ новыя надежды для искусства. Оно стало уже теперь достояніемъ всѣхъ и cadaго, и наше удовольствіе можетъ быть повѣрено всѣми и каждымъ.

А. Григорьевъ.

Отечественныя Записки, 1852 годъ. N 1-й. Январь.

Проселочный дороги, романъ безъ интриги, Д. В. Григоровича.

Часть первая. Мы подождемъ, конечно, окончанія, для того чтобы сказать наше общее мнѣніе о новомъ романѣ. Это не помѣшаетъ намъ однако сказать теперь же нѣсколько словъ о первой части его, которая уже и по одному объему сама стоитъ иного романа. Притомъ мы не могли удержаться, чтобы не высказать нашего сочувствія къ таланту г. Григоровича, который уважаемъ и цѣнимъ. Отраднѣе въ самомъ дѣлѣ, послѣ бездны безскладныхъ и жалкихъ варіацій на одну и ту же тему, послѣ разныхъ свѣтскихъ повѣстей, лишенныхъ всякаго содержанія, и разныхъ другихъ подобнаго рода, крайне бѣдныхъ, и какъ бы въ очарованномъ тѣсномъ кругу вращающихся литературныхъ явленій, встрѣтиться съ произведеніемъ, которое съ перваго же раза поражаетъ васъ множествомъ свѣжихъ и новыхъ типовъ, и какъ бы выводитъ наконецъ на свѣжій воздухъ изъ душной атмосферы, въ которую заключилась извѣстная часть нашей литературы. На первый разъ г. Григоровичъ, вводитъ васъ въ маленькій мірокъ, въ центръ котораго вращается безъ сомнѣнія самая замѣчательная личность романа, Аристархъ Ѳеодоровичъ Балахновъ. Не лѣзя не поблагодарить автора, за то, что онъ выбралъ именно этотъ типъ уѣздныхъ честолюбцевъ изъ множества другихъ, часто встрѣчающихся въ провинціи. Не лѣзя также не обратить вниманія на мастерство, съ какимъ представлено это лицо, со всею обычною своею обстановкою. Начиная съ различныхъ фантастическихъ бесѣдокъ и деревянныхъ лебедей, плавающихъ на прудахъ его, до сношеній съ женой, полныхъ драматизма, все нарисовано смѣлою рукой, и обличаетъ многостороннюю наблюдательность автора. Не менѣе хороши отношенія Балахнова къ окружающимъ мелкимъ помѣщикамъ, къ другу и довѣренному Кошкину, къ приживальщикамъ, къ дворянъ, наконецъ къ сосѣдямъ, которые понимаютъ, что такое Аристархъ Ѳеодоровичъ, и не водятъ съ нимъ знакомства. Но мы воротимся еще со временемъ къ этой личности, и потому спѣшимъ перейти къ другимъ удачнымъ лицамъ, выведеннымъ г. Григоровичемъ. Таковъ напр. Карачаевъ, Бобоховъ, наконецъ изъ дворянъ маляръ Калина, который, по словамъ автора, «ненавидѣлъ на смерть всякую спѣшную работу: онъ любилъ заниматься искусствомъ сопъ атоге, любилъ тщательно вывести каждую полосу, каждый штришокъ; къ тому же потреблялось имъ много времени на обдумываніе произведеній, и еще больше на то, чтобы отложить въ сторону послѣ каждаго новаго удара

кисти, прищуривать то тогъ, то другой глазъ, и восхищаться этими ударами....» Да мало ли что еще есть въ одной первой части романа г. Григоровича. Если дѣло пойдетъ такъ далѣе, общаемъ читателямъ много и много удовольствія. За тѣмъ прощаемся пока съ романомъ, надѣясь, и скоро, опять встрѣтиться съ нимъ.

Зооморфическія божества у Славянъ: птица, конь, быкъ, корова, змѣя и волкъ. Новое изслѣдованіе г. Аванасьева, не отличающееся почти ничѣмъ отъ предыдущихъ. Пождемъ конца.

Домашній бытъ Русскихъ Царей прежняго времени. И. Е. Забѣлина. Статья третья. Мы уже отдавали прежде должную справедливость этому прекрасному труду, который, по окончаніи своемъ, составитъ безъ сомнѣнія интересное пріобрѣтеніе для Русской исторической литературы; то же должны мы сказать и о напечатанной теперь третьей части, которая читается съ большимъ интересомъ, и чрезвычайно оживлена искусно приведенными выписками изъ древнихъ памятниковъ.

Переходимъ къ «обзору русской литературы въ 1851-мъ году». Въ напечатанной пока первой статьѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: Богословіе, Филологія, Теорія словесности, Исторія литературы, Беллетристика: стихотворенія, романы, повѣсти и рассказы, драматическія произведенія; Иностранная словесность.

Оставаиваться на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ нѣтъ никакой надобности, ибо по большей части они представляютъ сухой перечень статей и сочиненій, кое-гдѣ съ короткими отзывками, кое-гдѣ съ примѣсью полемики. Мы укажемъ впрочемъ впослѣдствіи на нѣкоторыя особенно любопытныя мѣста этого обзора, и скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ духѣ его. Теперь же спѣшимъ остановить наше исключительное вниманіе на самой капитальной части обозрѣнія, на давно обѣщанной оцѣнкѣ произведеній г. Писемскаго. Уже по самому объему своему эта оцѣнка можетъ кинуться въ глаза всѣмъ читателямъ обозрѣнія, но еще болѣе должна она поразить всякаго своимъ тономъ. Оцѣнить вполне и дѣльно писателя еще молодого, свѣжаго и только что начинающаго свое литературное поприще, оцѣнить до такой степени, чтобы поставить разъ на всегда границы его таланту, указать путь, по которому онъ неизбѣжно пойдетъ далѣе, — дѣло не легкое, и взять такую задачу на свою совѣсть рѣшится не всякій. Тѣмъ не менѣе съ такой именно оцѣнкой имѣемъ мы теперь дѣло. Приступимъ же къ ней съ подобающими чувствами.

«Имя г. Писемскаго, такъ начинается авторъ оцѣнки, осталось въ памяти у многихъ, которые прочли его *Тюфякъ*. Не всѣ были удовлетворены первымъ произведеніемъ г. Писемскаго, но всѣ признали въ немъ литературный талантъ. Нѣкоторые изъ производителей журнальных обзрѣвѣй просто пали ницъ передъ нимъ, и провозгласили его талантомъ «художественнымъ»; черезъ нѣсколько времени потомъ, въ противоположность неизвѣстно какимъ писателямъ, они же признали его талантомъ «искреннимъ». Не то, чтобъ мы могли повѣрить художественности и искренности таланта со словъ какого-нибудь журнальнаго обзрѣвателя: но въ этомъ призваніи для насъ очень важно то обстоятельство, что критика журнальных обзрѣвѣй, встрѣтившись съ произведеніями г. Писемскаго, тотчасъ опускаетъ руки передъ ними и, безъ всякихъ околнчностей ударяется въ безусловныя похвалы имъ. Стало быть эти произведенія приходятся ей не подъ силу, стало быть они составляютъ довольно рѣдкое исключеніе въ нашей текущей литературѣ».

До сихъ поръ еще не сказано ничего, но уже тонъ заданъ, и всякій невольно думаетъ: вотъ это критикъ, настоящій. Это не то, что журнальные обзрѣватели....

Тонъ поддерживается и далѣе, и довѣріе читателей къ критику возрастаетъ до неслыханныхъ размѣровъ, послѣ слѣдующихъ фразъ: «На первыя произведенія «мы» привыкли вообще смотрѣть какъ на пробу таланта, и не вдругъ рѣшились бы по нимъ только отыскивать признаки художественности или нехудожественности....»

«Мы не имѣемъ обычая вести изъ дня въ день постоянныя барометрическія наблюденія надъ состояніемъ нашей литературной атмосферы; но всегда готовы замѣтить каждое довольно значительное въ ней явленіе, чтобы по возможности (къ чему же неумѣстная скромность?) опредѣлить мѣсто и значеніе его въ общемъ оборотѣ литературы.»

Затѣмъ критикъ приступаетъ къ разбору втораго произведенія г. Писемскаго: *Сергей Петровичъ Хозаровъ и Мари Ступицына, Бракъ по страсти* (въ Отечественныхъ Запискахъ впрочемъ напечатано: *Бракъ по расчету*, не знаемъ, ошибка это, или поправка?). Но прежде нежели мы послѣдуемъ за критикомъ въ его разборъ, скажемъ нѣсколько словъ отъ себя о повѣсти г. Писемскаго.

Зная очень хорошо нашихъ критиковъ, авторъ не удовольствовался тѣмъ, что образно и въ дѣйствіи выразилъ свою мысль,—онъ намекаетъ на эту мысль даже въ эпиграфѣ, избранномъ имъ для

своей повѣсти. «Мелкія натуры, сказано тамъ, только претендуютъ на любовь, и неудачно драпируются плащемъ Ромео и Юлія».

Да, скажемъ и мы вмѣстѣ съ г. Писемскимъ, любовь есть тоже своего рода талантъ, даръ природы, и способность любить истинно и нормально дана далеко не всякому. А между тѣмъ кто же не претендуетъ на любовь, кто не полагаетъ себя способнымъ къ истинной и глубокой страсти, кто наконецъ не готовъ признать въ себѣ и другихъ за любовь чуть чуть человѣческую склонность или причуду своего распаленнаго воображенія. Если много зла въ жизни происходитъ отъ отсутствія любви въ брачныхъ отношеніяхъ, то едва ли не столько же порбждается и безразсудною любовью, минутною прихотью сердца, наконецъ страстью, родившеюся въ головѣ, если всѣ подобныя движенія души не остановятся во время, но разовьются въ прочныя отношенія съ женщиной. Если гнусны и противучеловѣчны союзы, основанныя на корысти, тщеславіи и другихъ нелѣпыхъ побужденіяхъ, то съ другой стороны смѣшны до крайности и тѣ пародіи на любовь, которыя только обставлены вѣшнымъ приборомъ истинной любви, въ самомъ же дѣлѣ имѣютъ съ нею только одну общую черту—ослабленіе. И именно смѣшны они по преимуществу, потому что рѣдко разыгрываются въ драмму, но по большей части, если и поражаютъ страданія, то страданія мелкія, мало внушающія участія, и до конца носящія въ себѣ элементъ комическаго, неразумнаго. Такую именно мысль хотѣлъ выразить г. Писемскій въ своей повѣсти «Бракъ по страсти», и нельзя не благодарить его за то, что онъ тронулъ вопросъ о любви съ такой оригинальной стороны, нельзя не видѣть, что мысль, лежащая въ основѣ его повѣсти, вынесена имъ не изъ теоретическаго пониманія, но изъ многостороннихъ наблюденій надъ жизнью, что, однимъ словомъ, сама жизнь натолкнула его на эту мысль. Голосовъ въ пользу любви раздавалось много въ нашей, какъ и во всякой другой литературѣ; любовь угнетенная являлась во всевозможныхъ видахъ, было также много протестовъ противу многоразличныхъ условій; стѣсняющихъ любовь. Во множествѣ произведеній, порожденныхъ этими, въ сущности благородными и возвышенными побужденіями, попадались конечно и такія, которыя брали вопросъ съ настоящей стороны, стояли за безусловно правое дѣло; но были и произведенія, которыя только запутывали и затемняли дѣло, порождая ложныя мысли объ одной изъ самыхъ благороднѣйшихъ страстей человѣка.

Въ этомъ последнемъ случаѣ они безъ сомнѣнія приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы. Самая дурная сторона ихъ была совершенная

разрозненность съ дѣйствительною жизнью, искаженіе дѣйствительности по произволу для проведенія нѣсколькихъ, иногда даже не прожитыхъ самимъ авторомъ, мыслей. Если они и дѣйствовали на публику, то какъ-то странно, возбуждая въ ней рѣшительно неудовлетворимыя и неприложимыя стремленія, разжигая мысль причудливыми и соблазнительными формами любви, выдумываемой авторомъ въ его праздныхъ мечтаніяхъ.

Ничего такого выдуманнаго, т. е. фальшиваго, нѣтъ въ повѣсти г. Писемскаго. Передъ вами происшествіе изъ дѣйствительной жизни, какихъ вамъ, можетъ быть, не разъ случалось быть свидѣтелемъ, происшествіе до такой степени правдивое, что кажется, будто оно списано съ какого-нибудь дѣйствительно случившагося событія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти лица, выходящія въ повѣсти, эти отношенія между ними, вся обстановка—вы ихъ видали не разъ. Только ясность, съ которой озаренъ внутренній смыслъ всего событія и раскрыты внутреннія пружины, двигающія лицами, показываетъ вамъ, что вы имѣете дѣло съ свободнымъ продуктомъ таланта, правда твердо опершагося на дѣйствительность, и всѣ формы своего произведенія взявшаго изъ нея. Но пора перейти къ самому содержанію, къ той формѣ и тѣмъ образамъ, въ которыхъ воплотилась мысль автора.

Герой повѣсти—поручикъ въ отставку Сергій Петровичъ Хозаровъ. «Кромѣ пріятной наружности, говоритъ авторъ, Сергій Петровичъ владѣлъ еще многими другими достоинствами. Служивши въ полку, онъ слылъ за славнаго малагѣ, удивительнаго мастера танцовать, и вообще за человѣка образованнаго, потому что имѣлъ очень приличныя манеры, говорилъ по-французски, владѣлъ перомъ и сочинялъ стихи, изъ коихъ двое были даже напечатаны въ какомъ-то журналѣ, по главное: онъ имѣлъ необыкновенно много вкуса! При первой возможности, молодой поручикъ такъ мило отдѣлывалъ и меблировалъ свою квартиру, что пріѣзжавшія къ нему, разумется съ мужьями, дамы ахали отъ восторга и удивленія; экипажъ у него былъ одинъ изъ первыхъ, не говоря уже о стромѣ рысакѣ; жёнку Хозаровъ умѣлъ варить классически, и вообще съ неподражаемымъ умѣньемъ распорядиться пріятельскими пирушками, и всегда почти, по просьбѣ помѣщиковъ, устраивалъ у нихъ балы, и балы выходили отличные».

Показавъ своего героя съ блестящей стороны, выставивъ на видъ его свѣтскія, такъ сказать, достоинства, которыми онъ по праву пріобрѣталъ расположеніе въ обществѣ, авторъ не скрываетъ и его слабостей, свойственныхъ впрочемъ всякому человѣку. «Во-первыхъ,

онъ былъ очень влюбчивъ, такъ что не проходило мѣсяца, чтобы онъ въ кого-нибудь не влюбился, и влюблялся обыкновенно искренно, но только не надолго: во-вторыхъ, имѣлъ сильную склонность и большую въ то же время способность брать деньги взаймы; надъ первою его слабостью товарищи подтрунивали и называли его Сердечкинымъ, вторымъ же недостаткомъ даже тяготились, особенно въ послѣднее время, такъ какъ эта склонность въ немъ со дня на день болѣе и болѣе развивалась».

Дѣйствіе повѣсти захватываетъ Хозарова въ то время, когда онъ, совершенно промотавшись, пріѣхалъ въ Москву, съ надеждой поправить состояніе выгодной женитьбой, и такимъ образомъ получить возможность удовлетворять потребностямъ своего вкуса и умѣнья жить *comme il faut*. Обстоятельства его въ это время были такъ плохи, что онъ принужденъ былъ остановиться въ бѣдныхъ пумерахъ Татьяны Ивановны, среди общества совершенно ему чуждаго по привычкамъ и потребностямъ, которымъ онъ не безъ основанія гнушается. Понятно, что такой жилецъ блисталъ какъ алмазъ между другими жильцами Татьяны Ивановны, болѣею частію людьми пьющими, бѣдными не случайно, какъ Хозаровъ, но постоянно и безвыходно. Мудрено ли, что Татьяна Ивановна смотрѣла съ уваженіемъ на своего жильца, отъ души вѣрила, какъ и самъ онъ, въ блестящую будущность, ему предстоящую, и не только не требовала съ него денегъ, какъ съ другихъ, безнадежныхъ жильцовъ, но даже сама помогала ему по мѣрѣ силъ. Нумера Татьяны Ивановны, ея отношенія къ Хозарову и другимъ жильцамъ, наконецъ закулисная жизнь Хозарова, представлены авторомъ такъ мастерски, обставлены картинами такими живыми и вѣрными дѣйствительности, что мы давно уже не читывали ничего подобнаго въ нашей литературѣ. Можно пожалуй замѣтить, что все это даже слишкомъ роскошно для хода повѣсти, для очерка домашней жизни Хозарова, но конечно ужъ не читателю или критику упрекнуть автора за такое богатство подаренныхъ ему сценъ и образовъ. Притомъ не нужно забывать, что сама Татьяна Ивановна играетъ не малую роль въ повѣсти, и имѣетъ полное право быть вполнѣ и подробно обрисованною авторомъ. Какъ уже сказано, Хозаровъ былъ крайне влюбчивъ, и вотъ, едва только въ Москвѣ, онъ успѣлъ пристроить свое сердце, влюбившись въ смазливое личико Мари Ступицыной, балованной дочери Катерины Архиповны Ступицыной, которая, «будучи полною госпожею надъ мужемъ своимъ, Антономъ Федотычемъ и двумя другими дочерьми, Пашетъ и Анетъ, — въ отношеніи Мари была рабою, и рабою безусловною». На сцену выступаютъ новыя отношенія, семейныя отношенія Ступицыныхъ.

Коснувшись этого предмета, авторъ не трогаетъ его только мимоходомъ, какъ это обыкновенно дѣлается, — онъ опять даритъ васъ цѣлою коллекціею типовъ, въ немногихъ словахъ онъ даетъ вамъ понять всю исторію этого семейства, и уясняетъ вамъ до послѣдней степени положеніе каждаго изъ его членовъ. Съ невольнымъ участіемъ вы входите въ положеніе Катерины Архиповны, женщины въ сущности доброй и хорошей семьянинки, но которой характеръ успѣлъ уже значительно попортиться отъ безпрестанныхъ заботъ о хозяйствѣ, дѣтяхъ и пр., заботъ, лежавшихъ безраздѣльно на ней одной, ибо безтолковый мужъ ея Антонъ Федотычъ умѣлъ только выпить, поѣсть, поврать да иногда помечтать объ удобствахъ жизни. Не можемъ не остановиться здѣсь на этомъ лицѣ, которое авторъ немногими штрихами умѣлъ отдѣлать до такой степени, что по прочтеніи повѣсти оно стоитъ передъ вами неотступно, какъ живое. Мастерски нарисовавъ его наружность, и выставивъ его отличительныя, рѣзко всѣмъ бросающіяся въ глаза, черты, онъ даетъ вамъ небольшой очеркъ и его внутренней, духовной, если можно такъ выразиться, жизни. «Невиннымъ и единственнымъ развлеченіемъ Антона Федотыча, говоритъ авторъ, было то, что онъ, сидя въ своей комнатѣ, создавалъ различныя, пріятныя способы жизни; такъ напр., въ одно холодное зимнее утро, на ухарской тройкѣ, онъ ѣдетъ въ городъ, у него тысяча рублей въ карманѣ, онъ садится играть въ карты, проигрываетъ цѣлую ночь. На другой день зоветъ къ себѣ гостей, до пріѣзду еще ихъ выпиваетъ крѣпкой, очищенной водки. Друзья съѣзжаются, онъ угощаетъ ихъ, съ шампанскимъ и съ мороженымъ, превосходнымъ обѣдомъ; вечеромъ заставлятъ играть своихъ музыкантовъ, которыхъ у него тридцать человекъ. Пошавши такимъ образомъ, на другой день принимается за дѣло: ходить по постройкамъ, а вечеромъ писать письма въ Петербургъ, чтобы ему послали четыре ящика вина, словомъ, живетъ на широкую руку русскимъ бариномъ. Всѣ такого рода мечтанія такъ укоренились въ головѣ Ступицына, что онъ самъ начиналъ въ нихъ вѣрить, какъ въ дѣйствительность, и очень любилъ ихъ высказывать себѣ подобнымъ». Не знаемъ, можно ли въ такихъ короткихъ словахъ, сказанныхъ какъ бы мимоходомъ, лучше обрисовать человека и заставить каждаго съ разу увидеть, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Съ такимъ мужемъ, и безъ всякихъ отрадъ въ жизни, — представлявшей ей только мелкія, постоянныя заботы и непріятности, Катерина Архиповна должна была искать хоть въ чемъ-нибудь счастья; въ ней должна была развиться хоть къ кому-нибудь исключительная и сдѣпа

привязанность. И въ самомъ дѣлѣ, вся любовь ея устремилась на младшую дочь, Мари, которую баловать и вѣжить было для нея единственною отрадою. Послѣ всего сказаннаго остается прибавить немного, чтобы познакомить васъ съ самой героиней романа, Мари. Ибо таково сцѣпленіе всѣхъ лицъ и обстоятельствъ въ повѣсти г. Писемскаго, что все въ ней происходитъ и является самымъ простымъ и естественнымъ образомъ, все вытекаетъ, такъ сказать, одно изъ другаго. Нарисовалъ онъ вамъ семейство,—вы уже почти знаете и такого члена его, который еще не показывался на сцену; намекнулъ онъ вамъ на отношенія между своими героями,—вамъ уже рисуются цѣлыя сцены. Поэтому-то нѣтъ никакой надобности говорить о той сторонѣ характера Мари, которая обусловлена въ ней вліяніемъ жизни и воспитанія, остается, стало быть, упомянуть только о ея природныхъ способностяхъ. Онѣ были довольно ограничены. Притомъ же она, какъ говорила сама Катерина Архиповна, еще не сформировалась, была совершенной ребенкомъ, и нѣсколько мѣсяцевъ только перестала играть въ куклы и начала читать романы. Поэтому понятно, что она не призвана играть въ романѣ слишкомъ самостоятельной роли.

Мы познакомились теперь съ главнѣйшими лицами повѣсти. Мы видѣли съ одной стороны Сергѣя Петровича Хозарова, котораго авторъ показалъ намъ и въ его прошедшемъ, и въ его закулисной настоящей жизни. Съ другой стороны мы узнали не одну Мари, прельстившую сердце нашего героя, но и все семейство ея. Однимъ словомъ, и герой и героиня явились намъ не одинокими, но вмѣстѣ съ той средой, которая объясняетъ ихъ существованіе, полнѣе обрисовываетъ ихъ самихъ, и играетъ немаловажную роль въ повѣсти. Дальнѣйшее за тѣмъ такъ просто и естественно, что можетъ быть сказано въ нѣсколькихъ словахъ, хотя при чтеніи представляетъ много наслажденія. Какъ только мы узнали, что выборъ сердца Сергѣя Петровича Хозарова палъ на Мари Ступицыну, мы уже знаемъ въ общихъ чертахъ все, что случится дальше, и какого рода участіе могутъ принять въ судьбѣ героевъ остальные, знакомыя уже намъ лица. Здѣсь могутъ быть правда различныя обстоятельства, которыя видоизмѣнятъ нѣсколько ходъ дѣла, не измѣнивъ ни сколько его сущности. Поэтому авторъ остается совершенно свободнымъ ввести тѣ или другія лица, которыя обнаружатъ вліяніе свое на теченіе повѣсти, лишь бы только эти лица не испортили своимъ вмѣшательствомъ постепеннаго развитія идеи повѣсти, но напротивъ помогли еще болѣе уяснить еѣ. Такими вводными лицами являются госпожа Мамялова и Рожновъ. Къ этимъ

двумъ лицамъ, ихъ участію въ повѣсти, и вообще къ дальнѣйшему теченію разсказа мы и перейдемъ, сдѣлавъ предварительно одно замѣчаніе.

Читатель уже замѣтилъ конечно, съ какою роскошью г. Писемскій познакомилъ насъ не только съ двумя главнѣйшими героями, но и со всѣми, болѣе или менѣе близко прикасающимися къ нимъ, лицами. Нужно ли говорить, что это обиліе подробностей составляетъ одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ и характеристическую черту такого рода художественныхъ произведеній, какъ повѣсть г. Писемскаго. Есть повѣсти, которыхъ главнѣйшее достоинство состоитъ въ счастливо выдуманномъ и интересномъ сюжетѣ, дѣйствіе въ нихъ развивается живо и быстро, интрига занимательна, и вниманіе постоянно поддерживается неожиданными, хотя иногда и правдоподобными событіями. Есть другія повѣсти, которыхъ весь интересъ и вся заслуга состоитъ въ благородной мысли, неволью возбуждающей участіе всякаго современнаго человѣка. Въ этихъ послѣднихъ обыкновенно все содержаніе выдумывается, и строится по такому плану, который наиболѣе рѣзко и осязательно можетъ выставить задушевную мысль автора; отъ того онѣ не стоятъ обыкновенно въ очень близкой связи съ жизнью, не заимствуютъ у ней всѣ подробныя черты обстановки дѣйствія. Занятый главнѣйшимъ образомъ своею мыслию, авторъ не увлечется рисовкою лицъ и событій во всей ихъ полнотѣ и мелочности, онъ спѣшитъ поскорѣй къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ сосредоточенъ весь интересъ, весь смыслъ повѣствованія. Повѣсть г. Писемскаго, «Бракъ по страсти», не принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому роду. Все значеніе ея заключается въ подробной и вѣрной рисовкѣ всѣхъ обстоятельствъ событій, составляющаго ея содержаніе. Она беретъ фактъ какъ бы прямо изъ жизни, не вкладывая въ него никакой впередъ заданной мысли, но только раскрываетъ мало по малу весь смыслъ этого факта, все его внутреннее значеніе, и слѣдя постоянно за авторомъ во всѣ закулисныя тайны его героевъ, знакомясь понемногу со всѣми мельчайшими ихъ отношеніями, вы наконецъ сами входите въ смыслъ повѣсти, вынося изъ нея живую мысль, не навязанную вамъ авторомъ, но добытую вашимъ собственнымъ обсужденіемъ. Его дѣло было сообщить вамъ въ подробности всѣ данныя для уразумѣнія совершающагося передъ вами событія, для чего, какъ художникъ, онъ имѣетъ только одно средство, добросовѣстную и вѣрную рисовку. За то, добравшись вашимъ собственнымъ мышленіемъ до мысли, лежащей въ повѣсти, вы приобретаете нѣчто твердое и самобытное, вы можете

обсуживать всѣ факты, перошедшіе предъ вами, какъ бы нѣчто доставшееся вамъ собственнымъ долгимъ опытомъ, безъ боязни быть обманутымъ подсунутыми вамъ подъ формую образовъ и событій, собственными принципами автора, Богъ знаетъ откуда имъ взятыми. Но обращаемся къ дальнѣшему теченію повѣсти. Если Хозаровъ влюбился въ хорошенькое личико Мари Ступицыной, то какъ же могла она съ своей стороны уберечь свое сердце отъ Хозарова, имѣвшаго, кромѣ пріятной наружности, много и другихъ блестящихъ достоинствъ? Дѣйствительно они влюбились другъ въ друга, и разумѣется, каждый по своему, — онъ, на-скоро, до слѣдующаго благопріятнаго случая, она — какъ пустая и глупая дѣвчонка, у которой и любовь-то выразилась въ формѣ дѣтскаго каприза и прихоти. Нельзя упустить между прочимъ и того изъ виду, что на усиленіе любви Хозарова имѣло немаловажное вліяніе нравное ему Антономъ Фодотычемъ про 300 душъ и 50 тысячъ деньгами, которыя будто бы составляли приданое Мари. Сперва черезъ посредство Татьяны Ивановны, а потомъ и самъ, при свиданіи на балѣ, Хозаровъ увѣряется въ любви къ нему Мари, и поощряемый также надеждою на обезпеченное состояніе, рѣшается дѣйствовать.

Возлѣ этой любви двухъ молодыхъ сердець, передъ нами возникаютъ новыя отношенія, толстяка Рожнова, тоже къ Мари. Въ двухъ, трехъ сценахъ авторъ мастерски рисуетъ этого разсудительнаго, довольно лѣниваго и очень не глупаго человѣка, который берется за любовь совсѣмъ другимъ образомъ, нежели Хозаровъ. Онъ не суетится и не мечется, какъ тотъ, не чувствуетъ никакихъ порывовъ страсти, онъ просто высмотрѣлъ себѣ невѣсту по праву, не изъ далекихъ по уму, но за то хорошенькую, еще почти дитя, стало быть безъ слишкомъ сильнаго развитія характера, что иные почитаютъ весьма неудобнымъ въ супружествѣ. Уже напередъ видно, какіе даже планы онъ имѣетъ въ виду на будущее время. Женившись, отъ увезетъ жену въ деревню, и заживетъ тамъ своею лѣнливою, созерцательною жизнію, прибавивъ новое удобство къ своей жизни, станетъ читать англійскіе романы, любить по своему жену, шутить съ своими балованными лакеями, можетъ быть заниматься хозяйствомъ, и т. д. Таковъ соперникъ Хозарова, имѣющій передъ нимъ преимущество въ тысячи душъ, и расположеніе къ себѣ Катерины Архиповны. Но гдѣ же устоять всему этому противъ страстной любви?

Такъ по крайней мѣрѣ понимаетъ это дѣло г-жа Мамилова, отлично разсуждающая объ истинной любви, но вышедшая за мужъ по расчету, и занимающаяся въ Москвѣ любовью Хозарова къ Мари между тѣмъ,

какъ мужъ ея хлопочетъ гдѣ-то въ степныхъ губерніяхъ о приобретѣніи денегъ и доставленіи ей средствъ къ жизни. На этомъ новомъ лицѣ нужно нѣсколько остановиться, потому что оно почему-то особенно не понравилось нѣкоторымъ. Обвиняли автора въ неправильныхъ отношеніяхъ къ созданному имъ типу, въ томъ, что онъ казнить только насмѣшкой эту благородную женщину вмѣстѣ съ другими, стоящими далеко ниже ея въ нравственномъ отношеніи, и т. д. Всѣ эти обвиненія произошли отъ непониманія смысла повѣсти г. Писемскаго. Инымъ показалось, что вся забота автора «Брага по страсти» состояла не въ томъ, чтобы сказать нѣчто своею повѣстью, но чтобы набрать побольше коллекцію смѣшныхъ типовъ, которыхъ онъ и вербуетъ даже между лицами, не смѣшными сами по себѣ. Въ этомъ убѣжденіи они и обидѣлись за Мамилову, въ которой самъ авторъ не скрылъ нѣсколькихъ благородныхъ чертъ. Но станьте только на точку зрѣнія автора, взгляните съ надлежащей стороны на безобразное дѣло любви Хозарова и Мари, и въ какое иное отношеніе станете вы къ г-жѣ Мамиловой, которая, лишивъ сама себя наслажденій любви, дошла потомъ головою до пониманія прелести сердечныхъ отношеній, и не разбирая дѣла, не понимая настоящимъ образомъ ни людей, ни ихъ поступковъ, видитъ повсюду истинную любовь, недостающую ей самой, и покровительствуетъ ей, правда, съ жаромъ и нѣкоторымъ даже самопожертвованіемъ, но до крайности безтолково? Неужели такъ рѣдки уже нѣкоторыя благородныя побужденія, что, ради ихъ, не лзя выставить въ смѣшномъ свѣтѣ того, что истинно смѣшно въ человѣкѣ? Вѣдь напр. Рожновъ тоже недурной человѣкъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ? Конечно, какъ человѣкъ разсудительный и многое понимающій въ жизни, онъ, можетъ быть, не сталъ бы давать денегъ Хозарову, и вообще не сдѣлалъ бы никакого эксцентрически благороднаго поступка, но мы не видимъ, почему бы онъ не былъ человѣкомъ честнымъ, добрымъ и способнымъ на хорошее дѣло. А между тѣмъ и на него, хотя на самое здоровое лице въ повѣсти г. Писемскаго, пала извѣстная, слѣдующая ему доля, комизма. Въ этомъ-то именно и особенность таланта г. Писемскаго, что въ немъ нѣтъ увлеченія къ извѣстнымъ узкимъ идеямъ, которыхъ неприкосновенность, имѣющая конечно свою хорошую сторону, безъ сомнѣнія должна уступить мѣсто другому высшему, тоже нравственному принципу, воздаію всякому должнаго. — Наконецъ, если ужъ нужно сказать про мысль г. Писемскаго, про то, что онъ сказалъ въ своей повѣсти о Мамиловой, то ужъ конечно никто не увидитъ, чтобы онъ смѣялся надъ ея благородными движеніями, по

сколько они благородны, онъ только показать, что и условно благородныя побужденія могутъ быть иногда глупы и безтолковы, и показать это, какъ художникъ, комизмомъ, кинутымъ на Мамилову.

Мы остановились на соперничествѣ Хозарова и Рожнова въ любви къ Мари Ступициной. Положеніе этого дѣла таково въ настоящее время: съ одной стороны Катеринѣ Архиповнѣ представляется очень выгодная и вообще хорошая партія для дочери въ лицѣ Рожнова, кромѣ того Рожновъ ковечно открываетъ ей глаза на Хозарова, и она отчасти понимаетъ, что въ немъ мало проку, но она мать и мать слабая въ высшей степени въ отношеніи къ Мари; съ другой стороны Хозаровъ, которому впрочемъ уже во время первыхъ порывовъ любви нравится иногда Мамилова больше самой Мари, сильно возбуждающей его страсть только, когда хорошо одѣта, да имѣетъ открытыя руки и плеча, этотъ Хозаровъ влюбленъ въ Мари, а она въ него. Ему усердно помогаютъ Мамилова и Татьяна Ивановна. Первая потому, что ей очень понравилось быть покровительницею истинной любви, а вторая изъ нѣкоторыхъ надеждъ, и потому еще, что, очарованная сама своимъ милымъ жильцемъ, она полагаетъ, что такой человѣкъ способенъ осчастливить всякую женщину, больше же всего потому, что любить похлопотать, и въ особенности въ свадебномъ дѣлѣ.

Наконецъ Хозаровъ дѣлаетъ письменное предложеніе, въ которомъ говоритъ между прочимъ, что уже имѣетъ признаніе Мари въ любви къ нему. Во время полученія этого письма у Катерины Архиповны случился Рожновъ, уже провѣдавшій стороною о намѣреніяхъ Хозарова и именно по этому случаю пріѣхавшій къ Ступицынымъ. Катерина Архиповна, разумеется, поражена предложеніемъ, и въ особенности тѣмъ, что ее дочь, «этотъ ребенокъ, который еще ничего не понимаетъ», не только влюблена, но уже и сказала объ этомъ Хозарову. По совѣту и подъ диктовку Рожнова, она пишетъ Хозарову довольно неучтивый отказъ, гдѣ проситъ его даже не посѣщать ихъ болѣе. Получивъ такой отвѣтъ, Хозаровъ рѣшается на смѣлый подвигъ — увезти Мари. Онъ уже успѣлъ переслаться съ ней при посредствѣ одной торговки, приятельницы Татьяны Ивановны, которую по совѣту Рожнова тоже не принимаютъ въ домъ Ступицыныхъ. Но для такого дѣла нужны деньги? Гдѣ же Хозарову взять ихъ? Онъ было толкнулся къ своему сосѣду по номерамъ, помѣщику, но тотъ знаетъ Москву, гдѣ по его мнѣнію живутъ все надувалы, онъ, разумеется, отказалъ. Тогда Хозаровъ догадался отправиться къ Мамиловой. При первыхъ словахъ его, она обрадовалась случаю принять наконецъ дѣятельное участіе въ судьбѣ двухъ любя-

шихъ сердець, а кромѣ того не будучи скупа на деньги, которыя ей ничего не стоили, да наконецъ и не рискуя ничѣмъ, съ своей точки зрѣнія, давая въ займы Хозарову, тотчасъ же предложила ему бывшія у ней наличныя деньги и даже брилліанты. Хозаровъ въ восторгѣ отправился домой, заплативъ нѣсколько долга Татьянѣ Ивановнѣ, и прежде всего рѣшился сдѣлать вечеръ своимъ товарищамъ по нумерамъ. Много было къ тому побужденій. Главное дѣло было уже почти устроено, по крайней мѣрѣ средства къ исполненію его найдены; кромѣ того врожденная страсть къ мотовству и жуировкѣ жизнью была долго сдержана въ немъ, и должна же была хоть на минуту проявить себя при благоприятныхъ условіяхъ; наконецъ наверхулись лишніе деньги, безъ труда доставшіяся. Но главное побужденіе Хозарова было задать тону своимъ товарищамъ по нумерамъ и дать имъ хоть немного почувствовать, что онъ за человѣкъ. Конечно онъ говорилъ самъ себѣ, что нужно пригласить ихъ потому, что могутъ пригодиться при похищеніи, но это былъ только предлогъ, которымъ онъ обманывалъ самаго себя. Описаніе этого бала рѣшительно мастерское.

Между тѣмъ въ домѣ Ступицыныхъ совершился переворотъ въ пользу Хозарова. Блѣванная Мари, узнавъ объ отказѣ Хозарову, сдѣлалась даже больва отъ любви, лежала въ постели и не вѣла цѣлыя сутки. Катерина Архиповна сначала крѣпилась нѣсколько времени, но потомъ ея материнскому сердцу стало не подъ силу видѣть страданія своего идола. Она даже совѣтовалась съ Рожновымъ, какъ поступить ей въ этомъ случаѣ, но тотъ сказалъ ей на отрѣзъ, что Мари не страдаетъ, а сентиментальничаетъ, и что Хозаровъ мерзавецъ. Какъ и слѣдовало ожидать, изъ этого объясненія не вышло никакого толка. Рожновъ вскорѣ за тѣмъ, видя, что его дѣло проиграно, утѣхалъ въ деревню. Оставшись одна безъ всякой поддержки, Катерина Архиповна не выдержала долѣе страданій своей дочери. Послѣ объясненія съ ней, при чемъ та разумѣется настояла на своемъ, она рѣшилась положить на волю Божию и выдать ее за Хозарова. Только для очистки совѣсти послала она мужа къ Хозарову развѣдать, какъ онъ живетъ и пригласить его къ нимъ. Антонъ Ѳедотычъ попалъ въ самый разгаръ вечера, разумѣется напился пьянъ, нахвасталъ передъ Хозаровымъ и гостями, и вообще исполнилъ свое порученіе крайне плохо, успѣвъ однако пригласить Хозарова къ нимъ. Такимъ образомъ увозъ Мари сдѣлался совершенно ненужнымъ. Дѣло устроились само собой.

Подаривъ за тѣмъ читателямъ нѣсколько прекрасныхъ сценъ визита Хозарова, какъ нельзя болѣе дорисовывающихъ истинныя отношенія

между всѣми дѣйствующими лицами, авторъ прямо преходитъ въ жизни молодыхъ супруговъ, какъ окончательно раскрывающей значеніе каждаго лица и смыслъ всего событія. Не ждите здѣсь какихъ-нибудь сюрпризовъ, неожиданныхъ превращеній или чего-нибудь подобнаго. Если вы успѣли оцѣнить уже выведенныя авторомъ лица надлежащимъ образомъ (а онъ сообщилъ для этого богатыя данныя), то вы уже почти напередъ знаете, что случится далѣе, послѣ того, какъ данныя лица поставлены въ извѣстное положеніе, но въ томъ-то и наслажденіе эстетическое, чтобы осуществить всѣ ваши въ общихъ чертахъ дѣлаемыя предположенія въ живой формѣ, въ новыхъ картинахъ, подробностяхъ, какихъ вы конечно сами бы не выдумали, но которыя вы тотчасъ признаете своими, разъ усвоить себѣ идею произведенія, и любуетесь каждымъ вѣрнымъ штрихомъ, каждою хорошо положенною краскою.

Такъ какъ, впрочемъ, мы передаемъ не красоты повѣсти, но знакомимъ только съ общимъ планомъ ея, то, разумѣется, въ нашемъ изложеніи исчезнуть всѣ достоинства подробностей и мелочной отдѣлки этого послѣдняго момента событія, и содержаніе его уложится въ немногихъ словахъ. Любовь Хозарова къ Мари очень скоро разстѣлась, какъ только онъ получилъ возможность наслаждаться ею безпрепятственно; кромѣ того онъ былъ жестоко обманутъ въ своихъ предположеніяхъ на счетъ состоянія Мари, и слѣдовательно средствъ къ веселой и блестящей жизни. Сидѣть постоянно съ Мари дома было въ самомъ дѣлѣ скучно, а выѣзжать въ клубъ и къ ресторанамъ, какъ это, вѣроятно, мечталъ дѣлать Хозаровъ, было не на что. Начались домашнія сцены; Катерина Архиповна пробовала было обратить Хозарова къ его истиннымъ обязанностямъ, но онъ даже выжилъ ее изъ дома. Между тѣмъ слабое сердце его начинало уже требовать новаго предмета, и онъ вздумалъ обратиться къ Мамиловой, бывшей къ нему постоянно внимательной, и принимавшей въ немъ участіе, что все онъ не усомнился признать за признаки скрываемой любви къ нему. До самой послѣдней минуты Мамилова не могла понять, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, но какъ только настоянія Хозарова стали уже слишкомъ ясны, она, разумѣется, оскорбилась, сказала ему нѣсколько горькихъ, но справедливыхъ словъ, и прекратила съ нимъ всякія сношенія.

Между тѣмъ Мари также стала искать утѣшенія внѣ супружества, въ одномъ изъ трехъ офидеровъ, вздвигшихъ къ ея матери. У нихъ дошло уже дѣло до поцѣлуевъ, что было даже замѣчено пріѣхавшею невпопадъ Мамиловою, и окончательно разочаровало ее на счетъ Хозарова,

Такъ началась, продолжалась и окончилась исторія любви Сергѣя Петровича Хозарова и Мари Ступицыной, смыслъ которой, ясный читателю до послѣдней степени, благодаря точкѣ, на которую поставилъ его авторъ, остается постоянною тайною для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти до самой развязки, до тѣхъ поръ, пока опытъ, неотразимое, хотя и не единственное средство для оцѣнки людей, не раскрываетъ всѣмъ глазъ, и притомъ каждому сообразно его характеру. Одному онъ представляется горемъ и бѣдой извне пришедшею, другому неудачею, третьему поводомъ къ разочарованію и т. д. Но всѣ эти вліянія скрыты въ дѣйствіи и должны бы быть разоблачены для ясности. Всѣхъ нагляднѣе показалъ это авторъ на Мамиловой. На нее же укажемъ и мы. Вотъ что на пр. пишетъ она къ своей пріятельницѣ, послѣ всѣхъ рассказанныхъ нами происшествій:

Chère Claudine!

«Я дура, я съумасшедшая и безумная женщина, я носила до сихъ поръ на глазахъ моихъ повязку, но которую теперь люди сорвали съ меня, и я уже все ясно понимаю. Я ошибалась, Chère Claudine, въ моихъ Хозаровыхъ, они дали мнѣ новый урокъ. Они еще разъ заставили меня выпить горькую чашу разочарованія. Онъ — этотъ юноша, въ которомъ я предполагала столько благородныхъ чувствованій, — онъ отвратительный и жадный заемщикъ чужихъ денегъ, — онъ развратный интриганъ, не способный даже понять порядочную женщину. Онъ не съумѣлъ даже попятъ моей дружбы, но хотѣлъ, посмѣйся, Claudine, меня развратить, и за порокъ мой заставить меня платить ему деньги. Про эту бѣбенку я и говорить не хочу. Она, кажется, только и умѣетъ цѣловаться: цѣловалась прежде съ женихомъ и съ мужемъ безпрерывно, а теперь начала цѣловаться и съ другими поклонниками. Ахъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду того времени, когда мужъ мой увезетъ меня въ К... дальше отъ свѣта, — дальше отъ людей: *ни въ немъ, ни между ними нѣтъ ни дружбы, ни любви.*»

Лучше, характернѣе нельзя было заключить повѣсти; этимъ же оканчиваемъ мы и нашъ разборъ произведенія г. Писемскаго. Переходимъ теперь къ разбору той же повѣсти Отечественными Записками, останавливаясь, разумѣется, только на главнѣйшихъ пунктахъ и самыхъ рельефныхъ мѣстахъ его. Это по истинѣ поучительно.

Прежде всего поражаетъ васъ въ этомъ разборѣ, что критикъ почему-то обидѣлся на автора, зачѣмъ онъ взлѣ въ герои своей повѣсти Хозарова. Уже одну мысль о возможности построения повѣсти на та-

комъ лицѣ онъ допускаетъ только съ условіемъ, чтобы повѣсть была юмористическая. Но, унизивъ съ разу такимъ названіемъ и героя и повѣсть, онъ не оставляетъ Хозарова своими преслѣдованіями, и не упускаетъ случая колнуть его при всякомъ сколько-нибудь удобномъ поводѣ. Такъ на пр. онъ всѣми силами старается показать, что Хозаровъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ жильцовъ Татьяны Ивановны. Конечно такое озлобленіе въ критикѣ противъ порока очень похвально, но къ дѣлу-то оно совсѣмъ не идетъ: критику именно нужно было показать, что Хозаровъ отличается отъ другихъ жильцевъ. Далѣе онъ постоянно, вѣроятно тоже въ пику Хозарову, называетъ его Хлестаковымъ, хотя сходство его съ Хлестаковымъ ограничивается только пустотою и охотою брать деньги въ займы. За тѣмъ, въ письмѣ Хозарова, гдѣ тотъ, говоря про домъ Мамиловыхъ, употребляетъ epitheton: аристократическій, критикъ считаетъ нужнымъ прибавить: «съ точки зрѣнія Хозарова,» очевидно руководствуясь въ этомъ случаѣ своими личными чувствами къ герою повѣсти, ибо для дѣла это замѣчаніе рѣшительно не нужно. Кромѣ того онъ неоднократно называетъ Хозарова другимъ дѣвицы Замшевой, между тѣмъ какъ всякому, кто читалъ повѣсть, очевидно, что тотъ чувствовалъ себя на неизмѣримой высотѣ надъ Татьяной Ивановной, и былъ съ ней любезенъ, и повидимому близокъ только потому, что имѣлъ въ ней нужду. Наконецъ, объясняя причины, побудившія Хозарова дать вечеръ всѣмъ постоянцамъ нумеровъ, критикъ говоритъ: «сколько мы понимаемъ Хозарова, такъ онъ, при видѣ чужихъ денегъ просто забылъ про Мари и свою любовь, и почувствовалъ желаніе *покутить съ пріятелями.*» Подъ пріятелями здѣсь опять разумѣются прочіе жильцы Замшевой, съ грязною жизнью которыхъ критику непремѣнно хочется смѣшать Хозарова, какъ будто онъ не довольно гадокъ и безъ этого. Вообще постоянное преслѣдованіе критикомъ героя повѣсти, и безъ того уже представленнаго, кажется, не въ привлекательныхъ чертахъ, очень насъ удивило.

За тѣмъ поразила насъ, не знаемъ, съ какою цѣлью затѣянная, борьба критика съ самимъ собою, по поводу вопроса о томъ, романъ или повѣсть написалъ г. Писемскій. Сомнѣнію, кажется, тутъ не было мѣста, потому что «Бракъ по страсти» названъ самимъ авторомъ повѣстью. Что же касается до нѣкоторыхъ сценъ и лицъ, которыя не совсѣмъ нужны для развитія дѣйствія въ повѣсти, какъ на пр. обходъ дѣвицей Замшевой своихъ жильцовъ, фигуры самихъ жильцовъ и вечеръ у Хозарова, то смѣемъ увѣрить критика, что онъ напрасно

счелъ автора обязаннымъ ввести непременно въ дѣйствіе всѣхъ выведенныхъ имъ мимоходомъ лицъ. Ему слѣдовало понять, что всѣ эти лица введены въ повѣсть точно также, какъ иногда вводится описаніе природы, т. е. какъ обстановка, нужная для лучшей обрисовки главныхъ дѣйствующихъ лицъ, наконецъ какъ роскошь фантазій, обильной образами. Конечно было бы лучше, если бы г. Писемскій написалъ романъ, въ которомъ бы было много дѣйствующихъ лицъ, ввелъ ихъ всѣхъ въ дѣйствіе, не нарушивъ никакихъ другихъ условій художественнаго произведенія, и связалъ весь рядъ интересныхъ событій и столкновеній одною ясною, здоровою и не навязанною извнѣ роману идеей. Но тогда критику предстояло бы имѣть дѣло съ другимъ произведеніемъ. Между тѣмъ и въ настоящей повѣсти г. Писемскаго есть внутренняя связь, есть мысль, на которой долженъ былъ обратить вниманіе критикъ, ибо прямая обязанность его оцѣнить, что предлагается а не мечтать о томъ, какой бы большой вышелъ романъ, если бы ввести въ него всѣ лица, выведенныя авторомъ мимоходомъ и вскользь. Тѣмъ менѣе имѣлъ онъ право упрекать автора, за чѣмъ онъ не написалъ огромнаго романа, и на основаніи этого не видѣть достоинства въ очень хорошей повѣсти.

Не уяснивъ для себя свойства того рода произведеній, къ которымъ принадлежитъ повѣсть г. Писемскаго, не понявъ самой повѣсти, критикъ разумѣется долженъ былъ впасть и во многія другія ошибки. Таково на пр. мнѣніе его, будто съ бракомъ Хозарова и Мари «источень весь *внутренній* интересъ произведенія» и оно не можетъ быть продолжаемо далѣе.

Не можемъ не замѣтить здѣсь, что критикъ очевидно разумѣлъ подъ *внутреннимъ* интересомъ интересъ *внѣшній*, т. е. новостъ и неожиданность событій, какъ это несомнѣнно слѣдуетъ изъ слѣдующаго, дальнѣйшаго толкованія вышеприведенныхъ словъ его.... «Можетъ быть авторъ хотѣлъ показать въ послѣдующихъ главахъ, что страсть, которою держится вся первая половина произведенія, была лишняя, что, какъ на языкъ Хозарова, такъ и его возлюбленной, любовь была лишь пустою фразою, что истинное чувство тутъ и не ночевало, и что, какъ только кончились препятствія, началось взаимное охлажденіе и разочарованіе? Но *что же въ этомъ новаго или интереснаго* для тѣхъ, которые достаточно познакомились съ дѣйствующими лицами въ первой половинѣ того же произведенія?» Мы видѣли при разборѣ повѣсти г. Писемскаго, какимъ *внутреннимъ* интересомъ связаны обѣ половины ея, стало быть остается предположить, что критикъ ошибся въ употребленіи прилагательнаго къ слову интересъ.

Нѣсколько ниже мы съ удивленіемъ прочли слѣдующія строки, служащія новымъ развитіемъ вышеприведенной мысли критика: «Представимъ себя, говоритъ онъ; что настоящий Хлестаковъ, какимъ мы знаемъ его изъ «Ревизора», вмѣсто того, чтобы уѣхать изъ дома Городничаго, дѣйствительно бы женился на его дочери: неужели нужно было бы потомъ *продолженіе* пьесы, чтобы представить, какъ онъ жилъ съ Марьей Антоновной? Кажется всякій читатель легко бы могъ принять этотъ трудъ на себя и уволить автора отъ безплоднаго продолженія того; что уже кончено.» Трудно представить себя, какъ могло придти въ голову подобное сближеніе и подобный доводъ. Неужели критикъ не видитъ, что внутренній интересъ «Ревизора» состоитъ въ столкновеніи Хлестакова съ уезднымъ городомъ и слѣдствіяхъ этого столкновенія, а не въ отношеніяхъ Хлестакова къ дочери Городничаго, которыхъ развивать слѣдовательно Гоголю не было никакой надобности; между тѣмъ, какъ развивать ихъ было бы именно необходимо, если бы идея комедіи держалась на нихъ. Но такъ какъ интересъ повѣсти г. Писемскаго состоитъ именно въ столкновеніи Хозарова съ Мари и слѣдствіяхъ этого столкновенія, то остановить «Бракъ по страсти» на женитбѣ двухъ героевъ было бы почти тоже, что остановить Ревизора послѣ того, какъ показавъ былъ городъ, жена и дочь городничаго, а съ другой стороны, Хлестаковъ съ Осипомъ, т. е. послѣ 2-го дѣйствія. Ибо дальнѣйшее, какъ въ «Ревизорѣ», такъ и въ «Бракѣ по страсти», не представляетъ *«большаго интереса»*, хотя *«много послѣдовательности.»* Разница же въ степени движенія и быстроты, съ какою происходитъ остальное, въ той и другой пьесѣ, и которая, вѣроятно, ебила критика, зависитъ отъ различныхъ родовъ художественныхъ произведеній. Извѣстно, что въ комедіи, какъ произведеніи назначенномъ для сцены, требуется болѣе стремительности. При такомъ именно условіи она и задумывается.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ частнымъ промахамъ. Мы уже замѣтили когда-то, что критика Отецъ. Записокъ отличается какою-то сухою логичностью, не совсѣмъ приложимою къ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. Въ настоящемъ случаѣ намъ не разъ придется подтвердить это замѣчаніе. Такъ на пр., толкуя о характерѣ Катерины Архиповны, критикъ удивляется, какъ могъ г. Писемскій, показавъ ее сначала съ весьма невыгодной стороны, (т. е. въ сценѣ, гдѣ она бранитъ своего безтолковаго мужа), могъ потомъ увѣрять, что она была прекрасная семьянинка, и сохранила свою репутацію въ обществѣ, кромѣ того старалась *по возможности* скрыть между посторонними людьми недостатки своего мужа, и наконецъ даже ухати-

вала за нимъ, когда онъ бывалъ боленъ. Что тутъ ему показалось страннаго, понять мы рѣшительно не можемъ. Надобно совершенно отказаться отъ тѣхъ живыхъ представлений о соединеніи различныхъ чертъ въ одномъ лицѣ, какія даются намъ дѣйствительностью, и имѣть какое-нибудь крайне условное доморощенное объ этомъ пріятіе, чтобы придаться къ тому, что сказано въ разныхъ мѣстахъ г. Писемскимъ о Катеринѣ Архиповнѣ. При живомъ представленіи все это укладывается въ голову какъ нельзя лучше.

Тою же точно погрѣшностью страдаетъ мнѣніе критика о Хозаровѣ. Поставивъ себя за долгъ смѣшать его съ грязными личностями нумеровъ Татьяны Ивановны, и сдѣлать другомъ ея, онъ потомъ не можетъ представить его себѣ въ обществѣ на пр. Мамиловой, и обвиняетъ автора, за тѣмъ онъ придаетъ ему граціозныя манеры, и позволяетъ ему толковать объ Онѣгинахъ и Печоринахъ. Въ сущности же авторъ съ самаго начала представилъ Хозарова именно человѣкомъ съ свѣтскими манерами и способностями.

Слѣдующее замѣчаніе критика противъ внутренней невѣроятности любви Мари, даже просто смѣшно. Судите. «По словамъ автора, говоритъ критикъ, въ продолженіе слѣдующихъ за тѣмъ (отказомъ Хозарову отъ дома) двухъ дней она плакала, лежала въ постели и ничего не ѣла. Какое же нужно еще доказательство, продолжаетъ отъ своего лица критикъ, что любовь ея вовсе не была дѣтскою шалостью, что жившее въ ней чувство въ самомъ дѣлѣ возрасло до страсти. Остается внутренняя невѣроятность.... Страсть можетъ возрасти только на известной почвѣ, а этой почвы мы до сихъ поръ не видали.» Не ясно ли, что критикъ воюетъ съ вѣтранными мельницами!

Можно бы набрать и еще много подобныхъ промаховъ, но во-первыхъ, это дѣло очень скучное, во-вторыхъ, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ общихъ положеніяхъ критика о характерѣ таланта и родѣ дѣятельности г. Писемскаго. Признаемся, мы не совсемъ поняли, что разуметь критикъ подъ «*внѣшнимъ комизмомъ*», который будто бы рисуетъ только то, «*тѣмъ комическія лица выражаютъ себя наружно, и что легко подмѣчается внѣшними чувствами.*» Мы было думали даже, не ошибка ли тутъ слово *внѣшній*, и не помѣнялись ли онъ мѣстами съ прилагательнымъ *внутренній*, которое, будучи поставлено критикомъ выше, тоже оказалось ошибкой; но сказанное далѣе разубѣдило насъ въ этомъ предположеніи: ниже сказано именно, что «*та сфера, для прозрѣнія въ которую мало только глазъ и ушей, остается закрытою*» для читателя. Мы было подумали правда

о Бешметевъ (въ Тюфякъ) и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ. Но вѣдь, Богъ знаетъ, что разумеетъ критикъ подъ *внѣшнимъ комизмомъ*. Можетъ быть тутъ-то онъ насъ и поймаетъ. Не появъ совсѣмъ этой *мысли* критика, мы не можемъ конечно сказать, на сколько она справедлива въ отношеніи къ г. Писемскому, но мы можемъ поспорить съ критикомъ въ томъ, будто характеры въ произведеніяхъ г. Писемскаго совсѣмъ не развиваются. Какъ, характеръ Бешметева не развивается, характеръ Рымова (въ Комикъ) тоже, характеръ самого Хозарова наконецъ?

Да что же такое развитіе характеровъ, по мнѣнію критика, сюрпризы что ли?

Далѣе, къ крайнему удивленію, узнаемъ, что отличительное свойство произведеній г. Писемскаго есть — «отсутствіе *психологическаго анализа*». Мы знали до сихъ поръ, что бываетъ болѣе или менѣе глубокой, психологическій анализъ, но чтобы могли существовать художественныя произведенія при *отсутствіи психологическаго анализа*, это что-то мудрено. Впрочемъ при извѣстной степени увлеченія можно сказать и не такую вещь. Сказалъ же почтмейстеръ, въ Ревизоръ, про Хлестакова, что онъ даже не *особа*, желая сказать, конечно, что онъ не *важная особа*.

Также несправедливо мнѣніе критика о томъ, будто «талантъ г. Писемскаго *исключительно* комическій, и ему вовсе не удаются лица противоположной сферы.» Для примѣра укажемъ ему хоть на Лизавету Васильевну Масурову въ «Тюфякъ», лице крайне привлекательное, и нарисованное авторомъ съ видимою любовью, кромѣ того на Фанни, въ «Комикъ», очерченную хотя и бѣгло, но искусною рукой. Конечно, если разумѣть подъ лицами «противуположной сферы» лица, выражающія крайнее развитіе какой-нибудь добродѣтели, и другіе подобныя продукты, не основанной на дѣйствительности, фантазіи, то такихъ не встрѣтите въ произведеніяхъ г. Писемскаго, но признаться, нечего и жалѣть объ этомъ; лицъ этого рода и такъ уже довольно въ нашей литературѣ. Впрочемъ критикъ самъ какъ бы чувствуетъ, что уже заговорился, и указываетъ на лицо «Комика», какъ на исключеніе изъ сказаннаго. Но поймавъ самъ себя, онъ тутъ же и увертывается, обнаруживъ при этомъ извѣстную ловкость, свидѣтельствующую объ извѣстной опытности въ дѣлахъ подобнаго рода.

Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе критика объ отсутствіи въ г. Писемскомъ собственнаго вмѣшательства въ судьбу создаваемыхъ имъ лицъ. «Подъ собственнымъ вмѣшательствомъ, говоритъ онъ, разумѣемъ мы

не своевольное распоряженіе ими, а душевно принимаемое въ нихъ участіе, которое дѣлитъ ихъ на любимцевъ и нелюбимцевъ. Г. Писемскому, сколько видно изъ четырехъ его произведеній, ни тепло, ни холодно, когда выступаютъ предъ нимъ лица его повѣстей, когда они смѣются и плачутъ, торжествуютъ и страдаютъ, разговариваютъ и дѣйствуютъ. На все смотреть онъ глазами посторонняго свидѣтеля, нечаянно увидѣвшаго забавныя или незабавныя сцены. Мы знаемъ, что это равнодушіе назовутъ *иные* объективностью; но мы отвѣтимъ, что непонятна для насъ такая объективность, которая значитъ равнодушіе, и еще непонятнѣе такого рода творчество, которое безразлично смѣшиваетъ глупца и умнаго, низость и благородство, Мамилову и Хозарова.» Можно бы опять возражать на это фактами, т. е. лицами изъ различныхъ произведеній г. Писемскаго, можно бы также замѣтить ему, что нельзя обвинять писателя за то, что онъ писатель комическій, и что въ немъ нѣтъ «неизсякаемой лирической струи», которая, положимъ, есть въ другомъ писателѣ; но попробуемъ другой пріемъ, постараемся показать критику, что сказанное имъ о «недостаткѣ собственнаго вмѣшательства» въ г. Писемскомъ, даже взятое отвлеченно, безъ приложенія, лишено основанія и не выдерживаетъ критики. Стоитъ только подумать въ самомъ дѣлѣ, что всѣ эти лица, которые «смѣются и плачутъ, торжествуютъ и страдаютъ, всѣ эти забавныя и незабавныя сцены», не списаны авторомъ прямо съ натуры, а выдуманы имъ; что смѣхъ, который проливается на однихъ изъ нихъ, и участіе, которое возбуждается въ читателяхъ къ другимъ, все это—дѣло автора, источникъ всего этого таится въ его душѣ, и онъ-то вызвалъ на свѣтъ всѣ эти образы, далъ имъ существованіе, заклеилъ ихъ такими признаками, которые не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ внутреннемъ достоинствѣ, далъ имъ такое движеніе, которое возбуждаетъ въ читателяхъ извѣстныя къ нимъ отношенія; стоитъ только подумать обо всемъ этомъ, чтобы не смѣшать *объективности* съ *равнодушіемъ*. Ибо что-нибудь одно, или писатель выводитъ только смѣшныя случаи и положенія, не рисуя ни характеровъ, ни жизни, не кладя никакой мысли въ основу своихъ произведеній, и не производя ими никакого впечатлѣнія, кромѣ впечатлѣнія, получаемого на пр. отъ смѣшного анекдота; тогда нечего говорить о его «литературномъ талантѣ», ни о томъ, «что его произведенія составляютъ довольно рѣдкое исключеніе въ нашей текущей литературѣ.» Или, писатель выводитъ въ своихъ произведеніяхъ живыя лица, въ которыя уже имъ самимъ положены даныя для суда другихъ надъ ними, беретъ и обобщаетъ изъ

дѣйствительной жизни не забавные только случаи, оставляя въ сторонѣ ихъ внутренній смыслъ, тогда онъ художникъ, и всѣ тѣ мысли, которыя навѣваются его произведеніями, тотъ взглядъ на событія и лица, который выносятся читателемъ, суть дѣло его рукъ, и тѣмъ менѣе могутъ быть ему чужды. Такой писатель можетъ быть названъ объективнымъ при извѣстныхъ условіяхъ, но обвинять его въ равнодушіи къ выводимымъ лицамъ было бы, по крайней мѣрѣ, странно.

На этомъ остановимся, потому что пора же прекратить наконецъ и безъ того длинную статью нашу. Остается сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ въ обзорѣ Русской литературы за 1854 годъ. Намъ на пр. очень понравилось то обстоятельство, что Отечественныя Записки начали усердно стоять за русскія народныя пѣсни, и даже упрекаютъ «Москвитинявъ» за одно, въ самомъ дѣлѣ неловкое, выраженіе объ этомъ предметѣ, въ статьѣ г. Пласкина. Понравилась намъ также забота От. Зап., чтобы не подумали ихъ читатели, будто въ Москвитинявъ было что-нибудь хорошаго, кромѣ матеріаловъ. Забота эта выразилась даже очень наивно. Посвятивъ почти весь отдѣлъ беллетристики произведеніямъ, помѣщеннымъ въ нашемъ журналѣ, а также и отдѣлъ исторіи литературы статьямъ, помѣщеннымъ также въ Москвитинявъ, наконецъ наговорившись о немъ вдоволь и въ другихъ отдѣлахъ, они пренаивно прибавляютъ въ концѣ обзора: «впрочемъ Москвитинявъ былъ замѣчателенъ въ прошломъ году не блѣдными учеными статьями, не придирчивыми рецензіями, но прекрасными историческими матеріалами: это самая свѣтлая сторона Московскаго журнала.» Все это мелочи, но мелочи характеристическія.

Въ смѣси 4-й книжки От. Зап. напечатаны «*Преферансъ*», повѣсть, довольно легко написанная, хотя и съ странными ошибками противъ языка, и «*Шхеры*», статья первая. Наконецъ интересны письма *М. Я. Кутыр.* о Лондонской Всемирной Выставкѣ, статья пятая. Нельзя не согласиться, что печатать эти письма теперь, когда выставка уже давно кончилась, мысль довольно счастливая. Во время самой выставки, летучія извѣстія со всѣхъ сторонъ осаждали насъ, и среди этого шума, какъ бы доносившагося до насъ изъ хрустальнаго дворца, многіе не имѣли времени заняться на досугъ, и внимательно, обзоромъ всѣхъ его достопримѣчательностей. Теперь же интересъ выставки какъ бы возобновляется для читателей этими письмами, принимая иной, болѣе спокойный характеръ.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Листъ 1-й и 2-й.

Журналы и газеты объявили уже объ этомъ прекрасномъ и полезномъ изданіи. Выпишемъ содержаніе:

Начертаніе занятій отдѣленія на наступающій 1852 годъ, *Предсѣдательствующаго О. А. И. И. Давыдова*. I. Новыя изслѣдованія о варѣчій старославянскомъ, со включеніемъ мнѣній А. Х. Востокова. II. Новое изданіе Сербскаго Словаря, В. С. Караджича. III. Русско-Чешское правописаніе Я. Пухмира, *И. И. Срезневскаго*. Перечень засѣданій Отдѣленія. Къ этому выпуску прилагается 1-й листъ Прибавленій, гдѣ помѣщено шесть старинныхъ русскихъ пѣсень, записанныхъ англійскимъ путешественникомъ Джемсомъ въ Россіи, въ 1618—1620 год. Потомъ переводъ чешскаго Суда Любуши на болгарское варѣчье, кандидатомъ Петербургскаго университета Дмитріевымъ.

Говорить о важности и пользѣ этого изданія считаемъ излишнимъ.

Соглашаясь съ возраженіями г. Срезневскаго доктору Миклошичу, мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній:

На пр. на 16 стр. г. Срезневскій говоритъ: «*Оцъ*» нашелъ Миклошичъ только въ болгарской рукописи Марк. IX, 47; но онъ могъ бы найти это окончаніе и въ Остромир. Еванг. Мат. VII, 4.» Миклошичъ явно говоритъ о двойственной формѣ *оцъ*, ибо у Марк. IX. 47, читаемъ: «неже двѣ *оцъ* имущу» и т. д.; а г. Срезневскій указываетъ ему въ Остр. Еван. на форму предложнаго падежа един. числа: «се брьвѣно въ *оцъ* твоємъ.»

На той же 16 стр. г. Срезневскій говоритъ: «*црькви* и *смокви* есть уже позднѣйшее измѣненіе вмѣсто древняго *црьмы*, *смокы*.» Формы *црькви* и *смокви* принадлежатъ весьма древнему времени, онѣ восходятъ по крайней мѣрѣ къ XII ст.; онѣ современны съ формами *црькы* и *смокы*, и совершенно имъ равны въ этимологическомъ отношеніи. Буква *ѣ*, входящая въ составъ *ы*, черезъ свое равенство гласной *у*, можетъ явиться въ формѣ согласной *ь*, вслѣдствіе чего *ы* переходитъ въ *ви*.

На стр. 18, разсуждая о системѣ спряженій Миклошича, г. Срезневскій находитъ въ ней несообразнымъ то обстоятельство, что глаголы *куповати* и *ковати* отнесены авторомъ къ различнымъ классамъ;—по его мнѣнію, какъ тѣ, такъ и другіе глаголы принадлежатъ къ одному классу, гдѣ *оу* превращается въ *ов*, *ю* въ *ев* или въ *ѣв*.

Что касается до спряженія тѣхъ и другихъ глаголовъ, то разницы въ нихъ, дѣйствительно, не найдемъ никакой; но если взять въ расчетъ образованіе неопредѣленнаго наклоненія, то увидимъ въ нихъ существенное различіе. Глаголь *ковати* съ ему подобными, въ образованіи неопр. наклон. приписываетъ вставку *а*, вслѣдствіе чего свою коренную *оу* (коу-ти) разрѣшаетъ въ *ов*, такимъ образомъ и выходитъ форма *ков а-ти*; глаголь же *куovati* происходитъ отъ корня *куп*, принимаетъ вставку *ова* и образуетъ форму *куп-ова-ти*. И такъ, если обратить вниманіе на точку дѣленія, принятую Миклошичемъ для спряженій, то нельзя не согласиться, что справедливость на его сторонѣ.

На стр. 15 г. Срезневскій говоритъ: «въ склоненіи прилагательнаго *божии* творительный множественнаго числа, кажется, правильнѣе было бы божимъ вм. боживымъ. Въ Остромировомъ Евангеліи впрочемъ творительный единственный и дательный множест. прилагательные этого рода имѣютъ *на* имь. ☿

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ, 1852.

Январь.

Спеціальныя журналы, даже медицинскіе, хозяйственныя, не могутъ существовать еще у насъ своими средствами. Наука обязана ими по большей части Правительству, которое издаетъ ихъ большею частію на свой счетъ. Дешевизна кажется могла бы доставить имъ болѣе подписчиковъ, а по дорогой цѣнѣ они недоступны для большинства. Журналъ, о которомъ мы хотимъ говорить здѣсь, представляетъ съ самаго начала богатые запасы для статистики.

Въ 1 книгѣ помѣщена статья О тысячелѣтіи Россіи, для одной антитезы, которая разобрана въ 3 нашемъ номерѣ.

Очеркъ Забайкальской области принадлежитъ г. Шукину, который подарилъ насъ уже многими любопытными описаніями. Мы видимъ изъ этой статьи, что отъ Иркутской губерніи отдѣлена частица, а эта частица—десять тысячъ верстъ въ длину, и четыреста въ ширину. Прелести природы въ Забайкальской области описаны заманчиво. О богатствѣ естественныхъ произведеній говорить нечего.

Правы Зырянъ, статью г. Михайлова, найдутъ читатели въ извлеченіи, также какъ и статью о Нижегородской ярмаркѣ въ 1851 г.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ ЯВЛЕНІЙ

ИНОСТРАННОЙ ИЗЯЩНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Желая знакомить читателей нашего журнала своевременно съ ходомъ современной иностранной литературы и науки и съ ея замѣчательнѣйшими явленіями, мы должны по необходимости прибѣгать къ помощи французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ—и потому, разъ навсегда освобождаемъ себя отъ ответственности за мнѣнія въ этомъ дѣлѣ. Тамъ, гдѣ мнѣніе журналовъ, нашихъ пособій и источниковъ, будетъ уже радикально расходиться съ нашимъ собственнымъ убѣжденіемъ, мы сочтемъ за долгъ высказать свой собственный взглядъ. — Въ отношеніи же къ явленіямъ эфемернымъ, не имѣющимъ большаго значенія, мы должны по необходимости ограничиваться французскими и нѣмецкими рецензіями.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ, не имѣя ни времени, ни мѣста въ журналѣ изложить содержаніе многихъ романовъ, явившихся въ послѣднее время, мы передаемъ взглядъ на нихъ одного изъ извѣстныхъ рецензентовъ *Journal des Débats*, г. Кювиллье Флѣри, предоставляя себѣ право не соглашаться съ нимъ во многомъ.

Романъ вообще—говоритъ весьма справедливо авторъ передаваемой нами статьи—служилъ и служить отраженіемъ характера эпохи. И потому, смотря по эпохѣ и состоянію литературы, подъ вліяніемъ преобладающихъ страстей и по ходу идей, романъ или идея романа видоизмѣняется. Такъ въ продолженіи 50-ти лѣтъ французскій романъ подвергался вліянію самыхъ разнородныхъ направленій, идея его безпрестанно мѣнялась; въ немъ попеременно выражались распутство, сантиментальность, атенизмъ, деизмъ, невѣріе, суевѣріе, потомъ предметомъ его было описаніе разнаго рода приключеній и исключительныхъ, уродливыхъ страстей, и наконецъ получилъ онъ направленіе анти-соціальное и демагогическое.

Въ наше время, судя по нѣкоторымъ послѣднимъ попыткамъ, онъ старается быть наставникомъ; цѣль его—воспитаніе народа.

Въ этомъ духѣ французскій романъ является у Ламартина и Эмиля Сувестра. Другіе, какъ напр. Жоржъ-Зандъ, продолжаютъ писать въ прежнемъ духѣ, Генрихъ Мюргеръ старается сообщить

своимъ богемскимъ повѣстямъ занимательность эксцентричными и забавными небылицами, Шапфелери, авторъ повѣсти Chien-Caillon, грѣшитъ часто противъ дѣйствительности. Недавняя смерть Алексиса Валлона, конечно, опечалила всѣхъ истинныхъ друзей словесности; но попытки Октава Feuillet оживили нѣсколько ихъ надежды.

Кому жъ изъ всѣхъ этихъ писателей суждено свести романъ съ ложной дороги, по которой онъ теперь идетъ не рѣшительно, стараясь быть вмѣстѣ и педагогомъ и гуманистомъ, представляя вмѣстѣ и химеры страшныя и до нелѣпости преувеличенную дѣйствительность? Не смотря на то, что между современными романистами есть очень талантливые писатели, кажется, ни одному изъ нихъ не суждено быть въ этомъ дѣлѣ избраннымъ; потому что у нихъ всѣхъ дѣйствительность и правда страдаютъ болѣе или менѣе, въ самомъ существѣ дѣла или въ изложеніи. Не отражается ли впрочемъ въ ихъ сочиненіяхъ характеръ нашей эпохи, и не является ли романъ, въ лицѣ ихъ, представителемъ дѣйствительности?

Ламартинъ продолжаетъ поучать народъ, и теперь написать новый романъ въ этомъ поучительномъ духѣ, подъ заглавіемъ «Un récit villageois». Въ прошломъ году сочинилъ онъ Женевьеву, служанку въ Вуаронъ; въ нынѣшнемъ изобразилъ Claude des Huttes, сен-пуантскаго каменотеса, который, при томъ, является у него совершеннымъ философомъ въ душѣ. Работаетъ онъ изъ любви къ Богу, не заботясь о платѣ и довольствуясь своимъ крономъ и полемъ, которое питаетъ его. Безъ сомнѣнія, безкорыстіе не мѣшаетъ любви, напротивъ.... Клодъ любитъ, и ему отвѣчаютъ любовью; но здѣсь соперникомъ его является сѣтной, упрямый братъ. Не желая ссориться съ нимъ, Клодъ оставляетъ домъ, уступаетъ ему свою невесту и отправляется путешествовать по Франціи. Воротившись домой, онъ находитъ ее вдовой—братъ его умеръ. Проходитъ годъ, и Клодъ женится на ней, все готовится къ свадьбѣ; но здѣсь-то ужасная катастрофа оканчивается романъ:—Клодъ, по случаю свадьбы, вздумалъ сдѣлать фейерверкъ, и вмѣстѣ со скалой взорвалъ свою невесту.

Можно было бы умолчать о бѣдности содержанія этой маленькой, но вмѣстѣ страшно растянутой повѣсти, если бы Ламартинъ не довѣлъ наконецъ эту бѣдность до того, что сталъ копировать самаго себя. Въ романѣ прошлаго года Женевьева, молодая дѣвушка, стойчески жертвуетъ собой для своей сестры, послѣ того, какъ послѣдняя хотѣла ее вовлечь въ опасность. Въ теперѣшнемъ представлено такое же самопожертвованіе. Прежде

всего надобно сказать, что самопожертвованіе, какъ вытекающее изъ героизма и притомъ героизма утонченнаго и романческаго, вовсе не въ духъ народа. Прудонъ сказалъ, что первый изъ политическихъ законовъ—это эгоизмъ народа, но, кажется, эти слова еще вѣрнѣе прилагаются къ нашей между-отношенной жизни, не потому, что будто бы бѣдные болѣе эгоисты, нежели богатые; но навѣрное въ дѣлѣ утонченныхъ чувствъ и исключительныхъ интересовъ поселянинъ не настолько герой, какъ богатый человѣкъ, и слѣдовательно—совершенно фальшива мораль, представляющая народу, какъ образцы для подражанія, такіе типы величія, безкорыстія и самоотверженія, которыхъ онъ понять не можетъ. Такъ судить французскій критикъ о своемъ народѣ. По грубому здравому смыслу поселянъ, Женевьева, при всей своей добродѣтели, глупа:—какъ! имѣя славнаго жениха, отказаться отъ него изъ-за того только, чтобъ не идти наперекоръ своей младшей сестрѣ, которая живетъ съ кавалерійскимъ ундеръ-офицеромъ. Или, чтб такое Клодъ Гюттъ,—онъ могъ составить счастье честной дѣвушки и уступилъ ее,—и уступилъ кому же!... бѣшенному чловѣку, котораго она не могла любить? И вообще-то, Клодъ Гюттъ—одинъ изъ тѣхъ добродѣтельныхъ и по слабости характера несчастныхъ людей, которыхъ не отрадно встрѣтить: тѣмъ болѣе таковъ онъ въ глазахъ простаго чловѣка.

Вообще видно, что Ламартинъ очень мало обратилъ вниманія или на содержаніе, или на моральность своего новаго сельскаго разсказа, и по прежнему все свое стараніе приложилъ къ обрисовкѣ одного только лица. Прошлаго года съ явною заботливостью очертилъ онъ лице Женевьевы, теперь же все свое искусство употребилъ на Клода Гютта. Отбросьте нить разсказа и заключеніе, останется у васъ портретъ во весь ростъ для народной галереи, которую повтъ думаетъ устроить. Если взглянуть на этотъ портретъ съ художественной точки зрѣнія, то онъ много теряетъ: Клодъ Гюттъ не является живымъ лицомъ, а скорѣе воплощенною декламациею. Ламартинъ заставляетъ его говорить о Богѣ, о вѣчности, пирамидахъ Египта, о чловѣкѣ, чаще всего о животныхъ, иногда о его ремеслѣ, и говорить онъ объ этомъ высокопарнымъ тономъ. Клодъ ужъ такъ созданъ Ламартиномъ, что онъ все декламируетъ, и при томъ всегда одинъ, самъ съ собой, занимаясь между прочимъ своею работою.

C'est un parleur étrange et qui trouve toujours
L'art de vous ne rien dire avec de grands discours;
Dans les propos qu'il tient on ne voit jamais goutte,
Et ce n'est que du bruit que tout ce qu'on écoute...

Ламартинъ хотѣлъ создать народный типъ, но у него вышелъ человекъ съ большими претензіями на ученость, страшно ходульное лицо, съ туманомъ въ головѣ, съ пафосомъ въ рывкахъ, и наконецъ, между прочимъ, съ киркой и молотомъ въ рукѣ. Скажите пожалуйста, пойметъ ли его слова простой поселянинъ: «когда я увидалъ этотъ прекрасный плющъ такимъ по моему возвращенію, то онъ представился мнѣ плащомъ, который набросала дружба степи на развалины моего счастья»; или вотъ еще: «это слово (слово Божіе) разражалось во мнѣ какой-то мушкетой, вносило мнѣ въ душу миръ, свѣтъ; такъ я себя хорошо чувствовалъ, что могли бы сказать, что *внутрь ко мнѣ слетѣла звезда съ неба для просвѣтлѣнія души моей*, или что какая-то рука настроила всѣ струны моего сердца, головы и тѣла, какъ музыкантъ настраиваетъ струны с...го инструмента, такъ, что я самъ превратился въ инструментъ, который *плѣлъ вѣрно и на которомъ персты Божіи могли какъ будто играть со мнѣ!*...»

Другой писатель, обратившійся тоже съ недавнихъ поръ къ народной литературѣ, Эмиль Сувестръ, написалъ книгу подъ заглавіемъ: *Les confessions d'un ouvrier*, выставивши въ ней тоже, какъ и Ламартинъ въ своемъ послѣднемъ романѣ, челоука изъ низшаго слоя общества. Но книга Сувестра гораздо значительнѣе послѣдняго романа Ламартина, потому что она *касается собственно народа*, задѣваетъ многія струны дѣйствительной жизни. Въ ней представленъ работникъ Пьерръ-Анри, по прозванію *la Rigueur*, сословія, кажется, одного съ Клодомъ Гюттономъ: Клодъ каменотесецъ, Пьерръ Анри—каменщикъ. Но различіе ихъ въ томъ, что Клодъ высокопарный ораторъ въ кожаномъ передникѣ, а *la Rigueur* собственно каменщикъ въ душѣ и по плоти; онъ каменщикъ, онъ имъ и хочетъ быть, и такъ хорошо изображенъ авторомъ, что нельзя и заподозрить, чтобъ онъ могъ быть чѣмъ-нибудь другимъ. *La Rigueur* не отъ того таковъ, чтобы не могъ возвыситься изъ этого состоянія, но онъ никакъ не броситъ своего ремесла. Известно, что полководецъ сначала бываетъ солдатомъ, такъ и каменщикъ можетъ быть сначала товарищемъ (*compagnon*), потомъ мастеромъ, подрядчикомъ, можетъ потомъ вдругъ сдѣлаться капиталистомъ и наконецъ собственникомъ. Остается ему только. . . . удостоиться еще одной чести— быть въ свою очередь выбраннымъ въ представители народа. Положимъ, что онъ достигаетъ и этого мѣста; но все-таки Пьерръ-Анри любитъ свое ремесло больше, нежели политику. Вообще герой Эмиля Сувестра схожъ съ Ламартиновскимъ только тѣмъ, что они оба изъ одного сосло-

вля. Характеръ Пьерра Аври вполне естественъ и нисколько не натянутъ: человекъ этотъ, хоть не Богъ знаетъ какъ уменъ, но не лишенъ способностей и развитъ преимущественно сердцемъ, языкъ его отъ природы простъ, не зараженъ громкой фразеологией; жизнь его еще проще, въ ней нѣтъ никакихъ особенныхъ приключеній, составляющихъ принадлежность романа; но какъ ни сжата сфера, въ которой протекаетъ его тихое существованіе, есть въ ней все-таки драма, страсть тоже проникаетъ въ нее. Сердце играетъ здѣсь постоянную и всегда новую роль, потому что оно тутъ не задавлено и не уничтожено тяжестью обманчивой мишуры, напротивъ пользуется своей свободой, и языкъ его не связанъ.... «Наше мнѣніе, говоритъ Эмиль Сувестръ, то, что посреди современныхъ волненій ничего не можетъ быть лучше, утѣдительно и ободрительно для духа, какъ зрѣлище смиренной участи, вооружающейся противъ несчастія терпѣніемъ и побуждающей его честностью.» Въ этомъ духѣ и написана его книга; онъ выразилъ въ ней мысль Сенеки: *Vir fortis cum malâ fortuna composuit!* Борьба сильныхъ имѣетъ свою поэзію; она поразительна въ исторіи, эпосѣ, одѣ, трагедіи. Въ романѣ же какъ въ жизни частной, въ особенности интересна борьба слабыхъ.

Наконецъ, въ заключеніе надо сказать, что книга Эмиля Сувестра возбуждаетъ въ читателѣ интересъ и сочувствіе искреннимъ тономъ, и что она написана безъ педагогической декламации и пошлой тривіальности.

Генрихъ Мюргеръ написалъ прошлаго года: *Scènes de la Bohème*, которые имѣли большой успѣхъ. Причина этому ясная: написанныя повидимому на-скоро и съ цѣлю удовлетворить только любопытству праздныхъ читателей, они должны были заинтересовать ихъ и производили смѣхъ, а какъ нѣкоторые говорятъ, даже слезы. Книгу эту приняли какъ описаніе неизвѣстныхъ никому на свѣтѣ нравовъ. Съ прискорбіемъ заключаемъ изъ этого то, что публика еще вѣритъ тому, что ее потышатъ, и въ особенности любить потышаться собственнымъ безобразіемъ. На этомъ-то и основывается успѣхъ большей части новѣйшихъ романовъ. Публикѣ больше по вкусу карикатуры на нее, нежели портреты съ натуры.

Странно! свѣтскіе люди воображаютъ теперь ознакомиться чрезъ *Scènes de la vie de jeunesse* и *Scènes de la Bohème* съ обычаями артистовъ и студентовъ: а студенты, съ своей стороны, думаютъ почерпнуть изъ романовъ Бальзака и Сю свѣденія объ обыкновеніяхъ свѣта. И между тѣмъ обѣ стороны находятся въ заблужденіи; но тягостно то, что заблужденіе утѣждаетъ, успокоиваетъ человека, и человекъ любитъ быть въ заблужденіи, потому что, сложивши свои недостатки на ближняго, воображаетъ себя совершеннымъ.

Первый и главный недостатокъ артистовъ и студентовъ Мюр-

гера тотъ, что они не живутъ: они все отлиты по одной формѣ, и говорятъ однимъ языкомъ. Лица въ Богемскихъ сценахъ совершенныя куклы, и притомъ все одинакія, съ деревянными плечами и картошными головами; однимъ словомъ, они не произведенія наблюдателя, а скорѣй механика, — куклы, водимыя ловкой рукой, и говорящія съ помощью суетлера, у котораго память превосходная, возраженія родятся быстро, и который еще въ дозвонъ смѣется надъ глупой публикой, что она больше глаза таращитъ, нежели слушаетъ.

Verùm equitis quoque jam migravit ab aure voluptas

Omnis ad incertos oculos et gaudiâ vana.

Что было справедливо во времена Горация, то еще справедливѣе въ наше время. Распишите что-нибудь поярче, полюбите больше чувствамъ, суетности и бездѣлю толпы, выставьте побольше простонародныхъ словъ, поражающихъ сценъ, невѣроятностей... и вы заслужите одобреніе толпы!

Однакожъ невѣроятность въ книгѣ Мюргера не доведена до крайнихъ границъ. Раскидать эти куклы по серьезной канвѣ — значило бы заставить съ перваго же взгляда усомниться въ ихъ жизни, т. е. доказать ихъ невозможность дѣйствовать, думать и говорить. Мюргеръ, какъ человекъ умный, обошелъ эту скалу; лица въ его книгѣ освобождены имъ отъ взаимныхъ отношеній другъ къ другу; чрезъ этотъ самый недостатокъ книга получила успѣхъ: отсутствіе дѣйствія не можетъ такъ сильно и рѣзко осязаться и обличиться невѣроятностью, какъ присутствіе.

Есть еще другая причина успѣха: книга Мюргера забавна, въ высшей степени смѣшна. «Я смѣюсь, и стало быть чрезъ это ужъ я обезоруженъ.» А публика ничего другаго не требуетъ; она читаетъ книги, которыя ее забавляютъ. Но любопытно знать, какого рода этотъ смѣхъ, который такъ благодѣтельствуетъ Мюргеру, изъ какого источника онъ происходитъ, и что онъ доказываетъ.

Въ книгѣ Мюргера два почти неистощимыхъ источника смѣха; одинъ заключается въ однообразности типа: одно лице не отличается у него отъ другаго какими-нибудь характеристическими; чертами, нѣтъ у него ни одного полнаго, живаго лица; а каждому лицу онъ приписываетъ какое-нибудь особенно-странное, чисто-вымышленное и до крайности гиперболическое свойство. Другой источникъ составляетъ необузданный и грубо проведенный парадоксъ. Но касательно рода смѣха, производимаго сочиненіемъ Мюргера, надо замѣтить, что онъ нисколько не комическій, а буффоническій, забавный, потому что основанъ не на истинномъ комизмѣ положеній данныхъ лицъ, а на однихъ легкихъ, глупыхъ шуткахъ и фарсахъ.

Кромѣ того, г. Мюргеръ полагаетъ комизмъ не въ натурѣ человека, а въ обстоятельствахъ, окружающихъ человека. Такъ ему кажется смѣшнымъ, забавнымъ, человекъ скверно одѣтый и обутый. Дѣйствительно, если человекъ, самъ по себѣ, по своей натурѣ смѣшонъ, и будь онъ въ лохмотьяхъ, онъ все-таки, въ оцѣ-

новъ своей, будетъ комиченъ, но не потому, что на немъ рубище, а что онъ по природѣ своей возбуждаетъ смѣхъ. Одѣньте его хоть въ богатое платье, онъ и въ немъ не измѣнитъ своей натурѣ, останется въ существѣ тѣмъ же человекомъ. Но, какъ кажется, г. Мюргеръ не понимаетъ этой довольно простой и ясной мысли. Его герои, претенденты на комизмъ, постоянно страдаютъ отъ холода и голода, и при этомъ народъ до крайности беззаботный и отчаянный. Такъ одинъ изъ его героевъ восклицаетъ: «чортъ знаетъ, какъ вѣсъ хочется. Неужели сегодня не завтракаютъ»? Въ другомъ мѣстѣ вы читаете, какъ его два героя останавливаются передъ съѣстнымъ магазиномъ, и одинъ изъ нихъ говоритъ: «вотъ это такъ индѣйка, — хороша, а я видѣлъ многихъ несчастцевъ, которые бѣе ее не преклоняя передъ ней своихъ колѣнъ». Но оставимъ въ покоѣ героевъ г. Мюргера, и перейдемъ къ героинямъ.

И здѣсь не болѣе утѣшительное зрѣлище представляется для художника, потому что женщины его сродни его мужчинамъ. Героини его можно отнести вообще къ тому разряду, который такъ вѣрно и рѣзко обозначилъ Бальзакъ: «бездушныя! Созданія, совершенно дѣйствительныя и невинныя во всѣхъ добродѣтеляхъ, кокетки въ юности и распутныя потомъ, созданія, не тревожащія себя никакими мыслями и страстями, совершенныя эгоистки, и безчувственныя, дерзкія и малодушныя, глупѣе даже тѣхъ животныхъ, перья которыхъ торчатъ у нихъ на шляпкахъ, и ощущающія въ себѣ сердце, только когда напѣдятся, потому что оно страждетъ тогда отъ боли». Потому женщины Мюргера, не смотря на слезы, которыя они проливаютъ на какомъ-нибудь чердакѣ или въ бу-дуарѣ, нисколько не подлежатъ критикѣ, а тѣмъ болѣе не входятъ въ область искусства.

Вообще говоря, у Мюргера въ этой книгѣ нѣтъ ни одного живаго лица, ни одного вѣрно очерченнаго характера; есть только одни человѣческія имена, которыми онъ очень искусно приписываетъ разныя приключенія. Даже самыя эти приключенія свидѣтельствуютъ о скудости изобрѣтательной способности автора. И желая возбудить смѣхъ, онъ прибѣгнулъ къ мѣлкому шутовству и преувеличенію, позабывъ слова известнаго критика: «On affaiblit toujours se qu'on exagère»; и потому смѣшное, комическое у него перешло въ обезображенную дѣйствительность, въ гримасу. Потому вся книга наполнена очень незавидными остротами, какъ напр. слѣдующая: «*Mais enfin, Mr, dit un propriétaire au peintre Marcel, vous avez bien un mobilier, quel qu'il soit? Non ça prend trop de place dans les appartements; dès qu'on a des chaises, on ne sait plus où s'asseoir.*»

Въ послѣднемъ романѣ «*Claude et Marianne*», известномъ теперь подъ заглавіемъ «*Pays Latin*», Генрихъ Мюргеръ помирился съ дѣйствительностью: «*Claude et Marianne*» очень хорошій его опытъ въ умѣренномъ родѣ и заслуживаетъ особеннаго вниманія,

какъ картина правды. Мариинна несколько болтуня, а Клодъ немного легковѣренъ; но прежняя необузданность фантазіи исчезла. Наконецъ исчезли и нелѣпыя, дѣтскія парадоксы, и слогу очистились отъ прежней натянутости, искусственности.

Судя по послѣднему роману и молодости Мюргера, онъ обѣщаетъ выйти совершенно изъ прежней, ложной колен, по которой онъ шелъ, увлеченный многими знаменитыми французскими романистами, и стать на путь истины и простоты.

Остается сказать нѣсколько словъ еще о двухъ писателяхъ — Октавѣ Feuillet и Шампфлеу.

Октавѣ Feuillet еще очень молодъ, находится вдали отъ шумнаго вихря парижскихъ известностей, отъ вліянія разныхъ теорій; по этому критика обязана быть къ нему снисходительнѣе, чтобы онъ безпрепятственнѣе могъ развить свой талантъ, во всей его силѣ. Его первые опыты, а въ особенности «Золотой ключъ» (*Clef d'or*) показываютъ въ немъ талантъ анализировать чувства сердца человѣческаго и проникать въ тайны ихъ: онъ обѣщаетъ быть со временемъ отличнѣйшимъ живописцемъ внутренней жизни.

Шампфлеу, какъ чувелистъ, нѣсколько сродни Генриху Мюргеру по преувеличенію искаженію дѣйствительности: Генрихъ Мюргеръ въ «*Bohème*» старается вслѣдствіе избѣгать дѣйствительности, а Шампфлеу, хотя строгій и ревностный послѣдователь дѣйствительности, но имѣетъ несчастную манеру, копируя дѣйствительность, насиловать, преувеличивать ее. Его «*Chien-Caillois*», съ эпиграфомъ: «*Это не повѣсть*», въ самомъ дѣлѣ, до очевидности вѣрна истинѣ. Но какой истинѣ!... Его коллекція женщинъ въ *Monsieur le Maire de Classy* довольно хороша: обрисовка, отдалка характеровъ не такъ ужъ груба, а *Serinet* (*Serinet*) его читается еще съ бѣльшимъ интересомъ; *Feu Miette* отдаланъ рельефно; *Fuenzès* же принадлежитъ къ школѣ Бальзака.

Шампфлеу глубоко уважалъ автора *Евгенія Гранде*, и недавно сообщилъ публикѣ довольно любопытныя и искреннія замѣчанія объ этомъ великомъ повѣствователѣ. «Повѣсти ни къ чему не ведутъ, — говорилъ ему Бальзакъ; — они очень коротки и должны будучи со временемъ истощиться. Такъ вашъ Fuenzès могъ легко составить цѣлый томъ.» Безъ сомнѣнія, Бальзакъ давалъ не хорошій советъ, и Лафонтенъ правъ, сказавши: «*Les longs ouvrages me font peur*». Что же осталось изъ твореній великаго баснописца? Почти все перешло къ потомству. А что же оставилъ потомству Бальзакъ? Два или три тома. Но лучше пусть Шампфлеу напишетъ одну, но хорошую книгу, и съ ней отправится въ потомство съ Бальзакомъ, отягощеннымъ пятьюдесятью книгами in-octavo.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

NOTES HISTORIQUES SUR LA VIE DE MOLIERE, par M. A. Bazin. Paris, Techener, 1851, in-18°.

Въ настоящее время, когда Мольеръ въ такомъ почетѣ у своихъ соотечественниковъ, когда они доискиваются до малѣйшихъ подробностей его жизни, пишутъ его біографіи вновь и издають вторымъ изданіемъ біографіи прежнія, когда наконецъ женщины-писательницы, тѣ самыя *ученыя женщины*, на которыхъ такъ жестоко нападали онъ, берутъ его дѣйствующимъ лицомъ для своихъ драмъ, мы не можемъ не привести здѣсь нѣсколькихъ словъ объ этой книгѣ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ французскихъ рецензентовъ и о книгѣ и о самомъ Мольерѣ и вообще о драматическомъ искусствѣ во Франціи.

«Это второе изданіе превосходнаго труда по части литературной критики, труда, который со времени перваго своего появленія (*) сдѣлался пробнымъ камнемъ всѣхъ біографій Мольера, заключаетъ въ себѣ особенный интересъ. Поставивъ рядомъ и литературную критику и біографію, указывая слова на литературныя красоты и историческое значеніе каждой Мольеровой комедіи, г. Базень, съ тѣмъ вмѣстѣ, воскрешаетъ передъ нами и всю частную жизнь, всю славу, всѣ скорби этого удивительнаго писателя, этого *созерцателя*, какъ называлъ его Боало, которому не было учителя въ прошедшемъ, и, вѣроятно, не явится въ будущемъ: Разъяснить немногія частныя свѣденія, оставшіяся намъ о жизни нашего великаго комика, свѣрить ихъ съ фактами историческими, очистить отъ сказокъ, которыя всегда приплетаются къ великому имени, замѣнить ложь достовѣрностью, клевету правдой, вотъ чего хотѣлъ достигнуть г. Базень,—и достигъ какъ нельзя лучше. Больше всего придаетъ цѣну этому проникательно ученому труду то, что авторъ всегда объясняетъ писателя человекомъ, семейными его обстоятельствами, обществомъ, его окружавшимъ. Онъ умѣлъ написать, если можно такъ выразиться, біографію каждой его пьесы.

(*) 1847—1848.

Въ комедіяхъ Мольера дѣйствительно виденъ человекъ XVII столѣтія и человекъ всѣхъ временъ, видна живопись вѣчныхъ слабостей человѣческихъ, и слабостей, рождающихся и умирающихъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Въ *Мизантропѣ*, въ *Скупомъ*, въ *Школѣ женщинъ*, въ *Тартюфѣ*, Мольеръ, моралистъ и созерцатель, проникаетъ въ самые сокровенные изгибы сердца человѣческаго, и вѣрностью своихъ наблюдений становится современникомъ всѣхъ вѣковъ. Въ *Жеманницахъ* (*les Precieuses*), въ *Критикѣ школы женщинъ* (*la Critique de l'Ecole des Femmes*), въ *Ученыхъ женщинахъ*, онъ преимущественно человекъ XVII столѣтія. Умъ строгій и прямой, писатель гениальный по самой силѣ своего здраваго смысла, и всегда писатель примѣрный по чистотѣ слога, онъ преслѣдуетъ въ каждой своей пьесѣ заблужденія ума и старается очистить языкъ своего общества.

Жеманницы и *Критика* только открываютъ войну, въ которой *Ученныя женщины* составляютъ главную и окончательную битву. *Лидасъ Критики*, раздвоившись въ *Ученыхъ женщинахъ*, становится Трисотиномъ и Вадіусомъ; Климена предсказываетъ уже Филаминту, какъ Дорантъ предсказываетъ Клитандра, какъ Элиза предсказываетъ Генриету; и нисколько не надобно удивляться, что Мольеръ въ этихъ трехъ различныхъ пьесахъ и въ различныхъ видахъ повторяетъ сущность въ основѣ одну и ту же, потому что, нападая на педантовъ и лицемеровъ, на ихъ натянутыя чувства, на ихъ, какъ сказалъ Лабрюйерръ, *подложныя выраженія* (*prononciations contrefaites*), онъ съ тѣмъ вмѣстѣ отстаивалъ и свои собственные произведенія, цѣль которыхъ всегда была неразлучна съ цѣлью здраваго смысла и очищеннаго вкуса. Любопытно наблюдать постепенность этихъ трехъ пьесъ. Писатель комическій въ первыхъ двухъ, Мольеръ становится въ третьей глубокимъ моралистомъ, оставаясь между тѣмъ постоянно неподражаемымъ сатирикомъ; и постепенно развивая одну и ту же мысль, онъ только слѣдуетъ за развитіемъ нравовъ своего времени. Дѣйствительно, бывъ прежде жеманницами, нѣкоторыя женщины сдѣлались потомъ энциклопедистками, сохранивъ между тѣмъ все свои романическія нѣжности. Толкуя о Платонѣ и Декартѣ, онѣ все еще лакомились сладостями Кальпренеды и дѣвицы Сюдери, и гоняясь, изъ одного только тщеславія, за познаніями безполезнами, часто забывали обязанности супруговъ и матерей. Эта новал сторона жеманства не была уже только смѣшна, а была опасна для общества, и противъ этой-то опасности Мольеръ вышелъ на бой. То, что сбылось съ французскимъ обществомъ черезъ два вѣка потомъ, вполне оправдываетъ моральную цѣль *Ученыхъ жен-*

ицинз. Мы видимъ теперь, что женщины, стараясь насиловать свой талантъ и свое призваніе, стараясь выдти изъ назначенія, опредѣленнаго ихъ полу, часто впадаютъ въ смѣшное; доказательствомъ этому служить цѣлая фаланга Армандъ и Белизъ, которая постоянно тянется, не прѣрываясь, до нашего времени, какъ бы нарочно для того, чтобы оправдать вѣчную истину, заключающуюся въ пьесѣ Мольера. Въ самомъ дѣлѣ, въ XVIII вѣкѣ Белиза дѣлается любовницею безбожника, замѣняетъ Декарта барономъ Гольбахомъ и туманную сантиментальность дѣвицы Сюдери положительностью кавалера Бертенъ. Потомъ Белиза бросаетъ философію для политики или для соціальной экономіи; она хлопочетъ о *свободѣ* своего пола, и такимъ образомъ мы доходимъ до женщины-реформатки, постоянно встрѣчая на пути: женщинъ-вольнодумокъ, *сплетницъ*, женщинъ-романтиковъ, женщинъ свободныхъ, женщинъ *синіе-чулки*, и женщинъ непонятыхъ. Мода измѣнилась, но подъ новыми нарядами мы все опять узнаемъ тѣхъ же Армандъ и Белизъ, съ той только разницей, что тогда лицемѣріе выказывало жеманницъ, а теперь онѣ выказываютъ лицемѣріе.

Разсматривая произведенія великаго комика въ ихъ подробностяхъ, сравнивалъ эти подробности между собой, удивляемся, съ какимъ постоянствомъ и съ какой логической послѣдовательностью Мольеръ отстаивалъ дѣло правды и разума. Въ *Жеманницахъ* онъ нападаетъ на ханжество чувствъ и языка, въ *Большомъ по неволѣ* на ханжество науки, въ *Тартюфѣ* на ханжество религіи. Каждый этюдъ его имѣетъ, такъ сказать, свою втору. *Версальскій экспромтъ* составляетъ дружку съ *Мъщаниномъ въ дворянствѣ*, и обѣ эти картины, схваченныя съ дурачества тогдашняго мѣщанскаго общества, такъ вѣрны, что въ нихъ думали видѣть личности. Когда *Мъщанина въ дворянствѣ* давали въ Парижѣ 23 Ноября 1670, онъ имѣлъ успѣхъ огромный, именно отъ того, что каждый мѣщанинъ узнавалъ въ немъ, или по крайней мѣрѣ воображалъ, что узнаетъ, своего сосѣда, никакъ не замѣчая съ тѣмъ вмѣстѣ, что это былъ и его собственный портретъ. Не смотря на всѣ сарказмы, которые сыпались въ этой пьесѣ на мѣщанство, такъ забавно и ѣдко, оно ни сколько не оскорблялось ею, а напротивъ отъ души хохотало; между тѣмъ какъ придворные возставали на роль Доранта, представляющую чрезвычайно вѣрный типъ рыцарей пройдохъ (*Chevaliers d'industrie*), которыхъ было такъ много въ высшемъ обществѣ XVII вѣка. Одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ Мольера, де Визе, пытался возстановить противъ него все дворянство Франціи, обвиняя комика въ оскорбленіи королевскаго величія;

но и въ этотъ разъ, какъ всегда, Лудовикъ XIV защитилъ поэта противъ обвинителя; и если спросить, почему великій король позволялъ простому комедианту нападать на то, что одинъ изъ его министровъ, уже во время упадка этого славнаго царствованія, называлъ «священнымъ сословіемъ дворянства», отвѣтъ будетъ простъ: потому, что Лудовикъ XIV любилъ посмѣяться надъ смѣшнымъ, что онъ, съ высоты своего величія, видѣлъ это смѣшное лучше другихъ, и что онъ наконецъ въ этотъ блестящій періодъ своей жизни еще помнилъ Фронду и довершалъ дѣло Ришелье.

Самый общій упрекъ, падающій на Мольера, упрекъ, утвержденный строгимъ авторитетомъ Боало, состоитъ въ томъ, что онъ впадалъ въ фарсы. Конечно, если стать на точку чисто классическую, если судить его по кодексу вкуса, который часто бываетъ только кодексомъ скуки и вялости, тогда можно обвинить комика за нѣкоторыя пьесы; но прежде всего надобно принять въ соображеніе тѣ обстоятельства, въ какихъ Мольеръ сочинялъ все то, что имѣетъ видъ фарсовъ. Директоръ и комическій поэтъ придворнаго театра, онъ долженъ былъ смѣшить короля, когда король хотѣлъ смѣяться; потомъ, чтобы привлечь въ свой театръ публику, онъ долженъ былъ согласоваться со вкусомъ толпы, издавна привыкшей къ паясничеству итальянскихъ комедій, — и вотъ, стараясь угодить и вкусу короля и вкусу публики вмѣстѣ, онъ и писалъ, по неволѣ, пьесы подобнаго рода. Онъ хотѣлъ забавлять и успѣлъ въ этомъ, вотъ и все. А между тѣмъ нельзя не сознаться, что и эти шутки всегда занимаютъ первое мѣсто въ ряду лучшихъ подобныхъ произведеній другихъ писателей. Намъ даже кажется, что мы не довольно вникли во внутренній смыслъ этихъ пьесъ и въ смыслъ ихъ подробностей, и что тѣ самыя мѣста, которыя признаны столькими критиками и комментаторами какъ чистые фарсы, въ сущности заключаютъ въ себѣ сцены высокой комедіи: мы укажемъ, на основаніи этого замѣчанія, на ссору Сганареля съ Панкрасомъ и Марфуріусомъ въ *Женитьбѣ по неволѣ*. Ударъ Сганарелевой палки падаетъ не на деданта, а на педантизмъ философовъ. Въ XVII вѣкѣ схоластическій аристотелизмъ царствовалъ еще въ школахъ самовластно. Въ ту минуту, когда появилась *Женитьба по неволѣ*, Парижскій университетъ возставалъ противъ парламентскаго постановленія 4 сентября 1624, которое, подъ страхомъ смерти, запрещало опровергать систему Аристотеля; слѣдовательно, давъ въ руки Сганарелю палку, Мольеръ дрался за Декарта.

Смѣшная церемонія въ *Мъщанинѣ въ дворянствѣ*, столько разъ и

такъ горячо разкритикованная за неестественность, черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ нѣкоторымъ образомъ оправдалась приключеніемъ аббата Сень-Мартень. Почтенный аббатъ, у котораго впрочемъ нельзя отнять ума, повѣривъ словамъ какихъ-то проказниковъ, вообразилъ, въ одно прекрасное утро, что сіамскій король сдѣлалъ его своимъ мандариномъ и маркизомъ мискусскимъ; ему даже представили, въ Касень, въ 1686, и знаки его новаго званія.

Въ *Мнимомъ больномъ*, котораго тоже хотѣли заклеймить именемъ фарса, мысль поучительная проглядываетъ въ каждой сценѣ. Мольеръ, представляя Арганта жертвой медицины и г. Пюргона, и въ то же время представляя его обманутымъ мужемъ, несправедливымъ отцомъ и глупымъ эгоистомъ, ясно хотѣлъ показать, и показалъ, до какой степени усиленная любовь къ жизни заглушаетъ всѣ прекрасныя чувства и всѣ добродѣтели. По этому и значеніе пьесы совсѣмъ не то, какое видать въ ней люди, ее не понявшіе; это не насмѣшка надъ больнымъ и надъ докторомъ, но глубокая сатира на эгоизмъ.

Г. Базень представляетъ намъ цѣлую перспективу новыхъ выводовъ изъ твореній великаго комическаго поэта. Мольеръ именно стоитъ въ первомъ ряду тѣхъ немногихъ избранниковъ, которые съ каждымъ вѣкомъ растутъ все выше и выше и никогда не старѣются, потому что выражаютъ жизнь и людей. Справедливо сказано: больше однимъ грамотнымъ—больше однимъ читателемъ Мольера; и чѣмъ больше мы удаляемся отъ времени, въ которомъ жилъ онъ, тѣмъ больше начинаемъ удивляться ему, по сравненію съ предшественниками и еще больше по сравненію съ послѣдователями. Въ комедіи характеровъ и нравовъ, въ комедіи высокой, т. е. въ той, которая соединяетъ въ себѣ поученіе, насмѣшку, умъ, истину, страсть, поэзію, въ фарсѣ, гдѣ онъ истощилъ всю поэзію смѣшнаго, въ романтической драмѣ—во всемъ Мольеръ испыталъ себя, и во всемъ остался мастеромъ первокласснымъ. Если онъ и заимствовалъ что-нибудь у своихъ предшественниковъ,—мы говоримъ здѣсь только о писателяхъ среднихъ вѣковъ Европы,—онъ заимствовалъ какъ будто именно съ тѣмъ, чтобы убить ихъ сравненіемъ съ собой, потому что, прежде него, за исключеніемъ двухъ-трехъ пьесъ, ничего не было, кромѣ безобразныхъ попытокъ, въ которыхъ всѣ дѣйствующія лица состояли изъ полуумныхъ стариковъ, изъ молодыхъ гулякъ и изъ женщинъ всѣхъ разрядовъ, исключая, какъ сказалъ Суаръ, разряда честнаго; а вся интрига вертѣлась на двухъ или трехъ переодѣваньяхъ, на трехъ или четырехъ нечаянныхъ встречахъ и на столькихъ же узнаваньяхъ. Явился Мольеръ, и все, что было

до него, позабыто, но онъ не позабудется никогда. Его глубокая наблюдательность, его неподражаемый слогъ, теплота его созданий—все это осталось намъ, и передъ всѣмъ этимъ блѣдны таланты его послѣдователей. Онъ будетъ имѣть счастливыхъ подражателей, но никогда соперниковъ. Реньяръ, Лесаажъ, Пиронъ, Грессетъ въ своемъ *Зломъ* (le Méchant), Седень въ своемъ *Философъ безъ умысла* (le Philosophe sans le savoir) достигаютъ высокаго вдохновенія, но они всѣ остаются отъ мастера на такомъ разстояніи, какимъ отдѣляется талантъ отъ гения.

Безъ всякаго сомнѣнія этюдъ, который обхватитъ всю исторію драматическаго искусства во Франціи, съ начала его и до нашихъ временъ, будетъ прекрасный литературный этюдъ, и не возможно, говоря о Мольерѣ, не думать о такомъ сочиненіи. Все, что намъ сказалъ Сень-Бёвъ о XVI вѣкѣ и Мольеръ, Маньянъ о среднихъ вѣкахъ, еще больше подстрекаетъ насъ разъяснить тѣ эпохи, которыя остаются во мракѣ. Сколько измѣненій было на театральной сценѣ, разнообразной и измѣнчивой, какъ и самая смена жизни, съ того времени, когда побѣдоносный Римъ распространялъ повсюду и обычаи и забавы свои! У насъ, такъ же, какъ и у Грековъ, драматическое искусство имѣло въ своемъ началѣ значеніе религіозное, и драма обхватывала все твореніе. Она представляла тогда событія священной исторіи, картины прошедшаго и будущаго, земной рай съ нашими праотцами, и рай и адъ будущей жизни. Потомъ драма спустилась на землю и впала чуть чуть не въ идолопоклонство. Она начала брать для себя образцы изъ Италіи, и съ кого же? съ Боккачіо, съ Макиавелля, съ Библиена; потомъ съ Плавта, съ Сенеки, съ Теренція. Въ эту эпоху скептицизма, она вдалась въ ученость и въ насмѣшку, но безъ основной мысли, безъ оригинальности, и всегда оставалась безцвѣтнѣе подлинниковъ, которымъ подражала и за которыми слѣдовала. Въ XVI вѣкѣ она подражаетъ еще, но съ тѣмъ вмѣстѣ становится оригинальной и самобытной, воспримчивой ко всему прекрасному; въ одно время и римская, и греческая, и христіанская, она всегда глубоко вѣрна истинѣ, глубоко гуманна; — и здѣсь основалось ея величіе. Въ XVIII вѣкѣ драматическое искусство наше преобразилось въ философскую проповѣдь, и хлопотало о томъ, чтобы ниспровергнуть этотъ старый міръ, который скоро долженъ былъ выдержать страшную бурю. Оно не было ужъ голосомъ сердца, страстей, вдохновенія, оно было только голосомъ ума и его заблужденій, было, можетъ быть, излишествомъ этого самаго ума. Во времена революціи оно бурно, какъ самая революція, необузданно, какъ рѣчь конвента, и почти всегда ложно, потому что доходило до такихъ же край-

постей въ чувствахъ, какъ и въ политикѣ. Методическое и правильное во времена имперіи, оно снова начало заимствовать свои правила изъ классицизма. Наконецъ въ продолженіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ оно бросалось во все системы. Оно было, въ одно и то же время, религіознымъ, рыцарскимъ, классическимъ, романтическимъ, глядя потому, къ какой партіи принадлежалъ писатель. Часто оно было слишкомъ грубо, потому что должно было дѣйствовать на зрителей, уже пресытившихся сильными ощущеніями; было безстыдно, потому что хотѣло угодить испорченному вкусу; было изобильно произведеніями больше, чѣмъ въ какую-нибудь другую эпоху, потому что было меркантильно больше, чѣмъ когда-нибудь. Въ этой громадѣ вѣсмерныхъ произведеній есть однако жъ произведенія высокія, такія по крайней мѣрѣ, которыя на всегда останутся въ нашемъ репертуарѣ въ числѣ второклассныхъ піесъ. Но вообще наше современное драматическое искусство ниже своего великаго вѣка, и судя по тѣмъ почестямъ, какія воздаемъ мы Мольеру, кажется, что оно утвердило непоколебимую славу свою не въ настоящее время. »

Вотъ еще нѣсколько словъ о новостяхъ французской и англійской литературы.

Вышелъ третій томъ *Исторіи Римскихъ Императоровъ* г. Мери-валя, и IX и X томы *Греческой исторіи* г. Грота. *Исторія Маріи Стюартъ*, соч. мистъ Стрейклейдъ, можетъ подать случай оцѣнить исполнѣ исторію г-на Минье, которая переведена на англійскій языкъ и пользуется въ Англіи успѣхомъ рѣдко приобрѣтаемымъ французскими сочиненіями, въ англійскомъ переводѣ. *Исторія войны въ Афганистанѣ* г-на В. Келъ (W. Kaye) также обратила на себя вниманіе. Авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи самые секретные матеріалы, переписку, донесенія и реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ. *Исторія Англіи и Нормандіи* сира Франси Пельгревъ (Sir Francis Palgrave) есть сочиненіе, исполненное археологическихъ изысканій, произведенныхъ съ большимъ тщаніемъ, хотя недостатокъ сноровки и методы опутителей въ нѣкоторыхъ главахъ. Романисты тоже не уступаютъ этому полчищу историковъ. Теккерей, во-первыхъ, рѣшившись вынудить удивленіе оксфордскаго вице-канцлера, издаетъ однимъ разомъ три тома, а Диккенсъ, вѣрный своей ежемѣсячной повременности, обѣщаетъ намъ на 1852 годъ равню къ Давиду Копперфильду. Передъ этими двумя знаменитыми именами блѣднѣютъ имена другихъ; за то количествомъ замѣняется качество: до пятнадцати романовъ появилось въ послѣдніе два мѣсяца. Въ числѣ ожидающихъ очереди у издателя, есть романтическая

біографія Мольера, леди Бульверъ. Какъ г-жа Жоржъ-Зандъ въ драмѣ, такъ и леди Бульверъ въ біографіи, рассказываютъ намъ о несчастіяхъ Мольера въ семейной жизни его. Кто лучше жепищитъ умѣетъ сочувствовать несчастіямъ супружескимъ? Сирь Эдваръ Бульверъ, съ своей стороны, оканчиваетъ романъ, который, надѣются, будетъ не хуже семейства Какстонъ.

Вообще Англіійская литература изобильна въ прошломъ мѣсяцѣ біографіями. Чэльмерсъ издалъ третій томъ жизни своего теста. Соотечественникъ и другъ юношества Чаптрея, издалъ замѣчанія на *многочисленные невѣрности*, какъ онъ выражается, въ біографіи этого знаменитаго скульптора. Нѣсколько новыхъ анекдотовъ придаютъ цѣну его книгѣ. Наконецъ Томасъ Карлиль, рассказываетъ скорѣе мнѣнія, нежели жизнь своего друга, Джоца Стерлинга, поэта и критика не безъ достоинствъ, умершаго тому два или три года назадъ. Первымъ біографомъ его былъ архидіаконъ Геръ (Hare). Джонъ Стерлингъ, человѣкъ съ умомъ беспокойнымъ, воображеніемъ своенравнымъ и часто большимъ, задумалъ однажды вступить въ духовное званіе, но вскорѣ наскуча важными обязанностями духовнаго сана, покинулъ его. Въ жизни Джона Стерлинга особенно занимательны подробности о его отцѣ, — болѣе необыкновенномъ, нежели его сынъ, — безъименномъ журналистѣ, который писалъ статьи въ газету Times, исполненныя силы и оригинальности. Карлиль прозвалъ его Капитанъ-буря (*Capitaine Tempête*), и дѣйствительно статьи его не разъ спускали бурю на такъ называемое политическое небо. Но подобно бурнымъ вѣтрамъ, Эдвардъ Стерлингъ дулъ иногда съ сѣвера, иногда съ юга, — настоящій типъ журналиста, по измѣнчивости, которую впрочемъ не слѣдуетъ приписывать продажности. Эту личность нельзя забыть въ исторіи журналистики. Къ извѣстному описанію его сына безцвѣтно возлѣ біографіи такого отца. Сынъ также былъ писателемъ современной литературы, но занимаясь литературою въ собственномъ значеніи этого слова, онъ не бросилъ въ свѣтъ, при первой попыткѣ, такой статьи, которая могла бы вызвать на самоубійство министровъ, такихъ, какъ Кастельри, пробудить въ парламентахъ это голосовъ Фокса и Борка и понизить на биржѣ курсъ фондовъ. И что же? Статьи отца погребены въ столбцахъ Times, и никогда оттуда не освободятся, — а стихи сына перепечатаны. Его прозаическіе труды, споспѣшествовавшіе успѣхамъ Blackwood, переведены въ *Revue Britannique* прежде, чѣмъ было извѣстно имя сочинителя. Словомъ, не будь сына, отецъ былъ бы уже забытъ.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

МИРАБО И МАРИЯ-АНТОАНЕТТА.

(Переписка графа Мирабо съ графомъ де-ла-Маркомъ, въ 1789, 1790 и 1791 годахъ, — собранная, приведенная въ порядокъ и изданная г. де Бакуръ). (*)

СТАТЬЯ I.

Издание этой переписки, заключающейся въ трехъ томахъ, представляетъ въ совершенной ясности и съ самыми любопытными подробностями тайные политическіе виды Мирабо и въ особенности его отношенія ко двору въ первый періодъ революціи.

Какъ ни мрачны и тяжелы воспоминанія объ эпохѣ, которая увлекла Францію, а съ нею и всю Европу потокомъ страстей самыхъ неистовыхъ; но эта переписка можетъ служить неизчерпаемымъ источникомъ разысканій и размышленій для того, кто захочетъ изучить человечество въ самыхъ судорожныхъ содроганіяхъ того вѣка. Переписка Мирабо открываетъ передъ нами снова эту страшную картину. Она доказываетъ намъ, что между всѣми бѣдствіями и ужасами того времени ни одно, даже самое важнѣйшее, не было предвидимо при первомъ его началѣ. Съ другой стороны она показываетъ, что тѣ бѣдствія, если бы они даже были предвидимы, не могли быть отвращены никакими средствами. Но особенно, — таково ослѣпленіе тщеславія, — эти письма бросаютъ ясный свѣтъ на честолюбивую, испорченную, но имѣвшую никакихъ правилъ душу Мирабо, которая, загораясь какъ метеоръ отъ приближенія бури, соединяетъ ненасытимое желаніе властолюбія, денегъ и роскоши, съ неловко направленнымъ стремленіемъ къ возстановленію наслѣдственной власти. Мирабо является то демагогомъ, то приверженцемъ двора; передъ глазами народа онъ раздуваетъ по-

---

(*) Correspondance entre le Comte de Mirabeau et le Comte de La Marck, pendant les années 1789, 1790 et 1791, recueillie, mise en ordre et publiée par M. de Bacourt.

жаръ, а втайнѣ клянется потушить его, и въ то же время съ необыкновенною прозорливостію и съ полнымъ увѣренностью въ своемъ могуществѣ предсказываетъ всю глубину тѣхъ золъ, которыя его же собственное краспорѣчіе и его примѣръ должны были сдѣлать еще болѣе ужасными и неотвратимыми. Примирить эти противорѣчія, смыть это пятно, которое кладетъ такую мрачную тѣнь на Мирабо и низводитъ его общественную дѣятельность почти до уровня съ его частной жизнью, оправдывать его криводушную политику и его поведеніе, — дѣло совершенно невозможное для біографа. Но въ перепискѣ его сохранились самые вѣрные и правдивые документы, которые лучше всякихъ другихъ, оставшихся отъ того времени, могутъ характеризовать духъ той революціи, ея виновниковъ, совершившихъ паденіе древней монархіи вопреки своимъ собственнымъ намѣреніямъ, и наконецъ ея жертвъ, страдающіе которыхъ далеко превосходятъ мѣру заслуженнаго ими наказанія. И переписка эта, столько краткая и столько замѣчательная, едва продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, а ужъ человекъ, который началъ ее, полный страстей и жизни, не разъ посылавшій ко двору свои энергическія воззванія, видимая въ ней, былъ не болѣе какъ трупъ, распростертый на порогъ того непроходимого лабиринта, въ который онъ вошелъ, не зная изъ него выхода. Тѣ, которые принимали участіе въ тайныхъ сношеніяхъ Мирабо со дворомъ, и которые, изъ преданности къ королевѣ, надѣялись склонить великаго оратора на ея сторону, скоро разстались по всей Европѣ, и имъ никогда не суждено было увидѣть опять стѣны Трианона. Людовикъ XVI, погруженный въ свою апатію, не знавшій своихъ средствъ, часто даже не вѣрившій опасности, и Марія-Антуанетъ, подвигнутая къ энергіи, къ которой она долгое время, казалось, была неспособна, остались одни предъ лицомъ смерти.

Кратковременная дѣятельность Мирабо есть эпизодъ изъ перваго акта революціи: это — тѣнь приближающейся мрачной катастрофы. Въ Англіи, Буркъ, по своей прозорливости, уже повѣлъ характеръ этого бича вопреки обманчивой славѣ, окружавшей его съ самаго начала, и это открытіе разорвало всѣ связи, которыя соединяли Мирабо съ его политическими друзьями. Дѣла Франціи онъ самъ понималъ очень хорошо и страшился за нихъ, видя, что между національнымъ собраніемъ и будущимъ ничею нѣтъ другаго, кромѣ гибели монархіи и убійства короля. Но всѣ эти обстоятельства, казалось, не произвели на него никакого другаго дѣйствія, кромѣ того, что пробудили въ немъ жаръ, энергію, своекорыстіе, ненасытное честолюбіе, и заставили его при-

крыть мѣстѣю якобица всѣ тѣ мѣры, которыми онъ старался влѣсти въ дворъ. Страшная судьба Мирабо заставила его обнаружить передъ дворяномъ безсиліе тѣхъ средствъ, которыми онъ думалъ остановить революцію, бывши самъ главнымъ ея двигателемъ, и спустя 60 лѣтъ послѣ того, этими бумагами, читанными нѣкогда только одною Маріею-Автоанеттою, раскрыть передъ потомствомъ всю пустоту своихъ собственныхъ плановъ и всю ничтожность своихъ соперниковъ, которыхъ мѣсто онъ хотѣлъ заступить.

Исторія этихъ бумагъ такъ оригинальна, что, прежде чѣмъ мы станемъ ихъ разсматривать, считаемъ нужнымъ познакомить нашихъ читателей съ лицами, стоящими на второмъ планѣ этого драматическаго разсказа. Переписку Мирабо привелъ въ порядокъ и издалъ съ большимъ искусствомъ и тщаніемъ г. де-Бакуръ, бывшій французскій посланникъ при Туринскомъ дворѣ, которому, какъ намъ извѣстно, ввѣрилъ ее покойный принцъ Августъ Аренбергъ (*), по рекомендаціи Талейрана, уже около 20 лѣтъ назадъ. Принцъ завѣщалъ ему не обнародовать эти документы до тѣхъ поръ, пока всѣ лица, участвовавшія въ драмѣ 1791-го года, не сойдутъ со сцены. Между тѣмъ онъ составилъ краткій разсказъ о своихъ собственныхъ сношеніяхъ съ Мирабо. Разсказъ его служить введеніемъ тремъ томамъ изданной переписки. Такимъ образомъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, посмертное оправданіе Мирабо, если только можно назвать его оправданіемъ, обнародовано со всей должной вѣрностью и подъ непосредственнымъ надзоромъ человека, знатнаго по своему сану, почтеннаго по своему характеру. Принцъ Августъ, или, называя его собственнымъ именемъ, графъ де-ла-Маркъ, прожилъ еще полвѣка со времени событій 1791 года. Въ лѣта зрѣлыя онъ могъ пересмотрѣть всѣ эти бумаги и сравнить ихъ съ современными свидѣтельствами, которыхъ такъ много было обнародовано, и въ которыхъ онъ встрѣтилъ болѣе ясныя истины. Трудъ свой онъ передалъ человѣку, вполне достойному его довѣренности. Последняя воля Мирабо исполнена немножко поздно, но за то грязный потокъ его жизни, проходя черезъ руки такихъ посредниковъ, нѣсколько очищается.

Прибавимъ къ этому, что разсказъ графа де-ла-Марка, писанный въ его послѣдніе годы, все еще отзывается воспоминаніями о той роли, которую ему суждено было играть въ началѣ революціи. Его преданность королевѣ какъ-то странно была колеблема дружбою съ человѣ-

---

(*) Графъ де-ла-Маркъ.

комъ, котораго дурныя правила и дурныя поступки были извѣстны цѣлой Европѣ. Очевидно, что не разъ онъ былъ обманутъ его коварною дружбою, и не разъ унижалъ себя до того, что былъ его орудіемъ, позволяя ему спекулировать на счетъ своей незапятнанной репутаціи и на счетъ своего кармана.

«Я былъ поставленъ,—говорить принцъ,—на такой сценѣ, на которой дѣйствующія лица рѣзко обозначались; къ нѣкоторымъ изъ нихъ, и притомъ къ самымъ замѣчательнымъ, я былъ особенно близокъ. Я зналъ свѣтъ и дворъ. Зная манеру, съ какою люди разсыпаютъ свое уваженіе, средства, какими оно пріобрѣтается, и легкость, съ какою интриганы получаютъ его, между тѣмъ, какъ людямъ достойнымъ въ немъ отказываютъ,—зная, говорю, все это, я понималъ, что во многихъ случаяхъ нужно понизить его ходячую цѣнность; но въ то же время я почувствовалъ, что прежде всего нужно быть въ мирѣ съ самимъ собою и ужиться съ своей собственной совѣстью.»

«Уже цѣлые 20-ть лѣтъ насъ безпрестанно наводняютъ мемуарами о революціи и о временахъ, въ которыя я жилъ; одни изъ нихъ составлены по матеріаламъ, собраннымъ безъ вкуса, безъ добросовѣстности, изъ одного только денежнаго разсчета; другіе изданы подъ именемъ такихъ лицъ, которыя никогда и не думали писать мемуары,—это мемуары подложные; наконецъ третьи, и это самые опасные, сочинены такими людьми, которые, не обращая никакого вниманія на истину, стараются только сдѣлать себя извѣстными, удовлетворить своимъ притязаніямъ, а главное—оправдать свое поведеніе.»

«Видя предъ собою такіе примѣры, я, можетъ быть, рѣшился бы ничего не писать; но не разъ представляли мнѣ, что, если это равнодушіе позволительно въ отношеніи ко мнѣ собственно, то все же я не имѣю никакого права одинаково распространять его на другихъ; и если знаю, что въ извѣстныхъ сочиненіяхъ правота дѣлъ и лицъ, ко мнѣ близкихъ, искажена и поругана, то я долженъ попытаться защитить ее; и что, наконецъ, будучи въ состояніи уничтожить клевету, я былъ бы виновенъ, если бы не сдѣлалъ этого. Но больше всего меня побудило къ этому обѣщаніе, данное мною графу Мирабо на его смертномъ одрѣ, обѣщаніе—передать потомству тѣ памятники, которые могутъ служить свидѣтельствомъ его энергическихъ и законныхъ усилій спасти отечество и короля.»

«Принявъ это намѣреніе, я не рѣшился однако жъ издавать что-либо при моей жизни; я не знаю даже, позволять ли мнѣ мои престарѣлыя лѣта привести въ желаемый мною порядокъ всѣ тѣ рукописи, которыя

находятся въ моихъ рукахъ. Но по крайней мѣрѣ эти матеріалы, эти воспоминанія откроются послѣ меня, и я предоставляю другимъ трудъ сдѣлать изъ нихъ настоящее употребленіе. — Истина для исторіи — всегда во-время.» (Том. 4, стр. 7.).

Графъ де-ла-Маркъ, принявшій въ послѣдствіи имя принца Августа Аренбергъ, былъ второй сынъ главы владѣтельнаго дома этого имени. Онъ родился въ Брюсселѣ 30 января 1753 года. Его отецъ, съ такою славою участвовавшій въ семилѣтней войнѣ, получилъ въ императорской арміи титулъ фельдмаршала, и сверхъ того большой крестъ Маріи-Терезіи, — орденъ, въ то время только что учрежденный. Родъ его былъ въ тѣсномъ родствѣ съ Австрійскимъ домомъ, царствовавшимъ тогда въ Нидерландахъ. Съ другой стороны, дѣдъ его по матери, послѣдній изъ потомковъ знаменитаго дома де-ла-Марковъ, уступилъ ему пѣмецкій пѣхотный полкъ, состоявшій во французской службѣ, но содержавшійся на иждивеніи рода де-ла-Марковъ съ самыхъ временъ Лудовика XIV. Потомъ эти издержки взялъ на себя молодой принцъ Аренбергъ, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ начальство надъ полкомъ, фамилію графовъ де-ла-Маркъ и ихъ владѣнія. Онъ поступилъ такимъ образомъ на службу французскаго короля, хотя въ сущности, какъ принцъ имперіи, не былъ ничѣмъ подданнымъ.

Нужно было согласіе Маріи Терезіи, чтобы освятить эту службу, предложенную въ то время, когда эрцъ-герцогиня Марія-Антоанетта должна была заключить тотъ блестящій союзъ, котораго праздники были обманчивыми предшественниками самой кровавой драмы въ царственныхъ лѣтописяхъ. Молодой офицеръ былъ представленъ королевы, которая подобно ему признала Францію своимъ отечествомъ; онъ вошелъ къ ней въ довѣренность и былъ принятъ въ то общество, которое королева дарила своею дружбою въ первые и счастливые годы своего царствованія. Графъ де-ла-Маркъ по званію гранда Испаніи стоялъ въ уровенъ съ лучшимъ дворянствомъ Франціи; вскорѣ потомъ онъ женился на богатой псалъдницѣ, и нѣсколько позже прославивъ себя въ экспедиціи, посланной въ Восточную Индію, сталъ чрезвычайно высоко въ глазахъ цѣлаго Парижа и Версаля.

Мы удалились бы отъ нашего предмета, если бы вздумали представить картину этого общества легкомысленнаго, беззаботнаго, и въ то же время любезнаго, воспоминаніе о которомъ естественно имѣетъ столько привлекательнаго для графа де-ла-Марка. Между тѣмъ время такъ перемѣнилось, что изъ всѣхъ дворовъ, царствовавшихъ во Франціи, тотъ дворъ, который менѣе всего даетъ повода къ упрекамъ, былъ обвиненъ

въ порокахъ, приписанныхъ клеветой лицамъ, составившимъ самое лучшее его украшеніе; король, который болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, думалъ о благѣ народа, былъ сочтенъ тираномъ. Но, если мы обратимъ свой взоръ на тѣ десять лѣтъ, которыя предшествовали революціи, то увидимъ, что въ обыкновенной жизни Французскаго двора ничто не предвѣщало этой страшной катастрофы; самъ герцогъ Орлеанскій представленъ у г-на де-ла-Марка человекомъ беззаботнымъ, слабымъ, снисходительнымъ, а не отъявленнымъ врагомъ двора, какимъ онъ явился въ послѣдствіи. Начало этой вражды, которую графъ де-ла-Маркъ приписываетъ спору за придворныя почести между эрцгерцогомъ Австрійскимъ и принцами Французскаго дома, чрезвычайно ничтожно, и выказываетъ буйныя страсти, обнаружившіяся въ послѣдствіи въ характерѣ Филиппа-Эгалите.

Но есть одинъ пунктъ, который очень основательно поясняетъ мнѣніе г-на де-ла-Марка. Въ самыхъ любопытныхъ мѣстахъ, переписка изображаетъ Марію-Антоанетъ лицомъ политическимъ; къ ней Мирабо посылаетъ свои совѣты и увѣщанія; черезъ нее только эта шайка революціонныхъ друзей надѣется подѣйствовать на нерѣшительный умъ короля. Исканіе подобныхъ средствъ, послѣ 1789 г., показываетъ намъ, къ какимъ мѣрамъ приведены были защитники королевства, когда общая опасность пробудила наконецъ въ Маріи-Антоанетъ нѣкоторыя герцогскія черты ея матери. Въ первые годы царствованія Людовика XVI-го, королева по большей части отказывалась пользоваться своимъ вліяніемъ, чтобы отклонить кабинетъ или короля отъ содѣйствія политикѣ ея брата, императора Іосифа. Такимъ образомъ, когда въ 1788 г. вспыхнула война за наслѣдство Баварскаго престола, и австрійскій посланникъ получилъ приказаніе просить у Франціи 24,000 вспомогательнаго войска, на основаніи трактата 1756 г., королева, не смотря на просьбу графа де-Мерси, отказалась не только поддерживать эту просьбу, но и даже говорить объ ней королю. Въ 1784 г., когда политика Голландіи заставляла опасаться войны, Австрія не получила болѣе помощи отъ Франціи, не смотря на всѣ усиленныя просьбы императора у своей сестры.

И между тѣмъ эти же самыя обстоятельства въ послѣдствіи были очернены клеветой; королева не разъ была представлена, готовою пожертвовать пользамъ Австрійскаго дома самыми лучшими интересами своего новаго отечества. Правда, она сдѣлала непростительную ошибку, принявъ съ такою явною благосклонностью въ свое общество нѣкоторыхъ иностранцевъ, находившихся при

ей дворъ. Когда г-нъ де-ла-Маркъ предупреждалъ Марію-Антоанету на счетъ недоброжелательныхъ толковъ, могущихъ произойти отъ такой ея благосклонности, она съ грустію отвѣчала ему: «Это правда, но по крайней мѣрѣ они ничего отъ меня не просятъ.» Завистливый и мелочной кружокъ Полиньяковъ, въ который королева была вовлечена по какому-то неизбежному року, былъ для нея источникомъ большихъ опасностей; но австрійская партія въ Версали никогда не принадлежала къ нему. Графъ де-ла-Мерси, императорскій посланникъ, бывалъ тамъ рѣдко; графъ де-Ферзентъ, знавшій настоящее мнѣніе королевы объ этомъ предметѣ, навсегда отказался участвовать въ этомъ кружкѣ, и г-нъ де-ла-Маркъ говорить о немъ съ явнымъ отвращеніемъ.

Но не въ этихъ легкомысленныхъ и однообразныхъ салонахъ г-нъ де-ла-Маркъ встрѣтилъ Мирабо; соблазвъ его пороковъ, наглость его мнѣній и потомъ закоренѣлыя отъ времени привычки и потребности, сдѣлали его совершенно чуждымъ тому обществу, на которое онъ имѣлъ право по своему рожденію. Только однажды, кажется въ 1788 г., г-нъ де-Мейльганъ принявъ на себя обязанность привести съ собою Мирабо на обѣдъ къ принцу де-Пуа, старшему сыну графа де-Ноая, впоследствии герцогу де-Муши, бывшему въ то время губернаторомъ въ Версали. Все общество состояло изъ г-на де-ла-Марка, графа и графини де-Тессе, виконта де-Ноая, меньшаго брата амфигіона, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, желавшихъ видѣть Мирабо. Наконецъ онъ явился;—и г-нъ де-ла-Маркъ къ крайнему своему удивленію увидѣлъ въ немъ человека обыкновеннаго по наружности, и еще болѣе обыкновеннаго по манерамъ; онъ былъ одѣтъ по праздничному, черезъ чуръ напудренъ; платье на немъ было съ огромными пуговицами изъ разноцвѣтныхъ камней; онъ разсыпался въ комплиментахъ и въ выраженіяхъ разныхъ вѣжливостей;—словомъ—это былъ человекъ совершенно незнавшій того простаго и свободнаго обращенія, которое такъ свойственно вѣсшему кругу. Во время обѣда зашла рѣчь о политикѣ, и Мирабо превзошелъ всѣхъ убѣдительною и краснорѣчіемъ, съ какимъ онъ говорилъ о вопросахъ, занимавшихъ тогда общество. Г-нъ де-ла-Маркъ обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими разсужденіями о политикѣ Германіи,—предметъ, извѣстномъ Мирабо болѣе, чѣмъ кому-либо изъ его соотечественниковъ. Не смотря на безконечное различіе обѣихъ этихъ лицъ, они скоро сблизились, и ихъ взаимныя отношенія обратились потомъ въ дружбу, не прекращавшуюся до самой смерти Мирабо, и сдѣлавшуюся для него находкой чрезвычайно полезной, потому что эта дружба набрасываетъ еще нѣкоторую свѣтлотѣнь

на честь Мирабо. Впрочемъ, не смотря на какую-то сантиментальность, которую хочетъ иногда Мирабо придать своимъ отношеніямъ къ де-ла-Марку, нельзя не замѣтить, что въ этой связи, равно какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ прежде всего преслѣдуетъ свою личную выгоду, и что между этими обоими друзьями всѣ услуги были на одной сторонѣ, и всѣ обязательства на другой.

Странная связь, и къ тому же возникшая во времена не менѣе странная, соединила графа де-ла-Марка, этого баловня фортуны, съ Мирабо, который къ сожалѣнію слишкомъ мало имѣлъ общаго съ принцемъ имперіи, близкимъ ко двору по своему рожденію, по своимъ чувствамъ и по своимъ понятіямъ, между тѣмъ какъ Мирабо былъ отверженникомъ общества, человѣкомъ, который, обладая умомъ, могущимъ покорять міръ, не могъ отворить для себя дверей ни одной парижской гостиной. Одинъ былъ богатъ, необыкновенно любезенъ, милъ; другой — развратникъ, безъ всякой нравственности, безъ совѣсти, безъ стыда. Въ ихъ перепискѣ ни слова не говорится о дружбѣ, и еще менѣе о самомъ ея продолженіи; но между тѣмъ видно, что на дѣлѣ она требовала отъ де-ла-Марка многихъ жертвъ. Въ Мирабо мы видимъ его обыкновенный умъ, и въ тоже время совершенную неспособность входить въ отношенія чести и долга; въ графѣ де-ла-Маркѣ видимъ доброту, слабую, — потворствующую порокамъ своего друга, и отсутствіе проницательности, чѣмъ Мирабо старался всегда пользоваться. Известно, что даже въ продолженіе этого періода, такъ богатаго событіями, они жили всегда въ дружбѣ, хотя ихъ связь не имѣла ни для того ни для другаго тѣхъ результатовъ, на которые каждый изъ нихъ рассчитывалъ.

Отношенія, начавшіяся въ гостиной, продолжались на сценѣ болѣе дѣятельной. Вскорѣ потѣмъ собраніемъ генеральныхъ штатовъ г-нъ де-ла-Маркъ былъ избранъ, хотя еще окончательно не утвержденъ, депутатомъ въ округъ дю-Кенэ, гдѣ находилось имѣніе его жены. Уже послѣ собранія трехъ сословій (*), онъ и Мирабо снова встрѣтились въ національномъ собраніи; отношенія ихъ опять возобновились, и не много

(*) Странно, что г-нъ де-ла-Маркъ едва намекнулъ о первыхъ шагахъ революціи, и особенно о той рѣшительной мѣрѣ собранія сословій, съ которою онъ самъ, какъ дворянинъ, согласился. Между тѣмъ въ сущности эта мѣра насильственного собранія двухъ высшихъ сословій съ среднимъ была исполнена при помощи угрозъ и предательства, долженствовавшихъ разсѣять всякія сомнѣнія о политикѣ, принятой Мирабо.

спустя послѣ того г-нъ де-ла-Маркъ пригласилъ героя *du Jeu de-раите* обѣдать къ себѣ вдвоемъ. Мирабо принялъ это приглашеніе, говоря, что онъ всегда сойдется съ такимъ аристократомъ, какъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ изворотливость ума Мирабо, и даже самые пороки его были истинно-аристократическіе; онъ былъ первый изъ числа тѣхъ предводителей, которые въ мучительный процессъ революціи даютъ полный разгулъ страстямъ и разнаго рода искательствамъ.

Разсказъ объ этомъ свиданіи такъ любопытенъ, что мы считаемъ нужнымъ привести его здѣсь:

«Войдя къ г-ну де-ла-Марку, Мирабо сказалъ: «Вы недовольны мною, не правда ли?»—Да, я недоволенъ вами и нѣкоторыми другими. —«Если это такъ, то прежде всего вы должны быть недовольны тѣми, которые живутъ въ зѣмкѣ. Корабль государства разбитъ, и никого нѣтъ у руля.»

«Мирабо долго говорилъ все въ такомъ же тонѣ, даже съ запальчивостію возставалъ противъ допущенныхъ уже ошибокъ; обвинялъ г-на Неккера въ неспособности и незнаніи. Онъ упрекалъ этого министра за то, почему съ начала открытія генеральныхъ штатовъ не представили общаго плана финансовъ, который не только былъ бы въ состояніи покрыть этотъ жалкій дефицитъ 140 милліоновъ, но даже и въ будущемъ увеличить доходъ государства. Онъ говорилъ, что для такой страны, какова Франція, достиженіе такого результата было бы лишь одною игрушкою; но что для этого нужно было имѣть взглядъ болѣе прощительный, соображеніе болѣе смѣлое, нежели каковы они у Неккера, который по его мнѣнію былъ вездѣ не на своемъ мѣстѣ.»

«Г-нъ де-ла-Маркъ, хранившій во все это время молчаніе, наконецъ сказалъ: «Но чего же вы хотите достигнуть, вашимъ пламеннымъ, разрушительнымъ стремленіемъ, которое обнаруживаете вы и въ собраніи и внѣ его?»

«—Судьба Франціи рѣшена! воскликнулъ Мирабо; ужъ не обойдись безъ того, чтобъ не принять правленія болѣе или менѣе похожаго на англійско е.»

«Но сквозь всѣ подобныя возгласы и упреки, которые онъ изливалъ на министровъ, въ немъ виднѣсь былъ приверженецъ монархіи; и онъ не разъ повторялъ, что онъ не виноватъ, когда его ни къ чему не допускаютъ, и, для личной своей безопасности, требуютъ, чтобъ онъ сдѣлался главою народной партіи: «То время прошло, сказалъ онъ, когда должно было уважать людей за то только, что у нихъ заключается въ небольшомъ пространствѣ во лбу, между бровями.»

«Г-пъ де-ла-Маркъ напрасно доказывалъ ему, что его слова нисколько не оправдываютъ и не извиняють дерзости его рѣчей въ собраніи, и что его краснорѣчіе, какъ бы оно ни было увлекательно, не отклонить того зла, въ которое оно повергло Францію. — «Когда королевскіе министры согласятся со мною, отвѣчалъ онъ, тогда откроется, что я былъ преданъ королевству и спасенію монархіи.»

«Наконецъ, на вопросъ его собесѣдника: «Къ чему клонится настоящее положеніе дѣлъ?» — Къ гибели Франціи, отвѣчалъ онъ, и если хотятъ спасти ее, то надобно какъ можно скорѣе прибѣгнуть къ послѣднему средству, оставшемуся для этого. Система, которой теперѣ слѣдуютъ, нелѣпа, безразсудна. Собраніе оставляютъ на произволъ самому себѣ, и льстятъ себя надеждою покорить его силою, какъ думаетъ аристократическая партія, или склонить на свою сторону пустыми фразами Неккера; между тѣмъ государству слѣдовало бы пріобрѣсть себѣ партіи изъ такихъ лицъ, которыя пользовались бы вліяніемъ на него и могли бы руководить имъ.» (Т. I. стр. 93.).

Эта бесѣда Мирабо, въ которой онъ говорилъ такимъ языкомъ, и въ которой изъявилъ г-ну де-ла-Марку свое желаніе, чтобы подобныя тайныя бесѣды ихъ возобновлялись какъ можно чаще, эта бесѣда, повторяемъ мы, происходила въ концѣ іюня 1789 г., за 15-ть дней до взятія Бастиліи. Со времени этого событія, все, что до сихъ поръ видѣли и слышали, достаточно оправдало тѣ дѣльныя опасенія, которыя возникли въ началѣ революціи, въ умахъ свѣтлыхъ, способныхъ понять ее. Изъ этого факта, равно какъ и изъ другихъ обстоятельствъ, характеризовавшихъ политическую дѣятельность Мирабо, че смотря на всю странность его отношеній къ графу де-ла-Марку, легко можно вывести то заключеніе, что знаменитый трибунъ, революціонный ораторъ собранія, игралъ на разныхъ театрахъ роли совершенно различныя (*).

(*) Мы не станемъ приводить здѣсь въ подробности тѣ безчисленныя противорѣчія самому себѣ, тѣ неточности, которыя открываются намъ у г-на де-ла-Марки, при сличеніи его разсказа съ другими источниками. Но дѣйствительно въ эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь, именно въ началѣ іюля 1789 г. въ разговорахъ и въ дѣйствіяхъ Мирабо есть много самыхъ достовѣрныхъ доказательствъ его двойственности. Такъ въ описываемое нами время онъ сказалъ Мунье и Фергасу вотъ что: «Господа, я встрѣтилъ вчера герцога Орлеанскаго, и сказалъ ему: герцогъ, вы не можете отвергнуть того, что, можетъ быть, скоро у насъ будетъ вмѣсто Людовика XVI-го Людовикъ XVII-й; въ такомъ случаѣ,

и что съ началомъ революціи всѣ его планы клонились къ приобрѣтенію верховной власти, равно какъ и вліянія на народъ, имѣвшій въ свою очередь сильное вліяніе на опасенія и надежды двора. Непримиримый врагъ министра Неккера, котораго онъ хотѣлъ удалить, то покорный, то гордый въ отношеніи къ Лафайету и Монтану, которыхъ онъ ненавидѣлъ наравнѣ съ Неккеромъ, но думалъ при случаѣ сдѣлать орудіемъ своихъ цѣлей, Мирабо явился въ глазахъ г-на де-ла-Марка, и потѣмъ въ его перепискѣ, человѣкомъ, желавшимъ достигнуть власти съ титуломъ конституціоннаго министра. — Въ случаѣ достиженія этой цѣли, онъ думалъ всего себя посвятить спасенію монархіи, гибель которой, что онъ очень хорошо предвидѣлъ, должна была влечь за собой гибель существовавшаго порядка вещей, гибель королевской фамиліи, и вѣроятно даже его собственную. Онъ зналъ, сколько самыхъ сильныхъ препятствій къ исполненію такого плана заключалось въ его прошедшемъ и настоящемъ положеніи, и въ его репутаціи. Не разъ, въ излівіяхъ дружбы, онъ выражалъ скорбное сожалѣніе о томъ, что безпорядочность его молодости мѣшала его планамъ о спасеніи государства. Для того, чтобы приобрѣсть довѣріе двора, онъ съ упорствомъ обратился къ самымъ мелкимъ средствамъ, и мы сейчасъ увидимъ, какихъ странихъ сотрудниковъ и соучастниковъ нашелъ онъ себѣ, въ надеждѣ получить управленіе дѣлами, подъ прикрытіемъ незапятнаннаго имени.

Но какъ бы горячо Мирабо ни преслѣдовалъ свои планы, къ которымъ онъ не встрѣтилъ почти ни въ комъ сочувствія, кромѣ г-на де-ла-Марка, все-таки онъ самъ не понималъ, что самымъ сильнымъ препятствіемъ къ ихъ выполненію служило его собственное поведеніе со времени открытія національнаго собранія, его подозрительныя сношенія

вы, ваше высочество, будете по крайней мѣрѣ генералъ-лейтенантомъ королевства. Герцогъ Орлеанскій ничего не отвѣтилъ мнѣ на это!» Въ то же самое время видѣли, какъ Мирабо вѣсть съ Руго и Робеспьеромъ, возбуждалъ въ собраніи недовольство противъ короля за то, что тотъ вздумалъ увѣрять войско въ безопасности; и когда Муье обвинялъ его въ томъ, что онъ приводитъ въ соблазнъ армію, онъ отвѣчалъ ему: «Г-нъ Муье, я не менѣе васъ преданъ королевству....» Не смотря на это, 9-го іюля, онъ предложилъ королю знаменитый адресъ о распусценіи войска, вслѣдствіе чего были приняты мѣры, покрывшія Францію національною гвардіей и имѣвшія результатомъ своимъ взятіе Бастиліи.

съ преступными заговорщиками тѣхъ первыхъ спенъ, которыя были сопровождаемы кровопролитіемъ, и въ которыхъ была оскорблена законная власть, и наконецъ очевидность того факта, что, если онъ приметъ сторону двора, то измѣнить партіи народной. По этому нечего удивляться, что королева, будучи тѣхъ же самыхъ мыслей и разделяя общественное мнѣніе, т. е. причисляя знаменитаго оратора къ партіи самыхъ горячихъ защитниковъ революціи и самой враждебной ея особѣ, замедлила принять планы для спасенія государства, высказанныя графомъ Мирабо. Въ сентябрь 1789 г., г-нъ де-ла-Маркъ просилъ графиню д'Оссанъ, придворную даму, любимицу Маріи-Автоанетты, объяснить королеву цель, для которой онъ поддерживаетъ свои дружескія отношенія съ Мирабо: «Я никогда не сомнѣвалась въ нашемъ расположеніи ко мнѣ, сказала ему королева черезъ нѣсколько дней; но мнѣ кажется, что тутъ-то и будетъ наше крайнее несчастье, когда намъ придется прибѣгнуть къ Мирабо.»

Въ перепискѣ Мирабо мы не находимъ отголоска интригъ, которыми онъ старался бы приблизиться ко двору; но къ сожалѣнію, такъ давно укоренившееся мнѣніе объ его характерѣ не позволяетъ намъ вывести отсюда того заключенія, что, еслибъ онъ втайнѣ держался одной политической нити, то не могъ бы отъ души держаться другой, ей противоположной. Извѣстно, что въ продолженіи всего этого періода вплоть до самой смерти своей, даже послѣ того, какъ Марія-Автоанетта вынуждена была жестокою необходимостью обратиться къ Мирабо за совѣтами, онъ публично говорилъ объ ней въ высшей степени оскорбительно и неосторожно; не разъ подавалъ онъ противъ нея голосъ отрицанія, и даже тогда, когда становился ея защитникомъ, положеніе его было какое-то грозное. Однимъ словомъ, всѣ планы его, всѣ средства, придуманныя его провидательнымъ умомъ, носили на себѣ печать двойственности. Исторія не можетъ смыть преступленій съ такого человѣка, потому что онъ сдѣлалъ ихъ передъ глазами всего свѣта, хотя втайнѣ протестовалъ противъ той политики, которой держался.

Свидѣтельство г-на де-ла-Марка о характерѣ Мирабо справедливо только въ одномъ пунктѣ, именно, когда онъ отвергаетъ его враждебныя чувства ко двору, и тайныя сношенія съ герцогомъ Орлеанскимъ, къ которыхъ его упрекали. Если изданная переписка не доказываетъ еще удовлетворительнымъ образомъ, что это обвиненіе ни на чемъ не основано; то по крайней мѣрѣ она бросаетъ много сомнѣній на то, что до сихъ поръ считали положительно-вѣрнымъ. Г-нъ де-ла-Маркъ рѣшительно утверждаетъ, что эти два лица никогда не видались другъ съ другомъ

до половины 1788 года. Герцогъ, говоритъ онъ, просилъ сдѣлать обѣдъ, чтобы имѣть такимъ образомъ случай увидѣть Мирабо. И мы видѣли уже, какъ это случилось; но успѣха въ этомъ изъ свиданія было мало: оба собесѣдника не понравились другъ другу, и Мирабо, спустя нѣсколько дней послѣ того, вотъ что сказалъ графу де-ла-Марку: «Герцогъ не понравился мнѣ, и я никогда ему не довѣрюсь.» Если принять свидѣтельство г-на де-ла-Марка въ границахъ самыхъ умѣренныхъ, то вопросъ объ этомъ можетъ быть приведенъ къ слѣдующему: «Самыя обыкновенныя отношенія, которыя были у Мирабо къ Филиппу-Эгалитѣ, могли ли обратиться въ политическій заговоръ, и притомъ въ такое короткое время, которое протекло отъ начала открытія генеральныхъ штатовъ до 5 и 6 октября 1789 г?» Г-нъ де-ла-Маркъ формально отвергаетъ такое предположеніе. Онъ рассказываетъ, что въ то же самое время, когда подозрѣвали Мирабо въ томъ, что онъ получаетъ изъ дворца деньги, на самомъ дѣлѣ онъ находился въ ужасной нищетѣ, такъ что даже просилъ у г-на де-ла-Марка въ займы 50 лундоровъ. Г-нъ де-ла-Маркъ вывелъ его изъ затруднительнаго положенія не только на этотъ разъ, но и въ другихъ случаяхъ, взявши однакожъ съ него обѣщаніе, что онъ не будетъ занимать ни у кого другаго, кромѣ его, надѣясь вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта помощь избавитъ его отъ вліянія другихъ и сохранитъ самостоятельность его убѣждений.

Далѣе онъ говоритъ:

«Въ ежедневныхъ бесѣдахъ моихъ съ Мирабо, я заводилъ иногда рѣчь о людяхъ, которые хотѣли въ то время стоять во главѣ революціи, если только не управлять ею. Къ большей части изъ нихъ онъ показывалъ самое сильное презрѣніе, и ни во что не считалъ г-на де-Лафайета и герцога Орлеанскаго. И хотя не разъ повторяли, что онъ руководилъ партію послѣдняго, но я могу смѣло ручаться, что онъ никогда не имѣлъ никакихъ дружественныхъ сношеній съ партією орлеанистовъ. Г-нъ Лакло, бывшій душою ея, слишкомъ хорошо зналъ людей, чтобы довѣряться Мирабо. Притомъ, со времени открытія генеральныхъ штатовъ, онъ увѣрилъ герцога Орлеанскаго, что Мирабо приметъ сторону короля. Спуста немного послѣ того, за нѣсколько дней до 5 и 6 октября, герцогъ Орлеанскій обѣдалъ у меня въ Версали, вмѣстѣ съ Мирабо; тутъ я увидѣлъ, что между ними существовала большая осторожность, уничтожавшая всякое предположеніе объ ихъ тайныхъ сношеніяхъ, и тѣмъ болѣе, что ни тотъ ни другой изъ нихъ не имѣлъ никакой надобности обманывать меня, особенно въ то время. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, я вполне убѣдился

въ моемъ мнѣніи изъ слѣдующихъ словъ герцога Орлеанскаго, сказанныхъ мнѣ скороговоркой и довольно грубо: «Когда Мирабо приметъ сторону двора?» Не желая продолжать этого разговора, я сказалъ только: «Кажется, онъ далеко еще отъ этого.» (Т. I, стр. 112.).

Это признаніе заставляетъ насъ отвергнуть свидѣтельство г-на де-ла-Марка о провидательности Лакло, сказавшаго приведенныя нами выше слова: «Я слишкомъ хорошо знаю людей, чтобы довѣряться Мирабо.» Напротивъ, то несправедливо, чтобы въ это время какъ Мирабо, такъ и герцогъ Орлеанскій не имѣли никакихъ видовъ обманывать ихъ амфитріона; потому что обманывать его значило съ тѣмъ вмѣстѣ обманывать и дворъ; и самая малѣйшая дружба между ними тотъ-часъ же могла быть отрицаніемъ тѣхъ увѣреній, которыя Мирабо расточалъ втайнѣ. Если между ними существовала какая-либо дружба, то нигдѣ, конечно, съ такою заботливою осторожностью не надобно было скрывать ее, какъ за столомъ у графа де-ла-Марка, человека, вполне преданнаго королевѣ.

Конечъ отрывка, относящагося къ этимъ событіямъ, такъ поразителенъ и убѣдителенъ, что стоить только прочесть его, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія на счетъ этого дѣла:

«Обстоятельства со дня на день принимали характеръ болѣе и болѣе серьезный. Къ концу сентября 1789 г., Мирабо, говоря о дворѣ, не разъ повторялъ: «О чемъ только думаютъ тамъ эти люди? Ужели они не видятъ пропасти, которая разверзается подъ ихъ ногами?» Однажды даже, въ порывахъ болѣе нежели обыкновенныхъ, онъ сказалъ: «Все кончено: король и королева погибнуть; и вы увидите, какъ толпа будетъ попираетъ ихъ трупы.» Замѣтивъ отвращеніе, произведенное на меня этими словами, онъ продолжалъ: «Да, да, толпа будетъ попираетъ ихъ трупы; вы еще не понимаете хорошо опасности ихъ положенія; надобно однако жъ извѣстить ихъ объ этомъ.»

«Можно предполагать, что онъ, по своей прозорливости, уже тогда предвидѣлъ событія 5 и 6 октября; но не передъ однимъ мною онъ выражался такъ, — нѣтъ, онъ ни отъ кого не скрывалъ ни своихъ мнѣній, ни своихъ опасеній; потому-то его враги, а можетъ быть и тѣ, которые даже не были его врагами, и распустили молву, что онъ приготовилъ движеніе 5-го октября, и что онъ игралъ въ немъ главную роль. Если прочесть процедуру дѣла Мирабо, составленную г-мъ Шатле, то легко можно видѣть, что обвиненіе его болѣею частію основано на разговорахъ, которые онъ имѣлъ передъ катастрофою. И между тѣмъ, мы далеко еще не знаемъ настоящихъ виновниковъ этого

событія. 4-го октября въ Парижѣ замѣтно было ужасное броженіе; разнесся слухъ, что обѣдъ, данный для гвардіи, былъ началомъ исполненія заговора, имѣвшаго цѣлю разсѣяніе собранія.

« На утро 5-го октября въ Версальскомъ замкѣ все было еще довольно спокойно, и король, не обезпокоиваясь слишкомъ много страшными извѣстіями, поминутно приходившими въ столицу, отправился на охоту, и возвратился уже вечеромъ, среди ружейныхъ выстрѣловъ, направленныхъ толпой парижанъ на гвардію, шедшую по дорогѣ изъ Версаля.

« Я долженъ здѣсь войти, продолжаетъ де-ла-Маркъ, въ подробности сценъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ въ страшный день 5-го октября; эти подробности имѣютъ въ-которое историческое значеніе.»

« Ужъ конечно утромъ 5-го октября Мирабо, если только онъ былъ виновникомъ того преступленія, въ которомъ его обвиняютъ, долженъ былъ свидѣться съ заговорщиками, чтобы передать имъ планъ движенія.»

« Но что же? Въ-мѣсто того, чтобы присутствовать при совѣщаніяхъ, имѣвшихъ цѣлю приготовить атаку и оборону, Мирабо провелъ со мною почти весь день 5-го октября вплоть до 6-ти часовъ вечера. Мы обѣдали вдвоемъ, какъ онъ послѣ показалъ и съ каведры въ свою защиту. У насъ шла рѣчь о возмущеніи Брабанта, о чемъ тоже онъ упоминалъ; и чтобы лучше видѣть движеніе войскъ, передъ нами раскрыта была карта той страны; но предметъ этотъ занималъ насъ не болѣе одного часа, а въ остальное время мы говорили объ опасностяхъ, которыя должны быть необходимымъ результатомъ политики двора и волненія, царствовавшаго въ Парижѣ. Мы тогда не знали еще, что тамъ готовилось къ этому дню. Все, что говорилъ графъ Мирабо объ этомъ предметѣ, носило на себѣ печать ловкости и мужества, которыхъ требовали самыя обстоятельства того времени, и хорошо было бы, еслибъ такъ же разсуждали въ совѣтѣ короля. Во всѣхъ его замѣчаніяхъ, во всѣхъ его разговорахъ, былъ видѣнъ истинный гражданинъ, а не приверженецъ какой-либо мятежной партіи. По чистой совѣсти я утверждаю здѣсь, что этотъ человѣкъ, какъ по своимъ стремленіямъ, такъ и по своимъ дѣйствіямъ, былъ совершенно чуждъ тѣхъ враждебныхъ замысловъ, которые произвели такое страшное волненіе въ Парижѣ.» (Т. I, стр. 442).

Да, подлинно, человѣку, участвовавшему въ такомъ ужасномъ заговорѣ, въ минуту истребленія королевской гвардіи надо быть въ высшей степени двойственнымъ и скрытнымъ, чтобы вмѣстѣ съ лицомъ, исполнѣннымъ преданностью королевству, проводить тѣ самые часы, въ которые

парижская чернь, предводимая фуріями въ образѣ человеческомъ, подступала къ Версали, и чтобы имѣть духъ разсуждать объ опасностяхъ короля и его фамиліи, и о средствахъ, которыми могли бы отвратить эту страшную катастрофу, приготовленную имъ же самимъ!

Подробности о событіяхъ 5 и 6-го октября, сообщенныя г-мъ де-ла-Маркомъ, далеко не сходны съ разсказами современныхъ писателей, и особенно съ разсказомъ г-на Тьера, который о роковомъ днѣ 5-го октября говоритъ слѣдующее:

«Было одиннадцать часовъ утра; въ Парижѣ слышалось волненіе. Мирабо подходитъ къ президенту Мунье съ словами: «Парижъ идетъ на насъ. Вамъ это кажется дурно; такъ идите къ королю и скажите ему, чтобы онъ дѣйствовалъ просто и открыто.» — Парижъ идетъ? Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Мунье. Когда всѣхъ насъ перебьютъ, государство отъ этого выиграетъ. — «Это прекрасно,» сказалъ Мирабо, и сталъ опять на свое мѣсто. Пренія продолжались до трехъ часовъ и проч.»

Г-нъ де-ла-Маркъ напротивъ разсказываетъ про это вотъ что:

«Мирабо, въ день 5-го октября, былъ у меня вплоть до шести часовъ вечера. Мы обѣдали съ нимъ вдвоемъ», и проч. Потомъ въ тотъ же день, 5-го октября, послѣ долгихъ нашихъ разговоровъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, я проводилъ Мирабо въ шесть часовъ вечера въ собраніе, гдѣ мы только что въ первый разъ услышали о движеніи парижской черни.

Это свидѣтельство прямо противорѣчитъ тому мнѣнію, будто собраніе знало о движеніи черни даже съ одиннадцати часовъ утра. Впрочемъ, г-нъ де-ла-Маркъ ни слова не говоритъ объ утреннемъ засѣданіи собранія, начавшемся въ одиннадцать часовъ и продолжавшемся до трехъ пополудни, а онъ говоритъ только, что собраніе началось въ шесть часовъ вечера. Не хочетъ ли онъ этимъ показать, что онъ и Мирабо, оба вмѣстѣ были утромъ въ собраніи, откуда вышли тайкомъ и отправились къ нему въ домъ? Это объясненіе могло бы быть допущено, если бы кромѣ словъ, приведенныхъ выше, и другихъ свидѣтельствъ, не было публично извѣстно, что Мирабо присутствовалъ въ утреннемъ засѣданіи. Если это такъ, то какъ же можно по-вѣрить, чтобы событія въ Парижѣ, приготовленія къ которымъ были дѣлаемы наканунѣ того дня, не были извѣстны въ Версали, и особенно г-ну Мирабо, и притомъ даже въ шесть часовъ вечера 5-го октября! И если г-нъ де-ла-Маркъ погрѣшилъ въ самомъ главномъ, то какое же довѣріе заслуживаетъ все остальное въ его разсказѣ? Изъ всѣхъ

показаній, собранныхъ нами касательно этого дѣла, общій выводъ тотъ, что чернь начала свое движеніе къ Версали между третьимъ и четвертымъ часомъ по-полудни, 5-го октября, и что за четыре часа до этого Мирабо сообщилъ о ея движеніи г-ну Мунье.

Всѣ воззванія г-на де-ла-Марка къ королевѣ и къ потомству, дѣлаемые имъ съ тою цѣлію, чтобы оправдать своего друга отъ всякаго участія въ заговорѣ, единственно основаны на томъ странномъ убѣжденіи, что Мирабо ничего не зналъ о движеніи парижской черни раньше шести часовъ вечера. Въ этой точкѣ, слишкомъ важной при объясненіи поведения Мирабо, рассказъ г-на де-ла-Марка не сходенъ съ другими рассказами, и намъ кажется, что этого нельзя иначе объяснить, какъ совершенною потерей памяти отъ старости лѣтъ.

Но обратимся къ самому дѣлу. Въ шесть часовъ вечера, какъ говоритъ г-нъ де-ла-Маркъ, въ непроницаемые осенніе сумерки, начались первыя тревоги ночи, за тѣмъ послѣдовавшая. Раздраженная чернь толпилась около ограды дворца. Между тѣмъ Мирабо входитъ въ собраніе, гдѣ въ ту минуту разсуждали о нотѣ короля, въ которой онъ извѣщалъ согласіе при извѣстныхъ условіяхъ принять проектъ конституціи. Робеспьеръ нападаетъ на эту ноту; Мирабо возвышаетъ свой голосъ, но не для того, чтобы защищать королевство, а для того, чтобы объявить, что онъ согласенъ принять предложеніе — «о братскихъ пиршествахъ», увеличивающихъ бѣдность народа и уже раздувающихъ самыя необузданныя страсти. Г-нъ Петитонъ предлагалъ подписать ноту и объявить собранію о томъ, что происходило при угощеніи гвардіи. Мирабо началъ тогда говорить съ необыкновенною горячностью, что это объявленіе будетъ крайне неблагоприятно, но что онъ готовъ подписать и даже прибавить къ этому еще кое-что, если собраніе объявитъ, что только одна особа короля неприкосновенна, и что всякій другой въ государствѣ, кто бы онъ ни былъ, наравнѣ съ прочими подданными подлежитъ закону и ответственности въ случаѣ его нарушенія. Собраніе, приведенное этимъ въ смѣненіе, уступило его требованію, но смотрѣло однако жъ на него какъ на явный протестъ противъ королевы; объявленіе было отложено. И здѣсь-то, въ виду возстанія, никто не сказалъ ни одного слова о тѣхъ ужасахъ, которые должны были совершиться съ наступающею зарею, не было сдѣлано ни одного усилія для поддержанія достоинства собранія, совѣщанія котораго были прерваны вторженіемъ Мальяра и его *взальщицъ* (*tricoteuses*).

На другой день семейство короля было отвезено въ Парижъ, и Ми-

рабо, черезъ собраніе, объявилъ, что король не долженъ быть разлученъ съ нимъ.

Во время этого же самаго кризиса Мирабо трудится надъ составленіемъ первой своей ноты касательно положенія двора, которыя составляютъ любопытную часть въ собраніи этихъ памятниковъ. 13-го октября онъ поручаетъ г-ну де-ла-Марку передать королю ноту, любопытныя мѣста которой мы постараемся привести здѣсь. Надобно замѣтить, что спустя два дня послѣ того произошелъ внезапный отъѣздъ герцога Орлеанскаго въ Англію, и сказаны были г-мъ Мирабо слѣдующія слова: «*Мнѣ считать его своимъ господиномъ! Я не захочу сдѣлать его своимъ слугою!*» Съ этого времени политическая связь этихъ двухъ лицъ, если только она когда-либо существовала между ними (хотя на это очень сильно настаиваетъ г-нъ Лафайетъ), была разорвана. Какъ бы то ни было, вѣрно по крайней мѣрѣ, что потомъ она никогда уже болѣе не возобновлялась. (*Окончаніе въ слѣд. книгѣ*).

Geschichte der deutschen Litteratur, von Dr. Kurz, mit Proben aus den vorzüglichsten Schriftstellern. Illustriert durch Porträts, Facsimiles, Denkmäler, Wohnungen der Schriftsteller etc. von den vorzüglichsten Künstlern in Holzschnitt ausgeführt. Leipzig.

Сочинитель избралъ задачу, представить нѣмецкую словесность не только въ ея отдѣльных явленіяхъ, но и въ общей связи ихъ, и представляя картину цѣлаго, вмѣстѣ съ тѣмъ представить и частныя явленія. По этому онъ предпосылаетъ каждому періоду общія замѣчанія о политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ отношеніяхъ, и описываетъ отдѣльныя личности и ихъ жизнь рѣзкими и характеристическими чертами; потомъ слѣдуютъ прекрасно выбранныя примѣры изъ сочиненій, и, гдѣ необходимо, прибавлены примѣчанія объ языкѣ и другихъ предметахъ. Такимъ образомъ это сочиненіе можетъ служить для научнаго изученія словесности; но такъ какъ оно нисколько не обременено паедантизмомъ и излишнею учестію, то оно доступно всѣмъ и всякому. Изданіе прекрасно, и, чтобъ еще болѣе оживить содержаніе, прибавлено много портретовъ, памятниковъ и другихъ изображеній, сдѣланныхъ чрезвычайно хорошо на деревѣ. Двѣ тетради вышли уже: первая содержитъ исторію словесности отъ древнѣйшаго времени до половины двѣнадцатаго столѣтія; вторая содержитъ исторію лирической поэзіи до четырнадцатаго вѣка. Изданіе чрезвычайно хорошо, цѣна ему умѣренная (95 к. сер. за тетрадь, которыхъ будетъ 25), и оно безъ сомнѣнія пріобрѣтетъ многихъ подписчиковъ.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

МИРАБО И МАРИЯ-АНТОАНЕТТА.

(Переписка графа Мирабо съ графомъ де-ла-Маркомъ въ 1789, 1790 и 1791 годахъ, — собранная, приведенная въ порядокъ и изданная г. де-Бакуръ).

СТАТЬЯ II.

Въ той нотѣ Мирабо, о которой мы сказали въ первой нашей статьѣ, весьма любопытно описаніе жалкаго положенія Французской монархіи. Это описаніе столько же краснорѣчиво, сколько и истинно; вотъ нѣкоторые мѣста изъ него.

«Король долженъ переехать въ Парижъ; Національное Собраніе можетъ ему сопутствовать и не сопутствовать; во всякомъ случаѣ оно не имѣетъ права удерживать его.»

«Живя въ Парижѣ, король исполнѣ ли независимъ? — Онъ независимъ въ такомъ смыслѣ, что никто другой не можетъ занять его мѣсто; но съ другой стороны онъ не можетъ оставить Парижъ, не можетъ выбирать для себя тѣлохранителей; этого мало — онъ даже не имѣетъ права распоряжаться стражею, которой поручено его охраненіе.»

«Національное Собраніе, находясь въ Парижѣ, остается свободно въ своихъ дѣйствіяхъ; но оно не властно утвердиться въ какомъ-либо другомъ городѣ королевства.»

«Положеніе короля видимо препятствуетъ успѣху революціи. Ходъ дѣлъ не таковъ, чтобы на декреты Собранія и на уложенія монарха можно было смотрѣть, какъ на дѣйствія насильственные, какъ это разглашаютъ враги революціи. Но этотъ ходъ дѣлъ даетъ поводъ къ неповиновенію, къ разнымъ протестаціямъ и надеждамъ; даетъ средства къ оболъщенію самыхъ благонамѣренныхъ гражданъ, и можетъ служить прикрытіемъ плановъ парламента и дворянства. Двѣ протестаціи уже

известны, мнѣніе нѣкоторыхъ начальниковъ войскъ сомнительно. Это достаточно показываетъ, что для спасенія государства не нужно допускать никакихъ извиненій злоумышленникамъ, если только хотать, чтобы революція совершилась безъ особенныхъ тревогъ.»

«Будетъ ли по крайней мѣрѣ король исполнѣтъ безопасенъ въ Парижѣ? Настоящее положеніе дѣлъ короля таково, что при малѣйшихъ перемѣнахъ въ государствѣ онъ можетъ рисковать своею безопасностью. Его безопасность можетъ быть нарушена вѣшними волненіями, внутренними безпорядками, раздѣленіемъ партій, излишнею преданностью, нетерпѣніемъ и особенно насильственнымъ соединеніемъ столицы съ провинціями.»

«Въ Парижѣ много силы, но зато въ немъ много и причинъ къ безпорядкамъ. Если въ немъ забунтуетъ чернь, то ее трудно остановить, ей трудно сопротивляться. Приближается зима; могутъ оказаться недостатки въ средствахъ къ пропитанію, можетъ открыться банкротство. Что же будетъ съ Парижемъ черезъ три мѣсяца? Онъ сдѣлается госпиталемъ или театромъ ужасовъ. И можно ли главѣ націи на атомъ основать свою безопасность и всѣ наши надежды?»

«Министры безъ средствъ; только одинъ изъ нихъ, который всегда имѣлъ скорѣе своихъ поклонниковъ, чѣмъ свою настоящую партію, еще не потерялъ уваженія народа. Но его средства извѣстны исполнѣт; и не его, конечно, головѣ сѣмътъ поддержать разрушающееся со всѣхъ сторонъ зданіе; онъ хочетъ только продлить мученія до времени своего удаленія съ политическаго поприща, онъ надѣется, какъ въ 1784 году, уравнять приходы съ расходами и оставить еще нѣсколько милліоновъ въ королевской кассѣ. Успѣетъ ли онъ въ этомъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ успѣхъ этотъ не продлится больше нѣсколькихъ мѣсяцевъ; а между тѣмъ эта мѣра, доставивъ нѣсколько минутъ жизни Парижу, разрушитъ цѣлое государство. И это не пустая догадка, нѣтъ, это — результатъ, который можно вывести съ математической точностью.»

«Что будетъ съ государствомъ послѣ этой безполезной попытки, влекущей за собою неизбежное раззореніе? Въ настоящее время у насъ нѣтъ ни бодрости, ни силъ; мы чувствуемъ въ себѣ какую-то усталость, — это страшная минута отчаянія!»

«Провинціи пока не разъединены, и онѣ поддерживаются только одна другою; всякое разъединеніе ихъ есть уже предвѣстникъ бури. Средства къ перевозу сѣстныхъ припасовъ уменьшаются со дня на

день. Число недовольных растетъ болѣе и болѣе, не смотря на всѣ, даже самыя справедливыя, декреты Собранія. Народъ отвыкъ отъ занятій, отъ труда; единство мнѣній нѣрушено; подати хотѣтъ платить только прямыя, и тѣ не сподна, тогда какъ половина государственныхъ доходовъ состоитъ изъ налоговъ косвенныхъ. Нужно нѣсколько дѣтъ, чтобы уничтожить безпорядки шести мѣсяцевъ; нетерпѣніе народа, подстрекаемое бѣдностью, видимо повсюду.»

«Кромѣ того открывается еще одно грустное явленіе: Національное Собраніе, такъ плохо организованное въ своихъ началахъ, состоящее изъ партій, такъ мало похожихъ одна на другую, со дня на день теряетъ къ себѣ довѣріе къ глазамъ народа. Самыя лучшія его распоряженія не искупаютъ ошибокъ, имъ сдѣланныхъ; оно даже удалилось отъ своихъ собственныхъ началъ, давши гибельную неотмѣнлемость своимъ первымъ декретамъ; и не смѣя ни противорѣчить самому себѣ, ни возвращаться назадъ, оно тѣмъ самымъ уменьшило свою власть и ограничило свое дальнѣйшее вліяніе. Если оно и держится еще, то держится единственно уваженіемъ народа къ его высокому титулу, ожидаемымъ преобразованіямъ, и надеждою, столько необходимою для народа; но со дня на день общественное мнѣніе разъединяется и остзвляеть то великое дѣло, которое требуетъ самаго тѣснаго соединенія всѣхъ частей государства. Выставляютъ народу напоказъ почти неизбежныя ошибки Законодательнаго корпуса, котораго первые опыты были такъ неудачны, тогда какъ надобно было бы показать средства къ избѣжанію этихъ ошибокъ въ предстоящемъ законодательствѣ. Готовится какое-то глухое, не прояснившееся волненіе, которое можетъ уничтожить въ одинъ день плоды самыхъ усильныхъ трудовъ; члены государственнаго тѣла распадаются, и нуженъ кризисъ для ихъ воссоединенія, нужно пролитіе новой крови.»

«Единственное средство спасти государство состоитъ въ томъ, чтобы поставить короля въ такое положеніе, въ которомъ онъ могъ бы дѣйствовать за одно съ народомъ.» (Т. I, стр. 367).

Мирабо разсуждаетъ потомъ о разныхъ средствахъ, при помощи которыхъ можно достигнуть этой цѣли. Планъ, который предложилъ Мирабо, состоялъ въ слѣдующемъ: собрать десятитысячную армію между Руаномъ и Парижемъ; двору оставить столицу среди дня и отправиться въ Нормандію, провинцію, которая и по своему положенію и по характеру жителей представляла гораздо болѣе ручательствъ въ безопасности, и гдѣ, вмѣстѣ съ

Бретанью и Анжу, можно было организовать значительную военную силу. При отъездѣ своемъ король долженъ былъ обнародовать прокламацію, въ которой заключалось бы воззваніе къ народу о буйствѣ и своеволіи парижской черни, и въ которой было бы возвышено о предстоящемъ созваніи новаго Собранія, съ присовокупленіемъ увѣреній, что королевская власть будетъ нераздѣльно — соединена съ интересами народа.

Въ сущности этотъ документъ содержитъ въ себѣ совѣты, которые Мирабо предлагалъ двору; онъ открываетъ намъ искреннее его мнѣніе о ничтожности Собранія и своеволіи парижской черни. Такимъ образомъ человекъ, который 9-го іюля такъ звергически хлопоталъ объ удаленіи войскъ, тотъ самый, который потомъ 6-го октября допустилъ перерѣзать гвардію, совѣтуетъ теперь королю удалиться въ Нормандію и тамъ окружить себя многочисленною арміею. Но за этой мѣрою должна была послѣдовать еще другая, именно — объявленіе будущаго хода политики, въ которой (да позволить намъ сдѣлать такое заключеніе) Мирабо пріобрѣталъ еще большую власть, еще большее вліяніе.

Когда г-нъ де-ла-Маркъ получилъ эту ноту, положеніе его было довольно затруднительно. Рѣчь Мирабо по случаю угощенія гвардіи, и подозрѣнія, павшія на него по поводу другаго оскорбленія, нанесеннаго королевѣ, возбудили въ ней глубокое отвращеніе къ нему. Король былъ неприступенъ. Тогда де-ла-Маркъ рѣшился просить тайной аудіенціи у графа Прованскаго, и получилъ ее въ Ликсавбургѣ, уже послѣ полуночи. Наслѣдный принцъ (гр. Прованскій), выслушавъ разсказъ де-ла-Марка, и прочитавъ ноту Мирабо, сказалъ, что королева не имѣетъ такого вліянія на короля, чтобы она могла склонить его на такое важное дѣло; что же касается до самаго короля, то слабость и нерѣшительность его превосходятъ всякое вѣроятіе. Бесѣда, продолжавшаяся около двухъ часовъ, кончилась ничѣмъ, и можно думать, что нота Мирабо никогда не была получена по адресу. Впрочемъ нѣсколько позже, Мирабо, при посредничествѣ герцога де-Левы, имѣлъ нѣкоторыя сношенія съ наслѣднымъ принцемъ, и въ числѣ болѣе или менѣе странныхъ плановъ его, относительно образованія министерства, во главѣ котораго онъ долженъ былъ стать самъ, мы знаемъ одинъ планъ, гдѣ онъ предлагаетъ сдѣлать будущаго Людовика XVIII-го первымъ министромъ Людовика XVI-го.

Ноябрь и декабрь 1789-го года Мирабо употребилъ на попытки склонить Лафайета къ образованію союзнаго министерства изъ

главныхъ предводителей лицъ революціонной партіи. Не смотря на взаимную ненависть и отвращеніе другъ къ другу этихъ людей, общіе друзья рѣшились сблизить ихъ между собою. У нихъ было нѣсколько бесѣдъ; и до насъ дошла собственноручная записка Мирабо, въ которой онъ излагаетъ проектъ союзаго управленія. По этому проекту Неккеръ долженъ былъ получить титулъ президента кабинета; бордосскій архіепископъ былъ назначенъ канцлеромъ; де-Ланкуръ — военнымъ министромъ; Талейранъ — министромъ финансовъ; де-ла-Маркъ — морскимъ министромъ; Мирабо — министромъ безъ портфеля; Фарже — парижскимъ меромъ; Лафайетъ — маршаломъ Франціи и генералиссимусомъ вновь-организованной арміи.

Эти планы были столько же эфемерны, сколько и необдуманчы. Еще 7-го ноября Собраніе опредѣлило, чтобы, пока оно будетъ существовать, никто изъ его членовъ не могъ составлять партіи министерства. Это опредѣленіе очевидно было направлено на Мирабо изъ опасенія, чтобы онъ, столько извѣстный Собранію по своимъ талантамъ, не перешелъ на сторону двора. Вліяніе его рѣшительно не удалось, когда нужно было отвергнуть мѣру, совершенно противную его планамъ. И хотя онъ насмѣхался надъ Собраніемъ, говоря, что это опредѣленіе падаетъ только на него одного, но однакожъ оно было принято безъ всякихъ оговорокъ, и съ тѣхъ поръ образованіе парламентарнаго кабинета было невозможно. Никакое рѣшеніе не содѣйствовало столько къ усиленію революціи, какъ это, потому что оно оставляло Собраніе безъ вліянія на министерство, и министерство — безъ значенія въ Собраніи.

По обратимся теперь къ прямымъ отношеніямъ Мирабо ко двору; это составляетъ самую любопытную часть его переписки. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, именно съ 15-го октября 1789-го по 16 марта слѣдующаго года, г-нъ де-ла-Маркъ, по своимъ фамиліальнымъ дѣламъ, долженъ былъ неоднократно переезжать въ Брюссель. Но наконецъ графъ де-Мерси (австрійскій посланникъ), находившійся съ нѣмъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, вызвалъ его въ Парижъ, гдѣ онъ нашелъ Мирабо болѣе чѣмъ когда-либо недовольнымъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, неосуществленіемъ своихъ плановъ касательно образованія министерства, неспособностью членовъ управленія, завистью его враговъ въ Собраніи и наконецъ безотвязностію его кредиторовъ.

Графъ де-Мерси сообщилъ графу де-ла-Марку, что онъ вызванъ въ Парижъ по высочайшему повелѣнію; что король и королева, возмѣтившись обратиться къ Мирабо, поручаютъ де-ла-Марку быть посредникомъ ихъ тайныхъ переговоровъ, которые особенно нужно было

скрыть отъ Пеккера, челоѣка, потерявшаго всякое нхъ довѣріе. Черезъ посредство де-ла-Марка, графъ де-Мерси имѣлъ тайное свиданіе съ Мирабо. Свиданіе это происходило въ гостиницѣ улицы С.-Оноре. Здѣсь Мирабо снова говорилъ, что король долженъ оставить Парижъ, но никакъ не Францію. На другой день королева извѣстила де-ла-Марка о своемъ намѣреніи переговорить съ нимъ тайно, для чего и приглашала его въ покои г-жи Тибо, первой своей придворной дамы.

«Уже два мѣсяца, сказала королева, какъ мы вмѣстѣ съ королемъ рѣшились сблизиться съ Мирабо, и для этой цѣли сочли нужнымъ обратиться къ вамъ, г-нъ де-ла-Маркъ. Я увѣрена, продолжала она, что ваши связи съ Мирабо не имѣютъ никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобы быть полезнымъ королю. Потомъ, продолжаетъ де-ла-Маркъ, она съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ и замѣшательствомъ спросила меня: неужели Мирабо не принималъ никакого участія въ ужасныхъ событіяхъ 5-го и 6-го октября? Я сказалъ ей, что оба эти дня онъ провелъ у меня, что мы вдвоемъ обѣдали у меня же въ домѣ, когда узнали о движеніи парижской черни въ Версаль. Къ этому я прибавилъ еще, что въ то время я желалъ, чтобы министры короля послушали нашъ тайный разговоръ, и особенно, чтобы они послѣдовали нашимъ тогдашнимъ мнѣніямъ.»

«Ваши слова меня очень радуютъ, сказала королева довольно увѣреннымъ тономъ; впрочемъ я имѣю причины сомнѣваться въ этомъ; потому что слухи, которые такъ долго носились, возбудили во мнѣ, скажу вамъ откровенно, какое-то чувство страха къ Мирабо; вотъ почему мы медлили обратиться къ нему, чтобы онъ, если это можно, остановилъ печальныя слѣдствія революціи.»

«Въ это время вошелъ король. Безъ всякаго вступленія и съ обыкновенною своею суровостію, онъ сказалъ мнѣ: «Королева передастъ вамъ, для чего мнѣ нуженъ Мирабо. Какъ вы думаете, можетъ ли онъ быть мнѣ полезенъ, и захочетъ ли онъ это сдѣлать?» Я откровенно отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, уже поздно браться за это; но въ тоже время не могъ не сказать и о крайней недѣятельности министровъ, которые еще со времени открытія генеральныхъ штатовъ должны были обратиться къ депутатамъ, извѣстнымъ по своимъ талантамъ, и стоявшимъ во главѣ революціонной партіи, чтобы склонить ихъ на сторону короля. Я сказалъ также, что Мирабо самъ готовъ былъ бы принять это предложеніе, но что министры пренебрегли имъ, и оттолкнули его съ крайне-несправедливою надмѣнностію. Я представилъ его величеству, что министры должны искать помощи не только Мирабо, но и

многихъ другихъ въ самомъ дѣлѣ опасныхъ депутатовъ. Къ этому я прибавилъ еще, что зло усиливается съ каждымъ днемъ, и что чѣмъ болѣе будутъ медлить, тѣмъ труднѣе будетъ уничтожить его впоследствии.»

«—А, вскричалъ король, такъ мнѣ нечего и ожидать съ Неккеромъ. Пусть же все, что будетъ дѣлать Мирабо, останется тайною для моихъ министровъ, и въ этомъ я надѣюсь на васъ.»

«Я былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ. Я не понималъ, какимъ образомъ король могъ, безъ совѣта съ своими министрами, довѣриться такому человѣку, каковъ былъ Мирабо. Въ самомъ дѣлѣ, намѣренія и дѣйствія послѣдняго были въ-прямой противоположности съ намѣреніями и дѣйствіями министровъ; а чего можно было ожидать отъ этого?»

«—Теперь, продолжалъ король, какъ вы думаете, Мирабо можетъ быть мнѣ полезенъ?»

«Я отвѣчалъ, что ничего не могу сказать на это, пока не увижусь съ самимъ Мирабо.»

«—Такъ, когда вы съ нимъ увидите, передайте потомъ мнѣ или королевѣ обо всемъ, что онъ вамъ скажетъ.»

«—Государь, не угодно ли будетъ вамъ приказать мнѣ сказать г-пу Мирабо отъ имени вашего величества, чтобы онъ лучше на бумагѣ изложилъ свои мнѣнія на счетъ этого дѣла?»

«—Это будетъ еще лучше; черезъ королеву вы передадите мнѣ то, что онъ напишетъ. Я согласенъ.»

«Сказавши это, король вышелъ. Королева сказала мнѣ, что я могу приходить къ ней всякій разъ, какъ только это будетъ нужно; но для этого, прибавила она, старайтесь выбирать тотъ день, въ который г-жа Тибо будетъ у меня дежурною.»

Конечно, графъ де-ла-Маркъ, какъ человѣкъ съ здравымъ умомъ и провидательностью, не могъ не повѣять, что эти тайныя сношенія не приносили никакой пользы королю. Не смотря однакожь на то, де-ла-Маркъ рѣшился исполнить возложенное на него порученіе, въ надеждѣ, что совѣты, которые Мирабо предложитъ королевѣ, внушатъ и ей и королю столько довѣренности къ нему, что дадутъ ему средства дѣйствовать открыто и рѣшительно, и, можетъ быть, откроютъ ему дорогу къ министерству. Мысль объ этомъ сближеніи, не совсѣмъ пріятномъ для де-ла-Марка, была единственною мыслию Мирабо. Его честолюбивой душѣ чрезвычайно было лестно это, хотя позднее, но добровольное признаніе его достоинствъ со стороны короля и королевы. И де-ла-Маркъ, еще при самомъ началѣ

революціи, имѣлъ право сказать, что, не смотря на всю дерзость рѣчей, произнесенныхъ въ Собраніи противъ королевскій власти, многіе изъ самыхъ смѣлыхъ ораторовъ сдѣлались бы горячими роялистами, если бы только король и его министры старались склонить ихъ на сторону королевства. Въ своей обычной горячности, Мирабо, казалось, не видалъ, какъ трудно было исполнить порученіе короля, и какъ далеко недостаточны были средства въ сравненіи съ важностью предпріятія. Въ такомъ расположеніи духа былъ Мирабо 10-го мая 1790 г., когда писалъ свою ноту королю, въ которой онъ такъ горячо берется защищать монархію, какъ только можно было выразить это словами.

Въ это-то время Мирабо бралъ въ займы деньги у двора. Королева нашла приличнымъ, чтобы король сдѣлалъ все, что нужно, для своего новаго приверженца. Положено было уплатить всѣ его долги. Мирабо сказалъ, что онъ не знаетъ хорошо, какъ велика цифра его долговъ, но что онъ вполнѣ будетъ обезпеченъ, если только будутъ выдавать ему по сту ливидоровъ каждый мѣсяцъ. Но потомъ узнали настоящую сумму его долговъ; изъ нихъ нѣкоторые свидѣлствуютъ о самомъ странномъ образѣ его жизни; такъ напр., онъ былъ долженъ портному еще за вѣщальное платье; всего на немъ состояло долговъ до 208,000 франковъ, — сумма еще не такъ значительная для человѣка, который по смерти отца своего получилъ имѣніе, приносящее ему 50,000 франковъ ежегоднаго дохода, если бы онъ уплачивалъ свой долги; но Мирабо былъ слишкомъ безпорядоченъ въ своей жизни, и слишкомъ равнодушенъ къ своимъ кредиторамъ, и это даетъ намъ поводъ думать, что онъ долженъ былъ гораздо болѣе, нежели сколько показаво выше. Онъ сказалъ, что его долги слишкомъ значительны, и онъ не можетъ ихъ уплатить, но что онъ не нуждается ни въ чемъ болѣе, какъ только во 100 ливидорахъ въ мѣсяцъ.

При вторичномъ свиданіи де-ла-Марка съ Лудовикомъ XVI, король сказалъ ему, что долги, сколько ихъ было показано, всѣ будутъ уплачены, и что Мирабо каждый мѣсяцъ будетъ получать по 6,000 франковъ. Лудовикъ вручилъ де-ла Марку однакожъ еще болѣе, именно четыре банковыхъ билета, каждый по 250,000 франковъ, что составляетъ милліонъ, и просилъ его передать ихъ Мирабо при концѣ засѣданія Національнаго Собранія, если только тотъ исполнитъ всѣ свои обязательства. Но эти билеты никогда не были въ рукахъ Мирабо, и послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1791 г., де-ла-Маркъ опять возвратилъ ихъ королю.

Такія щедроты короля произвели въ Мирабо самую восторженную ра-

дось, и вдругъ заставили его перемѣнить мнѣніе свое о Лудовикѣ XVI. Первое употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ королевскихъ денегъ, было то, что, вопреки увѣщаніямъ своихъ друзей, онъ нанялъ себѣ богатую квартиру, взялъ повара, кучера, камердинера, словомъ, дѣлалъ то, что далеко превышало его доходы.

Прямымъ результатомъ благодарности Мирабо было то письмо къ королю отъ 10 мая 1790 г., о которомъ мы сказали выше, и въ которомъ многіе писатели, до изданія этой переписки, видѣли искреннюю преданность великаго оратора къ королевству. Оно было уже издано г-мъ де-Баррьеръ; но торжественность языка этого письма и обстоятельства, при которыхъ оно было написано, налагають на насъ обязанность привести его здѣсь.

10 мая 1790.

«Королю.

«Глубоко тронутый несчастіями короля, менѣе всего ихъ заслужившаго, вполне убѣжденный, что нѣтъ ни одного человѣка, на слова котораго можно было бы такъ положиться, какъ на слова Лудовика XVI, я между тѣмъ до того раздраженъ людьми и событіями, что рѣшительно отказался бы играть какую бы то ни было роль въ эту минуту смѣшенія и раздѣленія партій, если бы не былъ увѣренъ, что возстановленіе законной власти короля есть въ настоящее время первая забота Франціи и единственное средство къ ея спасенію.

«Я вижу ясно, что мы теперь въ анархіи, и что мы съ каждымъ днемъ погружаемся въ нее болѣе и болѣе; я былъ бы крайне недоволенъ самимъ собой, если бы не употребилъ всѣхъ средствъ къ ея уничтоженію; меня терзаетъ мысль, что въ главѣ государства будутъ стоять другіе, а не король; все это невольно вызываетъ меня къ дѣятельности.

«Въ этомъ письмѣ я изложу передъ королемъ мои искреннія намѣренія, мою исповѣдь; пусть оно будетъ или всегдашнимъ моимъ обвинителемъ, или оправдателемъ.

«Я обязуюсь всеми силами моими служить истиннымъ пользамъ короля; и чтобы слова мои не показались слишкомъ неопредѣленными, я скажу прямо, что контр-революція — дѣло столько же опасное, сколько и преступное, и что прозектъ управленія государствомъ какимъ бы то ни было другимъ образомъ, безъ начальника, облеченнаго властью, необходимою для того, чтобы каждую общественную дѣятель-

ность подчинить исполненію закона, этотъ проектъ крайне безразсуденъ и невыполнимъ.

«На основаніи этихъ началъ я изложу теперь мое мнѣніе о настоящихъ событіяхъ, и о средствахъ къ ихъ исправленію. Прежде всего скажу, что должно поставить въ конституціи на свое мѣсто исполнительную власть, которая должна находиться безъ всякихъ ограниченій и безъ всякаго раздѣла въ рукахъ короля.

«Въ два мѣсяца я думаю приготовить эти средства, т. е. склонить умы благоразумнѣйшихъ гражданъ на сторону короля. Съ каждымъ департаментомъ я буду вести переписку, о дѣйствіяхъ которой не замедлю извѣщать короля. Ходъ моего дѣла будетъ незамѣтенъ, не скоръ; но каждый день я сдѣлаю хотя одинъ шагъ впередъ. Эмпирикъ обѣщаетъ скорое излеченіе, и лишаетъ жизни; истинный врачъ всюду наблюдаетъ, всюду дѣйствуетъ по правилу, по извѣстнымъ пріемамъ, не вдругъ, и часто достигаетъ своей цѣли.

«Я такъ же далекъ отъ контр-революціи, какъ и отъ крайностей, къ которымъ привела народъ революція, отданная въ руки людей неспособныхъ и неимѣющихъ никакихъ правилъ. Никогда не должно судить о моемъ поведеніи пристрастно, по одному разговору; но надо разсматривать его со всѣхъ сторонъ. Въ одинъ день нельзя спасти государство.

«Я общаю королю мою преданность, усердіе, дѣятельность и энергію, какія только возможны для человѣка. Наконецъ я ему общаю все, кромѣ успѣха, который никогда не зависитъ отъ одного отдѣльнаго лица. . . . .»

Графъ Мирабо.

Не смотря на риторическіе возгласы этого письма, не смотря на отсутствіе въ немъ той простоты и безъискусственности языка, которая характеризуетъ правоту дѣла, не смотря наконецъ на будущіе расчеты Мирабо, мы не можемъ однакожь допустить, чтобы онъ былъ прямымъ и добровольнымъ обманщикомъ и лжецомъ въ этой своей исповѣди. Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что онъ давно предвидѣлъ мрачныя послѣдствія революціи, и мы согласны допустить, что въ своихъ энергическихъ воззваніяхъ къ народной партіи онъ гораздо болѣе скрывалъ свои настоящіе мысли, чѣмъ въ своихъ тайныхъ сношеніяхъ съ дворомъ. Распоряженія г-на де-ла-Марка льстили его честолюбію, раздували его надежды, а главное, освобождали его отъ кредиторовъ; очевидно, что единственное средство упрочить свое вліяніе и усилить его состояло въ томъ, чтобы внушить двору какъ можно болѣе довѣрію

къ своимъ страшнымъ и сомнительнымъ отношеніямъ къ нему. Мирабо видѣлъ уже передъ собою власть болѣе опредѣленную, болѣе существенную, нежели какова власть трибуна въ Національномъ Собраніи, или власть оратора клуба. Онъ отъ всей души презиралъ это Собраніе, которое онъ каждый день воспалялъ своимъ краснорѣчіемъ, часто ложнымъ и лишеннымъ истинныхъ доказательствъ. Развалины исполнительной власти, казалось, были подлѣ него, и онъ рѣшился ухватиться за нихъ, какъ утопающій хватается за соломенку.

Какъ человекъ, не имѣвшій никакихъ правилъ, Мирабо съ одинаковымъ безразличіемъ переходилъ отъ одной партіи къ другой. Въ минуту, о которой идетъ у насъ рѣчь, его собственныя выгоды заставляли его принять сторону двора. Но этими остатками, этими развалинами власти, уже завладѣлъ человекъ, который былъ въ состояніи съ успѣхомъ идти противъ Мирабо, потому что этотъ человекъ лучше его понималъ республиканскій духъ революціи. Мы говоримъ о Лафайетъ. Въ улицахъ Парижа, въ глазахъ національной гвардіи, въ глазахъ народа, вездѣ онъ занималъ первое мѣсто, тогда какъ все вліяніе Мирабо на народъ ограничивалось только однимъ его парламентскимъ краснорѣчіемъ. Вся Франція была у ногъ Лафайета; революція была въ его рукахъ, и только онъ могъ оказать покровительство двору. Его гордость и его республиканизмъ не знали предѣловъ. Однакожъ борьба этихъ двухъ соперниковъ и ихъ взаимное отвращеніе другъ къ другу не простирались далѣе извѣстныхъ границъ. Мирабо очень хорошо зналъ, что для того, чтобы поладить съ Лафайетомъ, нужно или дѣлать ему уступки съ своей стороны, или напавши на него, довести его до безсилія. Онъ пробовалъ оба эти средства, сперва одно за другимъ, а потомъ, съ обычною своею смѣлостью, пробовалъ ихъ оба вдругъ.

Вотъ письмо Мирабо къ Лафайету:

«О г-нъ Лафайетъ! Ришельё былъ Ришельё для двора противъ народа, и сдѣлалъ много добра для монархіи. Защищая дворъ, будьте Ришельё для народа, и вы переобразуете монархію, и утвердите ея величіе. Но у Ришельё-былъ капуцинъ Жозефъ; такъ и у васъ долженъ быть такой же стрый монахъ, иначе вы погибнете и не спасете насъ: Ваши великія качества имѣютъ нужду въ моей дѣятельности, а моя дѣятельность имѣетъ нужду въ вашихъ великихъ качествахъ; но вы довѣряетесь маленькимъ людямъ, которые по ихъ маленькимъ соображеніямъ, по ихъ маленькимъ расчетамъ и видамъ, хотятъ поссорить насъ другъ съ другомъ, и оттого вы не видите, что вамъ должно бы соединиться со мною, и повѣрить мнѣ по чистой совѣсти, что ваши изступленные при-

верженцы накричали вамъ на меня, отдалили меня отъ васъ! Ахъ, г-нъ Лафайетъ, вы теряете вашу будущность!» т. II. стр. 22.

Это письмо было послано генералу Лафайету 4-го іюня 1790 года. Въ тотъ же самый день Мирабо писалъ свою первую ноту къ королевъ, въ которой мы читаемъ слѣдующее :

« . . . . . Что будетъ съ Лафайетомъ, который вдругъ сдѣлался и услужливымъ интриганомъ, и покорнымъ приверженцемъ двора, и охранителемъ королевской особы; что будетъ съ нимъ, повторяю, если его не остановятъ, если не помѣшаютъ ему въ его карьеръ? Онъ начальникъ парижской арміи, и посредствомъ этой арміи начальникъ Парижа; а будучи начальникомъ Парижа, онъ въ то же время и начальникъ большей части національной гвардіи государства, могущій располагать исполнительною властью, если только министры будутъ на его сторонѣ; онъ начальникъ войскъ, начальникъ законодателей; и если министры не захотятъ противодействовать его честолюбію, то что будетъ изъ него? не сдѣлается ли онъ совершенно независимымъ, самымъ могущественнымъ диктаторомъ?»

Послѣ этого къ чему намъ искать болѣе поразительныхъ доказательствъ двойственности Мирабо? Тѣ, которыя заключаются въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ переписки, назначенной собственно для того, чтобы оправдать память о Мирабо, кажется, слишкомъ ясны.

Какъ бы то ни было, но всѣ попытки Мирабо поладить съ Лафайетомъ остались безъ успѣха. Немного позже Мирабо, въ своемъ письмѣ къ Сегюру, говоритъ, что готовъ биться объ закладъ съ Лафайетомъ, припомнить ли онъ хотя одинъ случай, въ которомъ сдержалъ бы свое слово, данное Мирабо, или въ которомъ Мирабо не исполнилъ бы своихъ обязательствъ къ нему. До октября того же года, между обоими этими лицами существовала взаимная ненависть и закоренѣлое отвращеніе, а послѣ того Мирабо, въ своей перепискѣ, говоритъ о Лафайетѣ не иначе, какъ называя его разными ругательскими именами.

3-го іюля 1790 года Марія-Антоанетта имѣла свиданіе съ Мирабо въ садахъ Сень-Клу. Королева, какъ она сама потомъ рассказывала г-жѣ Кампанъ, подошла къ нему, говоря: « Еслибы я назначила это свиданіе врагу обыкновенному, такому, который поклялся бы разрушить монархію, потому только, что онъ не видалъ въ ней никакой пользы для великаго народа, въ такомъ случаѣ поступокъ мой былъ бы очень неумѣстенъ; но когда я говорю объ этомъ такому человеку, какъ Ми-

рабо...» и проч. — Прощаясь съ королевою, Мирабо сказалъ: — «Государыня, монархія спасена!»

Но какъ бы на зло этой мнимой искренности его отношеній ко двору, которая видна въ его нотахъ, адресованныхъ къ королю и къ королевѣ, мы не замѣчаемъ однакожъ этого въ поведеніи какъ той, такъ и другой стороны. Мирабо, получая отъ двора огромную ежемѣсячную пенсію, и надѣясь получить болѣе положительную власть, когда будетъ распушено министерство, и когда падутъ его соперники, конечно, могъ быть очень искреннимъ въ своихъ совѣтахъ, которые онъ давалъ двору. Но для короля и королевы его совѣты и его увѣщанія, съ самаго начала и до конца, были совершенно бесполезны. Въ надеждѣ прекратить его враждебныя рѣчи, гремящія въ Собраніи, у него принимали совѣты, которымъ на самомъ дѣлѣ никогда не хотѣли слѣдовать. И не разъ Мирабо раздражался мыслию, что людямъ съ меньшими дарованіями, какъ напримѣръ г-ну Бергассу, удавалось овладѣвать довѣріемъ короля, тогда какъ онъ при всемъ своемъ краснорѣчіи и умѣ не могъ этого достигнуть.

Цѣлью однакожъ отвергать того, что для Лудовика XVI, въ его тогдашнемъ положеніи, политика, высказанная г-мъ Мирабо, была безконечно выше и слабыхъ мѣръ, принятыхъ министрами, и безразсудныхъ проэктовъ предложенныхъ аристократическою партіею. Мирабо очень настаивалъ на необходимости образовать центръ арміи въ Фонтенебло, или въ Руанѣ, куда могла бы удалиться королевская фамилія. Города эти довольно близки къ Парижу, такъ, что черезъ это было можно отдалить всякое подозрѣніе о намѣреніи оставить королевство, и притомъ же они на столько отстоятъ отъ Парижа, что король могъ бы найти въ нихъ совершенную безопасность и для себя и для своей фамиліи. И какъ бы ни была дурно организована армія, все еще можно было надѣяться на вѣрность нѣкоторыхъ полковъ; особенно Мирабо надѣялся на храбрость и дисциплину *швейцарцевъ*, которые, скажемъ мимоходомъ, съ такою славою защищали свое дѣло въ послѣдней роковой борьбѣ 10 мая 1792 года. Онъ предложилъ возстановить мѣсто генеральнаго инспектора надъ швейцарцами, и возложить эту обязанность на графа де-ла-Марка, въ способности и преданности котораго нечего было сомнѣваться. Изъ всѣхъ совѣтниковъ короля только одинъ Мирабо не трепеталъ отъ страха при мысли о гражданской войнѣ; ибо эту войну онъ считалъ гораздо меньшимъ зломъ, нежели неистовство черни и господство анархій, и вмѣстѣ предвидѣлъ, что только одна военная сила можетъ возстановить законную власть.

Съ другой стороны онъ возстаивалъ (и на этотъ разъ успѣшно) про-

тивъ войны вѣтшей, особенно съ Англіею, когда, по случаю утвержденія Ноотки на берегахъ Тихаго океана, Испанія, опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны Англіи, просила помощи у Франціи на основаніи *фамилнаго договора*. И никогда воззваніе къ иноземному вмѣшательству въ виду опасностей, угрожавшихъ королевской фамиліи и монархіи, воззваніе, которое увеличивало опасность при настоящемъ положеніи дѣлъ, и было самымъ страшнымъ обвиненіемъ противъ двора, никогда это воззваніе не входило въ рамки его переписки. Замѣчательно, что въ продолженіе всего этого времени главными двигателями при дворѣ были — графъ де-Мерси, австрійскій посланникъ въ Парижъ, и г-нъ де-ла-Маркъ, австріецъ по рожденію; они дѣйствовали неуспыно и единодушно, такъ, какъ бы дѣйствовали французы для поддержанія интересовъ, исключительно принадлежавшихъ Франціи. Если когда-либо «*Австрійскій комитетъ*», какъ выражались тогда, и пользовался довѣренностью Маріи-Антоанетты, такъ это было только въ 1789 и 1790 годахъ, и этотъ комитетъ состоялъ только изъ двухъ лицъ. Существованіе его кончилось, когда де-Мерси и де-ла-Маркъ оставили Францію; но даже въ эпоху самой обширной своей дѣятельности, они никогда не вмѣшивались въ дѣла національной независимости. Мирабо не переставалъ совѣтовать королю, чтобы онъ старался объ увеличеніи военной силы и о приобрѣтеніи народной защиты внѣ Парижа; не переставалъ напоминать королю, чтобы онъ оставилъ столицу, сражаясь съ непріателемъ; онъ совѣтовалъ ему утвердить свое управленіе государствомъ на началахъ народности, довершить конституцію и положить конецъ революціи. Онъ говорилъ, что лучше рискнуть всѣмъ для всего, чѣмъ падать съ одной ступени на другую, подъ тяжестью необходимости, въ эту пропасть, глубину которой измѣрилъ Мирабо.

Впослѣдствіи король положительно сказалъ, что мнѣнія Мирабо о настоящемъ положеніи дѣлъ чрезвычайно преувеличены; но что касается до насъ, мы видимъ во всѣхъ его совѣтахъ, которые онъ давалъ королю, и во всѣхъ его соображеніяхъ, хотя и изложенныхъ мѣстами языкомъ рѣзкимъ и напыщеннымъ, самый здравый политическій умъ. Что всѣ эти документы не подложны, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. *Минута*, написанная его собственною рукою, еще хранится и теперь въ Брюсселѣ, въ архивахъ фамиліи Аренбергъ. Всѣ эти письма носятъ на себѣ печать его необыкновеннаго ума, его пылкой рѣшимости, и часто раздражительности, особенно, когда онъ видѣлъ, что его совѣты остаются безполезными, потому что, какъ мы сказали выше, эта переписка, продолжавшаяся не болѣе десяти мѣ-

сяцевъ, была совершенно безплодна, кромѣ того развѣ, что переимѣнила публичное поведеніе Мирабо въ Національномъ Собраніи, въ которомъ онъ могъ бы сдѣлаться, и безъ сомнѣнія сдѣлался бы, отъявленнымъ врагомъ двора, если бы онъ не имѣлъ въ виду совсѣмъ другихъ расчетовъ, кромѣ тѣхъ, которые были у его товарищей революціонной партіи.

20-го сентября онъ писалъ къ графу де-ла-Марку слѣдующее :

« . . . . . Уже цѣлые десять дней я нахожусь въ состояніи какой-то неподвижности, и это происходитъ отъ страннаго недовѣрія двора ко мнѣ. Онъ никогда не пользуется моими совѣтами, и говоритъ, что я ничего для него не дѣлаю; онъ позволяетъ врагу усиливаться со дня на день, а мнѣ недаетъ никакихъ средствъ, никакой определенной инструкціи, и въ то же время думаетъ, что я могу одолѣть его! Это чрезвычайно жалко! . . . . » (т. II. стр. 198.)

Черезъ мѣсяцъ послѣ того, Мирабо еще съ большею скорбію писалъ къ своему другу:

« Скажу вамъ откровенно, мой добрый графъ, я не знаю, для чего я посылаю эти ноты. Но пусть такъ; что будетъ, то будетъ; вотъ еще одна. Эти отрывки мои въ сравненіи съ произведеніями Бергасса, и можетъ быть Барнава, и другихъ подобныхъ великихъ людей, къ волосамъ которыхъ, какъ къ волосамъ древняго Низа, привязано спасеніе трона и власти, эти отрывки, говорю, въ сравненіи съ тѣми достойны изученія; они не такъ скучны, и гораздо болѣе полезны, чѣмъ какая-нибудь волшебная сказка. » (т. II. стр. 256.)

Но *шесть тысячъ франковъ* не позволяли ему отказаться отъ его дѣла и прекратить свои отношенія ко двору. Поэтому мысль объ успѣхѣ была для него дѣломъ второстепеннымъ.

Даже самъ де-ла-Маркъ, который во всей своей перепискѣ съ Мирабо показываетъ къ нему совершенное довѣріе, иногда, по случаю такого хода дѣла, обнаруживаетъ какое-то безпокойство и сомнѣніе, какъ это видно изъ его писемъ къ графу де-Мерси, послѣ того какъ этотъ посланникъ былъ вызванъ въ Парижъ по дѣламъ управленія. Такъ въ письмѣ своемъ отъ 26 января 1791. г. онъ писалъ къ нему:

« . . . . . Мирабо хочетъ примирить наружное желаніе служить двору съ недѣлительностью; заставляетъ другихъ идти впередъ, а самъ остается позади, рассчитываетъ на успѣхъ и не силится достигнуть его. Этимъ не должно обманываться: этотъ человекъ такъ хорошо умѣлъ скрывать свои мысли, свои дѣйствія, даже свои недостатки, что все это трудно подмѣтить при самомъ точномъ надзорѣ. . .

« Мирабо былъ выбранъ въ начальники батальона, а черезъ три мѣсяца

послѣ того въ члены управленія департаментомъ ; онъ занялъ эти два мѣста съ тѣмъ однакожъ, чтобы со временемъ отказаться отъ перваго изъ нихъ. Теперь онъ старается получить мѣсто прокуроръ-синдика департамента. Любовь народа къ нему съ нѣкотораго времени значительно возрастаетъ; это меня беспокоитъ ; вы знаете, графъ, чтѣ значить любовь народа во время революціи.»

Таковъ былъ медленный ходъ переговоровъ Мирабо , которые онъ самъ, въ одномъ своемъ письмѣ, написанномъ съ особеннымъ стараніемъ, называлъ *мрачною интригою* и пышнымъ притворствомъ. Тотъ, кто могъ все поколебать и разрушить, былъ не въ силахъ ничего спасти; большая часть его проектовъ, которыми особенно онъ надѣлся спасти тѣхъ, которые ему такъ щедро платили, была не болѣе какъ дѣтская попытка, довольно странная. Одно, чтѣ удалось ему и чему впоследствии сочувствовалъ дворъ, это поѣздка де-ла-Марка въ Мецъ и Стразбургъ, въ февралѣ 1791 г., предпринятая съ цѣлю переговорить съ г-мъ де-Булье и узнать расположеніе арміи, стоявшей на восточной границѣ королевства, и составившей послѣднюю надежду монархіи.

Тетки короля хотѣли оставить Францію, вопреки совѣтамъ Мирабо; 19 февраля они выѣхали изъ Парижа, но были задержаны въ Арпе-ле-Дюкъ, въ Бургоньи. Когда объ этомъ узнали въ Парижѣ, то графъ де-ла-Маркъ передалъ Мирабо эту новость, говоря, что онъ въ настоящую минуту рѣшительно не знаетъ, какъ помочь этому обстоятельству; вопросъ объ этомъ былъ перенесенъ съ Собраніе, гдѣ Мирабо собралъ столько голосовъ въ пользу отъѣхавшихъ, что имъ позволено было продолжать путешествіе. По этому случаю графъ де-ла-Маркъ писалъ къ графу де-Мерси слѣдующее :

«Упрямое намѣреніе тетокъ короля уѣхать, показало ясно, что если и самъ король вздумаетъ подражать имъ, то навѣрное получитъ такой же успѣхъ. Нужно напередъ положительно извѣстить, что онъ хочетъ выѣхать изъ Парижа, необходимо назначить день отъѣзда и непремѣнно настоять на это; иначе онъ не успѣетъ въ этомъ.»

Въ самомъ дѣлѣ такъ и случилось: нѣсколько дней спустя простая попытка двора выѣхать въ Сень-Клу произвела возмущеніе въ Парижѣ.

Таково было положеніе дѣлъ при дворѣ, когда тотъ, кто составлялъ душу этихъ интригъ, вдругъ, въ срединѣ своей карьеры, былъ пораженъ смертною болѣзнію. Въ послѣднюю недѣлю, когда Мирабо присутствовалъ въ засѣданіяхъ Собранія; разсуждали о вопросѣ касательно рудокопнъ, и о правахъ ихъ владѣльцевъ; предметъ этотъ

былъ чрезвычайно важенъ для г. де-ла-Марка. Собраніе, казалось, измѣрено было отмѣнить всѣ уступки, сдѣланныя владѣльцамъ рудокопенъ. Мирабо сказалъ своему другу: «Если я не рѣшусь защищать истину этого дѣла, то безъ сомнѣнія во Франціи не останется ни одной рудокопни, и вы потеряете самую значительнѣйшую часть доходовъ съ вашего имѣнія.» 21 марта онъ съ успѣхомъ говорилъ объ этомъ предметѣ; рѣчь его была написана Пелленсомъ, однимъ изъ его сотрудниковъ. Положено было разсуждать объ этомъ вопросѣ снова, 27 числа того же мѣсяца; не смотря на свою болѣзнь, Мирабо приготовилъ рѣчь, долженствовавшую довершить побѣду.

«Онъ пришелъ ко мнѣ, говорить г. де-ла-Маркъ, еще до девяти часовъ утра; онъ былъ крайне изнуренъ; все показывало въ немъ тяжкую болѣзнь. Ему сдѣлалось еще хуже, такъ что онъ на минуту лишился чувствъ. Я всячески старался уговорить его, чтобы онъ не ѣздивъ въ Собраніе; но всѣ мои старанія остались тщетны. Нѣсколько разъ онъ говорилъ мнѣ: *«Другъ мой, эти люди разорятъ васъ, если я не поиду туда; я непременно буду въ Собраніи; вамъ не удержать меня.»* Чувствуя большую слабость, онъ рѣшился подкрѣпить себя токайскимъ виномъ, которое онъ пивалъ у меня нѣсколько разъ. Онъ позволилъ и велѣлъ подать себѣ того вина; выпивши двѣ рюмки, онъ сѣлъ въ коляску. Я хотѣлъ было его проводить, но онъ сказалъ мнѣ, что неприлично быть мнѣ самому въ Собраніи; онъ просилъ меня ждать дома, куда обѣщался пріѣхать по окончаніи засѣданія. Должно было согласиться съ этимъ.

«Къ тремъ часамъ онъ возвратился. Войдя въ мою комнату, онъ бросился на канапе и сказалъ: *«Ваше дѣло выиграно, а я умеръ.»* Я не въ состояніи выразить всего, что происходило во мнѣ въ эту минуту, когда я былъ весь обращенъ въ страхъ при видѣ Мирабо. Послѣ нѣсколькихъ минутъ я обнялъ его; потомъ проводилъ его въ коляску и сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Мы поѣхали въ его квартиру, изъ которой онъ больше ужъ не выходилъ, до выноса къ могилѣ.

Болѣзнь, уже не разъ угрожавшая жизни Мирабо, и разрушавшая его здоровье, обнаружилась наконецъ съ неотвратимою силою. Съ самой первой минуты, его медикъ Кабанисъ потерялъ всякую надежду, и даже самъ Мирабо, въ разговорахъ съ своими друзьями, не обольщалъ себя мыслью о выздоровленіи. Г. де-ла-Маркъ не оставлялъ его ни на минуту; въ четвертый день своей болѣзни, за три дня до

смерти, Мирабо передалъ ему всѣ свои бумаги, имѣвшія въ то время чрезвычайную важность для главныхъ лицъ государства.

Мирабо скончался въ страшныхъ мученіяхъ, 2 апрѣля 1794 г., въ 8¹/₂ часовъ утра, 42-хъ лѣтъ отъ роду. Народъ, такъ часто вводимый имъ въ заблужденія, оплакалъ его смерть какъ бѣдствіе національное, и говорятъ, что болѣе двухъ тысячъ особъ, провожали его тѣло къ Пантеону, мѣсту его погребенія.

Другъ Мирабо оставилъ Францію въ октябрѣ 1794 года, и вступилъ въ военную службу къ императору; онъ сложилъ съ себя титулъ графа де-ла-Марка, и никогда не принималъ его болѣе. Во время революціи, когда конфисковано было его имѣніе, онъ жилъ только однимъ своимъ жалованьемъ. Послѣ паденія Наполеона, принцъ Августъ Аренбергъ получилъ снова большую часть своего имѣнія; тогда онъ поселился въ Брюссель, гдѣ жилъ чрезвычайно открыто и гостепріимно до 1833 г., т. е. до самой смерти своей. Онъ умеръ 80-ти лѣтъ отъ роду.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ ПАРИЖА. Въ Парижѣ много новаго, за то мало новостей по части наукъ, литературы, художествъ. И откуда набрать этихъ новостей, когда тамъ нѣтъ ни театровъ, ни академій, ни мастерской художника, ни гостиницъ; тамъ теперь одна бульвары, площади, улицы, куда стекаются толпы всѣхъ сословій, всѣхъ мнѣній, всѣхъ партій. Парижъ живетъ теперь высшею жизнью; онъ на бивакахъ. Барабанъ теперь его музыка; — рука художника громоздитъ баррикады, а типографскій станокъ печатаетъ прокламации.

Такъ думали мы, поджидая изъ Парижа журналовъ, — и мы ошибались. Декабрскіе безпорядки смутили столицу только въ первые дни, и то не всѣхъ ея жителей. Люди дѣловые не бросили дѣлъ своихъ, и обычный порядокъ всенѣвной жизни почти не былъ нарушенъ. Подобныя новости не новы для Парижа, — Парижане уже обжились съ ними. Прошелъ первый навалъ бури, и Парижъ, подъ раскаты отдаленнаго грома, опять принялся за прежнія дѣла, за прежнее бездѣлье; опять вошелъ въ свои обычаи, въ колею любимыхъ привычекъ. Театры снова даютъ чередовыя пьесы своихъ репертуаровъ, труженикъ — фельетонистъ снова засѣлъ за свою работу, въ гостинныхъ по прежнему идетъ милая болтовня французскаго остроумія, снова начались занимательныя пересуды о произведеніяхъ наукъ и художествъ, съ прямѣею толковью о современныхъ событіяхъ.

Правда, на улицахъ собираются еще записные говорунки, политики по ремеслу; но глядя на эту «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, націй, состояній,» въ которой больше различныхъ мнѣній, чѣмъ людей, перестаешь только вѣрить пословицѣ: *qui se ressemblent, s'assemblent*.

Вскоръ послѣ того, какъ на улицахъ Сень-Дени и Сень-Мартенъ раздавались выстрѣлы, и картечь прыгала по бульвару Пуассоньеръ, г.

Гизо въ гостиницѣ г-жи д'Осувилль, дочери герцога Броля и внучки знаменитой баронессы Стааль, читалъ приготовленный имъ отвѣтъ на рѣчь г-на Монталамбера, и ни топотъ развѣздовъ, ни перекличка разставленныхъ по улицамъ часовыхъ, нисколько не мѣшали вниманію слушателей, осыпавшихъ жаркими похвалами оратора.

Вотъ другой примѣръ.

Вечеромъ 2-го Декабря, когда участь Парижа и цѣлой Франціи висѣла на волоскѣ, въ кофейномъ домѣ на Монмартрскомъ бульварѣ, гдѣ толпы съ каждой минутой становились многочисленнѣе и грознѣе, г-нъ N — одинъ изъ извѣстныхъ литераторовъ, и притомъ знаменитый *библиофилъ*, игралъ въ домино. Вдругъ вбѣгаетъ въ залу человекъ встревоженный, взволнованный — страхомъ и надеждой, съ листомъ бумаги въ рукахъ. Этотъ листъ былъ декретъ представителей правой стороны, составленный въ Меріи десятого округа, и напечатанный на-скоро въ одной изъ тайныхъ типографій. Незнакомецъ подбѣжалъ къ г. N и сказалъ: «Смотрите, — еще не всему конецъ!» Литераторъ, котораго общественное положеніе, имущество и семейное спокойствіе, разыгрывались въ эту минуту на улицѣ въ азартную игру, взглянулъ на листокъ, пробѣжалъ глазами постановленіе и воскликнулъ: Боже мой, какъ это скверно напечатано! чтó за шрифтъ, шпоны выскочили, буквы въ разлѣтъ, какал аллловатость, и еще на стѣрой оберточной бумагѣ. Наши представители неминуемо погибли!...

2 Декабря, когда обнародованныя объявленія предупредили уже о государственномъ переворотѣ, продавали съ публичнаго торга имущество маршала Себастьяни. Эта политическая новость не помѣшала однако же аукціону, на которомъ двѣ изящныя Севрскія вазы, заплаченные въ 1820 году 5,000 франковъ, проданы за 28,000 фр. Ихъ купилъ лордъ Гертфордъ.

Смятенія въ Парижѣ не мѣшаютъ даже свадьбамъ. Главнокомандующій Парижскими войсками выдаетъ дочь свою, дѣвицу Пьеретъ Маньякъ, за своего адъютанта, г-на Понтеро. Г. д'Арленкуръ также сдѣлалъ уже установленное *оглашеніе* о бракѣ своемъ съ *г-жею де-ла-Нёвилль*, вдовою Боденонъ де-ла-Мазъ, а г. Жюль де-ла-Круза, одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ писателей, женился 2 Декабря на вдовѣ г-жѣ Чирковичъ, урожденной графинѣ Ржевуской, сестрѣ г-жи де-Бальзакъ.

Теперь волненіе уже утихло. Въ памяти народа еще свѣжи гибельныя послѣдствія прошлыхъ Іюньскихъ смутъ, и онъ сдѣлался разсудительнѣе. Всѣ усилія, и правительства и общества, направлены къ тому, чтобы усадить работниковъ за станокъ, который доставлялъ имъ пасуци-

ный хлебъ. Нищета и голодъ возмутительные всѣхъ прокламацій... Богатое сословіе знаетъ это, и не скупится давать вечеръ, не скупится расточать золото, которое для пугающихся дороже самыхъ обольстительныхъ утопій.

Въ Парижѣ стоитъ теперь прекрасная погода, и всѣ жители жадно ею пользуются. Бульвары наполнены гуляющими, а въ публичныхъ садахъ пестрятъ живописныя группы дѣтей. Никто не ропщетъ на мѣры принятія правительствомъ; даже тѣ, которые неблагопріятствовали Президенту, довольны взрывомъ *Елисейской гранаты* (Gobus Elyzéen), утѣшая себя мыслию: «Что случилось бы съ нами, если бы социалисты одержали верхъ?»

Театры полны прежняго. 2-го Декабря, въ день взрыва, сборъ театра французской комедіи былъ болѣе обыкновеннаго. Итальянцы давали въ этотъ же вечеръ оперу Эрнани, въ которой играли Крувелли и Беллетти и дебютировалъ теноръ Гуаско. Ложи были разобраны за нѣсколько дней, и ни одна изъ нихъ не осталась пустою. Театры водевилей не понесли въ эти дни ни гроша убытку. Театры Gaité и Ambigu были биткомъ набиты зрителями. На другой день сборъ театровъ былъ незначителенъ, и это продолжалось до воскресенья, 7-го числа, но съ воскресенья театры снова наполнились, и сборы не только уравнились съ прежними, но во многихъ театрахъ превзошли бывшіе до 2-го числа. Въ театрѣ Оперы продано билетовъ 7-го числа на 4 т. фр. *Mademoiselle de la Segliere* принесла доходу 400 фр. болѣе, нежели г-жа Рашель, которая въ первый разъ по возвращеніи появилась на сценѣ въ *Horace*. Когда давали во второй разъ оперу Лимандера *Синяя борода*, театръ былъ полонъ, и у дверей толпилось до 200 чел. любопытныхъ. То же случилось и въ театрахъ Монтансье и Variété, хотя всѣмъ было извѣстно, что ножницы новой цензуры обрѣзали нѣ одно перо изъ крыльевъ фантазій господъ водевилистовъ. Кстати о *Синей бороде*; представленіе этой оперы замѣчательно по одной забавной особености.

Третье дѣйствіе начинается хоромъ Шотландской стражи. Хоръ этотъ пѣли часу въ одиннадцатомъ 4-го Декабря, за нѣсколько часовъ до того, какъ пять или шесть генераловъ и множество политическихъ лицъ были арестованы въ своихъ квартирахъ. Вотъ слова этого хора, пропѣтыя въ присутствіи гг. Морни, Кавеньяка, Персиньи и другихъ:

«Sans vergogne et sans souci!

«Arretons—les tous ici!»

Вся публика, а въ томъ числѣ г. Морни, и многіе арестованные въ

ту же ночь отъ души аплодировали этому хору, мотивъ котораго очень игривъ и исполненъ мелодіи.

Во время смятеній было много забавныхъ случаевъ. Ядро пролетѣло сквозь карету англичанина г. Сильверъ, ѣхавшаго по улицѣ Бонди, и вонзилось въ стѣну ближняго дома. Г. Сильверъ, такъ счастливо избѣгнувшій смерти, вылезъ изъ кареты, выдолбилъ изъ стѣны ядро и отвезъ его къ бронзовыхъ дѣлъ мастеру Деньеру. «Что же прикажете изъ него сдѣлать, милордъ?»—спросилъ Деньеръ.—«Сдѣлайте столовые часы.»

Замѣчательно, что на всемъ протяженіи бульваровъ, болѣе другихъ повреждены этажи, занимаемые портными и модистками. Въ портныхъ стрѣляютъ по дѣламъ: всѣ Парижскіе портные социалисты; но за что же въ модистокъ? По словамъ одной изъ нихъ, онѣ какъ существа слабыя, неизмѣнно преданы партіи сильныхъ, и безпротестно сдаются побѣдителямъ.

Въ четвертокъ 4 Дек. г. Адольфъ Саксъ, изобрѣтатель улучшенныхъ духовыхъ инструментовъ, встрѣтился на улицѣ Ришелье съ г-мъ Девизономъ, редакторомъ газеты *Times*, который увѣрялъ, что онъ очень радъ видѣть *э революшенъ*. Г. Саксъ зашелъ по дѣлу въ музыкальный магазинъ Брандуса, и завелъ туда своего знакольца. Подъ самыми окнами магазина завязалось жаркое дѣло. Изъ смѣжныхъ оконъ, гдѣ помѣщалась мастерская портнаго, сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ по войскамъ. Солдаты, ошибкою врываются въ домъ Брандуса, и отыскивая тайныхъ стрѣлковъ, схватываютъ его самаго и одного изъ его прикащиковъ, Сакса и Девизона, и ведутъ на бульваръ, чтобы разстрѣлять ихъ. Къ счастью генералъ Рейбель, знавшій Сакса лично, встрѣтилъ и освободилъ мнимыхъ преступниковъ. Любопытно знать, поправилась ли г-ну Девизону *э революшенъ*?

Арестованные въ первый день члены собранія были помѣщены въ учрежденной вновь келейной Мазаской тюрьмѣ. Смотритель развелъ ихъ по маленькимъ каютамъ тюрьмы. «Помилуйте, въ какія конуры вы насъ запираете», жаловались они смотрителю?—Для васъ онѣ должны быть очень удобны, отвѣчалъ смотритель; вѣдь вы же сами подали голоса въ пользу системы келейнаго заключенія...

Смерть маршала Сульта едва была замѣчена въ минуту всеобщей тревоги. Это лице слишкомъ извѣстно, и мы не хотимъ повторять извѣстій объ его жизни напечатанныхъ во всѣхъ нашихъ газетахъ.

Постановленіемъ Президента республики, Пантеонъ снова обращенъ

въ храмъ для Католическихъ обрядовъ. Сообщаемъ нѣсколько историческихкихъ свѣдѣній объ этомъ памятникѣ:

За шестьдесятъ лѣтъ назадъ, т. е. въ 1791 году, храмъ св. Женевьевы превращенъ былъ въ Пантеонъ.

Постройка этой церкви началась въ 1757 году, но приготовительныя работы продолжались очень долго, и только въ 1764 Лудовикъ XV положилъ основаніе зданія.

По смерти Мирабо, Національное собраніе, постановленіемъ отъ 4 Апрѣля 1791, измѣнило первоначальное назначеніе этого зданія, и опредѣлило хранить тамъ бранные остатки знаменитыхъ гражданъ. Администраторы Парижскаго департамента поручили Катрмеру распорядиться передѣлкою этого храма въ Пантеонъ. Вся принадлежности христіанской базилики были замѣнены эмблемами свободы и республики. На фризъ помѣщена бронзовая надпись: *Великимъ мужамъ признательное отечество.* (Aux grands hommes la patrie reconnaissante). Мирабо, умершій 2 Апрѣля 1791, былъ первый погребенъ въ Пантеонъ. Вольтеръ и Ж. Ж. Руссо также удостоены этой почести. По декрету 21 Сентября 1793 года, прахъ Марата былъ помѣщенъ въ Пантеонъ, а Мирабо вынесенъ отсюда; но послѣ 9-го термидора II года (27 Іюля 1794) тѣло Марата выкинуто изъ Пантеона, въ канаву Монмартрской улицы. Національная Конвенція декретомъ отъ 29 Плювіоза III-го года (8 Февраля 1795) постановила, что никто изъ гражданъ не можетъ быть удостоенъ почести погребенія въ Пантеонъ, иначе, какъ спустя десять лѣтъ послѣ его смерти. Впослѣдствіи, Наполеонъ декретомъ отъ 26 Февраля 1806 года, возвратилъ Пантеонъ богослуженію, не измѣняя впрочемъ назначенія, даннаго ему Національнымъ собраніемъ. Великолѣпный храмъ св. Женевьевы, или Пантеонъ, стоилъ постройкой 25 м. франковъ. По востшествіи на престолъ Лудовика-Филиппа, на Пантеонъ снова помѣщена прежняя надпись: *Великимъ мужамъ признательное отечество.* Съ этого времени произведено въ храмъ много передѣлокъ, и теперь онъ совершенно оконченъ; осталось только поставить бронзовые створы въ боковыхъ трапезахъ.

Изъ Франціи всего ближе обратиться къ **АНГЛІИ**, и начать самымъ быстрымъ образомъ сообщенія, т. е. телеграфомъ:

Недавно въ Лондонскомъ Punch помѣщена замысловатая карикатура: картина представляетъ Ламаншскій проливъ, на которомъ видѣются нѣсколько кораблей. Со стороны Дувра стоитъ дородный Джонъ-Бульсъ пирамидальнымъ брюхомъ, въ полномъ костюмѣ Британскаго джентльмена, и обмотанный проволокою электрическаго телеграфа, кото-

рая тянется надъ проливомъ и связываетъ съ нимъ стоящаго на противоположномъ берегу Французъ въ военномъ мундирѣ. Подъ картиною подписано: *Новые Сіамскіе близнецы.*

Не знаемъ, сродутся ли когда-нибудь флегматическій Англичанинъ съ живымъ Французомъ, но вѣтъ сомнѣнія, что новый подводный телеграфъ, облегчающій сношенія между Англіею и Франціею, принесетъ несомнѣнныя выгоды обѣимъ странамъ.

Передадимъ кстатѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о простомъ электромагнитномъ телеграфѣ, употребляемомъ въ Англіи, Америкѣ и другихъ странахъ.

Стараніе ускорить всякое сообщеніе издавна занимаетъ человѣка. Быстрая передача мыслей наиболѣе затрудняла его; многія попытки были безуспѣшны. Наконецъ онъ овладѣлъ электрическою струею, и громоносная матерія сдѣлалась покорною рабою его воли.

Устройство разговорнаго электромагнитнаго телеграфа очень просто. На разстояніи отъ одной станціи до другой протягивается проволока, которая лежитъ на устроенныхъ для этого столбикахъ. Тамъ, гдѣ проволока касается столбовъ, ее уединяютъ, пропуская сквозь фарфоровыя трубочки. На станціяхъ концы проволоки опускаются въ землю. Посредствомъ этого снаряда депеши сообщаются съ неизмѣрною быстротою, далеко превосходящею быстроту Шекспирова Аріеля, который могъ въ сорокъ минутъ обгнать кругомъ землю. Разорвите въ какомъ-нибудь мѣстѣ эту проволоку, и въ этомъ промежуткѣ поставьте желѣзную стрѣлку, какъ наиримѣръ стрѣлка компаса, — она будетъ приведена въ движеніе электрическимъ токомъ. — На этомъ явленіи основана теорія электромагнитнаго телеграфа. Электрическій токъ, внезапно прерванный, не теряетъ однако же своей силы, которая привлекаетъ или отталкиваетъ стрѣлку, и не только одну эту стрѣлку, но пожалуй и сотню другихъ, если ихъ помѣстить въ промежуткѣ двухъ кондукторовъ, то есть между концами разорванной проволоки. На каждой станціи находится гальваническія баттарей, посредствомъ которыхъ придаетъ движеніе стрѣлкамъ. Отклоненіе ихъ можно произвести въ ту или другую сторону, по произволу, смотря потому, съ которыми изъ полюсовъ баттарей будетъ приведена въ сообщеніе проволока. Достаточно будетъ двухъ такихъ стрѣлокъ, чтобы условнымъ ихъ движеніемъ передать всѣ буквы азбуки. Посредствомъ такого телеграфа можно сообщить въ одну минуту до десяти словъ; разумѣется, разстояніе не дѣлаетъ ощутительной разницы во времени. Съ 15

Ноября цѣна за пересылку телеграфическихъ депешей значительно уменьшена въ Англіи: за двадцать словъ платится теперь 2 шиллинга, 6 пенсовъ (около 80 к. с.) на 100 миль или менѣе, и 5 шиллинговъ (около 1 р. 50 к. с.) за расстояние свыше ста миль.

Шахматный клубъ, подъ предсѣдательствомъ г-на Стаунтона, предлагаетъ Парижанамъ сыграть партію въ шахматы съ помощью подводнаго телеграфа. Англичаве задумываютъ уже установить телеграфическое сообщеніе съ Америкою и съ Остъ-Индіею!...

Послѣ выставки частію Англію овладѣло Кошутобѣсіе, которое теперь впрочемъ прекратилось!...

Популярность его въ этой странѣ объяснить не трудно. Въ Англіи есть политическія посредственности, которыя жадно ловятъ случай, чтобы о нихъ поговорили, примыкая къ каждой иностранной знаменитости, и стараются вернуть свой маленькій *сресей* на публичныхъ объѣздахъ, въ поддержку какого-нибудь громкаго тоста. Есть даже люди пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ, (какъ напримѣръ лордъ Дудлей Стюартъ), которые приняли на себя обязанность дѣлаться *чичероне* каждому *люба* Европейскаго либерализма. Наконецъ и правительство охотно отворяетъ эти невинныя западни для англійскаго либерализма, и всегда ищетъ чѣмъ оправдать свою предусмотрительность въ послѣднія минуты, когда дѣло пойдетъ слишкомъ далеко. Лордъ Дудлей Стюартъ съ 1830 года доказываетъ Европѣ, какой онъ страстный охотникъ говорить рѣчи и собирать *meetings*. Съ нѣкотораго времени онъ оставался въ бездѣйствіи, и очень былъ радъ поймать подъ свое покровительство хотя уже рѣшенный вопросъ о дѣлахъ Венгріи. Эта *оація*, это полу-торжество Кошута очень не по сердцу гг-мъ Ледрю-Ролленю и Луи-Бланъ, возбудивъ ихъ зависть. Американскій консулъ (М. Groskey) замѣтилъ впрочемъ, что *граждане Америки не красивые республиканцы* (were not red republicans), и хорошо знаютъ, что есть и ложная свобода.

Англійскіе журналы наполнены извѣстіями о жизни короля Ганноверскаго (послѣдняго сына Георга III. — Теперь осталась въ живыхъ одна его дочь герцогиня Глочестерская). Всѣ отдають справедливость его правдивости, примѣчательной въ наше время, когда исторія міра наполнена актерами, которые играютъ условныя роли и обманываютъ самихъ себя, стараются ввести въ заблужденіе другихъ своею фантазмагоріею. Такимъ образомъ исторія становится часто мелодрамою, потому что герои новѣйшей исторіи превращаютъ самыя истинныя положенія въ ложныя, систематизируя и драматизируя свою лич-

ность. Взгляните на Кошута, о которомъ мы только что говорили. Какимъ явился онъ теперь передъ Европою, отправляясь въ Америку на новое представленіе. Можетъ ли существовать болѣе ложная, болѣе мелодраматическая личность? Къ чему привело его краснорѣчіе? Возбудило ли оно, даже въ его приверженцахъ, участіе къ Венгріи? Нѣтъ, онъ успѣлъ только возбудить родъ дилетантическаго энтузіазма къ сямъ краснорѣчія, съ которымъ онъ ораторствовалъ *во всѣхъ тонахъ*. Кошутъ привелъ въ отчаяніе всѣхъ, кто только пытался согласить его съ самимъ собою, и образовать изъ этого патріота что-нибудь болѣе важное личности *политическаго артиста*. Онъ такъ долго странствовалъ по Англіи, такъ часто облекался въ ложныя личности, что ни подъ одной изъ нихъ не могъ казаться правдивымъ, и наконецъ принялъ единственную роль, въ которой можно отдѣлаться фразами: онъ пріѣхалъ въ Сутемптонъ защитникомъ конституціи, — и выѣхалъ оттуда трибуномъ радикаловъ.

Герцогъ Веллингтонъ проведетъ зиму въ Каниѣ. Лордъ Брумъ уступилъ ему тамъ свой дворецъ, и отдѣлалъ его за-ново, чтобы принять своего гостя соответственно его высокому званію. Здоровье лорда Брума поправилось. Лѣтомъ онъ принималъ мало посѣщеній и занимался приготовленіемъ къ печати сочиненія, написаннаго имъ по французски *La France et l'Angleterre devant l'Europe en 1852*, которое будетъ издано въ Парижѣ въ началѣ наступающаго года. Послѣ происшествія 2 Декабря, благородный лордъ долженъ будетъ вѣроятно сдѣлать нѣкоторыя легкія поправки въ своемъ сочиненіи.

Въ Лондонѣ издается календарь Тло-Sze, въ которомъ издатель его, знаменитый Zadkiel помѣщаетъ ежегодно предсказанія на цѣлый годъ. Г. Задкіель разгадываетъ будущность не по картамъ, а по звѣздамъ, вопрошая ихъ по всѣмъ правиламъ науки. Г. Задкіель увѣряетъ, что его календарь расходится въ числѣ 32,000 экземпляровъ, по 6 пенсовъ (15 к. с.) за каждый. Чуждый прозаическаго корыстолюбія, Лондонскій астрологъ забываетъ однако же, часа на два въ день, судьбы міра, и посвящаетъ это время составленію гороскоповъ для частныхъ лицъ. За одинъ суверендоръ (6 р. 25 к. с.) вы можете, какъ встарину, спросить прорицателя, и онъ вамъ категорически разскажетъ все, что васъ интересуетъ. Если вздумаете по перепискѣ выспросить вашу будущность, — пишите франко....

Вотъ выписка по-мѣсячно, что должно случиться съ 1-го Января 1852 года по Августъ:

Январь: *A crisis is at hand for the Gallic cock.* «Приближается переворотъ для Гальскаго петуха.»

Февраль: *Serious trouble seizes on Louis Napoléon.* Лудовикъ Наполеонъ впадаетъ въ важное затрудненіе.

Мартъ: *The plot thickens against Louis Napoléon if still alive!* «Заговоры усиливаются около Лудовика Наполеона, если онъ еще въ живыхъ!»

Апрѣль: *L. Napoléon may now say: adieu to all my greatness.* Лудовикъ Наполеонъ можетъ теперь сказать: прости все мое величіе!

Май: *The times are evil; France is still full of discord, and martial law is the order of the day.* Худыя времена; Франція предана распрямъ и военный законъ господствуетъ.

Іюнь: *Ementes and violence now reign in Paris: the rulers suffer.* Бунтъ и насилія царствуютъ въ Парижѣ: правители страдаютъ.

Іюль: *Some singular changes are now taking in France, etc.* Странныя измѣненія происходятъ во Франціи.

Кажется, этихъ предсказаній достаточно на первую половину 1852 года. Привавимъ, не переводя буквально дальнѣйшихъ пророчествъ, что въ будущемъ Августѣ дѣла нѣсколько устроятся во Франціи.... Однакоже 10 Августа—упадокъ довѣрія (*discredit*) къ особѣ важной по вліянію, и большое насиліе со стороны Парижскихъ публицистовъ.— Въ Сентябрь Франція сдѣлается спокойнѣе: волны утихнутъ. Вотъ что сказано въ календарѣ Zadkiel Tao Sze.

Можетъ быть, нѣкоторые изъ читателей встревожатся такими опредѣлительными предсказаніями, и потому мы почитаемъ не излишнимъ сообщить другое, противурѣчащее, предсказаніе, которое директоръ редакціи *Revue Britanique* рассказываетъ въ своемъ журналѣ, изъ котораго почерпнуты нами и свѣдѣнія о Лондонскомъ астрологѣ. Человѣкъ, извѣстный господину директору по своему положенію въ обществѣ, прибѣгнувъ къ магнетизму, для возстановленія здоровья своей жены, замѣтилъ въ ней расположеніе къ сомнамбулическому ясновидѣнію, до такой степени замѣчательное, что онъ рѣшился предложить ей вопросъ объ исходѣ ея болѣзни. Между прочими проявленіями ея магнитическаго ясновидѣнія, эта госпожа сказала своему мужу, что она видитъ, какъ онъ отправляется въ Тюльери въ придворномъ кафтанѣ.— Это несбыточно, возразилъ мужъ: у меня былъ придворный кафтанъ, въ которомъ я ѣздилъ во дворецъ во времена монархіи, но я продалъ его вѣтошнику въ 1848 году.—Нужды нѣтъ, продолжала ясновидящая, я вижу тебя въ Тюльери, въ придворномъ кафтанѣ, и ты тамъ не одинъ.— Но у насъ теперь республика.... Что за дѣло, я вижу придворные кафтаны, которые окружаютъ особу, принимающую ихъ привѣт-

ствія. — Эта особа принадлежитъ къ старшей линіи? — Нѣтъ. — Къ младшей? — Нѣтъ. — Король? — нѣтъ. — Да кто же онъ такой?... Глава государства, съ титуломъ ни королевскимъ, ни императорскимъ, но съ хъ властію, которую онъ сохранитъ осемнадцать лѣтъ.

Этотъ разговоръ мужа съ женою здѣсь сокращенъ: достаточно, кажется, одной угадки обстоятельства о придворныхъ кафтанахъ, въ которыхъ явились къ Лудовику Наполеону *господа придворные республики*, чтобы успокоиться на счетъ его будущности. Разговоръ замѣчтеленъ безъ шутокъ, если выданъ до 2 Декабря (20 Ноября). Въ Москвѣ этотъ номеръ, Ноябрь, полученъ Декабря 15, въ Петербургѣ впрямую около 10. Но въ немъ о переворотѣ ни слова, какъ будто бы его и не бывало.

Въ Англіи есть еще и другіе пророческіе альманахи, соперники Задкислева. Англійская философія отнюдь не отвергаетъ прорицаній домашнихъ оракуловъ, и они до сихъ поръ въ ходу въ отечествѣ Бакона, не менѣе какъ на родинѣ Вольтера. Никто упорнѣе Англичанина не держится старины, даже старыхъ предразсудковъ.

ПРІЕМЪ ТЕККЕРЕЙ въ Оксфордѣ. Такъ точно и въ дѣлѣ изящной словесности, Англичане до сихъ поръ не очень расположены покинуть свои старовѣрческія мнѣнія относительно новѣйшей литературы. Сочинители романовъ, даже пользующіеся популярностію Чарльса Диккенса и Теккерея, не легко попадутся при жизни въ классическій календарь. Это понятно въ отношеніи къ первому изъ этихъ сочинителей, который не учился ни въ Оксфордѣ, ни въ Кембриджѣ, но послѣдній, казалось, имѣетъ уже нѣкоторую извѣстность на берегахъ Кама и Изиды (*sur les bords du Cam et de l'Isis*), какъ старый воспитанникъ училища св. Троицы, если не какъ авторъ Ярмарки Тщеславія и Пендентиса. Всѣмъ извѣстенъ успѣхъ его литературныхъ чтеній въ Лондонѣ. Онъ все еще намѣренъ отправиться въ Америку, но чтобы пріѣхать туда съ нѣкоторымъ университетскимъ одобреніемъ, онъ хотѣлъ сперва открыть чтенія въ Оксфордѣ и въ Кембриджѣ. Съ этою целью г. Теккерей явился къ Оксфордскому вице-канцлеру д-ру Пломптру, чтобы получить установленное разрѣшеніе. Вообразите себѣ стараго теолога, которому г. Теккерей вручилъ свой билетъ, съ покорнымъ и почтительнымъ видомъ. — «Къ вашимъ услугамъ, М. Г., что вамъ угодно? спросилъ онъ у вагнушагося нѣсколько романиста, высокаго какъ великанъ, который, кажется, съ близнію ожидаетъ, что потолокъ ляжетъ на его плечи, какъ на плечи Каріатиды. — Я Теккерей, отвѣчалъ онъ вице-канцлеру. — Я это вижу, возразилъ вице-канцлеръ, — смотря на билетъ, такъ что же? —

Я желать бы получить разрѣшеніе на публичныя лекціи. — А? вы занимаетесь чтеніями.... О какихъ предметахъ вы читаете, о политическихъ или религіозныхъ? — Ни о тѣхъ, ни о другихъ. Я по просту литераторъ. — Печатали вы что-нибудь? — Я авторъ *Ярмарки Тщеславія*.... — Это вѣроятно аллегорія, какъ на примѣръ *Путествіе Пилигрима*? Вы диссидентъ, инновѣрецъ? — Нѣтъ. Я также авторъ Пендениса. — Я не знаю этихъ сочиненій.... но полагаю, что въ нихъ нѣтъ ничего противъ благочестія? — Я одинъ изъ сотрудниковъ газеты Punch. — Punch! Да, я слышалъ что-то объ этой газетѣ.... Въ ней, кажется, пишутъ непристойности? — Милостивый государь, вы вынуждаете меня потребовать отъ васъ свидѣтельство о вашемъ поведеніи или ручательство ответственнаго лица. — Это не трудно, сказалъ Теккерей: вы можете обратиться къ преподобному д-ру Вейльбеорсу, епископу, здѣшней епархіи.... Это мой истинный другъ. — А, это другое дѣло, проворчалъ вице-канцлеръ. Прошу пожаловать чрезъ нѣсколько дней.» Авторъ Пендениса получилъ позволеніе, но его самолюбіе страдало, что Оксфордскій вице-канцлеръ еще не зналъ его, когда онъ въ Лондонѣ ежедневно обѣдаетъ у самаго канцлера, лорда Велипптона; свидаясь съ своими друзьями, онъ сказалъ имъ: «Разглашая о моей Европейской извѣстности, вы мнѣ нагло льстите.... Его преподобіе, д-ръ Пломптръ, не читалъ ни моихъ романовъ, ни вашихъ статей». Неспромные журналисты, въ свою очередь, рассказали публикѣ, какъ принимають въ Оксфордѣ писателей, которые желаютъ открыть тамъ чтенія о новѣйшей литературѣ, а д-ръ Пломптръ счелъ нужнымъ отвѣчать, что разговоръ его съ авторомъ *Ярмарки Тщеславія* передавъ не въ точности.

Въ Германіи всего примѣчательнѣе смерть знаменитаго **ПРИСНИЦА**. 4 Декабря происходило въ Грешенбергѣ его погребеніе. Похоронный поѣздъ тронулся въ 9 часовъ утра, по дорогѣ въ Фрейвальдау, покрытой глубокимъ снѣгомъ. Кортѣжъ былъ такъ многочисленъ, что послѣдніе, сопровождавшіе гробъ покойнаго гидропата, были еще въ Грешенбергѣ, когда бревенные его останки ввезены уже были въ Фрейвальдау. Жители этого мѣстечка ожидали поѣзда и на рукахъ внесли гробъ въ церковь. При вскрытіи тѣла покойнаго 30 м. м. оказалось, что онъ страдалъ затверденіемъ печени, называемымъ въ медицинѣ атропическимъ ракомъ. Врачи удивлялись, что Присницъ могъ такъ долго жить при этой болѣзни, и заключили, что онъ былъ обязанъ этимъ долголѣтіемъ избранному имъ роду жизни.

Изъ Америки получено одно извѣстіе о страшномъ событіи, изъ

числа тѣхъ, которые пропускаются большинствомъ безъ особеннаго вниманія, но въ которыхъ нельзя не видѣть чего-то высшаго, роковаго.

ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ, бывало много несчастныхъ случаевъ; тамъ гибли люди отъ пожаровъ, отъ землетресеній, отъ паровыхъ машинъ, отъ мятежей. Но недавно въ одномъ изъ его общественныхъ училищъ случилось несчастье ужасное, раздирающее душу, почти безпримѣрное, — отчего бы вы думали?... Отъ неосторожнаго крика нѣсколькихъ дѣвочекъ!... Отъ одного слова, ничего незначащаго, во которое было понято въ превратномъ смыслѣ и произвело панической страхъ, убито разомъ, сорокъ девять человѣкъ, а тридцать восемь ранены и разбиты такъ, что въ жизни ихъ тоже сомнѣваются.... Вотъ какъ случилось это страшное происшествіе.

Учебное заведеніе, находящееся при въѣздѣ въ Гринвичъ, противъ улицы Чарльзъ, помѣщается въ обширномъ, четырехъ-этажномъ зданіи, заключающемъ въ себѣ до тысячи восьмисотъ воспитанниковъ обоюго пола. Нижній этажъ зданія составляетъ родъ плаца вымощеннаго и покрытаго, и служитъ рекреационной залой. Меньшой классъ занимаетъ второй этажъ; воспитанницы, болѣе взрослые, третій; воспитанники, болѣе взрослые, четвертый. Двери всѣхъ классовъ выходятъ на лѣстницу, которая, извиваясь по бокамъ квадратныхъ свѣей, сквозныхъ во всю вышину зданія, образуетъ по срединѣ ихъ пустой пролетъ сверху до низу, футовъ въ десять ширины. Лѣстница огорожена отъ этой пропасти только легкими деревянными перилами.

20 Ноября, послѣ обѣда, съ одной изъ наставницъ женскаго отдѣленія, Мисъ Гарисонъ, дававшей въ это время урокъ, сдѣлался такой сильный нервическій припадокъ, что перепугалъ всѣхъ ея ученицъ, бывшихъ въ классѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, желая подать ей помощь, побѣжали въ сосѣднюю комнату и закричали: «Воды!» Тамъ подумали, что сдѣлался пожаръ, и всѣ, которыя были въ этой комнатѣ, бросились къ дверямъ, выходившимъ на лѣстницу, съ криками: «Горимъ! Горимъ!» Эти крики и смятеніе въ минуту распространились по всему дому. Директоръ мужскаго отдѣленія умѣлъ еще, съ хладнокровіемъ, дѣлающимъ ему честь, остановить нѣсколько стремленіе своихъ воспитанниковъ; но директриса малолѣтнихъ воспитанницъ, отворивъ дверь, чтобъ узнать, что такое случилось, не только не могла удержать испуганныхъ дѣвочекъ, но и сама была увлечена на лѣстницу хлынувшей ихъ толпой.

Въ третьемъ этажѣ страхъ и смятеніе были еще сильнѣе. Толкотня

на лѣстницѣ дошла до того, что одна или двѣ дѣвицы слетѣли, черезъ перила, со всей этой высоты, прямо на помость сѣней и разбились въ дребезги. Но это еще было только начало кровавой драмы. Наружная дверь училища была заперта. Дѣти, сбивавшіе прежде другихъ, не могли ее отворить. Между тѣмъ толпа на лѣстницѣ безпрестанно увеличивается, густѣетъ, спирается. Всѣ стрѣмится внизъ, всѣ давятъ другъ друга, вся лѣстница, съ низу до верху, покрыта людьми. Перила не могутъ выдержать такого напора, они трещатъ, ломаются и дѣти цѣлыми толпами летятъ стремглавъ въ пропасть, вмѣстѣ съ обломками перилъ, съ криками смертельнаго страха, съ воплями отчаянія. Вообразите себѣ весь ужасъ подобнаго зрѣлища! Въ минуту бездна наполнилась несчастными, въ уровень со вторымъ этажемъ, и эта груда тѣлъ, то совершенно бездыханныхъ, то еще трепещущихъ и испускающихъ послѣдніе стоны, совершенно завалила дверь, которая отворялась внутрь. Войти въ сѣни снаружи не было никакой возможности.

Но между тѣмъ какъ эта трагедія, которой нѣтъ имени, разыгрывалась на лѣстницѣ, подъ окнами дома тоже совершалась игра на жизнь и на смерть: бѣдные дѣти, желая избѣжать опасности минимой, рѣшались на опасность дѣйствительную, и бросались изъ оконъ второго и даже третьяго этажа на мостовую. Нѣкоторые изъ нихъ разбились до смерти, другіе опасно ранены; но многихъ, какимъ-то чудомъ, казалось, спасло само провидѣніе: они остались цѣлы и невредимы.

Къ счастью сигналъ о мнимомъ пожарѣ былъ уже поданъ. Пожарная команда явилась съ своими лѣстницами, приставили ихъ къ стѣнамъ, и такъ какъ въ зданіи оставалось еще много дѣтей, то они имѣли возможность спуститься уже не такимъ страшнымъ путемъ, какъ несчастные ихъ товарищи. Скоро открылось, что огня нигдѣ нѣтъ; но могъ ли и настоящій пожаръ надѣлать сколько зла, сколько надѣлала эта роковая ошибка!...

Наконецъ кое-какъ отвалили тѣла отъ дверей, и начали выносить убитыхъ и раненыхъ. Само по себѣ разумѣется, что вѣсть о такомъ происшествіи очень скоро разнеслась по всему городу, и что, кромѣ пожарной команды, къ этому страшному жертвеннику стеклась огромная толпа жителей. Въ числѣ ихъ было много отцовъ и матерей, потерявшихъ такъ внезапно, и такъ бѣдственно, кто своего сына, кто дочь, которыхъ еще утромъ видѣли они веселыми, здоровыми, полными жизни, и которыхъ отпускали въ школу, быть можетъ, съ надеждами самыми утѣшительными!...

Дополнительныя извѣстія говорятъ, что число жертвъ этого дня, облекшаго столько жителей Нью-Йорка въ трауръ, опредѣлено въ первую минуту невѣрно, и что къ этому печальному списку надобно прибавить еще именъ двадцать.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

ИЗЪ КІЕВА.

(Открытие Кадетскаго корпуса. Литературныя новости. Мостъ черезъ Днѣпръ. — Выставка сельскихъ произведеній).

Первое мѣсто въ ряду настоящихъ вѣстей изъ Кіева должно принадлежать вѣсти о скоромъ открытіи давно проектированнаго Кадетскаго Корпуса въ Кіевѣ, о чемъ состоялся Высочайшій приказъ Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній 25 Октября.

Во всякомъ письмѣ мнѣ приходится извѣщать васъ о нѣсколькихъ литературныхъ новостяхъ Кіевскихъ. Это доказываетъ, что у насъ литература на доброй почвѣ, и что Кіевъ въ этомъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между провинціальными городами. Въ последнее время въ немъ начали выходить въ свѣтъ книги на иностранныхъ языкахъ. Я уже писалъ вамъ о выходѣ французскаго фарса: *Oubliez le bout de votre nez, farce fantastique en trois tableaux*; теперь сообщая вамъ, что на этихъ дняхъ вышла въ Кіевѣ, на Пѣмецкомъ языкѣ, книжка, рѣдкость по своему содержанію, именно: *Gedichte von Bachmann*. На Польскомъ языкѣ уже давно и постоянно выходятъ въ Кіевѣ книги преимущественно беллетристическаго содержанія. Кромѣ стихотвореній *Багмана*, явились *Поэмы и мелкія стихотворенія*, двѣицы Е. С. — *Лысая гора*, кажется, не на шутку вздумала тяпуться за Парисомъ: сколько печатають у насъ стиховъ, надъ которыми критика произносить суровый, безпощадный судъ, а все-таки печатають, все-таки пишутъ! Но вотъ чрезвычайно дѣльные литературныя новости, стоящія полнаго вниманія: *Черниговскаго намыстничества топографическое описаніе, съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малой Россіи, изъ частей коей оное намыстничество составлено*, сочиненіе, написанное еще въ 1790-хъ годахъ дѣйствительнымъ стат-

скимъ совѣтникомъ *Августомъ Шафонскимъ*; *О кредитѣ*, соч. адъюнкта здѣшняго университета *Бунге*; Нѣмецкая Грамматика на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, составленная, сообразно условіямъ новѣйшей филологіи, учителемъ 2-й Кіевской гимназіи *Августомъ Сигизмундомъ*, 2 части. Кромѣ отдѣльныхъ книгъ, появляются, въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ, многія статьи изъ Кіева. Съ легкой руки А. Афанасьева (Чужбинскаго), напечатаннаго въ Сѣверной Пчелѣ три статьи о Кіевѣ, перья у насъ зашевелились: А. фонъ-Юнкъ помѣщаетъ разныя мелкія статьи въ Сѣверной Пчелѣ; Мацкевичъ печатаетъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ «*Кіевскія письма*,» но въ десяти напечатанныхъ письмахъ его еще не дошло дѣло до Кіева; въ Московскихъ Вѣдомостяхъ недавно стали появляться также «*Кіевскія письма*,» наиболее отличающіяся достоинствомъ содержанія. Я не говорю о Москвитинѣ, гдѣ статьи о Кіевѣ являются уже нѣсколько лѣтъ, съ большими или меньшими промежутками, и всегда съ большей полнотой и подробностію, чѣмъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. По самой строгой справедливости можно сказать, что Москвитинѣ послужилъ примѣромъ для другихъ періодическихъ изданій къ помѣщенію извѣстій о провинціальныхъ городахъ. Эти извѣстія, встрѣчаемыя теперь во всѣхъ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ, и развившіяся преимущественно въ 1850 и 1851 годахъ, показали, что жизнь провинцій не бесплодна и не безынтересна. А еще не далеко ушло то время, когда на провинціи смотрѣли, какъ на среду, гдѣ живутъ герои «Мертвыхъ Душъ» и разныхъ нравоописательныхъ и сатирическихъ романовъ.

До двадцатыхъ чиселъ Ноября, въ Кіевѣ мало было признаковъ осени, которая, по календарю, должна бы быть уже на исходѣ. Только и осенняго у насъ было, что нѣсколько туманныхъ дней, да нѣсколько вѣтряныхъ, шелъ раза три дождь, отъ котораго не становилось несносно и досадно, и почти не было грязи. Большею частію, въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ, въ Кіевѣ были такіе чудесные, облачные и свѣтлые, теплые дни, что если бы на ту пору въ Кіевъ перенести волшебствомъ жителя изъ какаго-нибудь мѣста на сѣверѣ, то онъ подумалъ бы, что или у насъ время отстаетъ нѣсколькими мѣсяцами, такъ что вмѣсто Ноября у насъ конецъ Августа, или, что нашъ городъ—не Кіевъ, а какой-нибудь далекій южный: такъ хороша была у насъ, въ настоящемъ году, осень. Съ 20 Ноября начались морозы съ сильнымъ вѣтромъ; они продолжались около недѣли; выпалъ небольшой снѣгъ, неудобный для санной ѣзды; въ это время Днѣпръ подернулся льдомъ; временный мостъ, служавшій для перѣѣзда, былъ разведенъ, потому-что

массы льда угрожали ему своимъ напоромъ; въ ожиданіи постоянныхъ и сильныхъ морозовъ, переправа производилась на паромѣхъ, по прорубленной колеѣ чрезъ рѣку. Но съ 27 числа снова началась оттепель, снѣгъ растаялъ, образовалась грязь, воды Днѣпра потекли свободно, установилась пренесносная, сырая, простудная погода. Но и она продолжалась ве долго; съ 4 го Декабря опять начались немного прохладные, облачные дни, словно въ началѣ осени. Кіевлянамъ стало скучно за зимой: вѣзда на колесахъ опостылѣла, да притомъ иногда нахмурится небо, того и жди, что хлынетъ дождь; а лодка нѣтъ какъ нѣтъ, только изрядка замороситъ на цѣлый день, такъ что отобьетъ всякую охоту показаться на улицахъ; а наши красавицы-то любятъ покататься, освѣжить свои пухленькія, розовыя щечки, показаться людямъ, особенно теперь, когда такъ много сдѣлано веселыхъ, счастливыхъ сговоровъ, удачныхъ, хорошенеккихъ партій.... Ну, какъ ве досадовать нашимъ красавицамъ, что на дворѣ, вмѣсто мороза, выгодно служащаго имъ, стоитъ постоянная сырость, на улицахъ, вмѣсто снѣгу, грязь! Хорошо еще, что хоть клубъ частенько приглашаетъ ихъ на свои веселые, нарядные, долги вечера, гдѣ можно всегда съ удовольствіемъ провести время, потанцовать до усталости, наговориться досыта, а главное — увидѣться съ желанными. Не смотря на «противную» (какъ говорятъ дѣвицы) погоду, въ послѣднее время, т. е. на отсутствіе морозовъ и снѣгу, у насъ не было недостатка въ удовольствіяхъ. Филипповъ или Рождественскій постъ вообще не бываетъ скученъ въ большихъ городахъ: сколько найдется хорошенеккихъ Екатериинъ (Ноября 24-го), Варваръ (4 Дек.)! сколько интересныхъ Андреевъ, Николаевъ и т. под., и слѣдовательно сколько вечеровъ предстоитъ въ частныхъ домахъ! Бываетъ такъ, что одни и тѣ же именины празднуются нѣсколько дней сряду, разумеется, въ разныхъ домахъ, поочередно. Лишь была бы охота веселиться, а ужъ скучно не будетъ, только явиться. Вечера продолжаются до 3-хъ и 4-хъ часовъ ночи, среди самыхъ разнообразныхъ удовольствій, преимущественно танцевъ и карточной игры. Порою, въ тихій вечерокъ, въ семейномъ кругу, является на сцену кака-нибудь хорошенеккая повѣсть; журналы осенью такъ разнообразны и занимательны, выбирать есть изъ чего статьи для чтенія; самое чтеніе всегда сопровождается разнородными толками, замѣчаніями, спорами. Повѣсти *Писемскаго* въ постоянномъ ходу, рѣчи о *Писемскомъ* всего чаще слышатся въ литературной бесѣдѣ. Затѣваются приготовленія къ домашнимъ спектаклямъ на праздникахъ, выбираются и разучиваются русскія и французскія пьесы. Въ домахъ, осчастливленныхъ Божіей благодатію,

тамъ, гдѣ устроились партіи по всему удачныя, ведется рядъ тихихъ вечеровъ, полныхъ невыразимой радости, не безъ тревожнаго однакожъ ощущенія, при мысли о повизнѣ положенія въ будущемъ, покрытомъ непроницаемой таинственностію. Однимъ словомъ, прошедшая осень въ Кіевѣ, благодаря чудной, рѣдкой погодѣ, благодаря стеченію обстоятельствъ, и благодаря неизмѣнной привѣтливости и гостепріимству Кіевлянокъ, была полна разнообразными удовольствіями для многихъ и многихъ.

Постоянный мостъ черезъ Днѣпръ быстро идетъ къ концу. Читатели Москвитянина уже знаютъ причину устройства его и стоимость (Москв. N 13 1854). Теперь, пользуясь статьею, напечатанною въ Кіев. Губ. Вѣдомостяхъ (N 47), я представляю здѣсь нѣсколько свѣдѣній о постройкѣ его. Ширина Днѣпра отъ 170 до 250 саж., но мостъ будетъ на протяженіи 320 саж., вѣроятно, по разстоянію удобныхъ пунктовъ для крайнихъ концовъ моста. Мостъ будетъ соединяться въ прямомъ направленіи, посредствомъ нѣсколькихъ деревянныхъ мостиковъ, чрезвычайно прочно устроенныхъ, съ шоссе, идущимъ до М. Броваровъ. Мостики эти устроены на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ грунтъ земли очень низокъ, песчанъ, такъ что не могла бы на нихъ держаться насыпь шоссе, особенно во время полного разлива рѣки. Такъ какъ дно рѣки большею частію песчаное, и какъ Днѣпръ обыкновенно вскрывается въ Мартѣ, спадаетъ по 1-е Іюля (возвышая уровень воды отъ 6 до 9 аршинъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ рѣки лѣтомъ); то главное затрудненіе, при постройкѣ моста, состояло въ выводѣ изъ воды *быковъ*, т. е. огромныхъ каменныхъ столбовъ, которые должны быть установлены на твердомъ материкѣ (*). Вотъ какъ возникли эти массивныя опоры моста: прежде всего устроивали на рѣкѣ такъ называемую *перемычку*, т. е. огораживали въ водѣ пространство, нужное для быка, длинными (**), плотно-сложенными сваями, глубоко вбиваемыми въ дно

(*) Затрудненіе это повятно, по краткости времени для работъ, которыя до окончанія разлива не могли быть производимы, и по гибельнымъ слѣдствіямъ, которыя производились вскрытіемъ и разливомъ рѣки. Не надо однакожъ думать, что все время работъ вообще ограничивалось только лѣтомъ и частію осени. Когда нельзя было выводить быковъ, тогда обтесывались камни для нихъ, приготавлился составъ для сцепленія, однимъ словомъ, дѣлалось все, что было нужно и можно, такъ что непрерывно, въ продолженіи круглаго года, трудялись возлѣ моста многія сотни рабочихъ.

(**) Самая большая глубина рѣки 42 фута, средняя 32 ф., следовательно, какъ должны быть велики сваи, чтобы занять это пространство, войти глубоко въ дно и нѣсколько возвышаться надъ уровнемъ поверхности рѣки!.....

рѣки; при постройкѣ нѣкоторыхъ быковъ, эта перемычка или огорожа устранялась въ два и три ряда свай, между которыми плотно насыпалась земля (*); потомъ изъ такой перемычки выкачивали воду до самаго дна, посредствомъ паровыхъ насосовъ; на днѣ, въ шахматномъ порядкѣ, на всемъ пространствѣ огорожи или перемычки, закладывались въ землю сваи, длиною въ 3 и 4 саж., чтобы онѣ могли достать цѣльнаго материка, и, плотно-сплоченныя и вбитыя въ уровень дна, служили основаніемъ, на которомъ строили быки; именно, на этомъ деревянномъ основаніи клали булыжный камень, заливали его особымъ гидравлическимъ составомъ (**), и такимъ образомъ выводили постройку быка до поверхности воды; во все время постройки, безпрестанно выливали воду, просачивавшуюся въ перемычку, такъ что, въ отвращеніе большаго накопленія воды, работы продолжались непрерывно, днемъ и ночью. Теперь всѣ 5 быковъ и 2 береговыхъ устоя уже выведены на поверхность воды. На быкахъ строятся арки (двѣ уже готовы); на этихъ аркахъ будутъ укрѣплены цѣпи, т. е. отъ арки одного быка до арки другаго быка и т. дал., на всемъ протяженіи моста-***); цѣпи будутъ идти въ два ряда, на каждой сторонѣ моста, и проходъ между этими рядами будетъ служить для пѣшеходовъ. Звенья цѣпи суть не что иное, какъ чугунныя пластины, длиною каждая около сажени, шириною въ $\frac{1}{2}$ арш., толщиною въ $\frac{1}{2}$ вершка; они соединены другъ съ другомъ непосредственно, конецъ одной плиты охватываетъ отверстіе въ концѣ другой, и такимъ образомъ составляется цѣпь. Отъ цѣпей внизъ, къ площади моста, будутъ идти чугунныя проволоки, толщиною въ 3 вершка; эти проволоки будутъ удерживать мостъ, каждая проволока — каждое бревно моста. Полотно моста уже дѣлается особо, на берегу. По сторонамъ моста будутъ красивыя перила, которыя уже готовы; за арками будутъ легкіе ходы (балкончики). Внешній видъ быковъ чрезвычайно хорошъ: изъ воды выходитъ тесаный быкъ, словно цѣльный громадный камень, самыя арки устроены рустиками. Ширина моста 6 са-

---

(*) Разумѣется, это были тѣ быки, которые строились на среднихъ рѣки, или среди наиболѣе стремительнаго теченія ея.

(**) Вещество для состава было добываемо и выдѣлываемо тутъ же на берегу; въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно находилось, оно заключало въ себѣ много годности для образованія гидравлическаго состава, свойство котораго, какъ извѣстно, есть то, что онъ въ водѣ становится какъ камень.

(***) Разстояніе одного быка отъ другаго, по глазомеру, будетъ болѣе 150 аршинъ.

жепей, обыкновенная шоссеиная мѣра. Въ отирацїе размыва, при на-
носомъ песокъ и илѣ, теперь, когда вода значительно отошла отъ бе-
реговъ рѣки, передъ береговыми быками дѣлають гати и набрасываютъ
булыжный камень.

Для работъ моста дѣлались многіе приготовительные снаряды и ра-
боты. Такъ, неприступность Кіевскаго берега (напротивъ моста, на
разстояніи 3, 4-хъ саж. возвышается гора до 45 саж. высоты), неудоб-
наго для доставки матеріаловъ, заставила строителя прорѣзать въ этомъ
крутомъ (Панкратьевскомъ) спускѣ желѣзную дорогу, которая тянется
еще, на всемъ протяженіи рѣки, на временно-устроенномъ для работъ
мостъ. По этой дорогѣ доставляемы были машины, камни и всѣ нуж-
ные матеріалы для моста. Почти всѣ работы производились помощію
машинъ, въ особенности двухъ паровыхъ печей, устроенныхъ на обо-
ихъ берегахъ, для приведенія въ дѣйство, посредствомъ извѣстнаго
механизма, паровыхъ насосовъ, служившихъ для выкачиванія воды, и па-
ровыхъ капровъ — для вбиванія свай; употреблялись также подъемныя
машинны, бѣлки, ворота и мног. др., коихъ одни названія трудно пере-
числить. Для пропуска судовъ, во время большаго разлитія рѣки, когда
уровень рѣки подымется выше нормальнаго уровня отъ 6 до 9 аршинъ,
и когда, слѣдовательно, суда не будутъ въ состояніи проходить подъ
мостомъ, устроенъ форватеръ между первымъ быкомъ и береговымъ
устоемъ на Кіевской сторонѣ, такъ что часть моста, посредствомъ
особаго механизма, будетъ разводима. И такъ, многотрудная и почти
невѣроятная работа, какова выводъ быковъ изъ воды, уже кончена.
Говорю — многотрудная и почти невѣроятная, — припоминая всѣ тѣ труд-
ности, которыя нужно было преодолѣть: во 1-хъ, что рѣка Днѣпръ
есть одна изъ большихъ въ цѣлой Европѣ, какъ по ширинѣ и глубинѣ,
такъ и по стремительности теченія воды (*); въ 2-хъ, на глубинѣ отъ
5 до 6 слишкомъ саженой, нужно было вычерпать воду, изслѣдовать
грунтъ дна, доискаться твердаго материка; въ 3-хъ, нужно было найти
такой матеріалъ (сваи для перемычки), конечно, цѣльнѣй, который, вби-
тый въ землю, выходилъ бы еще изъ воды, который былъ бы наиме-
нѣе подверженъ стремительному дѣйствію воды, — не говорю уже объ
искусствѣ самаго устройства и расположенія матеріала, чтобы получить
наиболѣе удобствъ, при возведеніи быковъ; въ 4-хъ, неприступность и
величайшее неудобство берега для доставки матеріаловъ, для сподруч-
ныхъ работъ, такъ какъ на берегу, близко отъ моста, возвышается гора
до 45 саж. высоты, слѣдовательно, трудно было на немъ развернуться

(*) Среднюю скорость опредѣляютъ $1\frac{1}{2}$ фута въ секунду.

съ тѣми громадными и мудреными машинами, которыми все это создавалось, громоздилось; въ 5-хъ, не говоря о многихъ чрезвычайныхъ трудностяхъ, кои общи всѣмъ постройкамъ на рѣкахъ, нельзя умолчать о тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣтились только здѣсь, именно, расчистка горы, скаты съ горъ для спуска земли, желѣзныя дороги, мосты и пр. и пр.,—чего все это стоитъ? сколько времени прошло для этихъ приготовительныхъ работъ?.. И вотъ, все это преодолено, конечно, т. е. конечно уже главнѣйшее, а объ остальномъ нечего беспокоиться и намъ, не только знаменитому строителю. Вся внутренняя (въ водѣ) медленная работа уже окончена, остается внѣшняя, которая видимо идетъ и скоро окончится, потому-что многое уже приготовлено заблаговременно, многіе предметы дѣлаются теперь разомъ, въ одно время. Такъ какъ дѣло уже окончено, то теперь можно сказать нѣсколько словъ и о первыхъ неудачахъ г. Виньоля, припоминая которыя, нельзя не удивляться чрезвычайной стойкости и рѣшимости его характера, среди частыхъ и сильныхъ препятствій и разрушеній, отъ которыхъ гибли его долгіе, ревностные труды, огромныя суммы денегъ. Сколько разъ массы льда и полныя воды вырывали вколоченныя сваи и уносили ихъ со всѣмъ матеріаломъ, со всѣмъ трудомъ, стоящимъ много времени и большихъ денегъ! Сколько разъ, по возобновленіи поврежденнаго и разрушеннаго, ненасытный Двѣшрь и неудобство мѣстности уничтожали почти надежды наши на постройку этого гигантскаго моста! Когда прошелъ срокъ, назначенный для окончанія его (1850 г. Сент. 1), и еще не видно было не только окончанія моста, но даже самыхъ быковъ надъ водой, многіе пришли въ недоумѣніе и уже начали единогласно утверждать, что это—дѣло невозможное, что постройка моста не состоится, и подшучивали надъ Виньодемъ; но онъ не терялъ надежды, онъ силился, придумывалъ, казалось, препятствія придавали ему новыя силы, онъ неутомимо работалъ, увеличивалъ число мастеровыхъ, выписывалъ громадныя, разнообразныя машины, неуклонно старался поставить на своемъ—достойно выполнить порученіе и высокое довѣріе Государя Императора, и достигъ наконецъ желаннаго результата, результата въ высшей степени полезнаго, заслуживающаго благодарности, удивленіе и славу. Остается еще прибавить, что на Пещерскую часть города, по высокой горѣ, о которой было упоминаемо, проведется извилистая дорога; длина ея будетъ въ $2\frac{1}{2}$ версты, крутизна на сажень паденія $3\frac{1}{2}$ дюйма. Дорога эта потянется, по выѣздѣ изъ береговаго устья, къ пещерному кособору, оттуда—вправо къ Аскольдовой могилѣ, потомъ опять назадъ, и за дерковью Большаго

Николы выйдетъ на дорогу къ Николаевской башнѣ. Это извиненное направленіе, на протяженіи $2\frac{1}{4}$ верстъ, дано будетъ дорогѣ для того, чтобы крутизна подыманія не была ощутительна. Къ мосту примыкаетъ шоссе, идущее по правому берегу Днѣпра на Подоль и близкое къ окончанію. Нечего и говорить о томъ, какъ выгодны будутъ для Кіевлянъ и пріѣзжихъ эти два быстрые проводника сообщеній — величественный мостъ, и ровное, красивое шоссе.

Заключаю въ настоящій разъ свои «Вѣсти» увѣдомленіемъ о выставкѣ сельскихъ произведеній, предложенной въ Кіевѣ, въ Сентябрѣ 1852 года. Это ужъ пятая очередная выставка сельскихъ произведеній для губерній Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской и Кіевской. Извѣстіе объ ней уже, конечно, распространилось повсемѣстно; это обстоятельство, а равно и то, что до выставки еще 8 мѣсяцевъ, даютъ надежду, что выставка наша будетъ богата какъ числомъ вещей, такъ и достоинствомъ ихъ. Предметы, допускаемые на выставку, порядокъ пріема и размѣщенія предметовъ, награды, раздаваемые на выставкѣ, однимъ словомъ, вся формальность выставки уже много разъ была публикуема и вообще извѣстна. Благія слѣдствія выставокъ, уже обнаружившіяся въ многихъ губерніяхъ, не подлежатъ ни для кого ни малѣйшему сомнѣнію; ставемъ и мы ожидать прекрасныхъ, обильныхъ плодовъ отъ нашей выставки, равно какъ отъ всей будущности Кіева, полной отрадныхъ, многоплодныхъ надеждъ!...

II. 9.

4 Декабря, 1851 года.

Кіевъ.

ТАРА. 2 Декабря 1851.

Въ Октябрской книгѣ Москвитянина напечатанъ анекдотъ о гр. Брюсѣ и Митрополитѣ Платонѣ. Этотъ анекдотъ записанъ мною со словъ современника конца блистательнаго царствованія Екзетрины В., любителя старины, такъ: По изданіи учрежденія о губерніяхъ первымъ Московскимъ Намѣстникомъ и главнокомандующимъ Москвы былъ истый, того времени, вельможа гр. Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ. Принявъ Москву отъ Еропкина, возстановивъ ея послѣ бывшихъ чумы и бунта, гр. Чернышевъ былъ вводителемъ новаго порядка и началоположникомъ по всѣмъ частямъ ея благоустройства. По кончинѣ Чернышева Императрицѣ угодно было назначить генераль-адъютанта гр. Брюса. Очень естественно, что Брюсу не понравились громкія похвалы, кото-

рыя слышалъ по-пріѣздѣ въ Москву своему вредѣстнику, и не падѣясь по первому пріѣму заслужить подобныя, онъ, для прекращенія ихъ, началъ разсказывать публично, что, «осмотрѣвъ всё, и входя въ дѣда, онъ не находитъ ничего особеннаго, и не понимаетъ, откуда такую «громкую славу пріобрѣлъ гр. Чернышевъ». Однажды, въ царскій день, когда у гр. Брюса былъ обѣдъ, къ которому былъ приглашенъ и Митр. Платонъ, сидѣвшій, какъ обыкновенно, за столомъ рядомъ съ главнокомандующимъ, гр. Брюсъ, заведя рѣчь о Москвѣ, сдѣлалъ невыгодный отзывъ о гр. Чернышевѣ: тогда Платонъ, нанесъ архипастырски руку на плеча графа, сказалъ ему, (придавая каждому слову сильный отгѣнокъ) слѣдующее: «Послушай, графъ Яковъ Александровичъ, что я тебѣ на это скажу: природа вельми труждалась, чтобы произвести на свѣтъ такого мужа, каковъ былъ покойный, дай Богъ царство небесное!, гр. «Захаръ Григорьевичъ, и послѣ того сколько ни хлопочеть, у нея всё «выходить: то Платонъ, то Брюсъ, то Брюсъ, то Платонъ». Преданіе говоритъ, что графъ Брюсъ не беспокоилъ уже болѣе тѣни своего предѣстника.

С. ТУМАНОВСКІЙ.

NB. Сообщу въ послѣдствіи и другой анекдотъ о Москов. Архіепископѣ Августинѣ.

ХАРЬКОВСКІЙ АКТЕРЪ

КАРІЪ ТРОФИМОВИЧЪ СОЛЕНИКЪ.

Въ 1850 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ быть въ Одессѣ. Не имѣя тѣмъ рѣшительно никакого знакомства, я прсводилъ большую часть времени въ театрѣ, который тогда былъ въ цвѣтущемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что спектакли оживлялись пріѣзжими артистами: Н. В. Самойловой, М. С. Щепкинымъ, В. И. Живокини и В. В. Самойловымъ.

Я имѣлъ случай посѣщать театръ во время репетицій; пользовавшись этимъ случаемъ, познакомился со всѣми актерами одесской труппы; изъ всѣхъ ихъ особенно привязалъ меня къ себѣ, какъ актеръ, а еще болѣе, какъ человѣкъ (*), своею добротою, непринужденною веселостію и умомъ—К. Т. Соленикъ. Мы съ нимъ, какъ говорится, *сошлись*, и полюбили другъ друга. Не смотря на веселую жизнь Одессы, безъ него

(*) Какъ актера я его знаю не много, потому что мнѣ не случилось видѣть многихъ лучшихъ его ролей.

мнѣ не бывало весело, а съ нимъ, особенно если онъ былъ въ духѣ, и ничто не огорчало его, я не видалъ, какъ летѣло время. Его природное краснорѣчіе и неисощимый запасъ малороссійскихъ и польскихъ анекдотовъ, которые онъ разсказывалъ такъ мастерски, и съ такимъ необыкновеннымъ юморомъ, могли развеселить всякаго; самъ онъ, чѣмъ болѣе говорилъ, тѣмъ становился веселѣе, а разсказъ его остроумнѣе, пластичнѣе, или, такъ сказать, *художественнѣе*, при рѣзкой выразительности его лица, котораго каждая черта *говорила*, и при какой-то невольной и вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо нужной, въ известномъ случаѣ, жестуляціи. Его бѣсѣды постоянно были проникнуты ироніей, а разсказы какимъ-то особеннымъ, задумчивымъ, исполненнымъ образомъ, юморомъ. Возвратившись изъ Одессы въ Москву, и велъ съ нимъ постоянную переписку; письма его были полны занимательности, но въ нихъ проглядывала какая-то душевная скука, вообще Одесса была ему не по душѣ, и онъ часто говорилъ: Когда же я буду опять въ моемъ Харьковѣ, я такъ люблю его! — Вотъ отрывокъ изъ его письма, писаннаго за два мѣсяца до выѣзда его изъ Одессы въ Харьковъ:

«Ты не гнѣвайся, душа-радость моя, что я такъ долго не писалъ къ тебѣ, — право не хотѣлось приниматься за перо потому, что рѣшительно нечего писать, хоть сколько-нибудь пріятнаго. Такая тоска, такое убійственное однообразіе, что передать его и слова не достаточно, довольно и того, что я окончательно дохожу до какаго-то апатического состоянія — какъ душою, такъ и тѣломъ! Время раздѣлится не съ кѣмъ, въ театрѣ послѣ пріѣзжихъ всегда пустота. Жена моя не выдержала здѣшной скуки и укатила въ Кишеневъ, а я остался одинъ, созерцать красоты коммерціи здѣшняго города.»

Могъ ли и думать, такъ весело и беззаботно проводя съ нимъ время въ Одессѣ, и слушая его анекдоты, что черезъ подтора года буду писать: *Некрологъ К. Т. Соленика.*

К. Т. Соленикъ родился въ 1811-мъ году въ Маѣ мѣсяцѣ, въ городѣ Лепелѣ, Витебской губерніи; отецъ его былъ дворянинъ и служилъ уѣзднымъ землемеромъ. Соленикъ учился въ Виленскомъ университетѣ, но по страсти своей къ театру не кончилъ курса. Въ 1830-мъ году поступилъ онъ въ труппу Штейна, содержателя харьковскаго театра, въ должность суфлера. Однажды по внезапной болѣзни одного изъ актеровъ, — онъ взялся сыграть роль въ какой-то комедіи, и роль довольно значительную. Изъ этой сыгранной имъ роли, и притомъ приготовленной на-скоро, замѣтили въ немъ талантъ, и онъ перемѣнилъ должность суфлера на актера. Черезъ нѣсколько времени, Молодковскій,

актеръ той-же труппы, собралъ свою труппу и сѣдѣлся самъ содержателемъ въ Курскѣ, куда пригласилъ и Соленика, который въ короткое время пріобрѣлъ любовь публики и выгоды содержателю. Имя его стало ходить по провинціямъ съ громкими похвалами и сочувствіемъ, и содержатели наперерывъ стали приглашать его. Онъ объѣхалъ очень много городовъ, вездѣ его очень любили, и слава его все болѣе увеличивалась.

Многіе, видя его дарованіе, совѣтывали ѣхать въ Москву или Петербургъ, но онъ не могъ разстаться съ Малороссією, которую такъ любилъ, и не принималъ этихъ совѣтовъ.

Вотъ выписка изъ брошюры, изданной въ Харьковѣ при Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

«Въ 1837 году былъ онъ въ Вознесенскѣ, во время пребыванія тамъ Высочайшей фамиліи, и игралъ (въ труппѣ Ерохина) вмѣстѣ съ Щепкинымъ. Вниманіе публики къ нашему артисту было такъ же велико, какъ и къ московскому. Оба они собирали обильную дань рукоплесканій и вызововъ. Одно значительное лицо, замѣтивъ блестящее дарованіе Соленика, предлагало ему свое покровительство, и приглашало его на Петербургскую сцену. «Нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Соленикъ, я Малороссіянинъ, люблю Малороссію и мнѣ жаль разстаться съ нею.»

Въ 1841 году, Соленикъ женился на дѣвицѣ Протасовой, актрисѣ харьковскаго театра, и вотъ какимъ оригинальнымъ образомъ (по извѣстію Г-на въ Харьковскихъ губ. вѣдомостяхъ):

Онъ ухаживалъ за нею, и однажды вечеромъ, идя мимо ея квартиры, увидѣлъ, что она сидитъ подъ окномъ. Онъ остановился у окна, и безъ дальнихъ объясненій, сказалъ ей: «Женимся!»—«Женимся!»—отвѣчала она,—и въ тотъ же вечеръ они обручились кольцами.

Въ это время слава его была уже упрочена, всѣ провинціи только и говорили, что о Соленикѣ — его приглашали, онъ ѣздилъ изъ города въ городъ, собирая рукоплесканія и давая выгоды театрамъ, наконецъ его пригласили въ Одессу, гдѣ я и встрѣтилъ его въ 1850 году. Въ Одессѣ онъ игралъ комическія и малороссійскія роли. Я видѣлъ его въ роляхъ: Осипа (Ревизоръ), Маглуаръ (Графъ-Литографъ), Фильки (Ком. съ дядюшкой), Незацѣпина (Въ тихомъ омутѣ), Кочергина (Актеръ) и пр. Однажды за неимѣніемъ актера для роли *Бернара* (*)

(*) Прежде эту роль игралъ тамъ артистъ И. В. Орловъ, но не за долго до этого онъ оставилъ одесскую сцену.

отца Марин, (*Матер. Благосл.*), оня, чтобы не остановить хоть пьесы, (въ которой съ нетерпѣніемъ желали видѣть Н. В. Самойлову), взялся сыграть эту драматическую роль и не испортилъ ея.

Одесса, какъ я сказалъ выше, была ему не по душѣ, и онъ не зналъ, какъ изъ нея вырваться, и только что кончился его контрактъ съ одесскою дирекціею, какъ онъ поскакалъ въ свой Харьковъ, гдѣ былъ припятъ любящей его публикой съ восторгомъ, а дирекція поручила ему должность режисера. Но не долго пробылъ Соленикъ въ своемъ любезномъ городѣ, гдѣ его такъ любили, куда, какъ будто предчувствуя конецъ свой, поторопился онъ выѣхать изъ Одессы, чтобы кончить жизнь тамъ, гдѣ началъ свое поприще, и достигъ славы.

Онъ умеръ 7-го Октября 1851 г. Главною причиною его смерти была, говорятъ — чахотка. Смерть его и похороны — выпишемъ изъ той же брошюры, потому что вѣрнѣе ихъ быть не можетъ, — это рассказъ очевидца:

«Онъ умеръ спокойно, исповѣдавшись и причастившись Св. Тѣла, и въ памяти. Только часа за два до смерти онъ порою впадалъ въ бредъ на нѣсколько минутъ. Жалобъ на преждевременную смерть его отъ него не было слышно (онъ умеръ 41 года). Но по нѣкоторымъ предсмертнымъ словамъ его можно догадываться, что онъ не безъ грусти повидалъ свѣтъ. Хотя для него потеря жизни была «не утрата», — по совершенному непривязанности къ землѣ кто можетъ похвалиться, особенно, когда смерть заглянетъ въ глаза? Такъ, когда осторожно предложили ему исповѣдь и принятіе Св. Причащенія — онъ согласился на это охотно; но узнавъ, что уже хотятъ послать за священникомъ, тревожно спросилъ: «развѣ сегодня?».... Подобное безпокойство проявлялось и въ послѣдніе часы его жизни.

«Ну-те, что вы скажете? Не нужно ли чего вамъ?» спросила его въ одну изъ этихъ минутъ хозяйка дома, гдѣ онъ квартировалъ. — «Я скажу вамъ, что больному нуженъ покой!» возразилъ умиравшій съ недовольнымъ видомъ.

8-го Октября, въ 4 часа послѣ обѣда, тѣло его вынесли въ Крестовоздвиженскую церковь, а въ слѣдующій за тѣмъ день, часу въ первомъ по полудни, выслушавъ обѣдню, проводили мы его на Новое кладбище; много шло народа за гробомъ, качавшимся на дрогахъ, подъ чернымъ балдахиномъ; по лицу многихъ текли слезы; за гробомъ пѣли пѣвчіе и стонала погребальная музыка; на гробовой крышѣ малинового цвѣта лежала эмблема заслугъ покойнаго — не одна изъ тѣхъ, какія при-
выкли мы видѣть въ подобныхъ случаяхъ: это зеленѣлъ вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирты, перевитыхъ цвѣтами безсмертія — украшеніе

гроба, до сихъ поръ у насъ ещё не виданное! Наконецъ, могильный склепъ, выложенный бѣлымъ камнемъ, на вѣки скрытъ отъ насъ Соленика! ...

Его положили подлѣ могилы актера Дранше, очень любимаго когда-то публикой, однако жъ скороненнаго безъ вѣнка, скромно.....

И завидною показалась намъ участь такого артиста, какимъ былъ Соленикъ! Посмотрите: жилъ на чужбинѣ, умеръ одиноко, родныхъ близко ни души (*), а при погребеніи тѣснится вокругъ его гроба цѣлая толпа, спѣшать дать ему послѣднее цѣлованье, льются слезы, слышатся вздохи и грустныя слова прощанія, и расстаются все съ этимъ чужимъ для всехъ человѣкомъ, какъ не всегда расстается и братъ съ братомъ, роднымъ по крови!»

Харьковская публика, всегда признательная ко всему прекрасному, и въ этомъ случаѣ поступила превосходно, отдавъ заслуженную честь талантливому актеру и доброму человѣку!

Ж. Н.

1851 Дек.
16.

Теперь прилагаю извлеченіе изъ письма одного изъ близкихъ друзей покойнаго Соленика объ игрѣ его:

«Проникнуться до лиризма своей ролью, понять ее умомъ и сердцемъ, ясно и всесторонне сознать ея проявленіе и выраженіе въ практической жизни, въ дѣйствительности, и сохранить, при всемъ этомъ, подлежащую драматическому артисту, *объективность*:—вотъ одно изъ существенныхъ достоинствъ таланта Соленика, таланта въ высшей степени самостоятельнаго.

На одесской сценѣ, между не привыкнущихъ играть съ нимъ вмѣстѣ, актеровъ, онъ часто поставлялъ ихъ въ затруднительное положеніе, во время игры, невольно забывая указанныя на репетиціяхъ мѣста, гдѣ онъ долженъ былъ стоять и куда переходить: такъ онъ забывалъ на сценѣ, что онъ актёръ, и вполне, всей душою проникался своей ролью. Но этотъ лиризмъ его, мѣшая часто дѣйствующимъ съ нимъ лицамъ, не былъ замѣтенъ зрителями, которые, при обалтѣнн игрѣ Соленика, никакъ не могли-бы замѣтить нѣкоторыхъ уклоненій отъ сценической техники.

Привыкнувъ столько лѣтъ на харьковской сценѣ на одномъ себѣ выносить всю пьесу, и, поглощая въ одномъ себѣ всё вниманіе публики, не давая ей замѣчать несостоятельность игры другихъ актёровъ, иг-

---

(*) Жена его на этотъ разъ была въ Тулѣ, и не знала о болѣзни мужа.

равшихъ съ нимъ, въ Одессѣ онъ не могъ отвыкнуть отъ этаго, въ Одессѣ, гдѣ почти всѣ актёры на своемъ мѣстѣ, и всякій свою роль по силамъ выполнять. Одесская сцена, при умной и образованной дирекціи А. И. Соколова, отличается отъ всѣхъ провинціальныхъ театровъ своей цѣлостностію, и по тому тамъ никакой актёръ одинъ не можетъ далеко выдвинуться вперёдъ отъ своихъ товарищей, и въ себѣ одномъ сосредоточивать вниманіе публики. Художественное исполненіе *всей пьесы, самой пьесы*, ея цѣлостность, а не блестящая игра одного актёра, поглощающая недостатки другихъ исполнителей;—это идея дирекціи одесскаго театра. Оттого-то тамъ обыкновенно ставятся пьесы совершенно по средствамъ актёровъ и по обстановкѣ мѣстной сцены—большую частію легкія комедіи и водевили: за то они и прекрасно исполняются. Этимъ одесскій театръ отличается отъ другихъ провинціальныхъ театровъ, гдѣ играютъ шекспировскія трагедіи и длинныя эффектныя драмы и мелодрамы французскихъ драматурговъ, и обращаютъ ихъ, не замѣчая того, въ простотѣ души, въ пародіи: трагедія на этихъ сценахъ выходитъ уморительною комедіей, драма забавнымъ водевилемъ.

Въ «Ревизорѣ» Соленикъ иногда бралъ на себя исполненіе роли Осипа, и былъ въ ней превосходенъ; при появленіи на сцену, самая его фizioномія ясно показывала зрителямъ характеръ Осипа. Безъ словъ по чертамъ лица, по игрѣ фizioноміи, движеніямъ и походкѣ, зрителю почти скончательно обрисовывался характеръ этаго лакея, которому сильно надобъя его баринъ, и который отъ тревоженій столичной жизни, тревоженій, доставленныхъ ему его же безалабернымъ бариномъ, желаетъ успокоиться на лаврахъ, завалившись на печь въ деревенской глуши.

Недостанетъ предъловъ письма выразить всѣ тонкости игры Соленика въ этой роли, сознательное пониманіе характера и безукоризненное ея исполненіе. Есть мѣста въ игрѣ артиста, которыя глубоко чувствуются и сознаются зрителемъ: но не всегда опредѣлительно и всесторонне могутъ быть переданы имъ другому. Въ роли Осипа, я видѣлъ Соленика въ Одессѣ; въ Одессѣ видѣлъ его то же въ роли Будоражина въ водевилѣ того же названія. Этаго помѣщика Бударажина, онъ понялъ и выразилъ въ совершенствѣ.

Предъ выѣздомъ Соленика изъ Одессы былъ его бенефисъ, и Соленикъ вѣроятно исполнялъ въ немъ двѣ, три роли. Я не былъ ужъ тогда въ Одессѣ, и потому ничего не могу сказать объ этомъ *последнемъ* бенефисѣ Соленика.

Желательно бы было, чтобы Одесскій литераторъ О. А. Рабиновичъ (*), коротко знавшій покойнаго артиста, и постоянно, изъ любви къ истинному искусству, посѣщавшій почти всѣ спектакли, въ которыхъ участвовалъ Соленикъ, написалъ статью объ этомъ бенефисѣ и вообще объ игрѣ Соленика. Этотъ замѣчательный художникъ стоитъ того, чтобы поговорить объ немъ поподробнѣе.

Необыкновенно хорошъ и строго вѣренъ дѣйствительности бывалъ Соленикъ въ «Москаль-Чаровникъ», въ роли Чупруна, гдѣ онъ такъ полно и всесторонне, и художественно до совершенства, выражалъ характеръ Малороссіянина, глубоко имъ изученный, понятый и усвоенный. Многіе изображаютъ Чупруна простячкомъ-хохлою, вахлакомъ, у Соленика онъ выходилъ хитрымъ Малороссіяниномъ подъ оболочкой простоты, и эта-то простота была сама иронія.

Всѣ комедіи и водевили, въ которыхъ онъ игралъ, исполняемы имъ были въ совершенствѣ, и публика, забывая при немъ другихъ актеровъ, не замѣчая ихъ достоинства и недостатковъ, на одномъ Соленикѣ сосредоточивала свое вниманіе.

Въ водевилѣ: «Страшій подъ Столомъ», въ роли Жовіаля Соленикъ ничѣмъ не уступалъ столичнымъ артистамъ, играющимъ эту роль, и давалъ ей свою оригинальную форму. Онъ былъ актеромъ по преимуществу самостоятельнымъ, и слишкомъ гордымъ для того, чтобы подражать кому бы то ни было. Пониманіе практической жизни, знаніе людей и общества, многосторонняя опытность при внутреннемъ художественномъ тактѣ, давали ему средства быстро угадывать и воспроизводить характеры. Будучи человекомъ, что называется, *бывалымъ*, онъ съ одного раза, изъ одной бесѣды, изъ одного обстоятельства, понималъ и опредѣлялъ многихъ людей вѣрно и окончательно.

Въ Харьковѣ я видѣлъ его въ водевилѣ «Что и деньги безъ ума», въ роли водоноса «Пьера». Эту роль онъ сѣумѣлъ силою своего таланта возвести до истиннаго трогательнаго драматизма, котораго никто не могъ бы ожидать отъ комика. Потеря Соленика на долго невознаградима и для многочисленной публики нашихъ провинцій и для самаго искусства.

(*) Авторъ большой повѣсти: «*Морицъ Сефарди*», напечатанной въ Одесскомъ изданіи «Литературные Вечера», Фумели. 1850. Выпускъ второй.—

ИЗЪ ХЕРСОНА.

Черты изъ жизни Говарда (*). Одно имя Говарда наполняетъ душу благоговѣніемъ, напоминаетъ рядъ высокихъ, свѣтлыхъ подвиговъ любви къ ближнему, и невольно заставляетъ задуматься о той героической борьбѣ, которую неминуемо долженъ онъ былъ выдержать съ самимъ собой прежде, чѣмъ успѣлъ слить всѣ свои страсти, всѣ желанія въ одну великую, христіанскую мысль: жить для спасенія другихъ. Онъ представляетъ почти единственный примѣръ такого самоотверженія, такой безкорыстной готовности примирить съ жизнью всѣхъ, кто только убить, подавленъ нищетою, болѣзнію, злымъ горемъ. Читать исторію подобныхъ людей поучительно; она можетъ отрѣшить человека отъ всего земнаго, влить въ сердце его чистую христіанскую радость, заронить въ немъ зародышъ какаго-нибудь добраго подвига. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ еще полной біографіи Говарда. Мы не принимаемъ на себя смѣлости пополнить этотъ недостатокъ; для этого нужно перо, и болѣе краснорѣчивое, и болѣе опытное; ограничиваемся только описаніемъ мало или вовсе неизвѣстныхъ подробностей о жизни и смерти филантропа въ нашемъ городѣ, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ самый краткій очеркъ жизни его до пріѣзда къ намъ. Джонъ Говардъ родился въ 1726 году въ Ловерь-Клафонъ, близъ Гакнея. Отецъ назначалъ его къ занятіямъ коммерческимъ, но слабое сложеніе Джона не позволило осуществить эту мысль, и онъ посвятилъ себя изученію физики и медицины. Въ 1755 году ужасное землетрясеніе поразило жителей Лиссабона, и это несчастіе отозвалось въ добромъ, благородномъ сердцѣ Говарда живымъ со-

---

(*) Извлекаемъ эту статью изъ Херсонскихъ губ. вѣдомостей. Намъ прислалъ ее авторъ при письмѣ слѣдующаго содержанія:

«О Говардѣ сохранилось преданіе самое темное: одни рассказываютъ о немъ нелѣпости; другіе знаютъ только, что онъ былъ медикъ; третьи вовсе ничего не знаютъ. И если въ Херсонѣ, гдѣ жилъ онъ, гдѣ сдѣлалъ столько добра, гдѣ заплатилъ жизнью за жизнь ближняго, — имѣютъ о немъ понятіе слишкомъ сбивчивое, то какое же должны имѣть въ другихъ мѣстахъ Россіи!... Эта мысль побудила меня воскресить, хотя сколько-нибудь, память о Говардѣ прилагаемой статей. Но такъ какъ кругъ читателей Херсонскихъ губ. вѣд. слишкомъ тѣсенъ то я покорнѣе прошу дать ей мѣсто и на страницахъ Москвитянина.»

В. Пегрескулъ.

Благодаря автора за присылку статьи, редакція Москв. приметъ съ не менѣеюшей благодарностью и документы о Говардѣ, которые онъ обещаетъ сообщить намъ въ Р. С. своего письма.

чувствіемъ: онъ отправился туда, чтобы подать помощь несчастнымъ! Французскій каперъ взялъ въ плѣнъ корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, и Говардъ долгое время содержался въ Брейнѣ плѣннымъ. Это несчастное обстоятельство имѣло отрадный результатъ для человѣчества: оно родило въ душѣ плѣнника великодушную мысль: посвятить жизнь облегченію участи заключенныхъ. По возвращеніи въ Англію, его сдѣлали шерифомъ графства Бедфордскаго, и этимъ самымъ дали ему полную возможность осуществить свое прекрасное намѣреніе, — посѣщать тюрьмы во всякое время. Но этого казалось ему мало: онъ выпросилъ себѣ, какъ милость, на мѣсяцъ тюремное заключеніе. Просьбу его уважили, и съ этого времени открылась свѣтлая цѣпь его филантропическихъ подвиговъ. Его благородныя усилія доставили ему скоро въ Англіи громкую извѣстность. Нижній парламентъ потребовалъ его мнѣній о тюремныхъ улучшеніяхъ, и Англія ему обязана многими благотѣтельными учрежденіями. Укажемъ на два важнѣйшія: онъ первый снялъ оковы съ жепщинъ, и уничтожилъ заразу, которая до него часто опустошала тюрьмы. Всѣ эти дѣйствія далеко еще не удовлетворяли жажды его къ благотворительности: исполнивъ обязанности подданнаго Англіи, онъ хотѣлъ еще исполнить обязанность друга всего человѣчества вообще. Съ разрѣшенія правительства онъ оставилъ родину, и съ 1775 по 1787 г., совершилъ: четыре путешествія въ Германію, пять въ Голландію, два — въ Италію, и по одному въ Испанію, Португалію, Турцію и Сѣверную Европу. Всюду его руководило одно и то же благородное желаніе, отирать слезы несчастныхъ, посѣщая тюрьмы, отыскивая бѣдныхъ, больныхъ, подавая имъ совѣты, врачебныя пособія, деньги, ходатайствуя за нихъ предъ начальствомъ — вотъ жизнь!... Черезъ каждые два—три года онъ издавалъ отчеты о состояніи, въ которомъ находились тюрьмы. Чума поразила челоѣчество страшными опустошеніями, преимущественно въ Марселѣ, Ливорно, Венеціи, Константинополѣ, и великодушный Говардъ посвятилъ себя изученію этой ужасной болѣзни, — отысканію средствъ къ уничтоженію ея. Въ 1759 году, онъ напечаталъ Европейскій трудъ: «*О главнѣйшихъ карантинныхъ Европы и моровой язвѣ.*» Этого мало: онъ отправился въ Египетъ, черезъ Россію, чтобы на мѣстѣ изучить болѣзнь; посѣтилъ Москву, и наконецъ, въ Октябрѣ 1789 года, прибылъ въ Херсонъ съ рекомендательными письмами къ коммерціи совѣтнику Альбрандту отъ Гг. Томсоновъ, Ровэндъ, и товарищей Англійскаго торговаго дома въ Москвѣ. Къ чести г. Альбрандта надобно замѣтить, что филантропу оказанъ самый лестный пріемъ, какого только можетъ ожидать себѣ

путешественникъ; онъ же папалъ для него двухъ-этажный домъ, принадлежавшій долгое время Почтовой Конторѣ, а теперь перешедшій во владѣніе къ частному лицу (*). Городъ нашъ тогда только возникалъ: онъ едва насчитывалъ себѣ нѣсколько лѣтъ существованія; ясно, какъ далеки были отъ благоустройства его больницы, аптеки, тюремный замокъ и проч., повѣрно, какой недостатокъ терпѣлъ онъ и въ опытныхъ, искусныхъ медикахъ. Съ другой стороны обширныя болота около Днепра, невыносимыя жары, доходившіе до 32° по Реомюру, и недостатокъ растительности имѣли самое гибельное вліяніе на здоровье жителей. У насъ постоянно три мѣсяца въ году, Іюнь, Іюль и Августъ, свирѣпствовала перемежающаяся лихорадка. При такихъ условіяхъ присутствіе Говарда было благотвѣтельно для города—больше, чѣмъ оно могло быть нѣсколько позже. Мудрая Императрица Екатерина понимала это: Она повелѣла исполнять всѣ совѣты Говарда, какъ приказанія.

Онъ остался втрѣнь себѣ и здѣсь. Посѣщать два—три раза въ день больницы и тюремный замокъ, помогать всѣмъ несчастнымъ совѣтомъ и дѣломъ, лечить на свой счетъ всѣхъ бѣдныхъ—вотъ его образъ жизни въ Херсонѣ! Ни холодъ, ни ненастное время, ни обстоятельства—ничто не могло удержать его отъ исполненія этихъ ежедневныхъ, добровольныхъ обязанностей? Одежда на немъ была всегда самая легкая: его встрѣчали постоянно въ черномъ фракѣ, подбитомъ ватой, башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ. Пищу его составляли 4 чашки чаю—по двѣ утромъ и вечеромъ, двѣ чашки молока, небольшой круглый хлѣбъ и стаканъ ячменнаго взвару;—мяса онъ не ѣлъ никогда, овощи очень рѣдко. При немъ былъ одинъ только человекъ, котораго онъ считалъ больше другомъ, чѣмъ слугой. Онъ имѣлъ привычку ежедневно посѣщать своего друга и соотечественника контръ-адмирала Призманъ. Одно обстоятельство, стоявшее ему жизни, заставило его въ первый разъ оставить на время свои занятія, и отлучиться изъ города.

Двоюродная сестра помѣщика Федора Комстадіуса, жившаго въ деревнѣ Садовой въ 17 верстахъ отъ города, опасно заболѣла гнилою горячкою; всѣ медики единодушно признали излеченіе ея невозможнымъ. Г. Комстадіусъ обратился къ великодушію Говарда; онъ отказался: *«Я посвятилъ всѣ свои знанія, все свое искусство, больнымъ немощнымъ!»* По просьбѣ, но неотступныя убѣжденія родственниковъ поколебали наконецъ его рѣшимость; онъ отправился къ больной. Про-

---

(*) Теперь домъ этотъ обращенъ во временную синагогу Каранмозъ, противъ гимназіи, на Суворовской площади.

писавъ ей лекарство и приказавъ немедленно уведомить себя о его дѣйствиіи, Говардъ снова возвратился въ городъ.

Лекарство облегчило больную, но къ несчастію извѣстіе о томъ дошло до Говарда не прежде, какъ черезъ два дня. Опасаясь за жизнь пациентки, онъ потребовалъ немедленно почтовыхъ лошадей. Ихъ не оказалось. Говардъ сѣлъ верхомъ, на первую попавшуюся ему лошадь, и поскакалъ въ деревню Комстадіуса, — но было ужъ поздно. Говардъ нашелъ больную при послѣднемъ издыханіи, и она умерла при его глазахъ. Погода стояла сырая, холодная, а на немъ было обычное, легкое платье: онъ прослудился и занемогъ жестокой лихорадкой, которая быстро усиливалась.

Контръ-адмиралъ Призманъ, привыкшій къ ежедневнымъ посѣщеніямъ Говарда, и не видѣвшій его у себя ужъ нѣсколько дней, рѣшился самъ навѣстить его. Трудно представить, какъ онъ пораженъ былъ, найдя своего друга въ постели, больнымъ, и въ глубокой меланхоліи. Страдалецъ въ разговоръ между прочимъ замѣтилъ, что смерть уже близка, къ нему, что онъ уже приготовилъ духовное завѣщаніе. Онъ просилъ г. Призмана отпѣть его по обрядамъ Англиканской церкви, и уговорить купца Доинне, чтобъ онъ позволилъ похоронить тѣло его на своей дачѣ, въ 6-ти верстахъ отъ города. Эта дача была любимымъ мѣстомъ прогулокъ Говарда, и тамъ-то часто, бесѣдуя съ своими друзьями, давалъ онъ имъ совѣты, проникнутые глубокой мудростью, и всегда согрѣтые искреннимъ желаніемъ блага юному городу.

Призманъ хотѣлъ перемѣнить разговоръ, но Говардъ остановилъ его. «Мысль о смерти не имѣетъ для меня ничего страшнаго, — сказалъ онъ; — я чувствую, что я скоро умру, и сегодня ли, завтра ли, — все равно. Тягѣе — жребій человека, законъ, которому и царь и рабъ равно подчиняются.» Послѣ долгой задумчивости и молчанія, онъ опять сталъ говорить о своемъ погребеніи, и просилъ похоронить себя безъ всякаго блеска, какъ можно проще. «Не хочу ни монументовъ, ни надписей, — говорилъ онъ, по желанію-бы, чтобъ на могилѣ моей были поставлены часы.... Духовное завѣщаніе поручаю доставить въ Англію.»

Онъ упорно отвергалъ всѣ медицинскія пособія, и только наканунѣ смерти, выпивъ лекарство, приготовленное въ чашкѣ, бросилъ ее съ досадой. Послѣ 44-дневной болѣзни, 20 Января 1790 года, не стало одного изъ великодушныхъ сподвижниковъ добра!....

Не смотря на завѣщаніе, погребеніе Говарда было богато, по желанію его друзей: адмирала Мордвинова, генералъ-маора Кабле и купца Доинне. Погребальную процессію, провожавшую тѣло усопшаго до ху-

тора Г. Дофине, составляли: Владѣтельный князь Молдавскій Россете, Адмиралъ Моравиновъ, Контръ-Адмиралъ Призмапъ, Генералъ-Маіоръ Кoble, весь генералитетъ, все духовенство, чины военные и гражданскіе и множество народа всѣхъ сословій...

Надъ могилой его, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ балки «Белозерки», покрытой садами, Дофине поставилъ на свой счетъ памятникъ, обведенный чугунными цѣпами, — ихъ нѣтъ теперь. На немъ были надписи: съ одной стороны на полкѣ карниза: «*Alios salvos fecit*», другая, съ сѣверной, начертана гвоздемъ: «*vixit propter alios*».

Памятникъ разрушился отъ времени. На мѣсто его, на томъ же пьедесталѣ, поставленъ другой, мраморный квадратный: ширина и длина его $\frac{3}{4}$, а высота $1\frac{1}{2}$ аршина. Надписи на сѣверной:

« Johannes Novard,
Ad sepulchrum stas
Quisquis es,
Amici,—
На восточной: 1790 ;
На южной: «Иванъ Говардъ.
Кто бы ты ни былъ,
Здѣсь другъ твой скрытъ!»

На поверхности площадки — солнечные часы: стрѣлки ужъ нѣтъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы — землянка.

Мѣсто, избранное Говардомъ для своего погребенія, сдѣлалось кладбищемъ и другихъ иностранцевъ того же вѣроисповѣданія.

Черезъ нѣсколько часовъ по смерти Говарда, Адмиралъ Моравиновъ приказалъ снять съ него алебастровый слѣпокъ, который и отправилъ вмѣстѣ съ духовнымъ его завѣщаніемъ въ Англію. Она соорудила въ чes знаменитаго филантропа монументъ, поставленный, въ числѣ другихъ, при кафедральной церкви Св. Павла, въ Лондонѣ.

Александръ Благословенный, при посѣщеніи Херсопа, пожелалъ соорудить отъ казны памятникъ Говарду, независимо отъ существующаго. Графъ Сень-При, Гражданскій Губернаторъ, представилъ Его Императорскому Величеству проектъ — поставить этотъ обелискъ прямо противъ мѣста, на которомъ тогда назначена была постройка тюремнаго замка; — мысль удачная! Проектъ удостоенъ Высочайшаго одобренія, обелискъ поставленъ.

Его Высочество Герцогъ Глочестерскій прислалъ къ Государю Им-

ператору готовый медальонъ, снятый съ весьма сходнаго портрета Говарда, и Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть — вылить подобіе этого медальона для обеликса.

Медальонъ вылить и прекрасно отдѣланъ въ Императорской Академіи Художествъ; вѣсу въ немъ 2 пуда.

Князь Голицынъ, министръ Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ, прислалъ его къ бывшему херсонскому гражданскому губернатору графу Ланжерону, но онъ не поставленъ; художникъ Гречина нашелъ это невозможнымъ до перестройки обеликса; составленъ проэктъ; часть издержекъ, необходимыхъ для осуществленія его, принялъ на себя бывший тогда херсонскій гражданскій губернаторъ, Августъ Ѳеодоровичъ Комстадіусъ, въ признательность къ памяти Говарда, заплатившаго жизнью за великодушную услугу его дому. — Памятникъ перестроенъ, медальонъ вставленъ. Но объ этомъ обеляскѣ мы уже имѣли случай говорить въ 68 N Од. В. за 1850 годъ; тамъ же мы говорили и о чувствахъ, которыя пробуждаетъ онъ въ душѣ зрителя, отрывающаго опечаленный, грустный взоръ отъ тюремнаго замка.

Херсонъ гордится своимъ великодушнымъ гостемъ, благословляетъ память его. Ей онъ долженъ посвятить, безъ сомнѣнія, горячую страницу признательности въ своей исторіи.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О БЛАГОТВОРЕНІЯХЪ П. В. ГОЛУБКОВА.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Вы извоили меня просить добыть свѣденія о пожертвованіяхъ здѣшняго жителя, Падвор. Сов. Голубкова. Будучи лично одолженъ г. Голубкову, я съ удовольствіемъ согласился исполнить ваше желаніе, но всѣ мои ходатайства у г. Голубкова о томъ, чтобы онъ снабдилъ меня своими конторскими книгами, до сегодня оставались тщетными: еще прежде меня разныя лица обращались къ нему съ подобными же просьбами, но христіанское смиреніе его вынуждало его давать всѣмъ рѣшительный отказъ. Побуждаемый собственными чувствами благодарности къ г. Голубкову, я желалъ и сдержать слово, данное вамъ, и исполнить желанія разнаго сословія лицъ, обращавшихся ко мнѣ съ вопросами, и въ Киргизской степи, и въ Калмыцкихъ улусахъ, и въ Уральской казачей землѣ, и всюду, гдѣ мнѣ въ нынѣшнее путешествіе случалось быть, о томъ, кто таковъ г. Голубковъ, и какъ велика масса того добра, которую онъ успѣлъ принести на алтарь отечества и любви къ ближнему?

Наконецъ, съ Божіею помощію, я досталъ конторскія книги его съ 1841 г., и своеручно дѣлаю изъ нихъ слѣдующія выписки, которыя, чтобъ не потерять времени и не навести г. Голубкова на мысль отобрать у меня свои книги, на-скоро набрасываю:

І. На успѣхи наукъ въ Россіи.

- 1848, Мая 29, въ Географическое Общество, на изданіе
карты Азіи. . . . . 2 т. руб. сер.
— Іюня 7, туда же, на переводъ Риттера. . . . 5 т.
— Декабря 14, туда же и на тотъ же предметъ . 15 т.
1851, на Камчатскую экспедицію. . . . . 30 т.

1850, въ Апрель, члену того же Общества П. И. Н. на его путешествіе, съ тѣмъ, чтобъ никто не зналъ (безъ внесенія даже въ конторскія книги).	3 т.
1849, Марта 5, въ Московское Общество Исторіи и Древностей	1 т.
1850, Августа 31, въ Археологическое Общество на премію	500 р.
1851, Марта 6, туда же, на изданіе житія Бориса и Глѣба.	3014 р. 75 к.
Августа 22, на украшеніе Остромирова Еван- гелія.	3 т.
<hr/>	
И того 62,511 р. 75 к.	

Что сдѣлано до 1848 года, неизвѣстно; но на томъ основаніи, что принесенныя мнѣ въ даръ 3 т. руб. сер. отданы подъ запретомъ, «чтобы никто объ этомъ не зналъ,» и что расходъ этотъ не внесеть въ книги, я увѣренъ, что есть еще такого же рода и другія пожертвованія, вовсе остающіяся въ безгласности. Къ этой категоріи пожертвованій долженъ я отнести и траты, понесенныя г. Голубковымъ на переводъ и изданіе иностранныхъ писателей о средней Азіи и объ Индіи — предметъ, весьма хорошо извѣстный всей образованной публикѣ. Сколько слышно, всѣ расходы по этой части превышаютъ сумму 5 т. руб. сер. и едва ли не доходятъ до 10 т. рублей.

II. На воспитаніе неимущихъ къ тому средствъ.

1841 г. На устройство въ Иркутскъ дѣвичьяго ин- ститута	28,571 р. 42 ⁰ / ₇ к.
1846, Дек. 31, на Костромскій дѣтскій пріютъ.	3 т.
1847, Ноябрь, на содержаніе въ Екатерининскомъ ин- ститутѣ въ Спб. пансіонерки имени Супру- ги Великаго князя Константина Николаевича.	8 т.
Дек. 12, на пансіонеровъ Костромскаго пріюта.	3 т.
1846, Марта 27, на Петергофскій пріютъ	15 т.
Дек. 14, на домъ, мебель и проч. для дѣт- скаго пріюта въ Красноярскъ	21 т.
1849, Іюля 23, на постройку дома Маринскаго прію- та въ Костромѣ	900 р.
Въ дѣтскій пріютъ Принца Ольдебургскаго	4 т.

— — Великой Княгини Маріи Николаевны 2 т.	
Дек. 31, въ училище для бѣдныхъ при Даниловскомъ монастырѣ	25 р.
1850, Февр., въ Костромской дѣтскій пріютъ. . .	275 р.
— 26, въ Красноярскій дѣтскій пріютъ. 1 т.	
Марта 17, на воспитаніе въ Александровскомъ сиротскомъ корпусѣ кадета имени Великаго Князя Константина Николаевича.	5 т.
Апр. 21, на Красноярскій дѣтскій пріютъ. .	50 р.
Марта 22, на Костромскій дѣтской пріютъ. .	300
Мая 18, на Красноярскій дѣтскій пріютъ . .	50
— 31, туда же.	40
1851, Января 3, на дѣвичій институтъ въ Иркутскѣ.	500
Февр. 6, въ Красноярскій дѣтскій пріютъ. .	419—90
Марта 31, на дѣтскіе пріюты.	30
— На дѣтскіе пріюты въ западной Сибири.	300
<hr/>	
И того 90,159 р. 90 к. с.	

III. Бѣднымъ.

1846, Декабря 30, бѣднымъ.	3 т.
1847, Ноября 21, въ Кострому на погорѣлое. .	3 т.
Августа 6, холернымъ сиротамъ въ Москвѣ. .	4,430
Декабря 14, имъ же.	4 т.
1849, Апр. 13, въ общество посвѣщенія бѣдныхъ.	500
Іюня 18, на больницу въ Москвѣ	150
— 24, на Ольгинскую больницу въ С.-Пб.	2 т.
1850, Января 23, на разоренныхъ Сербовъ . . .	4 т.
Апрѣля 17, въ Кострому на бѣдныхъ . . .	40 р. 45 к.
— 7, бѣдному.	100
Іюля 31, въ общину сестеръ милосердія. .	2 т.
Нояб. 19, на спектакль въ Москвѣ въ пользу бѣдныхъ.	500, и проч.
<hr/>	
И того 21,073 р. 85 к. с.	

IV. На церковь и на духовенство.

Всѣхъ статей расходовъ по этому отдѣлу не выписываю, но представляю итоги по годамъ: тороплюсь покончить дѣло съ книгами:

Въ 1841 г. 4631 р. 8⁴/₇ к. с. Въ 1847 г.— 2,288 р. 11⁴/₇ к. с.

— 1812 —	15	— 1848 —	4,468 —	29 ⁴ / ₇	
— 1844 —	557 —	88	— 1849 —	4,969 —	88
— 1845 —	139 —	28 ³ / ₇	— 1850 —	24,530 —	66
— 1846 —	21	— 1851 —	2,186 —	50	

А всего 43,807 р. 70 к. сер.

Да на перковь въ собственномъ подмосковномъ имѣніи г. Голубкова, въ селѣ Мышецкомъ, израсходовано разновременно, по разсказамъ управляющихъ, болѣе 70,000 руб. сер.

Такимъ образомъ открывается, что г. Голубковъ въ последнее время пожертвовалъ:

I, на храмы Божіи и на духовенство около 444 т. руб. сер.

II, на бѣдныхъ . . . . . болѣе 21 т. — —

III, собственно на науку . . . . . около 70 т. — —

и IV, на воспитаніе юношества. . . . болѣе 90 т. — —

То есть, съ 1844 года П. В. Голубковъ сдѣлалъ всѣхъ пожертвованій около 295 т. руб. сер, или болѣе милліона на ассигнаціи.

Съ сердечнымъ наслажденіемъ и съ живѣйшею признательностію къ г. Голубкову, сообщая вамъ, М. Г., въ «Москвитинѣ» эти драгоценныя для всѣхъ любящихъ добро и добрыхъ цифры. Увѣренъ, что всѣ прочтутъ эти строки съ чувствомъ глубокаго уваженія къ подвигамъ болѣзненнаго старца, который родился въ бѣдности, молодость велъ безотрадную, учился по грошовому календарю, ходилъ въ двугривенномъ затрапезномъ халатѣ босикомъ, съ молоду сдѣлался любознательнымъ, проводилъ ночи часто безъ сна въ холодныхъ покоехъ костромкой губернской библіотеки, и перечитывалъ ея сокровища; началъ службу писцомъ, былъ приказнымъ, дрался съ Французомъ на полѣ чести и брани, плавалъ по Каспійскому морю, содержалъ питейные откупа, дѣлалъ поставки казеннаго провіанта, открывалъ золотыя прииски, — и всю жизнь проводилъ не праздно, въ страхѣ Божіемъ и въ любви къ ближнимъ, и который такъ честно и благородно употребляетъ въ дѣло богатства, честнымъ и благороднымъ трудомъ нажитыя.

Москва.

Сентября 7, 1851.

Р. С. Опасенія мои сбылись, и П. В. Голубковъ отобралъ отъ меня книги, не желая, чтобъ выписки изъ нихъ были обнародованы. Но теперь уже поздно—письмо мое къ вамъ уже окончено! Надобно вамъ казать, что въ Іюль и въ Августъ, особенно 22 числа, сдѣланы по-

выя неизвѣстныя мнѣ пожертвованія, кромѣ ассигнованія суммы на украшеніе Остромирова Евангелія, но я не могъ добиться о томъ хорошенько толку, потому что книгъ у меня нѣтъ. Изъ прежде бывшихъ добрыхъ дѣлъ Голубкова знаю только то, что въ тридцатыхъ годахъ, кажется, въ 1835 или въ 1836, Плат. Вас. Голубковъ пожертвовалъ на бѣдныхъ жителей Москвы разомъ 500,000 руб. ассиг. Стало быть сумма извѣстныхъ мнѣ его пожертвованій болѣе полутора милліона рублей ассигнаціями.

ПАВЛАТЪ НЕВОЛЬСИНЪ.

АКТЪ МОСКОВСКОЙ ЧЕТВЕРТОЙ ГИМНАЗІИ 1-го Декабря.

Московская четвертая Гимназія, преобразованная изъ Дворянскаго Института, бывшаго нѣкогда университетскимъ Благороднымъ Пансіономъ, праздновала въ своемъ новомъ образованіи первый актъ свой 21-го Декабря.

Въ 6 часовъ пополудни начали съѣзжаться въ обширную, прекрасно освѣщенную залу, родители и родственники питомцевъ Гимназіи, сапожники Москвы, Профессоры Университета и многіе почетные гости. Въ половинѣ седьмого часа ловкимъ строемъ вышли изъ внутреннихъ комнатъ въ залу, предшествуемые своими Начальниками и Наставниками, воспитанники заведенія, и пріяли гостей благовидною наружностію, свѣжестью лицъ, благородствомъ пріемовъ. Въ 7 часовъ, въ присутствіи Г. Попечителя Московскаго Учебнаго округа, открылся актъ.

Преподаватель Отечественнаго Законовѣдѣнія въ Гимназіи, Г. Винокуровъ, произнесъ рѣчь: *О предметъ Отечественнаго Законовѣдѣнія и предѣлахъ преподаванія его въ Гимназіяхъ.* Предметъ рѣчи опредѣленъ весьма благоразумно и соответствуетъ времени. Всякому просвѣщенному любопытно знать: какъ преподается и понимается обширная Наука Законовѣдѣнія, вновь введенная въ кругъ гимназическихъ предметовъ? Г. Винокуровъ весьма удовлетворительно и краснорѣчиво отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Кромѣ основательнаго изложенія предмета, рѣчь его замѣчательна и теплымъ чувствомъ сознанія крѣпкихъ началъ жизни нашего великаго Отечества.

Послѣ рѣчи провозглашены были и розданы награды воспитанникамъ. Золотую медаль получилъ *Владиміръ Павловъ*, сынъ бывшаго Профессора Московскаго Университета М. Г. Павлова; серебряную *Аполлонъ Содолицевъ*. Имя перваго останется на золотой доскѣ. Награды

первой степени удостоены ученики: IV класса *Василій Сергѣевичъ*, III класса *Дмитрій Мохтинъ*, I класса *Князь Сергѣй Кропоткинъ*.

Пріятно было замѣтить, что успѣхи въ Итальянскомъ и Англійскомъ языкахъ поощряются особенно въ заведеніи. Ученики, отличившіеся въ нихъ при отличныхъ успѣхахъ по всѣмъ прочимъ предметамъ, получили особенныя награды.

Музыка народнаго гимна: Боже Царя храни! возвѣстила заключеніе торжества.

За тѣмъ все общество посѣтителей приняло участие въ прекрасномъ балѣ, который танцами оживляла благовоспитанная молодежь гимназій. Такъ какъ огромная зала не могла вмѣстить всѣхъ гостей, посѣтившихъ торжество, то половина общества перешла въ другую, не менѣе обширную, гдѣ гремѣлъ еще оркестръ музыки. Посѣтители, переходя изъ одной залы въ другую, освѣжались въ прохладныхъ корридорахъ и помѣстительныхъ классныхъ комнатахъ, отвѣчающихъ исполнскимъ размѣрамъ всего великолѣпнаго зданія.

Дортуары въ двухъ этажахъ, второмъ и третьемъ, прекрасно освѣщенные, были открыты для посѣтителей. Не лзя представить себѣ ничего опрятнѣе и приличнѣе. Благорастворенный воздухъ, просторъ, чистота, возможность бдительнаго надзора, объясняютъ причину здороваго и свѣжаго вида питомцевъ.

Въ Отчетѣ мы съ особеннымъ сочувствіемъ замѣтили, какъ Начальникъ Московскаго Учебнаго Округа пригласилъ отъ своего имени гг. преподавателей гимназій, частныхъ смотрителей, учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ — представлять ему опыты трудовъ своихъ въ видѣ отдѣльныхъ статей, заимствуя предметы для такихъ сочиненій какъ изъ области наукъ, искусствъ и литературы, такъ и изъ быта общественнаго и домашняго, жизни мѣстной, городской или сельской, изъ наблюденій надъ нравами, обычаями и повѣрьями, изъ разсказовъ о современномъ бытѣ и преданій о старинѣ. Такая мысль можетъ одушевить всѣхъ участниковъ въ образованіи юношества замѣчательною литературною дѣятельностію.

Изъ подробностей, относящихся прямо къ заведенію, пріятно видѣть, что число учениковъ, со времени открытія Гимназій 4-го Сентября 1849 года, отъ 87 возрасло до 193 по 4-е Сентября 1851 года, включая въ это число 40 учениковъ, переведенныхъ изъ 1-й Гимназій. Такая цифра показываетъ возрастающую быстро довѣренность родителей къ училищу.

Трудно бы было, конечно, воздвигнуть зданіе художественно великолѣпнѣе, роскошно помѣстительнѣе. Но для огромныхъ, нестоимыхъ силъ нашихъ все возможно.

Невозможно одно: создавать преданія. Ихъ растить медленное время. Они плодъ Исторіи. А такія преданія даютъ нравственную основу училищу. Заведеніе, своимъ торжествомъ подавшее намъ поводъ къ такимъ размышленіямъ, богато и съ этой стороны. Оно имѣетъ скрижали преданій; оно хранить доску именъ, уже извѣстныхъ въ исторіи Отечества. Новое Начальство возобновленнаго училища понимаетъ цѣну такихъ преданій: оно дорожить ими какъ одною изъ нравственныхъ основъ, на которыхъ зиждется духъ и жизнь воспитательнаго заведенія.

МОИ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ПРИОБРЕТЕНІЯ. Опять пропустилъ я мѣсяцъ, не извѣщая о приобритеніяхъ моего хранилища, а онъ умножаются на всякой недѣлѣ: счастье меня не оставляетъ.

Благосклонности М. А. Дмитріева обязанъ я экземпляромъ *Гиторики Ломоносова*, который принадлежалъ *Тредьяковскому*, съ его подписью и отмѣтками («ложь, темно» и проч.). Риторика посвящена была Великому Князю Петру Θεодоровичу при письмѣ, котораго не встрѣчалъ я нигдѣ.

П. П. Сумароковъ наградилъ меня собственноручнымъ *письмомъ Вольтера* къ Александру Петровичу *Сумарокову* по случаю представленія его трагедій.

Изъ Петрозаводска, благодаря посредству М. Н. Хирьякова, получилъ я одну изъ самыхъ рѣдкихъ *медалей*, временъ Им. Екатерины II: на одной сторонѣ ея изображеніе, на другой видъ разрушающагося приморскаго города. На падающихъ зданіяхъ видны знаки луны. Вверху крестъ Ковстантиновъ. Надпись кругомъ: потщитесь и низринется. Внизу: поборнику православія. Надъ портретомъ: Екатерина II, Имп. и Сам. Всер. заступница вѣрныхъ. Я видѣлъ золотой экземпляръ ея у покойнаго П. Θ. Карабанова. Серебряной, слышно, прибрѣлъ кто-то въ Петербургѣ. Мой—мѣдной.

Нѣсколько старыхъ *антиминсовъ* изъ Малороссіи, временъ Петра I.

Отъ А. Н. *Барыкова*, изъ Переяслава, — генеральный церемоніаль открытія намѣстничества, нѣсколько реляцій, и современныхъ списковъ, во важнѣйшія приобритенія до слѣд. нумера. **М. II.**

С Ш Ъ С Ъ.

ПОДМОСКОВНАЯ ОХОТА.

МЫТИЩИ.

На пятнадцатой верстѣ отъ Крестовской заставы, на Троицкомъ (Ярославскомъ) шоссе, стоитъ многимъ знакомое село Большая Мытищи. Почти всѣ богомольцы, ѣдущіе и идущіе въ Сергіевскую Лавру, останавливаются тамъ, чтобы напиться чрезвычайно вкуснаго чаю или необыкновенно чистой и свѣжей воды. Извѣстно, что Мытищи снабжаютъ водою всѣ Московскіе фонтаны, посредствомъ знаменитаго водопровода, на мѣстѣ же эта вода имѣетъ особенно пріятный вкусъ и ничѣмъ незамѣнимую свѣжесть.

Шумно и весело живутъ въ Мытищахъ. Экипажи и пѣшеходы безпрестанно встрѣчаются или обгоняютъ другъ друга. То ѣдетъ тяжелый длинный тарантасъ, нагруженный огромною семьею московскаго торговца, то лихая почтовая тройка мчитъ бульварнаго франтика, то извозничья четверомѣстная карета пробирается маленькой рысью, и изъ оконъ ея выглядываютъ головки въ бѣленькихъ гладкихъ чепчикахъ, то идетъ мастеровой, держа на палкѣ черезъ плечо свое платье—много, много ѣдутъ и идутъ, и всѣ они за мостомъ, на серединѣ села, подвергаются истинному нападенію. Нападеніе это не страшно, но оригинально. Завидя издали приближающійся экипажъ, десятокъ или два деревенскихъ дѣвушекъ стремглавъ къ нему бросаются, и наперерывъ зовутъ откушать чаю.

«Ко мнѣ, баринъ... къ намъ, сударыня... вонъ мой столикъ подъ безрезками.... откушайте чайку...»

Эти слова, мѣшаясь межъ собою, и часто сопровождаемыя легкими толчками и потягиваніемъ за платье, совершенно сбиваютъ съ толку проезжаго. Иногда даже противъ желанія вытѣзаетъ онъ изъ экипажа, и, окруженный толпою этихъ дѣвушекъ, идетъ къ какому-нибудь столу.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Политическія партіи во Франціи.—Избирательный билетъ съ условіемъ.—Политическій каламбуръ.—Латинь Жюль-Жанена.—Парижскіе театры: — La Filleuse, le Vampire.—Разсказъ Вольтера.—Стратегія театральныхъ соперницъ.—Ленге.—Торьеръ и его духовное завѣщаніе.—Уваженіе Англичанъ къ законамъ.

Теперь, когда время тревогъ миновало во Франціи, и отъ безчисленныхъ партій, волновавшихъ ее, остались только одни названія, — не безъ заинтересованности будетъ бросить бѣглый взглядъ на эти партіи и на многочисленные ихъ подраздѣленія.

Читая въ одномъ изъ журналовъ списокъ этихъ политическихъ полчищъ, разбирая ихъ мнѣнія и требованія, пророческій стихъ поэта невольно приходитъ на мысль. Трудно повѣрить, чтобы два-три направленія, два-три идеи, могли дробиться на столько подраздѣленій, и чтобы отгѣнки одной и той же идеи могли иногда такъ рѣзко противорѣчить одинъ другому.

Политическая Франція состояла изъ двѣнадцати отдѣловъ: социалисты, монтаньяры, республиканцы, орлеанисты, легитимисты, бонапартисты, транкилисты, скептики, религіонисты, конвикціонисты и гувенеманталисты.

Эти двѣнадцать отдѣловъ или партій подраздѣлялись на безчисленное множество отгѣнковъ.

Социалисты систематы (*socialistes à système*) слѣдовали одной принятой теоріи, мечтая примѣнять ее къ дѣлу; социалисты дѣятели (*socialistes d'action*) слѣдовали одной системѣ: неизпровергать все, что существуетъ. Социалисты систематы подраздѣлялись на слѣдующіе отгѣнки: система Распаль, Бланки, Луи-Блана, Прудона, *le système Considérant, le système-Cabet*.

Социалисты дѣятели раздѣлялись на десять или на двѣнадцать обществъ: мстители, вольные судьи (*francs-juges*), рютианы, стражи

смерти, безрунное стадо (*les moutons sans laine*), золотобиты (*les batteurs d'or*), сенъ-жюстисты, робеспьеристы, маратисты и проч.

Комунизмъ былъ не бѣдѣе подраздѣленіями: коммунисты чистые (*les communistes purs*), эгалитеры (*les égalitaires*), унитары (*les unitaires*), матеріалисты (*les matérialistes*), раціоналисты (*les rationalistes*), бабу-висты (*les babouvistes*), гуманитористы (*les humanitaristes*) и пр. и пр.

Монтаньяры подраздѣлялись на монтаньяровъ собственно такъ называемыхъ (*montagnards proprement ditz*) и на табористовъ (*Thaboristes*).

Республиканцы состояли изъ пяти партій и имѣли пять журналовъ. Представителемъ республики гг. Гриви и Жюля Фовра былъ *le National*; республики г. Жирардена, журналъ *la Presse*, Кавеньяка — *Siècle*, гг. Кормененя и Лоранъ (*de l'Ardèche*) журналъ *la République*; наконецъ представителемъ республики гг. Ледрю-Роллена, Делеклюза, Риберолла, былъ журналъ *la Voix du Proscrit*.

Орлеанизмъ раздѣлялся на четыре категоріи: на орлеанизмъ регентства (*l'orléanisme régéntiste*), прозванный орлеанизмомъ дамъ, защитниками котораго были: г. Жюль де-Ластери и нѣсколько знатныхъ дамъ іюльской монархіи; орлеанизмъ жуанвильскій (*l'orléanisme Joinville*), придуманный г-мъ Тьеромъ и признанный нѣкоторыми изъ генераловъ алжирской арміи; орлеанизмъ соединенныхъ партій (*l'orléanisme fusioniste*), къ которому присоединились гг. де-Монтальяве, де-Монтебелло, Гизо, Дюшатель, Вите; орлеанизмъ условный (*l'orléanisme à terme*), приверженцы котораго намѣревались до совершеннолѣтія графа Парижскаго поддерживать президента, съ условіемъ, чтобы онъ передалъ власть свою графу Парижскому, тотчасъ по вступленіи его въ совершеннолѣтіе.

Легитимисты имѣли фюзіонистовъ двухъ родовъ, орлеанскихъ и елисейскихъ; въ этой партіи были ультра-легитимисты, которые требовали дарованной хартіи (*la Charte octroyée*); конституционные, требовавшіе, чтобы президентомъ республики былъ генералъ — легитимистъ; легитимисты-республиканцы, которые хотѣли или чистой республики (*la république pure*), или *la légitimité pure* (законной наслѣдственной власти); представителемъ этого оттенка былъ г. де-Лароншакелье.

Бонапартизмъ раздѣлялся на новыхъ бонапартистовъ (*les Bonapartiste de la veille*), извѣстныхъ подъ прозваніемъ *Cuillotés de peau*, которые хотѣли имперіи, и бонапартистовъ чиновниковъ (*Bonapartistes-fonctionnaires*), которые или старались сохранить свои мѣста, или искали мѣстъ новыхъ; въ случаѣ неудачи, они стали бы тѣмъ, чѣмъ были и прежде: республиканцами, орлеанистами или легитимистами. Были еще времен-

ные бонапартисты (*bonapartistes temporaires*), которые отнёргали имперію; для нихъ не могла существовать имперія безъ Наполеона-Великаго, но они требовали назначенія Людовика Наполеона президентомъ по жизни, или по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ, утверждая, что Франція не должна быть управляема никѣмъ болѣе, какъ Бонапартомъ. Наконецъ бонапартисты имѣли и своихъ республиканцевъ, которые думали, что только Людовикъ Наполеонъ могъ сохранить во Франціи республиканскую форму правленія.

Транкилизмъ подраздѣлялся: 1-е, на транкилистовъ, которые привержены къ каждому мирному правленію и готовы его поддерживать, и 2-е, на транкилистовъ, также приверженныхъ ко всякому мирному правленію, но не имѣющихъ охоты поддерживать ни одного.

Скептицизмъ состоялъ изъ людей безъ состоянія, безъ ремесла, безъ будущности, которые равнодушно глядятъ на революціи, приговаривая: «да намъ-то какое дѣло? я не буду бѣднѣе прежняго», и изъ скептиковъ, у которыхъ есть капиталъ въ Бельгіи, въ Англіи, въ Америкѣ; люди эти всегда имѣютъ готовый паспортъ, и также говорятъ: «а мнѣ какое дѣло? при первой тревогѣ на улицѣ, я отправляюсь на желѣзную дорогу».

Религионисты подраздѣлялись на религионистовъ строгихъ (*religionistes-pointus*) и религионистовъ умѣренныхъ (*religionistes-tolerans*). Первые изъ нихъ признавали такое только правительство, которое будетъ получать лозунгъ изъ Рима; послѣдніе готовы были поддержать всякое правительство, которое будетъ помогать церкви. Г. Монталамбергъ принадлежалъ по немпогу къ обоимъ отѣнкамъ.

Конвикціонизмъ, партія хотя и не сильная, но все имѣла отѣнки. Конвикціонизмъ разсудительный (*convictionisme sérieux*) бывалъ то на сторонѣ правительства, то противъ него, смотря по тому, на добромъ, или на худомъ пути оно находилось, по его мнѣнію. Конвикціонизмъ своекорыстный (*le convictionisme intéressé*) не менѣе непостояненъ: если дѣла шли плохо, онъ требовалъ революціи и вызывалъ къ народу.

Гувернеманализмъ одинъ только не имѣетъ отѣнковъ; онъ держалъ сторону правительства, какое бы оно ни было. Политика этой партіи выражается двумя словами: правительство существуетъ, — слѣдовательно должно существовать. Эта политическая партія замѣчательна по необыкновенной экзальтаціи; она съ изступленіемъ предапа своей идѣ.

Партій этихъ болѣе не существуетъ во Франціи: замѣчательно, что многія изъ нихъ, враждебныя президенту, поддали голоса въ его пользу. Можетъ быть, многіе изъ ихъ членовъ остались при своихъ мнѣніяхъ,

многіе, можетъ быть, ропщутъ втайнѣ, но никто не надѣется измѣнить существующій порядокъ вещей.

Какой-то чудакъ положилъ въ избирательную урну странный билетъ: «*Oui, j'en veux.... pour cinq ans!*»

Въ первые дни переворота явилось много каламбуровъ; вотъ одинъ изъ нихъ: *Les ex representans ne valent plus que 50 centimes depuis qu'ils sont dissous* (dix sous). Одно су стѣбитъ пять сантимовъ. Для француза думать и острить одно и то же.

Въ послѣднихъ числахъ декабря, Жюль Жаненъ, въ одномъ изъ фельетоновъ, *Journal des Débats*, нагромоздилъ много ученыхъ тайнъ въ своихъ латинскихъ цитатахъ. Этѣ загадки цензурный Эдиотъ разгадалъ только на другой день. Подпалась суматоха. Наканунъ никакъ не догадались, что Ювеналъ и Тацитъ могли писать энергическія примѣненія къ современному вопросу Франціи. Теперь назначили особаго цензора, которому поручено читать корректурные листы Жюль-Жанена и преслѣдовать его примѣненія, во всѣхъ иностранныхъ нарядахъ. Если г-ну Жанену вздумается заговорить по-гречески, цензура передастъ красный карандашъ самому ученому эллинисту; если онъ пустится въ еврейскій, на его фельетоны нагрянутъ всѣ толковники Израила, цѣлаи Сорбона, всѣ питомцы Меццофанти. Все это забавляетъ насмѣшниковъ парижанъ; Жюль-Жанена повсюду приветствуютъ, за его здоровье провозглашаютъ тосты. Какъ могла дать такой промахъ парижская цензура, которой *начитанность*, кажется, не подлежитъ сомнѣнію.

Въ театрахъ *great attraction*, какъ говорили про незабвенной памяти всемірную выставку. Въ *Ambigu-Comique* давали: *Le Vampire* драму въ пяти дѣйствіяхъ и въ одиннадцати картинахъ гг. Александра Дюма и Огюста Мане. Въ *Gaité: la Fileuse*, драму въ пяти дѣйствіяхъ, Жюля Барбье и Мишеля Карре. Въ *Théâtre du Gymnase-Dramatique: les Incertitudes de Rosette*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, г-на Эрнеста Серре. Начнемъ съ *la Fileuse*: Вампиръ — лакомый кусочекъ, — съ нимъ справимся послѣ.

Эта милая *пряжа* называется Бетти. Въ одинъ зимній вечеръ, старый добрякъ, подшкиперъ Вильямъ, нашелъ Бетти на улицѣ въ Манчестерѣ, и помѣстивъ своего приемыша посреди огромныхъ прядильныхъ колесъ рабочей Англій. Вы знаете, что въ Англій давно уже миновалось счастливое время сладкихъ напѣвовъ *Блѣлой дамы*: «*Крутись, крутись, мое веретено*», и что теперь представителями веретенъ появились тамъ огромныя колеса, съ страшными зубцами, такъ что одинъ изъ

этихъ стальныхъ зубовъ можетъ васъ убить съ разу. Бѣдная Бетти тоскуетъ и почти готова броситься въ пасть этого зубатаго пароваго вампира. Умереть въ ея лѣта, — бѣдная Бетти!

Но зачѣмъ же Бетти жаждетъ смерти? за тѣмъ, что на пути своей бѣдной жизни она встрѣтилась съ однимъ изъ тѣхъ патриціевъ, которые неизбѣжны на пути почти всѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Это люди полу-добрые, полу-злые, которымъ баловница судьба вплетаетъ двѣтри скудныя пряди добродѣтелей въ густое пасмо свѣтскихъ пороковъ. Знакомецъ Бетти называется Джоржъ Муррай; онъ сынъ Джона Муррая и наслѣдникъ богатствъ а и перскаго достоинства своего отца. Но эту почесть приготовило молодому Джоржу не право рожденія, а преступленіе его мнимаго отца. Джоржъ родился отъ нищей и носильщика, по имени Гогарта. Нищая, готовая быть матерью, приведена была (за восемнадцати лѣтъ передъ событіемъ драмы) въ домъ лорда Муррая, въ то самое время, какъ леди Муррай произвела на свѣтъ дочь. Лордъ Муррай, опечаленный рожденіемъ дочери, мѣняетъ ее на сына нищей. Обѣ матери довольны мѣною. Леди получила наслѣдника громкимъ титуламъ милорда, а нищая вѣроятно взяла придачу. — Но голосъ крови — скажете вы? — Голосъ крови? О, онъ наместитъ славныхъ продѣлокъ; — погодите.

Тацитъ сказалъ: *Nemo unquam imperium fragilitio quacsitum, bonis artibus exercuit!*! — по нашему: *чужое добро не впрокъ* Лордъ Муррай нарушилъ и Божескіе и человѣческіе законы; — небесная кара постигнетъ его въ собственномъ его преступленіи. Похищенный сынъ, который долженъ быть его славою, сдѣлался его поношеніемъ. Онъ предавался всѣмъ порокамъ безнравственности. Молва едва успѣваетъ слѣдовать за его развратными подвигами, считать его несмѣтные долги. Онъ обольстилъ бѣдную Бетти и заронилъ въ ея свѣтлую душу томительную жажду смерти. А Бетти вѣдь законная дочь лорда Муррая, отверженное дитя безумнаго честолюбца. Лордъ Муррай поручилъ свою дочь довѣренному челоѣку, Дональду, и далъ ему огромную сумму, чтобы обезпечить ея будущность; Дональдъ присвоилъ деньги и бросилъ дочь своего господина въ бездну безвыходной нищеты.

Этотъ сэръ Дрекъ, (я и забылъ сказать, что Дональдъ, обокравъ свою воспитанницу, жилъ подъ именемъ Дрека), этотъ ложный Дрекъ, ужасный мошенникъ въ трезвомъ видѣ, дѣлался предобримъ челоѣкомъ, когда бывалъ на-веселѣ. (Къ счастью это случалось съ нимъ ежедневно). Въ одну изъ такихъ люминозныхъ минутъ, онъ отдаетъ Джоржу предсмертное сознаніе медика, который присутствовалъ при рожденіи дочери лорда и зналъ превращеніе ея въ сына. Получивъ

этотъ важный документъ, Джоржъ отсылаетъ его къ лорду Мурраю. Все надежды лорда рушились, — мнимый сынъ его отказался отъ непринадлежащихъ ему почестей. «Нѣтъ, говоритъ тронутый лордъ, Джоржъ не такъ безчестенъ, какъ казался; въ немъ есть много хорошаго.» Въ Джоржѣ дѣйствительно было такъ много хорошаго, что въ пятомъ дѣйствіи мы его видимъ уже не сыномъ пѣра, а простымъ прядильщикомъ, и такимъ примѣрнымъ работникомъ, что лордъ Муррай рѣшается отдать дочь пряжу за Джоржа прядильщика. За симъ сватъба, и парка продолжаетъ пряхъ золотую нить жизни для счастливыхъ супруговъ.

Пѣсса мила, въ ходѣ происшествій много естественности, и это понравилось.

Le Vampire—это дѣло другое.—Въ этой драмѣ нѣтъ ничего естественнаго, кромѣ страшнаго, поразительнаго впечатлѣнія, произведеннаго ею на зрителей. Вотъ происхожденіе этой поэмы.

Въ Женевѣ, у г-жи Брентсъ, русской дамы съ англійскимъ именемъ, собрался кругъ близкихъ знакомыхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и лордъ Байронъ. Это случилось въ длинный зимній вечеръ, когда вьюга воетъ, какъ звѣрь, и плачетъ, какъ дитя. Мрачное состояніе атмосферы расположило гостей къ мрачнымъ впечатлѣніямъ, и они, другъ за другомъ, начали рассказывать страшныя повѣсти, легенды, сказки, отъ которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ. Лордъ Байронъ, въ свою очередь, импровизировалъ мнимую быль о лордѣ Рутвенѣ, который былъ безсмертенъ, на томъ условіи, чтобы онъ два раза въ годъ утолялъ свою вампирскую жажду кровью прекрасной и знатной дѣвицы.

Впрочемъ, мода рассказывать про мертвецовъ и разбойниковъ вовсе не нова въ Женевѣ. Въ Фернейскомъ замкѣ, еще до временъ Байрона, подобныя рассказы были семейнымъ праздникомъ, и ими восхищались не менѣе, какъ трагедіями владѣльца. Однажды, онъ самъ потѣшилъ гостей чуднымъ рассказомъ. Слушайте, господа, молвилъ онъ собесѣдникамъ, я расскажу вамъ славную исторію про разбойниковъ. Когда вниманіе слушателей было въ полномъ напряженіи, Волтеръ началъ: Жилъ былъ одинъ сборщикъ податей.... Тутъ рассказчикъ остановился: ну, какъ себѣ хотите, продолжалъ онъ потомъ, а я забылъ остальное; пойдемъ спать.

Но рассказъ Волтера не скоро забыли;—долго Парижъ повторять: жилъ былъ одинъ сборщикъ податей....

Сказку Байрона подхватилъ на лету врачъ Полядори, и типографскій стапокъ вдовы Удо передалъ ее цѣлому свѣту, подъ именемъ без-

смертнаго поэта. Вскорѣ потомъ Шарль Нодье, нагулявшись подъ древиннмъ небомъ Тессалии, которая издавна славится родиною всѣхъ изыческихъ демоновъ, сочинилъ странную книгу, подъ заглавіемъ: *Smarra*, что по-французки значить *cauchemar*, а въ русскомъ или скорѣе въ малороссійскомъ переводѣ чуть ли не будетъ *ночная хмара*. Гг. Дюма и Маке, въ своей ужасной драмѣ, копировали столько же Нодье, какъ лорда Байрона; кошмаръ владычествуетъ въ ней не менѣе Вампира; словомъ: они женили лорда Рутвена на Хмарѣ.

Вотъ содержаніе: молодой Жильберъ, богатый господинъ, путешествуя по Испаніи съ дѣвушкой Хуанной (*Guappa*) и съ своею свитою, вынужденъ просить ночлега въ древянмъ, развалившемся замкѣ. Замокъ пользовался не завидной репутаціей. Тамъ кто-то убилъ своихъ трехъ братьевъ, и души ихъ странствуютъ въ этихъ развалинахъ. Самъ убійца, умерщвленный своими слугами, стережетъ эти окровавленные стѣпы и пугаетъ путешественниковъ. Лордъ Рутвенъ тоже прѣзжаетъ просить ночлега въ этомъ замкѣ, и не хуже прिवиднѣя напугалъ Жильбера и его свиту.

Ночью дѣвица Хуанна просыпается отъ боли;—ее кто-то укусилъ въ шею. На крикъ ея сходятся люди; прибѣгаетъ Жильберъ съ оружіемъ;—выстрѣлъ,—и лордъ Рутвенъ падаетъ смертельно раненый. «Вы убили меня,» говоритъ лордъ Жильберу, «но я прощаю васъ, съ условіемъ, что вы вынесете трупъ мой на ближайшій холмъ, и оставите его подъ лучами апрѣльской луны.» Сказавъ это, лордъ умираетъ. Безразсудный Жильберъ, не зная самъ, что обѣщалъ, приноситъ на вершину горы, освѣщенную лучемъ мѣсяца, тѣло несчастнаго Рутвена, и свѣтло ночи, мирнымъ лучемъ своимъ, будитъ жизнь въ сынѣ тайвы и мрака.

Въ англо-французскомъ романѣ только одинъ экземпляръ Вампира. Въ послѣдствіи, Франція ощутила потребность придать этому Вампиру-самцу—Вампира-самку, вѣроятно на-племя, чтобы развести этотъ почтенный родъ; въ слѣдствіе чего появилась книга, въ четыре тома, подъ заглавіемъ: *La Vampire*. Сочинители драмы воспользовались появленіемъ этой новой личности, и пожаловали ее въ спутницы своему Вампиру, подъ названіемъ Гули (*Goule*). Вампиръ и Гуля сходятся въ драмѣ, на конференцію о взаимныхъ и обоюдныхъ правахъ своихъ.

Гуля влюблена въ Жильбера и хочетъ его спасти отъ предстоящихъ ему опасностей. Она переодѣлась старухою, и въ одномъ ущеліи отвела отъ его груди пистолетъ лорда Рутвена. Это твое право, говоритъ ей Рутвенъ, который знаетъ по пальцамъ всѣ статьи вампир-

скаго устава, но ты не имѣешь права обличить меня, и сказать, что я вампиръ. — Могу и это сдѣлать, отвѣчаетъ Гуля, если откажусь отъ безсмертія. — Добрая Гуля, она рѣшилась даже этою цѣною купить спасеніе своего любезнаго.

Драматическая жизнь лорда Вампира раздѣляется на двѣ смерти. Первая смерть совершается въ половинѣ третьяго дѣйствія. Воскреснувъ, подъ лучемъ луны, другъ нашъ Рутвенъ можетъ проказить еще два съ половиною дѣйствія. По преданіямъ, чтобы убить вампира, надобно пробить ему сердце осиновымъ коломъ; но Гуля научаетъ Жильбера другому способу: вели благословить свою шпагу на главномъ олтари, и вампиръ затрепещетъ, только что завидитъ твое оружіе. Давши этотъ совѣтъ, бѣдная Гуля лишается безсмертія, присвоеннаго сословію вампировъ, и исчезаетъ, какъ роса подъ лучемъ солнца.

Однако лордъ Рутвенъ успѣлъ заѣсть сестру Жильбера, а Жильберъ успѣлъ проколоть лорда благословенною шпагою, такъ что *его честь* отправился въ преисподнюю безвозвратно. Это вторая и послѣдняя смерть Вампира.

Въ этихъ сценахъ много поражающаго. Онѣ полны жаркихъ увлеченій, нечаянностей, ужаса, радостей, томленія страсти. Сверхъестественность становится вѣроятною, благодаря искусству сочинителей, блестящей обстановкѣ и декораціямъ драмы, гдѣ иллюзія доведена до такого совершенства, что зритель невольно начинаетъ вѣрить.

На театрѣ Оперы давали *Пророка* для дебюта г-жи Тедеско; Галевн назначилъ ей также роль въ своемъ *Вѣчномъ жидѣ*, такъ что знаменитая артистка была въ большихъ хлопотахъ, разучивая разомъ двѣ партіи. Наконецъ она какъ-то умѣла сладить это дѣло, и появилась въ трудной роли *Fidès*, въ которой г-жа Віарло была *матерью*, Албони *матенькой*, а г-жа Масонъ *кормилицей*. Предъ самымъ выступленіемъ на сцену г-жи Тедеско, когда она была вся занята первою каватиною, которую должна была пѣть, къ ней подходитъ кто-то съ вопросомъ:

«Вы знаете новость? — Какую новость? — Такъ вы еще ничего не знаете? — Нѣтъ. — Вашъ банкиръ въ новомъ Орлеанѣ обанкротился! — Боже, неужели это правда! — Не остается никакого сомнѣнія... извѣстіе получено сего-дня утромъ; такъ мужъ вашъ утаилъ это отъ васъ?»

Между тѣмъ режиссеръ зоветъ г-жу Тедеско: — Вамъ выходить, вамъ выходить; вы опоздаете.

Каково было г-жѣ Тедеско пѣть подъ впечатлѣніемъ такого извѣ-

стія? Она лишилась трехъ-сотъ тысячъ франковъ, собравшихъ въ продолженіи семи или осьми лѣтъ ея драматическаго поприща....

Мужъ г-жи Тедеско тщательно скрывалъ отъ нея эту печальную новость въ такой рѣшительный для нея вечеръ, но забывшавшая соперница, раздосадованная успѣшными дебютами г-жи Тедеско, поспѣшила угодить ей *своевременнымъ* сообщеніемъ пріятной вѣсти.

Эта стратегія соперницъ не нова на парижской сценѣ. Вотъ что случилось съ г-жею Фальконъ въ одно изъ первыхъ ея представленій *Гугенотовъ*: въ четвертомъ дѣйствіи, послѣ знаменитой сцены благословенія кинжаловъ, слѣдуетъ большой драматическій дуэтъ, въ которомъ г-жа Фальконъ должна была пѣть съ славнымъ Нурри. *Валентина*, взволнованная, трепещущая отъ избытка тревожныхъ чувствъ, утомленная продолжительною патетическою сценою, обтерла газза платкомъ. Жестъ этотъ былъ даже кстати въ ея отчаянномъ положеніи; но вдругъ она чувствуетъ непреодолимый позывъ чихнуть. Напрасно старается она побѣдить это чувство: желаніе чихать возрастаетъ съ каждой минутой. *Рауль*, въ порывѣ самой жаркой страсти, спрашиваетъ, любить ли она его.... она чихаетъ!—раздается набатъ Варроломеевской ночи.... Валентина, объятая ужасомъ.... чихаетъ. Господь осудилъ ихъ, говорить Сень-Бри,—это на нихъ погибель. —*На здоровье!* крикнулъ какой-то проказникъ изъ партера. Публика разхототалась; невозможно было продолжать пьесы; Мейербееръ былъ въ невыразимомъ отчаяніи.

Вотъ объясненіе: одна изъ *корифеевъ* пѣла въ этой оперѣ десятка два тактовъ;—г-жа Фальконъ замѣнила ее другою. Эта Медя, получавшая 35 франковъ въ мѣсяцъ, закралась въ фойе, и натерла какимъ-то возбуждающимъ порошкомъ платокъ г-жи Фальконъ.

Съ г-жею Черито случилось еще хуже. Она должна была танцовать въ новомъ балетѣ. Передъ спектаклемъ ѣла она за обѣдомъ котлеты съ пюре изъ каштановъ. Лакей, подкупленный соперницею, подмѣшалъ въ пюре порошокъ изъ алапы.... Но поживемъ жалкіе закулисные проски, и обратимся къ предмету болѣе интересному, хотя и печальному.

Въ концѣ декабря умерли: въ Парижѣ г. Ленге, таинственный, неразгаданный мистъ, и въ Лондонѣ г-нъ Торверъ, знаменитый англійскій живописецъ, о которомъ мы сообщили уже нѣкоторыя подробности, говоря о всемірной выставкѣ.

Г. Ленге, референдарій (*maitre des requêtes*) и секретарь совѣта

министровъ, кавалеръ Почетнаго Легіона, былъ однимъ изъ тѣхъ закулисныхъ политиковъ, которые участвуютъ во всемъ, но такъ, что это участіе остается для всѣхъ тайною. Во времена реставраціи онъ былъ подъ рукою у г-на Виллеля; при Лудовикѣ Филиппѣ, на него опирался г. Гизо. Двадцать пять лѣтъ былъ онъ секретаремъ въ совѣтѣ министровъ, составлялъ всѣ протоколы засѣданій, и какъ искусный стенографъ, успѣвалъ записывать всѣ мнѣнія, всѣ рѣчи, всѣ самые тайные разговоры Карла X и Лудовика Филиппа съ министрами. У него есть копіи всѣхъ сужденій, происходившихъ на этихъ засѣданіяхъ. Какое предназначеніе готовилъ для этихъ документовъ г. Ленге, — Богъ знаетъ; можетъ быть задумывалъ онъ издать ихъ въ запискахъ, но нельзя не сознаться, что обнародованіе этихъ мыслей *совѣта министровъ*, котораго дѣйствія не всегда высказываютъ его тайныя намѣренія, было бы очень любопытно.

Г. Ленге пріобрѣталъ значительныя суммы, но онъ былъ мотъ, и врядъ ли что оставилъ. Его исключительное положеніе навлекло на него много обвиненій — но обвиненія не улика. Людей, которые прежде всѣхъ узнаютъ новости, всегда обвиняютъ въ томъ, что они торгуютъ этими новостями, но если бы г. Ленге употреблялъ во зло довѣріе начальства, онъ не удержался бы такъ долго на своемъ мѣстѣ. Многія статьи о политическихъ вопросахъ, появлявшіяся въ газетахъ до изданія постановленія г. Тиньп, были приписаны этому таниственному политику. Онъ составлялъ, какъ увѣрляютъ, рѣчи для многихъ министровъ, напримѣръ для маршала Сульта, когда онъ защищалъ или опровергалъ важные вопросы. Много брошюръ также приписано его всезнающему перу. Онъ былъ какъ одинъ изъ *десяти* Венеціанскаго совѣта: всевѣдущій и безвѣстный. Сколько твердости, сколько упорной скромности долженъ былъ имѣть этотъ человекъ, чтобы устоять противъ искушеній, разсѣянныхъ на каждомъ шагу его жизни. Въ послѣднее время онъ былъ главнымъ редакторомъ журнала *Revue*. Жалко, что такъ поздно вздумалъ онъ сбросить свое политическое домино.

Г. Торнеръ умеръ 82 лѣтъ. Англичане ставили его въ главѣ своей школы. Мы говорили уже, что ему можно приписать изобрѣтеніе *туманной живописи*; это Ламартины кисти. Его морскіе виды платились въ Англіи по сту тысячъ франковъ, и нѣтъ богатаго лорда, который не имѣлъ бы оригинала Торнера. Говорятъ, онъ дѣйствительно завѣщалъ въ своей духовной, чтобы картины его: *Торжество и Паденіе Карла-гана*, были съ нимъ погребены. Если это правда, любопытно знать, исполнять ли это завѣщаніе, или сочтутъ послѣднюю волю артиста —

сумасшествіемъ. Англія фанатически уважаетъ законъ, а законъ на сторонѣ Торнера. Картины эти нельзя не почитать неотъемлемою собственностію Торнера; они его произведеніе, а по законамъ Англіи никого нельзя лишить права распоряжаться своею собственностію по произволу, въ духовномъ завѣщаніи.

Это уваженіе Англичавъ къ законамъ рѣзко проявляется въ недавнемъ случаѣ съ королевою и принцемъ Албертомъ.

Королева прогуливалась съ своимъ супругомъ въ фаэтонѣ, не подалеку отъ Виндзорскаго дворца. На дорогѣ встрѣчаютъ они заставу, за проѣздъ чрезъ которую установленъ денежный сборъ, какъ на всѣхъ заставахъ Англіи. Сборщикъ снимаетъ шляпу и подноситъ королевѣ свою кружку. Принцъ Албертъ забылъ свой кошелекъ и заплатитъ нечѣмъ. Шлагбаумъ не опущенъ, рѣльные кони грызутъ удила и рвутся, передъ ними стелется ровная широкая дорога; лордъ Харлиль ожидаетъ королеву въ свои роскошныя оранжереи. Сборщикъ противиться не будетъ, — но законъ!

— Заплати за насъ, — говоритъ королева сборщику.

— Не возможно, Ваше Величество, отвѣчаетъ сборщикъ, и снявъ досчечку съ постановленіемъ, указываетъ на 3-ю статью, которою воспрещено чиновникамъ при денежныхъ сборахъ входить въ подобныя сдѣлки, во избѣжаніе злоупотребленій.

Принцъ Албертъ поворотилъ лошадей назадъ, поѣхалъ въ объѣздъ, и сдѣлалъ двѣ лишніи мили изъ уваженія къ установленнымъ правиламъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

СИЛАДСКІЙ ДЕРЕВЯННЫЙ КАЛЕНДАРЬ. (*Изъ Иркутска*). Прорѣзая изъ Якутска въ Иркутскъ, зашелъ я случайно, въ одной изъ при-ленскихъ деревень, въ крестьянскій домъ, и увидѣлъ тамъ на столѣ, обдѣланный тонкій брусокъ дерева, длиною въ $\frac{5}{4}$ аршина, толщиною въ вершокъ, квадратный. Съ перваго взгляда было замѣтно, что это вещь старинная. Сначала я принялъ его за аршинъ собственной крестьянской мѣры, или за извѣстные крестьянскіе *рубжи* (бирки), которые постоянно служатъ имъ, по безграмотству, вмѣсто всякихъ счетныхъ книгъ; но я ошибся: на брускѣ были нарѣзаны не палочки, и не крестики, замѣняющіе цифры, а какія-то совсѣмъ другаго рода фигуры, похожія на іероглифы. Вглядываясь внимательно въ эти таинственные знаки, я замѣтилъ въ числѣ ихъ грубое изображеніе *всадника на конѣ*, потомъ, изображеніе *сохи*. Какъ коренной сибирякъ, я зналъ многія крестьянскія простонародныя выраженія, ихъ поговорки, пословицы, и наконецъ святыхъ, которыхъ больше чтутъ они; по этому мнѣ не трудно было догадаться, что всадникъ на конѣ былъ *Егорій Храбрый*, а соха изображала *Еремья запрягальника*. Такимъ образомъ отыскавъ ключъ къ этому іероглифическому календарю, я рассмотрѣлъ наконецъ раздѣленіе мѣсяцевъ, дней, всѣ почти годовые праздники и дни въ которыхъ святыхъ, преимущественно извѣстныхъ крестьянамъ на память, какъ по простотѣ именъ своихъ, такъ и по періодическимъ временамъ года, въ которые приходится празднество имъ. Рѣдко можно встрѣтить по селеніямъ ленскимъ имя мудреное, или мало извѣстное крестьянамъ, которымъ бы нарекли новорожденного. Не ограничиваясь однако жъ моимъ собственнымъ обзоромъ этого календаря, я спросилъ хозяина: что это у него за вещь? «Родимой! отвѣчалъ мужикъ, это наши домашнія святцы! Мы люди не грамотные, а тутъ кое-чего разумѣемъ! — Это, батюшка, у насъ

святцы наслѣдственные, достались отъ дѣдушка. Старики-то, родимой, носили ихъ съ собою въ *утожъя* (въ даль лѣсовъ), когда отправлялись на долго промыслять бѣлку и другаго звѣря. Они были богомольные, чтобы и въ лѣсу не забыть великаго праздника, въ который бы не работать и не прогнѣвать Господа; да и намъ *наказывали* крѣпко хранить праздники Божіи и дни великихъ Его угодниковъ,—и посты наблюдать, въ среды и пятки скоромнаго не кушать! Видишь, батюшка, живемъ отъ церкви Божіей далеко, такъ гдѣ же намъ знать многое; а слава Богу, что и эту грамоту отцовскую разумѣемъ! Вотъ по этимъ святцамъ мы знаемъ и *Семеновъ день*, и *Авонасеевъ день*, и *Рождество Христово*; *Васильевъ день*, *Аксинью полузимницу*, *Егорья храбраго*, *Еремья запрягальника*, *Федосью колосницу*, *Аграфену купальницу*, *Лупана* (Луппа), *Николу зимняго* и *Николу вешняго* и многихъ другихъ святыхъ, какъ изволишь батюшка видѣть; также и свои и своихъ домашнихъ имавины, родины и помняки.»

«Хорошо, хозяйнѣ, сказалъ я—продай мнѣ свои святцы, или промѣняемся па печатные?» «Нѣтъ, кормилецъ!—я тебѣ свои ни за что не продамъ и не могимъ этаго сдѣлать; ихъ мнѣ завѣщалъ мой родитель, да и дѣткамъ моимъ велѣлъ оставить, чтобы они переходили изъ рода въ родъ.»

Я попросилъ его, чтобы онъ по крайней мѣрѣ позволялъ мнѣ снѣтъ съ его календаря рисунокъ. «Списывай, батюшка, какъ знаешь, доброе дѣло и тебѣ пригодится, а мы люди темные вашихъ печатныхъ святцевъ читать не умѣемъ, да и ребятишки-то мои грамотѣ не выучены.»

Прилагаю и рисунокъ, снѣтый мною съ сельскаго деревяннаго календаря. Вотъ главныя и необходимыя къ нему поясненія: литера А означаетъ сентябрь, Б—октябрь, В—ноябрь, Г—декабрь, Д—январь, Е—февраль, Ж—мартъ, З—апрѣль, И—май, І—іюнь, К—іюль, Л—августъ, прочее можно понять, сличивъ съ настоящимъ календаремъ. Тогда будетъ видно, въ каждомъ мѣсяцѣ, какіе дни его и какими именнo знаками отмѣчены крестьянами, и какіе оставлены безъ всякихъ отмѣтокъ (4).

II. ПЕЖЕМСКІЙ.

Ноябрь, 1851.

ПИСЬМО графа Саввы Лукича Рагузинскаго къ преосвященному Иннокентію Кульчитскому, первому епископу Иркутскому и Нерчинскому (2).

Пресвященный Епископъ Иркутскій и Нерчинской Иннокентій Кульчитской, государь мой премилостивѣйшій и благодѣтель всенадежный!

(1) Рисунокъ смотр. въ приложеніи.

(2) Эту статью тоже сообщалъ намъ г. Пежемскій, занимающійся] исторіи

Понесю я извѣстился, что Архимандритъ Антоній Платковскій совершивъ счеты свои с тамошними монастырями, которой под присудствіемъ Вашего Преосвященства и готовитца къ путешествію по указу на лѣто въ Пекинъ, ежели Китайцы по своему обыкновенію и шатливости слово свое не премѣнятъ. Также извѣстно мнѣ учинено отъ персонъ достойно, и что Иркутскіе жители и нѣкоторые мои благодѣтели поносятъ меня неправдыми словами, будто я онаго Архимандрита отпускаю въ Китай и за ево стою за нѣкоторыя корысти или взятки, что существенно, на что призываю свидѣтеля и самаго Бога и мою чистую совѣсть, и предаю себя вѣчное анафема—ежели я онаго Архимандрита и за какой мой интересъ отпускаю, и какъ родился ничего за бездѣльные взятки не дѣлалъ, ибо честная моя природа, человѣческая опасность, и по милости Всевышняго Бога домашнее достоинство никогда меня къ такимъ непорядкамъ не допускало, о чемъ покорнѣе прошу: прикажите спросить ево Архимандрита подъ клятвою.

Въ мою же бытность в Иркутску, на моемъ путешествіи въ Пекинъ, а нѣчто и по возвращеніи въ Селенгинскъ брано въ домъ мой чрезъ писаря моего Константина Иванова изъ тамошняго монастыря хлѣбныхъ и прочихъ домашнихъ припасовъ по цѣнѣ слишкомъ на шездесять рублей, да пять монастырскихъ лошадей, и когда онъ Архимандритъ былъ во ономъ монастырѣ, взаимно бралъ изъ дома моего специальныхъ питей, какою, сахару и прочего, да занялъ лошадей лошадьми, которые были по ту сторону моря (Байкала), сущіе мои, развѣ лучше монастырскихъ.

А сей осени, когда онъ Архимандритъ былъ здѣсь въ Селенгинску, прежде возвращенія в Иркутскъ, то вышписаннымъ припасамъ, лошадямъ и прочему учиненъ чрезъ моего писаря Константина съ нимъ Архимандритомъ совершенный счетъ, и что ему товарами не додано, то готовыми деньгами заплачено, и за ево рукою при подлинномъ квитованіи на счетъ росписка получена, которая обрѣтается за существовою ево рукою у вышписаннаго моего писаря, и оную Богу извольшу, на моемъ путешествіи Преосвященству вашему покажу для того, что и слышу, что въ монастырскихъ расходныхъ книгахъ вышписанные хлѣбные припасы и прочее на меня записано, и между братьею о томъ на меня не безъ порѣченія, чего ради я къ нему Архимандриту о томъ не

чекими разысканіями о Сибиріи. Онъ обѣщаетъ доставлять въ ред. Моск. все, что пойдетъ любопытнаго въ своихъ разысканіяхъ. Ред.

пишу, ибо въ такомъ случаѣ письма моего недостойны есть; понеже я отъ моихъ прародителей дѣлать монастыри и святѣя обители вспомогалъ, а никогда съ нихъ взятковъ не требовалъ и притѣсненія не чинилъ.

Того ради, Ваше Пастырское Преосвященство, отеческой предосторожности прошу, что въ расходныхъ монастырскихъ книгахъ изъ имя мое написано по цѣнѣ отъ шестидесяти до семидесяти рублей, ибо я больше не бралъ, повели оныя деньги на немъ Архимандритъ въ монастырь доправить, и имя мое изъ монастырскихъ расходныхъ книгъ вывести, дабы въ томъ между братьею не было мнѣ портченія и монастырю обиды, когда я дѣйствительно и несумнительно Архимандриту все полученное заплатилъ, на что имѣю, какъ выше объявлялъ, за ево рукою квитанцію, съ которой готовъ, ежели Ваше Преосвященство повелитъ послать списокъ.

Еще слышу портченіе въ хлѣбныхъ припасахъ и продчемъ на секретаря моего посольства Ивана Глазунова, что въ монастырскихъ книгахъ на него написано по цѣнѣ отъ шести до семи рублей долгу, о чемъ я ево Глазунова спрашивалъ, то онъ отвѣтовалъ, что правда, что онъ по любви на шесть или на семь рублей съѣстныхъ припасовъ получилъ вподарокъ, за что онъ ево Архимандрита дарилъ китайскимъ атласомъ самой доброй руки, которой и вполтары вышеписавной цѣны стоитъ, и проситъ Преосвященство Ваше, дабы имя ево изъ монастырскихъ книгъ вывести, а на Архимандритъ такую сумму доправить.

Я наконецъ прошу, ежели Вашему Преосвященству не трудно на сіе мое покорное писаніе повелѣть милостивой респонть учинить, и дѣйствительно меня о очищеніи моего имени и расплатѣ съ нимъ Архимандритомъ увѣдомить, дабы имя мое въ такихъ богатствахъ туне не поносить, въ надеждѣ, что отъ части и Вашему Преосвященству честные мои поступки суть небезызвѣстны.

Присемъ рекомендую себя Вашимъ Архипастырскимъ святымъ молитвамъ, желая Вашего Преосвященства благословенія, цѣлуя святѣя ваши руцѣ, съ глубочайшимъ респектомъ пребываю.

Вашего Преосвященства, моего Милостиваго Государя и надежнаго благодѣтеля, всякаго добра желательный, вѣрный и покорный слуга Графъ Сава Владиславичъ.

Изъ Селенгиска, 7 Феврала,
1728 года.

Квитанція.

4728 года, марта дня, приняли у Архимандрита Антонія по письму отъ Графскаго Сіятельства Сава Владиславича денегъ за запасъ, которой

запасъ оуѣ Архимандритѣ въ прошломъ 726-мъ году, Іюля 8, да 18, числѣ изъ Вознесенскаго монастыря отдалъ его Сіятельству, а имянно: овса двадцать пудъ, цѣна за овесъ по двѣ гривны за пудъ, и того четыре рубли; тридцать пудъ *пшеницы*, цѣна за пудъ по осьми алтынъ по двѣ деньги, и того семь рублей с полтиною; сухарей сто семдесятъ шесть пудъ, цѣна за пудъ по двѣ гривны, и того тридцать пять рублей, шесть алтынъ, четыре деньги; *солоду ячнаго* сорокъ пудъ, цѣна за пудъ по двѣ гривны, и того восемь рублей; десять *мышковъ холшовыхъ*, цѣна по гривнѣ мѣшокъ, и того рубль; *масла коровья* три пуда три чети, цѣна семь рублей, шеснацать алтынъ четыре деньги; *крупы ячной* шесть пудъ с четью, цѣна за пудъ по полуполтинѣ, и того рубль осмацать алтынъ четыре деньги, всего на шездесать на четыре рубли, на двадцать на пять алтынъ, на двѣ деньги; да оуѣ же Архимандритѣ отдавалъ Ивану Ивановичу Глазунову запасу *пшеницы* семь пудъ, цѣна за пудъ по полуполтинѣ, и того рубль двадцать пять алтынъ; три пуда *солоду*, цѣна за пудъ по пяти алтынъ, и того пятнацать алтынъ; *крупы ячной* три пуда, цѣна за пудъ по полуполтинѣ, и того двадцать пять алтынъ; *сѣмени коноплянаго* два пуда, цѣна рубль; *солоду пшеничнаго* десять пудъ двадцать фунтовъ, цѣна за пудъ по десяти алтынъ, и того три рубли, пять алтынъ; шесть *мышковъ холшовыхъ*, цѣна двадцать алтынъ; всего вышло к секретарю на семь рублей на двадцать на три алтына на двѣ деньги, и всего вышписаннаго оуѣ Архимандритѣ отдалъ на обѣ персоны на семдесятъ на два рубли на пятнацать алтынъ на двѣ деньги, и таковыя деньги за вышписанной запасъ, по означенному письму, у него Архимандрита семдесятъ два рубли пятнацать алтынъ двѣ деньги в Иркутскомъ архіерейскомъ приказѣ принялъ въ казну Вознесенскаго монастыря казначей, монахъ Вавила, его велѣніемъ казенной пищигъ Афонасей Куликаловъ росписался.

Мѣстные очертанія новгорода. Самое поверхностное наблюденіе надъ климатомъ Новгорода достаточно убѣждаетъ всякаго, что здѣшній климатъ весьма мало разнствуетъ отъ петербургскаго; даже временныя атмосферическія явленія, какъ-то: снѣгъ, дождь, замерзаніе и вскрытіе рѣкъ и пр., у насъ почти общи съ Петербургомъ. Наблюденія надъ термометромъ и состояніемъ погоды, дѣланныя мною въ разное время нынѣшняго года, я сличалъ съ подобными же въ С.-Петербургѣ, помѣщаемыми въ газетахъ, и почти всегда могъ угадывать состояніе погоды либо здѣшней, либо петербургской, смотря по тому, какое было здѣсь господствующее направле-

ніе вѣтра. Исключенія бывали рѣдки и весьма непродолжительны; но коль скоро погода у насъ становилась постоянною, на пр. пасмурною, а въ Петербургѣ означалась еще ясною, то я почти былъ увѣренъ, что въ слѣдующемъ № Газеты увижу—пасмурно, и на оборотъ, если въ Петербургѣ погода становилась пасмурною, дождливою, а у насъ была еще ясною, то и здѣсь происходитъ тоже. Изъ сказаннаго легко догадаться, что всѣ превращенія зимы въ осень и осени въ лѣто, бывшія во многихъ мѣстахъ сѣверной Россіи въ продолженіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ истекающаго года, случились и у насъ: такъ въ половинѣ октября выпалъ здѣсь снѣгъ и держался съ недѣлю, такъ что образовался даже санной путь; потомъ цѣлый мѣсяць стояла сухая осенняя погода, съ небольшими по утрамъ морозами; наконецъ, съ половины ноября установилась было зима съ основательными по временамъ морозами, но съ начала декабря пошли оттепели и дожди, такъ что въ городѣ осталось снѣгу самая малость, и мы недоумѣваемъ опять, какое теперь время года: по календарю надо быть зимѣ, а въ натурѣ выходить осень. Многие ожидали переменъ погоды съ наступленіемъ дня *Спиридона Повороты*, когда, по народнымъ примѣтамъ, солнце пойдетъ на лѣто, а зима на морозъ, и медвѣдь повернется съ одного бока на другой и примется сосать другую лапу. Но Спиридонъ Поворотъ прошелъ, а погода стоитъ все такая же.

Навигация окончилась у насъ съ половины ноября. Въ слѣдующемъ письмѣ я сообщу подробныя свѣдѣнія, какъ о числѣ прошедшихъ здѣсь нынѣшнимъ лѣтомъ судовъ, такъ и о цѣнности провезенныхъ на нихъ товаровъ; теперь же скажу нѣсколько словъ о мѣстной промышленности. Самые значительные мѣстные промыслы заключаются въ рыбной ловлѣ и въ произращеніи огурцовъ. Ильмень и Волховъ со впадающими въ нихъ рѣками весьма богаты всѣхъ породъ рыбою; въ нихъ водятся: лещъ, судакъ, щука, сырть, сигъ, налимъ, окунь, ершъ, снетки и нѣк. другія мелкія породы. Самыми вкусными почитаются сырть и сигъ. Рыбу, ловимую здѣсь, солятъ, сушатъ и вялятъ, и отправляютъ большими партіями въ Петербургъ; туда же идетъ много и живой рыбы на особыхъ судахъ, называемыхъ живорыбниками или прорѣзьями. При всемъ томъ большое количество рыбы потребляется здѣсь на мѣстѣ; привозной мороженой рыбы хорошихъ сортовъ, съ Шоксы и съ Волги, также не мало можно встрѣтить на рынкѣ въ зимнее время. Произраченіемъ и соленіемъ огурцовъ занято здѣсь тоже не мало рукъ; особенною извѣстностію пользуются огурцы городищенскіе. Въ іюль и въ августъ мѣсяцахъ наша торговая площадь въ полномъ смыслѣ

слова бываетъ завалена огурцами; продаются они въ это время по рублю сер. за тысячу и даже дешевле. Этотъ продуктъ идетъ отъ насъ въ большомъ количествѣ въ Петербургъ, и уже съ давнихъ поръ упрочилъ тамъ за собою выгодную извѣстность. Прочіе огородные овощи, хотя и родятся здѣсь въ достаточномъ количествѣ, но не будучи предметомъ значительнаго сбыта, потребляются на мѣстѣ. Изъ садовыхъ плодовъ особенно хорошо здѣсь родятся яблоки и дули, отправляемые также въ Петербургъ. Фруктовый садъ Юрьева монастыря безъ лести можно сравнить съ Гесперидскимъ, а яблоки, имъ производимыя, можно назвать золотыми, если не въ прямомъ, то по крайней мѣрѣ въ переносномъ смыслѣ: трудно повѣрить, чтобы нашъ холодной и сырой климатъ могъ производить такой большой, вкусный и ароматный плодъ. Крымскія яблоки, доставляемыя сюда зимнимъ путемъ, достоинствомъ своимъ не лучше Юрьевскихъ. Изъ обыкновенныхъ породъ яблокъ тоже очень хороши такъ называемыя *чулановка* и *сквозныя*; эти сорта хотя и не велики, но очень вкусны, особенно послѣдніе; яблоко бываетъ иногда до того прозрачно, что можно пересчитать его зернышки. Изъ лѣсныхъ фруктовъ новгородская почва и климатъ совокупными усиліями производятъ весьма много клюквы и брусники, не говоря уже о сѣверномъ виноградѣ—рябинѣ и нѣкоторыхъ другихъ дарахъ нашей сѣверной Помоны. Осенью и зимою крестьянки привозятъ на продажу въ городъ много калины, которую онѣ какъ-то *парятъ*, отчего она дѣлается темнобураго цвѣта и испускаетъ самый убійственный запахъ; нужно имѣть слишкомъ неразборчивый вкусъ, чтобы ѣсть эту мерзость. Въ послѣднее время у крестьянъ ближайшихъ къ Новгороду селеній значительно усилился промыселъ разнаго рода древесныхъ издѣлій, какъ-то: экипажныхъ колесъ, хомутовъ, саней, корытъ, ведеръ и пр. Этотъ промыселъ, по нѣшему мнѣнію, какъ нельзя болѣе здѣсь на своемъ мѣстѣ, потому что Новгородская губернія богата лѣсомъ, и на выгодный сбытъ этого товара очень можно надѣяться. На Варлаамевскую ярмарку было навезено сюда изъ ближнихъ деревень очень много древесныхъ издѣлій, особенно колесныхъ ободовъ; нѣсколько барокъ, нагруженныхъ этимъ товаромъ, было отправлено тогда же въ Петербургъ, гдѣ, разумется, онѣ не залежался. Прибыточные промыслы здѣшняго края, извозничество и бурлачество, должны будутъ ежегодно уменьшаться, по мѣрѣ усиленія сообщеній столицъ между собою желѣзною дорогою, и потому самая необходимость заставляетъ крестьянъ приискивать себѣ другія, сообразныя мѣстнымъ условіямъ, роды занятій, такъ какъ земледѣліе, по скудости почвы, едва ли можетъ быть единственнымъ источникомъ

обогащенія сельскаго сословія здѣшняго края. Говоря о промышленности Новгорода, нельзя пройти молчаніемъ и такъ называемыхъ *мѣстныхъ продуктовъ* его; ихъ считается два: свѣжая постила и вяленая сырть. Приготовленіе постилы годъ отъ году здѣсь уменьшается за малымъ числомъ охотниковъ лакомиться этимъ русскимъ вареньемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что не далеко то время, когда совсѣмъ забудутъ рецептъ составленія этого русскаго лакомства, подобно тому, какъ забыто приготовленіе разнаго рода шипучекъ и ароматныхъ медовъ и наливокъ, бывшихъ утѣхою нашихъ предковъ. Сырть нигдѣ больше не ловятся, какъ въ Волховѣ, — мнѣ, по крайнѣй мѣрѣ, не случилось ни слышать, ни читать про нее. Это небольшая, но очень вкусная рыба. Вялятъ ее слѣдующимъ образомъ: выпотрошивъ и слегка засоливъ, рыбу разрѣзываютъ плашмя на двое и кладутъ на солому въ нагрѣтую печь; послѣ того выносятъ ее на вольный воздухъ и сушатъ на солнцѣ. Такимъ образомъ приготовленная сырть очень хорошо идетъ для закусокъ.

Теперь объ общественныхъ удовольствіяхъ. Завѣжніе эквилибристы и фокусники доставляли намъ почти единственное развлеченіе въ осеннее время. Въ началѣ декабря дано было нѣсколько концертовъ здѣшними любителями музыки съ благотворительною цѣлю, для устроенія дѣтскаго пріюта. Извините, что объ учреждаемомъ у насъ пріютѣ я говорю не въ первый и вѣроятно не въ послѣдній разъ, по пословицѣ: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, а учрежденіе этого благотѣтельнаго заведенія составляетъ до сихъ поръ нашу общую болѣзнь, такъ нельзя умолчать объ ней.

PS. Считаю нужнымъ прибавить къ настоящему письму небольшое историческое замѣчаніе о № 22 Москвитянина, по поводу статьи г. Красова о концахъ новгородскихъ, помѣщенной въ 34 № Новгородскихъ губерскихъ вѣдомостей. Карамзинъ говоритъ, что Сотко въ 1167 г. выстроилъ церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла деревянная (дубовая) Софійская церковь, въ концѣ Епископской улицы, на берегу Волхова, сгорѣвшая, по лѣтописи попа Іоанна, 1049 г. въ субботу, марта 4. Основанія его, хоть и не указанія, смотри: II. Нов., стр. 121, годъ 6553-й, и III. Нов., стр. 208, годъ 6497, гдѣ именно сказано, что Сотко выстроилъ церковь Бориса и Глѣба на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла Софійская. Могу еще прибавить въ подтвержденіе этого слѣдующее сказаніе, внесенное въ рукописный (не издаанный) лѣтописецъ Нов. Никольскаго Дворищенскаго собора: «Заложи церковь каменную Святыхъ Страстотерпца Бориса и Глѣба Сотко въ каменномъ городѣ Дятинцѣ, идѣже прежде была Софія при Архіепископѣ Іоакимѣ, и

тая церковь (т. е. св. Бориса и Глѣба) раззорена отъ Нѣмецъ до основанія, а стояла близъ церкви мученика Андрея Стратилата.» Изъ этихъ словъ можно даже опредѣлить положеніе церкви св. Бориса и Глѣба, потому что ц. Андрея Стратилата существуетъ и въ настоящее время и на довольно значительномъ разстояніи отъ Софійской. Такимъ образомъ ваше предположеніе объ Уставѣ получаетъ еще большую достовѣрность, и слова Карамзина основаны на историческомъ свидѣтельствѣ.

И. КУПРИАНОВЪ.

О КАЧЕСТВАХЪ ЛЬНАНАГО СЪМЕНИ ДЛЯ ЗАГРЯНИЧНАГО СБЫТА. (Изъ Тамбова). Въ 8 N° Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1851-й годъ на стр. 75 и 76 Землед. Хроники припечатано извѣщеніе для производителей и торговцевъ льнанаго сѣмени о томъ, что на «англійскихъ и бельгійскихъ рынкахъ калькуттское льняное сѣмя продается двумя франками за четверть дороже, нежели привозимое изъ Россіи, и что эта разность въ цѣнѣ происходитъ отъ того, что русскіе производители льн. сѣмени не очищаютъ тщательно полей, на коихъ оно произрастаетъ, отъ разныхъ вредныхъ травъ, которыхъ сѣмена, собираясь вмѣстѣ со льномъ, вмѣсто увеличенія количества добываемаго изъ послѣдняго масла, поглощаютъ оное въ ущербъ «фабрикантовъ.» Обо всемъ этомъ сообщаетъ генеральный консулъ въ Брюсселѣ г. Бахератъ, и Ученый Комитетъ Мин. Госуд. Имуществъ призналъ полезнымъ опубликовать настоящее замѣчаніе о недостаткахъ русскаго льнанаго сѣмени для того, чтобы обратить на это вниманіе производителей льна. За предувѣдомленіе это всякій изъ сѣятелей льнанаго сѣмени долженъ привести Ученому Комитету глубочайшую признательность; но вотъ обстоятельства, которыя я считаю долгомъ высказать по поводу изложенныхъ выше замѣчаній г. Бахерата: извѣстно, что въ льняномъ сѣмени попадаютъ преимущественно слѣдующія постороннія зерна: рыжикъ, сурьпица и просо, другихъ же сорныхъ плевелъ мало бываетъ, да и то годами. Рыжикомъ и сурьпицей—торговцы не пренебрегаютъ, а еще, какъ слышно, при сбытѣ за границу подмѣшиваютъ въ ленъ эти сѣмена до 15%; но просо почитается вреднымъ при добываніи изъ льнанаго сѣмени масла. Рыжикъ и сурьпица по возможности выпалываются изъ нивахъ, и развѣ у лѣнивыхъ и безпечныхъ хозяевъ много бываетъ въ лѣнѣ примѣси этихъ растений; просо же трудно и даже (почти) невозможно совершенно отдѣлать отъ льнанаго сѣмени, остается одно средство—избѣгать всячески посѣву льна по просянищамъ; впро-

Чѣмъ бывають годы, когда просо является на запонахъ чрезъ два и болѣе лѣтъ, что предвидѣть не всегда можно, и тѣмъ болѣе, что льняное сѣмя стало производиться въ нашихъ мѣстахъ въ большихъ размѣрахъ, при требованіи его къ Таганрогскому порту, а потому стали сѣять лѣнь по новымъ землямъ, снявши въ первые два года по распашкѣ просо, потомъ въ 3-й годъ пшеницу, а за тѣмъ на 4-й или 5-й годъ льняное сѣмя.

Теперь считаю нужнымъ передать на общее сужденіе обстоятельства покупки у насъ льняного сѣмени. Пять лѣтъ тому назадъ получилъ я изъ Редакціи Землед. Газеты $\frac{1}{2}$ фунта Испанскаго крупнаго льна; при всѣхъ неблагопріятныхъ годахъ (1848 и 1850), я успѣлъ развести этого прекраснаго сѣмени до 50 четвертей, и въ нынѣшнемъ году впервые пустилъ въ продажу это произведеніе. Въ г. Борисоглѣбскъ на Воронѣ покупають льняное сѣмя торговцы для ростовскихъ (на Дону) негоціантовъ: Скараманги и Петракоки; я показывалъ всѣмъ покупателямъ свое сѣмя, всѣ они превозносятся его, говоря, что такого еще и не покупали нигдѣ: оно крупно и чисто, вѣситъ 25 фунтами въ четверти болѣе простаго сѣмени; но дороже 15 р. ас. никто изъ торговцевъ не давалъ мнѣ, платя за обыкновенное здѣшнее сѣмя отъ 13 до 15 руб. ас. за чет. въ 40 пудовъ, не смотря на то, что въ Таганрогѣ, Бердянскѣ и Одессѣ льняное сѣмя покупается отъ 7 до 8 руб. сереб. за четверть, а провозъ до Ростова и Таганрога обходится не дороже 1 р. 50 к. сер. за четверть со всѣми издержками. Я же продавалъ свое сѣмя (на сѣмена) по 5 и 6 р. сер. за чет. на сѣмена помѣщикамъ. Вотъ обстоятельства нашей торговли и какъ цѣнятъ продукты наши покупщики! По этому съ льнянымъ сѣменемъ та же исторія, какъ и съ Ярославскимъ волокномъ льна, о чемъ пишетъ г. Карновичъ въ томъ же номерѣ Ж. М. Г. Им. I. отд. на 188 и 189 стран. Иностранцы сортируютъ всѣ продукты по своему, а посредники между ними и нами иначе смотрятъ на вещи, стараясь только бы покупать подешевле, но не разбирая достоинства товара: исключеній въ этомъ не много. То же дѣлается и съ другими сырыми произведеніями нашими: шерстью и саломъ; требуютъ, чтобы дѣлаема была строгая браковка, а за это, т. е. за лучшій продуктъ не даютъ прилично-большей цѣны, чему виною и несовершенство или недостатокъ удобныхъ путей сообщенія сравнительно съ пространствомъ Россіи; пусть объ этомъ подумаютъ и разсудятъ экономисты, принявъ все это во вниманіе и входя во всѣ подробности нашего положенія.

Членъ мн. Уч. и Экономич. Обществъ, Борисоглѣбскій
помѣщикъ **Ж. КОЗЛОВЪ.**

Ноября 1851 года.

г. Борисоглѣбскъ на р. Воронѣ.

ЧЕРТА РУССКАГО НАРОДНАГО ХАРАКТЕРА. (Изъ острогожска).

Въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ семействѣ государственныхъ крестьянъ, селенія Буйловки, случилась ссора. Семейство состояло изъ матери, старухи лѣтъ 60, сына ея, лѣтъ 30, и дочери, молодой дѣвки. Началось бранью между братомъ и сестрой. Не смотря на то, что дѣвка была несправедлива, мать взяла ея сторону, долго бранила сына и наконецъ хотѣла его ударить. Крестьянинъ терпѣливо спосылъ брань матери, но бить себя не позволилъ. Чтобы предупредить ударъ, онъ схватилъ мать за руки, оттолкнулъ ее отъ себя, и убѣжалъ изъ избы. Старуха, разсерженная такимъ открытымъ сопротивленіемъ непокорнаго сына, пошла жаловаться на него въ расправу. При допросѣ, виновный чисто-сердечно сознался въ своемъ проступкѣ, и съ раскаяніемъ просилъ у матери прощенія. Но этого было ей недостаточно: она непременно хотѣла наказанія строгаго. Къ вечеру того же дня Буйловская сельская расправа объявила виноватому, что онъ, по жалобѣ матери, требуется въ Бѣлогорское сельское правленіе. Страхъ наказанія, стыдъ публичнаго безчестія и наконецъ угроженія совѣсти, недававшіе покою несчастному, возставшему противъ власти родительской—все это вмѣстѣ заставило его рѣшиться на такой поступокъ, для котораго нужно было слишкомъ много твердости духа.... Выпросивъ позволеніе собраться въ дорогу, крестьянинъ пришелъ домой, схватилъ топоръ, и однимъ махомъ отрубилъ себѣ кисть руки, оказавшей сопротивленіе материнской власти....

ИКОНА СВ. МУЧ. БОРИСА И ГЛѢБА.

Во Владимірскихъ губ. вѣдомостяхъ (N 49) г. Борисовъ пишетъ объ одномъ образѣ въ селѣ Ивановѣ, въ Покровской церкви, «писанномъ изъ разныхъ моментовъ жизни св. мучениковъ Бориса и Глѣба. «Между прочимъ внизу иконы помѣщена сцена: везеніе народомъ гробовъ св. мучениковъ на саняхъ, позади коней идетъ епископъ съ князьями и боярами, а вдали тоже съ непокроуенными глазами народъ; «спереди представлены врата какого-то зданія, предъ которыми стоитъ «женщина, а предъ ней поставленъ столъ съ хлѣбами. — Костюмы «всѣхъ этихъ лицъ довольно оригинальны. На лѣвой сторонѣ иконы «слѣдующая полууставная надпись: «Написанъ сей святыи образъ при «державѣ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Θεодора Иоанновича всея Руссиі, при святейшемъ Патріархѣ Московскомъ Іовѣ и «при Митрополитѣ Варлаамѣ Ростовскомъ въ лѣто $\frac{7099}{1591}$ » Икона сія,

говорять, куплена въ 1808 году въ какомъ-то селѣ «Ярославской губерніи прихожаниномъ сей церкви, богатымъ крестьяниномъ Осипомъ Гандуринымъ, который и имѣлъ усердіе приложить еѣ въ церковь Покровскую, выстроенную имъ на свои деньги. Икона «въ вышину аршинъ трехъ, а въ ширину 2¹/₂.»

Вѣрно эти изображенія тѣ же самыя, о которыхъ случилось мнѣ нѣсколько разъ писать въ Москвитинѣ; вѣрно всѣ онѣ написаны были вскорѣ послѣ причтенія князей къ лику Святыхъ, и повторялись въ рукописныхъ житіяхъ и на образахъ, — слѣдовательно это копія съ близкихъ подлинниковъ. Ж. II.

Перечитывая длинный **некрологъ** прошедшаго 1851 года, тщательно составленный г. Терлевымъ въ Сѣверной пчелѣ, помянемъ прежде всѣхъ три имени, извѣстныхъ всѣмъ соотечественникамъ: Котляревскаго, Лазарева, Карамзиной.

Котляревскаго, одного изъ первыхъ героевъ Кавказа, котораго назвалъ Пушкинъ въ 1823 году: «Котляревскій, бичъ Кавказа.»

Лазарева, какъ славу, надежду, украшеніе Русскаго флота. (Адмиралъ, начальникъ черноморскаго флота и проч.).

Карамзиной, — супруги, незабвеннаго нашего исторіографа, вѣрной подруги его въ продолженіи 25 лѣтъ, усладительницы его трудовъ, посвященныхъ отечеству.

Послѣ нихъ первое мѣсто долженъ занять въ печальныхъ воспоминаніяхъ: *Егоровъ*, учитель всѣхъ живущихъ нашихъ художниковъ, заслуженный профессоръ академіи, славный своимъ рисункомъ въ Европѣ, оставившій много произведеній своего искусства, оригинальный характеръ.

Потомъ *Френъ* (академикъ) одинъ изъ иностранцевъ, искренно преданныхъ Россіи, принесшій много ей пользы своими трудами, отецъ восточной нумизматики, которая много освѣтила древнюю русскую исторію; пособившій своимъ извѣстіями изъ восточныхъ писателей, кстати изданными, разбить Еверсдова мнѣніе о козарствѣ Руси, имѣвшее своихъ поклонниковъ.

Иванъ Матвѣевичъ *Муравьевъ-Апостолъ*, (бывшій сенаторъ и проч.) старшій изъ ученыхъ нашихъ литераторовъ, славный эллинистъ, переведшій Аристофановы облака и Гораціевы сатиры, издавшій путешествіе въ Тавриду, — къ которому Батюшковъ писалъ письмо о сочиненіяхъ Михаила Никитича Муравьева, ихъ общаго родственника.

Аносовъ, начальникъ Алтайскихъ заводовъ, чье имя произносилось

съ любовью всѣми пріѣзжими изъ-за Урала, прославившійся своими открытіями по горной части—и добрымъ сердцемъ.

Фрейтагъ (генераль-квартирмейстеръ дѣйств. арміи) знаменитый приведеніемъ помощи во-время князю Воронцову въ одномъ изъ послѣднихъ его походовъ.

Карбановъ, почтенный собиратель, знатокъ и любитель русскихъ древностей, типъ старыхъ дворянъ, перенившихъ придворную вѣжливость; завѣщавшій свои драгоценныя собранія въ пользу бѣдныхъ.

Языковъ, Петръ Михайловичъ, старшій братъ поэта, занимавшійся съ великимъ успѣхомъ Геологією, и оставившій много примѣчательныхъ сочиненій.

Полыновъ, старшій изъ членовъ прежней Россійской академіи, принимавшій дѣятельное участіе въ составленіи ея словаря, (тайный совѣтникъ).

Смирной, воспитанникъ Московскаго университета, секретарь Платова, сохранившій многія черты изъ его жизни, (дѣйств. статскій совѣтникъ).

Комовскій, переводчикъ исторіи литературы Шлегелевой и Менцелевой, (дѣйств. стат. совѣтникъ).

Рафаловичъ, молодой докторъ, оставившій любопытное оочиненіе объ Египтѣ.

Ефимовъ, талантливый архитекторъ.

Усачевъ, почетный московскій купецъ, который лѣтъ двадцать открывалъ Нижегородскую ярмарку, приводя ее въ движеніе, закупкою чаю вдругъ на десять и болѣе милліоновъ.

Стодвадцатилѣтній старецъ, матросъ Азовской флотиліи 1770 года, Герасимъ Ивановъ (въ Перекопѣ Таврической губерніи).

Стодесятилѣтній старецъ, инвалидъ, Иванъ Савченко, служившій въ арміи графа Миниха (въ Черниг. губ.).

Стовосьмилѣтній старецъ, государственный крестьянинъ, Григорій Великій, бывшій запорожскій съезчикъ (въ Херсонской губерніи).

Въ заключеніе выпишки помянемъ шестьдесятъ четыре года священнодѣйствовавшаго протоіерея въ Петербургѣ, Кирилла Иковдевича Вотскаго.

Миръ праху ихъ вмѣстѣ съ прочими!

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Новыя постройки въ Парижѣ. — Воспоминаніе о Шанлене. — Парижская Итальянская опера: Нина, Дочь втораго полка, Эрнани; Софья Крувелли и Зонтагъ. — Букомантіа или наука узнавать прошедшее, настоящее и будущее по расположенію рта. — Курсъ поэзіи Сень-Марка Жирардена. — Толки англичанъ о Людовикѣ Наполеонѣ. Вновь найденныя сочиненія Евклида. — Памятникъ Гете и Шиллеру.

Поэтъ Цимерманиъ (люцерскій уроженецъ) написалъ гимнъ *новинженію*, и его соотечественники восхищались прекрасною мыслию поэта. Во Франціи, особливо въ Парижѣ, гимнъ этотъ не имѣлъ бы такого успѣха; французы любятъ хорошіе стихи, но давно уже изгнали изъ своего отечества богиню, воспѣтую Цимерманою. Шестидесять почти лѣтъ возмущенія, какъ нравственная эпидемія, господствуютъ во Франціи, обозначая путь свой слѣдами крови и опустошеній. Въ городахъ слѣды эти примѣтнѣе, и теперь въ Парижѣ нѣтъ площади, нѣтъ улицы, гдѣ бы не производилось исправленій, построекъ. Повсюду работы, во первыхъ, чтобы возстановить разрушенное, во вторыхъ, чтобы занять празднаыя руки, бездѣйствіе которыхъ могло бы сдѣлаться опаснымъ. Къ счастью, Парижъ заблаговременно приготовилъ много проектовъ и запасся достаточными капиталами. Скажемъ нѣсколько словъ о теперешнихъ парижскихъ работахъ:

Кавалеръ д'Асильи, поэтъ временъ Людовика XIV, сказалъ:

Quoique de sa jeunesse il soit déjà bien veuf,
Le pont neuf, dans mille ans, s'appellera pont-neuf.

Но теперь, древній *новый-мостъ* будетъ новымъ не по одному только прозванію; его исправляютъ заново. Завидна старость, которой такъ легко помолодѣть! Жалко, если при этой перестройкѣ вздумаютъ сломать полукруглыя лавочки, которыя выходятъ за парапеты, и вовсе не затрудняютъ ни сообщенія, ни свободнаго воздуха; онѣ

придаютъ характеристическую фizioномію того времени, въ которое мотъ этотъ былъ построенъ. Старинныя зданія въ древнемъ городѣ отнюдь не безобразятъ его; это гербы его древняго происхожденія. Лишать городъ этихъ древностей значило бы подражать французскому дворянству, которое сожгло свои грамоты въ безумную ночь 4-го августа.

Правый берегъ Сены, на протяженіи отъ Новаго моста до площади Шатле (Châtelet), такъ называемая Желѣзная набережная (quai de la Feraillie), также совершенно измѣнили свой видъ. Съ лѣвой стороны ратуши, узкія и темныя улицы уступили мѣсто обширной площади. Въ одномъ изъ сломанныхъ домовъ жила когда-то дѣвица д'Обинье, впоследствии жена поэта Скарона. Три мѣсяца тому назадъ, безпощадный ломъ каменщика развалилъ двѣ комнатки, которыя посѣщала великій Тюренинъ, г-жа Севинье, Виларсо, Миньяръ и Нинона де-Ланкло.

Въ Люксембургѣ также много счастливыхъ переизмѣнъ. Въ концѣ уединенной аллеи стоялъ фонтанъ. Каменные наяды неутомимо переливали въ бассейнъ каменную же воду. Въ давно минувшее время любви герцогини Беррійской и кавалера Риума, наяды это часто бывали скромными свидѣтелями уединенныхъ прогулокъ счастливыхъ любовниковъ; сюда дѣвица де-Клермонъ приходила грустить, разлучившись съ страстнымъ кавалеромъ Мелунъ (Melun). Фонтанъ примыкалъ тогда къ старому, полу-разрушенному зданію, и едва былъ замѣтенъ на дикомъ цвѣтѣ стѣнъ его. Теперь старое зданіе сломано, и этотъ памятникъ временъ регентства живописно рисуется на зеленомъ полотнѣ окрестныхъ тополей.

На площади каруселя, песчаное пространство между Лувромъ и Тюльери, также вскорѣ покроется зеленью. При Наполеонѣ составлено было много проектовъ, чтобы заполнить это пустое мѣсто. Коллонада, галлерей, фонтаны должны были замаскировать этотъ промежутокъ;—можетъ быть нѣкоторые изъ прежнихъ проектов и будутъ исполнены. Покуда предполагено только окончить начатую галлерей и сдѣлать четыре большіе сада, которыхъ зелень и воды придадутъ жизнь этой картинѣ, хотя нѣсколько смягчатъ строгую и пасмурную фizioгномію Тюльери.

Французскіе короли, обитавшіе въ Версаль до временъ имперіи, ресторации и июльскаго переворота, мало заботились о Тюльери. Тамъ цѣлѣвались обыкновенно знатные гости, а иногда и знаменитые писатели. Тамъ жилъ когда-то беззаботный, безпечный Шан-

лене (Champlenetz). Разъ, въ его покояхъ, на третьемъ этажѣ случился пожаръ. «Спасли ли вы что изъ мебели», спросили его на другой день. «Одну только штуку, которую выбросили изъ окна», отвѣчалъ онъ — Что же это было? — Фортепьяно!

Беззаботно и весело смотрѣлъ онъ на жизнь, и такъ же весело и беззаботно взглянулъ въ лицо смерти, когда встрѣтился съ нею на гильотинѣ. Вотъ его стихи, въ которыхъ рѣзко отсвѣчивается безпечность его характера. Извѣстно, что въ этомъ родѣ онъ былъ соперникомъ Лувуа, его современника.

De Louvois suivant les leçons,
Je fais des chansons et des dettes;
Les premières sont sans façon;
Mais les secondes sont bien faites.
C'est pour échapper à l'ennui
Qu'un honnête homme se dérange.
Quel bien est solide aujourd'hui?
Le plus sûr est celui qu'on mange.

Правительство заботливо хлопочетъ, чтобы работники не оставались праздными; это придадо городу много движенія, много жизни.

Театры, въ свою очередь, тоже не остаются безъ дѣла и стараются привлекать публику новостями, — даже старыми. Недавно давали въ театрѣ комической оперы *Нину* или *безумную отъ любви*, оперу Дайлерака, котоая была въ первый разъ играна 15 мая 1786 года. Болѣе двадцати семи лѣтъ парижская публика не видала этой оперы, вѣроятно потому, что для исполненія роли *Нины* необходимъ талантъ *спеціальный*, и столько же искусная актриса, какъ превосходная пѣвица, что рѣдко бываетъ соединено въ одной личности. Дѣвица Фавель дебютировала теперь въ этой пьесѣ, и оправдала довѣріе къ ней дирекціи. Композиторъ не показалъ большого таланта въ этой оперѣ, но въ ней есть прекрасныя партіи и трогательныя сцены. Публика плакала, въ прямомъ значеніи этого слова. Эти слезы припоминають фарсъ одного проказника, который, увидѣвъ изъ партера, что женская половина зрителей, наполнявшая ложи, расплакалась на представленіи какой-то чувствительной мелодраммы, распустилъ свой зонтикъ, какъ бы стараясь укрыться отъ дождя. Французы расхохотались, — и пьеса упала. Но *Нина* не упала; есть надежда, что прекрасный полъ не разъ еще поплачетъ отъ безумной любви или любовнаго безумія бѣдной *Нины*. Въ большой оперѣ опять даютъ *Сафо*.

Мы уже говорили объ этой пьесѣ въ одной изъ прошлогоднихъ книжекъ Москвитянина; теперь много неудачныхъ номеровъ этой музыки выброшено, и опера этимъ выиграла. Берліозъ хвалить художественную отдѣлку партитуры, можетъ быть не слишкомъ ученой, не вѣсн доступной, но написанной съ талантомъ и съ умѣньемъ. Итальянская опера давала *Эрнани* и *Дочь втораго полка* (*Figlia del Reggimento*). Эрнани написана для тенора Гуаско, который дебютировалъ теперь въ ней на парижской сценѣ. Сюжетъ Эрнани въ драмѣ Гюго чрезвычайно сложенъ, а въ оперѣ, въ которой необходимо было выпустить много объяснительныхъ монологовъ, сдѣлался запутаннымъ и непонятнымъ. Сочинитель либретто, желая сохранить красоты подлинника, составилъ оперу изъ однихъ патетическихъ сценъ, такъ сказать безъ спаекъ, безъ этихъ необходимыхъ переходовъ, во время которыхъ напряженное вниманіе слушателя отдыхаетъ и собираетъ новыя силы для новаго восхищенія. Это однако же не испугало Верди. Онъ написалъ музыку на это безтолковое либретто, безспорно, съ большимъ талантомъ; но вынужденный сюжетомъ, нагромоздивъ одинъ за другимъ столько эффектовъ, и съ первыхъ сценъ расточилъ столько восторженности, столько музыкальнаго увлеченія, что къ финальному тріо и актеры и симфонисты и самыя зрители—выбились изъ силъ. Главный недостатокъ Верди состоитъ въ томъ, что въ его произведеніяхъ нѣтъ свѣтлой точки, отъ которой музыкальные лучи распространялись бы, слабѣя постепенно, до тѣней. Его арии, дуэты, терцеты, прекрасны, каждый порознь, но эти мелодическія вдохновенія, эти порывы музыкальнаго восторга, являются какъ метеоры на темномъ члѣ ночи, и исчезая оставляютъ зрителя въ совершенномъ мракѣ. Софья Крувелли дебютировала въ Эрнани еще въ прошломъ году, и съ такимъ же успѣхомъ исполнила и теперь свою роль. Эта превосходная актриса-пѣвица дебютировала недавно въ роли Маріи (дочь втораго полка). Трудно создать положеніе болѣе неестественное положенія Маріи, дочери знатныхъ родителей, между солдатами, на воспитаніи у капрала. Г-жа Зонтагъ, образецъ совершенства въ этой оперѣ, играла роль Маріи какъ дѣвица *благородная*, брошенная случайно въ грязь казарменной жизни, и старалась выказать приемы, къ которымъ можно привыкнуть только на паркетѣ, подъ золочеными панелями роскошнаго дворца,—приемы, которыхъ не могло даже измѣнить общество у самыхъ товарищей ея странной участи. Публика удивлялась тогда въ этой оперѣ не Маріи, дочери полка, а г-жѣ Зонтагъ, превосходной кантатрисъ, въ которой еще рѣче отсвѣчивалась неестественность

представляемой личности. Зная хорошо сцену, эта прекрасная артистка озарила своимъ талантомъ только тѣ мѣста въ роли Маріи, кои бросали блескъ на нее самую. Прекрасные приемы изящнаго воспитанія приправляла она иногда, но очень рѣдко, вспышками милой шутиливости, приобретенной въ новой ея сферѣ, но и въ этой шутиливости военного состоянія проявлялись у г-жи Зонтагъ вкусъ и привычки хорошаго общества.

Софья Кривелли создала иначе роль Маріи, придавая ей, такъ сказать, двойственный характеръ — милого своенравнаго полковаго демона, когда раздавались звуки барабана, и дѣвушки, благородно признательной и высоко нѣжной, когда ея семейство покушается изторгнуть ее у капрала, который ее воспиталъ, и у тирольскаго рекрѹта, котораго она любитъ.

Репертуаръ италіянскаго театра богатѣетъ съ каждымъ днемъ. Вскорѣ г-жи Фредолини и Гуаско появятся въ *Маріи ди Роганъ*, а Софья Кривелли въ *Фиделіо* Бетговена.

Поговоримъ теперь о замѣчательной новости въ литературномъ свѣтѣ.

Всѣмъ извѣстно, что сильныя движенія души, сильныя ощущенія, иногда даже и мысли наши, отсвѣчиваются въ чертахъ лица. И радость, и горе, и любовь, и ненависть, и радушіе, и недоброжелательство предательски отражаются въ нашей физиономіи; и кому знакома эта гіероглифическая азбука чувствъ, тотъ легко разгадаетъ, по наружнымъ признакамъ, состояніе души. Такова сила душевныхъ впечатлѣній, что даже непреклонная воля покоряется ихъ непобѣдимому могуществу надъ слабымъ организмомъ человека. Но кто бы думалъ, что по одному расположенію рта, по очеркамъ улыбки, по разрѣзу рта и формѣ губъ, можно было разгадать не только страсти, склонности, характеръ человека, но даже его прошедшее, его настоящее и будущее! А между тѣмъ, нѣкто Вильямъ Роже не шутя утверждаетъ, что это дѣло возможное, и написалъ объ этомъ цѣлую книгу подъ заглавіемъ: *La Buccomancie, ou l'art de connaitre le présent, le passé et l'avenir d'une personne d'après l'inspection de la bouche*. Надобно надѣяться, что курсъ на женскія улыбки удивительно теперь понизится, и что мы, бѣдные мужчины, вѣчная жертва улыбокъ, воздвигнемъ г-ну Роже колоссальный, ниневійскій памятникъ. Но откуда откроется подписка на этотъ памятникъ, посмотримъ, не морочить ли насъ г. Роже, и на какихъ именно данныхъ основывать онъ теорію своего мистическаго прозрѣнія.

Въ самомъ предисловіи этой книги видно уже, что сочинитель хороший физиологъ и физиономистъ, который примѣнялъ ученіе Лафатера

исключительно къ устамъ человѣка, и книга г-на Роже читается съ возрастающимъ любопытствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, уста человѣческія, по утвержденію всѣхъ фizioномистовъ, писавшихъ о семіотикѣ лица, обличаютъ наши мысли, чувства и страсти, то улыбкою, то какимъ-нибудь судорожнымъ дрожаніемъ, то особеннымъ сгибомъ разрыва губъ.

Г. Роже не строитъ новой системы; онъ смиренно сознается, что примѣнилъ свои наблюденія къ системамъ Лафатера и Галля, изъ которыхъ первый искалъ въ чертахъ лица отраженія души, отблеска чувствъ и склонностей; а послѣдній наблюдалъ внѣшнее строеніе черепа, и по нѣкоторымъ его выпуклостямъ опредѣлялъ свойства ума и страстей. Г. Роже руководствовался наблюденіями этихъ двухъ фizioномистовъ во всемъ, что относилось у нихъ ко рту. Авторъ Букоманія ссылается въ своемъ сочиненіи и на древнихъ, которые упоминаютъ о признакахъ душевныхъ качествъ въ чертахъ лица. Аристотель, въ перепискѣ своей съ Александромъ великимъ, его ученикомъ, говоритъ о наружныхъ признакахъ душевныхъ качествъ. Въ ссылкахъ своихъ на Моисея и царя Соломона, на греческихъ и римскихъ писателей и поэтовъ, авторъ Букоманія строго сохраняетъ текстъ, по лучшимъ принятымъ переводамъ. Сократъ, Виргилій, Овидій, Плиній, Сенека, Марціалъ, всѣ были букоманы, всѣ изучали выраженіе рта и видѣли по немъ всѣ внутреннія качества. Въ средніе вѣка, Скоттъ, Парацельсъ, Агриппа, Николай Фламмель продолжали эти наблюденія. Съ того времени, какъ люди начали соединяться въ общества, началось и изученіе внутренняго человѣка по внѣшнимъ признакамъ. Симпатія и отвращеніе всегда проявлялись въ внѣшнихъ формахъ; самые дикіе сыны природы хорошо разумѣютъ этотъ языкъ, и при открытіи Америки туземные жители ясно доказали европейцамъ ихъ необычайную смѣтливость въ этомъ отношеніи. Букоманія, важѣйшая отрасль фizioномикки, есть знаніе врожденное въ человѣкѣ, и писатели, соединяющіе наблюденія по этому предмету въ одно цѣлое, суть только исторіографы трансцендентальной, умозрительной фizioлогіи.

Г. Роже въ первыхъ главахъ своей книги излагаетъ Анатомію человѣческаго рта; изложеніе это кратко, но полно и ясно. Потомъ раздѣляетъ онъ собранныя имъ наблюденія на категоріи. Щеки, подбородокъ, губы, десны, зубы, ихъ форма, положеніе, разнообразіе улыбокъ, все имѣетъ свое относительное значеніе, и все вмѣстѣ составляетъ основанія букогномического ученія. За тѣмъ авторъ примѣняетъ эти наблюденія къ изученію темпераментовъ, склонностей, страстей, и наконецъ разгадываетъ по нимъ прошедшее, настоящее и будущее.

Г. Сень-Маркъ Жирарденъ открылъ 7 января свои чтенія о *французской поэзіи*. Число его слушателей такъ же велико, какъ и въ прежнія чтенія. Тѣ, которые зовутъ г. Сень-Марка Жирардена, посѣщаютъ его чтенія не съ тѣмъ, чтобы искать сильныхъ впечатлѣній и слышать напыщенную декламацию; они ходятъ на эти чтенія изучать вкусъ, нравственность и истинную философію.

Въ этомъ году знаменитый профессоръ будетъ говорить о Корнелѣ. Казалось бы, что все уже сказано объ этомъ отцѣ французской трагедіи. Не минуло еще трехъ тысячъ лѣтъ по смерти Корнеля, но удивленіе двухъ вѣковъ состарило его имя, какъ имя Гомера. Кто боится повтореній, тому такъ трудно хвалить Корнеля, какъ Гомера. Вотъ какъ отзываются Французы. Однако же г. Сень-Маркъ Жирарденъ нашолъ тайну обновить предметъ устарѣлый, истощенный уже критикою. Профессоръ говорилъ о Корнелѣ съ чувствомъ изящнымъ, безъ громкихъ словъ, безъ изысканности. Г. Сень-Маркъ Жирарденъ не пристрастенъ къ современной литературѣ и не шадеть эпиграммъ на *фантастическую школу* (*école fantaisiste*); сатира замысла, или, вѣрнѣе сказать, дополнила критику. Слушатели умѣютъ цѣнить достоинство профессора и охотно воздаютъ ему заслуженныя похвалы. Г. Сень-Маркъ Жирарденъ двадцать лѣтъ занимаетъ кэедру въ факультетѣ словесности, и можно смѣло сказать, что никто изъ его предшественниковъ не оказалъ такихъ услугъ литературѣ, вкусу и здравой безпристрастной критикѣ. Г. Алури, говоря о чтеніяхъ г. Сень-Марка Жирардена въ *Journal des Debats*, присовокупляетъ: можетъ быть нашлася люди, которые ожидали или опасались слышать на чтеніяхъ нашего профессора что-либо не входящее въ программу литературной лекціи; можемъ увѣрить, что ихъ ожиданія и опасенія были неосновательны.

Вообще можно сказать, что политическіе токи совсѣмъ затихли во Франціи, за то они въ полномъ разгарѣ въ Англіи. Даже отставка лорда Пальмерстона не ослабила вниманія Англичанъ къ декабрьскимъ событіямъ въ Парижѣ. Въ журналахъ толко и говорить о послѣдствіяхъ 2-го декабря, и эти послѣдствія сдѣлались источникомъ журнальныхъ басней, сужденій и болѣе или менѣе рѣзкихъ выходокъ противъ совершившагося переворота. Въ первые дни, газеты были болѣе благопріятны, нежели враждебны этому событію, но потомъ вдругъ измѣнили точку зрѣнія. Даже *Times*, *Times* ударила въ набатъ противъ Лудвика Наполеона, помѣстивъ въ столбцахъ своихъ переписку столько же странную, какъ не правдоподобную. Впрочемъ этотъ журнальный гнѣвъ скоро затихнетъ. Въ Англіи, между торіями, какъ и между вигами, есть большинство интересовъ и чувствъ,

въ которомъ заключается несомнѣнное соучастіе противо-революціонному перевороту, и это соучастіе явно выразилось въ палатахъ 10 декабря 1848 года. Англія по своему обсуживаетъ вопросы законной власти, порядка и анархіи, общество и социализмъ. Въ статьѣ *Quarterly Review* о революціонной литературѣ рѣзко высказана антипатія, какую встрѣтили бы въ Англіи противно-общественныя идеи, которыя Лудвигъ Наполеонъ счелъ обязанностію утушить, вопреки конституціи. Эту обязанность Англичане не оспаривали ни у Кромвеля, ни у Вильяма III, въ двухъ, хотя и не совсѣмъ подобныхъ переворотахъ.

Въ числѣ Англичанъ, защитниковъ и ратоборцевъ Лудвика Наполеона, можно указать на сира Френси Бондъ Гедъ (Sir Francis Bond Head), извѣстнаго своими статьями о Каналѣ, о желѣзныхъ дорогахъ, о цилиндрическомъ мостѣ и пр., писателя остроумнаго и замѣчательнаго, какъ по здоровому смыслу, такъ и по игривому, почти разговорному слогу. Сиръ Гедъ принадлежитъ къ числу торіевъ, исполненныхъ сочувствія къ Франціи. Вопреки національному предразсудку, онъ не смотритъ на Францію, какъ на больницу сумасшедшихъ, отчасти неистовыхъ, отчасти невинно смѣшныхъ. Онъ провелъ прошлымъ лѣтомъ шесть недѣль въ Парижѣ, гдѣ онъ давно уже не былъ, и радъ былъ видѣть, что эта столица похорошѣла и всегда одинаково заманчива для путешественника.

Хотя сиръ Френси Гедъ строгій торій, но республиканцы не показались ему слишкомъ страшными, тѣмъ болѣе, что онъ подмѣтилъ, что и они не очень серьезно смотрятъ на свою республику. Наблюдательный туристъ, онъ постигъ всѣ общественныя и нѣкоторыя частныя заведенія, — больницы, дворцы, тюрьмы и мѣста увеселеній, кладбища и рынки и пр. Его наблюденія влущены изящнымъ вкусомъ и благомыслящею, благорасположенною критикою; его два тома о Парижѣ вполне заслуживаютъ вниманіе. Въ годовщину смерти Наполеона, онъ встрѣтился въ *Hôtel des Invalides* президента, который заговорилъ съ нимъ очень привѣтливо и пригласилъ его къ обѣду. Сиръ Френси оцѣнилъ это вниманіе къ бывшему губернатору Канады и одному изъ самыхъ остроумныхъ писателей Великобританіи. Изъ Елисейскаго дворца президентъ пригласилъ его на смотръ; ему дали лошадь съ конюшни Лудвика Наполеона, которая вздумала было пошалить, но сиръ Френси умѣлъ укротить ее, и слѣдуя за президентомъ, замѣтилъ, что и во Франціи и въ соединенныхъ королевствахъ Великобританіи мало джентльменовъ-вздоковъ съ такою твердою и красивою посадкою, какъ Лудвигъ Наполеонъ.

Журналы не надѣлали бы шуму за эту похвалу принцу, но они раз-

разились громомъ полемики за то, что авторъ, говоря о критическомъ положеніи Франціи въ 1851 году, сказалъ между прочимъ, сравнивая Францію съ кораблемъ, носимымъ бурей: «Богу угодно было поставить у руля кормчаго, обладающаго всѣми нужными качествами, чтобы возвратить Франціи спокойствіе и благосостояніе торговли, которыхъ она жаждетъ. Люди, мнѣніе конхъ имѣть цѣну, увѣрили меня, во время пребыванія моего въ Парижѣ, что принцъ Лудвигъ Наполеонъ — человекъ честный, благоразумный, скромный, независимый. Подверженный тяжкимъ испытаніямъ, онъ съ твердостью защищалъ вѣру противъ безбожія, права собственности противъ грабежа, порядокъ противъ покушеній революціонистовъ. Онъ живетъ (какъ странно увѣряють) жизнью внутреннею; рѣчь его не проявляетъ его вдохновенія, жестъ его не отличаетъ его отваги; взоръ его не выражаетъ его пылкости, приемы не выказываютъ его намѣреній. Его физическая природа скрываетъ его нравственную природу. Онъ думаетъ, но не разсуждаетъ; онъ рѣшаетъ не обсуживая, онъ дѣйствуетъ, не дѣлая большаго движенія, онъ опредѣляетъ, не приводя причинъ. Я убѣжденъ, что при спокойной паружности, при его привѣтливомъ обращеніи и доброжелательномъ сердцѣ, Лудвигъ Наполеонъ отличный политикъ, по своему праводушію, смѣлости и возвышенности души своей, которая искренно желаетъ сохранить миръ Европы, съ истинною славой и честію Франціи.» Далѣе сирѣ Ф. Гедъ заключаетъ такъ: «Вѣроломныя препятствія, возставаемыя Лудвику Наполеону, должны бы во всякомъ случаѣ пріобрѣсти ему право на сочувствіе всѣхъ великодушныхъ сердецъ; если же причять въ соображеніе, что миръ и благосостояніе Франціи имѣють вліяніе на судьбы цѣлой Европы, кажется, что цѣлый міръ долженъ бы желать ему успѣха.»

Когда враждебные президенту возгласы наполняютъ англійскіе журналы, не будетъ неумѣстнымъ мнѣніе здравомыслящаго тори, выраженное прежде 2 декабря и не измѣнившееся впоследствии. Опытъ доказалъ, какъ часто эти выходки бываютъ неосновательны. Давно ли англійскіе журналы возставали на Лудовига Филиппа по случаю испанскихъ браковъ, а время доказало, что король Франціи никогда не былъ болѣе національнымъ, какъ при этомъ случаѣ, хотя въ Англіи и обвиняли его въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду только семейныя выгоды.

ДВА НЕИЗВѢСТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ЕВКЛИДА ГЪ АРАБСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ. Открыты два сочиненія Евклида въ арабскомъ переводѣ. Первое изъ нихъ содержитъ четыре теоремы съ нѣкоторыми аксіомами объ рычагѣ; конечно можно бы было сомнѣваться въ его подлинности, потому

ни греки, ни арабы не упоминаютъ объ немъ; это можно объяснить незначительнымъ объемомъ этого сочиненія; съ другой стороны можно допустить, что греческіе математикѣ до Архимеда занимались уже механикою, и что Евклидъ, занимавшійся всѣми частями математики, не пренебрегалъ и этими вопросами; кромѣ того доказательство о рычагѣ приписывается Евклиду въ одной средневѣковой рукописи, известной подъ заглавіемъ Liber de apotio. Другая статья, приписанная въ арабской рукописи Евклиду, содержитъ дѣленіе планиметрическихъ фигуръ, и была отчасти уже известна ученымъ изъ оксфордскаго изданія сочиненій Евклида, въ которомъ она однако жъ не носитъ имени этого математика. Но такъ какъ между этими статьями большое различіе, то г. Вёпке и перевелъ арабскую рукопись, содержащую къ сожалѣнію только 32 предложенія, но безъ доказательствъ, очень простыхъ, какъ замѣчено въ концѣ рукописи. Любопытна теорема о дѣленіи круга, не находящаяся въ оксфордскомъ изданіи, но принадлежащая Евклиду по свидѣтельству Прокла. Изъ этой находки можно заключить, какъ тщательно Арабы знакомились съ сочиненіями древнихъ о математикѣ, и они не остановились на этомъ, а продолжали дѣятельно сами заниматься этою наукою.

ПАМЯТНИКЪ РАУХА ШИЛЛЕРУ И ГЕТЕ. Профессоръ Раухъ кончилъ эскизъ общаго памятника Шиллера и Гете; но еще неизвѣстно, гдѣ онъ будетъ воздвигнутъ. Повты представлены въ древней одеждѣ. Свободно и легко накинуть плащъ на высокую статую Гете, стоящаго прямо, съ немного закинутаю назадъ головою. Одежда Шиллера собрана въ больше строгія складки: немного склоненная голова выражаетъ постоянное стремленіе, въ его чертахъ замѣтна глубокая мечтательность. Правую рукою Гете держитъ правую своего друга и поднимаетъ изъ плеча Шиллера лѣвую, которая держитъ лавровый вѣнокъ, такъ что вѣнокъ находится между обоими достойными его главами.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОВОСТІИ И СЛУХИ.

(Письмо изъ Петербурга).

.... Въ памятникахъ и образцахъ народнаго языка и словесности, изданныхъ въ прибавленіяхъ къ извѣстіямъ Императорской Академіи Наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности, помѣщены въ высшей степени интересныя великорусскія *пѣсни*, записанныя, вѣроятно, въ Москвѣ, въ 1619 году, англійскимъ бакалавромъ *Ричардомъ Джемсомъ*. Ричардъ Джемсъ 20 августа 1619 года выѣхалъ изъ Архангельска обратно въ Лондонъ; но корабль, на которомъ онъ поѣхалъ было, не вдали отъ устья Двины потерпѣлъ крушеніе, и, такъ какъ по позднему уже времени года другаго англійскаго корабля въ портъ не оставалось, то долженъ былъ провести зиму въ Холмогорахъ. Тамъ онъ привелъ въ порядокъ свое сочиненіе о Россіи; но эта рукопись потеряна.... Академикъ І. Х. Гамель, переписывая бумаги Джемса, нашелъ книжечку, въ которую ему въ Россіи вписали русскіе стихи.... Всѣхъ стихотвореній шесть, и всѣ они, развѣ за исключеніемъ послѣдняго, вѣроятно написаны около времени пребыванія Джемса въ Москвѣ. Первое изъ нихъ заключаетъ описаніе вѣзда патріарха въ Москву, второе — послѣдовавшую тамъ скоростижную смерть князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, третье и четвертое — плачъ царевны Ксеніи Борисовны Годуновой, пятое — родъ алегін къ весенней службѣ, шестое — набѣгъ Татаръ.... Частію, чтобы ознакомить нашихъ читателей съ этимъ любопытнымъ для всякаго любящаго литературу нашу открытіемъ, а частію и для того, чтобы показать, какъ интересны свѣденія, печатаемыя въ *новомъ періодическомъ изданіи Академіи Наукъ*, въ извѣстіяхъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, мы выписываемъ изъ этихъ старинныхъ русскіхъ стихотвореній *второе*, замѣчательное по какому-то острому, сосредоточенному чувству скорби и пропѣи, и *пятое*, замѣчательное по своему языку.

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
 Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
 А расплачутца гости Москвичи:
 «А тепере наши головы загибли,
 Что не стало у насъ воеводы,
 Васильевича Князя Михаила!»
 А съѣзжались князи, бояре супротивно имъ,
 Мстыславской князь, Воротынской,
 И между собой они слово говорили —
А говорили слово, усмѣхнулись....
 «Высоко соколъ поднялся
 И о сыру матеру землю ушибся!»
 А расплачутца Свѣцкіе Нѣмцы,
 Что не стало у насъ воеводу,
 Васильевича Князя Михаила!
 Побѣжали Нѣмцы въ Новъ-городъ,
 И въ Новъ-городъ заперлися,
 И многой мѣръ народъ погубили,
 И въ латынскую землю превратили!

Березечникъ зыблетца,
 Да песочникъ сылетца,
 Ледочикъ ломитца,
 Добры кони тонуть,
 Молодцы томятца:
 Ино, Боже, Боже,
 Ссвоириль ты, Боже,
 Да и небо-землю,
 Ссвоири же, Боже,
 Весновую службу!
 Не давай ты, Боже,
 Зимовья службы;
 Зимовая служба —
Молодцамъ кручинно
Да сердцу насадно!...
 Ино дай же, Боже,
 Весновую службу:
 Веснован служба —
Молодцамъ веселье,
Сердцу утѣха!
 И слыните, братцы,

Яровы веселца;
 А садимса, братцы,
 Въ вѣтляны стружечки;
 Да грянемте, братцы,
 Въ яровы веселца —
 Ино «внизъ по Волгѣ!» ..
 Сотворилъ намъ, Боже,
 Всевую службу! —

Мы нарочно подчеркнули слова «внизъ по Волгѣ»: не намекъ ли это на пѣсню «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ?» И такъ, она пользовалась уже въ 1619 году большою извѣстностію. — Въ тѣхъ же памятникахъ Академіи мы прочли прекрасный, по отзыву знатоковъ, переводъ на болгарское нарѣчіе древней чешской пѣсни «О судѣ Любуши». Переводъ принадлежитъ молодому питомцу С.-Петербургскаго университета, болгарину, кандидату *Дмитріеву-Петковичу*. Г. Дмитріевъ-Петковичъ, выѣхавъ изъ Болгаріи, долгое время учился въ Аѳинскомъ университетѣ, потомъ продолжалъ науки въ Одесскомъ лицѣѣ, и наконецъ кончилъ курсъ въ Петербургѣ. Кромѣ обладанія многими новыми языками, онъ обладаетъ превосходно языками древними, и, соединяя въ себѣ таланты трудолюбиваго ученаго и поэта, общается много на поприщѣ изученія славянскихъ литературъ и греко-римской филологіи.

Въ разныхъ литературныхъ кругахъ здѣсь прочтены два новыя произведенія нашего молодаго поэта *Аполлона Майкова*: «Савонарола», отрывокъ изъ большой поэмы, и «Выборъ смерти», драматическая сцена ихъ временъ паденія Рима. Всѣ, слышавшіе эти пьесы, справедливо заключаютъ, что талантъ Майкова въ послѣдніе пять лѣтъ выросъ чрезвычайно. Намъ особенно понравился «Выборъ смерти». Замѣчательно слѣдующее обстоятельство. Въ одномъ обществѣ мы слушали «Выборъ смерти» въ кругу многихъ дамъ и дѣвицъ. И что-же? Ни одинъ стихъ, ни одна мысль, исполненная содержанія, чуждаго нашему свѣтскому образованію, не были потеряны для слушательницъ: такъ ясенъ, точенъ и понятенъ для всѣхъ сдѣлался нынѣ языкъ автора «Антологическихъ стихотвореній.» По нашему мнѣнію, со времени послѣднихъ драматическихъ сценъ Пушкина, у насъ не являлось пьесы, подобной «Выбору смерти», — пьесы въ стихахъ, и заключающей въ своемъ краткомъ изложеніи такой любопытный эпизодъ изъ Исторіи древняго Рима. Москва справедливо гордится пьесой г. Островскаго «Свои люди сочтемся», — мы, жители Петербурга, будемъ гордиться «Выборомъ смерти». Дай Богъ только скорѣе увидѣть ее

въ печати. Въмѣстѣ съ пьесами г. *Майкова* здѣсь хвалятъ новое произведеніе другаго *нашего*, петербургскаго (съ недавняго времени) поэта, Я. П. Половскаго: «*Дареджана*» — драма въ стихахъ, взятая изъ исторіи Имеретин.

Въ одномъ домѣ мы слышали толки о переводѣ въ стихахъ г. *Бендиктова* одной извѣстной драмы В. Гюго (говорятъ, переводъ превосходный).

Изъ провинцій мы безпрестанно получаемъ письма, въ которыхъ раздаются нескончаемые вопросы: «что, какъ ваша Московская желѣзная дорога? — много ли ѣздить по ней? — хорошо ли ѣздить?»... Петербургъ и все петербургское всегда интересуется нашихъ добрыхъ жителей провинцій; петербургская лѣтопись для нихъ самая любопытная вещь. Въ губернскихъ городахъ о новостяхъ нашихъ говорятъ болѣе, чѣмъ въ самомъ Петербургѣ: это мы знаемъ по опыту! Имена *Карлотты Гризи*, *Ронкони*, *Маріо* и нѣкоторыхъ *литераторовъ*, участвующихъ въ нашихъ лучшихъ журналахъ, съ жаромъ повторяются въ Пензѣ, Твери, литературномъ Харьковѣ и артистической Одессѣ.... Но ничто теперь такъ не занимаетъ нашихъ иногородныхъ подписчиковъ, какъ вѣсти о желѣзной дорогѣ.... Успокойтесь, добрые читатели! Я, вашъ покорѣйшій слуга, на дняхъ пріѣхалъ изъ Москвы въ девятнадцать часовъ. Ъхалъ я во второмъ мѣстѣ, то есть за 13 рублей серебромъ. Кресло, въ которомъ я ѣхалъ, было мягко, съ уютною спинкой, обито плотной и красивой матеріей. Вагонъ, въ двадцать пять шаговъ длиною, раздѣляется довольно просторнымъ пассажемъ на двѣ половины. По бокамъ пасажа помѣщаются по два кресла въ рядъ. Группа изъ осьми креселъ составляетъ отдѣленіе вагона, разграниченное съ сосѣднимъ его отдѣленіемъ колонками. Вагонъ ночью освѣщается порядочнымъ количествомъ лампъ; чтобъ масло отъ сотрясенія вагоновъ не капало на пассажировъ, лампы, помѣщаемыя въ срединѣ потолка вагоновъ, наглухо закрыты снизу толстыми стеклянными колпаками, вогнутою срединною опрокинутыми книзу, такъ что капли масла собираются въ нихъ. Подъ креслами каждаго вагоннаго мѣста пассажиры укладываютъ легкую необходимую дорожную поклажу: ридикюли, мѣшки и теплые сапоги, которые оказываются почти лишними въ прекрасныхъ вагонахъ желѣзной дороги. Нечего говорить о видахъ, которые встрѣчаются путнику на дорогѣ отъ Москвы до Петербурга; они такъ хороши, особенно при переездѣ черезъ судоходныя рѣки, гдѣ глазъ поражается и колоссальными мостами и насыпями, черезъ которыя съ визгомъ и судорожнымъ кашлемъ летитъ

колючатый змѣй вагоновъ, съ дымовою гривою и съ раскаленнымъ зѣвомъ, откуда снопами выбрасываются въ темную ночь міриады огненныхъ гномовъ,—такъ хороши впечатлѣнія, получаемыя желѣзною дорогою, что мы советуемъ любителямъ природы проѣхать изъ Москвы въ Петербургъ не съ пассажирскимъ поѣздомъ въ 22 часа, а съ багажнымъ, въ 44: тогда вы ночью не проѣдете Валдайскихъ горъ и будете имѣть возможность вдоволь насладиться русскою паровозною ѣздою, ѣздою не черезъ туннели и вѣчныя скалы Германіи и Франціи, а черезъ необозримыя равнины Карелии, холмообразную возвышенность Москвы и систему водъ Вышняго-Волочка, черезъ мѣста, которыя нынѣ впервые оглашаются чудными криками сказочнаго змѣя-горыныча подмосковныхъ и владимірскихъ лѣсовъ.... Когда мы въ прошломъ году ѣхали лѣтомъ по этой же московской чугункѣ, намъ казалось, что мы читаемъ любопытныя «Скипцы Диккенса по Сѣверной-Америкѣ,» — та же гладь земли, спокойное сѣрое небо, и тѣ же грустномыя пустыни, которыя со страхомъ, кажется, бѣгутъ въ разныя стороны, едва чудо новѣйшей цивилизаціи налетаетъ на нихъ дикія и невѣдомыя страны.... Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ нами изъ Москвы, рѣшился непременно включить описаніе фантастическаго полета вагоновъ московской желѣзной дороги въ одно свое произведеніе, первую часть котораго онъ въ скоромъ времени издастъ въ свѣтъ.

Каждый день, не смотря на дурную погоду, въ Петербургъ является нѣсколько сотъ москвичей! Одна очень богатая и знатная московская дама, списавшись съ своею сестрою, пріѣхала въ Петербургъ за нѣсколько часовъ до одного великолѣпнаго частнаго бала, поразила всѣхъ своею красотою, любезностью, умомъ, протанцовала около десяти кадрили, въ пять часовъ уѣхала съ бала, сняла свой блумеристскій зеленый атласный жилетъ и черныя муаре шелковыя съ бахромою полуфракъ, надѣла дорожный костюмъ, напилась петербургскаго кофе, прочла только что прилѣтѣвшіе изъ Брюсселя листки «Independance Belge» — и проболтавъ до десяти часовъ съ толпою молодежи, которая поѣхала за нею съ бала, въ домъ къ ея сестрѣ, съѣла въ 11 часовъ въ вагонѣ, и, зѣвнувъ, можетъ быть отъ скуки, что все это такъ скоро нынче дѣлается, полетѣла обратно въ Москву.... Полторы тысячи верстъ сдѣланы въ сорокъ часовъ, для того только, чтобъ потанцовать на балѣ!

Многіе пріѣзжаютъ изъ Москвы прослушать заранѣе объявленныхъ «Шуританъ» или «Нино» — и черезъ сутки толкуютъ въ Москвѣ, гдѣ-нибудь на Стожени, или у Дѣвичьего-Поля, о грудной высокой потѣ

Тамберлика въ Отелло и объ эффектныхъ декораціяхъ въ Нико.... Наконецъ вотъ дневникъ одного изъ москвичей, бывшаго въ Петербургъ не болѣе 27 часовъ. — Пріѣхавши на станцію желѣзной дороги, онъ былъ взятъ за руку однимъ изъ ожидавшихъ его пріятелей, съѣлъ на лихаго извозчика, и, по дорогѣ въ Пассажъ, перемѣнивъ свою мурмолку на шляпу съ теплою подкладкой, въ Пассажъ позавтракалъ у Пазетти бутербродами и тартинками съ сельдями, сардинками и свиными колбасками, — выпилъ рюмку портвейну, просмотрѣлъ Journal rougige, Иллюстрацію, афиши и вѣдомости, обстригся и завился во второй галлерей Пассажа, запасася свѣжими папиросками Спиглазова, прошелся нѣскольго разъ по тоннелю и верхнимъ галлереймъ, и побѣжалъ на диспутъ къ университетъ. Оттуда, послушавъ любопытныхъ ученыхъ преній, онъ побѣжалъ взглянуть на зѣвунецъ Зама, гдѣ кормили при немъ зѣврей, діораму Гроппіуса, съ тремя эпитафиями, выставку вещей лотереи въ пользу бѣдныхъ и Новый Мостъ. Отъ 2 до 3 часовъ онъ осматрѣлъ картинную галерею Академіи Наукъ, и не забывая взглянуть на глиняную модель памятника Крылову, въ литейной Академіи. Отъ 3 до 4 часовъ онъ гулялъ по патриційской сторонѣ Невскаго Проспекта. Былъ праздникъ, и пріѣзжій москвичъ видѣлъ петербургскихъ красавицъ въ полныхъ зимнихъ нарядахъ; былъ морозный день, и москвичъ видѣлъ нашихъ красавицъ румяныхъ и интересныхъ.... Отъ 4 до 5 часовъ онъ катался съ англійскихъ горъ, гдѣ ему неописанное удовольствіе доставилъ одинъ господинъ, который съ закрытыми глазами катался на конькахъ съ горы, на половинѣ ската перевертывался задомъ къ подошвѣ горы, раздвигалъ себѣ глаза, и, катаясь уже на одной ногѣ, успѣвалъ выучивать, пока докатывался до конца ледяной платформы, по четыре стиха изъ стихотворенія г. Сергѣя Полонскаго, напечатаннаго въ Сѣверной Пчелѣ, подъ названіемъ: «Новый годъ.» — Кстати замѣтимъ здѣсь, что это стихотвореніе, вѣроятно, какая-нибудь мистификація: во первыхъ г. *Полонскій*, котораго мы имѣемъ счастье знать лично, никогда не писалъ подобныхъ стихотвореній, а во вторыхъ, человекъ, который хотѣлъ надъ нимъ подшутить, даже имени его не могъ узнать: г. Полонскій, русскій современный литераторъ, печатавшій свои произведенія, кромѣ газеты Кавказъ, (онъ жилъ около пяти лѣтъ въ Тифлисѣ и теперь находится въ Петербургѣ), въ Отечественныхъ Запискахъ, Современникъ и Москвитинѣ, авторъ «Гамы», «Сазандара» и другихъ сборниковъ мелкихъ стихотвореній, называется вовсе не *Сергеемъ*, а *Яковомъ Петровичемъ Полонскимъ*, и даже въ числѣ своихъ родныхъ не знаетъ ни одного писателя — Сергѣя Полонскаго. .. Во всякомъ случаѣ стихотво-

реніе «На новый годъ» даже не оригинальное: оно видимо навѣяно его автору стихотвореніемъ *«Встрѣча стараго 1842 года, съ новымъ 1843, напечатаннымъ въ извѣстной брошюркѣ 1843 года «Статейки въ стихахъ, безъ картинокъ», въ томъ I. — «Встрѣча» начинается стихами:*

«Покуда новый годъ мы ждемъ, о счастья просимъ,

«Годъ старый, другъ нашъ и злодѣй,

«Отжившій триста-шестьдесятъ пять дней,

«Да пять часовъ, да сорокъ восемь

«Минутъ

«И столько же секундъ,

«Запятнанный, согбенный,

«Добромъ и зломъ обремененный —

«Тащился въ вѣчность на покой!»

Въ этомъ стихотвореніи также, какъ и въ стихотвореніи г. Сергѣя Полонскаго, годъ старый говоритъ съ годомъ новымъ; разница въ томъ только, что въ стихотвореніи г. Сергѣя Полонскаго нѣтъ той благозвучности стиха, какую мы находимъ въ произведеніи автора «Статеекъ», и мыслей, напримѣръ, такихъ:

Народъ учевый,

Народъ простой,

Мужья и жены,

Весь родъ людской!

Книгопродавцы,

Запмодавцы,

Ростовщики,

Погребщики,

Купцы, артисты,

Водевилисты,

Фельетонисты,

И журналисты,

И аферисты,

Толпа судей,

Учителей,

Аптекарей

И лѣкарей —

Взываю къ вамъ!... Поменьше суеты,

Поменьше зла и клеветы,

Поменьше ссоръ, вражды и мести,

Хулы, предательства и лести,

Побольше ЧЕСТИ, ЧЕСТИ, ЧЕСТИ!...

Не то—страшнѣе, придетъ

Къ вамъ, въ самомъ дѣлѣ, черный годъ!

Однако простите, читатель, я увлекся нѣсколько далеко и забылъ моего москвича.... Съ англійскихъ горъ онъ покатилъ обѣдать въ клубъ Пашкова, то есть въ клубъ Благороднаго Собранія. За 50 коп. сер. пообѣдавши до-сыта, онъ вечеромъ отправился посмотрѣть *Денщика*; послѣ Денщика отправился въ маскарадъ и балъ Дворянскаго Собранія, танцовалъ тамъ и интриговалъ съ масками, и кончилъ тѣмъ, что, поужинавъ съ одною изъ нихъ на хорахъ собранія, увезъ ее на другой день въ Москву. Увезъ! *quelle honteur!* закричатъ читательницы, увезъ даму.... Успокойтесь, собственно говоря, не онъ увезъ даму, а *дама увезла его*, — это была собственная и неотъемлемая половина его я; это была его вѣрная супруга... Она пріѣхала вмѣстѣ съ нимъ инкогнито, слѣдила его всюду по Петербургу, и кончила поразительною по эффектности сценою съ нимъ въ одной изъ гостиницъ петербургскихъ, сценою, достойною фешенебельнаго и увлекательнаго пера нашего собрата по ремеслу, г. Иногороднаго Подписчика, который, говоря кстати (*à propos des bottes*), перешелъ со своими письмами о журналистикѣ въ другой журналъ.... До сихъ поръ г. Иногородный подписчикъ участвовалъ еще только въ одномъ *Современникѣ*! Поздравляемъ другой журналъ съ достойнымъ сотрудникомъ, а сами обтираемъ кончикомъ бархатной бабочки свое перо, и откладываемъ нашу бесѣду съ читателями до другаго раза.... Ахъ, нѣтъ! виноваты.... Вотъ еще одна вѣсть.... Сюда, какъ извѣстно всѣмъ, пріѣхалъ Серве — и концертъ его былъ увѣнчанъ полнымъ успѣхомъ. Одинъ нашъ знаменитый журналистъ и музыкантъ, встрѣтившись съ нимъ, разсыпался передъ нимъ въ похваллахъ и утонченныхъ комплиментахъ, отличающихъ острѣй и саркастическій умъ его. Серве слушалъ его, и не зналъ, какъ благодарить за похвалы. — Последнее ваше пребываніе въ Москвѣ, замѣтилъ онъ наконецъ литератору-музыканту, оставило, какъ я самъ убѣдился, самое пріятное впечатлѣніе въ вашихъ поклонникахъ. Особенно толкуютъ тѣмъ о последнемъ вечерѣ Гр. **, гдѣ вы увлекли своими краснорѣчливыми сарказмами всѣхъ посѣтителей.... Если вы мнѣ позволите, заключилъ Серве, я вамъ посоветую ѣхать въ Москву снова и давать тамъ публичные концерты вашего остроумія.

Что прикажете дѣлать? Мы повторяемъ то, что слышимъ: перо фельетовиста — эхо финляндскихъ лѣсовъ, повторяющее всякій звукъ въ тысячахъ отголосковъ! Всякая острота, всякая ловкая фраза или современный каламбуръ, въ Петербургѣ, а за нимъ и въ Россіи, обыкновенно приписываются одному лицу, болѣе или менѣе извѣстному въ раз-

пня эпохи.... Въ настоящее время у насъ есть такой жаламбуристъ.... Не знаемъ, на сколько права молва, приписывающая ему все новбе въ области каламбуровъ, утверждаемъ пока одно—что то, что русская публика не уступаетъ французской и английской въ быстрыхъ отголо-скахъ на всѣ комическія явленія современности. Когда изобрѣтали па-пирсы, табахитосы, бамбазиносы и сигаретки, одинъ гуляющій по Нев-скому говорилъ другому: ваши папирсы *изъ мяты* (измяты!)... Когда издавался Листокъ для свѣтскихъ людей, одинъ гуляющій по Лѣтнему саду въ маѣ мѣсяцѣ, то-есть, когда въ немъ гуляютъ одни свѣтскіе люди, замѣтилъ, что въ Лѣтнемъ саду нѣтъ ни одного *листка для свѣтскихъ людей*.... Одинъ изъ издателей Сѣверной Пчелы въ про-шлую зиму выразился, что сестры Неруда, *не-руда, а золото!*... Нѣ-сколько времени передъ тѣмъ говорили, что у Мора (нѣмецкаго комика Александринскаго театра) всегда *умора!* Наконецъ теперь съ лег-кой руки одного изъ нашихъ собратій повторяютъ, что въ залахъ Благороднаго Собранія танцамъ отдаютъ *преферансъ*....

Прежде нежели мы оставимъ наше перо, мы подѣлимся съ читате-лями еще одною новостью. Здѣсь полученъ «*Almanach de Gotha*» — annuaire diplomatique et statistique pour l'année 1852, — 89-й годъ из-данія. — Кромѣ многихъ по обыкновенію любопытныхъ новостей и свѣ-деній, сообщаемыхъ «Альмонахомъ Готы», въ немъ помѣщены *порт-реты*: Адальберта, принца прусскаго; Карла, принца шведскаго и норвежскаго; Леова, графа Туша и Гогенштейна; виконта Пальмер-стона; свѣтлѣйшаго князя Волковскаго; Фридриха, князя Шварценбер-га, кардинала и архіепископа пражскаго.

Читатель! если вы не устали меня слушать, то я вамъ скажу слѣ-дующую вещь: когда вы прїѣдете въ Петербургъ и захотите сдѣлать свой или близкаго для васъ лица портретъ, и захотите, кромѣ деше-вины, найти кисть истинно художническую, я вамъ посовѣ-тую обратиться къ молодому художнику *Макарову*. На нашихъ глазахъ, нынѣшнимъ лѣтомъ и осенью, онъ нарисовалъ болѣе двад-цати портретовъ дамъ самаго моднаго петербургскаго круга, женъ и дочерей первыхъ нашихъ сановниковъ, и всѣ портреты его просто просятся на гравировальную доску, въ сборники самыхъ модныхъ и артистическихъ кипсековъ.

10 Января 1852 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЮЖНОМЪ ВѢГГѢ КРЫМА (*Изъ Симферополя*). Досихъ поръ еще у насъ не было настоящей русской зимы, если не считать нѣсколькихъ дней въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда мы покатались на саняхъ. Большою частію время стоитъ дождливое и сырое: вечеромъ и рано поутру грязь нѣсколько застываетъ отъ легкаго мороза, а въ полдень изъ нея дѣлается совершенный кисель на улицахъ. Отъ того нашъ публичный садъ, называемый бульваромъ, за частую бываетъ пустъ. Двѣ—три дамы, да нѣсколько мужчинъ, составляютъ всю его публику въ послѣ-обѣденное время гулянья. Какъ тутъ не вспомнить и не пожалѣть о лѣтнихъ вечерахъ! Бывало, едва зайдетъ солнце, оставивъ на небѣ красноватый слѣдъ, весь городъ уже пробудился: со всѣхъ концовъ его текутъ толпы народа на голосъ полковой музыки и разсыпаются по тѣнистымъ дорожкамъ сада; между тѣмъ красноватый слѣдъ исчезъ, облачная луна засвѣтѣла серебромъ на темномъ небѣ, усыпанномъ милліонами яркихъ звѣздъ. Воздухъ тепелъ и покоенъ. Только звуки духовой музыки пробуждаютъ его, усиливая въ душѣ гармонію всего окружающаго.... Да, лѣто лучше зимы!

Недавно я былъ на южномъ берегу, но что теперь вамъ сказать объ немъ? Отъ грустенъ съ своими желтыми, полу-сѣтными горами, поблекшею растительностью, сѣрымъ моремъ и сѣрымъ небомъ. Цѣлые дни насъ (я былъ съ товарищами) мочилъ мелкій, безконечный дождь, и мы рады-рады были, когда, справившись съ дѣлами, могли наконецъ отдохнуть въ Масандрѣ. Привѣтливый М.... насъ радушно встрѣтилъ и запотчивалъ по-московски. За обѣденнымъ столомъ у насъ зашла живая бесѣда о здѣшнемъ хозяйствѣ, говорили о винодѣліи, табакѣ. Я въ короткихъ словахъ передамъ вамъ тѣ данныя, которыя вы бы могли извлечь изъ нашей бесѣды и которыя вѣроятно не будутъ для васъ не интересны.

Каменистая почва южнаго берега большою частію представляетъ глинистый шифръ, который, въ натуральномъ своемъ видѣ, не годенъ ни для какой растительности; но взрытый планташемъ, онъ превосходитъ. Планташъ вскапывается на глубину аршина и болѣе, съ помощью желѣзныхъ ломовъ и заступовъ. По этому воздѣлыванію здѣсь земли обходится дорого. Среднимъ числомъ, за обработку квадратной сажени берутъ 7 коп. сер. На приготовленной такимъ образомъ землѣ все растетъ превосходно; безъ этого же здѣсь не возможно разведеніе ни садовъ, ни виноградниковъ. Рыть отдѣльныя ямы для растеній не помогаетъ. Дерево неминуемо пропадетъ, какъ скоро корни его займутъ всю разрыхленную почву. Канавки лучше, но также не достаточны,

Винодѣліе на южномъ берегу съ каждымъ годомъ усиливается. Изъ официальныхъ извѣстій видно, что въ 1832 году во всей губерніи считалось 1,219 виноградныхъ садовъ, въ которыхъ находилось 5,846,200 лозъ; вина было добыто 482,735 ведръ, а въ 1848 году, то-есть чрезъ шестнадцать лѣтъ, число виноградныхъ садовъ возрасло до 2,801 съ 35,577,000 лозъ, изъ которыхъ вина добыто болѣе 822,300 ведръ, не смотря на сухое лѣто.

Съ распространіемъ винодѣлія качество вина улучшается. Лучшими винами изъ бѣлыхъ считаются: венгерское, пиногри, лакрима-кристи, омбуло-кастиланъ, сотернъ и рислингъ; изъ красныхъ — франъ-пино, пеци-вердо, котъ-дюронъ, бордо и красный опорто. Обыкновенно продаютъ хорошее вино по 4 и 3 р. сер. за ведро, но ликерныя по 8 и 10 р., точно такъ, какъ есть вино въ 25 и 40 коп.

Табакъ здѣсь также разводятъ, но доходъ съ него не значителенъ, потому что обработка его дорога. Качествомъ крымскій табакъ вообще уступаетъ константинопольскому, впрочемъ можно собрать съ каждаго куста листьевъ такого высокаго достоинства, что они не уступятъ послѣднему. Тамъ, гдѣ табакъ искусственно не поливается, онъ бываетъ очень крѣпокъ; въ такомъ случаѣ сѣмена его оставляютъ зрѣть вмѣстѣ съ листьями. Изъ сѣмянъ же колонисты-молочане дѣлаютъ превосходное масло, которое отчасти употребляется въ пищу, но болѣе идетъ на смазку хозяйственныхъ орудій.

Сигары здѣсь дѣлаютъ въ весьма небольшомъ количествѣ. Лучшими считаются сигары гг. Перовскаго и Гротена.

Между тѣмъ, пока мы дружелюбно вели бесѣду, попивая превосходное вино 36 года, погода на дворѣ замѣтно разыгрывалась. Море сильно волновалось, деревья клонились къ землѣ. Когда мы взглянули на барометръ, онъ стоялъ на большомъ дождѣ; потомъ ртуть стала замѣтно падать еще ниже, и когда достигла черточки, соответствующей бурѣ, мы въ безпокойствѣ стали ходить по комнатѣ, замѣчая дѣйствія непогоды. Вѣтеръ, пригибая деревья къ самой землѣ, потрясалъ стѣны дома, срывая съ его крыши черепицу и разбрасывая ее на далекое разстояніе. Среди его завываній, гула моря, треска деревьевъ и черепицъ, слышались частые удары большого колокола, повѣшеннаго на дворѣ, у дома. Всѣ мы находились въ напряженномъ состояніи.

По въ Ялѣ буря была еще поразительнѣе. Тамъ на берегу собралось въ то время множество народа, который въ страхѣ смотрѣлъ на три судна, привязанныя къ берегу. Канаты вытянулись въ струнки, грозя ежеминутно лопнуть и дать свободу кораблямъ. Сила волнъ была

такъ велика, что кто-то хотѣлъ спасти утывающій боченокъ, но его самого подхватила убѣгающая волна, повесла, и въ томъ новая выбросила на берегъ, какъ соломенну.

Въ два часа по-полудни буря стихла. Намъ не лѣзя было медлить, и мы отправились въ Симферополь. По дорогѣ мы видѣли сломанныя деревья, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мѣшали даже нашему проѣзду. Мы принуждены были созывать народъ, чтобъ оттащить ихъ въ сторону. За Алуцкой насъ встрѣтила зима, снѣгъ покрылъ землю болѣе, чѣмъ на четверть. Но эта зима продолжалась, какъ я уже сказалъ, только нѣсколько дней.

Въ слѣдующемъ письмѣ я поговорю о достопамятностяхъ Симферополя. **Ж. ПЕРВОНЦЕВЪ.**

ОСЕННЯЯ МАЛИНА. (*Изъ Воронежа*) (*). Осень 1851 года въ Воронежской губерніи была такая, которая принадлежитъ къ рѣдкимъ: она продолжалась почти до конца ноября, и была теплая, сухая, хотя изрѣдка перепадали дожди. Воздухъ постоянно былъ чистый, свѣжій, благоуханный. Многія растенія пошли вновь; многія начали цвѣсти во второй разъ, — даже на нѣкоторыхъ плодовыхъ деревьяхъ показывались цвѣтки. Но всего замѣчательнѣе то, что въ саду у одного жителя Воронежа до того сильно цвѣла малина, что вскорѣ показались ягоды, а въ половинѣ октября онѣ совершенно созрѣли, не смотря на то, что, въ свое время, малины было довольно. Мѣсто, занимаемое кустами этой малины, не болѣе 3—4 квадратныхъ сажень, — и на такомъ небольшомъ пространствѣ собрано было ягодъ и продано, въ этотъ разъ, на 4 р. серебромъ. Въ Землянскомъ уѣздѣ, говорить, въ томъ же мѣсяцѣ, во многихъ мѣстахъ находили клубнику, поспѣвшую тоже во второй разъ. **КАВАНСКІЙ.**

10 Декабря 1881.

НОВАЯ СЕЛѢСКАЯ ПУСТЫНЯ **ИЗЪ ТАРЪ.** (*Изъ Тары.*)

Голосъ «Москвитянина» не былъ голосомъ вопіющаго въ пустыни (**). Православное сердце отозвалось — жертва принесена, храмъ созижденъ;

(*) Осенняя малина и осенняя полевая земляника были ниче во многихъ губерніяхъ даже болѣе сѣверныхъ Воронежской, какъ на прии. въ Тульской, гдѣ обѣ эти ягоды поспѣли въ одно время, т. е. въ первыхъ числахъ октября. Земляники же тамъ было такъ много, что крестьянки продавали ее.

(**) Въ прошломъ году у насъ было помѣщено извѣстіе о строящейся церкви въ городѣ Тарѣ, для которой, какъ видно изъ письма, поступили пожертвованія.

архипастырское благословеніе объ освященіи храма получено. Скоро въ бѣдной деревнѣ, видѣнной издали храмы Божіи, слышавшей издали звукъ, призывающій православныхъ на молитву, раздастся звукъ и принесутся въ первый разъ безкровная жертва, молитвы Богу и святителю, угоднику Его Николаю Чудотворцу, о здравіи и спасеніи Царя-Отца и жидителей храма. Храмъ созданъ, снабженъ утварью, остается немного не доконченнымъ: ограда, домъ для священноцерковнослужителей и призжающихъ постоянно на богомолье, и главное — церковный кругъ. Правда, эта новозданная церковь будетъ приписною къ городской церкви Казанской Божіей Матери, изъ короткой и слѣдуетъ пользоваться ей книгами; но хотѣлось бы церкви эту снабдить всѣмъ рѣшительно — а силы истощились. Прибѣгаемъ и къ Москвитинну и вопіемъ: «тебѣ дорога Русь съ Православной вѣрой, воскликни еще разъ: созданъ храмъ въ отдаленной Сибири, во имя Угодника Божія, Святителя Николая, — принесите лепту отъ трудовъ своихъ праведныхъ, милосердія двери отверзутся вамъ заступничествомъ усерднымъ Матери Бога Вышняго. Господь Іисусъ Христосъ лепту вдовицы предпочелъ большимъ вкладамъ, и всякое даваніе, во славу Божію, благо. Вы спросите, чего недостаетъ? Круга церковнаго, ограды....

Съ искреннимъ почтеніемъ и проч. с. **ТЪМАНОВСКІЙ**.

30 дек. 1851 года.

ПРИЗНАКЪ. (Изъ Таганрога.) Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Современника» прошлаго года помѣщена статья о случаяхъ иллюзіи, или обманѣ чувствъ, которыя были причиною явленій, по видимому, сверхъестественныхъ; тутъ же приводятся и разъясненія тѣхъ иллюзіи Ньютономъ, сэръ Давидомъ Брюстеромъ и докторомъ Хиббертомъ. Въ той же статьѣ описаны видѣнія, явившіяся одной англійской дамѣ не однократно и въ разные времена. Тамъ между прочимъ говорится, что два противоположныя впечатлѣнія не могутъ существовать одновременно, и та же самая фибра или чувствительное волокно, которое приносить свѣтъ въ глаза изображеній, созданныхъ памятью, не можетъ въ то же самое мгновеніе служить проводникомъ впечатлѣній вѣншихъ предметовъ отъ свѣтотчки къ мозгу. Умъ нашъ не въ состояніи въ одно и то же мгновеніе совершать два различныя отправленія, и если онъ устремится на одно какое-либо впечатлѣніе, то не можетъ одновременно заниматься другимъ, тѣмъ менѣе противоположнымъ; такъ что, если изображенія дѣйствительныхъ предметовъ передаются отъ свѣтотчки мозгу, въ то же время память, или воображеніе, не могутъ передавать

своихъ изображеній сътчатъ, потому что онѣ должны прибѣгать къ посредничеству нерва, уже занятаго передачею изображеній по противному направленію; и обратно. Прочитавъ эти замѣчанія, я вспомнилъ видѣнія, представившіяся собственно мнѣ въ продолженіи жизни моей, вслѣдствіе которыхъ не могу согласиться съ тѣмъ, что впечатлѣнія предметовъ не могутъ передѣть своихъ изображеній одновременно сътчатъ и мозгу; одинъ изъ многихъ случаевъ, который я рѣшился здѣсь рассказать, убѣждаетъ меня въ этомъ мнѣніи.

1815-го года, во время возвращенія русскихъ войскъ изъ Франціи, проходя царствомъ Польскимъ въ болшіе морозы, я случайно отсталъ отъ эскадрона. Въ тѣ лѣта я не пожалѣлъ бы своего гусарскаго боевого коня, у котораго французская пуля заклемила шею, и добрый сабелный шрамъ остирилъ лобъ, — чтобы догнать давно уже ушедшій впередъ эскадронъ; но гусарь, оставленный при мнѣ, сидѣлъ на казенной лошади тяжело вооруженный, и конь его не легко былъ осядланъ; мы ѣхали добрымъ шагомъ, а кой-гдѣ и рысцою; но эскадрона не догнали. Начинало темнѣть; и вотъ по дорогѣ нашей въ деревняхъ и огоньки замигали. Какъ теперь гляжу, — ѣдемъ одною длинною усадьбою — идетъ гусарь; спрашиваю: — Котораго эскадрона?

— Илестаго, ваше благородіе.

— А седмой, давно ли здѣсь прошелъ.

— Часа полтора слишкомъ.

— А далече отсюда его квартиры?

— Полторы мили, ваше благородіе.

Вновь ѣдемъ, и спускаемся съ горы; внизу, на песокъ, видимъ отиски подковъ, ясный слѣдъ нашего эскадрона; вдали открывается зеркало замерзлаго озера, за озеромъ блуждаютъ огни; дорога изгибалась въ лѣвую сторону близъ самаго берега; вправо отъ насъ и дороги, на краю озера, я увидѣлъ стоявшаго человека; подъѣзжаю къ нему, и спрашиваю: — Весь ли эскадронъ прошелъ по одной дорогѣ, или часть его пошла въ сторону?

— Весь эскадронъ прошелъ вокругъ озера, вонъ въ ту деревню, гдѣ свѣтятся огни.

— Далече ли отсюда деревня?

— Да будетъ добрая миля.

— А прямо черезъ озеро?

— Четверть мили.

Мнѣ блеснула мысль ѣхать льдомъ по озеру. — А что, любезной, озеро замерзло хорошо?

— Н, пане! Да льдомъ хотъ пушки вези.

Я и забылъ предупредить читателя, что разспросы мои были на польскомъ языкѣ, и человекъ отвѣчалъ по своему. Въ этотъ моментъ замѣтилъ я, что полякъ крестьянинъ одѣтъ былъ въ легкую короткую свитку; голова его накрывалась шапочкой; черты лица, или весь его обликъ — казались мнѣ покрытыми какою-то тѣнью, такъ что въ его лицѣ не выражалось никакой фizioноміи: были — носъ, губы, глаза, а какіе цвѣтомъ, опредѣлить нельзя; и вотъ все, что осталось въ памяти моей объ этомъ человекѣ, котораго я считаю и до настоящаго времени ни чѣмъ больше, какъ призракомъ. Какъ молодой человекъ, и притомъ военный, пылкій, послушный первой родившейся мысли, я безъ разсужденія внялъ одному желанію доѣхать какъ можно скорѣй до ночлега, гдѣ на другой день предстояла дневка, а дневка на походѣ для гусарскаго девятнадцатилѣтняго корнета не послѣдняя эпоха въ его молодой жизни. Ни минуты не думая и не оглянувшись на моего гусара, я приказалъ поляку идти впередъ; онъ сей-часъ же повиновался, а я поѣхалъ занимъ, догналъ, — и вотъ онъ идетъ у праваго моего стремени.... Не проѣхалъ я и пяти сажень, какъ лошадь моя вдругъ, со льдомъ, провалилась въ глубь озера; холодная вода хлынула и охватила меня по шею! Сильный и вмѣстѣ легкій конь сдѣлалъ быстрый скачекъ и оборотъ влѣво назадъ.... мнѣ предстояла явная смерть; но схватясь за шею и гриву лошади, я, сохраняя равновѣсіе, остался въ сѣдлѣ. Лошадь, барахталась въ льдинахъ и водѣ, выбилась наконецъ кое-какъ, вмѣстѣ со мной, на берегъ. Это обстоятельство я помню такъ хорошо, какъ будто оно случилось только вчера; твердо помню такъ же, что въ то время, когда лошадь моя обломилась, и человекъ, провожавшій меня, обломился вмѣстѣ съ ней и барахтался; но потомъ я его не видалъ. Первый вопросъ мой у гусара былъ о погибшемъ полякѣ. И что же слышу!

Гусаръ сказалъ, что я въѣхалъ на ледъ не останавливаясь ни на минуту, и не дѣлая никому никакихъ разспросовъ, какъ это казалось мнѣ; что самъ онъ немножко пріостановился на берегу, желая посмотреть, какъ поѣду я озеромъ; что намѣреніе мое вѣхать черезъ озеро онъ приписалъ собственной моей рѣшимости сократить путь, направивъ его прямо на огни, блиставшіе за озеромъ; и что наконецъ онъ не видалъ подлѣ меня никакого человека ни на берегу, ни на льду, ни въ водѣ, когда ледъ подо мной подломился. Промокнувъ до костей, въ трескучій морозъ, я усккалъ назадъ въ ту деревню, гдѣ расположился шестой эскадронъ, и чуть вмѣстѣ съ лошадью не влетѣлъ въ квартиру майора

Грачева. Въ тотъ же вечеръ маіоръ, а на другой день и самъ я, слѣлали всѣ возможныя розыски о пропавшемъ человѣкѣ, но никто изъ деревенскихъ жителей въ окрестности не пропадалъ; всѣ люди, на лицо, оказались живыми.

Этотъ случай видѣнія и вмѣстѣ разговора доказываетъ, что воображеніе можетъ дѣйствовать одновременно на мозгъ и на съчатку глаза.

ВСЕВОЛОДЪ ВЕКАВИНСКІЙ.

ЖИЗНЬ АРХИМАНДРИТА ІАКИНОА КАШПЕРОВА (*). (*Изъ Перми*). Архимандритъ Іакинѣй родился въ 1723 году (†). Отецъ его, Андрей Кашперовъ, изъ великороссіянъ, былъ въ Тобольской епархіи приходскимъ священникомъ, потомъ іеромонахомъ въ Далматовскомъ Успенскомъ монастырѣ, и кончилъ жизнь въ глубокой старости, во время осады монастыря шайкою пугачевскихъ бродягъ. Это было въ февралѣ 1774 года. Подъ присмотромъ отца сынъ обученъ былъ грамотѣ и приготовленъ къ священническому сану. Неизвѣстно, какое мірское имя было дано Іакинѣю и въ какомъ именно мѣстѣ Тобольской епархіи былъ онъ священникомъ. Извѣстно только то, что братъ его, Андрей Андреевъ, сначала былъ также священникомъ, а послѣ протоіереемъ въ Березовѣ; самъ же Іакинѣй, будучи 27 лѣтъ, овдовѣвъ и остался бездѣтнымъ. По любви къ уединенію и благожеланію, священникъ Кашперовъ подалъ прошеніе о постриженіи въ монашество тобольскому митрополиту Сильвестру Словацикому. 18 Іюня 1750 года онъ былъ постриженъ самымъ митрополитомъ въ крестовой архіерейскаго дома, и нареченъ Іакинѣемъ. Какъ способный къ дѣламъ эконоическимъ, онъ тотчасъ по постриженіи, 23 іюня, былъ опредѣленъ казначеемъ архіерейскаго дома, а въ мартѣ 1751 года поставленъ эконоомомъ. Своею строгою жизнію, честностью и дѣятельностію онъ вскорѣ заслужилъ любовь и благоволеніе митрополита. 10 февраля 1753 года посвященъ отъ него во игумена и опредѣленъ настоятелемъ Кондинскаго Троицкаго монастыря, находящагося среди

(*) Помѣщаемъ очень любопытную въ своемъ отношеніи жизнь архимандрита Іакинѣя Кашперова, присланныю изъ Перми. Какъ много людей притягательныхъ и полезныхъ остается въ забвеніи, и часто даже въ совершенной незнакомости, отъ того только, что кругъ ихъ дѣйствій былъ не слишкомъ обширенъ. Нельзя не пожелать, чтобы подобныя пробы пополнялись какъ можно чаще. *Ред.*

(†) Въ архивъ Далматова монастыря есть актъ, въ которомъ за 1773 годъ показано Іакинѣю 49 лѣтъ. Этимъ актомъ опредѣляется и годъ рожденія Іакинѣя.

остатнихъ жилищъ, близъ рѣкъ Оби и Кондушки (въ 240 верстахъ отъ Березова и въ 760 отъ Тобольска) (2). Въ санъ игумена Іакинѣвъ былъ только два года, оставаясь большею частію при архіерейскомъ домѣ. Митрополитъ Сильвестръ, въ послѣдній годъ своего управленія Тобольскою епархіею (1755), посвятилъ его во архимандрита, опредѣливъ настоятелемъ Межуторскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря, бывшаго приписнымъ къ дому архіерейскому и находящагося между горъ при рѣкѣ Шанталыкѣ, въ 8 верстахъ отъ Тобольска. Около этого времени, подъ надзоромъ смѣтливаго и опытнаго въ постройкахъ Іакинѣва, воздвигнута Златоустовская церковь при тобольскомъ Софійскомъ соборѣ и возобновленъ архіерейскій тобольскій домъ, а въ Межуторскомъ монастырѣ вновь построена 1753 года Казанская каменная церковь съ прѣдѣломъ, на вѣдѣніе архіерейскаго дома. Вѣстѣ съ должностію экономъ, отъ преемника Сильвестрова, Павла Конюшевича, послѣдняго тобольскаго митрополита, Іакинѣвъ, въ мартѣ 1760 года, опредѣляетъ присутствующимъ тобольской Д. консисторіи. Въ это время онъ особенно помогалъ болѣзненному митрополиту какъ въ дѣлахъ епархіальныхъ, такъ и въ постройкѣ теплаго собора, колокольни, ризницы и книгохранильницы (3).

Въ началѣ 1762 года, какъ опытный въ управленіи мужъ, архимандритъ Іакинѣвъ переведенъ настоятелемъ изъ Межуторскаго въ Далматовскій Успенскій монастырь, находившійся, со времени основанія своего (4) въ 1644 году нѣкогда Далматомъ, на возвышенномъ Бѣломъ городишѣ, при рѣкахъ Исеть и Течъ, въ 500 верстахъ отъ Тобольска. Время переведенія архимандрита было временемъ смутнымъ и затруднительнымъ въ управленіи монастырскомъ. Нужны были умъ прозорливый и воля твердая, чтобы удержать въ повиновеніи монастырскихъ крестьянъ

(2) Ист. Росс. іерарх. Амвросія, ч. 4. стр. 549.

(3) Постройки сіи производились въ 1761 году.

(4) Отъ управленія Іакинѣова Далматовымъ монастыремъ въ 1763 году остался сребропозлащенный архимандритскій крестъ съ камнями на сребропозлащенной цѣпочкѣ. На немъ по бокамъ вырѣзана слѣдующая надпись: «*Построенъ сей святой животворящій крестъ Господень Тобольскаго митрополитанскаго дому экономомъ Успенскаго Далматова монастыря архимандритомъ Іакинѣомъ 1763 года Сентября дня.* Крестъ сей хранится въ ризницѣ верскаго кафедральнаго собора между церковными вещами, перенесенными сюда частію изъ упраздненной Суздальской епархіи, а большею частію изъ упраздненнаго Пыскаго Преображенскаго монастыря.

лѣтъ, послѣ объявленія манифестовъ (5) объ этихъ крестьянахъ. Такимъ точно и показалъ себя архимандритъ Іакинѣъ, умѣвшій укротить въ Исетской волости происшедшее возмущеніе, извѣстное на языкѣ мѣстныхъ жителей подъ названіемъ *Дубишщины*. Выѣхавши изъ Тобольска 10 марта 1764 года, новоопредѣленный архимандритъ 22 марта прибылъ въ Далматовъ монастырь и встрѣченъ былъ здѣсь братією со вѣсѣмъ подобающимъ торжествомъ. На другой годъ по прибытіи архимандрита, вражда со стороны монастырскихъ крестьянъ успѣла созрѣть подъ вѣлыномыслиемъ ссыльных сюда крамольниковъ. Болѣе дерзкіе и отчаянные изъ крестьянъ, кто съ топоромъ, кто съ косою, кто съ ружьемъ, кто съ вѣятовкою рѣшились держать въ осадѣ Далматовскій монастырь. 200 человекъ вооруженныхъ, съ 15 іюня 1763 года, расположились при рѣкѣ Суварышѣ, на пути отъ монастыря къ Шадрино-ску; а другіе 500 человекъ, съ 15 октября того же года, расположились станомъ по дорогѣ къ Челябинску, въ горномъ мѣстѣ, между деревнями Затечею и Песковымъ. Отъ этой осады духъ крамолы въ монастырскихъ селеніяхъ болѣе и болѣе распространялся. Но архимандритъ не унывалъ. Онъ не сталъ входить въ переговоры съ бунтовщиками и защищаться отъ нихъ, а рѣшился ждать помощи отъ правительства. Надежда его оправдалась. Мѣнѣе, чѣмъ за мѣсяцъ до обнародованія духовныхъ штатовъ (24 мая 1764 года), на усмиреніе бунтовщиковъ явились въ подмонастырскія селенія сначала поручикъ Телепневъ съ порученнымъ ему воинскимъ отрядомъ, а потомъ подполковникъ Абаринъ съ Азовскимъ драгунскимъ полкомъ. Упорные крестьяне разстѣлись, оставили свои замыслы и присмирѣли. Телепневъ, въ августѣ 1763 года, укротилъ волненіе въ селѣ Николаевскомъ, въ деревняхъ Смирновой, Широковой, въ Верхнемъ и Нижнемъ Яру; а настойчивый Абаринъ, съ 12 по 23 марта 1764 года, укротилъ волненія въ деревняхъ затечевскихъ, предавъ наказанію (кнутомъ и плетью) 161 главныхъ крамольниковъ (6). По водвореніи спокойствія въ Далматовскомъ монастырь и при отъѣздѣ въ Москву митрополита Павла, Іакинѣъ вызванъ въ Тобольскъ, для надзора за архіерейскимъ домомъ и для завѣдыванія дѣлами консисторіи. Въ Тобольскѣ пробылъ онъ съ 4 октября 1767 до 14 окт. 1768 года.

---

(5) Первый манифестъ 16 февраля, второй 31 марта 1763 года, оба при Петрѣ III, а третій манифестъ 12 августа того же года, при Екатеринѣ II-й.

(6) О нападеніи и отраженіи бунтовщиковъ подъ именемъ Дубишщины взято изъ бумагъ монастырскаго архива.

Возвратившись въ монастырь, Іакинѣъ насладился уединеннымъ спокойствіемъ около 6 лѣтъ. Но мирный покой его былъ нарушенъ бунтомъ Пугачева (7). Событіе имъ скопиче въ январѣ 1774 года сильно неистовствовало вокругъ города Челябинска и въ самомъ городѣ. Одна изъ его шакъ, въ 3000 человекъ, состоявшая изъ русскихъ измѣнниковъ и башкирцевъ, отделившись по зову прежней *Дубиницы*, начала, подъ предводительствомъ асауловъ Тараканова и Пестерева, съ неистовствомъ на Далматовскій монастырь. Кромѣ разграбленія монастырскихъ сокровищъ, самое мѣсто, на которомъ стоялъ и стоитъ монастырь, казалось имъ удобнымъ для своей защиты и обороны, какъ укрѣпленіе, устроенное изъ кирпича, на высокомъ берегу Исети, и тѣмъ болѣе еще, что монастырь съ 1703 года снабженъ былъ пушками и пищалями. Стремясь къ монастырю, шайка бунтовщиковъ изъ пути своимъ предавала все огню и мечу, въ слободахъ Песчанской и Теческой, въ селахъ Бродокалмацкомъ и Верхтеченскомъ, въ деревняхъ Мальцовой, Ключевой и Верхнеирской. 11 февраля 1774 года, въ день преп. Димитрія Прилуцкаго, шайка, встрѣченная въ селѣ Николаевскомъ и сопровождаемая народомъ, надѣвшимъ бѣлыя перевязи черезъ плечо, въ два часа по полудни, при набатномъ монастырскомъ звонѣ и пушечной пальбѣ, начала осаду монастыря. Таракановъ и Пестеревъ съ своимъ скопичемъ, изъ прилежавшихъ къ монастырю обывательскихъ домовъ старались разбить пушечными ядрами сѣверные ворота и стѣны монастырскія; но всѣ усилія ихъ остались тщетны. Заботливый архимандритъ еще въ октябрѣ 1773 года, при первомъ появленіи самозванца на берегахъ Яика, занялся поправкою монастырскихъ стѣнъ и орудій, и привелъ его въ такое состояніе, что бунтовщики не могли проникнуть въ его внутренность въ продолженіи двадцатидневной осады (съ 11 февраля по 1-е марта). Впрочемъ, не надѣясь на слабую монастырскую защиту, какъ скоро узналъ онъ, что враги отъ Челябинска двинулись къ Далматову монастырю, 16 января, удалился въ Тобольскъ и началъ убѣждать губернатора Чечерина (8), чтобы онъ скорѣе послалъ отрядъ военныхъ людей съ орудіями на помощь

---

(7) Къ этому времени относятся оставшіеся въ Далматовскомъ монастырѣ отъ настоятельства Іакинѣова шитые серебромъ и золотомъ по малиновому бархату воздухъ и два покроя, изъ конхъ на одномъ вышиты на исподней сторонѣ чернымъ шелкомъ: «*Сей покровъ Святоуспенскаго Далматова монастыря шитаніемъ отца А. Іакинѣова вышитъ въ 1764 году Апрѣля 3 дня.*»

(8) Жизнь Чечерина была также напечатана прежде въ Москвитянинѣ.

монастырю. Между тѣмъ самъ продолжалъ дѣйствовать перепиской. По его настоятельнымъ распоряженіямъ, осаждаемый монастырь не былъ оставленъ безъ всякаго охраненія. Съ 92 пицаллами и съ нѣсколькими пушками осаждаемые мужественно защищались противъ враговъ, то со стѣнъ, то съ башенъ, особенно съ Красной. Изъ числа защитниковъ, болѣе другихъ извѣстными остались имена іеромонаха Вонифатія и штатныхъ служителей Потапа и Дмитрія Зайковыхъ съ товарищами. Ливнившись подъ стѣнами монастырскими 4-хъ пушекъ и 200 человекъ, крамольники съ своими атаманами разбѣжались 1-го марта (въ субботу сыропустной недѣли), когда услышали, что изъ сообщники, въ числѣ 7000 человекъ, были разбиты при деревнѣ Любимовой (Уксинской волости) генералъ-поручикомъ Деколонгъ, охранявшимъ Сибирскую линію со стороны Оренбурга, и положившимъ на мѣстѣ до 3000 человекъ бунтовщиковъ. Памятникомъ осады монастыря доселѣ остаются насквозь пробитыя стѣверныя деревянныя врата и кирпичная ограда, изрытая во многихъ мѣстахъ пушечными ядрами.

Послѣ мужественной защиты. Далматова монастыря, имя архимандрита Іакинва сдѣлалось болѣе извѣстнымъ и славнымъ. По окончаніи Пугачевского бунта, 30 іюля 1774 года, Св. Синодъ и Правительствующій Сенатъ, съ Высочайшаго соизволенія, почтили архимандрита похвальною грамотою за то, что монастырь, порученный его управленію, стоялъ твердо и непоколебимо въ вѣрности, при бульномъ возстаніи противъ правительства и при возмущеніяхъ того края. Возвратившись изъ Тобольска въ монастырь, въ августѣ 1774 года, подъ защитою двухъ военнослужителей, Іакинвъ наслаждался спокойствіемъ и заслужилъ такое же благоволеніе архіепископа Варлаама Петрова, какимъ пользовался отъ его предшественниковъ. Въ началѣ января 1776 года онъ сдѣлалъ присутствующимъ въ Далматовскомъ Д. правленіи, и сталъ заведывать 50-ю церквами и 34-мя часовнями, находившимися въ закарѣ Далматовскомъ. Его управленіе не осталось безплоднымъ. Не говоря о построеніи и возобновленіи церквей, находящихся въ заведываніи Далматовскаго Д. правленія, скажемъ о томъ устройствѣ, какое произведено имъ въ монастырь Далматовскомъ, во время 14-лѣтняго его настоятельства. Въ 1768 году устроена имъ на церкви, вмѣсто деревянной, крыша желѣзная, сдѣланы вновь и позолочены всѣ кресты и церковныя главы, расписаны стѣны и своды, равно и въ трапезѣ Успенскаго храма, а въ 1764 году отлиты серебряныя лампы. Въ 1769 году сдѣланъ новый позолоченный иконостасъ въ тепломъ Христорождественскомъ храмѣ. Не перечисляя всѣхъ поправокъ, какія про-

изводилъ арх. Іакинѣвъ, и всѣхъ пріобрѣтешій въ пользу монастыря, скажемъ объ его стараніяхъ къ образованію юношества. Самъ не учившійся въ семинаріи, онъ между тѣмъ много содѣйствовалъ открытому въ первый годъ его управленія монастыремъ училищу (1762), поддерживая его благосостояніе и обезпечивая содержаніе учителей и учениковъ изъ монастырскихъ доходовъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ содѣйствовалъ распространенію трехъ торговыхъ сѣздовъ (9 мая, 15 авг. и 6 дек.), учрежденныхъ вокругъ монастыря съ незапамятныхъ временъ, а чрезъ нихъ обогащенію и самаго монастыря (9).

За труды и подвиги свои арх. Іакинѣвъ не былъ оставленъ безъ награды. Въ 1776 году онъ переведенъ изъ третьекласснаго Далматовскаго монастыря во второклассный Соликамскій Пыскорскій монастырь, именовавшійся съ 1775 года ставропигиальнымъ. Здѣсь новые труды предстояли архимандриту; потому что въ его время положено было перенести Пыскорскій Преображенскій монастырь въ новоустроенный городъ Пермь, для большаго его возвышенія передъ другими городами. Особенно его тяготило замедленіе въ исполненіи этого предположенія, зависѣвшее не столько отъ духовной, сколько отъ гражданской власти. «Сожалю, писалъ онъ 28 септемб. 1790 года къ Вятскому епископу Лаврентію, сожалю, что такъ многое время къ началному заложенію монастыря пропущено. Хотя де себя къ тому не привязывалъ я и не привязываю, но однако, когда еще нѣсколько позволило мое здоровье и силы, ничего бѣ, какъ съ давнихъ лѣтъ къ таковымъ обращеніямъ пріобыкшаго, съ зрѣніемъ не ушло и вступити отдано быть не могло; но нынѣ одинъ духъ бодръ, а плоть уже соослѣзъ немощна.» Не смотря на то, онъ, по сказанію соликамскаго

---

(9) Монастырь сей сначала основанъ 1560 года Іоанникіемъ (Аникою) Федоровичемъ Строгановымъ на устьѣ рѣки Пыскорки, потомъ чрезъ 10 лѣтъ дѣтими Іоанникіемъ Іаковомъ, Григоріемъ и Семеномъ Строгановыми перевесенъ на дѣлѣ версты на рѣчку (вѣрнѣе—городъ) Камгорку, гдѣ былъ городъ чудскій Канкоръ, построенный Строгановымъ, близъ своего мѣстопребыванія, на верхней Пыскоркѣ. Въ 1756 году переведенъ на мѣсто близъ рѣчки Лымы, въ 8 верстахъ отъ прежняго мѣста, но въ 1775 году опять переведенъ въ Соликамскій монастырь, въ мѣсто упраздненнаго (1764) Вознесенскаго. Наконецъ отсюда, въ 1793 году, переведенъ въ Пермь, а въ 1799 году обращенъ въ пермскій кафедральный Спасо-Преображенскій соборъ. Описаніе Пыскорскаго монастыря во 2-й части Росс. Іерарх. свѣдѣніе съ мѣстными актами. По переведеніи же изъ Соликамска монастыря Пыскорскаго, переведенъ сюда монастырь изъ Вятки Троицкій Источенскій, который остается тутъ досель.

лѣтописца, украсилъ *Вознесенскій монастырь*, въ которомъ проживалъ на время. Его тицаніемъ на пр. устроены новыя иконостасы (1787 г.), вмѣсто сгорѣвшаго въ Благовѣщенской теплой церкви, и перелить новый колоколъ *Бурло* (4 апр. 1788 г.), чебоксарскимъ мѣщаниномъ Григоріемъ Визиннымъ. Что же касается до переведенія Пыскорскаго монастыря и устроения его въ Перми, то архимандритъ Іакинѣвъ, какъ видѣли изъ его словъ, *не прилязывалъ себя къ тому*, будто предчувствуя, что, по причинѣ преждевременной и насильственной смерти, онъ не успѣетъ положить основанія переведенному монастырю. По его распоряженію, устроены только въ Перми, на время, деревянные флигели, для пріѣзда монашествующихъ. За два мѣсяца до своей кончины, 30 ноября 1792 года, Іакинѣвъ писалъ объ этомъ Лаврентію, епископу Вятскому, какъ бы тоже по предчувствію близкой смерти и невозможности видѣть устроенными настоящими монастырскими корпусами: *«Сколько бы къ скорой выстройкѣ не тицаться, но въ одно будущее лѣто (1793 г.) къ переводу настоятеля съ братіею (изъ Соликамска въ Пермь) успѣть и при поспѣшности, примыкая за внутреннею отдѣлкою, сыростию и прочимъ, никакъ не удобно. Не соблаговолятъ ли, прибавлялъ онъ въ письмѣ, Его Превосходительство (генералъ поручикъ Волковъ) когда-либо въ пособіе къ своему труду пригласить тѣхъ обителей, кому благоволятъ Богъ, достойнаго начальника (10).*

Предчувствіе Іакинѣва о своей близкой кончинѣ сбылось. Не разъ избавляясь въ Далматовѣ отъ злобы и враговъ, онъ не могъ избавиться отъ нихъ въ Соликамскѣ. Причиною злобы и ненависти къ нему была его величественная взыскательность и строгость къ подчиненнымъ за ихъ уклоненіе отъ правилъ порядка. По соликамскому лѣтописцу (11), упомянувшему, что *Генваря 31 дня 1793 года въ ночи убили въ Соликамскомъ монастырѣ архимандрита Іакинѣва*, представлено причиною убійства то, что онъ поступалъ съ подчиненными строго. Къ этому должно прибавить, что строгость его была не безразсудная; напротивъ она основывалась на правосудіи, на вѣрности своему долгу и благожелательствѣ какъ частнымъ лицамъ, такъ и обителямъ, которыми управлялъ онъ. Отъ такой строгости еще въ Далматовѣ, со временъ усмирившей правительствомъ *Дубинщины* (1762 г.), многіе искали

(10) Отпуски сего и другихъ писемъ Іакинѣва къ епископу Лаврентію Барановичу между бумагами монастыря каго архива.

(11) Солик. лѣтоп. Берха стр. 232.

погибели архимандрита, и это опасеніе заставило его, между прочимъ, во время *Пугачевщины* удалиться въ Тобольскъ и жить тамъ около 7 мѣсяцевъ. На него часто поступали отъ подчиненныхъ тайные и явные доносы начальству, въ которыхъ онъ впрочемъ всегда, по слѣдствію, оправдывался. Наконецъ рѣшительное посягательство на жизнь его задумано въ 1790 году, и длилось безъ исполненія болѣе двухъ лѣтъ (12). Эта злодѣйская мысль пришла Пыскорскаго села крестьянину Андрею Геннадіеву, съ цѣлью разграбить монастырскую казну. Имѣя у себя въ монастырѣ роднаго брата писаремъ, Ивана Геннадіева, онъ, по случаю рекрутскаго набора, въ декабрь 1790 и въ январь 1791 годовъ, тайно укрывался въ стѣнѣ Соликамскаго монастыря. Въ это время онъ имѣлъ случай видѣть и развѣдать обо всемъ въ монастырѣ. Ему сдѣлались извѣстны: мѣра монастырской ограды, безпечность почной стражи, непрочность затворовъ у дверей и оконъ, не исключая и настоятельскихъ комнатъ, куда онъ съ братомъ входилъ безпрепятственно; а съ тѣмъ вмѣстѣ узналъ онъ и о негодovanіи подчиненныхъ противъ настоятеля. Съ наступленіемъ весны 1791, онъ началъ подбирать себѣ сообщниковъ, и сообщилъ свою мысль брату, монастырскому писарю. Сначала тотъ никакъ не рѣшался на убійство архимандрита; но впоследствии, частію отъ сообщества съ дурными людьми, частію отъ собственныхъ оскорбленій, полученныхъ отъ архимандрита, за свою не исправность, самъ сдѣлался злѣйшимъ врагомъ его.

Первымъ сообщникомъ Андрею Геннадіеву явился сосѣдъ его, крестьянинъ села Пыскорки, Семенъ Бурцевъ, не уступающій ему ни въ буйствѣ, ни въ дерзости; занимался давно уже грабежами судовъ по Камѣ и Волгѣ, Бурцевъ съ радостію принялъ предложеніе сосѣда, надѣясь на щедрыя обѣщанія. Впрочемъ двое, безъ другихъ участниковъ, особенно въ монастырѣ, они не осмѣливались приступить къ дѣлу, которое такъ и оставалось до 1793, — лѣтомъ за отсутствіемъ ихъ на грабежи по судоходнымъ рѣкамъ, зимою, все еще по ихъ нерѣшительности. Наконецъ осенью 1792 года, монастырскій писарь Геннадіевъ, боясь пострадать за ложный доносъ, сдѣланный имъ на архимандрита, и надѣясь покрыть это дѣло его смертію, нарочно издѣлъ въ с. Пыскорку подстрекнуть своихъ товарищей къ убійству. Всѣхъ сообщниковъ было уже чедовѣкъ десять, но дѣйствія ихъ шли не дружно. Иные не являлись къ назначенному мѣсту въ назначенное время, другіе вовсе отставали. Казалось, Провидѣніе хотѣло еще продлить

---

(12) Сошк. лѣтоп. Берха стр. 232 и слѣд.

жизнь Іакинфа. Такъ, на примѣръ, въ декабрь 1792 и январь 1793 года, разбойники три раза прѣзжали уже къ монастырю, вооруженные кто пистолетомъ, кто тесакомъ, кто ножомъ, но никакъ не осмѣливались ворваться въ монастырь. Въ первый разъ они взяли только отъ писаря Геннадіева чертѣжъ внутренняго расположенія настоятельскихъ келій; въ другой, на 4 января, по совѣту того же писаря, посовѣстились грабить подъ новый годъ; а въ третій, на 15 января, побоялись слишкомъ свѣтлой ночи, доставившей имъ впрочемъ возможность осмотрѣть западную стѣну, черезъ которую надобно было перелѣзть къ настоятельскимъ кельямъ. Наконецъ 31 января, вечеромъ, пять человекъ, самыхъ отчаянныхъ удалцовъ изъ всей шайки, снова отправились изъ с. Пыскорскаго въ Соликамскъ. Прибывши на мѣсто въ самую глухую полночь, они оставили одного караульнымъ при лошадяхъ, съ заряженными ружьями. Прочіе четверо, давъ другъ другу слово, въ случаѣ опасности или сопротивленія, живымъ въ руки не даваться, пробрались, по снѣжнымъ сугробамъ, черезъ монастырскую стѣну, осмотренную 15 числа. Замѣтивъ, что изъ-подъ крыльца настоятельскихъ келій выходитъ сторожъ, бить часы, они притаились подъ стѣною монастырскаго амбара. Оттуда пробрались они къ деревянному обрубу, на столбахъ котораго висѣлъ патисотпудовой колоколь, и увидѣвъ, что въ теплой церкви былъ еще огонь, поставили къ дверямъ ся часового. Потомъ, приперевъ палками сѣнныя двери всѣхъ жилыхъ монашескихъ келій, и пославъ еще одного товарища, сбить замокъ съ западныхъ воротъ, чтобы въ случаѣ сильной тревоги свободнѣе можно было уйти, начальники шайки, Геннадіевъ и Бурцевъ, пошли къ настоятельскимъ кельямъ. Сѣнная дверь была заперта изнутри. Не имѣя возможности отворить ее, они перешли изъ сѣней на балконъ и вышли на раму въ окнѣ гостинной кельи, которое было безъ желѣзныхъ рѣшетокъ. Двое дверей вели изъ гостинной кельи въ другія комнаты; не зная, гдѣ искать настоятеля, разбойники остановились въ недоумѣніи; но чашъ архимандрита пробилъ, и онъ, какъ обреченная жертва, самъ далъ знать о себѣ. Прибужденный стукомъ выбитого окна, онъ всталъ съ постели, взялъ большой ножъ, и подходя къ дверямъ гостинной, громко спросилъ: « Кто тамъ? » Бурцевъ бросился на его голосъ, но архимандритъ остановилъ его ударомъ ножа въ дверь и угрозою. Не отступая однако жъ отъ двери, не запертой, но только сдерживаемой архимандритомъ, Бурцевъ началъ ее рубить тесакомъ. Между тѣмъ, архимандритъ, полагая, что на него нападаютъ монастырскіе служители, сталъ призывать на помощь казначея іеромонаха Пикандра и свя-

щеника Василія. Но на всѣ его крики, слышныя даже за монастыремъ, гдѣ стояли лошади разбойниковъ, въ самомъ монастырѣ не отозвался никто. Наскучивъ продолжительнымъ и неуспѣшнымъ нападеніемъ Бурцева на дверь, за которой скрывался архимандритъ, Геннадіевъ выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета. Но пистолетъ разорвало, и выстрѣлъ кончился однимъ пустымъ звукомъ, испугавшимъ только самого злодѣя, которому показалось, что у него оторвало пальцы. Въ испугѣ онъ выбѣжалъ на балконъ, и тамъ увидѣлъ, что пальцы его цѣлы. Геннадіевъ успѣлъ подозвать къ себѣ товарища, стоявшаго у западныхъ воротъ (крестьянина того же с. Пыскорскаго, Фотьева); успѣлъ взять у него другой пистолетъ, выстрѣлить въ другой разъ въ дверь архимандрита и пробить ее пулей насквозь, которая однако жъ не сдѣлала самому архимандриту никакого вреда; успѣлъ наконецъ снова выбѣжать на балконъ и началъ выламывать раму въ той кельѣ, въ которой защищался архимандритъ, а на помощь къ нему не приходилъ никто, какъ будто бы весь монастырь вымеръ. Даже сторожъ, обязаный бить въ доску каждые четверть часа, не показывался изъ сторожки. Одинъ только мальчикъ, спавшій въ прихожей кельѣ, проснулся отъ шума и выстрѣловъ, и выбѣжалъ на крыльцо; но увидѣвъ часового, который стоялъ у теплой церкви и крикнулъ на него съ угрозою, онъ убѣжалъ въ другую половину келій и спрятался въ печь. Между тѣмъ нападеніе Геннадіева на окно ускорило гибель архимандрита. Услышавъ за собою трескъ разбитыхъ стеколъ, онъ бросился защищать окно, а Бурцевъ въ ту же минуту вскочилъ въ дверь, оставленную безъ защиты, схватилъ его и повалилъ подъ себя. Вслѣдъ за тѣмъ вбѣжали въ комнату Геннадіевъ и Фотьевъ. Сначала Бурцевъ, казалось, не хотѣлъ убивать архимандрита, и отвѣчалъ товарищамъ, которые его къ тому понуждали, что у него нѣтъ въ рукахъ никакого орудія; только не желая быть узнаваемъ, онъ, въ то время, когда два другіе злодѣя вырубали огонь и зажгли свѣчу для осмотра и грабежа келій, закрылъ ланною расой лицо, наступилъ ему коленнымъ на грудь, и спрашивалъ: «Гдѣ деньги?» Возмите все, отвѣчалъ старецъ, только не убивайте меня! — Въстѣ съ тѣмъ онъ молился, чтобъ Господь послалъ ему прежде конца покаяніе. Архимандритъ все еще думалъ, что его грабятъ монастырскіе служители; но когда Геннадіевъ и Фотьевъ, отыскавъ кошелекъ и бумажникъ, стали показывать ихъ Бурцеву, раса спала съ лица несчастнаго старца, и это обстоятельство окончательно рѣшило его участь, тѣмъ болѣе, что Геннадіева, во время пребыванія его въ монастырѣ, онъ видалъ и могъ узнать. Чтобъ скорѣй все кончить, Фотьевъ бросилъ

Бурцеву топоръ, которымъ самъ сбивалъ замокъ съ западныхъ воротъ. Двумя ударами топора, Бурцевъ раздробилъ черепъ архимандриту, и до того ожесточился, что у мертвого отрезалъ еще ухо, которое бросилъ потомъ въ 20 верстахъ отъ монастыря, въ деревнѣ Терпловой, подлѣ конскаго водопоя (13). Такъ погибъ Іакинѣъ, много и съ усердіемъ трудившійся для Церкви и отечества. Онъ погребенъ, со всѣми должными почестями, въ монастырской Благовѣщенской церкви. Въ монастырь до сихъ поръ сохраняется портретъ его.

Убийцы, оставивъ тѣло жертвы своей на мѣстѣ самаго преступленія, и забравъ всѣ найденныя ими деньги съ дорогими вещами, безпрепятственно вышли изъ монастыря. Но когда они поскакали уже домой, въ монастырь, сверхъ ихъ ожиданія, ударили тревогу въ набатъ, который встревожилъ весь Соликамскъ. Писарь Геннадіевъ, ночевавшій въ городѣ и догадавшійся о случившемся, поспѣшно бросился изъ дому въ монастырь. Приведенный въ замѣшательство разспросами о причинѣ тревоги, онъ былъ схваченъ, и потомъ заподозрилъ себя еще больше тѣмъ, что покушался убѣжать. При допросахъ однако жъ ни въ чемъ не сознался. На дѣйствительныхъ убійцъ тоже падало подозрѣніе, но довольно темное, и только ужъ черезъ нѣсколько времени племянникъ убитаго, коллежскій совѣтникъ Кашперовъ, жившій въ монастырь, но отлучившійся во время убійства въ Пермь, раскрылъ дѣло. По народной молвѣ, ему снова удалось захватить убійцъ, уже успѣвшихъ освободиться изъ-подъ надзора, подѣ которымъ сначала находились они, и почти совершенно оправдавшихся ложными свидѣтельствами въ томъ, что въ ночь смерти архимандрита нигдѣ не отлучались изъ своего села. При допросахъ, сдѣланныхъ имъ въ соликамскомъ Земскомъ судѣ, первый сознался во всемъ Михайла Фотьевъ, и уличилъ другихъ. Вся денежная добыча убійцъ, похищенная ими въ монастырь, была слѣдующая: Геннадіевъ, во время самаго грабежа, захватилъ украдкою отъ товарищей около 200 руб. серебромъ. При раздѣлѣ съ Бурцевымъ оба они получили по 20 золотыхъ; Фотьеву дали 20 руб. серебромъ; остальнымъ двумъ товарищамъ по 30 руб. серебромъ, и писарю Геннадіеву, черезъ брата, 19 руб. серебромъ.

(Сообщ. пр. і. Макаріемъ).

(13) Ходъ заговора противъ архимандрита Іакинѣа и насильственная кончина его изложены въ *сказаніи о убійствѣ его*, составленномъ кѣмъ-то изъ современниковъ и хранящемся въ архивѣ Соликамскаго Троицкаго монастыря, гдѣ случилось самое убійство.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТНОЕ ПРЕДАНИЕ О ЦЕРКВИ СВ. ТРОИЦЫ, ЧТО НА КАПЕЛЬКАХЪ, ВЪ МОСКВѢ, ВЪ 1-Й МЫЦАНСКОЙ.

Наружность нынѣшней церкви Св. Троицы, что на Капелькахъ, въ ея возобновленномъ видѣ, всякаго заставить ошибиться во времени ея построения, и никто съ перваго взгляда не скажетъ, что она была выстроена при Петрѣ Великомъ.

Вотъ что мнѣ рассказывали о ней; не ручаюсь за достовѣрность преданія, и самъ передаю его такъ, какъ донесла до меня молва народная.

На мѣстѣ возобновленной церкви, или подлѣ нея, стояла во времена Петра Великаго древняя деревянная церковь во имя Св. Троицы, и сильно приходила въ разрушеніе. Не вдалекѣ отъ нея находился кабакъ; цѣловальникъ его, а по тогдашнему и полный хозяинъ, древній почтенный старикъ, славился своей хорошей жизнью, и долгое время былъ церковнымъ старостой при этой церкви. Онъ не имѣлъ посѣ себя прямыхъ наслѣдниковъ, а былъ одиночекъ, и притомъ, что называется, скопидомъ. Ему вспала благая мысль, употребить все свое наличное состояніе на пострсвеніе новаго каменнаго храма на мѣсто стараго. Но для этого дѣла не достало бы его собственнаго капитала, а собирать прямо на построеніе церкви ему не хотѣлось, и онъ придумалъ простое средство. Кабакъ его стоялъ на большой Троицкой дорогѣ, а въ тѣ времена, какъ и теперь, эта дорога была одна изъ самыхъ проѣзжихъ, да и народъ тогда былъ не хитрый, простой, и никто не считалъ за стыдъ зайти въ кабакъ отогрѣться и даже повеселиться; слѣдовательно посѣтителей у старика цѣловальника всегда было много. Съ тѣхъ поръ, какъ старикъ возымѣлъ благочестивую мысль о построеніи храма, онъ каждого изъ своихъ посѣтителей просилъ не допивать всего налитаго ему вина, а слить *капельку* на цер-

ковъ. Разумѣется, что за этимъ слѣдовали разспросы со стороны по-
сѣтителей, и старикъ, вдохновленный мыслью о благомъ начинаніи,
охотно, а можетъ быть и краснорѣчиво, описывалъ бѣдное состояніе
тогдашняго храма, при которомъ онъ былъ старостой. Вѣсть о стран-
номъ и вмѣстѣ успешномъ сборѣ скоро дошла до слуха царскаго.
Петръ 1-й жилъ въ то время въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, на Боже-
домкѣ, близъ церкви Іоанна Воина, и, часто прогуливаясь по окрестно-
стямъ, вздумалъ посѣтить знакомый уже намъ кабакъ. Старикъ, не зная
въ лице царя, сдѣлалъ и ему обычное приглашеніе, слить капелку на
церковъ, и на вопросъ царя, со всей откровенностію передалъ ему свои
намѣренія. Петръ Великій обѣщался быть въ этомъ дѣлѣ помощникомъ,
и дѣйствительно сдержалъ слово. Убѣдясь въ хорошей жизни старика-
цаповальника, онъ много содѣйствовалъ построенію храма.

Такимъ образомъ по разсказу народному создавалась новѣя, прекрас-
ная, каменная церковъ во имя *Св. Троицы на Капелькахъ*. Теперь
эта церковъ обнесена прекрасной оградой; за ней виднѣется до сихъ
поръ прудъ, который также имѣетъ свое преданіе. Вотъ оно. Съ
незапамятныхъ временъ богомольцы, отправлявшіеся въ обитель Св.
Сергія Чудотворца, имѣли обыкновеніе, выходя изъ Москвы, купаться
въ этомъ пруду, какъ бы для очищенія отъ грѣховъ. Время мало по
малу совершенно изгладило этотъ благочестивый обычай, а съ тѣмъ
вмѣстѣ и нравственное значеніе этого пруда.

92 января,
1852.

А. ЖРЮКОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ. ЗАГРЯНИЧНЫЯ.

Воры въ Парижѣ; увеселенія; театры; концерты. — Новая книга: L'ART DE CONJECTURER, APPLIQUÉ AUX SCIENCES MORALES ETC., PAR NOIROT. — Открытія. — Примѣръ твердости духа и супружеской любви (изъ Алжира). — Кончина Колега (изъ Вены). — Некрологъ за прошедшій годъ.

Январь — лихорадочный мѣсяцъ для Парижа, говорятъ Парижане. Въ настоящемъ году лихорадочная дрожь пронимаетъ ихъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, проливные дожди вздумали провести карнавалъ въ этой столицѣ увеселеній; во вторыхъ, бѣдные Парижане дрожали отъ страха съ самаго новаго года. Окрестности Парижа, даже нѣкоторыя уединенныя улицы города, вдругъ населились ворами и разбойниками. Съ каждымъ днемъ, во всѣхъ журналахъ разсказывались новыя преступленія, новыя грабежи. Къ несчастію читателей, всѣ эти случаи такъ однообразны, такъ пошлы, что не выкупаютъ даже занимательностью разсказа и замысловатостью продѣлокъ несприятности читать о подобныхъ безпорядкахъ. Если въ наше время и найдутся воры-изобрѣтатели, которымъ мы обязаны нѣкоторыми нововведеніями въ ихъ искусствѣ, то этихъ гениальныхъ воровъ нечего искать на большихъ дорогахъ; они посвящаютъ свои таланты исключительно городу. Заставные *неучи* все еще держатся методы среднихъ вѣковъ, и даже пренебрегаютъ оффиціальною фразою: *«пошелект или асизмъ»*, придуманною вежливостію французскихъ грабителей. Они нападаютъ внезапно на жертву, и обираютъ ее, по ихъ циническому выраженію, *до нагой собственности* (*nuе propriété*). Горе дерзновенному, который въ сумерки, и даже днемъ, пускался въ началѣ января, по какой-нибудь тропинкѣ *extra muros*: участь его впередъ написана въ журналахъ, въ отвлеченіи *les faits-Paris* (Парижскія происшествія). Едва сдѣлавъ онъ нѣсколько шаговъ на атомъ опасномъ пути, — какъ былъ уже окруженъ засадами и врагами. И человекъ, который за нимъ слѣдуетъ, и прохожій впереди, и служанка съ красными руками, которая напѣваетъ пѣсню въ дверяхъ питейнаго дома, и разносчикъ, скромно пробирающійся стороною, — всѣ замышляютъ на него, всѣ сторожатъ удобнаго случая. Немудрено даже, если онъ встрѣтитъ какого-нибудь широкоплечаго *дальновиднаго* слѣпаго, который, поднимая надъ его головою дубину, и поднося ему свою шапку, трогательнымъ голосомъ проговорить

ему: «на поддержку ремесла, честной господин». На ночь, эта нравственная саранча слеталась, вѣроятно, въ городъ и въ предместья. Въ газетахъ то и дѣло писали о воровствахъ, убійствахъ и нападеніяхъ на мирныхъ жителей даже въ ихъ квартирахъ. Благодаря мѣрамъ полиціи, подобные случаи становятся чѣмъ отъ часу рѣже.

Но ни погода, ни грабежи не помѣшали Парижанамъ веселиться. Программа публичныхъ и частныхъ увеселеній на карнавалъ длинна до безконечности. Стравса и Дюфрена ожидаетъ длинный рядъ бессонныхъ ночей. Первый балъ давалъ князь Калимаки. Потомъ начались *еженедѣльные* вечера у лорда Норменби; эти вечера скорѣе рауты, нежели балы. Цѣль аристократіи не столько танцуетъ тамъ, какъ прогуливается и разговариваетъ. Британскій этикетъ, или прихоть, изгнали изъ этого общества нѣкоторые французскіе па въ танцахъ, впрочемъ употребительныя повсюду, вѣроятно собираясь съ известнымъ девизомъ: *hoppy soit qui mal danse*.

Нельзя не упомянуть о послѣднемъ балѣ въ ратушѣ, блестящемъ, великолѣпномъ, а что болѣе—веселомъ.

Въ лѣтнемъ саду былъ музыкальный вечеръ въ пользу бѣдныхъ. Маскерады въ Казино и въ театрахъ привлекаютъ толпу. Говорятъ, что Страусу поручено устроить балъ драматическихъ артистовъ, который ежегодно бываетъ въ театрѣ Комической Оперы, и здѣсь, какъ Наполеонъ при пирамидахъ, онъ можетъ сказать своему оркестру: не забывайте, что здѣсь сорокъ люстръ на васъ смотрятъ. (*) Объявленіе объ этомъ балѣ написано въ видѣ прокламаціи отъ всѣхъ актрисъ парижскихъ театровъ. Непомовѣрное соревнованіе въ раздачѣ билетовъ господствуетъ между патронессами. Онѣ раздаютъ билеты у себя дома, и за десять франковъ каждый можетъ себѣ доставить удовольствіе видѣть ту или другую изъ блестящихъ звѣздъ парижской сцены, и слышать отъ нея приветливое слово. Эта невинная хитрость, чтобы усилить доходъ, всегда удается. Поклонники искусства, въ особенности иностранцы, охотно приносятъ дани дилымъ покровительницамъ челоуѣколюбиваго дѣла.

Въ Большой Оперѣ, на одной недѣлѣ были два великолѣпные спектакля. Во первыхъ давали *Мпцаншъ въ дворянствѣ*, старинную пьесу времени Людовика XIV, въ постановкѣ которой директоръ театра г. Рокепланъ расточилъ всю пышность, прельстившую великаго короля, когда Мольеръ и Люлли давали ему этотъ праздникъ въ Шамборѣ. Другое представленіе имѣло болѣе основательную занима-

(*) Люстра—пятилѣтіе.

тельность. Президентъ республики давалъ этотъ спектакль уполномоченнымъ (délégués) департаментовъ. Зала театра была украшена гирляндами и цвѣтами и освѣщена множествомъ жирандолей. Задній занавѣсъ занятъ былъ огромнымъ орломъ съ распростертыми крыльями. Ложи бельэтажа были заняты дипломатическимъ корпусомъ; прочія мѣста высшими гражданскими и военными чиновниками. Давали оперу *le Prophète* Мейербеера. Блестящая публика восхищалась безсмертнымъ произведеніемъ великаго маэстро, въ особенности гг. уполномоченные.

Большая Опера давала еще Вильгельма Телля, Россини. На афишкѣ было сказано, что финаль втораго дѣйствія будутъ пѣть 200 хористовъ. Дѣйствительно ли ихъ было двѣсти? Кто станетъ считать ихъ? Но цифра 200 и крупная фраза: *200 хористовъ будутъ пѣть финаль 2-го дѣйствія*, имѣли успѣхъ. На простую афишку: *Вильгельмъ Телль, опера Россини*, не обратили бы столько вниманія. Это напоминаетъ случай въ томъ же театрѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ. Давали пьесу подъ заглавіемъ *Искушеніе*, оперу-балетъ, родъ вокальной и хореографической смѣси. Между прочими тамъ была сцена съ чудовищемъ, которая вовсе не понравилась публикѣ, такъ что на второе представленіе ее выкинули, а черезъ нѣсколько представленій и самую пьесу оставили. По прошествіи нѣкотораго времени администрація театра затруднялась въ средствахъ усилить сборъ. Вдругъ директору блеснула свѣтлая мысль, и въ одно прекрасное утро на стѣнахъ парижскихъ улицъ появилась афишка слѣдующаго содержанія: Королевская Академія музыки: сего-дня дана будетъ опера *Искушеніе*. *Сцена съ чудовищемъ будетъ возобновлена, какъ въ первое представленіе. Цѣна мѣстъ не будетъ повышена*. Вечеромъ зала была полна. Публика попала на эту *простодушную* удочку.—Теперешняя привиллегія Большой Оперы продолжена еще на четыре года, т. е. по 1862-й годъ. Правительство обязалось заплатить долги первой французской лирической сцены, которые, говорятъ, не превышаютъ 400 т. франковъ.

На театрѣ *Opera comique* возобновили оперу *Юсифъ*, Мегюля.

Въ Итальянской Оперѣ давали *Пависсо*, оперу Верди. Дѣвица Крувели торжествовала въ этой пьесѣ, какъ и въ Эрнани, въ Дочери полка, въ Женщинѣ-лунатикѣ и въ Нормѣ. Роль Абигази требуетъ сильнаго голоса, смѣлаго исполненія и некоторой надмѣнности въ игрѣ, а эти достоинства—отличительныя черты таланта дѣвицы Софьи Крувели. Въ первомъ дѣйствіи она одѣта въ латы, съ шлемомъ на головѣ, съ копьемъ въ рукѣ, и въ такомъ воинственномъ нарядѣ поетъ съ воинственною энергіею, какъ истинная дочь Скивовъ. Но

настоящее ея торжество—во второмъ дѣйствіи, когда, мечтая возложить на себя вѣнецъ Навуходоносора, она узнаетъ, что она дочь раба, и чтобы достигнуть трона, задумываетъ извести Фенену, наследницу царя Вавилонскаго. Публика не перестаетъ восхищаться пѣвицею.

Какъ мы говоримъ о музыкѣ, то должны сказать, что никогда, можетъ быть, новой годъ въ Парижѣ не начинался такъ музыкально, какъ 1852-й. 1-го минувшаго января подъ сводами церкви Парижской Богоматери раздались звуки пяти-сотъ голосовъ и инструментовъ. Артисты исполняли *Te Deum* Лесюера и *Sanctus* изъ обѣдни Св. Цециліи, соч. Адольфа Адама. Исполненіе вполнѣ доказало и превосходство артистовъ и знаніе дѣла дирижеровъ. Общество *Sainte-Cecile* давало большой концертъ, въ которомъ программа была составлена исключительно изъ неизданныхъ еще сочиненій композиторовъ, находящихся въ живыхъ.

Теперь, властелинъ мой, сказалъ некогда Мефистофель доктору Фаусту, держись за конецъ моего плаща, и мы вмѣстѣ отправимся въ міръ сверхъестественный. Точно то же сдѣлали два драматическіе сочинителя съ публикою театра Porte-Saint-Martin, а вмѣсто дьявольскаго плаща предложили ей, то-есть публикѣ, *Гарлемскаго продавца картинъ* (l'Imagier de Harlem). Этотъ продавецъ картинъ, по имени Лаврентій Костеръ, былъ дѣйствительнымъ изобрѣтателемъ книгопечатанія, если вѣрить его ученымъ соотечественникамъ, которые не хотятъ уступить эту славу Фаусту и Гуттенбергу, а гг. Жераръ де-Нерваль и Мери въ такомъ мнѣніи заодно съ почтенными Голландцами. Впрочемъ Фаустъ и Гуттенбергъ не вовсе лишены здѣсь славы изобрѣтенія подвижной буквы; нѣкоторая часть этой славы досталась и имъ на долю, какъ работникамъ Костера.

Костеръ обязанъ своимъ изобрѣтеніемъ благородной страсти къ древностямъ. Въ соседнемъ монастырѣ увидѣлъ онъ, что монахи набожно истребляли творенія Гомера, и задумалъ сохранивъ ихъ потомству. Типографскій станокъ наконецъ въ дѣлъ, и обогатить вѣтъ неоцѣненнымъ сокровищемъ,—но разорить переписчиковъ, и мѣстная власть, воплощенная въ лицѣ бургомистра, захватила инструменты чародѣя, и оставила его въ слезахъ надъ развалинами своего изобрѣтенія, посреди опустошенной рабочей комнаты, съ отчаяннымъ расположеніемъ предать нечистому свою душу. Амузавый какъ тутъ. Домъ съ трескомъ распадается, и гарлемскій изобрѣтатель летитъ на помель, какъ вѣдма, въ надзвѣздные міры. Дорогою сатана представляетъ своего спутника императору Германіи, которому угрожаетъ въ Ахенѣ возмущеніе, потому что онъ не платитъ войскамъ жалованья.

Услужливый бѣсъ вынимаетъ изъ-подъ магическаго пресса бумажную ассигнацію, и золото льется въ имперскую казну. Костеръ признанъ всеми великимъ финансовымъ мужемъ; но императоръ Германіи едва разбогатеетъ, какъ захотѣлъ и повеселиться. Это дѣло потруднѣе, но благодаря бѣсовскому содѣйствію, Костеръ, только что доказавшій, что онъ такъ же гениаленъ, какъ бумажной памяти покойникъ Ло (*Lo*), мигомъ дѣлается другимъ Каллостро, чтобы вызвать изъ царства тѣней неувидаемую красавицу Аспазію; но взглянувъ на эту прелестную гречанку, и смутившись всѣмъ, что вокругъ него дѣется, и чего онъ не въ силахъ былъ понять, ровно такъ, какъ и публика, онъ покупается бѣжать, чтобы отыскать свою жену. Тщетны однакоже его желанія,—напрасны сожалѣнія.—Сатана по рукамъ и ногамъ спуталъ его прелестями Аспазіи, и тутъ публика попалась въ самую безтолковую дьявольщину новаго *Фауста*, тогда какъ и прежняго не всегда можно объяснить вполне удовлетворительно. Зритель не въ состояніи остановиться въ этихъ потьмахъ, которыя часъ отъ часу становятся мрачнѣе; пьеса невольно ведетъ его впередъ, потому что она увлекательна самою, странностію помысла, и что запутанность дѣйствія не распространяется на языкъ. Такимъ образомъ, въ раскатахъ грома и при вспышкахъ молніи, зритель начинаетъ мало по малу догадываться, что Костеръ закололъ кинжаломъ бѣса, который впрочемъ, по заведенному въ нѣхъ роду обычаю, отъ того не умираетъ. Костеру, посоветовала это убійство безразсудная Аспазія, но этотъ ударъ кинжала принесть пользу не ей, а законной супругѣ убійцы. Костеръ снова обратился къ женѣ своей.

... Послѣ Голландіи и Германіи, Гарлемскій продавецъ картинъ является во Францію, гдѣ жизнь его принимаетъ другой оборотъ: онъ печатаетъ книги для Лудовика XI. Это искусство, которое должно бы пріобрѣсть ему милости короля, чуть чуть его не погубило. Знаменитый Оливье, прозванный *le Daim*, приноситъ королю пасквиль, напечатанный въ типографіи Костера. Король посылаетъ за Тристаномъ, своимъ палачемъ. Но народъ кричитъ: Да здравствуетъ Костеръ, и сатана, опасаясь, чтобы его питомецъ не умеръ безвинно и тѣмъ не ускользнулъ изъ его когтей, похищаетъ его изъ тюрьмы и переноситъ въ замокъ красоты г-жи Божѣ. Тутъ новое удивленіе; Анна Божѣ (*Beaujeu*) никто другой, какъ Аспазія! Костеръ бросается въ ея объятія, но прижимается къ сердцу не ее, а холодный трупъ жены своей Катерины, умершей съ тоски по немъ.

Впередъ, впередъ Лаврентій Костеръ; Испанія и Италія также ожидаютъ изобрѣтателя книгопечатанія. При дворѣ Изабеллы, прозванно

Католическою, Костеръ встрѣчаетъ Христовора Колумба, который *изобрѣлъ* Америку, а потомъ сходится лицомъ къ лицу съ великимъ инквизиторомъ, и передъ самымъ костромъ, на которомъ приготовляются сжечь его дочь, какъ добрый отецъ, чтобы спасти ее, онъ снова предается тѣломъ и душою сатанѣ, — и дѣло опять сложено. Куда-то теперь поведетъ насъ эта чудесная пьеса? Въ Италію... тамъ преданность его дочери и благословеніе папы окончательнѣе спасаютъ Костера изъ когтей сатаны; его везутъ въ Капитолію, и сказка кончается.

Мы сообщили нашимъ читателямъ содержаніе этой странной пьесы, чтобы показать, какія *бредни* могутъ имѣть успѣхъ въ столицѣ изыскаго вкуса, какъ всѣ называютъ столицу Франціи.

Въ Циркѣ (*Cirque national*) давали героическую біографію: *Бонапартъ въ Египтѣ*. Армія въ походѣ; она перешла пустыню Домангуръ и рѣку Ниль. Мамелюки, разбитые подъ Шебрейсомъ, уничтожены при Пирамидахъ. По занятіи Каира, открывается Сирійская кампанія, и войска приходятъ на равнины Тавора, къ берегамъ Абукира. Постановка этого представленія прекрасна. По сценѣ развѣзжаютъ пушки, скачутъ лошади, перестрѣлка не умолкаетъ. Мало болтовни и много дѣйствія. Успѣхъ былъ очень великъ, — и очень прибыленъ.

Недавно вышла въ Парижѣ любопытная книга: *L'art de conjecturer, appliqué aux sciences morales, politiques et économiques*, par N. I. E. Noirost de l'academie des sciences, arts et belles lettres de Dijon.

Знаменитые ученые (Кондорсеть, Лапласъ) были убеждены, что истины нравственныхъ и политическихъ наукъ могутъ быть доказаны такъ же, какъ истины наукъ физическихъ. Они признали, что даже въ предметахъ не подлежащихъ численному выкладкамъ, теорія возможностей (*la theorie du probable*) представляетъ данныя, которыми мы можемъ руководствоваться въ нашихъ сужденіяхъ: ихъ рѣшенія въ политическихъ вопросахъ не чужды важныхъ погрѣшностей, но въ нихъ заключаются истины, примѣненіе которыхъ будетъ полезно во все времена и всѣмъ народамъ. Пуассонъ, въ сочиненіи своемъ: *Recherches sur la probabilité des jugements* доказалъ, что предметы всякаго рода подчинены всеобщему закону, который можно назвать *закономъ великихъ чиселъ*, *la loi des grands nombres*. Ученый англичанинъ Августъ де-Морганъ въ сочиненіи своемъ: *Исученіе возможностей*, примѣняетъ свои правила къ самымъ важнымъ философическимъ вопросамъ.

Будущее скрываетъ въ себѣ событія, которыя можно предвидѣть съ достовѣрностію, не опредѣляя, впрочемъ, времени ихъ совершенія.

На этихъ-то началахъ, рассмотренныхъ и обсужденныхъ въ предисловіи, основалъ г. Нуаро свою теорію предвидѣнія событій въ порядкѣ вещей нравственномъ, политическомъ и экономическомъ. Не новы въ исторіи міра человѣческія стремленія къ побѣдѣ надъ Синксомъ, къ изысканію законовъ непроницаемой будущности. Сношенія съ духами, вдохновенія сивиллы, изреченія оракуловъ и другія сверхъестественныя видѣнія, не были ничѣмъ болѣе, какъ этимъ болѣзненнымъ и тревожнымъ, всегда неудачнымъ и всегда пылкимъ стремленіемъ чловѣка къ извѣданію своей будущей участи.

Послѣ чловѣкъ-предвѣдѣцъ, изгнанный изъ воздушной и политической области, надѣлся, съ помощію сужденій и расчетовъ, проникнуть, разгадать, разобрать то, о чемъ прежде онъ вопрошалъ магическихъ заклинателей, исключительный даръ, или сверхъестественныя силы.

Та же гордость въ другомъ видѣ!... Болѣе истиннаго смиренія въ ученіи труженникъ, который съ помощію чиселъ и извѣстныхъ формулъ замыслилъ искитить тайны будущаго, нежели въ современномъ чловѣкѣ, который надменно довольствуется единственною силою своего слабаго разума, чтобы приподнять тлѣлый пологъ, подъ которымъ кроются грядущіе вѣка, годы и дни. Но силы свободныя не то, что естественныя дѣтели, доступныя нашимъ чувствамъ и подвластныя законамъ физики, которыхъ можно раздѣлить на разряды, распределить, расчесть, подчинить своей волѣ. Все, что совершается предъ глазами нашими, столько событій, исполняющихся вопреки всякому правдоподобию, ясно доказываютъ безсиліе чловѣка предузнать то, что онъ ожидаетъ. Мы не споримъ, что по догадкамъ можно предузнавать, не безъ ошибокъ впрочемъ, нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ правдоподобныхъ назначеній, куда стремится усиліе чловѣка. Прошпательный взглядъ, и умъ, освобожденный отъ вліянія страстей и предразсудковъ, можетъ слѣдовать за потокомъ, который увлекаетъ съ собою родъ чловѣческій, и даже предугадывать, конечно не съ достовѣрностію, но не безъ вѣроятія, по крайней мѣрѣ, общее направленіе этого потока. Но рѣка, неустанно текущая изъ таинственнаго источника къ безвѣстному устью, имѣетъ, какъ и обыкновенныя рѣки, свои пороги и свои пропасти, которыхъ нельзя извѣдать, не пройдя ихъ. Статся можетъ, что волны этой рѣки, поглощенные бездною, темного далѣе снова раз-

вернутся широкой пеленою, но также можетъ быть, что ихъ поглотитъ бездонная пропасть, и онѣ навсегда исчезнутъ съ поверхности земли. Что значить ученье, основанное на догадкахъ, ограничивающееся темными предчувствіями, смутнымъ прозрѣніемъ пути, который неожиданныя обстоятельства и преграды могутъ прервать, измѣнить, даже своротить въ сторону.

Въ книгѣ г. Нуаро нѣтъ методы или теоріи искусства предузнавать будущее по умозрительнымъ заключеніямъ; и можно ли придать формы науки тому, что не подчинено правиламъ? Человѣческимъ; можно ли предузнать послѣдствія, не зная даже причинъ? Въ книгѣ г. Нуаро много глубокой учености, человѣколюбія и праводушія; въ ней есть неколебимая вѣра въ несомнѣнное благо, и если заглавіе не вполне отвѣчаетъ содержанію, то можно сказать, что это есть единственная погрѣшность сочиненія г. Нуаро, и то еще нельзя упрекнуть его, что онѣ не выдержалъ неуклонно такой неисполнимой программы.

Въ Тарраконѣ, въ Испаніи, подъ Римскими развалинами найденъ мраморный гробъ, покрытый множествомъ фигуръ, фантастически расписанныхъ: оказалось, что онѣ представляютъ похождения Финикійскаго Геркулеса.

Въ Римѣ открытія по Аппіевой дорогѣ продолжаются безпрепятственно. Она восстановлена уже такъ, что можно ѣздить въ экипажахъ. Пантеонъ освобождается отъ домовъ, къ нему прильпленныхъ. Въ Термахъ Каракаллы большая зала очищена совершенно. Форумъ предстанетъ вскоре во всемъ своемъ пространствѣ. Банимъ Титовымъ дается пристойный видъ.

Въ Гейдельбергѣ скончалась недавно вдова (третья жена) Августа *Кисебу*, 73 лѣтъ отъ рода. Она завѣщала похоронить себя въ сосѣдствѣ, гдѣ похоронена дочь ея, госпожа *Крузенштернъ*.

Разскажемъ, въ заключеніе нашихъ заграничныхъ извѣстій, объ одномъ необыкновенномъ примѣрѣ твердости духа и супружеской любви. Недавно умеръ въ Алжирѣ нѣкто Франческо Надалъ, родившійся въ Аликанте въ 1747 году: 28-ми лѣтъ отправился онѣ съ испанскою экспедиціею въ Алжиръ, корабельнымъ плотникомъ, и оставался тамъ до конца своей жизни. *Литъ пятьдесятъ* тому назадъ умерла его жена, которую любилъ онѣ больше всего на свѣтѣ, и онѣ произнесъ объѣтъ не ложиться никогда на постель. Больше 18,000 ночей провелъ онѣ на полу своего дома, лежа на мѣшкѣ; ни просьбы, ни доказа-

тельства, ни даже угрозы его дѣтей и внучать не могли убедить столѣтняго старца измѣнить его рѣшеніе. Здоровье его нисколько не измѣнилось во всю долговременную жизнь, полную трудовъ и усилій. Согбенный бременемъ лѣтъ, старецъ сохранилъ до конца свои умственные способности, также какъ и тѣлесныя; за нѣсколько дней до своей смерти, онъ ходилъ еще довольно далеко, курилъ свою сигаретку, работалъ дулою и рубанкомъ въ мастерской своего сына, и скончался тихо, въ объятіяхъ своихъ дѣтей, произнеся нѣдражайшей супруги, упреждавшей его пятьюдесятью годами.

Изъ Вены получено горестное извѣстіе для всѣхъ друзей славянства о кончинѣ славнаго Коляра. Пока мы сообщимъ извѣстіе объ его жизни, напечатанное въ Ausland. «Іоаннъ Коляръ, извѣстный славянскій поэтъ и изслѣдователь древностей, умеръ 24 января. Онъ родился въ 1793 году 29 іюля въ Мосочѣ, въ Туроцкомъ округѣ, гдѣ отецъ его былъ нотаріусомъ, изучалъ въ Пресбургѣ протестантское богословіе, въ 1819 году опредѣленъ капелланомъ при евангелической церкви въ Пештѣ, а по смерти его предшественника дѣйствительнымъ проповѣдникомъ, и оставался тамъ до 1849 года, когда перешелъ профессоромъ славянскихъ древностей въ Вену. Произведеніе, которое положило основаніе его славы, было лирико-эпическое: Дочь Славы. Оно вышло въ свѣтъ въ 1832 г. въ Пештѣ, въ пяти пѣсняхъ, изъ коихъ три напечатаны были еще 1824 году въ Осенѣ. Первая мысль ея зародилась у него въ Саксоніи, гдѣ видалъ онъ много славянскихъ деревень, городовъ и областей, совершенно отмеченныхъ. Грустная и горькая жалоба на уничтоженіе славянской народности составляетъ основу не только позднѣйшихъ его сочиненій, но даже всей жизни; мысль, его одушевлявшую, онъ выразилъ въ своемъ разсужденіи о литературной взаимности между племенами и нарѣчьями славянскими; онъ желалъ, чтобы возникло литературное собратство, обнимающее всѣхъ Славянъ, которое составило бы оплотъ противъ германскаго вліянія. Ему приписывали политическія намѣренія, кои, безъ сомнѣнія, не входили первоначально въ его соображенія. Въ послѣдніе годы онъ ревностно посвятилъ себя славянскимъ древностямъ. Онъ оставилъ послѣ себя два конченныя сочиненія: «Славянская древне-Италія», для коего онъ приготовилъ матеріалы еще во время своего путешествія по верхней Италіи, Тиролю и Баваріи; второе—*Божества Ретры*.

Мы начали это отдѣленіе за здравіе, а свели за упокой. Исчи-

слимъ еще знаменитыхъ покойниковъ прошедшаго года, извѣкая ихъ имена изъ подробнаго списка Сѣверной Пчелы.

Кого поставить на первомъ мѣстѣ, на второмъ, и такъ далѣе? Мнѣнія, разумеется, будутъ различны....

Присницъ, цѣлитель болѣзней человѣческихъ, силезскій крестьянинъ, устроившій знаменитое водолечебное заведеніе въ Грессенбергѣ, сконч. лѣтъ 50.

Куперъ, американецъ, романистъ, доставившій много пріятныхъ часовъ читающему сословію въ свѣтъ новомъ и старомъ, сконч. лѣтъ 60.

Окенъ, знаменитый натуралистъ, имѣвшій великое вліяніе на науку естествознанія, сконч. 73 лѣтъ въ Цюрихѣ.

Спбтинини, славный музыкантъ, сочинитель Весталки, сконч. лѣтъ 70, въ Папскихъ владѣніяхъ.

Ерштедъ, физикъ, сдѣлавшій много открытій, особенно о свѣтѣ, благочестивый христіанинъ, сконч. въ Даніи, 74 лѣтъ.

Паулусъ, протестантскій писатель, сконч. 90 лѣтъ, въ Гейдельбергѣ.

Лангенбекъ, извѣстный анатомъ, профессоръ, сконч. въ Геттингенѣ, въ глубокой старости.

Лингардъ, пасторъ, авторъ Исторіи Англіи, сконч. 80 лѣтъ.

Гюцлафъ, миссіонеръ, прославившійся въ последнее время сочиненіями о Китаѣ.

Владыка Черногорскій, изъ рода Нѣдошей, *Петръ*, сконч. на 39 году отъ роду.

Изъ военныхъ людей: *Суитъ*, котораго Наполеонъ считалъ лучшимъ военнымъ министромъ, сконч. 83 лѣтъ.

Кодрингтонъ, англійскій адмиралъ, прославившійся побѣдою при Наваринѣ, сконч. на 81 году, въ Лондонѣ.

Извѣстный временщикъ Испаніи, *Годой*, Князь мира, сконч. на 85 году, въ Парижѣ.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ предъидущихъ книгахъ редакція сообщала письма своихъ корреспондентовъ; нынѣ представить она общее обзорѣе примѣчательныхъ событій и явленій въ разныхъ странахъ Россіи за послѣднее время, начавъ впрочемъ и здѣсь съ петербургскаго письма о тамошнихъ новостяхъ.

«... Изъ Москвы и изъ провинцій мы безпрестанно получаемъ вопросы людей, собирающихся ѣхать въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ, о петербургскихъ гостинницахъ, кабинетахъ для чтенія и мѣстахъ, гдѣ можно имѣть хорошій и дешевый столъ. Удовлетворемъ любопытству желающихъ.

Въ Малой Конюшенной, близъ Невского, есть въ Петербургѣ гостинница *Бенца*—любимое мѣсто здѣшнихъ бюргеровъ, небогатыхъ чиновниковъ, студентовъ, артистовъ и любителей всего дешеваго, опрятнаго и свѣжаго. Въ гостинницѣ есть номера, прекрасный бильярдъ, всевозможныя немецкія, французскія и русскія газеты и общественный столъ. Обѣдъ начинается въ два часа и продолжается до шести. Когда бы желающіе въ это время ни пришли, кушанья подаются горячія и свѣжія. Заснувшей рыбы, соленыхъ куръ, вяленыхъ рябчиковъ и тощаго картофельнаго супа здѣсь вы не встрѣтите въ десять лѣтъ. Гостинница *Бенца* была прежде гостинницею *Жоржа*; въ лѣтописяхъ бильярдной игры и обѣдовъ она славится издавна, и голубая вывѣска ея и старичекъ немецъ, несчетныя лѣта принимающій у входа въ столовыя комнаты шинели и пальто посетителей, съ любовью встрѣчаются взорами расчетливой половины петербургскаго населенія. Обѣдъ изъ пяти блюдъ стоитъ здѣсь 60 к. сер., изъ четырехъ 45 к. сер., а изъ *трехъ*—38 к. сер. Каждому входящему предлагается составляемая ежедневно, особая карта обѣда, и обѣдъ выбирается изъ самаго разнообразнаго списка заготовленныхъ блюдъ. Желающіе избавиться отъ мелочнаго расчета могутъ брать билеты на нѣсколько обѣдовъ впередъ, и впоследствии, по мѣрѣ посѣщенія щегольскихъ и комфортабельныхъ залъ *Бенца*, расплачиваться ими вмѣсто денегъ. Другое мѣсто, гдѣ можно имѣть прекрасный и дешевый столъ, *Итальянецъ Валотти*, на каналѣ, идущемъ отъ Казанскаго собора къ Михайловскому театру, противъ театра и зданія, гдѣ помещается магазинъ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій. Валотти содер-

жить общій столъ по 50 к. сер. за обѣдъ съ одной особы; повторникамъ и суббота́мъ го́въ угощаетъ своихъ посѣтителей даромъ прекрасными итальянскими макаронами, и каждый день за обѣдомъ прислуживаетъ одна изъ миловиднѣйшихъ и наивныхъ въ мірѣ Луизъ. Обѣдъ состоитъ изъ пяти блюдъ и стакана кофе (даромъ). Валотти недавно переѣхалъ на каналъ, и потому еще не имѣетъ вывески; посѣтители его теперь умножаются покуда одними рекомендаціями старинныхъ обывчиковъ его. Газетъ у Валотти имѣется всего одна—но ихъ для любителей макаронъ и пудинговъ замѣняетъ болтливая и наивная Луиза.—Еще не дурны обѣды въ трактирахъ *Палкина* и *Балабина*, гдѣ посѣтителей угощаютъ, сверхъ прочаго, еще великолѣпные органы.... Этимъ мы заключаемъ рекомендацію обѣдовъ дешевыхъ!—Мѣста для чтенія всевозможныхъ въ мірѣ газетъ—французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ, иллюстрацій лондонскихъ, парижскихъ и лейпцигскихъ, *Revue des deux Mondes*, *Москвитянина*, *Современника*, *Отечественныхъ Записокъ*, Библиотеки для Чтенія, *Artiste*, *Voleur* и другихъ періодическихъ изданій—*кафе-рестораны*: *Доминика*, подъ красною вывеской, противъ Казанскаго собора, *Вольфа*, подъ бѣлою съ золотомъ вывескою, близъ Полицейскаго моста, гдѣ между прочимъ есть особое отдѣленіе для дамъ, прекрасныя картины выпуклой мозаики и вѣтки съ учеными щегленками и скворцами, которые поютъ арии изъ оперы «Сарданапалъ», первой оперы Итальянца, поставленной прежде другихъ европейскихъ театровъ въ Петербургѣ, и варіація на любимую пѣсню Петербургцевъ «Ванька-Танька» — кафе-ресторанъ чародѣя *Излера*, противъ Гостиннаго Двора, съ знаменитыми бильярдами, игрою въ домино и дѣтними забавами на минеральныхъ водахъ и, наконецъ кондитерская—*Акколы*, у Аничкова моста, бывшая *Пеера* (московскаго производителя барбарисовыхъ деденцовъ и батонъ), и *Иванова*, у Семіоновскаго моста. Доминикъ, Вольфъ, Излеръ и Аккола—все находятся на Невскомъ Проспектѣ, на его солнечной сторонѣ, и кромѣ газетъ и журналовъ, предлагаемыхъ посѣтителямъ за уничтоженіе фантастическихъ тартинокъ à-la Фанни Эльслеръ и à-la Джулія Гризи, знамениты еще, кромѣ Вольфа и Акколы, своими утонченными и изысканными обѣдами.... Но верхъ славы гастрономическаго искусства у насъ представляютъ кафе-рестораны *Дюссод* и *Донона*. Последний уступаетъ первому, какъ въ дороговизнѣ, такъ и въ литературной славѣ, потому что, какъ всемъ извѣстно, обѣды *Дюссод* прославлены и тѣмъ самымъ журналомъ, который съ недавняго времени подымалъ оружіе за чистоту

и прямоу критики вообще и за великое значеніе чуждой национальности въ особенности. Имя Дюссо повторялось рядомъ съ именами известныхъ литераторовъ, распутана завязку повести г. Авдьева, и служило и служить донинѣ всей фалангѣ петербургскихъ знаменитостей сборнымъ мѣстомъ для разрѣшенія маскарадныхъ интригъ и утоленія избалованныхъ всяческими славами гастрономическихъ желудковъ. Тутъ вы въ круглой, столпообразной комнатѣ, на мягкихъ триповыхъ канапе, послѣ маскарада въ Дворянскомъ Собраніи, встрѣтите съ раскраснѣвшимися масками, за жирною пуляркою и бутылкою лафита, въ двадцать пять рублей (ассигнаціями), и поэта какого-нибудь толстаго журнала, и его критика, отхлеставшаго его за три дня въ другомъ журналѣ, въ журналѣ этого критика. Тутъ вы увидите и тѣхъ, которыхъ вамъ здѣсь только и удастся увидѣть, — увидите за бутылкой замороженнаго силлери всѣхъ знаменитостей петербургской современной артистической моды. Обѣдъ безъ вина здѣсь стоить 1½, 2 и до ста рублей серебромъ съ персоны.... Да, добрые Москвичи: у Дюссо бываютъ иногда обѣды нѣсколькихъ пріятелей, которые складываются каждый по триста-пятидесяти рублей ассигнаціями, и это еще безъ вина.... Можете себя вообразить, чѣмъ тогда угощаетъ старикъ Дюссо и его татаре-офицанты. Выписка въ *Большой Морской*, недалеко отъ Невского Проспекта, съ надписью: «Dussaux, ancienne maison Le-Grand, restaurant des commestibles» — не одному изъ петербургской молодежи и не-молодежи доставила и долго еще будетъ доставлять осуществленіе сказочныхъ обѣдовъ Вери, Шехеразеды и Софе.

Мы бы, по настоящему, еще должны были съ подробнымъ объясненіемъ указать на обѣды *Бренфд* и кондитерскую съ газетами *Пагетти* въ Пассажѣ; но мы отъ этого удерживаемся, потому что всякъ знаетъ, что въ Пассажѣ есть все, следовательно и дешевые, хотя и неопрятные, обѣды, и кондитерскія съ газетами, хотя и безъ нашихъ лучшихъ періодическихъ изданій.

Служиваемъ рамку нашего кругозора еще тѣснѣе, и переходимъ къ частнымъ событіямъ петербургской жизни за последнее время.

Теперь у насъ масляная недѣля; балаганы на Исакиевской площади, передъ Адмиралтействомъ, кипятъ дѣтьми и не дѣтьми; съ середины началось постоянное катанье съ часу до трехъ часовъ по полудни, мимо качелей и горъ; въ театрахъ—Большомъ, Александринскомъ, Михайловскомъ и въ Театрѣ-Циркѣ каждый день по два представленія....

Кромѣ «Сардапала» въ Итальянской оперѣ, возобновившей свои абонименты, и досчитывающей послѣднія представленія теперешняго сезона, и «Сатаниллы», балета, возобновленнаго въ бенефисъ г-жи Андреяновой, которая при Карлотъ Гризи снова блистательно напомнила о себѣ петербургской публикѣ, въ мірѣ сценическомъ занимаетъ многихъ новая драма Жоржъ-Зюльда «Le Mariage de Vic-torice», имѣвшая въ Парижѣ колоссальный успѣхъ, и «Обрѣва собака», пьеса, давшая на дняхъ въ Театрѣ-Циркѣ: здѣсь главная роль у чрезвычайно-искусно дрессированной собаки, которая въ назначенный срокъ является на сцену, дѣлаетъ, лая, нѣсколько кружковъ, звонить въ колокольчикъ, дергая зубами за шнурокъ у крыльца, и, схвативъ въ зубы фонарь, свѣтитъ добрымъ людямъ, для отысканія тѣла ея убитаго господина.

5 февраля балъ съ аллегри и маскарадомъ въ Дворянскомъ Собраніи былъ великолѣпенъ и изященъ. Костюмы на балѣ являлись такіе богатые и художественные, какихъ давно уже не запомнить. Вещи розыгрышей лотереи въ пользу инвалидовъ были разставлены въ фантастическомъ двухъ-этажномъ павильонѣ изъ позолоченнаго точенаго дерева, украшенномъ живыми тропическими растеніями и цѣлыми сотнями свѣчей.

Все было весело, шумно и игриво; ужинали на расхватъ, потому что выигрывали въ аллегри съ изумительнымъ счастьемъ. Одинъ нашъ знакомый взялъ всего десять билетовъ, и выигралъ великолѣпные часы; другой взялъ на имя дорогой дамы своего сердца одинъ билетъ, и выигралъ чуть ли не коляску.... Я же съ самаго прихода жаждалъ одного: выиграть ужинъ,—и на семьдесятъ четвертомъ билетѣ прочелъ нумеръ съ выигрышемъ, а въ каталогѣ подъ этимъ нумеромъ: *портъ-монне*.... Я возвратился домой унылый и печальный: у меня было два портъ-монне, и оба были совершенно пустые.»

6 февраля.

— Изъ отчетовъ по разнымъ министерствамъ и ведомствамъ извлекаемъ, на этотъ разъ, слѣд. данныя:

Изъ 35-го (со времени учрежденія) отчета Человѣколюбиваго Общества явствуетъ, что къ ведомству Общества принадлежали, въ Петербургѣ и другихъ городахъ, 45 учреждений (въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Воронежѣ, Уфѣ, Слудкѣ, Калугѣ, Одессѣ).—Вообще въ 1850 г. по ведомству Человѣколюбиваго Общества воспользо-

лись благотворениями до 24 т. семействъ и лицъ. Приходъ Общества составлялъ болѣе 410 т. р. с. (частныхъ пожертвованій было почти на 200 т.), расходъ слишкомъ 365 т.; общій остаточный капиталъ въ 1851 г. составлялъ слишкомъ 1 милл. 70 т. р. с.

Старѣйшее изъ нашихъ коммерческихъ обществъ, Россійско-Американская Компанія издала любопытный отчетъ свой за 1850 г. Доходовъ получено ею слишкомъ 750 т., расходъ составлялъ болѣе 628 т. р. с.; изъ чистой прибыли определено въ дивидендъ слишкомъ 112 т. р. с. (по 15 р. с. на акцію). — Все народонаселеніе колоній состояло слишкомъ изъ 9200 человекъ (въ томъ числѣ болѣе 4800 мужчинъ). Русскихъ считалось около 500 чел. об. пола, Креоловъ 1700, Алеутовъ болѣе 4 т., Кенойцевъ слишкомъ 1 т., Чугачъ болѣе 1800, Курильцевъ около 100. Въ Ново-Архангельскъ жителей считалось до 1000 ч. Въ Ново-Архангельской мужской школѣ обучалось 43 мальчика, а въ женской 45 дѣвочекъ; въ мѣстной семинаріи было 27 учениковъ, въ томъ числѣ 5 туземцевъ. Кругосветныя плаванія компанейскихъ судовъ совершены благополучно. Пушной промыселъ по всемъ отдѣламъ колоній производился съ полнымъ успѣхомъ. Торговля сношеніями съ Калифорніею были не такъ удачны, какъ въ 1849 г., но доставили компаніи выгоду. Уменьшеніе народонаселенія Сандвичевыхъ острововъ, вследствие заразы, истребившей тамъ до 12 т. жителей, и безпрестанныхъ переселеній въ Калифорнію, имѣвшее вліяніе на чрезвычайное возвышеніе цѣнъ всѣхъ туземныхъ произведеній, совершенно измѣнило тамъ ходъ торговыхъ дѣлъ, которыя со стороны компаніи были не обширны, кромѣ покупки законтрактованной соли. Во время пребыванія судна нашего въ Гонолулу, его посетилъ король Сандвичевыхъ о-въ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и канцлеромъ королевства. Командиръ нашего судна (г. Клинковстремъ), по принятому тамъ обыкновенію, угощалъ короля въ своей каютѣ, при чемъ король предложилъ тостъ за здравіе и долголѣтіе Императора Всероссийскаго, послѣ чего командиръ судна предложилъ тостъ за долголѣтіе короля, благосклонно имъ принятый. При этомъ случаѣ онъ поручилъ г. Клинковстрему передать главному правителю колоній, что онъ во всякомъ случаѣ готовъ оказывать русскимъ подданнымъ, производящимъ торговлю съ Сандвичевыми о-вами, всякую помощь и покровительство. При пріѣздѣ и отъѣздѣ короля, ему были оказаны надлежащія почести. — Изъ будущихъ предпріятій компаніи особаго вниманія заслуживаетъ китовый промыселъ, развитіе котораго издавна составляло предметъ ея попеченій. Даже не разъ дѣланы

были попытки приступить къ производству этого промысла въ обширномъ размѣрѣ, по примѣру прочихъ европейскихъ промышленниковъ, но неуспѣшно. Наконецъ въ 1850 г. компанія вошла въ сношенія по этому предмету съ нѣкоторыми судохозяевами въ Або, также думавшими о снаряженіи китоловныхъ судовъ, и слѣдствіемъ этихъ сношеній было учрежденіе «Россійско-финляндской китоловной компаніи», отъ дѣйствій которой навѣрно можно ожидать немало-важныхъ выгодъ....

Вывозная торговля Россіи въ 1850 году находилась въ слѣдующемъ положеніи. Отпущено товаровъ: чрезъ европейскую границу слишкомъ на 85 милл.; чрезъ азіатскую болѣе нежели на 11 м. 200 т.; въ Царство Польское слишкомъ на 2 мил. 300 т.; въ Финляндію почти на 1 мил. 800 т. р. с.; всего почти на 100 милл. р. с. Привезено товаровъ: по торговлѣ европейской слишкомъ на 76 милл., азіатской почти на 16 милл., по торговлѣ съ Царствомъ Польскимъ на 1 милл. 275 т., съ Финляндіею на 790 т. Привозъ монеты превышаетъ отпускъ слишкомъ на 2½ милл. р. с.—Движеніе купеческаго судоходства въ 1850 противъ 1849 г. въ сѣверныхъ портахъ было слабѣе, а въ южныхъ нѣсколько дѣятельнѣе. Въ приходѣ судовъ было 6780 (вмѣстимостью слишкомъ въ 626 т. ласть), въ отходѣ 6800 (въ 576 т. ласть). Въ движеніи судоходства наиболѣе участвовали корабли англійскіе, русскіе, голландскіе, шведскіе, французскіе и мекленбургскіе. Таможеннаго дохода получено всего слишкомъ 31 милл. р. с. Расходы на содержаніе таможенныхъ мѣстъ и пограничной стражи составляли семь процентовъ всего таможеннаго дохода.

Почти единственный источникъ нашей отпускной торговли и главный нашего богатства—сельское хозяйство, какъ наука, съ каждымъ годомъ получаетъ у насъ болѣе и болѣе значенія, благодаря заботливости о немъ правительства и вліянію сельско-хозяйственныхъ обществъ. Вносимъ въ нашу летопись нѣсколько новыхъ данныхъ по этому предмету.—Ученый комитетъ Мин. Госуд. Имуществъ объявляя въ 1849 г. конкурсъ на хозяйственно-статистическія описанія губерній и уѣздовъ Россіи; на этотъ конкурсъ поступило лишь 10 сочиненій, и изъ нихъ только два (одно о Тверской, другое объ Астраханской губ.) признаны были достойными малыхъ золотыхъ медалей. Нынѣ Ученый комитетъ возобновляетъ этотъ конкурсъ, по прежней программѣ. Первостепенная награда — золотая медаль въ 300 р. с. Срокомъ для присылки назначается 1 іюля 1853 г.—Этотъ же комитетъ предлагаетъ составить краткое руководство къ

сельскому хозяйству, примененное къ одной изъ мѣстностей, въ которыхъ учреждены учебныя фермы. (Онѣ находятся въ слѣд. мѣстахъ: 1) близъ Вологды, 2) въ м. Горкахъ (Могилевской губ.), 3) близъ Липецка (Тамбовской губ.), 4) близъ Казани, 5) въ Новоузенскомъ уѣздѣ (Самарской губ.), 6) близъ Харькова, 7) въ Александровскомъ уѣздѣ (Екатеринославской губ.), и 8) въ Маріинской колоніи (Саратовской губ.). Первостепенная награда—золотая медаль въ 150 червошцевъ. Срокъ для присылки сочиненій назначается не позже 1 декабря 1853 г.

Для русскаго хлѣба открывается новый путь къ сбыту. Мы говоримъ о «Компаніи заготовленія корабельныхъ сухарей и печенаго хлѣба», учрежденной гг. Ярмерштетомъ, Карбоньеромъ и Миллеромъ. — Россію можно назвать «житницей Европы», во время неурожая въ чужихъ краяхъ. Между тѣмъ, хотя въ продолженіе многихъ лѣтъ изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ нашихъ ежегодно отправляются за границу значительныя партіи пшеницы, однако итогъ этого отпуска далеко еще не достигъ соразмѣрности съ тѣмъ количествомъ хлѣба, которое южная полоса Россіи въ состояніи производить; что же касается до сѣверныхъ портовъ, то вывозъ изъ нихъ хлѣба бываетъ значителенъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда гдѣ-либо въ Европѣ окажется неурожай. Слѣд. ни сѣверныя, ни южныя гавани по сіе время не принимаютъ на заграничныхъ рынкахъ участія въ непрерывнымъ оборотахъ зерновымъ хлѣбомъ, мукою и корабельными сухарями, какіе постоянно производятся прусскими, датскими и германскими, при Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ лежащими городами. Это отчасти происходитъ отъ закрытія, въ продолженіе шести зимнихъ мѣсяцевъ, навигаціи въ сѣверныхъ портахъ нашихъ, и большой отдаленности южныхъ портовъ отъ Англій, главнаго рынка по торговлѣ пшеницею,—отчасти же отъ значительнаго возвышенія цѣнъ на нашъ хлѣбъ, вслѣдствіе дальней и цѣнной перевозки его изъ внутреннихъ губерній въ приморскіе города. Но главнѣйшая причина ограниченнаго сбыта нашего хлѣба на Европейскихъ рынкахъ заключается въ томъ, что мы не въ состояніи торговать съ ними мукою, какъ торгуемъ зерновымъ хлѣбомъ. Хотя въ 1847 г. нѣсколько разъ отправляемы были въ разныя части Европы значительныя партіи муки, но какъ большая часть ея достигала до мѣста въ испорченномъ видѣ, то эти предпріятія не имѣли успѣха. Причина непрочности русскаго муки происходитъ единственно отъ того, что у насъ вообще существуетъ обычай мочить зерно предъ перемоломъ, при чемъ мука, получая излишнюю влажность,

дѣляется негодною для дальней перевозки въ закрытыхъ корабельныхъ трюмахъ. Между тѣмъ, русская мука не только не уступаетъ иностранной, но даже превосходить ее, и по цѣнѣ гораздо доступнѣе. Отсюда представляется возможность учредить постоянный и выгодный сбытъ русской муки за границу, превращая ее въ хорошие корабельные сухари. Подобныя хлѣбопекарныя заведенія существуютъ уже въ нѣкоторыхъ прусскихъ городахъ, въ Гамбургѣ, Бременѣ, и преимущественно въ Англіи; они снабжаютъ корабельными сухарями военныя и купеческія суда, и частію отправляютъ ихъ, въ видѣ товара, въ южную Америку, Вест-Индію и Калифорнію. Не смотря на огромный избытокъ зерна, Россія по сіе время не имѣетъ значительныхъ хлѣбопекарныхъ заведеній, посредствомъ которыхъ она могла бы, при отличной добротѣ и дешевизнѣ муки, принимать участіе въ торговлѣ хлѣбомъ. Внутри Россіи цѣны зерноваго хлѣба, при обыкновенномъ среднемъ урожаѣ, бываютъ вообще весьма сходны, и въ урожайные годы нерѣдко упадаютъ до певѣроятной степени. Но перевозка значительно увеличиваетъ цѣнность его въ приморскихъ городахъ. Доставка же муки обходится, сравнительно, дешевле, потому уже, что отруби и вообще низшіе сорта ея болѣею частію остаются на мѣстѣ (это относится къ пшеничной муке, которую собственно надлежитъ имѣть въ виду для постоянного сбыта за границу). Не менѣе важно и то, что внутри государства издержки перемола обходятся несравненно дешевле, чѣмъ во всякой другой сторонѣ. Все это, естественно, ведетъ къ заключенію, что въ отношеніи торговли мукою, или собственно корабельными сухарями, ни одна страна не въ состояніи выдержать соперничества съ Россією. Соображеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ подаетъ мысль принять предложеніе, прибывшаго въ Спб. изъ-за границы, изобрѣтателя поварной хлѣбопекарной печи (на которую выдана въ Россіи 10-лѣтняя привилегія), и учредить общество на акціяхъ для устройства хлѣбопекарныхъ заведеній, соответствующихъ означенной цѣли. — Привилегированная печь строится изъ кирпича, и расположена такъ, что разводимый въ ней огонь ни въ какомъ случаѣ не проникаетъ въ то пространство, въ которомъ помѣщается хлѣбное тѣсто, печеніе коего совершается дѣйствіемъ воздуха, нагрѣваемого по мѣрѣ надобности. Для этого, кромѣ воздухопроводныхъ трубъ и регуляторовъ, приспособленъ къ печи особый паровой снарядъ, посредствомъ котораго она снабжается потребнымъ количествомъ водяныхъ паровъ, содѣйствующихъ образованію въ тѣстѣ сахарныхъ началъ, отъ которыхъ зависятъ не только питательныя свойства, но пріятный

вкусъ и соотвѣтственные наружныя качества хлѣба. Отапливаніе этихъ печей дровами, каменнымъ углемъ (въ послѣдствіи, можетъ быть, и торфомъ) производится снаружи, такъ что ни зола, ни пыль отъ угля, ни дымъ не могутъ проникать въ пространство, въ которомъ печется хлѣбъ, ни распространяться въ самой пекарнѣ. Хотя для этихъ печей требуется весьма умеренное количество топлива, потому что въ нихъ, при постоянномъ нагреваніи, печеніе производится непрерывно день и ночь, совсѣмъ тѣмъ, вѣроятно, можно будетъ строить ихъ въ два яруса и отапливать однимъ и тѣмъ же огнемъ. Поэтому, при изготовленіи корабельныхъ сухарей, можно въ такой печи повторять печеніе въ сутки отъ 60 до 70 разъ, а при изготовленіи простаго чернаго хлѣба, не менѣе 12 разъ. Для избѣжанія траты времени, при сажаніи въ печь сыраго и выниманіи готоваго хлѣба, приспособляется къ ней особый приборъ, посредствомъ котораго испеченное въ одинъ разъ количество хлѣба одновременно вынимается изъ нея, и непосредственно замѣняется новымъ количествомъ тѣста. Чтобы сообщить корабельнымъ сухарямъ, назначеннымъ для дальнихъ морскихъ путешествій, необходимую степень сухости, устриваются надъ печами особыя сушильни, на которыхъ они постепенно приобрѣтаютъ требуемое качество. При устройствѣ значительнаго пекарнаго заведенія, необходимо также, чтобы просѣиваніе муки, мѣшеніе тѣста, формовка хлѣба и вообще всѣ подготовительныя работы производились посредствомъ машинъ.—Что же касается до сбыта корабельныхъ сухарей, то компанія не будетъ заниматься на собственный счетъ отправкою ихъ за границу; но предполагаетъ ограничиться распространеніемъ пробы ихъ во всѣхъ мѣстахъ потребленія, какъ въ Россіи, такъ и за границею. Но какъ нельзя ожидать, чтобы сбытъ сухарей немедленно достигъ значительныхъ размѣровъ, что будетъ вѣроятно черезъ нѣсколько лѣтъ, то компанія и включила въ кругъ своихъ дѣйствій приготовленіе бѣлаго и чернаго хлѣба на мѣстѣ, въ Спб. компанія дозволяется учреждать таковыя же пекарныя заведенія и въ другихъ приморскихъ городахъ, за исключеніемъ Остзейскихъ губерній. Предпріятіе этого рода можетъ осуществиться въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ цѣны на хлѣбъ всегда дешевле, чѣмъ въ сѣверныхъ портахъ.—Капиталъ компаніи долженъ состоять изъ 33 т. р. с., раздѣленныхъ на 3300 акцій.

Переходимъ къ ученымъ новостямъ. Археологическое Общество объявило о новой преміи (*седьмой*), предложенной П. И. Кудряшовымъ, на задачу: «о Русскомъ церковномъ зодчествѣ до конца ХУІІ вѣка». Отъ сочиненія, назначаемаго къ соисканію преміи, и которое должно

быть написано на русскомъ языкѣ, требуется: 1) чтобы оно было написано съ критическимъ изслѣдованіемъ происхожденія и развитія церковнаго зодчества въ Россіи; 2) чтобы оно было составлено на основаніи историческихъ актовъ, летописей и памятниковъ зодчества, сохранившихся въ Кіевѣ, Новгородѣ, Ладогѣ, Владимірѣ, Москвѣ, Суздаль, Ростовѣ, Твери; 3) чтобы оно заключало въ себѣ историческія данныя о зодческомъ искусствѣ, принятомъ отъ Греціи и Запада, и введенномъ въ Россію въ разныя эпохи,—представленнымъ въ обработанномъ видѣ. Общество жаждетъ получить отъ изслѣдователя изображеніе древнихъ окладовъ, церквей и сохранившихся фасадовъ, и чтобы всѣ подробности церковнаго зодчества были описаны на основаніи изданной Археологическимъ Обществомъ записки, для обозрѣнія русскихъ древностей. За лучшее сочиненіе выдается 600 р. с. Срокъ для соисканія преміи назначается полуторагодовой (съ 1 января 1852 г. по 1 июля 1853 г.).

Проф. Неволнъ составилъ карту древнихъ Новгородскихъ пятинъ, на основаніи писцовыхъ книгъ и другихъ историческихъ памятниковъ, съ пояснительнымъ текстомъ. Замѣчательный трудъ этотъ будетъ напечатанъ въ Запискахъ Географическаго Общества.

Объявлено о второмъ исправленномъ изданіи «Военно-Энциклопедическаго Лексикона». Оно будетъ состоять изъ 12 томовъ и окончится печатаніемъ въ три года (начиная съ 1852). Къ последнему тому будетъ приложена военная карта Европы.

Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли издалъ «Обозрѣніе Лондонской Всемирной выставки по главнѣйшимъ отраслямъ мануфактурной промышленности». Оно составлено гг. Самойловымъ и Шереромъ—первымъ по хлопчатобумажной и шерстяной промышленности, вторымъ— по льняной и шелковой.

Печатается путешествіе П. И. Небольсина въ Оренбургскій край и въ Астрахань. Мы съ удовольствіемъ прочли занимательный отрывокъ изъ него (о бурлакахъ), помѣщенный въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и не могли не пожелать, чтобы такой же опытный наблюдатель описалъ разнообразныя роды промысловъ, водящихся въ Россіи.

Напримѣръ, вотъ что узнаете вы въ Астрахани о бѣе тюленя.

Независимо отъ рыбнаго промысла, въ Каспійскомъ морѣ существуетъ промыселъ тюленей. Добываніе тюленя производится преимущественно на островахъ по восточному берегу этого моря. Островъ Кулалинскій или Тюлений, отстоящій отъ Астрахани на 250 и отъ

Тюкь-Караганскаго мыса на 20 верстѣ, привлекаетъ къ себѣ множество промышленниковъ обиліемъ собирающагося на немъ тюленя. Не одинъ, впрочемъ, Кулалинскій о-въ служить мѣстомъ этого промысла: между нимъ и восточнымъ берегомъ моря находятся еще о-ва: Святой, Подгорный, Песчаный, Долгій, Крутлый, Орловъ и другіе мелкіе, называемые Колпичьими о-вами, гдѣ также производится бой тюленя, хотя не въ такомъ размѣрѣ, какъ на Тюленьемъ о-вѣ. Сверхъ того промышленники для боя тюленя собираются въ заливѣ, называемомъ Мертвый Култукъ, недалеко отъ Эмбенскаго устья, на о-ва, состоящіе подъ общимъ названіемъ Новыхъ Острова. Эти большіе частію такъ низки, что иногда нагоняемая сильными вѣтрами вода покрываетъ ихъ. Около Петрова дня собираются промышленники у этихъ острововъ, дожидаясь косяка тюленей, выходящихъ изъ моря отдыхать на берегу. Промышленники стараются избрать себѣ мѣсто подъ вѣтромъ, чтобы тюлень, обладающій весьма тонкимъ чутьемъ, не могъ подозрѣвать посторонняго присутствія, стараются говорить какъ можно тише, и вообще не производить ни малѣйшаго шума. Иногда ожиданіе тюленя становится очень томительнымъ, потому что продолжается недѣли по двѣ и болѣе. Наконецъ, косякъ подплываетъ къ острову, и первый рядъ его располагается на краю берега; вновь подплывающій тюлень, отгѣсняя первый рядъ, занимаетъ его мѣсто, но въ свою очередь отгѣсняется отъ берега новыми партіями, что продолжается до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ на берегъ вся масса приплывшаго къ острову тюленя; успокоившись наконецъ, животное засыпаетъ, не подозрѣвая близкой и неизбежной гибели. Пользуясь мертвымъ сномъ его, промышленники сгвѣшатъ обойти островъ съ моря, со всевозможной осторожностью, боясь шумомъ разбудить свою жертву. Впередѣ идетъ избранный по общему согласію главный начальникъ—забойщикъ, съ колотушкой или чекушкой въ рукѣ; за нимъ цѣпью слѣдуетъ рядъ промышленниковъ, вооруженныхъ также чекушками и баграми. Обошедши тюленя съ моря, забойщикъ шепотомъ спрашиваетъ слѣдующаго за нимъ промышленника: обошли ли островъ? Вопросъ этотъ передается далѣе, и, наконецъ, дойдя до послѣдняго промышленника, возвращается къ забойщику съ ответомъ. Когда островъ окруженъ, забойщикъ начинаетъ дѣло, ударяя своей чекушкой по головѣ одного изъ лежащихъ на краю берега тюленей; его примѣру слѣдуютъ всѣ промышленники; убитые тюлени тотчасъ же складываются баграми по берегу въ одну линію стеною, которая преграждаетъ остальнымъ тюленямъ путь въ воду. Застыгнутый въ распахъ, не видя никакой возможности избѣгнуть

погибели, тюлень приходитъ въ смятеніе, мечется во все стороны, но вездѣ настигаетъ его опытная рука бойца. Говорятъ, тюлень плачетъ, когда промышленникъ замахивается на него своимъ орудіемъ.... Промышленники поражаютъ тюленя въ мордочку, самую чувствительную часть его тѣла; ударъ этотъ производитъ неизбежную и быструю смерть. Въ короткое время истребляется весь косякъ; если работники довольно опытны въ своемъ дѣлѣ, то ни одному тюленю не удастся уйдти въ море. Убитаго тюленя промышленники дѣлятъ поровну—паями, или, по числу убитаго каждымъ изъ нихъ звѣря, какъ говорятъ они, *по ножу*; для чего въ последнемъ случаѣ, убивши тюленя, работникъ дѣлаетъ на немъ свою мѣтку и нарѣзываетъ рубецъ на своей чекушкѣ.—Точно такой же бой тюленя производится осенью.—Другой родъ тюленьяго боя, или гонка тюленя, производится съ помощью *гонныхъ охановъ*; но теперь онъ запрещенъ правительствомъ, потому что, пугая звѣря, заставляетъ его удаляться отъ мѣстъ промысла и тѣмъ уменьшаетъ добычу. Въ прежнее время способъ этотъ употреблялся около Сянго моря и далѣе, къ Уралу, осенью. Промышленники избирали себѣ двухъ начальниковъ или атамановъ; одинъ назывался морскимъ, другой черневымъ. Подъ управленіе каждого атамана поступало лодокъ по 20 и болѣе. Въ морѣ, около того мѣста, гдѣ предполагали обиліе тюленя, разставляли сѣти или *оханы*. (Около такихъ мѣстъ обыкновенно вѣтся множество мартышекъ). По распоряженію атамановъ, лодки, цѣпью одна за другой, пускались въ море; морской атаманъ старался объѣхать косякъ тюленя съ глубины моря; черновой же атаманъ съ своимъ отрядомъ придерживался берега—*черней*. Объездъ этотъ производился издалека, съ должною осторожностью, изъ-подъ вѣтра; на вѣтеръ выезжали только тогда, когда косякъ очутится между цѣпью лодокъ и оханами. Окруживъ тюленя, промышленники начинали кричать, стучать веслами и чекушками, производя какъ можно болѣе шума. Испуганный тюлень поднимался съ мѣста; но, убѣгая лодокъ, попадался въ оханы. Тюлени, которые не въ первый разъ уже попадали въ *гонку*, пройдя сквозь эту цѣпь, избѣгали охановъ и часто уходили; такіе тюлени известны у промышленниковъ подъ названіемъ «баклушниковъ». Но вообще у тюленей мало смѣтливости, и очень немногіе изъ нихъ уходили отъ охановъ. Когда тюлени попадались въ оханы, ихъ замечали сѣтями, гдѣ они еще болѣе запутывались. Тогда промышленники употребляли въ дѣло чекушки, и убивали всего запутавшагося въ сѣтяхъ звѣря.—Весной, въ мартъ мѣсяцъ, когда ломается ледъ и огромныя льдины плаваютъ по морю, ловцы на ку-

совых лодках выезжают бить тюленя, который въ то время по-
контся на льдинахъ. Завидя звѣря, ловцы оставляютъ свои кусовыя,
которыя поручаютъ охраненію не болѣе какъ одного человѣка, а
сами на маленькихъ лодкахъ (бударкахъ) подъѣзжаютъ къ льдинѣ,
всходятъ на нее, втаскивая съ собою и бударку, и начинаютъ бой.
Здѣсь нужна очень большая поспѣшность, чтобы не дать времени
тюленю скрыться въ море. Въ продолжительныя зимы этотъ спо-
собъ бываетъ неудаченъ, потому что тюлень успѣетъ вылежаться
на льду, и къ веснѣ уходитъ въ море.—Въ недавнее время бой тю-
леня производился и зимою, когда тюлень для вывода дѣтеннышей
выходитъ на ледъ. Главною цѣлю лова былъ болѣею частью мо-
лодой тюлень, шкура котораго, довольно бѣлая и мягкая, способная
принимать краску, продавалась по хорошей цѣнѣ. Но зимній бой
тюленя былъ очень опасенъ. Каждую зиму промышленники, от-
правлявшіеся въ море за тюленемъ, съ рыданіемъ провожаемы были
своими семействами. Но ни слезы родныхъ, ни страхъ смерти,
грозившей въ этомъ промыслѣ на каждомъ шагу, не останавливали
безстрашныхъ промышленниковъ: давно привыкшіе къ опасностямъ,
они видѣли впереди только однѣ выгоды отъ своего предпріятія. Дня
на три пути промышленники выезжали въ море на лошадахъ, везя
съ собою на саняхъ необходимыя припасы и орудія. Тамъ били
они мелкаго тюленя, извѣстнаго у нихъ подъ названіемъ «бѣленькаго».
Продувая снизу ледъ, тающій отъ ихъ дыханія, тюлени выходятъ
сквозь эти отверстія, или такъ называемыя лазки, для вывода дѣтей,
которыя и оставляютъ на льду въ вакурники (около льдинъ, сто-
ящихъ ребромъ и защищающихъ ихъ отъ вѣтра). Промышленники,
находя молодыхъ тюленей, убивали ихъ колотушками, или, схвативъ
руками, били объ ледъ, при чемъ, какъ говорятъ, тюлени издавали
стонъ, похожій на плачь ребенка. Большихъ тюленей обыкновенно
поджидали, какъ и на островахъ, а изрѣдка взгѣзавшихъ на ледъ
стрѣляли изъ ружей. Среди этихъ занятій иногда вдругъ налеталъ
сильный морской вѣтеръ, и ледъ, на которомъ помѣщались про-
мышленники, разбивался на нѣсколько частей, расходился по морю,
упося съ собою раздѣленныя группы ловцовъ съ ихъ санями и ло-
шадами. Иногда льдина долго носится по морю; промышленникъ,
позабывъ о наловленной добычѣ, каждый часъ ждетъ своей поги-
бели; носящая его льдина, размываемая водой, часъ отъ часу стано-
вится менѣе. Случается, льдину относитъ такъ тихо, что человѣкъ
не замѣчаетъ этого; лошади первая даетъ знать объ опасности: она
фыркаетъ и бьетъ копытомъ объ ледъ. Чтобы удостовѣриться въ

движеніи льдины, ловець пробиваетъ прорубь и опускаетъ въ нее шестъ или камень, привязанный на веревкѣ; если отъѣсъ уклоняется отъ вертикальнаго направленія, *малचितъ*, промышленникъ садится на лошадь и скачетъ къ берегу; если льдину не успѣю отнести далеко, онъ кидается въ пропасть съ лошадью, и она, какъ бы понимая всю опасность своего положенія, смѣло плыветъ черезъ бездну, и употребляетъ всѣ усилія, добравшись до края противоположной льдины, укрѣпиться въ нее ногами; промышленникъ вскакиваетъ на льдину и въ свою очередь избавляетъ отъ гибели лошадь. Но когда льдина далеко отошла отъ берега, то промышленникъ долженъ остаться на ней и ждать помощи. Случается, что льдину носить въ моръ по нѣскольку недѣль; истощивъ всѣ жизненные припасы, промышленникъ убиваетъ лошадь и питается ея мясомъ; счастье его, если завернетъ благопріятный вѣтеръ и льдину прибьетъ къ берегу: тогда промышленникъ спасенъ. Забывъ о минувшей опасности, онъ обращается снова къ своимъ выгодамъ, и, выпрягшись въ сани, самъ везетъ наловленнаго имъ тюленя. Иногда блуждающихъ по морю промышленниковъ спасаютъ ихъ же товарищи, пускающіеся на кусовыхъ лодкахъ отыскивать погибающихъ. Уральскихъ казаковъ, самыхъ отважныхъ промышленниковъ, отъѣзжающихъ для боя тюленя на далекое разстояніе отъ берега, нѣсколько разъ снимали со льдинъ на самой срединѣ моря. Но не всегда бываетъ такой счастливый конецъ плаванію; много людей погибло въ моръ, иные умерли съ голода, другіе утонули, или раздавлены были массами плавающего льда.... Попечительное правительство, желая избавить промышленниковъ отъ частой гибели, запретило производить зимній тюлений промыселъ, тѣмъ болѣе, что онъ, истребляя молодаго тюленя, препятствуетъ размноженію этого животнаго въ Каспійскомъ морѣ. — Тюленя *бьдуютъ*, отнимая у него голову (*башку*) и вырезывая кости съ небольшимъ количествомъ мяса; жиръ же со шкурою солятъ. На островахъ, гдѣ производится быловка тюленя, кости и мясо зарываютъ, тщательно очищая весь островъ, потому что на другой годъ, почуявъ дурной запахъ, тюлень не придетъ уже косякомъ на это мѣсто. Остатки же тюленя, облованнаго на льду, бросаются на мѣстѣ. Соли кладутъ на пудъ 10 ф. Съемка жира производится въ селеніи Икра-номъ, на заводѣ. Тюленью шкуру съ висящимъ на ней жиромъ накладываютъ шерстью внизъ на подставку — *кобылу*, стоящую въ наклонномъ положеніи; жиръ скребать *подходками* (родъ ножа). Снятый жиръ кладутъ въ паровые котлы, гдѣ онъ растапливается; несовершенно растопившіеся куски кладутъ на солнце въ ящикахъ

съ покатымъ дномъ, гдѣ они отдѣляютъ отъ себя еще нѣсколько жира, а оставшуюся массу — подъ прессъ, чѣмъ и оканчивается отдѣленіе жира, который затѣмъ сливается въ бочки. Шкура, по выдѣлкѣ, пускается въ продажу.

А вотъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій о промышленности особаго рода въ нѣкоторыхъ изъ внутреннихъ нашихъ губерній — именно о мелочной торговлѣ. Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Рашевкѣ, живутъ нѣсколько купцовъ, производящихъ значительный торгъ на главнѣйшихъ въ Россіи ярмаркахъ, особенно — роменскихъ, харьковскихъ и Коренной, щетиною, пухомъ, перьями, гривою, рогами, воскомъ и разнаго рода недорогими кожами. Этотъ торгъ производится на слѣдующемъ основаніи: казаки м. Рашевки и находящихся близъ него селеній (Лютеньки, Соръ и Харьковецъ) составляютъ изъ себя артели, отъ 6 до 10 человекъ. Каждая артель избираетъ себѣ начальника. Берутъ у одного изъ рашевскихъ купцовъ въ долгъ незначительное количество наличныхъ денегъ и товара, состоящаго изъ колецъ, серегъ, поясковъ и гребней для пряжи (къ чему прежде присовокуплялось значительное количество табаку); уплачиваютъ за себя и семейство подати, берутъ паспорта и отправляются въ путь; но до выѣзда съ мѣста жительства вся артель собирается въ домъ избраннаго ею начальника, который раздѣляетъ между товарищами часть денегъ и товаровъ; съ общаго согласія назначается время и мѣсто для сбора всей артели, и потомъ товарищи расходятся по разнымъ дорогамъ, пѣшкомъ, съ котомками за плечами, а начальникъ ѣдетъ прямо на сборное мѣсто, въ телегѣ, нагруженной остальными товарами. На сборномъ мѣстѣ, по прибытіи всѣхъ товарищей, они отдають ему вымѣненный товаръ, наличныя деньги и отчетъ въ своихъ оборотахъ. Начальникъ партіи тутъ же дѣлаетъ заключеніе, кто болѣе исправенъ. Сдѣлавшаго упущеніе чрезъ пьянство товарищи нерѣдко присуждаютъ къ наказанію, и приговоръ свой исполняютъ немедленно; упущеніе, происшедшее отъ болѣзни, при хорошемъ поведеніи, не подвергаетъ никакому взысканію. Кончивъ на первомъ сборномъ мѣстѣ счетъ и запивъ барыши могоарычемъ, начальникъ партіи вновь раздаетъ товаръ артели, назначаетъ другой сборный пунктъ, и вся артель отправляется далѣе. Такимъ образомъ проходятъ они губерніи западныя, обѣ малороссійскія, Харьковскую, Воронежскую, Курскую, Новороссійскій край, Донъ, Черноморье и часть Ставропольской губерніи, гдѣ они извѣстны подъ названіемъ *щетинниковъ*. Когда артель промѣняетъ весь товаръ, взятый изъ Рашевки, и закупить на наличныя деньги произведенія своего про-

мысла, то возвращается домой, и купцу, ссудившему ее деньгами и товарами, отдаетъ вымѣненный и купленный ею товаръ по существующимъ цѣнамъ,—щетину, пухъ и перья всомъ, а шкуры сегомъ и по сортамъ; дѣлаетъ съ нимъ расчетъ, и за возвращеніемъ безъ процентовъ данныхъ имъ денегъ и цѣны товара, которымъ онъ ссудилъ артель, она получаетъ остальное наличными деньгами. Барышъ дѣлится слѣд. образомъ: начальникъ артели получаетъ равную часть съ товарищами, другую за подводу, и третью, если онъ внесъ въ общую кассу артели до 500 руб. асс., которые также ему возвращаются; если кто-либо изъ товарищей во все время пути не оказывалъ усердія, то съ части того дѣлается вычетъ. Всѣ расчеты кончаются въ одинъ день, заключаются пирушкой, и партія расходится....—Многія селенія Зеньковского округа, и въ особенности м. Опошня, занимаются гончарствомъ. Жители ихъ дѣлаютъ большое количество простой и поливаной посуды и кафли для крестьянскихъ печей. Эти произведенія они сбываютъ на мѣстныхъ ярмаркахъ и въ Полтавѣ, и значительными партіями отвозятъ въ Новороссійскій край. Торговля горшками имѣетъ ту особенность, что не весь этотъ товаръ они продаютъ за деньги, но промѣниваютъ на хлѣбъ; напримѣръ, поливаный горшокъ отдаютъ за такое количество пшена, которое въ немъ можетъ помѣститься; простой малаго размѣра за такое же количество пшеницы, а большой—ржи, дѣлая придачу или уступку въ хлѣбъ, смотря по цѣнѣ его....—Золотоношскаго округа с. Паиское находится на берегу Днѣпра, и совершенно не имѣетъ пахатныхъ земель; необходимость вынудила жителей изыскивать средства къ содержанію себя. Они завели у себя ладейныя мельницы, для валаія крестьянскихъ суконъ. Часть жителей этого селенія отправляются за сукнами въ Екатеринославскую, Херсонскую, Полтавскую и Кіевскую губерніи, берутъ у крестьянъ сукна, не давая хозяевамъ никакихъ росписокъ, привозятъ въ свое село, тамъ передаютъ его владѣльцамъ валайныхъ мельницъ, и потомъ развозятъ по хозяевамъ. Жители этого села отличаются своею честностію; вся промышленность ихъ основана на общемъ къ нимъ довѣріи; не только воровства или обмана, но даже ссоръ между ними почти никогда не бываетъ, а примѣровъ тяжбъ не запомнить....

Тифлисъ. Въ концѣ прошлаго года, въ Дербентѣ, армянинъ Яковъ Аветовъ, разрывая землю для кладки основанія дома, нашелъ болѣе пуда старой мѣдной монеты, и пожертвовалъ эту находку тифлисскому кабинету древностей, недавно основанному при тамошней общественной библіотекѣ. Известный оріенталистъ г. Ханыковъ раз-

смотрѣлъ этотъ нумизматическій кладъ. Большая часть найденныхъ монетъ принадлежить исключительно династїи Азербейджанскихъ атабековъ, властвовавшихъ въ Арранѣ и Азербейджанѣ при концѣ владычества Сельджукидовъ въ Персіи. Династія эта существовала только 67 лѣтъ (1160—1225 г. по Р. Х.), и доселѣ изъ монетъ ея известна была лишь одна, описанная Френомъ. Кладъ этотъ, вѣроятно, былъ зарытъ въ первой половинѣ XIII вѣка, и можетъ быть, изъ опасенія монгольскаго нашествія, такъ какъ мы знаемъ изъ одной куфической надписи, что войска Батія были въ Дагестанѣ въ 1239 г.—Другая новость для археологовъ—это возобновленіе древнихъ фресковъ и живописи въ тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ.

Первая книжка Записокъ Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества, говорятъ, уже печатается, подъ редакцію графа Сологуба.—Скоро должно выйти «Путешествіе по Кутайской губерніи» г. Переваленки.—Театръ тифлисскій подаетъ надежды. Князь-наместникъ исходатайствовалъ отъ щедротъ Государя Императора 12 т. р. сер. ежегоднаго пособія ему. Теперь въ немъ три труппы: русская, грузинская и итальянская. Первал играетъ произведенія современной драматургіи, послѣдняя также ограничивается известнымъ репертуаромъ; но для грузинской труппы надобно было сочинять пьесы, которыхъ не имѣлось въ грузинской литературѣ, и образовывать актеровъ, которые едва ли когда бывали изъ Грузинъ....

Трогательны воспоминанія о двухъ славахъ Кавказа, Котляревскомъ и Степцовѣ. Первый уже покоемъ на лаврахъ, обремененный лѣтами и ранами; другой былъ еще въ цвѣтъ лѣтъ (33-хъ), но также успѣлъ стать грозою враговъ;—оба они встрѣтили смерть почти въ одно время.... 21 декабря, въ урочищѣ Бѣлый Ключъ, штабъ-квартирѣ Грузинскаго гренадерскаго полка, совершена торжественная панихида послѣ литургіи, за упокой души Петра Степановича Котляревскаго, который былъ прежде шефомъ полка, заслужившаго, подъ его начальствомъ, Георгіевскія знамена. Передъ началомъ парада прочитанъ былъ приказъ, посвященный воспоминаніямъ о доблестномъ начальникѣ. Прекрасно приведена въ немъ черта, характеризующая героя Асландуза и Ленкорани. Передъ сраженіемъ Асландузскимъ, гдѣ отрядъ Котляревскаго состоялъ не болѣе какъ изъ 2 т. чел. — противъ 20 т. Персіянъ, подъ предводительствомъ наследнаго принца Персіи, Аббасъ-Мирзы, Котляревскій отдалъ слѣдующій приказъ: «Не слушать отбою, отступленія не будетъ.» И дѣйствительно, отбою не было, и непріятель понесъ полное пораженіе....

10 декабря (1851), отрядъ нашихъ войскъ имѣлъ жаркое и блистательное дѣло съ горцами. Но побѣда обошлась намъ дорого: начальникъ отряда, генералъ Слѣпцовъ, былъ сраженъ пулею въ самое пылу боя.... Его любили все—отъ начальниковъ до послѣдняго солдата, и скорбь о смерти его общая, неличейная.... Память о немъ всегда сохранится на Сунжѣ, среди населенія, имъ водвореннаго, въ землѣ, которую онъ покорилъ Россіи. Главная станица Сунженскаго полка отнынѣ будетъ именоваться Слѣпцовскою. Дѣти вынышнихъ казаковъ будутъ пѣть боевую пѣснь Сунженскаго полка:

«Стая на небѣ орловъ
Тучу разсѣкаетъ,
На Чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ
Съ Сунжей налетаетъ....»

Онъ имѣлъ все отличительныя свойства русскаго человека: былъ гостепріименъ, радушенъ.... Онъ истратилъ все свое состояніе на Сунженскій полкъ. Его называли безсребренникомъ.... По смерти, въ его кошелькѣ нашли одинъ гривенникъ.... Храбрый до безотчетной отваги, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вспыльчивъ до чрезвычайности; но порывъ страсти проходилъ у него мгновенно, и онъ спѣшилъ извиниться передъ тѣмъ, на кого вспылилъ; были примѣры, что онъ передъ всеми просилъ прощенія у простыхъ казаковъ.... Въ день смерти его, въ Сунженской станицѣ было землетрясеніе; домъ Слѣпцова поколебался—караульный выскочилъ изъ него отъ ужаса. Въ этомъ случайномъ обстоятельствѣ народъ видѣлъ явное знаменіе воли Божіей....

Литературныхъ новостей не много.

Кіевская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, издала третій томъ «Памятниковъ». Въ немъ заключаются: 1) Секты Львовскаго братства; 2) акты объ устройствѣ монастырскихъ имѣній югозападной Россіи, въ XVI вѣкѣ, и 3) матеріалы для исторіи Малороссіи, составляющіе продолженіе актовъ, напечатанныхъ въ I и II томахъ Памятниковъ.

Въ Оренбургѣ, какъ и въ предъидущемъ году, вышла «Справочная книга губерній», заключающая въ себѣ, кромѣ мѣстныхъ свѣдѣній, любопытныя статистическія матеріалы. Нельзя не пожалѣть, что изданіе подобныхъ книжекъ, начатое было и по другимъ губерніямъ (Архангельской, Псковской), теперь прекратилось. Новороссійскій и Кавказскій календари служатъ доказательствомъ, что въ подобныхъ изданіяхъ у насъ чувствуется потребность, и что

они могут имѣть успѣхъ.... Въ Оренбургскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, г. Ястребовъ, сотрудникъ Москвитянина, печатаетъ отысканные имъ матеріалы для исторіи Пугачевского бунта, изъ которыхъ нѣкоторые очень любопытны. Трудолюбивыхъ изслѣдователей въ разныхъ краяхъ Россіи давно ждетъ наша наука.

Въ Саратовѣ неслышанная доселѣ, очень пріятная новость — *публичныя лекціи*, читаемыя г. Бурковымъ. Предметъ ихъ: «О падежахъ рогатаго скота вообще и о скотской чумѣ въ особенности.»

Въ Иркутскѣ открытъ, въ концѣ прошедшаго года, Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества. Есть надежда, что, уже при самомъ началѣ, работы его будутъ плодотворны и занимательны. Сотрудники его усердно принялись за дѣло. Между прочимъ, готовятся статьи: о племенномъ составѣ народа, о добычѣ металловъ, о торговлѣ съ Китаемъ, и друг.

Въ Архангельскѣ нѣсколько лѣтъ уже существуетъ публичная бібліотека; но многіе изъ мѣстныхъ жителей, никогда даже не посѣщавшіе ея, утверждали, что она существуетъ только по названію. Между тѣмъ, она заключаетъ въ себѣ до 4½ т. томовъ, и на 1852 годъ выписываетъ 19 русскихъ періодическихъ изданій и 2 иностранныхъ. Плата за чтеніе назначена самая умеренная: 6 р. за годъ и 3 р. с. за полгода. Читайте же, господа, сдѣлайте милость, читайте....

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, года за три тому, содержатель одной частной бібліотеки объявилъ, что уничтожить свое заведеніе, если публика не поддержитъ его своимъ участіемъ. Публика, кажется, поддержала его, потому что бібліотека продолжаетъ существовать; но на текущій годъ содержатель ея, выписывая 6 періодическихъ изданій, опять принужденъ предоставлять своимъ подписчикамъ разныя льготы, и, между прочимъ, дать имъ въ подарокъ одну назидательную книгу....

Для Русской исторіи, преимущественно для древностей—нѣсколько новыхъ пріобрѣтеній.

Года два тому мы говорили о предположеніи возобновить Ростовскій Кремль. Въ настоящее время предположеніе это должно осуществиться, и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ отечественной старины будетъ возстановленъ, по возможности, въ первобытномъ своемъ видѣ (*).

(*) Изъ объявленія при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* мы узнали, что и Псковскій Кремль будетъ возобновленъ. Удивляемся, почему нѣтъ никакихъ подробностей объ этомъ въ Псковскихъ Вѣдомостяхъ.

Въ Мглинскомъ (Черниговской губ.) уездѣ сдѣлано слѣд. открытіе. Въ многихъ мѣстахъ этого уѣзда встрѣчаются земляныя насыпи; группы ихъ занимають въ лѣсныхъ заросляхъ довольно значительныя пространства. Расположеніе или направленіе этихъ насыпей не вездѣ одинаково; по большой части, онѣ разбросаны подобно могиламъ давно оставленнаго кладбища. Около кургановъ большого объема примѣтно углубленіе въ родѣ сглаженнаго временемъ рва, и вообще мѣстность вокругъ могилъ, по сравненію съ уровнемъ окрестныхъ полей, низменна, такъ что можно догадываться, съ большею или меньшею достовѣрностію, о пространствѣ земли, снятой для насыпей. Эти курганы извѣстны въ народѣ подъ названіемъ, едва ли впрочемъ не ошибочнымъ, *Шведскихъ могилъ*.—При разрытіи (въ октябрѣ прошлаго года) одного изъ кургановъ деревни Парфеновки, нашли остовъ, который нельзя, кажется, отнести къ недавней эпохѣ появленія здѣсь Шведовъ. Открытый остовъ лежалъ на землѣ съ распростертыми руками. На груди его найдены въ значительномъ количествѣ стеклянныя пропизки, составившія ожерелья; позолота на нихъ хорошо сохранилась, принявъ отъ времени желто-свѣтлый цвѣтъ. Въмѣстѣ съ пропизками найдено семь сребровидныхъ, сдѣланныхъ подъ чернь, бляхъ, довольно искусной работы. По сторонамъ черепа отысканы серьги съ длинными подвѣсками изъ витой проволоки, совершенно истлѣвшія; на рукахъ остова находились металлическія пластинки, свернутыя въ кругъ, вершка въ два въ діаметрѣ; онѣ толщиною въ нѣсколько линій и шириною въ $\frac{1}{6}$ вершка, по нѣкоторымъ признакамъ, вѣроятно, были вызолочены; на поверхности онѣ имѣють чеканку не весьма искусной отдѣлки, расположенную въ видѣ удлинненныхъ ромбовъ. На пальцѣ одной руки остова находилось кольцо, сдѣланное спиралью. — Большая часть найденныхъ вещей находится у помѣщика д. Парфеновки, г. Рославца.

Въ Черниговской же губ. Остерскаго уѣзда, въ селѣ Выпововѣ, хранится у одного старика-крестьянина желѣзный стволъ ружья, подареннаго отцу его за искусную стрѣльбу, однимъ изъ предковъ нынѣшнихъ помѣщиковъ села, Солонинъ. Вѣсъ этого ствола—до 32 фунтовъ! По словамъ старика, ружья съ такими стволами были почти во всеобщемъ употребленіи, а стрѣляли изъ нихъ на подставкахъ. Сохранившійся стволъ поврежденъ въ недавній пожаръ, и теперь къ стрѣльбѣ неспособенъ. Выстрѣлъ изъ него, говоритъ крестьянинъ, доставалъ безпечнаго непріятеля черезъ весь Дигиръ; «а батко мый, прибавляетъ онъ, кулею зъ його головы в пташокъ збивавъ.» Теперь немного найдется людей даже для близкаго перехода съ подобнымъ ружьемъ....

Невиданная доселѣ древность—старинныя восковыя свѣчи, найдены близъ Сердоболя (въ Финляндіи). Зимой прошлаго года, крестьяне, возившіе камень для постройки дома священника сердобольской православной церкви, оторвавъ отъ скалы кусокъ гранита, нашли на ломкѣ нѣсколько нетвердыхъ камней, которые до того ихъ поразили, что они показали ихъ священнику. Последний, осмотрѣвъ находку и попробовавъ ее ножомъ, тотчасъ призналъ эти мягкіе камни за воскъ. За тѣмъ произведены были дальнѣйшіе поиски, и найдено 17 кусковъ, которые были рѣшительно признаны за старинныя восковыя свѣчи. Г. Усовъ, осматривавшій эти свѣчи на мѣстѣ, говорить, что наружнымъ видомъ онѣ походятъ мѣстами на осиновую кору, мѣстами на еловую, цвѣта сѣровато-бураго разныхъ оттѣнковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣчи даже совершенно черны и видомъ походятъ на обгорѣлое дерево. Онѣ слоисты, и слои, въ нѣкоторыхъ кускахъ, очень явственно отдѣляются и обламываются, изъ чего можно заключить, что свѣчи были литыя, и вообще такъ же еще хрупки, какъ хрупка восковая свѣча въ холоду. Жирность воска, запахъ ему свойственный, и свѣтильни въ этихъ свѣчахъ совершенно исчезли. Кусковъ всѣхъ семнадцать, вѣсомъ, съ откопавшимися остатками, почти $2\frac{1}{4}$ пуда. — Что касается до главнаго вопроса, до времени, когда эти свѣчи были положены подъ камень въ скалу, то г. Усовъ полагаетъ, что онѣ были зарыты за 260 или за 230 лѣтъ до настоящаго времени, а можетъ быть и позже. Это мнѣніе онъ основываетъ на слѣд. обстоятельствахъ. Мѣстные хроникъ свидѣтельствуютъ, что Карелія была впервые населена выходцами изъ Россіи, обращенными въ христіанскую вѣру, еще въ 1227 г.; окончательное же утвержденіе христіанской вѣры относится къ 1323 г., когда, по Орѣховскому миру, нынѣшняя Карелія осталась за Россіею. Такъ продолжалось до XVI-го столѣтія, въ концѣ котораго въ Кареліи находились четыре главныя церкви или погоста съ приходами, въ числѣ которыхъ былъ сердобольскій погостъ; вѣдомство его обнимало собою слишкомъ 100 верстъ. После того, вслѣдствіе моровой язвы и разныхъ опустошеній, жители Кареліи, рѣдѣя мало по малу, наконецъ исчезли и уступили свое мѣсто новымъ пришельцамъ съ сѣвера, принесшимъ съ собою лютеранское исповѣданіе, которое скоро вытѣснило послѣдніе остатки православно-греческаго. По Столбовскому же миру, Карелія и Ингерманландія отданы были Шведамъ. Во время этихъ опустошеній, очень могло быть, что изъ какой-нибудь церкви сложены были въ найденное мѣсто эти свѣчи, съ цѣлью укрыть ихъ отъ враговъ, или чтобъ можно было найти ихъ впоследствии.

Владимиръ сообщаетъ намъ нѣсколько любопытныхъ преданій.

Въ 45 верстахъ на западъ отъ Владимира, неподалеку отъ шоссе, на прекрасномъ мѣстѣ стоитъ село Осовецъ. При первомъ взглядѣ на мѣстность его, нельзя не видѣть, что здѣсь дѣйствовала рука человека. Саженьхъ въ 10 на з. отъ села, за глубокимъ ровомъ, представляется гладкая возвышенность, простирающаяся на версту, и которая, какъ надобно полагать, составляла прежде естественную гору, но искусствомъ обращена въ ровную площадь. Эта гладкая возвышенность съ двухъ сторонъ, восточной и западной, защищена рвами глубиною сажень въ 7; съ южной же стороны сама природа хорошо защитила эту возвышенность: рѣка Клязьма течетъ при самой подошвѣ ея; вѣроятно, и съ сѣверной стороны тоже былъ ровъ, но какъ теперь здѣсь стоитъ деревня, то очень можетъ быть, что онъ былъ засыпанъ: доказательствомъ отчасти служитъ небольшой ровъ, идущій по срединѣ деревни. Особенно замѣчательно находящееся въ срединѣ этой возвышенности квадратное пространство, на четверть версты, обнесенное валомъ, вышиною сажени въ три, и такой же глубины ровомъ. Оно и до сихъ поръ называется *Городкомъ*; вѣковыя дубовыя деревья осѣняютъ его своими вѣтвями. Есть народное преданіе, что Владимиръ Великій имѣлъ намѣреніе построить на этой возвышенности городъ Владимиръ, а въ срединѣ ея, на мѣстѣ, обнесенномъ валами, дворецъ; но раздумалъ, потому что «видѣлъ во снѣ величественнаго мужа, который повелѣлъ ему перенести постройку города на другое мѣсто». Князь разсказалъ свое видѣніе боярамъ, и представивъ суетность замысловъ человѣческихъ, сказалъ въ заключеніе: «о советъ, советъ человѣческій!» Въ память чего, мѣсто это и названо, будто бы, *Осовѣтъ*, а изъ Осовѣта легко могло произойти *Осовецъ*!!...

Владимирской губ. Судогодскій уездъ заслуживаетъ, чтобы внимательный наблюдатель посвятилъ ему свои труды. Г. Бережковъ бросилъ бѣглый «взглядъ» на него, и успѣлъ замѣтить много любопытнаго.—Вѣроятно, что Судогодскій уездъ населенъ позднѣе другихъ (по причинѣ не слишкомъ благодарной почвы), и населенъ пришельцами съ разныхъ сторонъ. Здѣшніе жители доселѣ сохранили множество живыхъ доказательствъ своей разноплеменности, какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ образѣ жизни, въ разнообразіи нравовъ, обычаевъ, говора. Прѣзжайте не болѣе 10 верстъ—и вы встрѣтите на этомъ пространствѣ до пяти и болѣе различій въ покровъ платья, особенно въ повязкахъ женщинъ; даже цвѣтъ домашнихъ суконъ, тканье пестрадей, холстовъ—и тѣ представляютъ рѣзкое отличіе. Рѣдко гдѣ найдется столько особенностей въ го-

воръ, какъ въ Судогодскомъ уѣздѣ; наприм. многіе замѣняютъ *ч* и *т* буквою *ц* (куцело, опѣцъ, поѣцъ); вмѣсто *д* слышится польское *dse*, вмѣсто *ц*—*ч*; *ш* произносится *шш*; но нѣкоторые изъ Судогодчанъ имѣютъ довольно правильный великороссійскій выговоръ. Вероятно, не во многихъ также мѣстностяхъ сохранилось столько словъ изъ древней нашей рѣчи, какъ здѣсь: еще досель многіе называютъ октябрь мѣсяць *листопадомъ*, августъ—*густаремъ* (отъ обилия, густоты растений); кружка называется *ручка*, рогожа—*рогожина*, пастбище—*пашити*, всплывчивый, горячій—*рѣяный*, *рѣй*, полный, толстый—*дебелый*, съ ума сходить, забываться—*глумиться*, рѣзать—*рушить*, посѣтить—*назрѣть*, обшачиваться—*иматься*, завидовать—*зариться*, плакать—*вопить*, ссориться—*свариться*, знать—*вѣдать*, покушай—*покормись*, и проч. Въ разговоръ перѣдко употребляются частнцы: *нетоцію*, *только*, *кратно*. Изъ особенностей мѣстной рѣчи любопытны еще слѣд. выраженія: худъ, ветхъ, неумень—*непыратъ*, хитръ—*мышлявъ*, искусенъ—*моделенъ*, противно—*москородно*, не повиноваться—*огуряться*, упрямиться—*кочериться* (отъ слова *кочера*, сучковатое дерево), жажда—*бажать*, пріютить—*припоромить*, робокъ—*пудокъ*, смѣль, ласковъ—*незащойчивъ*, кстати—*подобецъ*, *подъ одинъ гудъ*, жизнь—*житеры*, и проч. Самыя названія деревень Судогодскаго уѣзда имѣютъ особенныя странности (которыя кажутся г. Бережкову грубыми): Межаково, Шелудково, Булдаково, Разоприха, Торчиха, Табачиха, Попмаришка, Акулишка, Аксениха, Лупиха, Сваруха, Овпищи, Ёмпища, Степанцево, Бурцево, Игнатцево, Пуза, Сидорово, Саранга, Баракова Саранга; и всѣ эти деревни (удѣльнаго вѣдомства) находятся неподалеку одна отъ другой. «Ихъ созвучіе, замѣчаетъ г. Бережковъ, даетъ право думать, что онѣ населились въ одно время, и какъ будто названія сіи были даны однимъ лицомъ».—О рѣдкомъ изъ селеній Судогодскаго уѣзда не ходитъ какихъ-нибудь преданій. Такъ напр. село *Гольшино*, по преданію, получило свое названіе отъ какого-то пришлеца *Гольши*, поселившагося съ своимъ братомъ *Синцемъ* (*) при устьѣ рѣчки Крениды, впадающей въ Важель; но «племя» ихъ, по возникшимъ неудовольствіямъ, раздѣлилось. Младшій Гольши отошелъ жить сажень на 100 отъ старшаго, а Синецъ за рѣчку. Потомки ихъ построили деревянную церковь, для коей выпросили изъ церкви села Ильинскаго образъ пророка Іліи, донныя хранящійся въ Гольшевской церкви. Икона эта, по замѣчанію г. Бережкова «самаго грубаго художества и обветшала». Начало нѣсколькихъ селъ Судогод-

(*) Отъ него одна деревня называется *Синцами*.

скаго узда преданія приписываютъ Іоанну Грозному, который, будто бы, шедши отъ Москвы до Казани, встрѣчалъ многія трудности, и въ память благоприятныхъ и несчастныхъ событій, сооружалъ храмы во имя Христа Спасителя (Спаса Милостиваго); почему получили названія села: 1) Спасъ-Купалищи, гдѣ Царь купался при устьѣ рѣки Судогды, впадающей въ Клязьму; 2) Спасъ-Бесѣды, гдѣ Царь располагалъ лагеря и имѣлъ отдыхъ; 3) Спасъ-Чамерево, гдѣ царская конница была подвержена болѣзни (*чамерю*); 4) Спасъ-Сырники, гдѣ Царь, по недостатку запасовъ, питался сыромъ (творогомъ); 5) Спасъ-Городищи (при р. Тетрухѣ), гдѣ Царь хотѣлъ построить городъ; 6) Спасъ-Желѣзино, гдѣ любимый царскій конь излечился отъ желѣза; при этомъ селѣ и донынѣ одно мѣсто называется «Царскою дорожкой».—Подобныя преданія драгоцѣнны, и за сообщеніе ихъ нельзя не благодарить какъ г. Бережкова, такъ и редакцію Владимирскихъ Вѣдомостей....

Столько же, если не еще болѣе, любопытнаго ожидали мы отъ статьи г. Юдицкаго: «Строгановы и Сольвычегодскъ», помѣщенной въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (N 1); но обманулись: здѣсь повторяется уже извѣстное изъ другихъ источниковъ. Строгановы жили въ Сольвычегодскѣ болѣе 200 лѣтъ и объ нихъ осталось въ народѣ много преданій; но авторъ передаетъ только одно преданіе, будто бы они наказывали Вычегду плетми за то, что она потопила ихъ барки съ хлѣбомъ.... Возлѣ собора долгое время стоялъ домъ Строгановыхъ, построенный изъ одного дубоваго лѣса; но теперь нѣтъ и слѣдовъ этаго зданія. О самомъ Сольвычегодскѣ мы узнали новаго лишь то, что одна изъ цѣпочекъ фиолетовой работы, которою славится этотъ городъ, была послана на Лондонскую выставку....

Вотъ еще любопытный документъ, дающій нѣкоторое понятіе о роскошной жизни Екатерининскихъ вельможъ; онъ относится къ тому времени, когда управленіе Малороссіи слилось съ общимъ управленіемъ Россіи, когда ею управляли генералъ-губернаторы, и графъ Разумовскій, въ званіи генералъ-фельдмаршала, доживалъ свои годы въ Батуринѣ. При немъ находилось: 1 дворецкой, 1 камердинеръ, 1 подлекаръ, 2 карлика, 4 парикмахера, 2 ихъ ученика, 2 кондитера, 1 ихъ помощникъ, 3 ученика, 1 кофеенникъ, 1 его помощникъ, 1 мундшенкъ, 1 помощникъ его, 1 ученикъ, 1 келермейстеръ, 3 квасника, 2 ихъ ученика, 1 тавельдекаръ, 2 его помощника, 3 женщины для чистки серебра, 1 домоправитель, 2 писаря, 3 мальчика, 2 солдата, 1 писарь при границѣ Союзіи Османской.

повнѣ, 2 геодезиста, 4 ученика, 1 камеръ-лакей, 10 лакеевъ, 4 вздохныхъ лакея, 1 казакъ, 1 маркеръ, 2 скорохода, 2 егеря, 13 охотниковъ, 10 истопниковъ, 3 кухмистра, 1 помощникъ, 1 приспѣшникъ, 1 хлѣбникъ, 1 ученикъ, 11 кухонныхъ учениковъ, 1 хлѣбница, 1 капельмейстеръ, 14 музыкантовъ, 18 пѣвчихъ, 1 конюшій, 1 берейторъ, 1 ясельничій, 2 кучера, 2 форрейтора, 4 ямщика, 40 конюховъ, 7 учениковъ въ лазаретѣ, 2 надзирателя, 2 женщины, 1 кастелянша, 17 прачекъ, 7 бѣловшеекъ, 2 коровницы, 2 ученицы ихъ, 1 свдѣльникъ, 2 шорника, 3 слесаря, 4 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 каретникъ, 1 переплетчикъ, 2 ихъ ученика, 2 портныхъ, 3 столяра, 2 ихъ ученика, 1 серебряникъ, 3 живописца, 1 квартирмейстеръ, 1 корзинщикъ, 1 обойщикъ, 1 рѣзчикъ, 18 сторожей, 15 разныхъ лицъ, находившихся при нѣкоторыхъ служителяхъ графа,—всего 261 человекъ. Всѣ они получали жалованье отъ графа, которое ежемѣсячно простиралось до 2 т. тогдашнихъ руб. ассигн. И такъ жилъ графъ въ уединеніи отъ столичной жизни и отъ дѣлъ....

Пріятное извѣстіе изъ Тулы: Бѣлевскій купецъ Федоръ Томашевскій пожертвовалъ 15 т. руб. сер. на устройство при Тульскомъ Александровскомъ Кадетскомъ Корпусѣ церкви во имя Св. Александра Невского.

Дворянство Орловской губ. положило: составить изъ доходовъ своихъ капиталъ въ 220 т. руб. сер., на учрежденіе въ г. Орлѣ Института благородныхъ дѣвицъ. Институтъ этотъ будетъ именоваться Александринскимъ, и на устройство его же обращены доходы съ пожертвованныхъ графиней Орловою-Чесменскою имѣній въ губерніяхъ: Московской, Орловской и Ярославской.

Эстляндское дворянство положило основать, на собственномъ иждивеніи, особые классы при Ревельскомъ Дворянскомъ училищѣ (Domsschule) для образованія молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя военной службѣ.

Въ Каменецъ-Подольскомъ открыты два казенныя еврейскія училища—первостепенное и второстепенное.

Ставропольское городское общество, въ память начальствованія въ тамошнемъ краѣ князя М. С. Воронцова, положило устроить въ Ставрополѣ больницу для бѣдныхъ на 20 человекъ, во имя Св. Архистратига Михаила.

Въ Мологѣ (Ярославской губ.) г. Бахиревъ устроилъ, на свой счетъ, богадѣльню для призрѣнія бѣдныхъ женщинъ.

Въ Симбирскѣ съ давнихъ лѣтъ существуетъ «Общество христіанскаго милосердія». Изъ отчета его за минувшій годъ видно, что капиталъ его заключался почти въ 4 т. р., доходы простирались до 1800 р., а расходы до 1400 р. с.

Въ Николаевѣ, передъ праздникомъ Рождества Христова, данъ былъ благотворительный балъ съ лоттереею, доставившій сбора въ пользу бѣдныхъ до 1000 р. с.

Вотъ что пишутъ изъ Смоленска. При неурожаѣ хлѣба, постигшемъ въ прошломъ году нѣкоторые уѣзды Смоленской губерніи, одинъ изъ вяземскихъ помѣщиковъ приказалъ для продовольствія своихъ крестьянъ отпустить хлѣба изъ другого своего имѣнія, состоящаго въ Черниговской и Полтавской губ. Когда малороссійскіе мужички узнали о безвременъ, пришедшемъ на ихъ однопомѣщичанъ, собрали, по чѣмъ пришлось съ брата, 200 руб. асс., и припесли ихъ къ своему управляющему, съ просьбою отослать эти деньги къ Вяземцамъ.—Спасибо вамъ, добрые люди!...

Мы начали отдѣленіе Внутреннихъ известій письмомъ изъ *Петербурга*, а кончимъ письмомъ изъ Воронежа о живыхъ картинахъ.

Дѣло благотворительности усиливается въ Россіи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе,—и Воронежъ не отстаётъ отъ другихъ городовъ, оказываетъ содѣйствіе въ добромъ дѣлѣ. Съ учрежденіемъ въ этомъ городѣ дѣтскаго пріюта, уже нѣсколько разъ обществомъ дворянъ давались концерты, спектакли и живыя картины, и каждый разъ съ большимъ успѣхомъ. Нынешній годъ повторилось то же самое, и, какъ говорятъ, намѣреваются, въ скоромъ времени, составить благородный спектакль. Будущее впереди, теперь поговоримъ о прошедшемъ. Прошлаго 22 января, въ пользу Александринскаго дѣтскаго пріюта представлены были на сценѣ Воронежскаго театра живыя картины. Вотъ краткій ихъ очеркъ:

Первую картину,—*Мечта художника Вандика*,—составляли двѣ фигуры. Граціозна поза художника, въ щеголевато-богатомъ костюмѣ, стоящаго съ палитрою въ рукахъ, который только что готовился осуществить свою мечту, представленную на второмъ планѣ этой картины, въ образѣ прекрасной дѣвы, также съ роскошью и изыщствомъ костюмированной. Жаль только, что слишкомъ замѣтны были вспомогательныя средства, напр: приподниманіе чернаго фѣра, который протянуть былъ въ нѣсколько рядовъ, близко одинъ отъ другаго, дабы представить фигуру не такъ ясною и постепенно рѣзче являющеюся. Конечно, этотъ недостатокъ можно отнести къ весьма

малой сценѣ и неудобству мѣста для этой картины. Въ ней особенно хорошо было освѣщеніе, которое такъ удачно разливалось сверху.

Вторая картина, — *Встрѣча французскихъ поселянъ*, — состояла изъ пейзажа съ двумя фигурами, ласково приветствовавшими другъ друга; поселянка съ корзиною, а поселянинъ съ букетомъ цвѣтовъ. Только непонятенъ былъ въ этой картинѣ сильный свѣтъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Кажется, этому бы не должно быть, если свѣтъ солнечный. Къ тому же, картина нисколько не обрисовалась, а выказались черезъ это только нѣкоторые недостатки и ошибки противъ натуры. Если это сдѣлано во избежаніе лишнѣй тѣней на противоположной части свѣта, то тѣни нисколько не измѣнили бы эффекта картины; напротивъ, если онѣ правильны, то составили бы очаровательную игру своими роскошными переливами. Еще можно замѣтить объ этой картинѣ то, что прекрасный ея сюжетъ и эффектные костюмы терялись отъ пестроты окружающей ихъ грубой зелени, горъ и проч. предметовъ, которые въ картинѣ должны были быть второстепенными. Можно бы подобные недостатки устранить болѣе искуснымъ выборомъ свѣтлой декорации, гдѣ бы изображалась даль; тогда бы предметы по перспективѣ были нѣжнѣе и слабѣе и для картины выгоднѣе, а фигуры, составляющія первый планъ ея, выказались бы гораздо болѣе.

Третья картина, — *Отъѣздъ на балъ*, — была изъ двухъ фигуръ съ роскошною драпировкою изыщно-богатыхъ костюмовъ лучшихъ временъ Франціи, и могла бы стать наравнѣ съ первою, если бы освѣщена была сверху и съ боку правой стороны; тогда бы выраженіе лицъ въ фигурахъ выказало болѣе характера. Въ этой же картинѣ, въ одной изъ фигуръ (маркиза) очень мало было видно выраженія, по недостатку должнаго освѣщенія.

Четвертая картина, — *Неаполитанскіе пилигримы у подножія креста*. — Вполнѣ проникнутая благоговѣніемъ, стоящая на коленяхъ, пилигримка, и со смиреніемъ, опершись на посохъ, усталый пилигримъ, были очень хороши своимъ яркимъ колоритомъ и непринужденными позами, и тѣмъ еще удачнѣе отдѣлялись отъ фона. Пейзажъ составилъ привлекательный. Вдали былъ виднѣнъ дымящійся Везувій. Гармонія въ освѣщеніи имѣла здѣсь большой перевѣсъ передъ прочими картинами.

Пятая картина, — *Кавказскій плыльникъ* — интересна по сюжету и національнымъ костюмамъ, бывшимъ въ ней. Молодая черкешенка, желая оказать помощь русскому плынику, съ самоотверженіемъ, преклонивъ колено, подаетъ ему чашу живительнаго питья. Во взорахъ узника, лежащаго на соломѣ, видно было тяжкое томле-

ніе и благодарность къ двѣмъ. Жаль только, что чрезъ сильное и неправильное освѣщеніе эта картина была болѣе похожа на день, нежели на лунную ночь, которая должна быть по сюжету. Луна на декорациі находилась посрединѣ картины, а фигуры въ ней освѣщены съ боковъ, совершенно противно мѣсту, отъ котораго долженъ разливаться свѣтъ. Лучше было бы, еслибъ луна на картинѣ была сверху и съ боку фигуръ; тогда искусственное освѣщеніе, невидимое для зрителя, могло бы послужить съ пользою, безъ нарушения законовъ свѣта. Могутъ сказать на это, что, если бы картину слабѣе освѣтить, то для зрителей она бы показалась слишкомъ темною; напротивъ, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій въ обстановкѣ окружающихъ декораций, всегда можно выказать фигуры и при меньшемъ освѣщеніи.

Шестая картина, — *Марія Стюартъ и Францискъ II.* — Въ позѣ Маріи зрители увидѣли, въ полномъ смыслѣ, королеву въ великолѣпномъ костюмѣ и весьма удачной постановкѣ, выражавшей такъ много характера высокой особы. Но лицо короля не гармонировало ей: въ позѣ его, вмѣсто легкой поступи, замѣтна какая-то робость, — и какъ будто бы онъ находился подъ бременемъ тяжелой ноши и представлялъ собою фигуру въ напряженномъ состояніи. Одѣтъ онъ былъ изящно и богато. Аксессуары въ этой картинѣ подобраны удачно, освѣщеніе эффектно, кромѣ фигуры Франциска, освѣщенной съ другой стороны; отъ этого характеръ въ профиль его, находившемся въ тѣни, выражался не совсемъ хорошо и нѣсколько портитъ первую превосходную фигуру.

Седьмая картина, — *Полдень въ Римѣ*, — сгруппированная изъ четырехъ фигуръ, плывущихъ въ челнокѣ. Этою картиною можно было очароваться. Въ ней всѣ предметы такъ хорошо подобраны: струящаяся вода блестѣла зеркально, безпечно-стоящая фигура съ весломъ въ рукѣ такъ и просилась на полотно, не смотря на то, что она въ самомъ простомъ костюмѣ: но такъ приятно дѣлалась отъ окружающихъ предметовъ. Такъ же очарователенъ былъ малютка, который, переверсившись черезъ край челнока, безпечно плескался въ струистой водѣ. Остальныя двѣ фигуры: старецъ-каноникъ, читающій книгу, и молодая итальянка, со вниманіемъ слушающая его, были очень милы.

Здѣсь, можно сказать, соблюдены всѣ условія живої картины: правильное освѣщеніе, рѣзная дѣлимость фигуръ отъ фона и непринужденная выдержка положеній, требуемая сюжетомъ, — все прекрасно гармонировало по частямъ и въ цѣломъ (*).

Воронцовъ.

28 января 1852.

(*) А мы удивимся и пожалеемъ, что изъ семи картинъ одна только имѣетъ русское содержаніе. Ред.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

МАМАЖЕВО ПОВѢЩЕНІЕ.

Картина А. П. Мясоедова.

Оставимъ остроумнымъ сотрудникамъ Московскихъ Вѣдомостей сообщать извѣстія публикѣ о всѣхъ увеселеніяхъ масляницы. Мы займемъ ее лучше въ этомъ отдѣленіи любопытными свѣдѣніями, собранными нами о картинѣ просвѣщеннаго любителя живописи, которая была выставлена въ Университетской залѣ. Сперва помѣстимъ ея описаніе, словами художника.

Битва 8 сентября 1380 года происходила на полѣ Куликовомъ, въ 20 верстахъ отъ города Епифани (*), между рѣками Дономъ и Непрядвою и верховьями Уперты, Соловы, Зуши, Плавы и Ситѣжеды, и самый жаркій бой кипѣлъ близъ рѣчки Смолки, которая текла (**) подъ бывшею знаменитою дубравой, гдѣ Великій Князь Димитрій Іоанновичъ, двумя костромскими боярами, Ѳеодоромъ Сабуровымъ и Григорьемъ Хлопищевымъ, найденъ былъ избитымъ въ сраженіи и лежащимъ безъ чувствъ подъ березою. Изъ-за этой же дубравы ринулся засадный полкъ съ двоюроднымъ братомъ Великаго Князя Московскаго, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ, подъ предводительствомъ славнаго въ то время вождя, Вольинскаго, который удерживалъ нетерпеливые порывы воинской храбрости князя Владиміра. Вотъ минута, избранная художникомъ для своей картины. Руководясь Исторіей, онъ изобразилъ послѣдніе часы битвы, помѣстивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣкоторые замѣчательные эпизоды ея, совершившіеся нѣсколькими часами прежде. Замѣтимъ при этомъ, что главное лицо, необходимое для всякой историко-баталической картины, въ Куликовской битвѣ является въ самомъ ея началѣ, и скоро исчезаетъ: Великій Князь, первый ударивъ на непріятеля, сражался до тѣхъ поръ, когда битва сдѣлалась общою послѣ чего отъѣхалъ въ средину полковъ, и дальнѣйшихъ распоряженій его въ этомъ дѣлѣ изъ Исторіи не видно. Знаемъ только, что Великій Князь, оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, упалъ съ коня и обезпамятѣлъ: его нашли лежащаго подъ деревомъ послѣ ужс

(*) И въ 15 верстахъ отъ села Муравлянки, имѣнія г. Мясоедова, живописца описываемой картины.

(**) Рѣка эта высохла; теперь видно одно русло ея.

побѣды. Рука Всевышняго видимо ниспровергла безчисленныя скопища монгольскія, что дало живописцу религіозную мысль замѣнить главное лицо въ картинѣ образомъ Божіей Матери, носимой между русскимъ воинствомъ, какъ говорить Исторія.

Картина изображаетъ жаркій осенній вечеръ, послѣдовавшій, какъ свидѣтельствуетъ Исторія, за туманнымъ утромъ, и минуту, въ которую Сабуровъ и Хлопищевъ, найдя Великаго Князя, возвыщаютъ ему о спасеніи великокняжескаго знамени, принесеннаго ими, и объ отбитіи Татаръ храброю московскою дружиною. Придя въ себя и видя предъ собою образъ Спасителя на черномъ знамени великокняжескомъ, первая мысль Великаго Князя—благодареніе къ Всевышнему, первое движеніе его—крестъ.

Между деревьями мелькаетъ великокняжескій рыцарь въ боевыхъ доспѣхахъ. Далѣе, среди чащи лѣса, видна часть засаднаго полка, глава котораго появляется изъ-за дубравы на рѣкѣ Смолкѣ. Князь Волинскій изображенъ говорящимъ Владимиру: «Приспѣлъ часъ!» На что Владимиръ Храбрый отвѣчаетъ вынужденіемъ изъ ноженъ меча. Быстрота движенія воиновъ засаднаго полка постепенно усиливается, и передовые изъ нихъ уже врубилась въ толпу Монголовъ. Вдали, на самомъ заднемъ планѣ, Татары бѣгутъ въ безпорядкѣ, и, встрѣченные передовыми наѣздниками засаднаго полка, составляютъ одиночные бои.

Группа трехъ воиновъ, скачущихъ по переѣздѣ черезъ рѣчку Смолку, изображаетъ двухъ литовскихъ князей Ольгердовичей съ ихъ оруженосцемъ. Изъ нихъ старшій смотритъ на громадное тѣло убитаго татарскаго богатыря Челубея, павшаго вмѣстѣ съ инокомъ Пересвѣтомъ. Немного поодаль виднѣтъ умирающій другой инокъ, Ослябя, присланный, какъ и Пересвѣтъ, Святымъ Сергіемъ Радонежскимъ, на помощь Дмитрію.

Вблизи Осляби группа монгольскихъ воиновъ защищаетъ своего раненнаго начальника, бросающаго послѣднее копье въ русскаго витязя, который платитъ за ударъ копья ударомъ сабли.

Далѣе этого витязя толпа, составленная изъ разныхъ народовъ Монгольскаго племени, старается уйдти на проломъ. Она остановлена массою пѣщихъ воиновъ полка лѣвой руки, осыпанныхъ своимъ знаменемъ. Кромѣ того, конные русскіе воины, отбивая изъ этой толпы нѣкоторыхъ монгольскихъ наѣздниковъ, убиваютъ ихъ. Вдали отъ наѣздниковъ видны, въ совершенномъ бѣгствѣ, толпы Татаръ, доскакивающихъ до самаго, зажженнаго Русскими, Мамасва лагерь, расположеннаго на Красномъ холмѣ (*), на вершинѣ ко-

(*) Теперь на этомъ холмѣ, по Высочайшему соизволенію, поставленъ памятникъ герою Куликовской битвы, Дмитрію Іоанновичу Донскому.

того видна палатка самого Мамай. Передъ лагеремъ масса русскихъ конниковъ отбиваетъ табуны верблюдовъ и разнаго рода скоть, что и было на самомъ дѣлѣ, по сказаніямъ летописи.

На холмѣ видна группа одиночнаго боя русскаго и татарскаго конниковъ. Къ послѣднему спѣшать на помощь его одноплеменики. За послѣдней группой—Калмыкъ, скачущій на утекъ съ арканомъ. Онъ готовъ имъ отвѣчать на угрожающій ударъ пики русскаго витязя.

Ниже означеннаго холма изображена небольшая долина, на которой съѣхались, для совѣщанія о преслѣдованіи полчищъ Мамай, русскіе военачальники большаго полка: князь Иванъ Васильевичъ Смоленскій, подающій мечемъ знакъ къ сбору; справа бояре: Тимоѣей Васильевичъ Вельяминовъ, братъ Смоленскаго; Иванъ Родионовичъ Квашня, Димитрій Милитинъ; сзади Юакинъ Шуба. Этихъ военачальниковъ защищаютъ съ правой стороны воины, которые отбиваютъ отъ нихъ скачущихъ Монголовъ. Одинъ изъ этихъ воиновъ, съ копьемъ въ рукахъ, пускается навстрѣчу къ Калмыку, бѣгущему отъ копья одного изъ трехъ русскихъ всадниковъ, близъ которыхъ несется безъ свѣдока татарскій конь.

За шмъ, ближе къ первому плану, масса русской пѣхоты удерживаетъ сильный напоръ кавалеріи монгольской, составленной изъ разныхъ народовъ: тутъ и Башкирь, и Татаринъ, и Черкесь, и Калмыкъ. Этою кавалеріею предводительствуетъ старшій военачальникъ въ шишакѣ, осыпаннымъ распушеннымъ корнемъ степной травы ковыля (*). Онъ устремляется, съ саблею въ рукъ, на русскаго воина, выдавашагося изъ цѣлой толпы пѣхоты и замѣчательнаго по своему вооруженію: щиту съ желѣзнымъ нарукавникомъ и мечемъ. Впереди сказанной монгольской ватаги изображенъ киргизскій лѣтникъ благороднаго султанскаго племени, называемаго Вѣлою Костью (**).

(*) На всѣхъ татарскихъ племенахъ есть мѣста въ видѣ дудочекъ, очевидно для вставленія перьевъ, или чего-нибудь другаго, что можетъ служить украшеніемъ подобнаго головнаго наряда. Большое затрудненіе было для живописца догадаться, что вставлялось въ эти дудочки. Степная трава ковыль, чисто красующаяся на тельгатахъ изюмниковъ, возвращающихся изъ степей, кажется, безошибочно разъяснила это затрудненіе.

(**) Для изученія Монгольскаго племени, А. П. Мисюдовъ прошлымъ лѣтомъ совершилъ путешествіе въ Киргизъ-Кайсацкую орду, Астраханской губерніи, гдѣ, въ ханской ставкѣ Рынь-Чесакъ, посчастливилось ему найти большую коллекцію древнихъ монгольскихъ оружій, которыя служили ему моделями для вооруженія Татаръ. Что же касается до вооруженій и доспѣховъ Русскихъ, то они срисованы съ изданій, отличающихся истинною и извѣстною отдаленію, полковника Висковатого и г. Болдцова.

Съ правой стороны его несется, поражая копьемъ русскую пѣхоту, простой Киргизъ въ войлочной шляпѣ. У ногъ воина, со щитомъ, желѣзнымъ нарукавникомъ и мечемъ, лежитъ убитый дворянинъ Брянекъ, извѣстный своею преданностію Великому Князю, павшій даже въ доспѣхахъ великокняжескихъ, и передъ нимъ въ началѣ битвы носилось великокняжеское знамя.

Ближе къ первому плану—ходъ съ иконою Богоматери, названной въ послѣдствіи Донской, и несомой священникомъ, по лѣвую сторону котораго діаконъ съ кадиломъ и потухшею свѣчою. На икону, какъ на послѣднюю надежду спасенія, опирается израненный юный князь Бѣлозерскій, поддерживаемый съ другой стороны престарѣлымъ дядькою и вмѣстѣ оруженосцемъ. У ногъ этого оруженосца тѣло убитаго Татарина, передъ которымъ, въ предсмертныхъ мукахъ, лежитъ пронзенный стрѣлою Монголъ, стиснувшій въ рукахъ своихъ знамя.

На самомъ первомъ планѣ картины изображенъ умирающій князь Бѣлозерскій, отецъ идущаго при иконѣ юнаго Бѣлозерскаго, при видѣ котораго и приближеніи иконы, старый кнѣзь приказываетъ своему знаменосцу поднять себя. Подлѣ лежитъ убитый племянникъ его изъ рода Бѣлозерскихъ.

ЗАМѢЧАНІЯ О КАРТИНѢ Г. МЯСОВДОВА.

Въ послѣднихъ числахъ января 1852 г. въ залѣ Университета была выставлена историческая картина любителя живописи А. П. Мясодова, *Мамаево побоище*, которая навела насъ на отрадные мысли.

Въ исторической живописи Русской школы, едва ли не Угрюмовъ—первый воскресилъ своею бойкою кистью краснорѣчивыя страницы нашей исторіи въ огромныхъ картинахъ своихъ: *Возведеніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова*, *Покореніе Казани* и *Янъ Усмовичъ*. Долго послѣ него въ мастерскихъ русскихъ художниковъ, за исключеніемъ образной живописи, изображались лишь герои древней Греціи, Рима, и боги и богини греческой мѣлологіи, что отзывалось и въ самыхъ программахъ учениковъ академіи. И скульптура, ближайшая родственница живописи, рядила русскихъ героевъ въ римскія тоги и въ греческія туники. О, какіе горячіе споры раздались въ то время между молодыми художниками и теоретиками изящныхъ искусствъ! Всеразъясняющее время дѣлаетъ свое дѣло. Только развязывая и снимая съ русской ноги сандалій, мы можемъ ступить на свою ногу, и только въ такомъ случаѣ искусство сроднится

съ народомъ, чего начатки мы уже и видели. Такъ общимъ сочувствіемъ была встрѣчена картина *Купецъ Неолкинъ*, славнаго Шебуева; его же давній эскизъ *Крещеніе Русскаго народа* приводить въ восторгъ всѣхъ тѣхъ, которымъ посчастливилось его видѣть. Въ послѣдствіи *Осада Пскова*, со всѣмъ ужасомъ войны, со всѣмъ геройствомъ и непоколебимою вѣрою Русскихъ, мгновенно создавшаяся, какъ бы живой историческій фактъ, въ мастерской гениальнаго Брюлова. До того и въ то время—уже и нѣкоторыя ученическія программы начали почерпать свое содержаніе изъ Русской Исторіи; и самая скульптура, опять по близкому родству съ живописью, обратилась къ предметамъ болѣе для насъ близкимъ. Такъ появился *Бабочникъ* Пименова; такъ лукавая *Русалка*, и страшное, и вмѣстѣ граціозное порожденіе фантазій обитателей сѣвера, уловлена скульпторомъ Ставассеромъ, и силою его таланта обращена въ мраморъ; этимъ же художникомъ произведенъ очаровательный *Рыбачекъ*; такъ *М. В. Ломоносовъ* изображенъ скульпторомъ Ивановымъ въ одеждѣ архангельскаго рыбака, съ арифметикою Магницкаго въ рукахъ; такъ наши богатыри: *Полканъ*, *Бова*, *Ерусланъ* и *Илья Муромецъ*, въ эскизѣ Пименова, украшаютъ бассейнъ фонтана (*); но съ поверхностью воды бассейна, въ центрѣ фонтана, помѣщена цѣлая семья игривыхъ русалокъ, а верхушка вѣнчается группою *Яна Усмошника съ быкомъ*.

Нельзя не упомянуть здѣсь съ уваженіемъ и о тѣхъ художникахъ, которые начали знакомить насъ съ красотами простаго русскаго быта. Въ главѣ ихъ можно поставить *Орловскаго*, потомъ *Венеціанова*, который большому числу своихъ учениковъ завѣщалъ находить прелесть и въ расторопномъ мужикѣ, запрягающемъ въ телегу лошадь и въ то же время подмигивающемъ мимо идущей красоткѣ,—и въ крестьянкѣ, которая любитъ своимъ отраженіемъ въ колодезѣ. Направленіе, данное Венеціановымъ, расширяется болѣе и болѣе; лучшимъ живописцемъ народныхъ сценъ, въ послѣднее время, былъ покойный *Штернберъ*; а нынѣ заняли его мѣсто—*Риццини*, *Григорьевъ* и *Рыбинскій* (*).

Въ то же время являются художники, которые заимствуютъ сюжеты своихъ картинъ уже изъ жизни средняго сословія. Между ними двое даровитѣйшіе, это — *Бедотовъ* и *Чернышевъ*.

Такъ и ландшафтисты наши убѣдились, что всѣхъ живописныхъ и картинныхъ мѣстъ въ Россіи не перерисуютъ и тысячи по-

(*) Сдѣланъ во Флоренціи и предполагался для Москвы.

(**) Последніе двое—бывшіе ученики Московскаго училища Живописи и Ваянія.

колыбѣй пейзажистовъ. *Мееръ* объѣхалъ Сибирь; *братья Чернецовы* проплыли Волгу на всемъ ея протяженіи; берегъ Чернаго моря былъ колыбѣлю таланта *Айвазовскаго*, который и по нынѣ не покидаетъ его; *Фрикке* и *Лагоріо* въ настоящее время работаютъ въ Крыму.

Баталическая живопись произвела многія прекрасныя картины, въ которыхъ раскрывается рядъ побѣдъ русскаго войска. Представители ея — *Вильямдъ* и *Бабаевъ*, который извѣстенъ нѣсколькими изображеніями героическихъ подвиговъ изъ солдатской жизни. Онъ и *Байковъ* находятся нынѣ на Кавказѣ, и подъ свистомъ пуль, пишущъ красками летописи успѣховъ русскаго оружія.

Какъ не порадоваться обращенію русскаго искусства къ своей отечественной Исторіи, къ своему быту; и вотъ передъ нами новое отрадное явленіе, это — картина любителя живописи, *Мамая* *побойща*.

Хотя она и не имѣетъ блистательнаго, эффектнаго исполненія, обыкновенно увлекающаго массу зрителей, хотя она и исполнена недостатковъ въ рисункѣ; но уже самый выборъ предмета, любопытныя подробности картины, и любовь, съ которою она создавалась, заставляютъ насъ обратить особенное вниманіе на это произведеніе.

Замѣтимъ, что еще никто изъ нашихъ баталистовъ не задавался такимъ труднымъ содержаніемъ картины. Событіе относится къ 1380 году. Надо выдвинуть полчища Мамай, надо размѣстить русскую рать, нужно воскресить битву, бывшую за 470 слишкомъ лѣтъ до насъ, слѣдуетъ остаться вѣрнымъ историческому повѣствованію и разнообразить лица и одежды, уже давно не существующія; а это несравненно труднѣе, нежели написать картину сраженія и побѣды, которыхъ добытые трофеи тутъ же могутъ иногда служить моделью художнику.

Куликово поле должно быть написано вѣрно. По немъ раскинуты несметныя полчища; но они, на нѣкоторомъ разстояніи отъ картины, какъ-то не ясны, смѣшаны, что немало мѣшаетъ цѣлости картины. Почему это? Позволимъ себѣ замѣтить слѣдующее: расположеніе общихъ большихъ пятенъ не довольно сильно, не довольно рѣшительно, и потому мало даетъ почувствовать глазу разстояніе плановъ, чрезъ что вся масса людей и коней сливается въ одно пестрое пятно и дѣлается неясною. Въ картинахъ такого рода, сколько намъ случалось видѣть, извѣстные художники рассчитывали именно на общія, большія пятна, тоны, чрезъ которыя самая многочисленная толпа, при разнообразной игрѣ свѣта и тѣни, при болѣе рѣзкомъ движеніи плановъ самимъ расположеніемъ колеровъ, много выигрываетъ, становясь опредѣлительнѣе.

Чтобы сдѣлать наше замѣчаніе болѣе яснымъ, мы укажемъ на всѣмъ знакомыя акватинты съ картинъ англійскаго живописца Мартинса, въ которыхъ помѣщенъ народъ тысячами, но общій эффектъ, вслѣдствіе удачнаго расположенія свѣта, тѣни, полутоновъ и рефлекцій, выдвигаетъ съ необыкновенною силою первые планы картины, даетъ настоящее мѣсто среднимъ планамъ, а дальніе отбрасываетъ на необозримое пространство къ горизонту.

Мы отнюдь не требуемъ отъ г. Мясоѣдова эффекта равносильнаго картинамъ Мартинса, кисти котораго исключительный характеръ составляютъ громадность фантазій и сила дѣленія плановъ въ картинѣ; приводя въ примѣръ англійскихъ художниковъ, мы только хотѣли указать, почему именно картина *Мамаево побоище* не удовлетворяетъ, не увлекаетъ, когда зритель находится отъ нея на нѣкоторомъ отдаленіи, тогда какъ, при близкомъ разсматриваніи, она оказывается полною интереса, какъ по содержанію, такъ и по совѣстливому исполненію. Такъ обратимъ вниманіе на средній планъ картины, представляющій съ правой стороны часть засадной дружины, въ главѣ которой помѣщены на коняхъ кн. Владиміръ Андреевичъ Храбрый и кн. Волинскій. Здѣсь составъ группы очень хорошъ, рисунокъ удовлетворителенъ, отчетливъ, хотя и чувствуешь нѣкоторый недостатокъ въ общемъ движеніи, — хотѣлось бы видѣть болѣе порыва и стремительности отъ засаднаго войска, въ рѣшительную минуту. Эпизоды лѣвой стороны въ картинѣ также исполнены занимательности и разнообразія; фізіономіи Татаръ изучены въ совершенствѣ; онѣ характерны, вѣрны и также очень разнообразны; за точность одѣянія и вооруженій ручается путешествіе любителя въ Киргизъ-Кайсакскую орду, гдѣ, въ ханской ставкѣ Рыш-Пескахъ, посчастливилось ему найти большую коллекцію древнихъ монгольскихъ оружій.

Вся картина вообще богата эпизодами, каковы: несеніе образа Божіей Матери, павшіе послѣ единоборства татарскій богатырь Челубей и инокъ Пересвѣтъ, убитый инокъ Ослябя, литовскіе князья Ольгердовичи съ ихъ оруженосцемъ (ужъ черезъ чуръ хладнокровны), убитый въ великокняжескихъ доспѣхахъ дворянинъ Брянекъ, умирающій кн. Бѣлозерскій и юный сынъ его, и другіе; но исполненіе ихъ слабѣе среднепланныхъ фигуръ картины, особенно въ отношеніи рисунка. Эпизодъ же, когда Сабуровъ и Хлопищевъ находятъ Великаго Князя раненнымъ, поставленъ крайне близко къ мѣсту битвы и отвлекаетъ вниманіе зрителя отъ главной точки, отъ главнаго содержанія картины. Исторія говоритъ, что Великаго Князя искали, и искали долго послѣ сраженія, а въ разсматриваемой картинѣ Ве-

ликий Князь находится тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Пересвѣта и отъ Челубея, что противорѣчитъ историческому повѣствованію, да вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаетъ и дробитъ цѣлость содержанія картины.

Говоря собственно о живописи г. Мясоедова, мы опять укажемъ на средній планъ картины какъ на лучший; вечерній тонъ неба и отдаленный лѣсъ также выдержаны прекрасно; но группа деревьевъ правой стороны картины пестра, несогласована въ тонахъ, а перво-планныя деревья написаны декорационно, что еще болѣе бросается въ глаза при тщательной отработкѣ фигуръ и ихъ костюмовъ.—Еще позволимъ себѣ замѣтить, что линія *Краснаго холма*, на которомъ заженъ Русскими Мамаевъ лагерь, обрисована слишкомъ тупою, тяжелою линіею, чрезъ что масса этого возвышенія сильно давитъ пространство картины, и равновѣсіе главныхъ ея массъ нарушается, стало быть цѣлость состава картины и въ самыхъ контурахъ не совсемъ выдержана, не уравновѣшена.

О посредственныхъ произведеніяхъ искусства общепринято у насъ совсемъ не говорить; въ литературѣ на оборотъ: такого рода произведенія бываютъ иногда поводомъ къ потѣхѣ остроумія, мотивамъ къ литературнымъ арлекиндамъ; въ последнее время и въ художественномъ мірѣ появились свои потѣшники, и хотя они не печатаютъ своихъ мнѣній, но тѣмъ не менѣе, своими буффонадами, приносятъ прямой вредъ искусству, и въ особенности молодымъ его представителямъ. Долго ли подобному потѣшнику огоршить неопытность такимъ на примѣръ приговоромъ: скажите, пожалуйста, и это картина! а рисунка нѣтъ ни на грошъ!—Ну что будешь дѣлать съ такимъ направленіемъ въ самомъ художникѣ, у котораго не хватаетъ и на столько смысла, ужъ не говоримъ о любви къ искусству, чтобы усмотрѣть, что существуютъ и такія произведенія, въ которыхъ достоинства спорятъ съ недостатками, да часто выкупаютъ послѣднія, по нашему мнѣнію. О такихъ произведеніяхъ, право, можно говорить съ удовольствіемъ, и даже пожалѣть, что они не выставляются иногда въ Московскомъ училищѣ Живописи и Ваянія, какъ на примѣръ картина *Мамаева побоище*. У насъ подобные явленія очень рѣдки, и уже сложность историческаго сюжета картины, ея подробности, любовь и совѣстливость, съ какими она произведена любителемъ, могли бы навести на многое доброе учащихся. Напрасно нѣкоторые думаютъ, что польза начинающаго художника обуславливается только переводомъ изъ низшаго въ высшій классъ, и что преподаватель долженъ машинально водить рукою неопытнаго; иногда появленіе картины въ стѣнахъ училища, картины съ связнымъ, новымъ содержаніемъ, съ многосложными эпизодами,

даже съ своими ошибками противу техники, можетъ замѣнить десятки классныхъ часовъ и раздуть въ это время искру скрытаго таланта съ большою и скорѣйшею силою, нежели обычные приемы учащаго. Вотъ что именно заставляетъ насъ пожалѣть, что картина *Мамаево побоище* не была выставлена въ здѣшнемъ художественномъ училищѣ, такъ что большая часть учащихся и не видѣла ее. Къ сожалѣнію, мы должны сказать снова, что у насъ чудовищно-самолюбовые судьи черезъ чуръ рѣшительны, быстры, и, безъ сомнѣнія, въ то же время, опрометчивы въ своихъ приговорахъ; они брякнуть вдругъ: у него рисунокъ ни на что не похожъ; а неопытные цѣлымъ хоромъ повторять то же самое, и отвернутся отъ картины; и вотъ повидимому и приговоръ сдѣланъ. Все это фарсы и замашки à la Микель Анджело, и только замашки; такимъ фарсамъ не слѣдуетъ вѣрить. Можно вѣрить только слѣдующимъ вещамъ: что и самое солнце не безъ пятенъ, что Рафаэль, бывши школьникомъ въ Перуджии, еще не могъ создать Сикстовой Мадонны; было время, что и онъ очень дурно рисовалъ; еще можно вѣрить, что, хотя Микель Анджело и безошибочно нарисовалъ фигуры Христа и Богоматери въ своемъ знаменитомъ Страшномъ Судѣ, однако никто изъ христіанъ не признаетъ въ этихъ фигурахъ ни Христа, ни Богоматери, до того художникъ далекъ этихъ божественныхъ идеаловъ Божеской любви. Наконецъ, еще можно вѣрить тому, что снятіе со креста Рембранта, находящееся въ Петербургскомъ музеумѣ, исполнено самыхъ грубыхъ ошибокъ въ рисунокѣ; но разъ вы взглянете на эту картину, и глаза ваши не хотятъ оторваться отъ нея. Пусть потѣшники изобрѣтатели буфонадъ разъясняютъ другимъ эту чарующую силу искусства! Бранить зря легче; долго ли щегольнуть знаніемъ, указывая на короткость руки или на несоразмѣрность пропорцій лошади; нѣтъ, пусть эти знатоки рисунка ознакомятъ насъ съ драмою картины, съ ея внутреннимъ содержаніемъ, съ ея душевными движеніями, и съ тою жизнію картины, которая понимается только вслѣдствіе чисто художественнаго начала и вполне эстетическаго не только образованія, но и воспитанія.

Мы слышали, что г. Мясоедовъ намѣревается увеличить свою картину, чему нельзя не порадоваться отъ души. Мы высказали наше мнѣніе на столько, на сколько, кажется, желалъ самъ любитель, т. е. встрѣтили произведеніе его не какъ любителя, а какъ художника, отъ котораго мы въ правѣ ожидать новаго, болѣе выдержаннаго и оконченнаго труда.

НИКОЛАЙ РАМАЗАНОВЪ.

**БЮГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ ПЕТРОВИЧѢ
МЯСОДОВѢ.**

Г. Мясодовъ родился въ 1806 году, въ г. Дубно, куда прибыла его мать для сопровожденія отца его, бывшаго тогда въ службѣ въ полковническомъ чинѣ.

Елифанская деревня родителей и г. Тула были мѣстами, гдѣ протекли первые года жизни г. Мясодова. Съ 8-лѣтняго возраста отдаваемъ онъ былъ въ разные пансіоны, а въ 1821 году вступилъ въ Университетскій благородный пансіонъ, гдѣ и остался до окончанія курса наукъ по 1824-й годъ.—Какъ дома въ лѣтахъ ребяческихъ, такъ и въ пансіонахъ, рисованіе было любимой забавой г. Мясодова. Страсть къ этому благородному искусству видимо развилась въ немъ въ послѣдніе годы его пребыванія въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ, подъ руководствомъ бывшаго тогда учителя рисованія Павла Петровича Исленьева. Страсть эта была столь сильна, что лѣтомъ, будила юношу часа въ 3 утра, и до репетиціи къ классамъ, то есть до 6 часовъ, давала тѣмъ время рисовать ему къ экзамену первыя акварельныя картины изъ всѣхъ, тогда бывшихъ представленными его товарищами, какъ-то Оссіанъ и Гай-ная вечера, съ копій Леонарда да-Винчи, которыя и до сихъ поръ сохраняются въ фамиліи г. Мясодова.

Въ 1824 году, г. Мясодовъ вступилъ юнкеромъ въ Переяславскій конно-егерскій полкъ, гдѣ рисованіе занимало всѣ свободные часы отъ его службы,—портреты товарищей и знакомыхъ и нѣкоторыя сцены военной жизни были сюжетами его произведеній.

По производствѣ въ офицеры въ Каргопольскій драгунскій полкъ, черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, г. Мясодовъ поступилъ въ должность адъютанта къ дивизионному начальнику генералу Загряжскому, при которомъ и началъ Турецкую войну 1828 года. Турки и Валахи явились въ рисункахъ его, на скоро—на конѣ написываемые. Польская война тоже дала много сюжетовъ карандашу его; но большія картины акварелью были оставлены за недосугомъ, особливо когда г. Мясодовъ, въ одномъ изъ авангардныхъ сраженій, командовалъ

(*) Лѣтъ пять тому назадъ былъ въ Москвѣ изъ Парижа художникъ Ивонъ, который выбралъ себя этотъ же предметъ для картины. Онъ отнесся ко мнѣ тогда за свидѣніями, конъ и сообщилъ я ему немедленно, что крайній мѣръ, что пришло на ту пору въ голову. Можеть быть, я отыщу это письмо и напечатаю, а кстати редація имѣетъ и сужденія парижскихъ критиковъ о конченной картинѣ г. Ивона, которыя также можеть быть будутъ не безъ занимательности для читателей Москвитянина. М. П.

сотнею казаковъ, былъ приглашенъ въ адъютанты, (безъ всякаго предварительнаго прежде знакомства и даже встрѣчи), внезапно тогда прѣхавшимъ въ отрядъ начальникомъ Главнаго Штаба 1-й арміи, храбрымъ генераломъ Красовскимъ.

Въ 1833 году, г. Мясоедовъ, по болѣзни, вышелъ въ отставку и поселился въ Епифанской своей деревнѣ, въ которой первые годы были посвящены устройству имѣнія и изученію агрономіи,—новая сія наука столь заняла его, что рисованіе было имъ оставлено; но какъ скоро долгъ противъ его семейства былъ исполненъ, дѣла пришли въ порядокъ, врожденное чувство изящнаго превозмогло—и молодой агрономъ явился снова съ карандашомъ своимъ среди горъ Кавказа. Следствіемъ повѣздки на Кавказъ—была рѣшимость писать масляныя картины, и повѣздки его въ Москву, гдѣ онъ имѣлъ счастье брать уроки у замѣчательнаго живописца Рауха; случай познакомилъ г. Мясоедова съ знаменитымъ нашимъ поэтомъ Жуковскимъ, который, увидѣвъ его этюды Кавказа, советовалъ ему составить изъ нихъ *первую картину* Кавказской войны, для поднесенія Великому Князю Наслѣднику, что было исполнено въ 1838 году, и картина удостоилась быть принятой Его Высочествомъ.

Ободренный столь лестнымъ вниманіемъ, г. Мясоедовъ желалъ изучить живопись въ ея колыбели—и въ 1839 году поѣхалъ въ Италію. Тамъ руководимый совѣтами нашихъ первоклассныхъ живописцевъ: гг. Бруни, Маркова, Моллера и прочихъ, трудился онъ съ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера, и написалъ съ натуры въ профиль известную красавицу картины г. Моллера «Поцѣлуй», и картину «Римскій карнавалъ», съ портретами Великаго Князя Наслѣдника, всей Его Свиты и многихъ другихъ лицъ. Эта картина поднесена имъ Великому Князю Наслѣднику, и находится у Него въ кабинетѣ.

Въ Парижѣ около 2-хъ мѣсяцовъ работалъ г. Мясоедовъ въ мастерскихъ у неподражаемаго Гораса Вернета, и объѣхавъ Италію, Швейцарію, берега Рейна, возвратился въ свою Тульскую деревню. Года съ три тому назадъ, г. Мясоедовъ написалъ вторую картину Кавказской войны, *Набѣгъ*, которая тоже находится у Великаго Князя Наслѣдника. Близость имѣнія, гдѣ живетъ съ семействомъ г. Мясоедовъ, къ Куликову полю, и постановленіе на немъ памятника—возродили въ немъ мысль написать картину *Мамаева побоище*.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ПРИОБРѢТЕНІЯ.

Жизнь Потемкина, самая подробная, писанная неизвестнымъ лицомъ, къ нему приближеннымъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, и совершеннымъ безпристрастіемъ. Рукопись—на 76 листахъ мелкаго письма.

12 Миней, отличнаго мастерства, напоминающихъ какъ пелъзя болѣе знаменитыя Tabulae Carronienses. Одинъ только мѣсяцъ много попорченъ. По всемъ вѣроятіямъ, эти святцы писаны были царскими живописцами, преемниками Строгоновской школы.

Обширная разрядная книга, начинающаяся съ 1477 года, коею одолженъ я любезности А. Н. Барыкова, также какъ собраніемъ старыхъ бумагъ, касающихся до знаменитаго села Велькова.

Лѣтописецъ, кажется, Софійскаго такъ называемаго разряда, съ прибавленіями.

Собственноручная инструкция графа Ферзена, плѣнителя Костюшки.

Нѣсколько разныхъ образковъ, грамотъ, столбцовъ.

Приносили еще четыре рукописи: Златоструй царя Симеона, Діонисія Ареопагина съ предисловіемъ переводчика (мною выписаннымъ отчасти), Родословную и Лѣтвицу, къ коей приписано посланіе патріарха Фотія къ Болгарскому царю Михаилу,—но мы не сошлись въ цѣнѣ. Ж. П.

Тутъ его сажаютъ на лавочку и заставляютъ пить чай, въ чемъ онъ послѣ и не раскаивается: потому что, повторю, чай въ Мытищахъ необыкновенно хорошъ, а Русской человѣкъ чаекъ любить.

Сцены эти повторяются безпрестанно и бываютъ презабавныя.

Однажды на мосту остановилась запряженная парой телѣжка; въ одно мгновеніе толпа дѣвушекъ окружила ее со всѣхъ сторонъ. На козлахъ сидѣлъ здоровый краснощекой парень въ рубашкѣ, и, улыбаясь, оборачивался то на право, то на лѣво. Вѣроятно, ему нравилась эта налетѣвшая фаланга, и онъ отпускалъ избраннымъ своего рода любезности. Лошади стояли очень смирно. Въ корню была маленькая исхудалая чалая лошаденка, вѣроятно исправляющая должность водовозки; а на пристяжкѣ большой гнѣдой буцефалъ, конечно парадеръ, на которомъ возятъ хозяина въ лавку. Низенькій толстый купецъ, сидѣвшій въ телѣжкѣ, былъ просто вытаскѣ чайницами. Они, въ полномъ смыслѣ обѣщали его со всѣхъ сторонъ, и эта разноцвѣтная масса, кружась, придвинулась подъ березки.

— Пустите душу на покаяніе, — говорилъ купецъ, вырываясь изъ середины дѣвушекъ, — ну, куда ташите?...

— Чайку напейся... Мытищинскаго... вѣтъ, купецъ, садись-ко... вотъ тутъ.. тутъ сядь... — раздавались звонкіе голоса, и купецъ былъ силою посаженъ на лавку.

— Затормошили проклятыя, — говорилъ онъ, отирая клѣтчатымъ платкомъ лобъ и бороду.

— Вы чайку попить?... спросилъ у него протѣзжій, противъ котораго его помѣстили.

— Помилуйте-съ, вовсе не желаю, силкомъ притащили мошенницы, что будешь съ ними дѣлать?... У меня и чаю-то съ собой вѣтъ, ѣду въ Пушкино на фабрику... дѣлдо случилось...

— Такъ за чѣмъ же вы здѣсь остановились?

— Да вотъ дураку-то вздумалось пристяжную попить, а они и нахлынули.

— У насъ чай свой есть... мы тебѣ соберемъ, — кричали стоявшія вокругъ нихъ дѣвушки, — всего-то пятиалтынный дашь...

— Ну что жъ, — сказалъ ему сосѣдъ, — ужъ разкутитесь; чай здѣсь превосходный...

— Отъ Креста отъ чаю-съ, — говорилъ купецъ; — да видно отъ нихъ не отдѣлаешься. Ну, давай, ты, помоложе, какъ тебя? Параша что ли?

— Ишь... Аксюша...

Чай былъ поданъ, и прошло болѣе часа, а купецъ все еще сидѣлъ за чайнымъ столомъ. Онъ уже снялъ картузь свой, и частенько вынималъ клѣтчатый платокъ изъ кармана.

Подъ праздникъ между экипажами, ѣдущими въ Мытищи, непременно встрѣтишь телѣжки, изъ которыхъ выглядываютъ ружья и собаки, если послѣднія не бѣгутъ около. Это ѣдутъ охотники.

Для охотника Мытищи привлекательны своими болотами. Село пересѣкается рѣкою Яузою, которая верстахъ въ четырехъ и беретъ свое начало. Оба берега рѣки представляютъ собою широкія, довольно топкія болота, мѣстами чистыя, мѣстами поросшія кустами и кочками. Въ лѣво отъ Мытищъ эти болота сопровождаютъ Яузу до села Тайнинскаго; кромѣ нихъ по эту же сторону села идетъ до деревни Рупасова болотная низина, образуемая небольшою безымянною рѣчкой, впадающею въ Яузу. По правую сторону села болота идутъ до самаго истока рѣки, мѣста, называемаго Бочагами, и продолжаются за ними до дороги Остромишки (*), гдѣ и кончаются въ седьмой части Лосиннаго погоннаго острова. Этотъ замѣчательный по древности и пространству лѣсъ протянулся отъ Сокольничьяго поля до самыхъ Мытищъ; по одной сторонѣ его идетъ шоссе, а по другой помянутыя нами болота. Отъ Бочаговъ вверхъ болота доступны не для каждаго охотника; надо знать хорошо мѣстность, чтобы не заблудиться на этомъ огромномъ пространствѣ. Охотиться по всему болоту невозможно, есть такія крѣпи, т. е. частые кусты и огромныя кочки, что, зашедши въ нихъ, рискуешь оттуда не выйти.

Назову мѣста, доступныя для обстрѣливанья по правой сторонѣ Мытищъ. Сначала болотистый довольно чистый лугъ по обѣимъ сторонамъ рѣки; не слишкомъ частые кусты по лѣвому берегу до урочища, называемаго старымъ селомъ; далѣе Бочаги, потомъ круглое болото, чистое болото, Жуковскія канавы и наконецъ площадки въ седьмой части.

Старожилы говорятъ, что въ этихъ болотахъ дичи было чрезвычайно много, но въ настоящее время количество ея уменьшилось, хотя впрочемъ и теперь рѣдкой охотникъ возвращается отсюда безъ хорошаго поля.

Никуда въ окрестностяхъ Москвы не ѣздятъ охотники въ такомъ количествѣ, какъ въ Мытищи. Недалѣее разстояніе, хорошая дорога, спокойное и чистое помѣщеніе, возможность достать порядочную пищу, и наконецъ этотъ веселый чай, о которомъ упоминали мы выше — все это

(*) Болѣе двѣнадцати верстъ.

при надеждѣ пайдти дичь, манить охотниковъ. Въ Петровъ день, день открытія охоты, иногда сходятся сюда человѣкъ двадцать стрѣлковъ разнаго чина и званія. Одни прѣхали тройками, другіе въ одиночку. нѣкоторые пришли пѣшкомъ, а иные добѣхали за гривенникъ на попутной мужицкой телегѣ. Двухъэтажный постоялый дворъ у моста — любимая пристань всѣхъ охотниковъ, и подъ Петровъ день всѣ комнаты набиты стрѣлками.

Постояннымъ посѣтителемъ Мытищъ бываетъ одинъ Михаилъ Дмитріевъ сынъ Грачевъ. Скажу нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ охотникѣ. Лѣтъ пятидесяти отъ роду, высокій мужчина, сѣдоватые рѣдкіе волосы, довольно правильныя черты лица и крѣпкое тѣлосложеніе—вотъ его наружность. Съ юныхъ лѣтъ занимается онъ охотою съ ружьемъ, и ни разу не измѣнилъ этому любимому своему занятію, хотя въ жизни перешелъ многія ступени общества, бѣднѣлъ и богатѣлъ замѣчательно; но не объ этой жизни его хочу говорить я. Мытищинскія болота изучилъ онъ какъ свою комнату, потому, что нѣсколько лѣтъ сряду живалъ въ нихъ цѣлую осень. Беззаботно гуляетъ онъ по болотамъ, кажушимся для другихъ непроходимыми; мелкія мѣста въ рѣкѣ, удобныя для перехода, замѣчены у него или колышкомъ или кустомъ особеннаго вида. По дорожкамъ, иногда очень длиннымъ, лежатъ у него небольшія деревья для отдохновенія; приволочь ихъ изъ лѣсу для этой цѣли не кажется ему нисколько затруднительнымъ. Никто изъ Московскихъ охотниковъ не убилъ тутъ столько дичи, сколько онъ. При знаніи мѣстности, онъ отлично стрѣляетъ и имѣетъ всегда добрую собаку.

Прѣзжаемъ ли мы изъ Москвы вмѣстѣ, или встрѣчаемся въ Мытищахъ, но уже всегда занимаемъ одну съ нимъ комнату и вмѣстѣ охотимся. Расскажу, какъ однажды провели мы съ нимъ Петровъ день въ Мытищахъ.

Прѣхали мы по обыкновенію съ вечера, чтобы не упустить утренняго поля, и сѣли пить чай на открытомъ воздухѣ. Кромѣ Грачева былъ со мною еще одинъ молодой человѣкъ, отправлявшійся въ первый разъ на охоту, съ порядочнымъ ружьемъ, но съ небывшею никогда въ полѣ собакою. Г. Скворцевъ, такъ назовемъ мы нашего юношу, поѣхалъ съ нами, чтобъ испытать свои способности къ охотѣ. Бѣжавшія около воротъ лягавыя собаки показывали, что мы прѣхали не первые. Почти вслѣдъ за нами подѣхали еще длинныя дрожки тройкой, и шестеро охотниковъ съ шестью собаками пошли на постоянный дворъ.

— Плохо, братъ, Михаилъ Дмитрій, — говорилъ я Грачеву.

— А что-съ?

— Да видишь, сколько наѣхало.

— Не бойтесь, нашей дичи не убьютъ. Въдь эти господа далеко не пойдутъ; походятъ по лугу, а на лугу-то взять нечего.

— Все таки надо пораньше встать, чтобъ не идти по нихъ слѣду.

— Я встану раньше всѣхъ, — перебилъ его молодой человѣкъ, — я всѣхъ вась разбуджу.

— Ну, ладно.

— Чай да сахаръ, господа, — послышался за нами хриплый голосъ. Оглянувшись, увидѣлъ я небольшого роста старичка, всего обросшаго волосами. На немъ былъ какой-то странный сюртукъ съ тремя мѣдными пуговицами, на головѣ теплый картузъ, а охотничьи сапоги перевязаны подъ коленнымъ веревкою. Въ рукахъ держалъ онъ арапникъ, на который искоса поглядывали двѣ исхудалыя лягавыя собаки.

— А! Оока, здорово, — сказалъ Грачевъ, — ты ужъ не брѣшься?..

— Достатки не позволяютъ, Михаилъ Дмитричъ, — отвѣчалъ пришедшій.

— Чьи это у тебя собаки?...

— Да вотъ Антонъ Филимонычъ далъ понатаскать. Сученка-то будеть работница, а этотъ такъ дуракомъ и останется.

— А ружье-то у тебя гдѣ?

— Занесъ въ лавку, положилъ куда... Позвольте, господа, чайку чашечку выпить.

Оока былъ усаженъ вмѣстѣ съ нами; на охотѣ нѣтъ чинопочтенія, полное равенство. Мы посмѣялись надъ нѣкоторыми оригинальными его выходками, и дали ему гривенникъ, чтобъ зашелъ въ капернаумъ, — такъ называлъ онъ питейный домъ.

Стемигло уже совершенно, окна постоянныхъ дворовъ освѣтились огнями, дѣвушки убирали посуду и самовары, на улицѣ стало пусто. Свиснувъ собакъ, отправились и мы на отдыхъ.

Всѣ комнаты на верху были заняты охотниками; сосѣди наши, какъ было видно, еще вовсе не думали обо снѣ; шумѣли, спорили о ружьяхъ, собакахъ, и ковчили тѣмъ, что стали пѣть. Досчатая перегородка позволяла намъ слышать внятно каждое слово, и я помѣщаю здѣсь охотничью пѣснь, пропѣтую ими довольно изрядно въ два голоса:

Намъ въ столицѣ надовло
Пылъ на улицахъ глотать;

Идемъ въ поле; то ли дѣло
На свободѣ погулять.

Вечеркомъ теляжку ладимъ,
Сваряжаемся какъ въ бой,
И собаку нашу гладимъ,
Позабытую зимой.

За заставу вывѣжаемъ,
На душѣ у насъ свѣтлѣй,
И мы пѣсню запѣваемъ,
Что намъ въ полѣ веселѣй.

Вотъ пріѣхали, болото
Нашихъ псовъ къ себѣ манить;
Началася имъ работа
Ужъ одинъ изъ нихъ стоитъ.

И взвился нетерпѣливый,
Выстрѣлъ грянулъ тотъ же часъ,
И зарядъ тотъ былъ счастливый—
Какъ свѣча, погасъ бекасъ.

Но такая впрочемъ мѣткость
Вѣдь для насъ не за урядъ;
Пуделя у насъ не рѣдкость,
Дорогъ что ли намъ зарядъ.

Ну, конечно, что сердито
Мы стрѣляемъ дупелей;
Да вѣдь вскочить какъ убитый,
Мимо дать грѣшно ей, ей.

А въ лѣсу стрѣльба другая,
Не трудна еще она,
Какъ тетерька холостая
Поднимается одна.

Но какъ выводокъ семейю
Вскочить, какъ не оплошать!
Самъ не знаешь, что съ тобою,
Всѣхъ хотѣлось бы стрѣлять.

Ниль весною, занять тягой,
Сердцу биться не велишь,
Н лишь нзрядка со флагой
Что-то тихо говоришь.

Вдругъ, откуда не возмется,
Цикнеть, крикнеть, налетитъ,
Сердце дрогнеть и забьется,
А дробь мимо угодить.

То стрѣлять ты не успѣешь,
То понизилъ на прицѣлъ:
Извинить себя счумѣешь,
Да ужъ вальшнешь улетѣть.

Г Приятныя звуки двухъ пастушьихъ рожковъ разбудили насъ на разсвѣтъ. Какая-то русская заунывная пѣсня, раздавшись громко подъ нашими окнами, стихала за мостомъ, досылая до насъ свои задушевные, безконечные переливы. Во всѣхъ комнатахъ началось движеніе, каждый торопился поскорѣ одѣться и не опоздать; только пріѣхавшій съ нами юный охотникъ упрашивалъ насъ подождать и напиться чаю. Просьба его было рѣшительно отказано, и мы отправились на правую сторону Нузы.

— Ишь какъ бѣгутъ, — говорилъ Грачевъ, показывая на трехъ охотниковъ, подпрыгивавшихъ по аллеѣ; — а мы съ тобой не торопись дѣло сдѣлаемъ.

— Да найдемъ ли дичи-то?... время-то равенько...

— Найдемъ; походимъ, а ужъ найдемъ. Вотъ видите, въ лугу будетъ много народу, сюда и заходить не стоить; завернемъ только въ первые кустики, да прямо мимо острова въ Бочаги. Полазимъ, а ужъ толку добьемся.

— Уморимъ мы нашего новичка, — сказалъ я, показывая на Скворцова, у котораго вчерашняя горячность порядочно поостыла.

— Да вѣдь будемъ отдыхать... ничего, пускай привыкаютъ.

Въ первыхъ кустахъ сей-часъ за селомъ подняли мы пару бекасовъ и положили ихъ въ ятшани. Едва раздался первый нашъ выстрѣлъ, какъ на лугу съ крикомъ поднялось вѣскольکو паръ чибисовъ, и стало виться надъ собаками бывшихъ на той сторонѣ охотниковъ. Стадо маленькихъ куличковъ вскочило подъ берегомъ и полетѣло вверхъ по рѣкѣ. Большая криксовая утка, летѣвшая прямо на насъ съ острова,

свернула за дорогу. Въ болотѣ началась какая-то жизнь, то слышенъ выстрѣлъ, то зовъ собаки, то гопанье охотниковъ (*). Какъ-то непонятно одушевляешься, забываешь все, тягость ружья не существуетъ, оно какъ будто срослось съ рукою; слѣдишь внимательно за собакою, и при малѣйшемъ намекѣ ея о присутствіи дичи готовъ стремглавъ бѣжать къ ней.

Раздавшійся впереди насъ двойной выстрѣлъ былъ знакомъ, что насъ опередили охотники.

— Что, братъ, Михаилъ Дмитричъ, — сказалъ я Грачеву, — эти господа пораньше нашего встали. Слышалъ?

— Слышалъ, да вѣдь это небось палать по курочкамъ; а все-таки лучше выйдемъ изъ болота, и пойдемъ какъ говорили.

Сказано, сдѣлано: мы подошли къ лѣсу и пошли опушкою впередъ.

— А далеко идти?... спрашивалъ насъ нашъ неопытный товарищъ.

— А что... ужъ устали? — спросилъ нетерпѣливо Грачевъ.

— Нѣтъ, я не устаю, да вотъ лѣвый сапогъ, кажется промокаетъ...

— Походите-ка, промокнуть оба...

Въ болотѣ Грачевъ уже былъ менѣе снисходителенъ. Каждого охотника онъ судилъ по себѣ, и мысль о промокнувшемъ сапогѣ казалась ему насмѣшкою надъ охотою.

Привыкнувши къ скорой ходьбѣ его, я съ нимъ равнялся, а бѣдный новичекъ едва догонялъ насъ. Пройдя версты двѣ около лѣса, мы дошли къ такъ называемому углу, съ котораго идетъ топкая дорожка по болоту къ Бочагамъ. Тутъ рѣшились мы посидѣть, чтобъ собраться съ новыми силами. Для этого углубились мы нѣсколько въ лѣсъ и сѣли отдыхать на большомъ срубленномъ деревѣ. Слегка закусили и стали курить. Грачевъ — страстный охотникъ до курева, и не выпустить сигары изъ рта. Конечно, сигары эти внутренняго приготовленія, но въ полѣ все мететъ. Пролетѣвшій мимо насъ дроздъ ужасно всполошилъ Сковорцова, и, схвативъ ружье, онъ побѣжалъ стрѣлять его. Черезъ нѣсколько минутъ вернулся онъ очень недовольный, объявивъ, что «каналья не подпускаетъ».

Докуривъ папиросу, я предложилъ двигаться. Водяная дорожка чрезвычайно смущала нашего товарища; идя позади насъ, онъ безпрестанно спрашивалъ, не провалишься ли. Мы совѣтовали ему держаться за кусты и идти краемъ дорожки. Съ непривычки въ самомъ дѣлѣ ходьба тутъ кажется не безопасною: идешь почти до колена въ водѣ, да еще

(*) Охотники между собою перекликаются, крича другъ другу: гопъ, гопъ.

чувствуешь, что земля подъ тобою колыхнется. Не болѣе, какъ черезъ полчаса, мы вышли въ Бочаги (*). Глазамъ нашимъ представилась огромная площадь, окаймленная съ одной стороны едва видимымъ вдаль лѣсомъ, вся поросшая высокою желтою болотною травой, зеленѣвшею только вокругъ Бочаговъ. Мелкіе кусты, ограничивающіе эту площадь съ другой стороны, терялись въ горизонтѣ. Картина безотрадная. Шагахъ во ста отъ насъ показалась изъ травы голова журавля, удивившагося, что незваные гости нарушили его спокойствіе. Мы думали стрѣлять по немъ, но собака Скворцова къ нему бросилась, подняла его и проводила съ лаемъ очень далеко.

Долго ходили мы по этой площади, нашли только три пары бекасовъ. Пара улетѣла, а двѣ пары были убиты. Скворцовъ прицѣливался почти въ каждого бекаса, но выстрѣлить не успѣвалъ. Ходилъ онъ совершенно около Грачева, чтобы не оступиться въ бочагъ, все упрекалъ его, что онъ не ходитъ, а бѣгаетъ, а наконецъ рѣшительно объявилъ, что онъ не въ силахъ идти далѣе. Оставить его тутъ одного было невозможно, воротиться съ нимъ домой не хотѣлось; неожиданная встрѣча вывела насъ изъ затрудненія.

Пока мы придумывали съ Грачевымъ, какъ помочь бѣдѣ, не далеко отъ насъ раздался визгъ собаки. Мы пошли на этотъ голось, и увидѣли вчерашняго знакомаго — Ооку. Онъ наказывалъ арапникомъ своего непонятливаго питомца.

— Ну что, съ полемъ ли?... спросилъ я его...

— Какъ же... убьешь съ ними что-нибудь, — сказалъ онъ, указывая на собакъ... то вовсе не ищутъ, то прогоняютъ... хочу домой идти, надоѣло.

— Такъ вотъ кстати захвати съ собой барина.

— А вы куда, съ Михаилъ Дмитричемъ?..

— Да проберемся въ чистое болото...

— Теперь ужъ не далеко, и я бѣ пошелъ; да псы-то не ищутъ...

— Иди-ка въ самомъ дѣлѣ лучше домой, — сказалъ Грачевъ, — самъ ты дѣла не сдѣлаешь, только намъ мѣшать будешь.

Общаніе зійти въ капернаумъ убѣдило Ооку окончательно въ необходимости проводить Скворцова до Мытищъ, и мы остались вдвоемъ съ Грачевымъ. Походивъ еще не много около Бочаговъ и напившись изъ нихъ чистой воды, пошли мы далѣе. На дорожкѣ ведущей къ болоту вскочила совершенно неожиданно пара бекасовъ. Собаки шли сзади,

---

(*) Мѣсто это названо такъ по нѣсколькимъ бочагамъ, до половины заросшимъ травой. Изъ нихъ-то и вытекаетъ Дуза.

ружья были за плечами, и мы не успели сдѣлать выстрѣла. Побранивъ себя за оплошность, попробовали было мы поискать ихъ по сторонамъ дорожки, но страшныя кочки и непроходимость кустовъ заставили насъ вернуться на прежній путь.

Скоро дорожка наша раздвоилась. Та, что шла правѣе, вела къ круглому болоту; мы рѣшились зайдти въ него. Это болото названо такъ по своему наружному очертанію: оно представляетъ собою совершенно круглую площадь, поросшую очень рѣдкими кустами. Пространство его не такъ велико, какъ площадка у Бочаговъ, однако не много менѣе квадратной версты. Тщательно обошли мы это болото и подняли выводокъ бекасовъ (*), состоявшій изъ пяти штукъ. Молодые еще плохо летали, всѣ три они были убиты, а изъ старыхъ одинъ улетѣлъ. День былъ довольно жаркій, ходили мы много, хотѣлось очень отдохнуть; но устроить это казалось невозможнымъ. Лѣсъ былъ очень далеко, а въ болотѣ нѣтъ ни одного сухаго мѣстечка. Я подошелъ къ Грачеву и сообщилъ ему свое горе.

— И вы устали?... сказалъ онъ улыбаясь, чтожъ, отдохните. Видите, шэгахъ въ пятидесяти, рябиновый кустъ, посидите тамъ, а я сей часъ пойду. Алмазка что-то сталъ пріискивать, да бросилъ, хочется опять навести его на слѣдъ.

У рябиноваго куста нашелъ я прекрасное мѣсто для отдохновенія. Кочка, на которой растетъ кустъ этотъ, совершенно сухая, покрыта мохомъ и занимаетъ квадратную сажень пространства. Сколько разъ прошагалъ Грачевъ это болото прежде, нежели наткнулся на этотъ оазисъ. Скоро подошелъ онъ ко мнѣ и объявилъ, что этотъ кустъ уже четыре года какъ имъ отысканъ, а показываетъ его онъ только пріятелямъ. Жажда мучила насъ обоихъ. Грачевъ и тутъ нашелся. Руками выкопалъ онъ въ болотѣ небольшую ямку, грязная вода сей-часъ же ее наполнила; онъ сталъ ее выплескивать вонъ, и, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, вода оказалась совершенно чистою, и мы напились съ большимъ удовольствіемъ.

Посидѣвъ около получаса, отправились мы въ чистое болото. Оно отличается отъ круглаго болота тѣмъ, что кусты, на немъ растущіе, гораздо рѣже, и оно не такъ широко, какъ длинно. Было уже за полдень, и собаки искали тупѣе. Изъ поднятыхъ трехъ бекасовъ, убили

(*) Надо замѣтить, что выводокъ бекасовъ не поднимается вдругъ подобно тетереву. Молодые гуляютъ сами по себѣ иногда на сто шаговъ отъ матки.

мы только одного, да еще пару водяных курочекъ. Общимъ совѣтомъ положено было идти домой прямо дорогой черезъ лѣсъ, а не болотомъ.

Дорогой пожалѣли мы, что не побывали подѣ старымъ селомъ, оставшимся у насъ въ сторонѣ, но и сами мы и собаки требовали подкрѣпленія болѣе серьезнаго, чѣмъ получасовые наши отдыхи, которыми мы пользовались. Пройдя верстѣ шесть лѣсомъ, добрили мы наконецъ до дома. Скворцовъ спалъ сладкимъ сномъ и не слышалъ нашего прихода. Оюка на возвратномъ пути убилъ утку и продалъ ее Скворцову за двугривенный.

Въ Мытищахъ мы пообедали. Сосѣди наши заходили къ намъ осведомляться объ удачѣ, жаловались на собакъ, другъ на друга; хвалили нѣкоторые изъ своихъ выстрѣловъ и показали четырнадцать штукъ дичи, между которыми было только три бекаса.

Послѣ обѣда пошли мы на лѣвую сторону села подѣ Рупасово. Скворцовъ отказался намъ сопутствовать и занялся покупкою земляники. Было уже шесть часовъ, когда мы вышли въ поле, до вечера оставалось не долго; однако мы успѣли обойти всю болотную ширину до Рупасова. Кромѣ курочекъ и коростелей ничего мы не подняли, и вернулись домой очень не довольные, хотя въ якатахъ у насъ и было пять паръ коротконосой дичи.

Чай послѣ охоты—большое наслажденіе. Соскучившійся безъ насъ Скворцовъ охотно усѣлся вмѣстѣ съ нами подѣ березки. Въ наше отсутствіе, по его разсказамъ, онъ занимался обученіемъ своей собаки, и довелъ ее до того, что она подавала ему въ цѣлости брошенный кусокъ хлѣба. При насъ опытъ этотъ не удался, что очень раздосадовало Скворцова. Онъ до того разсердился, что толкнулъ собаку сапогомъ, употребивъ при этомъ довольно энергическія выраженія. Мало по малу окружили нашъ столикъ цвѣточки Мытищинской женской молодежи. Подмигиваясь подѣ деревенской ладъ, стали было мы говорить имъ нѣкоторыя любезности; но разговоръ не ваялся: то вовсе не отвѣчали намъ, то вмѣсто отвѣта говорили:

— А что баринъ, собака-то не укуситъ?...—или: — Ишь сапога-то какіе длинныя!... а шляпа-то, словно у попа.

Вечернимъ чаемъ заключили мы нашу охоту, и поѣхали въ Москву.

В. В.

КЪ СПОРУ О ВЫСОТѢ ЛОШАДИНАГО ВѢГА И КАЧЕСТВАХЪ ПОРОДЫ, ВООБЩЕ НАЗЫВАЕМОЙ У НАСЪ АНГЛІЙСКОЮ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.! съ той Олимпійской высоты, на которой живете вы и ваша серьезная муза, вамъ, конечно, и не повѣрить, какіе мелкіе вопросы, какіе микроскопическіе интересы большею частью волнуютъ насъ, бѣдныхъ дѣтей низменной юдоли! Но въ числѣ читателей вашего журнала есть, можетъ статься, и такіе не-олимпійцы, какъ вашъ покорный слуга, и, чтобы удовлетворить *всплз* требованіямъ, вы, какъ редакторъ, безъ сомнѣнія по неволѣ должны подѣ часъ измѣнить вашей исключительности, выйти за черту вашихъ предилекцій. Съ этой точки зрѣнія, мнѣ кажется, и мое посланіе найдетъ мѣсто на одной изъ свободныхъ страницъ Москвитинина. Если я не ошибся, позвольте надѣяться, что вы не откажете ему въ этой чести.

Вотъ дѣло, съ посильнымъ, классическимъ вступленіемъ.

Вы болѣе или менѣе знаете о давнишнемъ спорѣ нашихъ спортсменовъ о томъ, которой изъ лошадиныхъ породъ, въ разныхъ сторонахъ примѣненія, принадлежитъ пальма: русской или англійской, — понимая оба слова въ ихъ обширнѣйшемъ значеніи. Споръ этотъ, начавшійся частными закладами, продолжался потомъ гласно: печатно и на дѣлѣ. Факты, наиболѣе извѣстные, говорятъ въ пользу приверженцевъ англійской лошади, но до сихъ поръ, надо сознаться, въ особенности по вопросу стойкости на скаку, подѣ верхомъ или въ легкой запряжкѣ. И фактами противники убѣждаются не охотно: по этому преніе продолжается.

На дняхъ, на примѣръ, мнѣ, партизану англійской лошади, привелось выдержать горячій отпоръ одного отъявленнаго приверженца русской породы. Мой противникъ не далъ мнѣ выговорить ни слова о достоинствахъ крови, которую я всегда защищаю сознательно, а до признанія дошелъ я не мало путемъ собственнаго опыта. Но и этимъ я не довольствовался: я имѣлъ про запасъ много еще положительныхъ данныхъ въ пользу моего убѣжденія, что англійская лошадь не только есть лошадь быстрая и легкая, годная на-короткѣ или для скачки на скаковомъ кругу, но что она выноситъ и дальные концы, по крайней мѣрѣ въ легкомъ экипажѣ. Этого мало; я утверждаю, сверхъ того, что англійская лошадь, извѣстной породы, бѣжить прекрасно, стойко и долго, и, вслѣдствіе этого, увѣренъ, что соединеніе съ нашими хорошими породами крови англійской можетъ принести только пользу, и должно принести пользу тамъ, гдѣ оно будетъ употреблено съ знаніемъ дѣла.

Но сколько последнее не априорно, а напротивъ дознано путемъ эмпириі, въ этомъ пусть любопытствующіе убѣдятся, на первый разъ, изъ нижеслѣдующаго:

Спортменамъ нашимъ извѣстно, что Англичане, и, слѣдуя за ними, Американцы производятъ особую породу лошадей—рысистую—приплодомъ отъ простой матки и кровнаго жеребца. Первые болѣе заботятся о стойкости и сносности, вторые жертвуютъ всѣмъ быстротѣ. Вотъ нѣкоторые результаты, добытые очень въ недавнее время въ Англіи и Америкѣ,—съ которыми, мнѣ кажется, любопытно было бы сравнить данныя русскихъ бѣговъ: стойкость съ одной стороны, и быстроту съ другой.

Въ Англіи:

Закладъ въ 200 гиней. Въ керриклѣ (легкомъ двухколесномъ кабріолетѣ) проѣхать рысью, безъ сбоя, изъ Лондона въ Брайтонъ, т. е. 52 мили или 78 верстъ, 260 сажень, въ одну упряжку, въ четыре часа.

Мистръ Самюэль Лоренсъ, эск., проѣхалъ эту дистанцію, на гнѣдомъ жеребцѣ *Лордъ Уилліамъ*, въ 3 часа 50 мин., и выигралъ закладъ.

Примѣръ стойкости въ соединеніи съ скоростію бѣга у насъ неслыханный, сколько извѣстно мнѣ по крайней мѣрѣ.

Въ Америкѣ (въ Нью-Йоркѣ):

Подписка по 500 долларовъ съ лошади. Бѣжать на скаковомъ гипподромѣ рысью; сбившуюся лошадь немедленно становить на рысь. Экипажъ легкій. Конецъ по милѣ каждый—1 верста 255 сажень. Получаетъ подписныя деньги та лошадь, которая выиграла три гита, т. е. на трехъ перебѣжкахъ пришла первая.

Записаны три лошади.

1-й Гить:

Бѣжали.	Время
Сѣрая кобыла, <i>Леди Сѣффолькъ</i> , 7 л. {	2 мин. 34 сек.,
Гнѣдой жеребецъ, <i>Росситеръ</i> , 4 л. {	безъ сбоя.
Гнѣдая кобыла, <i>Бостон-Гирль</i> , 6 л. осталась за флагомъ, обожгла ногу, и останавливается.	

2-й Гить:

Леди Сѣффолькъ—1; вперели на четыре корпуса, 2 мин. 37¹/₂ сек.
Росситеръ,—2; сбился одинъ разъ, но сейчасъ же поставленъ на рысь.

3-й Гить:

Леди Сѣффолькъ—1; пришла первая легко, 2 мин. 38 сек.
Росситеръ—2; два раза сбился.

4-й Гитъ:

Леди Сёффольтъ—2;*Росситеръ*—1; впередъ на полшии, 2 мин. 37 сек.

5-й Гитъ:

Леди Сёффольтъ—1; на полтора корпуса, 2 мин. 40 $\frac{1}{2}$ сек.*Росситеръ*—2.

Нельзя не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на стойкости *Леди Сёффольтъ*, которая при такомъ бѣгѣ не сдѣлала ни одного сбоя.

Сосчитавъ вмѣстѣ всѣ гиты, получимъ результатъ : 7 верстъ 275 сажень пройдено въ 13 минутъ 7 секундъ. Быстрота чрезвычайная ! Н необходимо замѣтить, что американскіе туристы нынѣшняго года еще жалуются на дожди, отъ которыхъ весьма пострадалъ и гипподромъ ; стало, при другихъ, болѣе удовлетворительныхъ условіяхъ, эта изумительная скорость могла еще усилиться. По крайней мѣрѣ, такъ заключать позволено.

Какихъ еще данныхъ въ пользу англійской крови ? Еслибы кому угодно было оспаривать меня, — пусть броситъ перчатку : я сочту себя счастливымъ принять новый вызовъ — и тогда дѣло не станетъ за большимъ числомъ фактовъ — отъ чего я на этотъ разъ удерживался, изъ страха употребить во зло терпѣніе почтеннаго редактора.

Примите, и проч.

Партизанъ англійской лошади.

14 дек. 1851 г.

Москва.

ОТЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ХУДОЖНИКА МОЛОТКОВА.

Художники не мало были удивлены отважнымъ и поучительнымъ тономъ одного критика, разбиравшаго въ Москвѣ ея послѣднюю художественную выставку, и вмѣстѣ съ тѣмъ не безъ удовольствія прочитали въ Московскихъ Вѣдомостяхъ замѣчанія, сдѣланныя ему однимъ изъ московскихъ художниковъ. Вслѣдъ за ними онъ вооружился антикритикою, (если только можно назвать такъ эту статью). Художники ждали, по этому случаю, отъ своего собрата новыхъ уроковъ критики, но ожиданія были напрасны съ ихъ стороны.

На упрекъ въ промедленіи, посланный Молотковымъ художнику въ Москву, отвѣтъ былъ коротокъ и начинался такъ:

«Желательно бы было, чтобы г. Поляковъ, прежде приступа къ сво-

имъ статьямъ, запасся по крайней мѣрѣ двумя малѣйшими книжками, это Manuel du peintre et du sculpteur, par L. C. Arsenne; онѣ были бы полезны ему. Отвѣтомъ на антикритику г-на П. можетъ служить эпиграфъ 1-й части этого сочиненія. Si dans les rapports avec les hommes on n'avait affaire qu'avec ce qu'ils pensent réellement, on pourrait facilement s'entendre; c'est ce, qu'ils font semblant de penser, qui amène la discorde. (*M-me de Staël*). Далѣе были помѣщены слова Пушкина изъ писемъ его къ П. В. Наполеону: ....«Я отступился; выражать серьезно невозможно;... (*Пушкинъ. Москв. N 23*). Да мнѣ и нѣкогда съ моими неспрiятностями. Весь твой ...»

Такъ оканчивалось письмо изъ Москвы къ Молоткову, который самъ, проездомъ чрезъ Москву, видѣлъ послѣ выставку училища, и не пренебрегая ни кѣмъ и ни чѣмъ, желаетъ подать свой голосъ, почему и проситъ покорнѣйше редакцію, хотя уже и довольно поздно, дать его замѣткамъ мѣсто на страницахъ своего журнала, по этому предмету.

Если бы реценз., какъ вновь выступившій на незнакомое ему поприще, ограничился одними личностями, то, безъ сомнѣнiя, и петербургскiй художникъ ни мало не изумлялся бы выходкамъ случайной, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызванной необходимою потребностью критики, какая должна же появляться, въ какомъ бы то ни было видѣ, въ каждой газетѣ, если къ тому побуждаетъ годовое городское событiе — художественная выставка. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, мало ли къ кому прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ, и сколько дѣлателей статуекъ, сколько дилеттантовъ вырастаютъ какъ изъ земли, по окончанiи выставокъ, и являются на художественное поприще, и только для того, чтобы въ тоже время исчезнуть на всегда, не оставляя по себѣ рѣшительно никакого слѣда ни въ искусствахъ, ни между художниками; а все по тому вѣчному логическому закону, что нельзя писать дѣльно о томъ, чего не знаешь, или что знаешь поверхностно.

Молотковъ еще не увѣренъ, владѣетъ ли онъ перомъ точно такъ же, какъ кистью; однако владѣетъ имъ на столько, чтобы научить дебюта-критика, хотя послѣднiй, въ наивности своей, и мнитъ быть строгимъ и дѣльнымъ судьей, имя котораго, при благопрiятныхъ обстоятельствахъ, пожалуй перейдетъ и въ потомство, по всей вѣроятности также, какъ дошли до насъ имена Мессеръ Бiаджio, Содерини, и другихъ имъ подобныхъ цѣнителей. Исторiя искусствъ составляетъ часть всеобщей исторiи человѣчества, и потому можетъ аллегорически изображаться также съ зеркаломъ, въ которомъ иногда отражаетъ и отрицательное излiцнаго,

Завидная, право, доля многихъ знатоковъ постигать въ нѣсколко часовъ то, что обуславливается эстетическимъ настроеніемъ души, художественнымъ образованіемъ, наглядностію и изученіемъ предметовъ искусства древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ. Но чего не можетъ сдѣлать отвага мзло-мальски талантливаго человѣка? Иной только и видѣлъ театральныя живыя картины, видѣлъ можетъ быть панораму Лондонской выставки, что показывается теперь въ Москвѣ, около Челышевскихъ бань; да знакомъ съ картиною Последній день Помпеи по лубочной гравюрѣ, изданной въ Москвѣ издѣвненіемъ, кажется, г-жи Калпашниновой; а какъ примется судить да рѣдить очертя голову, такъ требуетъ только малаго, — чтобы передъ его мнѣніемъ художники шапки скидали, да благоговѣли передъ каждымъ словомъ, пущеннымъ на вѣтеръ. — Да и почему, впрочемъ, такимъ людямъ не писать очертя голову? Специальности отъ нихъ большая часть читателей не потребуешь; совѣстливѣмъ служеніемъ на пользу искусства они не связаны; прямой ответственности за нелѣпости въ сужденіяхъ о художествахъ у нихъ нѣтъ. А ужъ если такой критикъ пописываетъ стишки, такъ долго ли ему, по его понятіямъ, отъ стишковъ и до понятія объ образовательныхъ искусствахъ; — просто руку подать, или проще — мочать перо въ чернилицу; а статья о выставкѣ сама выдетъ изъ-подъ пера любимца Аполлона. Въ этомъ случаѣ достаточно, чтобы друзья называли его поэтомъ.

Такія понятія вообще принадлежать неоконченнымъ или совершенно неудавшимся поэтическимъ натурамъ, неудовлетворенное самолюбіе которыхъ, ища себѣ пищи, бросается повсюду, кидается на всѣ пути знаній; но встрѣчая на этихъ путяхъ гору, сложенную изъ науки, живыхъ примѣровъ и опыта, не будучи въ состояніи перейти чрезъ нее, обращается вспять и чванится тѣмъ, что утопаетъ въ самодовольствіи своего мутнаго сознанія какихъ-то небывалыхъ силъ и способностей постигать съ разу даже и то, съ чѣмъ впервые въ жизни встрѣчается.

Вотъ почему покойный Кипренскій говаривалъ о такихъ критикахъ:

Искусству я учу,

А ваши критики меня искусству не научатъ.

Но прыткость, отвага, самомнѣніе и самоувѣренность, ни на чемъ неоснованная, и понятиѣ отличаютъ большую часть нашихъ художественныхъ критиковъ. За то иногда вмѣстѣ съ этими качествами сколько является и теплаго чувства, и простоты сердца!...

Читатель можетъ быть припомнить какъ наивенъ рецензентъ одѣвъхъ Московскихъ Вѣдомостей въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ такъ мило и такъ оте-

чески прощается съ художниками до будущей выставки. *До будущаго пріятнаго свиданія*, говоритъ онъ молодымъ талантамъ. Какъ это трогательно! Какая бы могла выдти чувствительная картина (безъ сомнѣнія *tableau de genre*) такого разставанья. Какъ важна была, подумаешь, такая встрѣча! Сколько потеряютъ молодые художники, лиша-ясь возможности прочесть что-нибудь за подписью такого знатока, какъ г. П., потому что онъ уже на цѣлый годъ простился съ искусствами; онъ раскланялся съ художественнымъ міромъ до слѣдующей выставки училища. Въ продолженіе года молодые таланты будутъ работать и успѣвать, безъ сомнѣнія, уже не подъ вліяніемъ стаетеекъ г-на П. и предполагаемыхъ имъ точекъ для картинъ.

Ну, а если г-въ П. не будетъ и черезъ годъ писать объ искусствахъ? Вотъ страшная-то потеря! — Помилуйте, утѣштесь, быть не можетъ; вѣдь онъ сказалъ же *до свиданія*. Вотъ почему и должно посоветовать ему прочесть, (годъ — срокъ порядочный), покрайней мѣрѣ лучшія сочиненія о перспективѣ, которыми руководятся наши и другія академіи, и на которыя можно охотно ему указать: изложенія правилъ перспективы Леонарда де Винчи, Валансьена, который пользовался советами Іосифа Вернета, Тибо, Гуммеля, Лавита, и др. Всѣ эти ученые и художники излагаютъ предметъ болѣе или менѣе популярно, стало быть доступно всякому, прошедшему успѣшно гимназическій курсъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ излагаютъ болѣе или менѣе разнообразно; однако же въ главныхъ основаніяхъ наука эта, отъ древняго для насъ Понци до Менцеля не измѣнилась, ибо она основана на математическихъ данныхъ.

Молотковъ обращаетъ вниманіе только на нѣкоторыя ошибки критика, которыя самымъ очевиднымъ образомъ покажутъ публикѣ, что рецензентъ почти не издавшій истинно прекраснаго, совершенно не приготовленный ни изученіемъ, ни опытомъ очень неосторожно, чтобы не сказать невѣжественно, врывается въ совершенно незнакомую ему сферу.

Рецензентъ Московскихъ Вѣдомостей предполагалъ другую точку для картины «пожаръ Москвы» г. профес. Айвазовскаго, находя точку, выбранную художникомъ, неудачною. Такъ сперва онъ полагалъ эту точку отъ Чудова монастыря такъ, чтобы видны были въ картинѣ колокольня Ивана Великаго и соборы. Послѣ замѣчаній Московскаго художника на нелѣпость такого предположенія, рецензентъ Вѣдом-

стей очень хорошо понял свою ошибку, и во второй статьѣ уже перенесъ свою точку отъ Чудова монастыря на средину площади, никакъ не подозревая, что этимъ перемѣщеніемъ точки онъ ошибки своей нисколько не исправляетъ, а только даетъ новое доказательство своего невѣденія. На срединѣ площади, куда перенесъ точку критикъ, каждый изъ начинающихъ учениковъ академіи и московскаго училища, можетъ повторить рецензенту слышанное на лекціяхъ заслуженнаго профессора Воробьева и академика Рабуса, и тѣмъ поставить г. Полякова на настоящую точку, имъ не предполагаемую, но опредѣляемую наукой.

Вотъ что говоритъ Валансень въ своихъ предварительныхъ понятіяхъ о перспективѣ:

«Если нужно нарисовать перпендикулярно линію въ аршинъ, то точка помѣщенія рисовальщика должна быть не ближе трехъ аршинъ отъ этой линіи; отъ четырехъ-аршинной перпендикулярной линіи должно отдаляться не менѣе какъ на двѣнадцать аршинъ,» и т. д. Изъ этого видно, что рисовальщику должно отдаляться на три раза высоты того предмета, съ котораго онъ рисуетъ; другими словами, точка рисующаго опредѣляется вышиною срисовываемаго предмета, помноженною на цифру 3; въ противномъ случаѣ природа, при требованіи изящныхъ формъ со стороны искусства, будетъ искажена на рисунокъ. Такъ, фактически, съ присоединеніемъ чертежей, доказалъ и Тибо. См. чертежи 46 и 47.

Высота колокольни Ивана Великаго $38\frac{1}{2}$ сажень; площадь Чудова монастыря имѣетъ широту, простирающуюся до 52 сажень, слѣдственно въ половинѣ оной, гдѣ полагалъ рецензентъ лучшую точку для снятія вида, будетъ 26 сажень разстоянія отъ колокольни.

Изъ вышеприведеннаго правила видно:

Для того, чтобы въ изящномъ видѣ нарисовать колокольню Ивана Великаго, должно отдалиться отъ нея на 415 сажень съ половиною, тогда какъ точка, предполагаемая критикомъ, означена на 26 сажняхъ; слѣдственно, на основаніи общепринятыхъ правилъ науки, рецензентъ ошибся только на 80 сажень съ половиною.

Точка, предполагаемая критикомъ, невозможна еще и по слѣдующей причинѣ. Относительно объема угла зрѣнія послѣдняя возможность опредѣляется въ 45 градусовъ; слѣдовательно, если на протяженіи 26 сажень нарисовать колокольню, то нельзя уже видѣть довольно отдаленія, чтобъ изобразить главный предметъ картины, т. е. пожаръ самаго города.

Такія замѣчанія рецензентъ съ своего судейскаго кресла, удосто-

иваетъ названія выходокъ, тогда какъ Московскій художникъ, шадивъ новичка, хотѣлъ растолковать ему его ошибку болѣе нагляднымъ образомъ; но рецензентъ не хотѣлъ или не умѣлъ понять доводовъ художника, и тѣмъ вынудилъ ознакомить его съ первыми уроками перспективы. Итакъ видимо, что рецензентъ предполагалъ лучшую точку для картины г. Айвазовскаго на обумъ, не имѣвши первоначальныхъ понятій о вспомогательной наукѣ живописи видовъ.

Вотъ каковы бываютъ иногда художественные критики!

Право, лучше бы было рецензенту оставаться въ качествѣ любителя, которому и отдава была съ этой стороны справедливость Московскимъ художникомъ.

Впрочемъ какъ знать — чего не знаешь. Вотъ что скажетъ 1852 г? Можетъ быть рецензентъ, увлекаясь, аккуратно разъ въ годъ, болѣе и болѣе любовью къ искусствамъ, и прочитавши Леонарда да-Винчи, Валансьена, да и мало ли еще что слѣдуетъ ему прочитать, скажетъ въ будущей статьѣ своей художникамъ и по-итальянски *à rivederli*, т. е. до свиданія. Нынѣ онъ выказалъ только знаніе латинскаго языка, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ загоразживаеъ свое опрометчивое сближеніе картины г. Чернова съ картинами г. Федотова словами *per contrastum*, т. е. по противоположности, и по его мнѣнію, это очень просто.

Простота очевидная.

Въ этомъ случаѣ латынь оказала услугу рецензенту; тутъ невольно вспомнишь стихи Онѣгина:

Онъ зналъ довольно по латинѣ,

Чтобъ эпитафій разбирать,

.....

Въ концѣ письма поставить vale...

Рецензентъ находитъ *забавнымъ*, что Московскій художникъ упрекаетъ его за своевольное причисленіе пейзажа Гоффе къ историческому роду живописи, и проситъ, *ради искусства*, (вотъ что значить не быть знакомымъ съ искусствами), сказать, что же такое Ромулъ и Ремъ, какъ не историческія лица.

Молотковъ напротивъ того находитъ очень *грустнымъ*, что ему приходится снова высказывать г-ну П., увѣ... художественному критику, такія истины, которыя извѣстны и мальчикамъ визитныхъ классовъ академіи и Московскаго училища.

Если искусство имѣетъ свои разграниченія, то не безъ причинъ, не безъ оснований; это вѣдь не фельетонныя статьи о выставкѣ г. Полякова.

Историческою картиною называется та, въ которой главную роль занимаютъ люди, а пейзажъ, или какая другая обстановка составляютъ придаточное, которое доясняетъ событіе, указывая на эпоху времени, на характеръ мѣстности, и пр.; но не составляетъ главнаго въ картинѣ. Пусть рецензентъ попробуетъ мысленно откинуть околичности, напр. въ картинѣ Тайная вечеря Леонарда да-Винчи: потеряютъ ли отъ этого свое значеніе фигуры, изображающія Иисуса Христа и Апостоловъ? Нисколько. Пусть же рецензентъ мысленно уничтожитъ пейзажъ въ картинѣ Гоффе, и останется съ тѣми лицами, съ которыми, какъ онъ говоритъ, такъ тѣсно связана исторія Рима, но только отнюдь не названный пейзажъ; съ чѣмъ же тогда останется пейзажистъ Гоффе? Неужели съ тѣми фигурами, которыя введены въ картину, какъ придаточное, и могли бы быть легко замѣнены другими, пожалуй Нумой Помпиіемъ, Нимфой Эгеріей, чрезъ что картина ничего бы не потеряла, потому именно, что главное ея содержаніе составляетъ пейзажъ, который болѣе всего и поражаетъ зрителя.

На этихъ-то основаніяхъ упомянутая картина Гоффе не можетъ быть отнесена къ исторической живописи, а принадлежитъ живописи пейзажной. Таковы также пейзажи Клода Лоррена, Каспара Пуссена, и др. Къ этому же роду пейзажей можно отнести и фрески послѣдняго художника, которымъ находятся въ церкви св. Августина, въ Римѣ; но къ сожалѣнію рецензентъ не выдалъ ни тѣхъ, ни другихъ; иначе онъ не такъ бы *забавно* смотрѣлъ на искусства, и убѣдился, что разграниченія родовъ живописи признаны знаменитыми художественными авторитетами гораздо ранѣе появленія его статей о выставкѣ, да вѣроятно и гораздо ранѣе появленія самаго художественнаго критика на Божій свѣтъ.

Рецензентъ говоритъ о *зрителяхъ, изъ которыхъ многіе смотрятъ одинаково, какъ на копіи, такъ и на оригинальныя произведенія, не входя ни въ малѣйшее изслѣдованіе, что это копія или оригиналъ*, — и снисходя взгляду этихъ зрителей, рецензентъ полагаетъ, что онъ исполняетъ назначеніе художественнаго критика, тогда какъ прямою его обязанностію было, какъ ему и прежде было уже замѣчено Московскимъ художникомъ, отдѣлять самодѣтельность отъ дѣятельности рабской, подчиненной, и тѣмъ показать разницу между оригинальнымъ произведеніемъ и копіей.

Критикъ замѣчаетъ, что Московскій художникъ, какъ видно, не охотникъ до комментаріевъ, съ чѣмъ соглашается и Молотковъ, и охотно предоставляет г. Полакову и комментаріи, и отрывки латинскаго языка, и Ромула и Рема, и большее знаніе въ исторіи предъ нимъ

художникомъ; но на своей сторонѣ оставляетъ одинъ совѣтъ г. Полякову, именно, не писать такія статьи объ искусствахъ, *которые отличаются крайне грубыми ошибками, что ясно выражаетъ неуваженіе къ искусству.*

Рецензентъ также имѣетъ пороки отказываться отъ своихъ словъ или навязывать ихъ другому. Такъ онъ приписалъ свое *замысловатое* предисловіе московскому художнику, тогда какъ это видимо плодъ собственнаго талантливаго пера; а въ другомъ мѣстѣ, отъ приговора своего картинѣ: *молитва о погибшихъ товарищахъ—неудачное произведеніе*, онъ, во второй статьѣ, совершенно отказывается.

Хотя очень трудно, повидимому, имѣть дѣло съ такого рода критикомъ, однако Молотковъ считаетъ обязанностію снова замѣтить ему, что если уже и подробно его разбору какой-нибудь картины не мало смѣялись тѣ же молодые художники, съ которыми онъ такъ мило раскланялся, то какъ же можно повѣрить его лаконическому приговору: *неудачное произведеніе*, когда говорится о произведеніи извѣстнаго и опытнаго художника.

Да, послѣ этого и впрямь будетъ оскорбительно художнику, если его работа удовлетворитъ вкусу рецензента.

Критикъ глумится надъ словомъ *безукоризненный*, т. е. первая статья его, какъ назвалъ ее московскій художникъ; но однако не упоминаетъ о причинахъ такого названія; а говоритъ только, что онъ этимъ *обижаться не въ правъ, особенно послѣ того, какъ одинъ изъ современныхъ фельетонистовъ имѣлъ смѣлость назвать Пушкина поэтомъ, далеко не безукоризненнымъ!*

Для объясненія такого сближенія именъ Молотковъ находитъ не довольно выразительными и латинскія слова *per contrastum*, т. е. по противоположности; по его мнѣнію сближеніе имени разбираемаго критика съ именемъ Пушкина просто неприлично.

Надо полагать, что первый неудачный шагъ, сдѣланный рецензентомъ, въ художественной критикѣ, хотя обошелся и не безъ терпѣнія для него; но за то болѣе или менѣе самолюбіе автора вознаграждается и удовлетворяется уже тѣмъ, что имя его, до сихъ поръ неизвѣстное, смѣшалось въ послѣднее время съ именами художниковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ просвѣщенной публикѣ, и съ именемъ художника, извѣстнаго Европѣ. У всякаго свой способъ пріобрѣтать себѣ извѣстность.

Неужели только для этого и пишутся подобныя художественныя статьи?

ХУДОЖНИКЪ МОЛОТКОВЪ.

Петербургъ.

ЕЩЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗАМѢЧАНІЕ, по случаю путевыхъ замѣтокъ художника, напечатанныхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Г. Алексѣй Авдѣевъ въ статьѣ своей: *Путевыя замѣтки художника*, помѣщенной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, описывая ротонду Берлинскаго музея, говоритъ:

«На хорахъ зала, по стѣнамъ весьма удачно *помѣстились* (?) ковры, исполненные по знаменитымъ картонамъ Рафаэля. Стоить только взглянуть на ковры, чтобы убѣдиться, какъ далеки отъ Рафаэлевой мысли и кисти тѣ копіи, которыя были *какъ-то* (!) выставлены въ Москвѣ»....

Выше художникъ обѣщался было благоразумно «остерегаться во всякомъ случаѣ произносить рѣшительный приговоръ» и тѣмъ превзойти «большую часть его почтенныхъ соотечественниковъ», которые не такъ поступаютъ — и вотъ, не успѣвъ художникъ написать полныхъ двухъ страницъ, какъ уже и отступилъ отъ своего обѣщанія и произноситъ рѣшительный приговоръ.

Разсмотримъ — на какомъ основаніи? Художникъ взглянулъ на ковры, на тканую живопись, и по нимъ заключаетъ о достоинствѣ копій живописныхъ, видѣнныхъ имъ въ Москвѣ. Оставимъ въ сторонѣ достоинство самыхъ копій; да какъ же можно художнику, понимающему искусство, судить по тканой механической работѣ о достоинствѣ копій живописной, какова бы она ни была?

Хотя недостатокъ художественной логики тутъ кажется съ перваго раза намъ ясенъ, однако обратимся къ Европейскимъ знатокамъ искусства и собственно этого дѣла, и послушаемъ, что говорятъ они о тканыхъ произведеніяхъ.

Берлинскіе ковры, безъ сомнѣнія, хуже Ватиканскихъ, приведшихъ въ оны времена всѣхъ зрителей въ восторгъ, записанный летописцемъ искусства, Вазари. Но даже и объ Ватиканскихъ коврахъ Пассаванъ такъ выражается, что «и въ самомъ совершенномъ ихъ состояніи рисунокъ Рафаэля въ тканой работѣ не могъ даже близко подойти къ рисунку картоновъ». А Каттермоля, издавшій въ 1845 году книгу о Гамптонкуртскихъ картонахъ съ рисунками, такъ говоритъ о томъ же предметѣ: «Надлежитъ осторожно наблюдать различіе между изящными и механическими искусствами: самый лучшій вытканый коверъ есть только прекрасный родъ мебели, и какъ бы ни былъ удаченъ, *но по натурѣ своей и предмету, не долженъ быть сравниваемъ съ живописью*». Впрочемъ, безъ Пассавана и Каттермоля, то же самое долженъ бы былъ сказать намъ и простой здравый смыслъ,

однако у насъ и въ такомъ случаѣ, не лишнимъ бываетъ призывать на помощь имена западныхъ писателей.

Спрашивается: какимъ же образомъ нужно было Русскому художнику взглянуть на механическое тканье для того, чтобы произнести рѣшительный приговоръ живописной копіи? Стало бытъ, онъ въ своемъ сознаніи не отличаетъ еще ремесла отъ искусства. Вотъ послѣ этого можно предположить, какіе значительные «матеріалы у него готовы для будущихъ его писемъ, собранные имъ въ мастерскихъ знаменитаго Корнелиуса и скульптора Шнелльейна, въ послѣднихъ произведеніяхъ Раухи и въ окрестностяхъ Потсдама (*) »

Но далѣе сообщаетъ г. Авдѣевъ весьма замѣчательную подробность. Онъ продолжаетъ: «Такіе художники, какъ Каульбахъ, Муръ и Эхтеръ, копируютъ съ ковровъ въ свободные часы цѣлыя группы, собственно для одного только упражненія, и говорятъ еще, что рисунки ихъ не больше какъ дурныя копіи».

Что же слѣдуетъ заключить изъ этого факта? Прибавимъ къ тому, что Каульбахъ есть, безъ сомнѣнія, первый мастеръ рисунка, группировки и композиціи между живописцами современной Германіи; (того же не лѣзя сказать объ его колоритѣ), — и этотъ Каульбахъ не пренебрегаетъ ткаными копіями съ Рафаэлевскихъ картоновъ, а считаетъ полезнымъ для себя въ свободные часы упражняться въ копированіи съ ковровъ! Рисунокъ сихъ послѣднихъ, конечно, не можетъ служить для него образцомъ, но копируетъ онъ ихъ для того, чтобы упражняться въ композиціи и группировкѣ. Такъ разсуждаютъ объ этомъ дѣлѣ въ Германіи.

Какъ же мы-то пренебрегаемъ у себя живописными копіями величайшихъ произведеній Рафаэля, когда тамъ славные художники не пренебрегаютъ механическими? Какъ же у насъ могло случиться, что художникъ, печатающій всенародно свои Путевыя замѣтки, съ такимъ пренебреженіемъ выражается о выставкѣ Рафаэлевскихъ картоновъ въ Москвѣ, возбуждившей всеобщей вниманіе: «какъ-то (!) были выставлены!» Такое выраженіе со стороны художника не ручается въ немъ за искреннюю любовь къ искусству.

(*) А какъ это понять: матеріалы, собранные въ произведеніяхъ и окрестностяхъ? Такихъ ошибокъ противъ Русскаго языка въ статьѣ не мало.

трить на своего кавалера съ тою живостью, которая такъ свойственна римскимъ дѣвушкамъ, одареннымъ такими черными и пылающими глазами, которыхъ нельзя уподобить звѣздамъ, но скорѣе можно отнести къ самому чистому классическому стилю, и встрѣтить лишь въ живописи Аппеллеса и въ формахъ Фидіевой Минервы.

Ловкій молодецъ, одѣтый въ самый щегольскій нарядъ римскаго каретьера, въ шляпѣ, надѣтой на бекрень (*alla greve*), правой рукой поднимаетъ фіаску вина, и вина драгоценнаго, хозяйскаго (*padronale*), которое съ перваго взгляда кажется или виномъ изъ Гроты или флорентинскимъ алезтико. Онъ льетъ вино въ стакавъ красавицы; а глаза его, полные огня, встрѣчаются со взорами дѣвушки, такъ что зрителю не трудно отгадать въ этихъ фигурахъ двоихъ влюбленныхъ. Въ другой сторонѣ картины дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, смотря лукаво, черезъ плечо, на описанную группу, и поднимая вверхъ тамбуринъ, бьетъ въ него своими стройными пальчиками, какъ бы припоминая влюбленнымъ, что пора закружиться въ граціозной салтареллѣ.

Вотъ описаніе картины г. Орлова, достоинства которой восхвалять достойнымъ образомъ составляетъ дѣло немаловажное. Фигуры въ ней колѣбныя, нѣсколько менѣе натуральной величины, часто встрѣчаемой у фламандскихъ живописцевъ, также и у итальянскихъ, равно какъ и у великихъ живописцевъ, какъ у Караваджіо и у Сальватора Розы.

Г. Орловъ столь извѣстенъ въ Римѣ своими картинами въ этомъ родѣ, что художники, встрѣчая его, всегда спрашиваютъ: скоро ли онъ покажетъ имъ новую картину; а это лучшая похвала, какой только можетъ достигнуть художникъ.

Почему самые художники такъ желаютъ видѣть его произведенія? Я объясню это въ немногихъ словахъ. Выраженія лицъ, живой и разнообразный колоритъ тѣла, и свѣтъ, оживляющій всю картину, до того поразительно вѣрны натурѣ, что не остается болѣе ничего желать въ этой картинѣ. Пишетъ ли онъ атласъ, и это точно атласъ; пишетъ ли онъ кружева—это кружева; бархатъ ли онъ пишетъ—у него, хоть въ руки взять. Въ картинѣ, нами названной, съ обворожительной правдой изображены всѣ предметы, какъ напр. шаль на эминенткѣ, ея передникъ, обшитый кружевами, и тому подобнае. Г. Орловъ поставилъ себѣ задачу

рысѣ вьзять болыпими партіями и убирають своихъ лошадей цѣпями, перьями, погремушками, бубенчиками, колокольчиками, почему часто, особенно въ ночную пору, повозъ ихъ слышится за версту и болѣе. Р.

показать истину со всеми ея разнообразными оттѣнками, и исполнѣ, какъ совершенный артистъ, достигъ этого. Будучи поклонникомъ произведеній, труды котораго уже удостоились высokaго вниманія наивеличайшаго Покровителя искусствъ (*), нельзя не пожелать искренно, чтобы и этотъ новый прекраснѣйшій трудъ заслужилъ милостивое вниманіе Его Величества, Императора Россійскаго.

Всѣ увѣрены, что новыя произведенія кисти г. Орлова снова доставятъ ему торжество и возбуждять восторгъ въ столицѣ искусства.»

Изъ письма П. Н. Орлова узнаемъ еще, что портретъ его, написанный съ г. Третькова, въ Римѣ, былъ выставленъ въ Парижѣ, и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ художниковъ и публики, такъ что были охотники купить его, и давали за него большія деньги. Вотъ что пишетъ самъ Орловъ по этому случаю, прося передать благодарность третьему лицу:

«Благодарю его за извѣстіе изъ Парижа. Я не могъ предполагать, чтобъ французамъ чья-либо работа могла понравиться, а тѣмъ болѣе «русская;—и это знакъ—если французы похвалили—что въ самомъ дѣлѣ «дѣлѣ должно быть хорошо. Впрочемъ у меня въ студіи въ послѣднее «время была вся французская академія, и всѣ были очень довольны, «и забросали меня страшными комплиментами.»

Еще узнаемъ, что ландшафтный живописецъ А. Ивановъ пишетъ любопытную картину *Сцена передъ часовней въ окрестностяхъ Рима*, которая вскорѣ должна быть въ Москвѣ, и что К. П. Брюловъ находится въ Римѣ, но въ крайне болѣзненномъ состояніи.

Н. РАМАЗАНОВЪ.

(*) Его Величество Императоръ Россійскій, самый ревностный покровитель искусствъ въ напемъ вѣкѣ, что мы видимъ изъ постоянного поощренія со стороны Его Величества большаго числа своихъ художниковъ. Увидѣвъ картину г. Орлова, изображающую *римскую двушку у фонтана*, Его Величество пожелалъ ее приобрести; потомъ удостоилъ принять другую прекраснѣйшую картину г. Орлова *Итальянское утро*, и пожаловалъ художнику годичный пенсію въ 650 скудъ. *Примѣч. Итальянскаго автора.*

ЕЩЕ ОБЪ ОКЕНѢ.

(Мы сѣли въ дилижансъ) ....Первыя минуты проходятъ обыкновенно въ молчаніи. Лишь только начало разсвѣтать, какъ старикъ бросился къ книгамъ, которыя были у него насованы по всѣмъ карманамъ, и началъ читать пристально. Старухи и дѣвушки произносили изрѣдка, обращаясь къ нему, слова по два, по три, на которыя тотъ отвѣчалъ отрывисто, жестко, даже съ сердцемъ. Онъ не говорили и между собою, какъ будто опасаясь помѣшать ему. Впрочемъ мы узнали изъ ихъ перебрасываемыхъ словъ, что передъ нами нѣмецкое семейство: отецъ и мать съ дочерью. Старикъ безпрестанно мѣнялъ книги, вытаскивалъ ихъ, то изъ одной сумки, то изъ другой, подносилъ ихъ близко къ глазамъ и читалъ по немногу изъ каждой, прищуриваясь. Онъ забиралъ справки, и мнѣ стало жаль, что у него нѣтъ письменнаго столика, а то навѣрное вскипѣла бъ тутъ же преученая диссертація со всѣми нужными и приличными цитатами. Я долго смотрѣлъ на него, и думалъ, въ какой зависимости отъ книгъ бываетъ нѣмецкій ученый. Онъ взглянуть не можетъ ни на что, не справляясь съ книгой. Привычка читать и писать сдѣлалась у него второю природою, и онъ не живетъ, а только читаетъ и пишетъ; чтò не напечатано, то какъ будто и не существуетъ для него.

Въ самомъ дѣлѣ, старикъ мой даже въ окошко выглядывалъ изрѣдка и точно украдкой. Видно, что все время было у него заповѣдано чтенію и писму, что онъ не смѣлъ, боялся потерять минуту на всякое другое дѣло. — «Сколько книгъ пишутъ нѣмцы обо всѣхъ предметахъ», сказалъ я съ улыбкою, въ то время, какъ мой старикъ, оставивъ одну книгу, принимался за другую. «Что же толку? марање бумаги», отвѣчалъ онъ отрывисто. — Извините, мнѣ странно слышать отъ нѣмца такой отзывъ о книгахъ. Книга—это жизнь, это стихія нѣмецкая. «Правда, но листы смѣняются листами, и гдѣ отыщешь настоящаго хозяина той или другой мысли. Произведенія искусства—вотъ что остается на всегда, вотъ что велико и бессмертно; одинъ взглядъ на картину, на зданіе, даетъ разумѣть больше, чѣмъ цѣлая диссертація». — Конечно, отвѣчалъ я, въ Италіи позволительно говорить это, — и замолчалъ, чтобъ не помѣшать старику, которой все не выпускалъ изъ рукъ книги, вопреки своему собственному приговору. Вѣрно нѣмецъ, готовясь путешествовать по Италіи, читаетъ эстетику, думалъ я, смѣясь про себя, и остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что искусство есть вѣнецъ чело-вѣческаго развитія.

Старику было повидимому лѣтъ подѣ шестьдесятъ; росту онъ былъ низкаго, худощавъ, лице блѣое, даже нѣжное, черты или лучше морщины рѣзкія, глаза нѣсколько косые, но быстрые, волосы темнорусые съ просвѣдью, взлизанные на одной сторонѣ лба. На немъ былъ простой сюртукъ темнокоричневаго цвѣта; бѣлой платокъ на шеѣ завязанъ въ два узла, которыхъ длинныя концы спускались надѣ жилеткою. «Вотъ здѣсь», сказалъ онъ наконецъ, прервавъ свое молчаніе, и кончивъ видно свой урокъ, «вотъ здѣсь Наполеонъ.....» Мы подъѣзжали къ Лоди, и начался общій разговоръ, въ которомъ тотчасъ принимали участіе дамы, уставшія молчать въ продолженіи двухъ станцій, — сперва о сраженіи Наполеона, а потомъ о здѣшнемъ сырѣ, который идетъ въ продажу подѣ именемъ пармезана. Послѣ мнѣ было очень жаль, что я не остановилъ разговора о Наполеонѣ, и не выпросилъ объ немъ старикова мнѣнія, — но я не зналъ, и даже не подозрѣвалъ тогда, съ какимъ примѣчательнымъ человѣкомъ свелъ меня случай.

Въ Лоди остановились мы завтракать. Пока приготовлялся кофе, старикъ мой побѣждалъ смотрѣть ближнюю церковь на площади, и я за нимъ, хотя и не ожидалъ найти что-либо замѣчательное. Въ двѣ минуты осмотръ нашъ кончился, и мы воротились, опять почти бѣгомъ, къ горячему кофе. Старикъ, кончивши разговоръ, рассчитывался такъ, какъ будтобъ нумизматъ платилъ и бралъ сдачу драгоценными древними монетами, осматривая всякую деньгу. Впрочемъ его занимала не столько цѣна, сколько расчесть.

Утоливши голодъ, всѣ стали повеселѣе. Я спросилъ старика, долго ли онъ былъ въ Миланѣ, посѣщалъ ли тамошнюю библіотеку, и пожаловался ему, что мнѣ не хотѣли показать славянскихъ рукописей. «Вы отнеслись бы къ библіотекарю». — Относился и къ помощнику и къ начальнику. — «Что же они сказали вамъ?» — Унасъ нѣтъ славянскихъ рукописей, кромѣ одной, (которую я видѣлъ подѣ стекломъ). — Напрасно я возражалъ ему, что есть указанія на миланскія рукописи въ предисловіи къ Славянской Грамматикѣ Добровскаго, и просилъ, чтобъ мнѣ показали другія коллекціи, въ которыя могли попасться онѣ. Онъ отвѣчалъ, что по уставу можно требовать рукописи, указывая нумера, а многія вдругъ, притомъ неопредѣленныя, показывать нельзя. «О, нѣтъ, со мною такъ они не раздѣлялись бы. Вамъ надо бы погрозить жалобою.» Библіотекаръ — монахи, сказалъ я, можетъ быть іезуиты, и имъ непріятно показывать греко-славянскія церковныя рукописи. «Нѣтъ, нѣтъ,» кричалъ мой старикъ, не принимая никакихъ оправданій, и не слушая никакихъ объясненій, «библіотекари получаютъ жалованье и должны пока-

зывать тотчасъ все, что ни потребуютъ почитатели. Пойдите, я справлюсь, кто библиотекарь въ Амбросіанской библіотекѣ.» Онъ отправился шарить по карманамъ, вынулъ нѣсколько лоскутковъ и одинъ предлинный столбецъ, на которомъ, кажется, были у него записаны имена всѣхъ библиотечарей на свѣтѣ, искалъ—искалъ. Старикъ разсердился не на шутку, какъ будто отвѣтъ миланскаго библиотечара оскорблялъ его лично, казался ему чѣмъ-то необыкновеннымъ, неслыханнымъ, чему отказывалось вѣрить его воображеніе. «Нашелъ!» воскликнулъ онъ наконецъ съ торжествомъ, «вотъ онъ» такой-то.

Окружающіе предметы по дорогѣ, поля, селенія, прохожіе, подавали намъ поводъ, въ промежуткахъ чтеній, къ разговорамъ объ австрійскомъ правительствѣ, и его вліаніи на эту страну. «Насильственное не даетъ хорошихъ плодовъ,» сказалъ старикъ; «а гораздо бы лучше, если бы германскіе императоры не стремились на югъ, не посягали на чужую собственность, не трогали Италіи, а устремили бы все свое вниманіе, направили всѣ свои силы къ сѣверу, на Германію, и сдѣлали бы что-нибудь изъ нея». Не помню, какъ послѣ разговоръ упалъ на Славянъ—гдѣ жилъ Само, этотъ знаменитый освободитель Славянъ отъ ига Аваровъ, въ VII вѣкѣ. «Я думаю, что его пребываніе было гдѣ-нибудь въ Баваріи». Изъ чего же вы это заключаете? «Изъ Словъ Григорія Турскаго». (Впрочемъ не Григорій Турскій, а продолжатель его Фригорій говоритъ о Самѣ). Въ его словахъ нѣтъ никакихъ прямыхъ извѣстій о жителѣ Самѣ. «Это правда, но при сношеніяхъ Сама съ Дагобертомъ, въ 634 г., по ходу рѣчи въ лѣтописи видно, что дѣло идетъ гдѣ-нибудь около Баваріи.

Потомъ заговорили мы о древности Славянъ въ Европѣ—до какихъ мѣстъ простирались ихъ прежнія жилища; о походѣ Лангобардовъ, о Готахъ балтійскихъ и жителяхъ въ Богеміи. Я видѣлъ, что старикъ раздѣляетъ общее мнѣніе нѣмецкихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ, не почелъ за нужное съ нимъ спорить, и замѣтилъ только, что въ послѣднее время славянскіе ученые пролили много свѣта на этотъ предметъ, такъ что онъ представляется совершенно въ другомъ видѣ, наконецъ пожалѣлъ, что нѣмецкіе изслѣдователи, знакомые со всѣми источниками Исторіи, незнакомы до сихъ поръ съ этимъ, и стоятъ совершенно неподвижны въ своихъ понятіяхъ относительно къ славянской Исторіи.

Старикъ одобрилъ мою мысль о необходимости, при нынѣшнемъ состояніи Исторіи, годичныхъ собраній историковъ, подобныхъ собраніямъ натуралистовъ, гдѣ бы они сообщали взаимно свои открытія,

предувѣдомляли о своихъ работахъ, даже назначали себѣ труды на будущее время, сообразивъ, въ какомъ положеніи находится теперь Исторія, чего ей недостаетъ, въ чемъ состоятъ ея проступки и что болѣе всего для нея нужно.

— Мнѣ говорили въ Швейцаріи, сказалъ я, что въ Мейрингенѣ есть слѣды славянскіе, слова, обычаи, отличія въ одеждѣ.

«Не вѣрьте, это вздоръ,» сказалъ старикъ, и представилъ два-три примѣра смѣшныхъ заключеній, выведенныхъ въ Швейцаріи изъ разныхъ бездѣлицъ, на самыхъ слабыхъ основаніяхъ.

— А что вы скажете о походахъ Норманновъ, внизъ по Рейну, и о поселеніяхъ въ Швейцаріи?

«Точно то же, никакихъ поселеній не было: Норманны не заходили такъ далеко вовнутрь.» Хотя старикъ не предложилъ никакихъ доказательствъ, но говорилъ утвердительно, и я видѣлъ, что этотъ предметъ ему очень извѣстенъ, что онъ знакомъ съ лѣтописями, и думалъ о разныхъ свидѣтельствахъ.

Мы продолжали толковать такимъ образомъ о средней Исторіи, какъ вдругъ изъ разговора моей жены съ дочерью старика послышалось мнѣ имя Цюрихъ, и въ то же мгновеніе, Богъ знаетъ какъ и почему, мелькнула въ головѣ моей мысль — не Окенъ ли это. Безъ дальняго размышленія, взглянувъ пристально на старика, я передалъ ему эту безотчетную догадку: «Не съ г-мъ ли Океномъ я имѣю честь говорить?» — И что же? вообразите мое удивленіе: это былъ точно онъ.

Я привсталъ съ своего мѣста, и торжественно поклонился знаменитому натуралисту-философу нашего времени, велѣлъ поклониться и женѣ. Окенъ былъ очень доволенъ.

«Объясните же мнѣ,» сказалъ я ему, успокоясь отъ невольнаго волненія, «объясните мнѣ эту способность души, посредствомъ которой я угадалъ васъ. Я зналъ, что Окенъ живетъ въ Цюрихѣ, но судя по нашему разговору, я долженъ былъ почтеть васъ какимъ-нибудь профессоромъ Исторіи, — такъ я думалъ; я долженъ бы былъ рѣшительно отклонить отъ себя невѣроятную мысль, что вы Окенъ, еслибъ она пришла мнѣ въ голову по какому-нибудь другому поводу: кстати ли Окену, разсуждалъ бы я такъ, читать лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ, разбирать ихъ неопредѣленные показанія, догадываться о мѣстѣ жительства какого-нибудь Сама и помнить столько маловажныхъ историческихъ мелочей. Я воображалъ васъ совсѣмъ въ другой области, въ области природы.» «Я дѣлаю иногда такіе скачки,» сказалъ Окенъ улыбаясь, между тѣмъ какъ слова текли у меня противъ обыкновенія

безъ остановки. «У меня есть два ваши портрета, одинъ снятой, кажется, въ молодости, другой въ дѣтахъ мужества, но вы рѣшительно ни одною чертою не напоминаете объ нихъ. Наконецъ мы привыкли воображать васъ человѣкомъ молодымъ (*), рыцаремъ, даже безпокойнымъ, — извините, ваши соотечественники подали поводъ къ такой молвѣ, — а я вижу предъ собою тихаго, спокойнаго нѣмецкаго ученаго, который едва ли можетъ заботиться о чемъ-нибудь, кромѣ своей науки, книги и каеэдры. Однимъ словомъ, я долженъ бы былъ спорить со всякимъ, что вы не Окенъ, а мнѣ самому, вопреки всемъ вѣроятностямъ и очевидностямъ, пришла эта мысль въ голову, и я не побоялся выговорить ее. Объясните же вы, великій натуралистъ, какъ случилось это?».

Разумѣется, послѣ монолога своего, я умолкъ и долго смотрѣлъ со вниманіемъ на человѣка, съ которымъ свелъ меня случай, который принесть столько пользы наукѣ, и содѣйствовалъ такому великому перевороту въ ея жизни, хотя и заплативъ дань человѣческой слабости своими гипотезами, парадоксами, особенно когда выступилъ изъ границъ своего владѣнія — трехъ царствъ природы.

Опомнившись, я тотчасъ пожелалъ узнать, сколько времени буду пользоваться обществомъ своего знаменитаго спутника, чтобъ, не возбуждая его недовѣрчивости, соразмѣрить и расположить свои вопросы, которыхъ толпилось уже у меня множество.

Окенъ ѣхалъ въ Пизу для здоровья жены, которой надо было пользоваться ваннами; онъ намѣренъ былъ остановиться на день или на два въ Пармѣ, на нѣсколько часовъ въ Моденѣ, потомъ въ Болонію, и оттуда во Флоренцію. А мы ѣхали прямо во Флоренцію, потому что Болонію уже видѣли, а Пармой, за недостаткомъ времени, должны были пожертвовать. По разсчету оказалось, что мы, доѣхавъ вмѣстѣ до Пармы, встрѣтимся уже во Флоренціи. «А сколько времени думаете вы пробыть во Флоренціи?» спросилъ меня Окенъ. — Дней пять. — «Помилуйте, да въ девять дней едва можно осмотрѣть ее. Послушайте.» И началъ мнѣ читать изъ своей книги, въ которой осмотръ расположенъ былъ на девять дней. — О, не вѣрьте этимъ господамъ, сказалъ я ему. Я объѣхалъ теперь почти всю Европу, читалъ о всякомъ городѣ по своей дорогѣ, и скажу вамъ рѣшительно, что не находилъ ни одного толковаго описанія, вродѣ полезнаго для путешественника. Ни одинъ авторъ не умѣлъ отлѣпить важное отъ неважнаго, и примѣнить совѣты ко времени;

(*) Я забылъ тогда, что восхищался Океномъ уже двадцать лѣтъ назадъ!!

своими излишними подробностями они приводятъ только въ замѣшательство, и горе неопытному, который на нихъ слѣпо положится! — Однако жъ Окенъ продолжалъ читать день за днемъ, пока наконецъ я, потерявъ терпѣніе, кое-какъ прервалъ его, — но здѣсь новая бѣда: Окенъ, оставивъ книгу, началъ спрашивать меня о Москвѣ, Московскомъ университетѣ, русскомъ просвѣщеніи, духѣ министерства. Хотя я очень любилъ хвастаться передъ иностранными учеными русскимъ уставомъ, которымъ обезпечивается наше состояніе и судьба нашихъ семействъ, множествомъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ, и отъ частаго повторенія выучилъ почти наизусть эту апострофу, но теперь отвѣчалъ отрывисто, спѣша скорѣе къ своимъ вопросамъ.

Мы подъѣзжали къ Піаченцѣ. Видя городъ за рѣкою, Окенъ взбѣленился. «Какъ! закричалъ онъ, Піаченца на правомъ берегу По, а у такого-то автора она стоитъ на лѣвомъ», и тотчасъ бросился къ своимъ дорожникамъ, и перерылъ всё, чтобъ видѣть, кто правъ и кто виноватъ.

Черезъ мостъ надо было идти пѣшкомъ. Мостъ деревянный, полуразвалишійся, загаженный, какихъ у насъ нѣтъ, я надѣюсь, въ самой далекой глуши. Что же? мой философъ, съ карандашомъ въ одной рукѣ и записною книгою въ другой, пустился его мѣрить шагами въ ширину и длину, съ такимъ тщаніемъ и вниманіемъ, какъ бы инженеръ, которому надо завтра вести войско. И потомъ всё свои измѣренія записалъ онъ въ книжку. О Нѣмцы!

Перейдя мостъ, мы сѣли опять въ длинжансъ, которымъ мой спутникъ былъ очень недоволенъ, и при всякомъ случаѣ повторялъ, что это *Privat-Unternehmungen* никуда негодится, и что въ нихъ никогда не бываетъ никакого порядка.

Наконецъ мы пріѣхали въ Піаченцу. Спросивъ у кондуктора, сколько времени остается намъ на обѣдъ, мы взяли чичероне, и отправились осматривать городъ. Въ соборѣ Окенъ началъ останавливаться на всякомъ шагу, спрашивать о всякой дюжинной картинѣ; я увидѣлъ, что мы такимъ образомъ не успѣемъ осмотрѣть половины замѣчательныхъ предметовъ, началъ прерывать его, звать дальше. Дамы, которымъ больше хотѣлось обѣдать, нежели разсматривать, согласились со мною, подвигались впередъ, — но ни тутъ-то было! На бѣду нашу явилось новое лице въ церкви, какой-то немъца монахъ, съ которымъ Окенъ началъ спорить тедесно-италийскимъ языкомъ. Я потерялъ терпѣніе, и, подъ благовиднымъ предлогомъ, уклонился отъ ученой компаніи.

Надо было видѣть, съ какимъ жалобнымъ, грустнымъ видомъ прос-

тились съ нами старуха и дѣвушка, оставшіяся на жертву неумолимому мучителю.

Объѣжавъ городъ, впрочемъ очень изнѣчительный, пустынный, скучный, вопреки своему имени, и переживавшій кое-что въ гадкой гостинницѣ, мы прибѣжали на почтовой дворъ только что къ назначенному сроку. Окенсъ не было, впрочемъ и лошадей еще не запрагали.

Италянцы не такъ точны, какъ Нѣмцы, и Окенъ, воротившійся наконецъ съ двумя своими жертвами, которыя едва передвигали ноги, безъ обѣда, началъ ругать опята Privat-Unternehmungen, а не имѣлъ духа сходить пообѣдать, опасаясь, чтобъ въ его отсутствіе не увѣхала карета.

Наконецъ мы отправились. Жара была несносная. Я спросилъ Окена, чѣмъ онъ занимается теперь. «Я не сижу безъ дѣла,» отвѣчалъ онъ; «окапываю теперь седьмой и восьмой томы Естественной Исторіи.» А послѣ приметесь за что? «Еще не знаю. Задумано и подготовлено многое, но Богъ знаетъ, что попадется подъ руки для обработки». Окену было очень пріятно услышать, что его сочиненія извѣстны въ Россіи, что его Исторія переводится теперь и издается въ Петербургѣ тетрадами. Я долженъ былъ разсказать ему, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, ученіе его «О Природѣ» привезено было въ Московскій университетъ докторомъ Павловымъ, который произвелъ тогда всеобщій восторгъ между студентами всѣхъ отдѣленій, стекавшихся на его лекціи; потомъ какъ одинъ изъ моихъ товарищей, кн. О., во снѣ и наяву говорилъ объ его мысляхъ, и перевелъ намъ нѣсколько главъ изъ его Философіи, прочитанныхъ съ торжествомъ въ нашемъ маленькомъ литературномъ обществѣ, подъ предсѣдательствомъ Ранча. Далѣе—я называлъ ему нашихъ московскихъ же профессоровъ, Максимовича, который воспользовался многими его мыслями для Ботаники, и Щуровскаго, который сдѣлалъ то же въ Зоологіи. Окенъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ повторялъ за мною имена, а я съ гордостью слушалъ: Maximovitsch, Tschurovsky. Я замѣтилъ ему наконецъ, что всѣ эти ученые не принимаютъ его мнѣній безусловно, но измѣняютъ ихъ, сообразно съ своими воззрѣніями; что сочиненія Павлова и Веланскаго, можетъ быть, онъ прочелъ бы самъ съ удовольствіемъ, и нашелъ бы у нихъ много новаго, какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ. «Мнѣ очень жаль, что я не могу читать по-русски,» сказалъ онъ; «по-русски я знаю только нѣсколько именъ, которыя учился выговаривать по газетамъ. Изъ вашихъ путешественниковъ я знаю только господина Kleboff, который по вечерамъ часто посѣщалъ меня въ Цюрихѣ».

Задобривъ Окена своимъ разсказомъ, я приступилъ къ вопросу: Что

Шеллингъ? Въ какомъ отношеніи находится онъ къ католицизму, къ іезуитамъ? Въ какой мѣрѣ должно вѣрить слухамъ, распространеннымъ объ немъ въ нѣмецкой публикѣ, и дошедшимъ до насъ? «О! нѣтъ такихъ нелѣпостей, которыхъ не выдумаютъ люди злонамѣренныя, покажите имъ только видъ, что вы не согласны съ ними, или готовы воспротивиться ихъ замышленіямъ. Много ли найдется людей, которые вполне понимаютъ васъ!» Здѣсь Окенъ помянулъ вскользь о какомъ-то происшествіи, которое касалось, кажется, его, и было поводомъ къ распространенію также разныхъ несправедливыхъ слуховъ, кажется, по отношеніямъ къ юной Германіи, имъ отвергаемой. Не могу сказать этого навѣрное, потому что я не понималъ хорошо, въ чемъ дѣло, а Окенъ видно не хотѣлъ объяснить обстоятельно. «Шеллингъ — продолжалъ онъ, возвращаясь къ начатому предмету, — занимается своими изслѣдованіями, независимо отъ ихъ результатовъ, независимо отъ окружающихъ толковъ, но молчитъ теперь, не издаетъ ничего въ свѣтъ, огорченный невниманіемъ, холодною, неблагодарностію публики, грубостью своихъ противниковъ. Охота являться предъ людьми, которые не умѣютъ уважать васъ, не умѣютъ цѣнить вашихъ заслугъ. Напримѣръ, — сколько было криковъ объ открытіяхъ Эрштеда, какъ прославлялись онъ во всѣхъ журналахъ, а никто не подумалъ вспомнить, что эти открытія предугаданы были Шеллингомъ, предугаданы силою ума. А велико ли достоинство Эрштеда, который наткнулся на нихъ нечаянно среди своихъ опытовъ.» — Впрочемъ, позвольте вамъ замѣтить, что такіе люди, какъ Шеллингъ, какъ... должны быть выше всѣхъ нелѣпыхъ воплей, которые такъ обыкновенно раздаются въ нижнихъ слояхъ ученаго міра, и спокойно продолжать дѣланіе, на которое призваны свыше.

Ясно было, что Окенъ самъ огорчился до глубины сердца, видя себя забываемымъ. Дочь его сказала моей женѣ, что ему всегда бываетъ досадно, если кто изъ путешественниковъ протѣзжаетъ Цюрихъ не посѣтивъ его. Мнѣ показалось даже, что ему было несправедливо услышать отъ меня, что я былъ въ Цюрихѣ. Замѣтивъ это, я старался оправдаться стороною, и объяснить, почему не былъ у него. «Впрочемъ мы были только на Баденскомъ озерѣ.» — А зачѣмъ вы не были у профессора Истории? Всегда бываетъ полезно встрѣчаться съ такими людьми, которые занимаются однимъ предметомъ съ вами; всегда находишь съ ними новыя мысли.

Между тѣмъ жаръ и духота въ каретѣ сдѣлались несносными; я не могъ вывести и принужденъ былъ пересѣсть на имперіалъ, надѣясь доспросить Окена о Гегелѣ, о Штраусѣ, и проч. въ Болоніи или Фло-

ренціи. Поручивъ женѣ выведать отъ своихъ новыхъ знакомыхъ образъ ихъ жизни въ Цюрихѣ, путешествіи и проч., я оставилъ карету.

Наконецъ поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Парму. Кондукторъ высадилъ насъ у гостиницы, а вещи обѣщали доставить послѣ, кому онѣ нужны. Мы вышли всѣ, но многіе опомнились вскорѣ, и разсудили идти по почтовой дорогѣ за вещами. Окенъ—первый, начавшій съ досадою повторить свою рѣчь о Privat-Unternehmungen. Минуты чрезъ двѣ пошелъ и я, хотя мнѣ ненужно было брать своихъ, потому что мы продолжали путь до Болоніи, но нужно было посмотреть, чтобъ ихъ не взяли другіе. До почтоваго двора было далеко. Ночь темная. Кое-какъ добрался я; Окенъ былъ уже тамъ. Надо было видѣть, съ какою заботою онъ отыскивалъ свои пожитки, какъ будто вся жизнь его подвергалась опасности со всякой вещію; надо было слышать, какъ ворчалъ онъ на жену и дочь!—Кое-какъ разобрались мы всѣ, и всѣ вмѣстѣ назадъ въ гостиницу. —Было уже очень поздно. Я засвидѣтельствовалъ свое почтеніе Окену, объяснилъ, какимъ счастіемъ почитаю я случай seine theuere Bekanntschaft gemacht zu haben, и съ какимъ нетерпѣніемъ буду ожидать его во Флоренцію. —Старикъ простился со мною очень ласково, пожелалъ очень любезно успѣха въ моихъ трудахъ, и мы разстались. —Черезъ часъ услышали мы стукъ у дверей—Окенъ вызывалъ меня. Я вышелъ. «Тамъ внизу принесли зонтикъ и узелъ. Не вашъ ли онъ? Пересмотрите, всѣ ли ваши вещи цѣлы: здѣсь надо быть очень осторожну». Мы поблагодарили его за вниманіе, и успокоили, сказавъ, что наше все на лицѣ. Мы простились въ другой разъ.

Жена и дочь Окена очень милы, и успѣли подружиться почти съ моею женой. Онѣ говорили, что живутъ въ Цюрихѣ довольно открыто, и принимаютъ къ себѣ по вечерамъ, къ великому соблазну цюрихскихъ жителей, которые ведутъ вообще жизнь уединенную, что Окенъ очень любитъ общество, но что Швейцары почитаютъ его вообще иностранцемъ, и что ему непріятно жить въ Цюрихѣ; что онъ съ большимъ участіемъ говоритъ всегда о Россіи, наблюдаетъ за ея ходомъ, и даже желалъ бы посмотреть ее.

Вотъ день мой, проведенный съ Океномъ. Прибавлю только: смотря на него, я убѣдился вполне, что никакой нѣмецкой ученый не можетъ быть вреденъ, ни опасенъ своею особою, что еслибъ въ книгѣ его былъ даже идъ, то онъ всегда сдѣлался бы противуядіемъ.

НАСКОЛЬКО СЛОВЕ О МУЗЫКѢ И О МЕТОДѢ МУЗЫКАЛЬНАГО УЧЕНІЯ ВЪ РОССИИ.

Природа, одаривъ человѣка способностью наслаждаться музыкой, дала ему въ то же время и чудный музыкальный инструментъ, голосъ, который есть начало и конецъ музыки, альфа и омега этого искусства. При помощи этого дивнаго инструмента человѣкъ выражаетъ всѣ движенія своей души, всѣ порывы своего сердца: радость, горе, тоску и восторгъ любви, чувства вражды, ненависти и злобы, однимъ словомъ, въ простой, безъискусственной національной пѣснѣ (мы принимаемъ здѣсь голосъ только въ музыкальномъ смыслѣ) высказывается весь духъ, весь характеръ народа и отсвѣчиваются отголоски природы, его окружающей, даже отражается историческая его судьба, т. е. главнѣйшіе ея фазы.

Такъ какъ это равно относится ко всѣмъ племенамъ, населяющимъ міръ, къ древнимъ и новымъ, къ образованнымъ и дикимъ, и такъ какъ пѣніе (мелодія) есть основное начало гармоніи, то музыка вообще является для человѣка столько же необходимою, какъ необходимы для него любовь и поэзія, принимаемая въ обширномъ значеніи. Дѣйствительно, человѣкъ способенъ любить, увлекаться въ міръ фантазій и наслаждаться музыкой даже тогда, когда еще не умѣетъ отдавать себѣ отчета ни въ одномъ изъ ощущеній своей души. Слѣдовательно, способность къ музыкѣ вообще столько же присуща человѣку, какъ и способность любить и увлекаться поэзіей.

Что стихотворство, эта ритмованная человѣческая рѣчь, обязано своимъ началомъ музыкѣ, это уже извѣстно всѣмъ и положительно доказано еще Аристотелемъ. Но не смотря на свое старшинство какъ передъ стихотворствомъ, такъ и передъ нѣкоторыми другими изящными искусствами, музыка, принимаемая въ обширномъ смыслѣ, младенчествовала даже и тогда, когда другія искусства уже являлись въ полномъ своемъ блескѣ и въ полной своей силѣ. Только новѣйшимъ временамъ суждено было вполне изслѣдовать законы звука, составить систематическую науку о гармоніи, изобрѣсти новые и усовершенствовать древніе музыкальные инструменты, и поставить музыку на ту высоту, на которой она является въ наше время. Труды Рамо, этого Солона въ царствѣ музыки, и труды Тестори, Соржа, Фоглера, Кателя, Кирнбергера, Баха, Рейхи, Керубини, Фетиса и др. служили ступенями, по которымъ теорія музыки поднялась до настоящаго своего состоянія. Практическая же часть музыки, какъ и всѣхъ другихъ искусствъ, въ своемъ развитіи вездѣ предупреждала теоретическую, потому что, —

какъ извѣстно,—законы искусствъ почерпаются изъ образцовыхъ произведеній этихъ искусствъ. Музыкальные гении новѣйшихъ временъ, Глюкъ, Моцартъ, Гайднъ, Бетховенъ, Россини, Мейерберъ, Беллини довели европейскую драматическую музыку до такой степени совершенства, выше которой она едва ли и поднимется въ Европѣ. Покрайней мѣрѣ, этого нельзя ожидать скоро.

Вообще идеи всѣхъ искусствъ въ наше время чрезвычайно утопились. Это доказывается тѣмъ, что давно уже Европа усиливается въ области изящныхъ искусствъ создать что-нибудь новое, свѣжее, оригинальное, но всѣ ея усилія не достигаютъ успѣха полного. Усталая, она, можетъ быть, скоро успокоится на добытыхъ ею лаврахъ и передастъ заботу о дальнѣйшемъ развитіи искусствъ народу болѣе дѣятельному, болѣе бодрому и болѣе сильному, чѣмъ она.... Мы говоримъ о народѣ русскомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не прошло еще и полусторасти лѣтъ послѣ смерти нашего Великаго Петра, силою своею дивнаго гения вдвинувшаго Россію въ составъ европейскихъ державъ, и вотъ она уже во многомъ обогнала свою наставницу, Европу, во многомъ сравнялась съ нею, и во многомъ представляла ей залогомъ будущаго своего развитія. Здѣсь не мѣсто упоминать о всѣхъ успѣхахъ Россіи по части военной, промышленной и пр.; скажемъ только, что въ отношеніи изящнаго національнаго искусства, она уже вписала на страницы своей исторіи имена Мартоса, Брюлова, Пименова, М. Н. Глинки, и др. Гениальные таланты этихъ представителей русскаго народнаго искусства торжественно опровергли мнѣніе кичливыхъ европейцевъ, будто русскій народъ не одаренъ духомъ творчества и способенъ только къ подражанію,—мнѣніе, которое, не дальше какъ лѣтъ сорокъ назадъ, было въ Европѣ общимъ, и которое даже и въ настоящее время раздѣляется нѣкоторыми упорными людьми.... На нихъ уже никто не обращаетъ вниманія, или снѣются надъ ними. Подобное упорство въ принятомъ однажды мнѣніи доказывать, что образованность не уничтожаетъ вполне ни упрямства, ни предрасудковъ.

Но обратимся снова къ музыкѣ.

Между народами *поющими* русскіе (тутъ же подразумеваются и малороссы), безспорно, занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Благозвучіе, богатство, гибкость и выразительность нашего языка были, конечно, главными причинами инстинктивнаго развитія того музыкальнаго чувства, которымъ отличается народъ русскій, и которымъ проникнуты всѣ его вѣсни. Страсть русскаго крестьянина къ пѣнію до того развита, что

онъ поетъ во всякое время: въ горѣ, въ бѣдѣ, въ весельѣ, въ скукѣ, во время работы и во время отдыха. Разнообразіе, искренность, задушевность, глубина чувства, вѣрность русской природѣ и русскому крестьянскому быту преобладаютъ въ нашихъ пѣсняхъ до такой степени, что нашъ мужичекъ безъ труда выбираетъ изъ нихъ любую и примѣняетъ ее ко всѣмъ минутамъ своей немудреной жизни. По этому, чтобъ узнать духъ, характеръ, свойства и страсти какого бы то ни было народа, необходимо изучить его коренныя пѣсни. Скажемъ больше: по характеру употребляемой въ обществѣ музыки, можно приблизительно, если не вполне, опредѣлить и характеръ самаго общества, потому что въ любимой какимъ бы то ни было человекомъ музыкѣ невольно и ясно отражается настроенность души и вкуса и степень національности этого человѣка. Напримѣръ, русскіе, принадлежащіе вообще къ среднему и высшему сословіямъ, принявъ обычаи, вкусы и стремленія европейцевъ, отбросили въ то же время, хотя и увлекаясь ложною идеей, и свою родную, задушевную пѣсню, и, почти безъ исключенія, предались изученію, или, лучше сказать, заучиванію мотивовъ европейской музыки, что незамѣтно убиваетъ въ нихъ врожденную способность чувствовать и понимать музыку родную. Безъ сомнѣнія, должно отдавать справедливость всему хорошему европейскому и можно увлекаться имъ, но не слѣдуетъ, даже не благородно, пренебрегать чѣмъ бы то ни было своимъ, національнымъ, когда дѣло касается до изящныхъ искусствъ, пренебрегать только изъ одного пустого, пошлаго желанія *казаться* европейцемъ....

Хотя въ послѣднее время нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, и принялись изучать и разрабатывать все народное, чисто-русское, но труды ихъ еще не вполне оценены нашими русскими европейцами, т. е. большинствомъ публики. Увы! до сихъ поръ между русскими, даже между людьми довольно умными и учащими и тому и сему, есть еще такіе, которые безъ полунасмѣшливой улыбки, безъ двусмысленной гримасы не могутъ смотрѣть на все самобытное русское и не могутъ слышать коренныхъ нашихъ пѣсень, находя эти пѣсни слишкомъ грубыми, слишкомъ тривиальными и годными только для мужиковъ, лакеевъ и горничныхъ. Известно также, что въ нашемъ, такъ называемомъ *порядочномъ*, обществѣ поются только итальянскія аріи, французскіе романсы и нѣкоторые русскія пѣсни новѣйшаго издѣлія; что жъ до коренныхъ русскихъ пѣсень, то онѣ изгнаны изъ него совершенно, или почти совершенно. Не смотря на то, что талантъ нѣкоторыхъ нашихъ композиторовъ и компонистовъ, писавшихъ и пишущихъ русскія пѣсни, признанъ всѣми, и не смотря на

то, что ихъ пѣсни и романсы въ большомъ ходу, мы все-таки должны признаться, что эти пѣсни есть ничто иное, какъ болѣе или менѣе удачныя подражанія настоящимъ русскимъ мотивамъ, а не воспроизведенія въ духѣ русскаго народа, и что характеръ большей части ихъ до такой степени неопредѣлительнъ, что стѣдуетъ отнять отъ нихъ слова русскія и подписать французскія, нѣмецкія или другія, и эти пѣсни будутъ слыть французскими, нѣмецкими и т. д. Коренной же, или только воспроизведенный въ русскомъ духѣ музыкальный мотивъ, въ строгомъ смыслѣ не подойдетъ ни подъ какія другія слова, кромѣ русскихъ, потому что характеръ истинной русской мелодіи можетъ жить въ ладу только съ оригинальнымъ характеромъ одной русской рѣчи, и наоборотъ, коренная, или воспроизведенная въ русскомъ духѣ пѣсня (т. е. одиѣ слова, каковы, напр. пѣсни Кольцова), можетъ согласоваться только съ оригинальнымъ характеромъ чистыхъ русскихъ мелодій, или коренныхъ, или только воспроизведенныхъ въ русскомъ духѣ, каковы, напр. русскія мелодіи Глинки. Однимъ словомъ, между русскими мотивами Глинки, и русскими же мотивами другихъ нашихъ композиторовъ существуетъ такая же разница, какъ между русскими пѣснями Кольцова и русскими же пѣснями другихъ нашихъ поэтовъ, Дельвига и пр. Изъ этого слѣдуетъ, что для успѣшнаго воспроизведенія чистой русской пѣсни какъ въ словѣ, такъ и въ музыкѣ, необходимо обладать, кромѣ огромнаго таланта, истиннымъ русскимъ сердцемъ и русскимъ талантомъ, и что безукоризненнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ національнаго искусства могутъ пользоваться только счель немногіе избранныки. Но не смотря на то, что у насъ есть Кольцовъ и Глинка, русская пѣсня все таки до сихъ поръ находится въ пренебреженіи; по этому много способствуетъ то, что ею не занимаются наши дамы, и что у насъ еще не издано *полнаго* и *впрнаго* собранія нашихъ родныхъ напѣвовъ, переложенныхъ на ноты рукою искусною. Мы говоримъ *рукою искусною*, потому, что для изящнаго переложенія на ноты народныхъ пѣсень, особенно русскихъ, нужно столько же таланта, сколько и знанія. Въ настоящее время эту благородную и великую услугу могъ бы оказать Россіи опять таки нашъ Глинка, выполнѣ русскій по душѣ и европеецъ по музыкальному образованію. Конечно, нужно было бы употребить много труда, времени и терпѣнія, чтобъ составить *такое* собраніе нашихъ пѣсень, *какое мы предполагаемъ*; но за то и награда за подобный подвигъ заключалась бы въ общей признательности какъ современниковъ, такъ и потомства, для которыхъ этотъ сборникъ служилъ бы кодексомъ народной музыки и неисчерпаемымъ источникомъ

новыхъ, свѣжихъ, благоухающихъ, выразительныхъ и граціозныхъ музыкальныхъ идей (*).

Что жъ касается до столповаго или хоральнаго пѣнія, то извѣстно, что оно перешло къ намъ отъ Грековъ вмѣстѣ со всеми ихъ христіанскими обрядами. Постепенно совершенствуясь со временъ Владиміра Св., русское церковное пѣніе не отступало отъ простоты и величія своего греческаго первообраза, и въ трудахъ Березовскаго, Бортнянскаго, Дегтерева, Львова и др. явилось въ полномъ блескѣ своего развитія, и усвоило совершенно особенныя, оригинальныя формы, вполне соответствующія цѣли этого пѣнія и непохожія на формы христіанской католической музыки. Извѣстно, что католическая церковная музыка вообще отличается не столько чувствомъ, сколько ученостью, трудностью выполненія и, слѣдовательно, неизбѣжною при этомъ сухостью; тогда какъ русское церковное пѣніе поражаетъ насъ только простотою, безыскусственностію, величіемъ, теплотою, выразительностію и граціозностію своихъ мелодій.

Все, сказанное нами выше, свидѣтельствуетъ о врожденномъ музыкальномъ тактѣ русскаго народа. При своихъ природныхъ страсти и способности къ музыкѣ, могли ли русскіе долго ждать своей, національной оперы? На этотъ вопросъ отвѣтилъ 1836 годъ, подарившій Россію «Жизнью за Царя,» и составившій эпоху въ области нашей родной музыки. Конечно, и до этого у насъ уже были такъ называемыя русскія оперы, какъ на примѣръ «Сусанинъ» Кавоса и нѣкоторые другія; но всѣ онѣ были только сколками съ европейской музыки, болѣе или менѣе, и то не всегда, подражавшими нашимъ народнымъ мотивамъ, и потому заслужившими въ свое время должное вниманіе какъ первыя, хотя и неудачныя, попытки въ дѣлѣ національной русской драматической музыки. Только «Жизнь за Царя» торжественно показала и доказала, чего можно ожидать отъ нашей родной музыки и какою должна быть въ сущности наша національная опера. «Жизнь за Царя» есть чистое, естественное и могучее воспроизведеніе самобытныхъ русскихъ мелодій. Слушая эту оперу, невольно повторяешь выраженіе поэта:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

Глинка такъ глубоко постигъ оригинальный характеръ нашей родной музыки, такъ изучалъ всѣ ея особенности и до такой степени усвоилъ

(*) У насъ положило начало такому сборнику Капниъ, и для своего времени начало довольно хорошее. Къ сожалѣнію и Капниъ и русскія крѣпки его, теперь почти совершенно забыты. Ред.

ее, что каждая нота его собственныхъ русскихъ мотивовъ дышетъ русской національностью, русской душой, русскимъ чувствомъ, русскимъ складомъ и русской простотой. По этому каждый русскій, способный понимать и любить все родное, отъ глубины души сочувствуетъ музыкѣ «Жизни за Царя» и благоговѣнно преклоняется передъ талантомъ и искусствомъ основателя національной нашей оперы. «Жизнь за Царя» служить для насъ въ одно и то же время и залогомъ будущаго полнаго развитія русской народной драматической музыки, и доказательствомъ того, что въ Россіи можетъ и должна сущ. ствовать своя, самобытная школа музыки, такъ точно, какъ уже существуютъ въ ней самобытныя школы живописи и ваянія.

Такъ какъ мы не излагаемъ здѣсь *исторію* русской оперы, то не будемъ упоминать о другой оперѣ Глинки «Русланъ и Людмила», и о музыкальных трудахъ Верстовскаго, Алябьева, Львова, Даргомыжскаго, этихъ композиторовъ, таланты которыхъ признаны всѣми. Хотя Верстовскій и Алябьевъ и явились съ своими трудами прежде Глинки, но это не помѣшало автору «Жизни за Царя» сдѣлаться Колумбомъ русской музыки, открыть путь совершенно новый, не подражать никому, создать типъ русской оперы и пріобрѣсть себѣ завидную долю, быть образцомъ для другихъ!

Теперь взглянемъ, какъ у насъ вообще учатъ и учатся музыкѣ.

Извѣстно, что въ Россіи уже давно музыка входитъ въ составъ образованія каждого порядочнаго человѣка, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ; извѣстно также и то, что обученіе музыкѣ введено не только во всѣ частныя, но и въ казенныя учебныя заведенія. Дѣйствительно, практическая часть музыки, т. е. игра на инструментахъ и пѣніе, сдѣлала у насъ весьма быстрые успѣхи. Причины этихъ успѣховъ заключаются, во-первыхъ, въ природной наклонности и способности русскихъ къ музыкѣ; во-вторыхъ, въ большемъ или меньшемъ развитіи вкуса въ нашемъ обществѣ ко всѣмъ изящнымъ искусствамъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, въ томъ, что нынче *принято*, во что бы то ни стало, быть музыкантомъ, т. е. собственно, уметь играть на какомъ-нибудь инструментѣ, безъ чего образованіе почитается не полнымъ. Но по большей части наши, русскіе, музыканты и музыкантши, даже и одаренные несомнѣнными природными талантами и имѣющіе всѣ средства выучиться музыкѣ вполне, т. е. теоретически и практически, остаются навсегда только болѣе или менѣе искусными исполнителями и исполнительницами, и не могутъ написать ничего сами. Само собою разумеется, что мы говоримъ о большинствѣ людей, занимающихся музыкой,

довольно же рѣдкія исключенія не могутъ противорѣчить нашимъ словамъ.

Причины малаго развитія теоретическихъ музыкальных познаній въ Россіи, между прочимъ, состоятъ:

1. Въ томъ, что у насъ и до сихъ поръ многіе слѣдуютъ ложному мнѣнію, будто теоретическая музыкальная часть не можетъ въ одно и то же время идти наравнѣ съ практической; что первая можетъ слѣдовать только за второю, и что не всякой ученикъ можетъ справиться съ обѣими вдругъ. Нелѣпость очевидная!

2. Въ томъ, что и сами музыкальные учителя хлопочутъ, по большей части, только о развитіи механизма игры, т. е. только о томъ, чтобъ ихъ ученики умѣли *выполнить* музыкальныя пьесы; но почти нисколько не заботится о томъ, чтобъ они *поднимали* играемое.

3. Въ томъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного элементарнаго курса музыки, изложеннаго просто, кратко, но полно и доступно всякому. Пройдя подобный курсъ, ученикъ могъ бы приступить и къ изученію такъ называемаго генераль-баса и могъ бы уже легко преодолѣвать всѣ его трудности. Это отпосится, особенно, къ тѣмъ ученикамъ, которые не имѣютъ возможности пользоваться курсами музыки, изданными на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

4. Наконецъ въ томъ, что у насъ нигдѣ, кромѣ Петербургскаго и Московскаго театральныя училищъ, не введены теоретическо-практическіе элементарные классы музыки, по образцу европейскихъ консерваторій.

Можно утвердительно сказать, что съ уничтоженіемъ двухъ послѣднихъ приведенныхъ нами причинъ замедленія теоретическихъ познаній музыки, двѣ первыя уничтожились бы сами собою.

Относительно первой изъ этихъ причинъ мы можемъ сказать, опираясь на опытъ, что простое, ясное и краткое изложеніе основныхъ правилъ и законовъ музыки не можетъ затруднить, говоря вообще, даже и десятилѣтняго ребенка, разумѣется, если онъ не вовсе лишенъ понятливости и способности къ этому искусству. Мы знаемъ также, что въ два, три года подобный ребенокъ можетъ вполне усвоить весь элементарный курсъ музыки практически и теоретически, т. е. можетъ выучиться: читать ноты во всѣхъ ключахъ, соблюдая правила дѣленія и каданса; опредѣлять тоны и наклоненія всякой музыкальной пьесы; отыскивать модуляціи; дѣлать, такъ сказать, граматическій музыкальный разборъ; безошибочно транспонировать письменно во всѣ тоны и во всѣхъ ключахъ; пѣть (если есть голосъ) или играть на инструментѣ сразу не слишкомъ трудныя пьесы; болѣе же способные ученики успѣваютъ даже приучаться подбирать простой аккомпанементъ къ даннымъ.

голосамъ; а нѣкоторые и составлять довольно правильно небольшія пьесы. Мы сказали *довольно правильно*, но не говоримъ *довольно хорошо*, потому что достоинство подобныхъ попытокъ зависить отъ *таланта*, а не отъ знаній ученика; *требовать* же отъ него *можно* только того, чему его *можно выучить*. Истина, впрочемъ, старая. И такъ всякій, кто самъ занимается или занимался музыкой *какъ слѣдуетъ*, согласится съ нами, что пріобрѣтеніе вышеозначенныхъ здѣсь музыкальныхъ познаній въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ лѣтъ не есть бездѣлица, и составляетъ необходимый ключъ къ генераль басу. При томъ, ученикъ, прошедшій основательно элементарный курсъ музыки, уже не позволитъ обмануть себя никакому учителю-шарлатану, какими бы хитростями онъ ни прикрывалъ незнаніе своего дѣла.

Конечно, для хорошаго успѣха въ какомъ бы то ни было искусствѣ, слѣдовательно и въ музыкѣ, ученикъ, кромѣ попятливости и таланта, долженъ еще имѣть и страсть къ этому искусству. Извѣстно, что страсть въ подобныхъ случаяхъ часто торжествуетъ не только надъ безпопятливостью или тупостью ученика, но даже и надъ самою его неспособностью или безталантностью, и доводитъ его до того, что онъ иногда обгоняетъ и практически и теоретически всѣхъ своихъ талантливыхъ товарищей, или, по крайней мѣрѣ, ни на шагъ не отстаетъ отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока это бываетъ для него возможно. Извѣстно также и то, что, при отсутствіи страсти къ искусству и терпѣнію, весьма часто, особенно въ Россіи, пропадаютъ напрасну даже и огромные таланты. Кто не знаетъ, что недостатокъ терпѣнія при изученіи чего бы то ни было, или, просто сказать, природная лѣнь, есть, между прочимъ, коренная черта русскаго человека вообще? Въ этомъ случаѣ русскій составляетъ антиподъ нѣмца. Нѣмецъ скажетъ вамъ: «Это дѣло для меня трудно; но я занимаюсь имъ потому, что хочу, и дѣлаю въ немъ успѣхи». Русскій же говоритъ часто: «Я способенъ къ этому дѣлу и легко добился бы успѣха; да продолжать не хочется: лѣнь!» Эта-то лѣнь, вообще, и есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему иностранцы во всемъ выигрываютъ передъ нами, и почему на ихъ труды у насъ обращаютъ вниманія больше, чѣмъ на труды нашихъ соотечественниковъ. Для русскаго необходимо во всемъ толчекъ извнѣ, сильная побудительная причина, и тогда онъ шутя и какъ бы нехотя сдѣлаетъ то, надъ чѣмъ иностранецъ задумывается серьезно и чѣмъ занимается долго и отъ всего сердца. Извиняюсь за это маленькое отступленіе отъ нашего предмета, и продолжаю.

Кромѣ того, о чемъ говорено выше, для успѣшнаго обученія дѣтей законамъ музыки необходимо, чтобъ учитель умѣлъ объяснять ихъ безъ всякаго педантизма, не прибѣгая къ книжнымъ фразамъ, которыя могутъ испугать даже и взрослого, или, что еще хуже, остаться совершенно непонятными; должно, чтобъ учитель соблюдалъ постепенность въ переходахъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, противъ чего у насъ учителя грѣшатъ весьма часто, желая поскорѣ блеснуть усилками своихъ учениковъ; должно постоянно имѣть въ виду умственное развитіе и степень таланта учениковъ, потому что иной изъ нихъ пойметъ и усвоитъ въ часъ то, чего другой не пойметъ и не усвоитъ даже въ недѣлю. По этому учитель долженъ терпѣливо добиваться, чтобъ и менѣе способные ученики, по возможности, не отставали отъ болѣе способныхъ, если только всѣ они учатся вмѣстѣ. Такъ какъ случается, что одни изъ нихъ столь же скоро понимаютъ все, какъ и забываютъ понятое, и что, напротивъ, тѣ изъ нихъ, которымъ эти же самыя знанія достаются съ трудомъ, понявъ и запомнивъ что-либо однажды, почти никогда, или, по крайней мѣрѣ, долго не забываютъ; то изъ подобной противоположности способностей учитель обязанъ извлекать пользу для всѣхъ своихъ учениковъ, если, какъ мы уже замѣтили, они учатся вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, предположивъ пройти курсъ извѣстнаго объема, учитель непременно долженъ ждать, чтобъ каждый отдѣлъ этого курса былъ *твердъ* въ головѣ его ученика, и только послѣ этого можно идти съ нимъ далѣе; иначе масса свѣдѣній, *не вполне* усвоенная ученикомъ, должна съ каждымъ шагомъ становиться для него темнѣе и темнѣе, слѣдовательно, тяжелѣе и тяжелѣе.

Какъ всѣ другіе элементарные курсы, такъ и музыкальный элементарный курсъ гораздо удобнѣе проходить съ тѣми, кто еще не достигъ совершеннѣйшаго, потому что взрослые часто совѣстятся внимательно заниматься, такъ сказать, азбукой какого бы то ни было искусства и вполне усваивать ихъ начальныя правила. Взрослый, увлекаемый ложнымъ стыдомъ, часто говоритъ *понимаю* тогда, когда вовсе не понимаетъ, и, особенно, когда видитъ, что понимаютъ всѣ, кромѣ него. По этому, не запасшись какъ слѣдуетъ элементарными знаніями какой-либо науки или какого-либо искусства, онъ встрѣчаетъ множество затрудненій, когда приступитъ къ высшимъ отдѣламъ этой науки или этого искусства.

Этимъ доказывается старая мысль, что каждый возрастъ вообще требуетъ своихъ занятій. Хотя и говорятъ, что учиться никогда не поздно; но извѣстно, что большая часть людей *совѣстится* поздно приобретать

тъ свѣденія, которыми запасаются въ дѣтствѣ. Стыдъ этотъ ложень, это правда; но онъ бываетъ такъ сильно развитъ въ нѣкоторыхъ людяхъ, что они скорѣе соглашаются вовсе не знать ничего, нежели подвергаться возможности навлечь на себя насмѣшку какого-нибудь глупца, который можетъ замѣтить изъ запоздавшее желаніе обогатиться кзкими бы то ни было свѣденіями. Такова уже слабость человѣческая, поддерживаемая предрасудками. Предрасудкамъ же мы обязаны, между прочимъ, и тѣмъ, что при сильномъ развитіи практической части музыки, теоретическое музыкальное образованіе въ нашемъ отечествѣ является далеко не въ такомъ видѣ, въ какомъ оно должно бы являться въ настоящее время. Многіе папеньки и маменьки, учащіе своихъ дѣтей музыкѣ, простодушно говорятъ: «Къ чему же нашимъ дѣтямъ эта теорія музыки, этотъ страшный генераль-басъ? Вѣдь нашимъ дѣтямъ не сочинителями быть! Довольно съ нихъ и того, что знаютъ просто музыку!» Вѣсѣмъ извѣстно, что у насъ еще до сихъ поръ многіе, даже люди порядочные и благовоспитанные, твердо убѣждены, что ихъ дѣти или знакомые *знаютъ музыку*, если умѣютъ играть на какомъ-нибудь инструментѣ. Блаженное вѣрованіе, которымъ съ успѣхомъ пользуются многіе музыкальные учителя — шарлатаны или лѣтняи! Впрочемъ, можно съ достовѣрностью предполагать, что всѣ подобныя вещи у насъ исчезнутъ совершенно и въ скоромъ времени. Когда изъ преподаванія музыки будетъ рѣшительно изгнанъ педантизмъ, и когда теоритическія музыкальныя познанія русскихъ пойдутъ рука-объ-руку съ ихъ практическими успѣхами въ этомъ искусствѣ, тогда можно будетъ ожидать и появленія русскихъ музыкальных критиковъ, которыхъ у насъ покуда еще нѣтъ, и которыхъ можетъ образовать вполнѣ только общество, точно такъ, какъ оно образовывало и образовываетъ критиковъ литературныхъ. Н. З.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

1. Г-нъ Плаксинъ, въ возраженіи на статью «религіозно-языческое значеніе избы Славянина», напечатанномъ въ NN° 19 и 20 Москвитина за 1854 годъ, упрекаетъ автора ея г-на Аванасьева въ маломъ знакомствѣ съ русскимъ бытомъ, и въ числѣ доказательствъ приводитъ неправильно представленную гг. Терещенко и Аванасьевымъ загадку о печи, огнѣ и дымѣ. Смѣемъ увѣрить г-на Плаксина, что и онъ самъ привелъ эту загадку не вѣрно: вотъ настоящій текстъ:

Мать толста,
Дочь красна,
Сынъ хараберъ, (изъ Сибир. хороберъ)
Подъ небеса ушелъ.

Русское ухо никакъ не допустить выраженія: «подъ облака ушелъ», а скорѣе «подъ облаки ушелъ».

2. Слово «очагъ» принадлежитъ турецкому языку: въ старинномъ тюркскомъ единственное слово для означенія огня было *отъ*; глаголь *отмакъ* значить «жечь», а производное существительное отъ него будетъ «отчакъ» или «очакъ», означающее печь. Слово «очакъ» или «очагъ» встрѣчается и въ Шейбаниздъ (турец. текста стр. 35), гдѣ ему приданъ еще эпитетъ «отлукъ» огневой. Поклоненіе огню, существовавшее у древнихъ Тюрковъ и заимствованное ими, можетъ быть, изъ Персіи (*), перешло и къ Монголамъ, гдѣ богиня огня носить тюркское прозвище «отъ-Экэ» или «утъ-Экэ» мать Отъ (въ татарскомъ «отъ» произносится «утъ», а «эхэ» есть монгольское слово «мать»). Османскіе Тюрки почти не знаютъ слова «отъ», а употребляютъ всегда для означенія огня персидское «атешъ»; слово же «оджакъ», имѣющее у нихъ и значеніе печи, въ послѣдствіи времени принималось въ смыслѣ «семейство» или даже «община»: такимъ образомъ явились «янычари-оджаги» янычарская община, и «оджаклы» янычарскій общинникъ. **Ж. ВЕРЗИНИЧЪ.**

Объ очагъ писано было у насъ много въ последнее время. Одинъ ученѣйшій ученый ссылается, въ одной ученой книгѣ, на статью одного литературнаго журнала слѣдующими словами, которыя выписываемъ съ дипломатической точностью: «Авторъ выводитъ, что изба была первымъ языческимъ храмомъ: первая жертвоприношенія, первая молюба и первая религіозныя очищенія совершались въ избѣ, предъ очагомъ. Что первоначальныя жертвоприношенія принадлежали очагу—это *ублительно* доказывается тѣмъ фактомъ, что атрибуты кухни и очага — **КОЧЕВРГА, ПОМЕЛО, ГОЛАНЪ, УХВАТЪ, ДОПАТА, СКОВОГОДА И ПРОЧ.**, получили значеніе орудій жертвенныхъ и удержали это значеніе даже до позднѣйшей эпохи языческаго развитія. — Что очагъ имѣлъ религіозное значеніе, это *безспорно* уже потому, что огонь имѣлъ божественное значеніе,—ему молились; замѣтимъ одно: для принесенія жертвы, приготовленія покорма, обѣда какому бы то ни было божеству, необходимъ очагъ и всѣ исчисленныя его принадлежности, которыя по этому естественно дѣлаются жертвенными орудіями: изъ чего же теперь слѣдуетъ, что первоначальныя жертвоприношенія принадлежали очагу? откуда слѣдуетъ, что изба была *первымъ* языческимъ храмомъ, что въ избѣ совершались *первыя* жертвоприношенія, *первая* молюба и *первыя* религіозныя очищенія. Мы продолжаемъ думать, что

(*) Объ этомъ будетъ мною говорено въ другомъ мѣстѣ съ большою подробностію.

печь, очагъ получили религиозное значеніе еще какъ мѣстопробываніе домового, щура, души умершаго предка, перваго хозяина дома; но авторъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, отрекся отъ этого мнѣнія, (ученый авторъ отрекся, а ученѣйшій еще держится!) и принимаетъ теперь домового за олицетворенный очагъ (!!). Подтвержденіе (!?) нашему мнѣнію, о связи печи очага съ душами умершихъ, мы нашли въ томъ фактѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по возвращеніи съ похоронъ смотреть въ печку».

Можно ли ученое смѣшное простираетъ далѣе? Не называемъ книги, не называемъ авторовъ, ученыхъ и ученѣйшихъ, а напомнимъ только нашимъ читателямъ Хемницерова Метафизика, и предостережемъ увлекающихся: вѣдь надо знать мѣру!

Одинъ прилежный наблюдатель-температуры, въ нашемъ краю, сообщилъ намъ слѣдующія свои предположенія о погодѣ 1852 года:

Въ той полосѣ Россіи, которая простирается на полдень отъ Москвы до степей Новороссійскихъ, ожидать должно въ 1852-мъ году слѣдующаго состоянія погоды, съ немногими и непродолжительными изъясненіями.

Зима пройдетъ безъ большой стужи. Къ концу ея прибавится снѣгу.

Начиная съ конца марта, въ апрѣлѣ, маѣ и даже въ іюнѣ выпадетъ довольно дождя, въ іюлѣ погода будетъ болѣе влажная, чѣмъ сухая. Но въ августѣ день ото дня будетъ ведреннѣе.

Осень будетъ сухая и холодная. Зима станетъ ранѣе, чѣмъ въ 1851-мъ году, и морозы будутъ сильнѣе.

Независимо отъ того надлежитъ ожидать, смотря по времени года, снѣга или дождя, или по крайней мѣрѣ влажныхъ тумановъ:

Около 3 и 30 января, 27 февраля, 25 марта, 24 апрѣля, 18 мая, 15 іюня, 12 іюля, 8 августа, 5 сентября, 1 и 30 октября, 27 ноября.

Изъ вышесказаннаго можно заключить, что урожай хлѣба и овощей будетъ въ 1852 году изобильный. Кажется только уборка сѣна будетъ затруднительна отъ сырой погоды.

Вѣроятно также, что яровые хлѣба уродаются лучше озимыхъ, и плодовъ будетъ болѣе, чѣмъ въ 1851 году.

31 Сеп. 1851.

мелочк. Въ 290 N Сѣвренной Пчелы помѣщена прекрасная статья пр. Бреккера о Карлсбадѣ, съ занимательными воспоминаніями о Петрѣ 1. Выписываемъ одно любопытное мѣсто: «Русскіе всегда самые желанные гости

«въ Карлсбадѣ. Въ истекающемъ году здѣсь были генералы Панинъ, Сгрекаловъ, Кушелевъ, Бибиковъ, Васильчиковъ, графъ Паленъ, Сиверсъ, Фрейтагъ, Врангель, Гельмерсенъ, Дюгамель, Министръ финансовъ графъ Вронченко, лейб-медикъ Маркусъ, Пашковы, Мезенцовы, Полторацкіе и многіе другіе именитые Россіане. Дни рожденія Государя Императора и Государыни Императрицы были празднованы торжественнымъ богослуженіемъ въ Лютеранской молитвенной залѣ, при чемъ Совѣтникъ консисторіи Вальтеръ, уважаемый какъ человекъ и проповѣдникъ, высказалъ разительно чувства вѣрныхъ Русскихъ подданныхъ, и произвелъ глубокое впечатлѣніе на многочисленныхъ слушателей, въ числѣ которыхъ находились знатныя особы изъ Австріи и Пруссіи, всѣ въ парадныхъ мундирахъ. Праздество заключилось богоугоднымъ дѣломъ: собрана была значительная сумма, «для основанія Лютеранскаго молитвеннаго дома....»

Вѣрно Русская церковь есть въ Карлсбадѣ!

— Въ 153 N Моск. вѣдомостей помѣщена статья г. Костыря объ учрежденіи въ Харьковѣ Благороднаго Собранія. Въ заключеніи ея г. Костырь, предавшійся въ новой залѣ разнымъ благороднымъ мечтаніямъ, «вспомнилъ нашъ (Харьковскій) университетъ и Карамзина, который съ самаго основанія его, былъ для него лицомъ близкимъ, и который, говоря объ успѣхахъ языка и литературы нашей, видѣлъ эти успѣхи, «между прочимъ, въ томъ: «если между учеными людьми будетъ болѣе свѣтскихъ и между свѣтскими болѣе ученыхъ людей.»

Карамзинъ въ Харьковѣ никогда не бывалъ, и къ университету его не имѣтъ никакого отношенія. Г. Костырь вспомнилъ видно Карамзина, участника въ основаніи Харьковского университета. Такія ошибки очень смѣшны.

Въ слѣдующихъ книгахъ Москвитянина будутъ напечатаны: Главы западной церкви и Востокъ въ XIII вѣкѣ, сочиненіе *М. А. Волкова*. Дареджана, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, *Я. И. Полонскаго*. Историческій очеркъ Русскихъ законовъ о промышленности сельской, ремесленной и фабричной, и торговой, *проф. Лешкова*. Бѣдная невѣста, комедія *А. Н. Островскаго*. Лордъ Клайвъ, изъ Маколей. Воспоминанія о старомъ Московскомъ университетѣ, *И. О. Тимковскаго*. Плачъ Эдессы, съ армянскаго, *И. И. Иванова*. Объ эстетической критикѣ, *А. Н. Э.* Лѣшій, повѣсть изъ народнаго быта *А. О. Писемскаго*, и проч. и проч.

Печатать позволяется. Москва, Января 15 дня, 1852 года.

Цензоръ *Кн. Львовъ*.

въ типографіи в. готье и степановой.

С Ш Ъ С Ъ.

ПОДМОСКОВНАЯ ОХОТА.

ЖУКОВСКІЯ КАНАВЫ.

Въ послѣдней статьѣ нашей о подмосковной охотѣ, говоря о болотахъ, лежащихъ около Мытищъ, упомянули мы только по названію Жуковскія канавы, площади въ седьмой части и кусты подъ Старымъ селомъ. Познакомимъ съ ними покороче читателя. Начнемъ съ послѣдняго урочища, какъ ближайшаго къ селу. Березовые и ивовые кусты, растущіе на болотистой почвѣ, начинаются почти подъ самыми Мытищами, отдѣляясь отъ нихъ только болотистымъ лугомъ, идущимъ по лѣвому берегу Яузы. Лугъ этотъ съ каждымъ годомъ становится суше и суше, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его перерыли глубокими канавами и стали тутъ добывать торфъ. На лугу, а частію и въ кустахъ, расположено нѣсколько колодцевъ, представляющихъ собою водохранилище для водопровода. Прежде колодцы были деревянные, а теперь ихъ выкладываютъ камнемъ, и дѣлаютъ надъ ними каменные своды. Вода въ этихъ колодцахъ такъ чиста, каждый камушекъ на днѣ ихъ такъ ясно видѣнъ, что обманутому взору кажется, будто воды вовсе нѣтъ, и что дно совершенно сухо. Такихъ колодцевъ около пятнадцати. Напиться изъ нихъ воды въ жаркой день на охотѣ есть не послѣднее наслажденіе.

Кусты, идущіе отъ колодцевъ до Старого села, большею частію рѣдки и удобны для обстрѣливанія; встрѣчаются иногда довольно большія кочки, но для избѣжанія ихъ надо держаться подалѣе отъ рѣки и поближе къ лѣсу. Слрость почвы въ этихъ кустахъ не одинакова, отсюда и разнообразіе встрѣчаемой дичи. Тутъ можно найти бекасовъ, дупелей и тетеревовъ. Послѣднихъ бываетъ не много; но одинъ выводокъ, покрайней мѣрѣ, находятъ тутъ ежегодно. — Постоящая охота по этимъ кустамъ осенью въ пролетъ Неразъ удавалось мнѣ потѣшиться здѣсь

стрѣльбою по дупелямъ. Въ 1850 году, чрезвычайно обильномъ дупелями, сошелся я тутъ съ незнакомымъ мнѣ охотникомъ. До встрѣчи нашей слышалъ я довольно частую стрѣльбу его и крики на собаку. Я и самъ далъ уже около десяти выстрѣловъ.

— По чемъ стрѣляете, товарищъ? спросилъ я его, приподнявъ шляпу.

— А вы?

— Я, по дупелямъ.

— Убили?

— Да, сей-часъ убилъ седьмого, сказалъ я. Ну, а вамъ посчастливилось, убили что?

— Какже.

— Что же?

— Тоже дупелей.

И съ этимъ словомъ довольно быстро отъ меня удалился. Эта поспѣшность, какъ бы изъ опасенія освидѣтельствованія его якташа, эта неопредѣлительность числа убитой дичи, заставили меня подозрѣвать истину словъ его. Я уже готовъ былъ посмѣяться надъ неумѣстнымъ самолюбіемъ охотника, какъ вдругъ онъ вернулся ко мнѣ, и, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Хотя мы видимся въ первый разъ, но я не хочу давать вамъ о себѣ дурнаго мнѣнія. Сознайтесь, вы не повѣрили, что я билъ дупелей.

— Усомнился, отвѣчалъ я.

— И вы правы. Якташъ мой пусть, но это не моя вина. Пойдемте, я вамъ покажу виновницу моей неудачи и мое правосудіе.

Онъ повелъ меня къ рѣкѣ, и указалъ на другой берегъ. Чрезвычайно красивая маркловская сабака лежала мертвая почти у самой воды.

— Сядемте. Я расскажу вамъ интересную вещь, началъ мой незнакомецъ, вы меня моложе, и можетъ быть мой рассказъ будетъ для васъ не бесполезенъ. Я охочусь уже очень давно, много перебывало у меня собакъ. Большею частію мнѣняю я ихъ отъ своей горячности. Самъ я огонь на охотѣ, и того же требую отъ собаки. Недавно украли у меня прекраснаго пса, надо было искать другаго. Мнѣ рекомендовали вотъ эту; что лежитъ передъ нами. Бывшій ея хозяинъ поѣхалъ со мною ее попробовать за Бутырки. Вошли въ болото, собака отлично сработала по дупельшнепу, хозяинъ спуделялъ, я былъ безъ ружья. Дупель перемѣстился ввиду, собака прихватила его чуть не за сто шаговъ, подошла, стала,—просто картинка. Собашинокъ поднялъ дупеля, выстрѣлилъ, и опять мимо. Мнѣ стало даже досадно, что такая отличная собака въ рукахъ такого плохаго стрѣлка. Я объявлялъ, что

собака мнѣ правится, сторговались за двадцать пять цѣлковыхъ, и вотъ мое первое поле съ новокупленной собачкой. Перваго дупеля, котораго я здѣсь убилъ, она преспокойно съѣла въ моихъ глазахъ. Поднимаю втораго, и въ нимъ та же участь. Вообразите мою досаду; и подозвалъ собаку и очень больно наказалъ ее. Нашла она еще двухъ дупелей, я не убилъ ихъ; безпокойство духа вѣроятно имѣло вліяніе на мои выстрѣлы. Одинъ дупель полетѣлъ къ рѣкѣ, и я пошелъ по этому направлению. Въмѣсто ожидаемаго дупеля поднялась на рѣкѣ утка и упала отъ моего выстрѣла. Собака кинулась за ней въ рѣку, и вмѣсто того, чтобы нести ее ко мнѣ, она переплыла на другую сторону и стала ѣсть утку такъ точно, какъ ѣла дупелей. Ну, всякое терпѣніе имѣетъ свои границы, — лѣвый стволъ у меня былъ еще заряженъ, и, какъ видите, я не премахнулъ. — Только теперь догадываюсь я, что этотъ мошенникъ нарочно пуделялъ, когда мы пробовали собаку.... Досадно, очень досадно, прибавилъ онъ, пропалъ деньга, да и крови много испортилось.

И въ самомъ дѣлѣ рассказъ этого господина не безполезенъ. Часто, покупая собаку, не обращаютъ большаго вниманія на то, какъ она подаетъ дичь.

Пусть она вовсе не подаетъ, говорятъ охотники, лишь бы искала, да столла.

Согласенъ съ вами, господа, пусть не подаетъ, да чтобъ ужъ и не ѣла.

Мѣсто, которое собственнo называется Старымъ селомъ, представляетъ изъ себя небольшую поляну, и по срединѣ ея почти пересохшій прудъ, единственный памятникъ бывшаго тутъ когда-то селенія. Съ одной стороны эта поляна примыкаетъ къ болоту, а съ трехъ остальныхъ окружена лѣсомъ. Весною, во время тяги, здѣсь любимая стоянка охотниковъ. Случалось и мнѣ простаивать тутъ вечера, но замѣчательной тяги по количеству вальшнеповъ тутъ не бывало. — Одинъ только вечеръ остался для меня памятенъ. Насъ было человѣкъ пять, погода была неподобная. На небѣ чисто, въ воздухѣ тепло какъ лѣтомъ, не смотря на первыя числа мая, тишина удивительная. Голосъ вальшнепа былъ слышенъ за полверсты. Не знаю, были ли мы всѣ привлечены прелестью природы, только стрѣляли не удачно. Два вальшнепа облетѣли долину кругомъ, пронеслись надъ каждымъ изъ насъ, раздалось десять выстрѣловъ, и никто не закричалъ своей собакѣ «аппортъ». Вальшнепы улетѣли. Стемнѣло уже совершенно, когда мы вдалекѣ отъ меня раздались два выстрѣла, а вслѣдъ за ними крикъ на собаку. Тяга уже кончалась, и я пошелъ поздравить счастливаго стрѣлка.

— Вы один насъ выручили, сказалъ я, подошедъ къ своему товарищу, убитому вальшнепа.

— Посмотрѣли бы вы, какъ я его поподчивалъ, говорилъ онъ мнѣ съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ камушекъ упалъ. — А, какво подаешь Трезорка! прибавилъ онъ, показывая мнѣ вальшнепа; перышка не помялъ.

Вальшнепъ былъ еще живъ. Я подержалъ его въ рукахъ и передалъ охотнику.

— Лучше приколотъ его, чтобъ не мучился, сказалъ этотъ баринъ, досталъ охотничій ножъ, воткнулъ его въ голову вальшнепа и бросилъ птицу на землю. Почти всѣ наши таварищи подошли къ намъ въ это время. Каково же было общее удивленіе, когда вальшнепъ, убитый сначала выстрѣломъ, потомъ приколотый ножомъ, преспокойно поднялся и полетѣлъ на лѣсъ. У всѣхъ ружья были заряжены, но никто не выстрѣлялъ, такъ это всѣхъ озадачило. — Болѣе всѣхъ былъ смущенъ убитый вальшнепа.

— Это другой, говорилъ онъ, шершъ трезорка, аппортъ. Этотъ улетѣть не могъ. Шершъ, трезорка, шершъ.

Но трезорка искалъ напрасно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ полетъ вальшнепа былъ необыкновенно сильное послѣднее судорожное его движеніе, и вѣроятно очень близко онъ упалъ окончательно; но было темно, притомъ же лѣсъ, и собаки его не подняли.

Если идти отъ Старого села болотомъ, то придешь сначала въ бочаги, а тамъ въ чистое болото, гдѣ мы уже были съ читателемъ. За чистымъ болотомъ послѣ довольно большаго пространства кустовъ начинаются такъ называемыя Жуковскія канавы. Дойти до нихъ отъ Мытищъ болотомъ почти нѣтъ никакой возможности, такъ путь этотъ длиненъ и затруднителенъ. Одно средство идти лѣсомъ; такъ обыкновенно и дѣлаютъ охотники. Въ началѣ Іюля прошлаго года предпринимали мы съ Грачевымъ это далекое путешествіе. Это время годъ, какъ мы уже сказали выше, довольно бѣдно болотной дичью. держится она или въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ вывелась, или вблизи нихъ. Чтобы найти что-нибудь, надо исходить порядочное пространство. Идя въ Жуковскія канавы, мы знали, что ногамъ нашимъ достанется, но къ усталости охотникъ долженъ быть привыченъ. — Пошли мы лѣсомъ по дорогѣ, чтобы сократить путь по возможности.

— Не сбиться бы намъ, говорилъ я Грачеву, когда мы пришли къ перекрестку и увидѣли передъ собою болѣе пяти дорожекъ въ разныхъ стороны.

— Не бойтесь, отвечал онъ мнѣ, не одинъ десятокъ разъ здѣсь и хаживалъ; а ужъ этотъ перекрестокъ мнѣ очень памятенъ. Лѣтъ пять тому назадъ ворочался я въ Мытищи и набрелъ на прескучную исторію. А все напраказилъ плутъ Оока.

«Какой-то нѣмецъ пригласилъ его съ собой на охоту. Говорили, что въ этомъ лѣсу поднимали мужики тетеревовъ; вотъ эти господа и отправились нѣмца отыскивать. Тетеревовъ не подняли, а нѣмца выходили довольно. Вдругъ послышался имъ вдали собачій лай.

— Кто бы это, сказалъ Оока; кажется изъ охотниковъ некому. Ужъ не барсуку ли?...

— Какой это барсуку? спросилъ нѣмецъ.

— Нешто вы барсуковъ не видали?...

— Нѣтъ, я этого не видалъ;.... что это?... великой звѣрь?...

— Какой великой.... помемине вотъ вашей собаки.... не то, чтобъ сѣрый, а этакъ коричневый, кофейный. По собачьему ласть. ..

— И такой барсуку можно здѣсь встрѣчаться?

— Попадаютъ.... одного я какъ-то убилъ, какъ стоялъ на тягъ.... близехонько каналья подбѣжалъ....

— А что, господинъ Оока, можетъ быть, мы слышали въ самомъ дѣлѣ барсуку?

— Можетъ.... кто его знаетъ.

— Ну что жъ, тетеревъ нѣтъ, пойдемъ его отыскивать.

— Пожалуй, по лѣсу-то все равно ходить.

«Оокъ точно было все равно, гдѣ ни ходить: онъ взялъ съ нѣмца полтора цѣлковыхъ за день съ тѣмъ, чтобы отдать ему все, что будетъ убито. А много ли, мало ли убито, это не его вина. Пошли наши охотники, и пришлось имъ идти къ этому перекрестку. Вдругъ слышитъ Оока, что его нѣмецъ выстрѣлилъ, а вслѣдъ за выстрѣломъ раздались ужасныя рагательства, голосъ былъ незнакомый. Оока побѣжалъ на выстрѣлъ, и увидѣлъ, что мужикъ съ ружьемъ держитъ его нѣмца за воротъ. Въ это самое время и мнѣ случилось подойти къ перекрестку.

— Что у васъ за шумъ, господа? спросилъ я.... Мужика-то я узналъ: это былъ охотникъ изъ Высокаго.

— Да вотъ, Николай Дмитричъ, отвечалъ мужикъ, вотъ этотъ баринъ сей-часъ застрѣлилъ мою собаку.

— Его собака точно барсуку, говорилъ нѣмецъ. Мы и господинъ Оока услышали барсука....

Помилосердуйте, Николай Дмитричъ, это вишь барсукъ, говорилъ мужикъ, и, не выпуская изъ рукъ вѣмца, повелъ насъ въ кусты, гдѣ лежала убитая собака.

Собака вся была кофейная. Подойдя къ ней, растерявшійся вѣмецъ сказалъ:

— Да, это собакъ.... я видѣлъ это собакъ....

— За чѣмъ же ты ее убилъ, коли видѣлъ, что собака?...

— Да, я теперь видѣлъ, а въ нусты мелькнулъ коричневый штукъ ... я думаетъ, это барсукъ, и стрѣляетъ.

— Какъ же быть, сказалъ я, надо какъ-нибудь этому горю помочь....

— Воля ваша, Николай Дмитричъ, я этого вѣмца не пушу; собака чужая, баринъ далъ натаскивать,.... что я ему скажу?...

— Ну, я платить деньги за собакъ.... что онъ стоитъ?

— Чтò стоитъ?... собака-то французская, онъ вишь за нее щенкомъ сто рублей далъ....

— О!... это чрезвычайно дорого.... это не можетъ быть.... ты врешь.... пускай меня, и я даю деньги, сколько нужно.

— Тебя-то я пожалуй пушу, а ужъ ружьецо мнѣ пожалуй, сказалъ мужикъ, выхвативъ изъ рукъ вѣмца прекрасное двуствольное ружье. Теперь, коли хочешь, расплачивайся; меньше двухъ-сотъ рублей баринъ за собаку не возьметъ.

«Долго они тутъ спорили, бранились, денегъ съ вѣмцемъ видно было мало, и мужикъ ему ружья не отдалъ. Доходило дѣло до становаго, и тотъ порѣшилъ — ружья не отдавать, если вѣмецъ не заплатитъ за собаку.»

Такими-то и подобными разговорами коротали мы путь нашъ, и дошли наконецъ до Каковки, за которой сей-часъ и начинаются Жуковскія канавы.

Каковкою называется небольшая владѣльческая усадьба; на ней выстроено очень маленький лѣтній домикъ для пріѣзда хозяина, изба съ сараемъ для рабочихъ и сторожей, и еще холостыя строенія для складовъ сѣна. Со всѣхъ сторонъ окружена эта усадьба лѣсомъ, и одною стороною примыкаетъ къ болоту. Иногда охотники ѣдутъ изъ Москвы прямо въ Каковку, и отсюда начинаютъ свои поиски за дичью. Тутъ мы немного отдохнули. Непрерывающійся лай двухъ цѣпныхъ собакъ и необходимость ежеминутно кричать на нашихъ псовъ, которымъ непремѣнно хотѣлось вторить этому лаю, ужасно намъ надоели. Хозяинъ избы предлагалъ намъ самоваръ и даже лишвицу, но мы отказались и пошли далѣе.

Урочище, называемое въ настоящее время Жуковскими канавами, представляло собою прежде непроходимое болото. Хозяева этой земли, думающіе болѣе о своей пользѣ, нежели объ удовольствіи охотника, перерыли болото довольно глубокими канавами. Нѣкоторыя мѣста высохли отъ этого совершенно и сдѣлались хорошими лугами для сѣнокоса; другія же сохранили еще влажность и служатъ убѣгомъ для дичи.

— Случалось ли тебѣ, спросилъ я Грачева, дѣлать здѣсь хс-рошія поля?... (*).

— Никогда, отвѣчалъ онъ. Въ мокрое лѣто еще садятся тутъ бекашишки, а иногда такъ пересохнетъ, что хоть въ каретѣ поѣзжай. Глядите-ка, продолжалъ онъ торопливо, Алмазка что-то заискиваетъ.

— И мой тянетъ къ нему же, отвѣчалъ я.

Мы прибавили шагу, и приблизились къ нашимъ собакамъ. — Какъ хороша собака передъ дичью, какъ неуловимо хороши всѣ ея движенія. Морда обращена въ ту сторону, гдѣ слышится ей присутствіе птицы, хвостъ окаменѣлъ, ноги переставляются одна за другою необыкновенно тихо. Такъ и видно, что собака готова броситься впередъ, но укрощаетъ свои порывы, хочетъ ближе подойти къ своей добычѣ; останавливается, чтобы вѣрнѣе узнать мѣсто, гдѣ она затаилась, и безъ промаха выставить ее подъ выстрѣлъ своего хозяина. Еще лучше картина, когда двѣ собаки подходятъ къ одной и той же птицѣ, какъ подходили собаки наши. По разнымъ направленіямъ обѣ идутъ къ одной точкѣ; не поворачивая морды, только однимъ глазомъ взглядываютъ другъ на друга и въ одно время останавливаются. Долго стояли наши собаки, какъ будто понимая, что мы на нихъ любуемся. Бекасъ оказался ихъ нетерпѣливѣе. Шагахъ въ десяти отъ собакъ съ крикомъ вскочилъ онъ, а пять шаговъ далѣе свернулся отъ двухъ выстрѣловъ, или лучше, отъ одного двойнаго выстрѣла, потому, что мы оба выстрѣлили въ одно мгновеніе. Обѣ собаки къ нему бросились, Алмазкъ первому удалось схватить его.

— Можно ли такъ близко стрѣлять! сказалъ мнѣ Грачевъ.

— Да кажется, другъ мой, и ты такъ же близко выстрѣлилъ.

— Ну что жъ дѣлать, погорячился, а это не дѣло. Кто жъ убилъ бекаса-то?

(*) Убивать много дичи.

Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ подошедшимъ Алмазкой. Онъ подаль бекаса до того разбитаго, что мы его бросили, не положивъ въ яташъ. Ясно было, что оба заряда сидѣли въ убитой птицѣ.

— По моему, это хуже пуделя, сказалъ Грачевъ: тамъ по крайней мѣртъ бекасъ перемѣстится и его опять найдешь, а тутъ живаго въ котлеты изрубили.

Все пространство Жуковскихъ канавъ было нами тщательно обойдено, но вѣроятно до насъ побывали тутъ охотники, потому что мы подняли только пару бекасовъ, и тѣ вскочили такъ далеко, что мы и не стрѣляли.

— Прошли мы много, говорилъ Грачевъ, ворочаться съ однимъ бекасомъ совѣстно, пойдемте ужъ на площадки въ седьмую часть; авось тамъ на Петровъ день никого не было. Не найдемъ ли бекашишковъ.

До площадокъ, о которыхъ говорилъ Грачевъ, оставалось еще добрыхъ три версты; но надежда напасть на свѣжее мѣсто прибавила намъ бодрости, и мы отправились. Идти надо было лѣсомъ около болота, поросшаго частыми кустами, а мѣстами и большими деревьями. По пути завертывали мы въ болѣе открытыя мѣста болота; но собаки наши пробѣгали ихъ равнодушно, — личи на нихъ не было. Наконецъ дошли мы до цѣли нашего путешествія, вышли на площадки. Хотѣли было немного отдохнуть, но собаки такъ прилежно стали пріискивать впереди насъ, что мы пошли за ними. Площадки эти не имѣютъ правильной формы: то длинныя, то широкія, пересѣкаемыя кустами и лѣсомъ, идутъ они на пространство версты или немного болѣе.

Пара бекасовъ вскочила изъ-подъ нашихъ собакъ и черезъ десять шаговъ опять опустилась — явное доказательство, что никто еще не пугалъ ихъ. Это насъ порадовало, и, полныя надежды, стали мы обижать площадки. Поле вышло довольно удачно, пуделяли мало и съ чѣмъ-нибудь въ часъ положили въ яташи четырнадцать бекасовъ.

— Ну, не даромъ ноги били, сказалъ Грачевъ, когда мы обошли площадки и сѣли отдохнуть, не даромъ. Бекасы все молодые и жирненькіе.

— Правда, что не даромъ отвѣчалъ я; но дѣло идетъ къ вечеру, а до дома далеко.

— Такъ неужели вы думаете ночевать въ Мытищахъ?

— А то какже?

— Гдѣ жъ теперь дойти! черезъ полчаса солнце садеть, а вѣдь до Мытищъ верстъ десять. Что Богъ дастъ завтра, а ужъ сего-дня пой-

демя ночевать въ Оболдино, это отсюда версты двѣ. Жаль, что позденько, а то бы по пути захватили торфенное болото, — садятся, бывало, и тутъ бекасы.

— Дивлюсь, Николай Дмитриевичъ, какъ это ты всякое мѣстечко знаешь и помнишь.

— Ходить не лѣнился и охота была. Въдѣ лѣтъ пять тому назадъ, сюда никто и не заглядывалъ. Одинъ, бывало, ходишь, за то ялташь полонъ; а теперь всѣ про всѣ мѣста узнали. Вездѣ ходятъ, — чего не убьютъ, распугаютъ, а ты ломай за ними поги. В. В.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И ЛУЧШИЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЗНАМЕНИТЫХЪ ФЛАМАНДСКИХЪ ЖИВОПИСЦЕВЪ.

(Теньеръ, Метсъ, Поль-Поттеръ, Рембрантъ.)

Въ Парижѣ выходитъ великолѣпное изданіе, подѣ заглавіемъ : « *Исторія живописцевъ всѣхъ школъ, со времени начала живописи и до нашихъ временъ* » (*). Это изданіе, текстъ котораго печатается на велевеновой бумагѣ, въ большую четвертку, выходитъ выпусками. Жизнь каждаго живописца занимаетъ отъ одного до двухъ и трехъ выпусковъ въ 8 страницъ, съ самымъ сходнымъ портретомъ художника въ началѣ выпуска, и съ четырьмя или пятью превосходными гравюрами, снятымъ съ лучшихъ его произведеній, въ самомъ текстѣ. Мы беремъ изъ этой книги нѣсколько рассказовъ о жизни и произведеніяхъ четырехъ фламандскихъ живописцевъ, поименованныхъ въ началѣ нашей статьи.

Когда Лудовику XIV, предпочитавшему итальянскую школу живописи всѣмъ прочимъ, показали однажды картину Давида Теньера, онъ закричалъ: «Вонъ этихъ уродовъ!» А между тѣмъ самъ Теньеръ опредѣлялъ, что для помѣщенія всѣхъ его картинъ нужна галлерей въ двѣ мили длины. Что бы сказалъ Лудовикъ XIV, если бы ему пришлось пройти по такой галлерей уродовъ!

И что же дѣлаетъ весь этотъ народъ? Курить, играетъ въ шашки, пьетъ пиво, пляшетъ на чистомъ воздухѣ, треплетъ по щекамъ трактирныхъ служанокъ — и ничего больше. Кабаки, ярмарки, трубки и кружки,

(*) Текстъ этой книги составленъ г-мъ Шарль-Бланъ и дополненъ примѣчаніями и поясненіями г-на Армэнго. Изданіе гг. Жюль Ренуаръ и комп.

кларшеты и бочки—вотъ вѣчная обстановка сцены, на которой дѣйствуютъ лица, въ самомъ дѣлѣ не слишкомъ красивыя.

Попробуйте нарядить этихъ весельчаковъ, наспиртованныхъ виномъ и оказывающихъ любезности толстымъ служанкамъ, въ щеголеватое платье дворинина,—это будетъ то же, что одѣть въ крестьянскій кафтанъ благородныхъ кавалеровъ Ванъ-Дика.

А между тѣмъ какую жизнь велъ самъ этотъ Давидъ Теньеръ? Жизнь роскошнаго помѣщика, сибарита. Произведенія его кисти дали ему возможность купить, между Аятверпена и Мехельна, въ помѣсть Перкъ, замокъ, называемый *Три башни*, съ аллеей времени феодальныхъ передъ вѣздомъ, со рвомъ, съ подъемнымъ мостомъ, съ прудомъ, съ лебедями на прудѣ, съ колоколомъ на башнѣ, съ зубцами на стѣнахъ, съ флагерами на крышѣ и съ видами на всю окрестность! И онъ такъ гордился своимъ замкомъ, что видъ его непременно ставилъ почти въ каждую свою картину, какъ Поль Веровезъ свору борзыхъ собакъ. И у того и у другаго художника эти любимыя изображенія служатъ отличительными признаками ихъ произведеній, въ родѣ подписи.

Теньеръ рѣдко измѣнялъ своимъ разгульнымъ фламандцамъ, и иногда для того только, чтобы писать самого себя посреди своего замка, своей гордости. На одной изъ такихъ картинъ онъ сидитъ съ контрбасомъ между колѣнъ, въ атласномъ кафтанѣ, въ вышитой фрезѣ, съ усами, завитыми въ кольцо, и совершенно утонувшій въ огромномъ современномъ парикѣ. Г-жа Теньеръ, которой фламандская кисть не пожалѣла придать свѣжести своего колорита, разряженная въ пухъ въ маленькія кружева, держитъ ноты, а сынъ поетъ; пажъ наливаетъ мозжевелевую водку изъ зеленоватаго графина; обезьяна прыгаетъ по мебели; дворецкій съ восхищеніемъ слушаетъ музыку и ожидаетъ приказаній. Въ этой картинѣ мы видимъ черту изъ жизни Теньера, рассказанную имъ самимъ съ полной откровенностью.

Но есть еще другія доказательства, что этотъ живописецъ попоетъ и пьяныхъ рожъ велъ жизнь богатую. Почти всѣ знаменитости тогдашняго времени, имена которыхъ остались для насъ свѣтлыми звѣздами во мракѣ прошедшаго, пользовались гостепріимствомъ знаменитаго художника. Губернаторъ Нидерландовъ, этотъ сатана *со всѣмъ приборомъ*, похитившій у Риберы дочь его, Донъ Жуанъ австрійскій, былъ гостемъ Теньера и занимался живописью подъ его надзоромъ, но нашелъ, что съ фламандской кистью гораздо труднѣе ладить, чѣмъ съ фламандскимъ оружіемъ.... Эрцгерцогъ Леопольдъ, епископъ гентскій, Христина

шведская, Декартъ и наконецъ Филиппъ IV, почевали подъ гостепріимной кровлей Теньерова замка. Впослѣдствіи король испанскій, потерявъ Фландрію, собралъ въ Эскуріаль цѣлую галлерей картинъ Теньера, и такимъ образомъ населилъ ее тѣмъ самымъ народомъ, обладаніи надъ которымъ лишила его война. И окруженный обществомъ этихъ королей и королевъ, этихъ великихъ и ученыхъ людей, художникъ все не переставалъ писать своихъ нищихъ весельчаковъ.

Отецъ этого могучаго властелина палитры не имѣлъ замка, Живописецъ въ томъ же самомъ родѣ, онъ велъ такую же точно жизнь, какъ и лица, которыхъ писалъ. По торговымъ дѣламъ, онъ навьючивалъ свои картины на осла, и отправлялся вмѣстѣ съ сыномъ, продавать ихъ на рынокъ. Тутъ часто случались сцены, мѣны и торговли, изъ которыхъ Давидъ могъ схватить для себя образцы. — Однажды въ мастерскую стараго Теньера вошелъ Рубенсъ, и увидѣлъ сына за начатой картиной. Онъ взялъ кисть, чтобы сдѣлать поправки, и нѣсколькими смѣлыми мазками кончилъ картину. Рубенсъ и Теньеръ.... такой учитель и такой ученикъ!... Эта картина достойна замѣчанія.

Сократимъ время и перейдемъ опять къ нашему художнику, уже великому и славному. Одной изъ любопытныхъ особенностей его таланта было удивительное мастерство копировать всѣхъ современныхъ великихъ живописцевъ, копировать до такой степени сходно, что эти копія можно назвать вторыми оригиналами. Его Рубенсовъ, его Типіановъ, его Веронезовъ вся Фландрія не отличить отъ настоящихъ. Рубенсъ самъ удивлялся этимъ копіямъ Теньера съ своихъ картинъ, и видѣлъ въ нихъ не только одно наружное сходство, но и весь духъ своего созданія. По многимъ картиннымъ галлереймъ разсѣяны теперь эти копія, которыя на подхватъ раскупались эрцгерцогомъ Леопольдомъ, королевой Христіной и королемъ испанскимъ. Вообразите себѣ счастливое несчастье нѣкоторыхъ галлерей: имѣть оригиналъ Рубенса, писанный Теньеромъ! Между тѣмъ, какъ хорошо этотъ первый бельгійскій *контрфакторъ* умѣлъ поддѣлаться и подъ самую природу. Въ этомъ случаѣ онъ можетъ служить разительнымъ образцомъ для новѣйшихъ художниковъ. Еще бѣдный, бродя по полямъ, списывая все, онъ зашелъ разъ въ деревенскій трактиръ. Проголодавшись, но между тѣмъ не имѣя ни гроша, Теньеръ приказываетъ себѣ подать лучшій завтракъ, какой только есть, съѣдаетъ его, и не приступая къ расчету съ хозяиномъ, беретъ палитру и кисти. Случившійся въ трактиръ деревенскій гудонникъ выходитъ какъ живой изъ-подъ его руки. Вмѣстѣ съ Теньеромъ завтракалъ туристъ, англичанинъ, который тотчасъ же замѣтилъ ма-

стерское произведение. Это былъ лордъ Фальстонъ. Онъ вынимаетъ полный кошелекъ золота, и вмѣсто того, чтобъ отдать его нищему оригиналу, отдаетъ живописцу, списавшему нищаго, а картину беретъ себѣ. Теперь эта картина принадлежитъ англійской королевѣ, и вотъ почему она, не смотря на то, что представляетъ нищаго, называется *Завтракомъ Теньера*.

Здѣсь онъ писалъ для завтрака; въ послѣдствіи, и уже сдѣлавшись славнымъ, онъ писалъ для того, чтобъ удовлетворить ежедневнымъ своимъ прихотямъ. Работа и роскошныя удовольствія дѣлили на двѣ половины жизнь его. Эта ненасытная потребность роскоши, и следовательно ненасытная потребность средствъ къ ея удовлетворенію, породили тѣ *два мили* картинъ, на которыхъ, какъ говорить самъ Теньеръ, было болѣе фламандцевъ, чѣмъ погибло ихъ въ войнѣ съ испанцами. Теперь очень понятно, отчего эти картины, покрывавшіе ежедневные расходы художника, получили общее названіе: *Теньеровы послѣ обѣда*. Въ самомъ дѣлѣ многія изъ этихъ картинъ надобно смотрѣть вставши изъ-за стола: это настоящая ихъ оптическая точка.

Но если у Теньера былъ такой неизсякаемый источникъ картинъ, такъ не всегда былъ на нихъ такой же неизсякаемый источникъ покупателей. Пришелъ день, въ который онъ рисковалъ остаться безъ своей *послѣобѣденной* импровизаціи, потому что рисковалъ остаться безъ обѣда! Страшное смятеніе сдѣлалось въ замкѣ *Трехъ башенъ*. Но смѣтливый Давидъ тотчасъ придумалъ хитрость, которая, можетъ быть, подала мысль Лафонтену написать басню о кошкѣ, притворившейся мертвою для того, чтобы лучше переловить мышей. Теньеръ разсудилъ, что ему нѣтъ другаго спасенія, кромѣ смерти, и онъ умеръ.... разумѣется, официально. Какъ! этого великаго живописца не стало! Счастливы будутъ тоть, кто успѣетъ купить оставшіяся послѣ него картины, хотя за двойную цѣну! А онъ, говорятъ, оставилъ нѣсколько картинъ. Покупатели съѣзжаются, сыплютъ золотомъ, а между тѣмъ лукавый Теньеръ, удалившись въ одну изъ своихъ трехъ башенъ, пишетъ да пишетъ тамъ свои *посмертныя* произведенія, за которыя платятъ вдвое, втрое.... Когда касса Теньера наполнилась, онъ воскресъ; публика начала смѣяться, и роскошное гостепріимство возобновилось.

Онъ былъ женатъ на дѣвушкѣ не изъ знатной фамиліи, но изъ фамиліи живописцевъ. Вотъ какъ это случилось: Брегель де-Велуръ оставилъ дочь Анну, которую поручилъ тремъ воспитателямъ, ни больше ни меньше, какъ Корнелію Шютъ, Ванъ-Балену и.... Рубенсу. Однажды, когда она была въ картинной галлерей эрцгерцога Леопольда, вмѣстѣ

съ Рубенсомъ, онъ показалъ ей картину Теньера, и подозвалъ самаго живописца, который въ это время тамъ работалъ. Молодые люди поправились другъ другу, и Рубенсъ тотчасъ кончилъ дѣло, желая, быть можетъ, поскорѣе сбыть съ рукъ свою воспитанницу. Союзъ былъ счастливъ, но не продолжителенъ. Овдовѣвъ, Теньеръ продалъ замокъ Трехъ-башенъ, который купилъ Совѣтникъ брабантскаго парламента, Жанъ де-Френъ. Художникъ неутѣшно огорчился потерей жены, и много потерей замка. Последнюю потерю скоро однако жъ онъ возвратилъ, замѣнивъ первую дочерью новаго владѣльца. Теньеръ долго еще жилъ послѣ мнимой своей смерти, и умеръ въ самомъ дѣлѣ не прежде восьмидесяти лѣтъ, изселивъ міръ цѣлымъ поколѣніемъ, созданныхъ его фантазіей, пьяницъ, игроковъ, гулякъ, обезьявъ въ кафтанѣхъ, журавлей въ очкахъ, соблазняемыхъ монаховъ, трактирныхъ служакокъ, вовсе не соблазнительныхъ, алхимиковъ, добывающихъ золото, и наконецъ всѣхъ родовъ народа самаго грязнаго.

Лучшимъ его произведеніемъ надобно считать картину, которую онъ написалъ въ 1643 году. для общины застрѣльщиковъ, и которая называется: *Амстерпенскіе оружейники*. На этой картинѣ изображено до пятидесяти человѣческихъ фигуръ, величиною отъ 8 до 10 дюймовъ. Она теперь находится въ С.-петербургскомъ Императорскомъ армітажѣ, куда поступила изъ Мальмезона. Въ музеумъ Брюсселя, отчизны знаменитаго Теньера, нѣтъ ни одного мастерскаго произведенія этого художника. Въ Луврѣ находится четырнадцать картинъ его, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ къ первокласснымъ. Таковы на прим. *Блудный сынъ*, превосходная гравюра съ которой помѣщена въ изданіи г. Жюль Ренуара, и которая заплачена 20,000 франк., — *Сельскій праздникъ*, заплаченный 12,000 ливровъ, и другія. На аукціонѣ вещей герцога Беррійскаго г. Демидовъ купилъ тоже 14 картинъ Теньера за 225,120 франковъ!

Вотъ еще фламандскій живописецъ того же времени, Габріель Метсъ, жизнь котораго, къ сожалѣнію, очень мало извѣстна. Онъ родился въ Лейденѣ и умеръ въ Амстердамѣ. Метсъ былъ тѣмъ же для городскихъ жителей Голландіи, чѣмъ Теньеръ для ея простаго народа: ихъ живописцемъ, ихъ зеркаломъ. Только изъ его картинъ можно узнать одежду и всю обстановку частной жизни современныхъ ему обывателей Роттердама и Брюгге. Сто томовъ историческихъ описаній не скажутъ вамъ того, что вы увидите въ картинахъ этого великаго представителя честныхъ и усидчивыхъ Голландцевъ, которые, заключившись въ своихъ домахъ, какъ въ тюрьмахъ, украсили ихъ всѣмъ, чѣмъ только могли. Мебель

превосходной работы, азіятскіе ковры, мѣха сѣверныхъ странъ, китайскія вазы, богемскій хрусталь, картины, птицы, насткомья, раковины, — все тутъ собрано вмѣстѣ. Посреди этой-то пѣтистой, радужной обстановки Габріель Метсъ помѣщалъ свои лица, давая имъ и положеніе и занятія, исполнѣ соответствующихъ таинственностей этой спокойной, патриархальной жизни, которую вели тогда почти всеъ Голландцы, и которая, говоря правду, очень кстати въ такой странѣ, гдѣ продолженіемъ девяти мѣсяцевъ гораздо пріятнѣе сидѣть въ комнатѣ, чѣмъ быть на воздухѣ.

Если я сказалъ — таинственности, это потому, что и теперь еще многія голландскія семейства ведутъ всю свою жизнь за замкомъ, такъ что человекъ посторонній можетъ только заглянуть на нее мимоходомъ въ окно. Метсъ самъ это чувствовалъ, и какъ бы боясь вводить зрителя во внутренность дома, тоже ограничивался окномъ, взявъ его за раму картины и показывая сквозь него или женщину за туалетомъ, или голландца съ «лягой» въ рукѣ.

Этотъ художникъ, чрезвычайно разборчивый, тонкій, граціозный, оставилъ около 130 картинъ, разбѣянныхъ по всей Европѣ. Въ Луврской галлерей, въ числѣ прочихъ его картинъ, есть два мастерскія произведенія: *Амстердамскій рынокъ*, заплаченный 25,800 ливровъ, но который цѣнать дороже, и *Въсплывшій воинъ*, заплаченный 24,000 фр. «Нѣсколько лѣтъ назадъ, — говоритъ г. Шарль Бланъ, этотъ искусный и учевый историкъ всехъ живописцевъ, — прохаживаясь по Луврской галлерей, я замѣтилъ иностраннаго художника, копирующаго Метсова *Въсплываго воина*. Этотъ художникъ былъ г. Вапперъ!» — Новѣйшій фламандскій живописецъ, пріѣхавшій за тѣмъ въ Парижъ, чтобы копировать своего предка... это ужъ даетъ полное понятіе о достоинствѣ произведеній Метса. И дѣйствительно *Въсплывшій воинъ* можетъ назваться совершенствомъ искусства. — Расчитываютъ, что 130 картинъ, оставленныхъ Габріелемъ Метсомъ, стоять слишкомъ полтора милліона. Художникъ никогда не имѣлъ и десятой части этой суммы.

Поль Поттеръ, извѣстный цѣлой Европѣ своими коровами, принадлежитъ къ тому же времени. Онъ былъ происхожденія благороднаго. Бабка его была изъ фамиліи Этмонтовъ, предки отца занимали значительныя должности въ Энкхизенѣ, гдѣ родился и Поль. Прозваніе заставило его сдѣлаться живописцемъ.

Бывъ еще четырнадцатилѣтнимъ малькомъ, онъ ужъ писалъ почти мастерскія картины. Впоследствии, пріѣхавъ въ Гагу для изученія образцовыхъ произведеній искусства, онъ случайно остановился рядомъ съ

знаменитымъ архитекторомъ тогдашняго времени, Николаемъ Балькеведомъ. У архитектора была хорошенькая дочь; Поль Поттеръ, какъ свидѣтельствуеъ его портретъ, тоже имѣлъ красивую наружность. Они полюбили другъ друга. Старый архитекторъ, узнавъ, что руки его дочери ищетъ человекъ, который ничеъ не пишетъ, кромѣ *скотья*, чрезвычайно обидѣлся. Но потомъ, когда онъ увидѣлъ, что скотъ, писанный Полемъ Поттеромъ, продается гораздо дороже живаго, онъ понялъ, что родство съ такимъ человекомъ нисколько не унижитъ его фамиліи. Слава художника скоро распространилась до такой степени, что всѣ знатные путешественники и знаменитости всѣхъ родовъ начали посѣщать его домъ, сдѣлавшійся наконецъ сборищемъ ученыхъ людей, блестящихъ умовъ и знатоковъ искусства. Всѣ первые пельможи Голландіи, а въ томъ числѣ и Морицъ принцъ Оранскій, вошли въ знакомство съ художникомъ. Поль Поттеръ привлекъ ихъ къ себѣ своимъ искусствомъ, своимъ умомъ, своимъ прекраснымъ характеромъ, и проводилъ въ этомъ кругу жизнь самую пріятную.

А между тѣмъ эти сочные, зеленые дуга страны влажной и стѣврной, на которыхъ паслись лучшія стада Голландіи, представляли неистощимые и превосходные образцы для его кисти. И Поль Поттеръ мастерски умѣлъ пользоваться тѣми противоположностями цвѣтовъ, которыми, какъ выразился Бернардень де-Сень-Пьеръ, природа всегда отличаетъ животныхъ отъ грунта той страны, гдѣ опредѣлено имъ жить.

Онъ проводилъ свое время въ прогулкахъ съ портфелемъ въ рукахъ, срисовывая все, что ему попадалось, деревья, растенія, изгороди, клѣва, отдаленные виды, людей иногда, животныхъ въ особенностяхи. Возвращаясь домой, онъ между разговоровъ съ посѣтителеми пересматривалъ свои рисунки, дакнчивалъ ихъ и набрасывалъ на полотно всѣ свѣжія впечатлѣнія, которыя принесъ съ собой: колоритъ воздуха, время дня; наносилъ на этотъ фонъ предметы, имъ срисованные, и такимъ образомъ составлялъ изъ собранныхъ матеріаловъ эти столько превосходныя, столько вѣрныя и такъ гармонически созданныя картины, которыя пріѣзжали смотрѣть посланники и другія знаменитости, и которыя оспаривали другъ у друга набобы и коромы.

Поль Поттеръ, имѣя врожденное призваніе къ своему искусству, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самый откровенный и веселый собесѣдникъ. «Исторія живописцевъ» рассказываетъ о немъ анекдотъ, который вполне обличаетъ въ немъ человека простодушнаго. Наслѣдняя принцесса Эмилія, графиня Цольмская, посѣтивъ его, заказала ему картину, которая была назначена для украшенія лучшей залы дворца

Штаггальтеровъ. Желая превзойти самого себя, Поль Поттеръ отправился въ поля искать для образца чего-нибудь новаго, чего-нибудь смѣлаго.... Онъ входитъ съ абрисомъ, восхищенный отысканнымъ образцомъ, и посреди веселаго, смѣющагося ландшафта, пишетъ корову, подъ которой трава орошается дымящимся потокомъ.... Принцесса эта фантазія не понравилась, и она не взяла картину. Между тѣмъ исторія о ней сдѣлалась гласной, собралъ охотниковъ, и произведение Поль Поттера вознеслось высоко. Теперь оно въ Петербургскомъ эрмитажѣ. Прежде, чѣмъ попала въ Петербургъ, *корова, которая*.... была въ Мальмезонѣ, гдѣ по каталогу оценена въ 25,0000 франковъ.

Видъ Гаскаго лѣса считается также въ числѣ лучшихъ произведеній художника. Вотъ что рассказываетъ по поводу этой картины г. Шарль Бланъ. «Въ окрестностяхъ Гаги есть прекрасный лѣсъ, почти касающийся сѣверныхъ воротъ города. Принцъ Оранскій имѣлъ тамъ загородный домъ, который назывался *Домикомъ въ лѣсу*. Въ 1574 Филиппъ II былъ такъ пораженъ красотой этого мѣста, что запретилъ своимъ офицерамъ истреблять лѣсъ и разрушать домикъ. И едва ли это была не единственная вещь, которую этотъ истребитель всего, даже собственнаго семейства, приказалъ оставить въ цѣлости. Этотъ лѣсъ былъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ Поль Поттера, и онъ изображалъ его на многихъ своихъ картинахъ, а между прочимъ и на той, о которой мы сей-часъ упоминали. Она была въ числѣ картинъ герцога де-Шоазель, и продана за 27,000 ливровъ.»

Прекрасный кругъ, который умѣлъ собрать около себя живописцевъ, служить самымъ лучшимъ ручательствомъ въ его общежительномъ характерѣ. Нельзя и думать, чтобы этотъ человекъ, такъ сильно увлеченный своими баранами, своими коровами, деревьями, зеленью, былъ золъ и испорченъ. А между тѣмъ надобно сказать, что въ супружествѣ своемъ съ дочерью архитектора онъ не нашелъ счастья. Знать, посѣщавшая ея домъ, вскружила ей голову, и она пустилась въ интрижки. Поль Поттеръ, совершенно погруженный въ свое искусство, не видалъ ничего. Наконецъ однако жъ до него стали доходить кое-какіе слухи, и онъ, возвратившись однажды домой невзначай, засталъ жену съ глазу на глазъ съ молодымъ кавалеромъ.... Это была сцена Марса и Веперы, захваченныхъ врасплохъ Вулканомъ! Такъ же, какъ Вулканъ, художникъ заранѣе видно приготовилъ виновнымъ ловушку, и накрылъ ихъ сѣткой, которую надѣвалъ на свой станокъ отъ мухъ. Потомъ онъ завязалъ на нихъ сѣтку, и подражая

выполнѣ хромоногому древнему ревнивцу, поднявъ шумъ, на который сѣѣжался весь домъ. Въ числѣ свидѣтелей этой сцены были и другіе обожатели его жены, прибѣжавшіе изъ мастерской. Это послужило хорошимъ урокомъ и коварной женѣ и невернымъ друзьямъ. Съ тѣхъ поръ число посягателей въ мастерской уменьшилось, наказанная жена раскаялась и получила прощенье; но послѣ такой исторіи непріятно было оставаться въ томъ мѣстѣ, гдѣ она случилась, и Поль Поттеръ перенесъ свой станокъ въ Амстердамъ. Тамъ онъ увеличилъ размеры, своихъ картинъ, но не увеличилъ этимъ своей славы. Быки, коровы и лошади, написанныя въ натуральный ростъ—это ужъ чересчуръ крупно. Переходя изъ пасторальныхъ размѣровъ въ историческіе, эти предметы теряютъ свою цѣну. Ландшафтъ, пасущіеся скотъ, непременно должны быть представлены въ нѣкоторомъ отдаленіи, и въ такой оптической точкѣ, какъ будто бы зритель видѣлъ ихъ изъ окна.... въ этомъ вся ихъ прелесть, все очарованіе; но поставленные къ намъ слишкомъ близко, изображенія животныхъ никогда не могутъ равняться съ своими оригиналами, и разрушаютъ весь интересъ картины. Въ послѣдствіи Поль Поттеръ самъ замѣтилъ эту ошибку, и хотѣлъ снова исправить ее, но было ужъ поздно,—ему оставалось не долго жить; чрезмѣрная работа разстроила его здоровье. Проводя пѣлые дни или за своими рисунками въ полѣ, или за своимъ станкомъ въ мастерской, по вечерамъ, а иногда даже и по ночамъ онъ дѣлалъ гравюры съ своихъ картинъ. Но, говоритъ издатель *Исторіи живописцевъ*,—эти непрерывныя занятія, на которыя смотрятъ какъ на причину его преждевременной смерти, были необходимыми свойствами и непреложнымъ закономъ его натуры. Есть въ нѣкоторыхъ, людяхъ, которымъ предназначена недолгая жизнь, какое-то тайное и непреодолимое стремленіе къ дѣятельности: какъ бы предчувствуя близкій копецъ, они спѣшатъ наслаждаться жизнію, спѣшатъ исполнить свое назначеніе, и для этого не жалѣютъ своихъ силъ.

Отъ истощенія силъ умеръ и Поль Поттеръ, въ 1651, не старѣ 29 лѣтъ отъ роду. Онъ похороненъ въ Амстердамскомъ соборѣ. Дня вѣка протекли послѣ его смерти, а цѣнность картинъ его не только не упала, но напротивъ еще возвысилась. Его *натуральный* родъ еще ближе подходитъ къ духу настоящаго времени, чѣмъ подходитъ онъ къ духу его современниковъ. Гравюры этого художника, сдѣланныя посредствомъ крѣпкой водки, тоже цѣнятся до сихъ поръ пропорціонально съ его картинами. Недавно еще пять его оттисковъ продавы за 350 фран. *Корова лежащая подъ деревомъ*, если она

еще сохранилась въ цѣлости, одна стоитъ отъ 200 до 250 франк. Въ Лувръ только двѣ его картины. Всѣ лучшія его произведенія находятся въ Амстердамѣ, въ Гагѣ, и преимущественно въ С.-Петербургскомъ эрмитажѣ.

Заключимъ нашъ разсказъ объ этомъ небольшомъ, но блестящемъ созвѣздіи художниковъ Фламандской школы, которую часто обвиняютъ въ матеріализмѣ, потому что она слишкомъ натуральна, — именемъ самымъ народнымъ и самымъ извѣстнымъ въ ней, именемъ Рембранта, которое составляетъ синонимъ сочетанія свѣта и тѣни, мрачныхъ углубленій и яркихъ выпуклостей.

Жизнь его не совсемъ обыкновенна, и если не отличается событіями чрезвычайнымъ, такъ по крайней мѣрѣ отличается оригинальностью. Рембрантъ былъ сынъ мельника, мельница котораго стояла на рукавѣ Рейна, близъ Лейдена, такъ что по этому его называли *Ванъ-Рейнъ*. Онъ былъ также современникомъ тѣхъ художниковъ, о которыхъ мы уже говорили, и такъ же, какъ многіе великіе художники, пробилъ самъ себѣ дорогу къ искусству. Мельникъ, отецъ его, былъ чело-вѣкъ зажиточный; онъ хотѣлъ дать сыну образованіе, и отпрзвилъ его въ университетъ. Но школьникомъ овладѣлъ демонъ свѣта и тѣни, которыхъ онъ вовсе не находилъ въ своихъ книгахъ. Онъ рисовалъ перомъ, на учебныхъ тетрадахъ, головы, которыми изображалъ Свѣтонія и Корнелія, не желая разомъ прервать всѣ сношенія свои съ латынью. Къ счастью, мельникъ понялъ, что тутъ было призваніе, не противился склонности сына, и позволилъ ему даже ходить къ одному живописцу. Впослѣдствіи многіе знаменитые живописцы оспаривали честь дать ему усовершенствованіе, но между тѣмъ извѣстно, что этотъ великій художникъ не имѣлъ никакого учителя кромѣ самаго себя.

Рембрантъ былъ дурень, и любилъ воспроизводить свое безобразіе. Липо Корреджіо совершенно намъ неизвѣстно. Императрица Марія Луиза, владѣтельница герцогиня той страны, гдѣ находятся его неподражаемые фрески, давала значительную сумму тому, кто отыщетъ сходный портретъ его. Изображенія Рембрантова лица, мужиковатаго, но остроумнаго, часто повторялись его же собственной шутилой кистью. — «Я дурень, — говорилъ онъ самъ себѣ, — погодите же, мы посмотримъ, чтѣ хорошо!» — И онъ создалъ міръ уродовъ, еще болѣе безобразныхъ, чѣмъ уроды Давида Теньера; но онъ озарилъ ихъ своимъ чуднымъ свѣтомъ — и безобразіе исчезло. Онъ написалъ оргію.

Удалившись на мельницу своего отца, онъ работалъ тамъ, самъ не

звая хорошенько цѣны своимъ произведеніямъ. Но въ Голландіи въ то время было слишкомъ много любителей искусства, и такой снѣтливый, такой повый талантъ не могъ не озарить самъ себя тѣмъ свѣтомъ, которымъ озарялъ свои картины. Найдено, что первую свою картину онъ продалъ за 100 флориновъ. Начало очень блестящее!

И какъ только Рембрантъ началъ получать деньги, онъ сдѣлался скупъ, и остался скупымъ на всю свою жизнь. Увидѣвъ, что ему такъ щедро отсыплютъ флорины за самыя дешевыя краски, которыя онъ набрасывалъ на полотно, онъ рѣшился переселиться въ Амстердамъ. Тогда ему было 24 года, и тутъ же (въ 1630), чтобъ сдѣлаться сколько можно больше известнымъ, онъ началъ писать и гравировать себя въ различныхъ видахъ и различныхъ костюмахъ, часто очень нелѣпыхъ и всегда чужеземныхъ, которые крайне изумляли добрыхъ голландскихъ простолюдиновъ, вѣрныхъ своей старинной одеждѣ.

Какъ только онъ собралъ порядочный капиталъ, онъ тотчасъ же открылъ школу живописи, въ которой руководствовался своей собственноручной оригинальной методой. Онъ не собиралъ учениковъ спонихъ въ одну общую мастерскую, а заставлялъ каждого по одиночкѣ, въ запертой комнатѣ, писать съ натуры, для того, чтобы каждый изъ нихъ, такъ же какъ и онъ самъ, могъ получить свою собственную манеру.

Такимъ образомъ онъ приобрѣлъ известность и оригинальностью своего таланта и оригинальностью своихъ поступковъ. Мечтатель, весь пропитанный элементомъ фантастическимъ, онъ жилъ половину жизни дурочкомъ, половину волкомъ. Онъ собралъ, немножко жидовскимъ шаперомъ, множество разныхъ вещей, принимая ихъ въ закладъ. Матерія, головные уборы, оружіе, драгоценности, кружева, фарфоръ, хрусталь, зеркала, всякую мебель—все хватала его ненасытная скупость. Но характеръ его, въ противоположность этому пятну, имѣлъ и свои свѣтлыя стороны, которыя отдѣлялись отъ него такъ же рѣзко, какъ и въ картинахъ его отдѣлялся свѣтъ отъ тѣни. Онъ умѣлъ чувствовать благодарность, — а это рѣдкость не послѣдняя, — и что всего удивительнѣе, не смотря на свою скупость, женился на бѣдной дѣвушкѣ, тогда какъ ему предлагали много богатыхъ невѣстъ. Она была хорошенькая крестьянка изъ Ватерланда, и Рембрантъ не замедлил ее написать подлѣ себя, во всемъ блескѣ ея молодости и здоровья. Изъ благодарности къ своему первому покровителю доктору Тюльпсову, онъ обезсмертилъ его въ своей знаменитой картинѣ: *Анатомическій урокъ*. Такия черты пріятны.

Въ продолженіи двадцати лѣтъ, Рембрантъ составилъ себѣ значи-

тельное состояніе, чему столько же способствовали его гравюры крѣпкой водкой, какъ и картины. Мастерская его была постоянно наполнена живописцами уже знаменитыми, но которые хотѣли еще у него учиться. Съ большей части изъ нихъ помогалося за курсъ сто флориновъ. Кромѣ того Рембрантъ продавалъ множесгво картинъ, писанныхъ его учениками, но подъ которыми онъ подписывалъ свое имя. Посреди этого богатства нашъ художникъ, нисколько не похожій характеромъ на Теньера и Рубенса, продолжалъ жить въ первобытной простотѣ мельникова сына. Насмѣшники говорятъ, что страсть къ цвѣту любимаго имъ золота заставляла его давать всѣмъ картинамъ своимъ желтоватый тонъ, и что онъ даже искалъ этого цвѣта въ той желтой японской бумагѣ, на которой дѣлалъ оттиски своихъ гравюръ. Разсказываютъ также, что ученики иногда забавлялись надъ нимъ, разбрасавъ по полу картонные флорины, такъ живо написанные, что учитель тотчасъ же кидался подбирать ихъ. Однако жъ, питаясь сельдами и сыромъ, Рембрантъ часто высыпалъ свой кошелекъ въ карманъ нищаго.

Не смотря на такой образъ жизни художника и на всѣ его простонародныя привычки, у него однако жъ было много знатныхъ друзей, и въ числѣ ихъ, самый искренній, бургомистръ Сикстъ, котораго онъ и писалъ и гравировалъ. Не знающій приличій свѣта, онъ принималъ между тѣмъ у себя людей лучшаго общества, которыхъ привлекала къ нему его слава, его добродушіе, и которыхъ онъ дѣлалъ бессмертными своимъ рѣзцомъ, достойнымъ соперникомъ его кисти. Но изъ всѣхъ такихъ портретовъ—лучшій портретъ Сикста. Этой гравюрѣ цѣна цѣны. Мостъ, перекинутый черезъ рѣку, между домомъ бургомистра и деревней, послужилъ поводомъ къ слѣдующему анекдоту. Рембрантъ обѣдалъ у своего друга. Не приготовили горчицы, и бургомистръ послалъ за ней своего слугу въ деревню. Рембрантъ, зная медленность слуги, подержалъ пари, что онъ успѣетъ сдѣлать цѣлую гравюру, прежде чѣмъ слуга воротится. Дѣйствительно, вынувъ одну изъ гравировальныхъ досокъ, которыя всегда были съ нимъ совѣстными подготовленныя, онъ связалъ всю окрестность, видную изъ окна, а въ томъ числѣ и мостъ. Ландшафтъ былъ ужъ готовъ, а слуга все не возвращался. Это та самая гравюра, которая называется *Сикстовъ мостъ*.

Рембрантъ умеръ въ Амстердамѣ шестидесяти слишкомъ лѣтъ, заваленный работою и покрытый славой. Мы набросали здѣсь только бѣглый очеркъ этого великаго художника, но тѣ, которые желаютъ прочесть полную ученую и притомъ чрезвычайно вѣрную оптику его таланта, могутъ все это найти въ *Исторіи живописцевъ*, къ которой, можетъ быть, мы снова обратимся когда-нибудь.

СЦЕНЫ

ИЗЪ НѢМЕЦКАГО РОМАНА

АННА ГАММЕРЪ. (*)

Позади книжескаго загороднаго дома тянулся обширный паркъ. Цветники, роши, пригорки, обсаженные виноградниками, вода и купы огромныхъ деревьевъ были перемѣшаны въ немъ безъ всякой симметріи, но между тѣмъ съ глубокимъ соображеніемъ. Все это было окружено довольно высокой каменной стѣной, съ тремя или четырьмя небольшими калитками. Снаружи, къ стѣнѣ примыкала густой лѣсъ, прорѣзанный нѣсколькими дорогами.

По одной изъ этихъ дорогъ ѣхала красивая почтовая карета, запряженная парой сильныхъ и легкихъ лошадей. Человѣкъ съ бородкой и съ еврейской физиогноміей, завернувшись въ широкій, кучерской плащъ, сидѣлъ на козлахъ. Сторы кареты были опущены. Она остановилась на опушкѣ лѣса; низенькій человѣчекъ, богато одѣтый, и тоже по видимому принадлежащій къ іудейскому племени, проворно изъ нея выскочилъ и оставилъ дверцу отворенной.

— Повороты лошадей, Авраамъ, — сказалъ онъ кучеру, скорымъ и трескучимъ выговоромъ жидка.

Кучеръ исполнилъ приказаніе, и обернулъ лошадей въ ту сторону, откуда они пріѣхали.

— Стой такъ!

Карета остановилась, и низенькій человѣчекъ началъ тщательно ее осматривать, какъ бы желая удостовѣриться, достаточно ли она крѣпка

(*) Этотъ романъ, заслужившій похвалы англійскихъ и французскихъ журналовъ, весь состоитъ изъ отдѣльныхъ сценъ, связанныхъ только одной общей мыслью, и изъ множества, почти непрерывно сменяющихся, дѣйствующихъ лицъ. Но каждая сцена имѣетъ свой драматическій интересъ, дѣйствующія лица очеркнуты ярко, разсказъ живъ и занимателенъ. Отрывокъ, который мы приводимъ здѣсь, можетъ дать понятіе о манерѣ автора.

и исправна. Онъ такъ же осмотрѣлъ сбрую, и потомъ бросилъ довольный взглядъ на надежныхъ коней.

— Смотри, Авраамъ, будь же готовъ.

— Да будь же покоенъ, — отвѣчалъ кучеръ.

— Какъ только я прыгну въ карету, пускай лошадей во весь духъ; только не прежде, какъ я прыгну, — понимаешь, не прежде.

— Странный ты человѣкъ, Моисей; какъ будто я этаго не понимаю.

— Знаю, что понимаешь, но неравно вдругъ какъ-нибудь заспѣшишь. Дождись, пока я точно войду въ карету и когда дверца хлопнетъ. Именно слушай, какъ дверца хлопнетъ, а оглядываться тебѣ некогда.

— Да полно тебѣ хлопотать о пустомъ, старый дуракъ! — сказалъ кучеръ съ сердцемъ.

— Пуще всего, Авраамъ, не сходи безъ меня съ козелъ и не затвори дверцы, чтобъ я могъ скорѣе попасть въ карету.

Кучеръ ничего не отвѣчалъ.

— Еще одно слово, любезный Авраамъ: увѣренъ ли ты, что лошади вынебуть? Шесть нѣмецкихъ миль, это десять французскихъ лье, безъ отдыха и безъ корма? увѣренъ ли ты такъ же, что карета не сломается?

— Дѣлай свое дѣло, трусь, — отвѣчалъ кучеръ, и оставъ мнѣ заботиться о лошадяхъ и каретѣ.

Низенькій человѣчекъ посмотрѣлъ на свои часы.

— Ровно пять! настоящее время. Еще разъ, Авраамъ, — не трогайся съ мѣста и держи ухо востро.

Прокрадывался какъ гиена, жидъ побѣжалъ къ калиткѣ парка, подлѣ которой проходила дорога. Осмотрѣвшись кругомъ, и видя, что никого нѣтъ, онъ вынулъ изъ кармана ключъ, проворно отворилъ дверь, и проскользнувъ въ нее какъ змѣя, тотчасъ же опять затворилъ ее за собою.

Жидъ думалъ, что его никто не видитъ, но между тѣмъ два зоркіе глаза очень внимательно слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Не далеко отъ калитки, въ которую онъ вошелъ, человѣкъ скрывался въ кустарникѣ. Наружность его была чрезвычайно замѣчательна: къ необыкновенно высокому его росту присоединялась такая же необыкновенная худоба. Широкія кости и огромныя, мускулистыя руки обличали въ немъ богатырскую силу. Одежда этого чудака тоже была довольно странна: темное платье его было точно такого цвѣта и изъ такого же толстаго сукна, какъ канюшны нищенствующихъ монаховъ; панталоны кожаные, стиблеты изъ сѣрой холстины, и толстые башмаки. На плечѣ

всѣмъ мѣшокъ, изъ котораго торчалъ черный грѣвъ старой скрипки. Лѣта его угадать было трудно. Его длинныя, вѣсело высушенныя волосы были именно того неопредѣленнаго, мышьянаго пѣта, который не измѣняется отъ старости, или по крайней мѣрѣ измѣняется очень мало. На лицѣ его было много глубокихъ морщинъ, но главныя черты не потеряли отъ этого своей выразительности. Глаза были свѣтлы и зорки. Однимъ словомъ, наблюдатель самый тонкій и опытный пикаръ бы не могъ опредѣлить, пятьдесятъ ли ему лѣтъ, шестьдесятъ ли, или семьдесятъ.

Онъ переходилъ черезъ дорогу, когда увидѣлъ остановившуюся карету и двухъ жидовъ. Въ минуту сообразивъ, что его еще не успѣли замѣтить, онъ проворно спрятался въ чашу, и котя, за отдаленностію, не могъ слышать разговора евреевъ, но по крайней мѣрѣ видѣлъ всѣ ихъ движенія. Когда одинъ изъ нихъ вошелъ въ калитку, незнакомецъ тоже пробрался къ ней, по кустарнику, не замѣченный кучеромъ, и попробовалъ ее отворить. Калитка была заперта. Онъ опять началъ прокрадываться вдоль стѣны, тихо какъ кошка, и вдругъ остановился противъ высокаго дерева, которое росло внутри парка, но вѣтви котораго свѣшивались, черезъ стѣну, такъ низко, что незнакомецъ легко могъ достать ихъ рукой. Онъ смѣрялъ глазами длину и толщину одного изъ свѣсившихся сучковъ, потомъ вышину стѣны, потомъ обѣими руками ухватился за сукъ, уперся ногами въ стѣну, и, съ одного прыжка, очутился на деревѣ; съ другаго онъ ужъ стоялъ на землѣ внутри парка; и весь этотъ маневръ сопровождался только самымъ легкимъ скрипомъ и легкимъ сотрясеніемъ дерева.

Вкругъ него была непроходимая чаша, и только щебетанье птицъ нарушало тишину этого глухаго мѣста. Съ трудомъ отыскавъ онъ чуть протоптанную тропинку, и выбрался по ней къ той же самой калиткѣ, въ которую вошелъ жидъ. Оттуда шла извилистая дорожка, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, должна была вести къ дому. Незнакомецъ пошелъ по ней и очутился на обширной лужайкѣ; съ правой стороны прилежала къ ней главная, широкая аллея, по протяженію которой видны были вдали лучи утренняго солнца, играющіе на гладкой поверхности озера. Съ лѣвой, опять тянулась чаша. Ни одно живое существо не нарушало тишины этого прекраснаго ландшафта.

Странникъ, казалось, на минуту задумался, куда ему идти; онъ опять скрылся въ кустарникъ и опять началъ пробираться по немъ, такъ же осторожно, какъ прежде. Когда онъ достигъ небольшого холма, почти совершенно закрытаго кустами и увѣнчаннаго тремя огромными

соснами, онъ хотѣлъ выйти изъ чащи, какъ вдругъ услышалъ шорохъ не вдалекѣ отъ себя. Онъ остановился, еще прислушался и началъ осматриваться; но кустарникъ еще былъ слишкомъ густъ вокругъ него: онъ видѣлъ только листья, да сучья, надъ которыми возвышались три сосны, тихо покачиваемыя утреннимъ вѣтеркомъ, шелестившимъ ихъ вѣтви. Шорохъ слышался отъ шаговъ маленькаго жидка, который протаживался подъ соснами взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи. Онъ, повидимому, съ нетерпѣніемъ кого-то ждалъ. Человѣкъ со скрипкой притаился за толстымъ цвѣтъ сосны, откуда онъ могъ видѣть всѣ движенія еврея и слышать слова его.

— Вотъ ужъ пять минутъ просрочилъ, — сказалъ жидокъ, посматривая на часы; — меня заставлятъ дожидаться!... После этого ему ни въ чемъ нельзя вѣрить. Да нѣтъ, не можетъ быть, чтобы онъ раздумалъ; онъ не ускользнетъ отъ меня.

Онъ еще прошелся нѣсколько разъ, и снова остановился.

— А дѣльце славное, дѣльце прибыльное! — продолжалъ онъ потирая руки; — какой дуракъ! Да гдѣ жъ онъ это пропасть?

Тутъ онъ подошелъ къ самому дереву, за которымъ скрывался странствующій музыкантъ.

— Что, если онъ меня выдастъ, тогда я погибъ безвозвратно!... Да нѣтъ, нѣтъ, онъ у меня въ рукахъ....

— Моисей! — крикнулъ надъ самымъ его ухомъ голосъ челоѣка въ темномъ платьѣ, и въ ту же минуту тяжелая рука упала на плечо еврея, который, какъ пораженный громомъ, повалился на землю. Глаза его устремились на незнакомца.

— Гей... Гей... пролепеталъ онъ, и отъ ужаса не могъ договорить слова.

— Ну, доканчивай же мое имя, — сказалъ тотъ съ спокойной и вмѣстѣ насмѣшливой улыбкой.

Жидокъ точно такъ же скоро оправился, какъ и потерялся. Онъ стоялъ уже на ногахъ и счищалъ грязь съ своего платья.

— Фу, какъ вы меня испугали, милостивый государь! — сказалъ онъ съ видомъ удивленія.

— Доканчивай слово, все слово!

— Какое слово?... Что вы хотите сказать? и что вамъ отъ меня угодно?

— Договаривай мое имя, чортъ возьми! Договаривай: Гейгенерицъ!

— За чѣмъ? какое мнѣ дѣло до этого имени? я не знаю его.

— Старый плутъ, Моисей Амшельдъ, и ты не знаешь этого имени, не знаешь Гейгенфрица! Не хорошо такъ поступать съ старыми друзьями!

— Говорю вамъ, что я не знаю никакого Гейгенфрица, не знаю никакого Моисея Амшельда. Вы ошиблись, и ступайте своей дорогой; — понимаете?

Говоря эти слова, жидъ вооружился всѣмъ своимъ присутствіемъ духа и всѣмъ хладнокровіемъ. Человѣкъ со скрипкой презрительно посмотрѣлъ на него.

— Моисей Амшельдъ, — сказалъ онъ, — видно ты хочешь, чтобъ я тебѣ напомнилъ всѣ тюрьмы и всѣ смиренныя дома, въ которыхъ видалъ тебя. Теперь ты, какъ кажется, сдѣлался знатнымъ баринѣмъ. Я слышалъ, что ты богатый банкиръ, баронъ, я думаю. Князья и графы — твои должники, ты живешь въ богатствѣ и роскоши, но для меня ты все тотъ же Моисей Амшельдъ, мой старый товарищъ, котораго я тотчасъ же узнать, такъ же какъ и мошенника твоего брата, который дожидается тебя тамъ, на козлахъ кареты.

Твердость жиды исчезла при этихъ словахъ; онъ еще старался выдерживать свой угрожающій тонъ, но голосъ его дрожалъ и невольно измѣнялъ ему.

— Повторяю вамъ, что вы ошибаетесь. У меня здѣсь есть дѣло; не мѣшайте мнѣ, или я велю васъ схватить....

Гейгенфрицъ засмѣялся.

— Что у тебя здѣсь есть дѣло, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь; но чтобъ ты велѣлъ меня схватить, это чистые пустяки. Кажется, дѣло твое такого рода, что мое свидѣтельство едва ли будетъ полезно тебѣ.

Справедливость этого замѣчанія сильно поразила жиды. Съ миуту онъ озирался кругомъ отчаяннымъ взоромъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, засунувъ руку въ пазуху, какъ будто чего-то искалъ у себя на груди. Но рука вынулась пустая, и онъ, потупивъ взоръ, не смѣлъ глядѣть въ лице Гейгенфрицу.

— Ну хорошо, Гейгенфрицъ; — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, — только оставь меня на минуту. Поди подожди меня у кареты, вмѣстѣ съ моимъ братомъ. Я сей-часъ приду, и тамъ мы поговоримъ съ тобою подробно.

— Нѣтъ, этого не будетъ, старый грѣшникъ! Ты мнѣ сказалъ, что у тебя здѣсь есть дѣло; прекрасно! мы съ тобой вмѣстѣ обдумали и обдѣлали много дѣлъ.

— Но на этотъ разъ твое присутствіе совершенно безполезно здѣсь. Ты только напрасно потеряешь время.

— Это мы увидимъ.

— Но ты мнѣ испортишь все, испортишь все безвозвратно.

— Въ чемъ дѣло?

— Ты узнаешь послѣ.

— Я узнаю сей-часъ, я тебя слушаю.

— Теперь не скажу ничего.

— Ну такъ я дождусь и увижу.

Настойчивость Гейгенфрица была непоколебима; Амшельдъ началъ бѣгать взадъ и впередъ, ломая себѣ руки и посматривая безпокойно въ даль. Вдругъ на лицѣ его выразилось страшное отчаяніе. Гейгенфрицъ обернулся въ ту сторону, куда были устремлены глаза жиды, и увидѣлъ, что по одной изъ аллей кто-то очень скоро идетъ, прямо къ холму.

— Ради самого Бога, уйди! — сказалъ Монсей Амшельдъ умоляющимъ голосомъ.

— Ба, да это князь! Какія у тебя съ нимъ дѣла?

— Уйди, уйди, пожалуйста!

— Не тронусь съ мѣста, пока ты не скажешь.

— У насъ съ нимъ общее дѣло.

— Какое?

— Сей-часъ узнаешь, только оставь меня; я не уйду отъ тебя.

— Какое дѣло? — спрашиваю я.

— Дѣло о брилліантахъ. Но оставь же меня, ради Бога; на колѣняхъ прошу тебя.

— Да, конечно ты отъ меня не уйдешь, — сказалъ Гейгенфрицъ, и скрылся въ кустахъ.

Монсей едва только успѣлъ оправиться и перевести духъ, когда третье лицо подошло къ нему. Это былъ молодой человѣкъ очень деликатнаго сложенія, очень ловкій и очень красивый. На прекрасномъ, но изнуренномъ лицѣ его были видны слѣды всѣхъ возможныхъ излишествъ, что вмѣстѣ съ безпорядкомъ его богатой одежды подавало о немъ не совсѣмъ выгодное мнѣніе.

— Кто здѣсь былъ, жидъ?

— Никого; кому же быть, кого же я могъ привести съ собой?

— Я слышалъ, что ты говорилъ съ кѣмъ-то; кто съ тобой былъ?

— Клянусь моимъ Богомъ, ваше сіятельство, здѣсь не было никого.

— Оставь всѣ мои титулы, и говори правду.

— Сей-часъ умереть, никого не было.

Молодой человекъ недоверчиво посмотрѣлъ вокругъ. Успокоенный однако жъ этимъ обзоромъ, онъ вынулъ изъ кармана какую-то вещь, завернутую въ фуляръ, и отдалъ ее жиду.

— Вотъ, жидъ,—сказалъ онъ,—ступай, убирайся!

Моисей хотѣлъ развернуть платокъ.

— Шутъ!—сказалъ князь, — неужто ты думаешь, что я тебя обманываю?

Онъ хотѣлъ ужъ идти, но вдругъ остановился и прибавилъ:

— Въ Америкъ, въ Нью-Йоркъ, но только не въ Лондонъ, понимаешь?

— Какъ сказано, такъ и будетъ.

Князь бѣгомъ побѣжалъ отъ жиды. Амшельдъ развернулъ фуляръ, взглянулъ на то, что въ немъ было завернуто, и пошелъ, тоже очень скоро, къ калиткѣ, которую опять отперъ и заперъ съ удивительной быстротой. Онъ ужъ былъ не далеко отъ кареты, какъ вдругъ сильная рука остановила его: Гейгенфрицъ, выскочивъ изъ канавы, явился предъ нимъ, какъ призракъ.

— За чѣмъ было опять пугать меня?—сказалъ Моисей. — Я не думаю отъ тебя скрываться.

— Потому, что не можешь скрыться. Ну теперь, товарищъ, раздѣлимъ.

— Что ты, съ ума сошелъ?

— Нѣтъ, не я, а развѣ ты сошелъ съ ума, если думаешь, что я не распоряджусь съ тобой какъ мнѣ угодно.

Амшельдъ посмотрѣлъ кругомъ, и увѣрился, что ему не откуда ждать защиты. Карета была не далеко, это правда, но кучеру не возможно было бросить горячихъ и бойкихъ лошадей.

— Покажи мнѣ добычу,—сказалъ Гейгенфрицъ.

Противиться было невозможно. Медленно и противъ воли жидъ развязалъ фуляръ. Солнечные лучи упали на ослѣпительный брильянтовый склавакъ, которому, казалось, не было цѣны. Жидъ трепеталъ, но не смотря на то, глаза его засверкали при этомъ зрѣлищѣ.

— Старый плутъ,—сказалъ Гейгенфрицъ,—что это?

— Закладъ,—отвѣчалъ жидъ.

— Что стоитъ?

— Что стоитъ? Я думаю, червонцевъ четыреста.

— Эге, братъ! да за кого жъ ты меня принимаешь?

— Ну можетъ быть тысячи двѣ.

- Больше ста.
- Что ты, Богъ съ тобой.
- Ну какое дѣло до цѣны; пополамъ.
- Да вѣдь прежде надобно продать, а потомъ ужъ раздѣлить деньги.
- Деньги? нѣтъ, пріятель, ты меня не поддѣнешь. Мы кончимъ дѣло здѣсь же, безъ всякаго отлагательства.
- Какъ же это возможно?
- Очень легко. Я разломлю склаважъ на двое; ты возьмешь одну половину, я другую. Подай-ко его сюда.
- Амшельдъ затрѣся и схватился обѣими руками за драгоценность. Напрасно! Гейгенфрицъ развелъ его пальцы, какъ пальцы дитяти. Собравъ всѣ свои силы, жидъ хотѣлъ еще противиться, и опять вцѣпился въ склаважъ; меньше чѣмъ черезъ секунду онъ былъ бы у него вырванъ, какъ вдругъ длинный ножъ, изъ-за плеча Гейгенфрица, ударилъ его по рукѣ, и онъ невольно бросилъ и жиду и склаважъ. Это былъ Аврамъ, который поспѣлъ на помощь къ своему брату.
- Оба еврея, не теряя ни минуты, и смѣясь надъ озадаченнымъ въ свою очередь Гейгенфридомъ, побѣжали къ каретѣ. Одинъ вскочилъ въ нее, другой сѣлъ на козлы, и они полетѣли во весь духъ.

Вотъ въ какой обстановкѣ авторъ выводитъ на сцену героиню своего романа.

Въ теплый апрѣльскій день, передъ сумерками, три кавалерійскіе офицера сидѣли въ единственномъ бѣдномъ трактиришкѣ маленькаго нѣмецкаго городка. Двое изъ нихъ помѣшались около стола; одинъ, сложивъ ноги крестъ на крестъ, другой, вытянувъ ихъ во всю длину. Третій смотрѣлъ въ окно. Всѣ трое курили; двое сигары, третій трубку. Офицеръ, сидѣвшій сложивъ ноги, забавлялся своими шпорами, и вертѣлъ ихъ колечки, шумъ которыхъ, казалось, занималъ его очень серьезно. Офицеръ номеръ второй глядѣлъ на свою длинную трубку и слѣдилъ за облаками дыма, вылетающими изъ нея. Офицеръ номеръ третій наблюдалъ въ окно полетъ настоящихъ облаковъ, гонимыхъ вѣтромъ.

Жизнь офицеровъ маленькаго гарнизона—самая скучная жизнь. Изъ двадцати четырехъ часовъ каждыхъ сутокъ, часъ они проводятъ въ манежѣ, другой учатъ рекрутъ, на осмотръ конюшенъ посвящаютъ четверть часа; за тѣмъ всѣ обязанности ихъ исполнены, все остальное

время они свободны, но каждая минута этого времени тяготеет надъ ними свинцовыми гириами. Въ городкѣ помѣщается одинъ только эскадронъ, въ которомъ не болѣе четырехъ или пяти офицеровъ. Всѣ они давно знаютъ другъ друга, всѣ воспитывались вмѣстѣ въ одномъ и томъ же военноучебномъ заведеніи. Предметы ихъ разговоровъ, о лошадяхъ и собакахъ, о женщинахъ и о производствѣ, тоже не новы для нихъ; они имъ падали.

Въ городкѣ нѣтъ никакого общества, которое можно было бы назвать обществомъ. Все его пародонаселеніе состоитъ изъ небольшого числа мѣщанъ, тихихъ, простыхъ и ограничивающихъ свой прозаическій кругъ знакомства только людьми себѣ подобными. Правда, они встрѣчаются съ офицерами въ тавернахъ и клубахъ, если только есть клубы въ городкѣ; но мирные граждане и въ публичныхъ мѣстахъ, особенно когда они бываютъ тамъ съ своими семействами, тщательно избѣгаютъ всякаго столкновенія съ людьми военными. Если въ окрестности и есть какой-нибудь благородный домъ, въ него тоже трудно войти, а въ тѣхъ домахъ, гдѣ любятъ общечитіе, ужь до того радушно принимали гостей, что больше не въ состояніи принимать.

Три офицера, всѣ молодые, всѣ красивые и всѣ съ фizioноміями выразительными, долго сидѣли безмолвно и неподвижно. Въ залу вошелъ разнощикъ газетъ, положилъ на столъ листокъ, полученный изъ столицы, и вышелъ не сказавъ ни слова. Одинъ изъ офицеровъ лѣниво протянулъ руку, почти машинально взялъ газету, на которую другіе не обратили никакого вниманія, и началъ ее просматривать съ визу вверхъ, съ столбца объявленій о смерти, о свадьбахъ, о продажѣ разныхъ вещей. Кончивъ свой просмотръ, т. е. дойдя до начала газеты, онъ положилъ ее такъ же лѣниво, какъ и взялъ.

— Ничего новаго, — сказалъ онъ, зѣвая, и опять началъ вертѣть колечки своихъ шпоръ.

— Какъ обыкновенно, — прибавилъ его сосѣдъ.

Третій не сказалъ ничего.

Они еще просидѣли нѣсколько минутъ, не трогаясь съ мѣста и не говоря ни слова, пока сигары ихъ всѣ сгорѣли и трубка докурилась. Тогда двое закурили новыя сагары, третій снова набилъ свою трубку; всѣ трое встали и начали прохаживаться по комнатѣ.

— Какъ тянется день, — сказалъ одинъ.

— Ужасно, — отвѣчалъ другой.

Третій молча смотрѣлъ на свои сапоги. Солнце садилось. Последніе лучи его ярко раздѣчивали бѣгущую массу облаковъ, принимавъ-

нихъ самые прихотливые отѣнки и формы. Въ залѣ, наполненной табачнымъ дымомъ, стало еще темнѣе и еще скучнѣе; слуга поставилъ на столъ двѣ длинныя, тонкія свѣчи. Слабый, дрожащій свѣтъ ихъ нисколько не разсвѣивалъ скуки.

Вдругъ на улицѣ послышался топотъ лошади, который, казалось, приближлся къ трактиру. Лица трехъ офицеровъ оживились.

— Неужели это капитанъ? — спросилъ одинъ изъ нихъ тономъ человека, нѣсколько удивленнаго.

— Невозможно! — отвѣчалъ другой. — Если бы онъ скакалъ съ скоростью дьявола, и тогда ему нельзя возвратиться прежде часа.

— Но я слышу топотъ двухъ лошадей, — прибавилъ первый.

Третій офицеръ обернулся къ двумъ разговаривающимъ.

— Это не капитанъ, — сказалъ онъ утвердительно; — его лошадь гораздо легче, а топотъ этой слишкомъ тяжелъ.

Офицеры подошли къ окну. Два всадника приближались къ трактиру; одинъ впереди, другой за нимъ, въ почтительномъ отдаленіи.

— Чортъ возми, это какой-то незнакомый офицеръ съ своимъ лакеемъ, — сказалъ одинъ изъ курильщиковъ.

Двое другихъ слышали утвердительный знакъ.

— Кто это? куда онъ ѣдетъ?

На эти вопросы никто не могъ отвѣчать,

Передній всадникъ остановился передъ крыльцомъ трактира.

— Здѣсь гостинница? — закричалъ онъ.

Хозяинъ, трактирный мальчикъ и конюхъ выбѣжали къ нему.

— Гостинница къ вашимъ услугамъ, — сказалъ хозяинъ почтительно.

Слуга пріѣзжаго, подѣхавъ къ своему господину, соскочилъ съ лошади. Офицеръ тоже. Трактирный конюхъ хотѣлъ принять его лошадь, но офицеръ такъ сильно толкнулъ его, что онъ упалъ.

— Невѣжа! — сказалъ онъ, — какъ смѣешь ты прикасаться къ моей лошади.

Слуга принялъ поводья изъ рукъ офицера, и далъ съ своей стороны пища несчастному конюху, пока тотъ вставалъ.

— Вашей чести угодно у меня остановиться? — спросилъ трактирщикъ съ видомъ глубочайшей покорности.

Офицеръ не отвѣчалъ ему: онъ трепалъ свою лошадь по шее и по плечамъ. Потомъ обернулся къ трактирщику.

— Комнату! — сказалъ онъ отрывисто и повелительно. Трое офицеровъ поглядывали другъ на друга съ удивленіемъ.

— Кто это, господа? вы не знаете? — спросилъ одинъ.

Всѣ знали столько же, сколько и спрашивающій.

— На немъ мундиръ нашего полка, — замѣтилъ другой.

— Это неизъяснимо! — прибавилъ третій, пожимая плечами.

— Лошадь однакожъ не отличная.

— А ты хочешь, чтобъ онъ погналъ въ дорогу свою лучшую лошадь. Должно быть онъ прѣхалъ издалека; посмотри, какъ лошади измучились.

Дверь общей залы растворилась.

— Извольте здѣсь обождать минуту, — сказалъ хозяинъ. — Комната ваша сейчасъ будетъ готова. А между тѣмъ вы познакомитесь здѣсь съ вашими товарищами.

— Господа, — сказалъ прѣзжій, — честь имѣю рекомендовать себя.... Князь Амбергъ. Я переведенъ въ вашъ полкъ и назначенъ въ вашъ эскадронъ; надѣюсь, что вы примете меня какъ добрые товарищи.

Старшій изъ офицеровъ отвѣчалъ на эту рекомендацію тѣмъ же:

— Фомъ деръ-Грубенъ, Мартини, — сказалъ онъ указывая на двухъ офицеровъ, а я графъ Энгельбахъ. Всѣ мы очень рады васъ видѣть и служить съ вами.

Всѣ три офицера пожали руку прѣзжему.

— Позвольте васъ спросить, гдѣ капитанъ? — сказалъ молодой человекъ. — Мнѣ надобно къ нему явиться; служба прежде всего.

— Капитанъ поѣхалъ не далеко, съ визитомъ, — отвѣчалъ Энгельбахъ. — Мы ждемъ его черезъ часъ, и онъ заѣдетъ сюда. Послѣ него, я старшій офицеръ въ эскадронъ, — прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ позвольте представиться вамъ, — сказалъ князь, и полусуто, полусерьезно, отсалютовалъ Энгельбаху рукой.

— Теперь прошу на полчаса увольненія, — прибавилъ онъ. — Послѣ четырехдневнаго путешествія верхомъ надобно немножко завѣяться моимъ туалетомъ. До свиданія.

Пока молодой, шеголеватый князь украшалъ и убиралъ свою привлекательную наружность, трое поручиковъ терлись въ догадкахъ, какимъ образомъ пепалъ въ нихъ скучный, провинціальныи гарнизонъ этотъ знатный молодой человекъ, этотъ знаменитый волокита, этотъ дамскій угодникъ, ужъ успѣвшій прославить себя безчисленными побѣдами? Ужъ конечно онъ оставилъ столицу не по собственной волѣ и прихоти?... Когда Амбергъ возвратился, онъ, за стаканомъ жонки, хотѣлъ разсказать товарищамъ свою исторію, но въ эту минуту въ залу вошли: молодой человекъ лѣтъ девятнадцать или двадцати, тѣлешушнй, болѣз-

ненный, съ котомкой за плечами и съ арфой въ рукахъ, и молодая черноглазая дѣвушка, лѣтъ тридцати. Это были Бернаръ Гаммеръ и сестра его Анна ...

Гейгенфридъ, сдѣлавшись свидѣтелемъ сцены въ княжескомъ саду, помогъ въ послѣдствіи Аннѣ Гаммеръ, посредствомъ этого самаго происшествія, выйти за мужъ за человѣка ею любимого.

МЕЛОЧИ. Странно, что во Франціи пропали между прочими три чело-
вѣка, по имени *Труве*, которыхъ теперь ищутъ и никакъ нигдѣ не мо-
гутъ *найти*, — одинъ министръ, другой кожевникъ, третій банкирскій
прикащикъ: *Труве* Шовель, *Труве* Фрелонъ, и *Труве* (Эдуардъ).

Въ Прусской Палатѣ идетъ дѣло о предложеніи г. Браунера, пред-
водителя нео-католической партіи, изгнаннаго изъ Берлина и изъ своего
роднаго города, въ которомъ онъ потерялъ право мѣстопробыванія,
равно какъ и изъ всѣхъ городовъ королевства. «Въ этомъ положеніи,»
говорятъ наши газеты (см. N 41 Моск. вѣд.), «по истинѣ безвыход-
номъ....» Дѣло совсѣмъ наоборотъ: положеніе г. Браунера безвыходное,
а не безвыходное. Выйти его даже попросили отовсюду: войти онъ
никуда не можетъ — вотъ его бѣда!

Котляревскій названъ въ Современникѣ героемъ Асландуза Макорана,
вмѣсто Асландуза и Ленкорана.

Въ послѣднемъ номерѣ Бюллетеня Петерб. Академіи наукъ есть
извѣстіе, что трудолюбивый академикъ Куникъ готовитъ изслѣдованіе
о 862 годѣ, и вмѣстѣ издастъ дополненіе Круговыхъ замѣчаній о немъ
изъ его византійской хронологіи и опыта о русскихъ монетахъ.

Романъ графини Ростопчиной «Счастливая Женщина» по обстоятель-
ствамъ долженъ быть опять отложенъ на нѣсколько времени.

Комедія Островскаго «Бѣдная певѣста» напечатается въ слѣдующемъ
номерѣ.

Полученныя редакціей статьи: «Мененджимъ-Баши», крымскій разсказъ,
г. Домбровскаго, «Римскіе гастрономы времени Августа», кн. Кострова,
будутъ напечатаны въ слѣдующихъ книгахъ.

Поэма Дантова «Адъ», переводъ Д. Е. Мина, будетъ напечатана
сполна въ Москвитинѣ.

С М Ъ С Ъ.

МЕНЕДЖИМЪ-БАШИ. (*)

(Крымско-татарскій массалъ).

Мѣсяць рамазанъ, по-татарски *урази, раза, или, рузд* (постъ), предшествующій празднику *Байраму* или *Бююк-Байраму*, есть для Мусульманъ, въ томъ числѣ и нашихъ крымскихъ Татаръ, въ одно время и самый строгій постъ и масляница. Днемъ, отъ восхода до захождения солнца, Мусульманнѣ соблюдаетъ самый строгій постъ: не только ничего не ѣстъ и не пьетъ; но даже не курить соблазнительной трубки, — верхъ мученія для страстно привыкшаго къ этой прихоти. За то ночью, какъ только скроется солнце и пожелетъ вечерняя заря, онъ, такъ сказать, всю ночь пируетъ и предается различнымъ удовольствіямъ. Вся, или большая часть ночи, очень часто проходитъ въ разсказахъ, въ пѣніи *илги* (легенды, пѣсни религіознаго содержанія, преимущественно мистическаго) и другихъ развлеченіяхъ, прогоняющихъ сонъ. Большую часть дня богатые, особенно горожане, предаются сну и совершенію обычныхъ намазовъ (молитвъ) пять разъ въ день, а бѣдняки трудятся. — Во время *уразы* или *рамазана*, являются у насъ, не только по городамъ Симферополю, Багчесераю, Карасубазару, Евпаторіи и Феодосіи, гдѣ большинство народонаселенія составляютъ Татары, но и по деревнямъ, такъ называемые *массалджи* (разсказчики, краснобаи, тоже, что въ Константинополѣ и въ Турціи вообще *меддахи*). Они, по обыкновенію, устраиваютъ сходки по кофейнямъ, и, иногда отъ зари до зари, занимаютъ праздныхъ слушателей безконечными разсказами, за что получаютъ отъ посѣтителей кофейни и самого кафеждѣ порядочное вознагражденіе. Лучшие «массалджи» принадлежать къ числу, такъ называемыхъ, бывалыхъ людей, т. е. побывавшихъ въ Константинополѣ и другихъ городахъ Турціи и усвоившихъ манеру тамошнихъ «меддаховъ».

Изучая, по возможности, мусульманско-татарскій бытъ во вѣсѣхъ его отношеніяхъ, я не могъ не обратить вниманія и на эту, интересную въ своемъ родѣ, сторону жизни Крымцевъ, которая, не могу не замѣтить, мало по малу начинаетъ терять свой первоначальный, поэтическій характеръ. Постараюсь сообщить рядъ небольшихъ разсказовъ, собранныхъ мною въ разное время въ разъѣздахъ по Крыму, и начну съ *Менеджимъ-Баши* или главы астрологовъ.

При одномъ изъ могущественныхъ хановъ, — а этотъ могущественный ханъ былъ Менгли-Герай-Ханъ, — такъ началъ массалджи, — жилъ знаменитый менеджимъ, по имени *Салехъ-эфенди*. Молва о его необыкновенныхъ познаніяхъ ходила не только по всему Крыму, но и по всѣмъ мусульманскимъ странамъ; подобнаго ему менеджима едвали можно было найти и въ самомъ Стамбулѣ. Эта слава имѣла послѣдствіемъ глубокое, всеобщее почтеніе къ

(*) *Менеджимъ* слово арабское, значить «астрологъ», происходитъ отъ слова *муджм*, звезда. Здѣсь значить «придворный астрологъ». — *Массалъ* — разсказъ, слово татарское. Ф. Д.

особь Салехъ-эфенди и къ его достопочтенной супругѣ, по имени Шерфе, которая тоже происходила отъ знатной фамилии, чуть ли не изъ мурзацкой (дворянской). Къ сожалѣнію, Шерфе, гордая и своимъ происхожденіемъ и званіемъ супруга, вскорѣ сдѣлалась не-сносною для особь ея пола, такъ что не только жены сановниковъ, но и простыхъ Татаръ съ трудомъ могли скрывать, сперва чувство зависти, а потомъ и ненависти къ высокомерной супругѣ Менеджымъ-Баши.

Въ одно время съ Салехъ-эфенди жилъ въ Багчѣсератъ бѣдный *хамаль* (носильщикъ), по имени *Мейнъ-Аджи*, человекъ некогда зажиточный, но потомъ обвѣнчившій, и принужденный приняться за трудное ремесло носильщика, которымъ, не безъ труда, успѣвалъ списывать пропитаніе для себя и своего семейства. Къ счастью для бѣдняка, семейство его не было велико: онъ да жена *Менглизе*, не совсѣмъ еще старая и не дурна собой, и не простая татарка, а дочь какакого-то эфенди. Мейнъ-Аджи безропотно переносилъ бѣдность, не разъ взваливалъ на плеча непомерно-тяжелую ношу, лишь-бы заработать на дневное пропитаніе. Давно пересталъ онъ мечтать о перемѣнѣ своего состоянія, а тѣмъ менѣе о приобрѣтеніи богатства, и, какъ строгій мусульманинъ, въ минуты отдыха, повторялъ благоговѣнно: «Аллахъ-верды, Аллахъ-ады, — шукуръ Аллахъ (Богъ далъ, Богъ взялъ, — хвала Господу).» Не такъ думала Менглизе. Зависть ни на минуту не давала ей покоя. Она никакъ не могла забыть прежняго довольства и привыкнуть къ бѣдности. «Чѣмъ хуже мой Мейнъ-Аджи этого толстаго Салехъ-эфенди, и чѣмъ хуже я, Менглизе, этой лопорной куклы, Шерфе?» Эти, по видимому, очень простые вопросы не разъ заставляли ее задуматься о томъ, какъ бы помочь горю, какъ бы выбраться изъ ничтожества?

Однажды Менглизе отправилась въ баню, что, къ величайшему огорченію, позволяла себѣ не очень часто, потому что не имѣла ни богатыхъ нарядовъ, ни другихъ драгоценныхъ бездѣлушекъ, которыми могла бы пощеголять передъ своими подругами. На этотъ разъ она отправилась пораньше, пока баня не успѣла еще наполниться посетительницами, особенно женами богачей. Последнія, впрочемъ, не замедлили собраться, по обыкновенію, начать безконечныя пересуды, которыми всегда и вездѣ такъ любятъ заниматься женщины. И Менглизе пыталась не однажды вмѣшаться въ общую бесѣду; но на нее бѣдняжку почти ни одна, особенно изъ числа богатыхъ кадынь, не обращала вниманія. Всѣ и каждая были заняты одною Шерфе, которая была тутъ же и упивалась удовольствіемъ, видя, съ какимъ подобострастіемъ ухаживаютъ около нея

жены чуть-ли не знатнѣйшихъ «капыхалковъ» (придворныхъ). Смущенная и глубоко оскорбленная Менглизе рѣшилась наконецъ выйти изъ бани въ предбанникъ и отправиться домой. Да и пора было. Каково же было ея удивленіе, вскорѣ превратившееся въ непритворную досаду, когда она увидѣла, что все ея платье, начиная отъ «чѣмбѣра» до «пшитоны» (головной платокъ и передникъ), было разбросано по мокрому помосту предбанника!

«Что это за дерзость?—закричала она на прислужницу.—Кто смѣлъ разбросать мое платье? Развѣ я плачу не такія же деньги, какъ и прочіе? Да я глаза выпарапаю, да я заплаю бороду ея мужа, да я....» Тутъ она излилась потокомъ такой брани, что испуганная прислужница была ошелюмлена, и такъ испугана, что, въ первую минуту потерялась совершенно. Наконецъ, опомнившись нѣсколько, она подбѣжала къ разъяренной Менглизе, и, одною рукою стараясь зажать ей ротъ, а другою подбирать разбросанное платье, начала унимать обиженную, говоря со слезами на глазахъ: «Ахъ, душечка, свѣтъ очей моихъ, Менглизе, не сердись, ради Аллаха, не кричи такъ громко! услышитъ,—тогда, о, Боже, мой! и я и ты—мы дорого можемъ поплатиться! Вотъ видишь ли, душа моя,—продолжала прислужница, нѣсколько успѣвъ озадачить обиженную такими убѣдительными просьбами,—вотъ видишь ли, душечка, это сдѣлала жена Менеджимъ-Баши, Шерѣе. Она пришла послѣ всѣхъ, и, какъ не было мѣста, то вѣрно она и сбросила твое платье.... Ради жизни своей, душечка, не сердись». И прислужница смотрѣла на Менглизе такими умоляющими, полными слезъ глазами, что та невольно смягчилась и поспѣшно стала одѣваться. Что дѣлать? Огорченная, почти уничтоженная, съ сердцемъ, переполненнымъ досадою, Менглизе отправилась домой, давъ себѣ слово выместить свою злость на Мейинъ-Аджи, котораго всегда считала виновникомъ своей бѣдности и неразлучныхъ съ нею огорченій. Мейинъ-Аджи, между тѣмъ, воротился уже домой съ заработкомъ, на этотъ разъ, весьма ничтожнымъ, котораго и могло стать только на покупку хлеба и бузы, пищи бѣднѣйшаго народа.

— Вотъ тебѣ, моя добрая Менглизе, все, что я успѣлъ сегодня заработать,—сказалъ бѣднякъ, какъ только вошла его половина, и положилъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ на стоявшій передъ нимъ *курсе* (низенькій табуретикъ).

— Къ шайтану твой ничтожный заработокъ!—почти кричала разгнѣванная супруга. — Всегда приносишь такую бездѣлицу, что жень твоей, дочери достославнаго Имама Садыка,—да наслаждается онъ вѣчнымъ блаженствомъ въ *фирдевсѣ* (въ раю)!—не на что купить

и порочныхъ *терликовъ* (женскіе сафьянные сапоги). Ты не дорожишь честию твоей жены, которую всѣ обижаютъ! Ты трляка, а не мужъ, ты....—и пошла писать и подбирать такія нежности, что бѣдника, до того постоянно ласково встречаемый женою, стоялъ какъ громомъ пораженный, и первая мысль,—а съ мыслями-то не скоро успѣлъ онъ собраться,—была та, что Менглизе спятила съ ума. Только этого недоставало, подумалъ онъ, къ моей бѣдности! Ахъ! Экберъ, Ахъ! Экберъ! (Великъ Богъ, Великъ Богъ!) Что мнѣ теперь дѣлать?... Наконецъ не безъ робости, рѣшился онъ заговорить:

— Что съ тобою, Менглизе? Ужъ не съ ума ли ты сошла? жена, я не трляка, а твой мужъ, господинъ и повелитель! Опомнись, не трляка....—и онъ выразительно показавъ на стоявшую въ углу палку.

— Что со мной, спрашиваешь ты, безчувственный? меня всѣ обижаютъ, а тебѣ и нужды мало....—Тутъ она, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, не выгадавъ ничего бранью, пустилась горько плакать и рассказывать о томъ, что случилось съ нею въ банѣ, какъ обидѣла ее жена Менеджимъ-Баши.

— Только-то? И изъ-за этого ты подняла такую бурю?! Ха, ха! Эхъ, жена, жена!—сказалъ онъ, вздохнувши наконецъ свободно, какъ будто свалилась съ плечъ его тяжелая ноша.—Если бы обидѣла тебя сосѣдка Зейнетъ, жена такого-же богача—хамала, какъ и я, твой, сознайся, дорогой Мейнъ-Аджи, ну это дѣло десятаго рода: мы съумѣли бы постоять за себя; а то жена высокостепеннаго Менеджимъ-Баши, въ которомъ, какъ говорятъ, самъ великій ханъ,—да умножатся дни его,—души не слышны! Уймись, жена, лучше купи чего-нибудь съѣстнаго: я сегодня особенно проголодался.

— Развѣ ты не такой же мужчина, какъ и вашъ высокостепенный Менеджимъ-Баши?—спросила удивленная Менглизе.

— Я? Ха, ха, ха! Такой, да не такой! Онъ чловѣкъ ученый, а я, сокровище мое, не знаю, какъ и *калѣмъ* (камышъ, которымъ пишутъ) держать въ рукахъ.—Что ты, душа моя?

И онъ принялся еще пуще прежняго хохотать. Но это не только не уменьшило, но еще увеличило досаду Менглизе, не постигавшей, что не всякій мужчина, во всякое время, по произволу, можетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ захотѣлъ бы сдѣлаться. Наконецъ, послѣ минутнаго размышленія, она рѣшительно сказала:

— Послушай, Мейнъ-Аджи, или ты долженъ быть Менеджимъ-Баши, или дай мнѣ разводъ. Терпѣніе мое кончилось!

Сколько ни пытался доказывать бѣднякъ, что онъ рѣшительно не находитъ въ себѣ ни малѣйшей способности быть менеджимомъ, жена и слышать не хотѣла, такъ, что вынудила наконецъ у него

согласіе. Бѣднякъ любитъ жену, и боялся, чтобы она и въ самомъ дѣлѣ не вздумала его бросить, благо, была еще довольно молода и не дурна собой.

На послѣднія деньжонки, какія могъ кое-какъ собрать, купилъ нашъ Мейнгъ-Аджи у слѣпаго муллы старую книжку, называемую «теджвидъ» (такъ называлъ книжку мулла), *двигъ* (чернильницу, втыкаемую за поясъ), *калемъ*, и, принявъ, смѣясь внутренню, глубоко-мысленную мину, свѣтъ на одномъ изъ перекрестковъ многолюднаго Багчесера, въ ожиданіи, что кто-нибудь подойдетъ къ нему за совѣтомъ. Въ самомъ же дѣлѣ молилъ Аллаха и его пророка, чтобы никто не подходилъ къ нему.

Къ счастью, или, лучше, къ несчастью, онъ сидѣлъ не долго. Не прошло и часу, какъ увидѣлъ онъ идущаго въ попыхахъ, по направленію къ нему, одного *арабаджи* (извозчика), котораго гдѣ-то встрѣчалъ прежде, хотя и не былъ съ нимъ знакомъ. Арабаджи, по видимому, чѣмъ-то былъ сильно озабоченъ, какъ будто искалъ кого-то, и, увидѣвъ Мейнгъ-Аджи, прямо подошелъ къ нему.

— Селямъ алейкумъ! — «Алейкумъ эсселямъ!» — Эй, эфендимъ, ты не менеджимъ ли? — «менеджимъ». — Сдѣлай милость, эфендимъ, не можешь ли сказать, куда дѣлись мои верблюды? Не успѣлъ възвѣсть въ городъ и сбѣгать въ ближайшую бузну утолить жажду, возвращаюсь къ мажаръ, какъ ужъ и не стало ихъ!

— Гдѣ твои верблюды? Гм.... могу сказать.... по....

— Эй, эфендимъ! Да продлитъ Аллахъ тебѣ въку! Я бѣдный арабаджи! Скажи, гдѣ они, и я никогда не забуду твоего благодѣянія.

И съ этимъ словомъ бѣднякъ всунулъ въ руку Мейнгъ-Аджи нѣсколько монетъ.

Деньги и дурака дѣлаютъ умнымъ, и на оборотъ — умнаго глупымъ. Мейнгъ-Аджи не былъ глупъ, онъ былъ добръ и честенъ. Присутствіе денегъ, однакожъ, и его соблазнило. Не измысливъ своей глубокомысленной, важной мины, онъ раскрылъ книгу, въ которой, между нами будь сказано, не понималъ ни одного слова, медленно вынулъ изъ-за пояса *двигъ*, досталъ *калемъ*, оторвалъ клочокъ чистой бумаги и сталъ чертить разныя каракульки, поминутно заглядывая въ книгу и шепча про себя какія-то таинственные слова. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ бранилъ то себя, то жену, особенно жену, которая заставила его сдѣлаться менеджимомъ. Это продолжалось цѣлаго полчаса, и арабаджи, по видимому, начиналъ терять терпѣніе. Мейнгъ-Аджи замѣтилъ это, но показывалъ видъ, будто ничего не замѣчаетъ. Наконецъ, начертивъ еще десятка съ два каракулекъ, и посмотрѣвъ на небо, сказавъ громко: Аллахъ экберъ далъ слѣдующій

отвѣтъ: — Пойди ты къ гекиму (продавцу разныхъ медикаментовъ), возьми у него лекарство (онъ называлъ его), и прими, и ты отъищешь своихъ верблюдовъ.

Арабаджи какъ ни былъ опечаленъ случившимся съ нимъ несчастіемъ, не могъ, однакожъ, не улыбнуться, услышавъ подобный странный совѣтъ менеджима. Последний подмѣтилъ и эту улыбку, хотя продолжалъ смотреть въ книгу.

— Что за чепуху говорить менеджимъ? — думалъ арабаджи. — Желудокъ мой совершенно здоровъ и варить пищу слишкомъ исправно, а онъ совѣтуетъ мнѣ принять лекарство отъ засоренія желудка. Въ своемъ ли онъ умѣ? Да менеджимъ ли онъ?

Видя, впрочемъ, что тотъ, человекъ очень почтенный съ виду, съ удвоеннымъ вниманіемъ продолжалъ читать, и вздыхать очень набожно, перебирая *тесбихъ* (четки) и произнося вслухъ девяносто девять именъ Аллаха, рѣшился послѣдовать этому странному совѣту. Не теряя время, побѣжалъ онъ къ гекиму, лавочка котораго была, впрочемъ, не далеко, купилъ присоветованное лекарство, и тотчасъ принялъ его. Лекарство очень скоро подѣйствовало, и бѣдняжка то и дѣло долженъ былъ прятаться по тѣмъ закоулкамъ, гдѣ меньше бродилъ народъ.... Каково же было его удивленіе, когда черезъ часъ, не болѣе, послѣ принятія лекарства, въ одномъ изъ такихъ закоулковъ (которыхъ и нынѣ въ Багчесераѣ безчисленное множество), увидѣлъ онъ своихъ верблюдовъ, привязанныхъ къ вбитому въ землю столбику?... Первымъ движеніемъ его было — отвязать верблюдовъ и тащить ихъ за собой. Онъ такъ и сдвигалъ. Верблюды, какъ обрадованные, увидѣвъ своего господина, не пошли, а почти побѣжали своею уродливою рысью. Арабаджи бѣжалъ прямо къ менеджиму, пересказывая попадавшимся знакомымъ, кому обязанъ онъ тѣмъ, что нашелъ своихъ верблюдовъ, и щедро наградилъ виновника своей радости.

Мейнъ-Аджи, выслушавъ въ придачу къ деньгамъ тысячу благословеній, — а полученные имъ деньги равнялись чуть ли не недѣльному заработку его ремесломъ хамала, — не совсѣмъ весело побрелъ домой, и ни мало не сочувствовалъ восторгу Менгливе, которая, въ свою очередь, успѣла уже поразсказать соседкамъ о томъ, что ея ходжа только притворился простакомъ-хамаломъ, что онъ менеджимъ, и рѣшился наконецъ приняться за это благородное занятіе. Сосѣдки и всѣ вообще, кто только успѣлъ схватить, такъ сказать, на лету, слово о появленіи новаго менеджима, безъ труда повѣрили этой новості. Надо еще сказать и то, что ни одинъ, быть можетъ, народъ не въ состояніи такъ быстро сдѣлать ка-

кую-нибудь, даже самую нелѣпую, новость, какъ наши крымскіе татары, — будь она только *новость*. Этимъ они отличались всегда, этимъ они отличаются и теперь. По этому-то Мейнгъ-Аджи и не удивился, когда, на другой же день послѣ разсказаннаго мною случая съ арабаджи, начали являться къ нему, одинъ за другимъ, посѣтители съ просьбами: то отыскать пропажу, то присовѣтовать лекарства отъ болѣзни, и т. п. Къ счастью, Мейнгъ-Аджи видимо былъ хранимъ судьбой, которая такъ долго была для него самою суровою мачихой. Всѣхъ и каждого старался онъ удовлетворить, и, къ чести его новаго званія, на десять предсказаній его приходилась одна, много двѣ ошибки или неудачи. Менглизе была въ восторгѣ, и крайне удивлялась тому, что Мейнгъ-Аджи не раздѣлялъ ея радости: постоянно былъ угрюмъ, не сговорчивъ, и особенно показывалъ неудовольствіе, когда являлся къ нему кто-либо за совѣтомъ.

— Рано или поздно, думалъ онъ, обманъ обнаружится: всѣ узнаютъ, какой я менеджимъ, и тогда.... Эхъ, жена, жена! накликала ты бѣду на мою честную голову!

Не такъ думала восхищенная Менглизе, у которой явились уже и дорогіе наряды, *жередже* (кофточка) изъ дорогой парчи, кушакъ, и, наконецъ, верхъ ея желанія, серебряныя подъ чернью *белеюки* (браслеты); напротивъ, видя во всемъ довольство, она жалѣла даже, зачѣмъ раньше не пришло ей въ голову принудить Мейнгъ-Аджи сдѣлаться менеджимомъ. Ей одного теперь недоставало, и объ этомъ не безъ удовольствія подумала она, именно: если бы Аллахъ, къ довершенію ея благополучія, даровалъ ей сына.... Желаніе прости-тельное, особенно въ женщинѣ не старой, какою была Менглизе.

Между тѣмъ въ Багчесераѣ случилось ужасное происшествіе, которое привело въ волненіе всю столицу. Старый и малый положили, впрочемъ, на уста печать молчанія, и если говорили другъ съ другомъ, то не иначе, какъ шепотомъ. Волненіе было глубокое, мрачное! Да и разговоры болѣею частью ограничивались односложными звуками удивленія, смѣшаннаго со страхомъ, вздохами и выразительными, а чаще ничего не выразившими жестами. Изъ государственной казны былъ неизвестно кѣмъ похищенъ драгоценный перстень, съ ханскою «тутрой» (вензелемъ). Ханъ не зная цѣны этому сокровищу, и всѣ мудрые говорили, что развѣ одинъ *коммурсъ* («тора свѣта», извѣстный алмазъ) могъ превзойти перстень Менгли-Герая. Вай, вай! Страшно представить, въ какомъ положеніи была столица, особенно ханъ-серай и всѣ придворные! Самые строгіе розыски остались безъ успѣха. Ханъ повелѣлъ собраться

дивану (государственному совету). Собрались все бей, все мудрые,—долго толковали, а еще больше думали; но ничего не могли придумать лучше, как обратиться къ *Менеджимъ-Баши*, всѣмъ уважаемому *Салехъ-эфенди*. Последний присутствовалъ тутъ же, и, какъ мудрейшій изъ мудрыхъ, хранилъ глубокое молчаніе. Ему во всемъ подражалъ и муфти-эфенди, следуя благоразумной арабской пословицѣ: «кальбу эль-ахмака фи фйги ве лисану эль-акили фи кальбиги», то-есть «сердце глупаго въ немъ (всегда наружѣ), а языкъ умнаго въ сердце его». Услышавъ, однакожъ, приговоръ дивана, мудрый Салехъ, на первый разъ, въ душѣ пожелалъ, чтобы высокостепенные улемы провалились сквозь землю, и также въ душѣ пожелалъ наплевать на бороды не только всѣхъ присутствующихъ, но и предковъ ихъ; но скрѣпя сердце, не показалъ ни малѣйшаго виду, что это рѣшеніе больше, чѣмъ не нравится ему, и продолжалъ хранить глубокое молчаніе. Ханъ не присутствовалъ въ диванѣ, но видѣлъ и слышалъ все, въ немъ происходившее, изъ верхнихъ покоевъ своего серая, сидя почти надъ самымъ диваномъ въ небольшой полутемной комнаткѣ, подлѣ рѣшетки, выходившей въ диванъ. Сквозь эту рѣшетку ханъ, никѣмъ не видимый, могъ видѣть и слышать все, что ни происходило въ диванѣ.

Однакожъ, Салехъ-эфенди, какъ ни краснорѣчиво молчалъ онъ, оставалось или изъяснить согласіе на отысканіе похитителя перстня посредствомъ своей науки, или, если возможно, отказаться и предложить другой, болѣе надежный способъ. Къ тому же, онъ очень хорошо зналъ, что ханъ слышалъ приговоръ дивана, и, собравъ все силы души, чтобы не измѣнить важности своего сана, всталъ съ мѣста, и погладивъ свою роскошную бороду, сказалъ наконецъ:

«Мудрый диванъ, да хранить его Аллахъ! не ошибается! Посредствомъ великой науки звездословія можно иногда (последнее слово произнесъ онъ очень невнятно) открывать сокровеннѣйшія тайны». Начало рѣчи, какъ видите, было не дурно, и высокостепенный диванъ, въ знакъ удовольствія, погладилъ свои бороды. «Но....»—тутъ голосъ его сталъ замѣтно слабѣть,—«но не дальше, какъ вчера, всю ночь просидѣлъ я на одномъ изъ минаретовъ Ханъ-Джами (Салехъ-эфенди говорилъ не правду), вопрошая звезды; но онъ, увы! сердце мое превратилось въ «кебабъ» (жаркое),—ничего не сказали мнѣ утвердительно». Собраніе повѣсило носы. «Я прошу»,—продолжалъ Салехъ-эфенди,—«я прошу высокостепенный диванъ доложить могущественнѣйшему и мудрейшему повелителю нашему,—да увеличится тѣнь его на землѣ—повелѣть собрать менеджимовъ изъ всего государ-

ства. Быть можетъ кто-нибудь знаетъ нечто особенное въ моей наукѣ, что мнѣ неизвѣстно, и этимъ откроетъ похитителя ханскаго сокровища.

— Пекъ эйи, пекъ эйи,—провозгласило все собраніе, исключая великаго чубукчи, который, по видимому, не принималъ никакого участія въ совѣщаніяхъ дивана; но тутъ, не безъ поспѣшности, мало свойственной его важной и очень тучной особѣ, поднялся съ своего мѣста, и благоговѣнно наклонившись въ ту сторону, гдѣ предполагалъ находившимся ханъ, сказалъ:

— За чѣмъ собирать всѣхъ менеджимовъ? Время дорого, и еще болѣе драгоценно спокойствіе мудрѣйшаго повелителя нашего, да умножатся дни его благополучія! Здѣсь, въ столицѣ, есть одинъ менеджимъ, которому все извѣстно, и который, я полагаю, съумѣетъ обнаружить похитителя драгоценнаго «мигура» (перстня).

— Кто это, кто? ужъ не Мейнгъ-Аджи ли? этотъ ничтожный камаль?—спросилъ Салехъ-эфенди, для котораго особенно непріятно было слышать о появленіи новаго менеджима.

— Да, ничтожный камаль—отвѣчалъ великій чубукчи.—Вы такъ думаете о немъ, почтенный эфенди, а я, продолжалъ онъ, надѣюсь и почти увѣренъ, что Мейнгъ-Аджи-эфенди великій менеджимъ.

—Вы бросаете грязь на наши бороды, эфендимъ, возразилъ Менеджимъ-Баши, и чуть было не плюнулъ, но удержался. Споръ готовъ былъ возгорѣться; но тутъ вошелъ одинъ изъ капыхалковъ (придворныхъ), и объявилъ, что повелитель правовѣрныхъ приказалъ послать за менеджимомъ Мейнгъ-Аджи-эфенди.

Значить, ханъ дѣйствительно все слышалъ.

Сказано, сдѣлано. Въ минуту нѣсколько человекъ придворныхъ побѣжали отыскивать Мейнгъ-Аджи-эфенди. Что же дѣлалъ послѣдній? Сидѣлъ въ своемъ, еще не богатомъ, домикѣ, покуривалъ коротенькій чубукъ и размышлялъ о томъ, какъ хорошо быть менеджимомъ, и какъ не хорошо быть такимъ менеджимомъ, какъ онъ Мейнгъ-Аджи. Въ эту минуту раздался сильный стукъ преддвернаго кольца, и вслѣдъ за тѣмъ вбѣжалъ къ нему одинъ изъ капыхалковъ, и объявилъ, что его, менеджима, требуетъ къ себѣ повелитель правовѣрныхъ.

Ударъ грома, раздавшійся надъ самымъ ухомъ, не поразилъ бы его столько, какъ поразило это извѣстіе. Сперва не повѣрилъ Мейнгъ-Аджи, и думалъ, что капыхалкъ не то сказалъ, что ему послышалось; но посланный, видя смущеніе менеджима, повторилъ приказаніе хана. Иду, сказалъ онъ, а между тѣмъ посматривалъ вокругъ себя, нельзя ли куда-нибудь спрятаться, или провалиться сквозь землю. Къ несчастію, капыхалкъ слѣдилъ за нимъ очень внимательно,

и, судя по нетерпѣнью, изображавшемуся на его лицѣ, что не ускользнуло отъ вниманія Мейнъ-Аджи, имѣлъ дерзкое намѣреніе взять его силою.

Вотъ когда пришелъ мой часъ! подумалъ Мейнъ-Аджи. Бѣдный, бѣдный Мейнъ-Аджи! Эхъ, жена! падетъ несчастье на твою голову!

— Ну, идемъ, — напомнилъ снова капыхалкъ, прибавивъ: вѣдь, ты менеджимъ Мейнъ-Аджи?

— Да, я.... Воля повелителя правовѣрныхъ священна для ничтожнѣйшаго изъ его рабовъ!... Идемъ — Прощай, Менглизе, мысленно сказалъ Мейнъ-Аджи, какъ бы навсегда прощаясь и съ нею, и съ жизнью, и вышелъ; а какъ ханъ-серай былъ недалеко; то они вскорѣ пришли.

Доложили о приходѣ Мейнъ-Аджи, и ханъ тотчасъ приказалъ ввести его.

— Ты менеджимъ? — спросилъ ханъ, по видимому, ожидавшій съ нетерпѣніемъ его прихода.

— Я, падшагымъ! — отвѣчалъ тотъ, къ кому относились эти слова, и упалъ къ ногамъ грознаго владыки, болѣе, впрочемъ, для того, чтобы хоть сколько-нибудь скрыть овладѣвшій имъ ужасъ при видѣ, въ первый разъ въ жизни, повелителя правовѣрныхъ.

— Повелѣваю тебѣ, — продолжалъ ханъ — открыть похитителя драгоценнаго моего мюгура; не откроешь, — горе тебѣ! — Сказавъ эти слова, оцѣпенившія несчастнаго, ханъ приказалъ ему встать. Мейнъ-Аджи, лежа лицомъ къ землѣ, успѣлъ нѣсколько оправиться. Страхъ близкой гибели придаетъ силы. Онъ рѣшился выгадать для себя хоть сколько-нибудь времени насладиться жизнью, которая, особенно теперь, показалась для него въ тысячу разъ прекраснѣе, чѣмъ до того времени.

— Башъ менымъ, кымыжъ сынынъ, падшагымъ (голова моя, мечъ твой, государь)! — отвѣчалъ подобострастно Мейнъ-Аджи. — Если ничтожнѣйшему изъ рабовъ твоихъ дано будетъ времени, по крайней мѣрѣ, сорокъ дней; то, быть можетъ, съ помощію Аллаха, отыщется пропажа. — И Мейнъ-Аджи снова палъ ницъ, опасаясь встрѣтить грозный взглядъ хана.

Менгли-Герай наморщилъ брови, что заставило вздрогнуть всѣхъ бывшихъ тутъ придворныхъ, сквозь зубы изъявилъ согласіе на просьбу менеджима, и приказалъ ему удалиться.

Печальный, какъ-бы приговоренный къ казни, отправился Мейнъ-Аджи домой. Думалъ ли онъ о чемъ-нибудь, идя домой, трудно сказать, хотя казался глубоко-задумчивымъ, такъ что не отвѣтилъ

ни на одно изъ безчисленныхъ «селямъ-алейкумъ», которымъ приветствовали его знакомые и незнакомые. «Какъ скоро возгордился!» говорили нѣкоторые, — «а только разъ побывалъ въ ханъ-сераѣ. Что же дальше будетъ?» Въ воротахъ встрѣтила его веселая Менглизе. «Ну, что, безцѣнный мой ходжа? Чѣмъ наградила тебя великій ханъ?» и пошла сыпать вопросы за вопросами.

— Уйди къ шайтану, — или что-то въ этомъ родѣ отвѣтилъ Мейнъ-Аджи, и, какъ время приближалось къ ночи, то, кое-какъ поужинавъ, не удостоивъ Менглизе ни однимъ словомъ, завалился спать, что, по обыкновенію, не могло не огорчить любопытную Менглизе, которой хотѣлось знать хоть что-нибудь изъ новостей ханъ-серая. Какъ бы то ни было, но ей удалось узнать, что Мейнъ-Аджи поручено открыть похитителя драгоценнаго ханскаго мюгура. Спалъ ли Мейнъ-Аджи? — Нѣтъ! Всю ночь провалился онъ на тюшекахъ (подушкахъ), за всѣмъ тѣмъ, ночь показалась для него слишкомъ короткою.

Насталъ первый изъ сорока дней.

Мейнъ-Аджи, погруженный въ глубокую думу, просидѣлъ цѣлый день, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, и не дотронувшись до предлагаемой ему пищи. Разъ или два выходилъ онъ изъ комнаты и посматривалъ на безоблачное небо. Сказать бы, что онъ совѣтовался со звездами, но это было днемъ, а звезды видны только ночью.

Пока Мейнъ-Аджи размышляетъ о своемъ бѣдственномъ положеніи, посмотримъ, что дѣлается въ самомъ ханъ-сераѣ (дворцѣ)? Излишне говорить о томъ, что извѣстіе о порученіи Мейнъ-Аджи отыскать похитителя драгоценнаго перстня съ быстротою молніи разнеслось по всѣмъ закоулкамъ ханъ-серая; еще съ большею быстротою всѣ узнали новость, что Мейнъ-Аджи положительно объявилъ, что найдетъ похитителя. Изъ дворца новость эта также скоро разлилась по всей столицѣ, и всякій, кто чувствовалъ за собою какой-нибудь грѣшокъ, поневолѣ задумался и съ почтеніемъ промозносилъ имя менеджима Мейнъ-Аджи *эфенди*. Всѣ теперь стали называть его *эфендиемъ* даже за глаза.

Я сказалъ, что всѣ и каждый, кто только чувствовалъ за собою какой-нибудь грѣшокъ въ присвоеніи чужой собственности, невольно струсилъ; но болѣе всѣхъ струсили нѣкоторые придворные, и именно 40 человекъ. Они-то, съ согласія Капуджи-Баши, рѣшились похитить, и похитили драгоценный ханскій мюгуръ, и въ тотъ день, какъ призывали во дворецъ Мейнъ-Аджи, располагая сбыть это сокровище посредствомъ одного армянина, котораго, какъ нарочно, не было въ то время въ Багчесераѣ. Армянинъ, какъ хит-

рый «базаргиль» (купецъ), долженствовавшій вскоре ѣхать въ Кефу, а оттуда въ Стамбуль,—что все было имъ извѣстно, согласился бы дать имъ значительную сумму, а перстень могъ бы продать въ Стамбуль—и концы въ воду. Отсутствие этого армянина остановило исполненіе такъ ловко придуманнаго плана. Всю ночь виновные держали совѣтъ, какимъ бы образомъ выпутаться изъ бѣды, въ такомъ случаѣ, если бы менеджмю удалось открыть ихъ. При этомъ морозъ подиралъ всѣхъ по кожѣ и душа уходила въ пятки. Вслучаѣ открытія ихъ преступленія,—смерть была неизбежна, и вотъ на что они рѣшились: слѣдить за всѣми дѣйствіями Мейнъ-Аджи, и особенно ночью, предполагая, что въ ночное время онъ творитъ разное колдовство, и положили, поочередно, подслушивать у него подъ окномъ или въ какомъ-либо скрытомъ мѣстѣ, и такимъ образомъ предупредить грозящую имъ бѣду. Бросили жребій, и одному изъ сорока виновныхъ пришлось идти съ наступленіемъ ночи подслушивать подъ окномъ Мейнъ-Аджи. Тотъ и отправился, какъ только наступила ночь, и, перебравшись черезъ невысокую стѣну, которою обнесенъ былъ небольшой дворикъ Мейнъ-Аджи, осторожно приблизился къ тому окну, въ которомъ виднѣлся свѣтъ, и подъ которымъ предполагалъ сидѣвшимъ менеджмю, и сталъ подслушивать.

Въ это время, бѣдный мнимый астрологъ, цѣлый день, какъ и сказалъ выше, съ горя ничего не ѣвшій, рѣшился не морить себя голодомъ.

— Эй, жена,—проговорилъ онъ, зови Менглизе, которая возилась въ свѣцахъ подлѣ очага,—вотъ одинъ изъ сорока прошелъ,—давай-ка ужинать!—Слова эти были сказаны въ то самое время, когда подслушивавшій капыхалкъ, не слыша ничего подъ однимъ окномъ, подошелъ къ другому, и къ тому самому, подлѣ котораго сидѣлъ Мейнъ-Аджи. Какъ варомъ обданный, воръ отскочилъ отъ окна, быстрее кошки перепрыгнулъ черезъ стѣну, и стремглавъ побѣжалъ сказать товарищамъ своимъ о томъ, что онъ слышалъ. Ясно, что Мейнъ-Аджи говорилъ объ одномъ изъ сорока дней, а воръ применилъ эти слова къ себѣ и къ своимъ товарищамъ въ похищеніи драгоценнаго перстня.

Одни повѣрили, другіе близки были къ тому, чтобы повѣрить, а всѣ готовы были рѣшиться на что-нибудь ужасное, лишь бы спасти себя отъ позора. Одинъ Капуджи-Баши не хотѣлъ вѣрить, и по его настоянію положили на завтра идти другому подслушивать у окна менеджмю, и для этого выбрали самаго смѣливаго и смѣтливаго. Капуджи-баши утверждалъ, что первому посланному такъ повудилось.

Другой день прошелъ для Мейнъ-Аджи такъ же томительно, но еще скорѣе перваго. Сильнѣе прежняго огорченный, онъ не только не принималъ никого изъ посѣтителей, но даже не дотрогивался до пищи. Всѣ сосѣди толковали, что менеджимъ запятъ разными чарами. Насталъ вечеръ, а за нимъ и ночь. Голодъ заговорилъ въ менеджимъ, и онъ, позвавъ Менглизе, приказалъ ей давать ужинъ, замѣтивъ, что «вотъ ужъ и второй изъ сорока прошелъ». И опять случилось такъ, что слова эти были сказаны въ то самое время, когда подслушивавшій проходилъ мимо того окна, подъ которымъ сидѣлъ Мейнъ-Аджи, и сказаны были очень громко.

«Самъ шайтанъ сидитъ въ этомъ менеджимъ», подумалъ подслушивавшій, и, испуганный не меньше своего товарища, побѣжалъ пересказывать слышанное своимъ товарищамъ.

— Чтѣ за шайтанъ? — сказалъ Капуджи-Баши. — Ужъ не продать ли насъ кто-нибудь изъ насъ самихъ? Всѣ, однакожъ, поклялись, что никто изъ нихъ не выдавалъ товарищей. Чтѣ тутъ дѣлать? На чтѣ рѣшиться? Говорили, говорили, толковали, толковали, и рѣшились послать еще третьяго, съ которымъ случилось то же, чтѣ и съ первыми двумя. Бѣдникъ Мейнъ-Аджи считалъ послѣдніе дни своего существованія, а воры подумали, что считаетъ ихъ поодиначкѣ, и до такой степени всевѣдущъ, что, не видѣвъ ихъ, уже знаетъ каждаго. Всѣ воры капыхалки были убеждены въ этомъ, одинъ Капуджи-Баши еще сомнѣвался, и рѣшился на четвертый вечеръ самъ идти къ дому Мейнъ-Аджи, взявъ съ собою и тѣхъ трехъ капыхалковъ, которые уже подслушивали подъ окномъ чародѣя и принесли одну ужасную для всѣхъ вѣсть.

Какъ только стемнѣло, всѣ четверо отправились къ дому Мейнъ-Аджи; осторожно перебрались черезъ стѣнку, такъ что никто ихъ не замѣтилъ, и подошли къ извѣстному уже первымъ тремъ окну, и что же? «Эй, жена, — раздался мрачный голосъ внутри дома, — вотъ ужъ и четвертый прошелъ, — давай-ко ужинать!» Эти слова были сказаны, — такъ ужъ судьбѣ угодно было, — въ ту самую минуту, когда Капуджи-Баши прошелъ мимо того окна, подъ которымъ полулежалъ Мейнъ-Аджи. Какъ ни ужасны были эти слова для Капуджи-Баши, онъ, однакожъ, не потерялся и сталъ прислушиваться, не скажетъ ли менеджимъ еще чего-либо, и подождалъ къ себѣ прочихъ, которые стояли подъ другимъ окномъ. Послышалось, чтѣ кто-то вошелъ въ комнату изъ сѣней. Это была Менглизе, которая, вѣроятно, принесла ужинъ. «А чтѣ, жена, — слышался голосъ Мейнъ-Аджи, — вотъ ужъ четыре изъ сорока прошли, — лучше бы покоячить разомъ!» Жена что-то отвѣчала, но

такъ тихо, что ничего нельзя было слышать, впрочемъ, никто уже не подслушивалъ. Капуджи-Баши первый дрожалъ отъ страха, а объ остальныхъ и говорить нечего.

«Что дѣлать?»—спросилъ Капуджи-Баши. — Онъ точно всеѣ-душъ!» — Что дѣлать? — спросили въ свою очередь его товарищи. Мы погибли! — «А вотъ что, — продолжалъ Капуджи-Баши: — менеджмъ, кажется, человекъ добрый и не такъ еще богатъ. Войдемъ теперь же къ нему, сознаемся во всемъ, сдѣлаемъ ему хорошій подарокъ и будемъ просить помилованія». И вслѣдъ за нимъ всѣ, Капуджи-Баши впереди, вошли къ менеджмю, и, какъ бы стоворясь напередъ, повалились въ ноги мнимому мудрецу съ словами: пощади, помилуй, великій менеджмъ! Мы точно виновны въ похищеніи ханскаго мюгура! Но не мы одни въ томъ виноваты, — у пасть есть товарищи!

— Ага! я зналъ, что вы придете и сознаетесь въ этомъ гнусномъ преступленіи; а гдѣ же прочіе? и гдѣ перстень? — спросилъ Мейнъ-Аджи, едва переводя духъ отъ радости, послѣ всего того, что онъ передумалъ и перечувствовалъ съ тѣхъ поръ, какъ согласился открыть похитителя ханскаго мюгура. — Ну, рассказывайте же все!

Дрожа всѣмъ тѣломъ, Капуджи-Баши рассказалъ исторію похищенія имъ, въ согласіи съ 39-ю капыхалками, драгоценнаго перстня, котораго не успѣлъ еще сбыть; а въ заключеніе высыпалъ цѣлую сотню золотыхъ монетъ, съ обещаніемъ учетверить эту сумму, лишь бы менеджмъ-эфенди не выдалъ ихъ грозному хану.

— Хорошо, хорошо, друзья мои! — отвѣчалъ мнимый менеджмъ, не чувствуя отъ радости подъ собою земли. — Я человекъ не злой, и зла вамъ не желаю; но гдѣ же перстень?

— У меня, великодушный менеджмъ-эфенди, — отвѣчалъ Капуджи-Баши. — Спрятанъ въ секретномъ мѣстѣ.

— Да, я не злой человекъ, — продолжалъ менеджмъ, нѣсколько помолчавши, — я на зло не употребляю способности, дарованной мнѣ Аллахомъ и его пророкомъ, да будетъ благословенно имя его! исполните только мое приказаніе.

— Все, все, что тебѣ угодно, эфендимызъ! — отвѣчали воры въ одинъ голосъ.

— Такъ слушайте же. Возьмите драгоценный ханскій мюгуръ, и ровно черезъ тридцать пять дней на тридцать шестой, дайте проглотить гусю изъ числа тѣхъ, которые находятся въ ханъ-сераѣ, и этому гусю перебейте одну ногу. Слышите?

— Слышимъ, эфендимызъ!

— Теперь идите съ миромъ, и никому ни пол-слова.

Капуджи-Баши хотѣлъ было еще что-то говорить, но Мейнъ-Аджи далъ ему замѣтить, что не намѣренъ долѣе продолжать бесѣды, и онъ съ товарищами удалился. Менглизе, по обычаю мусульманскимъ, не присутствовала при этомъ и даже не знала, кто былъ у ея почтеннаго супруга. Это, конечно, послужило къ лучшему. Женщина не любитъ молчать.

Ожилъ Мейнъ-Аджи, и тридцать пять дней пролетѣли для него какъ тридцать пять часовъ. Въ продолженіи этого времени, онъ съ умысломъ никуда не выходилъ, никого не принималъ къ себѣ, даже очень рѣдко бесѣдовалъ съ Менглизе, и сосѣди тотчасъ разгласили по всему городу, что Мейнъ-Аджи всякую ночь бесѣдуетъ съ шайтаномъ. Наступилъ сороковой день, въ который должна была рѣшиться участь Мейнъ-Аджи, какъ менеджима. Онъ не унывалъ, и, съ приличной его сану важностію, явился въ ханъ-серай. Этого дня съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ, особенно ханъ; что же касается капы-халковъ и Капуджи-Баши, который въ точности исполнилъ наставленіе менеджима, то ихъ душечки не разъ уходили въ пятки; ихъ озадачивала очень простая выдумка менеджима—дать ханскій мягуръ проглотить гусю.

Ханъ, какъ я сказалъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ урочнаго дня, и, какъ только доложили ему о приходѣ менеджима, тотчасъ приказалъ, чтобы его представили предъ его свѣтлыя очи.

— Ну что, менеджимъ, гдѣ мой драгоценный перстень? Кто его похитилъ? Говори!

— Аллахъ-Экберъ! (Великъ Богъ!) — отвѣчалъ Мейнъ-Аджи, подобострастно цѣлуя кончикъ полы ханской. — Сокровища царей ни въ водѣ не тонутъ, ни въ огнѣ не сгораютъ, и твое сокровище, о повелитель правовѣрныхъ, иншаллахъ! будетъ отыскано! Прикажи только, о повелитель! чтобы все, что ни есть живаго въ твоемъ великомъ сераѣ, — да умножатся сокровища его, — начиная отъ людей, до самой ничтожной домашней птицы, было приведено предо мной, и тогда...

Мейнъ-Аджи не договорилъ своей рѣчи, и снова палъ къ ногамъ хана.

Грозный ханъ не успѣлъ посмотреть на бывшихъ тутъ придворныхъ, какъ всѣ они стремглавъ бросились выводить и выгонять все, что только было живаго въ ханъ-сераѣ, на обширный дворцовый дворъ, куда вскоре изволилъ пожаловать и самъ повелитель правовѣрныхъ въ сопровожденіи менеджима и многочисленныхъ сановниковъ, беевъ и мурзъ.

Сперва прошли мимо Мейнъ-Аджи всѣ придворные и вся дворцовая прислуга; потомъ провели ханскихъ лошадей; за тѣмъ пронесли соколовъ, кречетовъ, наконецъ прогнали утокъ, а вслѣдъ за ними гусей.

— Стой, стой!—закричалъ менеджимъ, увидѣвъ гуся, прихрамывавшаго на одну ногу.—Поймайте-ка мнѣ этого гуся! Тяжело бѣдняжкѣ что-то, даже прихрамываетъ.

Гуся поймали и подали менеджиму. Ханъ и всѣ смотрѣли на менеджима, не постигая, чтó онъ намѣренъ дѣлать. Понимали эту продѣлку только сорокъ человекъ; но и они притворились рѣшительно ничего не понимающими, и все еще дрожали.

— Подайте ножъ!—сказалъ менеджимъ.

Подали ножъ. Мейнъ-Аджи-эфенди, схвативъ гуся, быстро распоролъ ему брюхо, и, къ величайшему удивленію всѣхъ присутствующихъ, вынулъ оттуда драгоценный ханскій перстень!..

— Аллахъ-Экберъ!—воскликнулъ ханъ.

— Аллахъ-Экберъ!—повторили многочисленные придворные.— Вотъ истинный, великій менеджимъ! Не чета Салехъ-эфенди!—раздалось въ толпѣ.

— Но какимъ образомъ гусь похитилъ перстень?—спросилъ ханъ.—Ужъ не самъ ли шайтанъ вселился въ него?—И ханъ плюнулъ при этомъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ мертвый гусь.

— Да, повелитель правовѣрныхъ; но Аллахъ, да будетъ благо-венно имя Его, не допустилъ шайтану воспользоваться такимъ со-кровищемъ. Аллахъ-Экберъ! Эль-хамдуль-Алягъ (хвала Богу)!

Ханъ былъ въ восторгѣ.

— Надѣньте на него почетную шубу!—сказалъ онъ.—Отнынѣ ты мой менеджимъ-баши!

— *Хаирлы-болсунъ, хаирлы болсунъ* (поздравляемъ)!—раздавалось со всѣхъ сторонъ. И въ этотъ день былъ въ ханъ-сераѣ великолѣпный *зіяфетъ* (пирь). Вся столица торжествовала.

Такое счастье никогда и во снѣ не снилось недавно бывшему носильщику, нынѣ попавшему въ число вельможъ. Вѣсть о чудесной находкѣ драгоценнаго мюгура, и о томъ, что Мейнъ-Аджи сдѣлавъ менеджимъ-баши, немедленно разнеслась по всей столицѣ, а Менглизе прежде узнала объ этомъ, чѣмъ кто-либо. Она въ этотъ день была въ банѣ, гдѣ, по обыкновенію, рассказываются всѣ возможные новости. На этотъ разъ случилась здѣсь и высокоумная Шерфе, жена менеджимъ-баши Салехъ-эфенди. Последняя никакъ не хотѣла вѣрить ужасной для нея новости, и даже позволила сказать

себя какую-то дерзость на счет новаго менеджимъ-баши, за что едва не была убита мѣднымъ тазомъ, пущеннымъ въ нее мстительною Менглизе.

Воротившись домой, она застала ужъ здѣсь новаго менеджимъ-баши, еще не успѣвшаго снять съ себя великолыпной шубы; но, по обыкновенію, задумчиваго, грустнаго. Послѣ обычныхъ поздравленій и изъявленій радости, Менглизе не утерпѣла, чтобы не разсказать мужу о томъ, какъ она успѣла таки отплатить высокомерной Шерѣ за старую обиду; но менеджимъ-баши, казалось, былъ къ этому равнодушенъ.

Съ этого дня посыпались на невольнаго менеджима всѣ блага земныя. Отъ хана получалъ онъ подарки за подарками, и почти безотлучно, какъ менеджимъ-баши, находился при его особѣ. Не проходило дня, чтобы онъ не отгадалъ чего-либо и не заслужилъ новаго всеобщаго одобренія. О прежнемъ менеджимъ-баши и помину не было, хотя это ни мало не радовало честнаго Мейнгъ-Аджи-эфенди, находившагося въ постоянномъ страхѣ, поминутно думавшаго, что обманъ обнаружится, и онъ или будетъ, осмѣявъ всѣми, или, что еще хуже, погибнетъ поносною смертію. Теперь, послѣ долгихъ размышленій, честный Мейнгъ-Аджи-эфенди, обезпеченный болѣе, чѣмъ достаточно на всю жизнь, сталъ думать, или, лучше, придумывать средство, какимъ бы образомъ выпутаться ему изъ бѣды и удалиться отъ двора, сложивъ съ себя званіе менеджимъ-баши.

Я сказалъ, что менеджимъ-баши почти безотлучно находился при особѣ хана. Однажды послѣдній, гуляя по саду, поймалъ безкрылую еще саранчу, и, держа въ рукѣ это наѣжкомое, подовалъ менеджимъ-баши и потребовалъ, чтобы тотъ отгадалъ, что ханъ держитъ въ правой рукѣ?

Струсилъ бѣдняжка менеджимъ, и рѣшился откровенно сознаться въ томъ, что онъ не менеджимъ, или менеджимъ по неволѣ.

— О, повелитель правовѣрныхъ! разъ прыгнулъ, другой разъ прыгнулъ, а третій разъ ускользнуть бы попытался, но попался.... сказалъ онъ, относя эти слова къ своей собственной особѣ; но ханъ, удивленный и восхищенный, открылъ руку и выпустилъ саранчу, которая только два раза прыгнула, а за третимъ попала въ руку хана, который сдѣлалъ менеджиму опять какой-то значительный подарокъ. Наконецъ Мейнгъ-Аджи-эфенди рѣшился, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ званія, съ которымъ постоянно сопряжена была опасность лишиться и состоянія и жизни. Онъ очень хорошо помнилъ старинную поговорку мудрыхъ: «подальше

отъ хана, подальше и отъ огня», и придумать прикинуться сумасшедшимъ, при первомъ удобномъ случаѣ. Этотъ случай представился скоро.

Однажды ханъ отправился въ баню. Менеджимъ-баши, по обыкновенію, находился въ ханъ-сераѣ. Подѣвъ бань находилось нѣсколько пристроекъ, соединявшихся, какъ и сами бани, съ прочими дворцовыми постройками. Мейнгъ-Аджи, не раздѣваясь, забрался въ одну изъ каморокъ, не бывъ замѣченъ прислугой. Расчитавъ время, которое необходимо было хану на раздѣванье, и полагая, что повелитель правотверныхъ уже въ банѣ, какъ оно и случилось, онъ стремглавъ бросается туда, схватываетъ хана поперекъ, и также быстро выноситъ его изъ бани совершенно нагаго.... Всѣ пораженны были этимъ ужаснѣйшимъ, неслыханно дерзкимъ поступкомъ, на который могъ рѣшиться одинъ сумасшедшій.... Самъ же ханъ потерялся отъ гнѣва. Но что же? Не успѣвъ Мейнгъ-Аджи вынести хана, не успѣла прислуга придти въ себя, какъ потолокъ бани обрушился съ ужаснымъ трескомъ, и человекъ съ десятокъ хаманджи (банщиковъ) осталось погребенными подъ грудю обрушившагося потолка.... Очевидно, что такая же участь постигла бы и самаго хана, если бы не спасъ его менеджимъ-баши! Ужасно и подумать!

Какъ только первыя минуты ужаса прошли, ханъ обратился къ менеджимъ-баши съ слѣдующею рѣчью:

— Ты спасъ мнѣ жизнь, менеджимъ-баши! Твоя заслуга выше всѣхъ заслугъ. Проси, чего хочешь, и я все для тебя сдѣлаю!

— Могуущественный повелитель, — смиренно отвѣчалъ Мейнгъ-Аджи-эзэнди, успѣвъ оправиться отъ ужаса, которымъ пораженъ былъ болѣе, чѣмъ всѣ присутствовавшіе, — я человекъ если не дряхлый, то очень старъ и слабъ. Занятія наукою, одною изъ труднѣйшихъ, слишкомъ разстроили мое здоровье, такъ что я начинаю впадать иногда въ какое-то странное забытье; чувствую, что умъ мой слабѣетъ. Милость, о которой я, ничтожнѣйшій изъ рабовъ твоихъ, о повелитель, осмѣливаюсь просить, — это уволить меня отъ настоящаго моего званія и дать мнѣ возможность дожить въ совершенномъ спокойствіи послѣдніе дни мои!

— О, менеджимъ-баши! грустно мнѣ разстаться съ тобою; но пусть будетъ по твоему! слово хана неизмѣнно!

Наградивъ Мейнгъ-Аджи по-царски, ханъ отпустилъ его, давъ ярлыкъ, которымъ онъ и все его потомство на всегда освобождаются отъ всѣхъ налоговъ. Такъ рассказывали старые старики, такъ рассказывалъ и я вамъ, о правотверные!

Менеджимъ-баши жилъ еще, какъ говорятъ, долго въ совершенномъ уединеніи; имѣлъ сына, и скончался, благословляемый всѣми бѣдняками, которыхъ щедро надѣлялъ милостыней.

Ф. ДОМВРОВСКІЙ.

ПО ДВА СЛОВА ИСТОРИКУ И ПОЭТУ.

Статья Московскихъ Вѣдомостей за г. Соловьева (N 13, 1852 г.) упрекаетъ меня, что я не читалъ его Исторіи. Это совершенная правда: я не читалъ ея, и читать ее не буду, а причину, оправданіе или объясненіе моего воздержанія представляетъ, всего лучше, сама статья. Мнѣ стѣитъ только разобрать одно ея мѣсто, что и радъ я исполнить, потому что разборъ, требуетъ не много времени, и даетъ мнѣ случай объясниться коротко и ясно, въ дополненіе ко всему тому, что говорилъ я прежде въ Москвитинѣ объ историческихкихъ трудахъ автора.

Статья, (если не авторъ,) говоритъ: «Мы уже ~~исли~~ случай замѣтить, что рецензентъ Москвитинина больше всего бонится «лѣтописнаго выраженія: *вста родъ на родъ*. Понятно, почему онъ такъ бонится этого выраженія, ибо *принявши его*, необходимо допустить *господство родоваго быта* у Славянъ до Рюрика, допустить, что призваніе князей было слѣдствіемъ *родоваго быта*; но непонятно для насъ одно, какъ рецензентъ Москвитинина могъ рѣшиться скрывать это выраженіе отъ своихъ читателей, какъ будто бы его не бывало въ лѣтописи, и какъ будто авторъ Исторіи Россіи объясняетъ до-Рюриковскія усобицы *родовымъ бытомъ*, основываясь не на этомъ выраженіи, а такъ, на своемъ собственномъ предположеніи!»

Этими словами утверждается, какъ видятъ читатели, что главная основа *системы* г. Соловьева о родовомъ бытѣ заключается въ свидѣтельствѣ Нестора: «вста родъ на родъ». Имѣю честь объяснить ему, что свидѣтельства Несторова онъ не понялъ, какъ не понялъ «Хорса», «боровъ», и проч. Несторъ сказалъ совсѣмъ не то, что думаетъ авторъ, и въ его словахъ нѣтъ и намѣка о родахъ въ смыслѣ автора. Г. Соловьевъ полагаетъ, что *между Славянами* всталъ одинъ родъ на другой, одна фамилія, какъ говорятъ нынѣ, связанная узами крови, единствомъ происхожденія, на другую фамилію, одно колѣно на другое колѣно; онъ такъ думаетъ, и на такомъ объясненіи основываетъ всю свою систему. А слова Несторовы значать совсѣмъ другое: «вста родъ на родъ» значить, что одно племя, одинъ народъ, всталъ на другое племя, на другой народъ. Здѣсь о родственныхъ, кровныхъ связяхъ, о родствѣ, о родѣ въ этомъ смыслѣ, объ единствѣ происхожденія—и помину нѣтъ. Родъ значить здѣсь особое народное племя, а не единопородное колѣно; здѣсь идетъ рѣчь о разноплеменныхъ народахъ, а не объ единопородныхъ фамиліяхъ. Здѣсь на сценѣ Славяне и Финны, а не Славяне только между собою.

Вотъ всѣ показанія Нестора въ ихъ послѣдовательности:

Варяги изъ-за моря наложили дань на Чудь, на Словенъ, на Мерю, на Кривичей.

Эта Чудь, эти Словене, эта Меря, эти Кривичи, выгнали Варяговъ.

Эта Чудь, эти Словене, эта Меря, эти Кривичи, перессорились между собою (вста родъ на родъ).

Эта Чудь, эти Словене, эта Меря, эти Кривичи, рѣшились избрать себѣ князя, иже бы судилъ и володѣлъ ими по праву.

Эта Чудь, эти Словене, эта Меря, эти Кривичи, пошли за море, и сказали Рюрику съ братьями: Земля наша велика и проч., идите княжить и володѣть нами.

Къ этой Чуди, въ этимъ Словенамъ, къ этой Меря, къ этимъ Кривичамъ, пришли братья, и поселились—старшій у Новгородцевъ, средній у Чуди (Веси), меньшій у Кривичей.

Къ этой Чуди и къ этимъ Кривичамъ послалъ Рюрикъ мужей, по смерти братьевъ.

На эту Чудь, на этихъ Словенъ, на этихъ Кривичей, на эту Мерю, Олегъ наложилъ дань, когда поселился въ Кіевѣ.

Всѣ эти извѣстія сообщены въ лѣтописи въ послѣдовательномъ порядкѣ, одно другому соответствуютъ, одно другое объясняютъ, и всякому изслѣдователю, имѣющему силу окидывать глазомъ совокупность событій, представляютъ все дѣло въ ясномъ свѣтѣ.

Имена племенъ, кои выставилъ я для лучшаго вразумленія предъ каждымъ событіемъ, въ лѣтописи находятся въ началѣ и въ концѣ повѣствованія, такъ что о принадлежности имъ вообще всѣхъ исчисленныхъ дѣйствій, описанныхъ въ срединѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія. Несторъ свидѣтельствуетъ, что братьямъ говорили Чудь, Кривичи, Словене: слѣдовательно они и пошли за море; точно также, впереди, онъ показываетъ, что Варяги наложили дань на Словенахъ, на Чуди, на Кривичахъ, слѣдовательно и изгнали Варяговъ они же. Однимъ словомъ, всѣ дѣйствія, въ срединѣ описанныя глаголами безъ именительныхъ падежей: изгнаша, почаша сами въ себѣ володѣти, вста родъ на родъ,—принадлежать имъ же, тѣмъ именительнымъ падежамъ, кои стоятъ, повторяю, въ началѣ и концѣ повѣствованія.

Ясно ли теперь для читателей, что главное мѣсто, которое г. Соловьевъ считаетъ фундаментомъ родоваго быта, на которое опирается всего болѣе, на которое ссылается передъ своими противниками, значить *совсѣмъ* не то, что онъ въ немъ полагаетъ? Несторъ не говорилъ ни о какихъ родственныхъ между собою родахъ, а го-

ворилъ о народахъ и племенахъ, совершенно между собою *различныхъ*, каковы *Словене* и *Финны*....

Антикритика Московскихъ Вѣдомостей представляетъ мнѣ еще разительные примѣры исторической состоятельности г-на Соловьева, по которой такъ мало теперь возбуждаютъ мое участіе его писанія. Этотъ примѣръ я также разберу, потому что онъ относится къ сущности вопроса.

1. Г. Соловьевъ утверждалъ, что главнымъ предметомъ междоусобныхъ войнъ было старшинство. Вотъ его собственныя слова: «владѣніе, города, области имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой «соответствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. *Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверъ, оставляетъ ее и бѣгется иво всѣхъ силъ за одинъ городъ на югъ, потому что «этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству, однимъ словомъ— «интересъ собственника вполне подчиненъ интересу родича.»*

Я замѣтилъ ему, исчисливъ всѣ междоусобныя войны, и изслѣдовавъ, за что каждая была ведена, что первый и главный предметъ междоусобныхъ войнъ состоялъ не въ старшинствѣ, а во владѣніи, въ волостяхъ, отъ чего происходитъ и особый глаголь: волоститься. Г. Соловьевъ не хотѣлъ никакъ согласиться со мною, и изъ всѣхъ силъ старался поддерживать свое положеніе, а теперь въ Московскихъ Вѣдомостяхъ печатается: «.... Поволжье (рѣчь идетъ о Суздальскомъ княжествѣ) начинаетъ скоро особую исторію.... его князья, *получая старшинство*, не вѣдутъ жить въ Кіевъ, разрываютъ связь съ при-Днѣпровьемъ.» Сперва г. Соловьевъ заставлялъ князей бросать волости на сѣверъ и стремиться на югъ за старшинствомъ; теперь заставляетъ онъ ихъ бросать старшинство на югъ, и держаться больше всего волостей на сѣверѣ.

2. Ярополку, по изслѣдованію г. Соловьева, оказывается 11 лѣтъ при смерти его отца Святослава (972). Я замѣтилъ ему, что этого не могло быть, ибо отецъ Ярополка въ 968 привелъ ему изъ Греціи жену: не для семилѣтняго же ребенка могъ онъ позаботиться о женѣ. Кажется, ясно? Нѣтъ—г. Соловьевъ не убѣдился этимъ замѣчаніемъ, и продолжаетъ теперь доказывать (N 13), что Святославъ могъ привезти сыну не жену, а красивую дѣвочку (куколку?). Догадка остроумная, въ духъ стрѣгой критики, но есть еще обстоятельство, упущенное изъ виду ученымъ историкомъ: невѣста, приведенная Ярополку, была уже въ Греціи *черницею*, следовательно не дѣтей,—а взрослою привести для ребенка ни съ чѣмъ не сообразно.

Г. Соловьевъ забываетъ, что Несторъ говоритъ именно: «у Ярополка жена черница бѣ; бѣ бо привелъ отецъ его Святославъ, и *вда ю за Ярополка*, красоты ради лица ея». Дѣти впоследствии были сговариваемы между собою для цѣлей политическихъ (есть случаи два), но они нейдутъ сюда въ примѣръ, какъ желаетъ статья.

Такія противорѣчія, такія капитальныя ошибки, такія недоумѣнія находилъ я съ перваго взгляда въ каждой статьѣ г. Соловьева, *начиная съ первой*, и потому не хотѣлъ брать на себя бесполезнаго труда, да и не могъ жертвовать временемъ, чтобы прочитывать ихъ сполна; точно такъ математикъ, увидѣвъ, на примѣръ, въ одной строкѣ длинной выкладки дважды два—пять или семь, не имѣетъ нужды проверять всю выкладку, потому что первоначальная ошибка должна повторяться безпрестанно, и привести къ невѣрному результату.

Довольно того, что я взглядывалъ на всякую его статью, и въ рецензіяхъ своихъ указывалъ на главныя ея выпуклости. (Пусть любители исторіи пересмотрятъ всѣ мои рецензіи, отъ коихъ журналисты (*) отдѣлывались общими мѣстами и возгласами, пусть сличатъ оныя съ теперешними своими рецензіями, и они тогда увидятъ, правъ я былъ или нѣтъ.)

Съ исторіей г. Соловьева повторилось для меня то же явленіе: развертывая ее разъ двадцать въ разные времена, я не находилъ въ ней ни одной живой страницы, и убѣдился окончательно, что процессъ разсужденія у г. Соловьева совершенно другой, что уголъ его зрѣнія далеко отстоитъ отъ нормальнаго, и что слѣдовательно добираться до его результатовъ такъ же бесполезно, какъ и обвинять его несправедливо за физическій недостатокъ мысли, почему и не начиналъ читать его исторіи, не буду читать и впредь. Рецензенты въ Библіотекъ для Чтенія, въ Сѣверной Пчелѣ, въ Москвитинѣ, и даже въ Отечественныхъ Запискахъ, подтверждаютъ, кажется, къ сожалѣнію, мое положеніе. Они прочли книгу сполна, и дошли къ одному со мной результату. Я не хотѣлъ говорить ни слова, по своимъ причинамъ, объ исторіи г. Соловьева, но Московскія Вѣдомости вызвали меня сами къ этому объясненію почему «г. М. П. не читалъ ея» объясненію, которое честь имѣю представить ихъ антикритику имѣя полное право сказать ему: *tu l'as voulu. м. погодите.*

(*) А можетъ быть и не журналисты, которые въ этомъ случаѣ помѣщали статьи *безъименныя*. Читатели помнятъ басню Крылова о комарѣ, который «Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиръ».

Одинъ изъ сотрудниковъ Москвитянина сообщилъ мнѣ слѣдующіе стихи изъ драммы г. Кукольника.

Деньщикъ говорить о Петрѣ Великомъ:

Я видѣлъ, какъ великій анатомъ
Разсѣкъ Россіи *одряхлѣвшей* тѣло,
Перемѣнилъ въ ней внутренность *гнилую*,
Сложилъ ея *очищенные* члены,
Искусно всю *перевязалъ* порядкомъ,
За *уши* поднималъ, на ноги поставилъ,
И *степь Московская, Китай Европы*,
За дивныя заслуги Государя,
Въ имперію возведена соборны!

Благоговѣя, вмѣстѣ съ г. Кукольниковъ, передъ великимъ преобразователемъ Россіи, я все таки считаю долгомъ замѣтить.

Господинъ Кукольникъ забылъ, что у Петра былъ старшій братъ, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, который уничтожилъ мѣстничество, и основалъ академію.

Господинъ Кукольникъ забылъ, что у Петра былъ отецъ, Царь Алексѣй Михайловичъ, который далъ Уложеніе и приобрѣлъ Малороссію.

Господинъ Кукольникъ забылъ, что у Петра былъ дѣдъ, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, который избавилъ отечество отъ Поляковъ и Шведовъ, самозванцевъ и измѣнниковъ.

Господинъ Кукольникъ забылъ, что за 25 лѣтъ предъ этимъ избраннымъ Царемъ царствовалъ Иванъ Васильевичъ, который издалъ Судебникъ, и подарилъ Россіи Казань, Астрахань и Сибирь.

Господинъ Кукольникъ забылъ, что этотъ Иванъ Васильевичъ имѣлъ дѣдомъ другаго Ивана Васильевича, который собралъ во едино Русскую землю—Новгородъ, Тверь, Вятку, Пермь, землю Сѣверскую, и даровалъ ей того двуглаваго орла, подъ сѣню котораго мы теперь живемъ, есмь и движемся.

Мнѣ цитовали еще стихи изъ драмы г. Кукольника:

Но если выбирать изъ двухъ невѣжествъ,
То лучше сгнить въ Татарской сторонѣ,
Задохнуться въ пуховикахъ отцовскихъ и проч....

Могу увѣрить господина Кукольника, что кромѣ этихъ двухъ «невѣжествъ» есть еще третье—не зная отечественной Исторіи, произносить хулу надъ цѣлыми поколѣніями и періодами, въ которыхъ есть столько святаго, мудраго, совершеннаго, что никому изъ насъ, сыновъ девятнадцатаго столѣтія, не мѣшало бы, руководствуясь высокими примѣрами, справляться съ нашею стариною чаще, вдумываться поглубже въ ея завѣщанія, и стараться объ употребленіи въ пользу ея священнѣйшихъ уроковъ. **ж. погодинъ.**

ЖИЛОЧКИ

Въ последней книжкѣ Ж. М. Внутрен. Дѣлъ помѣщены «три старинныя историческія пѣсни, сохранившіяся у Гребенскихъ казаковъ». Древнѣйшая изъ нихъ—«про царя Грознаго».

Не сизые орлы клохчуть,
 Не сѣрые гуси вополоскутъ,
 Они пить и ѣсть хотять.
 Гребенскіе наши казаки
 Передъ Царемъ говорятъ,
 Передъ Грознымъ Царемъ
 Иваномъ Васильевичемъ:
 — «Ахъ ты, батюшка нашъ, надежа
 Православный Государь!
 Ты чѣмъ насъ порадуешь,
 Чѣмъ пожаловаешь?»
 — «Подарю васъ, казаченьки,
 Рѣкою вольною,
 Что ни быстрымъ
 Терекѣмъ Горыневичемъ,
 Что отъ самаго отъ Гребня
 До синяго моря,
 Что до синяго моря
 Каспійскаго». —

Эта пѣсня относится къ самому началу происхожденія Гребенскихъ казаковъ, которое, и прочими историческими преданіями, приписывается временамъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Пишется, что при этомъ государѣ, уничтожившемъ шайки Донскихъ казаковъ, разбойничавшихъ по Волгѣ, одни изъ нихъ, избѣгая царскаго гнѣва, уклонились по Камѣ внутрь тогдашней Пермской земли, откуда потомъ, подъ предводительствомъ Ермака, завоевали Сибирь; другіе же, предводительствуемые атаманомъ, по имени Андреемъ, ушли въ Каспійское море, и оттуда поднявшись вверхъ по Тереку, заняли тамъ одинъ опустѣлый городокъ, который и названъ былъ, по предводителю ихъ, Андреевою деревнею. Окрестныя Кумыки и Тавлинцы не могли выгнать ихъ оттуда; даже могущественные сосѣдніе владѣтели, султанъ и шахъ, тщетно жаловались на нихъ царю, который отзывался, что это опальные бѣглецы, которыхъ онъ не знаетъ и знать не хочетъ. Въ послѣдствіи, однако, признано было нужнымъ, для спокойствія самой Россіи, смирить ихъ своеволие: послана была на Терекъ вооруженная сила, которою казаки эти были загнаны внутрь Кавказскаго хребта, подъ самый его «гребень», отчего и назвались Гребенскими. Съ этимъ послѣднимъ именемъ воротились они потомъ обратно на Терекъ (гдѣ и теперь живутъ) уже во времена Петра Великаго, по его повелѣнію. Вторая изъ пѣсень, относящаяся къ этому государю, повидимому, не имѣетъ окончанія; третья—«про павъ Краснопещкова».

Стоятъ нашъ православный Царь у заутрени,
 Со своими князьями да боярами.
 На всѣхъ-то князьяхъ и боярахъ платье цвѣтное,
 Платье цвѣтное, кармазинное;
 На самомъ батюшкѣ Царѣ платье черное,
 Платье черное, багрецовое.
 Приутихло наше войско Донское,
 Приужаснулася наша арміюшка,
 Безъ вѣрнаго-то было безъ служителя,
 Безъ Иванушки безъ Матвѣича, сына Краснощекова.
 Какъ поймали его, добраго молодца, Нѣмцы мудрые,
 Что связали ему, доброму молодцу, руки бѣлыя,
 И сковали ему, доброму молодцу, ноги рѣзвыя,
 И повели его во свою армію,
 Ко собакѣ князю Амботору.
 И сталъ онъ его выспрашивать,
 И изъ ума-то его вывѣдывать:
 — «Ты скажи, скажи всю правду мнѣ,
 Ты на чемъ служилъ Царю Русскому?
 Генераломъ, аль полковникомъ,
 Капитаномъ, али сотникомъ?»—
 Что отвѣтъ держать добрый молодецъ
 Тому ли князю Амботору:
 — «Не генераломъ я служилъ, не полковникомъ,
 Не капитаномъ и не сотникомъ.
 А служилъ я Русскому Царю
 Простымъ казакомъ!»—

— Въ Черниговскихъ Губ. Вид. (N 50) напечатанъ новый вариантъ известной пѣсни о Нечай («Да ис пуд лісу, да ис пуд лісу, съ пудъ зеленого гаю»), помѣщенной въ Сборникъ Малороссійскихъ пѣсень Максимовича. Сообщившій этотъ вариантъ, г. А. М., дѣлаетъ при этомъ нѣсколько замѣчаній о томъ, какія преимущественно пѣсни живутъ долѣе въ памяти народной. «Прошло два вѣка, говорить онъ, послѣ того, какъ Нечай (Брацлавскій полковникъ, сподвижникъ Богдана Хмельницкаго), погибъ въ отдельной битвѣ своего полка съ Поляками, битвѣ незначительной и проигранной. Отъ чего же имя его до сихъ поръ звучитъ въ народной пѣснѣ, тогда какъ современное ему, славное имя Богдана Хмельницкаго, съ лучшими его сподвижниками, и всѣ позднѣйшія имена вождей народа не слышны въ его пѣсняхъ, или совсѣмъ позабытыя, или припѣваемые речитативомъ, подъ известные струнные инструменты—бандуры, кобзы и дилы, немногими? Давно ведется объясненіе долговѣчья въ народной пѣснѣ другаго пережившаго себя имени, Морозенка (кажется, простаго реэстровога казака временъ до-Хмельницкаго),—тѣмъ, что народу особенно приишлся по вкусу голосъ этой пѣсни. По аналогіи, объясненіе это можетъ относиться и къ скромной па-

мѣти Нечая, пѣсня о которомъ отличается не менѣе характернымъ напѣвомъ. Но если мы ограничимся этимъ объясненіемъ, насъ спросятъ: кто сравнилъ эти напѣвы съ голосами утраченныхъ пѣсень историческаго содержанія? Ежели кто и сравнилъ ихъ съ голосами нѣсколькихъ думъ, слышанныхъ имъ въ речитативахъ пѣвцовъ-музыкантовъ, и вывелъ отсюда это заключеніе, то могъ ли онъ своимъ слухомъ измѣрять музыкальный вкусъ цѣлаго народа? Не отвергая послѣдняго мнѣнія, которое можетъ имѣть свою справедливую сторону, какъ счастливая догадка, мы думаемъ, что объясненія этому явленію должно искать въ младенческомъ сознаніи народа и въ свойствѣ его историческихъ симпатій. Известно, что простой народъ любитъ всѣ рассказы и дорожитъ всѣми преданіями о превосходствѣ физическихъ силъ и личнаго мужества своихъ предковъ: въ этомъ выражается характеръ воззрѣнія его на человека, на Исторію. Памятью простаго народа пользуются историческіе люди, большею частію, не за полезную ихъ жизнь, отзывающуюся благоденствіемъ отдаленнаго потомства, а за славную смерть, возбуждающую удивленіе, состраданіе и ужасъ. Лѣтописцы и историки говорятъ очень мало о Нечая; но не проходитъ его ни одинъ бытописатель безъ слова: храбрый, какъ бы нераздѣльнаго съ именемъ Нечая. Историческія свѣдѣнія, относящіеся къ этому лицу, и самая пѣсня о немъ, сводятся къ одному общему и славному событію его жизни—къ трагическому концу ея, его геройской смерти. Если послѣ всѣхъ этихъ соображеній, перенесемся мы въ ту эпоху нашей старины, когда народная жизнь, неустановленная твердой цивилизаціей, по временамъ шумно, какъ море, волновалась, выкидывая на общественные подвиги самыя случайныя личности,—тогда поймемъ возможность и смыслъ загадочнаго явленія и тотъ своеобразный путь, которымъ глухое въ Исторіи имя Нечая и другія имена, совершенно ей неизвѣстныя, дошли до современнаго поколѣнія, переживъ въ памяти его людей и событія, оставившія несравненно большій и существенный слѣдъ въ народной жизни.—Съ нѣкоторыми изъ положеній г. А. М. нельзя согласиться безусловно; но въ цѣломъ его мнѣніе заслуживаетъ вниманія.

Взглядъ на выставку Академіи Художествъ и Замѣчанія объ Одессѣ будутъ напечатаны въ слѣдующемъ номерѣ.

Печатать позволено въ Москвѣ Февраля 19 дня 1852 г. Цензоръ *Д. Ржевскій*.

Въ типографіи Степановой и Готье.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА МОСКОВИТАНИНА.

I. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

а) П р о з а.

	нум.	стр.
А. О. Писемскаго: Инокондрикъ, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.....	I	— 3
К. К. Павловой: Гаррикъ во Франціи, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ.....	II	— 169
Н. А. Рамазанова: Воспоминаніе о русскомъ пейзажирѣ С. О. Щедринѣ.....	III	— 233
А. Н. Островскаго: Бѣдная невѣста, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.....	IV	— 261
Гр. Е. П. Ростопчиной: Счастливая женщина, современная біографія.....	II	— 121
П. П. Сумарокова: Мужъ-эгоистъ, драматическая шутка въ одномъ дѣйствіи.....	III	— 241

б) С т и х о т в о р е н і я.

Д. Е. Мина, пер. Адъ, поэма Данта, пѣснь I.....	III	— 213
Ю. В. Жадовской: Нѣтъ, полно, брось перо.....	II	— 166
О. Б. Миллера: Руснацкая пѣсня.....	II	— 164
Ею же: изъ книги «Шли-Киягъ».....	—	— 165
Ею же: съ арабскаго.....	—	— 166
А. А. Мей: Коханка моя.....	—	—
Я. П. Полонскаго: Примадонна.....	—	— 167

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Вильгельмъ Мейстеръ: годы ученья, соч. Гете, пер. А. А. Григорьева.....	I, II, III	— 1, 17, 34
Виконтъ де-Жерфю, романъ Шарля Бернара (съ приложеніемъ).....	I, II, III	— 1, 27, 59

III. Н А У К И.

М. А. Волкова: Папы и Востокъ въ XIII вѣкѣ.....	III, IV	— 61, 96
В. Н. Лешкова: Историческій очеркъ Русскаго Законодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ или почтахъ.....	I	— 1

II

М. П. Погодина: Когда Русскому государству исполнит-ся тысяча лѣтъ.....	пум. стран.	II — 53
Рѣчь въ память объ Окенѣ, говоренная въ послѣднемъ собраніи естественныхъ испытателей, въ Готѣ.....		II — 53
Аттила, Ам. Тьері.....		IV — 73

IV. ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Свадебныя приготовленія встарину.....	I — 1
Приказъ стольника Колонтаева слугѣ его въ Москву.....	— — 2
Частная жизнь Потемкина (изъ современной рукописи)..<	II — 3
Потемкинскій балъ (изъ той же рукописи).....	III — 23
Поручная записъ по вольномъ человѣкѣ.....	IV — 31
Какъ звали Минина, купчая 1602 года.....	IV — 33

V. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. А. Григорьева: Русская литер. въ 1851 г. I, II, III, IV—1, 13, 53, 95	
Бытъ Русскаго дворянина въ разныхъ эпохахъ и обстоя-тельствахъ его жизни, изд. авторомъ семейства Холм-скихъ, выпускъ 1-й 2-й.....	II — 36
Стихотворенія В. Жуковскаго, изд. 5, Тома I, II, III, IV, V, VII. III	— 70
Два брата или Москва въ 1812 году, романъ П. М. Зотова	— — 75
Свадьба, комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ.....	— — 80

==

Описаніе новаго Дворца въ Кремль, А. Вельяміна.....	I — 9
Исслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи, Гр. А. Уварова. III	— 69
Черниговскаго Намѣстничества топографическое описаніе Шафонскаго.....	— — 73

==

Мѣсяцесловъ на 1852-й годъ.....	II — 29
Кавказскій календаръ на 1852-й годъ.....	— — —
Памятная книжка на 1852-й годъ.....	— — —
Новороссійскій календаръ на 1852-й годъ.....	III — 68
Живописный сборникъ А. А. Плюшара.....	II — 39
Одесское порто-франко.....	— — 40
Описаніе Оранской пустыни Іером. Макарія.....	III — 74

ЖУРНАЛИСТИКА.

Современникъ. Январь, 1852 года.....	III — 81
Библіотека для чтенія. Январь, 1852 года.....	— — 88
Отечественныя Записки. Январь, 1852 года.....	IV — 109
Извѣстія Россійской Академіи.....	IV — 131
Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.....	IV — 132

АНТИКРИТИКА.

Отвѣтъ антикритику Московскихъ Вѣдомостей.....	II — 41
---	---------

III

VI. ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

	вум.	стр.
Ламартинъ, Сувестръ, Мюргеръ, Фелье. Шамолерм.....	I	— 1
Notes sur la vie de Molière.....	II	— 9
Нѣсколько словъ о французской и англійской литературахъ.	—	— 15
Переписка графа Мирабо съ графомъ де-ла-Маркомъ.	III, IV	— 17
Исторія Нѣмецкой литературы, Курца.....	III	— 37

VII. СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

а) *Заграничныя.*

Кл. I, 1, II, 42, III, 56, IV, 94.

б) *Внутреннія.*

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ И ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Изъ Архангельска: Губернская библіотека.....	IV	— 122
— Астрахани: Бой тюленя.....	IV	— 113
— Батурина: Дворцовый штатъ гр. Разумовскаго.....	IV	— 127
— Володы: Преданіе о Строгановыхъ.....	IV	— 127
— Воронежъ: Осенняя ягода. — Живыя картины..	III, IV	— 77, 129
— Владимира: Преданіе о В. К. Владимірѣ.....	IV	— 125
— Иркутска: Сельскій деревянный календарь. — Письмо графа Рагузинскаго къ Иннокентію сибирскому. — Сибирскій отдѣлъ Географическаго общества.....	II, IV	— 53, 122
— Кіева: Открытіе Кадетскаго корпуса. — Литературныя новости. — Мостъ черезъ Днѣпръ. — Выставка сельскихъ произведеній.....	I, IV	— 14, 121
— Каменецъ-Подольска: Еврейскія училища.....	IV	— 128
— Милна: Археологическая находка.....	IV	— 123
— Новгорода: Мѣстные очерки.....	II	— 57
— Николаева: Благотворительный балъ.....	IV	— 129
— Орла: Новый институтъ.....	IV	— 128
— Остра: Старинный стволъ.....	IV	— 125
— Острожска: Черта русскаго народнаго характера...	I	— 63
— Полтавы: Особенности мѣстной торговли.....	IV	— 118
— Петербурга: Петербургскія новости и слухи. — Дѣйствія Человѣколюбиваго Общества. — Отчетъ Россійско-Американской компаніи. — Вишняя торговля въ 1850 г. — Задачи отъ Министерства Госуд. Имуществъ. — Компанія для печенія хлѣба. — Ученныя и литературныя новости.....	II, IV	— 66, 104
— Перми: Жизнь Архимандрита Іакинфа Камперова.....	II	— 81
— Ростова: Возобновленіе Крестнаго.....	IV	— 122
— Ревеля: Военная школа.....	IV	— 128
— Симбирска: Общество христіанскаго милосердія.....	IV	— 129
— Смоленска: Черта русскаго человѣка.....	IV	— 129

IV

	нум.	стран.
<i>Изъ Сердоболя: Старинныя восковыя свѣчи</i>	IV	— 124
— <i>Саратова: Публичныя лекціи</i>	IV	— 122
— <i>Симферополя: Нѣсколько словъ о южномъ берегу Крима</i>	III	— 75
— <i>Судогды: Особенности узда. — Преданіе объ Иоаннѣ Грозномъ</i>	IV	— 125
— <i>Таванрога: Призракъ</i>	III	— 78
— <i>Тифлиса: Туземные носильщики. — Нумизматическая находка. — Литературныя новости. — Воспоминаніе о Котляровскомъ и Слѣпцовѣ</i>	IV	— 119
— <i>Тамбова: О качествахъ льнянаго сѣмени для заграничнаго сбыта</i>	II	— 61
— <i>Тары: О гр. Брестъ и Митроп. Платонѣ. — Новая сельская церковь</i>	I, III	— 21, 77
— <i>Харькова: Харьковский актеръ К. Т. Соленикъ</i>	I	— 22
— <i>Херсона: Черты изъ жизни Говарда</i>	I	— 29
Некрологъ 1851 года.....	II	— 64

в) Московскіа.

<i>П. И. Небольсина: Письмо о благотвореніяхъ П. В. Голубкова</i>	I	— 35
<i>Актъ въ 4-й гимназіи</i>	—	— 39
<i>Приобрѣтенія Погодинскаго древнехранилища</i>	III	— 41
<i>Преданіе о церкви св. Троицы на Капелькахъ</i>	III	— 92
<i>Мамаево побоище, картина г. Мясоедова</i>	IV	— 132
<i>Н. А. Рамазанова: Замѣчаніе объ ней</i>	IV	— 135
<i>Біографическое извѣстіе о художникѣ</i>	IV	— 141

VIII. С М Ъ С Ъ.

<i>Долбровскаго: Менеджинъ-Баши, крымскій разсказъ</i>	IV	— 88
<i>В. В.: Подмосковная охота: Мытищи</i>	I	— 3
<i>Жуковскія кававы</i>	II	— 56
<i>Н. А. Рамазанова: Орломъ въ Римѣ</i>	II	— 28
<i>М. П. Походина: Еще объ Океѣ</i>	—	— 34
<i>О музыкѣ и методѣ музыкальнаго ученія въ Россіи</i>	—	— 43
<i>Частная жизнь и лучшія произведенія знаменитыхъ фламандскихъ живописцевъ (Тейеръ, Метсъ, Поль Поттеръ, Рембрантъ)</i>	III	— 64
<i>Сцены изъ измѣднаго романа »Анна Гаммеръ«</i>	—	— 76
<i>Нѣчто по поводу споровъ объ англійскихъ лошадяхъ</i>	I	— 12
<i>Отъ петербургскаго художника Молоткова</i>	—	— 14
<i>Замѣчанія на статью Московскихъ Вѣдомостей</i>	—	— 24
<i>Историческое замѣчаніе</i>	—	— 43
<i>М. П. Походина: По два слова историку и поэту</i>	IV	— 106
<i>Филологическія замѣтки</i>	II	— 52
<i>Мелочи</i>	II, III, IV	— 54, 87, 111
<i>Моды (съ двумя парижскими картинками)</i>		

APR 12 1963

